

Верховный Суд Российской Федерации

Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ:
практики и пределы**

Коллективная монография

Санкт-Петербург

 Астерион

2020

Рецензенты:

Зубанова Светлана Геннадиевна (Москва), доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе Московского авиационного института (Национального исследовательского университета);

Харитонов Леонид Александрович (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Коллективная монография подготовлена по результатам работы Международной научно-практической конференции «Юридические формы переживания истории: практики и пределы» (Санкт-Петербург: Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, 11-12 сентября 2020 г.), проведённой при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-20021.

Юридические формы переживания истории: практики и пределы : коллективная монография / Под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – 694 с.

ISBN 978-5-00045-914-0

Монография посвящена исследованию юридических аспектов официальной политики памяти в различных государствах, а также на международном уровне. Рассмотрены проблемы принятия в России и зарубежных странах так называемых мемориальных законов.

Для специалистов по теории и истории права и государства, истории политических и правовых учений, международному праву, юристов-отраслевиков, студентов юридических факультетов, а также всех, кто интересуется дискуссионными вопросами современной юриспруденции.

ISBN 978-5-00045-914-0

© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	10
Глава I. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	12
§ 1. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации (С.В. Кодан).....	12
§ 2. Права человека в России как коллективная память (Л.И. Глухарева).....	27
§ 3. Историческая память: концептуализация и некоторые проблемы теоретико-правового осмысления (Е.М. Крупеня).....	37
§ 4. Мифологизация как способ переживания исторических событий (И.Б. Ломакина).....	48
§ 5. Взаимодействие государства и общества в процессе формирования и реализации официальной политики памяти: правовой аспект (А.Ю. Дорский)	53
§ 6. Историческая память как предмет конфликта между правом и идеологией (В.Г. Бондарев).....	58
§ 7. К вопросу о соотношении понятий «политика памяти» и «историческая политика» в контексте проблемы эффективности правового регулирования (Н.И. Алексеева)	64
§ 8. Политико-правовая идея как юридическая форма переживания истории в историографии истории политических и правовых учений (С.В. Малюгин)	69
§ 9. Introduction to the life, times and thought of Huig de Groot (Grotius) (1583-1645) / О важных фактах в деятельности голландского правоведа Гуго Гроция (1583-1645) (Ruth A. van der Pol / Ван дер Пол Рут Арпе)	81
§ 10. Воззрения Спинозы на формы государства (Ю.В. Субботин).....	93
§ 11. Отношение к закону и власти как национальный знак самосознания народа (на материале русской философии) (Л.М. Райкова).....	95
§ 12. «Право сильного» и божественная гармония в историософской поэтике Николая Гумилева (А.А. Чевтаев)	102

§ 13. Отражение юридической оценки событий российской истории в федеральном законодательстве в условиях цифровизации правовой сферы общества (<i>Д.А. Пашенцев</i>).....	114
§ 14. Юридические формы переживания цифровизации (<i>М.В. Залоило</i>).....	118
§ 15. Использование цифровых технологий для патриотического воспитания студентов в процессе преподавания истории отечественного государства и права (<i>А.А. Головина</i>).....	123
§ 16. Историческая память как фактор формирования образа будущего России: возможные правовые мероприятия (<i>Е.П. Цыплакова</i>).....	126
§ 17. Концептуализация понятия «историческая память» в контексте междисциплинарности (<i>Н.И. Башмакова</i>).....	131

Глава II. ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

§ 1. Коллективная память в историко-правовой науке (<i>И.Л. Честнов</i>).....	142
§ 2. Проблема периодизации истории отечественной юридической науки в контексте взаимодействия научного знания и исторической памяти (<i>М.А. Кожевина</i>)	148
§ 3. Биографический подход в изучении социальной памяти (<i>Т.М. Баженова, С.В. Кодан</i>)	159
§ 4. Исторический опыт античных юридических практик в судебных делах о преступлениях государственных служащих (<i>Л.Б. Поплавская</i>)	165
§ 5. Судебные функции вече в Новгородской и Псковской феодальных республиках (<i>О.Е. Байкеева</i>).....	175
§ 6. Нормативно-правовые акты XVII – первой трети XIX века – источники Основных государственных законов Российской Империи (<i>О.М. Карамышев, М.И. Юдина</i>)	178
§ 7. Конъюнктура как фактор смены ориентиров в оценке исторических фактов (на примере официального отношения к принципам и институтам Великой судебной реформы в XIX-XX веках) (<i>Н.Н. Ефремова</i>).....	194
§ 8. К вопросу о периодизации эволюции правового статуса председателя суда общей юрисдикции в России (<i>Я.Б. Жолобов</i>).....	202
§ 9. Юридические нормы и нравственный закон в произведениях Ф.М. Достоевского (<i>А.В. Денисова</i>)	207

§ 10. Механизм формирования мирового суда в России второй половины XIX – начала XX века (<i>П.В. Захарова</i>)	219
§ 11. Проблемы эффективности правового регулирования семейных отношений в дореволюционной России (<i>Л.А. Кадырова</i>).....	227
§ 12. Особенности примирения сторон судебными и иными органами правосудия в условиях революции и утверждения советской государственности (1917- конец 20-х годов) (<i>В.А. Журавлев</i>).....	231
§ 13. Формирование судейского корпуса в РСФСР в 1920-1950-е годы: заявленные принципы и механизмы реализации (<i>Т.Н. Ильина</i>)	239
§ 14. Eugeniusz Waśkowski: one lawyer – two countries / Евгений Васыковский: один адвокат – две страны (<i>Paweł Cyran / Павел Сайрэн</i>).....	251
§ 15. Реконструкция «исторической памяти» о юридических буднях в период Великой Отечественной войны: проблемы и перспективы (<i>Т.В. Шатковская</i>).....	261
§ 16. Правовая регламентация сферы трудовых отношений в Советском государстве в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны (<i>Е.Д. Проценко, С.Е. Байкеева, Е.В. Мишина</i>).....	269
§ 17. Нормотворчество в сфере охраны авторских прав в советский период (50-70 гг. XX в.) (<i>В.В. Ефремова</i>)	281
§ 18. Уголовная репрессия: критический анализ в условиях современности (<i>П.В. Жестеров</i>).....	284

Глава III. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

§ 1. «Переживание» истории в контексте государственно-правовых систем переходного типа (<i>Р.А. Ромашов</i>)	290
§ 2. Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе (<i>В.В. Денисенко</i>)	301
§ 3. Исторические вехи становления и развития конституционализма в Беларуси (<i>Н.М. Кондратович, Т.С. Масловская</i>).....	311
§ 4. Из истории возникновения высшего юридического образования и науки в предвоенные и послевоенные годы (<i>Ш.В. Тлепина</i>)	320
§ 5. Правовой режим объектов культурного и исторического наследия в зеркале правоприменительной практики (по материалам Калининградской области) (<i>С.В. Лонская</i>).....	335

§ 6. Мемориальные законы – кризисные явления в праве или их преодоление? (А.А. Дорская).....	340
§ 7. Проблема адекватности переживания истории: методологический, аксиологический и юридический аспекты (В.В. Балахонский, В.В. Припечкин).....	345
§ 8. Правовое регулирование интерпретации исторических событий: проблема целесообразности (П.В. Векленко).....	357
§ 9. Направление «memory studies» в историко-правовых исследованиях (общие тенденции и юридическая предметность) (К.С. Коровин).....	363
§ 10. Кризисные периоды в жизни общества и их влияние на развитие правовой системы (М.В. Игнатьева).....	366
§ 11. Кризис в праве как историко-правовая категория (на примере конституционной истории Франции) (С.В. Бочкарев).....	370
§ 12. Право на обращение в суд в цивилистическом и административном судопроизводстве: особенности законодательного регулирования от Устава гражданского судопроизводства 1864 года и до наших дней (Л.В. Войтович).....	375
§ 13. Дом, разделившийся в себе. Историческая память, национальная идентичность и общее право в США эпохи Гражданской войны (З.Н. Каландаришвили, В.А. Ковалев).....	389
§ 14. Трудовой подвиг: отголоски прошлого в правовой практике современности (Е.А. Драгомирова).....	397
§ 15. Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»: правовой анализ в контексте исторической памяти (Г.Н. Андреева).....	410
§ 16. Конституционное закрепление сохранения исторического наследия и памяти (Ю.Н. Гордиенко).....	423
§ 17. Право пользования родным языком в Республике Беларусь: влияние исторических процессов и современная ситуация (Т.М. Киселёва).....	428
§ 18. Проблемы ведения процедуры банкротства в странах Европы и мира (С.А. Джалилов).....	433
§ 19. К вопросу о правовой защите исторической памяти Второй мировой войны (К.М. Кравченко).....	442
§ 20. Федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019-2024 годы»: история создания, цели и этапы (Е.С. Урдина).....	446

§ 21. Особенности советской модели социальной деятельности и ее нормативно-правовое регулирование (А.Е. Рохмистрова).....	448
§ 22. Некоторые вопросы правового регулирования сроков давности в Уголовном праве Российской Федерации (Д.С. Зубрицкий).....	452

Глава IV. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....

§ 1. Право сотрудничества как юридическая форма солидаризации социально-политических общностей: теория, история, международное измерение (В.В. Трофимов).....	456
§ 2. Интервенция и вмешательство: новые смыслы и формы (И.А. Орлова).....	461
§ 3. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права (С.В. Коростелев).....	467
§ 4. От концепции справедливой войны к «Формуле Радбруха» (С.В. Волкова, Н.И. Малышева).....	474
§ 5. Проблемы эффективности использования конвенций XIX века по охране интеллектуальной собственности (А.В. Алешина).....	484
§ 6. Формирование международно-правовых стандартов через интернационализацию прав человека (на примере конституционного процесса в годы первой российской революции) (И.В. Ботанцов).....	487
§ 7. Правовая охрана Великой Отечественной войны в памяти поколений от информационной агрессии Запада (О.В. Тепляков).....	492
§ 8. Проблемы эффективности использования международных обычаев в регулировании торгового мореплавания (В.А. Косовская).....	499
§ 9. Проблемы социально-правовой защиты ветеранов боевых действий (по материалам судебной практики) (Ю.А. Потапов).....	503
§ 10. Мирная сецессия: опыт скандинавских стран (Ю.В. Гинзбург).....	512
§ 11. Реконструкция конституционно-правовых механизмов предотвращения сецессии на примере стран восточно-европейского региона (Э.Э. Хащина).....	519
§ 12. Правовые аспекты противодействия террористической угрозе в конце XX – начале XXI веков в контексте преодоления кризисов в праве (российский опыт) (З.Ш. Матчанова).....	531

§ 13. Сохранение исторической памяти через призму обучения иностранному языку (А.И. Санина, Н.Н. Шестакова)	537
§ 14. Малая родина. (Ш. Абдуганиев)	542

Глава V. ПРАКТИКИ И ПРЕДЕЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СПОРТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ545

§ 1. Международный опыт противодействия криминальным формам фанатизма болельщиков (Е.Н. Рахманова)	545
§ 2. Напоминание о трагедиях как отягчающее обстоятельство строгой ответственности клубов за поведение болельщиков (И.А. Васильев)	554
§ 3. Нормативно-правовые аспекты развития Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в Российской Федерации: проблемы прошлого и настоящего (Н.С. Панчук, К.Н. Пашина).....	561
§ 4. Профессиональный спорт и проблемы уголовной политики (И.М. Клейменов)	568
§ 5. Противодействие организованной преступности в сфере спорта как историко-правовая проблема (Е.В. Топильская)	580
§ 6. Уголовная политика России в сфере спорта: уроки прошлого и современность (П.В. Цветков)	586
§ 7. Социально-правовые предпосылки регламентации уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (Д.А. Безбородов)	594
§ 8. Теоретические вопросы квалификации причинения вреда жизни и здоровью спортсменов при проведении спортивных состязаний в исторической ретроспективе становления института обстоятельств, исключающих преступность деяния (А.Н. Берестовой).....	601
§ 9. Юридическая оценка употребления допинга и запрещенных химических веществ в легкой атлетике (В.Е. Смирнов, А.Н. Крутой).....	610
§ 10. Распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство спортсмена или подрывающих его репутацию, повлекшие нравственные переживания, способные повлиять на результат его деятельности: историко-правовой анализ (М.Х. Гельдибаев).....	615

§ 11. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья участников спортивных бойцовских единоборств: миф, реальность, необходимость? (В.Н. Сафонов).....	619
§ 12. Незаконный спорт: история регламентации ответственности за бои животных в России (Н.Ю. Филатова)	627
§ 13. Влияние совместной истории: регулирование ФИФА переходов (трансферов) игроков между футбольными ассоциациями Европейского Союза (А.А. Кашаева)	632
§ 14. Становление и развитие законодательства, регулирующего отношения в сфере спорта в России (В.А. Преблагин).....	637

Источники и литература	643
Авторский коллектив	687

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из ярких характеристик современного периода является актуализация истории, сопровождающаяся новым переживанием событий прошлого, в отношении которых, как ещё недавно казалось, у человечества были выработаны общепризнанные установки.

Причины, способствующие возникновению и развитию данного явления, самые разнообразные.

Во-первых, начало каждого века, а уж тем более тысячелетия, порождало мучительную выработку новых парадигм развития, в связи с чем происходила переоценка как недавнего прошлого, так и далёких событий. Не стало исключением и начало XXI столетия.

Во-вторых, серьёзные изменения произошли и происходят на политической карте мира. Столкновение геополитических интересов заставляет оппонентов обращаться к историческим фактам, заниматься их интерпретацией, использовать для отстаивания своих позиций.

В-третьих, неразрешённые когда-то противоречия могут оказывать травмирующее воздействие на общество в течение достаточно длительного времени. А за XX век таких противоречий, связанных с расовыми, национальными, вероисповедными, территориальными и другими вопросами, накопилось очень много.

В-четвёртых, развитие прав человека как системообразующего фактора заставляет человечество искать оптимальный баланс между коллективным и индивидуальным, общечеловеческим и групповым, а поэтому многие события прошлого на современном этапе остро воспринимаются. У части населения иногда целых регионов возникает желание как бы получить «плату» за угнетение, допущенную несправедливость, неравенство и т.д.

В-пятых, исторические знания, благодаря научно-техническому прогрессу, ещё никогда ранее не были столь доступными как сейчас. Любой человек может не только найти информацию об интересующих его событиях прошлого, но и поделиться воспоминаниями, дать свои оценки. История перестала быть наукой, с достижениями которой могут познакомиться только профессионалы. Как отмечают современные специалисты, впервые произошло открытое взаимодействие истории и памяти.

Такая актуализация истории потребовала определённого правового оформления. Достаточно популярным стал термин «официальная политика памяти», получило развитие понятие «мемориальное законодательство». Однако нельзя сказать, что все вопросы в данной сфере решены. Скорее, наоборот, человечество ещё делает первые шаги в юридическом переживании истории, по крайней мере, XX века, выработке его форм.

Представленная коллективная монография является результатом обсуждения обозначенных проблем юристами, историками, философами, политологами, лингвистами на Международной научно-практической конференции «Юридические формы переживания истории: практики и пределы», которая состоялась 11-12 сентября 2020 г. в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Глава I. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

§ 1. Социальная память

в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации¹

Современное научное исследование опирается на различные средства хранения и передачи познавательной информации во времени, среди которых социальная память в различных видах и проявлениях занимает одно из ведущих мест. При этом вопросы изучения социальной памяти в методологическо-инструментальном плане не получили достаточного исследования. Автором данной публикации предпринята попытка изучения социальной памяти во взаимосвязи её теоретического и инструментального значения для понимания места и роли в исследовательских практиках.

1. Изучение социальной памяти в социогуманитаристике в целом принадлежит к числу достаточно проработанных и определение её основных характеристик представляет интерес с точки зрения изучения процессов познания, накопления и передачи информации о социальном опыте и знаниях в различных сферах человеческой деятельности. Рассматривая социальную память в качестве инструмента в познании социальных процессов, необходимо учитывать генезис изучения последней в социогуманитаристике и определиться с её общими и специфическими характеристиками, что собственно и создаёт возможность говорить о социальной памяти как информационном и познавательном явлении. При этом заметим, что проблематика изучения социальной памяти в социогуманитаристике, уходящая корнями в античную философию, в XIX в. рассматривалась в контексте индивидуального сознания субъекта, а с начала XX столетия становится предметом активного изучения в различных науках социально-гуманитарной направленности.

Изучение социальной памяти в европейской социогуманитаристике представляли в различных проекциях М. Хальбвакс, А. Моль, Я. Ассман, П. Рикёр, П. Нора, Ф. Йейтс, П. Хаттон и др. Термин «социальная память» ввёл в исследовательское пространство социогуманитаристики французский социолог Морис Хальбвакс, который в 1920-1930-е гг. выделил эту проблематику в качестве направления изучения социально-исторических процессов и механизмов в обществе². В 1950-2020-е гг. проблематика изучения социальной памяти прочно укоренилась в качестве направления исследования в социально-гуманитарных науках, стала предметом исследования социологов, историков, психологов, культурологов, антропологов,

¹ Данный параграф выполнен С.В. Коданом при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

² См.: Зенкин С. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 7-24.

литературоведов и др. Она изучается в самых различных познавательных проекциях, характеризующих ее виды, уровни, процессы влияния на современность и др. вопросы³.

Изучение социальной памяти в отечественной социогуманитаристике начало складываться со второй половины 1960-х гг. Его основу заложили исследования советского философа Я.К. Ребана, который первым в советском обществоведении поставил понятие «социальная память» в ряд общенаучных понятий, отграничил это явление от генетической памяти и охарактеризовал социальную память в контексте сложных социальных информационных процессов, охарактеризовал социальную память как «своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания, показал группы носителей социальной памяти и основные средства доступа к ним в качестве универсального базиса общественного и индивидуального познания⁴. Последующие отдельные исследования 1970 – первой половины 1980-х гг. определили достаточно широкий диапазон изучения явлений, связанных с социальной памятью (Ю.А. Левада, В.А. Ребрин, Б.С. Илизаров и др.)⁵. На основе их анализа В.А. Колеватов представил собственное концептуальное видение места и роли социальной памяти в передаче информации и познавательной деятельности⁶. При этом заметим, что в указанный период сформировалось и общее понятие социальной памяти, которое сформулировал В.А. Ребрин: «Социальная память – это осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств, процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщённого коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире. Хранящиеся в книгах и в других средствах социальной памяти сведения тем или иным путём выдаются для "переписывания" в память индивидов и, следовательно, для использования людьми в их разнообразной деятельности. Эта память – неотъемлемый элемент духовной жизни общества, его общественного сознания»⁷.

Постсоветский период изучения социальной памяти в 1990-2010-е гг. характеризуется отходом от принципа партийности в науке с неизменной и исключительной опорой на марксистско-ленинскую методологию её изучения. Включение в

³ См.: Матусевич О.А. Теория социальной памяти в западноевропейской гуманитарной науке // Труды Белорусского государственного технического университета. 2012. № 5. С. 107-109.

⁴ См.: Ребане Я.К. О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по философии. 1966. 10. Вып. 187. С. 3-12. См. также: Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 44-54 и др.

⁵ См.: Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти). Вопросы философии. 1985. № 8 С. 60-69.

⁶ См.: Колеватов В.А. Социальная память и познание. М., 1984.

⁷ Ребрин В.А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. С. 44-45.

исследовательское пространство изучения социальной памяти новых методологических подходов и развитие междисциплинарных связей в социогуманитаристике повлекло расширение диапазона исследований (А.В. Соколов, Л.П. Репина, А.И. Макаров, А.А. Дорская и др.). Во многом этому способствует и публикация в России переводов классических. Все это вывело проблематику изучения социальной памяти на новый уровень осознания её как явления и познавательного средства⁸.

Итак, проблематика исследования социальной памяти в социогуманитаристике выделилось и представляет достаточно хорошо развитое направление в социогуманитаристике. Эти наработки создают основу для исследования и анализа её места в научно-познавательной деятельности.

2. Методологические подходы к пониманию социальной памяти имеют принципиально значение для понимания этого социального явления, а также для классификации и её видовых характеристик. При этом следует учитывать, что в современных социально-гуманитарных науках сложились различные подходы к изучению социальной памяти – структурно-функциональный (М. Хальбвакс, Э. Дюркгейм, М. Мосс и др.), социально-психологический (Э. Фромм, В. Вундт, П. Жане, З. Фрейд, К. Юнг и др.), информационный (В.Г. Афанасьев, Я.К. Ребане, Э. Тоффлер и др.), культурно-семиотический (Я. Ассман, Ю.М. Лотман, О.Г. Эксле, О.Т. Лойко и др.), структуралистский (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт и др.)⁹. Выбор того или иного подхода позволяет, как отмечает Э.Г. Юдин, обеспечить «принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения»¹⁰.

Информационный подход в социогуманитаристике активно используется в изучении социума и является специальным методологическим средством и выступает как «общая ориентация учёного на анализ именно информационного "среза" действительности» и в исследовательских практиках обеспечивает «специфически неповторимой информационной ролью каждого конкретного феномена во всем его богатстве свойств и отношений» – подчёркивает Э. П. Семенюк¹¹. При этом следует учитывать, что информационный подход в стратегической проекции научного исследования, как отмечает американский психолог Джером Брунер, означает «некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащей достижению определённых целей в том смысле, что он должен привести к определённым результатам»¹². Такое определение указанного подхода нацеливает исследователя в методологическом плане на достаточно широкий спектр содержательных характеристик указанного подхода, которые опираются на его

семантическое ядро – «информационный», которое даёт название подходу и служит ориентиром для его выбора как методологического инструмента. Одновременно заметим, что современные информационные ресурсы и технологии в научном познании связаны с социальной памятью и её научной составляющей – процессами накопления, сохранения и трансляции знаний прошлого в современные научные и образовательные практики, что собственно и создаёт возможности использования информационного подхода для выбора стратегии изучения социальной памяти¹³.

Информационный подход в исследовании социальной памяти позволяет показать механизмы и процессы накопления и передачи информации в обществе от поколения к поколению и наиболее приемлем для определения её видовых характеристик. Он базируется на понятии информации семантической направленности, которая, по мнению В.Г. Афанасьева «представляет собой знания, сообщения, сведения о социальной форме движения материи и обо всех её других формах в той мере, в какой они используются обществом, человеком, вовлечены в орбиту общественной жизни»¹⁴. Социальная память в контексте информационного подхода выступает как «специфическая надындивидуальная система информации, обеспечивающая накопление, хранение, передачу существенно важной, программирующей поведение индивидов информации от поколения к поколению (вертикальный обмен информацией), а также обмен информацией между людьми одного поколения (горизонтальный обмен информацией)» – отмечает В.Г. Афанасьев¹⁵. Информационный подход позволяет определить «социальную память общества как систему накопления, хранения, воспроизводства и трансляции коллективного опыта и знаний, значимых для функционирования и развития социума»¹⁶ и исходить из её понимания как «сложной информационной системы, функцией которой является сохранение и актуализация информации о прошлом социальной системы»¹⁷.

При этом важно учитывать, что *информационный подход рассматривает инструментальную возможность* обратиться к созданным продуктам человеческой деятельности – носителям информации, которые приходят от предшествующих поколений, фиксируются в социальной памяти и выступают как ретроспективные (исторические) источники познания социума. В данном плане важно положение, высказанное И.Д. Ковальченко – «В самом широком плане под информацией понимают всю совокупность сведений, которые содержатся в исторических источниках, или, говоря иначе, информация – результат отражения современниками исторической действительности». Он, акцентируя внимание на информационных механизмах появления носителей исторической информации, показывает объектно-

⁸ См.: Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 191-201.

⁹ См.: Грязнова Е.В. Социальная память как элемент культуры // Человек и культура. 2015. № 5. С. 92-106.

¹⁰ Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. С. 69.

¹¹ Семенюк Э.П. Информационный подход к познанию действительности. Киев, 1988. С. 8.

¹² Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. Пер. с англ. М., 2008. С. 136.

¹³ См. более подробно: Кодан С.В. Информационные ресурсы в научно-исследовательских практиках // Технологии XXI века в юриспруденции. Материалы Второй международной научно-практической конференции. Екатеринбург. 2020. – С. 14-22.

¹⁴ Афанасьев В. Г. Социальная информация. М., 1994. – С. 13.

¹⁵ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. – С. 45-46.

¹⁶ Миклина Л.И. Структура и содержание социальной памяти общества // Научное мнение. 2014. № 9. – С. 73.

¹⁷ Аникин Д.А. Социальная память в свете информационного подхода // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2007. № 12. – С. 165.

субъектную, целевую и хронологическую составляющую в образовании носителей информации – «Возникновение большинства исторических источников представляет собой информационный процесс, в котором фигурируют объект – отражаемая реальность, субъект – творец источника и информация – результат отражения объекта субъектом. Этот процесс, как и всякий информационный, всегда имеет прагматический аспект, т.е. творец источника всегда преследует определённую цель, выявляя сведения об объективной действительности. Эти сведения требуются для решения тех или иных общественных или личных задач. То, что потом стало исторической информацией, зафиксированной в исторических источниках, первоначально являлось информацией, необходимой для удовлетворения практических нужд. Это в одинаковой мере относится и к законодательству, и к правовым актам, фиксировавшим и регулировавшим те или иные отношения, и к личной переписке, и к мемуарам, которые преследовали цель самовыражения, самосознания и самоутверждения личности»¹⁸.

Итак, при всем спектре методологических подходов к изучению социальной памяти, информационный подход акцентирует внимание на механизмах и ресурсах передачи накопленного опыта и знаний от поколения к поколению. Его использования при рассмотрении социальной памяти обеспечивает как анализ этого явления в целом, так и выход на изучение инструментального значения социальной памяти в научном познании. Немаловажное значение имеет и понимание в информационном плане механизмов передачи сведений от поколения к поколению через носители информации как продукты человеческой деятельности.

3. Понимание и видовые характеристики социальной памяти в современной социогуманитаристике являются дискуссионными вопросами и тесно связаны с подходами к их изучению. Указанная проблематика имеет принципиально важное значение в контексте общего понимания анализируемого явления. Обратимся к понятию и подходам к определению элементов видовой конфигурации.

Понятие социальной памяти сформулировано в определении Б.С. Илизарова, и рассматривается им как «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению». Им также раскрыты основные характеристики социальной памяти – выделены периоды её формы, определены виды и характеристики носителей, показаны механизмы накопления и актуализации ретроспективной информации и др. вопросы¹⁹.

Видовая конфигурация социальной памяти представляет интерес с точки зрения выделения взаимосвязанных и взаимодействующих её секторов, характеризующихся спецификой и позволяющей выделить отдельные виды социальной памяти. В современной социогуманитаристике выделяются такие виды, как историческая, культурная, этносоциальная, коммуникативная, семейно-родовая и др., но

чётких критериев, образующих исследовательскую матрицу для классификации выявления видов социальной памяти в социально-гуманитарных науках не разработано. Виды социальной памяти, как указывает С.С. Розова, «можно отождествлять с ячейками социальной памяти, устроенной по особому классификационному типу. Они содержат различные знания, единство которых внутри каждой ячейки задаётся тем, к чему эти знания относятся. Следовательно, ячейка – это такой способ организации знаний, когда они объединены своим общим отношением, своей "привязкой" к одному и тому же»²⁰. Для этого необходима определённая модель определения параметров отдельных видов социальной памяти – своеобразная матрица выделения её видов.

Исследовательская модель классификации социальной памяти может быть предложена как определённая общая исследовательская матрица для различения видов социальной памяти в качестве операционной составляющей в методологии их изучения и в качестве исследовательской конструкции. Такая модель, как «картина исследуемой реальности функционирует в качестве исследовательской программы, которая очерчивает круг допустимых проблем и область средств, обеспечивающих возможность их решения»²¹. Представляется, возможным выделить состав элементов, позволяющих на этой основе выделить отдельные виды социальной памяти при соответствующем содержательном наполнении и определении специфики.

Субъектный элемент социальной памяти связан с её носителями и восприятием опыта прошлых поколений на индивидуальном и коллективном уровнях. Тем самым появляется возможность для анализа видов социальной памяти выделить *субъекты социальной памяти* – её носители, которые формируют, транслируют и интерпретируют общую и специализированную социальную информацию, передаваемую от поколения к поколению. В социальной памяти фиксируются образы и знаки, на которые отдельный человек и социальные общности опираются для сохранения и последующего воспроизведения своего опыта и знаний. Субъективный контекст социальной памяти соединён с рассмотрением человека и социальных общностей как своеобразной «системы», занятой поиском и переработкой социальной ретроспективной информации об опыте деятельности предшествующих поколений в определённых сферах жизнедеятельности. При этом важно учитывать систему взаимоотношений индивидуальной и коллективной памяти в функционировании социальной памяти.

Человек как субъект социальной памяти формируется в процессе приобретения его биологической памяти социального характера. «Переход от примитивных, биологических форм памяти к высшим, специфически человеческим её формам является результатом длительного и сложного процесса культурного, исторического развития. «Человек должен был овладеть своей натуральной, биологической

¹⁸ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Изд. 2-е. М., 2003. С. 127-128.

¹⁹ Илизаров Б.С. Память социальная // Социологический словарь. М., 2008. С. 326-327.

²⁰ Розова С.С. Генетическая модель классификации (возникновение классификационной структуры социальной памяти) // На пути к теории классификации. Новосибирск, 1995. С. 8.

²¹ Стёпин В.С. Конструктивные основания научной картины мира // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 19.

памятью, подчинить её деятельность новым условиям своего социального бытия, должен был заново воссоздать свою память, сделав её памятью человеческой», – отмечает известный советский психолог А.Н. Леонтьев, обращая внимание на социализацию человеческой памяти²². На уровне человека из всех разделов индивидуальной памяти – образный, семантический, аффективный, моторный, самосознание – семантический (словесно-логический) раздел памяти опирается «на слова, понятия, высказывания, абстрактные идеи» и выступает как «память о языках, текстах и знаниях»²³. Семантическая память в связи с индивидуальной социальной памятью выступает её своеобразной «поисковой системой» – тезаурусом памяти²⁴. Индивидуальная память человека характеризуется двумя чертами – «в качестве формы сознания, память целиком и полностью индивидуальна. ... В первую очередь, мы запоминаем свой собственный опыт, а вспоминаемое прошлое представляет наше достояние...» и что «хранящееся в памяти прошлое – имеет одновременно личный и коллективный характер» – отмечает Дэвид Лоуэнталь²⁵.

Коллектив как субъект социальной памяти выступает как социальная общность людей, функционирование которой в качестве носителя социальной памяти связано с осознанием потребностей и значения фиксации общего для него накопленного опыта через коллективное сознание. На это обращает внимание Ю.М. Лотман, указывая, что «подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создаёт механизмы коллективной памяти»²⁶. При этом коллективный уровень социальной памяти может рассматриваться как «сложная сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех социальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки (cadres sociaux) коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить» – определяет Патрик Хаттон²⁷.

Диалектика взаимоотношения индивидуальной и коллективной памяти в функционировании социальной памяти связана с тем, что, формируясь на этих двух уровнях, и та и другая не являются автономными и замкнуто функционирующими. Индивидуальную память необходимо рассматривать в тесном взаимодействии с коллективной памятью. На это обращает внимание Морис Хальбвакс – он указывает, что индивидуальная память «не вполне изолирована и закрыта. Чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к

чужим воспоминаниям. Он полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом. Более того, функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов — слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды. Это не меняет ничего в том обстоятельстве, что мы помним только то, что сами видели, чувствовали, думали в определённый момент времени, то есть наша память не смешивается с памятью других. Она ограничена достаточно узкими пространственными и временными рамками»²⁸. Более развёрнутую характеристику этих процессов даёт А.И. Макаров – «Сознание и память индивида не находятся в изоляции от знаний, которыми обладают или когда-то обладали другие люди. Благодаря общению между людьми и традиции как коммуникации между поколениями знания способны накапливаться и храниться. Это – бесценный запас всеобщего опыта. Рождаясь, входя в общение с Другими, погружаясь в язык, человек становится проводником знания (образов, понятий, схематизмов мышления), накопленного его референтной группой. Продолжительность жизни группы намного превышает продолжительность жизни отдельного человека. Причастность к памяти группы позволяет каждому человеку виртуально проживать более долгую жизнь, чем та, которая отпущена ему в биологическом существовании. Если же допустить, что человеческие сообщества тоже способны вступать в обмен знаниями с другими группами, то групповая память вливается в некую общегрупповую надьиндивидуальную память»²⁹.

Познавательный элемент социальной памяти выступает как «обусловленный прежде всего общественно-исторической практикой процесс приобретения и развития знания, его постоянное углубление, расширение, совершенствование и воспроизводство. Это такое взаимодействие объекта и субъекта, результатом которого является новое знание о мире. ... Познание как форма духовной деятельности существует в обществе с его возникновением, проходя вместе с ним определённые этапы развития» – отмечает В.П. Кохановский³⁰.

Динамика накопления знаний во времени отразилась на процессах формирования социальной памяти, которые, как определяет Б.С. Илизаров, проходят в своём развитии три этапа, в ходе которых и формируются формы и определяются информационные особенности передачи информации. Он подчёркивает, что «все три истории, формы социальной памяти – репродуктивная, реконструктивная и конструктивная – сохраняются в современном общественном сознании, выполняя свои собственные только им функции»³¹. Б.С. Илизаров выделяет следующие этапы формирования и определения форм социальной памяти. (I) Репродуктивный этап, когда форма социальной памяти формируется как «древнейшая, дописьменная форма», складывалась произвольно и стихийно и «для неё характерно отсутствие

²² Леонтьев А.Н. Развитие высших форм запоминания // Избранные психологические произведения. М., 1983. Т. 1. С. 31.

²³ Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. С. 70-72.

²⁴ Эпштейн М.Н. Жизнь как тезаурус // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 4. С. 47-59; Знаков В.В. Ценностное осмысление человеческого бытия: тезаурусное и нарративное понимание событий // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 118-128.

²⁵ См.: Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 307-308.

²⁶ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 345.

²⁷ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 200.

²⁸ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>

²⁹ Макаров А.И. Феномен надьиндивидуальной памяти (образы = концепты – рефлексия). Волгоград. 2009. С. 10.

³⁰ Кохановский В.П. Философия и методология науки. М., 1999. С. 5-6.

³¹ Илизаров Б.С. Память социальная. С. 327.

осознанной цели запомнить, сохранить и воспроизвести ретроспективную информацию. Из поколения в поколение передавался только такой опыт, который человек получал в процессе прямого общения с обществом. Память молодых поколений опосредствовалась живой памятью старших, которая была сугубо утилитарной. Иначе память старших поколений не предназначалась для использования в качестве орудия запоминания и воспроизведения информации. Общество сознательно не ставило перед собой цель транслировать информацию во времени. ... Новое знание накапливалось крайне медленно, и поэтому процесс обращения к прежнему опыту больше напоминал простое воспроизведение имеющегося знания, т.е. его репродукцию». (II) Реконструктивный этап и форма социальной памяти начинают складываться «после возникновения письменности, позволившей осознанно использовать искусственные знаки как орудия управления поведением человека ... и воспроизведения информации». Она «характеризуется целенаправленным использованием знаковых систем как основных средств для сохранения и восстановления прошлого опыта в идеологических, познавательных и дидактических целях» и «активно направлена на запоминание и восстановление важных с точки зрения данного общества и господствующих классов фактов и явлений». (III) *Конструктивный этап и форма социальной памяти* определяются по мере того, как в обществе происходит процесс «подлинного овладения своей собственной памятью» и когда оно «перешло от стихийного накопления ретроспективной информации к сознательной её концентрации в специально созданных для этого институтах-депозитариях. От архивов-библиотек древности, ведомственных архивов, кабинетов с раритетами и частных хранилищ был пройден путь к разветвлённой сети общенациональных библиотек, архивов, музеев и др.». На этом этапе социальная память приобрела «большую хронологическую глубину и системную целостность». При этом заметим, что современный, конструктивный этап и форма социальной памяти связаны с «местами памяти», в которых, как отмечает французский историк Пьер Нора, «память кристаллизуется и находит своё убежище»³². На каждом из рассмотренных этапов формировались и концентрировались в социальной памяти её носители.

Фиксация результатов познавательной деятельности в социальной памяти, как уже отмечалось, связано с познавательной деятельностью и продуктами этой деятельности. Познавательная деятельность человека, реализуясь во времени в поколенческом срезе, посредством социальной памяти, как указывает А. Ассман, «отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители»³³. Акцентируя на этом внимание, М.А. Розов отмечает, что «человеческое познание, будучи общественно-историческим процессом, неразрывно связано с таким явлением, как социальная память. Продукты этого познания, накапливаемый опыт должны как-то фиксироваться, сохраняться, транслироваться, должны становиться всеобщим достоянием. Только благодаря социальной памяти наш опыт перестает

³² См.: Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-Память. СПб., 1999. С. 17, 26 и др.

³³ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Пер. с нем. М., 2014. С. 32.

быть фактом исключительно мира ментальных состояний и переходит в сферу попперовского "третьего мира". Можно поэтому сказать, что познание в его специфически человеческом проявлении – это развитие содержания и механизмов социальной памяти»³⁴. При этом заметим, что Карл Поппер в концепции "трёх миров" (заменить кавычки) обращает внимание на то, что вместе с физическим миром, наблюдаемой природой ("первый мир") и сферой человеческого познания и протекающих в мозгу людей психических процессов ("второй мир") возникает "третий мир" именно « как продукт деятельности человека». По его мнению, «"третий мир" есть человеческий продукт, человеческое творение»³⁵.

Объектный элемент социальной памяти характеризует информационные массивы объективированных и не объективированных продуктов человеческой деятельности и механизмы передачи информации через посредство социальной памяти. Последняя выступает, как указывалось ранее, своего рода хранилище совокупности результатов практического опыта и познавательной деятельности и составляет социальное наследие.

Социальное наследие, вступая как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями и оказывающих существенное влияние на жизнедеятельность последующих поколений, выступает каналом, по которому, как отмечает Б.С. Илизаров, происходит наследование «исторически конкретным, социальным человеком, а через него очередным поколением людей определенной совокупности культурно-информационных средств (в широком смысле слова), созданных предшествующими поколениями». По его мнению, «термин "социальное наследие" шире общеизвестного понятия "культурное наследие", под которым чаще понимается совокупность культурных ценностей, создаваемых в обществе или приобретаемых им в процессе исторического развития. В понятие "социальное наследие" включаются не только высокие достижения культуры, представляющие собой социальные ценности человечества, но и весь обыденный опыт, воплощённый в сознании (памяти) людей и в отчуждённых от сознания продуктах их деятельности. Если рассматривать это понятие с точки зрения теории информации, то социальное наследие можно определить и как совокупность всей социальной информации, которой обладали уходящие из жизни поколения»³⁶.

Виды социального наследия связаны и фрагментируются по сферам жизнедеятельности общества и можно выделить конкретные виды наследия как отражение видов социальной памяти – историческое, культурное, юридическое, научное и др. Культурное наследие, например, определяется как «совокупность национальных культурных ценностей, материализованных в научных открытиях, произведениях

³⁴ Розов М.А. Познание и механизмы социальной памяти // На теневой стороне. Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск, 2004. С. 178.

³⁵ См.: Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 118, 119, 158.

³⁶ Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8 С. 60-69.

искусства, словесности, памятниках архитектуры, в сохранении культуры языка»³⁷. Юридическое наследие – «вся совокупность юридических явлений, отношений, состояний, результатов деятельности и опыта, доставшихся национальной правовой системе конкретного общества (региона и т.п.) от прошлых этапов и периодов общественного развития» и содержит в своём составе три части: (1) «достижения правовой культуры»; (2) «юридический опыт прошлого»; (3) «остатки старых правовых институтов, явлений, форм и т.п.»³⁸. Особое значение в познавательной деятельности имеет научное наследие – «опубликованные результаты научных исследований и экспериментов, библиографические и фактографические базы данных, сведения об учёных, их научной деятельности, публикациях, проектах и т.п., а также большое количество неопубликованных документов, таких как отчёты, письма, воспоминания, записки, фотоматериалы и т.п.»³⁹.

Преемственность связана с тем, что через её посредство обеспечивается связь и информационный обмен между поколениями через продукты человеческой деятельности. Сложившийся к настоящему времени «письменно-закреплённый механизм социальной преемственности осуществляет быструю трансляцию опыта, навыков, умений не только от одного поколения к другому, но и между представителями одного поколения. Он способствует прогрессивному развитию общества. При нем меньше тратится времени на поиски методов, технологии и т. д. Он предупреждает дублирование в науке (хотя это не всегда удаётся). Социальная память, закреплённая в научных теориях, способствует осуществлению сознательного, планомерного освоения культурных ценностей, сведя до минимума стихийность и спонтанность в этом процессе» – отмечает В.Г. Рубанов⁴⁰.

В современной социогуманитаристике на основе научного синтеза теории информации и когнитивных наук, изучающих человеческое мышление, выделяется «опосредованный информационный обмен», который «осуществляется через материальный продукт, представляющий собой результат целенаправленной человеческой деятельности – осознанного поведения индивида, направленного к достижению поставленной цели»⁴¹.

Социальная память в информационном обмене в обществе рассматривается в контексте «пространства, в котором реализуется способность опосредованного (через материальный продукт) и информационного обмена, охватывающего, таким образом все разумное человечество в его истории». В информационном

³⁷ Кошман Л.В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 5. С. 7.

³⁸ Карташов В.Н. Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 11-12.

³⁹ Барахнин В.Б., Федотов А.М., Федотова О.А. Электронная библиотека по научному наследию как фактографическая система // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции. Тр. XV Всерос. науч. конф. Ярославль, 2013. С. 91.

⁴⁰ Рубанов В.Г. Структура и механизмы социальной преемственности // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 113.

⁴¹ Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 5.

пространстве и циркулируют продукты человеческой деятельности как материально-вещественные внешние формы выражения мышления и которые выступают как источники познания социальной действительности. «Связь между человеком и социумом через созданный одним и прочитанный "другими" интеллектуальный продукт предстаёт как эволюционно и глобально значимая: каждый созданный интеллектуальный продукт уже в момент своего создания пополняет совокупный ресурс человечества и может быть актуализирован теперь и всегда» – отмечает О.М. Медушевская. Именно продукты человеческой деятельности выступают в качестве своеобразного «информационного посредника» между поколениями. Заметим, что в этом плане изучение социальной памяти тесно взаимодействует с источниковедением, которое выступает как «эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом». Исследовательские практики изучения социальной памяти в социогуманитаристике в исторической проекции опираются на «реальный, доступный в принципе человеческому восприятию целостный макрообъект. Этот объект – совокупность продуктов целенаправленной человеческой деятельности, возникший на протяжении исторического процесса, целостного во времени и пространстве»⁴².

Особенно значимым для развития информационного обмена в сфере социальной памяти стало появление компьютерной техники, глобальных сетей передачи информации и информационных баз данных, которые обеспечили широчайшие возможности доступа к накопленной социальной памяти информации социально-гуманитарного характера. При этом ранее территориально локализованные места хранения носителей информации на уровне отдельных архивов и библиотек, отдалённых друг от друга территориально, получили возможность предоставить свои ресурсы первоначально на уровне каталогов, а с оцифровкой материалов и в виде электронных документов широкому кругу пользователей. В цифровую эпоху, как отмечает канадский философ и филолог Герберт Маклюэн, «технология фрагментированных процессов внезапно слилась воедино с человеческим диалогом и потребностью во всепоглощающем внимании к человеческому единству. Люди вдруг превратились в кочевых собирателей знания, кочевых, как никогда раньше, информированных, как никогда раньше, свободных от фрагментарного специализма, как никогда раньше, – и вместе с тем, как никогда раньше, вовлечённых в тотальный социальный процесс»⁴³. В современных условиях информационный обмен, связанный с социальной памятью, все больше носит не только надиндивидуальный характер, но и выходит за рамки коллективной памяти отдельных групповых совокупностей людей и становится элементом инфекционного общества, трансформирующегося в общество знания⁴⁴.

⁴² Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 41, 351-352.

⁴³ Маклюэн Г. М. Понимание Медиа. Внешние расширения человека. Пер. с англ. М., 2003. С. 412.

⁴⁴ См.: Кодан С.В. Информационные ресурсы и технологии в научно-исследовательских практиках в

Преемственность как средство трансляции социальной памяти необходима для передачи от поколения к поколению социального наследия и в этих процессах выступает как «связь между различными этапами или ступенями развития как бытия, так и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы» – определяет Э.А. Баллер⁴⁵. Именно в плане этапов (ступеней) «развития познания» преемственность характеризует и показывает процесс накопления знаний в различных сферах человеческой деятельности. Особое значение преемственность имеет в науке, в которой она позволяет обратиться через социальную память к познавательному опыту и знаниям прошлого. Это уже неотчётливо осознавалось в науке Нового времени и социальная память (хотя и без использования понятия таковой) начала входить в пространство познания опыта прошедших эпох. Ещё в конце 1750 г. французский философ Анн Робер Жак Тюрго в речи, произнесённой в Сорбонне, подчёркивал – «Знаки языка и письменности, давая людям средство обеспечить себе обладание своими идеями и сообщать их другим, образовали из всех частных знаний общую сокровищницу, переходящую как наследство от одного поколения к другому и все увеличивающуюся открытиями каждого века»⁴⁶. В современном науковедении на это обращает внимание В.П. Кохановский, «выражает неразрывность всего познания действительности как внутренне единого процесса смены идей, принципов, теорий, понятий, методов исследования. При этом каждая более высокая ступень в развитии науки возникает на основе предшествующей ступени с удержанием всего ценного, что было накоплено раньше, на предшествующих ступенях»⁴⁷. Именно преемственность обеспечивает функционирование социальной памяти и доступ к социальному наследию в различных сферах человеческой деятельности как в вертикально-временной (диахронной), так и горизонтально-временной (синхронной) проекциях передачи, восприятия и переработки накопленных знаний.

Диахронный срез преемственности обеспечивает связь прошлого, настоящего и будущего в познании и выступает в качестве необходимого условия прогресса в различных областях человеческой деятельности. Особенно это просматривается в истории науки. На это обращает внимание еще в начале 1960-х гг. нобелевский лауреат французский физик Луи де Броль – «История наук показывает нам науку в процессе постоянного развития, науку, непрерывно перерабатывающую и пересматривающую накопленные знания и их истолкование; она показывает нам прошлое, которое несмотря на многие недостатки, подготавливает настоящее. Но мы никогда не должны забывать, что наша современная наука является лишь

современной юриспруденции // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности. Сб. статей. М., 2020. С. 32-44

⁴⁵ Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969. С. 15.

⁴⁶ Тюрго А.Р.Ж. Речь, произнесённая в Сорбонне 11 декабря 1750 г. // Электронная библиотека Института философии РАН. Антология фрагментов классических текстов философии // <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASHc5dcb8e084f53fd5c82e9e>

⁴⁷ Кохановский В.П. Философия и методология науки. М.- Ростов н/Д, 1999. С. 85.

временной ступенью научного прогресса, что она сама, несомненно, изобилует недостатками и ошибками и что её роль с этой точки зрения заключается как раз в подготовке будущего»⁴⁸. Преемственность в науке обеспечивает через индивидуальную и коллективную социальную память передачу информации от поколения к поколению в виде научного наследия – опубликованных и неопубликованных результатов научных исследований и других материалов, накопленных научным сообществом в ходе научной деятельности. В указанном плане преемственность в науке обеспечивается и через историю отдельных наук. Отечественный исследователь истории науки академик В.И. Вернадский по этому поводу подчёркивает – «История науки и ее прошлого должна критически составляться каждым научным поколением и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются новые документы или находятся новые приёмы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь научно перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что, благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперёд, наука не только создаёт новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое. Уже поэтому история науки не может являться безразличной для всякого исследователя»⁴⁹. В данном плане преемственность в науке является некой «путеводной нитью» обеспечивающей связь поколений учёных через историю науки, трансляцию, восприятие и творческую переработку ранее накопленных знаний.

Синхронный срез преемственности обеспечивает воспроизводства накопленной социальной памяти информации в различных видах профессиональной человеческой деятельности. В них «выражена и репродуцируется способность человека владеть им же достигнутым знанием универсума и источниками этого знания и *воспроизводит* их во времени и пространстве, т.е. в обществе, что предполагает, конечно, определённую социальную память» – отмечает М.К. Мамардашвили относительно научной деятельности⁵⁰. Любая профессиональная деятельность так или иначе связана с воспроизводством хранящейся в социальной памяти информации. На это обращает внимание Морис Хальбвакс – «Человек при вступлении в профессию должен одновременно и научиться применять некоторые практические правила, и проникнуться так называемым корпоративным духом, который есть не что иное, как коллективная память профессиональной группы. То, что такой дух формируется и крепнет из века в век, вытекает из того факта, что функция, служащая его носителем, сама существует уже долго, а выполняющие её люди находятся в частых сношениях, выполняют одинаковые или, во всяком случае, однородные операции и все время ощущают, что деятельность каждого из них, сочетается с другими,

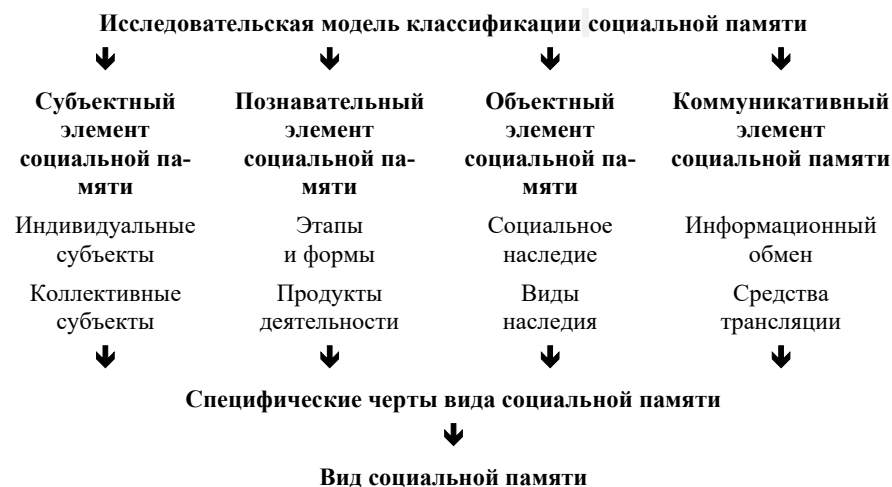
⁴⁸ Броль Л. Польза и уроки истории наук // Де Броль Л. По тропам науки. М., 1962. С. 317.

⁴⁹ Вернадский В.И. Из истории идей // Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 203.

⁵⁰ Мамардашвили М.К. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 42.

служит общему делу. Но одновременно их сближает друг с другом и то, что их функция отличается от других функций социального целого и что в интересах своей профессии им важно не давать затемниться этим отличиям, но, наоборот, тщательно обозначать и подчёркивать их»⁵¹.

Итак, предложенная модель создаёт возможности через анализ содержательной стороны основных элементов социальной памяти определить видовые характеристики и провести её классификацию с определением конкретных видов. Представленный набор характеристик носит теоретическо-методологический характер и, как представляется автору, может быть использован в качестве инструментария для выделения анализа видов социальной памяти. Исследовательская модель классификации социальной памяти может быть представлена в виде следующей схемы.

Подводя итог, заметим, что социальная память выступает в качестве важного познавательно-инструментального средства в изучении социальных процессов, институтов и продуктов в различных сферах деятельности общества. Обращение к наработкам в области изучения социальной памяти позволяет их использовать в различных областях познания, акцентировать внимание на процессах передачи информации от поколения к поколению, её трансформаций в различных сферах жизнедеятельности общества. Они имеют важное значение как для исследования развития отдельных областей знания, так и формирования мировоззренческих установок и культуры в исследовательских практиках.

⁵¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 288.

§ 2. Права человека в России как коллективная память

Коллективная память россиян о правах человека стратифицирована, она складывается из относительно небольшого числа видов и «мест» своего присутствия. Главной её составляющей выступает культурная и отчасти коммуникативная память, при этом она не имеет серьёзной опоры в социальной памяти широких кругов населения. Коммуникативная память охватывает недавнее прошлое страны или личной жизни россиян, она сохраняется благодаря живущим свидетелям и их потомкам, однако воспоминания о правах человека в её рамках вписаны в контекст иных, более значимых для её носителей событий (Великой Отечественной войне, сталинских репрессиях и др.). Непосредственным выразителем воспоминаний о правах человека можно считать культурную память, особенно в нормативной политико-правовой её части, включающей, в том числе официальные тексты. Родословная культурной памяти о правах человека в России насчитывает примерно два века, она элитарна и всегда касалась достаточно узкого круга образованных людей, которые несли о ней позитивные либо негативные воспоминания – историков, юристов, политиков, управленцев и такой активной части общественности, как правозащитники.

Описание коллективной памяти соотечественников о человеческих правах затруднена рядом обстоятельств. Прежде всего, неоднозначностью исходных понятий – «коллективная память» и «права человека в российской интерпретации». Относительно коллективной памяти критики указывают на неопределённость её предмета, отсутствие внятной концепции и парадигмы о ней⁵². Отмечается, что область «памяти» междисциплинарна, не имеет центра, представляет собой мультимедийный коллаж⁵³, поэтому по сравнению с такими классическими понятиями, как традиция, миф, обычай, язык, историческое сознание, она не способна добавить ничего нового. В итоге исследования о памяти, по мнению противников этой идеи, лишены какой-либо научной значимости, являются описательными и вполне предсказуемыми. Немало проблем связано и с пониманием прав человека, причем не только в аспекте их российской интерпретации сегодняшнего дня, но и различия с ретроспективными взглядами на них, имевшими место в процессе их исторического становления. Добавляет сложности и политический момент проблемы, будирующий вопрос о том, какими социальными силами и в каких целях обращается внимание на память о правах человека. Немаловажен и факт того, что может дать материал о памяти для развития юридического института прав человека.

Очевидно, что проводимая сегодня государствами политика памяти, коммеморационные акции, законы, принимаемые во многих странах мира об ответственности за искажение фактов национальной истории, наработанная социологическая и политологическая литература по общей тематике памяти и др. – свидетельствуют

⁵² Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // The American Historical Review. – Vol. 102. – No. 5. – P. 1388.

⁵³ Gedi N., Elam Y. Collective Memory – What is it? // History and Memory. Vol. 8. – No 2. P.30-50.

о резонансном звучании настоящей проблематики. Понятна и значимость конструкта коллективной памяти о правах человека для юридической сферы, для дела формирования правового сознания и правовой культуры россиян, легитимации правопорядка, повышения уровня законности, институционализации гуманитарных задач и т.д.

Для адекватного объяснения прав человека, взятых в формате коллективной памяти, будет оправданным обратиться к разработкам известного французского социолога и основателя идеи *memory studies* Мориса Хальбвакса, который в 20-е годы прошлого столетия в рамках дискуссии об отличии коллективной памяти от истории выдвинул ряд значимых идей. С опорой на термин «представление» (заимствованный из работ Э. Дюркгейма⁵⁴), достаточно расплывчатого и неустойчивого, хотя и вполне подходящего для описания феномена памяти вообще, Хальбвакс определил коллективную память как некие «представления о прошлом». Он считал их определенным рода репрезентацией, «символической реконструкцией прошлого в настоящем, необходимой для обеспечения единства и сплоченности социальной группы и создания социальной солидарности»⁵⁵. Учёный утверждал, что «нет такой социальной идеи, которая не была бы одновременно общественным воспоминанием»⁵⁶. Этот тезис следует принять за основополагающее положение для характеристики прав человека как памяти, однако с некоторыми уточнениями, отражающими особенности самоопределения прав в России.

Французский ученый и издатель Пьер Нора, приложивший немало усилий, чтобы современная наука «вспомнила» идеи Хальбвакса, и сам сделавший многое для их пропаганды и развития, характеризовал память как живую традицию, которая находится в процессе постоянной эволюции и «открыта диалектике запоминания и амнезии, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления»⁵⁷. Немецкий историк Беньямин Шенк в русле этих же идей описывает память как «движение интерпретаций, смысловых «уплотнений», «смещений» и «выпадений», а также воспоминаний и забвений, отражающих изменения в самоописании «мы-группы»⁵⁸. В отечественной литературе коллективная память утверждается в таком же ключе – как совокупность знаний, воспоминаний, представлений, а также чувств и эмоций, вызываемых историческими событиями с позиции общности их оценок и перспектив развития общества⁵⁹. Такое определение вполне подходит и для понимания прав человека, взятых в ракурсе коллективной памяти.

⁵⁴ См., например: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. М., – 1995.

⁵⁵ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., – 2007. – С. 343.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., – 1999. – С. 20.

⁵⁸ Шенк Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М., 2007. С. 10.

⁵⁹ См., например: Сергачёв Д.М. Право и ценности в процессе формирования социально-исторической памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). С. 261.

Многие исследователи солидарны с тем, что память представляет собой принципиально иной способ обращения с прошлым, чем история. Сам Хальбвакс, например, подчеркивал, что память и история находятся по отношению друг к другу в предельной оппозиции: память ищет сходства между сегодняшним днем и прошлым, а история устанавливает различия; память завязана на эмоциях, а история беспристрастна; память служит настоящему, а история находится на службе у истины. Однако прошлое доступно не таким, каким оно фактически было, а только как «некая реконструкция, правила которой заданы днем сегодняшним»⁶⁰. То есть общество обязывает людей, согласно автору, время от времени не просто мысленно воспроизводить прежние события своей жизни, но «ретушировать их, подчищать и дополнять» с тем, чтобы «оставаясь убежденными в точности свои воспоминаний, они приписывали бы последним обаяние, каким не обладала реальность»⁶¹. Обращение к прошлому всегда смотрится глазами сегодняшнего дня, новые события и идеи самым непосредственным образом влияют на их восприятие и оценку. Значит, можно утверждать, что интерпретация ушедшего определяется значимостью настоящего, воспоминания о событиях, связанных с правами человека, корректируются современным их значением.

Соприкосновение с прошлым, как показывает практика, имеет место не напрямую, а опосредованно – через слухи и предания, образование, печатную продукцию, интернет-технологии, законодательство и многие другие способы записи, архивирования и распространения информации. Но при этом, как известно, передаваемая информация всегда представлена в какой-либо версии. Это значит, что коллективная память сохраняет не аутентичное прошлое, а только какой-то вариант его современного прочтения, причем вписанный в некоторые актуализированные для общества, государства или личности цели. Например, для сферы прав человека актуальны сегодня такие цели, как признание личности, укрепление социально-культурной идентичности народа, воспитание гражданственности, поддержка идеологии конституционализма, легитимация демократии, формирование правовой культуры и правосознания и др.

Таким образом, для представления прав человека в качестве коллективной памяти следует учитывать не только события, язык и традиции прошлого, но и потребности настоящего дня, опираться не только на исторические факты, но и современные ценностные предпочтения.

Касааясь вопроса о понимании прав человека в современной российской ситуации, следует также отметить несколько моментов, многое объясняющие относительно памяти о них. Прежде всего то обстоятельство, что рядовые граждане до сих пор редко артикулируют (либо только начали это делать) свои жизненные проблемы на языке прав человека, поскольку в России не функционирует сколько-нибудь заметная традиция юридического уважения личности. Появление в России самого термина следует отнести к концу XVIII столетия, когда в политическом лексиконе

⁶⁰ Хальбвакс М. Указ соч. – С.151.

⁶¹ Там же.

они стали фигурировать в форме естественных прав, причём в среде достаточно узкого круга лиц – дворянства и образованного сословия. На протяжении XIX в. этот термин укоренился под своим собственным именем и был включен либеральной повесткой дня в проблематику изменения механизма государственного управления, ограничения самодержавия и становления конституционализма. С начала XX столетия в имперской России права человека приобретают юридическое (законодательное) оформление как права каждого (а не как раньше – в виде отдельных прав отдельных групп населения). В советский период они получают определение «буржуазных прав», подвергаются критике с классовых позиций, однако часть из них при этом (социально-экономические права) фактически реализуются «под маской» проводимой властью политики материальной помощи широким слоям населения. Все советские конституции декларативно провозглашали «права российских граждан» (а не «права человека»). В 90-е гг. население страны «узнаёт» о своих правах «сверху», о новой идеологии, о создании государственных структур, наделённых полномочиями по защите прав каждого (судов, уполномоченных по правам человека, ребенка, предпринимателей и др.). При таких исторических обстоятельствах говорить о наличии сформировавшейся традиции прав человека и её влиянии на современную жизнь не приходится. Фактически права человека – это новая область правосознания, которая только начинает осваиваться россиянами.

Высокий официальный юридический и политический статус, который приобрели права в Российской Федерации, очевидно, не соответствует тому уровню легитимности и практической поддержке, которую оказывают ему широкие слои населения. Права человека приняты и признаны российским обществом своеобразно, отношение к ним не является общим, однозначным и единодушным. Преувеличением будет утверждение, будто имеет место безоговорочная их оправданность. Скорее наблюдается неодинаковый уровень доверия разных социальных групп к различным видам прав. Социологические исследования показывают, что отношение к тому или иному праву выражается фразами, типа: «это право нужно соблюдать, но в наших нынешних условиях есть вещи и поважнее», «это право для России ни важно, ни вредно», «у меня нет твердого мнения об этом праве, не задумывался об этом» и т.п.⁶² Россияне вдвое чаще выражают свое безразличие к правам, испытывают неуверенность в пользовании ими, нежели убежденно отстаивают их.

В иерархии прав обозначился разный уровень поддержки разных видов и групп прав. Лидируют, безусловно, социально-экономические права, затем предпочтения отдаются правам личности (гражданским правам), замыкает перечень политические свободы. Такая градация с ценностной точки зрения вполне объяснима, поскольку те, кто терпит материальные лишения, бедность и нищету, не очень-то склонны сильно волноваться по поводу таких абстрактных вещей, как «участие в государственном управлении» и т.п. Значительное большинство считает

⁶² Гербер Теодор П., Мендельсон Сара Е. Граждане России о правах человека // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2(58) март-апрель. – URL: cyberleninka.ru/article/n/grazhdane-rossii-ogravan-cheloveka (дата обращения: 28.09.2019).

приемлемым, чтобы правительство могло временно ограничивать права в ответ на какие-либо общие угрозы, особенно, если это касается общественного порядка и безопасности. Исследования ВЦИОМ говорят о том, что более 70 % граждан готовы попроситься с личными свободами ради сохранения порядка в стране. Лишь 19% респондентов последовательно заявляли, что никакие цели или опасности не могут оправдать нарушения прав человека. Только 13% полагают, что права отдельного человека всегда важнее интересов государства, что личные интересы превалируют над государственными⁶³.

Поскольку права человека «вводились» в жизнь россиян решением государственных властей («реформы сверху» 80-90-х гг.), то продолжением стало нарастание иждивенческих настроений. Права воспринимаются как привилегии и дозволения, льготы и послабления, получение которых следует в обязательном порядке от государства. Благодаря «дарованным» правам, россияне привыкли ожидать помощи, заботы и защиты со стороны власти. Такого рода права, как очевидно, не противопоставляют государство и личность, не активизируют наступательность гражданских позиций, наоборот, они возлагают основную ответственность за претворение индивидуальных прав в жизнь именно на государство. При таких обстоятельствах не удивительно, что в обыденном сознании права человека ассоциируются с обязательствами власти.

Сказывается на отношении к правам и установившийся веками патернализм. Готовность «идти на поклон» и «найти правду» чаще всего ориентирует население не на использование официально установленных механизмов защиты прав (в том числе и методов гражданского публичного давления), а на неформальное заступничество, упование на действенность «позвоночного» права, взяточничество, помощь влиятельных лиц, наконец, прямое обращение к Президенту страны. Этому способствует также и разросшаяся до предела коррупционная психология не только чиновников, но и рядовых граждан.

Известно, что право как нормы-регуляторы особым престижем в России никогда не пользовалось и как самостоятельная ценность не воспринималось. Такое отношение к праву сложилось под влиянием широко распространенной практики невозможности (редкой возможности) добиться успеха даже при соблюдении законов, общего ощущения неправового характера связи общества и личности с государством. В условиях требований соблюдать закон при заведомой невозможности защитить законные права законными же методами (феномен «неверия судам») рождается правовой нигилизм и правовое «двоемыслие». Вносить же идеи прав человека в общественное сознание, которое никогда прежде не воспринимало правовые регуляторы как ценность – задача весьма непростая и, конечно, долгосрочная.

Особое восприятие прав человека имеет место на государственном уровне, среди представителей власти и служащих государственного аппарата.

⁶³ Выжутович В. Свобода или порядок? // Рос. газета. – 2014. – 16 мая; его же: Между свободой и порядком // Рос. газета. – 2017. – 7 апреля.

Возвеличивание роли государства и одновременно традиционно пренебрежительное отношение к отдельному человеку, его жизни, судьбе и правам, широкий бюрократический произвол, с одной стороны, с другой – постоянная забота о поддержании высокого статуса страны на международной арене переводят для государственных служащих проблему понимания прав человека в русло престижа России, международной политики и дипломатической целесообразности.

Большинство юристов (основных защитников прав человека) относят права человека исключительно к области политики и конституционализма, многие не разделяют и фактически отождествляют права человека и субъективные права (законы); правами человека называют субъективные права, закрепленные не только в конституциях и международных документах, но и в отраслевых законодательных и подзаконных актах. Таким образом, проводится в жизнь идея тождественности государственной законности и прав человека.

Такая ситуация многое объясняет в проблеме «права человека как коллективная память», свидетельствует об отсутствии правочеловеческой традиции, что и позволяет утверждать о несформированности у россиян социальной коллективной памяти о правах, поскольку «нечего вспоминать».

Социальная («большая» по Хальбваксу) память о правах человека среди широких кругов населения современной России отсутствует, т.к. отсутствовали практически все предпосылки для её появления. В истории страны не было необходимых условий для зарождения и восприятия идеи личности. Не было экономически и политически свободных людей, самоуправляющихся торговых городов, отсутствовала всеохватная система светского образования. Отечественная практика не знала института договорного вассалитета, православие не поддерживало реформационных процессов, которые на Западе закончились веротерпимостью и признанием идеологического многообразия⁶⁴. В имперский период не было учреждений конституционного толка, не подпадавших под власть монарха – суда, парламента, органов самоуправления. В советское время последние имели номинальную самостоятельность, но действовали в жёстко цензурных рамках единой марксистско-ленинской идеологии. Социальная, национальная и вероисповедная неоднородность, низкий уровень культуры и образования российского народа, задавленного материальными трудностями и хронической нуждой, более чем двухвековое крепостное право, патерналистские отношения и многое другое – не давали возможности расти и укореняться идеям человеческих прав. Авторитарно-патриархальная политическая культура, сакрализация государственной власти, самодержавный монархический строй и сословная дифференциация, административно-распорядительный, а не правовой, способ управления, бюрократическое руководство и патерналистские ожидания, правовой нигилизм, наличие прав-привилегий и обязанностей-повинностей и т.п. – всё препятствовало реализации идеи уважения личности. Само государство, как правило, выступало основным инициатором различных реформ, однако при этом

⁶⁴ Пуздрач Ю.В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности. М., – 2001. – С. 471.

оно жёстко ограничивало всякие другие попытки самодеятельности. Любой общественный институт был тесно привязан к государству, в том числе и церковь. В результате ни государственная власть, ни общество, ни граждане в ситуации декларирования в конце XX в. прав человека оказались не готовыми функционировать в режиме свобод. Этот факт еще раз подтверждает отсутствие коллективной социальной памяти о правах в России, на которую, как оказалось, невозможно опереться в новых условиях.

Таким образом, о «большой» (социальной) памяти говорить не приходится, но имеются другие «места», в которых кристаллизировались и сохранялись воспоминания о правах человека. «Местами» памяти, согласно П. Нора, могут выступать любые объекты, если «рассмотрение их в таком качестве говорит об избранном топосе нечто, что невозможно было бы выразить без этого»⁶⁵. «Места» памяти о правах человека, как уже отмечалось, следует искать в пространстве коммуникативной и культурной памяти.

Коммуникативная память о правах человека, конечно, имеет место быть в настоящее время у россиян, поскольку её сюжеты относятся к воспоминаниям о недавнем прошлом, поддерживаются и разделяются современниками и их потомками. Коммуникативная память возникает и исчезает, как отмечают специалисты, вместе со своими носителями, охватывает три-четыре поколения (примерно 80 лет), основывается на биографическом опыте, а со смертью очевидцев переходит в культурную⁶⁶. Основные «места» коммуникативной памяти, касающиеся прав человека, нужно искать в рамках крупных исторических, семейных или личных событий, куда они вписаны как составные, хотя далеко не главные части. Например, в воспоминаниях о Второй Мировой войне, нацизме, Холокосте, сталинском режиме, этнических чистках и переселении народов, репрессиях, оттепели 60-х гг., диссидентах 70-х гг., эмиграции, «железном занавесе», социальных выплатах в советское время, ликвидации последствий Чернобыльских событий, развале СССР и др. Сегодня коммуникативная память породила движение коммеморации, «прочно вошедшее в современный научный и социально-политический обиход»⁶⁷. Она означает не только саму память, но также и те действия, посредством которых эти воспоминания манифестируются и увековечиваются, т.е. путем образования, пропаганды, сооружения памятников, организации музеев, установления знаменательных дат, празднования событий, принятия мемориальных законов и т.п.

Однако, как известно, чем больше отдаляется прошлое, тем ближе правда срастается с вымыслом и сложнее становится механизм воспроизводства коммуникативной памяти. Этот факт, ко всему прочему, подкрепляется негативной и весьма опасной практикой сегодняшнего дня, когда информационные технологии

⁶⁵ Нора П. Указ. соч. – С. 72.

⁶⁶ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., – 2004. – С. 52-54.

⁶⁷ Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. Институт социологии РАН. – 2015. – № 7. – С.6.

привлекаются в деструктивных целях и искажают представления о прошедших событиях, трансформируют оценки и устоявшееся отношение к ним, тем самым разрушая основы культуры и исторической памяти народа. Осознание опасности пересмотра прошлого, превращающих права человека из жизнеутверждающего демократического начала в объект манипулирования и международных противоречий, подтолкнули общественность и национальные правительства к обсуждению и принятию ряда мемориальных законов. На этом фоне было выдвинуто предложение о необходимости расширить содержание права на информацию путем включения в него нового аспекта – права на историческую память⁶⁸. Право на историческую память, безусловно, актуально, и его нужно рассматривать как важнейшее коллективное право всех граждан, поскольку оно направлено на укрепление культурного самосознания и национальной идентификации россиян. Институционализация этого права важно для сохранения преемственности поколений, социализации молодежи, патриотического воспитания, построения гражданского общества, соответственно, и расширения границ коммуникационной свободы каждого.

В отличие от социальной памяти, *культурная память* о правах человека имеет исторические корни в России. Она складывалась в процессе укрепления традиций либерализма и конституционализма. В литературе культурная память определяется как представление, «разделяемое некоторым количеством людей, составляющих коллектив на основе их принадлежности к определенной культуре»⁶⁹. Культурная память имеет относительно узкий круг своих носителей, ограничена к доступу, не распространяется сама собой, требует особой заботы и контроля⁷⁰. В области прав человека она конституируется символическими структурами политической и юридической практики, законодательством, академическими исследованиями. Немецкий ученый А. Ассман пишет, что в основе культурной памяти чаще всего лежит миф, который не обязательно искажает исторические факты, поскольку для неё важнее не «как было на самом деле», а какой потенциал для социального воздействия имеет тот или иной исторический опыт⁷¹. Действительно, культурная память о человеческих правах положена сегодня в основу государственной конституционной идеологии и последовательно декларируется в Российской Федерации с начала 90-х гг. вне зависимости от реальных возможностей их практического превращения в жизнь.

Культурная память о правах человека в России сохраняется как опыт лишь образованной части населения – аристократии, дворянства, учёных, либеральной бюрократии, политической оппозиции, интеллигенции, интеллектуалов. Это

⁶⁸ Васютин Ю.С., Панова Е.С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 104-112.

⁶⁹ Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erlil, A. Nunning. Berlin\$ New York: De Gruyter. – 2010. – P. 110.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. – С. 35, 58.

элитарная память. Она формировалась в России путем заимствования западных образцов, которые совмещались с отечественной политической традицией. Её носители и в прошлом и настоящем чаще всего имели юридическое образование, были настроены в либерально-конституционном духе, их правосознание отличалось высокой культурно-правовой зрелостью.

Среди субъектов-носителей культурной памяти о правах человека лидирующее место, несомненно, занимали и продолжают занимать представители российской государственной власти. Именно они в XIX-XX вв. в лице высшей бюрократии выступили основными инициаторами преобразований в сфере прав личности, заложили основы официально-юридической формы развития этого вида памяти. Официальная культурная память о правах человека изначально начала формироваться благодаря действиям самодержавной власти, которая руководствовалась идеологией просвещенного абсолютизма и веры в то, что монарх может успешно управлять государством ради блага своих подданных. Поэтому сама власть считала себя полноправной определять масштабы свободы людей, устанавливать производность прав от своих законов. Действия государства чаще всего вынуждались страхом перед «слепым и беспощадным бунтом»⁷², террористическим и революционным движением⁷³, различными выступлениями народа. При этом оно выработало оригинальную линию поведения, которой пользуется до сих пор: с одной стороны, принимая нормативные установления, оно демонстрировало стремление перейти от абсолютизма власти к провозглашению конституционных прав, с другой – фактически сводило на нет практическую значимость законодательных новелл. Ю.В. Пуздрач отметил эту уникальную схему (присущую не только имперской, но и советской и современной бюрократии), когда за изменением формы не следовало изменения содержания. Декларируя те или иные права и свободы, государство не разрабатывало при этом механизмов их реализации либо разрабатывало такие механизмы, которые сводили на нет все новации. К этому нужно добавить и тот факт, что государство «как будто забывало» учить народ культуре свободы, каждый должен был доходить до понимания своего положения по новым законам самостоятельно, поэтому знание прав стало уделом только образованной части населения⁷⁴. Такие бюрократические трюки в тот или иной период времени, тем не менее, не способствовали снижению степени социальной напряженности, напротив, они усиливали её, переводили в состояние открытой конфронтации власти и общества. Зато формировалась

⁷² Динамика крестьянских выступлений до и после освобождения выглядит следующим образом: 1857-100 волнений, 1858-378, 1859-161, 1860-168, 1861-1859, 1862-864, 1863-509 // Крестьянское движение в России в 1857-мае 1961 г. М., 1964. С. 736; Крестьянское движение в России в 1861-1869 годах. М., 1964. С.800 (цит. по Пуздрач Ю.В. Указ. соч. – С. 420).

⁷³ Пуздрач Ю.В. пишет: «Почти полвека основным средством воздействия радикалов на власть был террор. От рук террористов пали император Александр II, председатель Совета Министров П.А. Столыпин, министры Н.П. Боголепов, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, Великий князь Сергей Александрович, десятки губернаторов и полицейских чинов. Попутно от террора страдали и ни в чем не повинные люди» (Пуздрач Ю.В. Указ. соч. – С. 433).

⁷⁴ Пуздрач Ю.В. Указ. соч. – С. 418.

бюрократическая культурная память о том, как принимать законы о правах подданных (затем – граждан и человека), ничего при этом не меняя в действительности.

Если вести речь о «местах», в которых зарождалась и продолжает храниться культурная коллективная память о правах человека, то они, хотя и немногочисленны, зато содержательно богаты. Их нужно искать в событиях с конца XVIII столетия, в исторической науке, мемуарах, дневниках, переписке государственных и общественных деятелей, юридических научных разработках, конституционных проектах, законодательстве и пр.

Нормативная культура двух последних веков истории России хранит память о правах личности. Если оставить в стороне сословные права дворянства, городских жителей и т.п., то к основным актам о правах подданных, затем гражданина, а потом и человека следует отнести следующие. В первую очередь это Манифест 17 октября 1905 г. и именные имперские указы Сенату 1905-1906 гг., которые были гарантированы Сводом основных государственных законов 1906 г. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принимают в 1918 г. Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа и первую Конституцию РСФСР. Последующие конституции СССР (1924 г., 1936 г., 1977 г.) и РСФСР (1925 г., 1937 г., 1978 г.) с большей или меньшей степенью детализации провозглашают права советских граждан, идеологически критикуя при этом права человека. Часть из этих провозглашённых прав (гражданские и политические) приобретают исключительно декларативный характер, другие (социально-экономические права) претворяются на практике. В 1991 г. в духе западного либерализма принимается Декларация прав и свобод человека и гражданина РСФСР, а 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием утверждается Конституция РФ, текст которой по основным своим показателям находится на передовых рубежах международных стандартов о правах человека. В русле конституционных положений принимается текущее законодательство Российской Федерации о субъективных правах и обязанностях граждан, иностранцев, беженцев и иных лиц.

Места хранения культурной памяти локализуются не только в законодательстве, но и научных и проектных разработках либеральной и отчасти консервативной направленности⁷⁵. «Книжные» выступления против политического и гражданского рабства систематически и стабильно наблюдаются в России с конца XVIII в. Об этом свидетельствует русская журналистика, а также реформаторские проекты государственных и общественных деятелей (Н.И. Панина, А.Н.Радищева, Н.И.Новикова, Н.С. Мордвинова, М.М. Щербатова, Ф.В. Кречетова и др.). Резонансное звучание приобретают в это время и в первой четверти XIX в. заимствованные западные идеи о естественном праве, свободе и необходимости отмены крепостного права, учреждении парламента, провозглашении избирательных прав и т.д. (работы С.Е. Десницкого, А.П.Куницына, В.Т. Золотницкого, П.Д. Лодия, К.А. Неволина, Д.И. Фонвизина и др.). XIX век отличается созданием конституционных

⁷⁵ О консервативной интерпретации прав человека в конце XIX – начале XX в. см. Туманова А.С., Киселёв Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М., – 2011. – С. 149-186.

проектов, посвящённых реформе власти, неотъемлемой частью которых было провозглашение прав граждан (проекты «Негласного комитета», Н.И. Панина, М.М. Сперанского и др.). Широко известны проекты конституций, разработанные декабристами – «Русская правда» П.И. Пестеля и «Конституция» Н.М. Муравьева. Во второй половине XIX в. готовятся очередные проекты реформ сторонниками правительственного конституционализма (П.А. Валуевым, М.Т. Лорис-Меликовым и др.). В конце XIX – начале XX вв. в программах разных политических партий находят отражение положения о правах человека и гражданина, разработанные русскими правоведами (И.В. Гессеном, М.М. Ковалевским, С.А. Котляревским, П.И. Новгородцевым, С.А. Муромцевым, Л.И. Петражицким, А.Д. Градовским, Б.А. Кистяковским и др.). В советское время борьба с инакомыслием не останавливает небольшую группу образованной интеллигенции – диссидентов – в популяризации либеральных идей о правах через самиздат. Таким образом, культурная память о правах человека как вид коллективной памяти сохраняется не столько на практике, сколько в нормативной и академической культуре.

Подводя итоги, можно утверждать, что коллективная память в России о правах человека имеет место в форме культурной и отчасти коммуникативной памяти, социальная память широких кругов населения находится в стадии становления, а право на историческую память следует рассматривать в качестве нового аспекта коллективного права на информацию.

§ 3. Историческая память: концептуализация и некоторые проблемы теоретико-правового осмысления

*«...Слой осадочной породы
подобен страницам открытой книги...
На каждой из которых
запечатлена история чьей-то жизни...
Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ЭТУ ИСТОРИЮ СНОВА
(Дж. Уинтерсон⁷⁶)*

В последние годы в развитии таких тонких материй как «история» и «память» – они в позитивистской традиции Эмиля Дюргейма строго противопоставлялись друг другу – наблюдается два устойчивых тренда: [1] с одной стороны, «история» и «память» «демонстрируют» взаимное притяжение; [2] с другой – между ними активно внедряется политика. По этой причине историческая память становится значимой частью стратегий государств под названием «политика исторической памяти»⁷⁷, закономерная не только для транзитных обществ.

⁷⁶ Дж. Уинтерсон. Бремя. Миф об Атласе и Геракле. – М.: Открытый мир. – 2005. – С.10.

⁷⁷ Кострина А.В. Историческая память и политика исторической памяти: к вопросу соотношения понятий // 100-летие великой русской революции: сборник материалов Всероссийских научно-

Ее содержанием является моделирование коллективной памяти с использованием политических технологий, позволяющих акцентировать внимание общественности на определенных исторических событиях, формируя у коллективного субъекта стереотипизированное мышление. Это нашло отражение в формировании специальных институций для внедрения «правильной» версии истории, в акцентировании государственными СМИ одних эпизодов национального прошлого (Великая Отечественная война 1941-1945 гг.) и замалчивании других (события октября 1917 г.)⁷⁸, в подготовке «исторических законов»⁷⁹, написании новых школьных учебников и т. п.

В современном гуманитарном знании концептуализация исторической памяти является одной из самых востребованных. К ней обращаются не только политики, но и специалисты научного знания. И, прежде всего, эксперты в области всеобщей и гражданской истории⁸⁰. Тем не менее, едва ли можно не заметить, что исследования исторической памяти перестали быть уделом узкой группы ученых в области исторической науки. Этой темой активно интересуются и социологи⁸¹, и культурологи⁸², а в последнее время и специалисты в области истории государства права⁸³ и компаративистики⁸⁴. Убедиться в верности такого утверждения можно, обратившись к научным работам, которые ведутся в отношении исторической памяти – их множество⁸⁵.

практических конференций. – 2018. – С. 113-115.

⁷⁸А дело его ожило. Российские власти хотели забыть Ленина, но у них не получается. – https://republic.ru/posts/96513?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning/ (дата обращения: 22.04.2020); Ленина нет. Если вернется, то не к нам. Мировая катастрофа застала нас периферийной автократией, в которой нет ничего интересного. – https://republic.ru/posts/96513?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning/ (дата обращения: 22.04.2020).

⁷⁹ «Матери Беслана» просят Путина запретить перенос Дня окончания Второй Мировой войны. – <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/04/21/1839445.html> (дата обращения: 21.04.2020).

⁸⁰Разработкам в области истории свойственны определённая специфика: обширность предметного поля; использование понятий как «миф», «образ», «дискурс»; специфика источниковой базы; образный характер языка исследований для разработки понятий «историческая память» в связи с понятиями: «коллективная память», «культурная память», «социальная память»; «политика памяти» как целенаправленное конструирование исторического прошлого; историческая память и проблемы социокультурной идентификации; историческая память и диалог культур и др. Подробнее см.: Шумкина Т.Г. Проблема исторической памяти в современной российской историографии (по материалам сборника научных трудов «История и историческая память») // Вопросы всеобщей истории. – 2014. – № 16. – С. 282-293).

⁸¹ Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, – 1987; Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод. // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. – М.: Наука, 1969. – С. 186–224; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 63. 2 Gellner E. Nations and nationalism. – Oxford: Blackwell publishing, – 1983; Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. – Cambridge: Cambridge univ. press, – 1983; Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – L.: Verso, –1983.

⁸² Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, – 1983.

⁸³ Дорская А.А., Дорский А.Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник СПбГУ. Право. – 2018. – Т. 9. Вып. 2. – С. 124-138;

⁸⁴ Дорский А.Ю., Черногор Н.Н. Вторая мировая война как социальная травма: сравнительный анализ российского и французского законодательства // Вестник СПбГУ. Право. –2019. –Т. 10. Вып. 2. –С.311-331.

⁸⁵ Результат запроса публикаций по данной теме показывает цифру 269 495 // https://www.elibrary.ru/query_results.asp/ (дата обращения: 30.03.2020).

Внимательное знакомство лишь с некоторыми из имеющихся в открытом доступе специальных работ наталкивает на мысль о наличии веских причин, обусловивших повышенное внимание специалистов в области современного социогуманитарного знания к различным сюжетам общей темы исторической памяти. К числу факторов, детерминирующих исследовательское внимание к теме исторической памяти, поддерживающих его устойчивость и дающих импульс для расширения и углубления, можно отнести: во-первых, те, которые находятся вне сферы науки (международно-политический и внутривосточный; во-вторых, собственно научно-исследовательский).

Международно-политический (геополитический) причинный фактор концептуализации исторической памяти «заявил» о себе под влиянием глобализационных процессов в современном мире «без границ». Он не остается неизменным, а активно трансформируется, и проявляется как ответ на вызовы к обновлению идейно-ценностных основ интеграции, телеологически ориентированных на изменения в структурах коллективного сознания.

Концепция политики памяти аттестуется как один из ключевых элементов современного европейского политического дискурса, в силу чего во многом может рассматриваться как продолжение более комплексной политики мягкой силы и даже как элемент гибридной войны. Основной функцией политики памяти⁸⁶ выступает интеграция европейского общества с целью создания единого общеевропейского представления о прошлом. По мнению Н.А. Медушевского, политика памяти объединенной Европы нацелена на формирование, в определенном смысле, синтетической истории, в которой внимание акцентируется только на «нужных» моментах, для того чтобы сформировать у граждан европейских государств новое мировоззрение, в рамках которого они предстанут как единая общность. Предполагается, что реализация политики по привлечению внимания европейцев к конкретным историческим событиям повлияет на их картину мира и будет способствовать росту их европейской самоидентификации, «уровень которой на данный момент крайне низок»⁸⁷.

Разумеется, международно-политические детерминанты концептуализации исторической памяти оказывают влияние и на внутривосточную повестку национальных государств в области памяти об истории. Связано это с тем, что отдельные государства активно включаются в процесс выработки новых стратегий развития глобального мира. Исходной же стадией этого долгосрочного социального проекта становится переосмысление национальной истории, ее отдельных события и явлений.

⁸⁶Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». – <https://pace.coe.int/en/> (дата обращения: 10.04.2020); Косачев объяснил значение резолюции «О важности европейской памяти для будущего Европы». – <https://rg.ru/2019/09/23/kosachev-obiasnil-znachenie-rezoliucii-o-vazhnosti-evropejskoj-pamiati-dlia-budushchego-evropy.html> (дата обращения: 10.04.2020).

⁸⁷ Медушевский Н.А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса // Власть. – 2019. – №3. – С. 168.

Для того чтобы проиллюстрировать изложенное обратим внимание на то, что государство в России активно осуществляет правовое регулирование чествования памятных дат и дней воинской славы⁸⁸.

Показательным примером, конечно, является План мероприятий празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, принятый на основании и с целью реализации Указа Президента РФ⁸⁹. Анализ содержания этих нормативных правовых документов со всей очевидностью демонстрирует: мемориальные мероприятия, нацелены не только на то, чтобы актуализировать значимые для общества и государства события прошлого в структурах коллективного сознания, но и на международный правовой эффект (парад Победы на Красной площади, официальный государственный прием, памятная продукция, праздничные салюты и др.).

Стоит пристально присмотреться к событиям, которые описываются в системе координат «здесь и сейчас». В нацеленном на внесение поправок в действующий Основной закон⁹⁰ Российской Федерации 1993 г. документе, появилась ст. 67¹. В ее содержании просматривается мемориальная тематика, обращение к ресурсам исторической памяти, памяти предков. Так, п.2. ст. 67¹ содержит положение о том, что Российская Федерация, объединенная *тысячелетней историей* (здесь и далее курсив мой – Е.К.), признает исторически сложившееся государственное единство на основе сохранения «памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...». А в п.3. этой же статьи зафиксировано, что Российская Федерация чтит *память* защитников Отечества, обеспечивает защиту *исторической правды*. *Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается*⁹¹.

Размышляя о причинах активной концептуализации исторической памяти, не стоит сбрасывать со счетов и те черты, которые обретает само общество периода цифровизации и сопровождающие его технологии по обмену большими базами данных (BD,) несмотря на сохраняющееся социокультурное своеобразие. Расширяющие возможности доступа к историческим памятникам – форме передачи информации о прошлом государства, права и правовой жизни общества обусловили не только всплеск интереса к «развитию мемориальной литературы», но и способствуют «очеловечиванию» истории⁹² в целом.

⁸⁸ Обзор изменений Федерального закона от 13.03.1995 N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» в редакции от 01.04.2020. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91636/be82a0db3713825c2ca218525d0ac8bde5fe23f3/#dst100017 (дата обращения:03.04.2020).

⁸⁹ Указ Президента РФ от 9 мая 2018 г. N 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». – <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

⁹⁰См.: Крупеня Е.М., Лучин В.О., Пряхина Т.М. Консультация и культура: эстетический подход в правовых исследованиях // Вестник Московского университета МВД России. –2019. – № 2. – С. 76-81.

⁹¹ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 11.03.2020 № 75-СФ О Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

⁹² Дорская А.А. Язык мемориальных законов и подзаконных актов: особенности осмысления российской истории //Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник

Собственно научно-исследовательский фактор в системе детерминант концептуализации исторической памяти видится в разработке проблем исторической памяти на основе научной методологии постнеклассической рациональности. Ей доступно: [А]конструирование нового истинного знания не столько по предметному, сколько по проблемному критерию. Поскольку в исследованиях исторической памяти базовой научной конструкцией выступает понятие «память», то, разумеется, необходимо использовать достижения, не только истории, но психологии, одним из объектов исследования которой признается сознание человека – с ним связаны онтологические свойства памяти; с использованием адекватных инструментов, которые позволят воздержаться от использования политико-идеологических констант – они, как известно, не требуют критической оценки и научного обоснования; [В] концептуализацию феномена исторической памяти осуществлять не в отрыве, не опосредованно, благодаря отчужденным формам культуры (мемориальное законодательство, объекты культурного наследия, исторические источники права и др.), а непосредственно в связи с человеком (гражданином), носителем сознания – в его структурах формируется образ акта поведения и необходимая энергия для его воплощения.

1. Историческая память в контексте теоретических воззрений на механизм социального действия права и объект правового регулирования.

Продолжающаяся институционализация научного направления *memory studies* (исследование памяти) проблематизирует познавательные и эвристические ресурсы общей теории государства и права – органической части современного социального и гуманитарного знания. Одновременно помогает получить аргументированный ответ на вопрос: удастся ли при исследовании тех или иных аспектов исторической памяти как правового феномена в рамках общей теории государства и права удержаться от дрейфа в направлении, где статус научного знания получает государственная идеология.

В качестве исходного пункта теоретико-правового анализа важно признать следующее: историческая память обрела черты нормативно-правового явления постольку, поскольку получает формально-юридическое закрепление на уровне важнейших нормативных правовых актов отдельных государств в рамках национальных правовых систем, и международных правовых актов. Истина из разряда школьных: нормы права, закрепляющие в законодательстве посредством юридического факта историческую память, память предков, память о днях воинской славы и славных датах, и подвиге народа и др. – это не застывшее социально-правовое явление. Как нормативные положения они, по – видимому, содержат своеобразную программу развития, предложенную государством обществу. Поскольку динамизм права запрограммирован законодателем, постольку логически обоснованно осуществить «разворот», и с нормативного уровня существования правовых норм перейти

научных трудов/ под общ. Редакцией Д.А. Пашенцева и М.В. Залоило. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, – 2019. – С.21.

к социальному, в область отношений и практики. Только так можно проследить трансформацию заложенной в праве возможности в социальную действительность. Г. В. Мальцев справедливо замечал по этому поводу, что действует право тогда, когда норма в связке с другими продуктивно «работает», эффективно влияет на общественные отношения, эволюционируя из области возможного – образа должного – в социальный факт⁹³. А в этой связи не вызывает сомнений теоретическая, а главное – практическая значимость осмысления вопроса о детерминации действия – «работы» права в пространстве общества и ее эффективности (действенности) деятельностью человека – члена гражданского общества и гражданина государства. Едва ли стоит доказывать очевидное: для того, чтобы нормы трансформировались в социальный факт и стали фактом общественной и государственной жизни, необходимы поведенческие акты.

Нюансированное понимание общеправовой категории «механизм социально-психологического действия права» поставлено в зависимость от содержания системы смежных понятий, позволяющих описывать и объяснять явление на нормативном и правореализационном, усиленном идейно-ценностным компонентом, уровнях. Остановимся только на некоторых из них: [1] субъект права. «Работа» права – упорядочивать, гармонизировать общественные отношения, вводить их в известные рамки, минимизировать конфликтность, напряженность вопреки естественным и искусственным препятствиям, трудностям и встречающемуся на практике сопротивлению тех, кто должен неукоснительно следовать требованиям правовых норм, а также его эффективность (действенность), следовательно, находятся в прямой зависимости от деятельности субъекта права; [2] объект права – объект правового регулирования, структура объекта правового регулирования. Определения понятия «объект правового регулирования» не только в учебной, но и в научной литературе разнятся, единого не сложилось, а дискуссии на этот счет далеки от своего завершения⁹⁴. Но сложившимися можно считать следующие версии: 1) упорядочиваемые общественные отношения; 2) поведение участников общественных отношений; 3) реже – одновременно и то и другое.

Сохраняет дискуссионность вопрос о структуре объекта правового регулирования. Так некоторые исследователи полагают, что объект правового регулирования имеет трехчленную конструкцию, которая включает в себя: а) людей (без них не было бы никаких общественных отношений); б) общественные отношения (социальные связи, зависимости и разграничения); в) поведение людей⁹⁵.

С такой интерпретацией структуры объекта правового регулирования едва ли можно согласиться по ряду причин. Во-первых, потому, что человек в отдельности или люди (сами по себе как таковые) едва ли могут быть призваны

⁹³ Мальцев Г. В. Социальные основания права. – М.: Норма, – 2007. – С.607.

⁹⁴ Подробнее об этом см.: Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие. – Казань, – 2003. – С. 70.

⁹⁵ Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. – М., – 2001. – С. 143 – 144.

объектом правового регулирования постольку, поскольку человек, его строение и целостность, биологическая обособленность, никоим образом с помощью права изменениям не подвергается. В данном случае, думается, что вести речь следует о статусе человека (гражданина), закреплённом в позитивном праве его фактическом функционально-ролевом положении в системе общественных отношений как члена общества, гражданина государства – участника юридически значимых взаимодействий и поведенческих актов⁹⁶. А регламентация поведения человека, находящегося вне социальной среды просто абсурдна.

Вполне закономерно тем не менее обособление в структуре объекта правового регулирования поведения человека – именно оно органически «связывает» основного актора правопорядка с общественными отношениями. Однако было бы неверно как отождествление категорий «поведение» и «социальные отношения», так и стремление провести между ними непроходимую грань. С большей долей вероятности речь можно вести о том, что эти явления – есть взаимодополняющие части объекта правового регулирования. Такая констатация объясняется тем, что общественные отношения – непосредственные связи и взаимодействия между людьми и социальными группами предполагают человеческую активность, внешне проявленную в актах поведения (в форме действия или бездействия; действия – реактивного или вербального). Начало общественных отношений создается взаимным положением людей, их определенным состоянием, т. е. статусом.

Конечно, не всякое поведение человека в рамках социальной среды обязательно предполагает наличие взаимодействия с иными субъектами (интеллектуальная, творческая деятельность). Качественным отличием общественных отношений от собственно поведения человека как организованной в одном направлении совокупности поведенческих актов состоит в том, что они представляют собой не просто совокупность поведенческих актов отдельных субъектов, а их совместную деятельность, взаимное действие, направленные на достижение значимого для всех участников этой совместной деятельности результата. Именно поэтому исключить на основании этого положения из объекта правового регулирования сами общественные отношения также невозможно.

Убедительной представляется позиция в отношении структуры объекта правового регулирования, высказанная В. Д. Сорокиным. Он верно утверждает: элементами структуры объекта (в терминологии автора – предмет) правового регулирования выступают: «а) статус субъекта права во всех многочисленных модификациях; б) конкретные связи между субъектами права, преобразующие под воздействием юридических правил форму отношений различной отраслевой принадлежности; в) «поведение без правоотношений», т.е. ситуации, предусмотренные запрещающими нормами российского права»⁹⁷.

⁹⁶ Подробнее об этом см.: Крупеня Е.М. Статусное публичное право как комплексный институт в правовой системе. Дисс... д.ю.н. – К., – 2019. – С.27-83.

⁹⁷ Сорокин В.Д. Что такое единый предмет правового регулирования? // Юридическая мысль. – 2001. – N 2. – С. 38.

Структуру объекта правового регулирования можно представить и иным образом. В связи с тем, что поведение субъектов права, а также взаимодействия между ними могут либо соответствовать правовым предписаниям, либо противоречить им, то и право соответственно оказывает двоякое воздействие: регулирующее воздействие при помощи норм с положительным содержанием, ориентируя субъектов на правомерное поведение, так и на другую при помощи норм охранительных с целью вытеснить опасные или вредные для общества, государства и др. акты поведения. Объектом правового регулирования, таким образом, выступают: 1. Позитивное поведение как совокупность организованных в одном направлении поведенческих актов субъекта с положительным содержанием; 2. Негативное поведение как совокупность организованных в одном направлении поведенческих актов субъекта, которое выясняется из социального пространства посредством запретительных норм; 3. Посредуемые поведением субъекта права общественные отношения.

Беглый анализ теории объекта правового регулирования, его структуры в контексте механизма социально-психологического действия права позволяет обоснованно констатировать: 1) в рамках нормирования общественных отношений закрепление в официальных источниках государства норм об исторической памяти (памяти предков, памятных датах, дней воинской славы и др.) само по себе мало что добавляет в понимании динамики этих норм – она обеспечивается сложными процессами социально-психологического действия права. Механизм трансформации юридических фактов (памяти предков, конкретные памятные даты и дни воинской славы, подвиг на рода в ВОВ и др.) в факт социальный посредством актов юридически значимого правомерного поведения – объекта правового регулирования – осуществляется при переходе с нормативного уровня к правореализационному, формой реализации выступают конкретные правоотношения. При этом в структуру правоотношений юридический факт не включен. Механизм действия норм права остается не зависящим от содержания; 2) юридические факты избираются в процессе социального конструирования государством (законодателем) – основным субъектом целенаправленного формирования коллективной памяти. В процессе нормирования общественных отношений юридические факты (об исторической памяти, памяти предков, памятных дат, дней воинской славы и др.) чаще всего обусловлены не академическими знаниями, накопленными в рамках *memory studies* (исследование памяти) о природе, видах коллективной памяти (памяти двойного действия и др.), механизмах ее функционирования в обществе, а политической волей.

2. О значении категории «правосознание» для исследования исторической памяти в условиях цифрового общества и внедрения искусственного интеллекта.

В механизме социального действия права соответствующее своему значению место занимает наряду с нормативным и социально-психологический элемент⁹⁸,

⁹⁸ Подробнее об этом см.: Крупеня Е.М. Легитимация в контексте действия механизма саморегулирования (на примере права публичных статусов гражданина) Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5. № 2 (15). – С. 110-117.

поэтому оправданным полагаем уделить ему необходимо внимание. Дополнительное «давление» при этом оказывает два важных момента: (1) в рамках «*memory studies*» психологическим сюжетам уделяется должное внимание: наряду с такими понятиями как «коллективная память», «культурная память», «социальная память», «миф» и «коллективное бессознательное» и др. приходится сталкиваться с такими понятиями, как «конструирование мемориального мышления», «стереотипизированное мышление», «новое историческое мировоззрение», «переживание истории»; (2) понимание исторической памяти онтологически связано со структурами субъективной внутренней реальности человека, а точнее – с его сознанием, формой, содержанием – результатом функционирования идеологии, психологии, ментального комплекса. Остановимся на этом детальнее, поскольку в пределах данных детерминаций возможно оценить значение содержания категории «правосознания», его эвристические возможности. Но прежде, несколько слов о памяти.

Несмотря на активное развитие и большой интерес со стороны научного сообщества к *memory studies*, термин «память» стал претендовать на статус ключевого понятия новой парадигмы социально-гуманитарного знания только на рубеже 1980–1990-х годов.

Одним из поводов для серьезной и аргументированной критики *memory studies* чаще всего становится отсутствие общего понятийного аппарата. Его многообразие порождено и зависит от того, в каком социальном контексте исследуется историческая память. Сам же социальный контекст расширяет перечень значений⁹⁹.

В процессе рационального освоения исторической памяти важным все же представляется конвенция относительно того, что основным, а не факультативным остается научный конструкт «память». Это побуждает обратиться к матричной области гуманитарного знания – психологии, которая помогает очертить горизонты понимания памяти. Как результат конвенционального решения память – это процесс запечатления, сохранения, воспроизведения и утраты прошлого опыта в деятельности и восстановление его в сфере сознания.

Обратим внимание на три момента, принципиальных для последующего анализа: 1. Память – процесс, связанный с кодированием, хранением и воспроизведением информации через узнавание и припоминание. Заметим, что едва ли этот процесс может быть локализован где-то еще, кроме субъективной реальности человека – индивидуального, а не коллективного субъекта; 2. Память онтологически связана с активным состоянием сознания субъекта. Не лишним будет уточнить, что для обеспечения процессов запечатления, сохранения, воспроизведения прошлого опыта, особенно, если потребуется его извлечение из анналов подсознания, требуется витальная энергия. Генерировать ее может человек, и никто кроме него! 3. Онтологические особенности памяти состоят в том, что по содержанию информации –

⁹⁹И перечень этих значений широк: рост общественного интереса к дискуссиям о «политике памяти», мультикультураризм и «политика скорби», использование различными социальными группами памяти о прошлом как ресурса мобилизации, интерес к коммерциальным практикам (сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого) как инструментам политической власти и др.

она неприродный, а культурный феномен. А поскольку культура – это осознающая себя история (в философской интерпретации – рефлекслирующая история) человеческого развития, непрерывно накапливающийся опыт ее осмысления, непосредственно погруженный в процесс исторического творчества с целью соучаствовать в нем, постольку культурная память не механична, не может быть установлена по воле властвующего субъекта, не «телесна», а «исторична».

Названные выше факторы функционально нагружены и важны для прояснения механизмов исторической памяти коллективного субъекта истории – нации. Именно к нации как коллективному субъекту права и правовой жизни общества обращается законодатель посредством мемориального законодательства. Особенности памяти как феномена субъективной внутренней реальности человека помогают прояснить, каким образом абстрактная категориальная общность – нация, состоящая из многих повседневно не связанных и даже отдаленно не знакомых друг с другом людей, обретает объединяющее ее самосознание (идентичность) вместе со способностью определять и добиваться своих интересов в будущем?

Принимая во внимание изложенное, выскажем предположение: свой вклад в развитие научных представлений об исторической памяти как феномена не только государственно-правовой, но и общественной жизни могла бы внести и общеправовая теория, благодаря эвристическому потенциалу категории «правосознание» – данное понятие остаётся в фокусе внимания современных теоретико-правовых разработок исследователей. Более того, появляются новые подходы к изучению правосознания¹⁰⁰.

И.Л. Честнов в пределах диалогического понимания права и связанного с ним государства интерпретирует правосознание как процесс правовой идентичности, соединения индивидуального начала и безличного статуса, осознания сопричастности к правовой системе и уже сложившемуся в обществе правовому порядку. Отметим принципиальный, по мнению И.Л. Честнова, момент: «Внешние факторы интегрируются правовой культурой в правосознание социума и подвергаются селективному отбору со стороны правящей элиты и референтной группы, после чего новый образец социально значимого поведения легитимируется и означает (приобретает значение) как правовое поведение»¹⁰¹.

Правосознание наиболее близко связано с исторической памятью через феномен переживания – то, как отражаются в сознании эмоциональные процессы – в том, числе по поводу истории, ее событий фактов и др. Самым показательным примером этому является способность человека (гражданина) не скрывать своих чувств – плакать, радоваться, выражать восторг и солидарность с другими в своем «соприкосновении» с прошлым своей страны, потому, что это прошлое является одновременно и частью личной или семейной истории.

¹⁰⁰ Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. 2-е изд., испр. и доп. – М., – 2016. 832 с.

¹⁰¹ Честнов И. Л. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права // Платон. – 2012. – №1. – С. 45-51.

Важность концептуализации исторической памяти и переживание истории в связи с правосознанием обретает особую актуальность в цифровую эпоху – она не только порождает все больше прорывных в технологическом плане решений, но и одновременно ставит под угрозу человека¹⁰² (человечность). Показательным примером является внедрение искусственного интеллекта (ИИ). Несмотря на, казалось бы, очевидный и не требующий подтверждения факт о том, что ИИ не обладает свойствами, которые поддерживают человеческое в человеке, многие из этих позиций оспариваются уже сегодня: (1) так, вопрос обладания ИИ душой основывается на дискуссионном теологическом презумировании, однако правовые решения основываются на наличии интересов и мотивов¹⁰³; (2) аргумент об отсутствии сознания в настоящий момент практически невозможно оценить, т.к. нейрочеловеки и другие специалисты в этой области не обладают необходимым пониманием того, чем же является само сознание. Т.В. Черниговская – авторитетный эксперт в области когнитивной деятельности мозга и функционировании нейронных сетей – автор ставшей расхожей фразы о том, что мы не знаем, что такое сознание и, если даже в ближайшем будущем мы с ним столкнемся, то, скорее всего, не узнаем; (3) природа чувств и эмоций также неоднозначна, т.к. современные научные данные позволяют утверждать, что она заложена в мозге человека (т.е. в нейронной сети). Уже сложилось экспертное мнение о том, что развитие новых технологий может привести к тому, что ИИ научится считывать (по мимике, жестам и другим невербальным знакам) эмоции, а значит сможет их испытывать¹⁰⁴.

Полагаем, что мнение некоторых исследователей о тотальной механизации права и вызовам человеку и человечности, во многом ошибочно по ряду причин: право было и остается социальным явлением, сущностные характеристики которого обусловлены его потенциалом как нормативного социального регулятора. В этом качестве право, во-первых, формируется исторически как значимый сегмент культуры конкретного общества, формы которого могут быть разнообразными в зависимости от правовых традиций; во-вторых, право как значимый для общества регулятор общественных отношений обеспечивается не только официальной силой государства, но и поддерживается в ходе эволюционной динамики общества, благодаря функционированию сложного механизма социально-психологического действия. Последний включает в себя уровень саморегулирования, который базируется на ментальном комплексе в субъективной внутренней реальности людей – граждан государства и членов гражданского общества. К слову заметим, что ИИ не обладает определенными критически важными составляющими человеческой индивидуальности (душа, сознание, интенциональность – центральное свойство человеческого сознания, которое раскрывается в его направленности

¹⁰² Галиев М.С. Право на защиту как общеправовой принцип права в эпоху цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 8(164). – С. 61.

¹⁰³ Понкин И.В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т.22. № 1. – С. 91-109.

¹⁰⁴ Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / Юваль Ной Харари; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. – М.: Синбад, – 2019. 416 с.

на какой-либо предмет – чувства как форма переживаемых эмоций, интересы как осознанная потребность, целеполагание в условиях свободного выбора, воля – особая психическая энергия, которая наполняет акт юридически значимого правомерного поведения). Представляется принципиальным признать, что переложить некоторые функции человека искусственный интеллект, даже высокий, едва ли возможно!

Резюмируя изложенное выше отметим: современная общеправовая теория обладает необходимым инструментарием, позволяющим включаться в процесс концептуализации исторической памяти, используя при этом предельное значение определенных конструктов, например, механизм социально-психологического действия права и, что особенно важно, правосознания – своеобразного «цензора» правовых идей, принципов, идеалов на предмет их соответствия социокультурным условиям развития общества.

§ 4. Мифологизация как способ переживания исторических событий

Знание как рациональное обоснованное убеждение, а также вера в это знание являются результатом познания, которое включает в себя осознаваемые и бессознательные процессы осмысления (наделения смыслами) полученной в процессе деятельности человека информации. Познание, в таком ключе, не тождественно непосредственному отражению.

Кроме того, познание никогда не осуществится, если будет отсутствовать коммуникация между понимаемым и понимающим. В этой связи греческая мифология образно демонстрирует, как устанавливается эта связь богом Гермесом. Выполняя роль посредника между богами и людьми, он истолковывал волю богов людям и доносил пожелания людей богам. Гермес, своей силой как бы покрывает обе стороны в коммуникации. Герменевтика возникла вместе с появлением герменевтических ситуаций – случаев, когда необходимо правильное истолкование и понимание текста. Первыми герменевтами были средневековые теологи-схоласты, занимающиеся "расшифровкой" смысла божественных идей, заложенных в Священном Писании.

Следует дополнить вышеизложенное тем, что понимание также связано и с общим социокультурным контекстом. Вне этого контекста социально-согласованное поведение людей было бы попросту невозможным. Социально-согласованное поведение людей, как справедливо отмечает А. В. Поляков, предстает как поведение коммуникативное, и представляет собой взаимодействие между социальными субъектами в соответствии со смыслом социально признанных текстов¹⁰⁵. Социальное признание текстов осуществляется в процессе коммуникации через легитимацию.

¹⁰⁵ Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 47.

Легитимация выступает как способ «объяснения» и «оправдания» информации. Легитимация как бы «объясняет» институциональный порядок и придает когнитивную обоснованность текстуально объективированным значениям (знаниям).

П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что легитимация имеет когнитивный и нормативный аспекты¹⁰⁶. Другими словами, легитимация связана с когнитивной (знание, понимание) и ценностной подсистемами сознания. Объективированная (текстуально организованная) информация является составной частью правовой системы.

Легитимация в этом аспекте может быть раскрыта через смыслокоммуникацию, включающую два блока: информационную коммуникацию и поведенческую коммуникацию¹⁰⁷.

Представляется, что легитимация может быть рассмотрена через систему динамических и статических механизмов трансляции. Одним из статических механизмов является способ следования традиции, содержащий конформистскую модель поведения. Этот способ обеспечивает идентичность поведения с деятельностью остальных членов коллектива; он как бы консервирует определенный шаблон, которому следуют все, руководствуясь принципом «вещи и порядки всегда были таковы, поэтому каждый действует так, как действовали до него и не просто люди, а боги и герои». В этом ракурсе именно мифологизация, как способ переживания событий может быть интересна для осмысления данного явления.

Именно мифы в доступной символически яркой форме передавали социальный опыт от предков к потомкам на протяжении всей истории развития человеческого общества. Поэтому коллективная память хранила архетипические модели поведения. Передача же текстуально оформленной информации и её легитимация общественным сознанием осуществлялась по разным каналам.

Представляется, что наиболее действенным был канал передачи, предполагающий трансляцию знаний из так называемых «первых рук». Передаваемые текстуально оформленные матрицы содержали спрессованную информацию, веками хранившуюся в общественном сознании и коллективном бессознательном (в виде архетипических моделей).

Эффективность данного механизма передачи информации напрямую зависела от фактора доверия, устанавливающегося между поколениями. Справедливо, в этой связи, звучат слова К. Лоренца, что если приемник традиции не испытывал «по крайней мере, к одному из представителей старшего поколения... эмоций уважения и любви... механизм, транслирующий традиционные нормы, не срабатывал»¹⁰⁸.

Именно механизм простого, постоянного воспроизводства социально оформленной, текстуальной информации от старших к младшим позволял старшим членам рода доминировать над младшими членами рода¹⁰⁹, так как именно старшим,

¹⁰⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. – С. 153.

¹⁰⁷ Поляков А. В. Указ. соч. – С. 596.

¹⁰⁸ Цит. по: Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М., 1992. – С. 63.

¹⁰⁹ Там же.

принадлежала функция хранения и передачи традиции предков. Это, в свою очередь, закреплялось социальной организацией, использовавшей для этого устные предания, сказания, мифы, ритуалы. Переживание истории, а вернее событий прошлого осуществлялось в символической, образной и метафорической форме.

Совместные ритуальные действия, включающие различные поколения участников, формировали особый тип доверительно-сакральных обычно-правовых отношений между коммуникантами. Можно утверждать, что эти действия были уникальными способами передачи соответствующих ценностей (духовного сплочения участников, которые психологически становились коллективом сподвижников, познающих эпохальные события, подвиги, историю своего народа, священные обычаи и традиции предков).

Особое значение в данном типе коммуникации имели ценности. Ценности в этом ракурсе выступают как некие определенности, реализация которых служит идеальному устройству действительности. Действительности, в которой большое значение придавалось прежнему опыту, тем событиям, которые легли как бы в основу существования этноса (народа). Событий, без которых, народ не стал бы тем, кем является теперь, т.е. в актуальном времени. Наиболее отчетливо, это может проиллюстрировано на примере таких метафор как: «народ победитель», «богоизбранный народ», «житель Поднебесной» и. т. п. Метафора «Москва – третий Рим!» имеет те же корни.

Передача социально важной информации в обществах традиционной ориентации осуществлялась через старших «знающих» к младшим «незнающим». При этом, как отмечалось выше, эффективность трансляции зависела от фактора доверия между ними. Поэтому в такого типа обществах особая роль в трансляции информации принадлежала уважаемым авторитетным людям, имеющим особый дар – «ману», «магу», «оренду» или «сээр».

У шаманистских народов именно шаманы обладали недоступными для основной массы «сверхзнаниями», а благодаря использованию психических средств воздействия (транс, камлание, призывание) они оставляли мощные эмоциональные переживания в психике, приобщающихся к знаниям. В результате фигуры великих предков, овеянные сказаниями и преданиями об их героических подвигах, символика ритуальных обрядов, захватывающий вихрь магических танцев – всё это продолжало жить через эмоции, через сильное чувственное воздействие, производимое ими. Это поддерживало определенный нравственный пиетет обычно-правовых моделей поведения человека в традиционном обществе¹¹⁰.

«Социальным архитекторам» принадлежало право открывать завесу тайных, космических (правовых) знаний о соответствующих должностных функциях. Придавая обоснованность (легитимность) текстуально объективированным знаниям, «социальные архитекторы», тем самым конституировали сложившийся социальный порядок, обеспечивая его связь с системой традиционных ценностей.

¹¹⁰ Василенко И. А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М., 1999. – С. 25.

Доступ к сакральному знанию «социальных архитекторов» и умение от имени предков транслировать обычаи обусловили их авторитет в глазах сородичей, а особые символические места осуществления правосудия обеспечивали доверие населения к транслируемым обычно-правовым нормам. Переживание нормативной истории, таким образом, закреплялось в общественном сознании в контексте места, которое также имело большое значение в передаче «правильных знаний» или «заветов предков». Можно предположить, что именно место, а не время играло важную роль в передаче социально-значимой информации от «знающих» к «незнающим».

Динамический механизм трансляции информации предполагал активную позицию участников. Благодаря этому обычаи приспосабливались к определенным изменяющимся условиям и актуализировались в новом качестве. Здесь важная роль принадлежала прерогативе «социальных архитекторов», которые как бы адаптировали старые шаблоны к новым условиям. Это в свою очередь, позволило предположить, что время, а не место, как в первом случае, выступает доминирующим фактором в трансляции «нужной» информации.

Рассматривая коммуникацию как способ социального взаимодействия, стоит обратить внимание, на способы и средства передачи информации. А это, в свою очередь, предполагает «инструментальную» интерпретацию исторических событий. Поскольку исследуемый феномен служит, помимо прочего, также специфическим средством накопления и передачи социально значимой текстуально оформленной информации. На уровне социальной формы текстуально оформленная информация в самом общем виде представляет релевантный опыт. Благодаря коммуникации осуществляется передача этой текстуально оформленной информации от одного поколения к другому, обеспечивается межпоколенная связь и происходит интеграция индивида в общество.

В традиционных обществах лучший наставник – обычай. Обычный опыт легитимировался коллективным и индивидуальным сознанием в форме определенных правил, а коллективным бессознательным в архетипических моделях поведения.

Передача социально значимого опыта, передавались из поколения в поколение и осуществлялись как в процессе осуществления повседневной социальной практики, так и в процессе праздничных ритуалов и обрядов. То же самое можно сказать и о переживании событий. Например, у некоторых народов исторические события реконструировались в символической форме и побежденные, став на колени признавали власть победителей. После этого действия, происходило замирение и ритуальное поедание какого-нибудь животного или как у индейцев Латинской Америки, по кругу передавали «трубку мира».

Иногда реконструированные исторические события увязывались с необходимостью осуществления инициации, т.е. приобщения молодого поколения к опыту «отцов, дедов и предков». Инициации входили в институциональный традиционный комплекс, и от эффективности проведения инициаций зависела межпоколенная преемственность, а стало быть, и жизнеспособность всего социума. Коммуникация здесь переплеталась с социализацией и легитимацией мифологических знаний.

В процессе накопления необходимой информации, зафиксированной в результатах практической деятельности, прежде всего в социальном опыте, передаваемом из поколения в поколение, содержалась социально значимая информация, воспроизводившая определенные поведенческие стереотипы.

Таким образом, легитимация знаний связана со знанием человека о его месте, роли в обществе и правилах поведения в этом обществе, а также о соответствующих этому обществу ценностях. «Знание» предшествует «ценностям» в процессе легитимации, полагают П. Бергер и Т. Лукман¹¹¹.

Традиционные представления о мире, истории, и месте человека в историческом процессе, вытекали из мифологического понимания. Понимания символически объективированного мифом, где боги и люди слиты в одном пространстве места и времени. Такое положение дел, обуславливает максимум – «народ, не почитающий своих предков, сам будет предан забвению». Этот народ достоин гибели. Поэтому прошлое – это гарант будущего! Прошлое выступает неким архивом, содержащим для всех членов коллектива своеобразный банк данных, благодаря которому человек мог планировать свои действия в дальнейшем. Выстраивая свои действия в соответствии с общепринятыми шаблонами.

И в этом ключе миф можно интерпретировать как механизм, способ, средство и конечную цель, с помощью которого человек переживал историю. История представляла как череда героических подвигов предков. С помощью мифа человек символически адаптировался к актуальной реальности. Примирение (адаптация) имела именно символическое содержание. По мнению Бернар Доре, Жак Брод, Ив Кло, Мишель Бертран именно миф делает творческую и, в том числе, познавательную деятельность человека возможной. В юридической науке эту идею высказывал В.П. Малахов, правда, в контексте критики социального конструктивизма¹¹².

Миф, как уже говорилось выше, был связан с некими иллюзорными представлениями об идеальном прошлом, настоящем и будущем. Иллюзии, в таком ракурсе, могут мыслиться как абстрактные, символические образы, метафоры. Однако наряду с функцией реализации идеала, они часто выступали как некий паллиатив, примирения человека с той действительностью, в которой он жил. Объективированные иллюзии фетиш, табу, универсум, рок, БОГ и т.п. находили свое воплощение в нормативных системах (религии, морали, праве). Причем, чем жёстче нормативная система, тем больше она была мифологична. Так же можно утверждать, что чем трагичнее было переживаемое событие, тем в большей степени, оно подвергалось мифологизации.

Мифологическое мышление – продукт мифологического сознания. Мифологическое сознание, сознание, несводимое к архаическому, хотя и имеет ряд общих черт с последним. Миф – основа ментальности, он ментальная память, своеобразный способ сбережения и ретрасляции знаний. Он выступает как мембрана сферы

¹¹¹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. – С. 154.

¹¹² Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории права. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – С. 13.

осмысленного существования людей, позволяющая бесстрашно смотреть в будущее, конструировать это будущее в соответствии со своими представлениями о переживаемом прошлом.

На основании изложенного можно констатировать, что миф важный компонент сознания (познания), миф – основа философствования, миф – основа переживания исторических событий. Он выполняет смыслоориентирующую, идентификационную, интерпретирующую, ценностную функции познания правовой реальности. Именно история как наиболее важная составляющая мировоззрения социума всегда была окутана мифами, и именно мифы выражали социально важные события и диктовали правила поведения. В основе практически каждого социально значимого события лежит своя идея, мифически объективированная в той или иной форме.

Таким образом, можно заключить, что благодаря мифам осуществлялся процесс передачи социальной памяти героических событий. Объективированный мифами исторический процесс в символической форме давал возможность переживать социуму события давно минувших лет. И от того насколько потомки следуют традиции «заветам отцов», история становится судьбой народа, оседающая в коллективной памяти. В современных условиях мифологизация событий играет аналогичную социализирующую роль, воплощаясь в идеологических, философских и правовых конструкциях, обеспечивающих интеграцию общества и связь поколений.

§ 5. Взаимодействие государства и общества в процессе формирования и реализации официальной политики памяти: правовой аспект¹¹³

Прошлое всегда рассматривалось и властью, и обществом как основание настоящего и проект будущего. Память о прошлом одного рода определяла политику всего социума: римляне по-особенному относились к своим «братьям» из пелопонесской Тенеи, недопонимание, возникшее на генеалогической почве между Эдуардом III Плантагенетом и Филиппом (VI) Валуа, привело к войне, длившейся более ста лет, Жан Монне утверждал, что воспоминания об отцовской торговле легли в основу проекта Единой Европы, и т.д. Неудивительно, что представители самых разных гуманитарных и общественных наук – философы, культурологи, социологи, историки, юристы – обратились к понятиям «коллективная память»¹¹⁴,

¹¹³ Данный параграф выполнен А.Ю. Дорским при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

¹¹⁴ Çiftçi E. Migration, memory and mythification: Relocation of Suleymani tribes on the northern Ottoman–Iranian frontier. *Middle Eastern Studies*. 2018. Vol. 54. Is-sue 2. 4 March. P.270-288; Figueiredo A., Oldenhove G., Licata, L. Collective memories of co-lonialism and acculturation dynamics among Congolese immigrants living in Belgium. *International Journal of Intercultural Relations*. 2018. Vol. 62. January. P.80-92; Abăseacă R. Collective memory and social movements in times of crisis: the case of Romania. *Nationalities Papers*. 2017. 9 December. P.1-14.

«политика памяти»¹¹⁵, «историческая память»¹¹⁶, «мемориальная политика», «официальная память»¹¹⁷, «историческая политика»¹¹⁸ и т.д.

Считается, что с принятием во Франции «Закона Гейссо» (1990 г.) начался новый этап взаимодействия государства и общества. И раньше конструирование настоящего с помощью прошлого нередко приобретало юридические формы – как, например, ссылка на «салический закон» при определении наследника престола в уже упомянутом конфликте Англии и Франции. Но теперь при принятии так называемых мемориальных законов государство, откликаясь на травматические явления, переживаемые обществом, стремится зафиксировать историческую правду в нормативном акте, таким образом, предлагая обществу единственно правильную точку зрения на события прошлого. В ряде случаев за выражение иной позиции следует наступление юридической ответственности вплоть до уголовной. Так, в большинстве европейских стран уголовно наказуемо отрицание Холокоста, в ряде государств – непризнание геноцида армян в годы Первой мировой войны в Османской империи и т.д. Российская Федерация тоже участвует в данном процессе, определяя правовым путём официальную позицию по отношению к Октябрьской революции 1917 г., Второй мировой войне и другим событиям отечественной истории. Для нашей страны данная тема имеет особую актуальность, т.к. с конца XX века активизировались попытки пересмотра привычных взглядов на роль России в становлении многих народов, ранее входивших в Российскую империю, Советский Союз и зоны влияния этих государств. Очевидно, что эти попытки весьма болезненны для российского общества.

Отношение общества в целом и ученых в частности к мемориальному законодательству неоднозначно. Так, многие французские исследователи рассматривают мемориальные законы прежде всего как блокировку развития исторического знания, посягающую на свободу научного творчества¹¹⁹. Есть сторонники этой точки зрения и среди представителей немецкой науки¹²⁰. Некоторые другие ученые, напротив, убеждены в необходимости мемориального законодательства¹²¹. Так или

¹¹⁵ León Galarza N.C. Solo la sangre salva: Bloody repression and political memory in Guayaquil during the administration of Camilo Ponce (1959) [Solo la sangre salva: represión cruenta y memoria política en Guayaquil bajo el mandato de Camilo Ponce (1959)] // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura. 2018. January-June. Vol.45. Issue 1. P.339-366.

¹¹⁶ Cerdán J., Labayen M.F. Memory and mass graves: Political strategies of independent documentaries // Atalante. 2017. Volume 2017. Issue 23. P.187-198.

¹¹⁷ Milošević A. Historicizing the present: Brussels attacks and heritagization of spontaneous memorials // International Journal of Heritage Studies. 2018. Vol. 24, Issue 1. 2 January. P.53-65.

¹¹⁸ Behr V. Historical policy-making in post-1989 Poland: a sociological approach to the narratives of communism // European Politics and Society. 2017. Vol.18. Issue 1. 2 January. P.81-95.

¹¹⁹ Golsan R. J. French memory and the wages of guilt // European Journal of Political Theory. 2011. № 10 (4). P. 490-500

¹²⁰ Flaig E. Memorialgesetze und historisches Unrecht. Wie Gedächtnispolitik die historische Wissenschaft bedroht // Historische Zeitschrift. 2016. № 302 (2). S. 297-339.

¹²¹ Campbell K. The Laws of Memory: The ICTY, the Archive, and Transitional Justice // Social & Legal Studies. 2012. № 22(2). P. 247–269.

иначе активные выступления общественности привели во второй половине нулевых – первой половине десятых годов XXI века к затуханию мемориального законодательства в Европе, однако Резолюция Европейского парламента 2019/2819(RSP) «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», свидетельствует, что мы имели дело только с паузой, тем более, что ряд стран, включая Россию, именно в середине 2010-х активизировал законодательскую деятельность в сфере памяти.

Учеными изучаются причины актуализации мемориального законодательства. Указывают на роль внешнеполитических процессов – глобализации и ослабления государственного суверенитета, создания новых – наднациональных – политических субъектов. Законодательство о памяти служит для национальных государств и привыкших к ним обществ определенным компенсаторным механизмом¹²².

Достаточно сложное отношение к мемориальным законам у исследователей из стран, которые ранее входили в социалистический лагерь. С одной стороны, пережив резкую смену идеологических установок, они отмечают, что историческая наука всегда служила легитимации власти. С другой стороны, признают, что коллективная память – это «контристория». На современном этапе главной проблемой считается создание общей памяти для Восточной и Западной Европы при расширении Европейского Союза¹²³.

Отметим работы белорусской исследовательницы О. А. Матусевич, демонстрирующей манипуляции массовыми представлениями о прошлом, которые происходят в странах постсоветского пространства¹²⁴. Г.В. Касьянов, представляющий Институт истории Украины Национальной академии наук Украины, достаточно подробно разбирает серию мемориальных законов данной страны, начиная с закона «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» 2000 г., действовавшего в течение 15 лет, и сменившегося в 2015 г. новым законом, в котором формулировка «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» была заменена на «Победу над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг.», и закончивая законом 2006 г. «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине» и четырёх мемориальных законов 2015 г. – «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX столетии», «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики» и т.д. Автор делает вывод, что украинские мемориальные законы можно истолковывать как результат желания правящего класса следовать европейским практикам, однако в условиях отсутствия традиции

¹²² Luna G. La repubblica del dolore // Passato e Presente 2011. № 29 (82). P. 5-19.

¹²³ Nowak A. Political correctness and memories constructed for “Eastern Europe” // Memory and Change in Europe: Eastern Perspectives. Warsaw: 2015. P. 38-56.

¹²⁴ Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С.116-118.

плюрализма это ведет к диктату бюрократии и победе единственно «правильного» представления о прошлом, что не вполне соответствует ценностям современного общества¹²⁵.

Говоря о российских исследованиях мемориальных законов, необходимо отметить работы Н. Е. Копосова. В 2011 г. в свет вышла его книга «Память строгого режима: история и политика в России», с которой началось изучение таких вопросов, как коллективная память, официальная политика памяти, законы, определяющие отношение к событиям прошлого, их классификация и т.д. В 2018 г. Н. Копосов издал в Кембриджском университете работу «Законы памяти, войны памяти»¹²⁶. Эта книга произвела настоящий фурор в мировой науке: рецензии на нее продолжают в большом количестве издаваться до сих пор, хотя и до российского ученого в Европе вышло немало серьезных исследований, посвященных мемориальным законам. Вероятно, дело не только в присущих автору скрупулезности и остроте мысли, но и в вовлечении в поле рассмотрения восточно-европейских государств, что дало возможность выделить две интенции законодательства памяти: интенцию покаяния за собственные поступки и интенцию перекладывания вины на внешнего врага.

С точки зрения автора настоящего параграфа, корректно говорить о трех позициях, которые можно выявить при анализе мемориального законодательства европейских стран: позиция покаяния, предполагающая необходимость искупления; позиция жертвы, предполагающая обязанность третьих лиц оказывать жертве всемерную поддержку; позиция глорификации, предполагающая обязательность повторения прошлых подвигов. Представляется, что, формулируя эти позиции, государства опираются на доминирующие в соответствующих обществах представления об исторических событиях как таковых и о нравственности, предъявляя свой подход как единственный нравственно оправданный.

Вопросы взаимодействия государства и общества активно изучаются во многих странах. Однако акценты делаются разные. Например, российские исследователи, в основном, изучают теоретические основы данного взаимодействия, его особенности в условиях построения правового государства и развития гражданского общества¹²⁷, проблемы государственно-общественного партнерства¹²⁸, антропологические аспекты сотрудничества государства и общества¹²⁹, его необходимость в

¹²⁵ Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. — С.28-55.

¹²⁶ Kopysov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

¹²⁷ Melnikov V.Yu., Seregin A.V., Tsechoyev V.K. and al. The necessity of formation of national ideology and implementation of the principle of justice for the development of Russian society // Astra Salvensis. 2018. № 6. P.345-351; Хоконов А.А. Правовое государство и гражданское общество: некоторые аспекты взаимодействия // Вестник Военного университета. 2009. № 3. — С. 87-90.

¹²⁸ Шапкина Е.А. Государственно-общественное партнерство // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 4. — С.6-10.

¹²⁹ Ахметова Д.И., Баладина Н.В., Богорубова Т.А. и др. Модернизация государства, власти, права и

социальной сфере¹³⁰, конституционно-правовые вопросы взаимодействия государства, религиозных организаций и общества¹³¹, пересекающиеся сферы правового интереса гражданского общества, личности и государства¹³² и т.д.

Взаимодействие государства и общества может иметь различную степень интенсивности в зависимости от периода развития.

В периоды стабильности интенсивность взаимодействия может быть как сильной, так и слабой. Инициатором изменений в праве практически всегда является государство, а общество, организации, как правило, «потребляют» то, что им предлагается.

В периоды проведения правовых реформ (переходные периоды) инициатором изменений также является государство, но целью ставится не только трансформация нормативно-правовой базы, но и правосознания субъектов права. Причём в этом случае может возникнуть противоречие между религиозными нормами, которых придерживаются верующие, и правовыми нормами.

Высочайший уровень трансгрессии общества наблюдается в революционные периоды. Государство вынуждено принимать меры в правовой сфере, соответствующие ожиданиям общества, в том числе, по мемориальным вопросам.

Формы взаимодействия государства и общества в процессе формирования и реализации официальной политики памяти могут быть самыми разнообразными:

- придание обычая статуса правового обычая или, наоборот, борьба с ним со стороны власти путём соответствующих разъяснений (например, 11 октября 1801 г. Александр I издал Именной данный Сенату указ, который был направлен на преодоление обычая подношения традиционных хлеба и соли чиновникам во время их визитов по причине того, что на это тратились городские и общественные суммы, предназначенные законом для покрытия других расходов);

- народные челобитные, петиции, обращения, законодательные инициативы по мемориальным вопросам могут быть определённым «двигателем» законодательного процесса (к примеру, известны случаи, когда по общественной инициативе устанавливались памятники, памятные доски в честь каких-то исторических событий или деятелей, оставивших след в народной памяти);

- создание специальных комиссий как официальных, так и научных, для изучения реального отношения общества и различных его организаций к историческим

общества: человеческое измерение. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2014. 292 с.

¹³⁰ Петрушечкин П.В. Взаимодействие государства и общества в ходе реализации социальной политики в республике Саха (Якутия) // Вестник Пермского университета. 2009. Серия: История и Политология 4 (8 Политология – 11 История). — С.48-53.

¹³¹ Нудненко Л.А. Функции конституционных прав и свобод личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2012. № 2. — С.33-41.

¹³² Сигалов К.Е. Алгоритм правовых противоречий государства, гражданского общества, личности в кризисных ситуациях // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 3. — С.23-27.

событиям (так, «научные» выводы профессора Р. Форрисона о том, что газовых камер в период Второй мировой войны не существовало, привели к тому, что этим вопросом занималась специальная комиссия парламента);

- реакция общества, религиозных организаций на новые нормативно-правовые акты или их реализацию (например, Положение Комитета министров Российской империи 1857 г. о сборе денег на установление в Новгороде памятника «Тысячелетие России» не вызвал того отклика, который планировался. В результате была собрана только одна треть от нужной суммы, остальную пришлось внести Правительству¹³³);

- мониторинг правоприменения (к примеру, изучение частоты применения закона, регулирующего отношения, так или иначе связанные с историческими событиями, памятью и т.д.);

- массовое игнорирование выполнения нормы права, поиск способов уклонения от её выполнения (например, официальные праздники, посвящённые празднованию определённых событий прошлого, к которым население страны относится формально, иногда даже не зная, какой это праздник);

- обращение граждан и религиозных организаций в международные судебные органы, прежде всего, Европейский Суд по правам человека, по вопросам восстановления исторической справедливости (сюда можно отнести массовые жалобы граждан Польши в Страсбургский суд в отношении земель, которые в 1939 г. перешли к Советскому Союзу и за которые они не получили компенсации при проведении реституции в постсоциалистический период).

Таким образом, государство и общество, безусловно, взаимодействуют по вопросам выработки и реализации официальной политики памяти. Однако на сегодняшний день практически отсутствуют исследования, которые бы показывали, что мемориальное законодательство действительно является ответом на социальный запрос, и тем более, исследования, в которых бы разрабатывались модели взаимодействия государства и общества в этой сфере. Вместе с тем такие исследования необходимы. Ведь непроработанность процедур взаимодействия в данной сфере может вести к новым виткам травматических явлений, конфликтам как на внутригосударственном, так и международном уровнях.

§ 6. Историческая память как предмет конфликта между правом и идеологией

Что же понимать под исторической памятью? Видимо отражение в сознании общества и индивидов истории, в чем бы она ни являлась современному человеку, будь то изваяние скульпторов, зодчих, живописцев, поэтов и писателей,

¹³³ Маслова Е.Н. Памятник «Тысячелетию России». Л.: Лениздат, 1972. 102 с.

драматургов, а также инженеров, ремесленников, буржуа, рабочих, крестьян, ратные подвиги и поражения, восстания и революции, кровь и пот обездоленных, царей и восхождения на трон. О какой исторической памяти может идти речь? О той памяти, которая вбирает в себя все, что работало на могущество страны, о победах государства или о победах над государством? История настолько разнообразна, а движущие силы истории в различные периоды настолько разноречивы, что говорить о какой-то одной истории нельзя, она есть либо история царей и царедворцев, либо история промышленности, земледелия и прочих крупных видов труда, приносящих богатства, так необходимые для всех достижений материальной и духовной культуры, дошедших до наших дней, либо об истории социальных движений, завершающих перевороты во всех укладах отечественной жизни. О какой истории и исторической памяти говорить? Наверное, о той, которую имеют в виду те социальные движения в стране, истоки которых либо в глубине древней истории, либо в глубине не такой древней. Потому что каждое движение не может себе отказать в своей истории.

Историческая память есть нечто писанное и не писанное, передаваемое из поколения в поколение в традициях, поговорках, в сказаниях, во всем том, что впитал в себя язык, о чем также имеет место беспокойство, ибо язык, подверженный нашествию англоязычных слов, начинает изменяться. И в каком направлении это изменение будет происходить, пока не столь известно. Историческая память есть достаточно обширное понятие, не могущее быть загнанным в какое-то простое определение, не может в себе удержать всю гамму противоречий истории, без того чтобы не впасть в абстракцию, обедненную до интереса, который сегодня задает тон в совокупности социальных интересов. Поэтому, наверное, для того, чтобы наиболее существенные вехи российской истории получили свое живое воплощение в поколениях живущих, а вместе с тем в поколениях, приходящих на смену им, эта история обязана стать не только предметом внимательного просвещения, но и политики государства, которое должно окончательно определиться, какая сторона истории ему милее и дороже. Посему образование, будучи государственным, должно государством и определяться без излишней бюрократизации, а с прицелом на такое знание истории, которое формирует патриотов отечества, гордых за исторический период длительной российской государственности. Эта потребность государства в патриотической настроенности каждого гражданина, обязательно должна быть удовлетворена безотносительно того, какую форму данное государство принимало за свою тысячелетнюю историю. Всем формам государства и достижениям государства той или иной формы должны быть представлены равные права в современном отражении истории, но и равная критика этих форм, ибо одни формы приходили, другие уходили. В связи с чем поток лжи и агрессивной, не подтвержденной историческими фактами критики в отношении государства рабочих, просуществовавшего 77 лет, должен быть умерен до степени определения причин

его гибели и условий появления нового современного государства демократии, выходящего из недр гражданского общества, базирующегося на капиталистической частной собственности. Но требуется не умеренность критики, а ее объективность, не переходящая в разряд потери разума критикующего.

История российского государства, а вместе с ним и история России, становятся предметом идеологической борьбы, которая обязана быть умерена, той глубиной критики, которая, с одной стороны, не затрагивает общих законов государственной жизни народа, этой цивилизованной формы жизни, о которой еще Аристотель говорил как о жизни вне варварства и конфликтов, с другой стороны, не затрагивает особенных исторически конкретных форм государства, которые, сменяя друг друга, то усиливали, то ослабляли свое значение в жизни общества. Надо, в конечном счете, научиться различать общие закономерности, присущие государственному объединению людей, и особенные закономерности, которые то актуализируются, а то и нет в зависимости от исторических целей и задач, стоящих перед государством. Российское государство, какими бы формами правления оно не наделяло себя, также как и любое государство появляется на свет как продукт огромного числа противоречий, вылившихся в междоусобных войнах, и войнах, ведущихся с внешними завоевателями. Завершенное в объединении, оно смогло сохранить свою общественную жизнь благодаря, а не вопреки централизованному государству, в котором сила принуждения соответствовала сути исторических обстоятельств, которыми в первую очередь являлись территориальные притязания, постоянные войны за территорию и ее ресурсы. Недавняя история российского государства – все та же история за территориальную целостность как в период Первой мировой войны, иностранной интервенции в период гражданской войны, в период Великой Отечественной войны. Последняя война в российской истории государственности сегодня является предметом пока идеологического конфликта, в который все в большей степени втягивается право, обусловленное рядом причин как внутренних, так и внешних. На этих причинах и вместе с тем на сути конфликта права и идеологии, необходимо остановиться, ибо этот конфликт есть симптом, подготавливаемых более глобальных битв, а вместе с тем и глобальных испытаний для российского государства и народа.

Мир после Второй мировой войны был разделен по степени военной и экономической силы стран-победителей, и он просуществовал где-то в пределах 45 лет, т.е. до тех пор, пока кризис в лагере социализма не был доведен до своего логического конца, заключенного, во-первых, в разрушении союза социалистических государств, во-вторых, распада Советского Союза на 15 новых государств, в-третьих, в разрушении общественного и государственного строя и, в-четвертых, в разрушении одной из мощных экономик мира, экономики Советского Союза. Стоит заметить, а может быть и напомнить молодым коллегам, что советское общество, государство и экономика были социалистическими, в основе

советского уклада жизни покоилась общественная собственность на средства производства. Это важная реальная и идеологическая деталь сегодня является малозаметной, потому что о ней не говорят, но постоянно держат в уме. Критически важную роль как во внутренних, так и международных отношениях, заставивших ныне существующее государство и те классы, интерес которых это государство выражает, повернуться лицом к недавней героической истории не этого государства и не этого общества, но и непонятно какого общества, государства и народа, потому что, исчезнувший предикат «социалистическое», исключает все особенное, что определяет данный предикат, а он определяет и общество, и государство, и экономику, и ту сплоченность объединения и силу единения, а вместе с этим и патриотизма, который вряд ли когда в истории России народ проявлял. Поэтому, не будем сбрасывать со счетов анализа тот факт, что победа в Великой Отечественной войне была победой народа, но народа, объединенного социалистическим государством. И именно этого не могут ему простить те, кто вознамерился пока посредством информационной войны как внутри страны, так особенно за ее пределами и войны, по всей Европе, с погибшими воинами и их полководцами, увековеченными в бронзе памятников, не могут простить социализму, перенося свою месть на современное российское государство, которое совершенно противоположно тому государству и не имеет с ним ничего общего. Получается странная на первый взгляд ситуация, прошлое классовое противостояние двух миров – капитализма и социализма – не исчезло с переходом России в капиталистические рельсы развития. Она так и сохранила враждебность по отношению к себе по сути дела всего капиталистического мира. Она – враг для Европейского союза и НАТО, она элемент оси зла для США, она, прежде имеющая достаточно друзей и партнеров, обладающая завидной силой и международным авторитетом, стала пигмеем, постоянно гонимым и ущемленным. Если перечислять все несчастья, которые как из ящика Пандоры обрушились на Европу и США, в связи с тем, что Российское государство лишь только заявило о своих интересах устами президента и дипломатии, то их не будет мало. Враждебность, доведенная до абсурда не так безобидна, как кажется на первый взгляд, она завершается началом войны, как это случилось в истории фашистской Германии, когда начало репрессий в отношении евреев и коммунистов, завершилось войной с миллионами жертв. Но под всей этой нагнетаемой западом истерии враждебности, легко и просто угадывается экономический интерес, который вряд ли можно враждебной истерией ослабить, ибо «Капитал», — говорит «Quarterly Reviewer», — «избегает шума и брани и отличается боязливой натурой». Но «если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство; контрабанда и торговля рабами». (Т. J. Dunning, цит. соч., стр. 35, 36)¹³⁴.

¹³⁴Цит.: по Маркс К. Капитал. Соч. Издание второе. Гос. изд-во полит. литерат. М. 1960. Т. 23. С. 770.

Истерия враждебности в Европе и обвинения России во всех бедах и несчастиях не только самой Европы, но и каждого индивида, есть следствие торговой войны между США и Россией за рынок сбыта энергоносителей¹³⁵ и потому, если даже шум и брань приносит прибыль, американский и европейский капитал способствует этому и с такой силой враждебности, которая грозит перерасти, в действия военного характера. Поэтому российское государство, для обеспечения интересов отечественного капитала, стремится создать политические условия для постоянного движения капитала на мировые рынки, для беспрепятственного достижения той нормы прибыли, которая удовлетворяет его притязаниям сегодня. В связи с чем Великая Отечественная война и Вторая мировая война, становятся предметом идеологической борьбы вдвойне, с целью признания силы и мощи российского государства, равной силе и мощи советского государства, победившего всю фашистскую Европу и с целью объединения всех народов сегодняшней Европы, для сдерживания нарастающей политической агрессии европейских реваншистов, которые полагают, что настало время еще раз испытать российское государство на прочность, а в перспективе и завладеть богатыми ресурсами российские территории, пополнив почти уничтоженные европейские ресурсы.

Враждебность к российскому государству и его истории, инициированная западным капиталом, имеет свое продолжение в российском либерализме, не имеющей строгой системности, а если она и представлена, то лишь вокруг критики государства. Этой критикой отечественные либералы, с одной стороны, оказывают услугу отечественному капиталу, а с другой – западному, но какому из них российский либерализм служит больше, это доподлинно не ведомо. Высказанная идея о том, что либерализм как идеология уже перестал отвечать потребностям общества, что он изжил себя¹³⁶, обозначило новый этап в модернизации самого государства, направленного на демократизацию, углублению роли социального государства в создании условий для всестороннего развития граждан страны, что должно быть закреплено в измененной Конституции РФ. Предложения по сохранению исторической памяти в целях противодействия фальсификации истории, о гордости за нашу историю, великие победы и подвиги наших предков, поступали в процессе подготовки предложений о поправках в Конституцию РФ¹³⁷. И эти предложения указывают на то, что история все больше становится предметом идеологического противостояния и борьбы. А борьба – есть стремление одной силы достичь результата

¹³⁵ Россия перед лицом шантажа: зачем Вашингтон и Эр-Рияд давят на нас // URL: https://ria.ru/20200312/1568459820.html?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange (дата обращения: 13.03.2020).

¹³⁶ Путин: «Либерализм изжил себя» // URL: <https://ru.euronews.com/2019/06/28/ru-putin-on-liberalism> (дата обращения: 10.03.2020)

¹³⁷ В Конституции предлагают закрепить тему «исторической памяти» // URL: <https://www.svoboda.org/a/30393801.html> (дата обращения: 11.03.2020).

противоположного тому, который стремится достичь другая сила. В борьбе и, особенно в идеологической борьбе, ее еще называют информационной войной, используются различные приемы, а если борьба касается истории, то ее фальсификация неизбежна. Чтобы данный конфликт имел позитивную перспективу разрешения, вмешательство государства неизбежно необходимо, тем более государство само не заинтересовано в том, чтобы история была представлена наоборот, как это случилось на Украине, в Прибалтийских республиках, в которых героями сегодня стали либо фашисты, либо их пособники. Резвость, с которой эти государства, как часть прошлого советского государства, решили покончить не только с советским, но и русским, или вернее с российским, вместе с денежными пособиями Запада, смотивровали все способности разума этих государств в искажении исторической действительности, чем запомнятся всемирной истории как величайшая глупость, оказывающая медвежью услугу мракобесию и варварству.

Историческая память – понятие многоплановое и если какому-то историческому факту или целому периоду истории придать политическое значение, определив это в законе, то неизбежно в обществе, в котором конституируется плюрализм мнений, мировоззрений и идеологий, наметится конфликт, разрешение которого будет трудной задачей до тех пор, пока не наступит консенсус по тем или иным историческим фактам и периодам. Этот же консенсус в существующем обществе возможен лишь путем всеобщего определения, посредством референдума. Нам могут возразить, что история не есть предмет всеобщего определения, она есть наука. Но история такая наука, по поводу которой столкновение интересов неизбежно, раскол общества вероятен. И чтобы как сегодня этот раскол не приводил к вечному и незавершенному противостоянию, необходимо применить древний и испытанный демократический способ всенародного признания посредством голосования, а не революций¹³⁸. Конфликты в обществе, которое перегружено интересами противоположного характера, могут разрешаться не давлением силы, не законом, принятым в парламенте, в котором большинство у одной партии, а всеобщим голосованием, что легко и просто сегодня может осуществляться посредством электронного голосования.

¹³⁸ Путин: несистемная оппозиция нужна, потому что улучшает жизнь в стране // URL: <https://news.mail.ru/politics/40799062/?frommail=1> (дата обращения: 06.03.2020).

§ 7. К вопросу о соотношении понятий «политика памяти» и «историческая политика» в контексте проблемы эффективности правового регулирования¹³⁹

Проблема исторической памяти является актуальной для любого общества. Начало любого века всегда сопровождалось выработкой новых парадигм развития, которые базировались, в том числе на переосмыслении опыта прошлого.¹⁴⁰ Культура коммеморации, конструирование интерпретаций событий прошлого, оказывают влияние на коллективную память и формирование национальной идентичности, важной предпосылкой которой является способность к памяти о прошлом. Историческая память взаимосвязана с коллективной памятью, исторической политической и политической памяти.

Понятие «политика памяти» впервые было введено в оборот автором концепции «мест памяти» французским историком Пьером Нора, который использовал его в своей работе «Места памяти» для обозначения взаимосвязи политики и способов интерпретации прошлого. Таким образом, политика памяти тесно связана с историей, вернее с интерпретацией событий прошлого, а также с коллективной памятью того или иного народа. Главная цель политики памяти – это управление коллективной исторической памятью народа. Она представляет собой систему форм и способов политизации прошлого¹⁴¹.

И если ранее предполагалась, «что споры и конфликты по поводу политики памяти о Второй мировой войне, о «третьем рейхе» и о Холокосте будут затихать по мере вымирания тех поколений, которым довелось пережить эти события на собственном опыте», то сегодняшняя ситуация в большинстве европейских стран свидетельствует об обратном, споры не только не затихают, они становятся более интенсивными. По мнению немецкого ученого Харальда Вельцера, «политика памяти превратилась в одну из арен внутренней и внешней политики, где заявление претензий по поводу незаслуженных страданий, причиненных тем или иным группам в прошлом, стало веским аргументом, используемым для обеспечения сегодняшних интересов»¹⁴².

¹³⁹ Данный параграф выполнен Н.И. Алексеевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

¹⁴⁰ Дорская А.А., Дорский А.Ю. К вопросу о юридическом определении понятия «Социальная травма» в контексте изучения коллективной памяти // Вестник Московского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 1 (33). – С. 10.

¹⁴¹ Русакова О.Ф. Политика памяти в контексте современных реалий // XV Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 20-23 марта 2012 г. Екатеринбург. — Екатеринбург: УрФУ, 2012. – С. 70.

¹⁴² Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 // Журнальный зал. [Электронный ресурс]. – URL <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения 23.03.2020 г.).

Что касается понятия «коллективная память», то оно появилось в первой половине XX в. в социологической традиции. В научный оборот термин «коллективная память» был введен французским социологом Морисом Хальбваксом. Затем в академической и научной среде интерес к данному понятию был утрачен и новый всплеск интереса отмечается уже в 80-е гг. XX в.

В последнее время коллективная память все чаще становится объектом междисциплинарных исследований, поскольку интерес к прошлому постоянно возрастает. Начало XXI в. французский историк П. Нора охарактеризовал как «эпоху всемирного торжества памяти»¹⁴³.

Относительно трактовки понятия «коллективная память» среди ученых нет единства, поскольку указанный феномен, став объектом исследования различных гуманитарных наук, изучается в разных ракурсах, и с использованием различных методологий.

Так, румынский социолог М.С. Русу, исследовательские интересы которого охватывают тему идентичности и коллективной памяти, дает следующее определение коллективной памяти: «это ретропроекционная система, состоящая из социальных репрезентаций прошлого, разработанных социальной общностью для осмысления своего собственного прошлого». Ученый приписывает «ретропроекционный» характер коллективной памяти, поскольку считает, «что социальные репрезентации прошлого всегда являются ретроспективными проекциями на прошлое, сделанными из настоящего времени назад, а это значит, что они неизбежно окрашены преобладающими в настоящее время общественно-политическими интересами, стремлениями и императивами»¹⁴⁴. Таким образом, автор указывает на связь коллективной памяти с политическими интересами, существующими в конкретном обществе, на связь настоящего с прошлым.

В свою очередь немецкий ученый Х. Вельцер связывает память не столько с прошлым, сколько с настоящим, указывая на то, что память и история не имеют непосредственного отношения друг к другу. История, по мнению ученого, «занимается установлением имевших место фактов и выдвиганием по их поводу подпадающих проверке утверждений», в то время как «память берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным»¹⁴⁵.

История может пониматься по-разному: в онтологическом и дискурсивном значениях, а также может рассматриваться как дисциплина, ориентированная на исследование фактов и событий прошлого. Что касается дискуссии о коллективной памяти, то она относится к дискурсивному смыслу, в котором история понимается

¹⁴³ Нора П. Всемирное торжество памяти / пер. с франц. М. Сокольской // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 // Журнальный зал. [Электронный ресурс]. – URL <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения 27.03.2020 г.).

¹⁴⁴ Rusu, Mihai Stelian History and Collective Memory: The Succeeding Incarnations of an Evolving Relationship // Philobiblon. – Vol. XVIII (2013). – № 2. – P. 262.

¹⁴⁵ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 // Журнальный зал. [Электронный ресурс]. – URL <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения 23.03.2020 г.).

как дискурс о прошлом, издаваемый профессионалами, занимающимися систематическим изучением прошлого¹⁴⁶.

Для П. Нора и М. Хальбвакса история и память – взаимоисключающие понятия, тогда как для немецкой исследовательницы Алейды Ассман история и память – взаимодополняющие феномены. Память важный социальный и культурный ресурс, с ее содержанием связываются позитивные и негативные эффекты. Автор, обращаясь к вопросам исторической политики, выделяет в соответствии с ними и стратегии мемориальной политики, которые выражаются следующими конструктами: «помнить ради преодоления» и «помнить, чтобы никогда не забывать»¹⁴⁷.

Таким образом, раскрытие сущности такого сложного и многоаспектного феномена, как коллективная память будет зависеть от того, как понимаются и соотносятся категории память, история и историческая память.

В свою очередь историческая память взаимосвязана не только с коллективной памятью, но и с индивидуальной памятью отдельно взятого человека, это некое символическое представление исторического прошлого. По мнению Л.П. Репиной, историческая память представляет собой сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта, являющийся продуктом манипуляций массовым сознанием в политических целях¹⁴⁸.

Таким образом, коллективная память – это то отношение, которое общество строит со своим собственным прошлым. А кем и какими способами создаются образы прошлого, кто оказывает на это влияние, на эти вопросы ответить можно, обратившись к феномену политика памяти.

Концепты «политика прошлого» и «историческая политика» появились в Западной Германии и были связаны с понятием «преодоление прошлого». В современных научных исследованиях наряду с ними активно употребляются такие термины, как «историческая политика», «политика прошлого», «политика идентичности», «политика памяти». По мнению Ю. Шеррера, историческая политика отличается прагматической и более реалистической оценкой прошлого от понятия «политика прошлого», связанного с проработкой и преодолением прошлого. Она направлена на конструирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности, реализуемых в ритуалах и дискурсе, которые трансформируются со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды. Историческая политика – это своеобразное осмысление истории, которое не ограничивается только политической сферой, что способствует формированию противоречивых интерпретаций прошлого¹⁴⁹.

¹⁴⁶ См.: Rusu, Mihai Stelian History and Collective Memory: The Succeeding Incarnations of an Evolving Relationship // Philobiblon. – Vol. XVIII (2013). № 2. P. 260-282.

¹⁴⁷ Ассман А. Четыре модели обращения с травматическим прошлым. Историческая память: от тяжбы к разговору [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/17386> (дата обращения 23.03.2020 г.).

¹⁴⁸ Репина Л.П. Культурная память и проблемы истории описания (историографические заметки). – М.: ГУ ВШЭ. 2003. – С. 10.

¹⁴⁹ Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro Et Contra – № 3–4 (46), май – август 2009. – Т. 13. – С. 89-108. С. 90.

В современной России к проблематике «политика памяти», «историческая политика» обращаются ученые различных областей гуманитарного знания – социологи, историки, культурологи, а также представители других наук.

По утверждению известного историка, специалиста в области изучения вопросов политики памяти и исторической политики профессора А.И. Миллера, начало XXI в. ознаменовалось переосмыслением сущности культурной памяти, изменением подходов к ее изучению, а также ростом значимости институционального фактора в политике памяти. Переломным, по мнению ученого, стал 2012 г., когда были созданы Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество, а также началась разработка Историко-культурного стандарта¹⁵⁰.

В многочисленных работах А.И. Миллера, посвященных указанной проблематике, наряду с концептами «политика памяти», «историческая политика», используется понятие политизация истории – это влияние на историка не только конкретной общественной ситуации, но и национальной, религиозной и социальной идентификации. Неотъемлемой частью политики памяти, под которой автором понимается регулирование коллективной памяти с помощью различных общественных практик и норм, признается политика «забывания», при этом ученый дифференцирует различные ее виды: «вытесняющую», «отрицающую» и «понимающую»¹⁵¹.

Е.Е. Вяземский, исследователь вопросов исторической памяти, исторической политики государства и проблемы содержания исторического образования, связывает появление феномена «исторической политики» не только с устранением «белых пятен» истории, но и с желанием политических сил создать идеологические интерпретации дискуссионных исторических событий с целью установления контроля над обществом. По мнению ученого, историческая политика Российского государства имеет характер реакции на ментальные вызовы со стороны ряда стран (страны Балтии, Польша, Украина и др.), где этот процесс начался гораздо раньше¹⁵².

Некоторые авторы, отмечая отсутствие единого определения исторической политики, отождествляют ее с политикой памяти. Так, В.С. Кирчанов определяет историческую политику через политику памяти, и указывает, что это работа с памятью, политически и идеологически мотивированная проработка памяти, под которой автор понимает, забывание и замалчивание или актуализацию тех или иных исторических фактов. В качестве факторов, оказывающих влияние на проработку памяти, указываются – уровень развития исторического знания, политический и общественный запрос¹⁵³.

Для большинства ученых политика памяти – это деятельность, причем целенаправленная, по созданию определенных образов прошлого при помощи

¹⁵⁰ Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – № 3 (94) – С. 87.

¹⁵¹ Миллер А. Россия: власть и история // Pro Et Contra – № 3–4 (46), май – август 2009. Т. 13. – С. 6 – 7.

¹⁵² Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории // Проблемы современного образования. – 2011. – № 6. – С. 92.

¹⁵³ Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (Европейский историографический опыт и Латиноамериканский аспекты) // Политические изменения в Латинской Америке. – 2016. – № 3 (21). – С. 75.

вербальных, визуальных средств (учебники по истории, государственная символика, музеи, памятники) и иных практик. Некоторые ученые (Д.А. Аникин, А.А. Линченко) используют для обозначения этой деятельности понятие «исторической политики», относя ее к частному случаю политики памяти. По их мнению, ведущая роль в этой деятельности принадлежит властным структурам, обладающим возможностями создания коммеморативных практик, формирования и трансляции определенных образов прошлого посредством образовательных учреждений и средств массовой информации. В качестве особенности политики памяти в российском обществе отмечается ведущая роль государства, которое продолжает оставаться единственным источником легитимации образов прошлого и репрезентирующих их коммеморативных практик, несмотря на то, что политические партии выступают акторами политики памяти, роль которых сводится к созданию определенных образов и предложению их в качестве символически значимых¹⁵⁴.

Аналогичную точку зрения высказывает профессор В.А. Ачкасов, по мнению которого, решающая роль в конструировании вариантов национального прошлого принадлежит политическим элитам, от них зависит оценка тех или иных событий прошлого, а также определение их места и значения для национальной истории. При этом государство в указанной сфере занимает привилегированное положение, поскольку обладает возможностями навязывать способы интерпретации событий прошлого, прежде всего, с помощью системы школьного образования¹⁵⁵.

В современных исследованиях понятие «историческая политика» рассматривается как в узком, так и в широком смысле. Так, в узком смысле под исторической политикой понимается распространение исторических знаний, интерпретаций прошлого (систематические исследования, описание, преподавание истории и т.д.). В широком смысле – конструирование описания прошлого, создание единых ориентиров с целью формирования общенационального единства.

В рамках нашего исследования важным является вопрос эффективности правового регулирования в области сохранения исторической памяти.

Некоторые ученые в своих исследованиях обращаются к проблеме ««секьюритизация» памяти» – восприятие дискуссий об истории и коллективной идентичности через призму угрозы национальной безопасности¹⁵⁶.

Для современных государств в области политики памяти характерной тенденцией стало закрепление на законодательном уровне отношения к тем или иным историческим событиям и введение уголовной ответственности за отход от официальной позиции. Развитие мемориального законодательства связывается с вопросами

¹⁵⁴ Аникин Д.А., Линченко А.А. Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики // *Studia Humanitatis*. 2017. № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sthum.ru/content/anikin-da-linchenko-aa-izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-rossii-kak-aktory> (дата обращения 15.03.2020 г.).

¹⁵⁵ Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2013. – № 4. – Т. 16. – С. 109, 113.

¹⁵⁶ Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. – 2016. – № 1 (80). – С. 120.

безопасности общества, государства и сложившегося мирового порядка. По мнению А.А. Дорской, позицию которой мы разделяем, преимущественным является законодательство декларативного характера по сравнению с криминализацией взглядов на прошлое¹⁵⁷.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующий вывод. Политика памяти – это конструирование властью необходимых представлений о прошлом. В этом процессе большое значение отводится политике. Историческая политика – это постоянное стимулирование обращения к прошлому, для этого используются различные формы институционализации (музеи, архивы, памятники культуры, государственные символы, национальные герои, государственные праздники, памятные даты). Благодаря исторической политике те или иные элементы истории прошлого либо вовлекаются в культурный оборот, либо вытесняются. Таким образом, историческая политика направлена на формирование общего прошлого, коллективной памяти, взаимосвязанной с исторической памятью, которая в свою очередь является одной из важных составляющих самоидентификации индивида, социальной группы или общества в целом. В механизме формирования исторической памяти народа на общегосударственном уровне большое значение имеет эффективность нормативно-правовых актов, которые являются главными составляющими этого механизма, а также реализация и применение мемориальных законов, влияющих на уровень правовой культуры отдельного народа.

§ 8. Политико-правовая идея как юридическая форма переживания истории в историографии истории политических и правовых учений¹⁵⁸

История политических и правовых учений как теоретико-историческая юридическая наука постоянно обращается к своей природе и методологическим основаниям развития. Специфика предметной области названной юридической науки во многом обуславливает применение всего многообразия теоретико-юридического и исторического методологического инструментария. Историческая предметная обусловленность истории политико-правовой мысли на современном этапе ее функционирования, а также составляющих компонентов ее научного знания предполагает обращение к практике применения новых подходов, являющимися актуальными для исторической науки в целом. Одним из таких интересных и многообещающих междисциплинарных подходов выступает историография. Наряду с такими сложившимися направлениями в историографии истории политических и правовых учений как «интеллектуальная

¹⁵⁷ Дорская А.А. Мемориальные законы в системе национальной и международной безопасности // *Правовая безопасность личности, государства и общества. Сборник статей XIX Международной научной конференции. Сер. «Муромцевские чтения»* Под ред. Н.И. Архиповой, С.Ф. Тимофеева, Е.Ю. Князевоу. М.: Издательство РГГУ. – 2019. – С. 145, 147, 150.

¹⁵⁸ Данный параграф выполнен С.В. Малогиным при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

история», «истории понятий», «новая биографика» и многих других выделяется и такая линия исследований, как «история памяти» («живая память»¹⁵⁹).

Подробное изучение исторической памяти как направления в историографии показывает его теоретическую и практическую актуальность как в аспектах понимания когнитивно-мыслительных процессов общества, так и конкретных исследовательских практик. В системе различных аспектов исследования исторической памяти становятся перспективными исследования, связанные, с психологическими процессами и проявлениями в обществе, правосознания и мышления научного и профессионального юридического сообщества, происходящих государственно-правовых идеологических процессов, вопросами переживания истории. В этом отношении автор монографии «Теория и практика современной историографии» профессор Н.В. Иллерицкая справедливо указывает на то, что «история ментальностей, история повседневности, интеллектуальная история могут рассматриваться как история опыта. Ибо в этих разновидностях историописания особое значение придается тому, как люди прошлого воспринимали свой мир и как их опыт отличался от нашего отношения к миру¹⁶⁰. В такой связи политико-правовые идеи, как составляющие прочный фундамент правовой идеологии и истории юридической научной доктрины, являются центром психолого-психологических вопросов и оценок. Предполагается, что такое методологическое обогащение истории политико-правовой мысли будет способствовать пониманию процессов когнитивно-познавательного характера, происходящих в системе государственно-правовой действительности. Именно поэтому в настоящей научной работе будет предпринята попытка осмысления роли и значимости изучения политико-правовых идей как юридического оформления переживания истории при помощи методологического инструментария историографии в контексте преимущественно теоретического категориального аппарата современной юриспруденции, что позволит оптимально интегрировать основные междисциплинарные достижения в юридическую науку.

Под политико-правовой идеей понимается форма отражения государственно-правовой действительности, выражающаяся в мысленном прообразе сущности явлений государства, политики и права, взятых в диалектическом единстве, назначение которой выражается в познании, оценке и преобразовании юридической действительности. В свою очередь, юридическое оформление идеи права означает объективацию через соответствующие историко-юридические источники¹⁶¹ политико-правовой мысли, что позволяет говорить о юридических формах ее опосредования и объективации. В исторической политико-правовой науке о мысли идея права

¹⁵⁹ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Грацианский П.С., Деев Н.Н., Лазуренко В.Д., и др.; Редкол.: Грацианский П.С., Гулиев В.Е. (Отв. ред.), Нерсесянц В.С. – М.: Наука, 1976. – С. 9

¹⁶⁰ Иллерицкая Н.В. Теория и практика современной историографии. М. ЛЕНАНД. 2020. – С. 51

¹⁶¹ Кодан С.В. — Классификация источников изучения истории государства и права России: теоретические подходы, классификационные основания, характеристика видов // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 11. – С. 31 – 44. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.11.27995 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27995

предметно помещается и содержится в структуре доктрины¹⁶², которая является специально разработанным техническим приемом к описанию политико-правового учения и современного его осмысления. Таким образом, в юриспруденции политико-правовая идея приобретает юридические формы и осмысливается именно в рамках своей предметной области знания.

Переживание политико-правовых идей в структуре правосознания.

Рассмотрение истоков понимания идеи права показывают ее неотделимой от правосознания и мышления человека. Именно поэтому необходимо детально остановиться на группе вопросов, связанных с особенностями отражения и функционального назначения идеи права в структуре правовой психики человека, которые имеют определяющее значение для описания процесса переживания истории применительно к истории идей. В юридической академической литературе правосознание выступает как сфера или область сознания¹⁶³, представленная набором представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям¹⁶⁴, выражающую их правовую действительность¹⁶⁵. Следовательно, категория правосознания отражает восприятие юридической действительности путем идеологического и психолого-эмоционального отношения, которые традиционно рассматриваются в правоведении как компоненты структуры правосознания. Эмоциональное отношение человека к идее права является одним из существенных аспектов переживания идей права прошлого, что вызывает определённые нарративы в психике, предопределяет характер отношения и правореализационных процессов. Идеологический компонент правосознания не менее важен в ее структуре, поскольку соотносит сущность действующего правового регулирования и представлений (знания) человека. В случае идеологической и психологической синхронизации отношения человека к нормативно-правовому регулированию отношений, основанному на превалирующей идеологии, мышление становится соучастным с государственной юридической политикой и массовым правомерным поведением. В этом смысле политико-правовая идея становится выразителем, с одной стороны, ценностных установок личности на конкретном этапе жизнедеятельности общества, а с другой стороны, – служит критерием оценки идей прошлого с идеологической психологией настоящего. И. Сабо верно отмечает, что под оценочной деятельностью в праве понимается процесс, при котором «определённые общественные отношения и их правовое регулирование как бы измеряются путем их сопоставления с соответствующими правовыми принципами»¹⁶⁶. В то же время категория

¹⁶² История политических и правовых учений. Учебники для вузов / Под редакцией докт. юрид. наук, профессора О. Э. Лейста. М.: Издательство "Зерцало", 2006. – С. 2-4.

¹⁶³ Общая теория права и государства: Учебник. / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. – С. 155.

¹⁶⁴ Теория государства и права. Учебник. Коллектив авторов: Алексеев С.С., Архипов С.И., Игнатенко Г.В., Корельский В.М., Леушин В.И., Перевалов В.Д., Пучков О.А., Русинов Р.К., Семитко А.П., Тарасов Н.Н., Шабуров А.С. Учебник / Москва, 2005. (3-е издание, переработанное и дополненное). – С. 149.

¹⁶⁵ Белканов Е.А. Структура и функция правосознания: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. – С. 4-5.

¹⁶⁶ Сабо И. Основы теории права / И. Сабо. – М., 1974.

правосознание не может ответить на вопросы, каким образом осуществляется интеллектуальная деятельность, а скорее отвечает на вопрос, каков результат мышления, иными словами, отражает итоговую оценку отношения человека к политико-правовой идее. Здесь, следует отметить, что элементы психологических переживаний также обуславливают воспринимаемую человеком конструкцию юридической действительности. Правосознание человека не только показывает, как осознает и оценивает идеи права профессиональный слой юристов, но и как происходят эмоционально-психологические оценки количественного большинства общества, массово определяющих переживание идей прошлого. О таких эмоциях М. С. Строгович делает важное заключение о том, что «...сознание, разум, понимание того, что полезно для общества и что вредно для него, и вызывают чувство негодования, возмущения при нарушении законности, как и чувство удовлетворения, одобрения тогда, когда законность охраняется и соблюдается»¹⁶⁷.

Итак, рассмотрение личностного измерения в историографии психолого-эмоциональных процессов переживания истории позволяет говорить о высокой значимости правовой психологии, которая отражает личностную оценку к переживаемым идеям прошлого и настоящего. В свою очередь, идеологический компонент правосознания выступает как знаниевым основанием возникновения оценок людей по отношению к политико-правовым идеям прошлого, так и служит важным компонентом для процессов мыслительности в конструировании юридической реальности, принимаемых решений и деятельности в правовой сфере.

Переживание политико-правовых идей в структуре правовой культуры и правовой системы.

Индивидуальное измерение роли и значения переживания истории в историографии политико-правовой мысли показывает всю многогранность и сложность данного явления, но все же позволяет сделать вывод о детерминированности правового поведения человека от психологической оценки идей государства, политики и права. В данном отношении интересно проследить взаимосвязи психолого-эмоциональных оценок истории идей в контексте социокультурных компонентов общества, влиянии их функционирования и развития в масштабах государственно-правовой жизни общества. Множество индивидуальных проявлений правосознания членов общества интегрируется в правовую культуру, под которой традиционно понимается обусловленное духовным, социально-политическим и экономическим строем общества качественное состояние его правовой жизни, выражающееся в достигнутом уровне развития правосознания, правовой деятельности, юридических актов и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных социальных групп, всего населения), а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека¹⁶⁸. Как

¹⁶⁷ Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности / М. С. Строгович. – М., 1966.

¹⁶⁸ Теория государства и права: учебник для вузов. – 3-е изд. / под ред. В. Д. Перевалова. – М., 2006. – С. 213; Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, структура, противоречия: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Свердловск, 1986.

видно, в структуре правовой культуры проявляется элемент коллективного правосознания, который характеризует качественное состояние развития всего общества, в том числе, с позиции его отношения к различным формам проявления права и юридической деятельности. Политико-правовые идеи, будучи растворенными и сущностно воспринимаемыми в системе коллективного правосознания, всегда находятся в фокусе оценок людей. Идеи свободы мысли и слова, демократии, равенства и многие другие – все это проявления знаниевые основания переживания истории возникновения, развития и включение в действующее правовое регулирование политико-правовых идей. Пожалуй, самым ярким примером негативной оценки идей прошлого как немецкой нации, так и всех современных обществ являются крайние идеи национал-социализма, которые привели к величайшей трагедии XX века – Второй мировой войне. В связи с этим, конечно же, интереснейшим фактом является опубликование нового издания «Майн кампф» мюнхенским Институтом современной истории, включающего в себя комментарии исследователей. Как пишет Н.В. Иллерицкая, «наиболее заметным отличием цивилизации от человека является ее способность пережить самоубийство и даже восстановиться после него, отвергнув свое прошлое»¹⁶⁹. Так вот, пережив в своем историческом развитии идеологию нацизма и негативно оценив ее на генетическом уровне, немецкое общество приобрело, если так можно выразиться, «иммунитет» против крайних форм национал-социалистических идей. Единственное на чем еще хотелось бы заострить внимание, так то, что на «теле» правовой культуры немецкого общества остался огромный шрам, который сформировал своеобразное чувство вины перед мировым сообществом, которая выражается через реализацию государственно-правовой политики. Германия до сих пор несет расходы на выплаты узникам нацизма, а до определённого времени активно интегрировала в свою культуру различные общества, что весьма негативно сказалось в вопросах законности, правопорядка и культурного своеобразия нации. Поэтому в структуре правовой культуры историческая оценка политико-правовых идей несет очень важное значение для всего функционирования развитого общества, а историческая память располагается психоэмоциональном компоненте структуры правовой культуры и показывает развитость общества в идеологическом плане. Поэтому можно сказать, что в историографических исследованиях идея права может рассматриваться как составной элемент правосознания, отражающей базовые особенности и черты правовой культуры. Именно поэтому вопросам правового обучения и воспитания должно уделяться значительное внимание со стороны как общественных, так и государственных институтов. В этом отношении интересна модель Ф.Р. Анкерсмита, которую приводит Н.В. Иллерицкая: «исторический опыт вызывает переключение от настоящего к миру, состоящему из прошлого и настоящего. Это приводит нас к раскрытию прошлого как реальности, которая как-то оторвалась от настоящего. Исторический опыт стремится к восстановлению прошлого, преодолевая барьеры между прошлым и настоящим. После того, как нация, сообщество, цивилизация получают такой опыт, осознание прошлого становится неотвратимой реальностью»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Иллерицкая Н.В. Теория и практика современной историографии. М. ЛЕНАНД. 2020. С. 53

¹⁷⁰ Иллерицкая Н.В. Теория и практика современной историографии. М. ЛЕНАНД. 2020. С. 52

Правовая культура общества является социокультурным основанием правовой системы государства, которая традиционно включает в свой состав три основных компонента: писаное право как систему норм, юридическую (судебную) практику, правовую идеологию¹⁷¹. Основания идеологии находятся, по мнению Л.И. Петражицкого, в «коллективной психике»¹⁷², а правовая идеология может пониматься как система правовых идей и рациональный уровень правосознания¹⁷³. В данном преломлении можно сказать, что правовая идеология, выполняя в политико-правовой системе роль сущностного основания действующей правовой регуляции, с одной стороны, максимально рациональна поскольку транслирует содержание правового знания, с другой стороны, может содержать массу стереотипов, мифов, интерпретаций и прочих компонентов эмоциональных отклонений от «чистого» знания, что может характеризовать характеризует правовую идеологию с инструментальной стороны¹⁷⁴, т.е. как может служить средством правовой пропаганды и юридического воздействия государства.

Итак, в таком отношении можно утверждать, что для развития правовой системы государства, как задачи профессионального юридического сообщества важен рациональный компонент правовой идеологии, который отражается в профессиональном правосознании и мышлении юристов. Правовая психология присуща обыденному, не профессиональному и не научному правовому сознанию и мышлению. Следовательно, весьма важными и значимыми являются вопросы не только массового сознания переживания истории идей, а прежде всего рационального научного их изучения и специальных юридических оценок.

Значение политико-правовой идеи как формы переживания в историографии политико-правовой мысли.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов о роли и месте политико-правовых идей в правовой системе государства с позиций ее переживания необходимо обратиться к важной составляющей данного вопроса преимущественно в аспекте когнитивных аспектов. Рассмотрение вопросов мышления юристов как носителей профессиональных оценок истории политико-правовой идеологии имеет определяющее значение, поскольку через критерии оценки политико-правовых доктрин формируется отношение политико-правовым идеям прошлого. Следует заострить внимание на том, что юристами предпринимались и предпринимаются активные попытки рефлексии понимания именно юридического мышления. На основании рассмотрения в различных областях научного знания понятия мышления, процессов его формирования и особенностей профессионального мышления, в том числе, и юридического, можно сформулировать следующее определение юридического

¹⁷¹ Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 1995. С. 276

¹⁷² Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908.

¹⁷³ Клименко А.И. Формирование мифологических представлений о правовой идеологии в современном теоретическом дискурсе // История государства и права. 2012. № 11. С. 21 – 23.

¹⁷⁴ Клименко А.И. Проблема понимания правовой идеологии // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 4.

профессионального мышления. Юридическое мышление выступает как интеллектуальная деятельность¹⁷⁵, связанная с необходимостью разрешения юридической проблемной ситуации¹⁷⁶ и отдельных задач¹⁷⁷ путем отражения связей и отношений между фактами государственно-правой действительности, составляющими сложные интеллектуальные объекты¹⁷⁸ в работе человеческого мозга путем надления их юридическими сущностями (содержанием, смыслом)¹⁷⁹, сопровождающийся конструированием¹⁸⁰ юридической реальности, по результатам которой происходит понимание проблемной ситуации¹⁸¹ и ее разрешение юридическими средствами. Таким образом, политико-правовая идея является специальным юридическим интеллектуальным объектом мышления, что определяет ее значимость в юридической деятельности только посредством именно деятельности юристов как носителей знания профессиональной юридической деятельности в контексте правовой культуры и составляющих правовой системы. А соответствующее отношение к идее права, в свою очередь, является определяющим для решения сложных проблемных ситуаций в различных видах юридической практики и научной юридической деятельности. История политических и правовых учений во многом благодаря профессору О.Э. Лейсту знает следующие критерии политико-правовых доктрин, которые вполне применимы к политико-правовым идеям настоящего и прошлого: а) по соотношению идеалов и исторической действительности политико-правовые учения делятся на реакционные, консервативные и прогрессивные; б) по предположениях о сроках и способах достижения идеалов радикальные, умеренные, революционные, реформистские¹⁸². Указанные критерии оценки политико-правовых идей служат рациональными научными ориентирами для юристов, которые решают повседневные задачи, связанные с различными видами юридической деятельности.

Значимость политико-правовых идей для историографических исследований определяется теми функциональными направлениями, которые имеют выраженную и специализированную направленность воздействия в структуре профессионального юридического мышления. Предлагается обозначить и попытаться раскрыть данные направления.

¹⁷⁵ Брушлинский А.В. Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40; Тихомиров О. К. Актуальные проблемы развития психологической теории мышления // Психологические исследования творческой деятельности. Москва: Наука, 1975. С. 13.

¹⁷⁶ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2001. С. 317.

¹⁷⁷ Маклаков А. Г. Общая психология. Санкт-Петербург: Питер, 2001. С.300.

¹⁷⁸ Курпатов А. В. Мышление. Системное исследование. «Курпатов А.В.», 2019. (Академия смысла). С. 177.

¹⁷⁹ Курпатов А. В. Указ соч. С. 20-21.

¹⁸⁰ Щедровицкий Г.П. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. Из архива Г.П.Щедровицкого. т.6. // М.: «Путь». 2003. — С. 180-181.

¹⁸¹ Гинцинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии: учебное пособие / В. И. Гинцинский. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 178; Знаков В. В. Понимание как проблема психологии мышления / В. В. Знаков // Вопросы психологии. 1991. № 1. — С.19.

¹⁸² История политических и правовых учений. Учебник И 91 для вузов / Под редакцией докт. юрид. наук, профессора О. Э. Лейста. М.: Издательство «Зерцало», 2006. — С. 7.

1. Оценка политико-правовых идей формирует профессиональное юридическое отношение к государственно-правовой действительности.

Составляющие интеллектуальную сферу политико-правовые идеи имеют ценность для юриста только в том случае, если осмыслена история их становления и развития. «Человеческой мысли свойственно двигаться через односторонние начала, чтобы достигнуть полноты развития, утверждал в свое время Б.Н. Чичерин, – она покидает историческую почву, но для того только чтобы снова к ней возвратиться, с более богатым содержанием»¹⁸³. Государственно-правовая действительность для юридического мышления складывается из совокупности представлений об историческом развитии политико-правовых идей, которые составляют историю научной доктрины. Научная доктрина является основой правовой системы государства поскольку разрабатывает и формирует определенные юридико-познавательные формы (принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы и т.д.), трактовки позитивного права (его источников, системы и структуры, его действия и восстановления и т.д.)¹⁸⁴. Юридическая научная доктрина наполнена особо ценными, научно осмысленными оценками истории политико-правовой идеологии. В данном случае исторически идеи государства, политики и права формируют понимание закономерностей процессов развития рационального и иррационального осмысления действующего государства и права. Именно в процессе обращения к истории идей у юристов последовательно во всем своём многообразии складывается полная картина политико-правовой идеологии, составляющая прочную основу различных политико-правовых систем общества. В процессе обращения к истории политико-правовых идей государственно-правовая действительность в системе своего динамического развития разворачиваются в мышлении юристов совершенно по-новому. Процесс накопления и последовательного закрепления знаний об истории политико-правовой мысли обрастает совокупностью исторических признаков и оценок, которые формируют профессиональное отношение к идее государства и права, а в масштабах правовой системы – процесса переживания истории идей. Как совершенно верно указывал в свое время профессор О. Э. Лейст, история политических и правовых учений представляет собой связный процесс развития соответствующей формы общественного сознания¹⁸⁵. А как уже отмечалось ранее, профессиональное правовое сознание, оказывает сильнейшее влияние на правовую культуру общества в целом.

2. Процесс переживания политико-правовой мысли формирует ценностные установки профессионального юридического сообщества.

Через оценку политико-правовой мысли вырабатывается ценностное отношение к уже сформированным знаниевым блокам как философско-правового, теоретического, доктринального и догматического правоведения. Юрист как бы обращается к первоисточкам, которые, конечно, «обросли» новыми смыслами и сложностями, но

¹⁸³Чичерин Б. История политических учений. Часть 1. Древность и средние века. – Москва, 1869.

¹⁸⁴Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. – С. 382.

¹⁸⁵История политических и правовых учений. Учебник И 91 для вузов / Под редакцией докт. юрид. наук, профессора О. Э. Лейста. М.: Издательство "Зерцало", 2006. – С. 6.

все же являются прочным правильно выстроенным идеологическим фундаментом для решения сложной теоретической и практической проблемной ситуации – это одна сторона вопроса. С другой стороны, юрист попадает в сложную ситуацию. Если раньше полученные им до обращения с идее права теоретико-прикладные знания находились как-бы в статическом застывшем состоянии, то на момент ознакомления с историей идей мыслящий юрист начинает осознавать доктринальные, смыслообразующие и изменчивые основания положительного права в их историческом развитии. «История, таким образом, – делает вывод В.С. Нерсесянц, – предстает как арена, перспектива и горизонт всей человеческой практической и теоретической деятельности. Взгляды тех или иных мыслителей на историю и историзм, своеобразие трактовки ими содержания и характера связи времен, смысла преемственности между прошлым, настоящим и будущим существенно сказываются на их философско-мировоззренческих, идейно-теоретических и политико-правовых взглядах, на всем их учении в целом»¹⁸⁶. В связи с тем, что идеи составляют правовую идеологию, то вполне можно проследить взаимосвязи с существованием в системе права базовых нормативных положений, которые задают правовому регулированию общественных отношений наиболее общий характер. Они по своему смыслу являются фундаментом всех норм права, имеют определяющий характер, наиболее общую (неопределенную) степень нормативности. Речь идет о правовых принципах, задачах и целях правового регулирования общественных отношений, которые детерминированы политико-правовой идеологией. Они оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения различных видов и одновременно содержат исходные положения, типичные для различных сфер приложения позитивного права. Рассмотрение политико-правовых идей под таким углом имеет еще и очень важное практическое значение, поскольку правотворческая, правореализационная (правоприменительная) и интерпретационная деятельность осуществляются через установление целей, задач, принципов, понимание дефиниций, общих положений правового института, общими подходами к регулированию отношений применительно к отраслевому правовому режиму (отраслям права), смыслом закона, целью законодательного регулирования, существом законодательного регулирования и прочими иными смысловыми компонентами. Политико-правовые идеи составляют прочную политико-правовую идеологическую смысловую основу действующего права и в этом проявляется важная взаимосвязь в структуре осмысления их истории становления и развития. Как верно указывал в свое время О. Э. Лейст политические и правовые учения более всего связаны с политико-правовой областью духовной и материальной жизни общества, так как любое учение о государстве, праве, политике разрабатывается с учетом современной ему политико-правовой действительности, которая обязательно отражается в самом, казалось бы, абстрактном теоретическом построении¹⁸⁷. Соответственно процесс переживания политико-

¹⁸⁶ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Графский В.Г., Грацианский П.С., Деев Н.Н., Лазуренко В.Д., и др.; Редкол.: Грацианский П.С., Гулиев В.Е. (Отв. ред.), Нерсесянц В.С. – М.: Наука, 1976. – С. 68

¹⁸⁷ История политических и правовых учений. Учебник И 91 для вузов / Под редакцией докт. юрид.

правовых идей связывает в мышлении юристов в диалектическом единстве явления права и институт государства с политико-правовой идеологией конкретной изучаемой эпохи, показывает их сложную взаимообусловленность. Понимание смысловых оснований действующего правового порядка, в свою очередь, позволяет решать самые трудные и нестандартные задачи во всех областях правового регулирования и практики.

3. Совокупность оценок политико-правовых идей раскрывает в профессиональном юридическом правосознании и мышлении многообразие государственно-правовой действительности, показывает сложность отношений между составляющими ее элементами и историческими фактами.

Через процессы переживания истории идей в мышлении юридического сообщества, по сути, формируется исторически сложившееся идеологическая правовая основа действующего правового регулирования. Предметно-объектная область юриспруденции является сложной взаимодействующей системой, включающей в себя, как было сказано выше, в том числе, идеологическое правовое многообразие отношений, фактологических компонентов и процессов. Политико-правовые идеи, составляющие идеологическое доктринальное ядро государственно-правовых процессов, выступают важными элементами правовой культуры, правосознания и мышления юристов как носителей профессионального понимания природы государства, политики и права в своем диалектическом единстве. Такая широта охвата государственно-правовой действительности формируется у юристов посредством процессов оценки контекста и времени политико-правовой мысли, именно здесь появляется вариативное знание о сложности объектов, наполняющих государственно-правовую действительность. Такие сложные взаимосвязи для современного юриста являются первостепенными и в условиях меняющегося законодательства, правоприменительной практики и динамики правовой жизни в целом. Юридическое мышление позволяет не принимать во внимание незначительные факты, обусловленные текущими изменениями законодательства и практики его реализации и применения. Если юридическое сообщество понимает на основании переживания истории идей базовые основы правового регулирования и проследживает различные взаимосвязи и взаимозависимости, то оно и способно к осознанию действительности как сложной функционирующей системы. Можно предположить, что по такой общей модели работает и вся система юридической деятельности в государстве.

4. Переживание истории идей связывает юристов с мышлением конкретной эпохи.

Вопросы связанные с пониманием логики мышления эпохи приобретают для историографии истории политической и правовой мысли особое значение. В свое время Н.М. Коркунов писал, что «для полного научного объяснения явлений общественности необходимо принимать во внимание и то, как относятся к ним люди, как думали и думают о них¹⁸⁸». Уже классическим знанием является понимание того, что в основании любого учения лежит логико-методологическая основа¹⁸⁹, которая представлена

наук, профессора О. Э. Лейста. М.: Издательство "Зерцало". 2006. – С. 4.

¹⁸⁸ Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. Издание 6. С.-Петербург, 1915.

¹⁸⁹История политических и правовых учений. Учебники для вузов / Под редакцией докт. юрид. наук,

набором понятийного аппарата, определенных логик и способов размышления о действительности, формирующих картину мира эпохи. Учение – это всегда набор смыслов, выраженных в языковой знаковой форме, т.е. текст. В свое время Г.П. Щедровицкий обращал внимание на то обстоятельство, что текст может рассматриваться как продукт процессов мышления, оформление и след процессов мышления¹⁹⁰. В последствии Г. П. Щедровицкий приходит к выводу о том, что одни части текста фиксируют процессы мышления, а другие части – знания¹⁹¹. В этой связи можно предположить, что по своей сути политико-правовая идея выступает продуктом мышления, она оформляется и включается в действующую идеологическую систему отношений посредством источника политико-правовой мысли. Следовательно, знание представляют политико-правовые идеи, а процессы, ведущие к появлению этих идей – продукт мышления эпохи. Актуализируя значение истории философских учений, Н. М. Коркунов указывал, что для юриста усвоение политико-правовых теорий требуется «для сознательного усвоения готовых выводов науки. Нельзя понять и положительного права, – поучительно указывал Н.М. Коркунов, – не имея понятия о том, какими теоретическим воззрениями руководствовались люди, создавшие обычаи, законодательство, судебную практику»¹⁹². Именно поэтому здесь следует привести очень примечательное размышление Г.П. Щедровицкого о том, что «все то, что мы с вами делаем сегодня, каждый раз участвуют и Аристотель, и Галилей, и Гегель; они работают вместе с нами»¹⁹³. В.С. Нерсесянц указывает, что с позиций гегелевского диалектического историзма предшествующая история учений о государстве и праве предстает уже не в виде галереи заблуждений, а того храма истины, в строительстве которого приняли участие концепции прошлого. Место и роль прошлых учений в современном процессе познания явлений государства и права определяется Гегелем, таким образом, через механизм диалектической трансформации исторического материала в момент логической идеи¹⁹⁴. И действительно те логики, те походы к решению вечных вопросов активно используются юристами в различных практиках. Философский характер мышления Древней Греции с возможностью познания мира в логике Аристотеля, вещи и сути вещей Платона, практического мышления Древних Римских юристов, диалектика Гегеля и прочие способы рассуждений и размышлений – это все достояние правовой системы, юридического знания, имеющего колоссальное значение, которые через систему оценок юристов воспроизводятся в правовой системе и включается в действующее правовое пространство. Получается очень

профессора О. Э. Лейста. М.: Издательство "Зерцало", 2006. С. 3; Графский, В. Г. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / В.Г. Графский; Институт государства и права РАН. 3-е изд., доп. М.: Норма, 2009. – С. 20.

¹⁹⁰ Щедровицкий Г.П. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. Из архива Г.П.Щедровицкого. т.6. //М.: «Путь». 2003. – С. 65.

¹⁹¹ Щедровицкий Г.П. Указ соч. – С. 80.

¹⁹² Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. Издание 6. С.-Петербург, 1915.

¹⁹³ Щедровицкий Г.П. Указ. Соч. – С. 260.

¹⁹⁴ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Графский В.Г., Грацианский П.С., Деев Н.Н., Лазуренко В.Д., и др.; Редкол.: Грацианский П.С., Гулиев В.Е. (Отв. ред.), Нерсесянц В.С. – М.: Наука, 1976. – С. 75

неожиданный вывод о том, что сами по себе знания не выполняют тех функций, которые требуются от мышления человека, они лишь формируют понимание юридических интеллектуальных объектов. Особую значимость имеют способы размышлений, отражающиеся в политико-правовых источниках, т.е. те, как писал Б.Н. Чичерин, «вечные истины, присущие человеческому разуму»¹⁹⁵. Именно поэтому первостепенным и значимым является не только изучение знаний, выраженных в идеях, но и опосредованное восприятие порядка мышления автора учения как выразителя эпохи, через текст источника которого воспринимается определённый порядок помыслить государство, политику и право. Именно способы размышления, рассуждения, оперирования юридическими интеллектуальными объектами выступают теми вещами, определяющими юридическое мышление, которое накапливается и передается от поколения к поколению юристов¹⁹⁶, сохраняя и поддерживая в работоспособном состоянии правовую систему. Первостепенной важностью в историографии является изучение первоисточников, вчитывание в логику изложения и аргументации сути идей, понимания хода рассуждений авторов и их картины мира. Связывание мышления юристов конкретной эпохи, содержания знания обеспечивает важную историческую функцию консолидации национальной идентичности и сохранения исторической памяти и преемственности¹⁹⁷. В этой связи В.С. Нерсесянц отмечает, что подобно тому как связь политических идей и учений с последующей практикой не прямолинейна, не непосредственна, а опосредствована сложной картиной реальных исторических событий, так и момент их преемственности опосредствован всей совокупностью теоретических знаний, приобретенных и сформулированных в истории политической и правовой мысли. Далее он подчеркивает, что в этом увеличении понятийного и категориального аппаратов, в обогащении теоретического словаря и методологического арсенала познания политико-правовых явлений ярко проявляется сложный процесс связи идей и наращивания знания в истории политических учений, связи истории и современности¹⁹⁸.

Таким образом, рассмотрение политико-правовой идеи в различных измерениях и категориальных областях современной юриспруденции с привлечением междисциплинарного подхода исторической науки позволяет сделать несколько значимых выводов. Переживание истории представляет собой рациональную и иррациональную психоэмоциональную реакцию человека, основанную в идеологическом и знанием компоненте в структуре правосознания. В таком отношении применительно как к коллективному, так и индивидуальному обыденному правосознанию и мышлению можно говорить о высокой степени детерминированности решения

¹⁹⁵ Чичерин Б. История политических учений. Часть 1. Древность и средние века. Москва, 1869.

¹⁹⁶ Тарасов, Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учебное пособие для вузов / Н. Н. Тарасов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 218 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-09715-3. Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – С. 39

¹⁹⁷ Медушевский А.Н. Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5. – С. 17

¹⁹⁸ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Графский В.Г., Грацианский П.С., Деев Н.Н., Лазуренко В.Д., и др.; Редкол.: Грацианский П.С., Гулиев В.Е. (Отв. ред.), Нерсесянц В.С. – М.: Наука, 1976. – С. 85-87

поведенческих задач человека в зависимости от его оценок. Исследованные механизмы взаимосвязи и взаимозависимости различных аспектов переживания истории политико-правовых идей позволяют сделать вывод о высокой значимости оценочных компонентов в вопросах их влияния на формирование и развитие правовой культуры общества. Изучение места и значения совокупных переживаний политико-правовых идей в правовой идеологии и правовой системе государства раскрывает процесс переживания истории идей о государстве, политике и праве как ее необходимое социокультурное основание. Исследование показывает, что рациональный аспект оценки политико-правовых идей прошлого присущ именно узкому слою профессионально мыслящего класса юристов, которые в происходящих процессах переживания истории идей рефлексивно осмысливают и развивают государственно-правовую действительность, формируют ценностные установки профессионального юридического сообщества и генетически воспроизводят знания о механизмах профессиональных мыслительных процессах, сохраняя профессиональную правовую культуру и социокультурное идеологическое своеобразие своей правовой системы государства.

§ 9. Introduction to the life, times and thought of Huig de Groot (Grotius) (1583-1645)

1. When preparing for this paper on some highlights of the life and thought of the early 17th century Dutch ('Holland') jurist, theologian, politician and statesman Huig de Groot, I realized the need to focus. There is much to say about Grotius, but I will mainly focus on his legal works of significance: *Mare Liberum* (free sea), *The Introduction to Dutch-Roman Law* and most of all *De iure belli ac pacis* (on the law of war and peace), to which book even in our days is attributed significance to the concept of International law and *ius naturae*, natural law. This however cannot be done without paying serious attention to the context in which Grotius worked and lived. His were troubled times full of violent conflicts between groups of ultra-dogmatic protestant groups, that endangered the very existence of the young Dutch republic that had barely liberated itself from the yoke of the Spanish Habsburg dynasty of Philip II. Formerly, the area that is now The Netherlands and Belgium formed part of the Habsburg, catholic, empire. To free themselves from the Spanish catholic repression, and be allowed freedom of religion and live as protestants after the reformation of Calvijn and Luther, the Dutch revolt started in 1568 (under the guidance of William of Orange) and lasted until 1648, when the Westphalian peace treaty was concluded in Munster. As the Spanish oppression of the southern part (which is now Belgium) grew, wealth in the northern parts, the Dutch Republic, increased. Grotius was born precisely in that period, in the year 1583.

2. In the city of Delft stands on the central market square a statue of Grotius. As it happens, it is placed with its back to the church. This position is symbolic, because Hollands' most famous jurist, statesman and later outcast very much disliked the Dutch reformed clergymen of his times. Other enemies where the princes of Orange, in particular Stadholder Prince Maurits

and his successor. Maurits broke Grotius political career, put him in prison and later prevented his return to the republic. Today, their heirs must parade past the bronze statue of Grotius during royal burials that traditionally take place in Delft. With some pride Grotius looks down on them. In his hands he holds a book, naturally the book of 1625, *de iure belli ac pacis*, on the law of war and peace, which he wrote while in exile in France. Interesting: when the statue was erected in 1886 this book on the law of war and peace was still on the so-called index of forbidden literature by the Vatican. Gossip had it that the Vatican in 1899 was barred from participation at the Hague Peace Conference because the pope had ordered the book on the black list. Before going into the essence of *De iure belli* I would like to share some facts on Grotius.

3. Grotius – a workaholic who's motto was *Ruit Hora*: time flies – was born in Delft, He was extremely talented, studied law in Leiden at the age of 11 and started working as an advocate in The Hague ('advocate at The Supreme Court and Het hof van Holland') at the age of 16. Indeed, he must proceed: already in 1604, at the age of 21, he wrote his famous book *De iure praedae commentarius*, his commentary on the law of booty. The first part of the book deals with law on warfare and taking booty, which derives from the principles of *Ius Naturae* (natural law) and the law on wars. The second part of the book justifies the Dutch revolt against the Spanish tyranny, and the third part is *Mare Liberum*, the influential discourse on the free sea, written in elegant Latin, in which Grotius argues that no earthly power has the right to limit the use of open seas to others. It must however be kept in mind that he wrote this discourse by commission of the Dutch East Indies Company (VOC), as part of a justification of the Dutch trade on East Indies, which was then heavily contested by the British and Portuguese crown, who considered the text of *Mare Liberum* as absolutely subversive. By understanding the book it is therefore important to keep in mind its particular context. By the way, this rule applies to all of Grotius' works.

4. The legal profession did not fully satisfy Grotius and in 1609 – at the eve of the so-called 12 year armistice between the young Dutch Republic and Spain – he quits the profession to be nominated as a high state official, namely 'procureur Generaal' at the Court of Holland. He aims however at a political career, ultimately the high office of the State attorney, the legal counsel of the States General of the Dutch Republic. But, as we will see, this position appears beyond reach for him, and in 1613, the fourth year of the armistice, he has to satisfy himself with the honorable position of legal counsel of the city of Rotterdam. It was to be his last in the Republic. To understand the reasons for his ultimate downfall and sentence to a life in prison, it is necessary to take a look at the troubled circumstances in which the young Republic, struggling to survive and realizing that the armistice with Spain would end in 1621, found itself.

5. Exactly in these 12 years of the armistice the Republic was torn apart by the religious conflicts between opposing groups of protestants, Remonstrants and Contra-Remonstrants. The conflict tore apart society and nearly led to civil war, given the force that was used to enforce on one faction, the dogmatic contra-remonstrants, a duty of religious tolerance towards the more flexible Remonstrants. The religious conflict hinged around the following issues. The ultra-dogmatic Calvinists were the followers of professor of Theology Gomarus, while the more flexible protestants were the followers of professor

of Theology Arminius. In 1610 the religious conflict between the followers of Gomarus and Arminius rapidly became worse, and for this reason the followers of Arminius formulated their so-called *Remonstrantie*, e.g. a call for tolerance with respect to their religious conviction, which by the followers of Gomarus was answered by a *Contra-Remonstrantie*. In this way the conflict between the two groups was forever sealed, no matter the attempts to settle the conflict peacefully. You may wonder what particular issues divided the two groups, the strictly dogmatic Calvinists on the one hand, the flexible protestants on the other hand? Two issues of different character stood at the centre:

- first a purely dogmatic issue around the so-called *predestination* theory. Gomarus defended the position that the predestination of man, eternal death or salvation, rests totally in God's hands, and man had no influence on God's ways. Arminius on the other hand attributed to man a higher than purely passive role: a true believer could earn his position in eternal life. Arminius objected to the predestination theory with the argument that basically it takes away from man any responsibility for his own life, for everything is to be predestined!

- the second issue hinged around the relation between Church and State, in particular the say of the State in religious matters. The ultra-dogmatic contra-remonstrants took a purely theocratic position, in which the Church stood above the worldly authorities, but in the vision of the Remonstrants the supreme authority over the Church was in the hands of the sovereign states of the republic, the seven provinces. This was also the position taken by Grotius, who was a strong follower of the Arminian faction.

6. In his professional capacity Grotius endlessly fought to solve the conflict, trying to convince the Contra-Remonstrants that they should pay tolerance to the position of the Remonstrants. Paramount in his vision was the need for religious tolerance for the sake of the unity of the Christian church. He proposed a Christian religion grounded on principles of common understanding, and wanted to undo it from dogmatic differences. Without much avail: the followers of Gomarus regarded the Arminians as heretics. As the conflict deepened and civil war loomed, the fate of the young Republic itself was in peril. Grotius persevered to strive for religious tolerance and unity of the Christian church turned out to be *absolutely* not acceptable for the powers that be in the person of the Stadholder prince Maurits, who sided against the Arminians as heretics, and thus chose the side of the Gomarists. What followed was the total elimination of the Arminians at the historical «Synod of Dordrecht» in 1619. These events also sealed the end of Grotius' political career: the stadholder prince Maurits of Orange had him arrested on August 29, 1618.

7. Grotius was subsequently incarcerated in The Hague, in the place that is now the seat of the States General (parliament and senate) and was tried by 24 judges, all politically appointees of the then powers that be. Grotius was shocked to find that some of his judges were former opponents whom he knew quite well and who might be prejudiced in his case. Attempts to have them removed from the court were unsuccessful. He was kept in strict isolation, while being interrogated many times about his role during the religious conflicts during the 12-year armistice. In his diary he wrote: 'how unhappy are those kept incommunicado, because they lack the means to defend themselves against false

accusations'.¹⁹⁹ During the trial he did his utmost to convince his judges of the fact that he always acted from the position of a mediator, a bridge-builder, a peacebroker striving to reach for conciliation between both parties. It was to no avail: on May 18th, 1619 Grotius was sentenced to a life in prison and confiscation of his belongings. According to the judgment ('sententie') he was found guilty of disruption of the administration of the country and religion by proclaiming exorbitant, for the State damaging dogma's. Central stood the religious issue. Grotius defended on good grounds the right to exist of Remonstrantism and its more tolerant convictions. While he claimed tolerance of the dogmatic orthodox Contra-remonstrants, they realized that accepting Arminianism led to an essential change of the Christian religion, which implied also a change in the fundament of the State. Grotius mistake was that he did not realize that this was unacceptable to the majority of the people and the Republic. He went too far with his plea for tolerance, and this way became (too) intolerant himself.

8. After Grotius was sentenced, the cities of the Republic were purged of Arminians, and in the night of 5/6th June 1619 Grotius was sent to the fortress of Loevestein, an old military fortress that stood (and still stands) on the confluence of two rivers, Maas and Waal, and served as a State prison. His wife was allowed to follow him. It was here, that Grotius was destined to serve his life-long term in prison. Pleas' by friends to have him released from Loevestein turned out unsuccessful, in the words of the British envoy to the Republic, because:

«They here apprehend the sharpness both of his tongue and pen, which he might use with liberty, being abroad; but whilst he is in their hands, he will be kept in obedience for fear of the sword».

Meanwhile Grotius was happy that the States General allowed him to receive huge amounts of books to study, and that were brought to him in a wooden bookcase. It was in this period that Grotius wrote his famous 'Introduction to Dutch-Roman law'. The book served as the basis of Dutch civil law, until the French occupation, when in 1807 it was replaced by the *Code Napoleon*, which served as the civil law book of The Netherlands until 1838, when it was in turn replaced by the Dutch civil code. Nevertheless, the present civil code, with its Roman law characteristics, still preserves some of the terminology invented by Grotius in his Introduction.

9. The regular transport of books for Grotius was carried out by boat across the river. What happened next, is one of the most famous stories of our national history. Grotius wife invented a plan to escape in the bookcase that Grotius regularly received. And so it happened. In the early morning of March 22, 1621, Grotius stepped into the bookcase that was then picked up by soldiers who put the case in the boat that was to carry him across the river, to the city of Gorinchem. There he stepped out of the bookcase, and with the help of some followers, disguised as a bricklayer, he escaped via Antwerp to France, barely 2 years after he was imprisoned in Loevestein. The authorities meanwhile started a search for Grotius, but alas: the bird has flown. Grotius was never officially allowed to return to the Republic, and

¹⁹⁹ in old Dutch): 'Ongeluckigh sijn die gevangen sijn sonder acces, alsoo sij haer tegen soodaenige slincksche slagen niet en connen verweren'

it is in France that he wrote (in 1625) his most influential legal epos, *De iure belli ac pacis: on the law of war and peace*. Much has been written about this book, but suffices it to summarize its essence in the context of this introduction.

10. The objective Grotius tried to reach with the book was to encourage peace, and for this reason he mainly focused on war. Again, *De iure belli* must be seen in the context of the bloody religious wars from which Europe suffered, particularly after the reformation. In his book Grotius systematically searched if, and under what circumstances a war could be justified. In this respect he paid much attention to *ius naturae*, the natural law, which in his opinion where prescriptions of rationality, '*dictatum rectae rationis*'. After all, it was the unchanging, all binding, natural law – and humanitarian law based on the principles thereof – that formed a guarantee against the laws created by state powers, that is: law subordinated purely to the interests of the state and that were prone to abuse of power and could easily lead to tyranny. Grotius' ideas on natural law created therefore a barrier against so-called legal positivism. Among the basic principles of natural law Grotius understood e.g. the right to life and everything that was necessary for its maintenance. Furthermore property rights of man, the principle of good faith, both between states and between individuals, and, in general, mutual respect for life and property necessary in a livable world. From this ratio follows Grotius' famous maxim: *Pacta sunt servanda*, agreements must be observed. In Grotius system natural law adjusted order between people, and seen in this light he considered war justified in cases of (1) self-defense, (2) protection of property rights, (3) requisition of outstanding debts and (4) punishment of heinous crimes against *ius naturae*, natural law. These conflicts could be dealt with in a court of law, but in case the possibility thereof did not exist, even by war. In this respect Grotius wrote his famous words that up to this day decorate the hall of the Supreme Court of The Netherlands: *Ubi iudicia deficiunt, incipit bellum*', which properly translated means: where access to court does not exist, war starts. I think that these words of Grotius are still of great relevance in our modern, rule of law based democracies, for instance when it comes to financial barriers that prevent people from access to court to defend their rights.

On the other hand Grotius considered fully *unjustified* a robbery war, wars to obtain land that belongs to others, a pre-emptive strike and even a war that aims to interfere in another countries' affairs. Unsurprisingly in his view religious conflicts did not offer sufficient justification to start a war either.

11. Apart from this, in Grotius' theory a war that by itself is justified could become unjustified when its objective or the way in which it was executed was not in accordance with the principle of proportionality. It was after all on the basis of Christian ethics that he required *temperamenta*, incentives to moderation, with which on the basis of *ius in bello* – the law of wars – justified acts nevertheless were declared unjustified. Grotius ended his book with a call for good faith and peace, two ideals that should come first when it comes to starting, continuing and preventing war.

12. To sum up on *de iure belli ac pacis*: Grotius was by no means a pacifist as is by some asserted. He accepted war as a necessary evil that is ineradicable but therefore must be subjected to strict rules. With *de iure belli* Grotius tried accurately to precise for

what purposes and under what circumstances a war may be justified. There remains the issue of sanctions when it comes to preventing wars. Grotius mentions 3 different means: a conference, arbitration and decision by fate. No details are given on the first and the third possibility, and in the second possibility we may, with some common sense, see the International Court of Justice in The Hague, may be even the UN or the ICC. It appears that this rather abstract and original book in the 17e and 18e century, the age of enlightenment, became the 'bible' of international law because *rationality and reasonableness* formed its foundation and in this respect it secularised *Ius naturae*.

13. Dear colleagues, I round off, in the realization that there is so much more to say about Grotius, his thoughts and most of all about *De iure belli ac pacis*, the book that made him more or less the father of international and humanitarian law. Although Grotius' books should always be read in the context of the times in which he lived, his scholarly influence in the course of the centuries cannot be neglected. I should mention his influence as a representative of the Remonstrant protestant believers in The Netherlands. He strived after religious consensus and tolerance and did not put accent on strict dogmatic precision of the Christian believe. He was a theoretician of *natural law*, that as such formed an important source for his thoughts on war and peace. The so-called Grotian tradition implies the subjection of international relations to certain rules, the idea of natural law as an independent source of international law, the rejection of *raison d'etat*, fundamental rights of man and the idea of peace.

Grotius died in 1645 in northern Germany, returning from Sweden on his way to Paris, where he worked as the Swedish ambassador. He is buried in the New Church in the old center of his birthplace Delft. In life he was never allowed to return to the Dutch Republic, as an exile he has his statue in the old square of Delft.

О важных фактах в деятельности голландского правоведа Гуго Гроция (1583-1645)

1. Готовясь к этому докладу о важных фактах в деятельности голландского юриста, правоведа, теолога, политического и государственного деятеля начала XVII века Гуго Гроция (лат. *Hugo Grotius*), я осознал необходимость остановить своё внимание на главном.

О Гроции можно многое рассказать, и важно обратить внимание на его значительные труды по праву: *Mare Liberum* (Море свободное), *The Introduction to Dutch-Roman Law* (Введение в голландско-романское правоведение) и, особенно значимой книге *De iure belli ac pacis* (О праве войны и мира), сущность которой даже сейчас актуальна, поскольку содержит значение концепции международного права и *ius naturae* (естественного права).

Между тем, это не может быть сделано без серьезного внимания к контексту времени, в котором Гроций жил и работал. Те смутные времена были полны ожесточенных конфликтов между группами ультра-догматических протестантов, что поставило под угрозу само существование молодой Голландской Республики, едва

освободившейся от ига испанской династии Габсбургов Филиппа II. Ранее территория, которая в настоящее время является Королевством Нидерланды и Королевством Бельгия, входила в состав католической империи Габсбургов. Для того чтобы освободиться от испанских католических репрессий и получить свободу вероисповедания и жить как протестанты после Реформации Кальвиняна и Лютера, началось голландское восстание в 1568 году (под руководством Вильгельма Оранского) и продолжалось до 1648 года, когда в Мюнстере был заключен Вестфальский мирный договор. По мере того, как рос испанский гнёт в южной части страны (которая сейчас является Бельгией), богатства в северных частях Голландской Республики, увеличивались. Гроций родился именно в тот период, в 1583 году.

2. В городе Дельфт на центральной рыночной площади стоит памятник Гроцию. Так получилось, что статуя расположена спиной к церкви. Такое положение символично, потому что самый известный голландский юрист, государственный деятель, и впоследствии изгой, не признавал властное реформирование голландских священнослужителей своего времени. К другим его врагам можно отнести принцев Оранских, в частности штатгальтера принца Маурица и его преемника. Мауриц сломал политическую карьеру Гроция, посадил его в тюрьму, а позже помешал возвращению в Республику. Сегодня их наследникам приходится проходить мимо бронзового памятника Гроцию во время королевских захоронений, которые традиционно происходят в Дельфт. С какой гордостью Гроций смотрит на них свысока! В руках у него книга, в действительности это книга 1625 года, *De iure belli ac pacis*, (О праве войны и мира), которую он написал, находясь в изгнании во Франции. Интересно, что когда этот монумент возвели в 1886 году, эта книга о праве войны и мира ещё находилась в так называемом списке запрещённой литературы Ватикана. Говорят, что Ватикану было запрещено участвовать в Гаагской мирной конференции в 1899 году, потому что Римский Папа приказал внести книгу в черный список. Но, прежде чем перейти к сути *De iure belli ac pacis*, важно рассказать о некоторых фактах из жизни Гуго Гроция.

1. Гроций – трудолюбив, девиз, которого был *Ruit Hora*: «Время летит» – родился в Дельфт. Он был чрезвычайно талантлив, в возрасте 11 лет изучал право в Лейден и начал работать адвокатом в Гааге (адвокат в Верховном Суде и 'Хет Хоф ван Холланд') в возрасте 16 лет. Действительно, он так и продолжал: уже в 1604 году, в возрасте 21 года, он написал свою знаменитую книгу *De iure praedae commentarius*, свой комментарий к праву добычи. Первая часть книги посвящена праву о войне и присвоению добычи, которое вытекает из принципов *ius naturae* (естественное право) и закона о войнах. Вторая часть книги оправдывает голландское восстание против испанской тирании, а третья часть – *Mare Liberum* (Маре Либерум), содержит значительный дискурс о свободном море, написанный на элегантной латыни, в котором Гроций утверждает, что никакая земная власть не имеет права ограничивать для кого либо использование открытых морей. Однако следует обратить внимание на то, что он написал этот дискурс для комиссии Голландской Ост-Индийской компании (Гок) в качестве оправдания голландской торговли в Восточной Индии, которая тогда сильно оспаривалась британской и

португальской короной, считавшими сущность текста *Mare Liberum* абсолютно подрывающим устои их власти. Поэтому, понимая смысл этой книги, важно отметить ее конкретный временной (исторический) контекст, и это правило распространяется на все произведения Гроция.

2. Профессия адвоката не удовлетворила Гроция в полной мере, и в 1609 году – накануне так называемого 12-летнего перемирия между молодой Голландской Республикой и Испанией – он уходит из профессии для выдвижения на должность высокопоставленного государственного чиновника, а именно «*procurator Generaal*» (генерального прокурора) в Голландии. Он стремился к политической карьере, в идеале к высокому посту государственного прокурора, юрисконсульта генеральных штатов Голландской Республики, но, как мы видим, эта позиция представлялась ему недостижимой, и в 1613 году, на четвертый год перемирия, ему пришлось удовлетвориться почетной должностью высшего юридического советника города Роттердама. Это был его последний пост в Республике. Чтобы понять причины, которые привели к окончанию его карьеры и приговору к пожизненному заключению, необходимо взглянуть на беспокойные обстоятельства, в которых оказалась молодая Республика, борющаяся за выживание и понимающая, что перемирие с Испанией закончится в 1621 году.

3. Именно за эти 12 лет перемирия Республика была разорвана религиозными конфликтами между противоборствующими группами протестантов, ремонтрантов и контр-ремонстрантов. Конфликт разделил общество и чуть не привел его к гражданской войне, придавая силы для принуждения одной фракции догматических контр-ремонстрантов, к долгу религиозной терпимости по отношению к более гибким ремонтрантам. Религиозный конфликт был связан со следующими вопросами. Ультра-догматические кальвинисты были последователями профессора теологии Гомаруса, в то время как более гибкие протестанты были последователями профессора теологии Арминиуса. В 1610 году религиозный конфликт между последователями Гомаруса и Арминиуса быстро обострился, и по этой причине последователи Арминиуса сформулировали свой так называемый Ремонтрант. Например, в нем заключался призыв к терпимости в отношении их религиозных убеждений. Последователи Гомаруса ответили на него своим Контр-ремонстрантом. Таким образом, конфликт между двумя группами был навсегда закреплен, независимо от попыток его мирного урегулирования. Вы можете задаться вопросом, какие конкретные положения разделили две группы: строго догматических кальвинистов, с одной стороны, и гибких протестантов, с другой стороны? В центре внимания стоят два вопроса различного характера:

- сначала чисто догматический вопрос вокруг так называемой теории предопределения. Гомарус отстаивал позицию, что предопределение человека, вечная смерть или спасение, полностью лежат в руках Богов, и человек не оказывает влияния на волю Богов. С другой стороны, Арминий приписывал человеку более высокую, чем только пассивную роль: истинный верующий мог заслужить свое положение в вечной жизни. Арминий возражал против теории предопределения,

утверждая, что в основном она отнимает у человека всякую ответственность за свою собственную жизнь, ибо все уже должно быть предопределено.

- второй вопрос связан с отношениями между церковью и государством, в частности, о влиянии государства на религиозные вопросы. Ультра-догматические контр-ремонстранты заняли чисто теократическую позицию, в которой церковь стояла выше мирских властей, между тем, в представлении ремонтрантов Верховная власть над церковью находилась в руках суверенных штатов Республики.

6. В своем профессиональном качестве Гроций бесконечно боролся за решение конфликта, пытаясь убедить контр-ремонстрантов, что они должны проявлять терпимость к положению ремонтрантов. Первостепенной, в его видении, была необходимость религиозной терпимости ради единства христианской церкви. Он предложил христианскую религию, основанную на принципах общего понимания, и хотел устранить в ней догматические различия. Безрезультатно: последователи Гомаруса рассматривали арминианцев как еретиков. По мере углубления конфликта и неизбежности гражданской войны судьба самой молодой Республики находилась под угрозой. Упорство Гроция в стремлении к религиозной терпимости и единству христианской церкви оказалось абсолютно неприемлемым для власти штатгальдерского принца Маурица, выступавшего против арминианцев, считающего их еретиками, и, таким образом, выбирающего сторону гомаристов. На историческом "Синоде Дордрехта" в 1619 году последовала полная ликвидация теории арминианцев. Эти события также запечатлели конец политической карьеры Гроция: штатгальтер принц Мауриц Оранский арестовал его 29 августа 1618 года.

7. Гроций был впоследствии заключен в тюрьму в Гаага, где сейчас находятся Генеральные государственные службы (парламент и сенат), и был судим 24 судьями, все они были назначены политическими силами того времени. Гроций был шокирован, обнаружив, что некоторые из судей были его бывшими оппонентами, которых он хорошо знал. Они могли иметь предубеждения против него. Попытки отстранить их от суда были безрезультатными. Его держали в строгой изоляции, при этом много раз допрашивали о его роли в религиозных конфликтах во время 12-летнего перемирия. В своем дневнике он написал: "Как несчастны те, кто содержится без связи с внешним миром, потому что у них нет средств, чтобы защититься от ложных обвинений". В ходе судебного разбирательства он сделал все возможное, чтобы убедить своих судей в том, что он всегда действовал с позиций посредника, соединяющего две стороны и миротворца, стремящегося достичь примирения между обоими религиозными группами. Безрезультатно: 18 мая 1619 года Гроций был приговорён к пожизненному заключению с конфискацией имущества. В соответствии с решением суда ("sententie") он был признан виновным в разрушении управления страной и религии, потому что он проявлял непомерную догму, угрожающую интересам молодой Республике. Центральное место занимала религиозная проблема. Гроций на благих основаниях отстаивал право на существование ремонтрантизма и его толерантных убеждений. Хотя он заявлял о терпимости к догматическим ортодоксальным контр-ремонстрантам, они понимали, что принятие

арминиянства ведет к существенному изменению христианской религии, что подразумевает также подрыв основы в государственном управлении. Ошибка Гроция заключалась в том, что он не понимал, что его передовые идеи неприемлемы для большинства людей и Республики. Он зашел слишком далеко со своим призывом к терпимости, и этот путь сам стал нетерпимым.

8. После того, как Гроцию был вынесен приговор, города Республики были очищены от арминиянцев, и в ночь с 5 на 6 июня 1619 года Гроций был отправлен в замок Лувестейн, старую военную крепость, которая стояла (и до сих пор стоит) на слиянии двух рек, Мааса и Ваала, и служила государственной тюрьмой. Его жене разрешили следовать за ним. Именно здесь Гроцию присуждено было отбыть пожизненный срок в тюрьме. Просьбы друзей с ходатайством об освобождении его из Лувестейн оказались неудачными.

По словам британского посланника в Республике:

«Здесь они обезвредят резкость его языка и пера, которыми он мог бы свободно пользоваться, находясь за границей; но пока он в их руках, он будет послушным, боясь меча».

Между тем, Гроций был доволен тем, что ему позволили получать огромное количество книг для изучения права, которые доставлялись ему в деревянном сундуке. Именно в этот период Гроций написал своё знаменитое "Введение в голландско-римское право". Книга служила основой голландского гражданского права, вплоть до французской оккупации, когда в 1807 году её заменил Кодекс Наполеона, служивший тогда источником гражданского права Нидерланды до 1838 года, и затем он был заменен гражданским кодексом Нидерланды. При этом можно отметить, что нынешний гражданский кодекс с его римскими правовыми характеристиками по-прежнему сохраняет часть терминологии, изобретенной Гроцием во «Введении».

9. Регулярная перевозка книг для Гроция осуществлялась на лодках через реку. Дальше произошло следующее – и это одно из самых известных событий в нашей отечественной истории. Жена Гроция придумала план побега в сундуке, в котором Гроций регулярно получал книги. Именно так это случилось. Ранним утром 22 марта 1621 года Гроций спрятался в сундуке, который солдаты подняли и понесли в лодку, доставившую его по реке в город Горингем, и затем он с помощью некоторых своих последователей, замаскированных под каменщиков, бежал через Антверпен во Францию. Произошло такое событие через 2 года, после того как он был заключён в Лувестейн. Власти тем временем начали поиски Гроция, но, увы: птица улетела. Гроцию никогда официально не разрешалось возвращаться в Республику, и именно во Франции он написал (в 1625 году) свой самый знаменитый правовой эпос «De iure belli ac pacis: on the law of war and peace». Об этой книге написано много, но необходимо резюмировать её суть в контексте этого доклада.

10. Цель, которую Гроций ставил и пытался достичь в этой книге, заключалась в поощрении мира, и по этой причине он в основном сосредоточился на рассмотрении вопросов войны. Следует отметить, что De iure belli ac pacis следует рассматривать в контексте относительно кровопролитных религиозных войн, от

которых пострадала Европа, особенно в период после Реформации. В своей книге Гроций систематически изложил поиск ответов на вопросы: как и при каких обстоятельствах война может быть оправдана. В этом отношении он уделил много внимания *ius naturae*, естественному праву, которое, по его мнению, было предписанием рациональности, "*dictatum rectae rationis*". В итоге, это было изложено как неизменное, все объединяющее и имеющее обязательную силу – естественное право – гуманитарное право, и основанное на его принципах – оно составляло гарантию против законов, созданных государственными властями, то есть: против подчиненности только интересам государства, склонности к злоупотреблению властью, которые легко могли привести к тирании. Идеи Гроция о естественном праве создали барьер против так называемого правового позитивизма. Среди основных принципов естественного права Гроций называл, например, право на жизнь и всё, что необходимо для ее поддержания. Кроме того, он указывал на имущественные права человека, на принцип добросовестности как между государствами, так и между отдельными лицами, и в целом взаимное уважение к человеку его жизни и имуществу как необходимые для жизни в мире. Из этого соотношения следует знаменитый принцип Гроция: «*Pacta sunt servanda*: Соглашения должны соблюдаться» как исходный пункт. По системе Гроция естественное право регулирует порядок между людьми, и в этом свете он считал войну оправданной в случаях (1) самообороны, (2) защиты прав собственности, (3) реквизиции непогашенных долгов и (4) наказания за преступления против *ius naturae*, естественного права. Эти конфликты могут быть урегулированы в суде, но в случае их отсутствия, даже в ходе войны. В этом отношении Гроций написал свои знаменитые слова, которые и сейчас украшают зал Верховного суда Нидерланды: «*Ubi iudicia deficiunt, incipit bellum*», что правильно переводится как: «Там, где нет доступа к суду, начинается война». Эти слова Гроция по-прежнему имеют большое значение в наших современных демократических государствах, основанных на верховенстве права, например, когда речь идет о финансовых барьерах, которые препятствуют людям обращаться в суд для защиты своих прав.

С другой стороны, Гроций считал полностью неоправданной грабительскую войну, например, войну за получение территории, которая принадлежит другим странам, наступление без предупреждения, и тоже войну, которая направлена на вмешательство во внутренние дела других государств. Неудивительно, что, с его точки зрения, религиозные конфликты также не дают достаточных оснований для начала войны.

11. Кроме того, по теории Гроция причины войны, которые сами по себе оправданы, могут стать неоправданными, когда цель войны или способ ее исполнения не соответствуют принципу соразмерности. Именно на основе христианской этики необходимы требования к умеренности как стимулам, с которыми на основании *ius in bello* – закона войны – оправданные деяния все же объявлялись неоправданными. Гроций закончил свою книгу призывом к доброй воле и миру, двум

идеалам, которые должны прийти первыми, когда речь идет о предотвращении, начале, продолжении и завершении войны.

12. Подводя итог о книге «De iure belli ac pacis», можно сказать, что Гроций отнюдь не был пацифистом. Он понимал войну как необходимое зло, которое неотвратимо, и именно поэтому необходимо подчинение строгим правилам в войне. В тексте «De iure belli ac pacis» Гроций пытался точно определить, для каких целей, и при каких обстоятельствах война может быть оправдана. Остается вопрос о санкциях, когда речь идет о предотвращении войн. Гроций указал на 3 разных подхода: конференцию, арбитраж и решение по воле судьбы. Никаких подробностей по первому и третьему подходам не приводится, но суть второго похода можно увидеть в Международном Суде в Гааге, и тоже возможно в ООН или в МУС (International Criminal Court). «De iure belli ac pacis», воспринимавшаяся в 17-м и 18-м веках как довольно абстрактная и оригинальная книга в эпоху Просвещения, стала "библией" международного права, поскольку рациональность и разумность составляют сущность ее основы, и в этом отношении она секуляризировала *ius naturae*.

13. Этот доклад о важных фактах в деятельности Гроция, а больше всего о «De iure belli ac pacis», книге, сделавшей его в определенной степени отцом международного и гуманитарного права, это только часть замечательной истории о нем. При чтении книг Гроция всегда должен учитываться контекст времени, в котором он жил, и нельзя пренебрегать его влиянием в течение веков на науку о праве. При этом также важно отметить некоторые аспекты в его деятельности как представителя протестантов-ремонтрантов в Нидерланды. Он стремился к религиозному консенсусу и терпимости и не делал акцент на строгой догматической точности христианской веры. Он был теоретиком естественного права, которое было важным источником для его мыслей о войне и мире. Следует отметить, что так называемая «Гроцианская традиция» подразумевает подчинение международных отношений определенным нормам об идее естественного права, как независимого источника международного права, основным правам человека, идее мира, и отказ от *raison d'etat*.

Гроций умер в 1645 году на севере Германии, возвращаясь из Швеции, где работал шведским послом, по пути в Париж. Похоронен в Новой церкви старого центра в Дельфт, там, где родился. Как изгнаннику при жизни, ему так и не разрешили вернуться в Голландскую Республику, но памятник Гроцию возведен на старой площади Дельфт.

§ 10. Воззрения Спинозы на формы государства

To read Spinoza carefully that is to find oneself in a bewildering landscape of...our own present.

«Читать Спинозу внимательно означает отыскать себя самого в запутанном ландшафте нашего собственного настоящего»²⁰⁰

В разные периоды истории, где наиболее жестко проявляются моменты дестабилизации государственно – правовых институтов, научное общество обращается к трудам мыслителей предшествующих эпох, пытаясь найти там ответы на острые вопросы, поставленные изменениями в современной политической системы России. В этом смысле творческое наследие голландского ученого Бенедикта (Баруха) Спинозы (1632 – 1677), жившего на «переломе эпох»: средневековья с его феодальными представлениями и Нового Времени с его крепнущими буржуазными явлениями, отвечает интересам и потребностям политики и юриспруденции в области понимания соотношения государственно – правовых реалий. «Гаагского мыслителя всегда занимала проблема правильного и целесообразного устройства органов государственной власти, состоящих из лиц, наделенных властной компетенцией. Спиноза изложил свои соображения о государственном механизме в «Политическом трактате», где им были разработаны достаточно подробные установления конституционного порядка для каждой формы правления»²⁰¹.

Политико-правовые воззрения Спинозы основывались на его материалистических представлениях, рассматривающих взаимосвязь всех явлений природы, порождающей естественное право, или *potentia* – «мощь»: «Право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определенная ему мощь»²⁰².

У Спинозы естественное право представляло собой некий идеал, сконструированный нормативный образец, с помощью которого, исходя из разумности идеальной природы, формировалась модель идеального государства.

Потребность создания государства и права была вызвана естественными человеческими причинами, состоящими в постоянном конфликте разума и эмоций. Человек способен совершать правильные поступки и быть свободным только когда им управляет разум, но большинство людей руководствуется низменными желаниями и страстями, приводящие их к неразумным действиям, что не позволяет им быть всегда объективными и разумными²⁰³. Поэтому у общества нет будущего без власти, а значит и

²⁰⁰ Balibar E. Spinoza and Politics. – L.: Verso, 1998. P. XIX.

²⁰¹ Галкин И. В. Политико-правовые идеи в монистической философии Бенедикта Спинозы. Автореф. Дисс. канд юр. наук. – М., 2013. – С. 3.

²⁰² Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с лат. // Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. / Под. ред. В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. – С. 72.

²⁰³ Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с лат. // Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. / Под. ред. В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. – С. 85.

без законов, которые помогут сдерживать необдуманные решения людей. Необходимо создать совершенную модель государственного устройства, которое смогло бы наилучшим образом выполнить все функции для благоприятного существования общества. Спиноза определял закон как образ жизни, указываемый обществом людям ради какой-нибудь цели²⁰⁴. Спиноза так высоко ценил духовную свободу граждан, выражавшуюся в возможности реализовать свободу мысли, совести и высказывания, что провозглашал ее главной целью государственного общежития. Государство, как и любая часть природы, не имеет права предписывать подданным какой-либо образ мыслей именно в силу того, что оно лишено физической возможности («мощи») заставить людей думать или говорить то, что угодно государству. О.Э. Лейст писал, что «государству, как и любой части природы, должно быть присуще стремление к самосохранению, поэтому оно вообще не может совершать действий, подрывающих авторитет верховной власти или возбуждающих негодование большинства подданных, так как это равносильно «самоубийству» государства»²⁰⁵.

Таким образом, Бенедикт Спиноза высказал свое отношение к человеческим законам и государству, отнеся себя к сторонникам потестатной (*in potestate*) государственной власти. Он считал, что право государства должно быть прямо пропорционально числу людей, создавших общественный договор, положивший основу государственной власти. И.И. Мюрберг так определяет главную идею Спинозы о необходимости государства: «Нормативное обеспечение власти имеет вид практического согласия значительного большинства населения, выражаемого в готовности участвовать в функционировании этой власти»²⁰⁶.

Спиноза полагал, что самым стабильным и жизнеспособным государством нужно считать республику с демократическим режимом, так как государство с демократическим режимом не было подвержено множеству «нелепостей», ибо большое количество людей, принимающих решения разумно.

Спиноза утверждал, что власть не имела права принижать свой авторитет или создавать возмущение среди населения. «Спиноза придерживается тех же взглядов, что и его современники об общественно – духовных основах государства, где ненависть и пренебрежение являются началом общественных волнений, а преданность и страх граждан выступают поддержкой власти»²⁰⁷.

В итоге Спиноза приходил к одному и тому же вопросу каждый раз: «Каким образом, следуя чертам человеческой природы, наилучшим образом построить государство так, чтобы и власть и народ действовали сообща для достижения общего блага, независимо от их желания, т.е. чтобы все принуждались (добровольно или под угрозой применения силы или, исходя из потребностей) существовать и действовать по велению разума?». Ответ на вопрос он дал: «Если решения и действия

²⁰⁴ Спиноза Б. Политический трактат / Пер с лат. // Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. / Под ред. В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. С. 233.

²⁰⁵ Лейст О. Э. Учение Бенедикта Спинозы. – М.: Госюриздат, 1960. С. 25 – 26.

²⁰⁶ Мюрберг И. И. Дискурс насилия: К. Шмитт против Х. Арндт // Власть. 2010. № 5. С. 45.

²⁰⁷ Соколов В.В. Мирозрение Бенедикта Спинозы // Спиноза Б. Избранные философские произведения. М., 1957. Т. I. С. 56.

государственной верхушки будут совершаться так, чтобы ничего, хоть как-то относящегося к общественному благосостоянию, не было растрачено впустую, а распределено среди населения во благо»²⁰⁸.

Спиноза явно тяготел к республиканской форме государства с демократическим режимом и считал монархию чуждой общему благосостоянию.

Одним из важнейших качеств демократии, которые выделял Спиноза, было создание и функционирование властных структур во блага общества, учитывая его интересы и мнение. Люди в демократической республике свободны и полностью преданы государству, так как у них нет причин опасаться законов и решений, в принятии которых они сами принимают участие, а государство, в свою очередь, заботится о подданных, так как они – его главный оплот. Спиноза писал, что только по-настоящему свободный человек может жить, действуя сообразно лишь разуму²⁰⁹.

Однако хотя Спиноза критиковал монархию, он предполагал возможность формирования такой формы правления, как ограниченная монархия, где для управления государством создавался представительный орган власти, а выборная аристократия (*a confederate aristocracy*), исключительно представлявшая династию принца Оранского, находилась бы под контролем местных городских органов правления, проводящих в жизнь идею общего блага (*the effective distribution of political power among a number of cities implementing local government and linked through a common wealth*)²¹⁰.

Таким образом, Спиноза анализировал известные ему формы государства в зависимости от соответствия принципам демократии, т.е. распределения общего блага, в первую очередь, реализации свободы.

§ 11. Отношение к закону и власти как национальный знак самосознания народа (на материале русской философии)

В жизнедеятельности любой общественной системы, равно как и в разнообразных формах государственного устройства системообразующим фактором их социальной силы, политического влияния и массового доверия оказывается диалектика взаимодействия власти и народа.

Устойчивость и целостность социальной системы обуславливается множеством разнообразных связей, образующихся в процессе жизнедеятельности конкретных социальных групп, объединений, страт, партий, классов и т.п. Однако стержневым, опорным элементом «общественного мира и социальной гармонии» будет соблюдение всеми и каждым членом сообщества базовых законов,

²⁰⁸ Лейст О.Э. Учение Бенедикта Спинозы о государстве и праве. М.: Госюриздат, 1960. – С. 27.

²⁰⁹ Спиноза Б. Политический трактат / Пер с лат. // Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. / Под ред. В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. – С. 228.

²¹⁰ Freden M. Spinoza and Republicanism // Contemporary Political Theory. – Oxford, 2005. N 4. P. 471–472.

вырабатываемых самим обществом в процессе его исторического развития. Конкретные законы закрепляют общественные связи и отношения, однако ведущей и направляющей законотворческой силой обладает верховная власть, которая своей «мудростью» (Платон) выражает интересы государства и народного большинства.

История любого государства, разных народов складывается из множества форм, проявлений, обстоятельств, но стержневой нитью исторического многообразия всегда остается характер и формы взаимоотношений власти и народа. И атрибутивной чертой взаимодействия указанных двух сил любой социальной реальности оказывается отношение к закону. Его почитание и соблюдение, равнодушие и дистанцирование от него, полное игнорирование и открытое презрение – такие позиции могут определять, в конечном счете, и формы гражданской активности как отдельной личности, так и социальной группы.

И потому вполне правомерен и познавательный, и политический, и практический интерес к проблеме сущностной связи народного большинства и закона как нормативного регулятора социальной жизни. В повседневной практике обыденной жизни люди, часто не задумываясь, весьма критически отзываются о чиновниках, и особенно о тех, кто повыше, о руководителях разных рангов, о непосредственном начальстве. И при этом критика и скепсис априорно предполагают начальственные действия, обоснованные соответствующими указаниями, нормативами, правилами и т.п.

Критический настрой населения укоренен в общественном сознании настолько, что весьма часто это перевоплощается в мифы, афоризмы, анекдоты, т.е. стихийное народное творчество превратило начальственные интенции в самостоятельную социальную реальность, наделив ее исключительной силой и влиянием.

Одновременно с такой критической тенденцией в массовом общественном сознании укорененной парадигмой оказывается мнение, идея, представление о патерналистской миссии руководителей, представителей власти от начальника ЖЭКа до президента страны. Глас народа наделяет представителей власти статусом должностования во имя всеобщего блага, требуя (или ожидая) от них справедливости для всех, во всем и всегда. При этом подобные «народные чаяния» могут быть выражены бессознательно, инстинктивно, привычно, как бы автоматически. Такое явление свидетельствует о том, что массовое самосознание ориентировано на особое, критически скептическое видение власти, складывавшееся годами, десятилетиями, долгой историей.

И, следовательно, народ и власть – это такие сферы социальной реальности, которые чаще находятся в противоречии друг другу, нежели в единстве. Единство этих сфер относительно, различие – абсолютно. Кроме того, у представителей власти универсальным способом общения с народом оказывается документ, указ, приказ и т.п., то есть прообраз закона или сам закон непосредственно. А потому объективно и неизбежно негативное чувство переносится на него. Власть и закон в народном восприятии становятся тождественными, взаимодополняющими началами повседневной практической жизни, неким обременением, которое или терпят как

неизбежность, или игнорируют, создавая стену отчуждения, или в худшем варианте такое противоречие разрешается насильственно.

Зачастую сама действительность предоставляет в распоряжение исследовательской рефлексии такие неожиданные образцы развития событий, разворачивается такая живая историческая явленность, как будто специально написанный сценарий для доказательности или опровержения философских суждений.

Итак, 20-ые годы XXI столетия. Мир буквально устремлен на исполнение грандиозных замыслов: Олимпийские игры, интенсификация экономического развития, увеличение добычи полезных ископаемых, тотальная цифровизация общественного уклада жизни, празднование победного 75-летия советского народа в Великой Отечественной войне, голосование по поправкам в Конституцию РФ и т.п.

И вдруг история остановилась. И замер мир, оказавшийся в экстремальной ситуации – в тисках вирусной пандемии. Если следовать гносеологическому принципу И.А.Ильина, полагавшего, что философ должен ответственно исследовать предметность, возлагая на себя бремя доказательности,²¹¹ то поиск действительных причин сегодняшнего скрытого театра военных действий приводит нас к цепочке обстоятельств, движение и развитие которых совершается по имманентным законам диалектического противостояния.

С одной стороны, властные структуры Российской Федерации приняли ряд мер, призванных остановить распространение вирусной инфекции, в то время как другие страны, особенно Италия и Испания, профилактические мероприятия не спешили вводить в своих странах.

С другой стороны, распространению заболеваемости в немалой степени способствуют люди, самоуверенно убежденные в собственной непогрешимости и защищенности и, как следствие, в возможности жить по собственному усмотрению, игнорируя предписания насущного дня.

По мере развития вирусной инфекции в отечественной практике складывается ситуация, классически строгая, но не простая. Власть (президент, правительство) призывают общество к солидарности, терпению, волевым усилиям, ответственности и иным актам самодисциплины. А население должно это понять, принять, чтобы жить и действовать соответствующим образом, стремясь к единству собственных интересов и государственных.

Однако ситуация далеко не столь благополучная, на что рассчитывал президент и правительство. Множество информационных каналов пестрят сообщениями о нарушении эпидемиологического режима, что способствует распространению инфекции.

Что же влечет общественное народное сознание к противостоянию усилиям государственных мужей выиграть вирусную войну? Ведь благие цели государства – защита, забота и содействие – кажутся очевидными, однако же люди игнорируют не только их, но и строгие профилактические меры по защите жизни каждого конкретного человека.

²¹¹. Ильин И.А. Что есть философия? // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., – 1993. – С.364.

Разумеется, поиск ответа на вопрос генезиса нетождественности интересов власти и народа не решается на нескольких страницах авторских рассуждений, а представляет собой серьезную задачу, имеющую и долгую предисторию, и серьезные научные попытки (историков, политиков, философов) найти способы и формы ее решения, которые, как и сама проблема, многовариантны.

Остановимся на некоторых из них. Отношение к закону и власти всегда есть акт свободной воли индивида, направляемой обстоятельствами, которым человек придает личностную ценность. Аксиологический выбор действий, отношений, понимания, оценок, в свою очередь, детерминируется мировоззренческими установками, самооценкой и оценкой ближайшего социального окружения.

Тема человек и закон, человек и власть одна из сквозных в русской философской традиции, как, впрочем, и в русской культуре. Основанием же таких отношений признается национальное самосознание, оформлявшееся вместе с историческим развитием и русской народности, и русской государственности.

Русская национальная самобытность, русскость, самость духа индивидуального и самость духа национального, как и особенности национального характера представлены в философских исканиях отечественных мыслителей широким спектром идей, начиная со славянофилов и продолжаясь в работах П.Я. Чаадаева, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и мн. других. Одни философы придают первостепенное значение в становлении национального характера эмпирическим факторам, другие объясняют его становление теми религиозно-духовным исканиями, которыми была столь богата отечественная история. Так, в частности, славянофилы восхищались естественными характерными чертами русского народа и историческими формами его национальной жизни, а современные русские философы об этой тенденции говорят с большой осторожностью.

П.Я. Чаадаев в «Философических письмах», посвященных философии истории, уверенно полагал, что «... мы смелы, но не глубоки и настойчивы; мы безразличны к случайностям жизни, но при этом равнодушны к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи, и это лишает нас тех сильных побуждений, которые направляют людей на путь совершенствования»²¹². Его дополнял В.С. Соловьев: «...наш народ не в состоянии сам собою избавиться от тяготеющего над ним тройного бедствия: разобщения, развращения и разорения»²¹³.

Особую концептуальную ценность в проблеме определения национального самосознания представляют идеи Н.А. Бердяева. По мнению русского экзистенциалиста, трудности определения национального характера обусловлены тем, что в этом понятии выстраивается «умопостижимый образ русского народа, а он есть совмещение противоположностей»²¹⁴. Развивая мысль о полярности становления

²¹² Чаадаев П.Я. Сочинения. Философические письма и статьи. – М., – 1989. – С.24

²¹³ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соловьев В.С. Соч. в 2-х тт. Т.1. Философская публицистика. – М., – 1989. – С. 399.

²¹⁴ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре (философы русского послеоктябрьского зарубежья). – М., – 1990. – С. 43

русской самобытности Н.А. Бердяев выстраивает ее содержательно развернутую картину. В частности, он полагал, что противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются два потока мировой истории – Восток и Запад. Одновременно он подчеркивал соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, которой присуща такая же «необъятность и устремленность в бесконечность, как и в русской равнине». И далее, «у русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры, ...он был более народом откровений и вдохновений»²¹⁵.

В основу формации русской души, продолжает философ развивать мысль об её онтологической полярности, легли два противоположных начала: природная, языческая, дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие, что, в конечном итоге, создало образ русской самобытности, чертами которой являются: «деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»²¹⁶.

Выраженная дихотомия национального характера, содержательно представленного Н.А. Бердяевым, усугубляется свободной волей человека, осознающего свои права и обязанности и действующего соответственно зову тех начал, которые задаются конкретными обстоятельствами. Вся богатая палитра черт национального самосознания концентрируется для достижения выбранной цели.

Но одновременно свободная воля русского человека может направлять его на стигию иррациональности, вольнодумства, безрассудности и субъективного произвола. Такая душа не приемлет строгих правил закона, это более присуще европейскому сознанию, и потому обязательства, налагаемые узаконениями и правилами, вольно или невольно изгоняются из сферы рассудочного мышления и поселяются в сфере чувственно-эмоциональной. А это сейчас наблюдается повсеместно, чувственно-эмоциональной вольницей подпитывается эгоизм современного человека, который руководствуется только законом себялюбия: «Я хочу».

Противоречивость союза власти, закона и народа исторически формировалась на идее сакрализации власти, которая понималась как земное воплощение Божественного абсолюта, а религиозность народа только укрепляла сознание в особой мессианской предназначенности власти, особенно монархической, укрепляя стену отчуждения между простыми людьми и властью предрержащими. Интересно отметить, что метаморфозы такой сакральности сохраняются и в современном обществе, где она принимает соответствующие формы согласно требованиям дня, например, элита, высшее общество, президентская рать и т.п. И подчеркнем еще раз, что длительная история

²¹⁵ Там же. С. 44.

²¹⁶ Там же. С.44-45.

размежевания «земледельца» и «мудрого правителя» (Платон) выработала у отечественного работника стойкое предубеждение не только к правителю, но и к закону, которым правитель обозначает свою миссию.

Общественная жизнь, ее гармония или разлад, подъемы и спады, прогресс или регресс – всё, в конечном итоге, предопределяется стержневыми, опорными актами бытия социума – системой отношений общества с властью и законом – атрибутивной формой ее выражения.

История как многомерный процесс соотносительности общественного национального самосознания, важнейшей частью которого является правосознание, и власти, стремящейся заслужить лояльность народа, свидетельствует о том, что союз этих двух сил далеко не всегда имеет положительный баланс. Более того, особенности национального самосознания предопределяют и противоречия, и конфронтацию (напр., стихийный бунт), и скрытое народное сопротивление. Формы последнего исторически разнообразны, однако, суть расхождения народа и государя коренится в законах. Они выражают, в первую очередь, волю власти как направляющей силы государственного устройства. И коль власть в состоянии выразить народные ожидания, то возможно общественное единение, понимание и позитивное действие закона.

Однако история, особенно русская, полна расхождений, раздора, смуты, восстаний, войн, предубеждений. Истоки социальной неустроенности как разлада народа и власти имеют противоречивое происхождение. С одной стороны, негативные черты национального характера оживают и направляют людей на деструктивные акты, и, с другой стороны, власть создает закон, некую социальную норму, не соответствующую духу народного самосознания. Это закрепляется в общественной практике, в психологии народа, в привычках и традициях поколений и выражается во множестве вариаций правового нигилизма, суть которого едина – отчуждение индивидуального и общественного сознания от нормативной регуляции закона.

Причинами массового искажения правосознания даже в новейшей истории исследователи (историки, правоведаы, философы) называют несколько факторов, а именно: крепостничество как уродливое явление русской истории, диктатуру пролетариата начала XX столетия, переросшую в репрессии и командно-административную систему управления, тоталитаризм советской эпохи, социальную неустроенность и отчуждение 90-х годов, снижение качества современного образования, энтропию нравственно-этических основ социального общежития, массовую ориентацию на ценности потребительского общества и, как закономерное следствие этого процесса, воцарение идеологии прагматизма, эгоизма, индивидуализма. Правосознание в такой общественной атмосфере претерпевает кризисные метаморфозы, оно принимает субъективистски ориентированную направленность. Современный человек уверенно ориентируется на личные права и привилегии, в то время как общественный статус права – норматив, указ, обязанность, запрет, закон остаются вне зоны его внимания.

В ряду указанных причин правового нигилизма, как нам представляется, наличествует еще одно обстоятельство, а именно, его истоки могут корениться, с

одной стороны, в системе организации власти и ее преимущественной ориентации на устроение государственного интереса, а с другой, в той противоречивости национального самосознания, которая побуждает людей стихийно, спонтанно, зачастую бессознательно, инстинктивно отрицать ценность закона, что ведет не только к его игнорированию, но и к противостоянию ему. Вектор законотворчества и вектор правоприменения оказываются рассогласованными, а это может порождать и кризис правосознания, что проявляется в самых неожиданных формах. Интересная цифра первых апрельских дней 2020 года – коронавирус «добыт» русскими людьми в 73 странах мира. Устремления людей, эгоистически испорченных эпохой потребления, прагматизма и эгоизма, превзошли все аргументы специалистов о надвигающейся опасности, достигшей пандемической формы и требующей осторожности, сдержанности и разумного поведения.

Итак, самосознание общества объективно содержит в себе элементы правосознания, и потому черты национального характера неизбежно будут «окрашивать», предопределять последнее. Это обстоятельство фокусируется в понятии «национальное правосознание», имеющем право на существование, так как оно заключает в себе конкретное содержание – взаимодействие национального характера и закона, в результате чего устанавливается общественное равновесие и устойчивость социального бытия. Социальная гармония возможна там и тогда, когда власть берет на себя бремя ответственности, понимая свое служение высшим целям государства, а народ видит в законе возможность осуществления свободного устройства собственной жизни. И потому право ощущается и переживается как свободное волеизъявление в пределах закона, а закон оказывается не бременем повиновения, а условием реализации субъективной активности.

По нашему мнению, необходимо обратить внимание на то, что и власть, и закон обязывают людей к определенному типу поведения – организованности, системности, ответственности, дисциплинированности, последовательности. Закон велит человеку быть таковым, каковы его правила и предписания. Такая регулирующая направленность закона может вызывать чувство несвободы, зависимости, и в целом его неприятие и игнорирование. Подобное переживание регулятивных предписаний может обуславливаться дионисическими началами национального характера, о которых русские мыслители высказывались достаточно однозначно.

В настоящее время – в 20-ые годы XXI века правосознание как базовый элемент общественного устройства переживает серьезный кризис, диагностированный еще в середине прошлого века²¹⁷. Предлагаются многочисленные формы и способы его преодоления (целое направление в исследовательской литературе), мы же отметим следующее. Современная история богата кризисными фантомами отнюдь не только в правосознании, но и во многих сферах общественной жизни, и отнюдь не только в отечественной. Это явление планетарного масштаба. Человечеству сегодня предъявляется гамбургский счет, оплачивать который придется и изменением образа жизни, и

²¹⁷ Ильин И.А. Кризис современного правосознания // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., – 1993. – С.247-251.

изменением системы ценностных ориентаций, и качественно новыми идеями устройства и организации жизненного пространства. Конечно, будущая история сохранит и все оттенки национального характера народа, и власть как управляющую и организующую силу государства, и закон как всеобщий регулятор взаимоотношений народа и власти, однако в целях оптимального преодоления очередного кризиса власти надлежит слушать и слышать народный глас, а народу надлежит понимать власть, почитая закон, в пределах которого только и возможна полнота свободы.

§ 12. «Право сильного» и божественная гармония в историософской поэтике Николая Гумилева

Русская литература Серебряного века, являясь безусловным феноменом культурного развития России и выстраивая принципиально новые художественные стратегии, концентрирует внимание на широком спектре онтологических проблем человеческого существования. Интенсивные попытки уяснить сущность бытийных противоречий, причины распада внутреннего мира человека и космоса, которому он неизбежно принадлежит, и прозреть возможные способы преодоления дивергенции микромира и макромира присущи творчеству большинству русских поэтов и писателей рубежа XIX–XX вв. При всех различиях их художественных миров и мировоззренческих установок, литераторы Серебряного века совпадают в желании постичь глубинные основания миропорядка и прояснить антиномичность бытия, проявляющуюся и в психологической, и в социальной, и в политической, и в повседневной-бытовой сферах человеческой жизни.

Предельное внимание литературы эпохи модернизма к онтологической проблематике необходимо приводит ее в область историософских исканий. Помещение вопросов о сущности исторического развития человечества и о логике истории как движения от прошлого – через настоящее – к будущему в центр концептуальных построений, наблюдающееся в трудах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. (В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, Л.И. Шестова и др.), характерно и для идеологических поисков и ценностных результатов художественной словесности этого времени. Акцентирование историософских смыслов эстетической рефлексии над взаимоотношениями человека и универсума обнаруживается в творчестве многих писателей и поэтов Серебряного века, таких как, например, Д.С. Мережковский, Вяч. И. Иванов, А. Белый, А.А. Блок, В. Хлебников, О.Э. Мандельштам. Именно переживание истории в различных модусах ее движения и мифологизация исторического процесса становятся константными параметрами художественной идеологии в прозаических, поэтических и драматических произведениях литературы русского модернизма. Осмысление истории в социальных, религиозных и мифологических проекциях видится залогом преодоления бытийной пропасти между человеческим «я» и мирозданием

как таковым и поэтому оказывается магистральным вектором смыслообразования в литературном творчестве Серебряного века.

В этом отношении особый интерес вызывают историософская проблематика в поэзии Н.С. Гумилева, творческий путь которого пролегает от неоромантического углубления в идеализированную архаику к глубокому постижению истории как процесса накопления онтологического опыта взаимодействия на оси «Человек – Мир».

Основой гумилевского художественного универсума является интенсивный поиск возможностей разрешить противоречия между основополагающими началами бытия: витальным и мортальным, земным и небесным, телесным и духовным, человеческим и природным, дьявольским и божественным. Поэтому лирический субъект Н. Гумилева, предстающий в различных социокультурных и мифологических ипостасях (воина, жреца, мага, путешественника, любовника, поэта-творца)²¹⁸, постоянно стремится уяснить сущность бытийной антиномичности и наметить варианты ее избывания усилиями человеческого «я». Идеологема обретения целостности миропорядка, определявшей бытие всего сущего в начальной точке творения мира и утраченной в результате исторического движения человечества, становится ценностно-смысловым центром гумилевской поэтики. По мысли С.Л. Слободнюка, в творчестве Н. Гумилева «именно синтез <...> делает возможным достижение совершенства формы, соединяя в единое целое, казалось бы, извечно антагонистические понятия смерти и жизни, света и тьмы, прошлого и будущего»²¹⁹. Этот тезис, выявляющий ведущий вектор смыслопорождения в гумилевской лирике, нуждается в важной оговорке. Конечно, «синтез» и стремление к конвергенции противоположностей являются ключевыми интенциями творческого мышления поэта, однако соединение противопоставленных в мироздании начал у Н. Гумилева, чаще всего, приводит к постулированию их «нераздельности и неслиянности». Целостность мира – это идеал, а реальность, осмысляемая в гумилевских стихотворениях и поэмах, оказывает серьезное сопротивление попыткам ее «оцельнения».

Сама «точка зрения» лирического субъекта обнаруживает глубинные противоречия между различными аспектами его собственного «я». Как справедливо указывает А.А. Асоян, «лирический герой Гумилева воплощает собой контрапункт противоположных начал, и эволюция лирического сознания поэта заключается не в движении к какому-либо итоговому результату, предполагающему линейное развитие по прямой или кривой линии, а в стяжении периферии к центру»²²⁰. Представляется, что сопряжение внутри субъектного «я» конфликтующих друг с другом

²¹⁸ Подробное исследование форм мифологизации героя в гумилевской лирике представлено в работе: Тадевосян Т.В. Мифологема героя в поэтическом творчестве Н.С. Гумилева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МПГУ. М., 2008. 22 с.

²¹⁹ Слободнюк С.Л. Николай Гумилев: модель мира (К вопросу о поэтике образа) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. – С. 159.

²²⁰ Асоян А.А. К вопросу о поэтическом мировосприятии Н. Гумилева // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Т. II. Литературоведение. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 153.

представлений о мире эксплицирует многомерность поэтической личности Н. Гумилева и во многом определяет трагический характер поисков целостности бытия в его поэзии.

Такая антиномичность гумилевского миропонимания подчеркнута в размышлениях о поэте Н.О. Оцупа, отмечающего, что «тот Гумилев, которого мы видим в жизни и творчестве, был двойственным человеком – одновременно робким и подавляющим свою робость, властным, самоуверенным и почти высокомерным, нежным, наивным христианином, восклицающим: «Люблю Тебя, Господи!» – и диким язычником, чей Бог презирает скромных и поощряет сильных, чуть ли не жестоких»²²¹. Данное суждение нам видится принципиально важным применительно к проблеме осмысления Н. Гумилевым исторического прошлого человечества как основы прозрения грядущего. Что определяет самополагания личности в истории и в универсуме: возводимая в ценностный абсолют сила и власть, свойственная архаическому человеку, или христианское всепрощение и умиротворение, призванные гармонизировать отношения людей с Богом? Этот вопрос требует глубокого рассмотрения, так как именно дихотомия «дикое язычество – смиренное христианство» может позволить найти ключ к постижению художественной историософии Н. Гумилева.

Предметом исследования в предлагаемой работе является соотношение ценностно-смысловых категорий «право сильного» и «божественная гармония», представляющих принципиально значимыми параметрами гумилевской художественной идеологии и формирующих в ней видение истории как пути к преображению миропорядка. Думается, что в историософской поэтике Н. Гумилева волевое освоение человеческим «я» внешнего мира и стремление к божественным высотам вселенной, конфликтуя и соприкасаясь, мыслятся залогом реонтологизации исторического развертывания бытия.

Итак, в гумилевском мировоззрении культ сильной личности является ценностной константой, проявляясь и в биографии поэта, и в его творчестве. Так, африканские путешествия Н. Гумилева и его участие в Первой мировой войне показывают явное тяготение к волевому преодолению жизненных препятствий. Более того, состоявшаяся 22-го ноября 1909 года дуэль поэта с М.А. Волошиным, во время которой он настаивал на смертельном исходе, свидетельствует, что в гумилевском правосознании «право сильного» если и не мыслилось поведенческой нормой, то, по крайней мере, было релевантным для выстраивания социальных отношений. Значимый для Н. Гумилева дворянский кодекс в известной степени определял его образ мысли и поведение и приводил к утверждению индивидуальной воли в качестве основы жизнестроительства.

Отметим, что и политические воззрения поэта коррелируют с идеологией силы и власти: по свидетельствам современников, Н. Гумилев считал монархию правильной формой государственного строя и основой социально-правовых отношений. Так, например, в воспоминаниях А.В. Амфитеатров приводится следующая

характеристика гумилевских политических взглядов: «Мой демократический республиканизм был ему не по душе. Как-то раз я, шутя, напомнил ему, что Платон, в своей идеальной утопии государства, советовал изгнать поэтов из республики. – Да поэты и сами не пошли бы к нему в республику, – гордо возразил Гумилев. Он был монархистом – и крепкий. Не крикливый, но и нисколько не скрывающийся. В последней книжке своих стихов, вышедшей уже под советским страхом, он не усомнился напечатать маленькую поэму о том, как он, путешествуя в Африке, посетил пророка-полубога «Махди», и –

Я ему подарил пистолет
И портрет моего Государя»²²².

Как видно, монархические представления Н. Гумилева проявлялись не только в жизни, но и в творчестве. При этом неточно процитированные А. Амфитеатровым строки из гумилевского стихотворения «Галла» (1918) не только указывают на верность лирического героя монархии, но и акцентируют оружие как метонимическое обозначение «права сильного». Однако это произведение поэта показательнее прежде всего тем, что повествуемая в нем встреча русского путешественника с африканским пророком мыслится соприкосновением интересующих нас идеологией – «посюсторонней» силы и потусторонней магии, способной упорядочить жизненные ритмы людей: «Я склонился, он мне улыбнулся в ответ, / По плечу меня с лаской ударяя, / Я бельгийский ему подарил пистолет / И портрет моего государя. / <...> Если мула в лесу ты не можешь найти / Или раб убежал, беспокойный, / Всё отыщешь ты, давши обет принести / Шейх-Гуссейну подарок пристойный»²²³. Очевидно, что лирический герой здесь стремится уравновесить две силы – физическую и колдовскую – как предикаты движения к мировой гармонии, причем обе они укоренены в архаическую модель мира, в которой воин и маг занимают главенствующее социальное и онтологическое положение. Такая сакрализация древности, являясь фундаментом гумилевской аксиологии, показывает, что проникновение в глубины истории в сознании поэта является способом реорганизации бытия в настоящем.

Укажем, что архаика, почти доисторическое состояние человечества провозглашаются Н. Гумилевым в статье-манифесте «Наследие символизма и акмеизм» (1913) в качестве основы нового акмеистического мировоззрения (Ср.: «Как адамины, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного»²²⁴). Возвращение к Адаму, то есть в исходную точку человеческой истории, мыслятся поэтом необходимой мерой обновления современности и онтологическим актом очищения цивилизации от накопленной за тысячелетия греховности. При всей экзальтированности манифестации «звериного» начала в

²²¹ Оцуп Н.А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб.: «Logos», 1995. – С. 163.

²²² Амфитеатров А.В. Н.С. Гумилев // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: «Вся Москва», 1990. – С. 241.

²²³ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. – С. 31.

²²⁴ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006. 552 с

человеческом «я», сопряженной с задачами утверждения поэтики акмеизма, идея «дикости», следования первобытным инстинктам будет играть весьма существенную роль в построении историософской модели мира в позднем творчестве Н. Гумилева.

Представление о физической и духовной силе как ценностно возвышенном качестве человеческого «я» формируется с самого начала творческого пути поэта, в период неоромантического миропонимания, ориентированного, с одной стороны, на художественную практику русского символизма, а с другой на эстетические представления «парнасской школы» во французской поэзии XIX века. В этом отношении показательным является стихотворение Н. Гумилева «Оссиан» (1905), представляющее поэтическую интерпретацию «оссиановых» поэм Дж. Макферсона, в свою очередь, основанных на кельтских сказаниях. Героизация сильной личности здесь укоренена в мифологический контекст, определяющий смысловой вектор идеализации древности и уже в начальной точке сюжетного развертывания текста эксплицирующий мир великих деяний: «По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи, / Меж них багровела луна, как смертельная рана. / Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий / Упал под мечом короля океана, Сварана»²²⁵. Масштаб и величие гибели героя подчеркнуты пейзажным изображением, в котором сама природа («тучи», «луна») становятся участником битвы. Однако смерть древнеирландского воителя Кухулина оказывается своеобразным «прологом» к подлинному воинскому столкновению, то есть с «точки зрения» лирического повествователя архаическая жизнь в ее высшем проявлении являет собой череду героических сражений:

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспенённое море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран иступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала²²⁶.

Встреча двух сильных «я» (кельтских воинов Сварана и Фингала), каждое из которых жаждет утвердить свою волю в миропорядке посредством схватки с достойным врагом, мыслится абсолютным событием в мифологическом универсуме, предельно релевантным не только для самих героев, но и для внимающего их воинской мощи макрокосма:

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжноголосых
О битве великой в великом испуге равнины²²⁷.

²²⁵ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. – С. 40.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же.

Однако лирический субъект не сообщает об итоге повествуемого поединка: для него первостепенным является не смертельный исход сражения, а факт героического противостояния сильных воинов. Поэтому в финальной строфе стихотворения повествователь актуализирует собственное «я», причастное мирной повседневности и жаждущее проникновения в древний мир сильных людей: «Когда я устану от ласковых слов и объятий, / Когда я устану от мыслей и дел повседневных, / Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий, / Я вижу на холме героев суровых и гневных»²²⁸. Таким образом, ментальное «всматривание» лирического субъекта в глубь времен утверждает воинскую силу и физическую мощь мифологизированного человека древности в качестве бытийного идеала.

Конечно, в доакмеистической поэзии Н. Гумилева 1900-х годов идеологема «права сильного» характеризует мифологическую модель мира и сопряжена, во-первых, с репрезентации лирического «я» в ипостаси древнего воителя, а во-вторых, с вариативно развертываемыми сюжетами волевого, подчеркнуто конфликтного освоения человеком мифологизированной исторической реальности. В таких стихотворениях поэта, как, например, «В пути» (1908), «Поединок» (1909), «Товарищ» (1909), «Избиение женихов» (1909) именно сила и воинское мастерство маркируют человеческое самоопределение в бытии, причем гибель сильного героя, изображаемая во многих гумилевских произведениях, ни чуть не умаляет его ценностного величия. Напротив, личность, руководствующаяся «правом силы», сталкиваясь с непреодолимым препятствием, приобщается к мортальному пространству бытия, которое в гумилевской художественной онтологии открывает человеку сущность мироздания.

Думается, что именно культ силы и власти как категорий, определяющих движение лирического героя в инобытие, приводит к определенной редукции в поэтике Н. Гумилева мотива «посюстороннего» воздаяния, человеческой мести за грехи и преступления. Принцип талиона (равновесного возмездия), как отмечает С.Л. Слободнюк, отчетливо проявился в художественной идеологии русского символизма (в поэзии К.Д. Бальмонта, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус) и, «взаимодействуя с парадоксами модернистского мировоззрения, лег в основу правовых исканий <...> и правосознания Серебряного века»²²⁹. В гумилевском же миропонимании значение талиона снижается, так как волевые акты, в том числе и возмездия, свершаемые «здесь», в земном измерении мира, ведут «туда», в потустороннюю действительность.

В раннем творчестве Н. Гумилева историософские воззрения еще только формируются и не получают отчетливой реализации, однако и в произведениях 1900-х годов обнаруживаются определенные выходы к поэтическому осмыслению логики мировой истории. Взгляд на историческое столкновение культур и

²²⁸ Там же.

²²⁹ Слободнюк С.Л. «Что если буду я как Бог?», или Парадоксы талиона в мирах Серебряного века // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. – С. 143.

цивилизаций здесь, безусловно, носит мифологический характер, что присуще гумилевской лирике в целом, но в нем начинают проступать контуры представлений об исторических процессах как пути к грядущей конвергенции человеческого и божественного начал. Так, в поэме «Северный Раджа» (1908) повествуется о мечте древнеиндийского князя совершить поход в северные земли, соотносимые с европейскими странами, покорить их и, создав «в царстве снега <...> Иную Индию»²³⁰ (в авторской мифопоэтике Н. Гумилева «Индия Духа» является сакральной областью бытия), преобразить миропорядок. Единение традиционно противопоставляемых культурных пространств Юга и Севера, Востока и Запада предстает идеальным проектом обретения человеком онтологической целостности. При этом «владыка севера, Раджа», являясь волевой личностью, свое «право сильного» стремится утвердить не физически, а духовно, реорганизовав «мертвое» северное пространство в мир вечного торжества витального сил (Ср.: «Здесь каждый миг была весна / И в каждом взоре жило солнце»²³¹).

Как видно, уже в ранней гумилевской поэтике обнаруживается стремление соотносить бытийный маршрут сильной личности, преодолевающей обстоятельства жизни и смерти, с представлениями о мировой гармонии в свете исторического пути человечества. Определенный поворот к историософской концептуализации поэтических образов и мотивов в творчестве Н. Гумилева демонстрируют его «военные» стихи 1914 года «Новорожденному», «Наступление», «Война», «Смерть», «Солнце Духа». В этих стихотворениях героическое воодушевление лирического «я» и актуализация в его сознании патриотической идеологии, вызванные событиями начала Первой мировой войны, помещаются в контекст апокалиптических представлений о разрушении старого мира и созидании огнем и мечом мира нового, преображенного и духовно целостного.

Пребывание в сердцевине мирового социального катаклизма, явленного войной и поставившего человека на перепутье истории, дает импульс рефлексивному углублению гумилевского поэтического сознания в проблему истоков российского национального самоопределения в социокультурной и онтологической проекциях. «Всмаotrивание» Н. Гумилева в исходную точку развития русской государственности и становления общественного самосознания России раскрывается в условном цикле «скандинавских» стихов, в которых «возникает историософская эмблематика, определяющая полярные начала, взаимодействие которых обуславливает движение русской истории»²³². Именно в стихотворениях 1917 года «Норвежские горы», «Швеция», «На Северном море» и «Стокгольм» в полной мере реализуется историософское видение современности сквозь призму древних времен. Актуализируя в своей поэтике идеи «норманнской теории», согласно которой государство в Древней Руси имело скандинавские корни и складывалось под военно-

политическим и социокультурным влиянием варягов, поэтическое «я» Н. Гумилева стремится к отысканию первоистоков русской национальной идентичности в героизированном прошлом скандинавов.

Так, в стихотворении «Швеция» северная страна, предстает объектом рефлексии лирического субъекта, отождествляющего себя со всеми русскими людьми и припоминающего истоки становления Руси в контексте истории, мыслится сакральным пространством, духовно родственным славянским землям. При этом бытийной основой древних скандинавов, определившей их воздействие на славян, оказывается их физическая сила и воля к поступку:

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?²³³

Путь «из варяг в греки» как исходная точка русской истории предпринимается на основе «права сильного», того, кто может покорить и преобразить прежний мир. Поэтому этапы движения древнерусской истории, акцентированные в сюжетной структуре текста, связаны с «силовыми» действиями и военными успехами «о скандинавленых» русичей: «Ответь, ужели так и надо, / Чтоб был, свидетель злых обид, / У золотых ворот Царьграда / Забыт Олегов медный щит? // Чтобы в томительные бреды / Опять поникла, как вчера, / Для славы, силы и победы / Тобой подъятая сестра?»²³⁴ При этом логика движения русской истории от древности к современности осмысливается в отрицательном регистре: «сила, слава и победа» былых времен оказываются погнутыми забытыми в настоящем, что для лирического субъекта равнозначно историческому тупику. Поэтому финальная точка сюжетного строения, организованного чередой риторических вопросов, пуантируется вопрошанием о тщетности исторического возвышения Руси:

И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?²³⁵

Именно утрата воли к победе, дарованной Руси варягами, мыслится крахом русской истории. При этом, адресуя свои вопросы Швеции, «священной навеки стране», гумилевское лирическое «я» не только раскрывает его эмоционально-психологическое переживание забвения героических истоков русской жизни, но и стремится понять сущность этого процесса: является ли он исторической ошибкой или, наоборот, демонстрирует онтологическую предопределенность движения нации и государства во временах и эпохах?

²³⁰ Там же. – С. 207.

²³¹ Там же.

²³² Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. – С. 49.

²³³ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Воскресенье, 2005. – С. 123.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

Очевидным является то, что в сознании Н. Гумилева скандинавская страна идентифицируется как сакрализованная «прародина». Как точно отмечает Е.Ю. Куликова, «поиск себя в “скандинавском пространстве”» здесь «показывает, что <...> Швеция и Россия становятся странами, близкими друг другу исторически и духовно», и в этом раскрываются «сложные историософские взгляды Гумилева, переживающего мир как чередование и взаимоналожение темпоральных и пространственных пластов»²³⁶.

Такое сопряжение и совмещение времен и пространств в гумилевской поэтике принципиально возвеличивает ценность и правоту сильного «я». Древние скандинавы объявляются духовными прародителями лирического субъекта в «северных» стихах именно потому, что они сильны, воинственны и героически устремлены к волевому освоению мира. «Право сильного», воля воителя прямо декларируются в стихотворении «На Северном море», в котором позиция субъектного «я» представлена обобщенным образом варягов-викингов:

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Вносивших над Северным Морем
Широкий крашенный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский –
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть²³⁷.

Смертоносные деяния древних скандинавов, предков лирического субъекта, представлены здесь не только в качестве реалий их воинской жизни, но и в качестве основы и сущности их национальной идентичности. Путь завоевателей предначертан самой природой их бытия, что эксплицируется в его изображении в контексте истории: «Уже не одно столетье / Вот так мы бродим по миру, / Мы бродим и трубим в трубы, / Мы бродим и бьем в барабаны: / – Не нужны ли крепкие руки, / Не нужно ли твердое сердце, / И красная кровь не нужна ли / Республике иль королю? –»²³⁸. Но в то же время историческое движение воителей в миропорядке осмысливается и в смертном аспекте их волевых устремлений: «право сильного» воплощается не только в его победных свершениях, но и в праве на смерть, возвеличивающей человека в веках:

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срывать с высоких башен,

²³⁶ Куликова Е.Ю. О «тайной прародине» Николая Гумилева («Стокгольм», «Швеция», «Заблудившийся трамвай») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 22. № 1. Кострома, 2016. С. 100.

²³⁷ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 3. – С. 129.

²³⁸ Там же.

Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц –
Железо, сталь и свинец²³⁹.

Именно акцентирование «крови» здесь маркирует двуединство витального и смертного начал. Традиционно в мифопоэтике данный знак символизирует «принцип жизни, душу, силу», а также является «красной соляной энергией»²⁴⁰, обеспечивающей существование вселенной. В гумилевском творчестве указанные значения, безусловно, актуализированы, но при этом появляется окказиональная семантика «кровавых» образов, обусловленная художественной аксиологией поэта. Так, по наблюдениям Л. Аллена, «негативная оценка крови (пусть даже и пролитой)» в целом не свойственна гумилевской поэтике, так как в кровопролитии лирический субъект видит «апофеоз слияния силы жизни и завораживающего таинства смерти»²⁴¹. Действительно, «кровь» в поэтическом миромоделировании Н. Гумилева предстает мерилем витального превосходства человеческого «я» над смертной динамикой мироздания (в земном измерении бытия человек обречен смерти) и маркирует приобщение к предсмертному инобытию (Ср.: «И залитые кровью недели / Ослепительны и легки, / Надо мною рвутся шрапнели, / Птиц быстрее взлетают штыки»²⁴² («Наступление» (1914)); «Я за то и люблю затей / Грозных военных забав, / Что людская кровь не святее / Изумрудного сока трав»²⁴³ («Детство» (1916))).

Поэтому проливающаяся «буйная кровь» скандинавов-воителей раскрывает их одновременную причастность к жизненным процессам и тайнам смерти, границы которой они преодолевают своим движением в истории человечества. В финале стихотворения аксиологическая высота «расы завоевателей древних» подчеркнута репрезентацией всемирного признания их онтологического пути: «Но все-таки песни слагают / Поэты на разных наречьях, / И западных, и восточных, / Но все-таки молят монахи / В Мадриде и на Афоне, / Как свечи горя перед Богом, / Но все-таки женщины грезят – / О нас, и только о нас»²⁴⁴.

Как видно, историософские взгляды Н. Гумилева на сущностные основы бытия России во многом обусловлены утверждением «право сильного» как двигателя истории. Укажем, что видение русской истории сквозь призму ее скандинавских первоистоков определяет вектор смыслообразования в стихотворении «Ольга» (1920), в котором поэт акцентирует первоначальную языческую ипостась киевской княгини, игнорируя ее последующее христианское мировидение. Здесь также первостепенным оказывается скандинавское «право сильного», приводившее в трепет страны и народы, и тем самым прокладывавшее путь Руси к победному грядущему: «И за дальними морями чужими / Не

²³⁹ Там же. – С. 130.

²⁴⁰ Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: «Золотой век», 1995. – С. 159.

²⁴¹ Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева. Комментарии к строкам // Аллен Л. Эпосы о русской литературе: Статьи. Л.: Художественная литература, 1989. – С. 125.

²⁴² Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 3. – С. 52.

²⁴³ Там же. – С. 102.

²⁴⁴ Там же. – С. 130.

устанавливала звенеть, / То же звонкое вызванивая имя, / Варяжская сталь в византийскую медь»²⁴⁵. Однако в финале стихотворения лирический герой констатирует крах великих свершений былого в настоящем: «Древних ратей воин отсталый, / К этой жизни затая вражду, / Сумасшедших пиров Валгаллы, / Славных битв и пиров я жду»²⁴⁶.

В историософских построениях Н. Гумилева, основанных на утверждающем себя в земном измерении бытия «праве сильного», отчетливо эксплицирован конфликт между историческим прошлым и современностью, которая осознается точкой отпадения от величия и побед предков. Поэтому культивирование волевого освоения мира само по себе не снимает глубинной антиномичности бытия и требует интеграции силы человеческого тела и духа в иную онтологическую сферу. Думается, что выход сильной личности к постижению мировой гармонии и обретению духовной целостности Н. Гумилев связывает с принятием христианских ценностей в качестве подлинного поводья к преобразению универсума.

Сразу оговоримся, что мы не склонны разделять встречающееся в современном «гумилеведении» суждение о творчестве поэта как о художественном выражении доктринального православия²⁴⁷. Напротив, аналитическое прочтение произведений поэта и осмысление их символики показывают, что рецепция христианства в творчестве Н. Гумилева носит далекий от ортодоксальности характер и демонстрирует смысловую многомерность, усложняясь мощным комплексом мифологических и оккультно-эзотерических представлений²⁴⁸. Вместе с тем, именно сближение христианской аксиологии и оккультного символизма во многом обуславливают тот прорыв к божественной гармонии, которого жаждет гумилевское поэтическое сознание.

Историософия будущего как окончательного преодоления дихотомии телесного и духовного, внутреннего и внешнего, витального и мортального раскрывается в целом ряде поздних стихотворений Н. Гумилева, интенционально направленных к постижению онтологических пределов мироздания. Обретение Бога как истока, вершителя судеб и итога тварного мира определяет и личную, и всемирно-историческую телеологию человеческого существования в таких произведениях поэта, как, например, «Слово» (1919), «Заблудившийся трамвай» (1919), «Память» (1920), «Шестое чувство» (1920). Так, историософское прозрение грядущего в его христианском осуществлении предельно акцентировано в стихотворении «Память». С одной стороны, лирический герой здесь возвеличивает константный для него идеал волевого самоосуществления человека в мире («Я люблю избранника свободы, / Мореплавателя и стрелка. / Ах, ему так звонко пели воды / И завидовали облака»²⁴⁹), а с другой – прозревает будущую реонтологизацию вселенной, явленной Путником-Христом:

²⁴⁵ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 4. – С. 100.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ См., например: Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – поэт Православия. СПб.: СПбГУП, 2000. 384 с.

²⁴⁸ См.: Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. М.: РХГИ, 2000. – С. 9–51; Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 113–144.

²⁴⁹ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 4. – С. 92.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный
И прольется с неба страшный свет:
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

Преодо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом.
И орла, летящего к нему²⁵⁰.

Явленное Богом грядущее преобразование вселенной в миропонимании поэта является точкой назначения истории во всей многомерности и разветвленности ее бытийного осуществления.

Таким образом, подытоживая изложенное, мы можем констатировать, что в историософской поэтике Н. Гумилева утверждение «права сильного» в качестве основы человеческого пути к мировой гармонии является константным параметром лирической рефлексии. В творчестве поэта физически и духовно сильное «я» получает статус двигателя исторического процесса, так как оно способно пренебрегать условностями и выражать свою волю вопреки обстоятельствам. Однако «право силы» в гумилевском художественном мире сопрягается не столько с социально-правовыми или этическими представлениями о дозволенном и возможном, сколько с онтологическим постулированием личности, стремящейся уравновесить прошлое и будущее, земное и небесное, витальное и мортальное. Именно «воля к божественной гармонии» определяет поступки персонажей поэзии Н. Гумилева, и потому историческое движение к преобразенному миропорядку прежде всего обеспечивается бытийным «правом сильного» – героя, способного перейти границы между жизнью и смертью.

²⁵⁰ Там же. – С. 93.

§ 13. Отражение юридической оценки событий российской истории в федеральном законодательстве в условиях цифровизации правовой сферы общества²⁵¹

Изучение истории и поддержание в обществе интереса к наиболее значимым ее вехам представляется крайне важным для формирования патриотизма подрастающих поколений, для достижения целей национального единства и чувства сплоченности населения страны. Историческое знание должно сохраняться и приумножаться с помощью сложного механизма его трансляции в общество, к числу элементов которого относятся историческое образование и просвещение, сохранение исторических памятников, установление и празднование исторических дат и т.д. Выработка и реализация такого механизма возможна только в рамках целенаправленной политики государства по сохранению исторической памяти. Осуществление такой политики возможно лишь при активной поддержке общественных институтов с опорой на действующие законодательные нормы.

В современных условиях одним из важных факторов, определяющих динамику общественного развития, является цифровизация. Цифровые технологии оказывают существенное влияние на различные сферы государственной и общественной жизни. Под их воздействием меняется менталитет, формируется клиповое мышление, отличающееся новым восприятием окружающей реальности²⁵².

Внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь людей меняет их отношение к традиционным, устоявшимся ценностям, так как они ежечасно и даже ежесекундно получают гигантский объем новой информации. Правосознание субъекта общественных отношений, который живет в условиях цифровой среды, становится объектом постоянного манипулирования.

Меняются источники получения информации, в том числе об исторических событиях. Если раньше главным источником такой информации для молодежи были книги и журналы, а также патриотические уроки в школе и встречи с ветеранами, то современное молодое поколение основные сведения получает из сети «интернет». Итогом стал многократно возросший информационный поток, в котором сложно отличить реальную, правдивую информацию от ложной, «фейковой». С помощью зарубежных интернет-ресурсов ведется активная пропаганда антироссийского и антиисторического характера, например, принижается и даже отрицается роль СССР в победе над германским нацизмом во Второй мировой войне. Антироссийская пропаганда, связанная с искажением истории, может иметь неблагоприятные политические и иные последствия, тем более, что она проявляется уже и на уровне официальных заявлений некоторых европейских структур. Поэтому

²⁵¹ Данный параграф выполнен Д.А. Пашенцевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правоприменения в условиях развития цифровых технологий».

²⁵² См. подр.: Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 35-49.

необходимы систематические и скоординированные усилия, направленные на защиту исторической памяти и противодействие фальсификации героических страниц отечественной истории.

Важное место в политике сохранения исторической памяти играет законодательство. Те изменения, которые в последнее время происходят в сфере осмысления исторических событий в массовом сознании и официальной политике, привели к достаточно широкому распространению такого явления, как мемориальные законы²⁵³. Законодательство представляет собой достаточно мощный инструмент воздействия на общественные отношения. Устанавливая общеобязательные правила поведения для общества, законы могут запрещать действия, направленные на очернение истории и искажение исторической памяти. При этом важно, чтобы они такие нормы были обоснованы, проработаны с точки зрения юридической техники, их последствия хорошо просчитаны и спрогнозированы. Реализация соответствующих правовых норм должна быть достижима.

Стоит отметить, что органы законодательной власти Российской Федерации и их отдельные представители уже предпринимают определенные усилия по внесению в законодательство изменений, направленных на противодействие фальсификациям отечественной истории. В последнее время в ряде зарубежных средств массовой информации, в первую очередь, в электронных изданиях, стали появляться публикации, в которых отрицается решающая роль Советского Союза в разгроме нацистского государства. Советские солдаты, освободившие Европу от нацизма и спасшие миллионы узников лагерей смерти, сами объявляются насильниками и агрессорами. Соответствующие заявления имеют голословный характер, они противоречат имеющимся историческим документам, сохранившимся в архивах многих стран. Тем не менее, несмотря на рассекречивание и публикацию подобных документов, в том числе на сайтах в сети интернет, антироссийская и антиисторическая компания продолжается. Это может иметь неблагоприятные последствия в плане воспитания той части молодежи, которая уже привыкла верить непроверенной информации, получаемой в виртуальной сети. Это требует принятия соответствующих мер, в том числе, правового характера.

В 2014 г. в Уголовный кодекс была введена статья 354.1 «Реабилитация нацизма». Но в современных условиях одной такой статьи может быть недостаточно. Поэтому в рамках противодействия фальсификации исторической памяти и искажению исторических событий группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был разработан законопроект «О противодействии реабилитации на территории независимых государств – бывших республик Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников». Одновременно был подготовлен законопроект о внесении дополнительных изменений в Уголовный кодекс. Он предусматривает установление уголовной

²⁵³ Дорская А.А., Дорский А.Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX – начала XXI века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4. – С. 20.

ответственности за публичное искажение истории Второй мировой войны в части роли СССР, за искажение решений Нюрнбергского трибунала. Необходимость данных законопроектов их разработчики объяснили тем, что в ряде государств, в первую очередь, на постсоветском пространстве, реабилитация нацистских преступников фактически стала частью государственной политики. Предпринимаются многочисленные попытки искажения истории, направленные на дискредитацию роли советского государства во Второй мировой войне, и этим попыткам необходимо дать решительный отпор, в том числе, с помощью возможностей законотворческой деятельности.

Еще один закон, достаточно неоднозначно воспринятый в части российского общества, связан с переносом дня окончания Второй мировой войны. До недавнего времени этот день воинской славы был установлен на 2 августа. Новый закон, подготовленный Министерством обороны РФ и успешно принятый в установленном порядке, переносит эту памятную дату на 3 сентября²⁵⁴. Принятие закона мотивировано восстановлением исторической памяти, сохранением патриотических традиций, так как Указ Верховного совета СССР, установивший день празднования победы над Японией именно на 3 сентября, отменен не был. Отметим, что СССР внес решающий вклад в победу над милитаристской Японией, которая совершила агрессию против Китая, США, других стран Тихоокеанского региона. Японская агрессия сопровождалась многочисленными жертвами, в первую очередь, среди мирного китайского населения, над которым проводились медицинские опыты и варварские эксперименты. В итоге агрессивная политика японского правительства была осуждена решениями токийского международного трибунала, ряд виновных лиц понес заслуженное наказание.

Необходимо отметить, что Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» непосредственно направлен на сохранение исторической памяти и патриотическое воспитание населения страны. Он устанавливает ряд дней воинской славы и памятных дат, связанных с историческими событиями, сыгравшими важную роль в истории нашей страны.

Уместно вспомнить обстоятельства принятия рассматриваемого закона.

В 1995 г., когда праздновалось 50-летие Победы над фашизмом, в ознаменование этого юбилея и в целях сохранения исторической памяти было принято два закона концептуального характера: рассмотренный выше Федеральный Закон «О днях воинской славы и памятных датах России» и Федеральный Закон «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В первом законе изначально было закреплено пять дат воинской славы, относящихся непосредственно к Великой Отечественной войне (битва под Москвой, Сталинградская битва, Курская битва, День снятия блокады Ленинграда, День Победы).

²⁵⁴ Федеральный закон от 24.04.2020 № 126-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 1-1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>

В следующем 1996 г. был принят Указ Президента Российской Федерации, согласно которому 22 июня как первый день Великой Отечественной войны стал Днём памяти и скорби²⁵⁵. В 2007 г. эта дата была внесена в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» как День памяти и скорби, день начала Великой Отечественной войны (1941 год).

В данный закон периодически предлагаются изменения, направленные на расширение перечня дней воинской славы и памятных дат. Например, Законодательное собрание Ростовской области предложило внести новый день воинской славы «9 октября – День завершения разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ и освобождения Кубани и Северного Кавказа (1943 год)». В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что битва за Кавказ одно из самых длительных и кровопролитных сражений Великой Отечественной войны, которое продолжалось 482 дня начиная с 25 июля 1942 года. В результате активных боевых действий 9 октября 1943 года советские войска завершили освобождение территории Кубани и Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков.

Законодательное собрание Калужской области предлагало закрепить в законе как день воинской славы День стояния на реке Угре, связанный с окончанием татаро-монгольского ига в 1480 г. Есть и много других примеров аналогичных инициатив патриотического характера, как правило, исходивших от региональных депутатов.

В соответствии с преамбулой Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России», принятие решений по установлению дней воинской славы и памятных дат России, связанных с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества, должно сопровождаться публичным обсуждением с учетом профессионального мнения специалистов в области истории и культуры. В истории России с ее богатым и героическим прошлым найдется немало таких событий, которые достойны увековечивания в народной памяти. В то же время, соответствующий закон не может расширяться до бесконечности. В качестве варианта можно рассмотреть закрепление отдельных памятных дат и дней воинской славы на уровне регионального законодательства. В тех регионах, которые непосредственно связаны с конкретными событиями в истории, установление собственных памятных дат и дней воинской славы может способствовать патриотическому воспитанию молодежи и формированию развитого исторического сознания.

Во втором названном выше законе в статье 5 описан порядок празднования Дня Победы, а в статье 6 «Борьба с проявлениями нацизма» запрещено любое использование нацистской символики.

Таким образом, российское законодательство содержит ряд норм, принятие которых было направлено на сохранение исторической памяти применительно к событиям Великой Отечественной войны, а также некоторым другим событиям нашей истории. Развитие данного аспекта в законодательстве осуществляется по двум

²⁵⁵ Указ Президента Российской Федерации от 08.06.1996 № 857 «О Дне памяти и скорби» // Официальный сайт Президента Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9515> (Дата обращения: 13.12.2019).

основным направлениям: первое – увековечивание значимых событий отечественной истории, в первую очередь, связанных с героическими победами; второе – установление ответственности за искажение нашей истории и попытки ее фальсификации. Эти два направления можно рассматривать как взаимодополняющие. В совокупности они призваны способствовать сохранению исторической памяти и развитию патриотизма, в том числе, у подрастающего поколения. Такое назначение позволяет охарактеризовать данные законодательные нормы как имеющие прямое отношение к ценностному содержанию права. Под воздействием постоянного давления цифровой среды и цифрового порядка социальных коммуникаций правосознание современной молодежи, а иногда и людей более старшего поколения, претерпевает сильные изменения, связанные с подменой устоявшихся ценностей новой ценностной системой. Важно, чтобы ценности патриотизма, связанные с героическим прошлым нашего народа, с выпавшими на его долю невероятными страданиями, не отошли на второй план, не были постепенно утрачены. И большую роль в этом может сыграть законодательство, которое расставляет и нормативно закрепляет необходимые ценностные акценты.

§ 14. Юридические формы переживания цифровизации²⁵⁶

С развитием информационно-коммуникационных технологий, обуславливающих переход развитых и ряда развивающихся государств к шестому технологическому укладу²⁵⁷ и построению информационного общества, где информация и, прежде всего, ее доступность играют определяющую роль в обеспечении экономических и социокультурных условий жизни каждого отдельного человека, одним из трендов общественного и государственного развития становится цифровизация, затрагивающая разные сферы жизнедеятельности, включая управленческую и правовую.

Цифровизацию стимулируют не только сформировавшиеся запросы современного мира, где информация играет ключевую роль в механизме принятия решений²⁵⁸, а скорость ее получения стала одной из основных задач, но и новые глобальные вызовы (среди которых – пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 году²⁵⁹).

Цифровые технологии включаются в процесс принятия правотворческих и иных управленческих решений, под влиянием цифровизации появляются или прогнозируется появление новых субъектов или квази-субъектов права

(виртуальные, цифровые личности, электронные лица, искусственный интеллект и пр.²⁶⁰), новых субъективных прав (цифровые права); изменяется подход к юридической деятельности, которая автоматизируется, становится более технологичной и выходит в «онлайн», демонстрируя сращивание собственно юридических технологий с цифровыми; юридически значимые события совершаются в электронной форме; становится реально возможным и эффективным применение в правовой сфере краудсорсинговых технологий за счет преодоления цифрового неравенства; сфера правового регулирования с появлением новых субъектов, объектов и новых субъективных прав расширяется, с отмиранием тех или иных общественных отношений и потребностей в правовой регламентации – сужается.

Цифровизация в правовой сфере имеет в числе своих преимуществ увеличение скорости в обработке больших массивов юридической информации, широкое ее распространение, возможность максимального учета мнения общественности, ускорение правотворчества и правоприменения, обеспечение прозрачности принятия управленческих решений. В то же время она таит в себе ряд рисков, в том числе риски манипулирования общественным сознанием, распространения фэйковой информации, аксиологические риски, когда происходит трансформация, замена и/или подмена, отмена традиционных правовых ценностей (законность, справедливость, равенство и т.д.), экзистенциальные риски, вызванные широким распространением технологий искусственного интеллекта, слиянием информационных (цифровых) и биотехнологий²⁶¹.

Изменениям подвергается система и структура права и законодательства, в ней появляются новые элементы, которые не вписываются в традиционные представления о праве и его строении (циклические правовые массивы²⁶²).

К циклическим правовым массивам, имеющим высокую государственную и общественную значимость, не обособляющимся подобно отраслям права и законодательства, вторгающимся в действующие элементы права и детерминирующим их содержание и развитие, с высокой степенью вероятности правомерно впоследствии относить и активно формирующееся в настоящее время цифровое законодательство²⁶³, обеспечивающее построение и развитие в России цифровой экономики. В настоящее время это законодательство только разрабатывается, приняты лишь немногочисленные законодательные акты, точно регулирующие

²⁵⁶ Данный параграф выполнен М.В. Залоило при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

²⁵⁷ Глазьев С.Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4–10.

²⁵⁸ См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М., 2016. – С. 49.

²⁵⁹ Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5–26.

²⁶⁰ См., к примеру: Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. – 2018. – № 11. – С. 14–24.

²⁶¹ См.: Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века; пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М., 2019. – С. 19–38.

²⁶² См.: Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

²⁶³ См.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2019. – С. 65–66; Залоило М.В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государствоведение. – 2019. – № 1. – С. 21–22.

те или иные аспекты цифровизации²⁶⁴. В регламентации построения цифровой экономики в России пока главенствующую роль играют документы стратегического планирования и иные акты программно-стратегического характера, имеющие на данный момент больший удельный вес по сравнению с числом принятых в этой области федеральных законов. Цель, задачи, ориентиры, направления, конкретные шаги по реализации мероприятий цифровой экономики, автоматизации государственного управления определяются собственно в Национальной программе «Цифровая экономика» и предусмотренных ею федеральных проектах, в иных документах²⁶⁵. Вместе с тем подобное положение вещей на данный момент оправдано необходимостью концептуального обоснования в стратегических документах, планируемых в связи с цифровизацией перемен в правовом пространстве, составления юридических прогнозов и планов, которые станут основой будущих законодательных новелл. В сложившихся обстоятельствах возрастает значимость правового эксперимента, который применительно к цифровым инновациям трансформируется в экспериментальные правовые режимы (регуляторные песочницы), суть которых – в отмене некоторых обязательных требований законодательства, допущении изъятий из общего правового режима для конкретных

²⁶⁴ См.: Федеральные законы от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»; от 15 апреля 2019 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 9 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах»; от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 16 декабря 2019 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования»; от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде»; от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»; от 27 декабря 2019 г. № 478-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности»; от 27 декабря 2019 г. № 496-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении единства измерений»; от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой»; от 24 апреля 2020 г. № 149-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации»; от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

²⁶⁵ Например, в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, Указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и пр.

компаний на определенных территориях в строго определенный период времени²⁶⁶.

В перспективе с развитием цифрового правового массива актуальной задачей станет его систематизация. Уже сейчас предлагаются различные варианты таковой, в частности, разработка Цифрового кодекса²⁶⁷. Однако кодификации цифрового правового массива препятствует сама его циклическая юридическая природа, наличие в его составе актов различной отраслевой принадлежности, юридической силы, документов стратегического планирования. Разработка Цифрового кодекса ставит ряд трудноразрешимых вопросов, в числе которых – судьба уже принятых законодательных норм, обеспечивающих цифровизацию, в том числе включенных в иные кодифицированные акты, в частности, в Гражданский кодекс Российской Федерации. Кроме того, кодексы регулируют однородные общественные отношения, тогда как цифровизация проникла во все сферы жизнедеятельности, а в правовой сфере – во все отрасли законодательства, пусть и в неравной степени, но это вопрос согласования и готовности (прежде всего ресурсной, организационной), в дальнейшем она затронет все отрасли и правовые институты.

В связи с этим необходима концептуализация правового регулирования цифровизации в документах стратегического планирования (стратегии, национальные программы, федеральные проекты), иных программно-стратегических документах. Так, к примеру, федеральным проектом «Нормативное регулирование цифровой среды» в целях определения путей долгосрочной цифровой трансформации правовой системы и системы государственного управления Минэкономразвития России совместно с Фондом «Сколково», Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Центром стратегических разработок ведется подготовка двух программных документов: Концепции комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики; Концепции организации процесса управления изменениями в области регулирования цифровой экономики. Кроме того, Минэкономразвития России совместно с Фондом «Сколково», ПАО «Сбербанк», ПАО «МТС», Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации, Национальной Ассоциацией участников рынка робототехники, Фондом «Центр стратегических разработок», ООО «Яндекс», Mail.ru Group и представителями иных организаций разрабатывается Концепция развития регулирования в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года.

Перспективной видится систематизация цифрового правового массива путем принятия системообразующего (базового) закона в этой области. Такой базовый закон будет включать в себя унифицированный понятийно-терминологический

²⁶⁶ См.: Залонило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020. – С. 60–65.

²⁶⁷ См.: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 75–87.

аппарат в области правовой регламентации цифровой экономики; определять состав цифрового правоотношения, основания их возникновения, изменения и прекращения; содержать основы правового регулирования сквозных цифровых технологий и межотраслевых изменений, связанных с цифровизацией экономики; определять области применения сквозных цифровых технологий; выстраивать иерархию правовых актов, входящих в состав цифрового правового массива; регламентировать прогнозную составляющую «цифрового» правотворчества; определять общие требования к экспериментальным правовым режимам, применяемым в связи с цифровизацией; устанавливать ответственность за нарушение норм цифрового правового массива. Безусловно, такой закон будет выступать стратегической основой для конкретизирующих его специальных федеральных законов (по вопросам искусственного интеллекта, электронного документооборота, цифровых прав, цифровых активов, смарт-контрактов, облачных технологий, интернета вещей, обеспечения кибербезопасности и пр.), подзаконных нормативных правовых актов.

Способом переживания цифровизации в праве является трансформация юридического языка, который для обеспечения машиночитаемости норм права²⁶⁸, автоматизации и роботизации правоприменения²⁶⁹ должен стать цифровым.

Прогнозируется трансформация права в иной, более гибкий, социальный регулятор²⁷⁰. Таким регулятором, по предположениям ученых, может стать интерактивный закон, имеющий цифровую форму, содержащий диспозитивные нормы, «настраивающийся» «под запросы конкретных субъектов правоотношения»²⁷¹. Это требует изменения культуры правотворчества, глобального пересмотра правотворческих технологий, равно как и изменения подхода к правоприменительной, в частности, судебной деятельности, где важную роль при разрешении того или иного дела играют выработанные высшими судебными инстанциями правовые позиции, прецеденты толкования. Трансформация источников права в сфере правового регулирования цифровизации по-новому ставит проблему адекватного соотношения законности и целесообразности²⁷². Имеются и риски утраты законом, а вслед за ним и самим правом функций основного регулятора общественных отношений. Прогноз, анализ и выработка мер по минимизации и преодолению этих и иных юридических рисков цифровизации в праве – насущная задача для всей юридической науки.

²⁶⁸ См.: Концепция по автоматизации права. – URL: <http://future.simp.lawyer> (дата обращения – 15 августа 2020 г.).

²⁶⁹ Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – № 1. С. 35–49.

²⁷⁰ Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 15.

²⁷¹ Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. – 2019. – № 6. С. 103–105.

²⁷² См.: Залюило М. В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. – С. 22–37.

§ 15. Использование цифровых технологий для патриотического воспитания студентов в процессе преподавания истории отечественного государства и права²⁷³

Цифровые технологии меняют реальность у нас на глазах. Эти изменения охватывают уже не только сферу коммуникаций, человеческого комфорта или производства товаров, но и сферу сознания, организации мысли, продуцирования и передачи идей внутри человеческого социума. По мнению экспертов «высокие технологии изменяют саму ткань социальных отношений. Это верно как для их традиционной части – high-ec'a, направленного на восстановление и развитие мира природы, био- и геосферы, а также high-tech'a, направленного на изменение и развитие «второй природы», мира вещей и услуг, созданных и организованных человеком, так и для проявившегося в 90-е годы в полной мере high-hum'a, направленного уже не на природу, а на самого человека»²⁷⁴. В рамках активной экспансии технологий high-hume человек становится уже не «инструментом зарабатывания прибыли, как в индустриальную эпоху, а полем, из которого извлекается результат»²⁷⁵.

В связи с этим разум человека цифровой эпохи, особенно в молодом возрасте, очень подвержен влиянию извне, которое может быть как конструктивным (например, правовое воспитание, патриотическое воспитание), так деструктивным, направленным, на поддержку контркультурных и антиобщественных тенденций. Противостоять цифровым деструктивным технологиям призваны конструктивные технологии воспитания сознательного гражданина и члена общества, способного воспринимать, использовать и транслировать социокод и ментальность соответствующего общества, включая правовой менталитет. Такое воспитание призвано способствовать стабильности социальной структуры, преемственности поколений, устойчивости общества к деструктивным воздействиям (в том числе извне), формированию здоровых реакций на разрушительные тенденции.

В связи с этим можно оценить положительно, что за последние годы государством был принят ряд мер, направленных на укрепление правовых основ и предпосылок развития в России системы патриотического воспитания, в том числе патриотического воспитания студентов-юристов. Так, следует отметить особую значимость таких нормативных правовых актов, как Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»²⁷⁶, Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан²⁷⁷ (утв. Президентом

²⁷³ Данный параграф выполнен А.А. Головиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

²⁷⁴ Делягин М. Это русское слово «High-Hume» // Изборский клуб. Русские стратегии. 2015. № 5. – С. 79.

²⁷⁵ Там же. – С. 80.

²⁷⁶ «Российская газета», № 97, 29.05.2009.

²⁷⁷ «Российская газета», № 151, 14.07.2011.

Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168), Указ Президента Российской Федерации от 20 октября 2012 г. № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания»²⁷⁸, Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы»²⁷⁹, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»²⁸⁰ и т.д.

На основе имеющихся программ готовятся программы и методические материалы по патриотическому воспитанию в отдельных общественных организациях и образовательных учреждениях. В качестве примера можно привести Методические рекомендации по патриотическому воспитанию в военных и спортивных клубах, изданные ОМОО «Правая Россия» в 2015 году (авторы рекомендаций указывают, что «при реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации ... и на основании конкурса, проведенного обществом «Знание» России»)²⁸¹.

Согласимся с исследователями в том, что «содержание патриотического воспитания определяется состоянием социально-экономической, политической, духовной и социально-культурной сфер общества. Формирование патриотизма нового поколения пришлось на сложный период, когда старые ценности утратили свое воспитательное значение, а новые находятся в стадии формирования. Сегодня, в период сложных социальных перемен, система патриотического воспитания проходит стадию реорганизации. Ей еще предстоит стать активным субъектом государственной молодежной политики. Формирование патриотизма осуществляется в процессе патриотического воспитания личности, которое является составной частью целостного педагогического процесса, подчиняется его структурным особенностям и отличается целевой направленностью»²⁸².

Как видится, цифровые методы должны занимать важное значение в патриотическом воспитании молодежи, в том числе студентов-юристов. Не случайно в научной литературе подчеркивается, что «в настоящее время большое значение приобретают поиск и разработка инновационных методик в патриотическом воспитании, реализация которых способствовала бы созданию качественно новых подходов в организации этой деятельности с подрастающим поколением»²⁸³.

На основе имеющегося у автора опыта преподавания теории государства и права в Московском государственном юридическом университете имени О.Е.

²⁷⁸ «Собрание законодательства РФ», 22.10.2012, № 43, ст. 5817.

²⁷⁹ «Собрание законодательства РФ», 11.01.2016, № 2 (часть I), ст. 368.

²⁸⁰ «Российская газета», № 122, 08.06.2015.

²⁸¹ Документ из личного архива автора.

²⁸² Студенникова С.Л. Патриотическое воспитание молодежи – залог успешного развития общества и государства // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 281.

²⁸³ Вергужь А.С. Состояние и современные проблемы патриотического воспитания молодежи // Педагогический журнал. 2017. Т. 7. № 4А. С. 332-343.

Кутафина, а также обобщения практики современных социальных технологий в цифровом пространстве²⁸⁴ отметим, что могут быть использованы следующие методы:

1) проведение деловых игр, в рамках которых активно используются цифровые технологии презентаций;

2) самостоятельная разработка студентами электронных документов, проектов нормативных правовых актов (например, в рамках проведенных автором статьи занятий студенты готовили проекты приказов образовательной организации «О направлениях повышения уровня правовой культуры студентов МГЮУ имени О.Е. Кутафина», при этом студентами предлагались в том числе меры в сфере патриотического воспитания, такие как проведение акции «Бессмертный полк» на территории Университета);

3) изучение понятия «мем» и «демотиватор», а также «правовой меметики» в современном социальном медиапространстве и творческая разработка студентами мемов и демотиваторов на патриотическую тематику. Так, В.В. Лазарев в аспекте когнитивно-информационной теории обращает внимание на «исследования в русле новейшего направления — меметики и возможности ее использования в юриспруденции. В качестве подвида меметики предлагается обосновать правомеметику, которая должна изучить две разновидности мемов: единицу правовой реальности и единицу психической реальности. Содержательным аспектом меметики названы сущностное возобновление и полиформное повторение того, что изначально закодировано мемной информацией и обеспечивает ее ценностные свойства применительно к новым обстоятельствам места и времени»²⁸⁵;

4) разработка социальной рекламы для Интернет-пространства на патриотическую проблематику;

5) организация флешмобов и так называемых «челленджей» на патриотическую проблематику с применением цифровых технологий распространения информации о них и результатов (социальные сети, официальный Интернет-сайт образовательной организации) и др.;

6) самостоятельная разработка студентами анкет-опросников на патриотическую проблематику, проведение социологических исследований среди студентов и молодежи в целом, видеоопросов и т.д.;

7) просмотр обучающих видео на историко-патриотическую проблематику, составление и изучение перечня цифровых ресурсов с архивными и историческими данными, размещенными в свободном доступе в сети Интернет.

Подобные методы являются целесообразными для патриотического воспитания молодежи, поскольку особенностью правосознания современного поколения, воспитанного в условиях гиперцифровизации, является в определенной мере

²⁸⁴См. также: Головина А.А. Правовое воспитание граждан в эпоху high-hume: формирование государственной стратегии // Право и образование. 2017. № 6. С. 61-69.

²⁸⁵ См. подробнее о понятии «мем» в праве и правовой меметике или «правомеметике»: Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 16.

клиповость мышления, а также преобладание аудиовизуальных каналов получения информации, которые являются более простыми с точки зрения усвоения получаемой информации. Данные особенности необходимо учитывать при разработке методики патриотического воспитания студентов, в том числе в процессе преподавания истории отечественного государства и права²⁸⁶.

Как видится, эти особенности не следует расценивать в исключительно негативном, критическом ключе – продуктивнее принять как данность и неизбежное следствие особенностей развития современного общества эпохи постмодерна. Целесообразно, наоборот, продуктивно использовать такую специфику с тем, чтобы сделать современное обучение и патриотическое воспитание студентов менее дидактизированным, более вариативным и эффективным, ориентированным на самостоятельное активное усвоение и трансформацию получаемых знаний в прочные ценностные установки.

§ 16. Историческая память как фактор формирования образа будущего России: возможные правовые мероприятия

Никакое общество, никакой человек не могут нормально существовать без осознания собственной истории. Любое явление в мире, имея пространственную протяженность, имеет и протяженность во времени. Данная закономерность особенно важна в аспекте восприятия социальных систем: субъект общества, индивидуальный или групповой, способен влиять на свое состояние, на определенные события, при этом воздействие на действительность будет тем более эффективным, чем лучше известна субъекту история данной социальной системы. Конечно, влияние на общественные отношения не может быть абсолютным, но оно всегда есть – и в этом заключается суть человеческого существа, обладающего возможностью выбора. Мы понимаем, что данный выбор может быть разным, при этом если он соответствует верному нравственному вектору (который И. Кант назвал категорическим императивом²⁸⁷, даосисты именовали дао²⁸⁸ и т. д.; каждое серьезное философское, религиозное направление осмысливало этот важнейший феномен), то дальнейшее прогрессивное движение становится более вероятным. О понятии

²⁸⁶ См. более подробно также: Магомедова М.А. Проблемы патриотического воспитания граждан в современных условиях // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. – С. 72-77; Шилова В.С. Патриотическое воспитание студентов: сущность, цели и задачи // Научный результат. Серия «Педагогика и психология образования». 2015. № 1. С. 75-78; Ярова Т.В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в современных условиях // Среднерусский вестник юридических наук. 2015. № 2. – С. 107-112.

²⁸⁷ Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. в 6 т. М., 1988. Т. 4, ч. 1. С. 211–310; Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995; Категорический императив / А. К. Судаков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. М., 2010

²⁸⁸ Пирогов Г. Г. Дао – учение о мировой траектории развития // Философские науки. 2002, № 3. – С. 78–88

верного нравственного вектора можно спорить, но время здесь все расставляет на свои места, а кроме времени, все-таки помогает логика, нравственное, эстетическое чувство, практическая целесообразность и т.д.

История такой страны, как Россия, не нуждается в защите и категорическом переосмыслении. Для здравомыслящего, порядочного человека роль России в мировом историческом процессе – то, что невозможно переоценить. Более того, именно отношение к истории нашей страны может служить критерием порядочности человека, целого социума. Почему же встает вопрос о «страшной» России, о завоевывающем аде, причем не только за пределами нашей страны, но и внутри нее? Подобный вопрос возникает именно потому, что не все способны на историческую благодарность, на жалость и понимание. В ситуации господства специфической массовой культуры (мы бы сказали, что именно это явление на данный момент выступает в качестве главной проблемы), в море глупости, нелепой оригинальности, повальной необразованности тонет все – весь мир подвергается испытанию забвения, «переосмысления», которое ничего общего с настоящим переосмыслением не имеет. Море забвения влияет на политиков, олигархов, деятелей науки и искусства, обычных людей... На кого-то оно влияет в большей, на кого-то в меньшей степени, в зависимости от личного настроя, принадлежности к определенной профессии, возрастной категории, от местожительства и т. п. Ясно, что особенно подвержена вирусу «переоценки» молодежь, в том числе в силу тотальной ориентации на гаджеты и связанное с ним «информационное» пространство.

Как же быть? Как быть во времена поглощающего безумия, когда кажется, что здравый смысл, реальность перестают существовать? Можно ли было этого избежать, все ли сделано на данный момент хотя бы теми, кто способен рассуждать, что делать с этим в ближайшей и отдаленной перспективе?

Следует заметить, что эпоха гаджетов, серьезно повлиявших на распространение указанной массовой культуры, все равно бы наступила. Гаджеты – лишь средство передачи той или иной информации, которую могут передавать не только апологеты дегуманизации культуры. Технические новинки усилили, явно показали то, что и так было заметно в России и за рубежом. «Расслабленность», стремление «красиво жить», равнодушие, лень и эгоизм – разве мы не страдали этим еще до наступления эпохи дегуманизации? Отрицательные нравственные характеристики, приведенные нами, в какой-то мере были свойственны людям во все эпохи, однако вторая половина XX в. была особенной, – с одной стороны, она освободила многие категории населения в разных странах от многовекового деспотизма²⁸⁹, с другой стороны – дала возможность «спокойной» жизни среднестатистическому человеку, не обремененному порой настоящим образованием, большой любовью к ближнему, ответственностью... Свобода дала возможность выбирать, и многие выбрали то, что выбрали.

²⁸⁹ Семенова А., Ващенко В. Эта женщина занята: как менялась занятость женщин в России на протяжении века // <https://www.gazeta.ru/social/2017/03/07/10562453.shtml?updated#page4>; США: право на согласие // <http://www.agitclub.ru/front/amer/america.htm>

Сказанное не значит, что все кончено, что «обычный» человек не поймет важности момента, обязательно продолжит выбирать в сторону разрушения. При этом ситуация с культурным содержанием современной эпохи, с качеством моральной жизни и – поэтому – с отношением к истории остается сложной. Чтобы дальше размышлять на эту тему, повторим, что гаджеты могут быть использованы и культурными людьми, – например, в системе образования или в сфере позитивной массовой культуры. Следует заметить также, что общество, состоящее из субъектов современной массовой культуры, – общество слабое, легко поддающееся воздействию, в том числе видимо положительному.

Итак, отношение людей в России и за рубежом к знаковым историческим явлениям вроде революции (как нашей, так и, например, французской), Гражданской войны, Второй мировой войны, или – сталинской индустриализации в наше время может и должно быть осмысленным. Иначе человеческого общества в его демократической форме (предполагающей осмысление свободным субъектом себя и социума в целом) просто не будет. Для того чтобы общество существовало, необходимо дать исторические знания! При этом если подобные знания (наряду с другими необходимыми компонентами образования, элементами адекватной сложной картины мира) нужны, то, видимо, дать их в изменившихся условиях все-таки можно. В аспекте правовых мероприятий здесь напрашивается мысль о законодательстве в области образования, связанном с функционированием системы образования вообще: следует эффектизировать систему наказаний, которая, по сути, отсутствует на данный момент в практической педагогике (несмотря на то, что педагог А.С. Макаренко, признанный ЮНЕСКО одним из лучших педагогов XX столетия²⁹⁰, сказал: «Воспитывать без наказания я не умею»²⁹¹ (ни один из 3000 воспитанников Макаренко не вернулся к преступному образу жизни; педагог перевоспитывал молодых людей в трудовых колониях в сложнейших послевоенных условиях 1 п. XX в. в России)), в том числе в связи с позицией современных родителей, также затронутых «вирусами» псевдокультуры и псевдодемократии; следует несколько упростить (тем самым тоже эффектизовав) учебные программы; существенно изменить систему методов обучения и воспитания, которые должны и могут опираться на современную компьютерную технику. Отрадно, что новое правительство Российской Федерации вплотную подошло к соответствующим правовым мероприятиям²⁹². Если говорить отдельно о родителях современных подростков, то с ними необходимо проводить особую разъяснительную работу, методы которой также следует обновить и которую также нужно поставить на более прочные правовые рельсы.

Получение системных знаний в связи с адекватными методами не может подвергаться какому-либо сомнению в эпоху информатизации, в эпоху бурного

²⁹⁰ Кораблёва Т. Ф. Философско-этические аспекты теории коллектива А. С. Макаренко.: автореф. канд. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. – С. 3

²⁹¹ Макаренко А. С. Педагогическая поэма // <https://www.litmir.me/br/?b=18535&p=85>

²⁹² Сергей Кравцов пообещал «паузу» с новыми образовательными стандартами // <https://vogazeta.ru/articles/2020/1/23/edpolitics/11232>
[sergey_kravtsov_poobeshchal_pauzu_s_novymi_obrazovatelnyimi_standartami](https://vogazeta.ru/articles/2020/1/23/edpolitics/11232)

развития науки. Тем не менее, внеучебные формы развития, социализации человека – в качестве самой жизни, ее спонтанного, такого привлекательного течения, связанного с вожденным многими досугом, – важнейший фактор развития человека. И здесь противостоять бездумной трансляции гламурных сюжетов, желанию «хайпа», безответственному перевираанию истории весьма сложно. При этом – будем рассуждать так же, как мы рассуждали в связи с образованием, – если воздействие в сфере культуры необходимо, значит какие-то методы, какие-то принципы и стратегии здесь тоже возможны.

В связи с этим, в первую очередь хотелось бы сказать о государственном бюджете, выделяемом на кинопродукцию, зрелища и т. п. В последнее время правовые мероприятия, связанные с выделением средств на указанные вещи, можно сказать, начали приносить плоды. Важно отметить, что фильмы, снятые в постперестроечный период частично на государственные деньги, неслучайно обращаются к нашему прошлому, при этом они далеко не всегда по-настоящему позитивно воспринимаются российской публикой. Часто в ответ на замысел кинопроизведения можно услышать: «Ложь», «Клевета на нашу жизнь, наше прошлое», «Лишь бы чем-то зацепить», подобных отзывов немало в Интернете. Думается, что правовые мероприятия (правовые акты и их воплощения в жизнь) в данном случае должны быть связаны с обеспечением соответствия правде истории и здравого смысла.

Интересно, что режиссер Кирилл Серебренников, столь позитивно воспринимаемый на Западе, обвиняется именно в нецелевых тратах бюджетных денег, выделенных на организацию положительного варианта массовой культуры²⁹³. Процесс расследования, обвинения сопровождался сочувственными репликами в сторону опального режиссера, при этом определенные деятели культуры заявили, что государство, выделяя деньги на свои культурные проекты, имеет право требовать их реализации: «Спорить с этим было бы нелепо и глупо. В противном случае не надо брать чужие деньги, существуй на свои», – заявил театральный критик, ректор Российского института театрального искусства Г. Заславский²⁹⁴. Правовые мероприятия в данном случае осуществляются, законодательная база для них разработана. Следует отметить, что правовая база для подобных вещей в принципе существует, при этом, очевидно, есть конституционные возможности для ее усиления. Планируемые поправки в Конституцию, скорее всего, не ослабят указанные возможности.

Вероятно, стоит задуматься, оговорив законодательную базу более четко, о журналистских проектах печатных и виртуальных СМИ, связанных с историей и современными проблемами социума. Использование средств бюджета для четкого, яркого и глубокого отражения объективных закономерностей российской и мировой истории в связи с современными реалиями выглядит целесообразно. Интересно, что несколько лет назад особым правовым образом определили «универсальный»

²⁹³ Задержан режиссер Кирилл Серебренников // <https://life.ru/p/1037224>

²⁹⁴ Ректор ГИТИСа: Серебренников – знаковая фигура для российского театра // <https://mir24.tv/news/16155630/ректор-gitisa-serebrennikov-znakovaya-figura-dlya-rossiiskogo-teatra>

учебник по истории для российских общеобразовательных школ²⁹⁵. Данный учебник не отменяет иные источники исторической информации, его разработка призвана поставить на определенные патриотические идеологические рельсы преподавание истории в нашей стране. В сложившемся социальном контексте это выглядит целесообразно, тем более что объективно свершившиеся исторические факты чаще всего могут быть трактованы в пользу нашей страны. Надо сказать, что указанный учебник не всегда выглядит убедительно, тем более что однозначно отрицательно оценивает Ивана Калиту или отменяет термин «монголо-татарское иго» по причине толерантности...

Такие «спорные» события, тенденции российской истории, как деспотизм московских князей, русских царей, Гражданская война, правление И. В. Сталина, М. С. Горбачева и пр., часто раскалывают социум на два противоположно настроенных лагеря. Причины понятны, хотя история последних десятилетий, можно сказать, все более консолидирует общество вокруг патриотического, глубокого отношения к историческим событиям. Что касается Второй мировой войны, то это событие такой значимости, столь мощно показывающее общее содержание российской и мировой истории, что споры здесь, казалось бы, должны прекратиться прямо в момент возникновения. Однако, именно по причине, связанной с тем, что смысл самого масштабного события мировой истории бьет все карты неадекватных политических противников, история войны исторично «переосмысливается» в надежде «урвать» последние дивиденды никому не нужной русофобии. Надо сказать, что плохое отношение к участию русских в войне, о которой идет речь, наблюдается по определенным причинам скорее за рубежом, чем у нас, и здесь более роль играет моральное отношение, нежели правовые мероприятия. Правовые акты за рубежом связаны с недопустимостью использования фашистской символики, названий, с недопустимостью проведения соответствующих мероприятий. При этом, например, в Латвии, стране Евросоюза, периодически проходят парады эсэсовцев²⁹⁶, предлагается провести вечеринку в «нацистском» стиле и пр. Осуществляются и правовые мероприятия, связанные с приведением ситуации к законному положению (популярному мэру Риги Нилу Ушакову пришлось запретить подобный «праздник»²⁹⁷), говорить в целом о нормальной правовой ситуации в связи с указанной проблематикой пока не приходится²⁹⁸. Проявления подобных проблем можно наблюдать не только в Риге и не только в связи со Второй мировой войной.

²⁹⁵ Президент: учебники истории должны иметь единую концепцию // <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html>; Обращение к историкам – авторам школьных учебников // <https://polit.ru/article/2014/05/22/history/>; Каким быть учебнику истории? // Круглый стол журнала «Нева». 2013, № 10

²⁹⁶ Президент Латвии не считает латышских легионеров СС нацистами // РИА Новости, 7 марта 2008; Легионеры СС и их последователи // Интерфакс, 6 марта 2009.

²⁹⁷ Нил Ушаков запретил новогоднюю «нацистскую» вечеринку в Риге // <https://life.ru/p/948997>

²⁹⁸ О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Доклад МИД России, 2019 // https://www.mid.ru/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoYRUj/content/id/3193903.

Подводя итог, думается, что социально-культурный аспект здесь важнее чисто политического, правового. Социальная, культурная ситуация должна налаживаться в рамках нормальной коммуникации народов, борьбы с негативными проявлениями отрицательной массовой культуры, со спекуляциями политических «винтиков» в связи со сложными историческими темами. Однако статус возрождающейся России будет способствовать разрешению проблем, в том числе в правовом плане. В любом случае образ будущего России, будущего всего мира прочно связан с адекватной подачей истории на всех уровнях и во всех формах. Потеряв историю, мы потеряем себя.

§ 17. Концептуализация понятия «историческая память» в контексте междисциплинарности

XX-XXI века ознаменовались социокультурными и ценностными трансформациями, обусловившими необходимость обращения к исторической памяти, увековеченной в историческом сознании общества. В этой связи уместной является реплика Н.А. Бердяева о переосмыслении истории: «В периоды исторических катастроф и переломов происходит оживление исторического чувства и начинается «историческое движение», приводящее к переосмыслению истории, переоценке некогда социально значимых ценностей и символов, хранящихся в историческом сознании»²⁹⁹. В свете изложенного историческая память становится актуальным предметом исследования среди представителей социо-гуманитарной мысли, попадая в поле зрения философов, историков, политологов, социологов, культурологов и др. Так, А.Бергсон объясняет пристальный интерес исследователей к обозначенной проблеме тем, что прошлое «...по сущности виртуальное, может быть воспринято нами как прошлое, только когда мы следуем за движением, которым оно распускается в образ настоящего, выступая из мрака на яркий свет. Напрасно было бы искать его след в чем-либо актуальном и уже осуществленном: это все равно, что мрак искать на ярком свете»³⁰⁰.

Сложности, с которыми сталкиваются исследователи при изучении феномена, обусловлены рядом обстоятельств, *во-первых*, определением самого концепта; *во-вторых*, контекстом, в рамках которого происходит его изучение. Между тем данное понятие, являясь значимым звеном познавательной деятельности, становится сегодня своеобразным посредником в процессе постижения закономерностей объективного мира. Сказанное приобретает особую значимость в контексте трансформационных процессов, охвативших РФ на рубеже XX-XXI веков и характеризующих общий историографический контекст с позиций отрицания прежних ценностно-смысловых ориентиров жизнедеятельности, когда поприщем сражения

²⁹⁹Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – С.7.

³⁰⁰Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с франц. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с. – (Классическая философская мысль). / Приложение. Жуссен. Романтизм и философия Бергсона. – С. 76.

становится социальная память человечества. В унисон сказанному приведем цитату Б.С. Илизарова, в которой автором делается акцент на смене мировоззренческой парадигмы: «Если всю предыдущую историю главным аргументом была сила оружия, то в новую эпоху на первый план выходит борьба за общественное сознание, т. е. за трактовку и коллективное понимание образов прошлого»³⁰¹.

Актуальность заявленной в статье темы обусловлена рядом обстоятельств: *во-первых*, необходимостью обращения к прошлому, позволяющему извлекать уроки для решения встающих перед обществом проблем; *во-вторых*, отсутствием согласованного понятийного аппарата исследований исторической памяти в сознании общества; *в-третьих*, потребностью разработки методологии исторической памяти, соответствующей реалиям сегодняшнего дня.

Объект исследования – понятие «историческая память».

Цель исследования: рассмотреть концептуализацию понятия «историческая память» в контексте междисциплинарности.

Методология исследования исторической памяти реализуется в исследовании через призму наследия научно – теоретической мысли и нацелена на выявление временного измерения субъекта исторического сознания, учитывая установку на себя как исследователя прошлого. Постигая смысл переживаний и ход явлений рассматриваемой эпохи, исследователь прошлого, как главный субъект, руководствуется собственными интенциями, раскрывая с их помощью закономерности и предметное содержание изучаемой эпохи. В результате становится возможным раздвоение субъектности исследователя, ибо возникает: рефлексия на способность контроля чужих переживаний (переживаний субъекта исследователя прошлой эпохи) с позиции собственных представлений; потенциал упорядочить имеющиеся данные через само-рефлексию исследователя исторической эпохи.

Учитывая то, что историческая эпоха – многослойна, можно говорить о закономерно вытекающей неоднородности исторического сознания, составной частью которого выступает историческая память. Руководствуясь обозначенными соображениями, будем исходить из учета: принципа равнозначности точек зрения в отношении концепта исторической памяти и взаимодополняемости толкований; интерпретации как онтологической и идеологической формы видения себя обществом на определенном этапе развития, подразумевающей охват как с позиций общественного сознания в целом, так и – теоретической рефлексии определенного слоя общества в частности. Говоря о концептуализации понятий, мы подразумеваем смыслопорождение, определяемое закономерностями рефлексии, подразумевающей «процесс освоения текстовой ситуации посредством ее соотнесения с опытом предшествующей деятельности субъекта»³⁰². Заостряя внимание на том, что познающая деятельность человека порождает новые смыслы, под концептуализацией в данной статье понимается осознанное закрепление в знаковой форме результатов

постижения сути объекта, подразумевающее отображение как ключевого признака объекта, так и ассоциативных его черт, толкований. Руководствуясь указанными соображениями, можно предположить, что нынешняя интерпретация прошлого должна опираться на иные концептуальные схемы, позволяющие постигать суть бытия посредством обращения к прошлому и трактовать в том или ином ключе исследуемый концепт, чем те, которыми руководствовалось сообщество предшественников в случае самоистолкования. В этой связи представляется важным коротко рассмотреть эволюцию развития понятия «историческая память» во временной последовательности, ибо последнее позволит толковать истинные намерения «чужого», посредством собственного воссоздания предметности осознает деятельность иного, но уже контролируемого прошлого сознания.

Эволюция развития исследуемого понятия в исторической ретроспективе.

Рассмотрение данного понятия в исторической ретроспективе дает основание утверждать, что неизбежность формирования исторической памяти проявилась на ранних этапах развития общества, когда еще в героическом эпосе утверждался культ предков, установилась традиция почитать прошлое своей общности. В эпоху древних цивилизаций история почиталась как наставница жизни, в рамках которой память народа рассматривалась как скипетр этнического сознания. В эпоху Античности и Средневековья величайшие мыслители: Платон, Аристотель интересовались памятью, в частности индивидуальной. С XVII в. исследователи Бэкон, Декарт начинают проявлять особый интерес к памяти (коллективной), хранящей накопленные в процессе развития человечества опыт и транслирующей культурные ценности из поколения в поколение. На рубеже XIX-XX вв., интеллектуальная традиция осмысления продолжает развиваться и находит свое отражение в трудах выдающихся исследователей: А.Бергсона, М. Хальбвакса, Н.Бердяева, П.Нора и др.³⁰³. Основным понятием для историков начиная с XIX века выступало «историческое сознание», считающееся основополагающей референцией мировоззрения Нового времени. Между тем, однако, следует отметить, что концепт «историческое сознание» не обладал общепринятой дефиницией и в научных источниках трактовался с разных позиций. Конкретизируя сказанное, приведем статью Ю. Левады, где данное понятие трактуется как «многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени. В каждую данную эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия «практической» и «теоретической» форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных»³⁰⁴. В середине XX века историками из социологической научной мысли заимствовались такие концепты как: «представления о прошлом» и «знания о прошлом»,

³⁰¹Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. – С. 61.

³⁰²Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. С. 85.

³⁰³Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992.

³⁰⁴Левада Ю. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. – С. 191.

позволяющие констатировать тот факт, что осмысление понятия «историческое сознание» невообразимо без обращения к важнейшей составляющей «исторического сознания» – «исторической памяти». К концу XX в. в зарубежной историографии обозначились школы исследователей исторической памяти. XX-XXI века ознаменовались актуализацией исследований поданной проблеме, наравне с понятиями историческое сознание, историческое знание и представления о прошлом, вводится и *историческая память*. Последнее обусловлено, в частности, тем, что в данный временной отрезок времени историческая память становится тем ключевым элементом формирования национального единения, который приобретает особую значимость в контексте переосмысления общечеловеческой истории. Конкретизируя сказанное, отметим, что понятие «историческое сознание» постепенно стало приобретать теоретическое обоснование. Так, согласно Толковому словарю обществоведческих терминов «*историческое сознание*» определяется как «форма общественного сознания, представляющая собой сложную совокупность взаимосвязанных элементов: знание истории, осмысление исторического опыта и вытекающих из него уроков, социальное прогнозирование (исходя из понимания сущности настоящего, инвариантности прошлого и альтернативности будущего), осознание исторической ответственности за свою деятельность»³⁰⁵. Согласно социологической позиции Ж.Т. Тощенко, определение исторического сознания приобретает смысл применительно к разнородным группам людей и конкретизируя сказанное социолог отмечает, что: «оно представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей»³⁰⁶. В этой связи уместной кажется одна из интерпретаций исторической памяти, представленная в самом начале XXI века, согласно которой под исследуемым концептом понимается: «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим»³⁰⁷. С начала XXI века – происходит зарождение новой парадигмы истории: от изучения «общества» историки переходят к изучению «памяти». Следует отметить, что вопросы соотношения коллективной и индивидуальной памяти, памяти и истории, памяти и традиции, социально-культурных функций памяти, освященные в работах М. Хальбвакса, заложившего начало новому научному направлению – социологическому исследованию памяти, оказались крайне востребованными для социо-гуманитарного знания конца XX и начала XXI в. *Период начала двадцатых годов XXI века* ознаменовался ростом интереса к проблематике исторической памяти в целом и изучением концепта «историческая память» в частности.

³⁰⁵ Яценко. Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. Лань. 1999. – С. 202.

³⁰⁶ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. – С.3.

³⁰⁷ Там же.

Анализ имеющихся научных источников позволяет заключить, что, несмотря на имеющиеся исследования, данный концепт до сих пор не имеет четкого определения, трактуется исследователями с разных позиций, а порой и отрицается. В качестве аргумента в пользу последнего отметим, что И.М. Савельева, А.В. Полетаев считают понятие «историческая память» избыточным, рассматривая данное понятие как продукт идеологизации общества³⁰⁸. Между тем отметим, что отрицание феномена исторической памяти само по себе служит следствием актуализации данной проблемы. Руководствуясь указанными соображениями, можно заключить, что подобное видение авторов обусловлено очередным этапом в осмыслении современного состояния человеческого сообщества, когда традиционные представления не в состоянии объяснить глобальные перемены, когда эпоха постмодернизма неспособна оправдать целесообразность существования земной цивилизации. Потребность в новых смысловых конструктах затрагивает все уровни социума, и это касается такого символического конструкта, как память о прошлом.

Что касается отсутствия общепринятого определения понятия «историческая память», то данное обстоятельство, очевидно, объясняется тем, что на сегодняшний день историческая память становится предметом изучения самых разных наук социо-гуманитарного знания и уже одного этого достаточно, чтобы можно было говорить о необходимости рассмотрения данного феномена с учетом полипарадигмальности и междисциплинарности. Учитывая то, что область явлений, имеющих отношение к юридическим формам переживания истории, обозначаемых появившимся понятием «официальная политика памяти» и сопутствующими понятиями, включающими, например: «коллективную память», «политику памяти» существенно расширилась, следует сделать акцент на имеющихся терминологических различиях этих понятий, которые, тем не менее, обладают общей характеристикой – памятью о событии прошлого, подразумевающей образ, зафиксированный у переживших данное событие, транслируемый потомкам, подвергаемый проверке посредством методов исторической критики.

Генезис развития понятия «историческая память».

Логика рассмотрения генезиса понятия обуславливает необходимость рассмотрения в определенной последовательности развитие взаимосвязанных понятий «память» – «историческая память», а также коротко затронуть рассмотрение сопутствующего понятия «историческое сознание», ибо составной частью последнего и выступает историческая память. Последняя обычно трактуется как набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений о событиях прошлого. Такое представление, очевидно, не является общепринятым. До того, как разбираться с дилеммой о том, какое содержание следует вкладывать в понятие «историческая память» и каковы его границы в нынешнем глобальном контексте, стоит определиться с тем, что такое «память» в общепринятом смысле.

³⁰⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом. М., 2005. – С. 269.

Изучение генезиса отсылает нас к родовому понятию «память», в широком смысле интерпретируемому как общий опыт, пережитый людьми совместно, а в более широком – как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности, в узком – как способность воспроизводить прошлое – фундаментальное свойство человека и человеческого общества. Данная способность обуславливает необходимость акцентировать внимание на ряде аспектов: 1) *временном аспекте* – *праксис нахождения во времени* как одном из свойств, которые следует принимать к сведению и трактовать память как создательницу прошлого; 2) *биологическом аспекте* – *праксис наследования памяти* родовых и видовых признаков в обществе, передачи традиции и дополняется культурными средствами и осознанием временной и временной природы живого. Указанные атрибуты обуславливают потенциал мнемотехник, начиная от фокуса на памятных узелках заканчивая переплетением переживаний человеческого бытия во времени, отраженного в сферах жизнедеятельности³⁰⁹.

Этимологический анализ лексемы память показал, что концепт «память» в сознании древних ассоциировался с обратимостью временных отрезков через отрицание мнимости посредством действия через разум либо чувство. Анализ прямых и косвенных обращений к концепту «память» позволил выделить ряд модусов, обозначающих такие фрагменты лингвокультурологического пространства памяти, как «воспоминание», «время», «бытие».

Являясь источником воображения, память ассоциировалась со времен древнегреческой мифологии с именем Мнемозины – покровительниц искусств и наук. Представители эпохи Возрождения относились к ней как к источнику осведомленности об архетипах, в основе которого – конгруэнтность воображения и идеальных форм трансцендентного космоса. Между тем отметим, что в более поздние периоды, понятие «память» ассоциировалось исключительно с такой областью знаний как *психология* и, в частности, с исследованиями выдающихся ученых: *Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др.* и понималась как отражение сознанием происходящего посредством механизмов запоминания, воспроизведения, узнавания. «Без памяти, – писал С.Л. Рубинштейн, – мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертво для будущего. Настоящее, по мере его протекания, безвозвратно исчезало бы в прошлом»³¹⁰.

Со временем память начинают связывать с явлением (социально обусловленным). Первоосновой изучения *социальной исторической памяти* послужил арсенал психологии, в которой изучение памяти как продукта исторического развития психики человека имеет длительную традицию. Вслед за психологией, понятие коллективной памяти, начинает употребляться в истории, когда термин – социальная историческая память приходит на смену термину «коллективная ментальность». Впоследствии Я. Ассман, проводя исследования в рамках теории культурной памяти,

³⁰⁹Шкуратов В.А. Историческая психология / В.А. Шкуратов. М., 1997. С.438.

³¹⁰Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2-х т. / Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1989. С.302.

обозначил приоритеты изучения в контексте появившегося научного направления, названного «история памяти»³¹¹ и выявил расхождение «живой» коммуникативной и символической культурной памяти и традицией, выходящей за рамки опыта людей и выраженной в памятных местах, датах, монументальных памятниках.

Являясь родовым, понятие «память» служит основой для дальнейшего исследования при выявлении базовых подходов к определению содержания понятия «историческая память». В настоящее время не существует общепринятого определения, полностью отражающего суть концепта «историческая память», но существует ряд подходов, позволяющих рассматривать данный концепт в контексте полипарадигмальности. Говоря о дефинициях, прежде всего, следует обратить внимание на неоднозначность в подходе к изложению их исторической сути. В унисон сказанному приведем ремарку Р. Дюбюка о том, что, если исследователь попадает «в плен» к дефиниции, он может потерять способность развивать свою науку³¹². Учитывая сказанное, отметим, что при определении исследуемой дефиниции, следует обозначить ряд ключевых подходов к определению содержания данного понятия, которые, с одной стороны, очерчиваются контекстом социо-гуманитарной мысли, а с другой – предстают во всем многообразии употреблений ввиду того, что поле исследования определяет тот контекст, в который авторы погружают понятие «историческая память». Данные подходы подразумевают рассмотрение понятия «историческая память» с позиций истории и теории культуры, социологии, теории и истории социологии, когнитивной лингвистики и др.

С позиции истории, будучи помещенным во властный контекст, данный термин в толковании Д. Андреева и Г. Бордюгова приобретает контуры пространства, которое власть конструирует в зависимости от своих интересов и потребностей исторического момента³¹³. К ним приближается толкование «социальной памяти» Дж. Тошем.

С позиции истории и теории культуры, толкование понятия «историческая память» представлено зарубежной и отечественной точками зрения.

Среди представителей зарубежной социо-гуманитарной мысли особого внимания заслуживает определение немецкого ученого *Й. Рюзена*, который делает акцент на ментальной способности субъектов «сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания», и на результате «определенных смыслообразующих операций по упорядочиванию воспоминаний, осуществляемых в ходе оформления исторического сознания путем осмысления пережитого опыта»³¹⁴.

³¹¹Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

³¹²Дюбюк Р. Состояние терминологии на современном этапе // Мат. междунар. симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии». М., 1979. – С. 26.

³¹³Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство памяти: Великая Победа и власть. М., 2005. С. 7-10.

³¹⁴Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. – С. 9.

Среди представителей отечественного социо-гуманитарного знания следует сделать акцент на определении Л.П. Репиной, толкование которой сводится к рассмотрению исторической памяти «как совокупности донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»³¹⁵.

С позиции теории и истории социологии, толкование понятия «историческая память» может интерпретироваться как явление одного порядка с «историческим знанием». Так, по мнению Н.В. Романовского, «соотношение исторического сознания (а), исторического знания (б) и исторической памяти (в) можно выразить формулой: $a = б + в$ »³¹⁶. Отсюда следует что, с одной стороны, под исторической памятью понимается способность субъекта сохранять воспоминания о пережитом опыте, а с другой – результат определенных смыслообразующих операций по упорядочению воспоминаний, осуществляемых в ходе формирования исторического сознания путем переработки пережитого опыта.

С позиции социологии, представленная, в частности, М. Хольбаксом, историческая память трактуется как «социально обусловленное явление: общество создает рамки для воспоминаний; общие события и герои воплощают идентичность группы; существует столько же памятей, сколько и групп. Забвение событий и героев вызывается вовсе не антипатией или безразличием, а исчезновением тех групп, в сознании которых хранилась память о них. Так возникли темы коммеморации и «мест памяти»³¹⁷.

С позиции культурологии, представленная исследованиями Е. А. Приходько и С. О. Лебедева, «историческая память» трактуется, как определенная группа, которая сохраняет присутствующие в ее сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях, которые являются носителями ее идентичности. Прожитое, к которому эти воспоминания относятся, может быть более или менее отдаленным. Воспоминания о нем передаются через устную или письменную традицию и могут быть облечены в форму мифов, могут быть идеализированными или представлять точное описание. Сегодня это происходит путем обучения или воздействием каналов массовой информации»³¹⁸. На основании сказанного усматривается, что, говоря об исторической памяти, исследователи охватывают ряд уровней знания о прошлом: самостоятельными уровнями служат знания, которыми обладают индивиды и группы индивидов, память индивидуальная и коллективная. В индивидуальной и коллективной

³¹⁵ Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 3. – С. 42.

³¹⁶ Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Изучение массового исторического сознания в постсоветской России: обзор подходов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politmemo.ru/filemanager/download/92> (дата обращения: 15.07.2019).

³¹⁷ Хальбакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2-3 (40-41). – С.8-27.

³¹⁸ Приходько Е. А., Лебедева С. О. Историческая память и историческое сознание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. – № 1 (5). – С. 132-135.

памяти, в свою очередь, выделяют области информации, почерпнутой из собственного опыта и опыта ближайшего социального окружения (семейная и корпоративная память), из сферы коммуникаций разного рода, из различных источников массовой информации, из знакомства (в разных форматах) с научными исследованиями. Между тем, следует подчеркнуть, что интерес представляет не столько некое упорядочивание уровней и форм переживания истории, сколько та первооснова, которая содействует подобному дроблению и избирательности воспоминаний о прошлом, воспроизводимой из поколения в поколение в ходе взаимодействия, подразумевающего разнородный контекст исторического опыта и имеющего иную конфигурацию «памяти». Подобная устойчивость воспроизводства воспоминаний о прошлом позволяет говорить о том, что истоки данного феномена лежат в рамках процесса осмысления людьми своего прошлого, а соответственно, имеют культурную направленность, которая обуславливает переход знаний о прошлом репрезентирует их как составляющие современных культурных практик. На основании изложенных выше подходов к определению содержания понятия «историческая память» усматривается, что самое точное предназначение исторической памяти излагает Л.П. Репина, называющая данное понятие сложным социокультурным феноменом, связанным с осмыслением исторического опыта (реального и/или воображаемого)».

Проблема концептуализации – далека от решения, о чем свидетельствует ряд интерпретаций понятия «историческая память», рассматриваемого, в частности, как: способ трансляции прошлого в эпоху утраты традиции; индивидуальная память о прошлом; часть социального запаса знания, существующая уже в примитивных обществах; коллективная память о прошлом, если речь идет о группе, и как социальная память о прошлом, когда речь идет об обществе; как идеологизированная история, более всего связанная с возникновением государства-нации; синоним исторического сознания. Такие расхождения в интерпретации позволяют констатировать, что: *во-первых*, четкое понятие еще не выработано, а, соответственно, смысловые границы понятия не обозначены и *во-вторых*, термин используется в разных смыслах, включая: давнюю терминологию, включающую, например, такие концепты как: воспоминание, предание, историческое сознание, идентичность, традиция, рецепция; обороты речи; новые специфические термины такие как: «*социальные рамки памяти*», «*политика памяти*», «*места памяти*». Каждое из указанных именованных входит в научный оборот в связи с упоминанием исследователей, например, именование «*места памяти*» получило широкое распространение вследствие исследований П. Нора наравне с такими именованными как: «поля памяти», «дворцы памяти» и, в контексте «коллективной памяти», наделенный смыслом «пространство как образ события»³¹⁹.

³¹⁹ Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуонмеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17-50.

Уточнение понятия «историческая память».

Принимая во внимание то, что сегодня роль исторической памяти возрастает, появляется необходимость уточнения данного понятия. Отражая связь времен, память обеспечивает историческую устойчивость носителя той или иной культуры. Учитывая то, что историческая память: 1) носит избирательный характер, ибо каждая историческая эпоха имеет собственные иерархии ценностей, а соответственно и принципы их отбора; которые трансформируются в ходе исторического развития общества; 2) выступает в виде сложного духовного феномена, позволяющего обеспечивать связь поколений, исторической памяти свойственно содержательно видоизменяться. Поэтому целесообразно рассматривать проблему феномена исторической памяти через призму сознательного обращения к прошлому, с позиции теории ценностей, выдвигающей на первый план не столько философско-социологическое осмысление истории, сколько актуализацию интегративных первооснов, ориентированных на дальнейшее углубление культурного взаимодействия. Аргументом в пользу сказанного служит то, что человеческое видение – субъективно и в своем субъективном видении люди не свободны от того, что диктует ценностный мир, менталитет народа и историческая эпоха. Начало XXI века одновременно с изменением исторического контекста смещает проблему исторической памяти в поле ценностной проблематики. Руководствуясь соображениями, изложенными выше, целесообразно рассматривать концепт «историческая память» как феномен общественного сознания, который следует рассматривать через призму теории ценностей как способность общественных субъектов, обеспечивать трансляцию культурного наследия и его интеграцию в современные социокультурные реалии.

Результаты исследования

Исследование генезиса понятия «историческая память» позволило констатировать, что:

1. Родовое понятие «память» представляет собой противоречивый объект исследования, поскольку исследуется с позиций разных наук социо-гуманитарного знания и изучение «памяти» носит междисциплинарный характер. Изначально данное ментальное явление определялось исходя из толкования в рамках психологии как отражение сознанием того, что было в прошлом опыте, путём запоминания, воспроизведения и узнавания; со временем данное явление перевоплощается в социально-ментальное или даже социокультурное явление, приобретающее смысл в рамках философско-социологического анализа, акцентирующего внимание на разных аспектах памяти (коллективном, нормативном и культурно семиотическом).

2. Несмотря на разнообразие имеющихся суждений, очевидным образом проявляется не только прямая зависимость исторической памяти от социальных потребностей современности, но и ее инструментальный характер в процессе интерпретации исторической судьбы и перспектив общества.

3. Семантическое исследование данного понятия позволило в конечном итоге углубить представления о концепте «историческая память» как явлении культурно

маркированном, о чем свидетельствуют, в частности факты обогащения смыслового поля посредством возникновения новых коннотаций.

4. В процессе концептуализации исследуемого понятия отчетливо прослеживаются такие референции, которые, *во-первых*, отображают содержание концепта как свойства исторического сознания человека (понятийные референции); *во-вторых*, обнаруживаются в ходе анализа феномена «историческая память» с позиций ряда наук, очерчивающих контур социо-гуманитарного знания и вскрывающих принцип сознания и языка, суть которого сводится к выражению общего через отдельное (предметные референции); *в-третьих*, проявляются в морально-нравственных ассоциациях (ценностные референции).

В рамках данной статьи предпринята попытка раскрытия содержания концепта «историческая память» как многомерного смыслового образования. Исследовательский путь, проделанный в ходе изучения исторической памяти как концепта, позволил описать взаимосвязи явлений в контексте междисциплинарности и полипарадигмальности, обозначить авторское видение в рассмотрении данного феномена и предложить авторскую трактовку с позиций теории ценностей.

Глава II. ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

§ 1. Коллективная память в историко-правовой науке³²⁰

Одним из новых (относительно) и оригинальных направлений в современной историографии является исследования памяти (*memory studies*). Это направление, включающее несколько теорий, возникло во вт. пол. XX в. как реакция «на разрушительную критику истории как способа постижения прошлого в его тотальности со стороны структурализма, постструктурализма, постмодернизма, деконструктивизма и постистории. Появление памяти как одного из ключевых концептов нового историцизма совпадает со становлением новой культурной истории, ставшей ответом на разнообразные вызовы постмодерна»³²¹. По мнению выдающегося французского историка П. Нора, «потеряв представления о телеологии истории (во всех трех возможных ее вариантах: будущем как реставрации прошлого, как прогрессе или как революции), эпоха постмодерна... потеряла знание о том, что из прошлого должно сохраняться в настоящем. Результатом этой неопределенности стало навязчивое желание «благоговейно и неразборчиво» сохранять «любые видимые знаки и материальные следы, которым предстоит (может быть) стать свидетельствами того, что мы есть или чем мы были». Ощущение утраты привело к доминированию памяти над историей, экстенсивному расширению смысла самого понятия памяти при параллельном практически неконтролируемом увеличении количества институтов, отвечающих за нее, – музеев, архивов, библиотек, коллекций и банков данных»³²².

При всем пиетете к знаменитому французскому историку, позволю себе несколько иную трактовку популярности направления истории памяти. Общий кризис исторической науки (и истории права), связанный с неудовлетворенностью классической официальной историографией, вызвал необходимость ее трансформации. Поиски отказа от политической (по преимуществу) истории, которую пишет победитель, привели к таким направлениям, как история ментальностей, микроистория, новая интеллектуальная история и т.п., в том числе, историческая память. Все это имеет непосредственное отношение и к историко-правовой науке, так как методология последней не может принципиально отличаться от исторической эпистемологии как таковой.

Что же такое исследования исторической памяти как направление или научно-исследовательская программа в историко-правовой науке? Это исследование истории права с точки зрения коллективной памяти, включающей несколько

³²⁰ Данный параграф выполнен И.Л. Честновым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

³²¹ Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С. 23.

³²² Цит. по: Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С.25.

уровней: мировоззренческий, философский, научный (теоретический), обыденный, бессознательный. Если научная коллективная память совпадает с историко-правовой наукой, как и, с некоторыми оговорками, мировоззренческий и философский ее – коллективной памяти – уровни, то об обыденной коллективной памяти о праве и тем более о бессознательном такого не скажешь. В то же время, с позиций социальной феноменологии – одного из ведущих направлений в современном гуманитарном знании – социальная наука только тогда сможет адекватно исследовать свой объект (в данном случае историю права), если будет выступать рефлексией акторов, участвующих в воспроизводстве объекта (истории права). «Социальный мир, – пишет крупнейший знаток социальной феноменологии в нашей стране Н.М. Смирнова, – имеет собственное значение и структуру релевантностей для людей, живущих обыденной жизнью в естественной установке сознания. Он уже предварительно проинтерпретирован и расчленен в обыденном мышлении до того, как стал предметом специализированного научного анализа. Объект социальных наук – в отличие от объектов естествознания – уже наделен имманентным смыслом до того и независимо от того, что приписывает ему научный наблюдатель. Смысл не привносится в социальный мир исследователем. Социальный, очеловеченный мир изначально «светится собственным смыслом». Игнорирование этой специфики социального объекта ведет к *искажающему овеществлению социального мира и к теоретической дегуманизации человека*»³²³. Собственно говоря, история права – это не только и не столько история трансформаций законодательства и государственной организации, сколько история людей, живших при соответствующем законодательстве и государственной организации. Более того, с позиций постклассического правопонимания, социальное бытие права складывается из ментальных переживаний и фактического поведения, опосредованных законодательством. Право существует только если воспроизводится психически и поведенчески действующими акторами – носителями статусов субъектов права. Такая трактовка истории права близка истории ментальностей и новой интеллектуальной истории³²⁴, но несколько от них отличается акцентом на *конструктивизм, коллективную идентичность и идеологическую составляющую*, так как *показывает как конструируется политико-правовая идентичность социума с помощью истории правовой памяти (коллективной памяти о юридически значимом прошлом)*.

³²³ Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современно общества. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 320.

³²⁴ «Сам термин «интеллектуальная история» кажется чрезвычайно размытым, что приводит к частым злоупотреблениям в его использовании, – грубо говоря, «интеллектуальной историей» при желании можно назвать любую область знания, связанную с изучением текстов прошлого. ... Термин «интеллектуальная история» оказывается полезным, когда речь идет о разных по содержанию и научным задачам теориях, скрепленных тем не менее единой исследовательской программой. Подходы в интеллектуальной истории могут отличаться друг от друга в диапазоне от социолого-статистических методик в истории чтения до языкового анализа в истории политических идиом или истории понятий, однако все они объединены общим фокусом-признанием детерминирующей роли методического изучения исторического контекста или контекстов при анализе текстов прошлого». – Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.11-12.

Понятие культурной памяти, по мнению Я. Ассмана, требуется «как обобщающее понятие для функциональных рамок, описываемых выражения «складывание традиции», «обращение к прошлому», «политическая идентичность, или политическое воображение». «Эта память – культурная, потому что она может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций, и в то же время это – память, потому что она функционирует по отношению к социальной коммуникации совершенно также, как индивидуальная память по отношению к сознанию»³²⁵. «Помнящая культура имеет дело с «памятью, создающей общность». ... Невозможно помыслить вообще никакого социального объединения, в котором не просматривались бы – пусть в сколь угодно ослабленном виде – формы помнящей культуры. ... Социальная группа, учреждающаяся как общность воспоминания, оберегает свое прошлое с двух основных точек зрения: своеобразия и долговечности. Создавая свой собственный образ, она подчеркивает различия с внешним миром и, напротив, преуменьшает внутренние различия. Кроме того, она разбивает «сознание своей идентичности, проносимой сквозь время», поэтому сохраняемые памятью факты обычно отбираются и выстраиваются так, чтобы подчеркнуть соответствия, сходство, преемственность. В тот момент, когда группа осознает, что произошла решительная перемена, она перестает существовать как группа и уступает место новой группе»³²⁶.

С другой стороны, «поскольку культурная память не наследуется биологически, нужно поддерживать ее функционирование в смене поколений. Это задача культурной мнемотехники, то есть сохранения, реактивации и донесения смысла. Функция культурной мнемотехники состоит в обеспечении преемственности, или идентичности. Идентичность, как нетрудно догадаться, основана на памяти и воспоминании о прошлом. Как отдельный человек только благодаря наличию у него памяти может выработать и сохранить в смене дней и лет личную идентичность, так и группа может сохранять групповую идентичность только с помощью памяти. Различие состоит в том, что групповая память не имеет физиологической основы. Ее замещает в этом случае культура – комплекс обеспечивающего идентичность знания, объективированного в символических формах, таких как мифы, песни, танцы, пословицы, законы, священные тексты, скульптуры, орнаменты, живопись, дороги, и даже – как в случае австралийцев – целые местности. Культурная память распространяется в формах воспоминания, изначально принадлежащих празднику и обряду. До тех пор, пока обряды гарантируют распространение в группе обеспечивающего идентичность знания, процесс его передачи осуществляется в форме повторения. Сама суть обряда предполагает, что он воспроизводит предначертанный порядок в по возможности неизменной форме»³²⁷.

³²⁵ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 23.

³²⁶ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.30, 41.

³²⁷ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 94-95.

В то же время, как утверждает А. Ассман (супруга Я. Ассмана) прошлое «существует лишь в его зависимости от его актуализации в интерактивных конструкциях своего времени, ориентированных на актуальные потребности и желания»³²⁸. Таким образом, *с одной стороны, память о юридически значимом прошлом конструируется сообществом (властными референтными группами в борьбе за официальное право номинации именно так трактуемого прошлого), а, с другой стороны, образ прошлого, запечатленный в коллективной памяти, конструирует сообщество, в том числе, включая нацию как политико-правовой конструкт.* «Нация по Ренану, – пишет А. Ассман, – представляет собой коллективную волю, устремлённую в будущее. Однако этой воле для ее действительности необходимо обоснование, опирающееся на конструирование общего прошлого. Общая память придает смысл настоящему, трактуя его как ступень длительного и необходимого развития. Мифомоторный потенциал национальной исторической памяти заключается именно в этой временной ориентации: она создает смыслы, представляя настоящее как промежуточное звено мотивирующего нарратива, охватывающего как прошлое, так и будущее»³²⁹. «Современные политики, – пишет Ю.А. Сафронова, – используют исторические аналогии, чтобы обсуждать важные вопросы дня сегодняшнего, манипулируют памятью, чтобы легитимизировать изменения или их отсутствие, опираясь на мифы основания, важные для определенного сообщества. Далеко не всегда их целью является формирование определенной концепции прошлого. Хотя, как правило, дебаты о прошлом идут внутри одного сообщества, память может превращаться и в инструмент международных отношений»³³⁰. Более того, «там, где история находится на службе у формирования идентичности, где история осваивается гражданами и где к ней апеллируют политики, – там можно говорить о «политической» или «национальной» памяти»³³¹.

Наиболее важными и интересными проблемами в связи с анализом правовой коллективной памяти являются, на мой взгляд, следующие: виды и формы бытия коллективной историко-правовой памяти; диалогичность коллективная и индивидуальной правовой памяти; конструирование и воспроизводство коллективной памяти в истории права; идеологическая функция коллективной памяти о прошлом.

Память, очевидно, существует в прямом, буквальном смысле слова, как мыслительная, психическая активность индивида по запоминанию, хранению и воспроизведению информации. В то же время, по мнению Я. Ассмана, вещи не «имеют» собственной памяти, но способны напоминать нам о чем-то, быть триггерами для памяти, потому что они сохраняют воспоминания, которые мы сами помещаем

³²⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 171.

³²⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 40-41.

³³⁰ Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С. 192.

³³¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 35.

них³³². Поэтому зафиксированную в знаковой форме информацию о прошлом (в том числе, в сфере права) можно считать коллективной памятью. При этом память существует или функционирует только если актуализируется и воспроизводится дискурсами (или дискурсивными практиками) соответствующих агентов. Формами правовой памяти являются тексты и все производное от знаковой текстуальности: законодательство, запечатленные правовые обычаи, индивидуальные правовые акты, свидетельства о правосознании населения и проч.

В этой связи важно не просто зафиксировать виды и формы правовой памяти, но показать их диалогическую взаимообусловленность. С одной стороны, индивидуальная правовая память формируется путем социализации актора с помощью системы образования, СМИ, идеологии, ближайшего окружения актора, референтных групп, с которыми или в которых он коммуницирует. А. Ассман достаточно убедительно показывает, как формируется, например, национальная память. По ее мнению – через участие в ритуалах. «Ритуалы участия привязаны к определенному времени и особому месту. Национальные праздники предписывают то или иное действие; это может быть день радости и торжества, отмечаемый праздничным салютом, как это бывает 4 июля в США и 1 августа в Швейцарии, или день травмы и скорби, когда наступает минута молчания, как это бывает 4 мая в Голландии или 27 нисана в Израиле («Йом ха-Шоа» – память о Холокосте). В дни национальных праздников и скорбных дат история становится памятью. Прошлое трактуется, коммуницируется и переживается таким образом, что оно оказывается настоящим: прошлое и настоящее взаимно проникают друг в друга в определенных местах и ритуалах»³³³.

Однако если бы индивидуальная память о правовом прошлом всегда выступала бы результатом правовой социализации акторов, то коллективная память о юридически значимом прошлом оставалась бы неизменной. Очевидность трансформаций коллективной правовой памяти свидетельствует об обратной ее зависимости от индивидуальной активности в миметических правовых процессах. В этом процессе превращения индивидуальных образов, социальных представлений о правовом прошлом, заключается содержание процесса конструирования коллективной правовой памяти. «Прошлое не возникает само собой, – пишет Я. Ассман, – а является результатом культурного конструирования и изображения; оно всегда руководимо специфическими мотивами, ожиданиями; надеждами, целями и сформировано референциальными рамками современности»³³⁴. Некоторые выдающиеся представители референтных групп, используя медиа (цифровые, прежде всего, в постсовременном информационном социуме), обеспечивают превращение своего видения правового прошлого в универсальное (коллективное). При этом речь идет в

подавляющем большинстве случаев не о новых фактах, а об их оценках, интерпретации. Сегодня в постклассической эпистемологии факт неотделим от его интерпретации, в этом суть «теоретической нагруженности» фактов. «Медийная память, – со ссылкой на западных авторов утверждает Ю.А. Сафонова, – находится на пересечении интересов *memory studies* и *media studies* и способна обогатить каждую из этих сфер исследования, поскольку ставит вопросы о власти репрезентаций и роли повествования в процессе социального конструирования мнения: какие версии прошлого формируют различные медиа и как; индикатором каких социальных и политических изменений служит медийная память и т.д.»³³⁵.

«Предпосылками того, что индивидуальная память может стать культурной памятью, – пишет А. Ассман, – являются символическое расширение и психологическая идентификация. Посредством репрезентации (которая подразумевает символическое кодирование, запись на материальные носители, размножение и распространение) воспоминание и личный опыт становятся коммуницируемой информацией. Чтобы превратиться в знание, информация должна быть воспринятой заинтересованным человеком и переработанной им, иначе она – в лучшем случае – будет отложена *ad acta* в культурной накопительной памяти. Знание же усваивается через психологическую идентификацию и когнитивную проработку, после чего оно осмысливается как часть собственной идентичности, чтобы войти в состав культурной памяти»³³⁶.

Очевидно, что конструктивистская активность представителей референтных групп станет официальной коллективной памятью о правовом прошлом при стечении нескольких обстоятельств: при условии соответствия инновации ожиданиям населения (во многом сконструированными властью); при согласовании инновации существовавшим ранее традициям, социальным представлениям; при условии ее – инновации – «вписания» в исторический и социокультурный контекст, включающий политическую и экономическую ситуацию.

В результате формирования нового представления о правовом прошлом изменяется правовая идентичность социума. «Идентичность, в том числе и я-идентичность, – пишет Я. Ассман, – всегда представляет из себя продукт социального конструирования и потому всегда бывает культурной идентичностью. ... Явственность коллективной идентичности – исключительно символического характера. «Социальное тело» нельзя ни увидеть, ни потрогать. Оно представляет из себя метафору, мнимую величину, социальную конструкцию. Но в этом качестве оно вполне реально.

Под коллективной или мы-идентичностью мы понимаем то представление о себе, которое складывается у группы и с каким идентифицируют себя ее члены. Коллективная идентичность есть дело идентификации со стороны отдельных

³³² Цит. по: Сафонова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С. 86.

³³³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 225.

³³⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 94-95.

³³⁵ Сафонова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С. 173.

³³⁶ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 227-228.

лиц, участвующих в ней. Она не существует «сама по себе», но всегда лишь в той мере, в какой ее признают своей определенные люди. Ее сила или слабость зависят от того, насколько она жива в сознании членов группы и способна мотивировать их мышление и деятельность»³³⁷. В формировании правовой идентичности социума выражается идеологическая функция коллективной памяти о правовом прошлом.

Коллективная память о прошлом в сфере права – это то, как воспринимается и воспроизводится практиками «официальная» история права, запечатленная в учебниках, программах, традиционной научной литературе. (речь, воспроизводящая язык). Что думают и какие значения приписывают правовому прошлому обыыватели на основе сконструированного властью (в широком смысле слова включающей референтные группы) образа или социального представления о юридическом прошлом – вот в чем состоит значение исторической правовой памяти, обеспечивающая правовую идентичность социума.

§ 2. Проблема периодизации истории отечественной юридической науки в контексте взаимодействия научного знания и исторической памяти³³⁸

История науки стала рассматриваться научным сообществом как неотъемлемая часть научного поиска фактически с момента осознания того, что такое наука и что любое научное знание по природе своей кумулятивно и коллективно. По определению американского науковед Т. Куна, «ученые – это люди, которые более или менее успешно вносят свою лепту в создание совокупности фактов, теорий и методов, а развитие науки при таком подходе – это постепенный процесс, в котором факты, теории и методы слагаются во все возрастающий запас достижений, представляющий собой научную методологию и знание»³³⁹.

Этот фактор имеет аксиоматичное восприятие и нашими современниками. Внешним проявлением такого понимания, пожалуй, можно обозначить введение в недавнем прошлом в программу высшего профессионального образования дисциплины «История и методология науки», ориентированную на задачи той научной сферы, в рамках которой осуществляется подготовка. Юриспруденция не стала исключением. Образовательное пространство наполняется индивидуальными программами авторских курсов (содержание дисциплины не стандартизировано), появился первый опыт учебных пособий, адаптирующих к учебному процессу, по мнению их авторов, наиболее значимые методологические и исторические аспекты

³³⁷ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 141-142.

³³⁸ Данный параграф выполнен М.А. Кожевиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII – XX вв.».

³³⁹ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. – С. 24.

юридической науки³⁴⁰. Явление, как нам кажется, незаурядное хотя бы потому, что десятилетие назад вопрос об изучении истории юридической науки практически не ставился. Вместе с тем, невольно задумываешься – какой научный материал адаптируется и должен адаптироваться? И как показывает аналитика учебного «арсенала» – точного ответа нет.

Главная причина, на наш взгляд, заключается в том, что введенная учебная дисциплина не является результатом унифицированного научного знания, воспроизводимого самостоятельной научной дисциплиной – историей юридической науки. Таким образом не соблюдено главное требование популяризации научного знания. Объясняется этот факт тем, что юридическая наука, в отличие от иных наук, и прежде всего истории, сегодня не имеет системного опыта исследования собственной истории, как следствие, и системных научных знаний о ней. Это научное пространство только формируется, но формируется вяло и не последовательно. Поэтому значительная часть преподающих дисциплину, упрощая свою задачу, отождествляет историю науки с историей политических и правовых учений, не проводит, а чаще не видит, различий между научными знаниями и научными идеями, поэтому осуществляет необоснованную периодизацию истории науки, смешивая научные факторы с идеологией, а также произвольно, с учетом авторских пристрастий, выделяет значимые события, повлиявшие на качественное развитие юридической науки вообще и отечественной юридической науки в частности. В целом игнорируется методология исторического познания, которая должна в данном конкретном случае, когда речь идет об истории объекта (юридической науки) познания, стать «путеводной звездой», как бы высокопарно это не звучало.

Хотелось бы в этой связи указать несколько важных, на наш взгляд, аспектов обозначенной проблемы. Во-первых, следует различать историко-правовое и историческое исследования. В первом случае изучается право прежде всего как социальный регулятор в его исторической проекции (ретроспективе или хронологической перспективе). Соответствующим образом расставляются акценты в познавательной деятельности. Историческое видение объекта познания опосредуется юридической аналитикой. Приоритетными являются методы юридического познания, к примеру, формально-юридический, сравнительно-правовой и т. д. Исторические методы лишь расширяют познавательное поле, позволяют увидеть историческую специфику в развитии права – преемственность либо дискреционные или стагнационные проявления, в итоге сформировать полноценное понятие права.

История юридической науки в отличие от истории права, не утрачивая своей юридической специализации, приоритетно ориентирована на историческую компоненту. Объектом познания является сама юридическая наука как сфера формирования и воспроизведения нового знания о праве. В рамках этого научного направления

³⁴⁰ См. напр.: История и методология юридической науки: коллективная монография / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. В. Сорокина. М., 2016; Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. М., 2017; Селютин Е. Н. История и методология юридической науки: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2019 и др.

вопрос – что есть право? – уходит на второй план исследования. Важно выявить – когда и где сформировались условия для развития той или иной правовой концепции, а именно – общественные и политические отношения, уровень развития общественных и других наук, степень их взаимодействия и взаимовлияния, преемственность в научных теориях и практике. Не менее важным является анализ уровня развития нормативной базы исследований, выявления широты диапазона проблематики, соотношения общих и частных проблем права. Ответы на вопросы: что изучалось, с каких позиций, кем изучалось и как изученное стало достоянием других? – позволят выявить немаловажные факторы, повлиявшие на развитие науки. Это и внешние условия, формирующие «социальность» науки, и внутренние, связанные с самим научным сообществом, имеющим свою организацию, принципы и нормы существования. Это и господствующая в научном сообществе система теоретических представлений, методологий и научных технологий, складывающихся под влиянием философских взглядов и мировоззренческих позиций исследователей. Это и сама личность ученого в процессе его творчества. Одним словом, все то, что способствует накоплению исторического знания о юридической науке³⁴¹.

Во-вторых, каждое исторически окрашенное исследование имеет свой предмет. Значимым, в нашем понимании, является соотношение объема понятия самого предмета. К примеру, история правовых и политических учений – самостоятельная научная дисциплина, задачи которой в некоторой степени согласуются с задачами истории науки. Эти научные дисциплины, развивающиеся параллельно, имеют общие границы исследования, но в объеме своем не совпадают. Предметом первой дисциплины является правовая идеология во всех исторически обусловленных проявлениях. Однако зарождение и развитие правовой мысли, идеи – это еще не наука, но объективное условие для развития научных дискуссий, становления личности ученого, утверждения в науке той или иной теории, появления научной школы. Это и необходимое условие для формирования методологии правовой науки. Поэтому достижения этой научной дисциплины могут быть лишь частью предметной области истории науки, в отдельных ракурсах научного поиска системообразующим звеном в формировании нового знания о политико-правовых явлениях, но не подменяющих саму науку, следовательно, история юридической науки не может быть ограничена изучением политико-правовых учений.

В-третьих, на фоне выше обозначенных размышлений высвечивается проблема наполнения соответствующим содержанием самого понятия «наука», чтобы достаточно рельефно представить предмет исследования. Сам термин в социальный обиход вошел несколько столетий назад, и по мере погружения в обыденную жизнь наполнялся соответствующим смыслом – как способ приобретения знания, обучение, как итог познавательного процесса, как особая форма интеллектуального труда или особая форма творчества. Разноплановые представления о науке не утратили своей актуальности и сегодня. И если в рамках

³⁴¹ Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII-XIX вв.: монография. Омск, 2013. – С. 18.

политической и обыденной риторики смысловые различия вполне допустимы, то в научном плане, когда наука становится предметом исследования, подобный подход мало эффективен, требуется единство в понимании. В противном случае происходит размывание предметного поля научной дисциплины, исследовательский поиск теряет свою целевую ориентацию, становится непродуктивным, а само знание о предмете аморфным, несистемным. В результате формируется иллюзия (некий контур) исторического знания о юридической науке, сама же история юридической науки как целостный, непрерывный и системный процесс находится за рамками этого знания.

Современная историческая наука определяет это состояние понятием исторической памяти (в разновидностях и на разных уровнях проявления – индивидуальная, коммуникативная, культурная и т. п.), которая имеет как личностную, так и коллективную форму бытования. Что имеется в виду. Обращение к прошлому объективная потребность общества и необходимое условие его прогрессивного развития, которое находится в зависимости от степени взаимодействия компонентов триады «история – память – политика»³⁴². Прошлое как оно есть в современной жизни не может быть воспроизведено буквально, оно может быть объективировано лишь в исторических конструкциях и интерпретациях, предлагаемых исторической наукой. Однако рамки научного знания не вмещают значимый для понимания прошлого эмоциональный контекст, сопряженный с образным воспроизведением отдельных временных отрезков или отдельных событий. Разумное сочетание научного и ненаучного восприятия прошлого позволяет политике, в основе своей нацеленной на позитивную проекцию в будущее исторического опыта, быть адекватной запросам времени. Предложенная историками схема исторического познания общественной жизни в ее единстве в полной мере, как нам кажется, может быть экстраполирована в одну или несколько плоскостей этой жизни, например, в научную, которая в свою очередь тоже не однородна, а структурирована согласно отраслевой принадлежности научного знания. Поэтому история юридической науки одновременно может быть объектом и юридической науки, и исторической памяти, и правовой политики. Но только сбалансированное взаимодействие всех трех практик может привести к должному эффекту. Без сомнения, это идеалистическая модель, реалии намного сложнее и требовательней к гармонизации общественных отношений. Да и данный ракурс проблемы не является для нас приоритетным, это тема отдельного исследования, возможно не одного. В нашем случае привлекательным становится схематизм предложенного тренда, который позволяет увидеть некоторые закономерности и особенности взаимодействия научного знания с иными формами человеческого воспроизведения прошлого, где история как наука выполняет роль «каркаса исторической памяти, существенно участвуя в формировании

³⁴² Воробьева О. В. Профессиональная историография и историческая память: аспекты взаимодействия // Профессиональная историография и историческая память. Опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О. В. Воробьевой, О. Б. Леонтьевой. М., 2017. – С. 9.

«социальных рамок памяти»³⁴³, а также в совокупности с ней воздействовать на профессиональную идентичность юристов (тема, которая тоже ждет своего исследователя).

Основным медиа соответствующего знания выступает образовательная среда. Она несет основную нагрузку в популяризации научного знания о прошлом. Поэтому насколько корректно и грамотно обучающейся аудитории преподносится исторический опыт юридической науки и практики, настолько глубоко ею осознается потребность знания этого опыта – либо знание ради знания, либо знания как основа, фундамент профессионализма в широком смысле этого слова. В первом случае мы будем иметь дело с формированием коммуникативной памяти (соответствующий уровень исторической памяти), носителем которой является педагог, он же основной транслятор соответствующей информации о прошлом юридической науки. В основе своей такое знание субъективировано, имеет большое допущение избирательности материала, ориентированного на интеллектуальные и научные предпочтения автора преподаваемого курса. Как нам кажется, на этой стадии в части изучения истории юридической науки мы и находимся сегодня. Учебно-методическая составляющая представляет широкий диапазон предлагаемых интерпретаций дисциплины. С одной стороны, такой подход имеет свои плюсы, указывая различные направления поиска оптимального варианта, с другой, уводит образование в популистскую плоскость, формируя в некоторой степени поверхностное и ограниченное знание предмета.

Необходимо сделать шаг в сторону науки истории, чтобы получаемое знание приобрело системность в разумном сочетании научного и феноменологического (образного) понимания прошлого юридической науки, способствовало сбалансированному взаимодействию профессиональной историографии и исторической памяти. В этой связи важно определить методологические приоритеты в познавательном пространстве. Методы исторической науки в части выявления генеральных линий развития юридической науки, общего плана познания истории юридической науки, как нам кажется, будут предпочтительней и эффективней.

Прежде всего прошлое обладает свойством времени, которое априори непрерывно и бесконечно. Однако человеческое сообщество, находясь в этом временном «пространстве», в зависимости от условий, порождаемых временем, меняется само и одновременно меняет эти условия. Признание данного факта обусловило введение в научный оборот понятия исторического времени, которое представляется прерывным и ограниченным. Юридическая наука как социальный феномен, существует во времени, претерпевает качественные изменения и приобретает новые очертания своего образа. Поэтому имеет свое место в историческом времени, которое в научных целях может быть организовано и структурировано, то есть подвержено хронологизации и периодизации. В методологическом плане оба познавательных средства имеют двойное значение, с одной стороны, рассматриваются как научный метод, с другой, как результат

³⁴³ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание прошлого: теория и история: в 2 т. СПб., 2003.– Т. 1. – С. 431.

исторического исследования. Но несмотря на методологическую роль в изучении истории, оба являются основными в упорядочении исторического материала и исторического времени, тем самым создают основу для дальнейшей систематизации исторического знания и определения социальных рамок исторической памяти.

Рассмотрим в качестве примера вопрос о периодизации истории отечественной юридической науки. Проблема периодизации наиболее обострилась и стала предметом разноплановых научных дискуссий в силу быстро меняющегося сегодня отношения к прошлому. Несколько ранее периодизация отечественной истории воспринималась как данность (этот подход не утратил своей актуальности и сегодня, к сожалению), поэтому многие исследуемые процессы «приноравливались» к существующей периодизации, а именно к периодизации истории Российского государства. Но плюралистические тенденции, наметившиеся с признанием формационного и цивилизационного подходов к периодизации исторической действительности как равнозначных, высветили аспекты, ранее не обсуждаемые наукой широко. К примеру, о множественности временных ритмов и временных потоков, о цикличности исторического процесса, о локально-исторических свойствах действительности и т. п.

В этой связи в настоящее время формируется иное отношение к периодизации. Она рассматривается не только в качестве метода научного изыскания, но, и в качестве формы организации исторического времени. «Мы должны четко осознавать, – писал в свое время А. Я. Гуревич, – что периодизация истории не дана нам свыше. Если мы действительно можем обнаружить определенные органически завершенные этапы и этапы, вновь открывающиеся, благо нам. Но в целом нам нужно иметь в виду, что в вопросе о периодизации мы находимся на почве того, что немцы называют *Begriffsgeschichte*. Это история понятий, которые формируются историками или воспринимаются ими для руководства и налагаются на непрерывно продолжающийся исторический процесс – для того, чтобы его расчленил, выделить определенные сюжеты для изучения и придать им специфические характеристики»³⁴⁴.

На фоне этого рассуждения высвечивается проблема о выборе критериев периодизации, которые не должны быть произвольными. Они должны способствовать формированию целостного видения изучаемого объекта. Следует согласиться с И.Н. Данилевским, который справедливо отмечает, что «выделяемые периоды должны объединять события и процессы, которые рассматриваются как типологически однородные и отличаются по каким-то существенным признакам от событий и процессов как предшествующего, так и последующего этапов развития. При этом должны быть категорически исключены случаи, когда каждый период имеет *свой* периодизируемый объект и *свои* критерии вычленения»³⁴⁵. В развитие

³⁴⁴ Гуревич А. Я. Из материалов круглого стола «Периодизация истории», проведенного в институте всеобщей истории РАН. Вступительное слово // Одиссей. Человек в истории. 1998. М., 1999. – С. 255.

³⁴⁵ Данилевский И. Н. Тупики периодизации или периодизация в тупике // Одиссей. Человек в истории. 1998. М., 1999. – С. 268.

вышесказанного предложим свое видение периодизации истории отечественной юридической науки.

Во-первых, определимся с содержанием основного понятия «наука», что обусловит и основной подход в определении критерия периодизации истории отечественной юридической науки. Современное науковедение определяет науку как сложную среду *общественной деятельности* (курсив наш. – М.К.), результатом которой является *система развивающегося знания*, выступающего как *всеобщий духовный продукт*. Научное знание, деятельность познающих субъектов, отношения, возникающие в процессе производства и использования нового знания, а также система организации научной деятельности в своем единстве образуют *социальный институт науки*. Этот социальный институт *«порождается обществом, чтобы обслуживать его нужды и потребности»*. Научный труд осуществляется в определенных *социальных и организационных формах*, характер которых зависит не только от *особенностей научного труда*, но и от *состояния и уровня общества в целом*³⁴⁶.

Таким образом, наука – это социальный институт, который формируется в соответствующих исторических условиях и характеризуется совокупностью признаков, наличие или отсутствие которых позволяет исследователю определить – является ли та или иная область знаний наукой или нет. Данный аспект важен для нас, так как существует не мало мнений о времени зарождения и времени окончательного оформления отечественной юриспруденции как науки. Например, авторы энциклопедического издания «Правовая наука и юридическая идеология» определяют время зарождения отечественной юридической науки средневековье, XI-XII вв., в подтверждение приводится факт создания Русской Правды Ярославом Мудрым³⁴⁷. Аргумент, на наш взгляд, не убедителен. Наличие политико-правовых трактатов известных в России политиков и мыслителей не факт того, что наука зарождается, тем более существует. Для этого необходим целый комплекс условий. В первую очередь очевидной должна быть неотъемлемая потребность общества в научном юридическом знании, затем должны быть ярко выражены проявления высокой заинтересованности государства в развитии юридической науки, сообразующиеся с правовой политикой. Формирование научного сообщества тесно связано с развитием массового юридического образования и формированием профессионального сообщества юристов. В недрах этого сообщества наука зарождается и развивается как социальный институт, постепенно занимая свое место в социальном пространстве, выстраивает взаимообразные связи с иными социальными институтами и обществом в целом. В Киевской и Московской Руси, на наш взгляд, этих признаков науки не было и в силу объективных условий не могло быть.

Немногочисленная современная литература по историографии отечественной юридической науки предлагает варианты периодизации. Так, например, В.А. Томсинов в дореволюционном периоде первым этапом определяет XVIII век, второй

³⁴⁶ Основы науковедения. М., 1985. – С.3–6.

³⁴⁷ Правовая наука и юридическая идеология в России. Энциклопедический словарь биографий: в 4 т. / отв. ред. В. М. Сырых. М., 2009. – Т. 1. – С. 8.

относит к первой трети XIX века, следующий связывает с событиями второй трети XIX века, четвертый этап приходится на последнюю треть XIX века и начало XX столетия, отдельно выделяется советский период отечественной юридической науки и современный период, начавшийся после распада СССР³⁴⁸. В основу периодизации ученый кладет критерий уровня и степени развития юридического образования и юридической практики. Иную периодизацию истории отечественной юридической науки предложили авторы энциклопедического издания «Правовая наука и юридическая идеология в России». В дореволюционном периоде ими выделяется четыре этапа: семейно-монастырский (допетровский), академический (петровский), западноевропейский (университетский) и «золотой век» российского правоведения. Отдельно рассматриваются советский и современный периоды истории³⁴⁹. В основу периодизации положен критерий развития отечественного общего и юридического образования, прежде всего университетского.

Предложенные периодизации, на наш взгляд, не отражают процесс развития отечественной юридической науки, критерии не вбирают главные характеристики науки как социального института. Мы бы в качестве критерия периодизации выделили институционализацию отечественной юридической науки. Институционализация отражает прежде всего формирование различных типов социальной деятельности в качестве социальных институтов³⁵⁰. В нашем случае это процесс обособления юридической научной деятельности от практической юриспруденции. Он связан с особенностями научной деятельности, а именно: с возникновением и осознанием научных проблем, с развитием эмпирической базы правоведения, с творчеством и инновациями в правоведении, с юридическим образованием и профессионализацией научной юридической деятельности, с развитием индивидуального и коллективного факторов в науке, с этосом науки, с организацией и управлением научной деятельностью, с популяризацией научного знания о праве, с социокультурной, политической, экономической и иной обусловленностью научной деятельности.

На наш взгляд, можно выделить две стадии этого процесса. На первой стадии при особых социально-экономических и политических условиях возникает определенная общественная необходимость в формировании и развитии нового типа деятельности. Такая потребность побуждает общество создавать соответствующие организационные структуры и систему регуляторов (социальных норм) этой деятельности, что, в свою очередь, позволяет на основе социальных норм, признаваемых творческой личностью, сформировать некое сообщество, объединенное

³⁴⁸ См.: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010; Он же. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М., 2010; Он же. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010.

³⁴⁹ Правовая наука и юридическая идеология в России. Энциклопедический словарь биографий: в 4 т. / отв. ред. В. М. Сырых. М., 2009. – Т. 1. – С. 9.

³⁵⁰ См.: Бабосов Е. М. Социология науки. Минск, 2009. С. 80-92; Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. М., 1998. – С. 160.

интеллектуальными и ценностными ориентациями и ожиданиями. В завершении этой стадии осуществляется интеграция научной и иных видов деятельности в рамках существующих общественных отношений (экономических, политических, культурных и т.п.). Благодаря этому устанавливается своеобразный формальный и неформальный контроль общества над научной деятельностью. Одним словом, на этой стадии наука зарождается, структурируется, социализируется и формируется в систему.

На второй стадии процесса наука уже функционирует как система (подсистема) в рамках социальной системы, позволяющая творческой личности и творческим коллективам адаптироваться к ее уже сложившимся нормативным требованиям. На этой стадии формируются социально-психологические механизмы, обеспечивающие стабильность и устойчивость внутренней организации науки, а также обеспечивающие ее устойчивость и стабильность как социального института.

На основе критерия институционализации можно последовательно осуществить периодизацию на двух уровнях. На первом, условно обозначим его внешним или общим, выделим три периода в истории отечественной юридической науки: дореволюционный (вторая половина XVIII – начало XX вв.); советский (1917 г. – конец XX в.); современный (рубеж XX – XXI вв. – настоящее время), соотнося их с качественными политическими, социально-экономическими, культурными и иными изменениями в общественной жизни, повлиявшими на условия существования науки как социального института. Второй уровень периодизации, назовем его частным или внутренним, позволяет в рамках каждого большого периода осуществить периодизацию самостоятельных временных потоков, например, процессов формирования отраслевых наук, или развития «концептуальной истории»³⁵¹, «догматической или фундаментальной юриспруденции»³⁵² и т. п.

Вместе с тем важно внутри каждого периода обозначить этапы развития отечественной юридической науки, указывая особенности и преемственные связи, отмечая постепенное приращение характерных признаков науки как социального института. Юридическая наука как самостоятельная сфера деятельности в России зарождается в конце XVIII века, о чем свидетельствует ряд фактов: существуют образовательные учреждения с юридическими отделениями, открыт первый Императорский университет – Московский, где осуществляется подготовка юристов для научной деятельности. Среди тех, кто получил степень доктора права и фактически положил начало научным исследованиям в области теории и истории русского права были Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков. И этот факт можно было бы считать точкой отсчета. Однако весь XVIII век имеет, на наш взгляд, непреходящее значение для формирования условий зарождения отечественной юридической науки. Серьезные и последовательные попытки подготовить «юристов» (знатоков права) для

³⁵¹ Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в историю дисциплины // Государство и право. – 2018. – № 2. – С. 5–18.

³⁵² Жуков В. Н. Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции // Государство и право. – 2015. – № 2. – С. 96–114.

Российского государства предпринимались еще во времена Петра Великого. В 1724 году создается Императорская Академия наук, а при ней в 1725 году университет и две гимназии – для детей дворян и для детей разночинцев, где предполагалось преподавать «право натуры и публичное купно с политикою и этикой (правоучением)»³⁵³. В качестве первых преподавателей права в Академический университет, а затем и в Московский, приглашались выходцы из Германии. Это Иоганн Бекенштейн, Фридрих Штрубе де Пирмон, Георг Федорович и другие. Именно им принадлежит заслуга внедрения в образовательный процесс системы понимания права по Пуфендорфу и Неттелбладту, приобщения российской общественности к западной традиции права.

Следовательно, конец XVII в. – первая половина XVIII в. можно определить временем формирования предпосылок для развития юридической науки. Выделим основные факторы, повлекшие рождение научной, (теоретической) юриспруденции в Российском государстве. В качестве детерминанты следует рассматривать события рубежа XVII–XVIII – первой половины XVIII вв. В первую очередь, это петровские реформы, когда страна совершила громадный рывок в экономическом и политическом развитии, заняла свое достойное место в ряду великих держав Европы. Также к факторам, воздействующим на генезис и становление отечественной юридической науки можно отнести активное официальное и неофициальное законодотворчество, становление и развитие юридического образования, формирование юридического профессионального сообщества, складывание организационно-правовых основ научной деятельности, развитие сети научной периодики и базы научного книгопечатания, всеобщее признание норм научной этики и установления общественного контроля над научной деятельностью.

Вторая половина XVIII в. – первая треть XIX в., будет вторым этапом в развитии отечественной юридической науки. Он отличается, с одной стороны, повышенной активностью государства в развитии юридического образования и создании профессионального корпуса ученых-юристов и практиков. Проводится образовательная реформа, создается пять образовательных округов и в них университетские центры с юридическими факультетами. Принимаются «Правила производства в чины гражданской службы», определившие обязательность наличия юридического образования для государственных чиновников. При II отделении Собственной Его Величества Канцелярии создается школа подготовки профессоров права для отечественных университетов. С другой – плодотворной деятельностью в области систематизации российского законодательства, итогом которой стало издание в 1830 году Полного собрания законов Российской империи и в 1832 году Свода законов российской империи. Эти два обстоятельства незамедлительно дали свой положительный результат. В юридической сфере формируются различные научные направления: в области истории российского права, истории российского государства, государственного и полицейского права, уголовного и процессуального права, складываются предпосылки для формирования научных школ.

³⁵³ Томсимов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. М., 2007. – Т. 1. – С. 90-91.

В дальнейшем, в середине XIX в. – начале XX столетия (третий этап), развитие отечественной научной юриспруденции определяется качественными преобразованиями в сфере государственного строительства, формирования определенных условий для зарождения гражданского общества. Центральными событиями, повлиявшими на специфику развития юридической науки, стали Великая Крестьянская реформа 1861 года, повлекшая серию реформ в общественно-политической жизни страны; первая Российская революция 1905-1907 гг. как катализатор противоречий общественных отношений, приведшая к созданию Государственной Думы и дуалистической монархии в России, экономическим реформам и Первой мировой войне. Эти процессы сопровождалась активной законотворческой деятельностью, нацеленной на создание организационно-правовой основы общественной жизни, качественно отличавшейся и по юридической технике и содержанию от правовой базы предшествующего периода. Формируются отраслевые научные течения, получают автономию в своем развитии отдельные научные дисциплины: общая теория права, полицейское право, уголовное право, процессуальное право, государственное право, гражданское и международное право. Появляются известные всему миру фундаментальные труды русских юристов, на почве российской юридической науки формируются социологическая и психологическая школы права. Можно констатировать, что отечественная юридическая наука на этом этапе приобрела все черты науки и свое собственное «лицо».

В советский период отечественная юридическая наука была в большей степени, чем в предшествующий период, подвержена идеологическому воздействию со стороны государства, что обусловило принятие научным сообществом материалистической парадигмы как единственно верной. Этот выбор качественно отразился на содержании научных изысканий и определил вектор научного поиска в рамках узкого нормативного и широкого нормативного подходов к пониманию права и правовой материи.

Современный период отличается плюрализмом научного творчества. Юридическая наука находится в эпицентре идеологических, политических, экономических и иных трансформаций общественной жизни, что позволяет обнаружить большое количество вопросов, разрешение которых возможно лишь при условии методологической и исторической рефлексии гуманитарного знания, глубина которой может быть обеспечена лишь при условии тесного взаимодействия научного и вненаучного сегментов познавательного процесса.

Таким образом, заключая, отметим, что в контексте всего вышесказанного, в первую очередь мы бы указали в качестве эффективного познавательного инструментария взаимодействие научного знания и исторической памяти, позволяющего не только расширить диапазон внутренней периодизации истории отечественной юридической науки, но и способствовать системному научно обоснованному воспроизведению исторического знания о ней.

§ 3. Биографический подход в изучении социальной памяти³⁵⁴

Использование современной методологии в изучении социальной памяти предполагает опору на междисциплинарность как основу всестороннего изучения этого феномена в развитии социума. Исходя из того, что человек выступает как субъект социальной памяти с точки зрения как её формирования, так и восприятия хранимой в ней информации, личностный элемент социальной памяти связан с биографией человека. Именно различная автобиографическая и биографическая информация, вошедшая и хранимая социальной памятью, придаёт своеобразную портретную визуализацию процессам и образам прошлого в настоящем.

1. Биографический подход в социогуманитаристике как познавательное средство в общем плане представляет «принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения», – подчёркивает Э.Г. Юдин³⁵⁵. Данный методологический инструмент активно используется в исследовательских практиках в различных науках социально-гуманитарных наук

Целевое назначение биографического подхода в социогуманитаристике связано с тем, что он «фиксирует направленность исследовательского интереса (интенциональность) на биографическую проблематику во всем многообразии её проявлений: биография как социокультурный феномен, как литературный и научный жанр, совокупность методов анализа биографического/автобиографического материала в различных областях humanities» и позволяет «исследовать многообразие форм биографического опыта, биографического дискурса, равно как и форм рефлексии над биографическим опытом, оснований укоренения ценности "биографического" в глубинных структурах культуры», – отмечает И.В. Голубович³⁵⁶. В основе понимания биографического подхода как методологической ориентации исследователя находится *общая родовая категория «биографизм»*, которая фиксирует важную сторону изучаемой действительности и объединяет широкий спектр целевых и методологических установок, стратегий и жанров исследования, связанных с биографией и ориентирующихся на изучение жизненного пути человека – реконструкцию личной жизни, внутреннего мира и деятельности отдельных индивидов – для познания социума в определённый период его истории через личностную составляющую.

Биографический подход как познавательное средство обеспечивает процесс продвижения к получению результатов, связанных с учётом и получением на основе использования биографических данных новых научных знаний об объекте исследования. Исследователь при использовании биографического подхода опирается на биографии и

³⁵⁴ Данный параграф выполнен Т.М. Баженовой, С.В. Коданом при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

³⁵⁵ Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. С. 69.

³⁵⁶ Голубович И.В. Биография: методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемология & философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 84-95.

именно биографические материалы предметно локализируют данный подход. Биография в данном плане понимается как «синтез всех слагаемых, центральной осью которых является история жизни героя, куда включаются событийная канва жизненного пути, психологические особенности, внутренний мир героя, его творчество, взаимоотношения со своей эпохой», – подчёркивает Г.Е. Померанцева³⁵⁷. Содержание биографического подхода выступает как «реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются *одновременно* — и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали», – подчёркивает А.П. Репина³⁵⁸.

Биографическое направление в современной науке представлено во всех научных дисциплинах, поскольку личностный контекст в том или ином качестве присутствует в исследовательских практиках. Первоначально эта линия исследований сложилась в исторической науке и в настоящее время сложилась специальная научная дисциплина – биографика, которая начинает выступать в качестве обобщающей науки социально-гуманитарного характера³⁵⁹. Биографика – это «совокупность (а позднее – система) философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции», – определяет И.Л. Беленький³⁶⁰. Наработки биографики создают необходимое теоретическое, методологическое и методическое обеспечение работы по изучению «непосредственно человека в истории, во всех проявлениях его существования, в том числе его психический мир. Это наука о постижении жизни конкретных людей, причастных ко всем областям человеческой деятельности», – отмечает И.Ф. Петровская³⁶¹.

В современных условиях биографика непосредственно связана и развивается в рамках «новой биографической истории», которая «поставив во главу угла анализ деятельности индивида, индивидуального сознания и самосознания, личного интереса и целеполагания, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, каким образом и в какой степени унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым ход событий и их последствия), и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива» – характеризует основные тенденции современных нового

биографического направления в исторической науке Л.П. Репина³⁶². Она также подчёркивает, что современная историческая наука базируется на «исследовательской установке на изучение индивидуальной биографии (в том числе интеллектуальной) в качестве особого измерения исторического процесса», а «современная историческая биография не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое исследование: это история, показанная через личность»³⁶³.

Биографический подход связан и с «интеллектуальной историей» – активно развивающимся в современной социогуманитаристике направлением. Её предмет ориентируется на «все виды творческой деятельности человека ... в общем интеллектуальном пространстве и долгосрочной исторической ретроспективе» и включает «учёт взаимодействия между движением идей и их исторической средой – теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются»³⁶⁴. Это направление уходит своими истоками к трудам американский историка и философа Артура Лавджоя, по мнению которого настало время выделить особую предметную сферу изучения гуманитарных наук – «историю идей». В рамках последней предполагалось исследовать странствующие во времени «идеи-единицы для создания наиболее полной «биографии идей» как основы для анализа разных учений и теорий на разных стадиях исторического развития и в разных сферах интеллектуальной жизни в философии, науке, литературе, искусстве, религии, политике. Также предлагалось выделить в науке «особенный аналитический метод для поднимания того, как рождаются новые верования и интеллектуальные веяния»³⁶⁵. А. Лавджой поставил проблему изучения «биографии идей» в контексте «биографии людей», которая после начавшегося в 1970-1980-е гг. культурного и лингвистического поворотов в социогуманитаристике начала развиваться уже в рамках интеллектуальной истории – нового, которое базируется, как отмечает Л.П. Репина, на «неразрывной связи между историей идей или идейных систем» и «историей всего комплекса социальных условий интеллектуальной деятельности» с включением в данные контексты «биографий интеллектуалов»³⁶⁶. В это время происходит «смещение внимание исследователей от изучения преемственности в развитии идей к познанию каждой из них в контексте собственного времени, места и окружения»³⁶⁷. При таких взаимодействиях биографики и интеллектуальной истории

³⁵⁷ Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощение. М., 1987. С. 82.

³⁵⁸ Репина А.П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность. Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 8-9.

³⁵⁹ См.: Валецкий А.Л. Основания биографики. Киев, 1993; Петровская И. Ф. Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб., 2003; Голубович И.В. Основы теоретической биографистики. Одесса, 2011; Некрасова Н.В. Биографика // Терпня и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 31-33 и др.

³⁶⁰ Беленький Л.И. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность. Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 38.

³⁶¹ Петровская И. Ф. Биографика. С. 12.

³⁶² Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы. СПб., 2010. С. 6-7.

³⁶³ Репина А.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. Вып. 2. С. 98, 290.

³⁶⁴ Маловичко С.И. Интеллектуальная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 135-137.

³⁶⁵ Лавджой А. Великая цепь бытия: история идей. Пер. с англ. М., 2001. С. 25.

³⁶⁶ Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 22. С. 5, 8.

³⁶⁷ Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 25/1. С. 9.

выстраивается взгляд на источник через призму исследовательских контекстов «человек» – «идея» – «социальная среда». Соответственно и носители социальной информации идеологического, политического, управленческого, правового характера анализируются через призму биографии авторов таких источников, представленных в различных формах внешнего выражения.

2. Биографический подход в изучении социальной памяти позволяет провести организацию исследовательских средств, обеспечивающих видение сконцентрированной и сохраняемой в социальной памяти информации через призму персонализации. Указанный подход в рамках изучения феномена социальной памяти имеет свою специфику и в рамках информационного подхода к её изучению опирается на структуру социальной памяти и социальное наследие³⁶⁸. Информационный подход в биографической проекции базируется и исходит из того, что формирование социального наследия, хранящегося в социальной памяти в виде исторических источников, «представляет собой информационный процесс, в котором фигурируют объект – отражаемая реальность, субъект – творец источника, и информация – результат отражения объекта субъектом. Этот процесс, как и всякий информационный, всегда имеет прагматический аспект, т.е. творец источника всегда преследует определённую цель, выявляя сведения об объективной действительности»³⁶⁹.

Индивидуальная и коллективная память в биографическом исследовании социальной памяти выступают как два её уровня. Они определяют направленность формирования информации, которая формируется и оглаживается в социальном наследии. Принципиально важной методологической посылкой понимания процессов формирования биографической составляющей в социальной памяти является замечание французского философа и социолога, основоположника научных исследований социальной памяти Мориса Хальбвакса: «Индивиду доступны два типа памяти. Но в зависимости от того, соотносится ли он с той или другой из них, он занимает две совершенно разные и даже противоположные позиции. С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определённые моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в неё, на короткое время слиться с ней. И тем не менее она идёт по собственному пути, и весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в неё. Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в неё

³⁶⁸ См. более подробно раздел в данной монографии: Кодан С.В. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации.

³⁶⁹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 115.

проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности»³⁷⁰.

3. Носителей биографической информации в социальной памяти можно выделить в двух проекциях. Это определяется тем, что существует «автобиографическая память и историческая память. Первая использует вторую, поскольку, в конце концов, история нашей жизни является частью истории. Но вторая, естественно, шире первой. К тому же она представляет нам прошлое лишь в сокращённой и схематичной форме, в то время как память о нашей жизни представляет гораздо более непрерывную и густую картину» – отмечает М. Хальбвакс³⁷¹. Исследователь в процессах изучения биографических контекстов социальной памяти занимает особое место – места конструктора на основе имеющихся носителей информации жизненного пути отдельного человека. Лотман подчёркивает, что когда человек «умер и унёс с собою большинство своих замыслов, свою личность, которая и есть тот храм, который он строил всю жизнь и который придавал единство и смысл его сочинениям. ... Но рано или поздно приходит биограф. Он тщательно собирает источники: листы книг, писем, дневников, листы воспоминаний современников. Но это не жизнь, а лишь ее отпечатки. Их еще предстоит оживить. И биограф становится реконструктором. Он встаёт на трудный и опасный путь воссоздания утраченного целого, реконструкции личности по документам, всегда неполным, двусмысленным, всегда несущим в себе субъективную позицию своего создателя. Филигранный труд интерпретатора здесь должен сочетаться с умением найти детали ее место. А это достигается сочетанием точного знания с интуицией и воображением».

Источники изучения биографической составляющей социальной памяти представляют три вида носителей информации – источники личного происхождения, историографические источники, и источники визуализации биографического материала (данный вид носителей информации в проблематику данного доклада не включён).

Носители информации личного происхождения отражают автобиографическую память и выступают как эго-источники, которые входят в социальное наследие, связанное исключено с их авторами. К данной виду относятся следующие носители информации.

Автобиография, которая представляет собой личное изложение человеком данных о себе и своей жизни. В данную группу входят такие носители информации как *биографическая анкета* (опросный лист, заполняемый самим опрашиваемым или соответствующим должностным лицом), *автобиография* (личное повествование автора о своей жизни); *интеллектуальная автобиография* (свидетельства автора о времени, о его научной деятельности, коллегах и др.).

Дневник, который представляет собой письменный носитель информации и выступает как периодически пополняемый фрагментарный текст, с указанием даты каждой записи. В эту группу входят *дневник-хроника* (классический личный

³⁷⁰ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>

³⁷¹ Там же.

дневник – личные записи, в которых автор фиксирует события хронологически независимо от их важности), *дневник-фиксация* (записи, в которых стремятся зафиксировать информацию, представляющую служебный или профессиональный интерес), *дневник-размышление* (нерегулярные заметки, в которых обычно фиксируются значимые события с их оценкой и которыми обычно пользуются политики, государственные деятели, писатели, учёные).

Переписка в качестве носителя информации опирается на частное письмо как личное обращение автора к определённой личности – одному (или нескольким) адресатам. В эту группу входит *частная переписка* (предназначена, как правило, для частного ознакомления именно данным лицом) и *переписка по частным вопросам* с государственными органами и организациями (предназначена для решения личных и профессиональных вопросов, не связанных со служебной деятельностью).

Мемуары как разновидность социальной информации представляют собой воспоминания участника или очевидца описываемых им событий. Эта группа включает *мемуарно-биографические произведения* (классические мемуары, в центре повествования которых находится их автор и который описывает свою жизнь и личное восприятие времени, событий, окружения, отношений и т.п.), *мемуарно-документальные произведения* (классических мемуарных произведений с включением в текст различных исторических источников – официальных документов различного характера, материалов прессы, персональных свидетельств отдельных лиц и др.), *мемуары-портреты* (тематические повествования о других лицах: государственных деятелях, деятелях культуры, учёных), *Мемуарно-художественные произведения* (повествования, основанные художественно переработанных на личных воспоминаниях, записях и публикациях, а также мемуарах и т.п.).

Историографические носители информации отражают историческую память и представляют историко-биографические исследования, которые входят с социальное наследие и связаны с научно-исследовательскими художественно-творческими практиками учёных и писателей. К данной виду относятся следующие носители информации.

Биографическая справка выступает в качестве краткой информации о жизненном пути отдельного человека, которая сведения о жизненном пути и деятельности отдельно человека. Она, как правило, носит справочный характер для обеспечения минимального ознакомления с личностью государственного деятеля, писателя, учёного и др.

Биографическая статья представляет собой результат исследования биографии отдельного человека в научных, просветительских, справочных и целях. Она вводит читателя в канву его жизни, деятельности, мировоззренческих установок научных, творческих и иных представлений, концепций и т.п. Такая статья как исследование биографического характера может носить характер локализованного по своим целям отдельного исследования, предварять публикацию произведения отдельного автора или входить в состав другого издания (словаря, энциклопедии, публикации биографий и т.п.). Для

библиографических изданий биографические статьи являются основным элементом их содержания.

Биографическое справочное издание состоит из биографических статей, посвящённых отдельным личностям. Их создание связано с исследовательской работой и строится на методологических и методических подходах по единой схеме подготовки как биографических статей, так и издания целом. Такое издание с биографической статье или в качестве приложения содержит библиографические данные о произведениях представленной в издании персоны.

Монографическое биографическое исследование представляет собой комплексное системное изучение личности и деятельности выбранного исследователем персонажа. Его целевая установка может иметь различную направленность – от общего описание общего жизненного пути известных деятелей в различных сферах до отдельной научной проблемы через исследовательскую оптику относительно отдельной проблемы социально-гуманитарного знания.

Итак, биографический подход в социогуманитаристике представляет собой методологическую ориентацию исследователя на целевую установку изучения личностной составляющей в развитии социальных явлений, процессов и институтов, которая опирается на имеющуюся в науке систему взглядов, принципов, методов и методик изучения жизненного пути личности как средства познания и получения нового знания об объекте конкретного исследования – в данном случае социальной памяти. Биографическая составляющая в изучении социального наследия, хранимого в социальной памяти, позволяет раскрыть значение и проявления личностного фактора в различных сферах жизнедеятельности общества.

§ 4. Исторический опыт античных юридических практик в судебных делах о преступлениях государственных служащих

Историю делают люди и время, выдвигающее свои первоочередные задачи. Не будем касаться роли отдельной личности в истории. Большинство людей исторические события просто переживают, т.к. им довелось жить именно во время событий, случившихся в определённые исторические моменты.

Само слово «история» пришло из Греции, впервые его употребил и разъяснил Геродот (480 – 426/425 гг. до н.э.) – один из первых европейских историков, позднее названный «отцом истории». Греческое *historia* – «исследование», «изыскание» букв. «путем расспросов» происходит от глагола *historeo* – «расспрашивать», «осведомляться». Первоначально имелось в виду узнавание истины от еще живых очевидцев каких-либо событий либо тех, кто помнил их рассказы. В начале своего труда, названного позднее «История» (авторское название было «Музы» – 9 книг по числу божественных покровительниц наук и искусств), Геродот говорит, что он должен осветить события прошлого, чтобы не пропала память о великих делах греков и варваров (т.е. остальных людей – не греков). Геродоту важна практическая польза, извлекаемая из событий прошлого. Он первый открывает закон, устанавливающий связь между

событиями. Критический взгляд на прошлое помогает применить сделанные выводы к настоящей исторической эпохе, к нынешнему времени. Для этого и нужна «история» – исследование, которая охватывает сложный событийный материал. Автор «истории» придает ему порядок и единство, рассуждая о причинах случившегося и неизменно делая логические выводы, пригодные для другого времени. Весомый след в истории оставляют государства, которые в тот момент заявляют не только о своем существовании, но и о важности своих притязаний на исторической арене. Почти одновременно с установлением государственных границ и основных жизненных норм в государстве появляется понятие права, регулирующего эти нормы, т.к. под правом вообще понимают совокупность норм, правил поведения, установленных или санкционированных государственной властью. Именно право диктует законы поведения граждан. В древнейший период они характеризуются влиянием религии и общинных отношений. В Древнем Риме источником права когда-то были обычаи и немногочисленные законы (*leges latae*). Мы не будем подробно говорить о римском праве, прошедшем несколько этапов своего развития, начиная с архаического или квинтского права времен зарождения римской государственности до универсального или классического права после установления римской империи, от правления Августа (25 г. до н.э. – 14 г. н.э.) до Диоклетиана (284 -305 гг.), позднее включавшем правовую систему поздней римской империи. В течении нескольких столетий основным положением правовой системы была незыблемость законов предков. Их воспринимали как божественное установление. Юридические и религиозные нормы тогда считались одним целым. Носителями этих норм когда-то были жрецы-понтифики, коллегия которых толковала не только религиозное, но и светское право. Уже в архаический период различают законоположение о правах римского государства относительно его граждан (*ius publicum*) и частное право, регулирующее отношения между отдельными гражданами (*ius privatum*). *Ius publicum* – государственное право имело своим объектом всю общину в целом, все государство. Позднее из публичного права наряду с государственным выделяется уголовное право, содержащее совокупность законов о наказании за нарушение общественного (т.е. принятого всей общиной, всем обществом) порядка. Формируется и гражданское право, содержащее законы о правах и обязанностях граждан (*ius civile*). На протяжении римской истории с архаических времен твердо различали разницу в том, что «принято делать», «разрешено», «позволено» – *licet* и *non licet* – делать нельзя, т.к. это уже *delictum* – «преступление». В этом слове приставка *de-*отрицает возможность действия, представленного в корне. *Delictum* – это выход за пределы постулата, установленного общественной традицией предков, которая лежала с древнейших времен в основе законодательных запретов. Таким образом запреты первоначально формировались, исходя из моральной, нравственной стороны дела. Латинское прилагательное *moralis*, *e* – «нравственный», «этический» в свою очередь образовано от существительного *mos*, *morism* – «нрав», «обыкновение», «обычай». Это то, что вошло в традицию, в нравственную норму, а потом стало непреложным законом. Действовать *demore* – «согласно обычаю» затем имеет значение «не без основания». А в поздней латыни *mos* уже трактуется как «закон», «предписание», «обязательное правило». Когда Октавиан

Август приходит в Риме к власти, опора его законодательства – *mos maiorum* – «традиция предков», имеющая силу закона. Конечно, старые правовые нормы приспособляются к новым отношениям путем их дополнения и некоторого изменения. В древности в суде председателем был царь, потом консулы, затем преторы. С избранием претора ход разбирательства дела определялся эдиктом (*edictum*, *in* – букв. «объявление», «предписание»). Ежегодно претор избирал судей из частных лиц и следил за исполнением их приговора. Это называлось *iurisdictionis* – «ведение судопроизводства», «судебное разбирательство», в переносном значении позднее могло обозначать и «власть», и «компетенцию». Для ведения *iudicia publica* судьи выбирались из сенаторов, со времен Гая Гракха (153 – 121 гг. до н.э.) из всадников, а с 70 г. н.э. эти *iudicia* распределялись между сенаторами (*senatores*), всадниками (*equites*) и казначейскими трибунами (*tribuni aequarii*). Число судей было до 105, по три от каждой из 35 триб. Знатные друзья сторон, поддерживавшие ведущих тяжбу на суде, назывались *advocatus* («приглашенные»), официальных государственных защитников первоначально не было. Римский процесс велся устно и публично. Он состоял в разборе дела магистратом и исследовании факта преступления судьями. Древние законы требовали личного присутствия сторон: *nemo alieno nomine lege agere potest* – «по закону никто не может вести дело в суде под чужим именем». Позднее избирались «поверенные» – *cognitores* и *procuratores*. Осужденный мог иметь право апелляции к народу (*appellatio*, *in* – «обращение речи к кому-либо»). Перед народным судом обвинителями выступали только должностные лица. Тогда приговор составлялся в виде решения Народного собрания. Перед претором обвинителем мог выступить любой гражданин. В правление царей, в республиканское время, а затем в римской империи набор преступлений был различным. Но при общественном или публичном праве (*ius publicum*) преступными (*delictum*) всегда считались следующие деяния: оскорбление достоинства римского народа, измена отечеству, вымогательство в провинциях, растрата общественных денег, незаконное домогательство должностей, разбор и насилие, убийство, в особенности родственников, подлог, святотатство, похищение и продажа людей в рабство. Наказанием в республиканское время были денежные штрафы и смертная казнь. Позднее можно было избежать всех наказаний, удалившись в ссылку до вынесения приговора. Удалялись обычно в союзное с Римом государство, становясь его подданными, и теряли римское гражданство. Изгнание вследствие плебисцита (*plebiscitum*, *in*), т.е. по решению народа, было сопряжено с конфискацией имущества. Слово *plebiscitum* происходит от двух корней: *plebs*, *plebis* – «простой народ», «чернь» и глагола *scisco*, *ivi*, *itum*, 3 – «подавать голос за кого-либо».

Обратимся к списку перечисленных преступлений, имеющих отношение к *ius publicum*. Совсем не все преступления совершались темными личностями, грабителями и убийцами, т.е. маргиналами (от *margo*, *inism* – «край») – людьми, стоящими вне римского общества, за его пределами или на самом краю дозволенного законом, этикой, обычаями человеческого общежития. Трудно себе представить, чтобы маргинала судили за вымогательство в провинциях, растрату общественных денег, незаконное домогательство должностей. Человек, находящийся вне социума,

не имел доступа к таким преступлениям, ведь он не мог быть избран на государственные должности, которые открывали дорогу нечестным избранныкам к таким преступлениям (*stīmina*). На высокие и ответственные посты избирались, конечно, не плебеи, а аристократы: нобили и всадники. У них должны быть воспитанными понятия долга по отношению к своим обязанностям, фамильной чести, не позволяющей опозорить свой род незаконным и низким поступком.

Помимо италийских континентальных территорий в качестве провинций Римское государство и республика, и затем империя включало многие земли юга Европы, Малой Азии и островов Средиземного моря. Одной из провинций был остров Сицилия, где во главе правления в конце республиканского периода были римские наместники. Печальную славу стяжал один из них Гай Лициний Веррес. Еще до начала сицилийской карьеры он имел опыт казнокрадства и грабежа. В 80 г. до н.э., едва избежав обвинения в растрате, Веррес отправился в Киликию в Малой Азии, где вместе со своим непосредственным начальником Долабеллой, бывшим наместником Киликии, разграбил провинцию. Через два года обоих отозвали в Рим, они предстали перед судом. Веррес сумел всю вину свалить на Долабеллу и заслужил этим себе прощение. Затем в 74 г. до н.э. благодаря взяткам, он получил должность претора. После того как он целый год злоупотреблял своим положением и был назначен наместником Сицилии, Веррес стал фактически ее диктатором. По выражению Джона Норвича – историка Сицилии, «он сполна оценил спелый плод, упавший ему в руки»³⁷². За три года правления Верреса (73 – 71 г. до н.э.) Сицилия пострадала больше, чем от Пунических войн 140 лет назад и двух восстаний рабов. Правление Верреса совпало с третьим более мощным восстанием. Это было восстание рабов в Италии под предводительством Спартака в 73 г. до н.э. Непосредственно Сицилию восстание не затронуло, но Веррес сумел сделать из него способ личного обогащения. Он выбирал раба богатого человека, обвинял его в сочувствии к восставшим и приговаривал его к распятию. Хозяину он говорил о необходимости «выкупа», который гарантировал бы освобождение раба. Был и другой способ получить деньги от богатых сицилийцев. Веррес придумывал некоего раба, которого не было на самом деле, и обвинял его в непослушании. Затем он объявлял всем, что хозяин, непременно богат, прячет этого раба, за что ему положено тюремное заключение. Когда Веррес получал взятку, дело закрывалось. Сначала он в качестве наместника вводил новые налоги, конфисковывал имущество и арестовывал его хозяев. Затем уже откровенно грабил и разбойничал. Не делая различия между сицилийцами и римскими гражданами, Веррес выносил из домов все, что понравилось. Специально для перевозки награбленного добра в Рим Веррес велел построить корабль. Он любил художественные ценности, брал их в частных домах и в храмах. Если Верресу что-то нравилось в чужом доме, то наместник сразу придумывал преступление хозяину и заключал его в тюрьму. По жалобе сицилийцев в 70 г. до н.э. Верреса отозвали в Рим и отдали под суд. Сами сицилийцы нашли обвинителя в лице Марка Туллия Цицерона. За пять лет

³⁷²Норвич Дж.Дж. История Сицилии / Пер. с англ. В.Желнинова. М.: Издательство АСТ, 2018. – С. 64 – 67.

до того Цицерон служил на этом же острове квестором и имел репутацию честного и неподкупного магистрата. Он провел на острове много времени, собирал доказательства и показания свидетелей против Верреса. Затем Цицерон организовал судебный процесс в Риме, написав семь обвинительных речей. Но произнес он только две речи «Против Верреса» (*In Verrem*). Защитником Верреса был Квинт Гортензий, известный оратор. Он посоветовал Верресу бежать. Еще за два дня до возможного приговора, когда начавшийся судебный процесс технически продолжался, тот отплыл к г. Массилии (современный Марсель). Около 25 лет Веррес жил в этом городе в Галлии и в Рим никогда не вернулся, опасаясь сурового приговора, т.к. суровым было обвинение Цицерона. «Его обвинительные речи стали широко известны; но из них очевидно, насколько принципиально римское правосудие отличалось от современных практик».³⁷³ Теперь не произносят таких долгих и эмоциональных речей с яркими и точными эпитетами, антитезами и гиперболами. До сих пор в учебниках по латинскому языку студенты переводят отрывки текста из первой речи Цицерона «Против Верреса» для объяснения правил латинского синтаксиса ораторской прозы.

Например: 1. «*Ex Ciceronis in Verrem oratione.*

(наместник Сицилии Веррес осудил на смерть нескольких военачальников, потерпевших поражение по его вине)».³⁷⁴ Далее для разбора дан текст Цицерона (*Cic. In C. Verrem. «О казнях», 110*).

2. «*Sicilian Verresit ave xavit, utea restitui inantiquum statum nullomodo possit*» (*Cic. In C. Verrem, I. 13*) – «Веррес так разорил Сицилию, что она никоим образом не может быть приведена в прежнее состояние».³⁷⁵

Несмотря на прием риторического преувеличения, эта гипербола была принята слушателями, посвященными в подробности судебного дела. Все были просто поражены размахом беззакония. Чтобы создать отрицательное общественное мнение, Цицерон называет Верреса, обращаясь к судьям, поругателем священных обрядов и осквернителем храмов, убийцей римских граждан и многих невинных людей, «чья кровь вызывает к отмщению и требует наказания этого человека». «Ибо, судьи, мы привели сегодня на ваш суд не просто вора, но открытого разбойника и грабителя; не просто распутника, но похитителя целомудрия; не просто кощунствующего человека, но врага всего святого и всей нашей веры»³⁷⁶; не просто убийцу, но наиболее варварского и дикого убийцу наших граждан и наших союзников. Нет и не может быть, по моему глубочайшему убеждению, преступника более виновного» (*Пер. М.Л. Гаспарова*)³⁷⁷.

³⁷³Норвич Дж.Дж. История Сицилии / Пер. с англ. В.Желнинова. М.: Издательство АСТ, 2018. – С. 66.

³⁷⁴Хрестоматия по латинскому языку / Составители О.В.Бударагина, Т.Б. Путилова. Под ред. Н.М.Ботвинник. М., СПб.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 44.

³⁷⁵Попов А.Н. и Шендяпин П.Н. Латинский язык. М., 1958. – С. 291.

³⁷⁶В г. Сиракузы на Сицилии стоял знаменитый собор, возведенный за 500 лет до н.э. Колонны, поддерживающие его свод, были из дорического храма Афины, который тиран Гелон воздвиг в честь победы над Карфагеном в 480 г. до н.э. Все сокровища этого храма, широко известные в древнем мире, Веррес вывез в Рим, т.е. попросту присвоил.

³⁷⁷Цицерон Марк Туллий. Речи в 2-х томах в пер. Гаспарова М.Л. / т.1 (81 – 63 гг. до. н.э.), т.2 (62 – 43 гг. до н.э.). Издательство АН СССР, 1962. Т.1. Речь против Гая Верреса, вторая сессия «О предметах

Эта история с наместником Сицилии Верресом и судебный процесс над ним – один из ярчайших примеров чиновника-коррупционера в древности.

В истории человеческой цивилизации есть различные юридические формы представления на суд современников и потомков самых вопиющих случаев должностных и просто человеческих преступлений людей, облеченных властью. Избранные для того, чтобы содействовать процветанию доверенных им областей, они бессовестно обкрадывают их, используя общее достояние для своего личного обогащения. Судебная риторика античности в качестве примеров приводит нам подобные случаи и в Древней Греции. О них мы знаем благодаря тому, что в судебных разбирательствах и в состоявшихся впоследствии процессах участвовали знаменитые судебные риторы.

Кратко остановимся на судебной системе в Афинах в классическую эпоху (V–IV вв. до н.э.). Она была довольно сложной, поскольку менялась вместе с политической системой полиса.³⁷⁸ Были суды, возникшие почти одновременно с полисом и более поздние как результат процесса демократизации афинского общества, т.к. и в юридической сфере приоритетной была идея народного суверенитета. Самым древним судом был совет Ареопага. Он получил название по месту нахождения на холме Ареса. В драматической трилогии греческого трагика Эсхила (525 – 456 гг. до н.э.) «Орестея» Ареопаг изображен как оплот справедливости и воплощение демократического решения. Во главе его стоит сама богиня мудрости Афина. В начале Ареопаг был единственным советом городского управления. Пожизненными членами этого совета были архонты, городские чиновники, которые свой срок уже благополучно отслужили и отчитались перед народом. Затем суд Ареопага стал рассматривать только религиозные вопросы и дела о преднамеренном убийстве. Все его прежние функции перешли к другому совету – Буле (Boule). На первом этапе демократизации Афин Народное собрание тоже занималось судопроизводством. Но затем был образован отдельный Народный суд – Гелиэя (Hliaia). Однако в Народном собрании и в Гелиэе заседали одни и те же архонты. Членом суда после 30 лет мог стать любой афинянин, имеющий права гражданства.³⁷⁹ Ежегодно от каждой филы набирали по 600 граждан. Всего в Гелиэю по жребию избирали 6000 судей.³⁸⁰ Вступая в должность, судьи давали клятву не брать взяток и не поддерживать деяний, ведущих к социальным переворотам и изменениям в государственном управлении. Первоначально разбирались только гражданские дела, а затем дела по защите демократического конституционного строя. Именно суд решал, не противоречит ли этому строю вновь принимаемые законы или декреты.³⁸¹ Гелиэя рассматривала жалобы граждан на противозаконие, это называлось в греческом суде *graphe*

искусства». – С. 59 и далее.

³⁷⁸Маринович Л.П. и Кошеленко Г.А. Судебная система Афин классической эпохи /Лисий. Речи //Пер., статьи и коммент. С.И.Соболевского. Предисловие Л.П.Маринович и Г.А.Кошеленко. Научно-издательский центр «Ладомир». М., 1994 – С. 24 – 28.

³⁷⁹Ehrenberg V. The Greek State. London, 1960 – P. 58.

³⁸⁰McGregor M.F. The Athenians and their Empire. Vancouver, 1987 – P. 117.

³⁸¹Ehrenberg V. The Greek State. London, 1960 – P. 73.

raganon. Каждый гражданин имел право, выступая в Народном собрании, заявить об этом. Народное собрание передавало дело в Гелиэю. Этот суд выносил вердикт: справедливо ли возбуждено дело, если нет, то заявителя наказывали за «сутяжничество». В Vв. до н.э. комедиограф Аристофан (445 – 385 гг. до н.э.) в комедии «Осы» высмеивал афинян за то, что они любят участвовать в судебном процессе, получая плату 3 обола в день. Это было не очень много, но они заседали около 300 дней в году. Полученного хватало на скромное содержание. Если справедливость заявления в суд подтверждалась, то автора закона или иного предложения, не выдержавшего критики, ожидало наказание. По отдельным делам были и магистратские суды. В V до н.э. специально для сельского населения, чтобы крестьянам не выезжать лишней раз в город, появляются около 30 судов «по демам». Так называлось административное и территориальное деление населения в Аттике.

Судебные речи, произнесенные в Буле, затем в Гелиэе писали на раннем этапе своей творческой деятельности знаменитые логографы Лисий (445 – 380 гг. до н.э.) и Демосфен (384 – 322 гг. до н.э.), начинавший ораторскую деятельность в суде до того, как стал заниматься преимущественно политическим красноречием. Логография – это написание судебных речей от имени истца или ответчика для своего клиента на заказ, за деньги. Автор речи прятался за лицом заказчика, который сам был не в состоянии выступать в суде. Он читал написанные для него речи, предварительно их выучив. Риторы-логографы, писавшие речи в судебном красноречии, должны были твердо знать законы, досконально изучить не только подробности судебного дела, но и характер человека, который обратился к ним за судебной помощью. В Афинах самым блестящим судебным оратором был Лисий, умевший создавать в своих речах индивидуальный портрет каждого человека. Это называлось *ethoroeia* – «создание характера». Его речи драматичны по содержанию, он умел привлекать внимание судей к главному аргументу обвинения или защиты.³⁸²

В речах лучших логографов прослеживается представление об афинском общественном идеале гражданина. Он готов защищать родной полис по первому требованию, выполнять все его законы и постановления, добросовестно нести общественные обязанности, возложенные полисом, заботиться о родителях и воспитывать детей, быть хорошим семьянином. На практике, в реальной жизни греки уважали тех граждан, которые редко прибегали к высокому суду, а решали свои проблемы мирно, обращаясь только к третейскому судебному соглашению. У эллинистического комедиографа Менандра (343–292 гг. до н.э.) фрагментарно дошла пьеса «Третейский суд». Ее герои, нашедшие подкинутого ребенка вместе с ценными вещами, не знают, что делать в такой ситуации. Они останавливают прохожего, им нужно мнение третьего человека для решения трудной проблемы. Комедия оканчивается хорошо, и подкидыш находит своих родителей, тем более что «третейский судья» оказывается его дедом.

Состоятельные граждане в Афинах были обязаны выполнять литургию – это особые траты в крупных размерах на общественные нужды полиса. Среди них была

³⁸²Поплавская Л.Б. Риторическая проза / История античной литературы. Учебное пособие. СПб., 2010. – С. 69 – 76.

хорегия – оплата расходов в качестве хорега при постановке драмы на празднике Великие Дионисии, который считался днем театра; триерархия – снаряжение за свой счет корабля (триеры) для морского сражения. По возможности надо было давать деньги на любой проект, необходимый полису. Теперь это называют меценатством по имени римлянина Гая Цильния Мецената (ок. 70 – 8 гг. до н.э.), выходца из знатного этрусского рода – друга императора Октавиана Августа. Меценат был покровителем искусств. Его имя в наше время стало нарицательным. Так называют любого человека, который оказывает материальную поддержку деятелям искусства, науки, литературы. Но в Афинах в V в. до н.э., конечно, этого слова знать не могли. Траты богатых афинян на нужды общества подчеркивали их щедрость по отношению к согражданам, гражданскую благонамеренность и надежность. Если таким людям случалось судиться, то это было дополнительным аргументом в их пользу. Дополнительным преимуществом пользовался только образцовый гражданин. Об этом говорится в речи судебного ратора Антифонта «Тетралогия» (Tetr. I, 12), написанной в двадцатые годы V в. до н.э. В одной из речей Лисия (Lys. XXV, 12 – 13) также есть рассказ гражданина, который специально нес расходы больше, чем требовалось, чтобы заслужить славу щедростью и, если понадобится, успешно выступить в суде.

Под именем Лисия в древности было известно 425 речей, но подлинных из них только 233, а до нас дошли 34 речи. Они сохранились в рукописях самого Лисия и в произведениях историка и литературного критика античности I в. до н.э. Дионисия Галикарнасского. Это трактат «О древних ораторах». Кратко остановимся только на судебных речах Лисия, посвященных нашей теме: злоупотребления чиновников и магистратов и их наказание с конфискацией имущества. Общепринятое теперь слово «конфискация» в корне происходит от лат. *fiscus, im* – «государственная казна». Когда-то оно обозначало денежную шкатулку частного человека, а затем уже общественную денежную кассу. XVII речь Лисия «Об имуществе Эратона» была произнесена в афинском процессе с государственным казначейством.³⁸³ Это единственная речь Лисия, произнесенная в судебном процессе, который на юридическом языке афинян назывался «диадикасия» (*diadikasia*) – «встречный иск». Истец (частное лицо) судится с государственным казначейством, конфисковавшим имущество должника Эрасистрата вместе с той частью, которая на самом деле принадлежала не ему, а истцу. Ибо дед истца одолжил отцу должника два таланта (крупную сумму), и они не были им возвращены. Представлены свидетели займа, и истец требует справедливости. Дополнительно речь интересна тем, что иллюстрирует озлобление простых людей против нечестных судей, которые не просто возмещают убытки государству в случае присвоения казенных денег, а имеют свой личный интерес. Часто мера конфискации была простым средством пополнения пустой государственной казны (Lys. XXX, 2). Но большая доля конфискованного попадала в руки демагогов и сикофантов (доносчиков), которые выносили обвинения против владельцев имущества. Об этом говорит философ Платон (427 – 347 гг. до н.э.) в трактате «Государство» (Plat. Respubl. VIII, 565 A):

³⁸³Лисий. Речи //Пер., статьи и коммент. С.И.Соболевского. Предисловие Л.П.Маринович и Г.А.Кошеленко. Научно-издательский центр «Ладомир». М., 1994 – С. 186 – 190.

«Стоящие во главе государства, отнимая имущество у состоятельных людей и деля его народу, самую большую долю берут себе» – пер. А.Н.Егунова.³⁸⁴ Комедиограф Аристофан в своих комедиях неоднократно обвинял демагога Клеона в присвоении конфискованного имущества. Об этом же говорит Лисий в речах XXV, 26; XXX, 22; XIX, 51. Специально он на этом останавливается в речи XVIII, 16, 20. Это своеобразное «распределение» конфиската было способом снискать расположение народных масс (XXVII, 11). С этого же мотива начинается эпилог речи против Эпикрата (XXVII, 1): «Когда они добивались чьего-либо осуждения незаконным образом, то заявляли, что если вы не осудите тех, кого они велют, то не хватит денег на жалование вам (судьям)» – пер. С.И.Соболевского.³⁸⁵

В Афинах было много канцелярской работы для составления протоколов и постановлений при судах, в Совете, в государственных учреждениях. Для ее выполнения постоянно требовались писцы и секретари. Это были государственные рабы или граждане низкого происхождения. Ценились работники с большим практическим опытом. Благодаря протекции и личным способностям можно было достигнуть высокого положения. Знаменитый оратор Эсхин, бывший противником Демосфена в судебном процессе «О венке», который состоялся в 330 г. до н.э., выполнял важные государственные поручения. Был, например, в составе посольства к царю Филиппу Македонскому, но до этого служил секретарем у государственных деятелей Аристофонта и Эвбула. У Лисия есть обвинительная речь «Против секретаря Никомаха по поводу его отчета» (XXX). Никомах был сыном государственного раба, получившего впоследствии права афинского гражданства. Сам он состоял секретарем специальной комиссии, выбранной в 410 г. до н.э. для пересмотра законов и постановлений Народного собрания, которые могли быть в противоречии с законами Солона, принятыми еще в VI в. до н.э. Секретарю было приказано закончить работу за 4 месяца, но Никомах растянул ее на 6 лет, как ему было выгодно. Он брал взятки за подделывание закона в нужном смысле и представлении его как закона Солона. После падения правления Тридцати тиранов (403г. до н.э.), когда демократия в Афинах была восстановлена, законы опять пересматривались, и Никомах опять был избран секретарем новой комиссии в законах о жертвоприношениях. Но он не сдал отчета, затянул месячную работу на 4 года и наконец попал под суд. Судебное обвинение было представлено в форме исангелии (*eisaggelia*). Так называли донос, обвинение или жалобу, сделанную в Народном собрании гражданином по особо важному делу, которое требовало особенного судопроизводства. Сюда входили дела о ниспровержении демократии, составлении заговоров и жалобы на судей или посредников за пристрастное решение. Истцом при этом выступал сам народ, он и назначал обвинителей синегоров (*synagoreis*), равных современным прокурорам. Никомаху инкриминировали лихоимство и присвоение казенных денег. После предварительного рассмотрения

³⁸⁴Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 3. РАН. Институт философии. Издательство «Мысль». М., 1994. – С. 353.

³⁸⁵Лисий. Речи //Пер., статьи и коммент. С.И.Соболевского. Предисловие Л.П.Маринович и Г.А.Кошеленко. Научно-издательский центр «Ладомир». М., 1994 – С. 251 – 252.

в Совете пятисот дело передали на решение в суд присяжных в 399 г. до н.э. Обвинителями выступали несколько человек, один из них, нам неизвестный, произнес эту речь, написанную Лисием. Подробности процесса не установлены, т.к. предполагают, что начало речи до нас не дошло.

Обвинитель предлагал в качестве наказания Никомаху смертную казнь.

Психологический портрет государственного деятеля, охотно идущего на коррупционные преступления, мало изменился в историческом аспекте. Приоритетным для него становится стяжательство, его захлестывает желание личного обогащения при ложно понятом убеждении во вседозволенности, если он «дорвался» до власти. Понятие «доходного места» в человеческом сознании маленьких людей существовало во все времена в разных странах. Об этом неоднократно говорил в своих пьесах русский драматург А.Н.Островский (1823 – 1886 гг.): «Доходное место», «Волки и овцы», «Лес», «Бесприданница». Если служащий не берет взятку, значит никто не дает – место не приносит дохода. Официальное вознаграждение за работу в счет не шло, т.к. хотелось большего. Латинское слово *corruptio*, *onis* обозначает «порчу», «испорченность» или «обольщение», затем «подкуп». Оно происходит от глагола *corruptum*, *ruptum*, *3* – «искажать», «портить», «истреблять», позднее «соблазнять» и «подкупать». Без приставки корень глагола имеет значение «ломать», «пробивать», «вскрывать посредством силы» и, наконец, «уничтожать». Что же подлежит уничтожению в результате коррупции? Уничтожается моральный облик человека, обличенного властью, и нравственный идеал государства, совпадающий с понятием справедливости. Коррупция – это то, на что с давних времен обществом был наложен этический запрет. Мы уже говорили, что *mos* – «нрав» в поздней латыни приобретает значение «закон» и имеет силу закона.

Людей, занимающих высокие и ответственные государственные посты, у нас иногда называют «слугами народа». Часто в это название вкладывают иронический смысл. Но ведь речь идет действительно о служении государству, а значит и всему народу в целом, особенно это касается министерских служащих. Слово «министр» также пришло из латинского языка. *Minister*, *trim* в первом значении – «слуга», «подручный». Возможно, «служитель культа», например, *minister Martis* – «жрец Марса». Поэтому в поздней христианской латыни это слово означает «священник». Позднее появляется значение «помощник», «соратник». А в соединении со словом «закон» (*lex*, *legis*) обозначает уже «блюститель законов» (*minister legum*), т.е. их исполнитель. Поэтому как противоречие не только своей основной функции, но и здравому смыслу воспринимается «министр»-преступник.

Вот несколько современных примеров коррупционной деятельности российских губернаторов и министерских служащих, позорящих саму идею государственной власти. Губернатор Сахалинской области А.Хорошавин за получение взяток в особо крупном размере и отмыwanie денег, полученных преступным путем, был осужден на 13 лет строгого режима и приговорен к штрафу в 500 миллионов рублей. По этому делу проходили многочисленные участники. Взятки за «общее покровительство» в коробках из-под ксерокса вносили прямо

в здание администрации. В том же 2015 году за злоупотребления и коррупцию были осуждены губернатор Самарской области Н.Меркушкин и его подельники. Восемь лет тюремного заключения получил за взятку в 2016 году А.Улюкаев – министр экономического развития России. В 2019 году в республике Коми за мошенничество в особо крупных размерах (часть 4 ст. 159 УК РФ), легализацию денежных средств, полученных преступным путем (ст. 174.1 УК РФ), организацию и участие в преступном сообществе (ст. 210 УК РФ) были осуждены губернатор Коми В.Гейзер и его заместитель А.Чернов. в этом деле еще 13 фигурантов, среди которых министр внутренних дел республики В.Половников. Эти примеры далеко не исчерпывают список российских государственных преступников. Для жителей перечисленных областей эти люди были представителями высшей власти, определяющей уровень, стиль и качество их жизни, историческое развитие данных территорий. Мотивация этих преступлений на государственном уровне практически ничем не отличается от мотивации преступлений Верреса в Сицилии и Никомаха в Афинах.

Коррупционные преступления станут невозможными только тогда, когда изменится отношение к ним в обществе. Общественное сознание должно исключить их из списка дозволенного (*licet*), общественная мораль сделать коррупционеров изгоями общества. Тогда в нашей жизни многое изменится к лучшему. В этом заключается исторический опыт античных юридических практик. В Древнем Риме преступников удаляли из социума, сбрасывая с Тарнейской скалы. Об этом нам рассказывают римские историки Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) и Тацит (ок. 55 – 120 гг.). Правда это было во времена далекой архаики. Но судебная система Рима, как и Афин была непреклонной в борьбе за чистоту и порядочность представителей государственной власти.

§ 5. Судебные функции вече в Новгородской и Псковской феодальных республиках

Россия на всем пути своего становления и развития как государства прошла долгий и трудный путь. В настоящее время, когда этот путь пройден и парламентаризм в государстве не вызывают сомнений, возникает насущная потребность обратиться к урокам прошлого, к истокам народовластия с целью осознания его совершенствования, выявления ошибок и недочетов.

В этой связи вопросы организации суда в Новгороде и Пскове все больше занимают умы исследователей. Как известно, именно эти государства в период феодальной раздробленности стали родоначальниками демократии на российской земле, и многие исследователи полагают их родоначальниками парламентаризма.

Некоторые ученые считают, что именно Новгородская и Псковская республики являются примером организации демократии в российском государстве, хотя говорить о «классической» демократии в Новгороде и Пскове XV века не приходится, так как там была образована аристократическая республика. Так, М. Евгеньева в своем исследовании замечает: «...в Новгороде вече вело постоянную борьбу с

княжеской властью. Князь был необходим новгородцам как централизация власти, но они требовали, чтобы он служил народу, а не народ ему»³⁸⁶.

Необходимо отметить, что, в то же время, нельзя утверждать об идентичной схожести форм правления Новгорода и Пскова, поскольку, если в Новгороде стержнем являлась боярская аристократия, то в Пскове им являлись служилые люди. Так же отличался и государственный строй. В Новгородской республике князь не занимал центрального места в системе государственного управления, он был «наемным сотрудником», который получал жалованье за свою деятельность и мог быть, по сути, уволен, а на его место назначен другой. В Пскове же форма правления напоминает конституционную монархию, где князю отводилось центральное место в государственном управлении. Несмотря на эти различия, общее, что сближает новгородскую и псковскую республики – это вечевое народовластие, и, конечно, суд веча.

Понятие веча в исторической литературе неоднозначно. Так, к примеру, Е. В. Коврякова считает, что вече – это народное или городское собрание для обсуждения важных государственных вопросов³⁸⁷. В. Л. Янин отмечает, что «...вече представляло собой собрание небольшой, наиболее состоятельной части горожан»³⁸⁸. Другие исследователи придерживались идеи о том, что вече – это полноправное народное собрание, высший орган власти³⁸⁹. В исторической литературе неоднократно ставился вопрос о том, входила ли в сферу важнейших функций веча так же и судебная деятельность. Мнения исследователей разнятся. Некоторые из них полагают, что вече не могло отправлять правосудие, другие считают, что, напротив, вече осуществляло масштабную судебную деятельность и даже являлось апелляционной инстанцией. В этой связи представляется интересным в настоящей статье рассмотреть вопрос о вече, как судебном органе Новгорода и Пскова, где, в отличие от других государств в период раздробленности, оно получило наибольшее развитие.

Вече решало все вопросы, которые касались городского управления: объявление войны или заключения мира, введение новых налогов и пошлин, заключение договоров с другими государствами, выбор представителей власти, а в Новгороде и приглашение на княжение князя, и конечно, осуществление суда над должностными лицами. Вот как об этом пишет Н.Н. Андреев: «...оно выбирало все городские власти, судило их, требовало от них отчета...»³⁹⁰. Он же отмечает, что когда Псков вырос – он потребовал себе самостоятельности и отделился от Новгорода, и «...жизнь

и управление Пскова, в общем, были очень похожи на то, что знаем мы о Новгороде»³⁹¹. Поэтому, мы можем сделать вывод о том, что вече занимало в Пскове такое же важное место, как и в Великом Новгороде. Существование вечевого суда в Великом Новгороде подтверждает и С.М. Марков: «...в Великом Новгороде кроме княжеского суда были и не княжеские (альтернативные) судебные институты: вечевой, церковный, третейский...»³⁹².

Изучая судебные функции веча, известный советский историк В.Ю. Гессен отмечал: «Не раз Псковское вече собиралось для суда над виновными в составлении подложной грамоты о смердах...тогда они (псковичи – прим. авт.) убили его всем Псковом на вече»³⁹³, то есть произвели судебное заседание на вече и вынесли приговор, который был приведен в исполнение. Более того, вече выносило не только смертные приговоры. По данным того же источника, оно приговаривало одних к тюремному заключению, на других выписало «мертвые» грамоты, захватило их имущество³⁹⁴. Исторические источники отмечают, что вече Новгорода и Пскова имели право суда не только в отношении отдельного лица, но также над пригородным вечем. Как уже было отмечено выше, вече имело полномочия по назначению и низложению высших должностных лиц. В случае совершения правонарушений такими лицами, вече могло его судить и лишить должности, либо, наоборот, после судебного разбирательства, оставить в должности. Так, М.В. Довнар-Запольский отмечает, что в случае, когда князь обвинил посадника Великого Новгорода в правонарушениях, вече, разобравшись в деяниях последнего «...стало за своего посадника...»³⁹⁵.

Таким образом, необходимо отметить, что нет никаких сомнений в отправлении вечем в Великом Новгороде и Пскове судебных функций. Они касались не только громких происшествий и событий в государствах, вече занималось разбором и более мелких, малозначительных дел. Представляется, что вече могло разбирать и повседневные дела жителей Новгорода и Пскова, но летописцы не имели возможности фиксировать их все.

³⁸⁶ Евгеньева, М. Новгородское вече. Из истории русского народоправства / Мария Евгеньева. – М.: Воля. 1917. С. 6. Электронный ресурс // <http://elibr.shpl.ru/nodes/22019> (Дата обращения 21.04.2020).

³⁸⁷ Коврякова Е. В. Вече, как форма народовластия у славян: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2690.

³⁸⁸ Попова В. О. Вечевые процедуры Новгородской республики и Псковского княжества // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2012. № 1. С. 111.

³⁸⁹ Беляев И. Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до его падения. Рассказы по русской истории. М. 1864. Кн. 2; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л. 1980.

³⁹⁰ Андреев, Н. Н. (1876-1954). Вечевая Русь, или Вольный город Новгород Великий: С 15 рис. и 2 карт. / Ник. Андреев. – СПб.: В.И. Яковенко, 1912. С. 39. Электронный ресурс // <http://elibr.shpl.ru/nodes/3670#mode/inspect/page/42/zoom/4> (Дата обращения 21.04.2020).

³⁹¹ Андреев Н. Н. Указ. соч. С. 40.

³⁹² Марков С. М. Судебное право вечевой Новгородской республики XI-XIII вв.: история медиации в Древней Руси // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. С. 144. Электронный ресурс // <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-pravo-vechevoy-novgorodskoy-respubliki-xi-xiii-vv-istoriya-mediatsii-v-drevney-rusi> (Дата обращения 21.04.2020).

³⁹³ Гессен, В. Ю. (1901-после 1939). Вечевой суд в Новгороде и Пскове / Вл. Юл. Гессен. – Пг.: Культ-Отдел П.Г.С.П.С., 1921. С. 6. Электронный ресурс // <http://elibr.shpl.ru/nodes/10592#mode/inspect/page/12/zoom/5> (Дата обращения 21.04.2020).

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ Довнар-Запольский, М. В. Политический строй древней Руси: Вече и князь / Проф. М. Довнар-Запольский. – [М.]: И. Д. Сытин, ценз. 1906. С. 12. Электронный ресурс // <http://elibr.shpl.ru/nodes/4749#mode/inspect/page/14/zoom/4> (Дата обращения 21.04.2020).

§ 6. Нормативно-правовые акты XVII – первой трети XIX века – источники Основных государственных законов Российской Империи³⁹⁶

В условиях модернизации действующего Основного закона – Конституции Российской Федерации актуализируются и вопросы истории основных законов в России.

Само понятие «основных законов» в нашем Отечестве было выработано в ходе глобальной систематизации законодательства в первой трети XIX столетия. Инициатор и фактический руководитель работ по составлению Полного собрания законов и Свода законов Российской Империи Михаил Михайлович Сперанский уже в конце своей жизни формулировал это понятие следующим образом: «Законы государственные определяют права и обязанности, возникающие из союза верховной власти и подданства. В составе сих прав первое место занимает власть законодательная и власть верховного правления. Порядок, коим действует сия власть на подданных, составляет первый разряд законов государственных – Законы Основные»³⁹⁷, и далее: «Основные законы изображают порядок, коим власть верховная действует в законодательстве и в правлении; а как власть верховная не может принадлежать как только лицу державному, то, прежде всего Основные законы определяют порядок, коим лицо сие облачается верховною властью, и означают пространство его власти. Посему следующие предметы входят в состав Основных законов: 1) сила и пространство верховной власти; 2) порядок наследия престола; 3) порядок законодательства; 4) порядок верховного правления»³⁹⁸. Таким образом, по замыслу их создателей Основные государственные законы изначально были призваны к ограничению, насколько это возможно в условиях абсолютной монархии, произвола верховной государственной власти и, следовательно, к защите интересов подданных, что отражало характерные для своей эпохи представления о справедливости в праве.

Вместе с тем, Основные государственные законы Российской Империи (ОГЗ), составленные повелением Императора Николая Павловича и включенные в изданный в 1832 г. Свод законов (СЗ) Российской Империи (Кн. I. [Т. 1] Ч. 1. Разделы 1 и 2), не были целиком и полностью созданы вновь, но базировались, как на источниках, на значительном количестве нормативно-правовых актов XVII – первой трети XIX в., что придавало им необходимую традиционную легитимность, на которой, по сути, и зиждется монархическая форма правления.

В самом Своде законов, в Хронологическом указателе к нему, отмечено, что при составлении Свода Основных государственных законов было использовано: «Всего узаконений с 1649 – 1832 год сто шестьдесят четыре»³⁹⁹. Этот факт довольно

хорошо известен и воспроизведен в отечественных историко-правовых работах.⁴⁰⁰ Однако проверкой указанных показателей и составлением полного списка источников ОГЗ ранее никто не занимался. В ходе подобной проверки были получены следующие данные.

Источниками ОГЗ, отмеченными в ссылках, сопровождающих статьи ОГЗ, послужили 158 актов за январь 1649 – ноябрь 1825 г., включенных в первое Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ-1), а также 1 акт (см. Примечание 2 к Ст. 57 ОГЗ), в него не вошедший – указ Комитету министров от 30.01.1819 (ст. 4). Итого: 159 актов.

Кроме того, еще 28 актов за декабрь 1825 – октябрь 1832 г., которые включались в состав второго Полного собрания законов Российской Империи (ПСЗ-2), а также 1 акт (см. Примечание к Ст. 39 ОГЗ) о употреблении герба Царства Польского от 3.10.1832, в ПСЗ не включенный. В редакции ОГЗ 1842 г. этот акт был заменен другим (ПСЗ-2 № 5603 от 15.09.1832). Итого: 29 актов.

В общей сложности, в ОГЗ издания 1832 г. присутствуют ссылки на 188 нормативно-правовых актов за период с 1649 по 1832 г.

Впрочем, из их числа 22 акта использованы (см. в Ст. 53 ОГЗ) лишь в качестве примеров существующих форм законов: ПСЗ-1: № 3294, 5333, 10237, 12659, 16187, 21127, 22418, 24193, 24687, 24688, 29125, 29127-29134; ПСЗ-2: № 4281, 4309, 4808.

В ряде случаев акты, на которые имеются ссылки в статьях ОГЗ, указаны как их источник не полностью, но частично. ОГЗ изд. 1832 г. ссылаются на отдельные части следующих 36 актов из ПСЗ-1: № 1⁴⁰¹, 3006, 3264, 3318, 3485, 3534, 3718, 3778, 3978, 4036, 4224, 4577, 11989, 12137, 14392, 15379, 16188, 16297, 17588, 17590, 17833, 17906, 17908, 19841, 20372, 20405, 20406, 22410, 23593, 24064, 24686, 24992, 28030, 29124, 29126. А также, на не вошедший в ПСЗ указ Комитету министров от 30.01.1819. И из ПСЗ-2 еще 6 актов: № 1, 13, 4007, 4677, 5165, 5318⁴⁰².

Сведения о распределении актов – источников ОГЗ изд. 1832 г. по столетиям и периодам правлений, в которые они были приняты, а также их формам представлены в следующей таблице.

³⁹⁶ Данный параграф выполнен О.М. Карамышевым, М.И. Юдиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00528 «Концепт справедливости в современной российской правовой системе».

³⁹⁷ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 55.

³⁹⁸ Там же. С. 88.

³⁹⁹ Свод законов Российской Империи. Изд. – 1832. – Т. 1. – С. 888.

⁴⁰⁰ См., например, Кодан С.В. Развитие легальных основ самодержавия в России первой половины XIX века // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы IV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 24 декабря 2004г. Санкт-Петербургский университет МВД России, – 2004. – С. 211-216.

⁴⁰¹ В то же время акт № 1. Уложение 1649 г. указан и в целом как пример формы законов (Ст. 53 ОГЗ).

⁴⁰² В ОГЗ 1842 г. частичным (Ст. 2, 19) источником указан также акт № 24934 из ПСЗ-1 (ср. Ст. 4 в ОГЗ 1832 и 1842 г.).

Форма акта	XVII	XVIII							XIX		Всего
	Ал. Мих	Петр I	Петр II	Анна Иоан	Елиз Петр	Петр III	Екат II	Пав I	Ал I	Ник I	
Уложение	1										1
Устав		5					1	3	7	1	17
Учреждение							1	2	5		8
Грамота							3	5	1		9
Положение									3		3
Наказ/Ин-стр.		2	1		1		2			1	7
Манифест		2	2	3	1		5	3	12	10	38
Имен. указ		14		1	2	1	9	4	15	3	49
Указ Сената		4	1		3	1	2	2	15	7	35
Указ Синода		1					2				3
Указ Юст.кол.		2									2
Мнение ГС								3	1		4
Выс. утв. докл.								1	1	1	3
Указ Ком.мин.									1		1
Пол. Ком.мин.									1	1	2
Коронац. акт								1			1
Форма титула									1	2	3
Пол. Сиб.ком.										1	1
Выс.утв.проект										1	1
Всего	1	30	4	4	7	2	25	21	65	29	188

Приложение

Перечень актов – источников Основных государственных законов Российской Империи издания 1832 г. с нумерацией по Полному собранию законов Российской Империи (Собрание первое и второе: ПСЗ-1 и ПСЗ-2)

XVII век

Царь Алексей Михайлович

ПСЗ-1. Т. I

1. Уложение 1649 г. Гл. 10. Ст. 1 (и как пример формы закона).

Форма акта	XVII	XVIII							XIX		Всего
	Ал. Мих	Петр I	Петр II	Анна Иоан	Елиз Петр	Петр III	Екат II	Пав I	Ал I	Ник I	
Уложение	1										1
Устав		5					1	3	7	1	17
Учреждение							1	2	5		8
Грамота							3	5	1		9
Положение									3		3
Наказ/Ин-стр.		2	1		1		2			1	7
Манифест		2	2	3	1		5	3	12	10	38
Имен. указ		14		1	2	1	9	4	15	3	49
Указ Сената		4	1		3	1	2	2	15	7	35
Указ Синода		1					2				3
Указ Юст.кол.		2									2
Мнение ГС									3	1	4
Выс. утв. докл.									1	1	3
Указ Ком.мин.										1	1
Пол. Ком.мин.									1	1	2
Коронац. акт										1	1
Форма титула									1	2	3
Пол. Сиб.ком.										1	1
Выс.утв.проект										1	1
Всего	1	30	4	4	7	2	25	21	65	29	188

Приложение

Перечень актов – источников Основных государственных законов Российской Империи издания 1832 г. с нумерацией по Полному собранию законов Российской Империи (Собрание первое и второе: ПСЗ-1 и ПСЗ-2)

XVII век

Царь Алексей Михайлович

ПСЗ-1. Т. I

1. Уложение 1649 г. Гл. 10. Ст. 1 (и как пример формы закона).

3814. от 18.08.1721. Послание Святейшего синода к православным «О беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами».

3850. от 11.11.1721. Именной указ «О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах».

3970. от 17.04.1722. Именной указ «О хранении прав гражданских; о неведении против регламентов, о невыписывании в доклад, что уже напечатано, и о имени сего указа во всех судных местах на столе под опасением штрафа».

3978. 27.0.1722. Именной указ «О должности Сената». Ст. 8.

4008. от 11.05.1722. Именной указ «О сочинении регламентов во всех коллегиях по примеру Адмиралтейского».

4036. от 23.06.1722. «Инструкция обер-прокурору Святейшего синода». П. 10.

4050. от 12.07.1722. Указ Сената «О даче фискалам копий со всех объявляемых указов для наблюдения за исполнением и обнародованием оных».

ПСЗ-1. Т. VII

4224. от 14.05.1723. Именной указ «1. О штрафах за нераспортование на сенатские указы; 2. О мощении улиц камнем и о сборе на сей предмет; 3. О выборе комиссаров для сбора подушных денег; 4. О бытии по излишнему капитану при полках; 5. О размножении армянам коммерции; 6. О нестройности в Сибири судов новым манером; 7. О записке купцам приказчиков и сидельцов в таможенных и о кредитивах; 8. О сообщении коллегиям и канцеляриям именных указов в Сенате; 9. О строении в Новгороде по плану; и 10. О взятии с торговых иноземцев пошлин и о даче в платеж ефимочной пошлины срока». П. 8.

4366. от 15 (18).11.1723. Манифест «О короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны».

4436. от 22 (21).01.1724. Именной указ «О важности государственных уставов, и о неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафов».

4547. от 10.08.1724. Именной указ «О присылке в Сенат из всех присутственных мест копий с указов, состоявшихся до учреждения Сената и подлежащих ко всегдашнему наблюдению».

4572. от 25.09.1724. Указ Сената «О должности коллежских членов и служителей».

4577. от 2.10.1724. Указ Сената «О представлении Сенату по тем делам, которых коллегия и канцелярия решить сами не могут». П. 1.

4694. от 3.04.1725. Именной указ «О подтверждении коллегиям и канцеляриям, чтобы они доставляли по-прежнему в типографию о всех важных делах ведомости для печатания во всенародное известие».

Император Петр Второй

5070. от 7.05.1727. Манифест «О кончине Императрицы Екатерины I, и о восшествии на престол Императора Петра II» (с приложением формы присяги и духовного завещания Императрицы Екатерины I).

5179. от 10.10.1727. Манифест «О коронации Императора Петра II».

ПСЗ-1. Т. VIII

5267. от 1.06.1728. Указ Сената «Об отсылке в академию из Сената, коллегий и канцелярий известий, кроме секретных, для печатания во всенародное известие».

5333. от 12.09 (30.08).1728. «Наказ губернаторам и воеводам, и их товарищам, по которому они должны поступать».

Императрица Анна Иоанновна

5509. от 28.02.1730. Манифест «О вступлении на российский престол Ее ИВ Государыни Императрицы Анны Иоанновны, о восприятии самодержавия, и об учинении вновь присяги» (с приложением формы клятвенного обещания).

5517. от 16.03.1730. Манифест «О короновании Ее Императорского Величества».

5567. от 1.06.1730. Именной указ «О немедленном окончании начатого Уложения и об определении к сочинению оного добрых и знающих людей из шляхетства, духовенства и купечества, и о поднесении каждой конченной главы к Высочайшему утверждению».

6693. от 22.02.1735. Манифест «О дозволении свободного богослужения всем христианским вероисповеданиям в России, и о возбранении духовным особам иностранных христианских вер обращать в оные русских подданных, какого бы закона они ни были под опасением суда и наказания по законам».

Императрица Елизавета Петровна

ПСЗ-1. Т. XI

8474. от 25.11.1741. Указ Сената «О распоряжениях по приведению к присяге всякого чина людей на подданство Ее ИВ, и о переделке во всех присутственных местах печатей на Высочайшее имя Государыни Императрицы».

8476. от 28.11.1741. Манифест «О вступлении на престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на императорскую корону».

8480. от 12.12.1741. Именной указ «О восстановлении власти Сената в правлении внутренних государственных дел; о сочинении реестра указам прежних царствований, которые пользе государственной противны; об уничтожении прежнего Кабинета, и об установлении нового при дворе Ее Императорского Величества; об учреждении по-прежнему в государстве прокуроров, и об определении для управления иностранными делами канцлера».

8495. от 1.01.1742. Именной указ «О имеющем быть в апреле месяце сего года короновании Ее Императорского Величества».

ПСЗ-1. Т. XII

9311. от 5.08.1746. Указ Сената «О торговле и повинностях армян и других азиатцев, живущих в Астрахани».

ПСЗ-1. Т. XIV

10237. от 13.05.1754. «Инструкция межевщикам» (добавлено в СЗ 1842).

10361. от 17.02.1755. Указ Сената «О приводе к присяге всякого звания людей, кроме пахатных крестьян при определении в службу к делам или в церковный причет».

Император Петр Третий

ПСЗ-1. Т. XV

11403. от 11.01.1762. Указ Сената «О приводе колодников к присяге на верность подданства».

11558. от 1.06.1762. Именной указ «О неиздании во всенародное известие без Высочайшего утверждения таких указов, кои составляют или новый закон, или служат подтверждением прежде изданных».

Императрица Екатерина Вторая

ПСЗ-1. Т. XVI

11591. от 3.07.1762. Указ Сената (вследствие манифеста о вступлении Императрицы Екатерины II на престол) «О приведении всех подданных к присяге».

11592. от 3.07.1762. Именной указ «О неременном исполнении Высочайших повелений словесно объявляемых сенаторами, генерал-прокурором и президентами первых трех коллегий, и о представлении Ее Величеству еженедельно точных копий с словесно объявляемых Высочайших повелений с надлежащею отметкою об исполнении».

11598. от 7.07.1762. Манифест «О коронации Императрицы Екатерины второй».

11704. от 7.11.1762. Именной указ «О исполнении именных указов, объявляемых дежурными генерал-адъютантами».

11746 от 3.02.1763. Именной указ Синоду «О принятии оному словесных именных указов от членов Синода, генерал-прокурора, обер-прокурора синодского, от дежурных генерал-адъютантов и от правящего Кабинетом».

11880. от 22.07.1763. Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию приезжающим, поселяться, в которых губерниях они пожелают, и о дарованных им правах».

11989. от 15.12.1763. Манифест «О постановлении штатов разным присутственным местам. Об учреждении в Сенате, в Юстиц, Вотчинной и Ревизион-коллегиях департаментов, о разделении по оным дел. О небытии Сибирскому и Розыскному приказам, Печатным и Раскольнической конторам и особому Коммерц-коллегии Комиссарству. О неимении при присутственных местах коллегии и титулярных юнкеров. Об учреждении при Кадетском сухопутном корпусе и Московском университете классов российской юриспруденции, и о приготвлении детей из разночинцев и приказного чина для определения в присутственные места в копиисты, о их обучении и содержании на казенный счет». П. 2, 4, 5, 9, 11.

12090. от 17.03.1764. Именной указ «О признании публикуемых указов действительными, когда они будут печатные».

12137. от 21.04.1764. «Наставление губернаторам». Ст. 4.

12469. от 9.09.1765. Именной указ «О докладывании Сенату и Ее Императорскому Величеству, если усмотрят коллегии в двух разных делах разные Сената решения».

ПСЗ-1. Т. XVII

12659. от 25.05.1766 «Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам».

12801. от 14.12.1766. Именной указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового уложения, и о выборе в оную депутатов».

ПСЗ-1. Т. XVIII

13251. от 12.02.1769. «Жалованная грамота Санкт-Петербургской римско-католической церкви».

ПСЗ-1. Т. XIX

13673. от 9.10.1771. Указ Синода «О запирании колоколов, дабы люди злонамеренные набатов не били, и тем смятение в народе не чинили».

ПСЗ-1. Т. XX

14392. от 7.11.1775. «Учреждение для управления губернии Всероссийской Империи». Ст. 95, 101, 184, 405 П. 1, 406 п. 9, 405, 408.

ПСЗ-1. Т. XXI

15068. от 26.09.1780. Именной указ «О точном исполнении Учреждения о губерниях, и о нечинении поборов и нарядов сверх узаконенных и Высочайшим соизволением утвержденных».

15326. от 17.01.1782. Именной указ «Об учреждении в городе Могилеве архиепископства римско-католического исповедания и о разных распоряжениях относительно устройства римской церкви в России».

15379. от 8.04.1782. «Устав Благочиния или полицейский». Ст. 47, 48, 55, 62.

15612. от 13.12.1782. Именной указ «О наблюдении Сенату, чтобы губернские правления и палаты при внесении в книгу новых узаконений выслушивали наперед заключения губернских прокуроров о силе и действии оных, сходственно с 1 Парагр. 405 статьи Учреждений о губерниях».

15718. от 2.05.1783. Указ Сената «О признании действительными только таких указов и манифестов, кои публикуются от наместнических правлений печатными листами».

ПСЗ-1. Т. XXII

16187. от 21.04.1785. «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

16188. от 21.04.1785. «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи». Ст. 123 П. 17, 124.

16226. от 14.07.1785. Манифест «О дозволении иностранцам селиться по горам и селениям Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла свои».

16297. от 18.12.1785. Именной указ «О наблюдении во всех губерниях, чтобы дворяне, кои прежде состояния Дворянской грамоты были выбираемы в должности, пользовались и впредь тем преимуществом, хотя бы и чинов не имели». П. 1.

ПСЗ-1. Т. XXIII

17505. от 9.09.1796. Указ Синода «О возможности совершать заочно через поверенных обручение и браковенчание особ Императорского российского дома с особами, в другой религии состоящими, если в брачном контракте означена будет доверенность избранным от них другим лицам присутствовать вместо их при обрядах обручения и браковенчания».

Император Павел Первый

ПСЗ-1. Т. XXIV

17588. от 29.11.1796. «Воинский устав о полевой пехотной службе». Ч. 8. Гл. 12 П. 5-7.

17590. от 29.11.1796. «Воинский устав о полевой кавалерийской службе». Гл.28. П. 5-7.

17645. от 14. 12.1796. Именной указ «О произвождении пушечной пальбы в салютациях так, как в Уставе по положению об ней назначено».

17659. от 18.12.1796. Манифест «О назначении коронации Императора Павла I и Императрицы Марии Феодоровны в Москве в апреле месяце 1797 года».

17833. от 25.02.1797. «Устав военного флота». Ч. 5. Гл. 2. П. 9-11.

17879. от 18.03.1797. Манифест «О свободном вероисповедании, о не привлечении в присоединенных от Польши губерниях людей из грекороссийской веры в католическую, и о не теснения свободы тем, кои сами от других исповеданий к православной церкви присоединиться пожелают».

17906. от 5.04.1797. «Учреждение об Императорской фамилии».

17908. от 5.04.1797. «Высочайше утвержденное Установление о российских императорских орденах». П. 5, 6.

17910. от 5.04.1797. «Акт, Высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества и положенный для хранения на престол Успенского собора».

18000. от 13.06.1797. Именной указ «Об отпуске назначенных на содержание Императорской фамилии и на выдачу пенсионов сумм при наступлении трети без вычета на госпиталь».

18393. от 22.02.1798. Указ Сената «О продаже соли, и о непринимании в пример частных предписаний Сената».

ПСЗ-1. Т. XXV

18811. от 4.01.1799. Именной указ «Об утверждении прав и преимуществ, дарованных Императрицею Екатериною II Нахичеванскому армянскому обществу».

18935. от 15.04.1799. Именной указ «Об отведении земель вышедшим из Дербента армянам; о дозволении им основать город на том месте, где были старые Можары и о наименовании оною города Св. Креста; о бытии им на тех правах, какие даны Нахичеванскому армянскому обществу; о назначении обитающим в Тавриде армянам приходских церквей; о дозволении Кизлярским армянам брать в оброк земли; об освобождении от постоя домов, коих хозяева разводят шелковичные деревья и выдвывают шелк, и о правах моздокских и можарских армян».

19166. от 28.10. 1799. «Жалованная грамота на права, преимущества и вольности обществу армян дербентских и маскурских».

19167. от 28.10. 1799. «Жалованная грамота на права, преимущества и вольности обществу армян города Григориополя».

19168. от 28.10. 1799. «Жалованная грамота на права, преимущества и вольности обществу армян города Старого Крыма».

19169. от 28.10. 1799. «Жалованная грамота на права, преимущества и вольности обществу армян астраханских, кизлярских и моздокских».

19170. от 28.10. 1799. Манифест «О пожаловании Великому Князю Константину Павловичу титула Цесаревича».

ПСЗ-1. Т. XXVI

19263. от 1.02.1800. Указ Сената «О невозвращении в Унию людей, присоединившихся к православной вере, и о не препятствовании униатам приступать к оной».

19372. от 6.04.1800. Высочайше утвержденный доклад Сената «О предполагаемых средствах к поправлению состояния новороссийских иностранных поселенцев, и об учреждении под ведомством Экспедиции государственного хозяйства Конторы опекунов новороссийских иностранных поселенцев».

19546. от 6.09.1800. Высочайшая грамота меноннетам «О подтверждении обещанной им свободы в отправлении вероисповедания по церковным их установлениям и обычаям».

XIX век

Император Александр Первый

19779. от 12.03.1801. Манифест «О кончине Императора Павла I, и о вступлении на престол Императора Александра I». (С приложением клятвенного обещания).

19841. от 18.04.1801. «Высочайше утвержденная форма титула Его Императорского Величества». (Клятвенное обещание).

19850. от 26.04.1801. Именной указ «О употреблении государственного герба без креста Иоанна Иерусалимского».

19877. от 20.05.1801. Манифест «О имеющей быть коронации Его Императорского Величества в сентябре месяце».

19954. от 27.07.1801. Именной указ «О принятии объявляемых именных указов от вице-канцлера и вице-президентов Военной и Адмиралтейств-коллегии».

ПСЗ-1. Т. XXVII

20372. от 16.08.1802. Именной указ «О непреступлении губернаторам пределов власти, назначенных им законами».

20405. от 8.09.1802. Именной указ «О правах и обязанностях Сената». П. 5, 9, 10.

20406. от 8.09.1802. Манифест «Об учреждении министерств». Ст. 10.

20676. от 21.03.1803. Именной указ «О неприкосновении прав, предоставленных дворянству».

20837. от 4.07.1803. Именной указ «О защите униатов от притеснений, чинимых им местными католическими консисториями».

ПСЗ-1. Т. XXVIII

21127. от 17.01.1804. Указ Сената по Высочайше утвержденному докладу «О неотдаче на выкуп проданных и заложенных имений по прошествии трехлетнего срока».

21163. от 20.02.1804. Высочайше утвержденный доклад «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов».

21248. от 10.04.1804. Именной указ «О вносе в Сенат тяжб об удельных имениях апелляционным порядком и без подписания апелляции на ревизию».

21938. от 15.10.1805. Указ Сената «О приглашении членов палат в губернское правление для выслушивания всякого нового законоположения».

21957. от 6.12.1805. Указ Сената «О предоставлении из нижних присутственных мест о всех встречающихся по делам сомнениях на разрешение губернского правления и палат».

ПСЗ-1. Т. XXIX

22134. от 19.05.1806. Именной указ «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской».

22410. от 25.12.1806. «Высочайшая грамота колонии шотландцев в Кавказской губернии поселенной на пожалованные ей выгоды и преимущества». П. 2.

22418. от 1.01.1807. Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». (добавлено в СЗ 1842).

ПСЗ-1. Т. XXX

22911. от 20.03.1808. Манифест «О покорении шведской Финляндии, и о присоединении оной навсегда к России».

23593. от 18.04.1809. Именной указ «Об удельном имении, назначенном в удел Великой Княгине Екатерине Павловне по случаю водворения Ее с супругом в России». Ст. 12.

ПСЗ-1. Т. XXXI

24064. от 1.01.1810. «Образование Государственного совета».

24193. от 13.04.1810. Мнение Государственного совета «О мерах к остановлению употребляемых при подаче в судебные места просьб укорительных и к делу не принадлежащих слов».

24686. от 25.06.1811. «Общее учреждение министерств».

24687. от 25.06.1811. «Учреждение Министерства полиции».

24688. от 25.06.1811. «Учреждение Министерства финансов».

24907. от 11.12.1811. Манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею».

24934. от 31.12.1811. Манифест «Об устройстве Выборгской губернии». Ст. 2, 19.

ПСЗ-1. Т. XXXII

24972. от 27.01.1812. Мнение Государственного совета «О уведомлении министра уделов от Сената о решениях своих по делам об удельных имениях».

24992. от 11.02.1812. Манифест «О преобразовании Комиссии погашения долгов». Пар. 28.

25668. от 29.08.1814. Именной указ «Об оставлении водяных сооружений и Колпинской дороги в ведении Главного управления путей сообщения; о подведомстве палисада Таврического сада Гоф-интендантской конторе; об определении особых смотрителей к Таврическому замку и Павловскому водопроводу и о прибавке одного смотрителя для дорог в окрестности С. Петербурга».

25738. от 30.11.1814. Указ Сената «О подтверждении управляющим губерниями, дабы они исполняли возложенные на них указом 1802 года августа 16 обязанности».

25758. от 24.12.1814. Указ Сената «О предоставлении в Сенат копий с именных Высочайших указов, получаемых присутственными местами и особами на свои имена».

ПСЗ-1. Т. XXXIII

25842. от 9.05.1815. Манифест «О договорах, заключенных к пользе государственной; о присоединении к Империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского под наименованием Польского Царства, и о подъятии вновь оружия против вышедшего с острова Эльбы Наполеона Бонапарта».

25875. от 6.06.1815. Именной указ «О форме титула ЕИВ».

26065. от 10.01.1816. Именной указ «Об отмене установленного за время Высочайшего отсутствия порядка в заседаниях и в производстве дел Государственного совета, и о приведении оного в первобытное его положение. С присоединением формы, по коей приводить в исполнение решенные дела в Общем собрании Совета».

26071. от 13.01.1816. Именной указ «Дополнительные статьи к положению 18 апреля 1809 года о удельном имении, назначенном в удел Великой Княгине Екатерине Павловне».

ПСЗ-1. Т. XXXIV

27159. от 23.11.1817. Указ Сената «О конфискации и продаже в пользу казны тех судов, которые представят по прибытии в российские порты ложные показания в карантинах».

ПСЗ-1. Т. XXXV

27378. от 28.05.1818. Указ Сената «Об опубликовании присутствующих Новгородской палаты гражданского суда и секретаря за превратное истолкование законов».

ПСЗ-1. Т. XXXVI

28030. от 14.12.1819. «Таможенный устав по европейской торговле». Пар. 446.

ПСЗ-1. Т. XXXVII

28208. от 20.03.1820. Манифест «О расторжении брака Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича с Великою Княгинею Анною Феодоровною, и о дополнительном постановлении об Императорской фамилии».

28708. от 29.07.1821. Именной указ «О объявлении сенаторам, дабы они в мнениях своих по делам не оговаривали предложения обер-прокурора и министра юстиции».

28797. от 31.10.1821. Указ Сената «О невзыскании с отыскивающих свободу людей пошлинных, апелляционных и за гербовую бумагу денег, и по тем делам, кои окончены до состояния указа 25 февраля 1818 года».

ПСЗ-1. Т. XXXVIII

29124. от 22.07.1822. Именной указ «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению». Ст. 1.

29125. от 22.07.1822. «Учреждение для управления сибирских губерний».

29126. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденный Устав об управлении инородцев». Пар. 286; 300.

29127. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденный Устав о сибирских киргизах».

29128. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденный Устав о ссыльных».

29129. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденный Устав об этапах в сибирских губерниях».

29130. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденный Устав о содержании сухопутных сообщений в Сибири».

29131. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденный Устав о сибирских городских казаках».

29132. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденное положение о земских повинностях в сибирских губерниях».

29133. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденное положение о казенных хлебных запасных магазинах».

29134. от 22.07.1822. «Высочайше утвержденное положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных словий».

29414. от 10.04.1823. Мнение Государственного совета «О нераспространении 4 статьи Высочайше утвержденного 16 ноября 1816 года мнения Государственного совета на тех, которые из однодворцев возведены в дворянское достоинство, или дослужились до штаб и обер-офицерских чинов прежде состояния одного мнения».

29642. от 31.10.1823. Указ Сената «О предписании всем присутственным местам, что указ 1776 года 8 декабря за изданными впоследствии узаконениями силы и действия иметь и в основание решений приводим быть не может».

ПСЗ-1. Т. XXXIX

30029. от 19.08.1824. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «Об увольнении обывателей Курляндской губернии по прежней привилегии от платежа крепостных пошлин».

ПСЗ-1. Т. XL

30261. от 26.02.1825. Манифест «О рождении Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Михайловны».

30312. от 31.03.1825. Указ Сената «О опубликовании присутствующих Нижегородского губернского правления за отступление от порядка, нарушение законов и неточное исполнение предписаний Сената и отношения равного правлению места».

30382. от 14.06.1825. Манифест «О рождении Ее Императорского Высочества Великой Княжны Александры Николаевны».

30443. от 7.08.1825. Указ Сената «О непроизводении жалованья чиновникам, исправлявшим должности по убылым местам за прошедшее время до издания положения Комитета министров 9 января 1823 года».

30472. от 31.08.1825. Указ Сената «О продаже имений от мужей женам и обратно».

30503. от 24.09.1825. Указ Сената «О взыскании штрафов по тяжбым делам, назначая цену искам о недвижимых имениях на основании указа 1821 ноября 24 дня».

30555. от 26.10.1825. Указ Сената «О взыскании денег за гербовую бумагу с чиновников, повышенных чинами до состояния указа 28 июля 1824 года».

30590 (посмертный). от 26.11.1825. Указ Сената «О объявлении всем владельцам с подписками мнения Государственного совета о значении места жительства просителей в присылаемых ими прошениях».

Император Николай Первый**ПСЗ-2. Т. I**

1. от 12.12.1825. Манифест «О вступлении на престол Государя Императора Николая Павловича». (и Приложение. 3; 4).

13. от 23.12.1825. «Высочайше утвержденные формы титулов Его Императорского Величества в грамотах, указах, приговорах, паспортах, докладах и прошениях». Ст. 1; 2; 9.

274. от 21.04.1826. Манифест «О священном миропомазании и коронации Его Императорского Величества, имеющих совершиться в июне месяце».

317. от 9.05.1826. Манифест «О кончине Императрицы Елисаветы Алексеевны».

345. от 18.05.1826. Манифест «О разрешении от бремени Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны рождением Великой Княжны Елисаветы Михайловны».

431. от 27.06.1826. Указ Сената «В пояснение Всемилостивейшего манифеста 1 января 1826 года касательно облегчения наказаний преступникам».

537. от 22.08.1826. Манифест «О порядке наследия всероссийского престола, и об опеке и правительстве на случай кончины Государя Императора до законного совершеннолетия Наследника».

635. от 26.10.1826. Указ Сената «О приводе армян к присяге за неимением священников сего исповедания в присутственных местах при членах оных».

ПСЗ-2. Т. II

1297. от 16.08.1827. Манифест «О рождении Великой Княжны Екатерины Михайловны».

1362. от 7.09.1827. Именной указ «О флагах Наследника российского престола и Великих Князей Императорской крови, ежели они будут генерал-адмиралами, и о флагах Морского кадетского корпуса и Морского учебного экипажа».

1480. от 18.10.1827. Указ Сената «О поступании в исполнении решений судебных мест, отсуждающих что-либо из действительного владения и ведомства удельного, на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного совета 1812 января 21».

ПСЗ-2. Т. III

1897. от 25.03.1828. «Высочайше утвержденный титул ЕИВ».

2221. от 9.08.1828. Указ Сената «О предписании повсеместно, дабы получаемые узаконения и предписания, подлежащие ко всеобщему сведению и опубликованию, были рассылаемы куда следует, или излагаемы в предписаниях без всякого сокращения».

2370. от 24.10.1828. Манифест «О кончине Государыни Императрицы Марии Феодоровны».

2508. от 10.12.1828. Указ Сената «О сроке службы канцелярских чиновников, определяющихся в Кавказскую область с чином коллежского асессора».

ПСЗ-2. Т. V

4007. от 17.10.1830. «Положение об обязательствах, заключаемых с торгов между казною и частными людьми по подрядам, поставкам, по содержанию оброчных статей и продажам казенных движимых имуществ». Пар. 183 (187).

ПСЗ-2. Т. VI. Отд. 1.

4281. от 22.01.1831. Мнение Государственного совета «О жалобах на решения словесных судов». (Как форма закона).

4309. от 31.01.1831. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, прописанное в указе Сената 23 февраля «О рассматривании в Сенате дел, начинающихся в уголовных палатах и других местах по Высочайшим повелениям». (Как форма закона).

4389. от 27.02.1831. Указ Сената «Об именовании Морского штаба Главным морским штабом Его Императорского Величества».

4585. от 20.05.1831. Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О порядке ревизии уголовных дел после решения их во второй степени суда новым следствием, со стороны губернаторов дополненных, по правилам Сибирского учреждения 1822 года».

4677. от 28.06.1831. «Высочайше утвержденный Устав рекрутский». Указ, Ст. 2.

4777. от 29.08.1831. Именной указ «Об именовании Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Николаевича Государем Наследником, Цесаревичем и Великим Князем».

ПСЗ-2. Т. VI. Отд. 2.

4808. от 18.09.1831. Высочайше утвержденная докладная записка министра Императорского двора «О дозволении означенному министру разрешать и приводить в исполнение властью министра некоторые дела, подлежащие по прежнему порядку Высочайшему усмотрению». (Как форма закона).

5013. от 13.12.1831. Именной указ «О почитании кавалеров ордена Св. Андрея кавалерами ордена Белого Орла».

ПСЗ-2. Т. VII

5165. от 14.02.1832. Манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского». Ст. 1-4.

5229. от 15.03.1832. Манифест «О кончине Великой Княжны Александры Михайловны».

5318. от 1.05.1832. «Высочайше утвержденный проект образования Военного министерства». Пар. 8.

5603 от 15.09.1832. Указ Сената «О помещении везде герба Царства Польского, где употребляются гербы царств, в титуле упоминаемых».

5671. от 13.10.1832. Манифест «О разрешении от бремени Ее ИВ Государыни Императрицы Александры Феодоровны рождением Великого Князя Михаила Николаевича».

§ 7. Конъюнктура как фактор смены ориентиров в оценке исторических факторов (на примере официального отношения к принципам и институтам Великой судебной реформы в XIX-XX веках)

*«Но, ради Бога, освежите свою историческую память»
(Бердяев Н. А. Самопознание, 1949)⁴⁰³*

Социально-экономические и политико-идеологические условия, позиции и установки официальных акторов современных им исторических событий и перемен, несомненно, определяют характер последних. Однако, и им сопутствующие и последующие оценки не всегда бывают адекватными и объективными по содержанию и значению как со стороны отдельных лиц, так и различных социальных групп, народов или государств. Задача сохранения и оживления исторической памяти о самых важных, значимых для сохранения целостности, единства, самосознания и достоинства нации или народа и благополучной жизнедеятельности государства событиями прошлого предполагает, прежде всего, частое упоминание о них под условием правдивости и объективности в оценках.

Учитывая, что, во-первых, источники формирования исторической памяти разнообразны по форме воплощения, мировоззрению и идеологическим предпочтениям авторов произведений о них и т.п., а во вторых, кроме публичных форм историческая память сохраняется также в устных преданиях, сообщениях, передаваемых от поколения к поколению сведений о деяниях предков, то конечно важным является осторожное «очищение» новых рефлексий от конъюнктурной обусловленности оценок. Представляется весьма актуальным заметно возросший интерес как общества в целом, так и исследователей, в частности, к проблемам состояния исторической памяти, возбужденный, в заметной мере, возросшим числом фальсификаций истории Второй мировой войны или Великой Отечественной Войны, 75-летие Победы в которой советского народа мы сейчас отмечаем. Ради сохранения исторической правды, несомненно, важны те релевантные Великой Победе советского народа мероприятия, которые намечены и проводятся в России в 2020 г.

Нельзя допустить, чтобы несправедливые, чуждые и недружелюбные извращения сложившихся у нашего народа убеждений и традиционных представлений о славных событиях российского (и советского) прошлого исказили нашу историческую память и национальный генный код. Юристы, в том числе историки государства и права, также могут внести вклад в их сохранение, анализируя как достойные, так и заслуживающие конструктивной критики события, явления, акты и факты, составляющие предмет их исследований.

В данной связи, в интересах выявления факторов, влияющих на изменения в оценках тех или иных исторических памятных для отечественной истории государства права событий, хотелось бы рассмотреть на конкретном примере, каким образом конъюнктурный подход к официальной оценке результатов Великой судебной

реформы, преобразовавшей радикальным образом дореформенное судоустройство и судопроизводство, проявлялся, оказывал влияние на ход последующих революционных и реформаторских изменений отечественной юстиции и формирование исторической памяти о ней. Решение этой задачи имеет значение, в частности, для формирования в общественном и профессиональном сознании объективного образа отечественной юстиции и юридической профессии, признания прогрессивного направления их развития (с учетом известных негативных отступлений от этого вектора), тем самым способствуя воспитанию уважения к суду, как средству цивилизованного разрешения юридически значимых споров и конфликтов, достойной альтернативы которому по сю пору не нашли. При этом конструктивная критика в интересах объективной оценки не отменяется, а позволяет определить в каком направлении надлежит развивать принципы и институты правосудия, а не скатываться к тотальному его очернению и отрицанию. Такая память способна лишь усугублять правовой нигилизм и не способствует повышению уровня правовой культуры.

Судебная реформа 1864-1899 г., называемая в историографии «Великой», в силу чего уже предполагающая оставаться в исторической памяти, подготавливалась и проводилась в условиях острой конфронтации российских либералов и консерваторов, по-разному видевших будущее Российской империи и планировавших реформирование общественного и государственного строя. Однако необходимость реформы суда, оцениваемого как самое отставшее от требований времени звено государственного механизма, остро осознавалась уже и самим правительством. Критике и требованию перемен подлежали как судоустройство, так и судопроизводство. И если судебная система дважды претерпевала реформы в XVIII в., то судебный процесс существенно не изменился со времени введения в действия Соборного Уложения 1649 г.⁴⁰⁴ Основными принципами и институтами судебной организации, подвергавшимися критике, являлись: зависимость даже институционально и функционально отделенных от администрации судебных органов от, прежде всего, губернаторов (на губернском уровне) и капитан-исправников (на уездном уровне), имевших рычаги влияния на вынесение приговоров и их исполнение; многоинстанционность суда общей юрисдикции, включавшего 12 – 14 инстанций, по подсчету одного из «Отцов» судебной реформы С. И. Зарудного, учитывая те, которые появились в результате судебной реформы, что порождало волокиту и взяточничество; сословный характер суда, который в условиях принятия широкими слоями общества ценностей Просвещения воспринимался ими как «зло», а не «благо»; розыскная, письменная форма судебного процесса, не разделенного даже формально на гражданский и уголовный, что влекло не только затягивание решения дел, но и взяточничество и неправосудие, и не давало никаких гарантий для справедливого решения дел; совмещение функций следователя и судьи, обеспечивавшее обвинительный уклон процесса, усугубляемого господством формальной оценки

⁴⁰³ См.: Бердяев Н. А. Самопознание, 1949. – <https://www.litres.ru/nikolay-berdyayev/samopoznanie/chitat-onlayn/>

⁴⁰⁴ См. подробнее: Ефремова Н.Н. Периодизация истории становления и развития судебных органов в российской империи (XVIII- первая половина XIX вв.) // История государства и права. 2010. № 13. С. 32-35.

доказательств; отсутствие адвокатов и «двойное подчинение», так называемой, «судебной» прокуратуры не могли обеспечить формально сохранявшейся, но используемой фактически лишь в судах «особенной» юрисдикции состязательности, и, естественно, законности и гуманности процесса, хотя и признававшейся официальной доктриной и идеологией⁴⁰⁵. Судьи, несмотря на нравственные и образовательные (знающие грамоту) требования, предъявляемые законом к кандидатам на эти должности, не являлись профессионалами, поскольку лиц, имевших высшее юридическое образование в дореформенный период было недостаточно, и, вообще, на душу населения в России их, по сведениям С.И. Зарудного, приходилось в сто раз меньше, чем во Франции. К тому же законодательство Екатерины Второй запрещало принимать на государственную службу лиц не дворянского сословия. Хотя, как известно, впоследствии из некоторых выпускников духовных заведений после окончания магистратуры в Германии появились получившие известность первые отечественные ученые юристы (к примеру, А. П. Куницын, К.А. Неволин, П.Г. Редкин⁴⁰⁶).

И все же, несмотря на недостаточность материальной, организационной и кадровой базы, в условиях освобождения крестьян от крепостной зависимости и соответственно подсудности вотчинной юстиции при отсутствии крестьянского сословного суда общей юрисдикции, стало невозможно откладывать проведение судебной реформы. Последняя проводилась как часть системной модернизации общественного и государственного строя, вектор которой был направлен в сторону их либерализации и демократизации, но при условии сохранения основных устоев абсолютизма. Но, как известно, новая, наиболее прогрессивная в сравнении с другими введенными в ходе иных реформ государственно-правовыми институтами, организация правосудия вышла за поставленные рамки, получив в публицистике наименование «судебная республика»⁴⁰⁷.

Концептуальной основой указанной судебной реформы стали «Основные положения преобразования судебной части в России» 1862 г., важнейшие демократические принципы и институты которых были включены в Судебные Уставы (официальное наименование входящих в них актов: Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Учреждение судебных установлений и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), утвержденные 20 ноября 1864

⁴⁰⁵ См. подробнее: Ефремова Н. Н. Реорганизация российской юстиции в эпоху Просвещения. // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 135-148.

⁴⁰⁶ Кстати, имена и деяния известных юристов прошлого также заслуживают исторической памяти не только профессионалов, но и нации. Как признаются и остаются в памяти имена представителей других творческих профессий: композиторов, писателей, поэтов, художников и др., среди которых, надо заметить, были и юристы.

⁴⁰⁷ См. об этом: Ефремова Н.Н. Конституционные основы судебной власти в Российской Федерации как фактор прогресса отечественной организации правосудия: Конституция и общественный прогресс. Вторые Прокопьевские чтения: матер. междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 6-8 декабря 2018 г. / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский [Электронный ресурс]: научное электронное издание. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С.29-34. (Далее: Ефремова Н.Н. Конституционные основы судебной власти...)

г. и составившие законодательную ее базу⁴⁰⁸. Так, были установлены самостоятельность, независимость судебной власти (как первый, очевидно, не вполне поначалу осознаваемый царем и правительством шаг к легальному и практическому конституционализму⁴⁰⁹), отделенной от административной и несменяемость судей. Отменялся сословный принцип организации суда. Сокращалось число судебных инстанций до двух в каждой из систем судов общей юрисдикции и судов местной юрисдикции, Правительствующий Сенат преобразовывался в Высшую кассационную инстанцию. По мнению, С.И. Зарудного, «правильная», то есть надлежащая организация правосудия и должна включать две инстанции.

Новая местная мировая юстиция была создана для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел и должна была решить задачу демократизации суда (мировые участковые судьи были выбираемыми) и приближения правосудия к населению (за счет создаваемых участков в городах и уездах), освободить общие суды от массы незначительных текущих дел. Мировой суд был нацелен на формирование гуманного правосудия и утверждение человеческого достоинства.

Роль местной мировой юстиции заключалась также в том, чтобы малозначительные дела рассматривались быстро, без излишних формальностей, в доступной для населения выборной судебной инстанции, воплощавшей в жизнь мечту о суде «скором, правом, милостивом и равном...», что соответствовало этой цели судебной реформы, официально выраженной в Указе, одновременно утвержденным и вводимым в действие Судебные Уставы.

Другим демократическим институтом новой юстиции стал суд присяжных заседателей, учрежденный лишь при коронном окружном суде, хотя законодательство допускало его и при вышестоящей инстанции – судебной палате. Уместно отметить, что сочетание принципов выборности и назначения при комплектовании судейского корпуса является традиционным для российской юстиции. Суд присяжных являлся выразителем общественного, массового правосознания народных представителей о совести, справедливости, правде и был призван охранять права человека. В окружном суде с участием присяжных заседателей публичное начало в лице коронного судьи было призвано обеспечивать общий интерес всех подданных в каждом конкретном деле. Народное же начало — присяжные заседатели обеспечивали юстиции демократическую форму реализации власти. Представители народа могли внести в суд свежесть ощущений и живой реалистический взгляд на действительность; они могли выносить вердикт, не ограничиваясь формальным уяснением буквы закона, но стремясь примирить требования абстрактно выраженной в правовой норме правды (юридической истины) с подлинностью жизни, индивидуальностью случая, конкретной личностью, в конечном счете — со справедливостью. Отсюда, неоднократно были вынесены и приговоры, не удовлетворявшие ожиданий консерваторов, правительства и царя, приведшие к ограничению подсудности суда присяжных и передаче дел о преступлениях против должностных лиц в судебные

⁴⁰⁸ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Б.м., 1864.

⁴⁰⁹ См. об этом подробнее: Ефремова Н.Н. Конституционные основы судебной власти... с.29-34.

палаты, дополненные для этого сословными заседателями. По мере продвижения судебной реформы, а она проводилась по поэтапному плану, установленному правительством, в конечном счете 35 лет, зрело недовольство последнего новыми принципами и институтами, вводимыми в соответствии с Судебными Уставами. Правительство, а вместе с ним, царь осознали, что не могут влиять на выносимые приговоры, что суды реально используют независимость, а несменяемость, не позволяет произвольно отстранять их от рассмотрения дел и от службы. Кроме того, недовольство правительства вызывала адвокатура, как независимая общественная корпорация юристов, использовавшая, помимо исполнения прямых процессуальных обязанностей, в условиях состязательности, публичности и гласности, суд как место для пропагандирования новых прогрессивных принципов и ценностей правосудия: равенства перед судом лиц, принадлежавших к разным сословиям, законности и справедливости приговоров, гуманности правосудия и т.д. Этот неудобный для царя и правительства конструкт правосудия, более того, ставший «инородным телом» в сохранявшем архаичность в остальных звеньях государственного механизма абсолютизма, соответственно вызвал негативную реакцию консерваторов, усилившуюся после убийства Александра Второго и общего подъема революционного движения в России. Эта реакция, получившая в историографии наименование «контрреформа», выразилась не в откате назад к дореформенному состоянию суда, но все же нанесла ущерб наиболее демократичным принципам и институтам юстиции: суду присяжных и одновременно принципу всесословности суда, или равенства (ограничение компетенции с передачей изъятых категорий дел в подсудность судебной палаты с сословными представителями); мировому суду (заменному в ряде уездов земским начальником); принципу несменяемости судей – созданием Высшего дисциплинарного присутствия Сената и др. Вместе с тем, царь Николай Второй не пошел на полный пересмотр Судебных Уставов, что было поручено сделать специальной, так называемой «Муравьевской» Комиссии» в 1894 г., и, более того, в 1912 г., в ходе местной реформы была восстановлена упраздненная ранее частично мировая юстиция. Очевидно, что царь и правительство, понимая некоторое несоответствие идее сохранения устоев самодержавия организации прогрессивной пореформенной юстиции, все же признавали ее релевантность потребностям общества и требованиям времени. Официальные, в меньшей степени, а не официальные печатные издания, в большой степени, способствовали формированию позитивного ее образа. Более того, она вполне удовлетворяла политические круги, нацеленные на преобразование России в конституционное государство, поскольку приобретенный в значительной мере судебной властью статус независимой ветви государственной власти делал ее готовым разделом ожидаемой либералами конституции.

Поэтому вполне предсказуемым было положительное, в целом, отношение к общеимперской организации юстиции Временного правительства, пришедшего к власти в 1917 г., в результате революционного свержения монархии и планировавшего создание либерально-демократической республики. Поскольку важнейшим признаком последней являлся принцип разделения властей, то обособленная

судебная и исполнительная (Временное правительство), ветви государственной власти были налицо, оставалось дожидаться учредительного собрания, которое бы приняло Конституцию.

Однако изменившаяся в результате революции конъюнктура, прежде всего идеологические и политические установки, привели к корректировке оценки и подходов к использованию унаследованной и оставшейся формально царской юстиции. Данный, первый этап Великой российской революции, продлившийся с конца февраля до конца октября 1917г., применительно к истории отечественного суда может быть обозначен как либерально-демократический, поскольку Временное правительство, несмотря на внутренние противоречия представителей различных партий, входивших и регулярно сменявших друг друга в его составе, не намеревалось производить кардинального изменения в судебной организации в целом. Представители политических партий, поддерживавших Временное правительство в статусе единственного на тот момент фактического носителя государственной власти, среди которых были юристы по профессии, вели дискуссии о его легальности и легитимности, месте в системе разделения властей, признании его органом законодательной и (или) исполнительной власти, однако, никто из них не покушался на независимость судебной власти, носителем которой оставались Сенат и иные имперские судебные органы. Вместе с тем, в государственном механизме Российской империи помимо институционально и функционально обособленных судов существовали и отдельные нарушающие этот принцип судебно-административные архаические элементы, которые также сохранялись Временным правительством, несмотря на декларируемую ими приверженность «заветам великих Уставов 1864 года». Неприкосновенность прежних институтов юстиции проявилась даже в том, что до октября 1917 г. продолжали действовать судебно-административные департаменты Государственного совета, в составе которого были оставлены лишь члены по выборам, сохранявшие свои полномочия до 6 октября 1917 г. и выполнявшие возложенные на них судебные функции.

Вместе с тем, признавая организацию суда, основанную на Судебных Уставах, вполне прогрессивной и принесшей в Россию начала права, справедливости, законности и правопорядка, Временное правительство заявляло, что в период контрреформ последние были искажены, а принципу несменяемости судей был причинен особый ущерб. Поэтому, признавая необходимость некоторых изменений в организации суда, Временное правительство создало Комиссию для восстановления основных положений Судебных Уставов и их согласования с происшедшей переменой в государственном устройстве, включившую министра юстиции в качестве Председателя комиссии, а также назначенных им заместителя и членов. Революционные перемены в идеологии и политике поставили также вопрос о судьбе чиновников судебного ведомства, состоявших на службе у царя. Признавая организационную пригодность существующих институтов юстиции в целом, Временное правительство, тем не менее, намеревалось заменить их кадровый состав. Этому мешало опасение нарушить принцип несменяемости судей, что было бы явно

непопулярной мерой. Были введены и некоторые новые институты, существенно не изменявшие прежнюю организацию.

Особенной чертой юстиции на февральском этапе революции, который, по сути, не затронул основ прежнего судоустройства и судопроизводства, являлось, как отмечалось в отечественной и зарубежной историографии, «засилье адвокатов». Организационно-правовая основа их деятельности была несколько подновлена в духе дальнейшей демократизации и либерализации, в частности, допустили женщин в «адвокатское сословие».

И совершенно иные оценку и отношение к прежнему суду продемонстрировало Советское правительство, созданное после свержения Временного на втором этапе революции, начавшемся 25-26 октября 1917 г. В отличие от своих предшественников, большевики и их политические союзники после прихода к власти занялись созданием новой системы представительных, распорядительных и исполнительных органов власти и управления, организация которых основывалась уже не на принципе разделения властей, а на принципе полновластия советов, соответствовавшим советскому типу республики. Такая форма публичной власти конструировалась, исходя из новых политико-идеологических установок, базировавшихся на марксистско-ленинском учении о государстве и праве и опыте революционного построения власти в Парижской коммуне. Суд рассматривался наряду с государством и правом (в легистском понимании⁴¹⁰), в целом, как классовый институт, обеспечивавший классовое же принуждение в интересах класса, победившего в революции и оформившего свою диктатуру. В российской истории это была диктатура пролетариата, защищая интересы которого и должен был действовать суд, направляя репрессию прежде всего против противников революции, то есть тех, кто не разделял новых идей и планов строительства рабоче-крестьянского не эксплуататорского типа государства. Разумеется, прежняя организация суда не была способна решать такие задачи, а потому была обречена на слом. Интересно, что строительство нового суда началось по инициативе самого населения на местах уже сразу после Второго Съезда Советов; так появились выборные народные и местные суды в ряде промышленных городов, отчеты о деятельности которых публиковались в печати.

Совет народных комиссаров, в котором преобладали большевики, сознательно оценивая суд как орган классово-репрессии, которую можно было направить против классового противника, и, в первую очередь, против контрреволюционеров, не достигнув соглашения с левоэсеровским по составу ВЦИКом, имевшим иные планы по реформированию суда, в декабре 1917 г. самостоятельно принял Декрет о суде № 1. Этим актом ликвидировалась вся система судов общей юрисдикции: окружные суды (с формируемыми при них судами присяжных), судебные палаты и Сенат. Поскольку нотариат состоял при окружных судах и судебных палатах, он также переставал существовать. Упразднилась прокуратура, адвокатура и

⁴¹⁰ См. об этом подробнее.: Ефремова Н. Н. «Советский легизм» в портретах: М. С. Строгович, Н. Н. Полянский, С. А. Голунский (к 120-летию М. С. Строговича). // Право и государство: теория и практика. 2015. № 1 (121). С. 146-152.

следствие, как и прочие институты старой юстиции, не соответствовавшие задачам новых политических сил по созданию общественного порядка иного типа. В качестве следственного органа, наделенного одновременно и иными функциями, постановлением СНК 20 декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная следственная комиссия при СНК. Что касается системы мирового суда, то она Декретом о суде № 1 не уничтожалась, но деятельность мировых судей приостанавливалась. Такое отношение объяснялось намерением правительства путем проведения выборов заменить их лицами, исповедавшими новые революционные идеи и принадлежавшими к классу победителей. Однако эти планы не были реализованы, поскольку с созданием системы радикально отличавшихся от прежних новых судов, необходимость в них отпала.

Не конкретизируя структуру новой судебной системы и судопроизводства и историю их последующего развития, следует подчеркнуть, что радикальное отличие новой советской организации суда от предшествующей заключалось в следующем: отрицалась преемственность с прежними институтами юстиции, новый суд был частью нераздельной организации советской государственной власти (особого типа, противоположного либерально-демократическому), соответственного находился под контролем советов, как органов распорядительных, и их исполкомов, как органов исполнительных (преимущественно), соответственно говорить о независимости суда нельзя, суд присяжных заменялся выборными заседателями и, в целом, правовые начала организации и деятельности суда дополнялись политико-идеологическими.

Таким образом, если февральский этап революции не сопровождался революционным преобразованием суда, то октябрьский проявил эту трансформацию в гипертрофированном масштабе, надолго прервав либерально-демократическую традицию развития отечественной юстиции.

Вместе с тем, прерывание сложившейся традиции в организации либерально-демократической модели правосудия в советское время не означало ее забвения. Менялась парадигма официальных и доктринальных оценок пореформенной организации правосудия в условиях меняющегося режима советского государства, но интерес исследователей к ней не угасал. Особое внимание ей стали уделять в процессе подготовки судебной реформы, планировавшейся как части конституционной, в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. Таким образом, воплощение ряда принципов, институтов и ценностей правосудия, установленных Судебными Уставами 1864 г. в Российской империи, было осуществлено в Концепции судебной реформы, утвержденной Постановлением ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР», и последующей ее реализации в постсоветский период. Радикальные преобразования в общественном и государственном строе Российской Федерации, отказ от прежних идеологических установок, построение республики либерально-демократического типа и иные факторы определили новые задачи суда и соответственно иное отношение к нему носителей государственной власти. Тем не менее, многие принципы и институты организации

правосудия по Судебным Уставам, при неизбежных, но не значительных изменениях, стали реальностью текущего этапа развития нашего государства. И исторический опыт создания прогрессивной модели юстиции, и память о нем стали важными факторами в ее воссоздании.

§ 8. К вопросу о периодизации эволюции правового статуса председателя суда общей юрисдикции в России

Одним из направлений проводимой в Российской Федерации судебной реформы является определение правового статуса председателей судов общей юрисдикции. Существуют различные точки зрения по данной проблеме, каждая из которых имеет свою аргументацию. В этой связи теоретический и практический интерес представляет обращение к историческому опыту, позволяющему проследить, как эволюционировали взгляды об этой должности и её правовая регламентация. О том, что история трансформации института председателя суда в судебной системе активно изучается на современном этапе говорит факт, что при создании музеев судов личности председателя, его работе отводится особое место. Так, в музее Московского городского суда представлен кабинет Председателя⁴¹¹.

Существует две точки зрения по вопросу о возникновении должности председателя суда в России.

Согласно первой, это произошло в период расцвета приказной системы в конце XVI – начале XVII вв. Некоторые начальники приказов назывались председателями, именно они являлись прообразом председателей современных судов⁴¹².

Однако более убедительной является точка зрения, что о председателе суда как должностном лице можно говорить с принятия в 1715 г. «Краткого изображения процессов или судебных тяжб», в котором главное внимание уделялось воинскому суду (кригсрехту). В статье 6 указывалось, что генеральный суд должен был состоять из 13 человек, президентом среди которых был фельдмаршал, его наместник или генерал, полковой суд – из 7 человек, среди которых председателем был фельдмаршал или генерал, а при отсутствии таковых – полковник, подполковник или майор. Президенту (председателю) принадлежало право выбора ассессоров, приглашения их на заседание, объявление рассматриваемого дела, оглашение принципа правосудия, чтоб «при отправлении начинающагося дела напаятовали свою совесть, и что при суде случится хранили б тайно и никому б о том, кто бы он ни был, не объявили»⁴¹³.

⁴¹¹ Агафонова Г.А., Беспалов Ю.Ф. 80-летняя деятельность Московского городского суда: история и современность // *Lex Russica* (Русский закон). 2012. Т.71. № 4. С.815.

⁴¹² Лукоянов Д.Н. Правовой статус председателя районного суда как организатора эффективного правосудия. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.19-20.

⁴¹³ Краткое изображение процессов или судебных тяжб от 26.04.1715 г. // *Хрестоматия по истории государства и права России* / Сост. Ю.П. Титов. М., 2002. 154-168.

Окончательно должность председателя суда была закреплена в «Учреждении для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. В каждой губернии создавалась, согласно статье 7, Палата уголовного суда в составе Председателя, двух советников и двух ассессоров, и, согласно статье 9, Палата гражданского суда, в которую входили председатель, два советника и три ассессора⁴¹⁴. Так же должности председателей были предусмотрены в сословных местных судах – Верхнем земском суде, Дворянской опеке и Губернском магистрате. Согласно статье 60 Правительствующий Сенат предлагал Императору по две кандидатуры на должности председателей палаты председателей Верхнего земского суда. Уездный дворянский предводитель, который председательствовал в Дворянской опеке, избирался на 3 года местным дворянством (статья 210). Функции председателей судов определены не были.

Согласно Судебным уставам 1864 г. в России должности председателей появились в окружных судах. Согласно статье 23 Учреждения судебных установлений 1864 г. каждый окружной суд состоял из председателя и членов, назначенных Императором по представлению министра юстиции⁴¹⁵. Председатели окружных судов должны были иметь высшее юридическое образование или большой опыт работы в судебных учреждениях (статья 66), а также соответствовать высоким моральным требованиям⁴¹⁶. Председатель, как и остальные судьи окружных судов, не мог быть объявлен несостоятельным должником или лицом, находившимся под опекой за расточительность.

Независимость судей реализовывалась посредством норм о несменяемости. Все судьи, в том числе, председатель окружного суда не могли быть уволены без прошения, а также переведены в другую местность без согласия. Отстранить председателя от должности можно было только по суду (статья 67).

Целый ряд функций председателя суда окружного суда по Судебным уставам 1864 г. был связан с судом присяжных заседателей. Само участие присяжных заседателей определялось по просьбе подсудимого или по назначению председателя суда. Присяжные заседатели перед началом работы должны были пройти процедуру приведения к присяге. Православных заседателей к присяге приводил священник, а представителей других вероисповеданий чаще всего председатель суда. Также он должен был разъяснить присяжным их права и обязанности, а также ответственность, которую они несут.

Ещё одной обязанностью председателей окружных судов был контроль за исполнением судебных сроков и, в случае необходимости, их ускорение (статья 57 Учреждения судебных установлений). Если председатель суда с этим не

⁴¹⁴ Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи от 07.11.1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 20. № 14392. С. 229-287.

⁴¹⁵ Учреждения судебных установлений от 20.11.1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Государственная канцелярия, 1867. Ч.III. С.XLIV.

⁴¹⁶ Марасанова В.М. Кадры председателей и членов окружных судов Ярославской губернии во второй половине XIX века // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2015. № 1. С.26.

справлялся, министр юстиции мог возбудить в отношении него дисциплинарное производство.

В Судебных палатах, созданных в результате Судебной реформы 1864 г., также существовали должности председателей. Согласно статье 39 Учреждения судебных установлений Судебная палата делилась на департаменты, в каждом из которых был председатель и члены, назначаемые председателем по представлению министра юстиции. Через старшего председателя Судебной палаты министру юстиции направлялись представления кандидатов на занятие вакантных должностей в окружных судах, но окончательное решение всегда было за Императором.

Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. стал нормативно-правовым документом, упразднившим сложившуюся в Российской империи систему судебных учреждений⁴¹⁷. Вместо дореволюционных судов были учреждены народные суды в составе постоянного судьи и двух народных заседателей, которые избирались местными советами. Они рассматривали гражданские дела с ценой иска до 300 рублей и уголовные дела по преступлениям, наказание за которые было не более двух лет лишения свободы. Уездные и столичные съезды судей выполняли функции кассационных инстанций.

Согласно Декрету о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. были учреждены окружные суды, в состав которых входили коллегии из трех постоянных членов и четырех народных заседателей для рассмотрения гражданских дел. Коллегии, состоявшие из председателя из числа постоянных судей и двенадцати народных заседателей, выносили решения по уголовным делам исходя из революционной законности⁴¹⁸. Председателя суда избирали сами члены суда (статья 2). Был возможен отзыв как председателя суда, так и любого из судей. Отменить решение народного суда мог ВЦИК.

Декрет СНК о суде № 3 от 20 июля 1918 г. несколько изменил подсудность народных судов. В их ведении остались уголовные дела, за исключением дел об особо тяжких преступлениях. Кассационной инстанцией стал Кассационный народный суд в Москве, который состоял из гражданского и уголовного отделений. В состав суда входили председатель суда, его заместитель, восемь членов суда, чьи кандидатуры до этого были представлены окружными народными судами и Советами местных народных судей⁴¹⁹.

Согласно Положению о судостроительстве РСФСР от 11.11.1922 г. вводились четыре звена новой судебной системы: 1) народный суд в составе постоянного народного судьи; 2) народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей; 3) губернский суд, в состав которого входили председатель, два его заместителя, постоянные члены, а также народные заседатели, привлекавшиеся к участию в судебных заседаниях в качестве первой инстанции.; 4)

Верховный суд РСФСР, где тоже была введена должность председателя, и его коллегии. Также создавались специальные суды⁴²⁰.

Естественно, что суды и судьи испытывали на себе партийное давление, т.к. в 1920-1930-е гг. происходило сращивание государственного и партийного аппарата. В статье 126 Конституции СССР 1936 г. впервые Коммунистическая партия Советского Союза была закреплена как руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных⁴²¹. Это сказывалось на всей системе государственных органов.

Должности председателей были предусмотрены и при создании городских судов. В 1932 г., когда был создан Московский городской суд, в его структуру входили председатель, его два заместителя, 21 судья и 7 отделов. В суде действовало две коллегии – по гражданским и уголовным делам⁴²². В декабре 1939 года из Ленинградского областного суда был выделен Ленинградский городской суд. В январе 1941 г. был избран его первый председатель и его заместители по гражданским и уголовным делам⁴²³.

В период Великой Отечественной войны народные суды действовали в соответствии с «законами военного времени». На прифронтовых территориях, в районах боевых действий все суды общей юрисдикции преобразовывались в военные трибуналы.

Во многом компетенция председателей судов зависела от общих преобразований, связанных с функциями судебного управления. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 года «Об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей»⁴²⁴ полномочия вновь созданных президиумов были сведены к усилению судебного надзора, но постепенно они взяли на себя функции и судебного управления.

Упразднение Министерства юстиции СССР, существовавшего с 1946 до 1956 г. и являвшегося преемником Народного комиссариата юстиции, созданного в 1917 г., привело к передаче части функций в республики, края и области. Так, приказом Министра юстиции РСФСР № 21 от 5 сентября 1956 года на председателей краевых

⁴¹⁷ Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» № 1 // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

⁴¹⁸ Декрет ВЦИК о суде № 2 от 15.02. 1918 г. // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т.1. С.466-474.

⁴¹⁹ Декрет СНК о суде (Декрет № 3) от 20.07.1918 г. // Известия ВЦИК. 1918. 20 июля.

⁴²⁰ Положение о судостроительстве РСФСР от 11.11.1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст.902.

⁴²¹ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями) // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 1987. С.310.

⁴²² Агафонова Г.А., Беспалов Ю.Ф. 80-летняя деятельность Московского городского суда: история и современность // Lex Russica (Русский закон). 2012. Т.71. № 4. С.801-802.

⁴²³ 15. Очерк об истории судебной системы Санкт-Петербурга // Официальный сайт Санкт-Петербургского городского суда // http://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/modules.php?id=33&name=info_court (Дата обращения: 28.05.2020 г.).

⁴²⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 года «Об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г.-июль 1956 г. / Под ред. Ю.И. Мандельштам. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 109.

(областных) судов возлагалось осуществление руководства и контроль над деятельностью всех нижестоящих народных судов и укомплектование их штатами.

В 1960 г. был принят новый Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», в статье 32 которого было закреплено, что в районе, где избрано несколько народных судей, а в городе, не имеющем районного деления, по представлению председателя Верховного суда автономной республики, краевого, областного, городского суда, суда автономной республики, краевого, областного, городского суда, суда автономной области или суда национального округа советы утверждают председателя районного (городского) народного суда из числа избранных народных судей. К функциям председателя районного (городского) народного суда были отнесены: организационное руководство работой суда, исполнение роли председателя на судебных заседаниях, руководство работой канцелярии суда, а также изучением судебной практики⁴²⁵. Должности председателей существовали также в краевых, областных, городских судах, судах автономной области и судах национального округа.

Постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР № 21/2 от 27.02.1964 г.⁴²⁶ компетенция председателя краевого (областного) суда значительно расширилась, но в то же время возросла и персональная ответственность. Именно председатель стал ответственным за надлежащую организацию судебной работы, поскольку его полномочия распространились на все вопросы судебного управления: вопросы подбора и расстановки кадров в судах, оказания практической помощи впервые избранным судьям, предъявление требований к судьям с профессиональной и моральной точек зрения. Поэтому председатели краевых (областных) судов стали принимать личное участие в проверках и ревизиях народных судов и оказывают практическую помощь судьям, если выявлялись факты неудовлетворительной работы.

В результате передачи функций судебного управления судебным органам в краевых (областных) судах на практике были созданы оперативные совещания при председателях краевых (областных) судов, хотя они и не предусматривались законодательством.

Однако затем произошёл возврат к старой системе. В 1970 г. было восстановлено Министерство юстиции СССР, которое снова взяло на себя полномочия по организационному руководству судами, понизив, таким образом, значение управленческой функции председателей судов общей юрисдикции.

С 1996 г. председатели судов, за исключением высших, стали назначаться Президентом Российской Федерации на шесть лет с правом переназначения. Основную нормативно-правовую базу, определяющую правовой статус председателей

судов общей юрисдикции, составляют: Конституция Российской Федерации 1993 г., 2) Закон Российской Федерации от 26.06.1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации», 3) Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», 4) Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Должность председателя суда общей юрисдикции требует выполнения не только непосредственно судебных функций, но и обширных управленческих полномочий, к которым относится управление непосредственно судьями, хозяйственно-управленческая деятельность (строительство, ремонт, госзакупки и т.п.), управление делопроизводителями и иными службами⁴²⁷.

Проведённый анализ правового статуса председателя суда общей юрисдикции в России позволяет предложить следующую периодизацию: I период – XVIII – первая половина XIX века – председатели судов общей юрисдикции назначались верховной властью, избирались сословными органами, но их компетенция чётко не определялась; II период – 1864-1917 гг. – председатели окружных судов и судебных палат, несмотря на систему назначения, приобрели значительную независимость, были несменяемы; во многом благодаря председателям окружных судов эффективно заработал суд с участием присяжных заседателей; III период – 1917-1940-е гг. – создание народных судов, сохранение должностей председателей судов, работавших теперь под жёстким партийным контролем; IV период – 1950-е – начало 1990-х гг. – эксперименты с полномочиями председателей судов, закончившиеся сохранением за председателями судов только судебных полномочий и передачей организационно-управленческих функций Министерству юстиции СССР; V период – с начала 1990-х гг. до настоящего времени – назначенные председатели судов, кроме выполнения своих непосредственных обязанностей в качестве судей, имеют обширные полномочия по организации работы суда в целом, являясь гарантом реализации принципа независимости суда.

§ 9. Юридические нормы и нравственный закон в произведениях Ф.М. Достоевского

Достоевский, как известно, не был ни профессиональным юристом, ни историком, ни политиком. Но в своих художественных и публицистических произведениях он отразил проблемы современной ему российской действительности, затрагивая и юридические проблемы, анализируя исторические тенденции развития России и политические вопросы их решения.

«Текущая действительность» преображалась под пером художника, и в самих фактах открывался художественный смысл – так художественное и публицистическое оказывалось неразрывно связанным.

⁴²⁵ Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «О судостроительстве РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.

⁴²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР № 21/2 от 27.02.1964 г. «О состоянии работы Президиума Верховного Суда РСФСР, президиумов Верховных Судов АССР, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и судов национальных округов и задачах по усилению судебного надзора, руководства и контроля за деятельностью судебных органов» // Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации // <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1964/postanovlenie-plenuma-vsg-1964.pdf> (Дата обращения: 25.05.2020 г.).

⁴²⁷ Золотарев В.Г., Лагутин И.Б. Административно-правовой статус должностных лиц судебной власти: постановка проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1. Ч.1. С.27.

Писатель размышлял в письме Н.Н. Страху: «В каждом номере газет Вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они *факты* (курсив Достоевского.— А.Д.). Кто же будет их замечать, их разъяснять и записывать?»⁴²⁸. То есть в фактах писатель видел проявление неисчерпаемой фантастической действительности. И далее: «Всегда говорят, что действительность скучна, однообразна; чтобы развлечь себя, прибегают к искусству, к фантазии, читают романы. Для меня, напротив: что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности? Что может быть даже невероятнее иногда действительности? Никогда романисту не представить таких невозможностей, как те, которые действительность представляет нам каждый день тысячами, в виде самых обыкновенных вещей. Иного даже вовсе и не выдумать никакой фантазии. И какое преимущество над романом!» (22, с. 91; 2-я глава «Дневника писателя» за март 1876 года).

Пристальное внимание к «текущей действительности» было заложено уже в журнальной программе братьев Достоевских 1860-х гг. Так, в редакционной статье к первому выпуску журнала «Время» за 1861 год заявлено: «Мы особенно будем обращать внимание в нашем журнале на *все современные явления*, которыми хоть сколько-нибудь можем оправдать и доказать нашу мысль. Кроме того, мы усиленно будем следить за движением всех современных идей. С будущих номеров нашего журнала мы надеемся открыть в нем отдел для разбора и беспристрастной оценки, по возможности, всех тех ходячих идей, современных предположений и вопросов, которые появятся в других русских журналах» (18, с. 115).

Одним из таких «современных явлений», имевших принципиальное значение для российской жизни, было введение в 1864 году суда присяжных. Однако до 26 июля 1866 года, когда в Петербурге были рассмотрены первые дела с участием присяжных заседателей, суд присяжных в России фактически не действовал. До этого велась лишь подготовительная работа: подбирались и благоустраивались помещения для окружных судов, создавались Временные комиссии, которые составляли и публиковали в «Губернских ведомостях» общие, очередные и запасные списки присяжных заседателей и т.п.⁴²⁹

Констатируя несовершенство суда присяжных, А.Ф. Кони в очерке «Присяжные заседатели» писал: «Дела, по которым раздаются нарекания на присяжных заседателей, распадаются, в сущности, на две категории: на дела, по характеру и свойствам преступления, не привлекающие особого общественного внимания, в которых присяжным <...> ставится в упрек признание невиновности, несмотря на

собственное сознание подсудимого, и на дела, в которых оправдание идет в разрез с надеждами услышать приговор обвинительный»⁴³⁰.

В научной литературе отмечаются причины кризиса российского суда присяжных 1870-1880-х гг. XIX в.⁴³¹ Это, в первую очередь, несовершенство законодательства, мешавшее нормальному функционированию суда. Причиной можно назвать неудачный состав Временных комиссий, составлявших списки присяжных (их члены совершенно не были заинтересованы в результатах своего труда и воспринимали свои обязанности как лишнюю обузу), наличие «служебного ценза» и неравномерность имущественного ценза, нечеткость, расплывчатость некоторых формулировок закона и др.

Немаловажными, а может быть, и главными, были причины ментальные: несоответствие русского национального духа характеру введенного «сверху» западноевропейского правового института. Судебные уставы 1864 года разрабатывались с учетом европейского опыта, который был часто непонятен российским присяжным. И они оказывались не в состоянии объективно судить ряд преступлений и проступков. Вследствие этого, не вникнув до конца в суть дела, заседатели нередко оправдывали действительно виновных людей. В юридической практике дореформенной России часто подсудимых освобождали от суда «за недоказанностью» и оставляли «в подозрении». Частенько при малейшем сомнении заседатели оправдывали подсудимых.

И на это, наконец, были причины политические. Непредсказуемость решений присяжных по такому рода делам не согласовалась со стремлением правительства обеспечить порядок в стране. Именно поэтому из ведения судов присяжных изымались такие преступления, как сопротивление властям, убийство и покушение на убийство должностных лиц и т.п. 9 мая 1878 года был принят закон, временно изъявший из компетенции присяжных заседателей преступления такого рода. В историографии юриспруденции считается, что данный закон стал следствием оправдания Веры Засулич Санкт-Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей в апреле 1878 года.

К.П. Победоносцев в своем докладе «О необходимости судебных реформ» верно отметил, что суд присяжных оказался «совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов»⁴³².

Проблемы нового суда неизменно оказывались в поле зрения Достоевского и отражались в его публицистических и художественных произведениях. Для них судебная хроника нередко становилась своеобразной первоосновой. Достоевский обращал внимание читателя на противоречивость решения суда, на то, что за внешним следованием юридическим предписаниям ускользает внутренняя — нравственная правда. Безусловно, это было проявлением несовершенства суда присяжных,

⁴²⁸Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Л.: Наука, 1972-1990. — Т. 22. — С. 169-170. Далее ссылки на это издание даны в тексте: в круглых скобках после цитаты указаны том и страница; в случае сдвоенных томов приводится индекс к тому. Везде, где не оговорено специально, графические изменения текста мои. — А.Д.

⁴²⁹Демичев А.А. Периодизация истории суда присяжных в России // Журнал российского права. — 2007. — № 7. — С. 137-150.

⁴³⁰Кони А. Ф. Присяжные заседатели // Казанцев С. М. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864-1917 гг. — Л.: Лениздат, 1991. — С. 37.

⁴³¹Демичев А.А. Указ.изд. — С. 137-150.

⁴³²ОР РГБ. Фонд 230. П. 4394. № 3. Л. 5. Цит. по: Демичев А. А. Указ. изд. — С. 141.

однако писатель, не будучи юристом, переносил обсуждение всех этих вопросов в художественную и художественно-публицистическую сферу своих произведений.

Так, в ряде статей «Дневника» за 1876 год были помещены материалы о процессах над Кронебергом, Каировой, Джунковскими и проч. Во всех случаях автор, первоначально отталкиваясь от самого факта, от его внешней характеристики, от печатной и/или публично данной интерпретации (зачастую поверхностной и не точной), стремился детально вникнуть в суть дела, в его нравственное содержание, обнаружить неоднозначность, сложность психологических мотивировок, непредсказуемость человеческих поступков и отношений людей друг к другу. Это происходило потому, что Достоевского всегда интересовал высший, скрытый в глубине факта, но единственно верный смысл происходящего. Именно таким стало изображение суда в романе «Братья Карамазовы».

В литературоведении давно отмечено, что канвой для повествования о Мите Карамазове внешне, в фабульном отношении, явилась история прапорщика Тобольского линейного батальона Д.Н. Ильинского, рассказанная в «Записках из Мертвого дома» как история «отцеубийцы из дворян»⁴³³. Достоевский дважды излагает историю этого мнимого отцеубийства в «Записках из Мертвого дома» — в главе I первой части, создававшейся тогда, когда невиновность Ильинского еще не была известна, и в главе VII второй части, написанной после получения из Сибири известия об установлении его непричастности к убийству отца.

«Особенно не выходит у меня из памяти один отцеубийца, — так впервые упоминается в «Записках» о прообразе Дмитрия Карамазова. — Он был из дворян, служили, был у своего шестидесятилетнего отца чем-то вроде блудного сына. Поведения он был совершенно беспутного, ввязался в долги. Отец ограничивал его, уговаривал; но у отца был дом, был хутор, подозревались деньги, и — сыну бил его, жаждая наследства. Преступление было разыскано только через месяц. Сам убийца подал объявление в полицию, что отец его исчез неизвестно куда. Весь этот месяц он провел самым развратным образом <...> Он не сознался; был лишен дворянства, чина и сослан в работу на двадцать лет <...> Разумеется, я не верил этому преступлению. Но люди из его города (Тобольска. — *А.Д.*), которые должны были знать все подробности его истории, рассказывали мне всё его дело. Факты были до того ясны, что невозможно было не верить».

Во втором случае, напомнив читателю об «отцеубийце из дворян» и повторив кратко сказанное о нем в первой части от имени Горячкова, Достоевский писал уже от своего имени: «На днях издатель «Записок из Мертвого дома» получил уведомление из Сибири, что преступник был действительно прав и десять лет страдал в каторжной работе напрасно; что невинность его обнаружена по суду, официально. Что настоящие преступники нашлись и сознались и что несчастный уже освобожден из острога <...> Нечего говорить и распространяться о всей глубине

трагического в этом факте, о загубленной еще смолоду жизни под таким ужасным обвинением. Факт слишком понятен, слишком поразителен сам по себе» (4, с. 195).

Первоначально в черновой рукописи романа «Братья Карамазовы» Митя условно назван Ильинским. Приведем этот фрагмент полностью:

«13 сент(ября) 74 (г.) Драма. В Тобольске, лет двадцать назад, вроде истории Иль(ин)ского. Два брата, старый отец, у одного невеста, в которую тайно и завистливо влюблен второй брат. Но она любит старшего. Но старший, молодой прапорщик, кутит и дурит, ссорится с отцом. Отец исчезает. Несколько дней ни слуху, ни духу. Братья говорят об наследстве. И вдруг власти: вырывают из подполья тело. Улики на старшего (младший не живет вместе). Старшего отдают под суд и осуждают на каторгу. (NB. Ссорился с отцом, похвалялся наследством покойной матери и прочая дурь. Когда он вошел в комнату и даже невеста от него отстранилась, он, пьяненький, сказал: «Неужели и ты веруешь? «Улики подделаны младшим превосходно».) Публика не знает наверно, кто убил.

Сцена в каторге (В цитате курсив автора. — *А.Д.*). *Его* хотят убить. Начальство. Он не выдает. Каторжные клянутся ему братством. Начальник попрекает, что отца убил. Брат через 12 лет приезжает его видеть. Сцена, где *безмолвно* понимают друг друга.

С тех пор еще 7 лет, младший в чинах, в звании, но мучается, ипохондрит, объявляет жене, что он убил. «Зачем ты сказал мне?» Он идет к брату. Прибегает и жена.

Жена на коленях у каторжного просит молчать, спасти мужа.

Каторжный говорит: «Я привык». Мирятся. «Ты и без того наказан», — говорит старший⁴³⁴.

День рождения младшего. Гости в сборе. Выходит: «Я убил». Думают, что удар.

Конец: тот возвращается. Этот на пересильном. Его отсылают. Младший просит старшего быть отцом его детей. На правый путь ступил!» (17, с. 5-6).

Художественно переосмысленная история Ильинского определила рамки фабулы романа «Братья Карамазовы»: убийство отца и осуждение невиновного.

В науке нет единого определения романа во многом потому, что слишком много сложных вопросов в нем затронуты; выражаясь словами его автора, здесь *pro* и *contra* сталкиваются в решении и вечных проблем. Герои ищут правду — каждый по-своему. Ее поиски составляют и содержание разворачивающегося суда, в котором стремление установить истину оборачивается ложью, а речи представителей правосудия превращаются в некое словесное манипулирование фактами. В изображении судебного процесса основополагающей оказывается антиномия «внешнее — внутреннее». При этом внешний ход событий фиксирует рассказчик, принадлежащий миру Скотопригоньевска. Раскрытие внутреннего содержания и смысла событий входит в прерогативу автора, который использует для этого целый ряд

⁴³³Реизов Б. Г. К истории замысла «Братьев Карамазовых» // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. — С. 129-138.

⁴³⁴В рукописи — младший.

художественных средств. По мысли Я.О. Зунделовича, «такое расхождение между внешней и внутренней правдой является специфическим воплощением образа мира писателя как образа неустойчивости, клубления»⁴³⁵.

В книге «Судебная ошибка» перед читателем предстает картина судебного процесса. Отчетливо слышны отголоски эпохи, отмеченной судебными реформами: здесь и «страсть к психологии», интерес к социальным корням явлений, и недоверие к присяжным — наряду с тяготением к «математически доказательным» фактам. Со скрупулезной точностью Достоевский воспроизводит весь характер состязательного процесса, «типичное» поведение обвинения и защиты, восприятие свидетельских показаний. Мастерски воспроизведены автором речи прокурора и защитника, в оформлении которых Достоевский использует свои знания судебных процессов в России и за рубежом.

Достоевский дает контрастные сопоставления внешних и внутренних (скрытых) свойств участников следствия. Автор «Братьев Карамазовых» стремится, в частности, обнаружить несостоятельность судебно-следственной психологии, которая есть не что иное, как «палка о двух концах». И прокурор, и следователь не только не поняли естественного и искреннего поведения Мити, который находился накануне великого нравственного перелома, но и ложно истолковали его признания. «Подлинный Дмитрий остался вне их суда (он сам себя будет судить)», — заметил М.М. Бахтин.

Во время работы над романом у Достоевского возникали вопросы, касающиеся процессуальной стороны ведения следствия. Для их разрешения писатель обращался для консультаций к виднейшим юристам своего времени. Так, в письме к Н.А. Любимову от 16 ноября 1879 г. Достоевский пишет о том, что советовался «с одним прокурором (большим практиком)» (30¹, с. 130). Речь идет о А.А. Штакеншнейдере, который в середине 1870-х гг. был прокурором Изюмского окружного суда. Достоевский встречался с ним у его сестры Е.А. Штакеншнейдер (30¹, с. 318). «С Адрианом Андреевичем как с талантливым юристом Федор Михайлович советовался во всех тех случаях, когда дело касалось порядков судебного мира, и ему Федор Михайлович обязан тем, что в «Братьях Карамазовых» все подробности процесса Мити Карамазова были до того точны, что самый злостный критик (а таких было немало) не смог бы найти каких либо упущений или неточностей», — пишет в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевская⁴³⁶.

Другим консультантом автора «Братьев Карамазовых» по юридическим вопросам был А.Ф. Кони (30¹, с. 376).

Особое внимание при описании судебного процесса над Дмитрием Карамазовым Ф.М. Достоевский уделил фигурам адвоката и прокурора. Ипполит Кириллович и Фетюкович были задуманы Достоевским как типы юристов-практиков, сложившиеся благодаря ложным и порочным, с точки зрения Достоевского, принципам, на которых зиждился современный ему суд. «...адвокат и прокурор, — сообщал писатель 8 сентября 1880 г. Н.А. Любимову, — представляют у меня отчасти типы

нашего современного суда (хотя и ни с кого лично неписанные) с их нравственностью, либерализмом и воззрением на свою задачу» (30¹, с. 215).

В романе сразу же выясняется внимание суда к внешним мелким деталям, которые принимаются заглавные, за критерий истины: «...этот вопрос — действительно ли Федор Павлович недоплатил чего Мите? — прокурор с особой настойчивостью предлагал потом и всем тем свидетелям, которым мог его предложить, не исключая ни Алеши, ни Ивана Федоровича, но ни от кого из свидетелей не получил никакого точного сведения» (15, с. 96-97). Со своей стороны, Фетюкович вопрос о пакете из-под денег «тоже предлагал всем, кого мог об этом спросить из свидетелей, с такою же настойчивостью, как и прокурор свой вопрос о разделе имущества, и ото всех получал лишь один ответ, что пакета никто не видал <...> Эту настойчивость защитника на этом вопросе все с самого начала заметили» (15, с. 97).

Принимая факт самоубийства Смердякова, включая в материалы следствия его предсмертную записку, суд, в первую очередь, обращает внимание на внешнее, не утруждая себя анализом. Прокурор недоволен тем, что Смердяков в записке не объявляет себя виноватым: «Итак, он признался, почему же, опять повторю это, в предсмертной записке не объявил вам всей правды, зная, что завтра же для безвинного подсудимого страшный суд? Одни деньги ведь не доказательство» (15, с. 141). Недовольство прокурора вызвано тем, что нарушено трафаретное понимание предсмертной записки: в ней обязательно должны быть названы виноватые. Но это — внешнее восприятие факта. Смысл записки Смердякова не в том, чтобы обнаружился факт, а в том, чтобы поставить Ивана, именно Ивана, перед необходимостью самому признать себя виновным, поступить по совести, вопреки своей теории вседозволенности.

Обстоятельства дела неоднозначны и не поддаются прямой, внешней классификации, которую пытаются дать им на суде. С точки зрения Достоевского, такой же подход к обстоятельствам был характерен для процесса над Кроненбергом, о котором шла речь в «Дневнике писателя». Дело Станислава Леопольдовича Кроненберга⁴³⁷, обвинявшегося в истязании своей семилетней дочери Марии, слушалось 23-24 января 1876 г. в С. – Петербургском окружном суде. Процесс вызвал большой резонанс, так как самым непосредственным образом касался одного из аспектов злободневной проблемы «отцов и детей» — почти неограниченной родительской власти, которая была освящена традицией и официально утверждена законом, но в передовых кругах, особенно среди демократической молодежи, воспринималась как пережиток старых, крепостнических порядков. Процесс широко освещался в прессе. Достоевский читал подробные отчеты в газете «Голос», а также фельетон А.С. Суворина «Недельные очерки и картинки» («Биржевые ведомости» от 1 февраля 1876 г.).

Кроненберга защищал Владимир Данилович Спасович — юрист, профессор Петербургского университета. Он выступал защитником, назначенным судом. Спасович стал одним из прототипов адвоката Фетюковича в «Братьях Карамазовых» (22, с. 347).

⁴³⁵Зунделович Я.О. Романы Достоевского: статьи. — Ташкент: Средн. и высш. школа, 1963. — С.212.

⁴³⁶Достоевская А.Г. Воспоминания. СПб.: Азбука, 2011. — С.374.

⁴³⁷Фамилия подсудимого в подлинном судебном деле пишется «Кроненберг»; так она печаталась и в первом отчете в газете «Голос» (1876. От 24 янв.), и в других газетах. Но в следующих номерах «Голоса» употребляется форма «Кроненберг».

В «Дневнике писателя» за февраль 1876 г. Достоевский подробно разбирает его речь. Здесь, прежде чем говорить о Спасовиче и его защите на суде, писатель размышляет о таланте, об адвокатах вообще. Он вспоминает про Альфонса Ламартина, о котором один талантливый остряк вскричал: «Ce n'est pas l'homme, c'est unelyre!» («Это не человек, это лира!»). Достоевского интересует парадоксальная, но подтвержденная неоднократно историей морально губящая сила таланта, конкретно — таланта судебного оратора. Он пишет: «Таким образом, не одни деньги страшны адвокату как соблазн (тем более, что и не боится он их никогда), а и собственная сила таланта» (22, с. 56). Сила и талант слова оборачиваются своей страшной и жестокой стороной — пусто-словием. Эти рассуждения писателя впрямую связаны с характеристикой Спасовича. В черновиках рядом с его фамилией указано иногда лишь одно слово: лира. «Спасович. Ce n'est pas l'homme, c'est unelyre. Это о Ламартине. Но и о всяком поэте, о всяком художнике. Физиология и психология поэта как лгуна. Это ему за талант. И, так сказать, plusdenoblesse, quedesincerite»⁴³⁸ (24, с. 131). «Тронула лиру и запела» (24, с. 139), «...извращение совести, лира» (24, с. 140), «NB! Лира! Да лира ли только, нет, и слава, как же без капиталу» (24, с. 141).

В соотнесении с этими записями становятся более понятными рассуждения Спасовича о святости семьи и государства — неизбежная казуистика разыгравшегося таланта («лира звучит»), в результате чего извращаются сами понятия добра и жалости. Так, адвокат отрицает невинность возраста девочки, говорит о тлетворном влиянии на нее простых женщин — бывшей горничной и дворничихи Кронеберга. При этом он не принимает во внимание их сострадание к ребенку и то, что они, в сущности, возбудили это уголовное дело. Малотого, он пытается опорочить самих свидетельниц, ссылаясь на признание ребенка, сделанное спустя восемь месяцев, что она хотела деньги взять у мачехи для Аграфены (бывшей горничной). А отсюда — один шаг до отрицаний самого состава преступления: не было истязания, значит, невиновен отец, бьющий розгами ребенка. И при этом — разглагольствования о святости семьи. В черновиках Достоевский более подробен: «Это кощунство. Семья слишком свята чтоб возводить на нее клевету. Семья не может держаться жестокостью. Наказывать нельзя (до предела, разумеется), ну, до сломания ноги (и Спасович согласится), но жалеть, что семья должна стоять на несправедливости к ребенку (ибо ребенок безответствен и виноваты развратители), и жалеть, что ребенка оскорбили и измучили, должно во всяком случае. А вам самую жалость надо искоренить для полноты торжества. Лира...» (24, с. 138). «Если б Спасович защищал противную сторону, лира подсказала бы ему противоположные аргументы, а он с таким же жаром пустился бы их расписывать <...> Ибо чувствуешь, что тут уже перестала правда, что человек заигрался, что это лира звучит. Ибо лишнее в правде — ложь» (24, с. 142).

С этим публицистическим выступлением соотносится изображение судебного процесса в «Братьях Карамазовых». Представители правосудия ищут правду, проявляя при этом немалые способности много и долго говорить, до невероятности

убедительными представляя свои гипотезы. Причем каждый из них рассчитывает на определенный сценический эффект своего выступления. Недаром прокурор считает свою речь шедевром и «лебединой песней», стремится взять верх над защитником, с которым у него еще в молодости, в Петербурге, были нелады. А теперь можно свести счеты и прославиться на всю Россию, так как дело получило широкую огласку. Он действительно вкладывает в свою речь много старания, но ее серьезность снимается в повествовании несколькими фразами. Первое: его выступление уподоблено лебединой песне, а следом замечено: «Правда, девять месяцев спустя он и помер от злой чахотки, так что действительно, как оказалось, имел бы право сравнить себя с лебедем, поющим свою последнюю песнь, если бы предчувствовал свой конец заранее» (15, с. 123). Через авторский комментарий происходит снижение метафоры, которая затем совсем снимается. И далее: «В эту речь он вложил все свое сердце и все сколько было у него ума и неожиданно доказал, что в нем таились и гражданское чувство, и «проклятые вопросы», по крайней мере поскольку наш бедный Ипполит Кириллович мог их вместить в себе» (15, с. 123). И второе: в разговорах публики, обсуждающей ход суда во время перерыва, вводится следующее замечание: «Да полноте вы о мистике, — вскричал еще кто-то, — вы вникнете в Ипполита-то, в судьбу-то его отселева дня! Ведь ему завтрашний день его прокурорша за Митеньку глаза выцарапает» (15, 177).

Ни прокурор, ни адвокат не способны вникнуть в смысл происшедшего. Они подводят поступки Дмитрия под уже готовую, существующую в их воображении схему. И те обстоятельства, которые им кажутся главными, на самом деле оказываются мелкими, внешними деталями, не затрагивающими существа дела. Не помогают ни старания, ни усердие, ни талант. Мало того, сила талантливого слова, превращаясь в словоблудие, подчеркивает и усиливает фарс происходящего судебного действия. Об этом в «Дневнике» писал Достоевский: «Талант. Говорить не то, что против себя, а распинаться и хвалить то, о чем до того всю жизнь не думал, или проклинаешь в другом такие пороки, которые в самом нем с ног до головы. Ибо чувствуешь, что тут уже перестала правда, что человек заигрался, что это лира звучит» (24, с. 142). И как следствие того талантливого словоблудия — неизбежный оттенок мелочности и фальши в приемах защитника: адвокат Дмитрия Карамазова так же, как и Спасович, выдавая внешнее за главное, стремится подпортить репутацию свидетелей со стороны обвинения, чтобы у присяжных возникло сомнение в истинности их показаний, их моральном праве влиять на решение судьбы человека.

«Человек принадлежит обществу, — писал Достоевский. — Принадлежит, но не весь. Я не о праве говорю. А просто бесполезно, потому что ни судья, ни присяжные не поймут» (24, с. 136). Внешняя характеристика события не раскрывает всей его сути: содержание события не укладывается в строгие рамки и представляет средоточие противоречий. Поэтому официальное расследование преступления не соответствует внутренней логике событий, фактов, которые в подавляющем большинстве обладают многозначностью и не поддаются однозначной классификации.

⁴³⁸ Больше благородства, чем искренности (фр.).

Обращает на себя внимание двойная тональность в описании адвокатуры в «Дневнике писателя» и судебного процесса в «Братьях Карамазовых». Так, в «Дневнике» писатель декларирует позицию несведущего в юридических делах человека: «Заранее краснею за наивность моих вопросов и предположений. Ведь слишком уж было бы наивно и невинно с моей стороны распространяться, например, о том, какое полезное и приятное учреждение адвокатура» (22, с. 52). Однако рассуждая о таланте адвоката, Достоевский обнажает противоречивость самого института адвокатуры. И тут уже не до иронии: «Я, главное, желаю теперь лишь указать в некоторой подробности на речь адвоката-защитника в суде, чтобы яснее обозначить — в какое фальшивое и нелепое положение может быть поставлен иной известный, талантливый и честный человек, единственно лишь фальшью первоначальной постановки самого дела» (22, с. 51).

Талант оратора-лиры, к типу которого Достоевский относит и адвокатов, приводит ко лжи: «Господа, всё, что я здесь говорю об этой отзывчивости, почти вовсе не пустяки <...> чрезвычайно трудно остаться честным человеком иногда именно через эту самую излишнюю и разбалованную “отзывчивость”, принуждающую нас лгать беспрерывно» (22, с. 55).

В «Братьях Карамазовых» рассказчик ведет повествование, извиняясь за свое неумение передать так, как следовало бы, весь ход судебного процесса: «Скажу вперед, и скажу с настойчивостью: я далеко не считаю себя в силах передать все то, что произошло на суде, и не только в надлежащей полноте, но и даже в надлежащем порядке» (15, с. 89). Но по мере развития картины суда «горожанин-повествователь становится почти совсем ненужным автору, ибо рознь между содержанием дела братьев Карамазовых и его судебной формой начинает означаться совсем явственно»⁴³⁹. Так, в рассказе о суде начинают звучать два голоса — жителя захолустного городка, которому довелось быть очевидцем суда, и автора философского романа, для которого уголовное дело лишь бледная и ложная интерпретация нравственных метаний его героев. Писатель оттеняет поверхностный взгляд горожанина, как бы заставляя читателя иронически воспринимать его, чтобы в момент судебного словопрения обнажить никчемность судебной (внешней) развязки дела.

Двойная тональность повествования подчеркивается и двойным названием глав, ироничным и двусмысленным. В «Дневнике писателя» — это «Речь г-н Спасовича. Ловкие приемы», «Ягодки». В «Братьях Карамазовых» — «Медицинская экспертиза и один фунт орехов», «Трактат о Смердякове», «Психология на всех парах. Скачущая тройка. Финал речи прокурора», «Речь защитника. Палка о двух концах», «Прелюбодей мысли».

Наряду с этими есть названия и другого плана: «По поводу дела Кроненберга» — в «Дневнике» и «Роковой день», «Опасные свидетели», «Счастье улыбается Мите», «Внезапная катастрофа» — в романе. Наличие двух планов свидетельствует о диалогичности, которая обнаруживается и в «Дневнике писателя», и в

«Братьях Карамазовых». Е.А. Акелькина отмечает описательность и длину названий, данных в ироническом ключе, у тех глав «Дневника писателя», где преобладает материал, непосредственно связанный с «текущим». Там же, где автор «Дневника» напрямую выводит читателя к вековечному, родовому, дает предельно обобщенный масштаб восприятия, в названиях глав преобладает простота и серьезность⁴⁴⁰.

И в «Дневнике писателя», и в «Братьях Карамазовых» часты отсылки непосредственно к речи самих представителей правосудия. При этом соблюдается один и тот же принцип компоновки материала: комментарий и цитация. В «Дневнике писателя» читаем: «Впрочем, опять-таки я вижу, что я не юрист и всего этого не сумею выразить, а потому лучше обращусь прямо к речи защитника: в ней все эти недоразумения чрезвычайно ярко и сами собой выставились» (22, с. 51). Затем рассказ идет непосредственно о Спасовиче и приводятся дословные отрывки из его речи. В романе же сказано: «...я не намерен описывать все допросы <...> мое описание вышло бы отчасти и лишним, потому что в речах прокурора и защитника, когда приступили к прениям, весь ход и смысл всех данных и выслушанных показаний были сведены как бы в одну точку с ярким и характерным освещением, а эти две замечательные речи я, по крайней мере местами, записал в полноте и передам в свое время...» (15, с. 95).

Вопросы российского судопроизводства Достоевский «пропускал» через собственную душу, через печальный опыт участника кружка Петрашевского, обвиненного в попытке государственного переворота, лишеного всех прав, сосланного на каторгу, а затем некоторое время тянувшего лямку рядового солдата... После возвращения в большую литературу он неизменно искал ответ на вопрос о том, что толкает человека на преступление, какие социальные обстоятельства и внутренние причины, коренящиеся в человеческой природе, являются основаниями для преступления закона — государственного и человеческого. Может быть, именно поэтому многие судьбы подсудимых (и приговоренных к наказанию) Достоевский принимал близко к сердцу, писал о них страстно и эмоционально, доказывал свою позицию, которая не всегда совпадала с официальным приговором. В этой связи следует упомянуть о деле Корниловой. О нем Достоевский рассказал в «Дневнике писателя» за 1876 год (главы «Простое, но мудреное дело», «Опять о простом, но мудреном деле») и в выпусках «Дневника» за 1877 год («Освобождение подсудимой Корниловой»).

Напомним суть дела: крестьянка Екатерина Корнилова (ей было 20 лет), будучи замужем, вздумала отомстить мужу и выбросила из окна свою шестилетнюю падчерицу. Девочка, по счастливой случайности, осталась целой и невредимой.

Еще в майском выпуске, анализируя другие дела, писатель упоминал про Корнилову, отмечая странность ее поступка: «...поступок этого изверга-мачехи слишком уж странен и, может быть, в самом деле должен потребовать тонкого и

⁴³⁹Зунделович Я.О. Указ. изд. — С. 231.

⁴⁴⁰Акелькина Е. А. Трансформация жанра притчи в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского за 1876 год // Проблемы литературных жанров: Мат-лы второй научной межвузовской конференции. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. — С. 75.

глубокого разбора, который мог бы даже послужить к облегчению преступницы» (23, с. 19). В главе «Простое, но мудреное дело» в «Дневнике» за октябрь 1876 года он продолжает эту мысль: «Одним словом, история <...> по-видимому, представляется довольно простою и ясною... С этой точки, то есть с точки «простоты», взглянул на дело и суд, и тоже самым простейшим образом присудил Екатерину Корнилову <...> сослать в каторжные работы на два года и восемь месяцев, а по окончании работ сослать в Сибирь навсегда» (23, 136).

Достоевский противопоставляет решению суда свою точку зрения на совершившиеся события, замечая, что это дело не столь просто, как оно показалось присяжным. Писатель открывает в событии внутренний, сокровенный смысл, которого и не заметил суд, ограничившись простым рассмотрением внешней стороны дела и признав Корнилову виновной.

На страницах «Дневника» писатель пытается открыть «правду истинную», которая таится в глубине человеческих связей и особом отношении к человеку, преступившему закон. Напомним, что еще в «Дневнике» за 1873 год (глава «Среда») Достоевский писал: «Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые; таких идей много как бы слитых с душой человека <...> к числу таких сокрытых в русском народе идей – идей русского народа – и принадлежит название преступления несчастием, преступников – несчастными, идея эта чисто русская. Ни в одном европейском народе ее не замечалось <...> нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником» (21, с. 17-18). Достоевский как бы прогнозирует дальнейшее развитие отношений Корниловой и ее мужа: он будет посещать ее в острожной больнице, проведывать родившегося ребенка, вместе с девочкой, которую Корнилова выбросила из окна: «...и будут они сходиться и говорить все об делах самых простых и насущных <...> Самое трагическое будет то, что завоюют, может быть, в голос, когда будут прощаться на железной дороге, в последнюю минуту, между вторым и третьим звонком <...> а они наверно поклонятся оба, каждый в свою очередь, друг другу в ноги: «прости, дескать, матушка Катерина Прокофьевна, не помяни лихом»; а та ему: «прости и ты меня, батюшка Василий Иванович (или как там его), виновата я перед тобой, вина моя великая...» А тут еще грудной младенец заголосит...» (23, с. 141).

Посещение Корниловой в остроге дает Достоевскому возможность подтвердить правоту такого «додумывания»: «Муж действительно приходил и приходит, действительно оба плачут, горюют друг над другом, прощаются и прощают» (24, с. 38).

Суд подошел к этому делу как предельно простому: есть преступление, есть сознавшаяся преступница (напомним, что Корнилова сама на себя заявила в полицию), приговор вполне ясен. Но Достоевский почувствовал «фантастичность» этой простой истории и мотивировал поведение Корниловой контекстом народного миропонимания и национальными чувствами читателей – даром их великодушия. А

затем в апреле 1877 года Достоевский сообщил читателям, что повторный суд вынес оправдательный приговор Екатерине Корниловой.

Право воспринималось Достоевским не только в смысле социально-регулятивных его возможностей, но и со стороны соответствия его глубине человека. «В человеке, кроме гражданина, есть и лицо, — писал Достоевский в рабочей тетради. — Судья судит гражданина и иногда совсем не видит лица. А потому всегда возможно впечатление этого невидимого лица, которое остается только с ним, и судья ничего в нем не увидит. Даже закон не предусмотрит всех тонкостей. Есть преступления и впечатления, которые не подлежат земному суду. Единый суд — моя совесть, то есть судящий во мне Бог, а это совсем уже другое»⁴⁴¹.

§ 10. Механизм формирования мирового суда в России второй половины XIX – начала XX века⁴⁴²

С уничтожением крепостного права, вследствие признанной необходимости отделить судебную власть от административной и изъять из ведомства полиции все судебные дела, потребовалось создать в России систему местных судов⁴⁴³. К ним относились, согласно общепринятой версии, мировые и крестьянские суды. Заметим, что в последнее время появилось интересное мнение С.В. Лонской, предлагающей рассматривать мировые и крестьянские суды как элементы мировой юстиции в ее классическом варианте⁴⁴⁴.

Мировой суд составлял самостоятельную подсистему в судоустройстве Российской империи. Авторы судебной реформы выступили сторонниками патриархального подхода, в результате мировой суд родился как суд ограниченной юрисдикции, суд по малозначительным делам, основную задачу которого составляло примирение сторон⁴⁴⁵. Мировые суды специализировались на разборе незначительных уголовных и гражданских споров, возникавших из повседневных отношений жителей конкретной местности⁴⁴⁶. Первую инстанцию мировой юстиции составляли единоличные участковые мировые судьи. Кроме них в мировом округе

⁴⁴¹Неизданный Достоевский. — М.: Наука, 1971. — С. 402.

⁴⁴² Данный параграф выполнен П.В. Захаровой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00754 «Кадровое обеспечение судейского корпуса в России: исторические традиции и современные механизмы реализации».

⁴⁴³ См.: Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов, 1999. С. 108.

⁴⁴⁴ См.: Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование: автореф. дис. ... д.ю.н. СПб., 2016. С. 14, 37-39.

⁴⁴⁵ См.: Лонская С.В. Указ. соч. С. 11.

⁴⁴⁶ В гражданском судопроизводстве они рассматривали преимущественно иски стоимостью не более 500 руб. Уголовно-процессуальный закон относил к подсудности мировых судей все уголовные дела частного обвинения и преступления, за которые следовали выговоры, замечания и внушения, денежные взыскания не более 300 руб., арест на срок не более трех месяцев, заключение в тюрьму на срок не более одного года (см.: Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны (далее – Судебные уставы). Ч. I. СПб., 1867. Ст. 347; Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы. Ч. II. СПб., 1867. Ст. 343).

имелись также почетные мировые судьи⁴⁴⁷. Второй инстанцией являлся съезд мировых судей, представлявший собой периодическое собрание как почетных, так и участковых мировых судей каждого мирового округа. Он выступал в качестве апелляционного суда. Третьей инстанцией – кассационной – был Сенат⁴⁴⁸.

В таком формате мировая юстиция существовала до реформы 1889 г. Необходимость решения крестьянского вопроса заставило правительство пойти по пути введения институтов, аналогичных мировым посредникам, что превращало мировой суд в ненужный орган. В силу этого практически были ликвидированы участковые мировые судьи⁴⁴⁹. Они продолжали действовать только в столицах и крупных городах⁴⁵⁰. Вместо участковых мировых судей вводились новые органы, различавшиеся по своим функциям. Одни из них являлись исключительно судебными – это были городской судья и уездный член окружного суда⁴⁵¹. Кстати, указанные новые должности иллюстрируют сближение пусть в ограниченном варианте коронной и мировой юстиции, к чему вскоре после судебной реформы 1864 г. стали призывать специалисты⁴⁵². Другие – земские участковые начальники, уездные съезды и губернские присутствия – представляли собой административно-судебные органы⁴⁵³.

Следующая реформа мирового суда состоялась в 1912 г., в результате которой были ликвидированы все органы, созданные в 1889 г., а вместо них вновь введены участковые мировые судьи. Они должны были действовать как в городах, так и в уездах, составлявших мировой округ. Последние делились на мировые участки, в каждом из которых состоял участковый мировой судья. Кроме участковых мировых судей, существовали еще добавочные и почетные мировые судьи⁴⁵⁴. Расширилась подведомственность мировых судей⁴⁵⁵. Апелляционной инстанцией для мировых

⁴⁴⁷ Почетные мировые судьи привлекались к осуществлению правосудия только в тех случаях, когда стороны сами обращались к ним с соответствующей просьбой. Кроме того, почетные мировые судьи могли замещать участковых мировых судей и участвовать в работе окружного суда, восполняя недостаток его членов.

⁴⁴⁸ См.: Учреждение судебных установлений // Судебные уставы. Ч. III. СПб., 1867. Ст. 12–18, 42–63.

⁴⁴⁹ См.: ПСЗ-III. Т. IX. № 6483.

⁴⁵⁰ Подсчитано по: Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части (далее – Комиссия). Подготовительные материалы. Т. II. СПб., 1894. С. 22–23; Обнинский П. Еще о мировом институте // Юридический вестник. 1888. Кн. 5. С. 111.

⁴⁵¹ См.: Правила об устройстве судебной части и производстве судебных дел в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках // Сборник узаконений о крестьянских и судебных учреждениях... Раздел I. Ст. 4.

⁴⁵² См., например: Анциферов К.Д. К вопросу о реформе нашего мирового суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 2. С. 79–92.

⁴⁵³ См.: Положения о земских участковых начальниках // Сборник узаконений о крестьянских и судебных учреждениях, образованных по закону 12 июля 1889 г. Ч. I. СПб., 1901. Ст. 6, 10.

⁴⁵⁴ Добавочные мировые судьи назначались мировым съездом для замещения участковых в предусмотренных законом случаях. Почетные мировые судьи, как и раньше, могли отправлять судебные функции в пределах всего округа при условии, «когда обе стороны обратятся к его посредничеству (см.: ПСЗ-III. Т. XXXII. № 37328).

⁴⁵⁵ Ядро компетенции мировых судей составляли теперь споры с ценой иска до 1 тыс. руб., преступные деяния, за которые предусматривались следующие наказания: «1) выговоры, замечания и внушения; 2) денежные взыскания и пени не свыше тысячи рублей; 3) арест; 4) заключение в тюрьме, не соединенное с лишением всех особенных или некоторых, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ».

судей по-прежнему был съезд мировых судей, но теперь он представлял собой собрание почетных, участковых и добавочных мировых судей мирового округа. Кассационной инстанцией для мировых судей оставался Сенат.

Итак, в систему мировых судов входили мировые судьи (почетные, участковые и добавочные) и съезды мировых судей (мировые съезды). Особенности компетенции мирового суда предопределили использование так называемого «суммарного» процесса, отличавшегося упрощенным характером процедуры рассмотрения уголовных и гражданских дел. По большому счету мировой судья должен был склонять стороны к миру. Авторы судебных уставов прямо говорили, что мировые судьи и их съезды учреждаются «в качестве местного суда для дел меньшей важности, по возможности близкого к нуждающимся в том жителям» и его «главнейшая задача и высшее качество его правосудия – примирение»⁴⁵⁶. В силу этого мировой суд должен был решать споры не только на основе закона, но и «по совести»⁴⁵⁷.

Такая, как пишет С.В. Лонская, патриархальная концепция мирового суда, как «хранителя мира»⁴⁵⁸, предполагала особую конструкцию механизма формирования кадрового состава мировых судов, поскольку нужно было обеспечить одновременно и приемлемый уровень профессионализма, и доверие со стороны населения. Первым элементом данного механизма выступала цензовая система. Кандидат в мировые судьи должен был быть местным жителем не моложе 25 лет. Предельный возраст не устанавливался. Земским собраниям рекомендовалось избирать мировых судей только из жителей соответствующего уезда. Но признание лица местным жителем зависело исключительно от усмотрения уездного земского собрания⁴⁵⁹. Они могли принять во внимание различные обстоятельства, например, факт проживания кандидата в уезде или наличие у него в уезде недвижимой собственности и др. Главное, чтобы мировой судья не стал «чужеродным населению чиновником»⁴⁶⁰.

Предусматривался образовательный ценз: мировыми судьями могли избираться лица, которые имели высшее или среднее образование. Альтернативой образовательному цензу выступал наличие практического опыта в сфере отправления правосудия, который одни авторы определяют как служебный, другие – как ценз опытности⁴⁶¹: к выборам допускались лица, которые не имели указанного образования, но прослужили не менее трех лет на должностях, позволявших приобрести практические знания, умения и навыки в сфере правосудия⁴⁶².

Для мировых судей вводился имущественный ценз. Кандидат на должность мирового судьи мог быть избран, только если он, его родители или жена владели земельным наделом (в разных регионах действовали различные минимальные

⁴⁵⁶ Учреждение судебных установлений. С. 24, 31.

⁴⁵⁷ Устав гражданского судопроизводства. Ст. 129.

⁴⁵⁸ Лонская С.В. Указ. соч. С. 32–33.

⁴⁵⁹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. СПб., 1996. С. 305.

⁴⁶⁰ Коц Е.С. Местный суд и его реформа. СПб., 1913. С. 18.

⁴⁶¹ См., например: Щедрина Ю.В. Суды российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Курск, 2007. С. 23; Попова А.Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации. М., 2009. С. 168.

⁴⁶² См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 19.

нормативы) или недвижимым имуществом стоимостью не менее 15 тыс. руб. (для сельской местности), а в городах – от 3 до 6 тыс. руб. в зависимости от того речь шла о провинциальном городе или столице. Данное условие по замыслу законодателя должно было гарантировать, во-первых, понимание местных условий, во-вторых, заинтересованность в поддержании общего порядка и спокойствия, в-третьих, материальную независимость судей.

Авторы судебных уставов считали, что мировой судья должен быть честным и иметь безукоризненную репутацию. По этой причине должность судьи не могли занимать лица, «исключенные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат», объявленные несостоятельными должниками, состоящие под опекой за расточительность. Права быть избранным мировым судьей лишались и лица, привлеченные к уголовной ответственности, а также осужденные за преступления, караемые заключением в тюрьму или иным более строгим наказанием⁴⁶³. Запрещалось избирать в мировые судьи священно- и церковнослужителей. В данном случае стремились избежать конфликта статусов: мировому судье-священнику «могли быть подведомственны прежние исповедники его, которых он по этой должности, обязан был бы, по известным ему о преступных их действиях, преследовать и привлекать к ответственности»⁴⁶⁴. Хотя в законе прямо не оговаривался ценз подданства, но на практике на должность мировых судей допускались только русские подданные⁴⁶⁵. Исключалось замещение судейской должности женщинами.

Итак, авторы судебных уставов сочли необязательным для мировых судей специальное образование (ограничившись требованием высшего или среднего образования), а более важным – доверие со стороны населения и знание местных обычаев. Отсюда проистекал приоритет требования связи с местностью и населением, где предстояло осуществлять правосудие. Остальные цензы, вполне традиционные для своего времени, выполняли субсидиарную, скорее корректирующую функцию. Это доказывает тот факт, что земскому собранию предоставлялось право избрать на должность мирового судьи кандидата, который не соответствовал в полной мере основным цензам, предусмотренных в Учреждении судебных установлений. Правда это допускалось только в том случае, если кандидат имел бесспорное уважение и доверие, что доказывалось в первую очередь единогласным голосованием гласных земского собрания.

В ходе реформы местного суда 1912 г. мировая юстиция была вновь реформирована. Ревизии подверглись все нормы, связанные и с общим устройством мирового суда, и с судопроизводством, и с судебным управлением. Не стала исключением система цензов, претерпевшая корректировки в направлении расширения

доступа лицам, имевшим юридическую компетенцию. Указанное стремление нашло отражение в ужесточении образовательного ценза: теперь трехлетняя служба не заменяла, а дополняла среднее образование, заменить же образовательный ценз могла лишь служба вдвое более продолжительная и на четко оговоренных должностях, которые потенциально давали опыт правовой работы: предводителя дворянства, секретаря мирового съезда, земского участкового начальства, секретаря уездного съезда. Только наличие высшего образования, по новому закону, не предполагало дополнения службой. При избрании в почетные мировые судьи, работа которых не оплачивалась, для лица со средним образованием предыдущая служба не являлась условием замещения должности.

Признание приоритета компетентности повлекло снижение вдвое имущественного ценза. К этому времени уже получила распространение идея отказа от имущественного ценза для кандидатов с высшим юридическим образованием⁴⁶⁶. Однако на такой радикальный шаг законодатель не пошел. Для лиц с высшим юридическим образованием имущественный ценз сокращался в половину. Закон допускал избрание на должность мировых судей лиц с высшим юридическим образованием и без необходимого недвижимого имущества, но они должны были не менее трех лет либо прослужить земским участковым начальником, либо «занимать должности по судебному ведомству не ниже мирового или городского судьи, судебного следователя, товарища прокурора окружного суда», либо иметь статус присяжного поверенного, нотариуса или старшего кандидата на судебные должности⁴⁶⁷.

Изменения коснулись морального ценза. Их суть в дополнении списка негативных условий, которые препятствовали избранию на должность мировых судей. В законе появился запрет на доступ к указанной должности присяжных поверенных их помощников, исключенных из корпорации, частных поверенных, лишенных адвокатского статуса, судей, уволенных с должности за правонарушения. В последнем случае их запрещалось избирать в течение трех лет с момента постановления об увольнении⁴⁶⁸. Наконец, отметим появление нового ценза: закон от 15 июня 1912 г. запретил евреям занимать должности мировых судей. Видимо здесь имеются в виду лица иудейского вероисповедания⁴⁶⁹.

Теперь перейдем к порядку проверки соответствия кандидата установленным требованиям и наделения их соответствующими полномочиями. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. правовое регулирование указанного института обеспечивало достаточно тесную связь мирового суда с земствами. Поэтому был сделан выбор в пользу выборного порядка: мировые судьи избирались земскими собраниями⁴⁷⁰, что, видимо, рассматривалось как еще одно средство

⁴⁶³ Там же. Ст. 21.

⁴⁶⁴ Цит. по: Захаров В.В., Савельева М.А. Эволюция цензовой системы в структуре механизма формирования корпуса мировых судей в России во второй половине XIX – начале XX в. // Мировой судья. 2011. № 1. С. 23.

⁴⁶⁵ См., например: Решения общего собрания кассационных департаментов Сената за 1881 г. № 2.

⁴⁶⁶ См. подробнее: Записка Петербургского столичного мирового съезда о желательных изменениях в действующем судебном строе // Комиссия. Подготовительные материалы. Т. VII. С. 300–307; Немытина М.В. Указ. соч. С. 221–244.

⁴⁶⁷ См.: ПСЗ-III. Т. XXXII. № 37328.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 24.

рекрутирования кандидатов, облеченных доверием населения и одновременно способ легитимации их в глазах последнего.

По общему правилу выборы мировых судей осуществлялось по уездам и находилось в ведении уездных земских собраний, а в Петербурге и Москве возлагались на городские думы. Порядок избрания предполагал следующие действия. За три месяца до выборов уездным предводителем дворянства по соглашению с городским головой и местными мировыми судьями составлялся список лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи по конкретному мировому округу, в который включали, во-первых, всех действовавших почетных и участковых мировых судей, во-вторых, всех других лиц, которые числились по уезду и соответствовали установленным требованиям на должность мирового судьи. Этот список представлялся губернатору и публиковался (за два месяца до выборов) в официальном местном издании – губернских ведомостях. Губернатор, как представитель власти, мог сообщить уездному земскому собранию свои замечания по поводу соответствия указанных лиц действовавшим требованиям и обоснованности их включения в список. Публикация открывала окно возможности для общественности высказаться по поводу обоснованности включения тех или иных лиц в список или вообще его полноты, а сами потенциальные кандидаты могли подать заявление о нежелании быть избранными в мировые судьи.

Выборы начинались с рассмотрения замечаний, жалоб и заявлений по поводу списка кандидатов. Затем, определив число участковых мировых судей, в собрании зачитывался окончательный список лиц, имевших право на занятие должности мирового судьи, и собрание приступало к выборам. Участковые и почетные мировые судьи избирались по отдельным спискам. Избранными считались кандидаты, получившие большинство голосов. По окончании выборов почетные и участковые мировые судьи распределяли между участковыми мировыми судьями мировые участки, избирали председателя мирового съезда. Затем председатель земского собрания объявлял имена лиц, избранных на следующее трехлетие почетными и участковыми мировыми судьями. Вновь избранные лица принимали присягу и допускались к осуществлению полномочий.

В том случае, если не хватало лиц для замещения всех должностей участковых мировых судей, то недостающие судьи назначались до следующих выборов Сенатом (это полномочие закреплялось за его Первым департаментом) по представлению министра юстиции. Отметим, что в этом случае в обязательном порядке учитывались возрастной и образовательный ценз. Любопытно, что Сенат не стремился всегда реализовать указанное полномочие, а учитывая конкретные обстоятельства мог предложить провести дополнительные выборы⁴⁷¹.

Учреждение судебных установлений предусмотрело возможности административного вмешательства в выборы мировых судей. Помимо губернатора, возможности влияния которого расширились после 29 сентября 1879 г., когда земства

обязали передавать списки избранных мировых судей губернатору, а он мог представлять в Сенат замечания о моральном облике и политической благонадежности избранных судей⁴⁷², в этом действии участвовал Первый департамент Сената, утверждавший списки мировых судей и рассматривавший жалобы на процедуру их выборов мировых судей⁴⁷³. Исследования показывают, что Сенат не утверждал избранных судей чаще всего в случае отсутствия подробных сведений о кандидате или нарушения процедуры выборов. Как правило не подлежали утверждению и те мировые судьи, против внесения кандидатур которых высказывался губернатор⁴⁷⁴. Заметим, что Сенат в случае выбора указанных вариантов оказывался в сложном положении, ведь сразу после выборов мировые судьи приступали к исполнению своих обязанностей, а их утверждение могло затянуться на годы.

Авторы судебной реформы, изучившие как отечественный дореформенный опыт, так и практику других государств, без сомнения представляли ключевые недостатки выборного способа: 1) он не обеспечивал качественного состава судей; 2) он ставил судей в зависимость от избирателей. Реформаторы рассчитывали компенсировать потенциальные негативные последствия введением некоторых цензов, в первую очередь образовательного и имущественного. Исследования показывают, что достичь искомого результата в полной мере не удалось⁴⁷⁵. Современники констатировали зависимость мировых судей от земских собраний⁴⁷⁶. Эту точку зрения разделяли и сами судьи. Как ярко свидетельствовал один из них, мировой судья «первый год своей службы учится, второй год судит, а третий... думает о том, выберут ли его вновь»⁴⁷⁷. Именно этим объясняется постепенное сужение выборного начала назначением: к 1897 г. действовало 188 выборных участковых мировых судей и 884 – назначенных⁴⁷⁸. Такое соотношение стало следствием того, что в ряде регионов использовалось назначение мировых судей. Практически во всех окраинах страны мировые судьи назначались администрацией. Это было связано в одних случаях с политической обстановкой (например, в девяти западных губерниях, Польше, Кавказском крае), в других – с отсутствием земств (например, в Астраханской или Оренбургской губерниях)⁴⁷⁹.

По закону 1912 г. было восстановлено выборное начало в формировании корпуса мировых судей. Законодатель вынужден был признать, что избрание мировых судей с практической точки зрения более предпочтительно, нежели назначение: не

⁴⁷¹ См.: Буйских О.В. Судебная реформа в Вятской губернии (60-80-е гг. XIX в.): автореф. ... канд. ист. наук. Киров, 2000. С. 18; Щедрина Ю.В. Указ. соч. С. 97.

⁴⁷² См.: ПСЗ-П. Т. LIV. № 60045.

⁴⁷³ Там же. Ст. 24-40.

⁴⁷⁴ См.: Щедрина Ю.В. Указ. соч. С. 103.

⁴⁷⁵ См. указанные работы: Захарова В.В., Лонской С.В., Савельевой М.А., Щедриной Ю.В. и др.

⁴⁷⁶ См.: Отзывы представителей административной власти о состоянии судебной части // Комиссия. Подготовительные материалы. Т. X. С. 1-17; Отчет о состоянии Курской губернии за 1885 г. Курск, 1886. С. 16; Генкен Д.М. Указ. соч. С. 4.

⁴⁷⁷ Журналы Совещаний Курского губернского совещания по пересмотру законоположений о крестьянах. С. 27.

⁴⁷⁸ См.: Лонская С.В. Указ. соч. С. 38.

⁴⁷⁹ См.: ПСЗ-П. Т. L. № 54401; Т. LIII. № 58457; Т. XLI. № 43880; ПСЗ-III. Т. III. № 1522; Т. XLVI. № 49750.

создает лишних трений между обществом и властью, позволяет сменять недостойных, устанавливает ответственность общества за избранных судей⁴⁸⁰. Мировые судьи по-прежнему избирались земскими собраниями, но сам порядок был скорректирован. Список лиц, имевших право быть избранными в мировые судьи, составлялся за три месяца уездным предводителем дворянства по соглашению с городским головой и съездом мировых судей. В тех местностях, где действовали земства, но отсутствовало дворянские самоуправление, список кандидатов составлял председатель уездной земской управы. Согласно закону, в список вносились, во-первых, все «не утратившие ценза» мировые судьи, во-вторых, другие лица, которые владели полным имущественным цензом, соответствовали требованиям по должности мирового судьи и заявившие желание избираться на указанную должность. В остальном закон 15 июня 1912 г. сохранил прежнем формате порядок избрания мировых судей.

Обратим внимание, что в ряде губерний (Астраханская, Оренбургская, Ставропольская, западные) отказались от выборного начала и мировые судьи назначались министром юстиции преимущественно из числа местных жителей. Выборный порядок теперь не применялся к должности председателя съезда мировых судей. Практически везде они назначались императором по представлению министра юстиции либо из числа лиц, которые соответствовали требованиям по должности не ниже члена окружного суда, либо из числа участковых мировых судей, прослуживших в этой должности не менее трех лет. Только в Петербурге, Москве, Харькове, Саратове, Кишиневе, Одессе и Казани председатель мирового съезда избирался на три года мировыми судьями⁴⁸¹. Данная новелла отражает эволюцию статуса мирового съезда, который первоначально не задумывался как постоянно действующий орган, но в итоге фактически стал таковым.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. механизм отбора и наделения полномочиями мировых судей сохранил целевую ориентацию: он должен был обеспечить замещение указанных должностей лицами, разбиравшимися в местных условиях и пользовавшимся доверием местного населения. Однако расширение компетенции, что в свою очередь предполагало широкое использование писанного права и отражало усложнение правовых отношений, повлекло за собой усиление цензов, направленных на обеспечение требований профессиональной подготовки. В итоге, как отмечают специалисты, качественной характеристикой корпуса мировых судей в дореволюционной России был ярко выраженный полупрофессионализм⁴⁸².

⁴⁸⁰ См.: Лонская С.В. Указ. соч. С. 38.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Лонская С.В. Мировые судьи дореволюционной России: опыт профессионального портрета // Правоведение. 2009. № 2. С. 222; Она же. Указ. соч. С. 37.

§ 11. Проблемы эффективности правового регулирования семейных отношений в дореволюционной России⁴⁸³

Для оценки эффективности правового регулирования в сфере семейных правоотношений историческому анализу подверглись нормативно правовые документы за период XVIII–XIX веков. Для изучения данного вопроса создавались целевые комиссии, в состав которых входили практикующие юристы и специалисты в области истории права, которые систематизировали российское законодательство в области семейных правоотношений. Были изучены все нормативно-правовые акты, регулирующие правовые отношения в семейной сфере. Целью данной работы была модернизация существующего законодательства для его соответствия текущим социально-экономическим условиям.

Габриэль Феликсович Шершеневич, русский юрист-цивилист, отмечал, что семейное право является одним из самых слабых мест гражданского права в Российской Империи. Шершеневич писал о таких недостатках как: отсутствие системности, чётких и ясных юридических формулировок, а также об абсолютном догматизме во мнениях на развитие законодательства в области семейных правоотношений⁴⁸⁴.

Изучая историю развития семейных отношений, можно прийти к выводу, что в дореволюционной России периода XVIII начала XIX веков светская власть не вмешивалась в регулирование семейных отношений. В регулировании семейных отношений преобладали обычаи и нормы⁴⁸⁵.

Церковными нормами регулировался порядок заключения и расторжения брака. Запись о заключении и расторжении брака вносилась в метрические книги⁴⁸⁶. Так же предметом регулирования было поведение мужчины и женщины в браке.

Один из постулатов, регулирующих сферу семейных правоотношений, заключался в том, что заключение брачного союза не должно было влиять на веру супругов.

Существовала в церковном праве санкция, запрещающая заключать браки христиан с нехристианами Т.Х, ч.1, ст.79⁴⁸⁷, но и из этого правила было исключение: если брак заключался в неверии, а после один из супругов крестился, брак признавался возможным, так как церковное руководство трактовало данное действие как то, что неверующий может приобщиться к православной вере⁴⁸⁸.

⁴⁸³ Данный параграф выполнен Л.А. Кадыровой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

⁴⁸⁴ Антокольская М. В. Правовая природа брака: к истории вопроса // Сборник научных трудов, посвященный памяти В. А. Рясенцева. М.: ООО «Галактика», 1995. С. 84–92.

⁴⁸⁵ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство XX веков. Т 7: Документы крестьянской реформы. М., 1989. С.59

⁴⁸⁶ Закон об актах состояний // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. —Т. 9.— 572 с. 308.

⁴⁸⁷ Законы о правах и обязанностях семейственных // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. —Т. 10. —Ч. 1. —604 с. 16.

⁴⁸⁸ Нижник, Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории / Н. С. Нижник. – СПб. Пресс, 2006. – 272 с.

К проблеме противоречий источников канонического права, регулирующих брачно-семейные отношения, добавлялись проблемы квалификации церковнослужителей.

Священство в Российской Империи было в большой степени безграмотно, плохо подготовлено к исполнению своих обязанностей и не всегда имело представление об условиях, препятствующих заключению брака.

Оплатить церковную процедуру венчания мог не каждый, поэтому большое число населения официально брак не заключало. Частой практикой среди священнослужителей было то, что за определенное вознаграждение можно было заключить брак, который противоречил нормам канонического права⁴⁸⁹.

Нужно отметить, что за нарушение церковных норм при заключении брака на виновных можно было наложить наказание в виде денежного эквивалента и епитимьи⁴⁹⁰.

Церковь не принимала и не признавала законными браки, заключённые по раскольническому обряду, однако такие браки признавались государством с поправкой на то, что православные не заключали брак со староверами.

В середине XIX века на территории Российской Империи было очень много старообрядцев, среди которых были богатые промышленники. Государство не могло игнорировать брачно-семейные отношения староверов, так как они стали оказывать большое влияние на развитие экономики страны⁴⁹¹.

Было принято решение узаконить правовое регулирование семейных отношений староверов. В 1874 году была определена процедура заключения брака между староверами. Оно позволило уточнить субъективный состав участников гражданских правоотношений раскольников.

Старообрядцы, которые хотели заключить брак, должны были обратиться с разрешением к полицейскому начальству и представить двух людей, которые выступали поручителями в данном браке. Нужно отметить, что строгость канонических норм обходили и лица православной веры.

Официально расторгнуть брак было очень сложно, поэтому среди супругов практиковалась раздельное сожительство по взаимному согласию. При необходимости священнослужитель мог оформить развод без соблюдения норм канонического права. Данная практика была распространена среди дворян-земледельцев, так как данная категория лиц являлась спонсорами местного духовенства. Именно поэтому многие священники предпочитали пренебречь буквой закона, чем потерять прихожан, которые оказывали материальную помощь духовенству.

Кроме норм канонического права, брачно-семейные отношения регулировались правом обычая⁴⁹². Мировые суды при разрешении семейных споров могли ссылаться на обычай.

⁴⁸⁹ Мейер Д.И. Русское гражданское право: под изд. 1902.: В 2 т. -Т.1-290с.; Т. 2-455с.-М.: Статут, 1998.

⁴⁹⁰ Косарева И.А. Совершенствование российского института расторжения брака и зарубежное бракоразводное законодательство // Юридический мир. -2008. - № 10. - С. 10

⁴⁹¹ Антокольская М. В. Семейное право: Учебник. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2002. — 336 с.

⁴⁹² Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии / Ефименко П.С. – Архангельск: Губ. тип., 1869. – 346 с.

Браки крепостных крестьян устраивались дворянами, которым принадлежали эти крестьяне. Например, брак мог быть заключён между малолетним ребенком и взрослой женщиной. И лишь только в период правления Екатерины II неравные браки были запрещены.

Устанавливался возраст для заключения брака для лиц мужского пола не ранее 18 лет, а для женщин не ранее 16 лет⁴⁹³.

Дворяне часто обращались к духовенству с ходатайством о разрешении заключения брака для крестьян, не достигших брачного возраста. Данное прошение подавалось с хозяйственной целью для увеличения рабочей силы, и духовенство шло просителям на встречу⁴⁹⁴.

Чтобы заключить брак, дворянину-офицеру надо было удостовериться, что в казарме имеется место для его будущей супруги, а также получить разрешение от начальства, которое давало заключение о качествах невесты с точки зрения сословных приличий. Без соблюдения данных условий брак не заключался даже полковым священником.

Расторгнуть официально брак в Российской Империи было ещё сложнее, чем его заключить. До 1917 года за расторжение брака отвечала церковь.

Согласно законодательству того периода, развод мог быть разрешён только Священным Синодом в строго ограниченных случаях. Нужно отметить, что законы Российской Империи были гораздо строже, чем в других европейских странах. Брак мог быть расторгнут только церковным судом по заявлению одного из супругов по основаниям, указанным в законе (в случае доказанного прелюбодеяния, добрачной неспособности к брачному сожитию и в случае, когда один из супругов приговорён к наказанию, сопряжённому с лишением всех прав, а также в случае безвестного отсутствия супруга)⁴⁹⁵.

Для расторжения брака супругам нужно было пройти несколько этапов. Первый включал в себя увещевание (уговаривание) лиц, желающих расторгнуть брак, духовным начальством, которое призывало отказаться от его расторжения. Второй этап включал в себя судебное разбирательство⁴⁹⁶.

На практике, обращаясь в суд, супруги сталкивались с ситуацией, когда бракоразводный процесс затягивался на годы. Это положение дел было связано с судебными и административными формальностями.

Например, чтобы расторгнуть брак в случае прелюбодеяния, нужно было собрать большую доказательственную базу. Лицо, подавшее заявление в духовную консисторию, должно было представить в суд показания двух свидетелей,

⁴⁹³ Законы о правах и обязанностях семейственных//Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. —Т. 10. —Ч. 1. —604 с. 3.

⁴⁹⁴ Оршанский И. Народный суд и народное право (по поводу вопроса о преобразовании волостных судов) // Журнал гражданского и уголовного права. – СПб., 1875. Кн. 3. С. 60–142.

⁴⁹⁵ Оршанский И. Народный суд и народное право (по поводу вопроса о преобразовании волостных судов) // Журнал гражданского и уголовного права. – СПб., 1875. Кн. 3. С. 60–142.

⁴⁹⁶ Судебные уставы // Свод законов Российской империи: в 16 т. Изд. 1912г. – с. 627.

подтверждавших факт супружеской неверности либо доказать факт рождения ребёнка вне брака.

Как мы понимаем, найти очевидцев совершения супружеской измены было практически невозможно. Также суду нужно было представить и другие доказательства (письма ответчика, подтверждающие связь с другим лицом, показания свидетелей, которые могли подтвердить факт развратной жизни противной стороны).

Ещё одним существенным недостатком являлась подсудность рассмотрения дела о расторжении брака⁴⁹⁷.

Например, если истец проживает в Сибири, а ответчик совершил супружескую измену в Санкт-Петербурге, исковое заявление о расторжении брака подавалось в церковный суд Санкт-Петербурга. Истцу необходимо было проехать большое расстояние, чтобы подать исковое заявление, а также собрать доказательства супружеской измены в чужом городе, что было практически невозможно реализовать на практике. Такое положение дел приводило к затягиванию судебного разбирательства на года⁴⁹⁸.

При расторжении брака для лица, которое совершило супружескую измену, наступали определенные последствия. Суд мог вынести виновному наказание в виде тюремного заключения сроком от 3 до 10 месяцев и подвергнуть заключению в тюрьму его партнёра по измене.

Также виновное лицо повторно могло вступить в брак только после церковного покаяния.

Таким образом, одна из главных проблем регулирования брачно-семейных отношений заключалась в том, что различные аспекты семейной жизни контролировались гражданским и каноническим законодательством, что в результате и приводило к противоречиям между правовыми системами.

В дореволюционной России не было единого нормативного правового акта, который регулировал вопросы брака и семьи.

Также стоит упомянуть о том, что в основе регулирования семейных отношений были положены различные религиозные нормы. Лица разных вероисповеданий подпадали под действие различных законов. Вплоть до 1917 года отсутствовало эффективное регулирование брачно-семейных отношений ни со стороны государства, ни со стороны церкви.

Однако, проводя сравнительный анализ канонического норм за период с начала XVIII по конец XIX века можно прийти к выводу, что за этот период наметилась позитивная тенденция в области эффективности регулирования семейных правоотношений. Она заключалась в следующем:

- в постепенном отходе от церковных норм и постепенным приходом к правовому регулированию;

- в конце XIX – начале XX века введение гражданского брака и гражданского развода.

- пересмотр условий вступления в брак увеличение возраста для лиц вступающих в брак

- постепенный отказ от вероисповедных ограничений при вступлении в брак;

- развитие принципа раздельного имущества между супругами⁴⁹⁹.

- защита прав и интересов детей в семье, что видно из дела Кронеберга.

§ 12. Особенности примирения сторон судебными и иными органами правосудия в условиях революции и утверждения советской государственности (1917- конец 20-х годов)

Судебная система и российское правосудие в целом после свержения монархии оказались в состоянии полного развала. Старое законодательство было почти полностью упразднено, судебные органы в спешном порядке реформировались в русле демократизации общества и армии. Временное правительство и представители революционной власти каждые со своей стороны стремились решать возникшие проблемы, понимая их по-своему. В Петрограде, а затем в других регионах, стали формировать временные суды, изменялись военные судебные органы вплоть до введения в них присяжных заседателей и создания, в условиях революционной демократизации и отмены единоначалия, дисциплинарных судов. Шло преобразование Судебных уставов, военно-уголовного законодательства по пути смягчения суровости наказаний, в Министерстве юстиции разрабатывался проект по созданию «Свода законов Российской Республики»⁵⁰⁰. Однако, глубоко продуманной, содержательной и перспективной судебно – правовой политики разработано не было. И здесь сложно усмотреть вину государственных чиновников или представителей революционного законодательства. Слишком резкая смена политической ситуации, молниеносное развитие событий, отсутствие согласия в правительственных и революционных структурах. Нередко решения принимались в обстановке жесткого цейтнота с целью подстроить реформационные решения к стремительно изменяющейся политической ситуации, требованиям революционных масс, армии, различных политических сил. В первые дни марта в Петрограде, Москве царил всеобщая эйфория согласия и братства вызванная надеждами на демократические преобразования в жизни освободившегося от царизма общества. Красные банты на одежде, лозунги свободы, равенства всех сословий, митинги, общенациональные идеи. Но вскоре стало ясно, что антагонизм в отношениях между классами,

⁴⁹⁷ Судебные уставы // Свод законов Российской империи: в 16 т. Изд. 1912г. – с. 606.

⁴⁹⁸ Судебные уставы // Свод законов Российской империи: в 16 т. Изд. 1912г. – с. 627.

⁴⁹⁹ Закон о порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. —Т. 10. —Ч. 1. —604 с. 81.

⁵⁰⁰ См. Загорский Г.И. «Военно-судебные органы Временного правительства России (февраль-октябрь 1917года.) // Вестник военного права №3, 2017.

с условиями не исчез, а наоборот обострился на волне революционных свобод. А в отсутствие действенных правоохранительных структур необходимо было найти новые возможности поддержания социального мира. В самом начале революции армия оказалась в эпицентре событий. В сложнейшей ситуации оказалось русское офицерство после выхода в свет Приказа №1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского округа. Они подвергались репрессиям со стороны солдат, изгонялись из частей, оставаясь без средств к существованию. По оценкам Г.Л. Соболева, за первую декаду марта в частях Петроградского гарнизона на своих местах осталось около половины всех офицеров, бывших на должности до 27 февраля⁵⁰¹. Нередкими были и самосуды на фронте. Поэтому в судьбе офицерского корпуса стали играть определенную роль созданные революцией общественные организации, такие как «Союз офицеров – республиканцев». На страницах своей газеты «Народная армия» они помещают материал о разработке проекта постоянного офицерско-солдатского суда в частях в виде примирительных камер, а до их формирования Союз принял на себя задачу по организации примирительного разбирательства конфликтов, возникших на почве забаллотирования солдатами офицеров в частях. Для этого надо было обратиться в Президиум Союза по адресу: Таврический дворец, 42⁵⁰². Примирительные камеры стали применяться и для разрешения других споров и конфликтов. Так, примирительные камеры оказались востребованными после подписания 10 марта 1917 г. соглашения между Петроградским Советом и Петроградским обществом заводчиков фабрикантов о введении 8-ми часового рабочего дня и ограничении сверхурочных работ⁵⁰³. Сложилась конфликтная ситуация между рабочими и солдатами, оказавшимися в неравном положении, что могло привести к прямому противостоянию. Конфликты между ними возникали и по частным вопросам, для решения которых стороны обращались в примирительные камеры. К примеру, отдельные солдаты запасных батальонов и выздоравливающие после ранений, начали подрабатывать на товарных станциях, на разгрузке дров, в депо и складах, чем создавали конкуренцию среди разнорабочих. Конфликтные ситуации разрешались примирением, с участием представителей сторон. На основе Соглашения от 10 марта в различных отраслях стали формироваться примирительные камеры и образована Центральная примирительная камера, в которых рассматривались спорные вопросы между рабочими и фабрикантами, а также между самими рабочими. Рассматривать факты злоупотреблений и превышения власти должностных лиц части, «улаживать недоразумения между солдатами и офицерами», были призваны и введенные приказом по Военному ведомству № 213 от 16 апреля 1917 г. выборные войсковые организации, к которым относились ротные, полковые и армейские организации⁵⁰⁴. В сентябре 1917 г. в условиях

⁵⁰¹ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л. 1973. С 100.

⁵⁰² Народная Армия, 1917. 19 апреля.

⁵⁰³ См. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. М., 1990. С.470.

⁵⁰⁴ См. Русский инвалид. 1917. 17 апреля.

обострения аграрного вопроса начали функционировать полевые земельные суды с примирительными функциями для рассмотрения споров о земле и возникающих в ходе них беспорядков.

«Примирительная» политика Временного правительства в обстановке «плавающего» законодательства, завершается подготовкой и опубликованием 5 августа 1917 г. Постановления «О примирительных учреждениях», подписанного заместителем Министра Председателя, министром финансов Н.В. Некрасовым. Правительство учреждало примирительные камеры и третейские суды для рассмотрения споров между предпринимателями и рабочими, а также между предпринимателями и служащими, рабочими и служащими. Заявления на имя Комиссара Труда можно было подавать устно или письменно, спор рассматривался публично или при закрытых дверях равным количеством представителей сторон. Для примирения сторон Камера формирует комиссию с равным представительством. При возникновении разногласий вопрос переносится на рассмотрение Третейского суда, а его решение направляется Комиссару Труда⁵⁰⁵. Однако положения данного постановления выполнены не были. Захват большевиками власти привел к утверждению жесткой политики подавления всех непролетарских элементов. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» от 16 января 1918 года, вошедшая в первую советскую Конституцию, ставила магистральную задачу «беспоощадного подавления эксплуататоров»⁵⁰⁶. В условиях кровопролитной и братоубийственной гражданской войны, репрессий, подавляющего бесправия военно-революционных трибуналов, умиротворение, либеральная позиция в отношении классовых врагов, Церкви признавались преступными. Однако, в целях соблюдения объективности, необходимо отметить, что в первые месяцы после Октября, особенно на уровне местных Советов, просматривалась достаточно либеральная тенденция в деле отправления правосудия, так как еще не было по данному вопросу специальных директив ЦК партии. Так, в декабре 1917 г. в Кронштадте начинает работу Суд Общественной Совести, куда вошли представители от Советов, городского самоуправления, бюро профсоюзов, представители от меньшевиков, эсеров и большевиков, а так же три судьи, избранные на демократических выборах 6 октября 1917 г. Предварительное следствие по всем уголовным и гражданским делам проводилось Следственной комиссией при Совете рабочих и Солдатских депутатов⁵⁰⁷. Но уже вскоре карательный механизм начинает набирать обороты. 17 мая 1919 г. ВЦИК издает постановление «О лагерях принудительных работ». Особенно жестокому преследованию подвергаются граждане по политическим мотивам, принадлежности к непролетарским партиям, в которых видели врагов советской государственности. В соответствии с идеологическими установками развивается и советское законодательство, основывающееся на принципах социального антагонизма и классовой, революционной целесообразности. В постановлении НКЮ от 12 декабря 1919 года

⁵⁰⁵ rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011133585/viewer/

⁵⁰⁶ Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1998. С.305.

⁵⁰⁷ Материалы Народного Комиссариата Юстиции, 1918г. С.32.

«Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» прямо указывалось, что интересы трудящихся масс необходимо охранять репрессиями, а при определении меры наказания, учитывать «...совершенно ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу»⁵⁰⁸. Совершенно новые функции возлагаются на судебные органы. Так, в начале 20-х годов ревтрибуналы и суды стали использовать для более полного сбора налогов с населения. В юридической печати утверждается мнение, что их деятельность в этой сфере эффективнее чем аресты, содержание в тюрьмах и даже продотряды. Достаточно несколько сессий ревтрибуналов или нарсуда и «...сбор гужевого и продовольственного налога поднимается до невероятности, ... четыре, пять жертв, а не тысячи, да из состоятельных же – и дело пошло»⁵⁰⁹.

Судебная реформа начала 20-х годов, проводимая на основе Положения ВЦИК «О судеустройстве» 31 октября 1922 г., предполагала тенденцию к смягчению наказания (завершение гражданской войны, строительство нового общества), но на деле менялись лишь лозунги, а репрессии продолжались. Постепенное упразднение ревтрибуналов (необходимость экономии средств), фактически не привело к демократизации судебных процессов. Происходило слияние нарсудов и трибуналов, а во вновь созданных судах доминантой становились бывшие члены ревтрибуналов, отбিরавшиеся исключительно по классовому принципу, в ущерб образованию и опыту судебной работы. Подсудность уголовных дел должна была определяться «...трибунальной подсудностью и сохранялись процессуальные правила, установленные для трибуналов»⁵¹⁰. Крайне резонансно смотрится на фоне классового подхода к деятельности судов слова, напечатанные на обложке сборника «Пять лет Верховного суда 1918-1923», изданного юридическим издательством НКЮ в 1923 году – «Правда и милость да царствует в судах». Опять ложь. В ответ на массовые недовольства рабочих, крестьян вызванные нехваткой продовольствия и средств к существованию, бунты и восстания в ряде городов, 28 марта 1924 г. ЦИК утверждает Постановление о правах ОГПУ проводить высылки, ссылки и заключение в концентрационные лагеря во внесудебном порядке. К сожалению, перечисление репрессивных мер большевиков в области судебной политики и законодательства в условиях социально-экономического кризиса и перехода от войны к миру, можно продолжать. В этот период даже проблеска социального мира заметить было невозможно. Но все же, к середине 20-х годов, в обстановке новых экономических отношений, допускающих известную свободу действий, постепенно меняется юридический статус предпринимателя, кооператора. Объективно возникшая ситуация вынуждала власть мириться (на время, опять обман) с проявлениями экономического неравенства и находить новые пути и способы разрешения споров и конфликтов между гражданами разных социальных групп, непролетарскими элементами города и деревни, государственными и частными организациями в самых различных экономических и социально

⁵⁰⁸ Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Уч. Пособие, – М. Издательство МГУ, 1994, С. 64, 65.

⁵⁰⁹ Ежедневник советской юстиции. 1922, № 26-27, С. 9

⁵¹⁰ Лисицин А. Слияние народных судов и революционных трибуналов // Ежедневник советской юстиции. 1922, № 26-27, С. 1-2.

– правовых сферах. По мнению большевистского руководства, изменение политики было связано и с достижениями советской власти в борьбе с контрреволюцией, что давало возможность изменить репрессивную политику на пути строительства социализма, не забывая о существовании классового противостояния в обществе.

В практике судов все чаще применяется народное, общественное представительство, что в полной мере соответствовало ленинской установке о поголовном привлечении трудящегося населения к отправлению правосудия

При крайней нехватке квалифицированных юристов, к тому же достаточно осведомленных о новом советском законодательстве, во всех уровнях судебной системы, увеличения объема рассматриваемых дел, советская власть начинает формировать обширную сеть народных, товарищеских, дисциплинарных, жактовских и иных судов, в решениях которых стало регулярно применяться мировое соглашение сторон. С подобной практикой мы встречаемся уже в начале 20-х годов при разрешении трудовых споров на основе КЗОТ РСФСР 1922 г. В ст. 168 Кодекс определяет, что «... дела о нарушении законов о труде разрешаются либо в принудительном порядке, ...либо в порядке примирительного разбирательства в расценочно-конфликтных комиссиях, примирительных камерах и третейских судах...»⁵¹¹ (почти как в Положении Временного правительства от 5 августа). В продолжение темы приведем информацию из Ежедневника советской юстиции за 1922 год о рассмотрении особой сессией Саратовского совнарсуда дела о найме домработницы, в отношении которой были нарушены статьи КЗОТ и даже допущено физическое оскорбление со стороны хозяев. Вынесенное наказание в виде 2-х месяцев исправительных работ постановили признать условным «... ввиду прощения потерпевшей»⁵¹².

Со второй половины 20-х гг. при городских и районных советах стали создаваться примирительно-конфликтные комиссии по жилищным делам, деятельность которых определялась рядом постановлений⁵¹³. Решения таких судов в абсолютном большинстве были окончательными и обжалованию не подлежали, за исключением особых случаев по протесту прокуратуры.

Существенные изменения в порядок примирительного рассмотрения дел вносит Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 26 марта 1928 г. На фоне продолжения репрессий в отношении классовых врагов и рецидивистов, предусматривалось смягчение ответственности за незначительные преступления, расширение штрафных санкций, активное применение оправдательных приговоров и применение принудительных работ без содержания под стражей. В целях разгрузки судов от незначительных дел ставилась задача по созданию

⁵¹¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922, №70, Статья 903.

⁵¹² Ежедневник советской юстиции. 1922, №26-27, С.21

⁵¹³ См. Постановление СНК РСФСР от 13 сентября 1926г. «Об упорядочении работы судов в области жилищного дела»; Постановление ВЦИК СНК РСФСР от 7 март 1927 г. «Об организации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам»; Постановление СНК РСФСР « О примирительно-конфликтных комиссиях» от 10 августа 1929 г.

примирительных камер на предприятиях и при сельских советах⁵¹⁴, де должны были рассматриваться и гражданские и уголовные дела. В них выносились как примирительные соглашения, так и решения, по сути. Постепенно они становятся полноценными судебными органами народного представительства. Четкой инструкции о порядке работы примирительных камер, разработано не было. Информацию об их формировании и деятельности можно почерпнуть из юридической печати. Так, выборы членов в примирительные камеры в сельской местности, должны были проводиться на сельских сходах, однако зачастую выборы проходили на собраниях бедноты, что приводило к тому, что даже середняки могли остаться не удел. Ведение заседания было крайне упрощено даже в сравнении с народными судами. Заявления должны были подаваться в сельсоветы устно, в них проходило ознакомление с ними, и готовились дела к слушанию, а члены примкамер знакомились с делами непосредственно в процессе их рассмотрения. Протоколы не велись, а письменные отчеты народным судам представлялись лишь по их требованиям. Однако, естественный приход в примкамеры народных заседателей из нарсудов, приводил к переносу ими методов и форм работы в судах в примирительные камеры и происходило подражание производству нарсудов (ведение протоколов, подписи свидетелей об ответственности, вставание присутствующих при входе суда и т.д.). Подобная практика вызывала критику Наркомюста, который настаивал на ускорении процесса формирования примирительных камер и упрощенной форме проведения заседаний. Но на местах с таким подходом не все соглашались. К примеру, в отчете Ленинградского областного суда о работе за 1928 год, его председатель Я.Б. Озолин заявил, что писать протоколы надо, так как «...сама революция воспитала нас на этих протоколах», а также следует продумать реальные сроки формирования примкамер в силу большой разбросанности сел и деревень, к некоторым из которых надо «...3-4 дня ехать объездом»⁵¹⁵. Об эффективности, качестве и содержании работы примирительных камер свидетельствуют факты и статистика. По причине удаленности, низкой мобильности населения и неявки свидетелей и ответчиков откладывались до 50 % заседаний⁵¹⁶. Должности председателей камер не были освобожденными, что влияло на качество их работы. В печати сообщается, что не все избранные члены примкамер соглашались работать, опасаясь мести со стороны проигравших дело и особенно зажиточных селян, о том, что существование примирительных камер могло приводить к сутяжничеству, частому рассмотрению дел, злоупотреблениям⁵¹⁷.

Обратимся к статистике о деятельности примкамер, представленной в печати. Из рассмотренных семью примирительными камерами Тамбовского округа более чем за год 65-ти уголовных дел, 32,3 % закончились примирением, 67, 7% разрешены по существу, из которых 15% оправдано, 85%- приговорены к принудительным работам и штрафам. Из 74 гражданских дел 28,4% прекращено за

⁵¹⁴ См. Еженедельник советской юстиции .1928. № 14. С.417-418.

⁵¹⁵ Рабочий суд. 1929. №3/4.С.250.

⁵¹⁶ Еженедельник советской юстиции. 1929. № 46. С.1082.

⁵¹⁷ См. там же.

примирением, 71,6% рассмотрены по существу⁵¹⁸. Несколько иная картина сложилась по Кубанскому округу, где их 28 разрешенных уголовных и гражданских дел лишь 1% завершился примирением⁵¹⁹. При всех обстоятельствах народные судьи строго следили за социальным положением проходящих по делу граждан⁵²⁰.

Следует отметить, что деятельность примирительных камер, их цель и задачи были значительно шире, и не ограничивались лишь судебными полномочиями. Через широкую сеть примирительных камер, советская власть решала серьезные политические и социально – экономические задачи, такие как:

- снижение нагрузки на народные суды. Из писем, поступающих от работников народной юстиции видно, что многие должности в судах не укомплектованы, а судьи не получают зарплату по три, пять месяцев и вынуждены отвлекаться на заработку⁵²¹;

- воспитание трудящихся города и деревни бережному отношению к общественному имуществу (штрафы за порчу книг, битье окон и т.д.);

- экономия финансовых средств. К примеру, каждое гражданское дело в народном суде обходилось государству в 4 рубля, а если с кассацией – то в 7 рублей;

- упрощение процедуры и сокращение сроков рассмотрения дел. Учитывая эти обстоятельства, некоторые граждане сознательно уменьшали размер иска до 15 рублей (подсудность в примкамерах), «...лишь бы не идти в суд, что значительно дольше и дороже»⁵²²;

- расширение круга трудящихся, участвующих в отправлении правосудия, среди которых обязательно должны быть женщины. К середине 1928 года количество женщин в примирительных камерах достигло от 23 до 50 %⁵²³;

- создание условий для советских граждан удаленных районов для своевременного разрешения своих проблем в судебном порядке, на что обратил внимание даже Сталин в докладе на XV съезде ВКП(б) в 1927 г.⁵²⁴;

- новыми «правовыми» методами продолжать борьбу в деревне с всевластием кулаков и баев. Как показывает практика, большинство исков между беднотой и зажиточными крестьянами решались в пользу первых. Так, при вынесении штрафов участникам обоюдной драки, было учтено их социальное положение: зажиточные должны были заплатить по 3 рубля, менее зажиточные по 2 рубля, а беднякам вынесено общественное порицание, а иск кулаков к батракам о пропаже овец, был вообще отклонен⁵²⁵.

В становлении новой судебной системы и судопроизводства, советское руководство учитывало и особенности ее осуществления в автономных республиках,

⁵¹⁸ Еженедельник советской юстиции. 1929. №46, С.1082.

⁵¹⁹ См. там же. С.1084.

⁵²⁰ См. там же. С.1082.

⁵²¹ См. там же. № 24-25. С.23.

⁵²² Дигуров К. Перспективы развития примирительных камер // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 46. С.1082.

⁵²³ Еженедельник советской юстиции. 1929. № 46. С.1084.

⁵²⁴ Политический отчет ЦК на XV съезде ВКП (б) 3 декабря 1927г. Сталин И.В. Сочинения. М.,ГИПЛ, 1954. Т.10. С.321.

⁵²⁵ Еженедельник советской юстиции.1929. № 46. С.1082.

областях и среди нацменьшинств. Данному вопросу было посвящено специальное Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР», где в ст. 11 постановочной части указано, что: «Из подсудных туземным органам управления дел все гражданские дела, а так же дела уголовные об оскорблении словами или действием, клевета ... могут заканчиваться примирением сторон при всяком положении дела»⁵²⁶. В русле примирительных камер, в местах проживания малых народов формировались и так называемые нацкамеры. В 1929 году в Ленинградской области в г. Невель и Велиж действовали две еврейские и ряд национальных камер во Всеволожском округе для обслуживания финнов, чухарей – вепсов, эстов, лопарей и самоедов⁵²⁷.

Подводя некоторые итоги нашим рассуждениям, можно предположить, что политика примирения в российском обществе с момента краха самодержавия, безусловно имела место в деятельности Временного правительства, общественных организаций, политических партий. Однако ряд объективных факторов серьезно повлиял на её реализацию и политические процессы пошли по пути революционного насилия, социальной войны. Тема гражданского примирения не стояла в принципе в планах большевиков даже после гражданской войны и в условиях перехода к мирному строительству. И лишь в условиях конкретных социально – экономических изменений в период НЭПа на фоне классового антагонизма, советские руководители заявляют о постепенном послаблении суровых репрессивных мер. Это проявляется и в деятельности советских судов, изменений в законодательстве. В условиях нехватки финансовых средств и кадров, реанимация большевиками примирительных камер как органа народного правосудия была настоящим спасением. В них суд осуществлялся скорый, социально выверенный, безапелляционный и не требующий материальных затрат. Тот факт, что они имели теснейшее взаимодействие с сельсоветами, комитетами бедноты, фабрично-заводскими комитетами давало им безграничную возможность для успешного решения не только задач юридического характера, но и иных (экономических, политических, социальных, идеологических), поставленных ЦК большевистской партии, а само название – «примирительная камера», являлось лишь демократической ширмой. В этой связи уместно привести слова известного философа и публициста русского зарубежья Г.П. Федотова, сравнившего большевиков с профессионалами революции, «... которые всегда смотрели на неё как на «дело»,... вне всякого морального отношения к нему, всё подчиняя успеху»⁵²⁸.

⁵²⁶ Интернет ресурс: www.consultant.ru/cons/cgi/online.

⁵²⁷ См. Рабочий суд. 1929. №15/6. С.1091,1094.

⁵²⁸ Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2-х тт.//т. 1 – С.-Петербург.: София, 1991.С.98.

§ 13. Формирование судейского корпуса в РСФСР в 1920-1950-е годы: заявленные принципы и механизмы реализации⁵²⁹

Переживание истории неизбежный и постоянный процесс. Это происходит со сменой общественно-политического строя, изменения социальной обстановки, международных и геополитических приоритетов или просто со сменой поколения, которое с высоты своего времени иначе смотрит на многие исторические факты и обстоятельства.

Историческая наука приложила немало усилий для того, чтобы найти или вывести «истинное знание». Начиная с XIX века, историю перестали рассматривать как набор фактов или процесс их изучения. История как наука приобрела широкий инструментарий интерпретации исторического знания. В 1825 году мать историка Альбера де Брولли Альбертина де Брولли заметила другому историку Просперу де Баранту – «мы ... первые, кто понял историю»⁵³⁰. С этого времени можно говорить о появлении профессиональной историофосии и, как следствие, появлении «новой истории» через истолкование «старой» с определенных мировоззренческих позиций. В XX веке начатая рефлексия была продолжена: историки приступили не просто к описанию событий, а к изучению исторического события со всех сторон жизни общества в их единстве – с одной стороны, а с другой – к объяснению на этой основе событий настоящего⁵³¹. Такой ракурс изучения истории неизбежно должен был повлечь столкновение мнений, интерпретаций, войн памяти. Часто есть официальная или «правильная» политика в отношении памяти тех или иных событий. Она формируется под воздействием ряда факторов и закрепляется юридически⁵³².

Пользуясь обозначенной методологической установкой, рассмотрим интересную историко-правовую проблему – формирование судейского корпуса в советской России до середины XX века. Указанный хронологический отрезок выбран потому, что именно в этот период были предложены и апробированы различные механизмы комплектования судов. На основе нормативного материала, а также иных источников будет показан не только процесс формирования судейского корпуса в РСФСР, но и постепенное создание единственно «правильного» варианта этого процесса, в том числе через изменение исторической памяти.

Основные принципы формирования судейского корпуса в советский период были сформулированы одним из самых первых законодательных актов молодого государства – Декретом о суде № 1. Данный нормативный акт сделал выборность и сменяемость главными факторами формирования судейского корпуса всей советской эпохи.

⁵²⁹ Данный параграф выполнен Т.Н. Ильиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00754 «Кадровое обеспечение судейского корпуса в России: исторические традиции и современные механизмы реализации».

⁵³⁰ Цитата приведена по: Стивен Бенн. Одежды Клио. М., 2011. С. 54.

⁵³¹ См., например: Бродель Ф. Очерки истории / пер. с фр. Э. Орловой. М., 2018.

⁵³² См. подробнее: Дорская А.А., Дорский А.Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 2. С. 126.

Становление новой судебной системы проходило на основе принципов построения всех органов государственной власти, апробированных в свое время Парижской коммуной, а именно – постоянная выборность и сменяемость, оплата государственным чиновникам не выше оплаты труда рабочего, массовое участие граждан в управлении делами государства и в отправлении правосудия. Важно отметить, что предложенные французским революционным правительством второй половины XIX века установки были не просто теоретической абстракцией или символом пропаганды, а прямым руководством к действию новой советской власти.

В вопросе о порядке формирования судейского корпуса между большевиками и левыми эсерами в первом советском правительстве обозначились определенные разногласия. Левые эсеры полагали, что необходимо претворить в жизнь идею выборности судей народом, путем проведения общих внеклассовых демократических выборов. Для левых эсеров такая процедура служила залогом дополнительной ответственности судей перед обществом. В условиях кардинальных революционных преобразований, в том числе и суда, институт выборности судей должен был наделить новых служителей правосудия высоким авторитетом, поскольку свою власть они будут получать напрямую от народа. Причем, выборность судей на широкой демократической основе трудящимися была закреплена в качестве лозунга еще программой РСДРП (б) в 1903 году («выборность судей народом»)⁵³³.

У лидера большевиков В.И. Ленина была другая точка зрения на данный вопрос и другая аргументация. В целом, не отрицая выборную модель формирования судейского корпуса, В.И. Ленин на первоначальном этапе становления советской судебной системы и в условиях продолжающейся революционной борьбы предлагал доверить выборы судей советам, а не предоставлять это право населению напрямую.

Предложенная В.И. Лениным формулировка декрета о суде № 1 представляла собой компромисс. Во-первых, народные массы, вовлеченные в революционный поток, получили обещанные еще до революции преобразования, во-вторых, такая трактовка позволила исключить непосредственное вмешательство населения в формирование советского суда (как органа государственной власти). В условиях сложной социально-политической обстановки (или классовой борьбы, как ситуацию определяли сами большевики), когда не были утверждены основные принципы нового государства и четко не определен круг его сторонников, было решено действовать более осторожно.

В результате, первый законодательный акт о судебной системе устанавливал два формата выборов судей. Согласно статье 2, местные судьи избирались на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых – районными и волостными (уездными, городскими или губернскими) советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁵³⁴.

⁵³³ Второй съезд РСДРП. Протоколы // Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1959. П. 11.

⁵³⁴ Декрет о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 года.

В декрете о суде № 2 от 7 марта 1918 года нет упоминания об избрании судей окружных народных судов путем «демократических выборов». Наоборот, статья 1 декрета прямо указывает, что члены окружных народных судов «избираются по округам местными Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казацких Депутатов».

Этот механизм избрания судей – советами различных уровней, сохранится до конца 1930-х годов, а позже будет распространен на суды второй и выше инстанций. Исключение представляла процедура формирования членов военных революционных трибуналов (назначались соответствующими военными советами), военных железнодорожных трибуналов (назначались Наркомом Путей Сообщения) и судей квазисудебных органов.

При этом ни в декрете о суде № 1, ни в последующих декретах № 2 и № 3 процедура выборов детализирована не была. Декрет о народном суде 1918 года лишь частично восполнил этот пробел, указав, что народные судьи избираются:

- в городах, имеющих районные Советы Рабоче-Крестьянских Депутатов, общим собранием отдельных районных Советов из числа кандидатов, предлагаемых Исполнительным Комитетом районного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, после предварительной тщательной проверки соответствия кандидатов своему назначению, а в остальных городах тем же порядком – общим собранием городского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов;

- в уездах, включая города, не имеющие городских Советов, Исполнительными Комитетами Уездных Съездов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, которые в списки кандидатов включают всех кандидатов сельских и волостных Исполнительных Комитетов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Согласно декрету о народном суде 1920 года, народные судьи, избранные советами рабочих и крестьянских депутатов (городских и уездных), в отличие от ранее существовавшего порядка представлялись на утверждение в губисполком через губернские отделы юстиции. При отсутствии кандидатов на местах губисполком по своему усмотрению сам избирал народных судей.

В условиях военного времени на территориях, прежде находившихся под контролем белогвардейцев, зачастую отсутствовали органы, которым предоставлялось право избирать судей. В этом случае обязанность формирования судейского корпуса брали на себя иные органы, в частности, революционные комитеты.

История 1.

Ларина Елена Григорьевна, народный судья Замоскворецкого района г. Москвы, затем член президиума, затем заместитель председателя народного суда, одна из первых женщин-судей в РСФСР. По словам самой Елены Григорьевны, ее в профессию привел случай. В 1918 году она случайно оказалась среди зрителей в зале суда. Некая прачка обвинялась в незначительном проступке. Вел дело судья-специалист, который принял решение на основе закона. Для Е.Г. Лариной это было показателем того, что судья, который процедурно верно провел процесс, оказался чужд социалистическому правосознанию, идеям

революции и рабочему классу. По словам, Елены Григорьевны, посещение зала суда показало «необходимость вливания в состав судей партийных сил». Через несколько дней Е.Г. Ларина сама стала народным судьей в Замоскворецком районе г. Москвы⁵³⁵.

История 2.

Одинцов Артемий Иванович, народный судья Бутырского района г. Москвы. Артемий Иванович до призыва на фронт Первой мировой войны служил письмоводителем в камере мирового судьи и здесь же снимал квартиру. После возвращения с фронта в конце 1917 года случайно оказался втянутым в противостояние между мировым судьей и новой властью, пытавшейся организовать народный суд. Артемий Иванович решил занять сторону большевиков и как человек, служивший в старом суде, был приглашен на заседание юридической комиссии Московского совета рабочих и солдатских депутатов. На заседании решили, что на тех участках, где это возможно, предложить мировым судьям, передавая дела в новые суды, оставаться на своем посту. Как известно, такое предложение встретило всеобщий саботаж со стороны старых специалистов. А.И. Одинцов смог организовать добровольную передачу дел в бывшей камере мирового судьи. Бутырский участок был почти единственным, на котором не произошло «разорения» камер мировых судов и судебные дела были продолжены. С 1919 года А.И. Одинцов сам стал народным судьей этого участка⁵³⁶.

История 3.

Елизарьев Николай Александрович, 1905 года рождения, уроженец Новосибирска. Народным судьей стал в 1928 году. До этого в течение семи лет находился на службе в судебном ведомстве, сначала курьером, потом секретарем судебного заседания. Происходил из семьи мелких рабочих, в четыре года лишился отца, в четырнадцать – матери. Вырос на улице в окружении беспризорников. Среди первых занятий будущего судьи были продажа газет, работа у лодочника, разгрузка вагонов с углем, работа на лесопилках, дворником и даже поваром в частной кухмистерской. В 1920 году он вступил в комсомол, где был избран секретарем местной ячейки. По рекомендации ячейки он был направлен учеником токаря на завод «Труд», а потом судебным курьером на один из участков Новосибирска. Таким образом, Николай Александрович стал судьей, имея большой жизненный опыт, но совершенно не имея никакого образования. Для получения юридического образования перед войной он стал студентом Новосибирского филиала Всесоюзного юридического заочного института. Во время войны был призван на фронт. Демобилизован в 1945 году. Сразу возобновил обучение в институте. По словам преподавателей, к государственным экзаменам Н.А. Елизарьев подошел, обладая фундаментальными знаниями. Во время учебы Н.А. Елизарьев интересовался проблемами уголовного

права и даже сделал несколько научных докладов в судебском сообществе по темам о функциях наказания в советском праве⁵³⁷.

В связи с отсутствием законодательно урегулированной процедуры выборов, их результаты выглядели неоднозначно. В отдельных местностях на должности судей избирались профессиональные юристы, в том числе, из дореволюционных специалистов. Но с другой стороны, например, в сельской местности должности судей заняли выходцы из местного населения, не обладающие ни знаниями, ни опытом судебской деятельности. В крупных городах местные советы выбирали судей из своего состава или же предложенных «надежных товарищей» по революционной борьбе, происходивших в основном из рабочих.

Ряд исследователей отмечает, что при формировании судов в первые годы советской власти в отдельных случаях удалось привлечь профессиональных юристов из членов магистратуры и адвокатуры дореволюционной эпохи. Так, на профессиональной основе были организованы суды в губерниях: Иваново-Вознесенской, где судьи были «из юристов, за исключением нескольких», Владимирской, где судебский корпус состоял «почти целиком из юристов, а в некоторых уездах – из прежних мировых судей», а также в Орловской, Тобольской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской и ряде других⁵³⁸. В Витебском окружном народном суде из семи человек коллегии шесть лиц были с высшим юридическим образованием⁵³⁹. Минимальным, но в целом значительным, было число дореволюционных судей в Тамбовской (в августе 1918 года их насчитывалось 31 из 118, т.е. каждый четвертый), в Самарской (в марте 1919 года – 40%), в Тверской губерниях, в Петрограде⁵⁴⁰.

И все же привлечение старых кадров в местные суды стало, скорее, исключением, чем правилом. Например, в Курской губернии только 17,5 % судей принадлежали к бывшим работникам органов правосудия, включая частных поверенных, судебных приставов и секретарей⁵⁴¹. По словам исследователя Л.Г. Осадчей, социальный портрет народного судьи Курской губернии в первые послереволюционные годы выглядел следующим образом: «это мужчина (75% – 37-летнего возраста), член большевистской партии (80%), из крестьян (66%), с низшим образованием (87%), без специального юридического образования (85%), со стажем работы в должности народного судьи до 1 года (18%)⁵⁴².

Такой персональный состав первых советских судов был следствием кадровой политики (или кадровых решений) советской власти. Первому народному суду пришлось быть не только органом правосудия, но органом пропаганды нового строя и нового суда. Потому судьей в нем являлся рабочий, от которого требовалось в первую очередь, быть

⁵³⁷ История приводится по: Шалагинов В.К. Судья: Очерки. М., 1957. – 208 с.

⁵³⁸ Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 225.

⁵³⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 353. Оп. 9. Д. 51. Л. 1.

⁵⁴⁰ Буков В.А. Указ. соч. С. 225.

⁵⁴¹ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-451. Оп. 1-л. Д.6. Л.108-118.

⁵⁴² Осадчая Л.Г. История становления и развития советской судебной системы в 1917-1928 гг. (на материалах Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 10 (50). С. 117.

⁵³⁵ История приводится по: Саврасов Л.А. О народном суде (Из личных воспоминаний) // Ежегодник Советской Юстиции. 1922. № 44- 45 (7 декабря). С. 22.

⁵³⁶ История приводится по: Саврасов Л.А. О народном суде (Из личных воспоминаний) // Ежегодник Советской Юстиции. 1922. № 44-45 (7 декабря). С. 26.

самому лояльному новой власти и понимать ее суть. Юридические знания и опыт стали необязательными для первых судей народных судов. Суд того времени отражал собой дух революционной эпохи, в которой многие невинные поступки рассматривались как буржуазные пережитки и подлежали наказанию. Так, один судья вспоминал, что приговорил к общественному порицанию человека за дачу чаевых курьеру⁵⁴³.

Ключевыми чертами первых советских судов были простота и доступность населению. Но доступность определялась не как процессуальная доступность, некий набор юридических возможностей участвовать в отправлении правосудия, а как ясность и простота понимания вынесенного решения и судебного процесса, не отягощенного юридическими формами и процедурами. Такому подходу к комплектованию судов способствовало отсутствие правовых актов, содержащих нормы материального и процессуального права, и возможность судить на основе почти аморфного революционного правосознания и революционной законности. Молодой советской власти представлялось, что с такой задачей лучше справится идеологически подкованный представитель рабочего класса, чем квалифицированный юрист образца царской России.

Уже позже, в 1927 году на XV съезде ВКП(б) в прениях по докладу С. Орджоникидзе заместитель наркома РКИ Н. Янсон, в частности, сказал: «...Товарищи, которые работают в органах юстиции, призваны к тому, чтобы защищать законность, но иногда эта защита законности превращается в буквоедство... Мы думаем, что наша законность должна быть настроена так, чтобы она сама была связана непосредственно и в первую очередь с требованиями жизни, с жизненной целесообразностью. Идет орабочивание судебного аппарата не только судейского, но также прокурорского и следственного. Я полагаю, что наибольших результатов мы достигнем в том случае, если мы органы юстиции построим по такому принципу, чтобы там было определенное количество людей с практическим смыслом и опытом, людей рабочего происхождения... <И поменьше юристов> [*предложение Сольца – прим. Т.И.*] ...а сейчас у нас имеется некоторый профессиональный юридический уклон, который не совсем полезен для дела советской юстиции, являющейся совершенно новой формой юстиции по сравнению с буржуазными...»⁵⁴⁴.

С другой стороны невозможность комплектования судов более профессиональными кадрами также связана с явным недостатком самих кадров. Судьи и иные работники юстиции дооктябрьской эпохи часто саботировали работу новых судебных учреждений, не желая сотрудничать с большевиками. Прокурор РСФСР Н. Крыленко в ответ на выступление Янсона представил следующие цифры: среди работников прокуратуры 33,5% рабочих, из 1176 помощников уездных прокуроров РСФСР лишь 124 имеют юридическое образование, 690 имеют минимальное общее образование, 236 не имеют никакого юридического стажа⁵⁴⁵.

⁵⁴³ Ростовский И.А. Как работал народный суд в 1918 году // Еженедельник Советской Юстиции. 1922. № 44-45 (7 декабря). С. 16 -17.

⁵⁴⁴ Цит. по: О. Лацис Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 168-169.

⁵⁴⁵ Там же. С. 169.

Подтверждением указанной кадровой политики в отношении судей говорит и установленная система требований для занятия должности. Так, выбранные судьи должны:

1) иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов;

2) иметь политический опыт работы в пролетарских организациях партии, профессиональных союзах, рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах и Советских учреждениях;

3) иметь теоретическую и практическую подготовку для должности Советского Судьи.

При этом специально оговаривалось, что Постоянный Народный Судья должен «безусловно удовлетворять первому условию и хотя бы одному из последних двух условий»⁵⁴⁶.

Перед большевиками стояла первоначальная задача не формирование профессионального суда, а суда, лояльного новой власти, особенно в период гражданской войны и внутригосударственной борьбы с враждебными элементами.

Постепенно с усложнением самой судебной системы и появлением первых советских кодексов меняется представление о функциях суда и подходах к формированию судейского корпуса. При разработке проекта нового закона о судостроительстве в середине 1930-х годов одним из его авторов А.Я. Вышинским было высказано предложение о переходе к прямым выборам судей населением. Против этой идеи выступил нарком юстиции СССР Н.В. Крыленко. Результатом опять стал компромисс. В окончательной редакции закона о судостроительстве прямые выборы были предусмотрены только в отношении народных судей, судей же краевого (областного) суда избирали местными советами и исполкомами, Верховного Суда – Верховным Советом⁵⁴⁷. Такая градация в отношении судей разного уровня объясняется разницей задач, стоящих перед судами. Народный суд – суд первой инстанции, самой близкой к населению. За ним сохраняется необходимость пропаганды идей революции и социализма, разъяснение основ нового советского общества и государства. Судейский корпус вышестоящих судов уже должен был исправлять ошибки нижестоящих, четко проводя линию партии и государства в применении закона на практике. В их состав допустить случайных людей, выборных от народа могло негативно сказаться на такой политике.

Косвенным подтверждением данной точки зрения является факт того, что законодатель вновь не предъявляет никаких специальных требований к должности судьи. В статье 11 Закона о судостроительстве СССР 1938 года закреплялось, что «судьями и народными заседателями могут быть все граждане, пользующиеся избирательными правами». Вместе с тем, указанная статья содержит отсылочную норму к статье 135 Конституции СССР 1936 года, где закреплена перечень требований для

⁵⁴⁶ Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

⁵⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 28. Д. 196. Л. 31.

реализации активного избирательного права граждан СССР. К ним относились: возрастной ценз в 18 лет; запрет на участие в голосовании лицам, осужденным судом к лишению избирательных прав и умалишенным. Таким образом, судьей мог быть гражданин СССР, достигший 18-летнего возраста, не сумасшедший, не лишенный избирательных прав, т.е. «правильного» происхождения из – рабочих и крестьян.

Отсутствие образовательного ценза новый нарком юстиции Н.М. Рычков объяснил необязательностью такового ввиду высокой политической сознательности советского народа, который не изберет недостойного или незнающего кандидата⁵⁴⁸. Согласимся, что классовый характер суда действительно накладывал отпечаток на процесс формирования судейского корпуса. Однако, представляется, что основной проблемой не введения образовательного ценза в качестве основного для судей был явный дефицит юридических кадров. Так, на 1 октября 1937 года Верховный Суд РСФСР был укомплектован на 68 % (46 человек вместо необходимых 67). Наблюдался некомплект председателей краевых и областных судов, Верховных судов автономных республик, областных судов, автономных областей на уровне 54%. Из членов судов второй инстанции только 470 или 40,5% были в составе. Народных судей на 1 мая 1938 года не хватало 243 человек или 5,4%⁵⁴⁹. При таком кадровом дефиците законодатель не стал ограничивать дополнительными цензами малопривлекательную должность судьи в условиях недостаточного материального обеспечения и финансирования их деятельности. К тому же, конец 1930-х годов – это время массовых репрессий, когда судебная власть по сути представляла собой придаток власти исполнительной.

История № 1.

Судья третьего участка народного суда Первомайского района города Москвы Георгий Федорович Скоморохов по профессии инженер, участник Великой Отечественной войны. Сын рабочего, поступил в школу фабрично-заводского ученичества, где получил специальность слесаря. После продолжил обучение заочно в Московском металлургическом институте. Диплом инженера Г.Ф. Скоморохов получил уже в начале войны и несколько месяцев до призыва на фронт работал по специальности на заводе. В 1942 году в результате ранения потерял правую руку и ногу и был демобилизован. Лечение проходило в Красноярске. Сначала Георгий Федорович хотел вернуться к своей работе инженера, но посчитал, что не сможет работать в цеху, где требуется постоянное передвижение, поэтому решил готовить себя к работе в канцелярии или конторе, для чего заново учился писать левой рукой. Во время таких занятий госпиталь посетил директор местной юридической школы и предложил Г.Ф. Скоморохову пройти обучения на юриста. Георгий Федорович вспоминал, что на тот момент только слышал о юридической профессии и профессии судьи, но не знал ее специфики и не представлял себя в этой роли. Вместе с ним

⁵⁴⁸ Рычков Н.М. Н.М. О проекте «Положения о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик»: Доклад и заключительные слова Народного комиссара юстиции СССР на 2-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва 15-16 августа 1938 г. М., 1938. С. 17.

⁵⁴⁹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 14. Д. 50. Лл. 2-5.

учебу в юридической школе проходили еще около десятка раненых. По словам обучающихся, директор юридической школы смог не только возбудить интерес к праву, но и поддерживал его на всем протяжении учебы. Георгий Федорович выдержал почти все экзамены на отлично.

После возвращения в Москву Г.Ф. Скоморохов все же был определен на один из заводов столицы. Однако очень скоро он понял, что имеющаяся у него инвалидность не позволяет полноценно трудиться по его первой профессии. Также, по его словам, немалую роль в отказе от работы инженера сыграл «возбужденный интерес к работе в качестве юриста». Воспользовавшись своим правом инвалида II группы, Г.Ф. Скоморохов оставил завод и предложил свои услуги органам юстиции. Он вспоминал, что там его приняли «с распростертыми объятиями» и после стажировки в 1943 году назначили судьей пятого участка народного суда Первомайского района города Москвы⁵⁵⁰.

История № 2.

Тамара Александровна Аржанова, 1917 года рождения. Дочь героя-революционера революции 1905 года, а потом 1917 года. Отец – потомственный шахтер, при выполнении своего долга был убит немцами в 1918 году. Его дочери была назначена персональная пенсия. Такое содержание позволило Тамаре Александровне сначала закончить школу, а затем поступить в Харьковский юридический институт. После окончания трех курсов которого, она приняла предложение стать народным судьей. Свое образование Т.А. Аржанова продолжила в 1944 году в эвакуации в Новосибирске в филиале Всесоюзного юридического института, а завершила его в Москве уже будучи судьей Баумановского района столицы. В 1947 году Тамара Александровна организовала просветительские курсы-кружок на Московском пищевом комбинате им. Микояна, где знакомила рабочих и служащих завода с основами советского судостроительства, нормами гражданского и уголовного права. Примечательно, что некоторые из ее «учеников» впоследствии также стали судьями⁵⁵¹.

Приведенные истории выбраны не потому, что они интереснее других, не потому, что отражают путь в профессию людей неординарных, волевых, целеустремленных, а потому, что они являются типичными при иллюстрации формирования судейского корпуса в предвоенные и первые послевоенные годы.

Закон о судостроительстве 1938 года устанавливал процедуру выборов судей лишь в общих чертах. Более детальная регламентация процедуры предполагалась в нормативных актах союзных республик. В РСФСР Положение о выборах народных судей было принято уже после войны в 1948 году.

В основу Положения «О выборах народных судов РСФСР»⁵⁵² 1948 года был положен довоенный проект Н.М. Рычкова о выборах народных судей.

⁵⁵⁰ История приведена по: Финн Э.А. Инженер, ставший народным судьей // Социалистическая законность. 1949. № 6 (июль). С. 35-38.

⁵⁵¹ История приведена по: Каменский Ф. Народный судья столичного района // Социалистическая законность. 1948. № 9 (сентябрь). С. 27-30.

⁵⁵² Положение «О выборах народных судов РСФСР» (утв. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 сентября 1948 г.)

Данный нормативный акт несколько уточнил требования, предъявляемые к судьям. Кандидаты в народные судьи должны были иметь гражданство РСФСР, пользоваться избирательными правами, достичь ко дню выборов 23 лет, не быть судимыми.

Продолжая разговор об образовательном уровне судей, важно отметить, что к этому же времени относится приказ министра юстиции СССР от 25 сентября 1948 года, который предписывал: «При подборе кандидатов учитывать, что народные судьи в республиканских, краевых и областных городах должны иметь, как правило, высшее или среднее юридическое образование или большой практический опыт работы в органах юстиции, суда и прокуратуры. Желательно, чтобы остальные народные судьи имели как минимум юридическое образование в объеме юридической школы или переподготовку в объеме 99 месячных юридических курсов»⁵⁵³.

Таким образом, формирование судов второй и высших инстанций происходило из лиц, более подготовленных к профессиональной юридической деятельности, чем народные судьи.

Выборы народных судов организовывались Президиумами Верховных Советов автономных республик и исполнительными комитетами краевых, областных советов депутатов трудящихся через исполнительные комитеты районных и городских советов депутатов трудящихся.

Исполкомы соответствующих уровней должны были обеспечить регистрацию кандидатов в народные судьи, снабжение избирательных пунктов избирательными бюллетенями, назначение уполномоченных для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов по избирательным пунктам. После подведения итогов выборов исполкомы выдавали народным судьям удостоверение, а также рассматривали жалобы на нарушение процедуры голосования.

Народные судьи избирались на три года на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании.

Право выдвижения кандидатов принадлежало общественным организациям и обществам трудящихся, таким как коммунистическим партийным организациям, профессиональным союзам, кооперативным организациям, организациям молодежи, общим собраниям рабочих и служащих – по предприятиям и учреждениям, общим собраниям военнослужащих – по воинским частям, общим собраниям крестьян – по колхозам и селам, общим собраниям рабочих и служащих совхозов – по совхозам.

Исполком был обязан зарегистрировать всех кандидатов в народные судьи с соблюдением требований действующего законодательства. В случае отказа в регистрации – действия соответствующего исполкома могли быть обжалованы в двухдневный срок в Президиум Верховного Совета автономной республики или в исполнительный комитет краевого, областного Совета депутатов трудящихся. Их решение являлось окончательным.

⁵⁵³ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 4. Д. 401. Л. 67

Списки избирателей составляли органы исполнительной власти: в городах – исполнительные комитеты районных советов, в поселках – исполнительными комитетами поселковых Советов, в сельских местностях – исполнительными комитетами сельских советов депутатов трудящихся.

День выборов по каждому избирательному округу устанавливался Президиумом Верховного Совета автономной республики, исполнительным комитетом краевого, областного совета депутатов трудящихся. Обязательным условием законодатель называл проведение выборов в нерабочий день.

Первые прямые выборы прошли в СССР с 19 декабря 1948 года по 20 февраля 1949 года. Явка на них оказалось беспрецедентно высокой, в РСФСР – около 99,87 %. Выборы проходили с «большим политическим подъемом», поскольку были подключены формы и методы пропаганды и задействован административный ресурс. Аналогичные высокие показатели были в других союзных республиках. Самые «низкие» показатели по явке избирателей оказались в Эстонской ССР – 99,38 %, самые высокие – в Азербайджанской ССР – 99,9 %. Результаты голосования оказались положительными, против по всем союзным республикам проголосовало – 0,7% граждан⁵⁵⁴.

Социальный портрет народных судей СССР второй половины 1940-х годов, избранных по новым правилам, выглядел следующим образом. Высшее образование (не обязательно юридическое) имели 9,9 % (до войны 6,4 %), среднее – 33,8 (23,9%) судей из 7564 избранных. Из них женщин – 37,6%, мужчин – 62,4%. Стаж свыше 10 лет имели 23,9%, меньше 1 года – 17,2%. Постепенно росла доля лиц с высшим образованием по сравнению с довоенной эпохой (с 26,4 до 28,9%). Со средним образованием доля работников оставалась в пределах 24,2%. Среди всех работников членов партии было 56,2%⁵⁵⁵.

Среди народных судей РСФСР высшее образование в 1945 году имели 7,7%, в 1946 году – 6,8%, в 1947 году – 7,4%, в 1948 году – 8,2%, по итогам выборов 1948-1949 годов – 12,1%, в том числе высшее юридическое – 11,2%. Со средним соответственно – 30,6%, 26,5%, 30,6%, 38,4%, 67,6% (в том числе, среднее юридическое – 49,4 %). Большинство не имели юридического образования. В 1947 году 81,1% народных судей РСФСР имели только начальное или неоконченное среднее образование. Избранные в ходе выборов 1948-1949 годов судьи, имеющие начальное образование, составляли 20,3%. При этом отмечается рост числа членов партии: с 79,4% в 1945 году до 90,2% в 1948 году, по итогам выборов в 1948-1949 годов – 91,7%. Разнились цифры по сменяемости кадров; в отдельных областях сменилось до 100% судей, по результатам выборов 1948-1949 годов в целом было переизбрано на новый срок 78% народных судей⁵⁵⁶.

⁵⁵⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 119.

⁵⁵⁵ Кодинцев А. Я. Кадровый состав советских судов в послевоенные годы: [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; ГАРФ.Ф. А-385. Оп. 25. Д. 93. Л. 5-23.

⁵⁵⁶ Кодинцев А. Я. Кадровый состав советских судов в послевоенные годы: [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; ГАРФ.Ф. А-385. Оп. 25. Д. 93. Л. 5-23.

Характеристика процедуры выборов народных судей и судей судов вышестоящих инстанций будет неполной, если не остановиться на вопросе участия партийных органов в этом процессе.

В составе ЦК РКП(б)-ВКП(б) было создано подразделение, отвечающее за формирование кадрового состава органов советской власти. Подразделение, в разное время носившее разные названия, – управление кадров, административный отдел и др. – курировало и утверждало кадровые перемещения, входивших в учетно-контрольную номенклатуру ЦК. На уровне регионов такие отделы были созданы при местных отделениях партии. С 1938 по 1943 годы в структуре ЦК действовало Управление кадров, с 1948 года его сменил Отдел административных органов. В состав обоих подразделений входил отдел/ сектор кадров прокуратуры, суда, юстиции. Важнейшей функцией данных отделов было организация и проведение выборов народных судей и утверждение кандидатов на должность народного судьи. Административные отделы также формировали список должностей номенклатуры работников юстиции и утверждали кандидатов на них. Так, председатели областных судов, члены верховных и специальных судов республик входили в номенклатуру ЦК ВКП (б)⁵⁵⁷.

Процедура назначения на любую номенклатурную должность, в том числе и судебскую, заключала в себе несколько стадий: первоначально соответствующий орган (например, Верховный Суд СССР) вносил на рассмотрение ЦК КПСС 3-4 кандидатуры на освободившуюся должность (или на еще не освободившуюся, а «резервную»). Далее отдел кадров судебных органов и прокуратуры ЦК, предлагал поддержать конкретную кандидатуру и рекомендовал ее вышестоящему партийному органу. После этого Секретариат или Политбюро ЦК утверждали кандидатуру, а затем Верховный Совет СССР избирал заранее рекомендованное лицо и публиковал постановление об этом. Такой порядок был характерен для формирования судейского корпуса союзных республик, областных судов и народных судей.

Таким образом, способ формирования кадрового состава советских судов можно назвать номенклатурным – выборы судей населением или соответствующими советами было лишь ширмой фактического порядка назначения через партийные органы. Давая оценку такому порядку вещей, нельзя быть однозначным. Номенклатурный принцип формирования кадрового состава органов государственной власти долгое время считался справедливыми и единственно верным, поскольку давал возможность сделать карьеру лицам из разных социальных групп. Также директивным путем уравнивались доля среди судей рабочих и колхозников, представителей интеллигенции, женщин, молодежи и лиц различных национальностей (особенно в союзных республиках). Кадровые проверки партийных органов, конечно, отбирали людей, лояльных власти, «правильного» происхождения, но в то же время лиц, способных освоить и справиться с судебской профессией.

С другой стороны, описанный порядок формирования судейского корпуса ставил судей в зависимое положение от местных парторганизаций и исполкомов. Часто предметом торга становился «квартирный вопрос», уровень материального обеспечения судей, возможность «переизбрания» взамен на «нужные» приговоры и решения. Именно этот аргумент стал основным при отказе от выборного способа формирования судейского корпуса. Выборы, как форма занятия должности, таит в себе опасность постоянных согласований.

При этом дилемма способа формирования судейского корпуса выборами или назначением не знает правильного решения. Укрепившаяся в нашем сознании негативная оценка функционирования судебной системы советского периода, сформированная в постсоветскую эпоху, до сих пор не дает возможности ее разумного переосмысления, не взирая на войны памяти и остатки переживания истории. Представляется, что основной вопрос состоит в другом, а именно – в уровне независимости судебной власти. Но, как показывает история, ее достижение должно происходить не только за счет способа формирования судейского корпуса, но и при наличии других факторов.

§ 14. Eugeniusz Waśkowski: one lawyer – two countries

Eugeniusz Waśkowski died in 1942 in Warsaw during German occupation. His long, 76 years private and professional life was divided into two periods: Russian and Polish. Being native Polish he successfully conducted his scholar career in Russia and later on continued it in Poland.

In 1918 after 123 years of dependency Poland regained independence joining lands which for decades were parts of Prussia, Austria and Russia. Task to connect and build a coherent legal system was assigned to the Codification Commission of the reborn Republic of Poland.

In 1928 Eugeniusz Waśkowski was appointed to the Civil Procedure Division of the mentioned Commission. His scientific achievements collected in Russia and after arriving to Poland gave him a solid background to take on his arms that demanding challenge to participate in creating a new Polish law on the basis of three various legal systems. A tangible result of his involvement into the Codification Commission works was the new Polish Code of Civil Procedure which was announced by the Ministry of Justice in 1930 and entered into force in 1933. Waśkowski summarised works of the Commission stressing that “our new code preserves in full foundations on which were created laws of divided lands. It does not make sharp maneuvers, does not introduce radical news. It tends to connect harmoniously different opinions and divided lands’ customs”.

After regaining independence Poland was in need to create a net of Polish universities with an appropriate scientific personnel. Prior to that there were only 2 Polish universities in Lviv and the oldest one in Krakow – the Jagiellonian University dating back to 1364. New ones were opened or reopened in Warsaw, Poznan, Lublin and Vilnius.

⁵⁵⁷ См подробнее: Козинцев А.Я. Партийное управление органами юстиции СССР В 50-е годы XX века // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 3 (24). С. 85-89.

Department of the Civil Law of the Stefan Batory University in Vilnius was searching for scientific staff. Candidacy of Eugeniusz Waśkowski was presented to and finally accepted by the President of the State Stanisław Wojciechowski who nominated Eugeniusz Waśkowski in 1924 for the position of the civil law professor at the University in Vilnius. Until then Eugeniusz Waśkowski lived and held his career in Russia and the Soviet Union as the professor of the University in Odessa.

Working at the University as well as within the Codification Commission he was a member of legal associations located in Vilnius like the Society for Advancement of Arts and Sciences («Towarzystwo Przyjaciół Nauk»), the Polish Academy of Arts and Sciences («Polska Akademia Umiejętności») and the Ignacy Daniłowicz Association («Towarzystwo im. Ignacego Daniłowicza»).

He participated in works of a journal's board of «Polish Courts' Judgments» («Orzecznictwo Polskich Sądów»).

Waśkowski published articles in numerous magazines, for instance he described a draft of the Polish Code of Civil Procedure in a magazine «Palestra» in 1928. He touched the topic of the role of advocacy also in «Palestra» and in «Warsaw Court Magazine» («Gazeta Sądowa Warszawska»). In thirties of the previous century he devoted a text to his teacher professor Gabriel Szerszeniewicz.

Eugeniusz Waśkowski in 1931 issued «Civil Procedure System. Theoretical Introduction» («System procesu cywilnego. Wstęp teoretyczny»). It is regarded as a valuable scientific publication within Polish research in the area of the civil procedure of a pre II World War period. A year later he published «Civil Procedure Handbook» («Podręcznik procesu cywilnego»). Waśkowski in both elaborations catalogued rules of the civil procedure. He made there a comparison of legal systems of Austria, USA, Germany, France and Russia.

According to Waśkowski the right verdict should be based on the binding regulations, refer to real circumstances of the case and be correct as far as the logic is concerned. He saw a trial as an activity aiming at verifying and finally establishing the rightness of presented demands. He supported the free assessment of evidence as the best tool in which judge can be equipped when verifying facts of a case.

In a clear way he described the independence of judges. Waśkowski raised that it is difficult for judges to preserve a full independence when they know, that due to their verdict in any case to the disadvantage of some state institution or persons connected with it, they may put themselves at risk or simply lose the post. In order to protect judges against that kind of consequences and successfully safeguard their independence it is essential to pass the judiciary into separate system of authority, fully separated and independent from other branches of the state authority. It is the essence of the independence of the judiciary being a simple result of the separation of authorities.

In the time of coronavirus limitations which touched also courts it is noticeable a reduced access of the people to public hearings. It is worth referring to Waśkowski's opinion about an access of the public to court hearings. He maintained that it enables the society to control judges' activities. Due to that administering the justice is exercised in front

of the whole society and even, due to a fast development of media, in the front of the whole humanity (Dreyfus case). He emphasized that judges knowing their activities are observed and could be criticized, try to fulfil their duties better. Clear one-sided conduct, bribes are impossible or at least harder to exercise. The whole proceeding is conducted in a better and more careful way with preserving all formalities.

Mentioned publications are perceived as a summary of Waśkowski's previous research made in the field of civil procedure, particularly during his work in Russia. Despite changes of laws and an elapse of time his concepts and conclusions stay timeless, his arguments remain valid and applicable.

Eugeniusz Waśkowski's prominent work of his Polish period is «Theory of the civil law's interpretation: outline of civil dogmatics' methodology» («Teoria wykładni prawa cywilnego: metodologia dogmatyki cywilistycznej w zarysie»).

His theory is called "traditional", descriptive, what means that its aim was to describe the existing practice of interpretation of the law at the beginning of XXth century. In the post II World War period the concept of Eugeniusz Waśkowski on the theory of interpretation was developed in Poland, among others, by professor Jerzy Wróblewski.

Eugeniusz Waśkowski maintained that in general the theory of interpretation of law has the same meaning as logic and grammar. It is possible to think correctly not having an idea about logic. It is possible to know whatever language not knowing its grammar. However logic and grammar teach thinking and speaking consciously as well as locate mistakes in thinking and speaking.

Waśkowski argued that in order to strengthen the rule of law in the state and safeguard the equality of all citizens before the law it is essential that courts and public institutions understand correctly and uniformly the applied law. Both could be achieved by observing the rules established by the theory of interpretation of the law.

The "traditional" theory of interpretation did not introduce divisions in the area of thinking about the interpretation. The interpretation was perceived in a most general way however it should have been done in accordance with conscious applying of defined interpretative measures.

Waśkowski concluded that we all do not want a full freedom of judges. What we want that in a case in which the law does not impose categorically a regulation the judge could adjust the law to the current circumstances relevant to the period of time the case is adjudicated. Judge may take into consideration developing habits and ideas.

After presenting in general Eugeniusz Waśkowski's Polish period of his career I would like to return to his beginnings as a man and as a scholar as well. Russian time for Waśkowski had a major impact for who he actually was. Russia gave him education, enabled to develop skills and conduct scientific research. When he moved to Poland he was fully shaped as a man, a lawyer and a scholar.

Eugeniusz Waśkowski was born in 1866 in Akerman (Białogród at Dniestr) in a Polish, catholic family. His father Włodzimierz was an advocate in Odessa. Eugeniusz graduated from the New Russian University in Odessa in law and following his father example he became an advocate.

In 1893 he published his first huge work titled «Organisation of the advocacy» («Organizacja Adwokatury») which is considered in Russia as a comprehensive and valuable analyse of the advocacy in the state. During his career Eugeniusz Waśkowski pointed out that the Prosecutor is a spokesman of the state and the advocate is the spokesman of the society which helps judges in adjudicating cases. He emphasized that an activity of the advocate is to defend the law and the law is a powerful lever of the civilisation. Both called mottos are treated by the Supreme Bar Council of Poland as emblematic for its goals.

Receiving a support from the Polish professor Gabriel Szerszeniewicz Eugeniusz Waśkowski entered the Imperial University in Kazan. Realising the scope of Eugeniusz Waśkowski's talent professor Szerszeniewicz insisted that Waśkowski would continue his scientific works leaving an advocacy. With the help of the University in Kazan Waśkowski travelled to Germany and France within 1894-1895. He particularly was interested in studies of Rudolf von Inhering about the possession and translated his publications into Russian.

In 1894 he issued «Civil Law Handbook» («Учебник гражданского права»). The handbook was unfinished. It was limited to only two parts: General Provisions and Rights in Rem. It is regarded in Russia to be more than relevant, useful and even instructive piece not only academic, but also scientific as well as practical work.

Eugeniusz Waśkowski obtained a Master of Law degree in Odessa in 1897 and 4 years later in Kazan a Doctorate for the dissertation on «Civil Methodology» studying under his professor Gabriel Szerszeniewicz.

After that Waśkowski was appointed as the professor at the University of Odessa. He fulfilled the role of the Vice-Rector there. In 1909 he was removed from the University for not taking appropriate measures against students during events of 1905-1906. He continued career working as an advocate.

In 1913 Eugeniusz Waśkowski issued «Civil Procedure System» (Курс гражданского процесса, т. 1 – Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия) and a year later «Civil Procedure Handbook». These are significant positions in the Russian research in the area of civil procedure and were released again after fall of the communism.

Eugeniusz Waśkowski was reinstalled at the University of Odessa in 1917. Consent for that was given by the Interim Government. A year later he became a dean of the Faculty of Law. At that time he was a Justice of the Peace and the Chairman of the Gathering of Justices of the Peace in Odessa.

In the meantime Eugeniusz Waśkowski conducted the Polish House in Odessa, an institution for Poles living there. His Russian period was about to finish when a Polish state was appeared again on the scene on 11 November 1918.

Eugeniusz Waśkowski's life and career is an example of the scholar with remarkable achievements important at least for both nations he was immersed in. It might be perceived as a bridge between Russian and Polish not only societies of scientists. It is worth mentioning the joint conference commemorating 150th anniversary of Waśkowski's birth organised by Faculties of Law from Universities in Warsaw and Kazan held in Warsaw on 22 January 2016.

Eugeniusz Waśkowski was a professional, scholar successfully fulfilling his roles both in Odessa and Kazan or in Vilnius and Warsaw. His interests were theoretical with considerable impact on the practical side of functioning of the state. Touching a subject of the rule of law he was very modern assessing the meaning of compliance with basic rules connected with it. Analysing the role of the interpretation of law, the position of an advocate in the system as well as the court he was approaching to the essence of the rule of law. He did it in the very natural way. His language is on the one side simple but on the other side precise. It is colourful with parallels and dignified at the same time. His activities were as his style: peaceful and modest.

He found himself in a turbulent time for Russia and the Soviet Union as well as for Poland. Living and working under such a complicated and demanding circumstances his personal features helped him to start his work, continue it and play significant roles as a scholar in Russia and in Poland. In both countries he was regarded as a natural element showing that mutual respect towards cultures and local environments might result in a peaceful coexistence.

People who successfully work within two surroundings show that the variety may be an asset. This is an idea which was laid at the construction of the European Union. Being Polish, German, French or Lithuanian citizens, scholars, workers, clerks simultaneously may be connected with the European dimension and that is not a contradiction. Life of Eugeniusz Waśkowski proves that being Russian and Soviet prominent scholar does not exclude from being Polish prominent scholar.

Eugeniusz Waśkowski was not an only one Pole living in Russia and in the Soviet Union having an impact on Russian legal sciences. At least a few others are worth mentioning: already called professor Gabriel Szerszeniewicz from Universities in Moscow and Kazan whose works are still published in Russia, Leon Petrażycki – an outstanding philosopher of law living and working both in Russia and Poland, Włodzimierz Spasowicz – builder of the Russian advocacy, portrayed by Ilija Riepin as well as known from “Karamzow Brothers” of Dostojewsky as an advocate Fietukowicz. An interesting example of Polish-Russian relations is the Association of Polish Students in Petersburg “Ogół” and a person of Ignacy Daniłowicz, Russian native who was interested in the old Polish law. His name was given to the association to which Waśkowski joined.

Eugeniusz Waśkowski's legacy was forgotten during the period of the communism in Poland. If appeared then it was criticised as an old fashioned, not fitted to realities of the People's Republic of Poland. Nowadays, in a free Poland, he is becoming more and more known, receiving more attention. He is being rediscovered by scientists and practices. It also happens that the lawyer from Russia Liudmila Valentinovna van der Pol and the judge from the Netherlands Ruth van der Pol remind us – Poles, that we had such a significant researcher as Eugeniusz Waśkowski in a history of legal sciences. We should be proud of it and start study not only his publications issued in Polish but also refer to his Russian heritage which had such a meaningful impact on the Russian legal science and Waśkowski's works elaborated during his life in Poland.

Евгений Васьковский: один адвокат – две страны

Евгений Васьковский умер в 1942 году в Варшаве во время немецкой оккупации. Его долгая 76-летняя личная и профессиональная жизнь была разделена на два периода: русский и польский. Будучи урождённым поляком, он успешно вел свою научную карьеру в России, а позже продолжил её в Польше.

В 1918 году, спустя 123 года своего зависимого положения, Польша вновь обрела независимость, присоединив к себе земли, которые десятилетиями были частью Пруссии, Австрии и России. Перед Кодификационной комиссией возрожденной Республики Польша была поставлена задача – соединить и построить согласованную правовую систему. В 1928 году Е. Васьковский был назначен в Гражданско-процессуальный отдел упомянутой Комиссии. Его научные успехи, достигнутые в России, после прибытия в Польшу дали ему серьезную основу, чтобы принять на себя вызов по участию в создании нового польского закона на основе трех различных правовых систем. Ощутимым результатом его работы в Комиссии стал новый Гражданский процессуальный кодекс Польши, который был объявлен министерством юстиции в 1930 году, и вступил в силу в 1933 году. Е. Васьковский резюмировал работы Комиссии, подчеркивая, что «наш новый кодекс сохраняет в полном объеме основы, на которых были созданы законы разделенных земель». Он не делал резких маневров, не вводил радикальных обновлений. Он стремился гармонично соединить различные мнения и "обычай" ранее разделенных земель.

После обретения независимости Польша нуждалась в увеличении количества польских университетов с соответствующими научными кадрами. До этого было всего 2 польских университета: один во Львове, а самый старый – в Кракове – Ягеллонский университет, основанный в 1364 году. Новые были созданы или открыты заново в Варшаве, Познани, Люблине и Вильно (Вильнюсе).

Кафедра гражданского права Университета им. Стефана Батория в Вильно (ныне – Вильнюсский университет) занималась поиском научных сотрудников. Кандидатура Е. Васьковского была представлена и окончательно принята президентом страны Станиславом Войцеховским, который в 1924 году номинировал Е. Васьковского на должность профессора гражданского права. До этого времени Е. Васьковский жил и строил свою карьеру в Императорской России, и затем в Советском Союзе в качестве проректора Императорского Новороссийского университета, декана факультета права и общественных наук.

Работая в Университете им. Стефана Батория и так же в Кодификационной комиссии, он принимал участие в качестве члена-корреспондента в Польской академии знаний («Polska Akademia Umiejętności») и в других юридических ассоциациях, расположенных в Вильно, таких как Общество продвижения искусств и наук («Towarzystwo Przyjaciół Nauk») и Ассоциация Игнация Даниловича («Towarzystwoim. Ignacego Daniłowicza»).

Кроме того, Е. Васьковский участвовал в Совете журнала «Решения судов Польши» («Orzecznictwo Polskich Sądów») и также публиковал статьи в других

журналах, например, он описал проект Гражданского процессуального кодекса Польши в журнале «Palestra» в 1928 году и коснулся темы устройства адвокатуры в газете «Варшавский Суд» («Gazeta Sądowa Warszawska»). В тридцатых годах прошлого века он посвятил текст своему преподавателю, профессору Габриэлю Шершеневичу.

В 1931 году Е. Васьковский опубликовал книгу «Система гражданского процесса. Теоретическое введение» («System procesu wільnego. Wstęp teoretyczny»). Она считается ценным научным изданием в сфере польских исследований в области гражданского судопроизводства периода до Второй мировой войны. Через год он опубликовал «Гражданский процессуальный справочник» («Podrecznik procesu wільnego») в котором он каталогизировал правила гражданского судопроизводства, проведя сравнение правовых систем Австрии, США, Германии, Франции и России.

По мнению Е. Васьковского, справедливый приговор должен основываться на обязательных правилах, ссылаться на реальные обстоятельства дела и быть правильным в том, что касается логики. Он рассматривал судебный процесс как деятельность, направленную на проверку и окончательное установление правильности предъявляемых обвинений. Он обратил внимание на корректность требований и поддерживал свободное усмотрение – это значит, что закон не содержит ссылку на то, каким образом суд должен рассматривать доказательства, он утверждал, что это самый хороший инструмент в руках судей для получения данных при проверке фактов по делу.

Е. Васьковский ясно охарактеризовал независимость судей. Он подчеркивал, что судьям трудно сохранить полную независимость, ведь они знают, что вследствие их вердикта в любом случае невыгодному какому-либо государственному учреждению или связанному с ним лицам, они могут оказаться в критической ситуации или просто потерять должность. Поэтому, для защиты судей от возможных последствий и для успешной защиты их независимости необходимо реорганизовать судебные органы в отдельную систему власти, полностью отделенную и независимую от других ветвей государственной власти. Это сущность независимости судебной власти выраженная в результате равноправного разделения властей: на судебную власть, законодательную власть и исполнительную власть.

Во время коронавирусных ограничений, которые коснулись и судов, заметно снижение доступа людей к общественным слушаниям. Стоит сослаться на мнение Е. Васьковского о доступе общественности к судебным слушаниям. Он утверждал, что это позволяет обществу контролировать деятельность судей. За счет этого отправление правосудия осуществляется перед всем обществом и даже, благодаря быстрому развитию СМИ, перед всем человечеством (дело Дрейфуса). Он подчеркивал, что судьи, зная, что их деятельность находится под особым вниманием общества и может подвергаться критике, стараются лучше выполнять свои профессиональные обязанности. Тогда одностороннее поведение и взятки невозможны или, по крайней мере, их труднее осуществить, следовательно, судебный процесс проводится качественнее, и с сохранением всех формальностей.

Упомянутые публикации воспринимаются как резюме предыдущих исследований Е. Васьковского в области гражданского судопроизводства, особенно во время его работы в России. Несмотря на изменения законов и истечение времени, его концепции и выводы остаются вечными, а его аргументы остаются действующими и применимыми.

Значимым произведением Е. Васьковского в польский период жизни является «Теория толкования гражданского права: методология цивилистической догматики» («Teorja wykładni prawa cywilnego: metodologia dogmatyki wilstycznej w zarysie»).

Его теория называется "традиционной", описательной, это означает, что ее целью является описание существующей практики толкования права в начале XX века. В период, после Второй мировой войны, в Польше концепция Е. Васьковского по теории толкования права разрабатывалась учеными, в том числе и профессором Ежи Вроблевским.

Е. Васьковский утверждал, что в целом теория толкования права имеет то же значение, что и логика, и грамматика. Можно правильно думать, не имея представления о логике. Можно знать любой язык, не зная правил его грамматики. Однако, как логика, так и грамматика учат мыслить и говорить сознательно, а также обнаруживать ошибки в мышлении и речи.

Е. Васьковский утверждал, что для укрепления верховенства права в государстве и обеспечения равенства всех граждан перед законом крайне важно, чтобы суды и государственные учреждения законодательной власти, а также исполнительной власти, правильно понимали и единообразно применяли законы. И то, и другое может быть достигнуто путем соблюдения норм, установленных теорией толкования права.

"Традиционная" теория толкования или ее интерпретации не создали делений в области размышления о толковании. Толкование воспринимается наиболее общим образом, однако, оно должно было быть сделано в соответствии с сознательным применением определенных мер толкования.

Е. Васьковский пришел к выводу, что общество не хочет полной свободы судей. То, что мы хотим, это, чтобы в случае, когда закон не устанавливает категорически какой-либо нормативный акт, судья мог привести закон в соответствие с объективными обстоятельствами, относящимися к периоду времени рассмотрения дела. Судья также может принимать во внимание развивающиеся традиции и новые обычаи.

После представления польского периода в карьере Е. Васьковского в целом я хотел бы вернуться к начальному периоду его жизни как человека, и как ученого. Русское время жизни оказало большое влияние на Е. Васьковского, на то, кем он был на самом деле. Россия дала ему образование, дала возможность развивать профессиональные навыки и проводить научные исследования. Он переехал в Польшу полностью сформированный как интеллект, адвокат и ученый.

Е. Васьковский родился в 1866 году в Аккермане (Белгород-Днестровский) в польской, католической семье. Его отец Владимир был адвокатом в Одессе. Е. Васьковский окончил юридический факультет Императорского Новороссийского университета и по примеру отца стал адвокатом. Сразу по окончании университета он занимался юридической практикой в Одессе и продолжил исследовательскую деятельность в области гражданского права.

Свою первую научную работу он опубликовал в 1893 году под названием «Организация адвокатуры» («Organizacja Adwokatury»), которая рассматривается в России как всесторонний и ценный анализ адвокатской деятельности в государстве. В течение своей карьеры Е. Васьковский отмечал, что прокурор является представителем государства, а адвокат является представителем общества, которые помогают судьям в рассмотрении дел. Он подчеркнул, что деятельность адвоката заключается в защите закона, поскольку закон является мощным рычагом цивилизации. Оба названных представления рассматриваются Высшим Советом адвокатов Польши как символические для достижения их профессиональных целей.

Получив поддержку от польского профессора Габриэля Шершеневича, Е. Васьковский поступил в Казанский университет. Понимая размах таланта Е. Васьковского, профессор Шершеневич настаивал на том, чтобы он продолжил свои научные работы, оставив адвокатуру.

При поддержке Казанского университета Е. Васьковский совершил поездки в Германию и Францию в течение 1894-1895 годов. Особенно он интересовался исследованиями Рудольфа фон Инхеринга о собственности и перевел его работы на русский язык.

В 1894 году Е. Васьковский выпустил книгу «Учебник гражданского права» («Civil Law Handbook»). Книга была не завершена, она имела только две части: Общие положения и Вещное право. Она считается в России более чем актуальным, полезным и даже поучительным произведением не только для академической, но и научной, а также для практической работы.

В 1897 г. Е. Васьковский защитил в Санкт-Петербургском университете магистерскую диссертацию «Организация адвокатуры», и 4 года спустя в Казанском университете получил докторскую степень за диссертацию на тему «Цивилистическая методология: Учение о толковании и применении гражданских законов», под руководством своего учителя – профессора Габриэля Шершеневича.

После получения степени магистра Е. Васьковский занимался научно-педагогической деятельностью: с 1897 г. он приват-доцент, с 1904 г. – экстраординарный профессор по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства Императорского Новороссийского университета, с 1906 г. ординарный профессор, в течение трех лет (1906-1909) – проректор по работе со студентами. Однако в 1909 г. он был исключен из Университета за непринятие соответствующих мер в отношении студентов во время событий 1905-1906 гг. После этого Е. Васьковский продолжил карьеру адвоката.

Е. Васьковский одновременно с преподавательской деятельностью также занимался и научной деятельностью. В 1913 году он издал книгу «Гражданско-процессуальная система» (Курс по гражданскому процессу, т. 1 – Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия), и год спустя «Гражданский процессуальный справочник». Это значимые работы в российских исследованиях в области гражданского судопроизводства, которые были вновь изданы после падения коммунизма.

Евгений Васьковский был восстановлен в Университете в 1917 году. Согласие на это было дано Временным правительством. Через год он стал деканом юридического факультета. В то же время он был мировым судьей и председателем собрания мировых судей в Одессе и вел Польский дом в Одессе, учреждение для поляков, живущих там. Его русский период почти закончился, когда 11 ноября 1918 года на сцене вновь появилось польское государство.

Жизнь и карьера Е. Васьковского – пример ученого с замечательными достижениями, важными, по крайней мере, для обоих народов, в жизнь которых он был погружен. Это можно представить как мост между российским и польским обществами, а не только среди ученых. Следует отметить совместную конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения Е. Васьковского, организованную факультетами права Варшавского и Казанского университетов, которая состоялась в Варшаве 22 января 2016 года.

Е. Васьковский был профессионалом, учёным и преподавателем, успешно выполняющим свои роли как в Одессе и Казани, так и в Вильнюсе и Варшаве. Его интересы были теоретическими со значительным влиянием на практическую сторону правового функционирования государства. Коснувшись предмета верховенства права, он по-современному оценивал смысл соблюдения основных правил, связанных с ним. Анализируя роль толкования права, позицию адвоката в этой системе, а также роль суда, он приблизился к сущности верховенства права. Он делал это абсолютно естественным путем. Его язык с одной стороны прост, но с другой – точен. Он красочный, с множеством сравнений, но и строгий одновременно. Его деятельность была, как его стиль: мирная и скромная.

Он жил в беспокойные времена в Императорской России и в Советской России, и затем в Польше. Его личные черты помогли ему жить и работать при сложных и требовательных обстоятельствах, он смог начать свою работу, продолжить её и стать выдающимся учёным в России и в Польше. В обеих странах его считают своим, и это свидетельствует о том, что взаимное уважение к культуре и местным условиям может привести к мирному сосуществованию.

Люди, которые успешно работают в двух разных окружениях, доказывают, что разнообразие может быть достоянием. Это идея, которая была заложена при строительстве Европейского союза. Будучи польскими, немецкими, французскими или литовскими гражданами, учёные, рабочие, клерки одновременно могут быть

связаны с европейским измерением, и это не является противоречием. Жизнь Е. Васьковского доказывает, что быть русским и советским видным ученым не исключает возможности быть польским выдающимся ученым.

Е. Васьковский был не единственным поляком, оказавшим влияние на российские юридические науки. Стоит упомянуть, по крайней мере, несколько других: уже названный профессор Габриэл Шершеневич из университетов Москвы и Казани, чьи работы до сих пор публикуются в России; Леон Петражицкий – выдающийся философ права, живший и работавший как в России, так и в Польше, Владимир Спасович – создатель русской адвокатуры, изображенный Ильёй Репиным, также как известный из книги «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, как адвокат Фетюкович. Интересным примером польско-российских отношений была ассоциация польских студентов в Петербурге «Оголь» («Ogół») и такая личность, как Игнатий Данилович, урожденного русского, интересовавшегося старым польским правом. Его имя было присвоено ассоциации, к которой присоединился Е. Васьковский.

Наследие Евгения Васьковского было забыто в период коммунизма в Польше. Если оно появлялось, то его критиковали как старомодное, не соответствующее реалиям Польской Народной Республики. В настоящее время в свободной Польше он становится все более известным, получая все больше внимания. Его вновь открывают ученые и практики. И так случилось, что юрист гражданского права Людмила Валентиновна ван дер Пол и судья из Нидерландов Рут ван дер Пол напоминают нам – полякам, что у нас был такой значительный исследователь, как Евгений Васьковский в истории юридических наук. Мы должны гордиться этим и начать изучать не только его публикации, выпущенные на польском языке, но и ссылаться на его русское наследие, оказавшее столь значимое влияние на русскую юридическую науку, и на труды Евгения Васьковского, разработанные им при его жизни в Польше.

§ 15. Реконструкция «исторической памяти»

о юридических буднях

в период Великой Отечественной войны: проблемы и перспективы

Доминирование позитивистского контекста в современной российской юридической науке не могло не повлиять на восприятие и изучение значимых событий в истории отечественного права. Данный подход отразился и на правовом измерении истории Великой отечественной войны, «очищенной» от юридических будней советских прокуроров, судей, адвокатов, правоведов. Такие пробелы в исторической памяти о Великой войне не позволяют раскрыть силу влияния прошлого на мышление современного юриста, использовать методы припоминания и повторения для выявления «недочетов и неправильностей в самих основах строения

жизни»⁵⁵⁸, осознания многообразия принимаемых решений в ходе преодоления нынешних юридических проблем.

Отсутствие широкодоступных источников о юридических буднях времен войны привело к тому, что историческая память о повседневных усилиях юристов по поддержанию законности в этот судьбоносный для России период реконструирована лишь на основе официальных актов государственных органов и должностных лиц для поддержания легко запоминающегося образа об институциональных формах национальной идентичности. Советская юридическая литература широко представлена исследованиями о деятельности органов государственной власти в период Великой Отечественной войны (Государственный комитет обороны, Ставка Верховного Главнокомандующего, Совнаркома, наркоматов, местных советов, городских штабов обороны и прочее). В монографиях, диссертациях и статьях детально раскрыто содержание чрезвычайных нормативных актов в период войны и некоторые особенности применения действующего законодательства⁵⁵⁹.

Признавая значимость такого подхода, вместе с тем следует отметить и его недостаточность, и односторонность, так как он лишает юриста впечатлений о живых переживаниях участников событий. Это приводит к стереотипизации исторических событий, а также к ограничению возможностей научно-критического познания и переосмысления сложившейся в годы Великой отечественной войны юридической практики. К сожалению, следует констатировать, что исследований, посвященных военным будням работников юстиции, прокуратуры, суда, адвокатуры мизерное количество, что не может не вызывать удивления. И это тем более удивительно, что авторами первых работ о праве этого периода были участники военных событий⁵⁶⁰. К примеру, Б.С. Утевский, воспоминания которого являются, едва ли не единственным автобиографическим произведением советского юриста о войне⁵⁶¹.

Война, пожалуй, самый сложный предмет объективного научного рассмотрения. И даже тогда, когда приходится анализировать ее победное окончание, потому что победа – это окончание беды, которой является любая война. Это событие, сильно затрагивающее национальную честь, и она возвышается с непреодолимой

⁵⁵⁸ Корольков М. Гримасы жизни. Из воспоминаний военного юриста. Издание русской типографии С.Ф. Филонова, 1929. – С. V.

⁵⁵⁹ Курицын В.М. Советский государственный аппарат в период Великой Отечественной войны / В.М. Курицын // Советское государство и право. – М., 1985. – № 5 (май). – С. 3 – 11; Крашенинников, Павел Владимирович. Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939 – 1961. – Москва: Статут, 2019. – 376с.; Емелин А.С. Развитие законодательства о защите Отечества в годы Великой Отечественной войны / А.С. Емелин // Советское государство и право. – М., 1985. – № 5 (май). – С. 12 – 19;

Гаврилов С.О. Институциональные основа и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. (на примере Западно-Сибирского региона). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, Российский университет дружбы народов, 2017 – 236 с.

⁵⁶⁰ Советское право в период Великой Отечественной войны: в 2-х ч. / Всесоюзный институт юридических наук М-ва юстиции СССР. – М.: Юридическое изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. – Ч. 1: Гражданское право. Трудовое право / под ред. И. Т. Голякова. – 430 с.; Ч. 2: Уголовное право. Уголовный процесс / под ред. И. Т. Голякова. – 214 с.

⁵⁶¹ Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М.: Юридическая литература, 1989. 304с.

силой над всеми другими интересами. С одной стороны, война возбуждает энтузиазм, патриотическую гордость и благородные порывы человеческого сердца. Однако каковы бы не были цели войны она не перестает оставаться злом. Такую оценку войне давали выдающиеся правоведы И. Кант, Гуго Гроций, В.М. Гессен, И.А. Ильин и др. Право силы не признается юридической наукой, но, к сожалению, без помощи силы право не всегда может быть восстановлено.

Насилие есть одно из обычных явлений войны. Его используют и как средство поднятия духа армии и как меру полного уничтожения врага. Особенно это касается войны против российского народа, развязанной 22 июня 1941г. гитлеровцами, которая была тотальной войной на уничтожение и порабощение народов России. Идея геноцида претворялась на оккупированных территориях с ужасающим хладнокровием. Так, на Украине преднамеренно истребили свыше 3 миллионов человек мирного населения, из них около 74 тыс. детей⁵⁶².

Молчит ли право, когда гремят пушки? Считаем, что Великая отечественная война стала настоящим экзаменом и для советских государственных институтов, и для советского права, и для советских юристов. Именно реализация права во всех его проявлениях позволила неизбежное зло – войну сделать менее губительной для мирных людей, сократить вред, напрасные жертвы и жестокости.

Советскими юристами в годы войны накоплен богатейший юридический опыт соблюдения законности в стране в чрезвычайных условиях. Этот опыт сейчас по крупицам можно собрать не только из фондов российских архивов, многие из которых еще не полностью открыты, но и со страниц профессиональных журналов (Советское государство и право, Социалистическая законность), издававшихся весь период Великой отечественной войны.

Данный источник, к примеру, позволяет реконструировать колоссальный опыт, накопленный военной прокуратурой, правовая основа деятельности которой помимо советских законов и указов Президиума Верховного Совета СССР дополнилась постановлениями ГКО СССР и приказами Прокурора СССР и Главного военного прокурора Красной Армии. Сфера надзора военных прокуроров расширялась за счет объектов, переведенных на военное положение, предприятий военной промышленности, железнодорожного, воздушного и водного транспорта.

На военных прокуроров возлагалась сложнейшая в этих условиях задача обеспечения общественного порядка и неотвратимости юридической ответственности на строгих началах законности, принятия мер по предотвращению преступлений в боевой обстановке. Проведение процессуальных действий (опрос свидетелей, расследование, экспертизы) осуществлялось в кратчайшие сроки, зачастую в ночное время. В военное время около 70% уголовных преступлений расследовались в течение от 1 до 5 суток, потому военная прокуратура была призвана проверять законность процессуальных действий.

⁵⁶² Шевяков А.А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны // СОЦИС. 1992. № 11. – С.5-9.

Особым направлением работы военных прокуроров стали надзорные мероприятия по обеспечению строгой законности расследования контрреволюционных преступлений органами государственной безопасности. Благодаря деятельности военных прокуроров были спасены тысячи жизней бойцов, которые растерялись в чрезвычайной обстановке и совершили преступление. Прокуроры, используя ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР⁵⁶³, разрешающую отсрочить исполнение приговора до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию, широко применяли ее. Такая мера не всегда позволяла спасти жизнь человека, но она сохраняла его честь и достоинство, позволяла выжить членам его семьи, обеспеченной статусом семьи военнослужащего.

Во многом слаженная работа прокуратуры обеспечивалась за счет высокого профессионализма ее руководства. Во главе прокуратуры стояли известные советские юристы К.П. Горшенин, К.А. Мокичев. Многие ученые-юристы работали в годы войны военными прокурорами. Так, прокурором I Украинского фронта был известный криминалист Б.М. Шавер, заместителем прокурора Брянского фронта процессуалист М.Я. Савицкий.

Военные прокуроры совместно с органами Государственной безопасности и Чрезвычайной государственной комиссией собрали огромный доказательственный материал о злодеяниях фашистов на территории нашей страны, который позволил проводить процессы против нацистских преступников с 1943 г. в Краснодаре, Харькове, Киеве, Смоленске и других городах. Военные прокуроры участвовали в качестве помощников главного обвинителя от СССР на Международном военном трибунале в Нюрнберге⁵⁶⁴.

Бесперебойную работу прокуратуры обеспечивали женщины-прокуроры. Например, Джиоева стала прокурором Юго-Осетинской автономной области, Хамзина — прокурором Ферганской области, Зотова – заместителем прокурора Сталинградской области, Бахолдина – начальником отдела по спецделам прокуратуры Ашхабадской области. Городскими и районными прокурорами и их помощниками, а также народными следователями работали сотни женщин⁵⁶⁵.

Не только непосредственно методами прокурорской и следственной работы, но очень часто и личным примером в бою они показывали образцы мужества, отваги и стойкости. Прокурорскому работнику в боевой обстановке иногда приходилось выполнять роль командира или комиссара. Вот отдельные примеры. Бригвоенюрист Алексеев находился в части, попавшей в окружение противника. Он возглавил группу бойцов и командиров и своими активными действиями отвлек на себя внимание противника. В течение ночи Алексеев со своей группой

⁵⁶³ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР. редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

⁵⁶⁴ Шатковская Т.В., Науменко Ю.А. Становление понятия «субъект права» в международном уголовном праве (к 70-летию юбилею Нюрнбергского процесса) // Юристы-Правоведь. 2016. № 5 (78). – С.5-9.

⁵⁶⁵ Кругликов М.М. Кадры советской прокуратуры / М. Кругликов // Социалистическая законность. – М., 1942. – № 10 (май). – С. 7 – 11.

сковывал противника и дал возможность подразделениям части успешно выйти из окружения.

В дни обороны Севастополя в неравном бою погиб военный прокурор Черноморского флота А.Г. Кошелев, тысячи военных прокуроров и следователей отдали свою жизнь в сражениях. Около 2000 военных прокуроров и следователей были награждены орденами и медалями. Первым среди прокуроров соединений был награжден орденом Красной звезды В.С. Жабин. Он в сложной обстановке боя участвовал в отражении нападения группы вражеских танков на штаб соединения и вместе с группой бойцов и командиров блестяще выполнил боевую задачу.

Даже в условиях партизанских действий командиры отрядов считали необходимой прокурорскую деятельность по обеспечению законности. Такой пример приведен в заметке, опубликованной в майском номере 1942 г. журнала Социалистическая законность⁵⁶⁶. В одном из партизанских отрядов, организованном из оказавшихся в тылу у немцев военнослужащих, военный прокурор Васильев будучи бойцом-партизаном, выполнял и функции прокурора. Он производил расследование, составлял заключения о степени доказанности вины, указывал, на основании какого закона и какому наказанию подлежит виновный. После этого командование отряда принимало соответствующее решение.

Необходимую в условиях войны твердую дисциплину обеспечивали военные трибуналы, предотвращая совершение преступлений, наказывая по законам военного времени лиц, совершивших преступления. 19 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР обязал немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала нарушителей порядка, провокаторов, шпионов и других агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте. В газете Известия Советов депутатов трудящихся СССР от 22 октября 1941 г. приводится случай, когда в условиях массовой эвакуации мирных жителей из Москвы группа грабителей набрасывалась на людей, отбирая у них личные вещи и избивая их. По суду военного трибунала пятеро из грабителей были приговорены к смертной казни, остальные осуждены на длительные сроки лишения свободы.

Суровая кара по отношению к злостным нарушителям воинской дисциплины, пособникам врага и явным врагам сочеталась с внимательным разбором всех случаев нарушения дисциплины, требующих подробного выяснения обстоятельств дела.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 августа 1943 г. приводится следующее дело. Плотник подсобного хозяйства ОРСА одного из строительных НКПС Васильков 29 мая 1943г. с разрешения бригадира ушел по окончании работы в контору и обязан был 30 мая возвратиться к началу работы на участок. К началу работы 30 мая Васильков не явился и до 20 часов находился дома, объяснив, что его задержала дождливая погода.

Действия Василькова следствием были квалифицированы по ст. 193.1 УК РСФСР. Однако определением подготовительного заседания военного трибунала

⁵⁶⁶ Носов В.И. Военная прокуратура в условиях отечественной войны / В. Носов // Социалистическая законность. – М., 1942. – № 10 (май). – С. 11 – 14.

железной дороги дело Василькова было прекращено на основании ст. 8 УК РСФСР. Трибунал учел, что хотя Васильков формально и совершил преступление, но до того работал добросовестно, не был судим и не подвергался взысканиям. Поэтому трибунал ограничился в отношении Василькова дисциплинарным взысканием.

В Ростовской области в тяжелых условиях приближающегося фронта большинство работников суда, прокуратуры и судебного управления области осталось на своем посту, укрепляя тыл. В районах, временно занятых немцами, работники юстиции и прокуратуры с оружием в руках сражались с врагом.

Народный судья 2-го участка Азовского района Ростовской области, Неклиновского района Гребешок, работая в суде, одновременно состоял в партизанском отряде. Он активно участвовал в разведке и в боевых операциях против фашистских войск⁵⁶⁷.

Героизм проявили народные судьи Вершигорев (Сталинский район г. Ростова) и Колесников (Октябрьский район г. Ростова). Они оставались на своем посту даже тогда, когда немецко-фашистские войска входили на окраинах города. Народные судьи Кривелского района Черноусова и Зверевского района Абашинёв несмотря на то, что гитлеровские войска подходили к району, принимали активное участие в борьбе с врагами, помогая местным органам государственной власти в работе по обеспечению порядка и дисциплины в районе.

Несмотря на то, что, руководствуясь приказом № 106 от 29 июня 1941 г. Народный комиссар юстиции СССР Рычков требовал от судей скорейшего разбирательства и неуклонного выполнения законов военного времени. И многие суды сумели ускорить рассмотрение дел и сократить остатки нерассмотренных дел. Остаток нерассмотренных дел по судам РСФСР на 1 июля 1941 г. составлял 51% среднемесячного поступления, а на 1 января 1942 г. 38,7%. Однако при этом судьи старались учитывать и внимательно рассматривать все обстоятельства дела, особенно при рассмотрении не уголовных правонарушений, за которые предусматривалась уголовная ответственность.

Так, народный суд 8 участка Куйбышевского района г. Москвы 8 июля 1941 г. (народный судья Моджорьян), рассмотрев дело по обвинению гр-на Зверева, опоздавшего на работу на 25 мин., оправдал его на основании его заявления, что «...у них что-то случилось с часами, которые, хотя и ходили, но в этот день отставали...». Народный суд 2 участка Таганского района г. Москвы (народный судья Евтеев), рассмотрев дело по обвинению Дремина по 2 ч. ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г., оправдал его, освободив тем самым от уголовной ответственности. Многие народные судьи не применяли по делам о спекуляции предусмотренную ст. 107 УК РСФСР конфискацию имущества⁵⁶⁸.

⁵⁶⁷ Отрадинский А. Судьи-партизаны Ростовской области: [Работники суда и прокуратуры на фронтах великой отечественной войны] / А. Отрадинский // Социалистическая законность. – М., 1942. – № 5 (март). – С. 19.

⁵⁶⁸ Файнблит С.Д. Работа народного суда во время отечественной войны / С. Файнблит // Социалистическая законность. – Чкалов, 1941. – № 9 – 10 (ноябрь). – С. 16 – 18.

Президиумы коллегий адвокатов и заведующие юридическими консультациями в условиях законов военного времени, по которым дела рассматривались в военных трибуналах по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения обвиняемому, старались обеспечивать права последнего. Они предъявляли судам требование об ознакомлении адвокатов с делами, по которым они выступают в суде, не позднее чем за три дня до слушания дела, отказываясь в противном случае выделять адвокатов для участия в судебном процессе.

В военное время суды значительно увеличили требование о выделении адвокатов для выступления в суде в порядке ст. 55 УПК РСФСР⁵⁶⁹ и соответствующих статей УПК других союзных республик.

Например, адвокаты Бузулукской юридической консультации Чкаловской области за июнь, июль и август 1941 г. провели в суде 101 дело в порядке ст. 55 УПК РСФСР (т.е. фактически бесплатно), и только по 59 делам они выступали по соглашению с клиентами. В Соль-Илецком районе той же области в третьем квартале 1941 г. адвокаты провели 17 платных дел и 35 дел в порядке ст. 55 УПК РСФСР. За первые три месяца войны по всей Чкаловской области адвокаты выступали по требованию судов по 493 делам, из них 425 дел они провели по соглашению с клиентами⁵⁷⁰.

В Ленинграде в прифронтовой полосе, ни на один час не прекращалась работа адвокатов по оказанию юридической помощи населению. Из сообщения начальника Управления НКЮ по Ленинграду Рыхлова от 11 декабря 1941 г. видно, что ленинградские адвокаты быстро перестроили свою работу на военный лад.

Они активно помогали судебным органам правильно применять законы военного времени и оказывали широкую юридическую помощь населению и бойцам Красной Армии. Сотни адвокатов Ленинграда и Москвы с оружием в руках боролись на фронтах отечественной войны. Сотни адвокатов награждены орденами Советского Союза за боевые подвиги и мужество.

Потребность в юридических кадрах была настолько велика, что в условиях войны Ленинградский, Московский, Саратовский, Казанский, Ташкентский, Алма-Атинский и другие юридические институты не прекращали учебный процесс. Помимо учебных занятий в учебные планы были внесены коррективы, связанные с военной подготовкой студентов, которые проходили ружейно-пулеметную, медицинскую подготовку и даже тактику штыкового боя.

В 1942 году на страницах журнала Социалистическая законность известный советский юрист Михаил Александрович Чельцов-Бебутов развернул настоящую юридическую дискуссию о применении Указа от 26 июня 1940 г.⁵⁷¹ в условиях

⁵⁶⁹ Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20 – 21. Ст. 230.

⁵⁷⁰ Круглов Т. Советская адвокатура в условиях отечественной войны / Т. Круглов // Социалистическая законность. – М., 1942. – № 2 (январь). – С. 11 – 14.

⁵⁷¹ Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости ВС СССР. 1940. № 20.

войны, то есть применение уголовного наказания за совершение дисциплинарных правонарушений. Дискуссия имела целью, в том числе, и предотвратить злоупотребление уголовными наказаниями и обеспечить конституционные права советских граждан.

За годы войны была накоплена богатая судебная практика по гражданским делам о возмещении вреда в условиях войны, охраны собственности, гибели и повреждении совхозного и колхозного имущества, велась подготовка учебников и монографий по гражданскому праву.

Во время войны В.М. Чхиквадзе, М.Я.Савицкий, А. Герцензон, Б.С. Утевский и другие советские ученые-криминалисты посвятили свою деятельность военно-уголовному праву. В этой отрасли науки уголовного права появились кадры высококвалифицированных специалистов. Во Всесоюзном институте юридических наук была организована военная секция. Такие проблемы как соучастие и стадии развития в советском военно-уголовном праве; проблема вины в советском военно-уголовном праве; спорные вопросы квалификации в военно-уголовном праве; отсрочка исполнения приговоров в отношении военнослужащих получили всестороннее освящение в научной литературе⁵⁷².

Подводя итоги, небольшого экскурса в юридические будни героев Великой войны отметим, что закон не молчит в условиях войны, а наравне с моралью и нравственностью помогает человеку оставаться личностью. Война стала не только противостоянием государственных систем и их режимов, она стала проверкой мировоззренческих устоев нации и в этой борьбе россияне проявили крепость характера и лучших человеческих качеств и оказались победителями. Эта победа стала символом национального самосознания многонационального российского народа.

Отношение к юриспруденции как инженерному воплощению государственных запросов в юридические формы лишает ее главного идейного стремления к общему благу, человеческой свободе и справедливости как абсолютному началу. В свою очередь юрист-практик, отрицающий эти абсолютные начала, может стать умелым манипулятором, но не служителем правды.

Героизм простых людей, в числе которых было много юристов, опроверг сущностные постулаты сталинской идеологии, которая рассматривала людей как средство для осуществления государственной политики, а право, как способ юридикация любых властных решений.

Юридические будни Великой войны показали, что право не исчерпывается действующим законодательством. И в чрезвычайных условиях помимо, а порой и вместо директив прокуратуры, судьи и адвокаты опирались на исконные начала права. Даже находясь в рамках сталинского законодательства, которое по жестокости, применяемых репрессивных мер превосходило средневековые акты, юристам удавалось придавать своим решениям правовой характер и тем самым высвободить из беспощадных жерновов военной машины самое ценное – человеческие жизни.

⁵⁷² Утевский Б.С. Наука уголовного права во время Отечественной войны / Б. Утевский // Социалистическая законность. – М., 1944. – № 11 (ноябрь). – С. 16 – 23.

Реконструкция юридических будней в условиях Великой отечественной войны поможет россиянам осознать все богатство, а также проблемы и противоречия национального политико-правового наследия и задуматься с учетом этого опыта о системных преобразованиях институтов государства и права России, которые позволяют не только рассуждать, но и реализовать великое предназначение нашей страны.

§ 16. Правовая регламентация сферы трудовых отношений в Советском государстве в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всего советского народа, победа, в которой дорого обошлась всем советским гражданам, включая не только военнослужащих, но и тружеников тыла. Советский Союз вступил в войну менее подготовленным к ведению масштабных военных действий, нежели противник. Нехватка вооружения, боеприпасов, военной техники, обмундирования и продовольствия для обеспечения нужд советской армии вынудило руководство страны в кратчайшие сроки разработать программу мер по ликвидации этой проблемы, и как следствие прибегнуть к ужесточению трудового законодательства.

Одной из целого комплекса мер, предпринятых руководством советского государства для подготовки трудящихся и предприятий промышленности к возможным военным действиям, стало увеличение продолжительности рабочего дня и рабочей недели, а также введение уголовной ответственности за опоздание на работу или самовольный уход с рабочего места⁵⁷³. Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»⁵⁷⁴, регламентировал увеличение продолжительности рабочего времени рабочих и служащих вне зависимости от их места трудоустройства. В связи с чем, продолжительность рабочего дня увеличивалась на час на предприятиях с шестичасовым и семичасовым рабочим днем и на два часа для служащих учреждений, достигших 16 лет. Более того, увеличивалась и продолжительность рабочей недели с пяти рабочих дней до шести рабочих дней. Воскресный день оставался выходным⁵⁷⁵.

Указ также запрещал рабочим и служащим указанных предприятий и учреждений самовольно покидать свое место работы или переходить на работу в другое учреждение или предприятие без согласования и письменного разрешения директора или начальника предприятия либо учреждения, в котором в данный период

⁵⁷³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Электронный ресурс URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3573#02994414679637234> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

⁵⁷⁴ См. Там же.

⁵⁷⁵ Хрестоматия: документы по истории государственного управления в России. – М.: Этносоциум, 2014. – С. 271.

времени работал служащий. Предвидя, что руководство учреждений и предприятий крайне неохотно будет разрешать подобные перемещения работников, законодатель прямо регламентировал такие случаи:

Во-первых, в тех случаях, когда рабочий или служащий страдали тяжелой болезнью или имели инвалидность, и были не в состоянии продуктивно выполнять свои трудовые функциональные обязанности, а администрация учреждения или предприятия не располагала возможностью предоставления таким работникам должности в обязанности которой входил более легкий труд.

Во-вторых, когда достигший пенсионного возраста работник, которому была назначена пенсия по старости, выражал желание выйти на пенсию и прекратить трудовую деятельность.

В-третьих, в случаях, когда рабочий или служащий были зачислены на обучение в образовательные организации среднего или высшего образования, предусматривающие очную форму обучения.

Во избежание заблуждений граждан этот же документ разъяснял, что рабочим и служащим женского пола сохраняются предусмотренные существующим трудовым законодательством отпуска по беременности и родам. За прогул без уважительной причины и за самовольный уход с места работы предусматривалась уголовная ответственность.

Чрезвычайные условия военного времени внесли коррективы не только в мирную жизнь, но и нашли непосредственное отражение в правовом регулировании хозяйственно-политической жизни страны. По оценкам исследователей, летом и осенью 1941 года из фронтовой зоны было вывезено большое количество промышленных предприятий и эвакуировано в восточные районы страны несколько миллионов человек. Оценивая происходящее, известный английский публицист А. Верт, корреспондент Би-Би-си и газеты «Санди таймс», отмечал: «Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года, – это, прежде всего, повесть о невероятной человеческой стойкости»⁵⁷⁶.

Таким образом, с началом военных действий и нарастанием напряженности на фронтах советское руководство было вынуждено изыскать дополнительные трудовые резервы, способные заменить ушедших на фронт и, вместе с тем, сохранить производительность труда.

В этой связи был принят ряд важнейших документов, предоставляющих военным и гражданским властям исключительные права в области регулирования трудовых отношений и направленных на их ужесточение.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении»⁵⁷⁷ в местностях, объявленных на военном положении, военным

властям предоставлялось право на основании пункта 3 привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и иных важнейших объектов, для участия в борьбе пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями, объявлять трудовую и автогужевую повинность для военных надобностей.

Обозначенный подход к решению проблемы нехватки рабочих рук, необходимость обеспечения бесперебойного и нарастающего объема выпускаемой военной продукции, обозначили актуальность принятого Президиумом Верховного Совета СССР Указа «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 года⁵⁷⁸. Документ фиксировал право руководителей предприятий и учреждений торговли, промышленности, в целях ускорения выполнения заданий партии и правительства, направленных на скорейшее обеспечение нужд действующей армии на фронтах, самостоятельно устанавливать, при необходимости, и с разрешения Совета Народных комиссаров СССР, сверхурочные работы для рабочих и служащих предприятий или учреждений, либо отдельных их участков или цехов, продолжительностью от одного до трех часов в день⁵⁷⁹. При этом рабочие или служащие до 16 лет могли привлекаться к сверхурочным работам, но не более двух часов в день. Таким образом, рабочий день взрослого работника мог быть увеличен до 11 часов при шестидневной рабочей неделе, что позволило в первые месяцы войны обеспечить возможность дополнительного запуска производственных мощностей примерно на треть.

Этот же указ регламентировал отмену всех отпусков и замену их денежной компенсацией за неиспользованный отпуск. Семьям погибших военнослужащих выдавались пособия и назначались пенсии⁵⁸⁰.

Вместе с тем предусмотренные денежные компенсации за неиспользованный очередной или дополнительный отпуск назначалась непродолжительный период времени. Уже в 1942 году вышел разъясняющий ситуацию Указ Президиума Верховного Совета СССР «О временном прекращении выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск в 1942 году»⁵⁸¹, который предусматривал временное прекращение таких выплат с 1 апреля 1942 года и обязывал руководителей и администрацию учреждений, организаций и предприятий причитающуюся работнику компенсацию переводить в виде специальных вкладов в сберегательные кассы под три процента годовых. Действие этого указа было продлено сначала на 1943 год⁵⁸²,

№ 29.

⁵⁷⁸ Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Электронный ресурс URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17105#041312575476564795> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ Главные документы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Комсомольская правда, 2015. – С. 22.

⁵⁸¹ Указ Президиума ВС СССР от 9 апреля 1942 года «О временном прекращении выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск в 1942 году» / Ведомости ВС СССР. – 1942. – № 13.

⁵⁸² Указ Президиума ВС СССР от 9 января 1943 года «О продлении на 1943 год действия Указа

⁵⁷⁶ Главные документы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Комсомольская правда, 2015. – С. 21.

⁵⁷⁷ Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» / ВВС СССР. – 1941. –

а впоследствии и на 1944 год⁵⁸³. Указ от 26 июня 1941 года явился основанием для квалификации нарушений в сфере трудовых отношений на трудовые проступки и трудовые преступления.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»⁵⁸⁴ самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военно-промышленного комплекса, включая эвакуированные предприятия и предприятия иных отраслей, обслуживающих военную промышленность, расценивался как преступление, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября 1942 года «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах»⁵⁸⁵ подобное положение о самовольном оставлении рабочего места распространялось на перечисленную категорию работников, служащих и расценивалось аналогичным образом, то есть приравнивалось к дезертирству из воинской части в военное время, караемое тюремным сроком до 8 лет включительно.

Строжайшее соблюдение трудовой дисциплины, обусловленное чрезвычайными условиями военного времени, было связано и с необходимостью четкого функционирования стратегически-важных направлений, в первую очередь транспортной инфраструктуры. В этой связи особо примечателен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 года «О введении военного положения на всех железных дорогах»⁵⁸⁶, регламентирующий ответственность работников железнодорожного транспорта за преступления по службе наравне с военнослужащими Красной Армии.

В соответствии с пунктом «г» статьи 193.7⁵⁸⁷ из раздела «воинские преступления» Уголовного кодекса РСФСР виновные работники железнодорожного транспорта в зависимости от времени отсутствия на рабочем месте и ряда иных обстоятельств (смягчающих и отягчающих вину) подлежали наказанию по законам военного времени к лишению свободы на срок от 3 до 10 лет. Предусмотренная статьей 193.7 высшая мера наказания, преимущественно, к работникам железнодорожного

Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1942 года «О временном прекращении выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск в 1942 году» / Ведомости ВС СССР. – 1943. – № 3.

⁵⁸³ Указ Президиума ВС СССР от 22 декабря 1943 года «О продлении на 1944 год действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1942 года «О временном прекращении выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск в 1942 году» / Ведомости ВС СССР. – 1943. – № 54.

⁵⁸⁴ Указ Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» / Ведомости ВС СССР. – 1942. – № 2.

⁵⁸⁵ Указ Президиума ВС СССР от 29 сентября 1942 года «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» / Ведомости ВС СССР. – 1942. – № 38.

⁵⁸⁶ Указ Президиума ВС СССР от 15 апреля 1943 года «О введении военного положения на всех железных дорогах» / Ведомости ВС СССР. – 1943. – № 15.

⁵⁸⁷ п. «г» ст. 193.7: самовольная отлучка свыше суток является дезертирством и влечет за собой – лишение свободы на срок от пяти до десяти лет, а в военное время – высшую меру наказания – расстрел с конфискацией имущества.

транспорта, совершившим самовольный уход с работы, в отличие от военнослужащих, не применялась.

За совершенные преступления по службе железнодорожников, как правило, по решению военного трибунала увольняли с работы и направляли на фронт в штрафные роты, если закон не предусматривал иные более жесткие виды наказания. Также, было предусмотрено административный арест для нарушителей дисциплины сроком до 20 суток. Как правило, среди таких осужденных преобладали ремонтные и подсобные рабочие, присланные в порядке трудовой мобилизации. Аналогичное правило в 1943 году было распространено и на отрасли речного и морского транспорта⁵⁸⁸.

Так, по оценкам ряда исследователей, опирающихся на архивные данные, в частности, В.Н. Земскова, отмечается, что в годы войны за самовольный уход с рабочего места (1970186), прогулы и опоздания на 21 минуту и более (5529349) всего было осуждено 7499535 человек. При этом за прогулы и опоздания преимущественно назначались исправительно-трудовые работы и вычет из заработной платы. Относительно осужденных за самовольный уход, предусматривающий лишение свободы, многие приговоры выносились условно, а также заочно⁵⁸⁹.

В самых исключительных случаях подобная практика не применялась к общепризнанным передовикам производства, ударникам и стахановцам, которые ограничивались проведенными разъяснительными беседами. Также не частым явлением было привлечение к уголовной ответственности на обозначенных основаниях кадровых рабочих и служащих, поступивших в 1920 – 1930-е годы на работу в добровольном порядке и проработавших добросовестно на предприятии или в учреждении длительный период времени. Таким образом, уголовному преследованию за самовольный уход с работы, прогулы или опоздания, как правило, подлежали мобилизованные граждане, не относящиеся к местному населению⁵⁹⁰.

Особого внимания заслуживает Постановление Совета народных комиссаров СССР от 10 августа 1942 года «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время»⁵⁹¹, еще больше расширяющее сферу привлечения граждан советского государства к трудовой деятельности. Трудовая повинность распространялась на мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин в возрасте от 16 до 45 лет и могла применяться как по месту их постоянного жительства, так и вне пределов места их проживания. Законодательно устанавливался режим рабочего времени и срок привлечения к труду, а также речь шла о некоторых гарантиях, например, сохранении жилищной площади. В частности, срок трудовой повинности мог составлять до двух

⁵⁸⁸ Указ Президиума ВС СССР от 9 мая 1943 года «О введении военного положения на морском и речном транспорте» / Ведомости ВС СССР. – 1943. Электронный ресурс URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37149#03152033903730309> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

⁵⁸⁹ Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Политическое просвещение. – № 2 (79). – 2014. Электронный ресурс URL:<https://www.politpros.com/journal/read/?ID=3167&journal=157> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г. – М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1944. – С. 14.

месяцев продолжительностью рабочего времени в размере восьми часов в день и трех часов обязательных сверхурочных работ.

Несмотря на предпринятые советским руководством меры по запрещению рабочим и служащим самостоятельно менять место работы, работники часто нарушали подобные предписания, что влекло за собой простои и сбои в производстве необходимой для фронта продукции. Сложившаяся ситуация явилась катализатором дальнейшего ужесточения законодательства, регулирующего сферу трудовых отношений.

Уже 26 декабря 1941 года был принят ранее упомянутый Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»⁵⁹², в котором прямо говорилось, что нужды Красной армии и фронта требуют существенного увеличения объема выпускаемой предприятиями военной промышленности продукции, выпуск которой не может быть поставлен в зависимость от кадрового обеспечения таких предприятий. Требовалось введение особых мер по прикреплению рабочих и служащих этих предприятий к своим рабочим местам без права покидать их по своему усмотрению с введением уголовной ответственности за самовольный уход с предприятий. Так, по данным Р.Е. Романова, за опоздание к началу смены более чем на 20 мин. или прогул районные народные суды назначали наказание в виде исправительных работ сроком до шести месяцев и штрафа в размере до 25 % месячного заработка, за самовольный уход с производства — тюремного заключения сроком от двух до четырех месяцев⁵⁹³.

С целью полного прекращения фактов самовольных уходов рабочих и служащих с предприятий военно-промышленного комплекса, а также в целях обеспечения военной промышленности постоянными рабочими кадрами, особенно при экстренном восстановлении полного производственного цикла эвакуированных в восточные районы страны военных предприятий, руководство государством приняло целый ряд важнейших решений.

Во-первых, все рабочие и служащие предприятий военно-промышленного комплекса, в том числе и предприятий, эвакуированных в восточные районы страны, а также смежных предприятий, от которых зависел выпуск военной продукции, признавались мобилизованными и подлежали закреплению для постоянной трудовой деятельности на тех предприятиях, на которых они работали.

Во-вторых, самовольный уход с работы указанных выше категорий работников предлагалось считать дезертирством, привлекать причастных к нему лиц к

уголовной ответственности с назначением наказания в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет.

В-третьих, передавать уголовные дела о самовольном уходе работников с предприятий военно-промышленного комплекса и предприятий иных отраслей, поставляющих продукцию военной промышленности по принципу кооперации на рассмотрение военным трибуналам.

Таким образом, руководство СССР смогло обеспечить предприятия военно-промышленного комплекса постоянными квалифицированными кадрами, что позволило наладить постоянные поставки продукции на фронт.

Обозначенный комплекс мер способствовал усилению снабжения Красной армии, однако не решал всех проблем, стоящих перед советским государством. Не обеспечивалось покрытие необходимых трудовых ресурсов в иных отраслях народного хозяйства, напрямую не задействованных в обеспечении неотложных нужд фронта и обороны страны. В целях полноценного обеспечения народного хозяйства трудовыми резервами была введена трудовая мобилизация. Программа мер по мобилизации советских граждан была намечена уже в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года⁵⁹⁴.

Первыми были мобилизованы рабочие и служащие предприятий военно-промышленного комплекса в соответствии с положениями ранее упомянутого Указа Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Для мобилизованных работников закреплялось в качестве постоянного места работы на период войны соответствующее предприятие военной промышленности.

В рамках обеспечения постоянными кадрами иных отраслей народного хозяйства Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»⁵⁹⁵ расширял сферу субъектов трудовой мобилизации. Данный документ имел огромное политическое и народнохозяйственное значение.

В период с начала 1942 года до июля 1945 года Комитетом по учету и распределению рабочей силы было мобилизовано почти 12 миллионов человек, из них свыше 3 миллионов на постоянную работу на предприятия, стройки и транспорт; более 2,1 миллионов – в трудовые резервы и более 6,7 миллионов – на сезонные работы⁵⁹⁶.

⁵⁹² Указ Президиума ВС СССР от 26 декабря 1942 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» / Ведомости ВС СССР. – 1942. – № 2.

⁵⁹³ Романов, Р. Е. Эволюция системы трудовых стимулов рабочих советской промышленности в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) / Р. Е. Романов. — Текст : непосредственный, электронный // Молодой ученый. — 2017. — № 35 (169). — С. 67-74. — URL: <https://moluch.ru/archive/169/45506/> (дата обращения: 21.04.2020).

⁵⁹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. – Т. 7. – С. 222.

⁵⁹⁵ Указ Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» / Ведомости ВС СССР. – 1942. – № 6.

⁵⁹⁶ Земсков, В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией / В.Н. Земсков // Политическое просвещение. – № 2 (79). – 2014. Электронный ресурс URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=3167&journal=157> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

Указ признавал необходимым провести мобилизацию трудоспособных горожан для работы на производственных и строительных объектах танковой, авиационной и иной промышленности, чья трудовая деятельность направлена на обеспечение фронта вооружением и боеприпасами. К мобилизации привлекались мужчины в возрасте 16-55 лет и женщины в возрасте 16-45 лет, которые не являлись рабочими или служащими государственных учреждений, организаций и предприятий. По данным Р.Е. Романова, за уклонение от него полагались исправительные работы на срок до года⁵⁹⁷.

Документ предусматривал также и категории граждан, которые освобождались от мобилизации. Такими категориями являлись учащиеся различных ремесленных и фабрично-заводских училищ и ряд других категорий граждан.

Таким образом, советское руководство полностью обеспечивало город кадрами для осуществления необходимого объема работ на производстве и строительстве в военное время.

Необходимо отметить, что рассмотренный выше нормативный правовой акт получил свое продолжение в последующем законодательстве военных лет. Уже 19 сентября 1942 года Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «О повышении предельного возраста женщин, подлежащих мобилизации в соответствии с указом «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве от 13 февраля 1942 года»⁵⁹⁸. Новый указ увеличивал возрастной предел женщин, подлежащих мобилизации с 45 до 50 лет.

Весной 1942 года в очередной раз последовало расширение перечня субъектов, подлежащих трудовой мобилизации. На основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы, в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»⁵⁹⁹ была осуществлена мобилизация городского населения, не задействованного на работах на предприятиях промышленности и транспорта. Привлекались для работы в сельских местностях мужчины от 14 до 55 лет, женщины в возрасте от 14 до 50 лет, ученики 6–10 классов неполных средних и средних городских школ, студенты техникумов и высших учебных заведений.

⁵⁹⁷ Романов, Р. Е. От Транссиба до БАМа: эволюция стратегии мобилизационной занятости в контексте освоения Сибири (конец XIX — XX в.) / Р. Е. Романов. Текст : непосредственный, электронный // Молодой ученый. — 2019. — № 2 (240). — С. 172-183. URL: <https://moluch.ru/archive/240/55410/> (дата обращения: 21.04.2020).

⁵⁹⁸ Указ Президиума ВС СССР от 19 сентября 1942 года «О повышении предельного возраста женщин, подлежащих мобилизации в соответствии с указом «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве от 13 февраля 1942 года» / Электронный ресурс URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17143#0718709961733325> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

⁵⁹⁹ Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы, в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» / СП СССР. — 1942. — № 4. — Ст. 60.

Сложившаяся обстановка на фронтах потребовала от населения еще большего сосредоточения всех сил и ресурсов для помощи фронту и бойцам Красной Армии. В связи с чем был принят ряд решений, касающихся привлечения к труду не только взрослого населения, но и увеличения оснований для использования труда подростков и даже детей. Так, проживающие в сельской местности несовершеннолетние, достигшие 14-летнего возраста, обязаны были выполнять сельскохозяйственные работы в совхозах⁶⁰⁰.

Вместе с тем, в предвоенные годы подростки могли заниматься трудовой деятельностью не более четырех часов в день, а с началом войны и этот порядок стал корректироваться в связи с чрезвычайными обстоятельствами военного времени и нехваткой рабочих рук.

Летом 1942 года был принят соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР «О продолжительности рабочего дня для подростков от 14 до 16 лет»⁶⁰¹. Этот документ предусматривал введение шестичасового рабочего дня для подростков в возрасте от 14 до 16 лет, относящихся к категории учеников индивидуального обучения или обучающихся в составе бригады, как во время обучения, так и после его окончания. Таким образом, использование труда подростков в период войны послужило важнейшим фактором в решении кадрового голода. Стало «главной формой комплектования трудовых резервов, получающих обучение в соответствующих учебных заведениях»⁶⁰².

В годы войны все трудящиеся работники женского и мужского пола, задействованные на государственных предприятиях и учреждениях в прифронтовых районах, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября 1942 года «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах»⁶⁰³ были переведены на положение мобилизованных и получали закрепление за конкретным местом работы.

Предусматривалась также и организованная эвакуация таких работников вместе со всем предприятием в восточные районы страны. Государственный Комитет Обороны составлял списки предприятий и учреждений, которым требовалась эвакуация, а переводом работников в разряд мобилизованных занимался военный комиссар города или района. Он же осуществлял контроль за

⁶⁰⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. Т. 7. — С. 282 — 284; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 — 1968). — М.: Политиздат, 1968. Т. 3. — С. 68, 104.

⁶⁰¹ Указ Президиума ВС СССР от 14 июля 1942 года «О продолжительности рабочего дня для подростков от 14 до 16 лет». Электронный ресурс URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4360.htm (Дата обращения 12.03.2020 г.).

⁶⁰² Власов, С. А. Детская и подростковая преступность в Приморском крае в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2. Электронный ресурс // <http://domhorg.ru/vipusk-2-2020-fik/> (Дата обращения 21.04.2020)

⁶⁰³ Указ Президиума ВС СССР от 29 сентября 1942 года «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» / Ведомости ВС СССР. — 1942. — № 38.

соблюдением порядка эвакуации, комплектованием эшелонов и погрузкой оборудования. Указания военного комиссара должны были беспрекословно выполняться руководителями эвакуировавшихся предприятий и учреждений. Для оказания содействия эвакуируемым работникам и в целях охраны оборудования в пути до основного места передислокации военному комиссару вменялось в обязанность закреплять за эшелонами необходимое количество сопровождающих из числа военнослужащих.

Эвакуация мобилизованных работников совместно с предприятием или учреждением представляла собой достаточно сложную задачу, так как совместно с ними эвакуации подлежали и члены семей работников, а также их багаж из расчета 100 килограммов багажа на работника и по 40 килограммов на члена семьи. При этом эвакуированные работники имели право на получение подъемного пособия в размере трехмесячного заработка и такие же пособия на супругу – в размере одной четверти такого заработка и на иждивенцев – по одной восьмой заработка. Все эвакуировавшиеся работники предупреждались об уголовной ответственности за самовольный уход с предприятия, утвержденной ранее обозначенным Указом Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года. Более того, те руководители предприятий и учреждений, которые невнимательно отнеслись к организации эвакуации, не выполняли приказаний военных комиссаров и в полной мере не обеспечили такое важное мероприятие, могли быть привлечены к уголовной ответственности военным трибуналом в виде тюремного заключения на срок от 5 до 10 лет.

Уже с первых дней войны на основании Постановления Государственного Комитета Обороны № 99сс от 11 июля 1941 года «Об эвакуации промышленных предприятий»⁶⁰⁴ была осуществлена невиданная в мире эвакуация промышленности в тыл на восток страны. Всего лишь по истечении нескольких месяцев после эвакуации в Сибирь, на Урал предприятия смогли возобновить производство продукции, необходимой для фронта.

Снижение промышленного производства в СССР наблюдалось лишь в первые полгода войны, а затем был отмечен постоянный рост показателей. На Урале в 1942 году по сравнению с 1940 годом рост более чем в 5 раз, в районах Западной Сибири – в 27, в районах Поволжья – в 9 раз⁶⁰⁵.

Такие показатели объяснялись, в том числе и вынужденным ужесточением трудового законодательства в годы войны, которое коснулось всех тружеников тыла, как в городах, так и сельской местности. И если трудящиеся города привлекались властями для выполнения сверхурочных работ, подвергались мобилизации на предприятиях и учреждениях, работали в условиях повышенной продолжительности рабочего дня и продолжительности рабочей недели, то сельские жители осуществляли свой неоценимый вклад в обеспечение нужд фронта и бойцов Красной Армии повышением количества трудодней.

⁶⁰⁴ Главные документы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: Комсомольская правда, 2015. – С. 40.

⁶⁰⁵ Там же.

В этой связи СНК СССР и ЦК ВКП (б) 13 апреля 1942 года приняли совместное Постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»⁶⁰⁶. Предыдущий минимум трудодней был установлен еще в 1939 году и советское руководство считало, что он с успехом выполняется и даже перевыполняется колхозниками.

Повышение минимума трудодней было предусмотрено в целях повышения количества производимых продовольственных товаров, которые могли быть направлены для обеспечения необходимого снабжения армии и фронта, а также для активизации всех сельскохозяйственных работ и процессов.

Оценивая реальную перспективу отработки необходимого количества трудодней, указ устанавливал уголовную ответственность в виде исправительных работ по месту работы, то есть в колхозе, на срок до шести месяцев с удержанием 25 процентов оплаты за трудодни в пользу предприятия для работников колхозов, которые не выполнили необходимый минимум трудодней без уважительной причины, при этом являясь трудоспособными лицами.

Стоит отметить, что, анализируя специфику трудовой мобилизации на общих основаниях, не стоит забывать и о срочных мероприятиях, которые были реализованы в экстремальных ситуациях военного времени. Так, законодательно была предусмотрена экстренная мобилизация местного населения и специалистов для выполнения определенного вида работ, например, для восстановления коммуникаций, железных дорог и т.п.

Неработающие инвалиды III группы – мужчины в возрасте до 55 лет, женщины в возрасте до 45 лет обязаны были по требованию уполномоченных лиц в трехмесячный срок явиться на работу по месту жительства на предприятие или в учреждение с учетом заключений ВТЭК. Инвалидам, отказавшимся от выполнения работы, прекращалась выплата пенсии⁶⁰⁷. Для работающих инвалидов войны устанавливались льготы. В частности, выплачиваемые пособия по временной нетрудоспособности соответствовали 100 процентам заработной платы независимо от стажа непрерывной работы; сохранение в полном объеме пенсии в независимости от размера заработка, в колхозах – вне зависимости от размера дохода. Привлекались на работу и пенсионеры, для которых сохранялась полная пенсия вне зависимости от размера заработной платы⁶⁰⁸.

Нехватка трудовых ресурсов, особенно, квалифицированных кадров, вынудила советское руководство пойти на исключительные меры. Ряд

⁶⁰⁶ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» / СП СССР. – 1942. – № 4. – Ст. 61.

⁶⁰⁷ Постановление СНК СССР от 28 августа 1942 года «О привлечении на время войны инвалидов III группы, получающих пенсию по государственному социальному страхованию, на работу в предприятия и учреждения». Электронный ресурс URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=30899#00031940290839602703> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

⁶⁰⁸ Постановление СНК СССР от 28 июля 1941 года «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство» // СП СССР. – 1941. – № 17. – С. 336.

квалифицированных, особо ценных и востребованных специалистов были демобилизованы из вооруженных сил⁶⁰⁹.

Оценивая необходимость, своевременность и результативность мер по ужесточению советского трудового законодательства многие исследователи, отмечали, что «советскую экономику удалось в короткое время и без трудностей переориентировать на военные цели благодаря ее специфической организации и своеобразным законам о труде», а самому Советскому государству «решить почти неразрешимые хозяйственно-стратегические проблемы»⁶¹⁰.

Таким образом, была существенно увеличена продолжительность рабочего дня и продолжительность рабочей недели, увеличены нормы выработки, изменена система оплаты труда, произошла отмена отпусков, изменена кадровая политика, укреплены трудовая дисциплина, введена уголовная ответственность за самовольный уход с работы и невыработку трудодней, произведена мобилизация трудоспособных граждан на выполнение разного рода работ, необходимых для обеспечения армии и фронта и многие другие важные мероприятия, направленные на усиление военно-хозяйственного потенциала советского государства.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить: во-первых, чрезвычайные меры в сфере правового регулирования труда в период войны носили безальтернативный характер, были направлены на развитие трудового мобилизационного законодательства, осуществлялись в соответствии с требованиями конкретной ситуации и оформлялись в форме законов военного времени. Во-вторых, война потребовала трансформации обычных форм управления, перехода к мобилизационной модели и ужесточения уголовной политики. В-третьих, в рассматриваемый период произошло логичное усиление трудового законодательства, которое явилось вынужденной мерой в чрезвычайных обстоятельствах военного времени. В-четвертых, накануне и в годы Великой Отечественной войны советское правительство оперативно и своевременно реагировало на складывающуюся обстановку в стране, грамотно мобилизовало и перераспределяло материальные и людские ресурсы, обеспечивало их эффективное взаимодействие.

⁶⁰⁹Постановление СНК СССР от 23 июля 1941 года «О предоставлении Совнаркомов республик и край(обл) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу» / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1968 гг.). – М., 1968. – Т. 3. – С. 35 – 37.

⁶¹⁰ Цит. приведены по: Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Политическое просвещение. – № 2 (79). – 2014. Электронный ресурс URL:<https://www.politpros.com/journal/read/?ID=3167&journal=157> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

§ 17. Нормотворчество в сфере охраны авторских прав в советский период (50-70 гг. XX в.)

*«- Вы же мужчина, еще не снятый с воинского учета.
У Вас обыкновенный вегетативный невроз.
- Что в Вашей жизни было интересного..?
- Война.»*

*Триолог из фильма «Городской романс» 1970 г. режиссера
П. Тодоровского*

Нежность, трепетное отношение, стремление к идеальному в произведениях советского кинематографа 60-х годов XX в., особая уверенность их авторов и действующих лиц в главенстве подлинной любви дает повод задуматься, каковы были юридические условия создания данных принадлежащих и оставшихся в памяти истории русской культуры шедевров. Яблоко доброго, открытого, чистого отношения человека к человеку и к человеческой созидательной деятельности, уроненное девушкой в фильме 1965 г. Михаила Синаевича Богина «Двое» покатило в поле выявления способов не механистического перенесения норм, регулирующих авторские отношения, из источников в источники, а осмысленного благоразумного понимания ограниченности возможностей юридических норм. А, в связи с этим, не остановкой в разработке авторско-правовых норм, а, наоборот, взрывом исследовательской энергии в российской гражданско-правовой науке поствоенного периода. Справедливости ради, отметим, что активизировалась и наука во второй половине 60-х годов XX в. и у славянских соседей, в частности, Польши, особенно занимавшихся вопросом гражданско-правовой ответственности. Внимание ученых занимало, что особенно радует, вопрос выявления особенностей правового режима отдельных групп произведений, которые, что очевидно, были заряжены яркой внутренней формой – идеей. Ею же отличаются такие художественные работы как «Баллада о солдате» Г. Чухрая, «Двое» М. Богина, «Влюбленные» Э. Ишмухамедова.

Произведения авторов означенного периода выражают настроенность на любовь и веру в красоту. Можно ли делать такой вывод, что чуть отдохнувшая от тягот и потерь в Великой Отечественной войне человеческая душа вспомнила и аккумуляровала, отобразив, все то лучшее, что может быть в человеческих отношениях: взаимная любовь и дружба, стремление к истине в деятельности, бережное отношение к условиям человеческой жизни, развития человеческой души, покажет дальнейшая история. Правовое стимулирование деятельности по созданию «искусственных» результатов до 50-х гг. XX в. пробудило авторскую жажду дела, позволило раскрыться сильным душам, обнаружив их красивые сердечные устремления.

Отметим, что в большинстве созданных в период 60-70 гг. произведений вскрывает себя рана войны, искусство становится одним из средств ее излечения. Появление отмеченных результатов, как уже было ранее сказано, сопровождалось разработкой материальных нормативных основ реализации сфер духовной природы

человека. Юридические достижения этого исторического периода в развитии авторско-правовых норм сводятся, в частности, к формулированию уточнений внешних условий и деталей деятельности автора, потребовавших своего обеспечения принудительной силой норм права. Научному обсуждению подверглись особенности охраны различных форм объективизации произведений, наметился поиск конкретизации условий их охраны. В цивилистических трудах М.В. Зимелевой, Я.Ф. Миколенко, В.И. Серебровского, З.И. Шкундина, Б.С. Антимонова, Е.А. Флейшиц, В. Веинке, И.А. Грингольца, В.Я. Ионаса, С.И. Иоффе⁶¹¹ были освещены вопросы, связанные с гражданско-правовой природой отдельных прав авторов, но и важно, что также разрабатывались вопросы, связанные с внешней и внутренней формой произведений.

Реконструктивный период развития российского авторского права, предшествовавший этим теоретическим изысканиям, отличался стимулированием творческой деятельности авторов. В этот период был заложен угол правового взгляда на охрану не произведения как такового, а объективной материальной формы его выражения, характеризующейся возможностью ее воспроизведения. Таким образом, при вполне разумном понимании непостижимости объема личностного вклада в объект самовыражения «художника» любой сферы культурной деятельности, при не дерзновении разрезать авторский «атом», советский законодатель, насколько это было возможно на том историческом этапе развития права, обеспечил такого деятеля определенным объемом правомочий, наиболее четко регламентировав порядок предоставления авторского вознаграждения и гарантий такого предоставления. С другой стороны, последующие исследования корифеев авторско-правовой науки, чутко уловили важность различения собственно особенной деятельности автора по созданию объекта и того, что объективно могло бы охраняться правовыми средствами в появившемся в результате этой деятельности объекте. Например, В.Я. Ионасом была предпринята научная попытка различать «творческие» и «нетворческие» результаты, опираясь на те душевные ресурсы, которые были задействованы автором. И потому им, в частности, был предложен как условие предоставления правовой охраны критерий «новизны» результата. Эта идея признания охраноспособным «нового» объекта была поддержана и в дальнейшем. Интересным представляется его определение появляющегося на свет «творческого результата» как «заранее неизвестного самому автору» – физическому лицу. Важным видится и небезразличное отношение советского законодателя к нравственной, этической направленности форм созданного произведения и средств, и способов выражения его содержания. Различая доктринально к тому времени внутреннюю и внешнюю формы произведения, как ранее было указано, юридически значимыми усматривали

⁶¹¹ В. Веинке Авторское право, Б.С. Антимонов Е.А., Флейшиц Авторское право, В. Варкалло Об ответственности по гражданскому праву, С.Н. Братусь, К.А. Граев, М.В. Зимелева, В.И. Серебровский, З.И. Шкундин Советское гражданское право, Е.Л. Вакман, И.А. Гринголец Авторские права художников, В.Я. Ионас Критерий творчества в авторском праве и судебной практике, О.С. Иоффе Основы авторского права: Авторское, изобретательское право, право на открытие, В.И. Серебровский Вопросы советского авторского права.

систему образов и язык произведения, а в совокупности же с сюжетным ядром и идейным содержанием все эти составляющие произведения нормативно призваны были выполнять роль идейного и эстетического воспитания. Сделаем предположение, что это понимание не бесполезности и не бесцельности деятельности авторов культурных артефактов впоследствии выльется в нормативное представление о произведении как о результате творческих именно «усилий», но с уверенностью утверждать не станем. С наступлением так называемого в 60-е гг. периода либерализации норм об авторском праве, характеризуемого распространением на них влияния международного нормативно-правового регулирования авторских отношений, складывается впечатление, что национальный законодатель начинает утрачивать чувство российского пульса, постепенно теряя уже выявленные авторско-правовой наукой смыслы, во многом начиная отрицать, а не приводить в порядок все добытое, связав и последовательно изложив, что собственно и составило бы российскую науку о деятельности авторов. Может потому, изменившееся к 1970 г. яблоко обнаруживает себя в устах исполнителя роли Мити фильма «О любви», а вопрос от желаемой им невесты: «Митя, неужели успех автора важнее самой идеи?», получает нелюбвеобильный ответ: «Это нельзя разделить». И насколько любовь – дар и плод в человеческом сердце сильной души важна как центральное устремление жизни личности, настолько и вредно пренебрежение разработкой нормативных средств защиты национального творческого потенциала в свете сохранения и приумножения духовного и нравственного исторического наследия России.

В рамках обращения к современной проблематике авторского права, вытекающей из заложенной в его основание концепции, привлекает внимание проблема «ущемления» прав человека творческого в условиях участия Российской Федерации в большинстве международных договоров, для преодоления которой представляется необходимым заняться восстановлением смыслов понятий «академической свободы» и «форм, способов самовыражения человека» (которые могут и не быть отмечены созидательной устремленностью и направленностью их делателя), подлежащих ограничению на основании, например, международных актов в силу их губительного влияния, в частности, на психическую целостность человека. Требуя своего российского доктринального разъяснения вопрос о соотношении понятий «формы культурного самовыражения», которые нормами международного права названы «имеющими культурное содержание результатами творчества отдельных лиц, групп или обществ» и «результата интеллектуальной деятельности граждан РФ», формы выражения которого перечислены в Гражданском кодексе РФ.

§ 18. Уголовная репрессия: критический анализ в условиях современности

Постановка проблемы. Сложно говорить об эффективности уголовной репрессии вне контекста изменения социальных условий, в которых формируется преступное поведение. А реальность такова, что достижения прогресса получают все более широкое распространение во многих сферах жизни общества. Прав С.Я. Лебедев в том, что «технологический жизненный уклад все более, буквально с каждым днем, активно уводит человечество в область виртуальных социальных контактов»⁶¹².

Задолго до начала экономического кризиса 2020 года, осложненного пандемией COVID-19 и последовавшим за ней массовым переходом к использованию дистанционных технологий для работы, обучения, занятий спортом и досуга, ученые – криминологи обосновывали полезность современных алгоритмов машинного обучения и индуктивных исследовательских процессов, как для научных, так и для практических нужд⁶¹³. К примеру, с 2008 года в Словакии реализуется Национальный проект «Центральный регистр диссертаций», который служит интегрирующей системой для приобретения, архивирования и обнаружения плагиата диссертаций из академических информационных систем словацких университетов⁶¹⁴.

Некоторые ученые проводили специальные исследования с целью доказать полезность алгоритмизации правоприменительной деятельности, которая в перспективе могла бы осуществляться не только за рабочим столом практикующего юриста, судьей в зале судебного заседания, но вполне возможно и в удаленном доступе. В частности, американские исследователи, анализируя влияние искусственного интеллекта (далее – ИИ) на правоприменительную деятельность, обращают особое внимание на становление под влиянием ИИ в США рынка электронных юридических услуг. Так, ими впервые были уточнены пять видов юридической деятельности, которые неизбежно изменятся с развитием ИИ: поиск информации по обстоятельствам дела; поиск прецедентов; составление документов; подготовка материалов дела; прогнозирование исхода дела⁶¹⁵. В 2016 г. Верховный суд Англии разрешил судьям использовать предиктивное кодирование (технология «компьютерной аналитики»), то есть компьютерной выборки документов, показавшую свою эффективность по ряду крупных гражданских дел в США и Англии, по которым объем

⁶¹² Лебедев С.Я. Право и безопасность в цифровом мире // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения). Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2019. – С. 221.

⁶¹³ Roche, S.P., Pickett, J.T. & Gertz, M. The Scary World of Online News? Internet News Exposure and Public Attitudes Toward Crime and Justice. *J Quant Criminol* 32, 215–236 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10940-015-9261-x>.

⁶¹⁴ Drlík M., Munk M., Skalka J. (2011) Usage analysis of system for theses acquisition and plagiarism detection. *Procedia Computer Science*, 3, pp. 866–871.

⁶¹⁵ Макгиннис Дж.О., Пирс Р.Дж. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-podryv-kak-iskusstvennyy-intellekt-menyayet-rol-yuristov-v-okazanii-yuridicheskikh-uslug> (дата обращения: 08.04.2020).

относящихся к делу документов достигал порядка миллиона копий). Следует с сожалением констатировать, что в это же самое время в нашей стране запись в первичные юридические документы в основном осуществляется вручную. Вероятно, это объясняется историческими причинами формирования отечественного уголовно-процессуального права и профессиональной среды. Романо-германская правовая семья, к которой принадлежит российское право, не так подвижна к нововведениям, как право англо-саксонской семьи⁶¹⁶.

Криминологи отмечают повышение значимости использования цифровых технологий при решении задач уголовной политики⁶¹⁷. В этих целях надлежит использовать стандартные методы анализа криминальных реалий (метод ожидания-максимизации и метод перспективных карт точек доступа) и мер реагирования на них, в том числе математические⁶¹⁸. В частности, американские исследователи предприняли попытку распространить существующие теории преступности на преступления, связанные с использованием технологий, такие, как цифровое пиратство. Они исследовали способность теории социального обучения Акерса объяснять вероятность участия в цифровом пиратстве, а также вопрос, в какой степени процесс социального обучения способствует воздействию ряда заслуживающих внимания корреляций цифрового пиратства среди студентов колледжей, посещающих различные университеты (n = 585), опираясь на систему моделирования структурных уравнений⁶¹⁹. Другие авторы предлагают использовать один из методов математической физики – метод функций Грина – для получения прогноза с хорошей точностью на основе открытых источников информации о десяти видах преступлений. Одним из достоинств данного метода является низкая вычислительная стоимость в случае высокой плотности событий и / или большого количества изучаемых данных⁶²⁰. Очевидно, что разработка и внедрения подобных методов требуют налаживания более тесного и конструктивного сотрудничества криминологов, математиков, инженеров.

В свою очередь, мы же попробуем спрогнозировать возможности дальнейшей цифровизации в нашей стране с позиции отражения «цифровых аспектов» в праве и их возможных последствий для уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной сфер.

Уголовно-правовая репрессия и цифровые технологии. Одним из современных вызовов для уголовного права следует признать появление новых угроз безопасности личности, общества и государства, и, как следствие, необходимость

⁶¹⁶ Жестеров П.В. Конклюдентное доказывание как вектор современной уголовно-процессуальной репрессии // Российский следователь. – 2017. – № 4. – С. 20-23.

⁶¹⁷ Максимов С.В., Васин Ю.Г., Утаров К.А. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 4. – С. 476.

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ Morris R.G., Higgins G.E. (2010) Criminological theory in the digital age: The case of social learning theory and digital piracy. *Journal of Criminal Justice*, Volume 38, Issue 4, pp. 470-480. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2010.04.016>.

⁶²⁰ Kajita M., Kajita S. (2020) Crime prediction by data-driven Green's function method. *International Journal of Forecasting*, Volume 36, Issue 2, pp. 480-488. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2019.06.005>.

определения объектов уголовно-правовой охраны и их места в системе Особенной части УК РФ. По мнению С.Я. Лебедева, «это неизбежно предопределяет необходимость соответствующей цифровой трансформации уголовно-правового ресурса, направленного на обеспечение своими средствами и механизмами предупреждения общественно опасных деяний, развивающихся в новом цифровом пространстве»⁶²¹.

Некоторые ученые отмечают, многие современные технологии сегодня недооцениваются с точки зрения реальных и потенциальных рисков, а законодатель в этой ситуации занимает выжидательную позицию, поэтому развитие и модернизация уголовного права выступают как объективная необходимость, а от уголовной политики требуется выявлять слабые звенья в системе защиты и выстраивать новые механизмы воздействия на негативные факторы⁶²². Наблюдается некоторое запаздывание правового регулирования. В частности, А.И. Чучаев, анализируя появление беспилотных транспортных средств и исходящие от них угрозы безопасности дорожного движения и безопасности личности граждан, справедливо подчеркивает отсутствие ясности «в отношении субъекта ответственности» и обосновывает необходимость их «адекватного отражения в системе законодательства России»⁶²³.

Уголовно-процессуальная репрессия и цифровые технологии. Текущим глобальным вызовом стала пандемия COVID-19, в силу которой многие государственные структуры, в том числе суды, пошли на беспрецедентные меры по ограничению распространения инфекции, и, как следствие, доступ к государственным услугам и правосудию был частично ограничен. В частности, в период с 18 марта по 8 апреля 2020 г. по рекомендации Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ в судах по всей стране: приостановлен личный прием граждан, а доступными способами подачи документов в суд остались лишь почтовая связь и электронные Интернет-приемные (если они созданы в суде, в большинство судов есть лишь адреса электронной почты, без полноценных сервисов электронных приемных). По факту направленные в адрес судов и мировых судей документы в этот период принимались, но не регистрировались. По уже начатым гражданским делам выносили определения о приостановлении гражданского дела, а по административным делам – определения о переназначении даты судебного заседания. Исключения составляли категории дел безотлагательного характера (об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни). Рассматривались категории дел, подпадающие под порядок приказного и

упрощенного производства⁶²⁴. Кроме того, судебная практика пошла по пути выбора вида административных наказаний, не связанных с арестом (опять же в профилактических целях – с тем, чтобы лишний раз не аккумулировать граждан в ИВС).

Уже 8 апреля 2020 г. было принято новое постановление на период с 8 по 30 апреля 2020 г., в котором судам предписано начать регистрировать документы, поданные по почте и в электронном виде. Был расширен перечень дел и материалов безотлагательного характера путем включения в него дел: об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3, 4, 5 ст. 29.6 КоАП РФ; о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста; об обеспечении иска. В этот период продолжится рассмотрение дел в порядке приказного и упрощенного производства, а также дел, все участники которых заявили ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие (если их участие не является обязательным)⁶²⁵.

По справедливому утверждению Х.Д. Аликперова, «законодательная и правоприменительная модель отправления правосудия по уголовным делам достигла точки бифуркации, в силу чего перестала справляться с вызовами времени, отвечать современным международным стандартам в сфере уголовного судопроизводства»⁶²⁶.

Следует констатировать, что отечественная уголовно-процессуальная система технологически отстает от современных реалий. Во-первых, технологии, даже если и внедряются, то только в качестве вспомогательных инструментов для: хранения вещественных доказательств на электронных носителях информации (ч. 5 ст. 82 УПК РФ); проведения допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ). Как видим, упомянутые достижения не затрагивают сути отправления правосудия по уголовным делам.

Во-вторых, попытка перевести судебную систему на дистанционные «рельсы» работы показала несостоятельность этой идеи: с одной стороны, мы видим отсутствие условий для реализации требований действующего законодательства об электронных подписях, используемых для совершения юридически значимых действиях⁶²⁷, а с другой – подрывается ключевой принцип деятельности судов – принцип гласности, закрепленный в ст. 9 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁶²⁸. О какой гласности может идти речь, если судья будет отправлять правосудие из дома, а

⁶²¹ Лебедев С.Я. Криминологическое осмысление идей профессора А. И. Марцева об общем превентивном потенциале уголовного закона и перспективах их воплощения в эпоху глобальной цифровизации // Актуальные проблемы учения о преступлении. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Марцева. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 23.

⁶²² Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2016. – С. 4.

⁶²³ Чучаев А.И. Робомобили и безопасность личности: уголовно-правовые проблемы // Криминалист. – 2019. – № 1(26). – С. 98.

⁶²⁴ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации 18.03.2020 № 808 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supcourt.ru/files/28814/> (дата обращения 08.04.2020)

⁶²⁵ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации 08.04.2020 № 821 [Электронный ресурс]. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_080420.pdf (дата обращения 08.04.2020)

⁶²⁶ Аликперов Х.Д. Компьютерная программа определения меры наказания. Материал доклада, сделанного в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе 15 февраля 2019 г. – С. 14.

⁶²⁷ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения 08.04.2020)

⁶²⁸ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 30.10.2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения 08.04.2020)

рассмотреть определенные категории дел в закрытом судебном заседании с использованием дистанционных технологий также невозможно. И хотя использование участниками уголовно-процессуальной деятельности средств аудио-, видеофиксации процессуальных действий позволяет в дальнейшем не только сверить тексты первоначальных и последующих показаний лица (услышать дословные показания в виде прямой речи допрашиваемого), но сами условия, в которых проводится подобное судебное разбирательство по-прежнему противоречат общему правилу уголовного судопроизводства на стадии судебного разбирательства, содержащемуся в ст. 240 УПК РФ, о том что все важные для уголовного дела доказательства подлежат непосредственному исследованию. Как видим, несоблюдение этого требования может послужить основанием для обжалования результатов судебного разбирательства, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Уголовно-исполнительная репрессия и цифровые технологии. Многие исследователи обращают внимание на необходимость дальнейшей цифровизации уголовно-исполнительной сферы. Использование технологий позволит не только улучшить процесс управления осужденными лицами, но и стать эффективным инструментом для решения задачи по их исправлению, особенно тех из них, кто не в первый раз попал в места лишения свободы⁶²⁹. Кроме того, использование цифровых технологий в СИЗО и исправительных учреждениях может затрагивать нравственные установки задержанного или лица, уже отбывающего наказание (это могут быть: растерянность, внешнее безразличие, суицидальные попытки вследствие обострения чувства вины, деятельное раскаяние и т.п.). В этой связи некоторые авторы предлагают использовать цифровые игры, которые предоставляют заключенным дополнительный инструмент для управления временем, взаимодействия с другими заключенными, ощущения «выхода» из тюремных стен, переживания эстетических эмоций и восстановления чувства контроля над ситуацией⁶³⁰. В целом поддерживая эту идею, отметим, что использование цифровых игр не просто отвлечет лиц от испытываемых ограничений, но и снизит уровень насилия в колониях, особенно для несовершеннолетних, где, по утверждению Я.И. Гилинского, «царит неданная жестокость по отношению друг к другу»⁶³¹.

Следует отметить, что осужденные, находясь в местах лишения свободы, особенно на достаточно длительные сроки заключения, отстранены от цифровой экономики. Тем самым в эпоху масштабного внедрения в повседневную жизнь информационных и коммуникационных технологий они превращаются в наиболее отсталую группу населения страны. Многие из них уже сейчас не умеют взаимодействовать с другими людьми теми способами, которые с каждым днем

становятся все более обычными и само собой разумеющимися для каждого, это и обмен сообщениями, фото- и видео-материалами через социальные сети, мессенджеры, осуществлять видеозвонки, участвовать в видеоконференциях, обучаться с использованием дистанционных технологий, читать печатную и электронную продукцию с элементами «дополненной» реальности⁶³². Представляется затруднительным спрогнозировать те «цифровые» навыки они недополучат, и от каких достижений цифровой экономики будут полностью изолированы в ближайшие годы при сохранении текущих требований к режиму пребывания в местах лишения свободы и ограничений, сопровождающих их на протяжении всего срока исполнения наказания. Вместе с тем контент-анализ новейших криминологических публикаций свидетельствует о том, что становится все меньше сторонников такого ограничения как запрещение заключенным доступа к компьютеру, средствам связи и информационно-телекоммуникационным сетям⁶³³. По мнению зарубежных криминологов, в условиях динамично изменяющемся мире уголовное наказание, сопровождающееся длительным сроком лишения свободы, приводит лишь к социальному отчуждению заключенного⁶³⁴.

Полагаем, что усилий, направленных на улучшение бытовых условий в исправительных учреждениях, уже недостаточно для того, чтобы полноценно и в полном объеме соблюсти права осужденных⁶³⁵. Целесообразно осуществлять дальнейшее прогнозирование результатов пребывания осужденного в пенитенциарном учреждении и моделирование его ресоциализации в условиях все большей цифровизации общества.

В заключении следует резюмировать, что в условиях прогнозируемой тотальной цифровизации жизни общества уголовная политика не может оставить без надлежащего правового оформления, меняющиеся общественные отношения, осложненные цифровым элементом. Дополнению цифровым элементом подлежат, как материальные нормы уголовного закона, так и уголовно-процессуальные процедуры и условия исполнения назначенного уголовного наказания. Криминологическое прогнозирование, учитывающее цифровую составляющую уголовной репрессии, позволит вычислить последствия и риски последующего освобождения, а также иные постпенитенциарные последствия отбытия уголовного наказания, которые в сложившейся неблагоприятной ситуации достаточно непредсказуемы. Дискуссия о современных тенденциях цифровой криминологии не закончена и ждет новых научных исследований.

⁶²⁹ Кобец П.Н., Краснова К.А. Криминологические проблемы взаимосвязи рецидивной преступности и бандализма // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 3. – С. 15-20.

⁶³⁰ Ribbens W., Malliet S. (2015) Exploring the appeal of digital games to male prisoners. *Poetics*, 48, pp. 1-20, <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2014.10.007>.

⁶³¹ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание, переработанное и дополненное. – СПб: Алет-Пресс, 2014. – С. 511.

⁶³² Кобец П.Н. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими и террористическими группировками, и необходимости противодействия киберпреступности // Вестник развития науки и образования. – 2016. – № 6. – С. 4-9.

⁶³³ Жестеров П.В. Резервы уголовной репрессии при взаимодействии уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества // Российская юстиция. – 2018. – № 11. – С. 55-58.

⁶³⁴ Jewkes Y., Reisdorf B. (2016). A brave new world: The problems and opportunities presented by new media technologies in prisons. *Criminology & Criminal Justice*, Volume 16, Issue 5, pp. 534-551, <https://doi.org/10.1177/1748895816654953>.

⁶³⁵ Кобец П.Н., Краснова К.А. Международный опыт и практика применения пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 5. – С. 35-41.

Глава III. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

§ 1. «Переживание» истории в контексте государственно-правовых систем переходного типа⁶³⁶

1. К вопросу о соотношении понятий «переживание» и «история». Можно ли историю «переживать» и «пережить»?

В современном русском языке термин переживание используется в трех основных смысловых контекстах:

- Чувственное отношение к проблеме, имевшей либо имеющей место в человеческой жизни. Причем проблема может «переживаться» независимо от того имела она место в прошлом, существует ли в настоящее время, либо возможно возникнет в будущем. «Нахлынули воспоминания, а вместе с ними и переживания»; «переживаю как вам там на чужбине живется»; «мы все переживаем о будущем России».

- Преодоление определенного, как правило, негативно оцениваемого жизненного периода. «Беду надо пережить». «Пережитки проклятого прошлого». «Пережитая война».

- Форма сочувствия человеку, попавшему в негативную проблемную ситуацию и вместе с тем коллективное преодоление общей беды. «Мы вместе с тобой переживаем обрушившееся на тебя горе». «Вместе мы все невзгоды преодолеем, все напасти переживем».

Таким образом, понимание переживания как правило связано с субъективным отношением к проблеме негативного плана. При этом «переживающий» субъект может иметь непосредственное отношение к предмету переживания («переживаю за детей, родителей, друзей и т.п.), либо относится к нему сугубо опосредованно («переживаю за судьбы человечества»).

Определившись с пониманием переживания, следует внести ясность в вопрос о том, что такое история.

В современном понимании, история – это: 1) последовательное изменение любого процесса от прошлого к настоящему, фиксируемого с помощью определенной временной шкалы, 2) описание такого рода процессов, 3) комплекс наук об изменении и развитии общества в целом и его различных подсистем (стран, цивилизаций, этносов, социальных институтов, духовной жизни и т. д.). Кроме того, в русском языке, история – это рассказ о чем-либо или о ком-либо, как правило, не претендующий на истинность и «историческую достоверность». В таком понимании история представляет собой синоним сказки, мифа, повествования, которые достаточно легко можно просто выдумать.

Полисемичность термина «история» обуславливает иллюзорность пропагандистских заявлений о недопустимости фальсификации истории. Если речь идет о

⁶³⁶ Данный параграф выполнен Р.А. Ромашовым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00794А «Государственно-правовые системы современного мира».

хронологии явлений и событий, то следует просто фиксировать имевшие место факты, не давая им субъективной исторической оценки. Если же мы пытаемся объединить историческую хронологию и историческую интерпретацию, то следует исходить из множественности оценочных позиций и точек зрения, которые нередко приобретают не только противоречивый, но и взаимоисключающий характер. При этом о фальсификации истории чаще всего заявляет та сторона, которую по тем или иным причинам не устраивает позиция оппонента. Таким образом, имеет место монистическая модель мышления, в соответствии с которой «из всех точек зрения на рассматриваемый предмет правильной является только одна – моя».

Сложность заключается в том, что в условиях изменения парадигмы миропонимания в относительно короткий хронологический период меняется и представление о «правильной» истории. В частности, в советской историографии фигура последнего российского императора Николая II оценивалась исключительно в негативном контексте, свидетельством чему является широко распространенная в трудах советских авторов титулатура «Николай Кровавый»⁶³⁷. В современной России произошло радикальное изменение «исторической правды», следствием чего было причисление убитого большевиками самодержца к лику святых⁶³⁸. Получается, что кардинальное изменение исторических оценок само по себе вполне допустимо и начинает рассматриваться как «фальсификация истории» только в том случае, когда осуществляется стороной, мнение которой по той или иной причине не устраивает государственную власть, выступающую, на всех этапах генезиса отечественной науки, в качестве основного куратора, заказчика и оценщика научных исследований во всех сферах общественной жизнедеятельности. И национальная история, в данном случае, исключением не является⁶³⁹.

Определившись с пониманием отдельно взятых терминов «переживание» и «история», следует попытаться синтезировать их в единую смысловую конструкцию «переживание истории». Представляется, что такая конструкция предполагает два аспекта восприятия: динамический и статический.

В рамках динамического аспекта, мы все переживаем, т.е. находимся в состоянии движения (перехода) от одной исторической точки бытия, к другой. В своем глобальном понимании начало переживания истории – это рождение, завершение – смерть. При этом не имеет большой разницы то о каком объекте исторического переживания идет речь. Это может быть история отдельно взятого человека, семьи, династии, государства. Все, что связано с человеческой культурой когда-то возникает из небытия и когда-то возвращается в небытие. В таком понимании историю нельзя пережить, поскольку история существует только в хронологических рамках жизни и заканчивается (умирает) вместе с жизнью. Переживание истории – это

⁶³⁷ См.: Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II в современной отечественной историографии: реальность и перспективы// Вестник Томского университета. Серия: История, 2005. № 289. С. 16.

⁶³⁸ См.: Бочарников И.В. Император Николай II. Хозяин земли русской //Человеческий капитал. 2018. № 4 (112). С. 9-19.

⁶³⁹ Ромашов Р.А. Пóлц, государство, state: циклы политогенеза. Монография. СПб., 2019. С. 16-17

процесс жизненного движения, наиболее образно представленного известным соломоновым принципом: «Все пройдет, и это (любое событие в жизни человека и общества) пройдет тоже».

Динамика субъективного переживания истории применительно к человеческой жизни представлена последовательной сменой хронологических дат: рождения, обучения, семейного положения, имущественных приобретений, заболеваний, смерти. Соответственно переживание государственной истории предполагает хронологию, в рамках которой последовательно меняют друг друга исторические этапы возникновения, становления, стабилизации, стагнации, кризиса, разрушения (трансформации).

В статическом аспекте переживание истории есть состояние субъекта, эмоционирующего по поводу того или иного исторического этапа, заданного предметом восприятия и оценки. Статика переживания истории, представляет субъективную попытку придания эмоциональному историческому образу значения «исторической правды (справедливости)». Сама история при таком подходе, представляется в качестве отдельных завершенных периодов (циклов), каждый из которых переживается в качестве «самостоятельной завершенной истории». Как уже отмечалось, у различных субъектов «исторического переживания», видение исторической правды по отношению к одним и тем же явлениям, и событиям может быть кардинально противоположным, при этом каждый из них в рамках монистического мышления, беспартийно настаивает на истинности только одной, а именно собственной версии истории. В приведенном нами примере, связанном с исторической оценкой личности последнего российского императора, сочетаются два исторических переживания. В рамках советского, император – сугубо негативный персонаж, в постсоветской интерпретации – мученик, отдавший жизнь за Отечество. При этом и первое, и второе переживание сосуществуют в качестве самостоятельных версий «исторической правды».

Получается, что статическое переживание истории, во-первых, есть ни что иное, как ее субъективное восприятие, которое может меняться в зависимости от изменений как самой исторической реальности (смена политических режимов, форм правления и государственного устройства и т.п.), так и от отношения к этим изменениям со стороны субъектов исторического переживания (ученых, политиков, обычных граждан и др.), а во-вторых, конечная по отношению к переживающему состоянию величина. В плане статике переживать и соответствующим образом оценивать можно только уже завершённый исторический период. Следовательно, переживание истории, с одной стороны, есть следствие и результат ее хронологического завершения, а с другой – стремление к переосмыслению с целью восстановления «исторической правды», которая, в свою очередь определяется современным, для того кто «переживает» историческую ретроспективу, субъективным целеполаганием.

2. Гипотеза «циклической» истории государственно-правовой системы

Государственно-правовая система – это логическая умозрительная конструкция, в рамках которой объединяются и определенным образом взаимодействуют

такие структурно-функциональные элементы как общество (народ, нация), государство (государственный аппарат), право (формальные источники права, правотворческий и правореализационный процессы, правовое мышление и правовое поведение).

Государственно-правовая система формируется в рамках определенного социально-исторического времени; живет и развивается вместе с ним. Завершение социально-исторического времени, определяющего функциональную жизнедеятельность локальной государственно-правовой системы, по сути, то же самое, что завершение жизни для отдельно взятого человека. В подобном понимании история государственно-правовых систем, представляет собой процесс смены замкнутых циклов государственно-правового развития.

В отличие от линейного подхода, предполагающего «бесконечное (вечное)» существование единожды возникшей государственно-правовой системы, находящейся в постоянном процессе поступательного развития, циклический подход, опирается на гипотезу «замкнутой на себя истории», на определенном этапе возникающей из социального хаоса (социального ничто) и на определенном же этапе в хаос (ничто) преобразующейся.

Гипотеза циклической истории государственно-правовых систем является попыткой осмысления детерминант, предопределяющих направленность и содержание государственно-правового развития (политогенеза). При этом за основу будет принято несколько положений.

Отношения, предопределяющие структуру социальной организации, базируются на том или ином типе взаимодействия публичных и частных интересов. В наиболее общем виде следует выделить два основных типа отношений:

приоритет публичного интереса по отношению к частному и рассмотрение последнего в качестве производного от публичного и вторичного по своей социальной значимости;

приоритет частного интереса по отношению к публичному и восприятие последнего с точки зрения «осознанной необходимости». Ограничение частного интереса публичным допускается постольку, поскольку носитель частного интереса осознает необходимость такого ограничения в целях упорядочения отношений с другими субъектами частных интересов, разрешения возникающих спорных ситуаций, а также обеспечения эффективной защиты собственного интереса от разного рода негативных посягательств.

Государство представляет собой форму социальной организации, создаваемой в целях упорядочения отношений между людьми, защиты социума от внешних и внутренних угроз, а также осуществления публичной политической власти. В историко-теоретической науке традиционно разграничиваются два направления возникновения и трансформации государства: западный и восточный. В основу такой дифференциации положено деление Римской Империи на Западную (католическую) и Восточную (православную), с последующей ассоциацией в качестве «восточной цивилизации» любой другой культуры, не принимающей системы

«западных ценностей». Так, появление на политической карте мира социалистической системы обусловило понимание в качестве «восточных» тех стран, где установились коммунистические и прокоммунистические режимы.

На наш взгляд, деление государств на западные и восточные мало что дает в конструктивном плане, поскольку носит сугубо условный характер и не наполнено какой бы то ни было функциональностью. Более конструктивным представляется проводить дифференциацию по принципам соотношения и взаимодействия государства, общества, личности. В рамках предлагаемого подхода все государства могут быть условно подразделены на две группы: либертарные (от лат. *libertas* – свобода) и тотальные (от лат. *totalis* – весь, целый, полный; лат. *totalitas* – цельность, полнота)

Либертарный подход предполагает формирование государства как инструмента обеспечения частных интересов и прежде всего права частной собственности. Государство упорядочивает отношения между собственниками, разрешает конфликты между ними и привлекает к ответственности нарушителей установленных правил. При этом государство воспринимается как организованный и управляемый посредством общих правил и механизмов союз носителей частных интересов (союз собственников).

Тотальный подход предполагает создание государства как инструмента, посредством которого социум сплавливается в монолитное целое – «государственный мир», единый и неделимый. С созданием такого «целого» первоначально связываются масштабные коллективные работы, требующие централизованного планирования и высокой согласованности в деятельности отдельных социальных составляющих (ирригационные работы, строительство пирамид и т.п.). При этом политическая власть в таком государстве, по сути, является неограниченной и бесконтрольной. Государь является хозяином государства, так же как помещик, владеющий своей вотчиной. В собственности государя находится не только земля, но и подданные «государевы люди». Причем место «государева человека» в системе социально-политической иерархии всецело зависит от «государевой воли». Естественно, что при подобном подходе частные интересы отдельных представителей социума значимы настолько, насколько способствуют реализации и безопасности публичного интереса (по сути, интереса государя).

Отношения политической власти и частной собственности следует рассматривать в контексте соотношения публичных и частных интересов.

В государстве либертарного типа частная собственность выступает в качестве основной ценности, а политическая власть воспринимается в качестве ценностной детерминанты, обусловленной наличием частной собственности. В подобном понимании основными задачами власти являются создание и поддержание режима, упорядочивающего отношения между собственниками, обеспечивающего эффективное разрешение конфликтов как между самими собственниками, так и между собственниками и государством, а также создающего эффективную систему гарантий, позволяющих защищать собственность от различного рода негативных

посягательств. Таким образом, частная собственность является первичной, а политическая власть – производной от нее.

В государстве тотального типа в качестве объекта собственности выступает само государство. При этом все, что в данном государстве находится, принадлежит государю. Естественно, что ни о какой частной (в смысле, обособленной от «государства-государя») собственности речь не идет. В подобной системе качественным образом меняется механизм приобретения и приумножения собственности, если для либертарного государства – это создание, наследование, накопление, то для тотального – это, в первую очередь, экспроприация (причем, последняя воспринимается в качестве абсолютно правомерной, поскольку правом на распоряжение любой собственностью в государстве наряду с непосредственным владельцем обладает государь либо его вассал, наделенный соответствующими полномочиями). Таким образом, обладание политической властью рассматривается в государстве тотального типа как условие приобретения и приумножения собственности. Политическая власть является первичной, а частная (более точно, личная и коллективная) – производной от нее. В подобном государстве возникает ситуация, когда реальным собственником человек является только при условии занятия соответствующего положения в аппарате политической власти.

Развитие либертарного государства осуществляется по принципу спирального (мутирующего от лат. *mutantur* – изменяющийся) цикла. Анализ данного направления государственного развития позволяет говорить о последовательном накоплении опыта, связанного с разграничением публичных и частных интересов и установлением определенного баланса между ними.

Политическая власть в подобном формате отношений представляет собой вид управленческого труда. Специфика такого труда определяется его элитарностью (власть осуществляют представители социальных элит/стратов, относящихся к «верхним слоям» общества и сочетающих личную свободу и достоинство). Ротация представителей управленческого аппарата носит последовательный характер, при этом объективные закономерности «вхождения во власть и восхождения во власти» предопределяют смену поколений управленцев и восприятие каждым последующим поколением опыта, полученного предшественниками.

Развитие тотального государства (к данному типу, как нам представляется, относится Россия) осуществляется в рамках круговой (повторяющейся) цикличности по принципу, который мы условно назвали «принципом прерывистой истории». В соответствии с данным принципом каждый новый исторический цикл является концептуальным повторением предыдущего и включает в себя следующие стадии:

приобретение политической власти;

нейтрализация реальных либо потенциальных соперников, способных претендовать на получение власти (формы нейтрализации, как правило, сводятся к изгнанию из государства (Курбский, Троицкий, Березовский и т.п.) либо физическому уничтожению. Примеров российская история демонстрирует огромное количество);

экспроприация частной собственности и ее трансформация в публичную собственность (по сути, собственность государя);

наделение властными полномочиями своих сторонников;

распределение собственности по принципу местничества – чем выше место вассала в системе политической иерархии, тем большей собственностью он обладает;

усиление тенденций автономизации и децентрализации, обусловленных сочетанием политической власти и собственности. При этом вассал начинает воспринимать себя в качестве «регионального государя». Чем более он автономен от «великого государя», тем в меньшей степени он зависим от него. В подобных условиях снижается эффективность централизованного управления, что приводит к ослаблению единого централизованного государства и обуславливает кризис системы управления;

появление центра активности, направленной на разрушение существующей системы управления;

разрушение ранее существовавшей системы управления и начало формирования новой системы. При этом за основу берется принцип отрицания позитивной значимости опыта, накопленного в предшествующий период. Предшествующая история объявляется «неправильной», поскольку «правильной» является только новейшая, вновь создаваемая история. По сути, данный этап является завершением предшествующего и началом следующего цикла.

3. Традиционные и переходные государственно-правовые системы

Как правило, при характеристике государственно-правовых систем исходят из их оценки в качестве стабильных (применительно к формам правления, административно-территориального устройства, политического режима) образований, существование и функционирование которых определяется устоявшейся государственно-правовой традицией.

В таком понимании традиционная государственно-правовая система – это сложившийся и стабилизировавшийся государственно-правовой порядок социальной организации и управления, воспринимаемый в качестве легального и легитимного тремя и более поколениями граждан (подданных). Подобное представление существенным образом отличается от предлагаемого Н.В. Разуваевым концепта традиционного государства, как структурно-функционального образования, предшествующего появлению государства современного (регулярного, правового)⁶⁴⁰. Профессор Н.В. Разуваев в своих рассуждениях оперирует концепцией исторической сменяемости юридических форм права, в соответствии с которой исторически первой правовой формой являлся правовой обычай (традиция), постепенно вытесненный из широкого правового оборота источниками (нормативным актом, прецедентом, юридической доктриной и др.) юридическая сила и гарантированность которых обеспечивались при помощи специализированных государственных средств и прежде всего посредством

⁶⁴⁰ См.: Разуваев Н.В. Понятие и признаки правового государства // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 64-65.

профессиональной государственной бюрократии, опирающейся в своей властно-распорядительной деятельности на общегосударственные ресурсы (административный, финансовый, силовой и т.п.). Таким образом, по мнению Н.В. Разуваева традиционное государство (точнее государственно-правовая система), в ходе исторического развития сменяется государством «регулярным» (бюрократическим). Для меня же понимание государственно-правовой традиции «восходит» к исторической школе права, в рамках которой правовая культура рассматривается по аналогии с культурой языковой. И для той, и для другой характерны особенности определяемые отношением к локальной национально-исторической идентичности, определяемой в большей степени не формальным, а субстанциональным правом, являющимся воплощением пресловутого «народного духа»⁶⁴¹.

Условием возникновения «народного духа», является наличие народа, выступающего в качестве коллективного носителя национальной государственно-правовой культуры (традиции). Точно так же как русский человек говорит и думает на отличном от других, русском языке, ему свойственно «по-русски» воспринимать и оценивать государство, гражданином которого он является, и право, при помощи которого определяется его место в системе социальной жизнедеятельности.

При этом глобальные изменения в национальной государственно-правовой системе влекут «пресечение» сложившейся национально-исторической традиции и возникновение государственно-правовой системы переходного типа, в рамках которой предшествующая традиция уже утратила свое сплачивающее и управленческое воздействие, а новая традиция еще не сложилась. В переходной государственно-правовой системе сосуществуют два основных социальных страта, представители которых являются выразителями двух общественных порядков: разрушенного и созданного на «обломках старого мира». Естественно, что «победители», считают разрушенный ими «старый» порядок, «неправильным», отсюда и стремление обосновать неизбежность и «историческую предопределенность» его деконструкции с последующим построением государственно-правовой системы «нового исторического типа». При этом в целях ускорения перехода к «новому порядку», его строители и защитники в ряде случаев прибегают к процедуре принудительной «очистки» общества от представителей «старого мира» – носителей чуждой, а следовательно, вредной «новому человеку» государственно-правовой традиции. В качестве примеров таких «чисток» можно привести репрессивную политику по отношению к представителям «бывших эксплуататорских классов» проводившуюся в Советской России, процессы денацификации в послевоенной Германии, а также процессы декоммунизации имевшие место в ряде постсоветских государств бывшей Восточной Европы.

Следует особо подчеркнуть, что отказ от предыдущей государственно-правовой традиции, не означает ее автоматической замены новой, поскольку для формирования традиции необходимы как минимум три поколения (отцы-дети-дети детей),

⁶⁴¹ См.: Исаев И.А. Факт против нормы: вызов «Исторической школы права» // История государства и права. 2012. № 8. С. 2-6.

живущих в относительно стабильных условиях. Таким образом, возникновение государственно-правовой системы переходного типа связывается с разрушением предшествующего ей порядка общественной организации и управления и пресечением, положенной в основание этого порядка государственно-правовой традиции. Завершение «перехода» предполагает установление новой традиции, с условием, что она закрепились и легитимизировалась в правосознании как минимум трех поколений граждан.

Переходный период государственно-правовой системы предполагает два вида переживания истории. С одной стороны, имеет место динамика переживания (проживания) «новой» истории, возникшей в момент возникновения новой государственно-правовой системы и представляющей собой социально-историческое время, измеряющее ее жизнедеятельность. С другой стороны, новая власть стремится «пережить» историю уже пережитую «в прошлой жизни», с тем чтобы подчеркнуть объективную закономерность и неизбежность происшедших трансформационных изменений, а также обосновать при помощи отсылки к прошлому собственные неудачи.

4. Переживание истории на переходных этапах российской государственно-правовой системы

Как уже отмечалось ранее, для российской государственно-правовой системы на всех циклических этапах ее истории, является традиционным восприятие государства в качестве иерархической пирамиды – государства, в своей структуре и функционировании замкнутой на персонифицированной фигуре фактического российского государя, должностное наименование которого не имеет большого значения. Это может быть князь, царь, император, генеральный секретарь, президент. Главное, что независимо от названия, в лице находящемся «на троне» и чиновники («государевы люди») и «простой народ» видят «хозяина земли русской», со всеми вытекающими из такого восприятия последствиями. Понимание государства как объекта владения и управления со стороны государя, придает формальному праву сугубо инструментальный характер. «Право – возведенная в закон воля государства». «Простой человек» к такому праву относится с изначальным предубеждением, не видя в нем гарантию собственных прав и ассоциируя, прежде всего со средством контроля, ограничения, наказания. При этом нигилистическое отношение к «писанному государевыми людьми» позитивному праву, представляющему собой «Закон – дышло...», сочетается с идеализацией права «уравнительной справедливости», задачей которого является достижение всеобщей гармонии добра.

Несмотря на межциклическую общность восприятия российской государственно-правовой традиции, следует отметить, существенное отличие в деталях, характеризующих государственно-правовое устройство России в условиях имперского, советского и постсоветского циклов.

Государственно-правовая система, сложившаяся в царской (императорской) России, опиралась в своей организации и функционировании на легализованную и легитимизированную иерархию, закреплявшую социальное неравенство

практически во всех областях общественной жизнедеятельности. Император – благородные сословия (дворянство и духовенство) – «простой» народ; русские – представители Православия как государственного вероисповедания – инородцы (иноверцы); мужчина как глава и хозяин семьи – женщины и дети, фактически лишены самостоятельной правосубъектности. Имперская национальная традиция, просуществовавшая более трехсот лет, основывалась прежде всего на восприятии незыблемости (вечности) царствующей династии Романовых и выражалась в известной триаде графа Уварова «Православие-самодержавие-народность», в рамках которой закреплялись две основные «национальные скрепы» – государственная религия – Православие и глава государства – царствующий император, являющийся «хозяином земли русской и русского народа».

Советская государственно-правовая система возникла как следствие и результат разрушения аналогичной системы Российской Империи, рассматривавшейся в качестве регрессивной по сравнению с социалистической общественно-экономической формацией. Русского православного человека сменил советский коммунист-атеист, верящий не в Бога, а в торжество мирового коммунизма. Соответственно на смену «единой неделимой России», под властью православного императора пришел Союз Советских Социалистических Республик (в котором Россия – РСФСР была всего лишь одним из равноправных субъектов – «республик свободных»), где юридически государственная власть принадлежала советам народных депутатов, а фактически узкому кругу партийных функционеров (Политбюро ЦК КПСС), неформальным лидером которого, равно как и неформальным главой государства выступал «глава партии» – секретарь. С отменой частной собственности и уничтожением сословного неравенства идеологи нового строя связывали создание общества нового типа, основанного на всеобщем равенстве и справедливости. Считалось, что национальные государственно-правовые системы в процессе построения всемирного коммунистического сообщества постепенно отомрут, уступив место на политической арене новым формам общественного самоуправления.

«Переживание» советской истории завершилось одновременно с завершением существования советского государства и права. То же самое можно сказать о советской государственно-правовой традиции. Однако, в отличие от советской власти, открыто провозгласившей «исторический разрыв» с историей Российской Империи и провозгласившей начало нового исторического этапа развития не только в Советской России, но и во всей мировой истории, постсоветская Россия, несмотря на то, что самим фактом своего возникновения обязана разрушению СССР, на уровне декларации демонстрирует правопреемство как с советской, так и с имперской, а также с древнерусской историей, провозглашая и закрепляя на конституционном уровне положение, в соответствие с которым «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». В своем выступлении посвященном борьбе с коронавирусом, Президент России, заявляет о терзавших

Россию печенегах и половцах, тем самым подчеркивая историческую неизменность российского государства как обособленного политико-правового образования – «вечной России»⁶⁴². В новогоднем (2020 г.) обращении к российскому народу Президент говорит о наших предках – героическом, негибаемом поколении победителей. Безусловно, любой человек вправе использовать в своей речи метафоры. Метафора, использованная Президентом, для меня как для гражданина России безусловно приятна. Однако если постараться разобраться насколько она соответствует той самой исторической правде, то выясняется, что сделанное заявление отнюдь не бесспорно.

Итак. *Поколение, колея, колено*... Во всех этих словах корнем является *кол* – первичная единица измерения. Отсюда и название забора – частокол, и самая низкая, т.е. начальная, оценка в школьном дневнике. Колено – это не только название сустава, но и степень измерения исторического родства: «до пятого, шестого и т.п. колена».

Поколение – это *последующее* колено, связанное с предшествующим родственными связями, общими традициями, исторической памятью. Повторяемость событий в рамках жизни трех и более поколений формирует жизненную колею – направление движения, ограниченное в своей направленности «частоколом» правил, условностей, пониманий, из которых, собственно говоря, и складывается то, что мы называем национальным характером, духом, менталитетом.

Поколению, пока оно последующее, идущее по следу, оставленному предшествующим, нельзя сойти с колеи, что создает впечатление ее вечности (постоянности) и будущей неизменности. Советские люди пропевавшие слова гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь» точно знали, что советская колея будет *всегда* вести советские поколения к победе коммунизма, с построением которого абсолютно серьезно связывалось установление «земного рая» для всего прогрессивного человечества.

С всемирной победой коммунизма «переживаемой и на сегодняшний день пережитой истории не получилось, с социализмом, кстати, тоже. Вот только гимн нынешней России, переживающей собственную государственно-правовую историю, ведущую отсчет с 1992 г., как и прежде, провозглашает «братских народов союз вековой», а поколение советских людей, привычно поменявших верность коммунистическим идеалам на веру во «вновь обретенного» Бога, занимая главенствующее положение в политике, образовании, религии, пытается сохранить правила поведения в условиях советской колеи и навязать их тем, кто родился и вырос в другой стране и в другой системе ценностей, для кого память и связанные с ней переживания о революции, войне, ГУЛАГе не более чем достаточно абстрактные исторические даты, необходимые в первую очередь для сдачи пресловутого ЕГЭ.

Нам, как и раньше, говорят «сверху», что мы должны знать историю своей страны, всякий раз подчеркивая, что история делится на правильную и

неправильную, «искаженную/фальсифицированную». Правильную историю «переживаем» мы «правильные россияне», а неправильную – наши внутренние и внешние враги – «коллективный Запад». Мы, нынешние – «поколение Путина». Путин поднял нас, нашу Россию с колен, возродил нас как великую нацию, заставил относиться к нам с уважением. А основу уважения в российской «колее» для всех поколений неизменно составлял и составляет страх. Мы – единая команда, сплоченная лидером нации и патриотизмом, в основу которого положена память о Великой Войне и Великой Победе. Нас, нынешних, объединяет советское прошлое, независимо от того, что те, кому сегодня нет тридцати, в этом прошлом не жили и их прошлым оно не является. Нам по-прежнему внушают страх перед внутренним и внешним врагом, победить который можно только еще большим страхом – перед самим государством.

Создадут ли сегодняшние постсоветские российские граждане собственную традиционную «колею», по которой пойдут следующие «несоветские» поколения россиян, сохранится ли в будущем единое российское государство, покажет равнодушное время. Точно известно одно – если историческая колея заводит поколение живущих в государстве людей в тупик, переживаемая человечеством история на этом не заканчивается.

§ 2. Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе⁶⁴³

Отечественная юриспруденция в XX веке была связана с нормативным пониманием права, который утвердился в СССР благодаря фигуре А.Е. Вышинского и его трактовке сущности права, одобренном на Совещании 1938 года. Несмотря на идеологические фразы об отличиях советской науки о праве от нормативизма Ганса Кельзена, в реальности отечественная теория права представляла собой юриспруденцию о понятиях, поэтому анализ таких социальных фактов как «историческая память» не мог изучаться эмпирически. Идеология социалистического государства провозглашала единство власти и народа и поэтому все иные интерпретации, которые могли бы пошатнуть данный идеологический тезис были недопустимы.

Поэтому, по нашему мнению, для анализа юридических форм переживания истории необходимо использование современной юридической теории и методологии. Современная теория права, которая способна раскрыть на доктринальном уровне проблемы правового сознания и менталитета, должна учитывать особенности современного социального государства и правового регулирования в информационном обществе. При оценке публично-значимых решений, связанных с историческими фактами, в социальных науках часто используется категория «симулякр».

⁶⁴² См.: Путин пообещал победу над коронавирусом вслед за печенегами и половцами // <https://www.rbc.ru/society/08/04/2020/5e8dc9619a79471de7cdf9e1>

⁶⁴³ Данный параграф выполнен В.В. Денисенко при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00796 «Делиберативность как принцип принятия публично-значимых решений: юридическое измерение».

Симулякр – (от лат. *simulo*, «делать вид, притворяться») «копия», не имеющая оригинала в реальности⁶⁴⁴. Сам термин ввел научный оборот французский ученый Жорж Батай, однако мы используем его в данной работе с позиции Ж. Бодрийяра, чья интерпретация данного слова придала ему популярность. С позиции Ж. Бодрийяра, симулякр – это не просто обман или вымысел, это ситуации, когда в результате симуляции или имитации реальности, формируется объект так называемой «гиперреальности», то есть симулякр. Жан Бодрийяр определяет следующий порядок симулякров: «первый порядок — имитации, чучела, копии, подделки; этот порядок — характеристика эпохи Ренессанса; второй порядок — функциональные аналоги, серии, что характеристика эпохи промышленной революции; третий порядок — гиперреальность (деньги, мода, ДНК, модель, общественное мнение), характеристика эпохи постмодернизма»⁶⁴⁵. В современный исторический период, которые многие ученые характеризуют обществом постмодерна, симулякры должны являться важным объектом изучения постклассической юриспруденции⁶⁴⁶. Начиная с 70-х годов XX века в Западной Европе и Северной Америке (в дальнейшем и в ряде других стран) формируется общество постмодерна, которое включает в себя ряд принципиально новых феноменов. В данной работе, мы не ставим задачу раскрыть концепцию общества постмодерна и теории правового постмодернизма, сосредоточившись лишь на том, аспекте общества постмодерна, который вынесен в заголовок статьи. Жан Бодрийяр указывал, что эпоха постмодерна – эпоха тотальной симуляции. В ситуации постмодернистского общества, «...когда реальность превращается в модель, противопоставление между действительностью и знаками стирается, всё превращается в симулякр, то есть в копию, изображающую что-то, либо вовсе не имевшее оригинала в реальности, либо со временем его утратившее»⁶⁴⁷. В качестве примера симулякра политической жизни Бодрийяр приводит войну в Персидском заливе 1991 года. Эту военную кампанию ученый описал в книге «Войны в Заливе не было», впервые раскрывая вопросы средств массовой информации, которые, уже не просто искажают реальность, а создают её. Изображение события на телеэкране как бы заменяет собой саму реальность, делая «излишним» само событие⁶⁴⁸. В современном обществе происходит изменение экономики, «надстройка определяет базис, труд не производит, а социализирует, представительные органы власти никого не представляют. Современную эпоху характеризует чувство утраты реальности»⁶⁴⁹. Поэтому специфика современных общественных отношений уже не может анализироваться при помощи классической методологии М. Маркса. Учет

⁶⁴⁴ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/30992>.

⁶⁴⁵ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/42020>

⁶⁴⁶ Честнов И.Л. Постклассическая теория права / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.

⁶⁴⁷ <http://cheloveknauka.com/etika-simulyakrov-zhana-bodriyyara>

⁶⁴⁸ Дух терроризма. Войны в Заливе не было = La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu (1991); L'Esprit du terroirisme (2002); Power Inferno (2002); сборник / пер. с фр. А. Качалова (2015). — М.: Рипол-классик, 2016. — ISBN 978-5-386-09139-2.

⁶⁴⁹ Бодрийяр Ж., "Симулякры и симуляция" / "Simulacres et simulation" (1981, рус. перевод 2011, пер. А. Качалова. — М.: Рипол-классик, 2015. — ISBN 978-5-386-07870-6)

особенностей общества постмодерна позволяет известному отечественному правоведам В.В. Лазареву сделать вывод, что общая теория права и государства есть симулякр. «ОТПГ и есть та копия, то зеркало, тот набор знаков, который призван отразить то, что нельзя ни взвесить, ни измерить, поскольку нет той инстанции, того мерила, которым бы безоговорочно можно было измерить представляемое теорией государство и право. Только сама теория претендует на эту роль, но, как мы понимаем, в теории нет определенности (разные теории, разные оценки), нет и той истинности, на которую могли бы надеяться. Государство представляет общество или господствующую элиту? Теория рисует и то, и другое, но вдруг выясняется, что оно представляет «одного себя любимого»⁶⁵⁰.

Именно специфика современного информационного общества позволяет говорить ученым-правоведам об эпохе симуляции применительно к правовой системе. Ю.А. Веденеев отмечает, характеризуя современное общество постмодерна: «Новая юридическая картина мира эпохи постмодерна своей апологией размытого, сегментарного, плюралистического правопорядка, по существу, легитимирует отказ от универсального и общего права в пользу ситуативного и партикулярного, а в конечном счете – юридической войны всех против всех. Постклассическая юриспруденция – это юриспруденция возвращения в доправовое социальное состояние, существующее за рамками нормативных принципов формального равенства и эквивалентности. Право социальных отношений вытесняется правом социальных трансакций, юридическое содержание которых непрерывно переопределяется в зависимости от их месторасположения в обезличенной и анонимной сетевой структуре общения»⁶⁵¹. Поэтому следует согласиться с мнением В.В. Лазарева: «ОТПГ способствовала и способствует мифотворчеству, выполняя политический заказ. На этом основании можно ей в качестве науки отказать. Но здесь оставим в стороне и экономику, и политику. Важнее обнажить гносеологические корни. Теоретики вспоминали о них, когда, например, указывали на причины множественности теорий, связывая их, в частности, с природой познания (превознесением одной стороны предмета в ущерб другим). ... Можно проиллюстрировать это на примере постижения любимой женщины, но, в той же мере, и на примере постижения государства. Именно в процессе постижения (прежде всего на уровне познания) приходят к истинам (чаще относительным), но в том же процессе постижения рождаются симулякры»⁶⁵². Гуманитарные науки в любой исторический период были связаны с идеологией, несмотря на попытки Кельзена, создать «чистое» учение о праве, однако в современный период существует ряд факторов, которые радикально меняют правовую науку, основанную на рациональном легализме.

⁶⁵⁰ Лазарев В.В. Юридическая наука: продолжение полемики // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 108. № 11. С. 10-24.

⁶⁵¹ Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6. С. 648.

⁶⁵² Там же. С.16.

Прежде всего, это феномен сверхрегулирования (или если использовать иной термин «юридификации общества»), который связан с формированием социального государства. Юридификация общества – это расширение предмета правового регулирования, которое сопровождается ростом количества и специализации позитивного права⁶⁵³. Современная правовая система в экономически развитых странах регулирует позитивным правом более 80 % общественных отношений, заменяя правовыми нормами, нормы морали и обычая. Поэтому именно правовая сфера является собой сферу симулякров, так как практически все общественные отношения, так или иначе, регламентируются законодательно. Процесс юридификации имеет исторические причины. Немецкий философ Ю. Хабермас выделяет четыре исторических этапа юридификации западного общества. Первоначально «...этот процесс был связан с периодом абсолютизма, когда позитивное право монополизировало право государственного принуждения за монархом, ослабив феодальное влияние. Затем происходит расширение правового регулирования в связи с формированием либерального правового государства, когда после буржуазных революций конституционное регулирование закрепляет гарантии политических и экономических от вторжения власти. Третий этап связан предоставлением гражданам всеобщего избирательного права, что естественно расширило сферу позитивного права. Последняя четвертая «волна» юридификации связана с формированием социального государства «всеобщего благоденствия»⁶⁵⁴. Расширение правового регулирования – это неизбежный исторический процесс, связанный с развитием современных государственных институтов. Значение расширения сферы действия права оценивается в целом положительно, так как связано с обеспечением гарантий прав человека в современный период. «Три последующие волны юридификации гарантировали рост свободы постольку, поскольку они были способны обуздать в интересах граждан и частных правовых субъектов политическую и экономическую динамику, которая была высвобождена правовой институционализацией таких средств, как власть и деньги», отмечает Ю. Хабермас⁶⁵⁵. Однако, наряду с позитивной ролью расширение правового регулирования несет и отрицательные последствия. Современный исследователь Р. Сасскинд отмечает: «...для управления создано слишком много законов ...наши нынешние методы управления правовыми средствами, основанные на бумажных и печатных технологиях, не способны решить проблемы с объемом и сложностью права, которое управляет нами»⁶⁵⁶. Неизбежным последствием юридификации общества является замена морали, обычая и иных социальных норм позитивным правом. В результате, во второй половине XX века, возникает ряд негативных последствий, таких как кризис легитимности и потеря эффективности закона. Связано это со сложностью понимания современных законов, а также с

⁶⁵³ Денисенко В.В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56-62.

⁶⁵⁴ Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol.2. – P.357.

⁶⁵⁵ Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol.2. – P.357.

⁶⁵⁶ Susskind R.E.

невозможностью влияния на право граждан без представителей. Механизм социального действия позитивного права значительно отличается от действия иных социальных норм. Право основано на принуждении и связано с государственным насилием, в то время как мораль и обычаи формируются и меняются в процессе речевого взаимодействия, то есть через перформативы. Перформатив – это слово, которое является действием. Концепцию перформатива заложили исследования Дж. Р. Остина и Дж. Л. Серля. Джон Остин в работе «Слово как действие» впервые в философии рассматривает речь не как средство передачи информации, а в качестве действия изменяющие состояние внешнего мира⁶⁵⁷. Речь, как действие изменяет мир не физический, а социальный. Язык воздействует на социальные межличностные отношения, изменяя социальные, в том числе и юридические факты. До Остина философы считали, что речь человека служит для описания явлений, действий. Между тем, есть высказывания, не описывающие события, а осуществляющие действия. Такие высказывания Дж. Остин и называет перформативными, они могут характеризоваться удачными либо неудачными (устная сделка, обещание). Но если исследовать не построение предложений, а ситуации общения, то все слова являются действиями. Теория речевых актов была положена в основу теории коммуникативного действия, разработанной Юргеном Хабермасом и Карлом-Отто Апелем⁶⁵⁸. Поступок и речь нельзя свести, по мнению Хабермаса к деятельности, направленной на достижение цели, например, к трудовой деятельности. Помимо целерациональной работы существуют коммуникативные действия, связанные речевыми актами и взаимным ожиданием: «Под «работой» или целерациональными действиями я понимаю либо инструментальное действие, либо рациональный выбор, либо их сочетание. Инструментальное действие руководствуется техническими правилами, основанными на эмпирическом знании. ... Под «взаимодействием», с другой стороны, я понимаю коммуникативное действие, символическое взаимодействие. Оно руководствуется обязывающими консенсуальными нормами, которые определяют взаимные ожидания относительно поведения и которые должны быть поняты и признаны, по меньшей мере, двумя действующими субъектами. В то время как значимость технических правил и стратегий зависит от значимости эмпирически истинных или аналитически правильных высказываний, значимость социальных норм основана только на интересубъективности взаимного понимания намерений и обеспечена общим признанием обязательств»⁶⁵⁹. Коммуникативное взаимодействие регулируется социальными нормами, которые нельзя считать производными от трудовой деятельности. Исторические изменения общества с точки зрения коммуникативной теории следует рассматривать как два не сводимых друг к другу процесса: изменение целерациональной деятельности и развитие форм коммуникативного

⁶⁵⁷ Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. – М., 1986. – С. 26-27.

⁶⁵⁸ Апель К.-О. Трансформация философии. – М., 2001; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. 2000.

⁶⁵⁹ Habermas J. Technology and Science as «Ideology». London. 1971. P.91-93.

взаимодействия. Современное социальное государство активно регулирует экономику правом, которое уже не является производным надстроечным явлением. Поэтому схема «базис и надстройка» не отражает всех причин общественных изменений, противоречий, возникающих в праве. Становится очевидным, что не только и не столько экономические интересы порождают эти противоречия. Так, в работе «Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермас указывает, что в развитых западных обществах в последние десятилетия возникли социальные конфликты, которые существенно отличаются от традиционных для капитализма конфликтов, связанных с распределением экономических благ⁶⁶⁰. Лингвистическая парадигма использует категории, разработанные социальной феноменологией, прежде всего категорию «жизненный мир», принадлежащую А. Шюцу. Жизненный мир – это отношения, в котором преобладают коммуникативные действия, помимо этого существуют сферы, где используются инструментальные действия, например, экономическая система и ряд других. Ю. Хабермас в работе 1992 года «Фактичность и значимость» (в оригинале «Faktizität und Geltung»⁶⁶¹) указывает, что «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений, должно быть позитивное право. Право не должно сводиться лишь к фактичности, то есть принудительности, оно должно содержать в себе и значимость, то есть – легитимность⁶⁶². Как справедливо указывает, например, современный украинский ученый С.И. Максимов: «Коммуникативная философия, с одной стороны, развивает характерную для экзистенциализма и герменевтики тенденцию intersубъективистской интерпретации социальных феноменов, с другой – представляет собой критическое переосмысление этих направлений, являясь в отличие от последних теорией практического разума, т.е. рационалистической теорией. В то же время Ю. Хабермас критически относится к классическому рационализму и развивает постметафизическую концепцию коммуникативного разума, сохраняя понятие «жизненный мир», но преодолевая чрезмерный субъективизм феноменологического подхода»⁶⁶³.

Теория коммуникативного действия способна через категории инструментального и коммуникативного действия сформировать стратегию преодоления негативных последствий, связанных с расширением правового регулирования. Право, которое в условиях юридикации, становится доминирующей социальной системой норм, не должно заменять консенсуальные процедуры, а должно их поддерживать, путем их закрепления в юридических процедурах. На первое место, в связи с этим, выходят делиберативные процедуры, позволяющие обеспечить легитимность права на должном уровне. В условиях информационного общества реальность событий, может заменяться событиями гиперреальности, сформированными

⁶⁶⁰ Цит. По.: Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. С.162.

⁶⁶¹ Иногда название этой работы переводят на русский язык как «Фактичность и нормативность», что является на наш взгляд некорректным. Анализ содержания работы позволяет говорить именно о значимости, то есть признании или легитимности позитивного права.

⁶⁶² Habermas J. Between Facts and Norm: – Cambridge: 1996. P.136.

⁶⁶³ Максимов С.И. Мировоззренческо-методологические подходы к осмыслению права //Российский ежегодник права. 2008.№1. С.139-140.

средствами массовой информации. В этой ситуации, события и решения, закрепленные государственной властью, в качестве официальных, могут не стать легитимными без делиберативных процедур, то есть без участия в процессе правотворчестве и правоприменении граждан. В современный период существует значительное количество примеров, когда те или иные исторические события, меняли юридическое значение по приказу государственной власти. Историческая память в настоящее время, как события прошлого неоднократно переоцениваются с позиции права в различных современных государствах. В связи с этим, следует учитывать специфику современного мультикультурного общества, что бы позитивное право соответствовало иным социальным нормам. В свое время Л.И. Петражицкий отмечал, что именно отход позитивного права от права интуитивного привел к революции 1905 года. В современном информационном обществе признание обществом законодательных актов в качестве авторитетных для себя приобретает особую актуальность. Ибо формирование симулякров средствами массовой информации, не всегда соответствует действительному пониманию событий гражданами. В чем состоит принцип делиберативности при принятии публично-правовых решений и почему он имеет ценность? Делиберативность – это категория, которая означает в буквальном смысле участие. Делиберативная демократия – это характеристика целого комплекса политико-правовых реформ, которые стали характеризуют коренные изменения в правовых системах Западной Европы со второй половины XX века, а также и в отечественном праве начиная с 90-х годов прошлого столетия. Первым, кто ввел в широкий научный оборот категорию «делиберативная демократия», был Дж. Дьюи, который указывал: «Правило большинства как таковое столь глупо, сколь это приписывают ему с самого начала его критики. Но оно никогда не было *только* правилом большинства... Средства, посредством которых большинство становится большинством, – вещь более важная: предшествующие дебаты, модификация взглядов при встрече с мнениями меньшинств... Другими словами, существенная необходимость демократии заключается в улучшении методов и условий дебатов, дискуссий и убеждений»⁶⁶⁴. Традиционная идея правотворчества и правоприменения, связанная с исключительной компетентностью в сфере права юридического сообщества или иными словами идея «законодательного разума», сформулированная в эпоху Просвещения, стала не соответствовать современным историческим условиям. В современную эпоху постмодерна на первый план для эффективности правоприменения выходит такое качество права как легитимность.⁶⁶⁵ Отечественный философ А.В. Зайцев пишет: «В отличие от современной демократической практики, где голосование является центральным элементом демократического процесса (электоральная демократия), теоретики делиберативной демократии утверждают, что подлинная легитимность законодательных актов может

⁶⁶⁴ Dewey J. The Public and its Problems. Chicago, 1954. P. 207.

⁶⁶⁵ Денисенко В.В. Социальное государство и его влияние на правовое регулирование // История государства и права. 2017. №11. С.13-17.

возникнуть лишь через их предварительное публичное обсуждение, открытость, терпимость к чужому мнению, готовность скорректировать свою первоначальную позицию в случае появления в процессе дискурса «лучшего аргумента», нежели чем артикулированные ранее. Нами делиберативная демократия рассматривается как публичный диалог (дискурс) институтов государства и граждан, власти и институтов гражданского общества в процессе выработки наиболее приемлемых и оптимальных путей развития социума в целом. Делиберативная демократия сочетает в себе элементы представительной демократии (*representative democracy*), прямой демократии (*direct democracy*) и демократии участия (*participatory democracy*)»⁶⁶⁶.

В условиях современного информационного общества, когда большинство отношений регулируется позитивным правом, при осуществлении демократии через институты представительства, граждане становятся отчужденными от принятия публично-значимых решений. В современном государстве актуализируется проблема, на которую указывал Жан – Жак Руссо, дилемма искажения воли представителем. В свое время Руссо писал, что народ Англии свободен лишь, когда избирает представителей в парламент. Поэтому, французский мыслитель был сторонником прямой демократии и указывал на невозможность парламента, как единственного института принятия публично-значимых решений. В условиях расширения правового регулирования консенсуальные процедуры, на которых были основаны мораль и обычаи, заменяются императивным воздействием правовых норм. Граждане уже непосредственно не участвуют в формировании и изменении социальных норм, так как за них субъектами являются профессиональные юристы в правоприменении и законодатель в правотворчестве. Принцип делиберативности в правотворчестве заключается в ряде следующих юридических процедур. В конституционном праве – референдум на федеральном и местном уровне, проведение публичных обсуждений и дебатов. Разновидностью делиберативной демократии в праве являются алеаторные процедуры. «Aleatoric» (*с англ.*) – «случайный», это демократические процедуры с участием граждан, выбранных из общества случайно. Впервые, данный термин ввел в научный оборот австралийский философ Джон Бернхейм, выдвинувший идею организации политической системы не на основе выборов, а с помощью жеребьевки⁶⁶⁷. Демократический режим, который использует прямое волеизъявление народа через случайно отобранных граждан стали называть «демархией»⁶⁶⁸. Когда речь идет, о случайном отборе или жребии, то в первую очередь, можно вспомнить суд присяжных. Между тем, алеаторные процедуры активно применяются в современном мире и имеют ряд преимуществ перед репрезентативной моделью. Политическая система «даже в странах с высокой степенью демократических свобод, основана на исходных теоретических посылах, по которым демократическое правление

⁶⁶⁶ Зайцев А.В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // Социодинамика. – 2013. – №5. – С. 29–44.

⁶⁶⁷ Burnheim J. Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics, London, Polity Press, 1985, 205 p.

⁶⁶⁸ Рейбрук Д. Ван. 2018. Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс. 200 с.

осуществляется «представителями», получившими большинство голосов на всеобщих выборах, фактически означает отстранение подавляющего большинства граждан от процесса принятия публично-властных решений по важнейшим вопросам жизни общества»⁶⁶⁹. И хотя устройство публичной власти во многих демократических странах предусматривает наличие институтов непосредственной демократии – референдума, гражданской законодательной инициативы, отзыва выборных должностных лиц, на «практике данные институты реализуются настолько редко, что они не способны изменить устоявшийся фактически элитарный стиль правления, именуемый демократией»⁶⁷⁰. Формами алеаторной демократии считаются: жюри граждан, ячейки планирования и гражданские ассамблеи. Наиболее известный и обсуждаемый пример реализации алеаторной процедуры – это дебаты в Ирландии, завершившиеся отменой запрета на аборт в 2018 году путем референдума.

Проблемы юридического закрепления тех или иных событий, объединенных проблематикой «историческая память», связаны с целым комплексом вопросов. Это, прежде всего, вопрос согласования интересов граждан и учет их мнения по поводу исторических событий прошлого и оценки этих событий в настоящее время. Как справедливо отмечает Юрген Хабермас: «Только те нормы действия значимы, с которыми все лица, кото они, возможно, затрагивают, могли бы согласиться, выступая в качестве участников рационального дискурса»⁶⁷¹. Наиболее острую актуальность алеаторных процедур вызывают ситуации, связанные с культурными, религиозными и политическими факторами. Например, имущественные споры, связанные с передачей объектов религиозным организациям или строительство новых религиозных объектов. Одним из последних конфликтов стал «конфликт в Екатеринбурге, связанный с выбором места для возведения храма Святой Екатерины, когда сотни горожан несколько вечеров и ночей собирались, чтобы выразить несогласие с развертыванием стройплощадки в сквере напротив областного Театра драмы, получил самый широкий общественный резонанс. О нем сообщили все сколько-нибудь значимые СМИ, по его поводу не высказался, кажется, только ленивый. Решающим, похоже, стало веское слово Президента РФ В. Путина, который заявил, что храм «должен объединять, а не разъединять», поэтому с обеих сторон нужны шаги к тому, чтобы решить вопрос в интересах людей, которые «там реально проживают». В итоге «забор раздора» был убран, строительные работы остановлены, ситуация перешла в мирное русло поиска консенсуса»⁶⁷². В связи с этим конфликтом, профессор В.Н. Руденко указал на целесообразность использования алеаторных юридических процедур. «Церковь, руководствуясь благими намерениями, с самого

⁶⁶⁹ Руденко В.Н. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 97–98.

⁶⁷⁰ Там же. С.98.

⁶⁷¹ Habermas J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy, Cambridge, The MIT Press, 1996, 631 p.

⁶⁷² <https://www.poisiknews.ru/news/zabor-razdora-cto-predlagaet-mirovoj-opyt-razresheniya-obshhestvennyh-konfliktov/>

начала недостаточно внимательно отнеслись к общественному мнению. Вопросы градостроительства, землеотвода, возведения крупных культовых сооружений всегда живо волновали население, и принимать здесь конкретные решения, глубоко не изучив отношение к ним граждан, по меньшей мере, неосмотрительно. ... Что касается места для будущего храма Святой Екатерины, надеюсь, в конце концов здравый смысл, присущий нашим землякам, восторжествует, и будет найдено оптимальное решение, устраивающее все стороны. Ведь, по большому счету, люди протестуют не «против храма» и не «за сквер», а против того, что к их мнению не прислушиваются»⁶⁷³. В.Н. Руденко указывает, что происходящие в мире процессы свидетельствуют о возрастании интереса правительств к делиберативному участию граждан в осуществлении публичной власти, и прежде всего к формам алеаторной демократии. Эти формы постепенно становятся квазипарламентами – подобием парламентских ассамблей. Их основное отличие от последних заключается «в неприятии института выборов как ведущего способа формирования представительных органов»⁶⁷⁴.

Преимущество алеаторных процедур перед представительной моделью демократии заключается в преодолении главной проблемы репрезентативной демократии – искажения воли населения. В современном государстве это связано с вопросами лоббизма. Так же алеаторные процедуры являются более справедливыми, так как дают возможность любому гражданину принять участие в правотворчестве и высказать свое мнение по поводу законодательных изменений. Так как граждане не наделяются, какими-либо привилегиями, то это придает авторитет данным процедурам. Следует заметить, именно алеаторные процедуры способны легитимировать решения органов государственной власти. В отличие от социологических опросов и иных индикаторов общественного мнения, участие граждан в вопросах переименования улиц, городов, избрания национального языка, вопросов культурного наследия и иных случаях, является наиболее эффективным. Можно сделать вывод, о необходимости в условиях современного общества делиберативных и алеаторных процедур, прежде всего, таких как, жюри граждан и гражданские ассамблеи. Это связано с обилием информации в современном мире, когда реальное мнение граждан о том или ином событии может быть искажено, превращено в феномен «гиперреальности». Для понимания системы ценностей современного общества и легитимности законодательных инициатив, является явно недостаточной легитимация права через репрезентативную демократию. В таком случае, возникает неизбежная делегитимация права, которое теряет свой авторитет и легитимность. Алеаторные процедуры способны обеспечить необходимый уровень легитимации права, которое в таком случае не становится лишь «симулякром».

⁶⁷³<https://www.poisknews.ru/news/zabor-razdora-cto-predlagaet-mirovoj-opyt-razresheniya-obshhestvennyh-konfliktov/>

⁶⁷⁴ Руденко В.Н. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 97–125.

§ 3. Исторические вехи становления и развития конституционализма в Беларуси

Понятие конституционализма является многогранным. В научной литературе дается его различные формулировки. Так, обращая внимание на многоаспектный характер конституционализма, профессор Н.А. Богданова понимает под конституционализмом систему идей и взглядов, в которых воплощены представления о конституционном государстве, конституционно-правовое отражение таких идей и политико-правовая практика их реализации. Иными словами, конституционализм – это способ организации и осуществления публичной власти, обеспечивающий верховенство права, свободу человека, широкое участие граждан в принятии государственно значимых решений, как через представительные органы, так и непосредственно, и исключающий монополизацию власти⁶⁷⁵.

И.М. Степанов рассматривает понятие конституционализма в двух аспектах – широком и узком. В широком смысле это явление охватывает теорию конституции, историю и практику развития той или иной страны, группы стран, мирового сообщества в целом. В узком смысле под конституционализмом понимается система знаний о фундаментальных ценностях демократии: их составе, формах выражения, методах и степени реализации⁶⁷⁶, система представлений об общедемократических, общецивилизационных политико-правовых ценностях государственно-организованного общества⁶⁷⁷.

Таким образом, говоря о конституционализме в широком смысле слова, исходя из его определения, предложенного И.М. Степановым, можно вести речь о наличии конституционализма в конкретном государстве (белорусский конституционализм и т.п.), в определенном регионе (постсоветский конституционализм, западноевропейский конституционализм и т.п.) и в глобальном масштабе (мировой конституционализм). Соглашаясь с использованием термина «конституционализм» в отношении конкретного государства, отметим, что в отношении других терминов (западноевропейский, мировой конституционализм) возможны некоторые уточнения, связанные с общепризнанностью демократических ценностей⁶⁷⁸.

Следует учитывать, что «в современном конституционализме преломляются объективные, исторически обусловленные национальные, политические, социальные и культурные особенности развития, духовно-нравственные традиции

⁶⁷⁵ Богданова Н.А. Конституционное право. Общая часть: Программа, тезисы лекций и задания к семинарским занятиям. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – С. 49.

⁶⁷⁶ Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма; Очерк-эссе. – М., 1996. – С. 3.

⁶⁷⁷ Степанов И.М. Грани российского конституционализма (XX век) // Конст. строй России: Вып. 1. – М., 1992. – С. 30-31.

⁶⁷⁸ Масловская Т.С. Основные направления развития современного конституционализма // Традиции и инновации в праве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г.: в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб. науч.-практ. Юрид. центр; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 1. – 312 с. – С. 246–249.

народа»⁶⁷⁹. И, безусловно, данные особенности отражаются в конституции, являющейся атрибутом конституционализма.

В конституции любого государства важно видеть связующие нити, соединяющие настоящее и прошлое. Выдающийся русский ученый Б.Н. Чичерин, говоря об исторической преемственности, писал: «Совокупность явлений, принадлежащих к известному месту и времени, получает новое, высшее освещение, когда оно связывается с общим ходом истории, со всем, что ему предшествовало и что за ним следовало. Только изучение событий в их преемственной связи раскрывает глубокие их причины и обнаруживает самые отдаленные их последствия, которые скрыты от взоров современников и становятся ясными только для потомства»⁶⁸⁰. Конституция Республики Беларусь признает историческую преемственность. В преамбуле провозглашаются положения о том, что нынешняя Конституция опирается «на многовековую историю развития белорусской государственности»⁶⁸¹. Эту формулу следует понимать в том смысле, что «своими корнями конституционные идеи идут в глубь столетий, что нынешний этап развития государственности следует рассматривать как движение по пути исторического прогресса, национального самоопределения»⁶⁸². Сам исторический процесс развития конституционализма на территории Беларуси был исключительно сложным.

Зарождение идей конституционализма на белорусских землях связывают с XVI веком, в этот период было принято три важнейших документа конституционного характера: Статуты Великого Княжества Литовского 1529 г., 1566 г. и наиболее значительный по содержанию – Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. В данных документах конституционного значения получили закрепление основы общественного и государственного строя, правового положения сословий и иных социальных групп, полномочия органов управления и суда. Помимо вопросов конституционно-правового значения в данных актах закреплялись положения, относящиеся к иным отраслям права: уголовному, семейному, гражданскому и др.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что впервые в Беларуси отдельные положения важнейшего общепризнанного принципа конституционализма – принципа разделения властей – были реализованы в Статуте Великого Княжества Литовского 1588 г. Великокняжеская власть в значительной степени была ограничена соймом (представительным органом), имелись относительно независимые суды, а в большинстве городов существовало магдебургское право.

⁶⁷⁹ Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году» // Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь (1994–2019 годы). – Минск, 2019. – С. 128.

⁶⁸⁰ Чичерин Б.Н. Курс государственных наук. Часть III. М. – 1898. – С. 297.

⁶⁸¹ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.), №2875-ХП //Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

⁶⁸² Круталевич В.А. На путях национального самоопределения (БНР–БССР–РБ). Серия: Общественно-политические науки. – Минск: Право и экономика, 1995. – С. 60.

Нормативное закрепление данного принцип нашел в Конституции Речи Посполитой от 3 мая 1791 г., в составе которой находились белорусские земли. В разделе V «Правительство или определение публичных властей» закреплялось прогрессивное положение о том, что: «...И чтобы целостность государства, свобода граждан и общественный порядок оставались навсегда в равновесии, правительство народа польского должно состоять, и по воле настоящего закона всегда будет состоять, из трех властей, т. е. законодательной власти в (руках) соединенных станов, высшей исполнительной власти в (руках) короля и стражи (министров) и власти судебной у юрисдикционных (органов), которые установлены для этой цели, или которые должны быть установлены»⁶⁸³. В указанном разделе Конституции был установлен принцип народного суверенитета: «Всякая власть в человеческом обществе берет свое начало в воле народа»⁶⁸⁴. Закреплялись и иные основополагающие вопросы конституционализма: парламентаризм, народное представительство, права и свободы граждан.

Таким образом, зародившиеся в XVI веке основы белорусского конституционализма впоследствии нашли свое отражение в дальнейшем национальном конституционном развитии в различных исторических условиях.

Отдельной исторической вехой стал советский период. Но в преамбуле Конституции 1994 г. не говорится о советском этапе истории белорусской государственности. И здесь весьма уместно вспомнить мнение белорусского ученого, профессора В.А. Круталевича: «...Когда из единой цепи событий изымаются отдельные звенья, историческая истина искажается»⁶⁸⁵. И все же преемственность наблюдается. В соответствии с Законом «О порядке вступления в силу Конституции Республики Беларусь» от 15 марта 1994 г. устанавливается, что со вступлением в силу новой Конституции «... прекращается действие статей Конституции 1978 г. с последующими ее изменениями и дополнениями, если иное не предусмотрено настоящим Законом».

Анализируя советский период конституционного развития Беларуси, можно выделить отдельные тенденции, имевшие для своего времени немаловажное значение. Так, Конституция ССРБ 1919 года определила основные полномочия органов государственной власти и впервые в истории Беларуси закрепила некоторые основные права и свободы граждан. Так, в ст. 11 Конституции 1919 года закреплялось: «В целях обеспечения за трудящимися действительного права к знанию Социалистическая Советская Республика Белоруссии ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное и всестороннее бесплатное образование»⁶⁸⁶.

⁶⁸³ Конституция Речи Посполитой от 3 мая 1791 г. // Памятники истории права Беларуси. – URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/akty-rechy-paspalitatay/kanstytutsyya-rechy-paspalitatay-3-maya-1791-g-ustawa-rzadowa>. (дата обращения 20.04.2020).

⁶⁸⁴ Там же.

⁶⁸⁵ Круталевич В.А. На путях национального самоопределения (БНР–БССР–РБ). Серия: Общественно-политические науки. – Мн.: Право и экономика, 1995. – С. 61.

⁶⁸⁶ Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии в редакции от 3 февраля 1919 года. – URL: pravo.by (дата обращения 22.04.2020).

Нашла свое закрепление норма, в соответствии с которой церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами (ст. 7 Конституции 1919 г.). Закреплялись и две основные обязанности: обязанность трудиться и всеобщая воинская повинность.

Далее, Конституция БССР 1927 года отразила в себе наиболее значительные изменения, произошедшие к тому времени в обществе и государстве. Был закреплен новый статус Белорусской ССР, связанный с ее вхождением в состав Союз Советских Социалистических Республик. В то же время, в белорусской Конституции в отличие от Конституции СССР 1924 года содержались нормы, которые закрепляли своего рода демократические права и свободы граждан БССР, а также устанавливали их обязанности. Особое внимание обращает на себя статья 21 Конституции, устанавливающая равноправие между белорусским, русским, польским и еврейским языками⁶⁸⁷.

Третьей по счету конституцией социалистического образца стала Конституция БССР 1937 года, определившая БССР как «социалистическое государство рабочих и крестьян» (ст. 1 Конституции), политическую основу которого составляли Советы депутатов трудящихся (ст.2), экономическую – социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства (ст.4)⁶⁸⁸. Важное значение имеет включение в ее текст нормы о порядке изменения Конституции. Согласно ст. 122 изменение Конституции проводилось лишь по решению Верховного Совета БССР, принятому большинством не менее 2/3 голосов его членов.

Четвертая белорусская Конституция была принята 13 апреля 1978 года Верховным Советом БССР и была, в свою очередь, основана на принятой к этому времени Конституции СССР 1977 года. Она отличалась от предыдущих конституций своей структурой (текст делился не только на статьи и главы, но уже и на разделы), а также содержанием. Так, в ней появился раздел «Государство и личность», впервые закрепивший такие политические, социальные и культурные права, как право на государственную охрану здоровья (ст. 40), право на жилище (ст. 42), право на пользование достижениями культуры (ст. 44), право граждан на участие в управлении государственными и общественными делами (ст. 46), а также право обращаться с жалобами на действия должностных лиц (ст. 56) и некоторые другие⁶⁸⁹. Объективно оценивая, сложившуюся общественно-политическую ситуацию того периода времени, с сожалением, следует констатировать, что многие нормы носили декларативный характер и в реальной жизни не действовали.

27 октября 1989 года Верховный Совет БССР принял закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР», который стал

⁶⁸⁷ Конституция (Основной закон) Белорусской Социалистической Советской Республики в редакции от 11 апреля 1927 года. – URL: (дата обращения 22.04.2020).

⁶⁸⁸ Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики в редакции от 19 февраля 1937 года. – URL: pravo.by. (дата обращения 22.04.2020).

⁶⁸⁹ Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики в редакции от 14 апреля 1978 года. – URL: pravo.by. (дата обращения 22.04.2020).

основой последующих изменений в политической, экономической и социальной сферах государства⁶⁹⁰.

Создание новой Конституции суверенной Республики Беларусь проходило в условиях острой политической полемики. В ней отражены общепризнанные принципы и нормы международного права. Мы были не одиноки в поиске новой конституционной модели. Распад мировой системы социализма в конце XX века привел к появлению новой конституционной модели – постсоциалистической конституции, а в государствах, входивших ранее в состав Союза ССР, более прижилось название постсоветская конституция. Именно в этот период произошел коренной переворот в исторических судьбах народов, проживавших некогда в едином государстве, который нашел закрепление в принятых этими уже суверенными государствами новых конституциях. Конституция Республики Беларусь 1994 г., отразила общий процесс создания правовой модели обновленного общества суверенного государства, с утверждением ценностей гражданского общества, признанием человека высшей ценностью и целью общества и государства⁶⁹¹.

Конституция Республики Беларусь 1994 года – это первая белорусская конституция, принятая народом суверенного независимого государства.

В новой конституции нашли закрепление принципиальные позиции: отказ от социалистической модели общественного развития; признание идеологического и политического плюрализма; признание концепции разделения властей как условия построения правового государства; формирование новой модели социально-экономического развития; защита прав и свобод человека и гражданина, взаимная ответственность личности и государства и ряд иных важных положений.

Принятие новой Конституции, вовлечение Республики Беларусь в мировое сообщество как суверенного и независимого государства повлекли кардинальные изменения в законодательстве. На основе Конституции и общепризнанных принципов международного права в Республике Беларусь была проведена систематизация и кодификация законодательства, создана законодательная база для экономических, политических и социальных преобразований, обеспечения прав, свобод граждан и гарантий их реализации.

Следующий период конституционного развития в Беларуси связан с республиканским референдумом, прошедшим 24 ноября 1996 г. и внесшим значительные изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь, в результате чего произошло существенное перераспределение полномочий между Президентом, Парламентом и Правительством, обусловленное необходимостью укрепить систему государственной власти и придать ей больший динамизм и эффективность.

В результате конституционного референдума в Основном Законе Республики

⁶⁹⁰ Василевич Г. А. 1991 год: хроника пикирующей страны / Г. А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 10.

⁶⁹¹ Кондратович Н.М. Конституция Республики Беларусь в контексте конституционных преобразований на постсоветском пространстве / Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь: сборник статей / Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 97-105.

Беларусь были закреплены принцип верховенства права, два государственных языка – белорусский и русский, расширены правовой статус личности, содержание социального характера государства и др. Значительные изменения коснулись институциональной системы государства, анализ которых позволяет выделить их основные направления.

Во-первых, было изменено место и роль Президента Республики Беларусь в государственном механизме, расширена его компетенция. Если ранее (до 1996 г.) Президент Республики Беларусь определялся как глава государства и исполнительной власти, то в соответствии с действующей редакцией Конституции Президент является Главой государства (ст. 79), формально-юридически не относится к исполнительной ветви власти. Более того, отныне белорусская Конституция исходит из ведущего положения Президента в системе государственных органов, что отразилось и на очередности глав в Основном Законе.

Во-вторых, был образован двухпалатный Парламент – Национальное собрание Республики Беларусь (вместо однопалатного Верховного Совета), его полномочия скорректированы. Впервые в Конституции Республики Беларусь использован термин «парламент», были уточнены его конституционные характеристики – представительный и законодательный орган – определяющие основное предназначение в системе государственных органов Республики Беларусь. Отныне Парламент не является «высшим представительным органом», новая редакция Конституции Республики Беларусь отражает специфику народного представительства: помимо Национального собрания представительным характером наделен Президент Республики Беларусь, избираемый путем прямых всеобщих выборов, и местные Советы депутатов. Более того Парламент утратил свой статус «единственного законодательного органа», поскольку, согласно новой редакции Конституции Республики Беларусь, законы могут быть приняты народом Республики Беларусь на референдуме, а также Президенту Республики Беларусь было предоставлено право принимать декреты, имеющие силу закона.

В-третьих, существенные изменения претерпел статус Правительства – Совета Министров Республики Беларусь. Правительство, возглавляемое Премьер-министром, стало самостоятельным конституционным органом, были расширены его полномочия. Правительство подотчетно Президенту и несет ответственность перед Парламентом.

В-четвертых, изменения коснулись судебной власти: Конституционный Суд Республики Беларусь был включен в систему органов судебной власти (ранее входил в систему органов контроля и надзора), его конституционно-правовой статус также претерпел некоторые изменения в отношении состава, порядка формирования, компетенции.

В целом, указанные изменения и дополнения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме в 1996 г., свидетельствуют о перераспределении полномочий между высшими органами государственной власти, их уточнении в целях поиска оптимального баланса,

равновесия ветвей единой государственной власти. По мнению профессора Г.А. Василевича: «Будет неверным утверждать, что только Президент получил дополнительные права и обязанности, ведь значительно возрос объем полномочий Правительства, более конкретно сформулирован механизм взаимодействия между представительной и исполнительной властью, законодательный процесс сформулирован таким образом, чтобы к минимуму свести споры между его участниками»⁶⁹².

Изменения и дополнения были внесены в ч. 1 ст. 81 Конституции Республики Беларусь на республиканском референдуме 17 октября 2004 г.: была отменена норма об ограничении пребывания одного и того же лица на посту Президента более двух сроков.

Таким образом, с момента принятия Конституции Республики Беларусь – с 1994 года – белорусский народ дважды на референдумах в 1996 году и 2004 году определял изменения в Конституцию, направленные на дальнейшее развитие общества и государства.

Следует позитивно оценить практику широкого участия граждан в осуществлении конституционных преобразований в государстве. Конституция, обладая чертами общественного договора, отражает волю народа, поэтому при возможном реформировании ее норм необходимо также получить согласие народа. В связи с этим представляется целесообразным предоставлять гражданам возможность участвовать в конституционных преобразованиях посредством инициирования внесения изменений и/или дополнений в Конституцию, подготовки текста проекта, а также принятия решения по конституционным изменениям. В свою очередь, государственные органы должны предпринимать все допустимые меры для обеспечения такого участия и учета мнения граждан. Данный подход отвечает конституционному принципу народовластия, народ является источником государственной власти.

Ценностным ориентиром конституционного развития современных государств являются: модернизация и стабильность. Конституция как основной закон – акт долговременного действия, юридическим свойствам которого является стабильность, т.е. устойчивость его содержания. Гарантии стабильности Конституции заложены в самом ее тексте. Конституция Республики Беларусь относится к категории достаточно стабильных основных законов. Это проявляется в порядке ее пересмотра, цель которого – прежде всего, ограничить чрезмерное конституционное нормотворчество, обеспечивая тем самым стабильность принципиальных положений. Однако стабильность конституции не означает ее абсолютной неизменяемости. Изменяются общественные отношения, закрепленные в момент принятия конституции, экономические, социальные и политические условия, в которых она действует. Все это требует периодического приведения конституционных норм в соответствие с происходящими

⁶⁹² Василевич Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: Учебник / Г.А. Василевич. – Мн.: Книжный Дом, 2010. – С. 129.

изменениями. Благодаря диалектическому единству стабильности и модернизации конституция сохраняет реальность.

Вместе с тем, конституция, закрепляющая основы организации данного общества и государства, не может перекаиваться в угоду конъюнктурным, сиюминутным интересам. «Конституция – акт длительного действия, который должен соблюдать необходимые пропорции, а не зависеть от конъюнктурных соображений»⁶⁹³. Частичный или полный пересмотр действующей Конституции оправдан только в том случае, если изменения общественных отношений, составляющих предмет ее регулирования, действительно носят существенный характер.

Как справедливо отметил Конституционный Суд Республики Беларусь в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году, «дальнейшее развитие общественных отношений не исключает возможной корректировки отдельных норм Конституции в направлении дальнейшей оптимизации конституционно-правового регулирования с учетом возникновения объективных обстоятельств»⁶⁹⁴.

Полагаем, можно выделить несколько возможных направлений дальнейшего конституционного развития в Республике Беларусь. Во-первых, в качестве одного из векторов выступает развитие и укрепление институтов демократии, расширение их форм, дальнейшее укрепление демократических начал в формировании и осуществлении государственной власти. Перспективными, на наш взгляд, выступают расширение сферы и форм участия граждан страны и политических партий, общественных объединений в осуществлении государственной власти, усиление общественного контроля за деятельностью государственных органов, что будет способствовать укреплению прямых и обратных связей между управляемыми и управляющими, повышать доверие граждан к органам государственной власти.

Во-вторых, следующим направлением конституционного развития может быть совершенствование институциональной системы государства: перераспределение полномочий между органами государственной власти, конституционализация новых государственных органов, усовершенствование деятельности органов государственной власти, в целях эффективного управления страной, укрепления защиты основных прав.

В целом, совершенствование институциональной системы при сохранении основ существующей формы правления предполагает расширение сферы и форм участия граждан страны и политических партий, общественных объединений в осуществлении государственной власти, внедрение партийных начал парламентаризма, повышение роли законодательной ветви власти (укрепление его контрольной функции, усиление кадровых полномочий, расширение представительских начал парламентаризма путем введения

смешанной избирательной системы), усиление самостоятельности Правительства (расширение полномочий и усиление ответственности Правительства, в первую очередь, в социально-экономической сфере), укрепление связей депутатского корпуса с Правительством при повышении их взаимной ответственности и усилении парламентского контроля за Правительством.

В современном мире наблюдается значительные изменения правового статуса личности в связи с дальнейшим развитием информационного общества, его переходом на новый уровень цифрового общества. Происходящие изменения отражаются в национальном законодательстве. Республика Беларусь одним из важнейших направлений своего развития в цивилизованном мире видит в переходе к информационному обществу, функционирующему через систему информационно-коммуникационных технологий. Одним из таких шагов стал Декрет Президента Республики Беларусь №8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г., Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 – 2022 годы и др.

Какой бы ни была цифровая реальность по степени ее развитости, она, в конечном счете, должна подпадать под действие Конституции как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу в правовой системе, в том числе по отношению к законоположениям, регулирующим указанную сферу новых отношений. Наступило время конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности⁶⁹⁵.

Подводя итог изложенному, отметим, что идеи конституционализма появились на территории Беларуси в XVI веке, отдельные элементы нашли свое отражение в документах конституционно-правового значения, в первую очередь в Статуте Великого Княжества Литовского 1588 г. Одной из характеристик белорусского конституционализма XVIII века выступает наличие конституции с закрепленным в ней принципами народного суверенитета, разделения властей, народного представительства.

Советский период конституционного развития Беларуси свидетельствует о наличии формального конституционализма, однако в целом использование термина «конституционализм» для характеристики указанного периода представляется не вполне корректным.

Становление реального белорусского конституционализма связано с началом 90-х гг. XX века. Конституция Республики Беларусь, принятая 15 марта 1994 г., как и многие конституции стран СНГ, закрепила в своем тексте общепризнанные в мире идеи современного конституционализма: народовластие; разделение государственной власти; верховенство права; приоритет прав и свобод человека; политический и экономический плюрализм; местное самоуправление и др.

⁶⁹³ Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М.: Зерцало, 1998 – С.55.

⁶⁹⁴ Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году» // Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь (1994–2019 годы). – Минск, 2019. – С. 84.

⁶⁹⁵ Кондратович Н.М. Конституция Республики Беларусь: конституционная стабильность и потенциал развития // Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований: сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Минск, 4 марта 2019 г. / редкол.: А.Г. Василевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2019. – С. 212-214.

Развитие конституционализма связано не только с развитием конституционных идей, но и с их воплощением в реальную действительность, которое возможно, в том числе, посредством конституционных преобразований, о чем свидетельствуют внесенные в Конституцию Республики Беларусь изменения и дополнения в 1996 г. и в 2004 г.

Конституционные преобразования выступают отражением конституционных приоритетов государства и общества на определенном этапе его развития. Перспективными направлениями развития конституционализма в Республике Беларусь выступают, на наш взгляд, усиление институтов и механизмов демократии, совершенствование институциональной системы государства, правовая регламентация цифровой реальности.

§ 4. Из истории возникновения высшего юридического образования и науки в предвоенные и послевоенные годы

В 1938 г. был открыт Алма-Атинский юридический институт Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) Казахской ССР⁶⁹⁶. По воспоминаниям старейшины юридического образования в Казахстане Л.В. Дюкова⁶⁹⁷ первыми в Алма-Ату были работать бывшие студенты и аспиранты Ленинградского юридического

⁶⁹⁶ См. об этом: Тлепина Ш. О реорганизации АИСС в АЮИ (10934–1938 гг.) // Фемида. 2004. № 6 (12). С. 40–46; Она же. Об организации Алма-Атинского юридического института // Матлы международной научно-практической конференции «Взаимодействие Казахстана с сопредельными странами в XVIII – начале XX вв.: современный взгляд на проблему» (10–11 декабря 2004 г.) / редколл.: Койгельдиев М.К., Кенжебаев К.К., Кадырбаев А.Ш. и др. Актобе, 2004. С. 102–106.

⁶⁹⁷ Леонид Васильевич Дюков (1912–2004), к.ю.н., доцент, профессор Академии юриспруденции – Высшей школы права «Әділет». В системе высшего юридического образования Казахстана с 1938 г. Окончил Московский юридический институт Народного комиссариата юстиции (НКЮ) СССР. Л.В. Дюков и Т.М. Культелеев были аспирантами Ленинградского юридического института и дружили с тех пор. Научным руководителем Л.В. Дюкова был И.И. Яковкин, профессор Ленинградского юридического института, Ленинградского университета, директор библиотек АН СССР. Т.М. Культелеев поддержал Л.В. Дюкова в его решении о поездке на работу в Алма-Ату в 1938 г. Л.В. Дюков высоко оценивал человеческие, исследовательские, педагогические, организаторские качества Т.М. Культелеева. Запись беседы с Л.В. Дюковым. 13 мая 2003 г. Личный архив. Л.В. Дюков работал старшим преподавателем, доцентом кафедры «Теории и истории государства и права», заместителем директора по учебной и научной работе, исполняющим обязанности директора Алма-Атинского юридического института, доцентом Алма-Атинской юридической школы, доцентом, Ученым секретарем Первого государственного юридического института НКЮ СССР (І ГЮИ), заведующим учебной частью Алма-Атинского филиала Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), снс Сектора права. Был председателем ГЭК в Ташкентском юридическом институте. См.: ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 8, л. 18; д. 40, л. 32; д. 41, л. 56; АП РК, ф. 708, оп. 26, д. 1812, л. 114; оп. 16/1, д. 690, л. 197; ЦГА РК, ф. 1821, оп. 4, д. 36, л. 65; ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 17, л. 79–79 об; д. 13, л. 99; Архив Национальной академии наук Республики Казахстан (Далее А НАН РК), ф. 2, оп. 18, д. 2, л. 1–2; Архив Казахского Национального университета им аль-Фараби (Далее А КазНУ им. аль-Фараби), ф. 1352, оп. 2, д. 192, л. 1–29. См. о нем: Сартаев С.С. Юристы Казахстана в лицах. Алматы, 2002. С. 193; Профессорско-преподавательский состав Академии «Әділет»: Библиографический словарь-справочник (2001/02 учеб. г.): В двух частях / Авт.-сост. Ударцев С.Ф.; Сост. указ.: Ударцев С.Ф., Синельников И.В. Алматы, 2003. С. 98–101.

института – Т.М. Культелеев⁶⁹⁸, А.Н. Агеев⁶⁹⁹, Г.М. Маслов⁷⁰⁰ и Л.В. Дюков. Из питомцев Ленинградского юридического института руководителями Алма-Атинского – работали А.Н. Агеев, в качестве директора юридического института⁷⁰¹, заместителем директора по учебной, научной работе позже трудился и Л.В. Дюков.

Приказом народного комиссара юстиции Казахской ССР Ш.У. Уразбаева⁷⁰² № 149 от 7 апреля 1940 г. Т.М. Культелеев был назначен директором Алма-Атинского юридического института⁷⁰³. Коллектив названного института выдвигал

⁶⁹⁸ Таир Молдагалиевич Культелеев (1911–1953), к.ю.н., доцент. АП РК, ф. 708, оп. 7/1, д. 116, л. 5. См. о нем: Некролог // Казахстанская правда. 1953. 21 февраля; Культелеев Таир Молдағали ұлы // Қазақ Совет энциклопедиясы. 6 т. Алматы, 1975. 161 б.; Зиманов С.З. Т.М. Культелеев – исследователь уголовного обычного права казахов // Проблемы казахского обычного права / Отв. ред. С.З. Зиманов. Алма-Ата, 1989. С. 5–8; Исаков К. Т.М. Культелеев–исследователь обычного права казахов (К 85-летию со дня рождения) // Юридическая газета. 1996. № 49. С. 14; Он же. Вклад Т.М. Культелеева в юридическую науку (К 85-летию со дня рождения) // Фемида. 1996. № 6. С. 11–13; Исаков Қ. Тұғыры биік тұлға // Әділет министрлігінің хабаршысы. 1996. № 7. С. 53–56; Жиренчин К.А. Культелеев Таир Молдағалиевич // Право и государство. 1997. № 3. С. 2; Тлепина Ш.В. К вопросу о становлении Института права и философии Академии наук Казахской ССР // Правовая реформа в Казахстане. 2003. №4 (22). С. 121–122; Она же. Т.М. Культелеев и его книга «Уголовное обычное право казахов» // Библиотекосведение, библиография, книговедение. Сб. научных статей / редколл.: Галиев В.З., Ауэзов М.М., Алтаев Ш.А. и др. Вып. 12. Алматы, 2005. С. 101–136; Алимжан К.А. Т.М. Культелеев – член Верховного Суда Казахской ССР (по архиву Верховного Суда) // Право и государство. 2015. № 1 (66). – С. 46–50; Тлепина Ш.В. Труд Т.М. Культелеева «Уголовное обычное право казахов». Новые страницы // Матлы МНПК «Актуальные проблемы дальнейшего развития законодательства в свете реализации конституционных принципов деятельности уголовной юстиции», посвященной 70-летию юбилею д.ю.н., проф. Балтабаева К.Ж. (25 мая 2018 г.) Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018. – С. 423–433.

⁶⁹⁹ Андрей Никитич Агеев (1904–?), к.ю.н., доцент. Окончил Первый Ленинградский юридический институт, работал заведующим кафедрой Гражданского права Ленинградского юридического института в 1937–1938 гг., был направлен НКЮ СССР на работу в Алма-Атинский юридический институт, где работал зав. кафедрой гражданского права, зам. директора, директором в 1938–1942 гг., 1943–1944 гг. В 1944–1946 гг. служил зав. административно-правовым сектором Совета народных комиссаров (СНК) Казахской ССР, зам. наркома юстиции, зам. министра юстиции Казахской ССР. С 1950 г. – зам. по науке и учебным вопросам начальника Главного управления юридических учебных заведений Министерства высшего образования (МВО) СССР. См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее ЦГА СПб), ф. 2403, оп. 4-с, д. 8, л. 5, 59; А КазНУ им. аль-Фараби, ф. 1352, оп. 2, д. 2, л. 1–67; Тулегаллиев Г.И. Становление юридического образования в Республике Казахстан и некоторые проблемы его развития на современном этапе // Право и государство. 2001. № 1. С. 3; Қазақстанның халық комиссарлары. 1920–1946 жж. Өмірбаяндық анықтамалық / Ред. М.С. Нәрікбаев (жауапты), Л.Д. Дегітаева, Е.М. Грибанова. Құраст.: М.Х. Жакыпов, А.С. Зұлқашева, А.Н. Ипмағамбетова (жауапты), Е.В. Чиликова. Алматы, 2004. 23, 47 б.

⁷⁰⁰ Георгий Митрофанович Маслов, к.ю.н., доцент. Окончил Первый Ленинградский юридический институт. В 1940 г. был направлен в распоряжение директора Алма-Атинского юридического института. В Алма-Атинском юридическом институте читал трудовое и колхозно-земельное право, работал начальником Учебного отдела, в годы войны мобилизован и служил начальником Управления НКЮ Казахской ССР по Южно-Казахстанской области, работал консультантом сектора местных Советов СНК Казахской ССР, инструктором организационно-инструкторского отдела Совета министров Казахской ССР, зав. кафедрой трудового и колхозно-земельного права. См.: А КазНУ им. аль-Фараби, ф. 1352, оп. 2, д. 387, л. 1–1 об., 3–4, 7, 11–12, 15–16, 18, 20–21, 27.

⁷⁰¹ См.: АП РК, ф. 708, оп. 11, д. 145, л. 30.

⁷⁰² Оразбаев Шашан Оразбайұлы (1908–1994), народный комиссар юстиции Казахской ССР в 1939–1943 гг. См.: Қазақстанның халық комиссарлары. 1920–1946 жж. Өмірбаяндық анықтамалық / Ред. М.С. Нәрікбаев (жауапты), Л.Д. Дегітаева, Е.М. Грибанова. Құраст.: М.Х. Жакыпов, А.С. Зұлқашева, А.Н. Ипмағамбетова (жауапты), Е.В. Чиликова. Алматы, 2004. 22, 341–342 бб.

⁷⁰³ А КазНУ им. аль-Фараби, ф. 1352, оп. 2, д. 338, л. 5; ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 1, л. 1.

Т.М. Культелеева кандидатом в член-корреспонденты АН Казахской ССР в 1946 году⁷⁰⁴. Он являлся членом Верховного суда Казахской ССР, членом коллегии НКЮ Казахской ССР⁷⁰⁵, лектором ЦК КП (б) Казахстана, входил в состав Государственной терминологической комиссии при Совете Министров Казахской ССР. В годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) им была проведена большая организационная работа по приему и обустройству эвакуированных ученых-юристов из Минска, Риги, Харькова, Москвы; юридических институтов Москвы; разрозненного состава преподавателей, студентов и аспирантов Харьковского юридического института; организованного Первого государственного юридического института Народного комиссариата юстиции СССР (Первый ГЮИ)⁷⁰⁶. В должности директора он проработал до мобилизации на фронт (приказ № 13 от 28 января 1942 г.)⁷⁰⁷. В годы Великой Отечественной войны директором объединенных Алма-Атинского и Московского юридических институтов был назначен Б.Я. Арсеньев. Т.М. Культелеев был призван в ряды Рабочее-крестьянской Красной Армии. В период прохождения воинской службы Т.М. Культелеев состоял в должности помощника военного прокурора Томского гарнизона, был слушателем Военно-юридического состава, преподавал в Военно-юридической академии Красной Армии, из армии демобилизован по отзыву директивных органов⁷⁰⁸.

Эвакуированному в г. Балашов Саратовской области Ленинградскому юридическому институту в связи с сильным повреждением здания в результате бомбежки и в военно-стратегических интересах вновь предстояло перебазирование. СНК СССР распорядился временно объединить находившийся в Алма-Ате Московский юридический институт с Ленинградским⁷⁰⁹. Однако «...объединение двух институтов не состоялось, так как помещение, предназначенное Московскому юридическому институту в Алма-Ате, было использовано для других государственных нужд. Ленинградский институт при активном содействии СНК Казахской ССР разместили в Джамбуле, где ему предоставили два здания одной из средних школ» (современный город Тараз на юге Казахстана)⁷¹⁰. В период нахождения в г. Джамбуле Ленинградского юридического института была завершена кандидатская

диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук М.А. Нуделя на тему «Уничтожение ханской власти в Младшем жузе Казахстана». Защита состоялась в 1944 г. на Ученом совете Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) НКЮ СССР (*в наст. вр.* Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))⁷¹¹.

Всего в годы войны в Казахстан было эвакуировано 22 высших учебных заведения, из них в Алма-Ату – 12 вузов⁷¹². В Казахстан были эвакуированы юридические институты Киева, Ленинграда, Москвы⁷¹³. Среди них особое место занимает Первый ГЮИ. Его роль в становлении и дальнейшем развитии высшего юридического образования и юридической науки в Казахстане велика. Это подтверждается в работах, выступлениях, воспоминаниях, различной мемуарной литературе видных ученых-юристов первого поколения Казахстана⁷¹⁴. Разносторонняя деятельность данного института, в особенности научно-педагогическая, исследовательская, а также по подготовке учебников и учебных пособий многие годы была ориентиром в безбрежном океане вузовской работы. Постановка теоретических проблем различных дисциплин правовой науки, влияние ученых Первого государственного юридического института на развитие правовой мысли казахстанских исследователей имело место на протяжении всего послевоенного периода. К примеру, история становления исследований истории государства и права зарубежных стран связана с Первым государственным юридическим институтом так же, как и с Ленинградским юридическим институтом.

В плане изданий учебников и учебных пособий Первого государственного юридического института к исследованию предлагались темы: «Извлечения из институций Юстиниана» (Со словарем и комментариями. Пособие для юристов. 10 п.л. Старший преподаватель Е.А. Башаринов); «Материалы к лекциям по истории государства и права» (Учебное пособие. 4 п.л. Доцент Л.В. Дюков)⁷¹⁵. В 1941 году Л.В. Дюков подготовил к изданию книгу «Нексум в римском праве», которая была принята в печать, но не вышла в свет в связи с началом Великой Отечественной войны. Дальнейшая судьба рукописи неизвестна⁷¹⁶. В 1942 году он планировал

⁷⁰⁴ См.: // Вестник Казахского филиала АН СССР. 1946. № 2–3, (11–12), февраль–март. С. 10.

⁷⁰⁵ АП РК, ф. 708, оп. 7/1, д. 116, л. 5.

⁷⁰⁶ См. об этом: Тлепина Ш.В. Первый государственный юридический институт НКЮ СССР (1941–1943 гг.) // Юридическое образование и наука (Москва). 2004. № 1. С. 34–39.

⁷⁰⁷ А КазНУ им. аль-Фараби, ф. 1352, оп. 2, д. 338, л. 13. В фондах Алма-Атинского юридического института нами изучены «Акт о приеме-сдаче Алма-Атинского Юридического института вновь назначенным директором института тов. Культелеевым Т.М. от бывшего директора этого же института тов. Кузнецова Д.В.»; Акт о разделении Первого государственного юридического института; «Присоединительный акт» при переводе Алма-Атинского юридического института из Министерства юстиции Казахской ССР в ведение МВО СССР». См.: ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 8, л. 1–9; д. 27, л. 1–2; д. 40, л. 1–84.

⁷⁰⁸ А КазНУ им. аль-Фараби, ф. 1352, оп. 2, д. 338, л. 44.

⁷⁰⁹ Петров Г.И. Ленинградский юридический институт им. М.И. Калинина в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. 1969. №1. С. 23–24.

⁷¹⁰ Петров Г.И. Ленинградский юридический институт им. М.И. Калинина в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. 1969. №1. С. 24.

⁷¹¹ См.: Государственно-правовая наука в Казахстане. Библиографический указатель 1930-е гг. – 1991 г. / Авт.-сост. Ш.В. Тлепина; подразделы 1, 2, 5 раздела II – Ш.В. Тлепина и С.Ф. Ударцев / под ред. д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцева. Прил.: перечни период. изд., список сокр. – Ш.В. Тлепина. Алматы, 2005. С. 28, 376.

⁷¹² Жаманбаев К.Ж. Высшая школа Казахстана. Алма-Ата, 1972. С. 68.

⁷¹³ См.: Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения. М., 1963. С. 66; Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. М., 1976. С. 95.

⁷¹⁴ См.: Зиманов С.З. Успехи правовой науки в Республике // Октябрь и наука Казахстана. Алма-Ата, 1967. С. 515; Баймаханов М.Т., Басин Ю.Г. Развитие правовой науки и юридического образования в Казахстане // Правоведение. 1984. № 4. С. 4; Тулеугалиев Г.И. Становление юридического образования в Республике Казахстан и некоторые проблемы его развития на современном этапе // Право и государство. 2001. № 1. С. 3; Тлепина Ш. Высшее юридическое образование в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Правовая реформа в Казахстане. 2004. № 2 (24). С. 110–116; Она же. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е – 1991 гг.). Алматы, 2005. С. 70–85. и др.

⁷¹⁵ См.: Тлепина Ш.В. Первый государственный юридический институт НКЮ СССР (1941–1943 гг.) // Юридическое образование и наука (Москва). 2004. № 1. С. 34–39.

⁷¹⁶ Цит. по: Профессорско-преподавательский состав Академии «Әділет»: Библиографический

подготовить публикации о государственно-правовых принципах Парижской Коммуны, обзор теории феодальной поземельной собственности в России, новые материалы по вопросу о т.н. «Германском завоевании» Римской империи⁷¹⁷.

Среди казахстанских ученых Л.В. Дюков подготовил и защитил диссертационное исследование по проблемам всеобщей истории государства и права в Ленинградском юридическом институте⁷¹⁸. К сожалению, это направление историко-правовых исследований долгое время оставалось неразвитым, исследования Л.В. Дюкова не были углублены, а сам он на протяжении почти всего советского периода казахстанской историко-правовой науки оставался единственным специалистом по всеобщей истории государства и права. На наш взгляд, данное положение объяснялось: идеологическими аспектами, поскольку не всегда было безопасным увлечение даже на научно-исследовательском уровне государственно-правовыми вопросами зарубежных стран, в особенности капиталистических государств; необходимостью знания на достаточном уровне иностранных языков с обязательным изучением иностранных источников; высокий уровень исследований делал желательным и выезд в научную командировку в регион исследования; недостаточным количеством высококвалифицированных кадров-специалистов по всеобщей истории государства и права. Зарубежной историей государства и права занимались ученые-юристы, направленные в Казахстан высшими государственными органами юстиции, получившие образование в российских вузах, где существовала многолетняя традиция исследования государства и права стран Европы и Востока⁷¹⁹. Поэтому исследования зарубежной истории государства и права в Секторе права, впоследствии в Институте философии и права АН Казахской ССР фактически не проводились, а историко-правовые исследования были сконцентрированы на проблемах государственно-правового развития республики.

Нам представляется важным отметить еще одно связующее звено казахстанских и российских ученых-юристов. В архивах хранятся копии писем, направленных Т.М. Культелеевым в библиотеки АН СССР: профессору И.И. Яковкину, юридические институты и юридические факультеты университетов Москвы, Ленинграда; Государственное юридическое издательство СССР; Верховный суд,

словарь-справочник (2001/02 учеб. г.): в двух частях / Авт.-сост. Ударцев С.Ф.; Сост. указ.: Ударцев С.Ф., Синельников И.В. Алматы, 2003. С. 98.

⁷¹⁷ См.: Тлепина Ш.В. Первый государственный юридический институт НКЮ СССР (1941–1943 гг.) // Юридическое образование и наука (Москва). 2004. № 1. С. 34–39.

⁷¹⁸ См.: Дюков Л.В. Долговое рабство в Древнем Риме: историко-юридический очерк. ДКЮН. Специальность «Римское право». Научный руководитель – д.ю.н., д.и.н., профессор И.И. Яковкин, официальные оппоненты – д.ю.н., профессор Г. Мартынов, профессор Л.И. Дембо, доцент С.О. Вайншуд. Защита состоялась 25 июня 1940 г. Ленинград: Ленинградский юридический институт, 1940. 156 с. См.: Профессорско-преподавательский состав Академии «Эдидет»: Библиографический словарь-справочник (2001/02 учеб. г.): в двух частях / Авт.-сост. Ударцев С.Ф.; Сост. указ.: Ударцев С.Ф., Синельников И.В. Алматы, 2003. С. 98; Государственно-правовая наука в Казахстане: Библиографический указатель. 1930-е – 1991 г. / Авт.-сост. Ш.В. Тлепина; подразделы 1, 2, 5 раздела II – Ш.В. Тлепина и С.Ф. Ударцев / Под ред. д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцева. Прил.: перечни период. изд., список сокр. – Ш.В. Тлепина. Алматы, 2005. С. 375.

⁷¹⁹ См.: Тлепина Ш.В. Первый государственный юридический институт НКЮ СССР (1941–1943 гг.) // Юридическое образование и наука (Москва). 2004. № 1. С. 34–39.

Прокуратуру, в Наркомат юстиции СССР Н.М. Рычкову, союзные республики с просьбой о предоставлении библиотеке Сектора права Казахского филиала АН СССР, АН Казахской ССР научных трудов, монографической, периодической, справочной и иной литературы досоветского и советского периодов.

В последующем тесная связь казахстанских, алматинских ученых с российскими, ленинградскими ярко отразилась в исследованиях Я.М. Бельсона⁷²⁰. Ученый трудился в КазГУ (Казахский государственный университет им. С.М. Кирова. В наст. вр. Казахский национальный университет им. аль-Фараби), бывшем еще одним исследовательским центром государственно-правовой науки. Он плодотворно работал над анализом государственно-правовой науки капиталистических государств.

Я.М. Бельсон отмечал, что «сущность государственно-правовых институтов современного буржуазного общества может быть правильно оценена лишь в результате критического анализа их основных признаков»⁷²¹. В этой связи он провел анализ избирательной системы США, Англии, Франции, Италии, ФРГ; рассмотрел, связанный с выборами абсентеизм⁷²². Также Я.М. Бельсон исследовал вопросы финансовой деятельности буржуазного государства.⁷²³ Ученым были анализированы такие формы финансовой деятельности буржуазного государства, как увеличение налогов, налоговые льготы; займы; денежная инфляция, девальвация валюты; тарифное законодательство; субсидирование военных заказов; финансирование экспортно-импортных операций; финансовая помощь другим государствам⁷²⁴. Принципы английского парламентаризма, касающиеся избирательной системы, законодательной деятельности, парламентского контроля за деятельностью правительства, и другие вопросы внутрипарламентской процедуры были проанализированы в

⁷²⁰ Яков Михайлович Бельсон (1921–1998), д.ю.н., профессор. Окончил юридический факультет и аспирантуру Ленинградского университета. В 1953–1963 гг. работал на юридическом факультете КазГУ, затем выехал на работу в Высшую школу МООН РСФСР в г. Ленинграде. В 1961 г. защитил докторскую диссертацию «Основные проблемы государственно-правовой науки Великобритании и США (Критическое исследование)» в Институте государства и права АН СССР. В 2-х томах. См.: Личное дело Я.М. Бельсона (20/IX. 1960 г. – 28/IV. 1961 г.). Текущий архив Института государства и права РАН; // *Вечерняя Москва*. 1961. № 93. 19 апреля; Сартаев С.С. Юристы Казахстана в лицах. Алматы, 2002. С. 149; Государственно-правовая наука в Казахстане: Библиографический указатель. 1930-е – 1991 г. / Авт.-сост. Ш.В. Тлепина; подразделы 1, 2, 5 раздела II – Ш.В. Тлепина и С.Ф. Ударцев / Под ред. д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцева. Прил.: перечни период. изд., список сокр. – Ш.В. Тлепина. Алматы, 2005. С. 373.

⁷²¹ Бельсон Я.М. Основные черты избирательной системы главных капиталистических государств // Уч. зап. КазГУ им. С.М. Кирова. Сер. юрид. Вып. 3. Алма-Ата, 1957. С. 167.

⁷²² См.: Бельсон Я.М. Основные черты избирательной системы главных капиталистических государств // Уч. зап. КазГУ им. С.М. Кирова. Сер. юрид. Вып. 3. Алма-Ата, 1957. С. 171, 173, 175, 176, 182. Также: Бельсон Я. Упадок современного буржуазного парламентаризма // *Коммунист Казахстана*. 1955. № 2. С. 36–41.

⁷²³ См.: Бельсон Я.М. Роль буржуазного государства в обогащении монополий // Там же. 1956. № 8. С. 43–47; Он же. О некоторых формах финансовой деятельности буржуазного государства // Уч. тр. КазГУ им. С.М. Кирова. Сер. юрид. Вып. 5. Алма-Ата, 1959. С. 270–285.

⁷²⁴ См.: Бельсон Я.М. О некоторых формах финансовой деятельности буржуазного государства // Уч. тр. КазГУ им. С.М. Кирова. Сер. юрид. Вып. 5. Алма-Ата, 1959. С. 272, 274, 282, 284, 285.

отдельной статье Я.М. Бельсона⁷²⁵. Теория «народного государства» в Америке, Англии, Франции, характер многопартийности в западных странах стали также предметом анализа ученого⁷²⁶. В последующие годы, работая уже в Ленинградском государственном университете, Я.М. Бельсон был автором учебников по государственному праву зарубежных стран, которые неоднократно переиздавались⁷²⁷. Широкая эрудиция, высокий уровень интеллекта, огромный теоретический багаж ученого обогатили историю правовой мысли в целом, стали ярким свидетельством эволюционного развития государственно-правовой науки в Казахстане. Его работы, как, впрочем, и работы других казахстанских ученых, работавших, живших в Казахстане в советский период, имеют важное значение в эволюционном развитии всей юридической науки Казахстана и могут быть предметом специального научного исследования.

Из двенадцати докторских диссертаций, подготовленных и защищенных в сфере государственно-правовой науки в советский период казахстанскими учеными, вторая была защищена Я.М. Бельсоном (после докторской диссертации С.Л. Фукса в 1948 г.) в 1961 г. Я.М. Бельсон первым в Казахстане защитил докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по государственному праву зарубежных стран.

Среди шестидесяти кандидатских диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук первые две – Т.М. Культелеева и Л.В. Дюкова были защищены в Ленинградском юридическом институте в 1939 г. и 1940 г. Т.М. Культелеев стал первым казахом профессиональным ученым-юристом, первым казахом директором высшего юридического учебного заведения.

Таким образом, кадровая, организационная поддержка; помощь в обеспечении библиотечного фонда центральной научной библиотеки АН Казахской ССР (*в наст. вр.* Центральная научная библиотека Республиканского государственного предприятия «Гылым Ордасы» Министерства образования и науки Республики Казахстан) и, в частности, Сектора права, впоследствии Института философии и права (*в наст. вр.* Институт государства и права КазНУ им. аль-Фараби), юридического института, а позже и юридического факультета Казахского государственного университета имени (ленинградского секретаря обкома) С.М. Кирова; многолетние научные связи; плодотворное сотрудничество юридических образовательных

⁷²⁵ См.: Бельсон Я.М. Проблемы современного английского парламентаризма в буржуазной правовой науке // Сов. государство и право. 1957. № 12. С. 122–128.

⁷²⁶ См.: Бельсон Я.М. Буржуазный миф о «народном государстве» // Партийная жизнь Казахстана. 1958. № 11. С. 66–70; Он же. Вывески разные, а сущность одна // Партийная жизнь Казахстана. 1959. № 12. С. 59–63.

⁷²⁷ См., напр.: Я.М. Бельсон, Д.Д. Остапенко, П.И. Савицкий и др. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости: Учебник / Под ред. Б.А. Стародубского и В.Е. Чиркина. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1977. 320 с; Я.М. Бельсон, В.Б. Евдокимов, Е.Р. Кастель и др. Государственное право буржуазных и освободившихся стран: Учебник / Под ред. Б.А. Стародубского и В.Е. Чиркина. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 431 с. В 1960-е годы Я.М. Бельсон рецензировал учебники. См.: Щетинин Б.В., Бельсон Я.М. [Рец. на кн.] Два учебника по государственному праву стран народной демократии // Сов. государство и право. 1962. № 2. С. 144–146.

учреждений; многочисленные научные публикации на страницах авторитетного научно-теоретического журнала «Известия высших учебных заведений. Серия «Правоведение»; личные связи ученых, исследователей, преподавателей вузов – все это способствовало поддержанию и росту профессиональных контактов, творческому сотрудничеству, взаимному уважению и признанию успехов ученых-юристов Казахстана и России.

Влияние высшего юридического образования советских центральных вузов на формирование правовой мысли ученых-юристов Казахстана, в частности, Ленинграда имеет большое значение. Постигание основ теоретического изучения права, общества и государства, заложенное в традициях российской юридической науки было воспринято и продолжено казахстанскими исследователями. Высокая степень восприимчивости к научным исследованиям права и государства обусловила своеобразие современной казахстанской правовой мысли. В изучении истории правовой мысли имеет значение и обращение к советскому правовому наследию юридической науки Казахстана имеет большое значение.

Т.М. Культелеев, А.Н. Агеев, Г.М. Маслов и Л.В. Дюков. Из питомцев Ленинградского юридического института руководителями Алма-Атинского – работали А.Н. Агеев, в качестве директора юридического института⁷²⁸, заместителем директора по учебной, научной работе позже трудился и Л.В. Дюков.

В Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова (далее – ЛГУ) училась, защитила кандидатскую и докторскую диссертации Е.Н. Нурғалиева⁷²⁹. По окончании университета работала преподавателем в Карагандинском

⁷²⁸ См.: АП РК, ф. 708, оп. 11, д. 145, л. 30.

⁷²⁹ Енлик Нурғалиевна Нурғалиева, д.ю.н., (1993), профессор (2004), академик Международной академии информатизации, Президент Общественного фонда «Евразийский правозащитный центр» (с 2012 года). Родилась 15 октября 1947 г. в селе Мадениет Енбекшильдерского района Кокшетауской области. Окончила юридический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А.А. Жданова (наст. ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет») (Ленинград, 1973). Специальность – правоведение. Обучалась в очной аспирантуре ЛГУ (1977 – 1979). Тема кандидатской диссертации – «Метод правового регулирования общественно-трудовых отношений» (Ленинград, ЛГУ им. А.А. Жданова, 1979). Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор В.Н. Смирнов. Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор А.Д. Зайкин; кандидат юридических наук, доцент Д.В. Полатасев. Ведущая организация – МГУ им. М.В. Ломоносова. Завершила программу докторантуры ЛГУ (1990 – 1993). Тема докторской диссертации – «Механизм правового регулирования общественно-трудовых отношений в условиях многоукладной экономики» (Ленинград, ЛГУ им. А.А. Жданова, 1993). Научный консультант – лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А.С. Пашков. Официальные оппоненты: д.ю.н., профессор Т.В. Иванкина; д.ю.н., профессор О.В. Смирнов; д.ю.н., профессор К.П. Уркинский. Ведущая организация – МГУ им. М.В. Ломоносова. См. о ней: А КазНУ им. аль-Фараби, Оп. 20, св. 39; *Мухамедиин Р.* Слово о коллеге. // Карагандинский ун-т. 1988. 8 марта. – С. 2; *Сартаев С.* Юристы Казахстана в лицах. Алматы, 2002. № 5. – С. 6-11; Поздравляем Нурғалиеву Е.Н. с юбилеем // Прав. реф. в Казахстане. 2007. № 4 (39-40); *Қажыбай Т.* Елінің Еңілігі // Бұқпа. 2007. № 23 (334). – 7 б.; *Тлетина Ш.В.* Страницы истории юридического факультета // Вестн. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия Юр. науки. 2014. №1-2 (18-19). – С. 45-46; *Тлетина Ш.В.* Енлик Нурғалиевна Нурғалиева //

государственном университете (далее – КарГУ) (1973 – 1977); обучалась в очной аспирантуре (1977 – 1979), докторантуре ЛГУ (1990 – 1993). Работала вице-министром юстиции Республики Казахстан (далее – РК) Н.А. Шайкенова по законопроектной работе (1994 – 1997); заведующей отделом законодательства и правовой экспертизы Сената Парламента РК (1998 – 2003); вице-министром экологии и охраны окружающей среды РК (2003 – 2004); ректором филиала КазГЮУ – АЮА (2004 – 2008)⁷³⁰; первым проректором КазНАУ (2008 – 2009)⁷³¹; директором НИИ государственно-правовых исследований, разработки и экспертизы законопроектов, заведующей кафедрой (2009 – 2015), профессором кафедры гражданского, трудового и экологического права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (2015 по наст.вр.); президентом общественного фонда «Евразийский правозащитный центр» (с 2015 по наст.вр.).

В годы становления независимости и формирования правовой системы государства в 1994 – 1997 гг., будучи замминистра юстиции РК, курировала законопроектную работу республики. Под ее непосредственным руководством разрабатывались и представлялись в Парламент РК практически все законопроекты, принятые в Республике в 1994 – 1997 гг. В их числе: Гражданский Кодекс РК, Закон РК «О труде», «О банкротстве», «О трудовых спорах и забастовках», «О лицензировании», «О политических партиях», «О регистрации юридических лиц», «Об общественных объединениях», «Об акционерных обществах», «О банках и банковской деятельности», «О коллективных трудовых спорах и забастовках», «Об иностранных инвестициях», «О порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций в Республике Казахстан», «О недрах и недропользовании» и мн. др.

Научно-педагогическую работу Е.Н. Нурғалиева успешно сочетает с общественной, научно-экспертной деятельностью в качестве члена Комиссии по правам человека при Президенте РК (2003 – 2016), научного консультанта Верховного Суда РК (2009 – 2014), Омбудсмена РК (2009 – 2014), члена рабочей группы по сотрудничеству с США (с 2012 по наст. вр.), а также практической деятельностью в качестве внештатного правового эксперта АО «ФНБ «Самрук-Казына», АО «РД Казмунайгаз», АО «Эйр Астана» и др.

Е.Н. Нурғалиевой опубликовано более 180 научных работ, из них 25 монографии. За последние два года опубликовано ок. 50 научных статей.

Основные направления и темы научных работ: роль трудового права в рыночном механизме хозяйствования, имплементация конвенций международной

Вестн. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Сер. юр. науки. 2017. № 2(31). – С. 243-245; Трудовая деятельность и научная школа Енлик Нурғалиевой / Авт. и сост. *Тлепина Ш.В., Омарова Э.Б., Хасенов М.Х., Галиакбарова Г.Г.* – Серия «Библиотека трудового права». – Т. 1. – Астана: ТОО Мастер По, 2017. – 368 с.; *Тлепина Ш.* Нурғалиева Енлик Нурғалиевна / Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI вв. Энциклопедический справочник. В трех частях. Ч. 1-3 (отдельными книгами). / Министерство образования и науки Республики Казахстан. Университет КАЗГЮУ / Под общ. ред. д.ю.н., профессора С.Ф. Ударцева. Ч. 2. – Астана: ТОО «Дәме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 321-325.

⁷³⁰ КазГЮУ – АЮА – Алматинская юридическая академия Казахского гуманитарно-юридического университета

⁷³¹ КазНАУ – Казахский национальный аграрный университет

организации труда в казахстанское трудовое законодательство, унификация норм о трудовой миграции стран евразийского экономического союза (ЕАЭС) и др. Большое внимание в работах ученой уделяется проблеме переоценки ценностей в сфере трудовых правоотношений, отказа от постулатов и идеологических догм; уточнению места и роли трудового права в регулировании рыночных отношений, четкому определению сферы его действия, унификации основных принципов правовой регламентации труда в организациях двух форм собственности. Актуальность проводимых ею исследований предопределяется необходимостью дальнейшего развития демократических институтов в трудовом праве с одновременным сохранением основных гарантий трудовых прав работников. Отдельные работы исследователя посвящены разъяснению роли государства как полноправного партнера в социально-трудовых отношениях. В этой связи она изучала вопросы повышения гибкости рынка труда, улучшения качества рабочей силы и развития ее профессиональной мобильности, институтов рынка труда; роста занятости и эффективности использования труда, в том числе за счет повышения территориальной мобильности трудовых ресурсов; создания условий труда, позволяющих сохранить трудоспособность работающего населения на всем протяжении профессиональной карьеры; создания условий для привлечения иностранной рабочей силы с учетом перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах. В своих работах она подчеркивает значение конституционных принципов в сфере труда. Отмечает, что новеллы в правовом регулировании труда не должны не только отменять, но и посягать на ранее приобретенные права работников, чьим трудом создается экономический потенциал государства. Исследователь активно изучает объективную необходимость гармонизации и унификации законодательства стран ЕАЭС путем решения задач повышения гибкости рынка труда; улучшения качества рабочей силы и развития ее профессиональной мобильности; развитие институтов рынка труда; роста занятости и эффективности использования труда, в том числе за счет повышения территориальной мобильности трудовых ресурсов. Публикации последних лет посвящены указанным проблемам, а также вопросам создания и деятельности общественных объединений граждан, права на свободу собраний, в том числе в зарубежных странах; автор комментариев трудового законодательства Казахстана, переизданных семь раз⁷³².

⁷³² См. труды Нурғалиевой Е.Н.: Принципы трудового права. Алматы: КазГЮУ, 2004. – 158 с.; Индивидуальные трудовые споры. Алматы: КазГЮА, 2004. – 147 с.; Индивидуальные договоры о труде. Алматы: КазГЮА, 2004. – 169 с.; Правовое регулирование оплаты труда работников. Алматы: Print-S, 2005. – 141 с.; Роль трудового права в рыночном механизме хозяйствования. Караганда: Болашақ-Баспа, 2011. – 205 с.; ҚР Еңбек кодексіне түсініктеме. Қарағанды: Болашақ-Баспа, 2012. – 891 с.; Комментарий к Трудовому кодексу Республики Казахстан. Караганда: Болашақ-Баспа, 2015. – 849 с.; Комментарий к Трудовому кодексу Республики Казахстан. Астана, 2016. – 364 с.; Қазақстан Республикасының Еңбек кодексіне түсініктеме. Астана, 2016. – 575 б.; Трудовое право стран ЕАЭС. Учебник. Минск, 2017; Евразийское трудовое право. Учебник. Минск, 2017. Статьи: Abuse of Labour Rights: Theory and Practice // World Applied Sciences Journal 26 (4): 464-474, 2013, ISSN 1818-4952 (соавт.: Мамедова А.Т.); Criminal liability for violations of public employment laws in the republic of Kazakhstan (в соавт. Баймолдина С.М., Гульоглу Я., Төлеуханова Д.Б., Акчабаев Ш.); Comparative Legal Analysis of the Employment Law of Estonia and Kazakhstan in the Issues of Improving a Pretrial Settlement of Individual Labor

За значительный вклад в становление и развитие суверенного Казахстана Е.Н. Нургалиева награждена орденом «Құрмет». Вручены медали «10 лет Конституции РК», «10 лет Парламенту РК», «Астана», «10 лет Астане», «Бірлік», нагрудный знак «За заслуги в развитии науки РК». Является обладателем государственного гранта МОН РК «Лучший преподаватель вуза» (2010).

Выпускница юридического факультета, аспирантуры Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова и докторантуры Санкт-Петербургского государственного университета Ж.О. Кулжабаева⁷³³.

Основные направления ее научных исследований: проблемы правового обеспечения международной экономической безопасности, необходимость защиты национальных интересов государства в международных экономических отношениях. Отдельные

Disputes / Statute Law Review. 2016.-Volume 37, Issue 3. – P. 233-243 (в соавт.: Галиакбарова Г.Г.); Document Worker's representation: Foreign practice and the prospects for reforms in the Republic of Kazakhstan // American Journal of Applied Sciences // 13 (1), 28.35, pp. 28-35 (в соавт.: Хасенов М.Х.); Wage regulatory issues in Kazakhstan // Actual Problems of Economics Volume 161, Issue 11, 2014, Pages 260-268 (в соавт. Каскеева А.З., Есиркепова М.М.); Конституционные гарантии права на свободу собраний в зарубежных странах. / Мат-лы МНПК «Конституция: единство, стабильность, процветание» (28-29 августа 2015 г., Астана). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2015. – С. 93-96; Роль трудового права в развитии экономики страны / Мат-лы МНПК «Конституция – основа динамичного и стабильного развития общества и государства» (30 августа 2016, Астана). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2016. – С. 27-28, др.⁷³³ Жанат Орынбековна Кулжабаева, к.ю.н. (1991), доцент (1996), профессор кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (с 2014 г. по наст. вр.). Родилась 1 сентября 1960 г. в г. Караганде. Окончила юридический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (1983), аспирантуру (1987 – 1991), докторантуру (2012 – 2015) Санкт-Петербургского государственного университета. Тема кандидатской диссертации: «Клаузула о наиболее благоприятствуемой нации» (СПбГУ, 1991). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Л.Н. Галенская. Официальные оппоненты: д.ю.н. В.П. Шатров, к.ю.н. М.К. Иванов. Вед. организация – МГУ им. М.В. Ломоносова. Тема докторской диссертации: «Правовое обеспечение международной экономической безопасности». Научный консультант – д.ю.н., проф. Л.Н. Галенская. После окончания университета работала доцентом, заведующей кафедрой международного права в КарГУ им. Е.А. Букетова (1983 – 1996); КазГЮИ (1996 – 2005); ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (2005 – 2009); КазГЮУ (2009 – 2012). С 2012 г. по наст.вр. – заместитель директора Института Законодательства и правовой информации РК. В вузах читала курсы лекций для студентов по международному публичному праву, праву международных договоров; для магистрантов, докторантов – теорию и методологию международно-правового анализа. Под ее научным руководством подготовлены четыре кандидата юридических наук по специальности 12.00.10 – Международное право; Д.И. Нурумов (2000), И.Т. Мусабекова (2003), А. Айдаркулова (2008), Р.Ж. Арзаева (2010) и доктор PhD Исакова Ж.Т. (2020). Опубликовано более 180 работ. См. о ней: Сартаев С. Юристы Казахстана в лицах. Алматы, 2002. С. 273; Тлепина Ш.В. Юридическому факультету ЕНУ им. Л.Н. Гумилева – 10 лет // Прав. реф. в Казахстане. 2009. №1 (45). – С. 114.; Кулжабаева Жанат Орынбековна // В кн.: 10 жыл. Алғашқы мерейтой – 10 лет. Первый юбилей / Отв. ред. Тлепина Ш.В. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2009. – С. 108-109; Абайдельдинов Е.М. История и настоящее кафедры Международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева // Мат-лы МНПК, посв. 10-летию юбилею подготовки спец. межд. права и спец. каф. межд. права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Акт. вопр. межд., регион. и нац. права: совр. сост., взаимодейст. и перспек. разв. (Астана, 21 сент. 2013). А.: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2013. – С. 314, 316; Тлепина Ш.В. Страницы истории юридического факультета // Вестн. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия Юр. науки. 2014. №1-2 (18-19). – С. 45, 47; Абайдельдинов Е.М. Кафедра международного права Юридического факультета // Там же. – С. 53, 55; Абайдельдинов Е.М., Тлепина Ш.В. Кафедра международного права юридического факультета // В кн.: Выпускники кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2015 год. А.: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2015. – С. 5-8; Кушкенова Р. Первая женщина-ученый в области международного права РК / Из истории права и юридической науки. Сб. работ студ. и маг. / Под ред. Тлепиной Ш.В. А.: Мастер По, 2017. – С. 74-76; Тлепина Ш. Кулжабаева Жанат Орынбековна / Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI вв. Энциклопедический справочник. – С. 186-188.

исследования посвящены теоретическим вопросам международного механизма защиты прав человека, а также имплементации международных стандартов в национальное законодательство⁷³⁴. Награждена орденом «Құрмет».

Ж.О. Кулжабаева, отечественный научный руководитель доктора PhD Исаковой Ж.Т. Зарубежным научным консультантом был видный российский ученый-юрист-международник, заместитель главного редактора Российского Ежегодника Международного права С.В. Бахин, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой

⁷³⁴ См. труды Ж.О. Кулжабаевой: Научный комментарий к Закону о международных договорах Республики Казахстан. Астана, 2006. – 96 с.; Международное публичное и частное право: проблемы и перспективы = Public and private international law: problems and prospects: Liber amicorum в честь проф. Л.Н. Галенской / Под ред. С. В. Бахина. СПб: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – 583 с. (в соавт.); Значение конституционных принципов для согласования норм международного права и национального законодательства // Межд. право и нац. законодательство. Колл. моногр. ИЗ и СП при Правительстве РФ. М.: Эксмо, 2009. – С. 199-208; Обеспечение повышения качества жизни населения и экономич. безопасности гос-ва как основной фактор развития человеческого капитала / Правовые и социально-экономич. аспекты формирования человеческого капитала в Казахстане. Колл. моногр. / Под ред. Абайдельдинова Е.М. А.: РИО ЕНУ, 2011. – С.65-114; Теоретические вопросы соотношения международного и национального права Республики Казахстан. Вопросы имплементации в процессе взаимодействия международного торгового-экономического права и казахстанского права по вопросам экономической деятельности // Колл. моногр. Соотношение международного права и национального законодательства: проблемы имплементации. А.: ТОО «КазГЮУ Консалтинг», 2015. – С. 10-40, 44-95. (в соавт. Сарсембаев М.А., Иржанов А.С., Рамазанов У.Р.). Учебники: Международное публичное право. Алматы: Юридическая литература, 2002. – 466 с.; Халькаралық жария құқық. Жалпы және ерекше бөлемдері. Оқулық. Алматы: «НАС» баспа компаниясы, 2003. – 384 бет.; Халькаралық құқық. Дәрістер курсы. Алматы: ҚазГЗУ, 2003. – 9-21, 124-136 бб.; Международное право // Часть общая / Отв. Ред. Абашидзе А.Х., Абайдельдинов Е.М. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. Гл. 8 – С. 221-247; Гл. 11 – С. 306-339; Международная интеграция и интеграционное право: учебник. / Под общ. ред. Шамахова В.А., Кириленко В.П., Кашкина С.Ю. СПб.: ИПЦ СЗИУ фил. РАНХиГС, 2017. – С. 759-781. (в соавт.). Статьи: Development of Double-Diploma Education in the Republic of Kazakhstan: Problems and Perspectives // World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication): 105-109, 2013, ISSN 1818-4952. © IDOSI Publications, 2013 DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.27.elele.22; Имплементация норм международного гуманитарного права в национальном законодательстве Республики Казахстан // Российский Ежегодник международного права. СПб., 2000. – С. 143-145; Некоторые правовые вопросы концепции экономической безопасности Республики Казахстан // Российский Ежегодник межд. права. СПб., 2001. – С. 358-362; Некоторые правовые вопросы реализации международно-процессуальных процедур в гражданском законодательстве Республики Казахстан // Акт. проблемы межд. гражд. процесса. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2003. – С. 66-73; Некоторые вопросы договорного обеспечения Байконура в казахстанско-российских отношениях // Международное публичное и частное право: проблемы и перспективы / Под ред. С.В. Бахина. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. – С. 231-245; К вопросу о конкурентоспособности правовой системы Казахстана в условиях Евразийской интеграции // Мат-лы МНПК «Юридическая наука и практика: традиции и новации» (секция «Международно-правовая наука и практика в период усиления Евразийской интеграции») (22 ноября 2014 г., Ростов-на-Дону, РФ). Ростов-на-Дону, 2014. – С.311-315; Обеспечение национальных интересов государств-членов в рамках интеграционных процессов / Мат-лы XII ежегодной МНПК, посв. памяти проф. И.П. Блищенко «Актуальные проблемы современного международного права». (12–13 апреля 2014 г., М.). В 2-х ч. / Отв. ред. Абашидзе А.Х. М.: РУДН, 2015. – С.109-117; Новые зоны свободной торговли ЕАЭС как факторы обеспечения экономической безопасности интеграционного сотрудничества евразийских государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Межд. сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 2. – С. 23-29; Двудипломное образование в Казахстане как условие академической мобильности студентов и преподавателей // Социологич. исследования. 2017. № 6. С. 138-142/ Ежемес. науч. и общественно-политич. журнал Росс. Академии наук ISSN 0132-1625 Sociological Studies Sotsiologicheskie Issledovaniya (Web of Science) Sotsiologicheskie Issledovaniya (Scopus) Импакт-фактор РИНЦ 2015 – 1,378. (соавт. Теленко А.Н., Ибраева А.Б., Ракишева А.Ш.); «Дорожная карта» сотрудничества РК с международными организациями // Сб. МНПК «Обеспечение прав личности в процессе формирования правового государства», посвящ. 70-летию Н.А. Шайкенова. («Шайкеновские чтения») – А., 2017. – С. 214-217.

международного права СПбГУ. Ж.Т. Исакова – представитель нового поколения казахстанцев, получивших знания, опыт научных исследований, практику теоретического эксперимента, новые методы преподавания в высшей школе.

Объектом исследований Ж.Т. Исаковой⁷³⁵ явились правоотношения, связанные с формированием и функционированием системы интеграционного права Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Она изучила международно-договорную базу Евразийского экономического союза, акты органов Союза, национальное законодательство государств-участников Союза, нормы международного и национального права. В своих работах она отмечает, что ЕАЭС формируется как интеграционное объединение, а его правовая система как самостоятельный правовой феномен, выросший на базе международного права и правовых систем государств-участников. Интеграционный процесс предполагает обособление правовой системы ЕАЭС в самостоятельное правовое формирование. В ее работах подтверждается, что правовая система ЕАЭС формируется как специфическое образование *sui generis*, выявлены его сущностные черты.

Исакова сформулировала авторскую концепцию правовой категории «интеграционное право» («право интеграционных объединений») и делает заключение: в рамках каждого интеграционного объединения складываются собственные институциональная и правовая системы. Наряду с международным и национальным правом появился новый тип правовых систем – интеграционное право. Исакова пишет о том, что правовая система ЕАЭС носит характер сложной мега-системы, вобравшей в себя разнообразные комплексы правовых установлений, включая помимо собственно права ЕАЭС, нормативные международно-правовые комплексы, которые ЕАЭС обозначила как часть своей правовой системы. Исследованы закономерности и особенности процессов принятия, реализации актов органов ЕАЭС и участие в этих процессах государств-членов. Выявлено, что важнейшей составляющей формирования единого экономического пространства в рамках ЕАЭС является сближение (унификация и гармонизация) национального законодательства при посредстве инструментов интеграционного права. В работах

Исаковой замечено, что в рамках национальных правовых систем государств – участников ЕАЭС не определен статус решений органов ЕАЭС и их соотношение и иерархия с нормами национального права; особая роль в правовой системе ЕАЭС, считает Исакова, особая роль должна принадлежать Суду ЕАЭС.⁷³⁶

⁷³⁵ См. труды Ж.Т. Исаковой: 3 публикации в международных научных изданиях, входящих в базу данных компании Scopus (в соавторстве): *Integration Association Law and International Law: The Correlation and Priority Issues/Indian Journal of Science and Technology*, Vol 9(36).-September 2016.-P.204-210; *Institution Building of the Eurasian Economic Union: Challenges and Opportunities/Journal of Advanced Research in Law and Economics* Volume VII, Issue 4(18).-Summer 2016.-P.813-828; *Correlation between the Jurisdiction of the Court of the EAEU and the Jurisdiction of International Judicial Institutions/Journal of Advanced Research in Law and Economics* Volume IX, Issue 3(33).-Summer 2018.-P.965-970; Евразийская идея как концепция становления и функционирования Евразийского Экономического союза//Евразийский юридический журнал. – Москва (Россия). 2015. № 4 (83). – С. 12-17; Теоретические проблемы определения сущности и назначения интеграционного права//Научно-правовой журнал Вестника Института законодательства Республики Казахстан. Астана (Казахстан). 2016. №2 (43) – С. 23-129; Вопросы компетенции Суда ЕАЭС в рамках Договора «О Евразийском экономическом союзе»//Вестник Евразийского национального университета. Серия Гуманитарные науки. Астана (Казахстан). 2016. № 1 (110). – С. 182-185; Правовые аспекты в регулировании системы гарантирования и страхования займов сельскохозяйственного производства Республики Казахстан в условиях функционирования ЕАЭС // Вестник Евразийского национального университета. Серия Гуманитарные науки. Астана (Казахстан). 2016. № 1 (110). С. 523-528; Проблемы конкуренции юрисдикций судебных органов интеграционных объединений. Вестник Евразийского национального университета. Серия гуманитарные науки. Астана (Казахстан). 2016. № 5 (114). – С. 448-450; О теоретических аспектах формирования и развития евразийской идеи// The Fifth International Scientific Conference on Private and Public Law. -Vienna (Austria).-2015.-P.33-43; интеграционное право: теоретико-правовые проблемы исследования// Сб. материалов МНК «Перспективы развития права». Вильнюс (Литва). 22 января 2017. – С. 29-37; Суд ЕАЭС в становлении правовой системы интеграционного объединения// XXXI International Scientific and Practical Conference «International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education». -Boston (USA).-2017.-02 (33)-P.58-60; Евразийская интеграция государств в условиях глобализации. Молодые ученые ЕНУ и РУДН о современных проблемах международного права: Сборник материалов II совместной МНПК ЕНУ и РУДН, 2 апреля 2014 г./ Отв. ред. А.Х. Абайдице, Е.М. Абайдилов, М.Ж. Кулипаева Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014 – С.141-149; К вопросу об эффективности и о перспективах деятельности Содружества независимых государств в рамках региональной интеграции. Сборник материалов МНПК «Правовые аспекты современных интеграционных объединений с участием Республики Казахстан» (5 декабря 2015г.) Астана (Казахстан), 2015 – С. 91-99; Формирование интеграционного права ЕАЭС. / Сб. материалов МНПК «Глобализация и интеграция традиционной и инновационной науки в современном мире». СПб., 2016. – С.172-175; Становление правовой системы ЕАЭС. Материалы МНПК «Конституция – основа динамичного и стабильного развития общества и государства», посвященная ко Дню Конституции Республики Казахстан. Астана (Казахстан), 2016. – С. 382-385; К вопросу о соотношении норм интеграционного и национального права в условиях функционирования ЕАЭС. Материалы XIV Международного конгресса «Блищенковские чтения» «Актуальные проблемы современного международного права». Ч.1 М., 2016. – С. 418-421; Система органов ЕАЭС в формировании правовой системы Союза. / Сб. материалов XII Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Наука и образование – 2017». Астана, 2017. – С. 6071-6074; К вопросу о наднациональных полномочиях органов государств-участников ЕАЭС. / Материалы МНПК, посвященной 70-летию д.ю.н., проф. Сарсембаева М.А. Астана, 2017. – С. 261-264; Правовой статус и полномочия Суда ЕАЭС / Материалы XV Международного конгресса «Блищенковские чтения» «Актуальные проблемы современного международного права». Ч. 1. М., 2017. – С.599-601; ЕАЭС и ВТО: взаимодействие двух правовых систем. Материалы МНПК «Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства, посвященная Дню Конституции РК. Астан, 2018. – С. 413-415; Сближение (унификация и гармонизация) права ЕАЭС. Сборник материалов IV МНПК: современные проблемы международной защиты прав человека. Астана, 2018. – С. 116-127; Евразийская идея как базовая концепция ЕАЭС // Международная интеграция и интеграционное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры/под общ

⁷³⁶ Жанна Туркестановна Исакова, PhD. Родилась 6 апреля 1974 г. в Семипалатинской области, г. Аягуз. Окончила юридический факультет Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова (2002), магистратуру магистратуру юридической академии «Фемида» (2008) докторантуру по специальности «6D030200 – Международное право» ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (2016). Тема докторской диссертации PhD: «Система интеграционного права Евразийского экономического союза (ЕАЭС)». Отечественный научный руководитель – Кулжабаева Ж.О., к.ю.н., доцент, профессор кафедры Международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, заместитель директора Института законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан. Зарубежный научный консультант – Бахин С.В., д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Рецензенты: Волова Лариса Ивановна – д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация); Кантарбекова Аида Маратовна – к.ю.н., начальник Управления международно-правовых проблем Международно-правового отдела Министерства иностранных дел Республики Казахстан (Нур-Султан, Республика Казахстан). Работала старшим специалистом, секретарем судебного заседания Специализированного межрайонного экономического суда по Карагандинской области, старшим преподавателем кафедры «Гражданского и инвестиционного права» юридической академии «Фемида» (Караганда, Республика Казахстан), с 2007 года по настоящее время, преподаватель кафедры международного права ЕНУ им Л.Н. Гумилева.

На наш взгляд, можно утверждать об активном продолжении научных, профессиональных и человеческих связей между учеными-юристами Казахстана и России. Некоторые цифровые данные из истории сотрудничества таковы: из двенадцати докторских диссертаций, подготовленных и защищенных в сфере государственно-правовой науки в советский период казахстанскими учеными, вторая была защищена Я.М. Бельсоном (после докторской диссертации С.Л. Фукса в 1948 г.) в 1961 г. Я.М. Бельсон первым в Казахстане защитил докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по государственному праву зарубежных стран. Среди шестидесяти кандидатских диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук первые две – Т.М. Культелеева и Л.В. Дюкова были защищены в Ленинградском юридическом институте в 1939 г. и 1940 г. Т.М. Культелеев стал первым казахом профессиональным ученым-юристом, первым казахом директором высшего юридического учебного заведения. Кадровая (в подготовке кандидатов, докторов юридических наук, докторов PhD), организационная поддержка; помощь в обеспечении библиотечного фонда центральной научной библиотеки АН Казахской ССР (*в наст. вр.* Центральная научная библиотека Республиканского государственного предприятия «Гылым Ордасы» Министерства образования и науки Республики Казахстан) и, в частности, Сектора права, впоследствии Института философии и права (*в наст. вр.* Институт государства и права КазНУ им. аль-Фараби), юридического института, а позже и юридического факультета Казахского государственного университета имени (ленинградского секретаря обкома) С.М. Кирова; многолетние научные связи; плодотворное сотрудничество юридических образовательных учреждений; многочисленные научные публикации на страницах авторитетного научно-теоретического журнала «Известия высших учебных заведений. Серия «Правоведение»; личные связи ученых, исследователей, преподавателей вузов – все это способствовало поддержанию и росту профессиональных контактов, творческому сотрудничеству, взаимному уважению и признанию успехов ученых-юристов Казахстана и России. Влияние высшего юридического образования советских центральных вузов на формирование правовой мысли ученых-юристов Казахстана, в частности, Ленинграда имеет большое значение. Постигание основ теоретического изучения права, общества и государства, заложенное в традициях российской юридической науки было воспринято и продолжено казахстанскими исследователями. Высокая степень восприимчивости к научным исследованиям права и государства обусловила своеобразие современной казахстанской правовой мысли. В изучении истории правовой мысли, истории юридической науки

ред. В.А. Шамахова, В.П. Кириленко, С.Ю. Кашкина. – Санкт-Петербург (Россия). – 2017. – С.679-692; Юридическая природа актов судов ЕС и ЕАЭС / Взаимодействие договорных органов ООН по правам человека со странами ЕАЭС и ОЭСР. В 3 т. Т 1: Порядок и пределы действия международного права на территории суверенной страны / под ред. Е.М. Абайдельдинова и А.Х. Абашидзе. – Астана: ТОО «Мастер По», 2018. – 133-145. Исакакова Ж.Т. была в составе исследовательской группы по грантовому финансированию МОН РК «Правовые аспекты развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан в условиях вступления ВТО и образования Евразийского экономического союза» (2016-2018г.).

современности имеет большое значение обращение к советскому правовому наследию юридической науки Казахстана и России.

§ 5. Правовой режим объектов культурного и исторического наследия в зеркале правоприменительной практики (по материалам Калининградской области)

С точки зрения исторической памяти Калининградская область во многом является одним из уникальнейших регионов Российской Федерации. Дважды эта территория оказывалась в составе российского государства: впервые, на время, – в период Семилетней войны (с января 1758 по август 1762 гг.), впоследствии, и до сегодняшнего дня, – как результат послевоенного переустройства политической карты мира в силу Потсдамского соглашения 1945 г. Калининградская область – единственный регион в России, на территории которого состоялись ключевые сражения Семилетней и Первой мировой войн: битва при Гросс-Егерсдорфе 1757 г., Гумбинненское сражение 1914 г. В России только на территории Калининградской области находятся замковые сооружения и другие памятники готической архитектуры, самые ранние из которых относятся к XIII в. (замок Бальга, 1250 г.). Часть из этих памятников связана с именами выдающихся российских исторических деятелей и значимыми событиями российской истории: Великим посольством Петра I, Тильзитским миром. В Кенигсберге родился, жил и творил великий философ Иммануил Кант, здесь же находится его могила. Уроженцем Кенигсберга был родоначальник норманнской теории образования древнерусской государственности российский академик Готлиб Байер. Из задачи о семи кенигсбергских мостах еще один академик Российской академии наук – Леонард Эйлер – вывел свою теорию графов.

Безусловно, свой неизгладимый отпечаток оставили на калининградской земле события Второй мировой войны. Во второй половине XIX в. в Кенигсберге был построен комплекс фортификационных сооружений, который, как казалось, превращает город в неприступную цитадель. Однако военные инженеры XIX столетия готовились к прошедшим битвам: в апреле 1945 г. образцовые крепости прошлого пали под натиском Красной армии. Только за штурм и взятие Форта № 5 звания Героя Советского Союза были удостоены 15 советских воинов; наши потери лишь в одной Кенигсбергской операции составили около 4 тыс. человек.

Конечно, уникальность исторического наследия Калининградской области всегда вызывает интерес. Но кроме этого важна и соответствующая государственная политика, и правовые средства, и механизмы, регулирующие отношения, связанные с сохранением исторической памяти. Нормативно-правовая база для формирования соответствующей среды сохранения, использования, популяризации культурного и исторического наследия существует на всех уровнях публичной власти; действуют специальные законы и подзаконные акты. Правовой режим объектов культурного и исторического наследия, установленный правовыми актами,

распределение полномочий между органами власти по предметам своего ведения и порядок деятельности в рамках этих полномочий – необходимые компоненты правового регулирования в данной сфере. Однако каким образом тексты правовых актов преломляются в правоприменении, как реализуются права и обязанности субъектов правоотношений в сфере сохранения исторической памяти, в какой части используется судебная форма защиты прав и охраны объектов – та проблема, которая избрана предметом этого исследования.

Сплошное изложение содержания правовых актов, регулирующих в Калининградской области отношения по сохранению культурного и исторического наследия⁷³⁷, было бы избыточным: областное законодательство ориентируется на ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁷³⁸. Этим соблюдается единство терминологии, принципов, предмета, способов правового регулирования. Но нельзя не отметить особенности, которые мы можем обнаружить в областных и муниципальных правовых актах Калининградской области. Эти особенности органично связаны с историческим прошлым.

Например, законом Калининградской области «О праздничных днях и памятных датах Калининградской области»⁷³⁹ в обеих группах (праздничные дни и памятные даты) закреплена историческая память об исторических событиях, связанных непосредственно с регионом. Так, праздничным днем является День Калининградской области (4 июля), а памятными датами – День взятия Кенигсберга (9 апреля). Если памятная дата говорит сама за себя – это событие Великой Отечественной войны, то День Калининградской области привязан к дате переименования в 1946 г. города Кенигсберга в Калининград, а Кенигсбергской области – в Калининградскую⁷⁴⁰. К памятным датам отнесены и события новейшей истории региона: принятие Устава (Основного закона) Калининградской области (18 января) и День герба и флага Калининградской области (4 мая) – согласно датам соответствующих законов.

В Положении «О порядке присвоения наименований элементам планировочной структуры, элементам улично-дорожной сети городского округа «Город Калининград», их изменения и аннулирования»⁷⁴¹ установлено, что такие

⁷³⁷ Правительство Калининградской области. Официальный портал. Нормативные правовые и иные акты в сфере охраны объектов культурного наследия. – URL: <https://gov39.ru/vlast/sluzhby/goonk/dokumenty.php> (дата обращения: 23.04.2020).

⁷³⁸ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 19.04.2020).

⁷³⁹ Закон Калининградской области от 14.06.2017 № 81 (ред. от 28.06.2018) «О праздничных днях и памятных датах Калининградской области». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/446299298> (дата обращения: 19.04.2020).

⁷⁴⁰ Указ Президиума Верховного совета СССР от 04.07.1946 «О переименовании города Кенигсберга в город Калининград и Кенигсбергской области в Калининградскую область» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 25.

⁷⁴¹ Положение «О порядке присвоения наименований элементам планировочной структуры, элементам улично-дорожной сети городского округа «Город Калининград», их изменения и аннулирования». Утв. решением городского Совета депутатов Калининграда от 07.02.2018 № 5. – URL:

наименования должны содержать информацию об историко-культурном развитии города Калининграда, Калининградской области, России (п. 4.1.2), а основаниями для присвоения (изменения) наименований являются, в частности: восстановление исторически сложившегося наименования объекта, имеющего особую культурную ценность (п. 5.1.3), увековечение памяти о событии или в знак признания выдающихся заслуг граждан (п. 5.1.4). Согласно п. 5.2 Положения наименования присваиваются, в том числе, в ознаменование исторических событий, знаменательных дат; в память о выдающихся государственных и общественных деятелях, внесших существенный вклад в развитие Калининграда, Калининградской области, России, в том числе знаменитых уроженцев города и области; в память о гражданах, погибших при совершении героического поступка, проживавших на территории города. Пункт 5.3 Положения оговаривает, что присвоение наименований в целях увековечения памяти выдающихся граждан и событий периода новейшей истории осуществляется по истечении пяти лет со дня события или смерти гражданина. При этом необходимо получить согласие членов семьи или родственников, обладающих правами наследования (при их наличии).

Другой муниципальный акт, принятый в городе Калининграде, – Положение «О порядке установки, содержания и демонтажа мемориальных досок на фасадах зданий и сооружений городского округа «Город Калининград»»⁷⁴² предусматривает два вида этих объектов: событийные мемориальные доски, которые посвящены знаменательным событиям, связанным с Кенигсбергом-Калининградом, и именные мемориальные доски, посвященные выдающимся личностям, связанным с Кенигсбергом-Калининградом, Отечеством.

Вопросами наименований, установки мемориальных досок в Калининграде занимается специальная Топонимическая комиссия. Материалы ее работы (протоколы заседаний, фотоматериалы и др.) открыты и размещаются в сети Интернет. Дискуссии по вопросам присвоения тем или иным объектам наименований, связанных с историческими событиями или деятелями, случаются нередко. Например, в 2018 г. при обсуждении предложения присвоить территории общего пользования наименование «Сквер имени А.Т. Болотова», возник спор, имеет ли отношение этот российский ученый и мемуарист, служивший во время Семилетней войны в Кенигсберге, отношение к рассматриваемой территории и находящемуся вблизи историческому зданию (Королевские ворота, одни из сохранившихся городских ворот, были построены только в середине XIX в. на месте старых: старые Болотов наверняка видеть мог, а вот нынешние – нет). Несмотря на то, что архитектурный ландшафт местности за прошедшие столетия кардинально

<http://docs.cntd.ru/document/446637780> (дата обращения: 19.04.2020).

⁷⁴² Положение «О порядке установки, содержания и демонтажа мемориальных досок на фасадах зданий и сооружений городского округа «Город Калининград»». Утв. Решением городского Совета депутатов Калининграда от 06.07.2016 № 215. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/439097284> (дата обращения: 19.04.2020).

изменился, решение Топонимической комиссии было принято все же в пользу выдающегося соотечественника⁷⁴³.

Было бы несправедливым утверждать, что практика Калининградской области сосредоточена исключительно на сохранении послевоенной исторической памяти. Безусловно, события Великой Отечественной войны, связанные с ними объекты и персоналии, составляют наибольший массив наименований, охранных мероприятий, культурных событий и иных форм переживания исторической памяти. Однако и довоенная история калининградской земли представлена в топонимике, музейном деле, популяризации, защищена соответствующими правовыми механизмами. К объектам культурного наследия отнесены десятки городищ, могильников, замков, культовых сооружений, монументов и пр., относящихся к разным эпохам – от неолита до Второй мировой войны. Велико внимание к историческому наследию Иммануила Канта: его имя присвоено расположенному в Калининграде Балтийскому федеральному университету, острову, на котором находятся памятники архитектуры и истории федерального значения Кафедральный собор и могила философа, а также улице на этом острове; памятник Канту напротив старого корпуса университета – памятник муниципального значения. К объектам федерального значения отнесены, например, памятник в честь битвы при Прейсиш-Эйлау 1807 г., сооруженный в середине XIX в.; памятник на месте захоронения сердца фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли, установленный в 1821 г. (фельдмаршал скончался неподалеку от современного пос. Нагорное, бывш. Гесветен)⁷⁴⁴. Помимо появившихся после войны улиц Суворова и Багратиона, на карте города Калининграда можно встретить сохранившиеся с довоенных времен улицу Бесселя – выдающегося астронома, основателя и директора Кенигсбергской обсерватории или улицу Вагнера, названную в честь профессора медицины Кенигсбергского университета Карла Вагнера, а в курортном Светлогорске есть улица Сказочника Гофмана – еще одного знаменитого уроженца Кенигсберга, автора «Щелкунчика».

Анализ практики судов общей юрисдикции и Арбитражного суда Калининградской области за 2015–2020 гг. показывает, что судебные формы защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений в сфере сохранения исторической памяти применяются и охватывают довольно широкий круг вопросов. Структура судебной практики показывает, вокруг каких проблем возникают правовые конфликты.

Первый блок кейсов – привлечение судами общей юрисдикции к административной ответственности на основании комплекса статей КоАП РФ о нарушении законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры): ст. ст. 7.13, 7.14, 7.14.1, 7.14.2, 7.15, 7.15.1, 7.16 КоАП РФ. Далеко не все указанные статьи применяются судами Калининградской области (а следовательно,

и Службой государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской области – исполнительным органом государственной власти, наделенным соответствующими полномочиями⁷⁴⁵). Так, за период с 2015 по 2020 гг., согласно выборке из базы данных «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру)⁷⁴⁶, в первой инстанции было рассмотрено 24 дела о привлечении к административной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 7.13 КоАП РФ (наиболее общий состав правонарушения), 4 дела – по ст. 7.14 КоАП РФ. Ответственность по ст. 7.14.1 и ст. 7.14.2 КоАП РФ не рассматривалась судами как самостоятельная. В одном случае ответственность наступила по совокупности за оба правонарушения, предусмотренные этими статьями, а еще в одном случае – были применены вместе ст. 7.13 и 7.14.1 КоАП РФ. Дела возбуждались на основании протоколов об административных правонарушениях, составленных в результате плановых и внеплановых проверочных мероприятий, проводимых Службой государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской области. Физические и юридические лица чаще всего несли ответственность за невыполнение ограничений права собственности, установленного законом (в части обременения по надлежащему содержанию и сохранению памятника истории и культуры – в основном архитектурного объекта, например, жилого дома или инженерного сооружения). Немало дел, когда ответственность наступала в результате проведения строительно-ремонтных работ, существенно нарушивших исторический облик здания.

Следующие категории относятся к выборке из более чем 300 дел, рассмотренных Арбитражным судом Калининградской области в 2015–2020 гг. по вопросам, связанным с историческими памятниками.

Второй блок кейсов составили дела, связанные со строительными, ремонтно-восстановительными работами или реконструкциями памятников истории и культуры. Речь идет в основном о нарушении или об отсутствии заключения историко-культурной экспертизы, обязательной в подобных случаях. Сюда же можно включить и непропорциональное размещение рекламы на исторических объектах, самовольные пристройки и прочие нарушения законодательства. Суд своими решениями в основном восстанавливал нарушенное состояние.

Третья группа дел касается прав и обязанностей, вытекающих из договоров аренды (охранно-арендных договоров) или права собственности на землю для строительства (в границах исторических объектов), имущество (в основном памятники архитектуры). Строительство, реконструкция, надлежащее использование и обеспечение сохранности чаще всего становятся предметом таких споров.

Четвертый блок можно условно назвать процедурным: сюда мы включаем дела об оспаривании актов, составленных Службой государственной охраны объектов

⁷⁴³ Протокол № 54 заседания топонимической комиссии по наименованиям элементов планировочной структуры, улично-дорожной сети и других объектов городского округа «Город Калининград» от 23.04.2018 // Администрация ГО «Город Калининград». Официальный сайт. – URL: https://www.klkd.ru/activity/construction/toponim-komissiya/protokol_23042018.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

⁷⁴⁴ Сводный перечень объектов культурного наследия Калининградской области (на 01.03.2020). – URL: https://gov39.ru/vlast/sluzhby/gookn/zip/svodnyy_perechen_okn.xlsx (дата обращения: 20.04.2020).

⁷⁴⁵ Постановление Правительства Калининградской области от 02.12.2014 (ред. от 18.04.2019) «О службе государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской области». – URL: https://gov39.ru/vlast/sluzhby/gookn/zip/polozhenie_o_sluzhbe.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

⁷⁴⁶ Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру). – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

культурного наследия Калининградской области, споры о включении объекта в Единый государственный реестр объектов культурного наследия или исключении из Реестра.

Пятый блок – дела об исполнении государственных и муниципальных контрактов на проведение историко-культурной экспертизы, ремонтно-восстановительных работ по сохранению исторических памятников, проведение мероприятий по популяризации историко-культурного наследия и др.

Как видим, правовые механизмы переживания исторической памяти воплощаются не только в формах нормативного регулирования ее сохранения, популяризации, установлении правового режима культурно-исторических объектов, но и в формах судебной защиты прав и законных интересов субъектов соответствующих правоотношений.

§ 6. Мемориальные законы – кризисные явления в праве или их преодоление?⁷⁴⁷

В последние десятилетия произошли серьёзные изменения в отношении к истории, конкретным историческим событиям, оценка которых долгое время считалась незыблемой. Многие исследователи отмечают, что произошло как бы примирение истории и памяти. Однако такое «проникновение» памяти в историческую науку представляет собой достаточно сложное явление, характеризующееся как позитивными, так и негативными тенденциями.

К позитивным можно отнести то, что участники событий, благодаря современным техническим средствам, могут рассказать о пережитых ими событиях широкому кругу людей, предложить свои интерпретации и оценки, что значительно расширяет круг исторических и историко-правовых источников. Положительной также можно считать тенденцию общей актуализации исторического знания, позволяющей обычному человеку, для которого история не является профессиональной сферой, рассуждать о прошлом, искать объяснение современному состоянию политики, экономики, культуры, анализировать допущенные ошибки и выработать новые подходы к развитию как в индивидуальном, так и общественном смысле.

Однако есть и негативные аспекты. В мире стали разрастаться «конфликты интерпретации прошлого»⁷⁴⁸ и можно сказать, что даже появилось такое явление, как «войны памяти».

Примеров можно привести множество.

Во-первых, в XXI веке, через пятьдесят лет после крушения колониальной системы, резко обострились воспоминания о колониальном прошлом. Так, в

Австралии началась борьба с памятниками Джеймсу Куку как открывателю материка. Сначала в августе 2017 г. общественные деятели страны, имевшие среди предков аборигенов, выступили с призывом изменить надпись «Открыл эту территорию в 1770 году» на памятнике Джеймсу Куку, который был установлен в 1914 г. в парке Catani Gardens Сиднея. В январе 2018 г. памятник Куку, облили розовой краской, написав при этом красным: «Не гордимся». Зелёной краской были испорчены памятник первым пересекшим континент с юга на север Роберту Берку и Уильяму Уиллсу⁷⁴⁹.

Во-вторых, в рамках борьбы с проявлениями расизма развивается «война с памятниками» в США. Если сначала активисты расправлялись с памятниками первому и единственному президенту Конфедеративных Штатов Америки Джефферсону Дэвису и главному военачальнику американского Юга Роберту Ли, то затем досталось и первооткрывателю Америки, мореплавателю Христофору Колумбу. Начала распространяться идея о том, что якобы по его вине темнокожие попали на другой континент и были проданы в рабство, а местное население колонизировано. Скульптуры, символизирующие Х. Колумба, были снесены в Бостоне, Сент-Поле, Камдене и Ричмонде, в Майами памятник осквернили⁷⁵⁰. Теперь уже власти опасаются за популярный туристический объект – «Гору Рашмор» в штате Южная Дакота, на которой запечатлены лица четырех Президентов США: Дж.Вашингтона, Т. Джефферсона, Т.Рузвельта и А.Линкольна.

В-третьих, настоящие «войны памяти» наблюдаются в Европе в отношении событий предшествующих Второй мировой войне и во время её. Россия как правопреемница СССР постоянно обвиняется в развязывании агрессии в отношении стран Восточной и Центральной Европы. Ярким примером было неприглашение российских представителей на официальные мероприятия, проводимые в Польше в начале осени 2019 г., посвящённые 80-летию начала Второй мировой войны.

Данный список можно продолжать.

Результатом всех тех попыток пересмотра исторических оценок стало провозглашением государствами принципов официальной политики памяти (мемориальной памяти), которая, правда, может значительно различаться.

Юридической формой реализации официальной политики памяти стали так называемые мемориальные законы.

Считается, что первой на путь легального определения отношения к историческим событиям встала Франция. В 1978-1979 гг. французский писатель, профессор литературоведения Робер Фориссон (1929-2018) издал несколько статей и книгу, в которой отрицал геноцид со стороны нацистов в отношении еврейского населения, став доказывать невозможность газовых камер в том виде, как они описывались. Это вызвало огромный резонанс.

⁷⁴⁷ Данный параграф выполнен А.А. Дорской при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

⁷⁴⁸ Матусевич О.А. Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе // Труды БГТУ. № 5. История, философия, филология. 2015. № 5 (178). С.131-132.

⁷⁴⁹ Памятник Куку в Австралии облили розовой краской // Seldon News // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/182158633> (Дата обращения: 16.07.2020 г.).

⁷⁵⁰ Лабутина Д. Камень преткновения: «Гора Рашмор» напомнила о рабовладении // Газета.ru. 2020. 25 июня // https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/06/a_13130647.shtml (Дата обращения: 01.07.2020 г.).

13.06.1990 г. был принят закон Гейссо, установивший запрет на любые расистские, антисемитские или ксенофобские действия. Например, под такие действия стали попадать отрицание Холокоста и пересмотр решений Нюрнбергского трибунала. За публичные высказывания, нарушающие закон, была установлена уголовная ответственность. По данному закону был осуждён и сам Р. Фориссон. Он должен был заплатить штраф в 21000 франков и провести три месяца в заключении. Все его обращения в международные органы ни к чему не привели. Ему было отказано и Комитетом по правам человека ООН⁷⁵¹, и Европейским Судом по правам человека. Затем подобные законы стали приниматься в других странах: в 1992 г. – в Австрии, в 1996 – Бельгии и т.д.

Развитие мемориального законодательства потребовало их классификации. В зарубежной юридической науке было предложено две, в целом, похожие классификации.

Первая – по последствиям нарушения: а) «жёсткое» законодательство, содержащее требование определённым образом оценивать и трактовать исторические события; б) «мягкое» законодательство, содержащее декларацию об отношении к тем или иным фактам и явлениям прошлого.

Вторая – по содержанию диспозиции: а) позитивное мемориальное законодательство (например, признание геноцида армян в Османской империи в годы Первой мировой войны); б) негативные мемориальные законы, устанавливающие ответственность за отрицание определённых исторических событий (к примеру, отрицание Холокоста).

Однако данные классификации не отражают всю полноту имеющегося мемориального законодательства.

Мемориальные законы могут отличаться с точки зрения инициативы их принятия. Например, 19 сентября 2019 г. Европейский парламент принял Резолюцию 2019/2819(RSP) «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», посвящённую 80-летию начала Второй мировой войны. За Резолюцию проголосовало 535 депутата, против – 66, 52 – воздержались при голосовании. В ней отмечалось, что если преступления нацизма были осуждены на Нюрнбергском трибунале, то наказание за преступления сталинизма – дело будущего. Депутаты выразили обеспокоенность, что усилиями нынешнего российского руководства скрываются факты преступлений, совершенных при советском тоталитарном режиме⁷⁵². В Резолюции содержится призыв к государствам путём принятия национальных законов поддержать положения, принятые Европарламентом, а России рекомендуется переосмыслить своё советское прошлое. Таким образом, принятие данной Резолюции может способствовать новой волне мемориальных законов, касающихся событий Второй мировой войны.

⁷⁵¹ Ерджанов Т.К. Международно-правовые аспекты уголовной ответственности за отрицание геноцида // Современные гуманитарные исследования. 2013. № 5 (54). С.261-264.

⁷⁵² Европарламент принял резолюцию против пересмотра истории // Взгляд. Деловая газета. 2019. 19 сентября // <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2019%2F9%2F19%2F998657.html&d=1> (Дата обращения: 26.09.2019 г.).

Ещё одним источником инициирования мемориальных законов могут быть сами государства. Например, огромный резонанс вызвал закон «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине», инициированный бывшим в то время Президентом Украины В. Ющенко как неотложный и принятый в 2006 г. По оценке Г.В. Кась-янова, из шести три статьи закона были призваны переписать историю Украины. Согласно первой из них Голодомор 1932-1933 гг. в Украине квалифицировался как «геноцид украинской нации». В ст.2 – запрещалось само отрицание факта Голодомора. Ст.6 предусматривала введение административной ответственности за публичное отрицание Голодомора 1932-1933 гг. в Украине⁷⁵³.

Мемориальные законы могут также предполагать дальнейшую криминализацию исторического события. Так, в 2015 г. в Республике Армения отмечалось столетие трагических событий в Османской империи, когда в результате проводимой политики геноцида по разным подсчётам погибло приблизительно 1,5 млн. армян. Была принята Всеармянская декларация, в которой не только содержался призыв помнить о невинных жертв, но и предложение Турции осудить геноцид армян. Сейчас нормативно-правовым путём это признано более чем двадцатью государствами мира. Однако понятно, что признание политики геноцида повлечёт за собой международно-правовую ответственность в политической, а, может быть, и материальной форме.

Кроме того, мемориальные законы могут декларировать важность определённого исторического события с позитивной точки зрения. Так, в 2009 г. был издан Указ Президента Российской Федерации о праздновании столетия единения мордовского народа с народами многонациональной России⁷⁵⁴.

Мемориальные законы, криминализирующие определённые взгляды на факты прошлого, тоже могут различаться. Первый вариант – в отношении исследователей, второй вариант – в отношении лиц, профессионально не занимающихся историей, например, размещающих на своих страницах в сети Интернет оценочные суждения об исторических событиях.

Можно ли считать принятие мемориальных законов проявлением кризиса в праве? Для этого необходимо рассмотреть мемориальное законодательство в контексте выделения критериев и признаков кризисных явлений в праве.

Во-первых, кризис может проявляться в преобладании устаревших норм, уже не отражающих сложившиеся общественные отношения. Данный критерий вряд ли подходит к мемориальным законам, т.к. они, наоборот, направлены на сохранении памяти о тех или иных исторических событиях. Например, принятый во Франции закон о признании геноцида в отношении армянского населения в годы Первой мировой войны.

⁷⁵³ Кась-янов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С.33.

⁷⁵⁴ Указ Президента РФ от 11 января 2009 г. № 46 «О праздновании 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6296242/#6296242> (Дата обращения: 27.06.2020 г.).

Во-вторых, признаком кризиса может быть вытеснение правовых норм другими социальными регуляторами – религиозными, моральными, корпоративными и другими нормами. Принятие мемориальных законов, напротив, способствует закреплению приоритета правовых отношений над остальными. Они могут представлять собой попытку установления определённых границ общественной памяти, что может входить в прямое противоречие с памятью конкретного человека. Именно поэтому, например, США принципиально считают невозможным законодательное регулирование отношения к прошлому.

В-третьих, ещё одним проявлением кризисных явлений является блокировка законотворческой деятельности, когда принятые законодательными органами проекты законов не становятся законами, т.к. не получают санкции вышестоящих органов. Этот критерий вполне подходит к мемориальному законодательству. Так, в Испании мемориальные законы были приняты, но затем отменены Конституционным судом данной страны.

В-четвёртых, отсутствие возможности правовыми средствами предотвратить радикальные выступления против существующей государственно-правовой системы также можно считать признаком кризиса. Так, в странах, активно поддерживающих принятие мемориальных законов (Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Израиль, Канада, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Чехия, Швейцария и другие страны), возникает возможность ограничения свободы слова и свободы научного творчества. За свои научные взгляды и результаты исследований учёный может быть привлечён к уголовной ответственности.

В-пятых, ещё одним индикатором кризисных явлений в праве является неисполнение или даже подчёркнутое игнорирование существующих правовых норм. Данный критерий может быть применён к мемориальным законам. Часть исследователей категорически не согласна с их принятием и ведёт активную деятельность против них. Так, в 2006 г. британский историк Дэвид Ирвинг (род. 1938 г.), оказавшись на территории Австрии, был арестован и получил три года тюрьмы за работы о Холокосте. Ещё в 1963 г. он издал работу об уничтожении Дрездена⁷⁵⁵, в 1977 г. – книгу «Война Гитлера», а в 1987 г. – книгу «Война Черчилля». Основными идеями Д. Ирвинга были отрицание Холокоста, существования газовых камер, признание подделкой дневника Анны Франк. Однако в заключении он находился 13 месяцев, после чего оставшийся срок ему заменили на условный, и он был депортирован из страны.

Несмотря на негативное отношение к деятельности Д. Ирвинга со стороны многих исследователей и людей, не имеющих отношения к науке, его осуждение вызвало большой резонанс. Общественность требовала его освобождения, выступая против криминализации взглядов на события прошлого.

⁷⁵⁵ Ирвинг Д. Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны. 1944-1945. М.: Центрполиграф, 2005. 158 с.

В-шестых, проявлением кризиса может выступать и введение новых статей в уголовное законодательство, устанавливающих юридическую ответственность за интерпретацию событий прошлого, притом, что раньше такой потребности не было. Так, в 2014 г., несмотря на то, что 5 мая этого года вступила в силу статья 354.1 «Реабилитация нацизма», автослесарь из Перми В.Лузгин на своей странице «ВКонтакте» процитировал статью, в которой СССР приписывалось развязывание Второй мировой войны наравне с гитлеровской Германией и участие в оккупации Польши, начиная с сентября 1939 г. Было возбуждено уголовное дело, и летом 2016 г. В.Лузгин был осуждён с назначением штрафа в 200 тыс. руб.⁷⁵⁶ Не желая платить штраф, он уехал в Прагу и попросил политического убежища, однако чешские власти ему в этом отказали⁷⁵⁷.

Таким образом, необходимость развития мемориального законодательства может свидетельствовать о кризисных явлениях в праве, которое с помощью других инструментов уже не может регулировать сложившиеся общественные отношения. Однако возможен и другой вариант, когда право способствует преодолению кризисных тенденций, примиряя общество как универсальный социальный регулятор.

§ 7. Проблема адекватности переживания истории: методологический, аксиологический и юридический аспекты

С ранних этапов своего существования историческая наука сталкивалась с проблемой постоянной смены интерпретаций и оценок событий, имевших место в прошлом⁷⁵⁸. Историю «переписывали» в интересах, победивших в определённый период, политических сил, в угоду господствующей идеологии, в стремлении скрыть собственные ошибки и преступления⁷⁵⁹. Подобная практика не только не преодолена в историческом познании в условиях современности, но, напротив, получила невиданные ранее масштабы реализации: в западных странах происходит массовая фальсификация истории Европы 30-х – 40-х годов XX века, преследующая цель пересмотра итогов Второй мировой войны; прибалтийские и польские «историки» стремятся представить Советский Союз в качестве одного из агрессоров, развязавших войну; отрицают решающую роль СССР в победе над фашистской Германией и т.п.

Целью всего этого являются попытки повлиять на историческую память, подорвать основы национальной идентичности нашего народа, сформировать негативное отношение к Советскому периоду нашей истории, её победам и

⁷⁵⁶ Пермяка оштрафовали на 200 тысяч за репост в соцсети статьи об участии СССР в оккупации Польши // <https://www.newsru.com/russia/01jul2016/perm.html> (Дата обращения: 25.09.2019 г.).

⁷⁵⁷ «Политику исключать нельзя»: Чехия отказала в убежище первому в России осужденному за реабилитацию нацизма // Настоящее время // <https://www.currenttime.tv/a/29232278.html> (Дата обращения: 13.12.2019 г.).

⁷⁵⁸ Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 63.

⁷⁵⁹ Фальсификация исторических источников и конструирования этнократических мифов. — М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 51.

достижениям, а также закрепить в общественном сознании западных стран образ врага в лице современной России.

Целью нашей статьи является выяснение причин и технологического инструментария формирования и распространения неадекватного восприятия истории.

Процесс формирования неадекватного, по отношению к исторической реальности прошлого, восприятия истории детерминирован многими социальными факторами, среди которых наибольшим значением обладают: политический⁷⁶⁰, идеологический, экономический, социально-психологический, религиозный и др. В нашей статье мы сосредоточим внимание на трёх из них: аксиологическом, методологическом и юридическом.

Аксиологический аспект неадекватного восприятия истории связан с выяснением тех ценностей, которые лежат в основе заведомо искаженного и не соответствующего действительности понимания событий прошлого.

Для выяснения механизма его реализации обратимся к анализу конкретной социальной ситуации, связанной с перенесением ответственности за развязывание Второй мировой войны с фашистской Германии на Советский Союз, широко распространяемой средствами массовой информации западных стран. Следует подчеркнуть, что подобная фальсификация истории произошла не только в работах, определённых «учёных» историков, но и получила соответствующее правовое закрепление. Так, в 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «О воссоединении разделённой Европы», в которой прямо провозгласила равную ответственность Третьего Рейха и СССР за развязывание войны. Фактологическим обоснованием подобного утверждения стал «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» от 23 августа 1939 года, гарантировавший нейтралитет каждой из сторон в военном конфликте с Польшей и западными державами и предполагавший его действие в течение десяти лет. Этот договор и стал позиционироваться как важнейший фактор, позволивший фашистской Германии начать войну, а, следовательно, Советский Союз своим невмешательством развязал руки агрессору и даже вступил с ним в определённый «союз». Следовательно, СССР также ответственен за начало войны, как и Германия⁷⁶¹. Этот случай является типичным примером осознанной фальсификации социально-исторического процесса. Аксиологическим обоснованием подобного выступает абсолютизированное понимание собственного суверенитета на любые политические действия для реализации своих интересов и отказ вправе осуществлять подобные действия другим субъектам политического процесса. Подобную аксиологическую установку,

⁷⁶⁰ Balakhonsky V.V., Balakhonskaya L.V., Ivanov E.A., Shipunova O.D. Political technology tools in the specialists worldview formation // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS 2019. P. 671-676.

⁷⁶¹ Фальсификация истории: примеры. Противодействие фальсификации истории [Электронный ресурс] – URL: <https://fb.ru/article/229961/falsifikatsiya-istorii-primeryi-protivodeystvie-falsifikatsii-istorii> (дата обращения 03.04.2020).

выполняющую роль ценностного обоснования фальсификации исторических событий, можно сформулировать в виде принципа абсолютного доминирования собственных интересов (политических, экономических, военных, идеологических и т.д.)⁷⁶². Разумеется, политическая деятельность далеко не всегда соответствует высшим нравственным идеалами, и субъекты политических отношений руководствуются, в первую очередь, собственными интересами. Однако оценка их действий должна осуществляться с позиции общечеловеческих нравственных принципов, определяющих саму возможность социальной коммуникации, в том числе и политической. Подобными нравственно-аксиологическими принципами, значимыми в системе политических отношений, должны выступать: 1) выполнение взятых на себя обязательств (или, хотя бы, искреннее стремление к их выполнению); 2) учёт интересов других субъектов политических отношений; 3) стремление разрешать политические проблемы мирным путём, при помощи снятия или минимизации конфликта интересов.

Конечно, перечисленные принципы в своей совокупности представляют собой некий идеализированный объект политических отношений, далеко не всегда в полном объёме представленный в сфере конкретных политических действий, но такая идеализация выступает необходимой основой теории политической деятельности. Более того, подобный идеализированный объект позволяет давать адекватную аксиологическую оценку соответствующих форм социальной деятельности, в том числе и политической.

Осуществление адекватной исторической оценки социальной ситуации, представленной в рассматриваемом нами примере, является вполне достижимой на основе отмеченных нами идеализированных аксиологических принципов, особенно первого и второго из них.

Так, Германия, как одна из сторон договора, заведомо не стремилась к выполнению взятых на себя обязательств – не нападать на Советский Союз в течение десяти лет. Фашисты напали на СССР менее чем, через два года, тем самым нарушив первый нравственно-аксиологический принцип политических взаимоотношений между договаривающимися государствами.

Второй нравственно-аксиологический принцип, состоящий в требовании учёта интересов других субъектов политических отношений, так же был вероломно нарушен агрессором, видящем ценность этого Договора лишь в возможности кратковременного обеспечения военного невмешательства мощного государства, каковым в то время являлся Советский Союз, в захватнические планы фашистской Германии.

Соответственно этому, оценка проводимой в то время германской и советской политики не может быть тождественной, напротив, она должна быть прямо противоположной. Однозначно негативной оценки заслуживает политика страны, заключающей договоры без стремления их выполнять и прекрасно понимающей это, и,

⁷⁶² Припечкин В.В., Балахонский В.В. Современные концепции политической культуры: проблемы генезиса, развития и гносеолого-методологических оснований: Монография. – СПб.: Астерион, 2019. С. 141.

безусловно, позитивной оценки заслуживает политика государства, следующего принятым на себя обязательствам, даже, возможно, не во всём соответствующим его собственным интересам.

В рассматриваемом нами примере чётко прослеживается реализация и другого аксиологического приёма, обеспечивающего возможность фальсификации истории, а именно – сведение оценки объекта в целом к оценке его части⁷⁶³. Дело в том, что договор между Германией и СССР от 23 августа 1939 года о взаимном ненападении не был единственным политическим договором того времени, он был одним из ряда подобных договоров, которые Германия заключила с другими государствами, в том числе европейскими. Одним из подобных договоров были Мюнхенские соглашения 1938 года между Германией, Великобританией, Францией и Италией о взаимном ненападении и о разделе Чехословакии и передаче Германии Судетской области.

Как и любой договор, Мюнхенские соглашения создавали видимость частичной реализации третьего нравственно-аксиологического принципа – стремления разрешать политические проблемы мирным путём, однако, в данных соглашениях явно проявляется грубое нарушение второго нравственно-аксиологического принципа оценки происшедших событий, требующего учёта интересов других субъектов политических отношений. Мюнхенские соглашения не учитывали интересы Чехословакии и были ориентированы лишь на эскалации немецкой агрессии на восток, в сторону Советского Союза.

Тем самым, подобная фальсификация строится на подмене масштаба оценки происходящих событий. Целостная картина, отражающая объект в полноте и многообразии его взаимодействующих друг друга сторон, подменяется оценкой лишь одной части этой картины, значение которой гипертрофированно преувеличивается⁷⁶⁴.

Важнейшую роль в понимании сущности и механизма реализации аксиологического аспекта неадекватного восприятия истории играет его телеологическая ориентация. Начиная с античности телеологическую основу научного поиска составляет ориентация на достижение истины, под которой в исторической науке понимается объективное и доказанное соответствие содержания научной теории исторической реальности прошлого.

В гносеологическом плане проблема понимания истины приобретает принципиально большое значение для достижения адекватности восприятия истории. Суть проблемы состоит в неоднозначности самой трактовки истины, единство мнений философов по этому поводу отсутствует. С глубокой древности существует классическое понимание истины, которое было чётко обозначено ещё в трудах Платона и Аристотеля. Большинство определений истины, представленных в научной

⁷⁶³ Балахонский В.В. Научная философия и объяснение исторических событий // Новые идеи в философии. 1996. № 4. С. 29.

⁷⁶⁴ Бахтин М.В., Балахонский В.В. Процедуры объяснения и интерпретации истории: исторический и логико-методологический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 194-201.

литературе, являются развитием именно этого ставшего классическим подхода. Классическое понимание истины формулируется следующим образом: истина – это соответствие мысли реальности. Формулировка очень чёткая и правильная, недаром она получила статус классической.

Однако даже эта гносеологически правильная формулировка не снимает целого ряда проблем, имеющих непосредственное отношение к достижению адекватности исторического познания. Наибольшее значение в рассматриваемом нами аспекте имеют две проблемы.

Первая из них связана с неопределённостью самого понятия «соответствие». В научной литературе представлен широкий круг многообразных интерпретаций этого понятия. Мнения учёных по этому поводу расходятся до противоположности. Крайними формами предлагаемого понимания сущности «соответствия» выступают две позиции:

1. Соответствие предполагает тождество мысли и её предмета. Это очень сильная форма соответствия, предъявляющая очень высокие требования к результатам познавательной деятельности. При таком строгом толковании количество истинных научных знаний будет резко сокращено и минимизировано.

2. Соответствие означает лишь сходство, подобие, знак, символ реальности. Такая позиция – прямая противоположность первой. Это крайне слабая трактовка понятия «соответствие». По этой позиции истиной можно объявлять всё что угодно, вплоть до лжи, если в ней присутствует, хотя бы частичка правильной информации. Само понятие истины размывается и её становится трудно, либо вообще невозможно отличить от заблуждения⁷⁶⁵ и даже лжи.

В современной философии всё большее распространение получают концепции истины⁷⁶⁶, относящиеся ко второй из отмеченных нами позиций. Это определяется целым комплексом причин, среди которых выделяются:

1. Социальные причины, состоящие в том, что в современном обществе крайне актуализировались попытки радикального переосмысления сущности и значения исторических событий прошлого. Эта тенденция обусловлена, прежде всего, политическими интересами тех государств, которые стремятся к формированию и утверждению в

⁷⁶⁵ Под заблуждением мы понимаем объективное и доказанное несоответствие содержания мысли реальности.

⁷⁶⁶ Примером этого может служить прагматическая концепция истины, сводящая сущность истины лишь к одному из её качеств, а именно – к полезности. Истина – это всё то, что полезно. Обоснованием подобной концепции выступает «полезность» научных знаний, на применении которых основывается весь комфорт современной цивилизации. Более того, полезность является одним из многих критериев научной истины. Однако, как мы уже показывали выше, сведение целого к своей части не может отражать всей сущности целого. Поэтому, основанная на принципе редукции прагматическая концепция крайне ограничена в возможности дифференциации истины от заблуждения или даже лжи, поскольку в определённых обстоятельствах более полезной может быть ложь, а не истина. Возникает парадоксальная ситуация: если ложь – полезна, значит, она и есть истина. Очень удобная позиция для обоснования политики двойных стандартов и оознанного искажения восприятия прошлого.

обществе определённой интерпретации⁷⁶⁷ исторических событий, позволяющей манипулировать массовым сознанием в желательном для них направлении.

2. Методологические причины, связанные с недостатком знаний о прошлом⁷⁶⁸, либо постоянно возрастающей сложностью организации общественных отношений современного социума и проблемами их адекватного научного осмысления во всей полноте и целостности. Подобный разрыв между сложностью познаваемого объекта и ограниченностью научных знаний на каждом конкретном этапе развития науки, необходимых для его адекватного понимания, преодолевается в научной методологии при помощи абстракции конструктивизации, предполагающей отвлечение от неопределённости границ познаваемых объектов, то есть сознательное упрощение действительности. В рамках указанного методологического подхода актуализируется значение «слабых» трактовок понятия «соответствие», которые позволяют на начальных этапах исследовательского поиска дифференцировать правдоподобную информацию от явной лжи или заблуждения⁷⁶⁹. В ходе дальнейшего развития научного познания эта проблема снимается путём получения достоверных знаний об изучаемом объекте, достаточных для его понимания во всей полноте и сложности. Таким образом, играя позитивную роль (часто вынужденную) на этапе первичного генезиса научных представлений об объекте, подобные трактовки понятия «соответствие» на последующих этапах развития научного знания постепенно утрачивают своё положительное значение, а на завершающих этапах создания научной теории эти трактовки становятся деструктивными. Поэтому любое использование таких трактовок применительно к оценке и интерпретации достаточно известных и хорошо изученных событий прошлого является свидетельством их сознательного искажения, неадекватно репрезентирующего их сущность.

3. Онтологические причины, раскрывающие специфику самого исторического процесса, ход которого неоднозначно детерминирован социальными закономерностями, поскольку большую роль в нём играют личностные качества и побуждения людей, принимающих участие в тех или иных событиях. Причем эти побуждения далеко не всегда являются результатом рационального осмысления исторической ситуации, агенты могут осознавать события на ассоциативном, интуитивном уровне или давать им мистическую интерпретацию и в соответствии с этим направлять свою деятельность⁷⁷⁰.

4. Телеологические причины, продуцирующие целевую направленность переживания истории на формирование простых, примитивных утверждений, доступных

и интуитивно понятных любому человеку и, в силу этого, способных к широкому распространению в сфере обыденного сознания. Проблема истинности таких утверждений не принимается во внимание, сама истина отождествляется с правдоподобием, достаточным для создания видимости правильного восприятия действительности.

Подводя итог проведённому анализу двух противоположных подходов к пониманию истины, следует отметить, что первая позиция, трактующая истину как тождество мысли и её предмета, представляет собой телеологический ориентир развития научно-исторического познания, в то время как вторая позиция в понимании истины, в значительной степени, выполняет функцию обеспечения достижения указанной цели, то есть играет вспомогательную роль на начальных этапах генезиса и развития научного знания.

Вторая проблема, стоящая перед классической концепцией истины, это проблема её обоснования, то есть обнаружения необходимых и достаточных критериев, позволяющих отличить истину от заблуждения.

В научном познании важнейшим критерием⁷⁷¹ истины считается практика⁷⁷², но насколько применим этот критерий к познанию исторического прошлого, ведь практически воздействовать на прошлое мы не в состоянии.

Указанное сомнение относительно применимости практики к определению адекватного восприятия истории базируется на представлении, по которому практическая проверка теоретических положений сводится либо к эксперименту, либо к воплощению идей в действительности, либо к непосредственному наблюдению объектов, отражением которых являются проверяемые положения⁷⁷³.

Подобное понимание практики, применительно к специфике исторического познания, действительно вызывает вопросы о самой возможности её применения в данной предметной области. Ни эксперимент, ни непосредственное наблюдение в этом случае не возможны.

Очевидно, что само понимание практики по отношению к осмыслению истории нуждается в своём уточнении и конкретизации. Мы полагаем, что под практикой в данном контексте целесообразно понимать всё многообразие видов общественно-исторической деятельности людей.

Для уточнения понимания практики как критерия адекватности исторического познания эвристически важно дифференцировать понятия «практика» и «опыт». Практика в этом понятийном ряду будет выполнять базисно определяющую функцию⁷⁷⁴, то есть обеспечивать доказательные возможности тех

⁷⁶⁷ Под интерпретацией в данном случае понимается процедура придания смысла любым проявлениям человеческой деятельности, в том числе и познавательной.

⁷⁶⁸ В исторической науке широко представлены многочисленные лакуны, связанные с ограниченностью наших представлений о событиях прошлого. Серьёзную проблему для их изучения представляет ограниченность фактуальной базы для соответствующих теоретических обобщений и умозаключений, значительное количество документов и иных «следов» прошлого ещё не изучены учёными, либо представления о них сформулированы на гипотетическом уровне.

⁷⁶⁹ Ложь отличается от заблуждения параметром осознанности: заблуждение носит неосознанный характер, ложь – всегда осознанна.

⁷⁷⁰ Балахонский В.В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты: Монография. – СПб.: РГПУ, 1997. С. 130.

⁷⁷¹ Имеющиеся в науке различные критерии истины не дают полной гарантии от ошибок и заблуждений, да и все они, в конечном счете, получают свою доказательную силу благодаря практике. Задача, видимо, состоит в том, чтобы определить конкретные виды практики (и их соотношение между собой), позволяющие выработать наиболее эффективные подходы к раскрытию меры достаточности в обосновании истинности суждения.

⁷⁷² Под практикой в данном случае мы понимаем все виды человеческой деятельности, кроме теоретической.

⁷⁷³ Балахонский В.В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты: Монография. – СПб.: РГПУ, 1997. С. 169.

⁷⁷⁴ Подобную функцию в реальном социально историческом процессе выполняют такие виды деятельности как: производственно-экономическая, политическая, юридическая и идеологическая.

видов человеческой жизнедеятельности, которые объединяются понятием «опыт», и являются определённой формой осмысления практики⁷⁷⁵. В таком понимании основными критериями адекватности восприятия истории будут являться: 1) историческая практика; 2) опыт исторической науки; 3) критически осмысленные и взаимосоотнесённо проверенные данные исторических источников.

Практическая проверка адекватности восприятия истории возможна лишь при условии наличия в социально-историческом процессе определённой повторяемости, что часто ставится под сомнение в философской литературе. Мы придерживаемся позиции, в соответствии с которой в истории признаётся наличие подобной повторяемости, но эта повторяемость действует не на уровне событий, которые носят уникальный и неповторимый характер, а на уровне социальных ситуаций, с закономерной необходимостью воспроизводящихся в социуме. Такая ситуационная повторяемость детерминирует сходство в действиях субъектов исторического процесса, попавших в подобные ситуации.

Закономерная повторяемость сходных исторических ситуаций не только обеспечивает возможность проверки адекватности их восприятия нами, но и служит онтологическим основанием социального процесса, обеспечивающим постоянное воспроизведение типичных ситуаций в иных пространственно-временных формах, но в сходных чертах своего содержания. Этот процесс и составляет то, что мы назвали исторической практикой.

От теоретического анализа аксиологического аспекта неадекватности нашего переживания истории перейдём к его **методологическому аспекту**.

Вновь обратимся к примеру ложного обвинения Советского Союза, в развязывании, наряду с фашистской Германией, Второй мировой войны.

В анализируемой нами интерпретации исторической ситуации прошлого отмеченный выше принцип абсолютного аксиологического доминирования собственных интересов методологически усиливается сознательным искажением реальных причинно-следственных связей, обусловивших рассматриваемое историческое событие.

Методологическим приёмом, используемым авторами подобной интерпретации, является отождествление причины с поводом или даже условиями наступления соответствующего следствия. Так, причиной войны объявляется один из многих дипломатических договоров (причём, не самый первый из них), которые в самой большей степени могут представлять собой лишь условия, в своей совокупности, определяющие исторический фон общей тенденции развития событий.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом не может рассматриваться как причина, или даже одна из причин начала войны, поскольку причина – это генетически связанное со следствием явление, которое порождает соответствующее следствие. Сам по себе данный договор не породил и не мог

⁷⁷⁵ В понятие «исторический опыт» входит и научная деятельность во всем многообразии её направлений, включая и историческую науку.

породить такое следствие как война, напротив, это договор о мире. Реальной причиной Второй мировой войны, впрочем, также, как и Первой мировой войны, была борьба за передел мира, за мировое господство, которая и открыто провозглашалась и в первом и во втором случаях Германским руководством.

В приведённом примере чётко прослеживается методологический приём фальсификации истории, состоящий в подмене реальных причинно-следственных связей абсолютизацией значения одного из факторов, составляющих исторические условия реализации данной ситуации.

Важной методологической основой реализации неадекватного восприятия исторических событий является абсолютизация субъективного фактора истории, что непосредственно связано с выяснением причин и необходимых оснований социально исторического процесса⁷⁷⁶.

Субъективированная интерпретация истории не является достижением сегодняшнего дня, напротив она имеет многотысячелетнюю историю и возникла неизмеримо раньше теорий, основанных на раскрытии исторических закономерностей. Субъективированная интерпретация истории состоит в объяснении исторических событий мотивами, волей, желаниями, целями, планами и т.п. субъектов исторических действий.

Было бы ошибочным утверждать, что данный методологический подход не имеет серьёзных онтологических оснований. Напротив, он отражает реальный уровень исторического процесса, где всё пронизано многообразными формами человеческой субъективности, всё является результатом деятельности людей, которая носит целенаправленный, осмысленный характер. Однако этот уровень носит поверхностный характер и не объясняет причин сложных исторических событий и процессов. Он не способен объяснить, почему осознанные и целенаправленные действия людей, задействованных в тех или иных исторических событиях, далеко не всегда приводят к желаемому результату. Почему очень часто в истории все субъекты исторических действий остаются недовольными их результатом?

Объяснение подобного коренится в том, что основу исторического движения составляет не поверхностный пласт человеческой субъективности, а более глубокий уровень, где действуют социальные закономерности (экономические, политические, идеологические и т.д.). Именно этот глубинный уровень истории и является важнейшим детерминантом крупных исторических событий.

Эта система онтологических и познавательных приоритетов сознательно нарушается для искажения реальной картины истории, подмены её фальсифицированными, неадекватно отражающими реальность гипотезами.

Подобную методологическую манипуляцию можно обнаружить и в рассматриваемом нами примере исторически неадекватного понимания причин Второй мировой войны, когда истинные причины, укоренённые в политических и

⁷⁷⁶ Бахтин М.В., Балахонский В.В. Процедуры объяснения и интерпретации истории: исторический и логико-методологический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 194-201.

экономических отношениях того времени, подменяются субъективными желаниями и планами лидеров соответствующих государств.

Другим широко распространённым методологическим приёмом неадекватной репрезентации исторических событий является подмена необходимости случайностью в социально историческом процессе. Этот приём тесно связан с приёмом отождествления причины и условий, поскольку переход причины в следствие всегда носит необходимый характер, но конкретные формы этого перехода могут иметь случайный характер. Категория «необходимость»⁷⁷⁷ отражает внутренние, существенные, повторяющиеся связи и отношения исторического события, необходимым в истории является всё то, что обязательно происходит при определенных условиях⁷⁷⁸. Категория «случайность» раскрывает внешние, несущественные, единичные явления и процессы. Случайным является все то, что может произойти, а может и не произойти.

В анализируемой нами исторической ситуации заключение договора о ненападении не является необходимым условием для начала войны, это случайное условие, но оно сознательно оценивается как необходимое для достижения прагматически желаемого познавательного результата, искажающего историческую правду.

Методологический аспект неадекватности нашего переживания истории в значительной степени обусловлен реальными трудностями и проблемами установления эмпирических фактов о событиях прошлого. К подобным проблемам, в первую очередь, следует отнести неполноту дошедших до нас свидетельств и документов, а также сложность процедур установления их достоверности. Ограниченность достоверных исторических знаний продуцирует возможность множественности интерпретаций событий прошлого, включая псевдонаучные толкования, в ложном виде представляющие историческую реальность.

Методологический механизм подобного «конструирования» истории включает в себя три основных этапа:

На первом этапе интерпретатор, пользуясь ограниченностью и недостаточностью достоверных знаний об историческом событии, выдвигает собственную гипотезу, претендующую на объяснение этого события. Следует отметить, что недостаточность знаний может иметь в данном случае локализованный характер, связанный с неосведомлённостью в этом вопросе той аудитории, которой и адресуется эта гипотеза. Благодаря этому в целевой, по отношению к данной интерпретации, аудитории формируется субъективная убеждённость в «истинности»⁷⁷⁹ предлагаемой гипотезы.

Второй этап связан с экстраполяцией локальной гипотезы, которая в сознании её сторонников приобретает статус теории, то есть обладает достоверностью, на более широкую предметную область, охватывающую целые исторические периоды.

⁷⁷⁷ Понятия необходимости и закономерности являются однопорядковыми, выражают суть одних и тех же исторических процессов.

⁷⁷⁸ Следует различать понятие «необходимость» и понятие «неизбежность». Необходимое явление всегда осуществляется при наличии определенных условий, неизбежное явление наступает независимо от наличия тех или иных условий.

⁷⁷⁹ Понятие «истинность» обозначает свойство информации соответствовать действительности, в отличие от истины, истинность не требует доказательства этого соответствия.

Первичная локальная гипотеза, тем самым, начинает служить дедуктивным основанием переосмысления известных и казавшихся ранее общепринятыми подходов к пониманию достаточно изученных в науке исторических событий. На этом этапе возможна не только переинтерпретация известных исторических сведений, но и даже «переустановление» исторических фактов, на основании чего «конструируются» новые альтернативные версии истории.

Третий этап предполагает обобщение эмпирического материала и вспомогательных гипотез, «сконструированных» на предшествующих этапах, в абстрактную умозрительную гипотезу, позволяющую переосмыслить и переоценить все существовавшие ранее исторические теории. Общая прагматическая телеологическая установка генезиса и развития неадекватного восприятия исторических событий не представляет собой абсолютизированного стремления к новизне, провозглашаемой в качестве высшей научной ценности⁷⁸⁰.

Основной целью данного процесса является формирование желаемого (по политическим, экономическим, идеологическим, религиозным и пр. причинам) переживания истории определённой целевой аудиторией, предельным масштабом которой может стать всё общество или общественное сознание группы государств.

В развитии тенденции распространения неадекватного исторической реальности переосмысления прошлого представляется возможным выделить два основных направления:

1. Выдвижение концептуально оформленных исторических гипотез, ставящих под сомнение утвердившиеся и ранее общепринятые в научном сообществе теоретические объяснения прошлого. Развитие данного направления предполагает последовательный переход от первоначально сформированного в сознании людей сомнения в научно обоснованных исторических теориях к убеждению в правильности новых предлагаемых гипотез. Достигая, в рамках существующей научной парадигмы, статуса официально признанных подходов к осмыслению определённого исторического явления новые интерпретации становятся обоснованием соответствующих форм обыденного понимания истории широкими слоями населения, репрезентируемых, главным образом, не в теоретизированном виде, а в форме соответствующего переживания.

2. Широкое распространение в массовом сознании адаптированного восприятия прошлого, ориентированного на укоренение в структурах общественной психологии.

Указанные направления имеют взаимосвязанный и взаимодействующий характер. Первое направление методологически ориентировано на создание видимости научной обоснованности репродуцируемых в ходе реализации второго направления исторических чувств, образов, переживаний.

⁷⁸⁰ Подобную абсолютную ценность новизны в научных исследованиях выдвигает, в частности, такой известный представитель постпозитивизма, как П. Фейерабенд. Один из двух сформулированных им главных принципов научного познания – принцип пролиферации, провозглашает в виде основной задачи науки – выдвижение новых гипотез, даже если в старых теориях не обнаружено недостатков. При этом выдвигаемые гипотезы не обязательно должны иметь серьёзное научное обоснование.

Обратимся к **юридическому аспекту** проблемы адекватности восприятия истории.

Выделение юридического аспекта ответственности за неадекватное историческим реалиям представление истории, безусловно, не охватывает сферу заблуждений и ошибок, которые сопровождают любой научный поиск. Подобная ответственность предусматривается лишь за заведомо ложные интерпретации событий прошлого, за сознательную фальсификацию истории, предпринимаемую с целью реализации политических, экономических, идеологических, религиозных и иных интересов.

Обратимся к Законодательству Российской Федерации. В статье 354.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за фальсификацию исторических событий. Данная статья предусматривает, что в случае отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для наказания главных военных преступников, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично, будет наказываться штрафом до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2-х лет, либо принудительными работами до 3-х лет, либо лишением свободы на тот же срок⁷⁸¹.

Вышеназванные деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации, а равно с искусственным созданием доказательств обвинения, могут повлечь лишение свободы на срок до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3-х лет.

За распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично, также установлена уголовная ответственность⁷⁸².

Введение юридической ответственности в нашей стране за сознательные и политически мотивированные фальсификации исторических событий продвигается следующими основными причинами:

- 1) широким использованием приемов фальсификации истории в международной политике;
- 2) придание юридического статуса собственной интерпретации истории (страны Прибалтики, Польша, Украина);
- 3) необходимость формирования и развития исторической памяти народа, адекватно отражающей его прошлое и обеспечивающей сохранение его национальной идентичности.

⁷⁸¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.06.2015) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 354.1.

⁷⁸² За перечисленные деяния Уголовный Кодекс РФ предусматривает штраф в размере до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до 2-х лет, либо обязательные работы на срок до 360 часов, либо исправительные работы на срок до 1 года.

Обобщая материал, изложенный в нашей статье, следует отметить, что сохранение адекватной исторической памяти народа на современном этапе истории требует комплексных, координированных действий, осуществляемых по трём главным направлениям:

- 1) политическому, предполагающему создание условий для консолидации общества не на мнимых, а на реальных социокультурных ценностях, аутентичных исторической традиции;
- 2) научно-методологическому, выявляющему проявления фальсификации истории и вооружающему историческое познание действенным инструментарием достижения истины;
- 3) юридическому, недопускающему крайних форм проявления фальсификаций прошлого, способных деструктивно влиять на общественное сознание.

§ 8. Правовое регулирование интерпретации исторических событий: проблема целесообразности

Целесообразность правового регулирования в области оценки исторических событий представляет собой актуальную теоретико-методологическую и мировоззренческую проблему, злободневность которой обусловлена повышенным интересом сложившегося в современной России политического режима к прошлому как пространству идеологического противостояния, столкновения различных мировоззрений⁷⁸³. Указанная проблема является сложной, комплексной и потому имеет смысл разделить ее на составляющие и представить в форме следующих вопросов:

- Нуждается ли оценка исторических событий в правовом регулировании?

Правовое регулирование, как элемент социальной регуляции, задействуется для поддержания и защиты наиболее существенных (жизненно важных) для общественного развития отношений – такова аксиома теории права. Настолько ли важны мнения медийных персон, «простых граждан» об истории, чтобы втягивать их в правовое поле? Видится, что правовое регулирование в данном случае является примером неоправданной «юридификации» или «правовым загрязнением»⁷⁸⁴ – избыточного и неуместного использования права в сферах действия других социальных регуляторов (нравственности, религии), а также сферах общественных отношений, не нуждающихся в правовом регулировании. Правое загрязнение возникает вследствие широко распространенного заблуждения, которое может быть названо «законотворческим редукционизмом» или «юридическим редукционизмом»⁷⁸⁵ – переоценкой

⁷⁸³ Владимир Мединский: История превратилась в поле битвы // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2020/02/29/vladimir-medinskij-istoriia-prevratilas-v-pole-bitvy.html>

⁷⁸⁴ См. подробно: Синченко Г.Ч. Юридификация и перформативные презумпции позитивного права // Научный вестник Омской академии МВД России. №2 (37). 2010. С. 16.

⁷⁸⁵ См. также: Векленко П.В. Право как неудавшийся проект // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов седьмой международной конференции. Омск, 2015. С. 15-18.

роли права в жизни личности, общества и государства, пониманием права как панацеи от всех социальных недугов.

Избыточность правового регулирования в области оценки исторических событий может быть продемонстрирована с помощью *reductio ad absurdum* – если предполагается законодательно закрепить за некоей версией истории статус «единственно верной», а за оглашение других версий установить ответственность, то почему бы не обязать законодательно всех граждан Российской Федерации любить родину, делать зарядку и выпивать перед сном стакан молока? Для чего семья и школа, патриотическое воспитание и обучение отечественной истории, культура в целом как механизм воспроизводства ответственных и свободных граждан, если есть возможность юридического императива, судебного разбирательства и наказания? Можно пойти еще дальше в подобного рода рассуждениях – зачем личности право выбора и критическое мышление, развитие убеждений, мировоззрения? Очевидно, что не следует использовать право как инструмент социального программирования, контроля и борьбы с инакомыслием, право всё же создано человеком для другого: «... равенство, свобода и справедливость, как свойства правовой сущности, носят формальный характер, являются формально-правовыми качествами, входят в понятие права, возможны и выразимы лишь в правовой форме»⁷⁸⁶. Попытки юридикализации истории дискредитируют саму идею права в её гуманистической, юснатуралистической интерпретации.

Еще один аргумент против правового регулирования оценки исторических событий – *наличие в современном российском законодательстве специальных норм, которые регулируют смежные общественные отношения*. Правоприменительная практика уже обеспечена нормами, которые позволяют предотвращать правонарушения, способные затронуть историческую память и наказывать за противоправные деяния как в режиме административной, так и в режиме уголовной ответственности. В частности, к этим нормам следует отнести:

- Ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁷⁸⁷ «Пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами»;

- Ст. 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»;

- Ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации «Хулиганство»;

- Ст. 214 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷⁸⁸ «Вандализм»;

⁷⁸⁶ Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. №3. С. 5.

⁷⁸⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации (в редакции от 18.02.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06. 03. 2020).

⁷⁸⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в редакции от 18.02.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 06. 03. 2020).

- Ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»;

- Ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»

- Ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»;

- Ст. 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Организация экстремистского сообщества»;

- Ст. 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации «Организация деятельности экстремистской организации»;

- Ст. 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации «Финансирование экстремистской деятельности».

- Ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Реабилитация нацизма».

Представляется очевидным, что перечисленных норм *вполне достаточно для квалификации общественно вредных и опасных деяний, затрагивающих историческое измерение общественной жизни*. Данные нормы позволяют осуществлять избирательную, «точечную» регуляцию отношений, без тотальной, абсурдной юридикализации. Отметим, что правоприменительная практика, основанная на указанных нормах, также далека от идеалов правосудия и нуждается в критическом осмыслении⁷⁸⁹. Не приведёт ли идеологизация и юридикализация истории к катастрофическому росту количества неправосудных приговоров и дискредитации судебной системы, не запустит ли карательную машину борьбы с «несогласными»? Неужели исторический опыт жизни нескольких поколений в условиях советского государства с идеологизацией всех сфер общественной жизни – массовой культуры, науки и образования, юриспруденции и правосудия⁷⁹⁰ – перестал выполнять функцию противоядия для современного российского общества, и оно вновь готово надеть ярмо тоталитаризма?

- *Может ли оценка (мнение об, интерпретация, версия, позиция по поводу) истории быть предметом правового регулирования с точки зрения норм Конституции Российской Федерации?* Правовое регулирование предполагает установление некоего всеобщего правила или стандарта в интерпретации событий минувших дней. Посредством права политический режим навязывает обществу удобную или выгодную ему версию прошлого, в результате чего история идеологизируется, приводится в соответствие с системой ценностей властвующей элиты. Очевидно, что

⁷⁸⁹ См., напр.: Вас посадят за историю. – URL: <https://varlamov.ru/3040674.html> (дата обращения: 06. 03. 2020); Сняли абсурдный запрет. Госдума разрешила демонстрацию свастик при условии осуждения нацизма // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2019/11/19/gosduma-razreshila-ispolzovanie-svastiki-pri-uslovii-osuzhdeniia-nacizma.html> (дата обращения: 06. 03. 2020).

⁷⁹⁰ См., подробно: Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С.С. Собр. соч. в 10 т. Т.4. С. 12-146.

здесь возникают противоречия с положениями Конституции Российской Федерации⁷⁹¹, в частности:

– ч. 1 ст. 13 – «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие»;

– ч. 2 ст. 13 – «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»;

– ст. 28 – «Каждому гарантируется свобода совести...»;

– ч. 1 ст. 29 «Каждому гарантируется свобода мысли и слова»;

– ч. 3 ст. 29 «Никто не может быть принуждён к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них»;

– ч. 5 ст. 29 «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается».

Если относиться к Конституции так, как полагается относиться к Основному Закону государства, то, с точки зрения юридической техники, правовое регулирование в области интерпретации исторических событий окажется между Сциллой и Харибдой конституционных норм: установить общеобязательные требования к оценке прошлого, не отступая от «буквы» и «духа» Конституции весьма и весьма затруднительно. Рассмотрим сложившееся положение на примере, который вызывает весьма острые дискуссии в современном российском обществе. Имеется два противоречащих суждения:

1. «Советский Союз был страной-агрессором во Второй мировой войне»;

2. «Советский Союз не был страной-агрессором во Второй мировой войне».

Количество сторонников указанных позиций и аргументация данных тезисов, в данном случае, значения не имеют, интерес представляет лишь возможность правового регулирования в области интерпретации роли Советского Союза во Второй мировой войне. Поставим мысленный эксперимент и предположим, что законодатель устанавливает ответственность за публичные высказывания в поддержку того или иного утверждения. Автоматически возникает идеологическое суждение общеобязательного характера, государство посягает на права и свободы личности – свободу совести (возможность выбирать убеждения), свободу мысли и слова и т.д. Какие аргументы в защиту правового регулирования имеются у законодателя? Общественная опасность высказывания о роли Советского Союза во Второй мировой войне? Потерпевшие, испытавшие нравственные страдания от услышанного? Оскорблённое прошлое? Очевидно, что аргументы в защиту правового регулирования неубедительны, поскольку отсутствует причинно-следственная связь между деянием и разрушительными последствиями и, если таковые имеются, то как оценить их качественные и количественные параметры? Какова объективная сторона состава преступления «Публичная демонстрация неофициальной версии исторических событий»?

⁷⁹¹ Конституция Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06. 03. 2020).

Представляется невозможным не только установление ответственности за оценку исторических событий, но даже принятие нормативных актов декларативного свойства, которые бы закрепляли видение истории сложившимся политическим режимом – в данном случае будут нарушаться принципы народного суверенитета и демократического представительства. Государственные чиновники не имеют права оценивать историю страны за народ или за народное большинство – всё это также является элементом установления государственной или обязательной идеологии. Подобного рода решения требуют изменения основ конституционного строя Российской Федерации – идеологически «правильное» переписывание истории с неизбежностью влечёт переписывание Конституции, если, конечно, придерживаться какой-либо правовой логики.

В целом подобные попытки правового регулирования выглядят как борьба с инакомыслием, как идеологизация массового сознания, как прикрытие негативной социально-политической и социально-экономической повестки ширмой из надуманных проблем.

Каковы возможные последствия правового регулирования в области оценки исторических событий?

Помимо высоких репутационных рисков для права в целом и правосудия в частности, вероятности усиления тенденции к тотальному контролю над всеми сферами общественной жизни, очевидных противоречий с принципами Основного Закона имеется целый ряд иных негативных последствий.

Последствия мировоззренческого, философского порядка: стоит задуматься над тем, не будет ли правовое регулирование в области интерпретации истории проступком или преступлением против самой истории? С одной стороны циничное и политически прагматичное «история должна отвечать интересам государства»⁷⁹², с другой, принципы рационального познания – прежде всего стремление к объективности, стремление служить истории, а не переписывать её, искажая и подтасовывая факты. Отбросим сиюминутную, по меркам исторической науки, прихоть правящей элиты, и останется лишь безответственное отношение к исторической истине, которой последующие поколения будут лишены. Кроме того, крайне сомнителен тезис о том, что историческая наука должна отвечать интересам государства – интересам государства может отвечать официальная идеология или пропаганда, но не наука. Научное знание является общечеловеческой ценностью, наука надгосударственна и наднациональна, в современной науке господствуют космополитические взгляды – это единственно возможный вариант для свободного обмена идеями между учеными разных стран и единственно возможный вариант общественных отношений, способствующий развитию научного знания и прогрессу человечества. Если бы наука была ограничена государственными, национальными или другими барьерами, то не было бы ни международной

⁷⁹² См. подробно: Интересная история. Владимир Мединский впервые отвечает критикам своей диссертации // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html> (дата обращения: 06. 03. 2020).

космической станции, ни исследований с использованием большого адронного коллайдера в ЦЕРНе, ни социально-гуманитарных проектов ЮНЕСКО.

Космополитизм науки, в том числе науки исторической, не следует противопоставлять патриотизму: «как любовь к отечеству не противоречит непременно привязанности к более тесным социальным группам, например, к своей семье, так и преданность всечеловеческим интересам не исключает патриотизма. Вопрос лишь в окончательном или высшем мериле для оценки того или другого нравственного интереса, и, без сомнения, решительное преимущество должно здесь принадлежать благу целого человечества, как включающему в себя и истинное благо каждой части»⁷⁹³. Цитируемый фрагмент статьи о космополитизме принадлежит перу Владимира Соловьёва, а традиция синтеза патриотизма и космополитизма восходит к трудам Иммануила Канта⁷⁹⁴.

Последствия научного, познавательного значения – в споре об истории, в дискуссиях об истории рождается истина, становится возможным приближение к идеалам научной рациональности: доказательности, обоснованности и системности знания. Печальный Советский опыт в области социально-гуманитарных исследований является убедительным аргументом в защиту свободы научной мысли от официальной идеологии и пропаганды. Законодательное закрепление «единственно верной» версии исторического процесса есть прямая дорога к паранауке, к ограниченности «истмата» и откровенной лысенковщине⁷⁹⁵.

Последствия юридико-технического свойства – бессмысленное тиражирование юридических норм, дублирующих и конкурирующих, иными словами, «умножение сущностей без необходимости»⁷⁹⁶. Не следует забывать: «Многочисленность законов в государстве есть то же, что большое число врачей: признак болезни и бессилия» (Вольтер)⁷⁹⁷. Право, как и остальные элементы в сложной, многоуровневой системе социальной регуляции, имеет свои достоинства и недостатки. Но в последние десятилетия, несмотря на предупреждения великих мыслителей, на объективную ограниченность права, отечественная правовая реальность испытывает давление экстенсивного, избыточного законотворчества. Оно, как опухоль, заполняет жизненное пространство, свободное от государственного нормативно-правового регулирования, наносит ущерб ключевым социальным системам: здравоохранению, науке и образованию, правоохранительной деятельности. В этот ряд следует поместить и нормативное «наступление» на свободу личности в выборе убеждений, право самостоятельно изучать и критически оценивать отечественную историю.

⁷⁹³ Космополитизм // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Санкт-Петербург, 1895. Т. 16. С. 379. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924229#?page=393> (дата обращения: 06. 03. 2020).

⁷⁹⁴ Ридель М. Универсализм прав человека и патриотизм (Кантовское политическое завещание нашему времени). – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000053/> (дата обращения: 06. 03. 2020).

⁷⁹⁵ См. подробнее: Рычков А.В. Причины возникновения лысенковщины: историко-научные аспекты // Омский научный вестник. 2003. №2. С. 20-23.

⁷⁹⁶ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бритва_Оккама (дата обращения: 06. 03. 2020).

⁷⁹⁷ URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki/Закон> (дата обращения: 06. 03. 2020).

§ 9. Направление «memory studies» в историко-правовых исследованиях (общие тенденции и юридическая предметность)⁷⁹⁸

Коллективная (или же историческая) память является ключевой категорией для исторической науки последних 50-ти лет⁷⁹⁹. Такие известные ученые, как М. Хабльвакс, А. Ассман, П. Нора и другие, создали теоретические рамки для исследования памяти («memory studies»). Это позволило взглянуть на уже известные исторические события с совершенно иной стороны. За период бурного развития этого направления возникло много тематических областей, в которых работают историки.

Фундаментальной, и в то же самое время прикладной, областью является изучение «мест памяти»⁸⁰⁰. Под последними в широком смысле понимается любое явление культуры, которое напоминает нам о событиях прошлого. В узком смысле «места памяти» – это мемориалы, памятники, музеи и т.д. За последние годы в России активно развиваются различные мемориальные движения, такие как «Бессмертный полк». Также все больше появляется музеев, финансируемых частными организациями, – например, «Мемориал». Практики их организации и влияния на общественное сознание заслуживает самостоятельного социолого-правового анализа.

Школьное образование, в том числе учебники по истории и социальным наукам, в последнее время привлекают внимание историков. Дело в том, что после развала Советского Союза возникло множество политических дискурсов (от демократического до коммунистического), которые стали основой новых школьных учебников. Интересным представляется анализ исторического нарратива Н.Д. Потаповой, которая выявляет различные идеологические паттерны в материалах, преподаваемых современным школьникам⁸⁰¹.

Наиболее популярной тематикой является национальная память, этничность. Вклад в развитие этого направления внес Э. Хобсбаум, придумав собирательное понятие «изобретенная традиция»⁸⁰². Во многом оно стало основой для исследования национальной истории. Не исключением явились события печально известного Третьего рейха⁸⁰³, который оставил для историков множество «символического»: факельные шествия, ритуальные действия и иные памятные места.

⁷⁹⁸ Данный параграф выполнен К.С. Коровиным при финансовой поддержке научного проекта РФФИ № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

⁷⁹⁹ Существуют различные позиции по поводу понятий «историческая», «коллективная», «социальная» и «коммуникативная» память. См. подробнее.: Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2020.

⁸⁰⁰ П. Нора впервые ввел в научный оборот понятие «места памяти». См. подробнее: Нора П. Между памятью и историей (Проблематика мест памяти) // Он же. Франция – память. СПб, 1999. С. 21-35.

⁸⁰¹ Также на платформе Youtube можно найти лекции Н. Д. Потаповой, посвященные этой тематике. Среди научных статей см. подробнее: Потапова Н. Д. Дидактика конфликта: война 1812 года в школьных учебниках // Новое литературное обозрение. № 6(118). 2012. С. 95-113.

⁸⁰² См.: Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47–62.

⁸⁰³ Про историческую память о Третьем Рейхе см., например: Mosse, G. Nationalization of the Masses:

Целый комплекс проблем, актуальных для «memory studies», представляют исторические события, связанные с войнами и революциями. Их всегда будут оценивать с диаметрально противоположных позиций, поскольку всегда будет проигравшая и победившая стороны. И систематизация различных нарративов, оценок, мнений ученых и обычных людей актуализирует дискуссии в общественном пространстве. Из зарубежной истории наиболее яркими событиями являются гражданская война в США, Первая и Вторая мировые войны⁸⁰⁴. В отечественной истории самый печальный след в народной памяти оставила блокада Ленинграда⁸⁰⁵.

Взаимосвязь «memory studies» и правоповедения на сегодняшний день не совсем очевидна. Данная область для российского научного юридического сообщества является новой и не совсем понятной. Это связано с тем, что историко-правовые исследования традиционно делятся на два направления: изучение институтов (история учений о праве и государстве) и идей (история учений о праве и государстве). Их особенностью является прежде всего предметность – это государство и право. В то время как историки не ограничивают себя практически никакими рамками. Тем не менее, в юридической науке начинает появляться сообщество ученых, связанное с «исторической памятью и правом»⁸⁰⁶.

Представляется, что взаимосвязь права и памяти, несомненно, существует. Право является социальным явлением, нашедшем свое отражение в общественном сознании, социальных коммуникациях. Местами памяти являются законы, воспоминания юристов, научные юридические книги. Например, Конституция РСФСР 1918 г., как и дискуссии в конституционной комиссии по ее подготовке и принятию, является отражением событий Брестского мира и окончания Первой мировой войны, начала Гражданской войны и политики «военного коммунизма»⁸⁰⁷. Репрезентации этих событий в тех или иных понятиях можно найти в самом юридическом тексте конституции.

Память о праве активно проявляется в мемориальных практиках, посвященных различным юристам и политикам. Ярким примером является недавно вышедший документальный фильм о С. С. Алексееве⁸⁰⁸. В нем с антропологических позиций реконструируется жизнь и деятельность выдающегося российского ученого-юриста. Местами представлены предметы и явления материального

Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars Through the Third Reich. New York, 1975.

⁸⁰⁴ См. например: Колоницкий Б.И. Преодоление гражданской войны: Случай Америки // Звезда. 2007. № 1. С. 123 – 143; Фассел П. Великая война и современная память. СПб, 2015; Фрай Н. Преодоленное прошлое? Третий рейх в современном немецком самосознании // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 21 – 39.

⁸⁰⁵ См. например: Воронина Т. Помнить по-нашему: Социалистический историзм и блокада Ленинграда. М., 2018.

⁸⁰⁶ См. например: Дорская А. А. Язык "мемориальных" законов и подзаконных актов: особенности осмысления российской истории // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений Сборник научных трудов. 2019. С. 21-26.

⁸⁰⁷ См. например: Медушевский А. Н. Государство-коммуна: эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 2. С. 63-83.

⁸⁰⁸ См. подробнее: Музей Сергея Сергеевича Алексеева. Адрес доступа: <http://alekseev-museum.ru>

мира в духе Б. Латура⁸⁰⁹: рабочее место, книжный шкаф, семейный дом и т.д. Соединяясь с жизненным миром С. С. Алексеева, материальные практики воздействуют непосредственно на его научную деятельность. Реконструкция того, каким был Алексеев-ученый и будет являться целью исследования в разрезе «memory studies».

Итак, «memory studies», несомненно, станет новым веянием в историко-правовой науке. Это произойдет по ряду причин.

Во-первых, мемориальные законы, принятые в России, требуют научного осмысления. Такая аналитика будет связана с изучением политики памяти как части символической политики⁸¹⁰. Это явление активно исследуется в лоне западной исторической науки. В юриспруденции сейчас стало активно развиваться юридическое источниковедение⁸¹¹. Предполагается, что «memory studies» может стать частью этого комплексного методологического научного направления.

Во-вторых, предыдущий советский конституционно-правовой опыт до сих пор не осмыслен в должной степени. Память о конституциях, представляется важным вектором исследования конституционной идентичности. Институциональный позитивистский подход в историко-правовой науке не позволяет дать ответы на вопросы, связанные с сущностью политического режима и режима законности в Советском государстве.

В-третьих, общеизвестные события прошлого требуют также юридического осмысления. Например, Гражданская война и Красный террор являются в общественном сознании достаточно аморфными явлениями, которые только сегодня получают соответствующую юридическую оценку⁸¹². Знакомство с воспоминаниями как юристов, политиков, так и обычных людей, позволит ученым проанализировать правосознание эпохи и сделать соответствующие выводы.

⁸⁰⁹ См. подробнее: Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри сообщества. СПб., 2013.

⁸¹⁰ См. например: Гигаури Д. И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-1 (60). С. 59-64.

⁸¹¹ См. подробнее: Кодан С. В. Методология историко-юридического источниковедения: целевые установки, функциональная направленность, уровни организации познавательных средств // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 67-80; Кодан С. В. Историко-юридическое источниковедение в структуре современного российского правоповедения // Российский юридический журнал. 2018. № 4 (121). С. 31-36.

⁸¹² См. например: Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М., 2020.

§ 10. Кризисные периоды в жизни общества и их влияние на развитие правовой системы⁸¹³

В последнее время очень часто поднимается вопрос среди различных сообществ о том, как влияют кризисные события на будущее любого общества и как общество справляется с такими кризисными периодами в жизни.

Естественным и объяснимым является тот факт, что часто отрицательные события в истории любого общества и государства, в последствии не дают должного развития обществу и государству в будущем.

Существуют точки зрения ученых, которые считают, что такие события, которые травмируют общество, становятся причиной отсутствия так называемого «гуманного будущего».

Понятие правовой системы является комплексным и раскрывает правовые стороны жизни общества. Право, как и другие социальные явления, влияет на поведение людей и в тоже время само подвергается различным воздействиям, таким как экономические факторы, политические и другие.

Необходимо отметить и то, что состояние правовой системы зависит от развития общественных отношений, а именно экономики, политической деятельности государства.

В современных научных исследованиях можно отметить тот факт, что значительные и тяжело переживаемые кризисные события, а также различные изменения в обществе, приводят к широкому распространению таких понятий как кризисы, травмирующие события, которые все чаще используются при описании различных событий, происходящих в обществе. Все эти события имеют отрицательные последствия для человека и общества в целом.

Проблема происхождения и развития таких кризисных явлений очень актуальна в современном мире. Все чаще встречаются исследования в этой области и носят они как правило междисциплинарный характер. Использование таких понятий как «кризисные периоды» в жизни общества объясняет, по мнению многих ученых, негативные последствия, которые происходят в любом обществе и которые раньше не поддавались никакому анализу.

Можно отметить, что некоторые кризисные явления и моменты прошлого влекут за собой проблему поколений, которые не могут быть свободны от осознания происходящего в прошлом. Изучение вопроса о преодолении кризисных событий очень актуально для любого государства, его правовой системы.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение кризисных явлений общества может позволить выявлять и анализировать масштабы различных событий и последствий, которые влияют на развитие общества и в будущем.

⁸¹³ Данный параграф выполнен М.В. Игнатъевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

Необходимо отметить, что существует такое понятие как «категория правовой системы», чаще всего выделяют «правовую систему стабильного периода» и «правовая система кризисного, нестабильного периода».

Современная правовая реформа в Российской Федерации нацелена не только на решение внутрисударственных вопросов, но и на преодоление глобальных кризисных проблем человечества, среди которых важное место занимает борьба с терроризмом⁸¹⁴.

Переходный период в развитии любого общества предполагает особый этап эволюции правовой системы. В исследованиях проблемы кризисного периода общества нельзя не обращать внимание и игнорировать принципиальные положения о том, что правовая система в стабильный период не соответствует правовой системе в условиях кризиса.

На кризисном этапе развития общества право, правосознание и прочие компоненты правовой системы продолжают существовать, но это уже не те составляющие, которые существовали ранее.

Впрочем, необходимо отметить, что влияние определенных факторов на правовую систему никогда не было ровным и одинаковым процессом. Как правило выделяют следующие процессы:

- изменение внешних факторов может идти как независимо от правовой системы, так и под ее непосредственным влиянием; Так, например, в случае своевременного и успешного правового регулирования в ответ на появление новых потребностей общества коренные социальные преобразования могут вообще не начаться, так как в этом случае отсутствует почва для кризисной ситуации, влекущей массу деструктивных явлений, подрывающих стабильность их развития⁸¹⁵;

- в кризисный период меняются практически все элементы правовой системы: способ связи между ее компонентами, тип воспроизводства и модели мотивации. Помимо этого, отмирают социально и исторически исчерпавшие себя конкретные формы правового воздействия на общественную жизнь, меняются правовые установки, приоритеты правообразующей и правореализующей деятельности государства и общества. Утрачивают свое бывшее значение многие правовые явления: отдельные методы правового регулирования, правовые презумпции.

В результате переходных процессов в правовой сфере происходит не просто преобразование, а именно становление и развитие нового качества правовой системы, а именно не становление заново правовой системы, а лишь возникновение новых типов и составляющих.

⁸¹⁴ Матчанова З.Ш. Правовые реформы в Российской Федерации: международно-правовое измерение // Научное мнение. – 2014. – №5. – С. 54.

⁸¹⁵ Оспанов Е.А. Правовая система в условиях кризиса и переходное состояние государственности: взаимообусловленность развития // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 2. – С. 122

В связи с этим можно сделать вывод о том, что в кризисной функции правовой системы и права могут быть заменены другими функциями.

С точки зрения теории кризисов можно выделить понятие «правовая система в условиях кризиса». Право испытывает на себе влияние социальных процессов и в силу этого кризисное состояние правовой системы обусловлено целым комплексом изменений в жизни и деятельности государства и общества⁸¹⁶.

Кризисные состояния присущи не только праву, правовой системе, но и развитию государственности.

Принято выделять три подхода к пониманию государственности:

– первый — это функциональный подход, который характеризуется степенью готовности государства к реализации своих основных функций;

– второй — это психологический подход, основой которого является признание государства его народом;

– третий — это этатический подход, когда государственность фактически совпадает с государством или охватывает общественные явления, связанные с ним⁸¹⁷.

Государственность – это вся совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных социально многообразных государственных, правовых, административных, политических, социально-экономических, нравственно-этических и других средств, с помощью которых и вместе с которыми государственная власть оказывает регулятивно-организующее, стабилизирующее, интегрирующее и активизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей⁸¹⁸.

Помимо этого, граждане имеют возможность оказывать через структуры гражданского общества сдерживающее, направляющее, нормотворческое, организационное, а также ограничивающее влияние на государство и государственную власть.

Характеризуя понятие кризиса Н.А. Власенко полагает, что кризисные явления как тенденции негативного характера, накапливаются и тем самым представляют опасность уничтожения регулятивных свойств правовой системы⁸¹⁹.

Обычно выделяют следующие признаки проявления такого кризиса:

1) длительная, скрытая дезориентация государственной власти, полная потеря государственными структурами своих возможностей;

⁸¹⁶ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 143.

⁸¹⁷ Оспанов Е.А. Правовая система в условиях кризиса и переходное состояние государственности: взаимобусловленность развития // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 2. – С. 122.

⁸¹⁸ Оспанов Е.А. Правовая система в условиях кризиса и переходное состояние государственности: взаимобусловленность развития // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 2. – С. 123.

⁸¹⁹ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43.

2) повышенная критическая активность, выступление недовольных масс;
3) резкое падение уровня жизни, разрушение привычного образа жизни людей, лишившихся работы, достаточного материального благополучия⁸²⁰.

Помимо признаков, основными составляющими элементами политического кризиса являются:

1) конституционно-правовой кризис – разрыв правового пространства, ограничение или фактическое прекращение действия Конституции;

2) правительственный кризис – потеря респектабельности и авторитета власти;

3) кризис партийной системы – раскол в партиях, движениях, потеря авторитета и доверия у народа;

4) идеологический кризис – крушение принципов, устоев, нравственности, рост преступности;

5) внешнеполитический кризис – падение престижа и международного влияния у государства⁸²¹.

Как известно, кризис государственного управления обычно характеризуется нестабильностью, снижением уровня управляемости социально-экономическими процессами, разбалансированностью политических институтов, обострением политических конфликтов, нарастанием противоречий в обществе. Основными и заметными признаками кризиса государственного управления являются обострение экономических и социальных конфликтов⁸²².

Следует отметить основные причины возникновения такого кризиса:

- объективные причины – связанные с циклическим развитием правовой системы. Во многом кризисное состояние государственности обуславливается состоянием экономических отношений. Здесь обычно выделяют три этапа:

Первый этап, характеризуется возникновением многочисленных конфликтных различных областей общественной жизни. Этот этап способствует углублению политического кризиса.

Второй этап – развитие конфликтных ситуаций в обществе до такой степени, когда они уже не могут быть разрешены путем компромиссов.

Третий этап – развитие и обострение кризиса, включающие распад существующих политических структур.

Значимая роль истории в самоидентификации государств, народов, личности существенно повлияла на направления исследований во многих гуманитарных и общественных науках⁸²³.

⁸²⁰ Бакарджиев Я.В. Переходный период в развитии государства и правовой системы // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2014. – №4. – С. 69.

⁸²¹ Оспанов Е.А. Правовая система в условиях кризиса и переходное состояние государственности: взаимобусловленность развития // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 2. – С. 123.

⁸²² Гончарова Н.П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – №1-2, – с. 178.

⁸²³ Дорская А.А., Дорский А.Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2018. с. 125.

Нужно отметить, что например, на развитие конституционализма в целом и на его отдельные элементы, влияет масса причин, одной из таких причин являются кризисные периоды в любом государстве⁸²⁴.

Процессы кризисной ситуации любого государства и его правовой системы определяются, в том числе и процессами глобализации. Глобализацию можно охарактеризовать как масштабный, многоплановый и внутренне противоречивый процесс нарастания общего в элементах мировых экономической, социальной и правовой систем⁸²⁵.

На международной арене влияние государств, как участников процесса глобализации приобретает нижеследующие основные формы:

1. создание и развитие принципов и норм международного права как правовых стандартов правомерного либо неправомерного поведения государств;
2. создание институтов формирования норм международного права и механизмов их реализации;
3. образование региональных союзов государств;
4. трансформация внутренней политики государств под влиянием глобализации⁸²⁶.

Глобализация оказывает активное влияние на все стороны (части) правовой системы страны, на её статические и динамические элементы.

В условиях глобализации появляются и новые источники права, к числу которых следует отнести правовые позиции Конституционного Суда РФ, правовой обычай и деловые обыкновения, модельное законодательство.

Можно сделать вывод, что кризисные периоды в жизни государства – это вызванные определенными причинами или последствиями, явные несоответствия между правовыми нормами и потребностями общества, которые в последствии либо исчезают, либо сменяются на новые.

Любые кризисные этапы в жизни общества меняют устоявшиеся основы и принципы ее организации и функционирования.

§ 11. Кризис в праве как историко-правовая категория (на примере конституционной истории Франции)⁸²⁷

Изучение кризисных явлений в праве позволяет современной правовой науке выработать инструментарий для возможного преодоления подобных проявлений

⁸²⁴ Бочкарев С.В. Развитие конституционализма и кризис в праве: тенденции взаимообусловленности // Образование и право. – 2020. № 1. – С. 81.

⁸²⁵ Петухов В.В. Кризис и динамика социальных настроений // Мир России. – 2010. – № 1. – С. 45-66.

⁸²⁶ Бакарджиев Я.В. Переходный период в развитии государства и правовой системы // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2014. – №4. – С. 70.

⁸²⁷ Данный параграф выполнен С.В. Бочкаревым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

или, по крайней мере, «пережить» кризис с наименьшими его проявлениями. В этой связи опыт Франции, ее конституционной истории, представляет несомненный научный интерес.

Слово кризис происходит от древнегреческого κρίσις, что означает решение, поворотный пункт. В социальных науках, к которым относится юриспруденция, кризис понимается как общественное явление, при котором происходит перелом в поступательном движении, как некое переходное состояние. Можно согласиться, что в период кризиса «видна разница между начальным и конечным пунктами развития системы, которая характеризуется в динамике – организационная фаза (строительство, созидание) и дезорганизационная фаза (крушение, разрушение) и проявляется в статике промежуточными фазами между ними в точках «пик, вершина» (депрессия – «скелет, хребет») и «дно, ложбина» (дезингрессия – «прах, пепел»)»⁸²⁸.

В праве кризис, исходя из его природы, в современной доктрине разделяют на органические (системные) и собственные⁸²⁹. Первые взаимообусловлены и коррелируются с кризисом в экономической, социальной, политической и другими сферами⁸³⁰. Собственные кризисные явления в праве присуще праву как таковому.

А.А. Дорская, выделяя девять признаков кризиса в праве, среди них называет «преобладание устаревших норм, уже не отражающих сложившиеся общественные отношения» и «отсутствие возможности правовыми средствами предотвратить радикальные выступления против существующей государственно-правовой системы»⁸³¹. Два эти признака, свидетельствующие о кризисных явлениях в праве, в наибольшей степени относятся к рассматриваемой проблематике. Кризис в праве, являясь правовой категорией (в нашем контексте – историко-правовой), являясь общим понятием, отражает фундаментальные связи и отношения с реальной действительностью.

Франция, имеющая богатую конституционную историю, предоставляет возможность изучение преодоления кризисных явлений.

Во Франции менее чем за два столетия было принято 15 конституционных актов, которые послужили основой для формирования устойчивой политико-правовой модели. В силу большего количества, принятых и действовавших конституционных актов, конституционное развитие Франции, которое насчитывает до настоящего времени больше двух веков, можно рассматривать как определенное циклическое развитие. Отметим, что применительно к конституционному развитию выделяют два основных типа: линейное и циклическое. При линейном сохраняется

⁸²⁸ Рассказов Л.Д. Российское общественное сознание в условиях современных глобализационных кризисных процессов: автореф. дис. ... докт. философ. наук. 09.00.11. Улан-Удэ, 2018. С. 12.

⁸²⁹ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43.

⁸³⁰ Дорская А.А. Кризис в праве как одна из причин революций 1917 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. – 2017. – № 3 (27). – С. 8-9.

⁸³¹ Дорская А.А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий / Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. М.: Саратовский источник, 2020. С. 84-85.

преемственность в конституционных процессах. Оно присуще, с определенными оговорками, США. Циклическое, под которым понимается дискретное развитие, – Франции. А.Н. Медушевский, исходя из различных критериев, выделяет семь типов конституционных циклов⁸³². Любой цикл, исходя из того, что он предполагает «локализацию динамики социо-пространственно-временных изменений точками начала и завершения»⁸³³, включает в себя некий временной промежуток, которой имеет свое начало, развитие и завершение.

Кроме того, в циклическом развитии французского конституционализма выделяют два направления развития – правительственный и революционный⁸³⁴. Первый вариант – это октроированные конституции (напр., Хартия 1814 г.). Второй тип, когда конституционные изменения происходят посредством революционных событий, был наиболее присущ Франции в конце XVIII-XIX вв.

Таким образом, причины цикличности конституционного развития Франции определяются, с точки зрения конституционной динамики, определенным вектором, который предполагает или преемственность основных государственно-правовых институтов (правительственное направление) или построение нового конституционного конструкта (революционное направление). Более общей причиной цикличности является кризис, системный или органический, поскольку начало нового цикла связано с организационной фазой, которая приходит на смену дезорганизованной.

Во Франции, подобные циклы, можно связать с принятием каждого конституционного акта, начиная с 1791 г., что напрямую коррелируется с кризисными явлениями в праве, в контексте понимания последнего как системного кризиса.

Применительно к кризисам, в дискурсе рассматриваемой проблематики, целесообразно обратиться к вопросу периодизации конституционной истории страны.

В научной литературе, как юридической, так и в политологической, посвященной данной проблематике, приводятся различные периодизации.

Традиционными являются разграничения, связанные, во-первых, с принятием каждой конституции Франции, т.к. они закрепляли смену того или иного политического режима или, во-вторых, с установлением определенной формы правления. Такой подход превалирует в отечественной юриспруденции⁸³⁵. Подобную периодизацию можно встретить и во французской литературе, посвященной конституционной истории страны⁸³⁶.

Существуют и другие периодизации. Так, Ж.-П. Жакке выделяет три основных этапа. Первый – от революции к империи (1789-1815 гг.). Второй этап – с

⁸³² См.: Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 449-454.

⁸³³ Ромашов Р.А. Преемственность и цикличность в российском праве: единство и противоречия // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 42.

⁸³⁴ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998. С. 308-309.

⁸³⁵ См., напр.: История буржуазного конституционализма XIX в. / под ред. В.С.Нерсесянца. М.: Наука, 1986; Маклаков В.В. Парламент Франции. Ч. I. М.: ИНИОН, 2008. С. 8-39.

⁸³⁶ См., напр.: Deslandres M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870. T. I. Paris: Ed. Duchemin, 1977; Hélié M. Les constitutions de la France. Paris: Libr. de jurisprudence, 1880.

момента реставрации монархии и до установления парламентской формы правления (1815-1870 гг.). Третий – с провозглашения Третьей республики до принятия Конституции Пятой республики (1870-1958 гг.)⁸³⁷. Однако, в основу подобной периодизации положен только хронологический критерий.

М. Морабито в своей монографии «Конституционная история Франции с 1789 г. до наших дней» выделяет следующие периоды: формирование французской конституционной традиции (1789-1848 гг.); конституционный синтез (1848-1879 гг.); невозможность государственных реформ (1879-1958 гг.); Пятая республика, беспрецедентный конституционный синтез (с 1958 г. до настоящего времени)⁸³⁸.

М. Дюверже делит конституционную историю Франции на три этапа. Первый: революция и бесконечные конституционные изменения (первый революционный цикл 1789-1814; второй революционный цикл 1814-1870). Второй: парламентская республика, конституционная стабильность и правительственная нестабильность (1870-1958 гг.). Третий этап – полупрезидентская республика (с 1958 г.)⁸³⁹.

Л. Фаворе, П. Галя и др. выделяя период с 1789 по 1870 гг. («Конституционная неустойчивость»), делят его на два цикла: конституционных нововведений (1789-1814) и цикл формальных повторений и зрелости (1814-1870). Последний – разбивают на два этапа: познание парламентской системы (1814-1848) и всеобщего избирательного права (1848-1870). Последующие два периода – долголетие и парадоксы Третьей республики (1870-1940) и новый период конституционной нестабильности (1940-1958)⁸⁴⁰.

Стоит заметить, что представленные периодизации в большей степени относятся не к конституционному развитию, а к динамике французского конституционализма. Конституционализм, как правовая категория, включает в себя, помимо конституции, другие элементы, то его развитие обусловлено не только сменой «нормативных основ» государства, но и всей совокупностью явлений, которые составляют категорию конституционализма. Таким образом, развитие конституционализма – это многофакторный процесс, динамика которого зависит от политических, социальных правовых и других условий, сложившихся в тот или иной исторический период и которые влияют на отдельные элементы конституционализма. Следовательно, фазы движения конституционализма, как правило, длительные и связаны они с конкретной страной, поскольку конституционализм в своей основе имеет национальный характер.

На развитие конституционализма в целом, и на отдельные его элементы, влияет комплекс причин, а поскольку конституционализм – это правовая категория, то, прежде всего, правовые факторы определяют динамику развития

⁸³⁷ Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М.: Юристъ, 2002. С. 216.

⁸³⁸ Morabito M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à nos jours. 12-e éd. Paris: Montchrestien, 2012. P. 5-6.

⁸³⁹ См.: Duverger M. Les constitutions de la France. Paris: PUF, 2004.

⁸⁴⁰ Favoreu L., Gaïa P., Ghevontian R., Mestre J.-M., Pfersmann O., Roux A., Scoffoni G. Droit constitutionnel. 18-e éd. Paris: Dalloz, 2016. P. 759-786.

конституционализма. Одним из таких факторов являются кризисные явления, которые проявляются в праве. Например, идеи, которые заложили теоретическую основу французской модели конституционализма (народного суверенитета, равенства всех граждан перед законом, признание естественных прав человека и др.), являлись следствием кризиса, порожденного абсолютизмом и противопоставлением его принципиальным положениям. Первые конституционные акты, принятые в конце XVIII в., воплотили эти идеи и, таким образом, стал формироваться концепт конституционализма, в котором политико-правовые воззрения, доктринальное осмысление основополагающих постулатов «нового права», определяют наполнение юридической конституции.

Следующий цикл – с 1815 до 1870 гг., его выделяют большинство французских исследователей, характеризуется осмыслением наследия революционной эпохи и правления Наполеона, и попыткой совмещения и реализации «принципов 1789 г.» с парламентской системой. Начало цикла, 1815 г., связано с системным кризисом во Франции, когда страна на смену государственной модели, построенной Наполеоном, основанной на жесткой централизации, пришла легитимная монархия, базисом которой, в конституционном аспекте, была попытка синтезировать парламентаризм с монархическими началами. Завершение цикла связано с крушением Второй империи, когда потерпела неудачу попытка либерализации конституционно-правовых институтов.

И, наконец, третий цикл, начало которого датируется 70-ми гг. XIX в. В этот период неизменной оставалась форма правления при различных конституционных моделях, которые трансформировались от дуалистического парламентаризма к монархическому, а затем – к абсолютному (1870-1940 гг.). Подобные трансформации также сопровождались с проявлением кризисных явлений в праве, но они, в отличие от предыдущих циклов, не отражались на содержании конституционных актов, а разрешались посредством конституционных практик. Отметим, что в это время сначала получила законченное доктринальное обоснование идея конституционного правосудия во Франции, а затем она была реализована (Конституционный комитет в Четвертой республике, Конституционный совет – в Пятой), что повлияло не только на содержательное наполнение концепта французского конституционализма, но и на его современное восприятие.

Таким образом, если рассматривать кризисные явления в праве в корреляции с конституционным развитием, а точнее – с развитием конституционализма (в данном случае на примере Франции), то подчеркнем, что конституционализм, в своем циклическом развитии, нивелирует (в рамках одного цикла) негативные правовые явления и генерирует в своих составных элементах обновленное сущностное наполнение.

§ 12. Право на обращение в суд в гражданском и административном судопроизводстве: особенности законодательного регулирования от Устава гражданского судопроизводства 1864 года и до наших дней

Современное развитие правовой мысли, формирующейся в условиях кардинальных преобразований в общественных отношениях, характеризуется чрезвычайной активизацией, претворяющейся в комплексных законодательных реформах. Одним из направлений современных научных правовых исследований является серьезное переосмысление основных правовых понятий и институтов, что и обуславливает все больший интерес к концептуальным положениям правовых наук. В науке гражданского процессуального права к основным теоретическим вопросам, безусловно, относятся проблемы принципов процессуального права, эффективной гарантией обеспечения стабильного действия которых является их нормативное закрепление.

В.М. Шерстюк справедливо подчеркивает, что «вопрос о составе принципов гражданского процессуального права вызывал и вызывает горячие споры в теории и практике. К этому вопросу надо подходить с чрезвычайной осторожностью. Необдуманное и неоправданное расширение состава принципов может привести к «обесцениванию» и размыванию этой весьма значимой в социальном и правовом плане категории. Однако сужение состава принципов ведет к снижению гарантий судебной защиты прав граждан и организаций»⁸⁴¹.

В современной науке гражданского процессуального права представлены различные позиции относительно понимания такого правового явления как право на обращение в суд, его признаков, содержания, возможности включения в классификацию и т.п.

Также, в отечественном процессуальном гражданском и административном законодательстве показан неодинаковый подход к урегулированию этого правового явления и отдельных его составляющих. Вышеизложенное и предопределило необходимость проведения исследования обозначенных проблем, а также поиска путей их устранения.

Как известно, основные принципы отечественного гражданского и административного процессуального законодательства получили свое закрепление в УГС 1864 года⁸⁴². При этом, «в первоначальном проекте гражданского судопроизводства, составленном в 1863 г. особою, назначенною по Высочайшему повелению 29 сентября 1862 г., комиссией, не было помещено общих положений гражданского судопроизводства, но при рассмотрении в 1864 г. сего проекта, положено поместить

⁸⁴¹ См.: Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушниковой. М., 2004. – С. 57 – 63.

⁸⁴² Устав гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих он основан: Вып. 1-. – Б.м., 1864-1865. – 24 см.

в начале устава особое введение, заключающее в себе общие положения гражданского судопроизводства (журн. 1864 г. № 44 стр. 126)»⁸⁴³.

Так, в ст. 1 УГС 1864 г. было закреплено положение, согласно которому «всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебных установлений». Согласно ст. 4 УГС 1864 г. «судебные установления могут приступать к производству гражданских дел не иначе, как вследствие просьбы о том, лиц, до коих те дела касаются, и разрешать их не иначе, как по выслушании объяснения противной стороны или по истечении назначенного для представления одного срока»⁸⁴⁴.

Соответственно, право на обращение в суд как принцип гражданского судопроизводства в первом кодифицированном отечественном процессуальном нормативном правовом акте был сформулирован путем указания на конкретных субъектов, которым предоставлена возможность его реализовывать, а так же на процессуальные права и обязанности этих субъектов. Вместе с тем, развитие рассматриваемого принципа находит отражение и в других положениях УГС 1864 г., в частности в ст. 14 было закреплено, что «тяжущиеся имеют право присылать вместо себя в суд поверенных по всем делам, производящимся в судебных установлениях». Соответственно гарантии реализации принципа, устанавливающего право на обращение в суд обеспечивались, в том числе и другими принципами гражданского судопроизводства.

Исследователи того времени, рассматривали принцип права на обращение в суд (принцип доступности правосудия) в составе принципа состязательности «*Nemo index sine auctore, ne iudex ex officio procedat* – суд приступает гражданского дела только по просьбе лиц заинтересованных; где нет истца, там нет и судебного разбирательства (ст. 4)»⁸⁴⁵.

«Состязательное начало выражается в следующих правилах: суд не должен возбуждать процесса без предъявления иска (*nemo iudex sine ectore*) и не должен совершать дальнейших процессуальных действий без просьбы заинтересованной стороны (*ne procedat iudex ex officio*). Свое решение суд должен основывать только на том, что выяснилось в процессе (*quod non est in actis non est in mundo*), а потому он должен судить, основываясь на том, что доказано сторонами (*secundam allegata et probate*), а не на том, что ему сделалось известным случайно (*secundam conscientiam*). Наконец в своем решении суд не должен выходить за пределы просьб, заявленных сторонами (*ne eat iudex ultra petita partium*)»⁸⁴⁶.

Другая позиция высказана Александром Мирлесом, который рассматривал право на обращение в суд не в составе принципа состязательности, а как

самостоятельный: «Право обращаться к судебной защите есть неотъемлемое право каждого и такое право не может подлежать никаким ограничениям по воле частных лиц в случаях, не предусмотренных в самом законе»⁸⁴⁷.

Для сравнения, можно обратить внимание на то, что в тот период в Австрийском уставе гражданского судопроизводства 1895 г. также было урегулировано право на обращение в суд. Этим вопросам было посвящено Отделение 1 Главы I, которое называлось: «Способность искать и отвечать на суде». Так, в § 1, в частности, было установлено, что «Способным самостоятельно отыскивать и защищать свои права на суде признается лицо, которое вправе самостоятельно вступать в обязательства ...». В первом отделении первой главы этого нормативного акта были также урегулированы особенности реализации права на обращение в суд несовершеннолетними (§ 2), иностранными лицами (§ 3) и представителями. Соответственно структурными элементами права на обращение в суд было также указание на конкретных субъектов обращения: стороны (тяжущиеся) – как физические, так и юридические лица, несовершеннолетние, иностранные лица, представители»⁸⁴⁸.

Позже в отечественном процессуальном законодательстве советского периода развития государства рассматриваемый принцип получил свое дальнейшее правовое регулирование. Так, в ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г.⁸⁴⁹ было закреплено, что «суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной в том стороны». Соответственно право на обращение в суд, прежде всего, признавалось и подтверждалось законодательством за теми лицами, чьи права, свободы и законные интересы были нарушены. Вместе с тем, такое право признавалось и за другими субъектами: «Прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс». Последнее нормативное положение отражало стремление государства обеспечить возможность судебной защиты субъектов российского права с помощью механизма участия прокурора в судопроизводстве. При этом процессуальные права прокурора в тот период развития гражданского процессуального законодательства были максимально широкими. Так, ему было предоставлено право реализовать две формы участия в деле: посредством обращения в суд для защиты чужих прав, свобод и законных интересов, а также возможность вступления в дело на любой стадии процесса.

⁸⁴³ Там же. – С. 14.

⁸⁴⁴ Там же. – С. 14.

⁸⁴⁵ Основные начала русского гражданского процесса. По Цитовичу П.П., Малышеву К.И. и др. Применительно к программе юридической комиссии. Киев. Типография Петра Барскаго, Крещатик, соб.домъ № 40. 1897. – С. 6.

⁸⁴⁶ Основные начала гражданского судопроизводства. Речь, произнесенная на торжественном ежегодном собрании Императорского Казанского университета, 5 ноября 1895 года, профессором Е.А. Нефедьевым. Казань. Типо-Литография императорского Университета, 1895. – С. 28.

⁸⁴⁷ Александр Мирлес. Основные начала русского гражданского процесса. Руководство для подготовки к государственному экзамену и для начинающих юристов. Киев: Книгоиздательство И.И. Самоненко, 1910. – С. 10.

⁸⁴⁸ Лукин Ю.М. Австрийский устав гражданского судопроизводства 1895 г. и судебная система Австрии: история и концептуальные основы // Вестник гражданского процесса. 2014. № 6. С. 121 – 130; 2015. № 1. С. 153 – 162; № 2. С. 170 – 179; № 3. С. 134 – 149; № 4. С. 132 – 146; № 5. С. 179 – 193; № 6. С. 129 – 144; 2016. № 1. С. 128 – 141; № 2. С. 124 – 135; № 3. С. 222 – 245.

⁸⁴⁹ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.»: вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.». // СУ РСФСР. 1923. № 46 – 47. Ст. 478. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения – 08.05.2020 г.).

Также в ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г. содержалось важное положение, закрепляющее распорядительные права сторон: «Сторона может во всяком положении дела изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои искивые требования». Как известно, в современном процессуальном законодательстве наличие распорядительных процессуальных прав раскрывает действие принципа диспозитивности в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Вместе с тем, в тот период конкретизировалось, что «принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав и судебной их защиты зависит от суда...»⁸⁵⁰. Последнее законоположение обусловлено особой ролью суда в советском период гражданского судопроизводства.

Следующим нормативным актом, который был посвящен регулированию гражданского судопроизводства в отечественном государстве были Основы гражданского судопроизводства союза СССР и союзных республик. Как отметила М.С. Шакарян – это «первый общесоюзный закон, закрепивший основные положения гражданского процесса. Этот акт – результат длительной кропотливой работы по совершенствованию советского гражданского процессуального законодательства, начатой еще в 40-е годы, когда началась подготовка проекта ГПК РСФСР»⁸⁵¹.

М.С. Шакарян обращала внимание на то, что «в Основах закреплены наиболее важные положения гражданского судопроизводства, требующие единообразного решения на всей территории СССР. В этом смысле Основы являются своеобразной процессуальной конституцией, став юридической базой не только республиканского, но и союзного законодательства»⁸⁵².

М.А. Гурвич, комментируя положения ст. 5 Основ, отметил, что «Основами закреплено право на обращение в суд всякого заинтересованного в судебной защите лица. Это – один из основных принципов советского гражданского судопроизводства. Отличительной чертой права на обращение в суд в советском гражданском судопроизводстве является его реальный, подлинный характер. Осуществимость права на обращение в суд обеспечивается доступностью процесса для любого гражданина, подлинно демократической системой судебных расходов (ст. 23 Основ), а также реальным и эффективным содействием, оказываемым прокуратурой и другими государственными учреждениями, а также профсоюзами и различными общественными организациями гражданам в осуществлении судебной защиты их прав и законных интересов»⁸⁵³. Соответственно,

⁸⁵⁰ Статья 11 в ред. Указа Президиума ВС РСФСР от 19.06.1942 № 13 Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 16.12.1964. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения – 08.05.2020 г.).

⁸⁵¹ Шакарян М.С. Основы гражданского судопроизводства (значение, некоторые вопросы совершенствования и толкования). // Основы гражданского судопроизводства и развитие гражданского процессуального законодательства и теории: Сборник научных трудов. / Отв. ред. М.С. Шакарян. – М.: ВЮЗИ, 1982. – С. 3.

⁸⁵² Там же. – С. 4.

⁸⁵³ Научно-практический комментарий к Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик, Под ред. П.И. Бардина. – М.: Государственное издательство Юридической литературы, 1962. – С. 27.

вышеизложенное подтверждает, что исследователи того времени признавали право на обращение в суд принципом цивилистического процессуального права, а также называли его важнейшие признаки.

Очередной этап развития гражданского процессуального законодательства России отражает ГПК РСФСР 1964 г., в ст. 3 которого была подтверждена целесообразность правового закрепления того, что «всякое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса». При этом, впервые появляется формулировка о том, что «Отказ от права на обращение в суд недействителен»⁸⁵⁴. В связи с чем в постатейном научно-практическом комментарии к ГПК РСФСР 1964 г. С.С. Кипнис и П.Я. Трубников отмечали, что ст. 3 воспроизводит один из важнейших принципов советского гражданского процесса – подлинно демократическое право каждого юридического лица и гражданина обратиться в судебные органы за защитой гражданских прав»⁸⁵⁵.

В связи с чем М.С. Шакарян отмечает, что «ст. 3 ГПК РСФСР воспроизводит один из основных принципов советского гражданского судопроизводства... Его реальность обеспечена системой процессуальных мер: активным содействием заинтересованным лицам со стороны суда, прокуратуры, органов государственного управления и общественных организаций (ст.ст. 14, 41, 42, 50, 294, 327 и другие статьи ГПК РСФСР 1964 г.); простотой и доступностью процессуальной формы защиты прав, обеспечиваемой низкими размерами судебных расходов и полным освобождением от судебных расходов истцов по ряду наиболее важных для граждан категорий дел (ст. 23 Основ, ст. ст. 80-82 ГПК РСФСР)». Также М.С. Шакарян подчеркивает, что ст. 3, как и ст. 4 ГПК РСФСР 1964 г. предусматривает защиту не только субъективного права, но и охраняемого законом интереса...»⁸⁵⁶.

В этот период в науке гражданского процессуального права высказывались и другие позиции. Так, по мнению В.М. Шерстюка «право на обращение в суд, закрепленное в ст. 3 ГПК РСФСР 1964 г. является важной гарантией защиты гражданских, семейных, трудовых, административных и иных прав граждан и организаций. Это право имеет всякое заинтересованное лицо. Круг этих лиц перечислен в ст. 4 ГПК РСФСР 1964 г.»⁸⁵⁷.

Немного позже В.М. Семенов рассматривая специфические отраслевые принципы гражданского судопроизводства, определяет и вводит в применение новую формулировку: «принцип доступности судебной защиты прав и интересов – это обеспеченная государством возможность всякого заинтересованного лица

⁸⁵⁴ Закон РСФСР от 11.06.1964 (ред. от 21.03.1991) «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом). Документ утратил силу с 1 июля 2003 года в связи с принятием Федерального закона от 14.11.2002 № 137-ФЗ. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения – 08.05.2020 г.).

⁸⁵⁵ Кипнис С.С., Трубников П.Я. Постатейно-практический комментарий к гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1971. – С. 10.

⁸⁵⁶ Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. М., Юридическая литература, 1976. – С. 8-9.

⁸⁵⁷ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. – М.: Издательство «Спарк», 1996. – С. 9.

обратиться в порядке, установленном гражданским процессуальным законом, в суд за защитой прав и интересов и отстаивать их в судебном процессе. Отказ от права на обращение в суд не допустим и не действителен...»⁸⁵⁸. В.М. Семенов провел комплексное изучение составляющих названного принципа. Выводы и суждения этого автора находят отражение в последующих научных разработках, а также закрепление в современном цивилистическом и административном процессуальном законодательстве.

В этот период развития отечественного государства действует Конституция РСФСР 1978 г., которая впервые закрепляет принцип судебной защиты, согласно ст. 63 которой каждому гарантировалась «судебная защита его прав и свобод»⁸⁵⁹. Предыдущие Конституции отечественного государства не регулировали эти вопросы⁸⁶⁰.

Современная Конституция РФ 1993 г. в ст. 46⁸⁶¹ развивает право на судебную защиту. Конституция РФ – это «основополагающий вид российских нормативных правовых актов, содержащий не только нормы-цели и нормы-задачи, но также и основополагающие (основные) принципы и нормы права, практически применяемые в том числе судами общей юрисдикции с целью защиты прав и правовых интересов физических и юридических лиц»⁸⁶². Соответственно, в цивилистическом и административном процессуальном законодательстве один из составляющих принципа права на судебную защиту – принцип, определяющий право на обращение в суд продолжает совершенствоваться.

В первом кодифицированном нормативном правовом акте, регулирующем порядок осуществления правосудия арбитражными судами – АПК РФ 1992 г.⁸⁶³ право на обращение в суд традиционно было определено посредством закрепления субъектного состава лиц, правомочных обращаться в суд. С учетом сущности спорных материальных правоотношений, которые составляли компетенцию данных судов, к ним были отнесены: «предприятия, организации (включая колхозы), являющиеся юридическими лицами, а также граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющие статус предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке». Также, право на обращение в арбитражный суд было признано и за органами

⁸⁵⁸ Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М. Издательство «Юридическая литература», 1982. – С. 110.

⁸⁵⁹ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России: принята ВС РСФСР 12.04.1978 г. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения – 08.05.2020 г.).

⁸⁶⁰ Этапы развития советской Конституции: (историко-правовое исследование) / В. П. Портнов, М. М. Славин. – Москва: Наука, 1982. – 308, [2] с.

⁸⁶¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ. // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

⁸⁶² 1. Ершов В.В. Размышления к 20-летию юбилею Конституции России // Российский судья. 2013. № 12. – С. 3–13.

⁸⁶³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: утв. ВС РФ 05.03.1992 № 2447-1 (с изм. от 07.07.1993). // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения – 08.05.2020 г.).

государственной власти и управления, а также организациями, не являющимися юридическими лицами. В отношении последних субъектов такое право должно было быть предусмотрено отдельными законодательными актами Российской Федерации. В связи с этим, следует отметить, что четкое перечисление в процессуальном нормативном правовом акте конкретных субъектов правомочных обратиться в суд существенно сужает сферу возможностей реализации права на обращение в суд, поскольку такое право признается не за всеми.

Вместе с тем, в абз. 3 ст. 2 АПК РФ 1992 г. было закреплено, что также «организации с иностранными инвестициями, организации и граждане – предприниматели, которые находятся на территории другого государства, вправе обращаться в арбитражный суд в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». Соответственно субъектный состав лиц правомочных обращаться в государственный суд для защиты прав, свобод и законных интересов был существенно расширен в этом нормативном акте. Обозначенная тенденция получила дальнейшее развитие в следующих нормативных правовых актах, регулирующих арбитражное судопроизводство.

Впервые в АПК РФ 1992 г. в абз. 4 ст. 2 было установлено, что «спор может быть передан на разрешение арбитражного суда лишь после принятия сторонами мер по непосредственному урегулированию спора в установленном порядке, за исключением требований организаций и граждан – предпринимателей о признании недействительными актов государственных и иных органов, об обжаловании отказа в государственной регистрации организаций либо самостоятельной предпринимательской деятельности, а также других споров в сфере управления с участием граждан-предпринимателей». Соответственно, претензионный порядок урегулирования хозяйственных споров, в тот период развития отечественного государства признавался особо значимым именно для субъектов предпринимательской деятельности, и его реализация определяла возможность обращения в арбитражный суд.

В следующем АПК РФ 1995 г. правовое регулирование права на обращение в суд было существенно изменено. Во-первых, не персонифицирован состав лиц, правомочных обращаться в суд за судебной защитой. Так, в ч. 1 ст. 4 было закреплено, что «заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в порядке, установленном настоящим Кодексом». При этом в арбитражном процессуальном законодательстве впервые было продублировано традиционное уже для гражданского судопроизводства положение, согласно которому «отказ от права на обращение в суд недействителен».

Состав заинтересованных лиц определяли ряд последующих статей арбитражного процессуального кодекса. В частности, согласно ч. 1 ст. 22 АПК РФ 1995 г. было определено, что «арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам, возникающим из гражданских, административных и иных правоотношений: 1) между юридическими лицами, гражданами, осуществляющими

предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющими статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке; 2) между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, между субъектами Российской Федерации».

Анализ положений этого нормативного правового акта показывает, что некоторые субъекты не фигурировали как управомоченные на обращение в арбитражный суд, в частности, такими были организации, не имеющие статуса юридического лица.

Вместе с тем, согласно ч. 2 ст. 4 АПК РФ 1995 г. было установлено, что «в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, право на обращение в арбитражный суд в защиту государственных и общественных интересов имеют прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы». Соответственно органы публичной власти сохранили право на обращение в коммерческий суд, которое развивалось в ряде статей АПК РФ 1995 г. (ст. ст. 41, 42 и др.). Однако следует учитывать, что право на обращение в арбитражный суд для защиты чужих прав, свобод и законных интересов в то время не имели организации и граждане.

Соответственно, вышеизложенное показывает особенности правового урегулирования права на обращение в суд в арбитражном процессуальном законодательстве того времени. Так, в АПК РФ 1995 года претензионный порядок урегулирования споров для хозяйствующих субъектов признается обязательным не для всех категорий дел, как было ранее, а только в случаях, которые были отдельно урегулированы законом или предусмотрены договором. В отношении публичных субъектов эта обязанность не действовала, также как и по нормам АПК РФ 1992 г.

Мы современники действующих АПК РФ⁸⁶⁴ 2002 г. и ГПК РФ⁸⁶⁵ 2002 г., в которых праву на обращение в суд, как основным положениям гражданского процессуального права посвящены отдельные статьи, соответственно ст. ст. 4, 3. В настоящее время правовое регулирование принципа, определяющего право на обращение в суд существенно изменилось, расширяются границы его действия и усиливается его содержание. Общая динамика развития отечественного как материального, так и процессуального законодательства не может не отражаться и на содержании статей, регулирующих принцип, определяющий содержание права на обращение в суд. Так, в статью 4 АПК РФ 2002 г. и ст. 3 ГПК РФ постоянно вносятся ряд изменений и дополнений⁸⁶⁶.

⁸⁶⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019). // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

⁸⁶⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019). // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

⁸⁶⁶ Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»; Федеральный закон от 28.06.2014 № 186-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Согласно ч. 1 ст. 4 АПК РФ 2002 г. право на обращение в суд предоставлено всем заинтересованным лицам, чьи права, свободы и законные интересы нарушены. Соответственно, получается, что, как и в предыдущем АПК РФ 1995 г. субъектный состав не конкретизирован в статье, которая посвящена принципу гражданского процессуального права. При этом далее в процессуальном законе состав лиц, которым предоставлено право на обращение в суд определяется более четко (ст. ст. 27, 192, 198, 213, 219, 222.1, 224, 225.1, 225.8, 225.10, 230, 238 и др. АПК РФ 2002 г.).

Особенностью действующей нормы, определяющей исследуемый принцип, является то, что введено новое право субъектов защиты предъявлять требование «о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Таким образом, впервые в действующем арбитражном процессуальном законодательстве появилась конкретизация отдельного субъективного права на обращение в суд по конкретному правоотношению. При этом далее это право получает свое развитие и детальную регламентацию (ст. 222.1 АПК РФ 2002 г.).

В ч. 2 ст. 4 АПК РФ 2002 г. установлено, что «в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, в арбитражный суд вправе обратиться и иные лица». Конкретизация таких лиц нормативно отражена в ряде статей АПК РФ, в том числе в ст. ст. 52, 53, 192, 225.10 и других о которых шла речь выше.

Следует признать, что ныне действующий АПК РФ 2002 г. допускает возможность обращения в суд не только органов публичной власти, прокурора, но и других лиц – полноправных участников развитого гражданского общества. В частности, таким правом наделены организации и граждане (ч. 2 ст. 53 АПК РФ 2002 г.). В настоящее время, на уровне федеральных законов урегулированы возможности обращения в суд соответствующих организаций и граждан. Так, согласно п. 3 ст. 2 Федерального закона от 13.07.2015 № 223-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»⁸⁶⁷: одной из целей саморегулируемых организаций признается «защита и представление интересов своих членов в ... судах». Соответственно они вправе реализовывать это право путем обращения

Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»; Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»; Федеральный закон от 01.07.2017 № 147-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1252 и 1486 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения – 08.05.2020 г.)

⁸⁶⁷ Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.12.2018). // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения – 08.05.2020 г.).

в суд. Однако, очевидно, что этот механизм является слабо проработанным в действующем как материальном, так и процессуальном законодательстве. Вместе с тем, бесспорно и то, что он занял свое особенное место и является частью более сложного механизма судебной защиты прав, свобод и законных интересов других лиц.

Третий арбитражный процессуальный кодекс продублировал запрет на отказ от судебной защиты (ч. 3 ст. 4 АПК РФ 2002 г.)

Как расширение граней правового регулирования права на обращения в суд следует признать урегулирование в ч. 4 ст. 4 АПК РФ форм обращения в суд, к которым отнесены: исковое заявление – по экономическим спорам и иным делам, возникающим из гражданских правоотношений; заявление – по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, по делам о несостоятельности (банкротстве), по делам особого производства, по делам приказного производства и в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом; жалоба – при обращении в арбитражный суд апелляционной и кассационной инстанций, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами; представление – при обращении Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей о пересмотре судебных актов в порядке надзора».

В настоящее время ч. 5 ст. 4 АПК РФ 2002 года более детально, по сравнению с ранее действующими кодифицированными процессуальными нормативными актами (АПК РФ 1992 г. и АПК РФ 1995 г.) регулирует вопросы претензионного порядка урегулирования споров. Соответственно, следует констатировать, что обязанность по соблюдению претензионного порядка урегулирования споров подтверждена новым процессуальным законом как составляющая права на обращение в арбитражный суд.

При этом общее правило претерпело некоторые изменения. Первоначально было установлено, что обязательно «соблюдение досудебного порядка урегулирования спора только в том случае, если такой порядок установлен федеральным законом или договором» (п. 2 ч. 5 ст. 4 АПК РФ 2002 г.). Позже внесены изменения, и эти случаи ограничены прямым указанием законов. При этом данное правило в настоящее время распространено не только на гражданские правоотношения, но и на «экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений» (п. 3 ч. 5 ст. 4 АПК РФ 2002 г.).

Как особенность следует рассматривать урегулирование специальных сроков в отношении отдельных правоотношений. Так, согласно п. 1 ч. 5 ст. 4 АПК РФ 2002 г. «гражданско-правовые споры о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок, вследствие неосновательного обогащения, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены законом или договором».

Впервые в АПК РФ 2002 г. определен перечень правоотношений, по которым не предусмотрен обязательный порядок досудебного урегулирования споров. Так, к таким делам относятся: «дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок; дела о несостоятельности (банкротстве); дела по корпоративным спорам; дела о защите прав и законных интересов группы лиц; дела приказного производства; дела, связанные с выполнением арбитражными судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов; дела о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений».

При этом, традиционно в действующем арбитражном судопроизводстве освобождены от обязанности соблюдать претензионный (досудебный) порядок урегулирования споров прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы, обращающиеся в арбитражный суд в защиту публичных интересов, прав и законных интересов организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (ст. ст. 52, 53 АПК РФ 2002 г.).

Как составляющая права на обращение в арбитражный суд рассматривается законом и возможность сторон гражданско-правовых отношений передать свой спор на разрешение третейского суда. Это право может быть реализовано «до принятия арбитражным судом первой инстанции судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу» (ч. 6 ст. 4 АПК РФ 2002 г.). Так же согласно ч. 8 ст. 4 АПК РФ 2002 г. «стороны после обращения в арбитражный суд вправе использовать примирительные процедуры для урегулирования спора».

В настоящее время именно в статье, регулиющей принцип судопроизводства конкретизировано, что «исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ч. 7 ст. 4 АПК РФ 2002 г.).

Еще одна составляющая, расширяющая содержание принципа определяющего право на обращение в суд урегулирована в ч. 8 ст. 4 АПК РФ 2002 г., согласно которой «стороны после обращения в арбитражный суд вправе использовать примирительные процедуры для урегулирования спора».

Соответственно очередности принятия и вступления в силу, следующим отечественным нормативным правовым актом, регулирующим обозначенные вопросы является ГПК РФ 2002 г. Согласно ч. 1 ст. 3 современного ГПК РФ 2002 г. «заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов». Как известно, эта формулировка отражает общее содержание принципа, закрепляющего право на

обращение в суд общей юрисдикции для рассмотрения его в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная практика признает, что «в силу положений ч. 1 ст. 3 ГПК РФ именно нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов лица является обязательным условием реализации права на его судебную защиту»⁸⁶⁸.

В последующих частях комментируемой статьи раскрываются другие составляющие, которые, вместе с тем синхронны с арбитражным судопроизводством. Так, в ч. 1.1 ст. 3 перечислены способы оформления и формы обращения в суд как первой инстанции, с учетом вида производства, так и проверочных инстанций. В ч. 2 ст. 3 продублировано положение о том, что недействителен отказ от права на обращение в суд. Согласно ч. 3 ст. 3 с 2015 года конкретизирована составляющая права на обращение в суд в виде уточнения о том, что «по соглашению сторон спор, возникший из гражданско-правовых отношений, до принятия судом первой инстанции судебного постановления, которым заканчивается рассмотрение гражданского дела по существу, может быть передан сторонами на рассмотрение третейского суда, если иное не предусмотрено ...» соответственно ГПК РФ и другими федеральными законами.

В связи с вышеизложенным Верховный Суд РФ разъясняет, что «при наличии в трудовом договоре со спортсменом, с тренером условий, носящих гражданско-правовой характер, в том числе порождающих обязательства сторон как субъектов спорта, принимающих участие в спортивных соревнованиях в соответствии с положениями (регламентами) об этих соревнованиях, споры, возникшие по поводу неисполнения либо ненадлежащего исполнения таких условий, на основании ч. 3 ст. 3 ГПК РФ могут передаваться по соглашению сторон в специализированные третейские суды (например, Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Спортивный Арбитражный Суд при Автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата»)»⁸⁶⁹.

Еще одна составляющая права на обращение в суд одинаково урегулирована в АПК РФ 2002 г. и ГПК РФ 2002 г., согласно которой «заявление подается в суд после соблюдения претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, если это предусмотрено федеральным законом для данной категории споров» (ч. 4 ст. 3 ГПК РФ 2002 г.).

В 2019 году появилось новое нормативное положение, которое расширяет содержание принципа права на обращение в суд. Так, согласно ч. 5 ст. 3 ГПК РФ «стороны после обращения в суд вправе использовать примирительные процедуры для

⁸⁶⁸ Пункт 13 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 г. // СПС «КонсультантПлюс (Дата обращения – 08.05.2020 г.).

⁸⁶⁹ Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров». // Российская газета. № 270. 30.11.2015.

урегулирования спора». Необходимо отметить, что оно продублировано и в АПК РФ 2002 г.

Как известно, с 15 сентября 2015 года в Российской Федерации введен в действие новый кодифицированный процессуальный акт, регулирующий административное судопроизводство, в котором правовое регулирование права на обращение в суд получило свое дальнейшее развитие. При этом изменения, которые претерпели нормы, регулирующие право на обращение в суд в гражданском и арбитражном судопроизводстве, отразились и на этом акте.

Прежде всего, следует отметить, что отличается название статьи, которое направляет правовое регулирование по этому вопросу только на обращение в суд первой инстанции и только в одном виде производства, а именно с административным иском заявлением. Таким образом, из структуры принципа, закрепляющего право на обращение в суд выведена составляющая о возможности реализовывать право на судебную защиту в других видах и стадиях административного судопроизводства. Вместе с тем, содержание ч. 1 ст. 4 КАС РФ⁸⁷⁰ выходит за пределы названия статьи и вводит право на обращение в суд «в защиту прав других лиц или в защиту публичных интересов в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами».

В целом формулировка ч. 1 ст. 4 КАС РФ существенно отличается от тех, которые закреплены в действующих ГПК РФ 2002 г. и АПК РФ 2002 г. Если в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном кодексах закреплено, что заинтересованные лица «вправе обратиться в суд», то здесь установлено, что такое право «гарантировано». Далее важно подчеркнуть, что не используется формулировка о том, что защите подлежат только те права, свободы и законные интересы, которые «нарушены или оспорены». Такой подход является традиционным для ГПК РФ и АПК РФ. При этом в АПК РФ акцентировано внимание на термине «своих». Последнее объясняется тем, что в АПК РФ общее правило отдельно урегулировано по отношению к тем субъектам, которые защищают «свои» права (ч. 1 ст. 4) и отдельно к тем, которые защищают «чужие» права, свободы и законные интересы (ч. 2 ст. 4). В ГПК РФ 2002 г. представлена общая формулировка.

Вместе с тем, как следует из содержания нормативного положения, закрепленного в ч. 1 ст. 4 КАС РФ, в настоящее время конкретизировано, что право на обращение в суд, который правомочен рассматривать дела, возникающие в публичной сфере может быть реализовано в следующих случаях: «если, по мнению этого лица, *созданы препятствия* к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него *незаконно возложена* какая-либо обязанность...». Безусловно, что такая формулировка берет свое начало в нормах, которые ранее регулировали порядок судебной защиты аналогичных прав, свобод и законных интересов, в том числе в ГПК РФ.

⁸⁷⁰ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2019). // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

Другое видение представлено и на правовое регулирование по отношению к недействительности отказа от обращения в суд. Так, согласно ч. 2 ст. 4 КАС РФ в настоящую сферу вводится определяющая грань, которая носит внедоговорной характер, и соответственно, нормативное положение говорит о недопустимости совершения действий направленных на принуждение к отказу от обращения в суд.

В ч. 3 ст. 4 КАС РФ закреплено, что важным условием для обращения в суд является соблюдение правила об обязательном досудебном порядке урегулирования административного или иного публичного спора.

Также как в АПК РФ и ГПК РФ, в части 3.1 ст. 4 КАС РФ установлено, что «стороны вправе после обращения в суд использовать примирительные процедуры для урегулирования спора, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом».

Соответственно, вышеизложенные положения нормативных правовых актов, а также доктринальные разработки исследователей позволяют констатировать, что структурными элементами принципа, отражающего право на обращение в суд необходимо рассматривать:

1. Право на обращение в суд предоставлено определенным субъектам. Этими субъектами являются все субъекты российского права. Они могут защищать свои права, свободы и законные интересы.

При этом правом на обращение в суд наделены и специальные субъекты, которые защищают чужие права, свободы и законные интересы (прокурор, органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации и граждане).

В связи с этим, следует отметить, что в действующем как гражданском, арбитражном так и административном процессуальном законодательстве имеется явный пробел, суть которого заключается в том, что отсутствует указание на возможность вести дела в судопроизводстве посредством действий представителя. По нашему мнению, соответствующие изменения должны быть внесены в ст. 3 ГПК РФ, ст. 4 АПК РФ и ст. 4 КАС РФ.

2. Не допускается отказ от права на обращение в суд. В современном законодательстве, регулирующем административное судопроизводство, используется не традиционная по сравнению с гражданским и арбитражным процессуальным законодательством формулировка, что объяснимо в целом отличительным значением этого вида судопроизводства.

3. Право на обращение в суд должно быть реализовано посредством четко закрепленных в процессуальном законе форм. Соответственно не соблюдение формы обращения в суд влечет неблагоприятные последствия для заинтересованных лиц (истцов, заявителей, взыскателей и д.п.), а именно оставление заявления без движения и возвращение заявления.

При этом не допустимыми являются нарушения соответствующих нормативных положений. В частности, в настоящее время правоприменительная практика знает случаи нарушения права на обращения в суд, выражающиеся в применении

не закрепленных в законодательстве оснований для возвращения заявления. Так, судья Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга в качестве основания для возвращения заявления указала, что «не представлена опись вложения по отправке заинтересованным лицам копии заявления»⁸⁷¹. При этом, ранее заявитель, в соответствии с требованиями первого определения об оставлении заявления без движения от 23.01.2019 г. представил в суд квитанцию об отправке копии заявления заинтересованному лицу.

4. Право на обращение в суд включает обязанность по соблюдению претензионного порядка урегулирования спора.

5. Право на обращение в суд не исключает возможности обратиться в третейский суд с требованием о разрешении спора.

6. Право на обращение в суд не исключает право использовать примирительные процедуры (обратиться к посреднику, медиатору и т.п.).

Соответственно детальный анализ норм гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального права, регулирующих право на обращение в суд, с учетом их исторического развития позволяет выявить значение этого правового явления и выстроить предположения о необходимых гармоничных направлениях его современного развития.

§ 13. Дом, разделившийся в себе. Историческая память, национальная идентичность и общее право в США эпохи Гражданской войны⁸⁷²

В художественном фильме «Геттисберг» второстепенный персонаж — военный атташе Британской империи, лейтенант-полковник Артур Фремантл (в исполнении Джеймса Ланкастера) высказывает весьма примечательный взгляд на внутриамериканский конфликт: «Вы называете себя американцами, но вы — мигрировавшие англичане. Посмотрите на ваши имена — Ли, Лонгстрит, Худ, Джэксон, Стюарт, ... Мид, Гукер, Хэнкок, и — могу ли я сказать — Линкольн. Общий Бог, общий язык, общие культура и история, общие песни, сказки, легенды, мифы, разные мечты. Разные мечты!»⁸⁷³.

Действительно, вопрос национальной идентичности для молодой нации стоял изначально очень остро. Дистанцирование от метрополии, стремление самоопределиваться через «другого» (негативное самоопределение «мы — не они») требовало известной степени разрыва с английской традицией, в том числе и правовой. Первые отсылки к колониям как к единому целому появились в 1730-е (4 случая)

⁸⁷¹ Определение от 28.01.2020 г. / Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2020 г. Дело № М-8126/2019.

⁸⁷² Данный параграф выполнен З.Н. Каландаришвили, В.А. Ковалевым при финансовой поддержке научного проекта РФФИ № 20-011-00794А «Государственно-правовые системы современного мира».

⁸⁷³ Gettysburg (movie) / dir. by R.F. Maxwell. Turner Pictures, Esparza/Katz Productions, TriStar Television, New Line Cinema, 1993. 254 min.

упоминания в газетах. Термин «американцы» в значении «колонисты», как противопоставленный «британцы», «подданные Его Величества» впервые упомянут в 1764 году – за 11 лет до начала Войны за независимость. К середине 1770 более половины проанализированных Ричардом Мерритом газетных статей используют этот термин именно в таком значении⁸⁷⁴.

Вопрос о сохранении английского общего права (*common law*) не был полностью очевиден для колонистов. С одной стороны, молодая нация, американцы, стремились через юридические и культурные инновации продемонстрировать свою идентичность. С другой стороны, английская система общего права изначально несла в себе известный заряд регионализма и вариативности, что привело к развитию особого общего права в колониях, то есть зарождению американского общего права⁸⁷⁵.

Колонии приступили к созданию своей правовой идентичности на основе переработанного английского обычного права. Хотя некоторые революционеры и хотели пойти дальше и преобразовать право в духе рациональной кодификации (впрочем, такие идеи вполне существовали и в современной им Британии — в частности, их отстаивал знаменитый Лорд Главный судья Уильям Мансфилд), в целом стремление было к созданию более упорядоченной, менее коррумпированной системы⁸⁷⁶. Революционеры осознавали, что выработанная в колониях версия общего права вполне соответствовала потребностям колоний, кроме того, потребности военного времени требовали наличия работающей правовой системы. Так, например, легислатура Вирджинии в 1776 году назначила комитет с участием Томаса Джефферсона и его учителя Джорджа Витта, который должен был разработать новый кодекс по примеру Юстиниановского. Тем не менее, нехватка времени и военные нужды привели к осознанию того, что нет никакой необходимости сеять хаос в политике строящегося государства. Осознание успешности регулирования через общее право привело к становлению особой американской версии общего права⁸⁷⁷, позволявшей сохранить историческую преемственность одновременно с укреплением зарождающейся идентичности.

Впрочем, как отмечают некоторые современные историки, картина складывающейся идентичности на основе двух источников — либеральной политики и общего права — не вполне полна. Эрик Кауфманн и Эдвард Блум выдвинули тезис об этнической составляющей зарождающегося американского национализма. Согласно их исследованиям, на момент зарождения нового государства 60 % жителей колоний были англичане, 80 % – британцы, 98 % – протестанты⁸⁷⁸. В этой ситуации

⁸⁷⁴Merritt R. L. The Emergence of American Nationalism: A Quantitative Approach // *American Quarterly*, 1965, №17, P. 319-335

⁸⁷⁵Pearson E. H. *Remaking Custom: Law and Identity in the early American Republic*. Charlottesville, London: University of Virginia Press, 2011. P. 11

⁸⁷⁶Lieberman D. *The Province of Legislation Determined: Legal Theory in Eighteenth Century Britain*. Cambridge: University Press, 1989. P. 88

⁸⁷⁷Pearson. *Remaking Custom...* P. 13-14

⁸⁷⁸Kaufmann E. *Ethnic or Civic Nation?: Theorizing the American Case* // *Canadian Review of Studies in Nationalism* № 27, 2000. P. 133-154

либеральная политика была риторическим способом обособления новой нации. Для определения такой общности, в которой сплелись протестантская религия, либеральная политика, общее право и расизм, Э. Блум использовал термин «белая республика»⁸⁷⁹.

Тем не менее, Э. Кауфманн признавал двойственность (*double-consciousness*) самосознания новой республики, которое колебалось в поле напряжения между двумя полюсами — правовым и этническим самоопределением⁸⁸⁰. Сходную идею высказывал и Роджер Смит, который определял периоды смещения самосознания в правовую сторону с реформами (Революция, Реконструкция Юга и период движения за гражданские права в 1960-х), а в сторону этничности с откатами (эпоха Эндрю Джексона в 1830-х, «Позолоченный век» 1880-90-х и период доминирования «морального большинства при Рональде Рейгане»⁸⁸¹).

Таким образом, стартовой точкой развития американской идентичности и коллективной памяти становился сложный комплекс маркеров и ценностей, включавших, в том числе этнические и расовые маркеры, либеральную политику, протестантскую конфессиональную принадлежность и общее право, к которым добавлялось государственное устройство, построенное на основе системы сдержек и противовесов, а также сложной — и постоянно усложнявшейся — системы компромиссов. Именно общее право с его историчностью и «темпоральностью вне памяти» становилось основой коллективной исторической правовой памяти и правовой идентичности в новой стране.

Впрочем, эта же система содержала в себе весьма серьезные точки напряженности. Прежде всего, это вопрос о рабовладении и вопрос, о приоритете в защите прав граждан, а также в вопросах гражданской идентичности. Последнее неизбежно вело к проблематике идентичности и общего права — является ли оно общим правом США или общим правом каждого конкретного штата⁸⁸².

Традиционно гарантами прав граждан выступали штаты⁸⁸³, которые защищали жизнь, свободу и собственность через свои институты, статуты и решения судов, наказывая преступления и решая гражданские споры. Хотя штаты и были гарантами прав, какая-либо ясная теория гражданства отсутствовала. Главный атторней в аппарате президента Линкольна признавал в 1862 году, что не нашел удовлетворительного определения термина «гражданин Соединенных Штатов» и «на

⁸⁷⁹Blum E. *Reforging the White Republic: Race, Religion and American Nationalism*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2005

⁸⁸⁰Kaufmann E. *Nativist Cosmopolitans: Institutional Reflexivity and the Decline of Double-Consciousness' in American Nationalist Thought* // *Journal of Historical Sociology* № 14, 2001. P.47-78

⁸⁸¹Smith R. *Civic Ideals: Conflicting Visions of American Citizenship in U.S. History*. New Haven: Yale University Press, 1997. P. 203, 347

⁸⁸²Подробнее вопрос проблематики конституционализма в предвоенных США авторы статьи рассматривали в Каландаришвили З.Н. Ковалев В.А. Экономические, политические и правовые факторы конституционного кризиса в США в середине XIX века // *Ежегодник конституционной экономики*. М.: ЛУМ, 2019. С. 208-225

⁸⁸³Kettner J. *The Development of American Citizenship, 1608-1870*. Williamsburg: University of North Carolina Press, 1978

данный момент вопрос столь же неясен, как он был во время основания этого Правительства»⁸⁸⁴.

Существовавшие до Гражданской войны правовые теории обычно в компромиссном духе признавали наличие двух типов прав: основные неотчуждаемые права, гарантированные федеральным правительством и защищаемые федеральными судами, которые не могут отрицаться штатами, и права, которые не нуждаются в общенациональной гарантии⁸⁸⁵.

Сецессионистский кризис, нараставший с конца 1840-х годов и выплеснувшийся в трагедию Гражданской войны, безусловно, был также и кризисом идентичности, в том числе и правовой, и требовал рефлексии по поводу роли общего права в жизни страны.

Изменения, затронувшие все сферы жизни, воспринимались современниками как болезненный исторический разрыв, хотя северные авторы и наделяли его перспективой развития. Орестес Браунсон, автор юридических трактатов конца XIX века, писал, что «Гражданская война заставила страну осознать себя и перейти от бездумной, беззаботной, не знающей ограничений юности к солидной и осмысленной взрослости»⁸⁸⁶. Безусловно, под «осмысленной взрослостью» (*reflecting manhood*) Браунсон понимал рефлексии по поводу прошлого, в том числе и по поводу сложившейся правовой системы. Разрушение системы компромиссов — северные юристы даже интерпретировали Конституцию не столько как незыблемую основу государства, сколько как «пакт с рабовладельцами»⁸⁸⁷ — вело к переосмыслению роли общего права как коллективной исторической правовой памяти, конструирующей единую нацию. Для южных юристов проблема стояла еще острее, поскольку вставал вопрос о формировании особой южной идентичности, отличающейся от северной — в том числе и о ее правовой основе⁸⁸⁸.

Неполнота южного национализма, равно как и неспособность найти маркеры и ценности, позволявшие четко отделить южан как нацию от северян, привели к тому, что в исторических учебниках, спешно подготовленных накануне и во время сецессии, говорилось скорее о том, что целью сецессии является обращение к подлинной американской истории и подлинным американским ценностям, искаженным северянами⁸⁸⁹. Одной из составляющих такого обращения к сконструированному прошлому станет, как будет показано

⁸⁸⁴ Kaczorowski R. J. Revolutionary Constitutionalism in the Era of the Civil War and Reconstruction // New York University Law Review. № 61 (863), 1986. P. 863-940, P. 872

⁸⁸⁵ Wiecek W. The Sources of Antislavery Constitutionalism in America 1760-1848. Cornell: Cornell University Press, 1977

⁸⁸⁶ Brownson O.A. The American Republic: Its Constitution, Tendencies and Destiny. Wilmington: ISI Books, 2003 P. 4

⁸⁸⁷ Parker K. M. Common Law, History, and Democracy in America, 1790-1900: Legal Thought before Modernism. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 182

⁸⁸⁸ О дискуссии вокруг южного национализма см., например, Bonikowsky B. American Nationalism. Literature Review. Princeton: University Press, 2008

⁸⁸⁹ Pulito B. A Hollow Argument Southern Nationalism, Myth or Reality // Shotgun's Home of the Civil War [электронный ресурс] // URL: https://civilwarhome.com/southernnationalism.html#N_26_ (дата последнего обращения 09.05.2020)

ниже, стало обращение к английскому общему праву в его изначальном состоянии — до тех изменений, которые были внесены принятием Конституции, кодификационной активностью Конгресса и прочими «нововведениями». В целом, можно сказать, что подобная конструкция повторяет идеологию «англосаксонизма», сложившуюся в эпоху Джефферсона, согласно которой именно американцы являются законными наследниками лучших достижений англосаксонской цивилизации — общего права, англиканской веры, английского языка, народного представительства, не искаженных статутным правом, римско-католическим влиянием, французскими нововведениями, тюдоровским и стюартовским деспотизмом.

Другие авторы, стараясь творчески преобразовать эту идеологию, выдвинули идею «норманизма», согласно которой южане имеют отличное от северян этническое происхождение, восходя к норманским завоевателям XI века⁸⁹⁰. Таким образом, отсылка к древним историческим событиям позволяла сторонникам этой идеи не только обособиться от Севера, но и прокатать историческое превосходство (южане потомки завоевателей, северяне — покоренного народа).

В юридической мысли политический и национальный кризис наложились на смену научной парадигмы. Влияние позитивистской философии Конта с ее стремлением выявить лежащие в основании любых процессов фундаментальных законов природы и характерный для нее редукционизм оказали влияние на американскую юридическую мысль и привели к смене вокабулярия и риторических стратегий⁸⁹¹.

Ярким примером нового понимания права становятся работы известного американского правоведа Генри Кэри. Человеческие законы он определял как «изобретения» (*inventions*) — некие исключения из фундаментальных природных законов, порожденные целенаправленной человеческой деятельностью. При этом, согласно Кэри, исторический процесс описывался как последовательная реализация фундаментальных законов и устранение «изобретений»⁸⁹². При этом он подчеркивал, что географическое положение Англии привело к тому, что в ней фундаментальные законы реже искажались «изобретениями», чем во Франции, поскольку островное положение гарантировало мир⁸⁹³. Таким образом, согласно Кэри, причиной искажений были кризисы, прежде всего — войны. В дальнейшем он рассматривал предвоенную правовую историю США как рост количества «изобретений» в процессе нарастания кризиса (Акт о беглых рабах, конституционный конфликт в Канзасе и Небраске, решение по делу Дреда Скотта). Показательно, что Кэри рассматривал рабство как изобретение, искажающее фундаментальные законы, и, таким образом, видел целью послевоенного

⁸⁹⁰ Faust D. G. The Creation of Confederate Nationalism: Ideology and Identity in the Civil War South. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2001. P. 43

⁸⁹¹ Parker K. M. Common Law... P. 171

⁸⁹² Green A.W. Henry Charles Carey, Nineteenth Century Sociologist. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1951. P. 27-32

⁸⁹³ Cary H. The Past, the Present and the Future. Philadelphia: Carey & Hart, 1848. P. 423

устройства США в рациональном и научном духе, среди прочего, отмену рабства.

В качестве идеала государственного устройства Кэри рассматривал децентрализацию, обвиняя именно Юг в том, что через ряд законодательных актов (прежде всего — Акт о беглых рабах 1850 года) и судебных прецедентов, созданных Верховным судом, нарушают права штатов, которые основаны на фундаментальных законах. Прежде всего, имелись в виду решение по делу Эйблмен против Бута, в котором Верховный суд США в лице судьи Роджера Тэйни постановил, что, если суды штатов смогут аннулировать приговоры федеральных судов по поводу применения федеральных законов, то правительство утратит возможность придавать федеральным законам принудительную силу. Неизбежно возникнет различное толкование Конституции в разных штатах, и уже не будет единого правительства, установленного Конституцией. Власть судов штата Висконсин ограничена Конституцией США, и они не могут признавать неконституционными федеральные акты или нуллифицировать решения федеральных судов⁸⁹⁴.

Показательно, что в конце войны и в период Реконструкции Юга к децентрализации как к проявлению фундаментального закона апеллировали уже представители южной политико-правовой мысли. Ярким выразителем идеалов децентрализации как фундаментального закона становится правовед и верховный судья штата Мичиган Томас Кули. Весьма важно, что с его точки зрения инструментом, который позволяет выявить фундаментальные законы природы, формирующие право, становится общее право и суды общего права. Именно судья в суде общего права ближе всех, согласно Т. Кули, подходит к пониманию тех человеческих связей и отношений, которые и являются непосредственным воплощением законов природы в юриспруденции⁸⁹⁵.

Местное самоуправление, согласно Кули, обладает «темпоральностью вне памяти», характерной для обычного права, таким образом, оно не дано какой-то властью и не установлено каким-либо статутом или иным документом. Таким образом, оно является наилучшим воплощением объективного исторического развития без каких-либо внешних искажений. В отношении общего права Кули использует термин «народное законодательство» (*popular legislation*), особо подчеркивая, что итоги войны создают беспрецедентные возможности для его реализации⁸⁹⁶. Таким образом, общее право, наилучшим образом воплощавшее фундаментальные законы природы, реализованные через историю развития общества, становилось эффективным ограничителем политической деятельности правительства.

Такая точка зрения находила свое воплощение и в юридической практике. Решение Верховного суда по Делу о бойнях привело к смещению акцента в

гарантии прав граждан от федерального правительства к штатам и, по сути, свело весь эффект Четырнадцатой поправки к возможности реализовывать на федеральном уровне второстепенные права, такие как право выдвигать кандидатуру на федеральную должность⁸⁹⁷. Постановление Верховного Суда по Делам о гражданских правах (группе из пяти дел, оспаривавших право штатов, местных властей и отдельных граждан вводить дискриминационные ограничения) установило, что Четырнадцатая поправка ограничивает дискриминационную деятельность только федерального правительства, но не штатов и частных лиц⁸⁹⁸. Решение по делу Брэдуэлл против штата Иллинойс оставило в ведении штатов вопросы ограничения допуска к профессиям на основании гендерной принадлежности⁸⁹⁹. Показательно, что во всех постановлениях настойчиво повторялась мысль о том, что общее право наиболее соответствует фундаментальным законам природы именно в силу своей историчности и оно является основой децентрализации управления.

Идеи о существовании фундаментальных природных законов, лежащих в основе права и общем праве как наилучшем их выразителе в силу его историчности активно использовали конфликтующие стороны и по другому ключевому вопросу противостояния Севера и Юга — проблеме рабства.

Радикальный противник рабовладения Лизандр Спунер исходил из того, что рабство есть преходящее (*temporary*) явление, противостоящее фундаментальным вневременным законам. Хотя с позиций Спунера преходящим может быть любое правовое установление — акт, статут, прецедент или обычай, но именно последний скорее воплощает фундаментальные законы⁹⁰⁰. По мнению Спунера (впрочем, ни на чем не основанному, кроме его убежденности) от 75% до 90% решений судов общего права соответствуют фундаментальным законам. Поскольку человек в своей повседневной практике познает фундаментальные законы, то именно суды общего права выявляют их через принятие решений. Обращаясь к прошлому и к современным практикам, они становятся выразителем исторического процесса воплощения базовых законов в человеческом праве⁹⁰¹.

В юридической практике основанием таких взглядов становилось решение, принятое еще до создания США. В деле *Соммерсет vs Стюарта* от 1772 года⁹⁰², Лорд Главный судья Уильям Мюррей, первый граф Мансфилд постановил, что рабство

⁸⁹⁴Ableman v. Booth, 62 U.S. (21 How.) 506 (1859) // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep062/usrep062506/usrep062506.pdf> (дата обращения 08.05.2020)

⁸⁹⁵Parker K. M. Common Law... P. 202

⁸⁹⁶Cooley T.M. Labor and Capital Before the Law // North American Review, № 139 (1884) P. 503–516

⁸⁹⁷Slaughter-House Cases, 83 U.S. (16 Wall.) 36 (1873) // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep083/usrep083036/usrep083036.pdf> (дата обращения 09.05.2020)

⁸⁹⁸Civil Rights Cases, 109 U.S. 3 (1883) // // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep109/usrep109003/usrep109003.pdf> (дата обращения 09.05.2020)

⁸⁹⁹Bradwell v. State of Illinois, 83 U.S. (16 Wall.) 130 (1873) // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep083/usrep083130/usrep083130.pdf> (дата обращения 09.05.2020)

⁹⁰⁰Perry L. Radical Abolitionism: Anarchy and the Government of God in Antislavery Thought. Knoxville: University of Tennessee Press, 1995. P. 204

⁹⁰¹Perry L. Radical Abolitionism... P. 208

⁹⁰²Nadelhaft J. The Somerset Case and Slavery: Myth, Reality, and Repercussions // Journal of Negro History, Vol. 51, No. 3 (July 1966), P. 193–208

не является институтом общего права и может быть установлено только позитивным законом. Тем не менее, он сделал важную оговорку, которая в дальнейшем была использована сторонниками рабства, указав, что, хотя рабство установлено позитивным законом, но так давно, что «обстоятельства, причины и время его принятия стерлись из памяти»⁹⁰³.

Это позволило оппонентам Спунера, например Джорджу Соьеру утверждать, что рабство является воплощением фундаментального закона неравенства. Аргументируя свою точку зрения с позиций расизма, он также подчеркивал, что рабство известно с незапамятных времен и история свидетельствует, что рабство и рабовладение происходят из обычая и обыкновения, утвержденного мудростью веков⁹⁰⁴. Исходя из этого, он утверждал, что как раз отказ от рабства является искажением фундаментальных законов. Те страны, где этого института нет или он отменен, нарушают эти законы и со временем они или установят институт рабства, или эти страны исчезнут.

Подобная точка зрения нашла воплощение и в юридической практике. В английской практике им стало решение по Делу рабыни Грэйс (рабыни, которая жила в Англии и считалась свободной на основании прецедента, созданного лордом Мансфилдом, свобода, которой была оспорена в суде после ее возвращения на Антигуа). Судья Суда Адмиралтейства Уильям Скотт, первый барон Стоуэлл постановил, что «рабство представляет собой древний обычай, который воспринимается как справедливое основание всех законов»⁹⁰⁵. В США в деле Миллер против МакКверри судья Джон МакЛин подчеркнул, что именно долговременность, выходящая за пределы человеческой памяти, придает обычаю силу закона, вследствие чего он становится воплощением нормы человеческих отношений⁹⁰⁶.

Можно увидеть, как в условиях комплексного кризиса американской идентичности, сложившегося в середине XIX века, общее право начинает играть все большую роль в юридическом сознании. Воспринимаясь как воплощение фундаментальных законов природы, выраженных через историю нации и вместилище ее исторической памяти, общее право становится важнейшим аргументом в диспуте между сторонами конфликта.

Показательно, что некоторые авторы призывали вернуться к традиции общего права, сложившейся до 1787 года, как к наилучшему основанию для

⁹⁰³Wiecek W.M. The Sources of Antislavery Constitutionalism in America, 1760–1848. Ithaca: Cornell University Press, 1977 P. 32.

⁹⁰⁴Sawyer, G.S. Southern Institutes: or, An Inquiry Into the Origin and Early Prevalence of Slavery and the Slave-Trade: With An Analysis of the Laws, History and Government of the Institution in the Principal Nations, Ancient and Modern, from the Earliest Ages Down to the Present Time. With Notes and Comments in Defence of Southern Institutions. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1858. P. 13.

⁹⁰⁵Cotter W. R. The Somerset Case and the Abolition of Slavery in England // History Vol. 79, No. 255 (February 1994), P. 31-56

⁹⁰⁶Miller v. McQuerry, 17 F. Cas. 335, 336–337 (1853) // LawResource [электронный ресурс] // URL: <https://law.resource.org/pub/us/case/reporter/F.Cas/0017.f.cas/0017.f.cas.0335.pdf> (дата обращения 09.05.2020)

единства, ограничению политической деятельности правительства и национальному юридическому опыту⁹⁰⁷.

Общее право — юридически выраженная историческая память народа и, одновременно, воплощение фундаментальных законов природы — становилось в условиях сецессии и войны источником надежды нации на единство и возвращению к нормальному процессу ограничения политической процедуры и регулированию общественных отношений в новом Союзе.

§ 14. Трудовой подвиг: отголоски прошлого в правовой практике современности

Великая Отечественная война – трагическая страница в истории нашей страны, она унесла миллионы людей – тех, кто сражался в боях и ценой своей жизни приближал Победу. Армию необходимо было снабжать техникой, боеприпасами, продовольствием. Потому однозначно можно сказать, что Великая Победа была достигнута также ценой великого самопожертвования как воинов на полях сражений, так и трудящихся, которые работали в шахтах, пахали мерзлую землю в борьбе за урожай, стояли за станками, шили военное обмундирование, дежурили в госпиталях. Их труд позволил в короткие сроки восстановить боеспособность страны после катастрофы 1941 года, когда были потеряны сотни тысяч единиц военной техники, тысячи складов с боеприпасами и другие стратегические объекты. Предприятиям тыла приходилось функционировать порой круглосуточно. Сложность при организации выпуска военной продукции добавлял тот факт, что практически все дееспособные мужчины были отправлены на фронт, поэтому их место приходилось занимать женщинам, а зачастую и детям.

1. Трудовое законодательство периода Великой Отечественной войны.

Рассмотрим основные правовые нормы, действовавшие в период военного времени, регулирующие трудовые отношения.

1. Основным документом на момент начала войны в сфере труда был Кодекс Законов о Труде. Согласно положениям ст. 135 постановления ВЦИК от 09.11.1922 года «О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР изд. 1922 года» запрещался прием на работу лиц моложе 16 лет. В примечании к статье указано, что в исключительных случаях инспекторам труда предоставляется право давать разрешение при приеме на работу малолетних, не моложе 14 лет⁹⁰⁸.

2. 22 июня 1941 года вышел Указ «О военном положении», по которому вводилась трудовая повинность. На территориях, переведенных на военное положение,

⁹⁰⁷Parker K. M. Common Law... P. 194

⁹⁰⁸Постановление ВЦИК от 09.11.1922 "О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР изд. 1922 г." (вместе с "Кодексом Законов о Труде РСФСР"). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901857831>

властям предоставлялось право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружения средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями⁹⁰⁹.

3. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26.6.1941 г. администрация предприятий имела право с разрешения СНК СССР ежедневно увеличивать сверхурочные работы от одного до трех часов; лица, не достигшие 16 лет, могли быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более 2-х часов в день. Указом отменялись очередные и дополнительные трудовые отпуска⁹¹⁰.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» от 26.12.1941 г. постановлял, что все рабочие и служащие предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность, считаются на период войны мобилизованными и закрепляются для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работают на момент принятия Указа. Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности рассматривался как дезертирство и карался тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет⁹¹¹.

5. В апреле 1942 было введено Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП (б) от года № 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей», которое:

1) разрешало привлекать в порядке мобилизации на работу в колхозы, совхозы и МТС: трудоспособное население городов и сельских местностей, не работающее на предприятиях промышленности и транспорта; часть служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений; учащихся 6 – 10 классов неполных средних и средних сельских и городских школ, студентов техникумов и вузов, за исключением студентов выпускного курса вузов;

⁹⁰⁹ Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 (с изм. от 07.07.1943) «О военном положении». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=12281567306834702161451267&cacheid=924B C30A12C0139BB063AAF1937C5A1E&mode=splus&base=ESU&n=9366&rnd=36DAF9F2B848B71D972FD91A14039550#1nelj1upy67>

⁹¹⁰ Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17105#06487973638369807>

⁹¹¹ Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1941 (с изм. от 08.09.1943) «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=148439697508446894414547161&cacheid=171A43E89EF7FB3769E994E2B6AEBBCB&mode=splus&base=ESU&n=3990&rnd=C278A53FAD630FBDBC587CAE9D863303#j8f2v5giz1>

2) устанавливало, что мобилизации на сельскохозяйственные работы из числа трудоспособного населения и служащих подлежат лица мужского пола в возрасте от 14 до 55 лет и лица женского пола от 14 до 50 лет⁹¹².

6. В августе 1942 г. вышло Постановление СНК СССР от 10.08.1942 № 1353 (с изм. от 07.07.1943) «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время», согласно которому к трудовой повинности в военное время привлекались мужчины и женщины в возрасте от 16 лет⁹¹³.

Анализ этого далеко неполного списка документов, регулирующих трудовые отношения, свидетельствует о сложностях трудовой деятельности в военный период. В рамках данного исследования важно подчеркнуть, что к труду привлекались:

- несовершеннолетние лица в возрасте 16-18 лет, трудившиеся на заводах, фабриках, в колхозах, медицинских и образовательных учреждениях;
- несовершеннолетние лица в возрасте 14-16 лет, которым во время работы в колхозах учитывались трудовые дни, и проводилась оплата их труда;
- дети в возрасте 12-14 лет, работавшие в колхозах и совхозах.

2. Награды и социальное обеспечение тружеников войны

Многие люди, не участвовавшие непосредственно в боевых действиях и не служившие в Красной Армии, участвовали, тем не менее, в обороне своих родных городов от немецко-фашистских захватчиков. Они строили фортификационные сооружения различной сложности, тушили пожары, возникавшие после авиационных налетов, участвовали в мероприятиях по противовоздушной обороне, ухаживали за больными и ранеными, снабжали население промышленными и сельскохозяйственными продуктами и т.п. Причем многое из перечисленного создавалось порой ценой жизни. После Великой Отечественной войны многие фронтовики были награждены орденами и медалями. Трудовые подвиги населения также необходимо было оценить по достоинству. За доблестный труд граждане награждались следующими знаками отличия, которые в дальнейшем стали доказательством при подтверждении статуса ветерана войны и права получения льгот:

1. Медалью «За трудовую доблесть» награждались рабочие, колхозники, служащие, инженерно-технические и хозяйственные работники, работники транспорта, строительства, торговых и кооперативных организаций, культурных и научных учреждений, которые в своей самоотверженной трудовой деятельности являлись передовиками в социалистическом строительстве, показывали образцы стахановского использования техники и добивались высоких показателей производительности труда, способствовали развитию науки, техники и культуры. В 1938 г. правительством молодого Советского государства впервые была учреждена медаль

⁹¹² Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.04.1942 N 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4708#09414272271372879>

⁹¹³ Постановление СНК СССР от 10.08.1942 N 1353 (с изм. от 07.07.1943) «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26508#09669362558481421>

за заслуги перед отечеством за добросовестную и плодотворную трудовую деятельность. Во времена Великой Отечественной войны и после победы большое количество тружеников получили этот знак отличия. Главным критерием для вручения такого почетного знака являлся личный вклад работника, его участие в общественных трудовых мероприятиях, его понимание востребованности и необходимости выполнения своих профессиональных обязанностей⁹¹⁴.

2. Медаль «За трудовое отличие» – также учреждена еще до войны. Этой медалью награждались рабочие, колхозники, служащие, инженерно-технические и хозяйственные работники, работники транспорта, строительства, торговых и кооперативных организаций, культурных и научных учреждений за выдающуюся ударную работу, высокие производственные показатели и заслуги в развитии науки, техники и культуры⁹¹⁵.

3. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» – награда, которая отмечала тех, кто непосредственно не участвовал в военных действиях, но своим добросовестным ударным трудом способствовал скорейшему достижению победы, и выдавалась она в течение короткого послевоенного периода. Знак отличия предназначался следующим категориям граждан⁹¹⁶:

- рабочим и служащим промышленности;
- сотрудникам советских органов и коопераций;
- колхозникам, при условии, перевыполнения минимума трудодней без нарушения дисциплины;
- работникам научной сферы, чьи достижения и открытия способствовали победе над фашизмом;
- сотрудникам профсоюзных и общественных организаций, которые кооперировали граждан;
- работникам искусства, которые поднимали дух населения;
- лицам, участвовавшим в укреплении тыла и работавшим в строительстве.

4. В декабре 1942 года Президиум Верховного Совета СССР принял решение о награждении участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и «За оборону Сталинграда». Названными медалями награждались как военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота, войск НКВД, так и лица из числа гражданского населения, принимавшие участие в боевых действиях по защите города, и содействовавшие обороне самоотверженным трудом на своих предприятиях, в учреждениях, участвовавшие в строительстве оборонительных сооружений, в деятельности ПВО, в охране коммунального хозяйства, в борьбе с

⁹¹⁴ Указ Президиума ВС СССР от 27 декабря 1938 г. «Об учреждении медали «За трудовую доблесть» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/70822592/>

⁹¹⁵ Указ Президиума ВС СССР от 27.12.1938 об учреждении медали «За трудовое отличие». – URL: <https://base.garant.ru/70822592/>

⁹¹⁶ Положение о порядке вручения медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (утв. Президиумом ВС СССР 21.08.1945). – URL: <http://lgoty-vsem.ru/lgoty/medal-zadoblestnyj-trud-v-vov.html>

пожарами после налётов вражеской авиации, в организации и обслуживании транспорта, связи, в организации общественного питания и снабжения, культурно-бытового обслуживания населения, в уходе за больными и ранеными, в организации ухода за детьми и проведении других мероприятий, сопутствующих обороне города⁹¹⁷.

Так, награждение медалью «За оборону Ленинграда» началось сразу после ее учреждения, 3 июня 1943 года, на торжественном собрании в Смольном. До 1945 года этот знак вручили примерно 600 000 блокадникам. Всего же «За оборону Ленинграда» награжден 1 470 000 человек. Среди них 15 тысяч детей и подростков блокадного Ленинграда⁹¹⁸.

5. Позднее были учреждены медали «За оборону Москвы» (май 1944 г.), «За оборону Кавказа» (май 1944 г.), «За оборону Советского Заполярья» (декабрь 1944 г.), «За оборону Киева» (июнь 1961 г.), которыми также помимо военнослужащих, награждались и лица из числа гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне⁹¹⁹.

6. Гораздо позже, в 1989 г., появился новый знак отличия, отмечавший героизм и стойкость гражданского населения, в том числе его трудовой подвиг – это знак «Жителю блокадного Ленинграда». Он вручался проживавшим тем, кто проживал в осажденном городе не менее 4-х месяцев (с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года): детям до семи лет, школьникам, учащимся школ ФЗО, ремесленных училищ и техникумов, студентам и другим гражданам, не награжденным медалью «За оборону Ленинграда»⁹²⁰.

7. Кроме того, имели место региональные награды, например, юбилейный, в честь 55-летия Великой Победы, нагрудный знак Губернатора Саратовской области «Труженику тыла 1941-1945» положенный гражданам, проживавшим на территории Саратовской области как знак поощрения тружеников тыла, проявившим мужество и героизм в период Великой Отечественной войны⁹²¹.

⁹¹⁷ Указ Президиума ВС СССР от 22 декабря 1942 г. «Об учреждении медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и «За оборону Сталинграда» и о награждении этими медалями участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/70308590/>

⁹¹⁸ Куртов А. Особая награда. Медаль «За оборону Ленинграда» получили миллион бойцов / А. Куртов // Еженедельник «Аргументы и Факты» № 34. Аргументы и факты – Петербург 21/08/2019. – URL: https://spb.aif.ru/pobeda/pobeda_history/osobaya_nagrada_medal_z_a_oboronu_leningrada_polu-chil_million_boycov

⁹¹⁹ Указ Президиума ВС СССР от 5 декабря 1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Советского Заполярья» и о награждении этой медалью участников обороны Советского Заполярья». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=168#04682026054435964>

⁹²⁰ Решение Исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов от 23 января 1989 г. N 5 «Об учреждении знака «Жителю блокадного Ленинграда». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=SPB&n=10802&req=doc#038930543081632696>

⁹²¹ Постановление Губернатора Саратовской области от 2 февраля 2000 г. № 44 «О юбилейном нагрудном знаке Губернатора Саратовской области «Труженику тыла 1941-1945» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://ivo.garant.ru>

Медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» были учреждены еще до Великой Отечественной войны. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» труженикам, награжденным этими медалями, давалось право на получение выплат в размере 10 и 5 рублей соответственно. Это право получили также те, кто был награжден указанными медалями в период 1941-1945 гг., то есть люди, чей труд способствовал приближению Победы. Кроме того, им полагался ряд льгот: право бесплатного проезда в трамвае во всех городах СССР и скидки по квартплате. По остальным рассмотренным медалям, отмечавшим трудовые заслуги во время Великой Отечественной войны, выплаты не производились. Однако и эти преференции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» с 1 января 1948 г. были отменены⁹²².

В послевоенное время шло становление советской системы социального обеспечения. В 1956 г. вышел Закон «О государственных пенсиях». Гражданам назначалась пенсия по старости, по инвалидности, при этом в отдельную категорию были выделены военнослужащие. Однако военные трудовые заслуги никак не учитывались: таким гражданам пенсия начислялась на общих основаниях⁹²³.

В советский период социальная поддержка инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны выражалась в льготном медицинском обслуживании, в улучшении жилищных условий, в праве приобретения автотранспорта, во введении гибких условий труда и т.д.⁹²⁴.

В постсоветские годы социальная поддержка ветеранов войны не имела приоритетного значения. Внимание к проблемам ветеранов вновь стали уделять, начиная с середины 90-х годов. Был принят ряд актов, направленных на улучшение социального положения ветеранов. Предполагалось, что различные меры помощи будут оказываться в одинаковом объеме на территории всех стран-участниц СНГ, подписавших соглашения. К таким мерам, например, относятся: соглашение «О взаимном признании льгот и гарантий для участников и инвалидов Великой Отечественной войны, участников боевых действий на территории других государств, семей погибших военнослужащих» (от 15 апреля 1994 г.), соглашение «Об установлении для участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла военных лет и вдов погибших воинов дополнительных льгот и материальной помощи в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (от 9 декабря 1994 г.)⁹²⁵.

⁹²² Указ Президиума ВС СССР от 10 сентября 1947 года «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР». – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70808372/paragraph/1:0>

⁹²³ Закон СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях». – URL: <http://ivo.garant.ru>

⁹²⁴ СудебныеРешения.рф – специализированный информационный ресурс для публикации информации о рассматриваемых судами общей юрисдикции делах и вынесенных ими решениях. – URL: <http://судебныерешения.рф/>

⁹²⁵ Соглашение о взаимном признании льгот и гарантий для участников и инвалидов Великой Отечественной войны, участников боевых действий на территории других государств, семей погибших

Действовавшие на тот момент нормативно-правовые документы, в которых предусматривалась социальная поддержка и социальная защита ветеранов, были систематизированы Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах». Закон декларирует основные права и гарантии ветеранов при осуществлении социальной помощи, не раскрывая подробно механизм обеспечения. Реализация закрепленных прав осуществляется на основании большого массива нормативных актов, принятых во исполнение положений закона. Настоящий Федеральный закон определяет круг лиц, на которых распространяется его действие и выделяет несколько категорий ветеранов, имеющих право на социальную поддержку в РФ. Данный правовой акт дал возможность рассматриваемой группе граждан присвоить за самоотверженный труд во время войны статус ветеранов Великой Отечественной войны наравне с ее участниками. Так, согласно закону (ст. 2, п. 1 пп. 2, 3, 4) статус ветерана – могут получить:

- «лица, работавшие на объектах противовоздушной обороны, местной противовоздушной обороны, на строительстве оборонительных сооружений, военно-морских баз, аэродромов и других военных объектов в пределах тыловых границ действовавших фронтов, операционных зон действовавших флотов, на прифронтовых участках железных и автомобильных дорог; члены экипажей судов транспортного флота, интернированные в начале Великой Отечественной войны в портах других государств;

- лица, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда»;
- лица, награжденные медалью «За оборону Ленинграда»;
- лица, проработавшие в тылу в период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года не менее шести месяцев, исключая период работы на временно оккупированных территориях СССР; лица, награжденные орденами или медалями СССР за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны»⁹²⁶.

3. Современная практика социального обеспечения

Современная практика социального обеспечения регулируется ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» и зависит от категории, к которой относится ветеран. Рассмотрим основные меры социальной поддержки для категорий лиц, обозначенных выше, которые связаны или могут быть связаны с трудовой деятельностью во время Великой Отечественной войны:

1) Лицам, работавшим на объектах противовоздушной обороны, местной противовоздушной обороны и других, стратегически важных объектах положены следующие меры социальной поддержки:

- льготы по пенсионному обеспечению в соответствии с законодательством;
- предоставление жилья (указанным лицам, признанных инвалидами, в случае выселения из занимаемых ими служебных жилых помещений);

военнослужащих (Москва, 15 апреля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/1118856/>

⁹²⁶ Федеральный закон от 12 января 1995 г. N 5-ФЗ «О ветеранах». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/

- медицинская помощь в государственных и муниципальных лечебных учреждениях, а также ряд других льгот в указанной сфере (например, бесплатное протезирование, обеспечение путевками на санаторно-курортное лечение при наличии медицинских показаний по месту работы и др.);

- **социальная помощь (преимущество при приеме в организации социального обслуживания и др.);**

- иные льготы и меры поддержки (например, первоочередное право на приобретение садовых земельных участков или огородных земельных участков; преимущество при установке стационарного телефона и т. д.)⁹²⁷.

2) Лицам, награжденным знаком «Жителю блокадного Ленинграда», полагаются:

- льготы по пенсионному обеспечению в соответствии с законодательством;

- предоставление жилья нуждающимся в улучшении жилищных условий независимо от дохода;

- медицинская помощь в государственных и муниципальных лечебных учреждениях, а также ряд других льгот в указанной сфере, например, бесплатное протезирование, обеспечение, при наличии медицинских показаний, санаторно-курортного лечения на первоочередной основе и др.;

- **социальная помощь (обслуживание на дому);**

- иные льготы и меры поддержки (например, установка стационарного телефона без очереди; преимущество при пользовании услугами связи, транспорта, культурных, спортивных, оздоровительных, торговых учреждений и т. д.)⁹²⁸.

3) лица, награжденные медалью «За оборону Ленинграда», приравниваются к участникам Великой Отечественной войны и относятся к федеральным льготникам с предоставлением соответствующих мер социальной поддержки, предусмотренных Федеральным законом «О ветеранах».

4) к сожалению, в отличие от рассмотренных категорий ветеранов, которым положены перечисленные льготы и привилегии, гражданам за трудовые подвиги в тылу, в тот же период, меры поддержки предусматриваются только на региональном уровне. Определяются они законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и обеспечиваются из местного бюджета⁹²⁹.

Размер социального пакета, входящие в него привилегии и уровень выплат устанавливаются местными властями. Так, наряду с выплатами могут применяться различные меры социальной поддержки:

⁹²⁷ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. N 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации». – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/12125128/paragraph/76144:16>

⁹²⁸ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. N 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации». – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/12125128/paragraph/76144:16>

⁹²⁹ Федеральный закон от 12 января 1995 г. N 5-ФЗ «О ветеранах». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/

- возмещение оплаты коммунально-бытовых услуг при этом размер компенсации определяется субъектом самостоятельно, а сумма компенсации возвращается органами соцзащиты;

- медицинское обслуживание (бесплатное лечение в санатории, возмещение стоимости лекарств, услуги по установке и ремонту зубных протезов, частичная оплата покупки протезно-ортопедических изделий и др.);

- компенсация проезда на транспорте;

- дополнительные виды помощи (получение места в организации социального обслуживания; членство в огородных и садоводческих кооперативах в преимущественном порядке; компенсация оплаты услуг местной телефонной связи, оплата ритуальных услуг и др.)⁹³⁰.

Отсутствие единой системы социальной поддержки для данной категории людей порождает определенные правовые коллизии.

4. Судебная практика в отношении тружеников войны

Автором было проведено исследование по анализу судебных дел, связанных с труженниками тыла. Для этого была проанализирована информация по делам, представленным на специализированном информационном ресурсе – СудебныеРешения.рф⁹³¹, на котором публикуется информация о рассмотренных судами общей юрисдикции делах и вынесенных по ним решениях. Был произведен запрос на поиск по ключевым словам «получение удостоверения «Ветеран Великой Отечественной войны – труженик тыла». Всего по запросу сайт выдал 436 дел, начиная с 2010 г. Из полученной выборки были отфильтрованы дела за последний год: период с 1.01.2019 по 22.03.2020; их осталось 32. В результате проведенного анализа и систематизации данной выборки мы получили следующие результаты.

1. Двенадцать (12) дел не относятся к рассматриваемой теме; в них есть упоминание ветерана Великой Отечественной войны – труженика тыла, но представленная в них проблема не относится к исследуемой теме.

2. Восемь (8) дел связаны с исками ветеранов Великой Отечественной войны – тружеников тыла (которые уже имеют такое удостоверение) к администрации о возложении обязанности предоставить благоустроенное жилое помещение как ветерану. В связи с тем, что согласно ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», меры социальной поддержки данной категории ветеранов определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, а в соответствующих субъектах такая мера социальной поддержки, как обеспечение лиц названной категории жилым помещением, не предусматривается – всем им отказано.

⁹³⁰ Какие льготы положены труженникам тыла в 2020 году // Льготы всем. – URL: <http://lgoty-vsem.ru/lgoty/lgoty-truzhenikam-tyla.html>

⁹³¹ Тимошенко В. Социальная поддержка ветеранов Великой Отечественной войны: 5 основных направлений / В. Тимошенко // Гарант. – URL: https://www.garant.ru/actual/70_lctie_pobedy/soc_obespechenie/

3. Двенадцать (12) дел связаны с установлением факта, имеющего юридическое значение, а именно факта работы в тылу в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 по 09 мая 1945 года с признанием истца ветераном войны (тружеником тыла) и обязательством выдачи удостоверения ветерана Великой Отечественной войны (труженика тыла). Из них соответственно:

1) шесть (6) исков удовлетворены. В этих делах истцы были либо совершеннолетние (на момент работы в период Великой Отечественной войны), либо достигли возраста 12 лет, и опираясь на свидетельские показания, доказали факт работы в тылу в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года. Следует отметить, однако, что решение одного из этих дел в дальнейшем, по апелляционной жалобе ответчика, было отменено и в признании за истцом права на присвоение статуса ветерана Великой Отечественной войны в связи с работой в тылу было отказано, то есть дело попало в следующий классификационный вид;

2) три (3) иска получили отказ в связи с тем, что истцам на рассматриваемый период не исполнилось 12 лет;

3) два (2) дела не подлежат рассмотрению по данным исковым заявлениям: одно передано в другой суд по подсудности; другое не подлежат рассмотрению в рамках административного судопроизводства РФ (было подано административное исковое заявление, а не гражданское);

4) одно (1) дело – иск к Департаменту труда и социальной защиты населения г. Севастополя о признании ветераном Великой Отечественной войны и выдаче истцу соответствующего удостоверения, в котором, указывается, что истец имеет удостоверение участника войны, выданное в 1996 г., – удовлетворено.

По результатам исследования можно обозначить основные проблемы, связанные с доказательством факта работы в тылу в период Великой Отечественной войны:

1. Сложность состоит в том, что претенденты на статус труженика тыла зачастую не могут предоставить документальные подтверждения своей работы в тылу по ряду следующих причин: неофициальное оформление на работу в тот период; потеря трудовой книжки; порча оригинала документа; непринятие мер к сохранению и восстановлению документации во времена СССР.

2. Чаще всего проблемы с доказательством прав возникают у людей, которые работали во время Великой Отечественной войны в несовершеннолетнем возрасте. Ни в одной из статей Закона «О ветеранах» нет указания на возраст тех, кто работал в годы войны, а это помимо взрослого трудоспособного населения могли быть:

- несовершеннолетние лица в возрасте 16-18 лет;
- несовершеннолетние лица в возрасте 14-16 лет;
- дети в возрасте 12-14 лет, работавшие в колхозах;
- дети до 12 лет.

При принятии решения суды опираются на следующие законодательные акты:

1. Федеральный закон «О ветеранах», согласно которому реализация мер социальной поддержки ветеранов осуществляется по предъявлении ими удостоверений единого образца, установленного для каждой категории ветеранов. Документом, подтверждающим статус ветерана Великой Отечественной войны и право на меры социальной поддержки, является удостоверение ветерана Великой Отечественной войны единого образца, выдаваемое лицам, указанным в статье 2 ФЗ «О ветеранах». Выдача удостоверений ветерана Великой Отечественной войны единого образца производится в добровольном заявительном порядке начиная с 2000 г. Удостоверения ветерана Великой Отечественной войны, выданные гражданам до вступления в силу постановления Правительства РФ № 1122 «Об удостоверениях ветерана Великой Отечественной войны», и удостоверения, образцы которых были утверждены до 1 января 1992 года, действительны для предоставления ветеранам мер социальной поддержки⁹³².

2. Постановление Минтруда РФ от 11 октября 2000 г. № 69 «Об утверждении Инструкции о порядке и условиях реализации прав и льгот ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, иных категорий граждан, установленных Федеральным законом «О ветеранах». В нем указывается, что если ранее удостоверение не выдавалось, то получателями такого удостоверения среди ветеранов, относящихся к гражданскому трудовому населению, которые приближали Победу своим самоотверженным трудом, могут быть лица, рассмотренные выше. Право получения удостоверения необходимо подтвердить, предъявив ряд документов, среди которых должны быть, в зависимости от соответствующей категории заявителя:

- «документы, подтверждающие факт работы в пределах тыловых границ действующих фронтов, операционных зон действующих флотов, на объектах противовоздушной обороны, местной противовоздушной обороны, на строительстве оборонительных сооружений, военно-морских баз, аэродромов и других военных объектов, и справки архивных учреждений о сроках нахождения соответствующего военного объекта, в пределах тыловых границ действующих фронтов, операционных зон действующих флотов, на прифронтовых участках железных и автомобильных дорог;

- удостоверение к знаку «Жителю блокадного Ленинграда»;
- удостоверение о награждении медалью «За оборону Ленинграда» или справки и другие документы архивных учреждений и организаций, подтверждающие факт награждения медалью «За оборону Ленинграда»;

- трудовые книжки, справки архивных учреждений и организаций, подтверждающих факт работы в тылу в период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года не менее 6 месяцев, исключая период работы на временно оккупированных территориях СССР, либо удостоверения о награждении орденами

⁹³² Постановление Правительства РФ от 05.10.1999 N 1122 (ред. от 12.07.2018) «Об удостоверениях ветерана Великой Отечественной войны». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24585/

или медалями СССР за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны»⁹³³.

Таким образом, наличие медалей, знаков отличия, рассмотренных выше, и различных архивных документов дает гражданам право на получение удостоверения и причитающихся привилегий и льгот. На сегодняшний день лица, награжденные медалями, в том числе медалью «За оборону Ленинграда», знаком «Жителю блокадного Ленинграда», а также лица, работавшие на различных инфраструктурных объектах, как правило, без проблем подтверждали это право. Потому среди ветеранов, относящихся к гражданскому населению, заслуживших такое право своим трудовым подвигом, наименее защищенной является третья категория – тыловики. Люди, которые трудились в военный период и могут быть отнесены к данной категории, не всегда могут доказать факт работы в тылу и получить полагающиеся им льготы.

3. При отсутствии архивных документов, подтверждающих факт работы в тылу в период Великой Отечественной войны, гражданин может обратиться в суд с заявлением об установлении данного факта, предоставив суду все имеющиеся доказательства об этом, включая и свидетельские показания (ст. 264, 55 Гражданского процессуального кодекса РФ). В случае удовлетворения такого заявления принятое судом решение будет являться основанием для выдачи уполномоченным органом удостоверения ветерана Великой Отечественной войны⁹³⁴.

4. Несмотря на наличие свидетельских показаний, суды отказывают в выдаче удостоверения, ссылаясь на несовершеннолетний возраст заявителя. В силу пунктов 37, 38 Правил, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1015, при утрате документов о работе (вследствие небрежного их хранения, умышленного уничтожения и тому подобных причин) не по вине работника периоды работы устанавливаются на основании показаний двух и более свидетелей, знающих этого работника по совместной работе у одного работодателя и располагающих документами о своей работе за время, в отношении которого они подтверждают работу гражданина. Но в соответствии с пунктом 39 вышеуказанных Правил при установлении периода работы на основании свидетельских показаний учитываются:

а) «период работы, начиная с достижения работником возраста, с которого допускается заключение трудового договора в соответствии с трудовым законодательством, действовавшим на день возникновения соответствующих правоотношений;

б) свидетельские показания только за тот период совместной работы, в который свидетель достиг возраста, с которого допускается заключение трудового

⁹³³ Постановление Минтруда РФ от 11.10.2000 N 69 (с изм. от 30.07.2004) «Об утверждении Инструкции о порядке и условиях реализации прав и льгот ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, иных категорий граждан, установленных Федеральным законом «О ветеранах». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29248/

⁹³⁴ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/12128809/paragraph/3649723/highlight/%D0%B3%D0%BF%D0%BA:16>

договора в соответствии с трудовым законодательством, действовавшим на день возникновения соответствующих правоотношений»⁹³⁵.

Таким образом, в соответствии с законодательством военного времени (рассмотрено выше), работать могли дети, начиная лишь с 12 лет. Именно поэтому граждане получают отказ в выдаче удостоверения.

В связи с рассмотренными проблемами в Госдуму неоднократно вносились законопроекты о дополнительных мерах социальной поддержки граждан, пострадавших в период Великой Отечественной войны. В последний раз депутатами от фракции КПРФ и Справедливая Россия были разработаны и внесены два законопроекта. В них депутаты предлагают утвердить перечень льгот и выплат для детей войны и тружеников тыла, так как по действующему законодательству никакой дополнительной социальной поддержкой эти граждане не обеспечены. Закон предлагалось ввести в действие с 1 января 2020 г.⁹³⁶ Было предложено законодательно утвердить статус граждан, пострадавших в период Великой Отечественной войны:

- Статус «Дети Великой Отечественной войны» присвоить гражданам, которым на момент окончания войны было менее 18 лет. К ним будут относиться, родившиеся в период с 22.06.1928 по 03.09.1945 г.

- Статус «Труженики тыла» присвоить гражданам РФ, которые работали в тылу не менее 6 месяцев в период с 22.06.41 по 27.01.45 г. (кроме периодов работы на временно оккупированных территориях СССР) и награждены медалями, орденами за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны.

Новые выплаты и льготы могут затронуть 14 млн. человек. Среди них около 11 млн. детей войны (тех, кто родился в период с 22 июня 1928 г. по 3 сентября 1945 г.) и почти 3 млн. тружеников тыла⁹³⁷.

Таким образом, дети, которые наравне с взрослыми испытали на себе все тяготы военного времени, многие из которых на сегодняшний день не могут доказать свое трудовое участие в борьбе за Победу, смогли бы получить заслуженные льготы. В свою очередь, те, кто уже имеет статус труженика тыла, могли бы получать льготы на федеральном, а не на региональном уровне. Однако 21 января 2020 г. оба законопроекта были отклонены после первого чтения.

В интернете на различных сайтах можно найти много воспоминаний людей, которые во время войны в детском возрасте трудились наравне с взрослыми. Сегодня они в отношении себя небезосновательно ощущают определенное забвение и несправедливость. Приведем одну цитату: «Нас, детей, трудившихся в годы войны, не имевших документов, работавших за трудовую «палочку» – трудовой день, государство сильно ущемило и обидело, не засчитав наш труд в годы Великой

⁹³⁵ Постановление Правительства РФ от 2 октября 2014 г. N 1015 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169508/

⁹³⁶ Законопроект о выплатах и льготах детям войны и труженикам тыла. – URL: <http://pensiya.molodajasemja.ru/news/lgoty-i-vyplaty-detyam-vojny-truzhenikam-tyla/>

⁹³⁷ Законопроект о выплатах и льготах детям войны и труженикам тыла. – URL: <http://pensiya.molodajasemja.ru/news/lgoty-i-vyplaty-detyam-vojny-truzhenikam-tyla/>

Отечественной войны. Наше поколение отдавало Отечеству свое детство, молодость и тоже заслуживает внимание к себе. Когда наш труд нужен был фронту и стране, о нашем возрасте не спрашивали. Николай Фомич Шмаков, г. Хабаровск»⁹³⁸.

В итоге данная законодательная коллизия до сих пор остается неразрешенной.

§ 15. Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»: правовой анализ в контексте исторической памяти»⁹³⁹

Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»⁹⁴⁰, с момента принятия которого в этом году исполнилось 30 лет, является примером советского регулирования сецессии. Действовал этот акт недолго, для выхода союзных республик из СССР не применялся и утратил силу с прекращением существования СССР, т.е. не позднее 26 декабря 1991 г.⁹⁴¹. Однако историческая память о нем жива, и на него по-прежнему активно ссылаются в научной литературе как на источник легитимации и нормативно-правовую основу нынешнего правового положения некоторых республик⁹⁴². Этот акт вызывает интерес у неспециалистов и является предметом обсуждения в Интернете, причем участники нередко приходят к неожиданным выводам⁹⁴³. Если рассматривать этот акт в контексте воспроизводства исторической памяти, то его создание в переломный момент существования СССР предопределяет

⁹³⁸ ИСАКОВА М. Как подтвердить стаж детям войны / М. Исакова // Общественно-политическая газета Тихоокеанская звезда от 22.04.2015. URL: https://toz.su/letters_from_readers/kak_podtverdit_stazh_detyam_voynu/

⁹³⁹ Данный параграф выполнен Г.Н. Андреевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00418 «Теоретические основы правовых механизмов предотвращения сецессии».

⁹⁴⁰ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №15. Ст. 252.

⁹⁴¹ В российской научной литературе называются разные даты момента прекращения существования Союза ССР: 8, 12, 21, 26 декабря 1991 г. Подробнее об этом см.: Кремнев П.П. Международно-правовые проблемы, связанные с распадом СССР. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. М., 2010. С. 37-39.

⁹⁴² Дзидзоев В.Д. Политико-правовое противостояние Грузии с Абхазией и Южной Осетией (конец 80-х XX в. – август 2008 г. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Серия: Общественные науки. 2014. № 2. С. 143-148; Мелик-Шахназаров А.А. Выход НКР из Азербайджанской Республики в 1991 г. // Постсоветские исследования. Т. 1. 2018. №2. С. 142-149; Хасанов А.А. Международно-правовые аспекты признания Южной Осетии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М., 2018. №1. С. 140-146 и др.

⁹⁴³ Например, участник под ником hippy_end разместил на своей страничке свои размышления по поводу содержания данного Закона (и его текст) под названием «А между тем... юридическая сторона выхода всех из СССР того'с... с юридическим душком и презренным», сопроводив их выводом о том, что на его основании «влегку можно поставить под вопрос юридическую легитимность существования любого постсоветского государства», а другой участник под ником hind19 поддержал его, сославшись на ст. 20 Закона: «Все четко – нет решения Съезда народных депутатов СССР – нет выхода из СССР». – «А между тем... юридическая сторона выхода всех из СССР того'с... с юридическим душком и презренным» URL: <https://hippy-end.livejournal.com/2311267.html> (дата обращения 25.03.2020).

присутствие в исторической памяти политической матрицы⁹⁴⁴, соответственно, и мифотворчество в данной ситуации (а оно, как будет показано далее, присутствует) будет социально-политическим мифотворчеством, тесно связанным с советской идеологией.

Вместе с тем, поскольку речь идет о нормативном акте, то для определения степени объективности сохраняемой о нем исторической памяти, а также выявления смысла его мифологизации, необходим анализ условий его принятия, целей, которых стремился достичь законодатель, принимая данный акт, и его реального содержания, в том числе, и с точки зрения достижения декларируемых или реальных целей его создания.

И здесь мы сталкиваемся с одним из парадоксов советского правового регулирования и проблем его интерпретации учеными. Поскольку в правовом регулировании советского периода присутствовал очень существенный идеологический «окрас» и часто использовались нормы-декларации, возможно два варианта интерпретации советского законодательства учеными. Первый состоит в том, чтобы акцентировать внимание на присутствии идеолога в Конституции и конкретизирующих ее положения нормативных актах, как определяющих для их характеристики, и, исходя из этого, не считать соответствующие акты вполне правовыми или рассчитанными на применение. Именно такой подход позволил в свое время известному германо-американскому ученому К. Левенштейну ввести в науку конституционного права деление конституций на нормативные (осуществляющие реальное регулирование общественных отношений), семантические (формализация существующей власти в интересах ее держателей) и номинальные (не в полной мере соответствующие политической реальности), причем социалистические конституции он отнес в рамках этой классификации к семантическим, а российский политолог А.Н. Медушевский – к номинальным⁹⁴⁵. Следует подчеркнуть, что речь идет об оценке конституционного акта в целом по доминирующим, по мнению исследователей, чертам, что не исключало присутствия в нем и реально «работающих» норм. Положение ст. 72 Конституции СССР, на которой базировался анализируемый Закон, в зарубежной науке оценивалось как номинальная норма. Критерием этого выступало отсутствие какого-либо конституционного механизма ее реализации. На этом основании, например, известный исследователь феномена сецессии А. Бьюкенен пришел к выводу, что норма ст. 72 Конституции не предназначалась для применения⁹⁴⁶.

⁹⁴⁴ Шестов Н.И. Память историческая и память политическая: структура политико-мифологической связи // История и историческая память. 2010. №1. С. 20.

⁹⁴⁵ Медушевский А.Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2004. №3/4. С. 88.

⁹⁴⁶ Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М., 2001. С. 167. Аналогичного мнения придерживается и испанский автор Г.А. Перес Санчес, который ставит «право» выхода в кавычки, подчеркивая тем самым, что в реальности его не было, а попытку возврата в правовое поле на основе Закона в мае 1990 г. напрямую связывает с неудачей других форм воздействия. См.: Pérez Sánchez G. Á. El «retorno a Europa» de los países Bálticos: De la ruptura con la URSS a la integración en la Unión Europea y la Alianza Atlántica del siglo XXI // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. Alicante, 2004. N3. P. 238.

Косвенно правильность такого вывода подтверждали и те советские ученые, которые стремились оправдать отсутствие механизмов реализации конституционной нормы спецификой Конституции СССР, предлагая считать ее конституционным фактором⁹⁴⁷. Соответственно, Закон, который был принят на основе этой нормы, также может изначально рассматриваться, как предназначенный для чего-то иного, открыто не декларируемого, например, для затягивания процесса выхода с целью, в конечном счете, его недопущения. При таком подходе его анализ неизбежно сводится к выявлению несоответствия заявленной цели регулирования (порядка осуществления права выхода) применяемым в Законе средствам.

Советские ученые воспринимали и Конституцию СССР 1977 г., и принятые на ее основе акты, как вполне последовательно правовые акты. Эту же точку зрения разделяют и некоторые их современные последователи⁹⁴⁸. Исходя из этой точки зрения, Закон подлежит полноценному правовому анализу, и заявленным законодателем целям должны соответствовать примененные правовые средства и инструменты, иначе говоря, в процессе анализа необходимо поставить вопрос о соответствии Закона Конституции 1977 г. и наличии в нем лакун и противоречий. При написании этой статьи автором была учтена и та, и другая возможность интерпретации Закона.

1. Исторические и правовые предпосылки принятия Закона

Идея о праве наций на самоопределение, включая право на самостоятельное государственное существование, получила отражение в конституциях СССР 1922, 1936 и 1977 гг. в виде права республик на выход из Союза, но только в период действия последней был принят специальный Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Процессы, в конечном итоге приведшие к распаду СССР, получили отчетливое выражение сначала в прибалтийских республиках. По этому поводу, в частности, 27 августа 1989 г. было принято и опубликовано Заявление ЦК КПСС «О положении в республиках Советской Прибалтики», вызвавшее негативную реакцию населения этих республик и выраженное даже народными депутатами СССР от Литвы⁹⁴⁹. Последние приняли Заявление, в котором обозначили основные правовые основания для объявления независимости Литвы (признание литовской государственности Советской Россией в Договоре 1920 г., отказ Советской России от претензий на ее территорию, незаконность

⁹⁴⁷ Так, В.С. Шевцов писал, что «представляется более правильным рассматривать право союзной республики на выход из Союза не только и не столько в качестве правового механизма, предназначенного к действию «на крайний случай», но как постоянно действующий конституционный фактор, гарантирующий добровольный характер членства республики в союзном государстве, а также ее суверенное равенство в Федерации». Шевцов В.С. Государственный суверенитет: (Вопросы теории). М., 1979. С. 227.

⁹⁴⁸ Так, например, В.М.Платонов полагает, что это право не было фиктивным в советский период. Платонов В.М. Культурно-исторические особенности становления модели современного российского федерализма, сложившиеся в досоветский и советский периоды // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 102-103.

⁹⁴⁹ Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С. М. Шахрая; сост. С. М. Попова, А. А. Яник. М., 2016. С. 162.

инкорпорации Литвы, как полноправного члена Лиги наций, в состав СССР)⁹⁵⁰. В противовес советской доктрине социалистической федерации в них актуализировались сохранявшиеся в исторической памяти идеи независимости национальных государств Прибалтики. При этом подчеркивалось, что ««прибалтийский узел» может быть развязан только путем переговоров заинтересованных сторон, при условии равноправия (подчеркнуто мной – Г.А.), соблюдения международного права, отказа от применения силы или угрозы применения силы»⁹⁵¹. На данном этапе речь шла еще об урегулировании путем переговоров и проведения референдума⁹⁵². К концу марта 1990 г. ситуация изменилась: 11 марта Акт о независимости принял Верховный Совет Литовской ССР, 30 марта 1990 г. – Верховный Совет Эстонской ССР⁹⁵³ (Верховный Совет Латвии принял аналогичное решение 4 мая 1990 г.⁹⁵⁴). Третий Съезд народных депутатов СССР принял 3 апреля 1990 г. Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», а акты республик о независимости были признаны не имеющими силы. Таким образом, Закон принимался не в порядке упреждающего урегулирования, которое было призвано учесть интересы всех сторон, а постфактум как реакция на уже начавшиеся процессы распада СССР, когда республики Прибалтики начали процесс отделения в явочном порядке. Поэтому некоторые исследователи обоснованно полагают, что «страх перед распадом СССР заставил Кремль предпринять и шаги по предупреждению или ограничению возможных действий союзных республик, направленных на выход из состава Союза»⁹⁵⁵, относя к числу таких ограничений союзных республик данный Закон. Последующие события развивались таким образом, что положения Закона потеряли свою актуальность еще до распада СССР.

2. Содержание Закона СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»

Закон состоял из 20 статей, не разделенных на главы или разделы, и не имел преамбулы.

Статья 1 содержала отсылку к ст. 72 Конституции СССР о праве свободного выхода.

Начальная стадия решения вопроса о выходе была урегулирована в ст. 2 и 3 данного Закона. Для решения вопроса о выходе требовалось проведение референдума. Субъектом права назначить референдум являлся Верховный Совет союзной республики (по собственной инициативе или по требованию одной десятой части граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики и имеющих право голоса согласно законодательству Союза ССР). Согласно ст. 3 Закона в союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные

⁹⁵⁰ Там же. С. 162-164. В Заявлении эти доводы в равной степени были применены к Эстонии и Латвии.

⁹⁵¹ Там же. С. 164.

⁹⁵² Там же.

⁹⁵³ Ведомости Верховного Совета и правительства Литовской Республики. 1990. № 9. Ст. 222; Ведомости Верховного Совета и правительства Эстонской ССР. 1990. № 12. Ст. 180.

⁹⁵⁴ Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской Республики. 1990. № 20. Ст. 356.

⁹⁵⁵ Мелик-Шахназаров А.А. Указ. соч. С. 144.

области и автономные округа, референдум следовало проводить отдельно по каждой автономии, при этом также декларировалось их право на самостоятельное решение вопроса о своем статусе. Кроме того, в ст. 3 Закона содержалось положение об отдельном учете результатов голосования в отношении мест компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности.

Статьи 4 и 5 были посвящены вопросам создания Верховным Советом союзной республики комиссии для организации референдума о выходе из СССР, определения срока проведения референдума (не ранее чем через шесть и не позднее чем через девять месяцев после принятия решения о постановке данного вопроса) и подведения его итогов с участием представителей всех заинтересованных сторон (включая представителей компактно проживающих национальных групп), а также возможности приглашения в качестве наблюдателей уполномоченных представителей Союза ССР, союзных и автономных республик, автономных образований и даже представителей ООН.

Определение итогов референдума должно было осуществляться на основании ст. 6-9 Закона. В ст. 6 устанавливалось, что решение о выходе союзной республики из СССР считалось принятым посредством референдума, если за него проголосовало не менее двух третей граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики к моменту постановки вопроса о ее выходе из СССР и имеющих право голоса согласно законодательству Союза ССР.

В случае если по итогам референдума не было принято решение о выходе союзной республики из СССР, то устанавливался десятилетний мораторий на проведение нового референдума по этому вопросу (ст. 10).

При положительном результате референдума за ним следовал еще целый ряд стадий процесса решения вопроса о выходе:

1) рассмотрение итогов референдума Верховным Советом союзной республики (в союзных республиках с автономиями и компактно проживающими национальными группами в рассмотрении итогов участвовали также их органы власти – ст. 6);

2) представление итогов референдума Верховному Совету СССР (в республиках с автономиями и компактно проживающими национальными группами итоги должны были представляться «отдельно по каждой автономной республике, по каждому автономному образованию или месту компактного проживания национальных групп с выводами и предложениями соответствующих органов государственной власти» – ч. I ст. 7).

В случае проведения референдума в соответствии с Законом, вопрос выносился на рассмотрение Съезда народных депутатов, при выявлении нарушений в трехмесячный срок назначался повторный референдум по республике, автономии или месту компактного проживания национальных групп (ч. III ст. 7).

3) направление Верховным Советом СССР итогов референдума «высшим органам государственной власти всех союзных и автономных республик, а также

органам государственной власти автономных образований для изучения и оценки последствий, возникающих для каждой союзной и автономной республики, автономного образования из факта возможного выхода соответствующей союзной республики из СССР» (ст. 8 Закона).

4) рассмотрение Съездом народных депутатов СССР итогов референдума в союзной республике по вопросу о выходе из СССР и мнений высших органов государственной власти автономных областей и округов (ст. 9 Закона);

5) установление Съездом народных депутатов СССР (по представлению Верховного Совета СССР, согласованному с Верховным Советом выходящей республики) переходного периода, в течение которого должны быть решены вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР (ст. 9 Закона).

Данный переходный период не должен был превышать пять лет.

6) деятельность согласительных комиссий по урегулированию вопросов переходного периода;

В Законе весьма подробно были урегулированы вопросы, которые необходимо было решить в переходный период. Прежде всего, это вопросы, касающиеся государственной границы и военных объектов и частей Вооруженных Сил СССР, которые находились на территории выходящей республики, а также вопросы международного статуса данной республики (ст. 12 и 13 Закона). Статья 14 Закона была посвящена вопросам собственности и материально-финансовых расчетов, которые конкретизированы в перечне из девяти пунктов (реализация каждого из которых представляет собой сложную задачу), при этом перечень имел открытый характер, а поскольку п. 10 содержал требование разрешить «иные вопросы, требующие взаимного урегулирования».

Положения Закона также требовали урегулирования вопросов гражданства и переселения пожелавших граждан за пределы данной республики с компенсацией издержек за счет выходящей республики (ст. 15), обеспечения гражданских, политических, социальных, экономических, культурных и иных прав и свобод граждан СССР, которые остаются проживать на ее территории, без какой либо дискриминации (ст. 16), передачи выходящей республике граждан, отбывающих наказание на территории СССР (ст. 17), передачи административных и уголовных дел, возбужденных по фактам правонарушений на территории выходящей республики и находящихся в производстве органов Союза ССР, в производство органов выходящей республики (ч. 1 ст. 18), разрешения гражданских дел в переходный период (ч. 2 ст. 18).

Внутри этой стадии был предусмотрен ряд специальных процедур для решения наиболее значимых для СССР вопросов. Так, процедура решения вопросов, касающихся государственной границы СССР, а также военных объектов и частей Вооруженных Сил СССР, находящихся на территории выходящей республики состояла из: а) подготовки этих вопросов Советом Министров СССР с участием правительства выходящей республики; б) рассмотрения их Президентом СССР и Верховным Советом СССР; в) рассмотрения их Съездом народных депутатов СССР.

Урегулирование всех вопросов, затрагивающих участие СССР в международных договорах в связи с выходом из него союзной республики, возлагалось на Совет Министров СССР с последующим представлением заключения по данному вопросу Президенту СССР и Верховному Совету СССР. Вопросы собственности и материально-финансовых расчетов должны были рассматривать и разрешать Совет Министров СССР, органы государственного управления союзных и автономных республик, автономных образований совместно с правительством выходящей республики.

7) окончание переходного периода или досрочное урегулирование вопросов, предусмотренных Законом;

8) однократное проведение повторного референдума в последний год переходного периода по вопросу подтверждения решения о выходе союзной республики из СССР (по инициативе высшего органа государственной власти выходящей республики или в обязательном порядке по требованию одной десятой часть постоянно проживающих на территории республики граждан СССР);

9) созыв Съезда народных депутатов (по инициативе Верховного Совета СССР) и принятие подтверждающего завершения процесса согласования интересов и претензий заинтересованных сторон (выходящей республики, Союза ССР, союзных республик, автономных республик, автономных образований и национальных групп);

Согласно ч. II ст. 20 Закона «с момента принятия такого решения Съездом народных депутатов СССР выход союзной республики из СССР считается состоявшимся, а народные депутаты СССР от вышедшей республики утрачивают свои полномочия».

10) внесение соответствующих изменений в Конституцию СССР.

2. Основные особенности Закона СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»

Изложенное выше свидетельствует на первый взгляд об обстоятельном подходе законодателя и консультировавших его юристов к регулированию вопросов потенциальной сецессии и его стремлении учесть все возможные и требующие правового регулирования ее аспекты. На это обращают внимание некоторые современные исследователи⁹⁵⁶. Очевидно, что Закон «погружен» в советские реалии (иначе и быть не могло в этот период), ориентирован на них и насыщен демократическими положениями в понимании и трактовке периода развитого социализма, на завершающей стадии которого был принят.

С другой стороны, его положения оставляют для властей очень широкие возможности усмотрения, и, даже будучи сформулированными как обязанности, во многих случаях не являются обязывающими власти по существу, как, например, вопрос о приглашении внутренних наблюдателей на референдум. Кроме того,

⁹⁵⁶ А.А. Хасанов пишет: «Таким образом, в этом Законе были предусмотрены все условия и процедура выхода союзной республики, необходимые для получения суверенитета и образования самостоятельного государства». Хасанов А.А. Указ. соч. С. 142.

предусмотренная Законом процедура оставляет государственным органам возможность осуществлять различные маневры, противоречащие самому назначению института свободы выхода республик, о чем, например, свидетельствует возможность проведения в последний год переходного периода повторного референдума для подтверждения решения о выходе союзной республики из СССР. При этом если за подтверждение решения о выходе союзной республики из СССР проголосовало менее двух третей граждан СССР, решение о выходе союзной республики из СССР считается отмененным и процедуры, предусмотренные настоящим Законом, прекращается. Данное положение, выглядящее как демократическая возможность для граждан изменить свое решение, на деле, в том виде как это сформулировано в Законе, создает возможности для манипулирования общественным мнением и прерывания процесса выхода даже при урегулировании всех спорных вопросов. Решение всех существенных и жизненно важных вопросов «развода» республик осуществляется по Закону согласительными комиссиями, внесение альтернативных проектов и решений, а также их публичное обсуждение Законом не предусмотрено, соответственно неудовлетворенность населения даже достигнутыми договоренностями можно было легко обратить в способ избежать выхода республики.

Если в данном Законе были указаны реальные цели, которые преследовал законодатель, то отсылка к ст. 72 Конституции предопределяет его содержание, границы и конституционность. «Порядок решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР в соответствии со статьей 72 Конституции СССР, определяется настоящим Законом», – гласила ст. 1 Закона. В ст. 72 было установлено, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР»⁹⁵⁷. Таким образом, Закон не мог определять детали механизма принятия решения о выходе союзной республики из СССР, поскольку по Конституции это право принадлежало союзной республике. Он был призван определить только порядок решения вопросов, связанных с выходом, то есть урегулировать проблемы, вытекающие из решения союзной республики о выходе. Однако анализ Закона показывает, что значительная часть его положений определяет именно механизм принятия решения республики о выходе: принятие решения путем референдума, проводимого в порядке, определяемом Законом СССР, Законом союзной, автономной республики о референдуме (ч. II ст. 2); определение круга субъектов, обладающих правом инициировать референдум (ч. I ст. 2); сроки проведения референдума после постановки вопроса о референдуме (ч. III ст. 2); условия, при которых решение о выходе республики из СССР считается принятым посредством референдума (ч. I ст. 6); учет итогов голосования отдельно по автономиям и компактно проживающим национальным группам (ч. I ст. 7); условия, при которых решение о выходе республики из СССР считается принятым посредством референдума (ч. I ст. 6); окончательное принятие решения о выходе республики Съездом народных депутатов СССР (ст. 20) и др. Некоторые процедурные вопросы проведения референдума относятся к сфере регулирования избирательного законодательства, а не

⁹⁵⁷ Конституция общенародного государства. М. 1978. С. 125.

Закона о выходе. К ним можно отнести, например, требование проведения тайного голосования и положение о запрете агитации в день выборов. В своей совокупности приведенные положения в целом не укладываются в рамки конституционно гарантированного союзным республикам права на свободу выхода, подразумевающего свободное определение республиками процедуры принятия решения о выходе. Детальное регулирование соответствующего механизма в Законе противоречило их подразумеваемому праву разрабатывать собственные правовые акты, учитывающие политические, правовые, национально-территориальные и иных аспекты механизма принятия этого решения. Следует признать противоречащим конституционной норме и императивный характер предписаний Закона. Кроме того, в Законе все время просматривается желание центра «тянуть одеяло на себя» и подменять решение республики о выходе решением органов государственной власти СССР, что проявляется как в описанном механизме в целом, так и в его деталях. Так, приглашение наблюдателей, которое в принципе должно быть частью демократического избирательного законодательства, в данном акте «поделено» между союзной республикой и СССР в отношении наблюдателей – уполномоченных представителей союзных и автономных республик, автономных образований, и целиком оставлено за СССР в отношении иностранных наблюдателей, ограниченных к тому же исключительно ООН. Это означает, что выходящая союзная республика не могла самостоятельно пригласить ни внутренних компетентных независимых экспертов, поскольку в Законе речь идет только об уполномоченных (т.е. по сути назначенных органами власти союзной республики по согласованию с органами власти СССР), ни, тем более, привлечь в качестве наблюдателей иностранных экспертов из неправительственных организаций. При этом предусматривалось, что в отношении наблюдателей – представителей ООН вопрос должен был решать Верховный Совет СССР в том случае, «если сочтет необходимым», т.е. мнение республики не предполагалось по Закону учитывать. Даже если считать, что речь идет о сфере международных отношений как прерогативе союзных властей с конституционной точки зрения, здесь игнорируется то обстоятельство, что процедура выхода республики из состава СССР, вне всякого сомнения, имеет и международно-правовой аспект, тем более, что Украинская ССР и Белорусская ССР являлись членами ООН⁹⁵⁸. Нетрудно понять, и что, даже если не обращать внимание на несоответствие Закона Конституции СССР, шансы на реальное осуществление выхода на основе установленных Законом норм стремились, как отмечает ряд исследователей, к минимуму⁹⁵⁹.

Очевидно и противоречие между названием и содержанием Закона. Хотя в названии данного правового акта говорится о порядке решения вопроса о выходе из

состава СССР только союзной республики, в ст. 3 содержится положение о том, что «за народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно правовом статусе». На первый взгляд в Законе, таким образом, не просто присутствует учет интересов указанных народов в ст. 3-8, 11, 14, 20, т.е. в почти половине статей Закона, но даже и возможность реализации ими права на самостоятельное решение вопроса о выходе или продолжении пребывания в СССР. Однако анализ Закона показывает ошибочность такого толкования.

Статья 72 Конституции СССР 1977 г. предоставляла это право только союзным республикам, и Закон в силу иерархии актов не мог «дополнять» Конституцию. Кроме того, даже если бы у законодателя было намерение хотя бы постфактум включить упоминание об автономиях в ст. 72 Конституции, то это право должно было означать выбор из трех вариантов действий для автономий, они: 1) остаются «пребывать» в Союзе ССР; 2) остаются в выходящей союзной республике; 3) ставят вопрос о своем государственно-правовом статусе. С конституционно-правовой точки зрения, это три очень важных вопроса, которые в принципе должны бы быть урегулированы с помощью разных процедур, требующих, при гипотетическом включении соответствующего положения в Конституцию, оформления в данном Законе. Однако оно отсутствует.

Это обстоятельство может трактоваться по-разному. Первый вариант, наиболее близкий к традиционному советскому подходу, состоит в предположении, что законодатель впоследствии урегулирует позднее (или не урегулирует, если не увидит в этом необходимости) эти вопросы. В этом случае можно считать, что определение статуса автономных республик находится на самом деле за рамками данного закона, а упоминание о праве на самоопределение автономий было включено в пропагандистских целях для «красного словца». Такая трактовка Закона соответствует намерениям партийной элиты и административной верхушки сохранить единство СССР перед лицом угрозы выхода прибалтийских республик, в которых не было автономий, и поэтому разработка механизма реализации автономиями права выхода была сочтена неактуальной. Скорее всего было сочтено, что можно «безнаказанно» упомянуть о них и привычном ленинском и до того времени казавшимся безопасным тезисом о самоопределении и этих народов.

Другая трактовка лакун и умолчаний Закона находится вне советской традиции и может быть объяснена «новыми веяниями» этого периода. Она состоит в намерении законодателя разработать универсальный, распространяющийся на союзные, автономные республики и автономные образования закон без специальных оговорок о разных процедурах для тех и других. Это означало бы, что все процедуры, касающиеся союзных республик, применялись бы для автономий. Из этого исходит значительное число авторов, которые с помощью ссылки на данный акт стремятся обосновать легитимность реализации права конкретных народов бывшего СССР на самоопределение в виде независимого государства, что вполне

⁹⁵⁸ Можно это считать как пробелом Закона даже в советском понимании регулирования в данной сфере, так и еще одним показателем того, что на практике эти республики, несмотря на первоначальное членство в ООН, не обладали правом на самостоятельное осуществление внешних сношений. Подробнее об этом см.: Кремнев П.П. Указ. соч. С. 22.

⁹⁵⁹ Так, по мнению И.В. Лексина «порядок такого выхода сводил вероятность последнего к минимуму». Лексин И.В. Сецессия территориальных образований: правовые риски и механизмы защиты // Государство и право. 2014. №2. С. 9. П.П. Кремнев определяет установленную Законом процедуру выхода как «труднодостижимую». Кремнев П.П. Указ. соч. С. 26.

понятно с точки зрения формирования правового сознания и исторической памяти соответствующих народов. Однако такое допущение с конституционно-правовой точки зрения вызывает сомнение, возможно только с большой натяжкой, и против него можно привести много доводов, включая его несоответствие заголовку Закона, ограничивающего сферу его действия только союзными республиками до ситуаций, отсутствие урегулирования в Законе перечисленных выше ситуаций применительно к автономным республикам и наличие серьезных лакун.

Нельзя согласиться и с трактовкой данного положения Закона как обязанности автономной республики в составе союзной республики, выходящей из СССР, самостоятельно решить вопросы своего статуса⁹⁶⁰. В Законе говорилось не об обязанности, а о сохранении права на самостоятельное решение вопроса, кроме того, как именно автономная республика может его реализовать, законодатель «забыл» упомянуть.

В ситуации сохранения пребывания автономии в составе СССР после выхода союзной республики возникает вопрос о том, в каком качестве, на каких основаниях и на каких условиях они остаются в составе Союза СССР. С политологической точки зрения данная часть статьи создает правовое основание для того, чтобы политическая элита соответствующей автономной республики или автономного образования могла «выторговать» для автономии (и для себя) новый статус и определенные преференции. С правовой точки зрения, статус автономной республики, входившей ранее в союзную республику и «оставшейся» без таковой, требовал урегулирования, и хотя бы общие черты этой процедуры следовало обозначить в данном Законе, если считать его универсальным.

Если автономия голосовала за выход из СССР, как и в целом, союзная республика, сходная проблема возникала перед органами власти союзной республики, поскольку нужно было бы решить вопрос, можно ли считать положительные результаты референдума об отделении союзной республики, достигнутые на территории автономных образований достаточными для признания их выражением согласия остаться в составе союзной республики, и если достаточно, то, в каком статусе? Как представляется, ответ на этот вопрос неоднозначен, поскольку избиратели на соответствующих территориях могли проголосовать за отделение союзной республики от СССР, имея в виду последующее отделение своей автономии от бывшей союзной республики, либо установление с ней новых федеративных или конфедеративных отношений. Иначе говоря, референдум должен был бы включать целый ряд вопросов, в то время как Закон такой альтернативы не предполагает.

Требование соблюдения гражданских, политических, социальных, экономических, культурных и иных прав и свобод граждан СССР, которые остаются проживать на территории, выходящей из состава СССР республики (ст. 16), не подкреплено какими-либо механизмами, обеспечивающими его реализацию. Статья 13

Закона, согласно которой «многосторонние и двусторонние договоры, заключенные СССР и находящиеся в силе на момент выхода союзной республики из СССР, продолжают действовать в отношении вышедшей республики, если не будет достигнута договоренность об ином», вряд ли могла рассматриваться в качестве таковой, поскольку, она оставляла открытым вопрос о том, что будет с этими гражданами, если уже вышедшая республика не будет соблюдать эти договоры в отношении прав граждан, и договоренности достичь не удастся. Достаточно ясно из самого факта появления ст. 16, требующей соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств СССР в отношении прав граждан, для «дополнения» положения ст. 13 о действии международных договоров в отношении выходящей союзной республики, что законодатель допускал возникновение такой проблемы, соответственно, вместо декларации требовалось как минимум обозначение способов обеспечения ее решения. Последующий постсоветский опыт, когда граждане не титульных для республик национальностей были подвергнуты дискриминации на территории вышедших республик, на практике показал необходимость такого рода не декларативных, а инструментальных норм, и наличие существенного пробела в Законе.

Основным инструментом решения вопросов, которые следовало урегулировать в установленный Съездом народных депутатов (не более чем) пятилетний период, должны были стать согласительные комиссии с участием всех заинтересованных сторон. Порядок формирования данных комиссий, а также действия в случае их неспособности либо в силу состава, либо некомпетентности решить поставленные перед ними задачи, возможность выдвижения общественностью и экспертами альтернативных вариантов, вынесения проектов решений спорных вопросов на общественное обсуждение и другие необходимые демократические институты в данном Законе не регулировались, следовательно, предполагалось безальтернативность решений согласительных комиссий под руководством партийных органов по советской традиции, т.е. негибко. Вместе с тем, поскольку неурегулированность даже отдельных вопросов в переходный период являлась препятствием для завершения процесса выхода, соответственно недоурегулированность вопроса о согласительных комиссиях могла быть использована против выходящей республики, процесс выхода которой мог «утонуть» в согласованиях в рамках согласительных комиссий, альтернатива которым в данном акте отсутствовала.

Таким образом, оценка данного акта возможна в двух основных вариантах: при первом, это хорошо продуманный акт с целью затягивания процесса выхода прибалтийских республик и отвлекающими внимание украшениями в виде упоминания интересов автономий (но с неудачным, инерционным названием и сферой регулирования, не ограниченной только прибалтийскими республиками, т.е. попыткой универсального решения проблем вместо решения их по мере их поступления), при втором это – неудачный закон, призванный реально регулировать процедуру выхода, с многочисленными лакунами и противоречиями.

⁹⁶⁰ Дзидзоев В.Д. Указ. соч. С. 145.

3. Основные выводы, вытекающие из двух подходов к оценке содержания Закона

Если оценивать Закон как полноценный правовой акт, направленный на реализацию положения ст. 72 Конституции о праве свободного выхода союзных республик из СССР, то в нем обнаруживаются многочисленные дефекты, противоречия и лакуны. Приходится констатировать также, что данный акт во многих своих положениях противоречит Конституции, устанавливая многочисленные препоны для выхода союзных республик из СССР, вместо обеспечения свободы выхода, которая конституционно прямо предусмотрена. Кроме того, Закон отягощен целым рядом положений, которые не относятся к сфере его регулирования, если исходить из его заголовка и содержания ст. 1 Закона, или выходят за его рамки возможных прерогатив союзного законодателя при регулировании отдельных вопросов процедуры. Таким образом, Закон может рассматриваться как юридически непроработанный нормативный акт, которому свойственен большой разрыв между декларируемой целью его принятия и используемыми правовыми инструментами регулирования. Следует отметить, что уровень правовой техники и ее научно-технического обеспечения в СССР был достаточно высок, чтобы предположить такую возможность.

Иная картина складывается, если исходить из того, что данная конституционная норма не подлежала реализации в принципе. В этом случае даже принятый Закон мог служить иным целям, а именно создать препятствия и в конечном итоге не допустить выхода республик, и, соответственно, может рассматриваться как пример противодействия сецессии. В этом случае организационно-правовой механизм, созданный Законом, обладает собственной внутренней логикой, которая объясняет выбор правовых инструментов, позволяющих затянуть процедуру, и, в конечном счете, избежать сецессии. К ним относится привлечение автономий как полноправных и отдельных участников референдума при отсутствии указания в Законе, каким образом они могут влиять на его результат; обширный список вопросов, подлежащих согласованию до выхода союзной республики при отсутствии в Законе механизмов разрешения спорных вопросов; возможность повторного референдума даже при успешном согласовании позиций сторон в согласительных комиссиях; оставленный на усмотрение высших органов власти Союза и союзных республик вопрос о привлечении даже внутренних наблюдателей и т.д. При таком варианте оценки можно признать законодательную технику Закона достаточно высокой, поскольку большинство возможностей затягивания процесса выхода союзной республики оказались использованными.

Что касается наиболее актуального с точки зрения использования в процессе формирования исторической памяти аспекта регулирования Законом вопросов гарантирования прав народов автономий при выходе союзных республик из СССР, то с большим сожалением приходится констатировать, что данные вопросы не были должным образом урегулированы в этом акте. Положение ст. 3 Закона, констатирующее право выхода автономных республик, в самом Законе не конкретизировано, а расплывчатые положения, вроде бы призванные обеспечить учет их интересов, не

сопровождаются указаниями, в каком порядке (по результатам референдума или после выхода республики) будет реализовано право автономий, если автономии не согласятся выйти вместе с республиками.

Как отмечается в научной литературе «в рамках концепта исторической памяти у каждой из социальных групп может быть своя история и своя историческая память. И даже если фигуры и события в них одни и те же, их роли и значения могут интерпретироваться по-разному в зависимости от темпорально обусловленных социальных и культурных потребностей групп»⁹⁶¹. Применительно к Закону мы имеем дело в значительной мере с мифологизированным подходом к советскому акту. Анализ Закона и последующие за его принятием события показывают, что он не создал надлежащую правовую основу для осуществления цивилизованной формы выхода союзных республик из СССР, не мог затормозить процесса распада СССР и не урегулировал правоотношения между отделяющимися союзными республиками и входящими в их состав автономиями.

§ 16. Конституционное закрепление сохранения исторического наследия и памяти

Часть 3 статьи 44 Конституции РФ предусматривает обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Однако действующее законодательство РФ не содержит четкого определения понятий «историческое наследие», «историческая память» а раскрывает лишь понятие «объекты культурного наследия». Это препятствует надлежащему исполнению указанной конституционной обязанности и осуществлению контроля за этим со стороны соответствующих уполномоченных органов.

На протяжении многих веков народы России создавали и передавали потомкам некую совокупность культурных ценностей, называемую культурно-историческим наследием (достоянием). Сохранение его имеет свою историю и традиции. В течение долгого времени и государство, и общественность разрабатывали и претворяли в жизнь различные механизмы охраны культурно-исторического наследия, решая свойственные каждому историческому этапу развития государства и общества проблемы.

Историческое наследие во многом совпадает с культурным наследием, но отличается от него тем, что может иметь не только позитивный, но и негативный характер⁹⁶².

Современной проблемой сохранения культурно-исторического наследия является ограниченный подход к его пониманию только в качестве материальных,

⁹⁶¹ Положенцева И.В. Кашенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация исторической памяти студентов // Власть. 2014. №12. С. 43.

⁹⁶² Ширей Б.О. Конституционные основы сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации: автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2013. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/konstitucionnye-osnovy-sohraneniya-istoricheskogo-i-kulturnogo-nasledija-rossijskoj.html>.

физически существующих объектов: памятников, архитектурных сооружений и т.д. Однако необходимо осознавать, что помимо материального, существует и нематериальное культурно-историческое наследие, главной целью которого является формирование чувства национальной и культурной самобытности, преемственности поколений, создание базы для устойчивого развития на основе истории и культуры своего народа, своей страны.

Между материальным и нематериальным культурно-историческим наследием существует тесная взаимосвязь, которая может казаться не явной, если подходить к вопросу его сохранения исключительно с точки зрения предотвращения от исчезновения и разрушения. При рассмотрении культурной среды с точки зрения ее структуры и функциональности, становится совершенно очевидным, что из этой системы, включающей в себя человека и общество (субъекты культурного наследия), предметы и явления материального и нематериального мира (объекты наследия, которые, в свою очередь, являются инструментами воспроизводства и популяризации культурно-исторического наследия, средством и способом коммуникации между субъектами и т.д.) невозможно устранить ни один элемент. Сохранение культурно-исторического наследия в единстве его материальных и нематериальных форм – единственный способ достижения осознания себя как гражданина России, опирающегося в своих делах и поступках на опыт предыдущих поколений⁹⁶³.

Приоритетным направлением государственной политики в аспекте сохранения историко-культурного наследия является развитие системы воспитания и просвещения населения путем освоения культурного и исторического опыта, формирующего у граждан нравственные ценности, чувство ответственности и патриотизм. В этом ключе сохранение наследия способствует эстетическому развитию личности, освоению разных сфер культурной деятельности, развитие творческих способностей и духовности. Данные меры призваны урегулировать проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия.

Историко-культурное наследие остается в исторической памяти при условии принятия мер по его сохранению. Сегодня происходит изучение отдельных культурных областей, оставшихся от богатого культурно-исторического прошлого страны. Периодически поднимаются вопросы восстановления памятников, но забываются нравственные ценности, воспитание которых влияет на личность, а затем и на все общество.

Становление личности и культурно-историческое наследие, к которому он имеет возможность прикоснуться, тесно связаны. Человек, равнодушный к историческим памятникам, несущим в себе неоценимое наследие предков, безразличен и к судьбе своей страны⁹⁶⁴.

⁹⁶³ Культурно-историческое наследие – единство материальных и нематериальных форм. URL: <https://russiancommun.livejournal.com/268184.html>.

⁹⁶⁴ URL: <https://www.cultmanager.ru/news/9336-prinimayutsya-zayavki-dlya-uchastiya-v-teatralno-obrazovatelnom-forume>.

Историческая память есть определенное сознание, которое отражает значимость информации о прошлом в ее связи с настоящим и будущим. Она является фактором, обеспечивающим идентификацию политических, этнических, национальных, иных групп, чувство их общности и достоинства.

Полагаем, необходимо также выработать и зафиксировать нормативное определение понятий «историческая память» и «историческое наследие». Это позволит определить, совершение (не совершение) каких конкретно действий будет представлять собой нарушение установленной ч.3 статьи 44 Конституции РФ обязанности и являться основанием для привлечения к предусмотренной законом ответственности. Следует также законодательно предусмотреть, какие действия необходимо совершить для исполнения данной конституционной обязанности. Это будет предохранять общество от кощунственных действий в отношении исторических памятников и символов страны.

Обязанность по сохранению исторической памяти в Конституции РФ не закреплена, в ее Преамбуле отмечено лишь, что Конституция принята многонациональным народом России, чтившим память предков, передавших ему любовь и уважение к Отечеству.

Сегодня ключевой задачей общества и государства является задача сохранить историческую память о героическом подвиге советского народа. Ведь память о Великой Победе является, фактически, единственным оставшимся нравственным стержнем, объединяющим в России разные поколения и слои нашего общества. Это позволяет чувствовать себя единым народом.

Историческая память очень важна, потому что она прямо формирует ценности общества. От того, как человек видит себя с позиции исторической памяти, зависит, как он себя воспринимает в окружающем мире. Историческая память народа – непреложная основа его самосознания. История Отечества несет в себе огромный идейный и нравственный заряд, пробуждающий чувство гордости за наш народ, который в дни тяжелых испытаний отстоял свободу и независимость нашей Родины. Память о народных героях всех войн хранится в коллективном сознании общества, давая возможность учитывать уроки прошлого и опираться на его героические примеры.

Политика защиты исторической памяти должна иметь как внешнее, так и внутреннее преломление. Во внешней сфере она должна выражаться в защите находящихся вне пределов России, связанных с ней памятников, функцией формирования через историю положительного образа страны в мире. Внутренняя установка связана, в конечном итоге, с интегральной задачей формирования у народа чувства гордости за свою страну⁹⁶⁵. Особое внимание должно уделяться вопросу противодействия антироссийским историческим мифам и фальсификациям.

Память о Победе в Войне 1941-1945 гг. является краеугольным камнем нашего общественного сознания и объединяющим фактором для людей независимо

⁹⁶⁵ URL: <https://Президентские.рф/public/application/item?id=87b83d4e-929d-4991-9525-0def1faf4415>.

от их национальной принадлежности или политических воззрений. В настоящее время активизировались попытки фальсификации роли нашей страны во Второй мировой войне, предпринимаемые, в том числе, и в самой России. Начиная с 1945 года, фальсификация итогов Второй мировой войны на Западе, идет по следующим направлениям:

- Утверждается, что СССР и Германия в равной степени несут ответственность за начало войны. В этой связи упоминаются т.н. «пакт Молотова-Риббентропа» и секретные протоколы к нему;

- Преуменьшается вклад Красной Армии в общую победу над фашизмом, утверждается, что без помощи западных стран (США, Великобритании и др.) СССР проиграл бы войну;

- Утверждается, что после победы СССР в Великой Отечественной войне в Восточной Европе был вопреки воле народов стран региона установлен «на советских штыках» дикторский режим.

Опасность фальсификации истории заключается не только в том, что это подрывает национальную идентичность, оскорбляет чувства людей, уменьшает число людей, испытывающих гордость за историческое прошлое своего народа, своего Отечества, но и в том, что это искажает адекватное понимание настоящего, препятствует извлечению уроков из истории, а значит, повышает риски повторить исторические ошибки, не осознавая их последствия.

Положения о преемственности отечественной истории, формировании у подрастающего поколения достойного отношения к прошлому своей страны, противодействию попыткам ее фальсификации входят в Стратегию национальной безопасности России, что предполагает их практическое воплощение со стороны государственных органов и общественных объединений, развитие соответствующего правового регулирования.

Необходимость более действенной правовой защиты исторической памяти и наследия обусловлена во многом проводимой антироссийской исторической пропагандой. Такая деятельность подрывает суверенные потенциалы российского общества, вызывает процессы национальной дезинтеграции, что может привести к разрушению государства и общества.

В свете предстоящих поправок в Конституцию РФ, вопрос правовой регламентации сохранения исторической памяти и наследия приобретает особую актуальность. В целях противодействия фальсификации истории, существует потребность нормативного закрепления сохранения исторической памяти в Преамбуле Конституции. Так, предлагается вписать в нее широкое определение – «уважая и почитая историю своего Отечества и его великих побед в борьбе за свободу и независимость, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к родной стране, веру в добро и справедливость»⁹⁶⁶. Также есть предложение добавить в

⁹⁶⁶В Основном Законе могут закрепить сохранение исторической памяти. URL: <https://rg.ru/2020/01/24/v-osnovnom-zakone-mogut-zakreplit-sohranenie-istoricheskoy-pamiati.html>.

Преамбулу Конституции слова «о гордости за нашу историю, великие победы и подвиги наших предков»⁹⁶⁷.

Президент РФ Владимир Путин на встрече с рабочей группой по подготовке изменений в Конституцию заявил, что считает уместным прописать в Основном законе страны норму о защите правды о Великой Отечественной войне. Глава государства напомнил, что предпринимаются попытки «украсть» у страны победу во Второй мировой войне. По мнению Президента, нужно «активно противостоять» таким попыткам. «И будет уместно это так, аккуратно, отразить и в Основном законе страны», – заключил глава государства.

Таким образом, Президент прокомментировал выступление члена рабочей группы, председателя думского комитета по образованию и науке Вячеслава Никонова, который сообщил, что в Конституции, в частности, планируется записать, «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, защищает историческую правду, не допускает фальсификацию истории, умаление значения подвига народа при защите Отечества». Он также предложил прописать в Основном законе страны обеспечение защиты интересов русскоязычных людей и соотечественников за рубежом, «сохранение общероссийской культурной идентичности, которая и позволяет сохранять духовное единство русского мира»⁹⁶⁸.

Включение данных положений в Конституцию приведет к усилению патриотической ориентированности населения, будет способствовать формированию и укреплению у граждан чувства гордости за страну, консолидации российского общества. Это также позволит превратить противодействие фальсификации истории, сохранение нашей исторической памяти в конституционную ценность.

Существующее законодательство об охране исторической памяти и исторического наследия имеет преимущественно репрессивный уклон, устанавливая и усиливая ответственность за соответствующие посягательства. Однако позитивное регулирование сохранения исторической памяти и исторического наследия является недостаточным. В этой связи предлагается внесение указанных поправок в Конституцию РФ.

Также необходимо закрепить нормативное определение понятий «историческая память» и «историческое наследие». Это позволит определить, совершение (не совершение) каких конкретно действий будет представлять собой нарушение установленной ч. 3 статьи 44 Конституции РФ обязанности и являться основанием для привлечения к предусмотренной законом ответственности.

⁹⁶⁷В «Единой России» предложили дополнить преамбулу Конституции. URL: <https://er.ru/news/189870/>.

⁹⁶⁸ Конституцию дополняют нормой о сохранении правды о Второй мировой войне. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.pnp.ru%2Fpolitics%2Fprezident-rf-odobril-vklyuchenie-v-konstituciyu-normy-o-sokhraneni-pravdy-o-vtoroy-mirovoy-voyn.html>.

§ 17. Право пользования родным языком в Республике Беларусь: влияние исторических процессов и современная ситуация

Право развивается под влиянием происходящих в государстве и обществе изменений, что определяет связь юриспруденции и истории. Эта связь ярко прослеживается в закреплении на конституционном уровне прав и свобод человека и гражданина, так как признание прав личности зачастую связано с конкретными историческими событиями. Так, в основе популярной в науке классификации прав и свобод личности на три поколения лежат именно исторические процессы, повлиявшие на становление тех или иных прав (буржуазные революции, классовая борьба, распад колониальной системы и т.д.). Рассмотрение конкретных прав с позиции исторических событий позволяет более полно выделить их сущностные и содержательные характеристики, понять предпосылки их закрепления в конкретном государстве, оценить существующие и спрогнозировать возможные проблемы реализации данных прав.

Одним из важнейших прав в современном мире является право пользования родным языком, так как процессы глобализации стирают границы не только между государствами, но и между культурами. Право пользования родным языком является важной гарантией сохранения национальной идентичности, обеспечения сохранения существования и развития культуры наций и народов. Кроме того, в связи с вооруженными конфликтами и продовольственным, энергетическим кризисом жители ряда государств вынуждены покинуть свой регион и искать убежище в странах, кардинально отличающихся своей культурой, религией и языком. В случае ассимиляции данных людей в конкретном государстве на законных основаниях, такое государство обязано принимать меры, обеспечивающие сохранение и свободное развитие культуры таких общностей, в том числе гарантировать использование родного языка. При этом содержание рассматриваемого права и порядок его реализации могут различаться в разных государствах в различные временные периоды, что определяет необходимость исследования вопросов влияния исторических процессов на закрепление и реализацию права пользования родным языком.

Несмотря на важность обеспечения надлежащей реализации права пользования родным языком в каждом государстве, в науке данной теме внимание уделяется недостаточно. Присутствуют лишь отдельные исследования, затрагивающие вопросы обеспечения и защиты указанного права, как правило, в контексте рассмотрения иных вопросов.

На белорусских землях право пользования родным языком получило закрепление на конституционном уровне с принятием в 1927 г. Конституции Белорусской Социалистической Советской Республики (далее – БССР), которая воспроизводила основные положения Конституции СССР 1924 г. Вопросам пользования родным языком были посвящены несколько статей. Нормы Конституции прямо определяли важность обеспечения права пользования родным языком в целях полного

уничтожения национального гнета, обеспечения свободного экономического и культурного развития и подъема благосостояния трудящихся всех национальностей, широкого участия их в социалистическом строительстве. Закрепление таких положений объяснялось тем, что молодому многонациональному государству было важно обеспечить свое влияние на всех граждан, в том числе и относящимся к национальным меньшинствам. Кроме того, как справедливо отмечается в литературе «многие из них (представителей национальных меньшинств) не владели русским языком для общения с органами государственной власти и не понимали волю государства, выраженную в проведении выборов, издании законов»⁹⁶⁹.

Гражданам БССР гарантировалось право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни, национальным меньшинствам обеспечивается право и реальная возможность обучения в школе на родном языке. В государственных и общественных учреждениях и организациях БССР устанавливалось полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков, на этих языках осуществлялось официальное опубликование важнейших законодательных актов, при этом белорусский язык был определен как язык преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями (ст. ст. 20-23). Такая ситуация многоязычности на территории БССР связана с многонациональным составом населения, на что в свою очередь, повлияло вхождение территорий Беларуси в состав Речи Посполитой, Российской империи, установление Черты постоянной еврейской оседлости.

В Конституции БССР 1936 г. право пользования родным языком непосредственно не закреплялось. Однако в отдельных статьях содержались нормы, касающиеся использования языка. Так, предусматривалось опубликование законов на белорусском, а также на русском, польском и еврейском языках (ст. 25), предоставлялось право выступать в суде на родном языке (ст. 86), предусматривалось обучение в школах на родном языке (ст. 96), надпись на государственном гербе БССР «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» должна была выполняться на четырех языках: белорусском, русском, еврейском и польском (ст. 119). Такую ситуацию можно объяснить тем, что в 30-е гг. XX века в СССР изменилась национальная политика. На XVI съезде ВКП(б), проходившем с 26 июня по 13 июля 1930 г. была официально признана политика слияния языков и культур⁹⁷⁰. Закрепление права на пользование родным языком было бы явным противоречием данной политики, однако это не стало препятствием для закрепления отдельных гарантий.

Конституция БССР 1978 г., закрепляя политику всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, гарантировала возможность пользоваться родным языком и языками других народов СССР (ст. 34). Курс на объединение наций и языков в данный период продолжался. Польский и еврейский языки

⁹⁶⁹ Зимин П.Ю. Практика законодательного регулирования права на пользование родным языком в советский период // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 3. – с. 82

⁹⁷⁰ Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. – Мінск: НКФ “Экаперспектыва”, 1996 г. – с. 267.

утратили статус официальных языков, официальные акты должны были публиковаться на белорусском и русском языках.

После провозглашения независимости Республика Беларусь проводит национальную политику в соответствии с международными стандартами прав человека, что определило закрепление в Основном Законе государства соответствующих норм. В частности, в ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено право лиц, принадлежащих к языковым меньшинствам, пользоваться родным языком. А действующая Конституция Республики Беларусь 1994 г. провозглашает право каждого пользоваться родным языком, выбирать язык общения. Также гарантируется свобода выбора языка воспитания и общения (ст. 50). Схожая норма закреплена в Законе Республики Беларусь от 26 января 1990 г. № 3094-XI «О языках в Республике Беларусь» (далее – Закон о языках), при этом закон говорит о праве пользоваться национальным, а не родным языком. Дополнительно право пользования родным языком гарантируется национальным меньшинствам. Так, ст. 6 Закона Республики Беларусь от 11 ноября 1992 г. № 1926-XII «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» в качестве дополнительных гарантий для данной категории граждан прямо называется право пользоваться родным языком, право выбора языка общения, а также право на свободу выбора языка воспитания и обучения. В свою очередь Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» в ст. 15 закрепляет за иностранцами право на сохранение и развитие своего национального языка, но не на его свободное использование.

Как видно, в белорусском законодательстве существуют различные подходы к наименованию рассматриваемого права, хотя его сущность должна быть единой. В связи с этим полагаем полезным привести положения названных законов в соответствие друг с другом, обеспечить единство используемых формулировок. На наш взгляд, допустимо использовать категории «родной язык» и «национальный язык» как синонимы, однако право пользования родным языком и право на сохранение национального языка имеют различное содержание. Последнее право можно рассматривать как элемент права пользования родным языком, так как сохранение предполагает совершение определенных действий, направленных на обеспечение реальной возможности использования родного языка.

При этом следует помнить, что носителем права пользования родным языком является человек, т.е. наличие или отсутствие гражданства или статуса национального меньшинства не является условием для его осуществления. Однако государству важно понимать, для каких субъектов реализация данного права имеет особое значение, и устанавливать дополнительные гарантии (что, к примеру, имеет место в отношении национальных меньшинств).

Полагаем, что конституционное право пользования родным языком в общем виде можно определить как установленную Основным Законом государства возможность человека использовать родной для него язык в частных и публичных

отношениях. Однако такое право не является абсолютным, так как законодательством установлен ряд ограничений, связанных с особенностями тех или иных отношений.

Очевидно, что использование родного языка в частных отношениях отличается большей свободой, так как такое использование в большинстве случаев ограничивается лишь объективными условиями – знанием соответствующего языка собеседниками. Например, согласно ст. 13 Закона о языках в транспорте, торговле, в сфере медицинского и бытового обслуживания могут использоваться белорусский, русский и иной язык при необходимости.

А вот реализовать свое право на использование родного языка, не имеющего статуса государственного, в образовательных отношениях возможно только в случае установления специального регулирования. Так, согласно ст. 90 Кодекса Республики Беларусь об образовании в соответствии с пожеланиями воспитанников, учащихся и их законных представителей по решению местных исполнительных и распорядительных органов (по согласованию с Министерством образования), в учреждениях учреждения дошкольного, общего среднего образования могут создаваться классы или группы, в которых обучение и воспитание осуществляются на языке национального меньшинства. Отметим, что фактически такая возможность реализована только в отношении польского и литовского языков. Согласно данным Министерства образования Республики Беларусь в 2017-2018 учебном году из общего количества учащихся 1-11 классов всех типов учреждений общего среднего образования 119,9 тысячи учащихся (12,2%) обучались на белорусском языке, 859,1 тысячи учащихся (87,7%) – на русском языке, 897 учащихся – на польском языке и 60 учащихся – на литовском языке⁹⁷¹.

Что касается публичных отношений, то тут право пользования родным языком ограничено в большей степени. Как правило, основными языками в публичной сфере являются государственные языки – белорусский и русский. Например, акты государственных органов могут издаваться на белорусском и (или) русском языке, но не на иных языках. Согласно Закону Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-3 «Об обращениях граждан и юридических лиц» направлять обращения в государственные органы и к должностным лицам возможно только на одном из государственных языков. Ответ на обращение должен быть дан на языке обращения, т.е. также на одном из государственных языков.

Обоснованным является ограничение права пользования родным языком для тех государственных служащих, чей родной язык не совпадает с государственными языками. Должностные лица не могут издавать официальные акты либо выступать на официальных мероприятиях на национальном языке, давать на нем ответы на обращения граждан и юридических лиц и т.д., ссылаясь при этом на право пользования родным языком.

⁹⁷¹ Система образования Республики Беларусь в цифрах / И.Д. Ажеронок, Н.А. Денищик, А.П. Нестеров. – Минск: Учреждение «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь», 2018. – с. 31

В замечании общего порядка Комитета по правам человека № 23 (1994) – Статья 27 (право меньшинств) отмечено, что пользоваться родным языком в общении между собой в частной или официальной обстановке представляет собой самостоятельное право, отличное от других прав в отношении пользования языком. В частности его следует отличать от представляемого обвиняемым в соответствии со статьей 14 (3) f) Международного пакта о гражданских и политических правах отдельного права пользоваться помощью переводчика, если они не понимают языка, используемого в суде, или не говорят на этом языке⁹⁷². Однако нельзя отрицать, что данные права взаимосвязаны. Право на получение услуг переводчика можно рассматривать как процессуальную гарантию и как частный случай реализации права пользования родным языком.

Если обратиться к процессуальным отношениям в Республике Беларусь, то языком судопроизводства также является белорусский или русский язык. Однако в рамках уголовного, гражданского или хозяйственного процесса, а также при ведении дел об административных правонарушениях тем лицам, которые не владеют государственными языками, гарантируется предоставление помощи переводчика. Так, согласно п. 2 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется уголовный процесс, обеспечивается право устно или письменно делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, подавать жалобы, знакомиться с уголовным делом, выступать в суде на родном языке или на языке, которым они владеют. В этих случаях они вправе бесплатно пользоваться услугами переводчика.

Важным вопросом реализации прав и свобод является наличие эффективного механизма их защиты. Что касается защиты права пользования родным языком, то в Республике Беларусь за его нарушение установлена административная ответственность. Так, согласно ст. 9.22 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях публичное оскорбление, порочение государственных и других национальных языков, создание препятствий и ограничений в пользовании ими, проповедь вражды на языковой почве влекут наложение штрафа в размере от четырех до десяти базовых величин. Полагаем, что названная норма охватывает все возможные нарушения рассматриваемого права и не нуждается в уточнении. Однако считаем, что возможно закрепление повышенной ответственности для должностных лиц, в случае совершения ими указанных деяний при осуществлении своих полномочий. Уголовная ответственность за нарушение рассматриваемого права не предусмотрена, однако Уголовный кодекс Республики Беларусь в качестве преступлений называет умышленные действия, направленные на возбуждение социальной вражды или розни по признаку языковой принадлежности (ст. 130), умышленное прямое или косвенное нарушение, либо ограничение прав и свобод, либо

установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от языка, причинившие существенный вред правам, свободам и законным интересам гражданина (ст. 190), что также можно рассматривать как защиту права пользования родным языком.

Таким образом, право пользования родным языком является одним из важнейших прав, обеспечивающих сохранение культуры и национальной идентичности. Конституционное право пользования родным языком можно рассматривать как предусмотренную Основным Законом государства возможность каждого использовать родной (национальный) язык в частных и публичных отношениях. При этом допустимым является установление ограничений в публичной сфере, в то время как выбор языка общения в частной сфере должен оставаться за участниками таких отношений

На белорусских землях право пользования родным языком получило закрепление на конституционном уровне с принятием Конституции Белорусской БССР 1927 г., которая рассматривала данное право как один из способов полного уничтожения национального гнета, обеспечение свободного экономического и культурного развития и подъема благосостояния трудящихся всех национальностей, широкого участия их в социалистическом строительстве. Под влиянием проводимой в СССР с 30-х гг. XX века политики слияния языков и культур Конституция БССР 1937 г. непосредственно данное право не закрепляла, однако гарантировала его использования в конкретных отношениях. В Конституции БССР 1978 г., хоть и гарантировалась возможность пользоваться родным языком и языками других народов СССР, список официальных языков с четырех (белорусский, русский, польский и еврейский) сократился до двух (белорусский и русский).

После провозглашения независимости Республика Беларусь проводит национальную политику в соответствии с международными стандартами прав человека, что выразилось в закреплении в ст. 50 Конституции Республики Беларусь 1994 г. права каждого пользоваться родным языком, выбирать язык общения. При этом действующее законодательство в указанной сфере характеризуется отсутствием согласованности в используемых формулировках. Реализация права пользования родным языком на практике связана с рядом ограничений, что в большей степени характерно для публичной сферы.

§ 18. Проблемы ведения процедуры банкротства в странах Европы и мира

Институт банкротства является одним из наиболее часто изменяющихся институтов права на протяжении всей его истории с самого момента возникновения в Древнем мире. В связи с современными неблагоприятными экономическими условиями в Российской Федерации ежегодно увеличивается число банкротств, что приводит к усилению интереса к институту банкротства в целом. Так как в России это

⁹⁷² Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека / международные договоры по правам человека. – URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/hri.gen.1.rev9_ru.pdf (дата обращения 10.04.2020)

относительно новая веха развития отечественного законодательства, необходимо изучить опыт правового регулирования института несостоятельности в зарубежных государствах.

Научный интерес исследования данной темы характеризуется тем, что вопросы института несостоятельности являются крайне распространенными в России и в мире на сегодняшний день, а также имеют широкую сферу применения и немалое количество проблем, требующих решения.

Хотя большинство законов о банкротстве имеют схожие подходы по процедурам банкротства, каждая правовая система отличается присущими только ей особенностями, поэтому до сих пор не создан международный закон о банкротстве. Кроме этого, в силу доктринальной близости российской и германской цивилистики целесообразно определить тенденции развития отечественной правовой науки, учитывая положительный опыт совершенствования законодательства в рамках континентальной системы права, и проанализировать опыт развития банкротного законодательства стран англо-саксонского права.

Актуальность исследования данной темы заключается в том, что в настоящее время российское законодательство института о несостоятельности отстает в своём развитии от других государств, несмотря на непрекращающиеся изменения в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Основная проблема заключается в бессистемности копирования и подражания западным концепциям и нормам, которые прошли долгий эволюционный путь и в своей сущности имеют другое значение, чем то, которое приписывает данным нормам отечественный законодатель.

Историко-теоретические аспекты института банкротства в Европе.

Общие положения о современном общепринятом понятии несостоятельности (банкротства).

В мировой практике институт несостоятельности (или банкротства) граждан зародился в США и существует уже с конца XIX века, в отличие от российской правовой системы. В Европе современное банкротство потребителя начало развитие с принятия соответствующего закона в Дании в 1984 году. В дальнейшем аналогичные законы были приняты и в ряде других стран Европы⁹⁷³.

В связи с тем, что в Европе возможность физическими лицами заявить о своём банкротстве появилась значительно раньше, чем в России, были прецеденты, когда российские граждане, используя международный принцип «центра основных интересов», подавали заявления о своей несостоятельности в европейские суды, например, в суды Великобритании. Но прохождение такого банкротства не защищало от притязаний кредиторов на территории России, а только обеспечивало защиту имущественных интересов иностранных лиц.

Как указывалось выше, Соединённые Штаты Америки являются родоначальниками введения обсуждаемого института, следовательно, все остальные

государства не могли не учитывать опыт и основные идеи банкротства. Основная концепция банкротства в США, которая является главной сущностью данного института, называется «Fresh start», что в дословном переводе означает «свежий старт», то есть «жизнь с нуля». Данная концепция, определённая Верховным Судом США, подразумевает, что долги погашаются за счёт реализации имущества должника, а оставшаяся часть подлежит списанию. В 2015 году Российская Федерация приняла данную концепцию и закрепила её в X главе Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ⁹⁷⁴. Но также между российским и американским подходами существуют различия: конгрессом США и законодательными органами отдельных штатов цель защиты интересов потребителя при банкротстве определена как более важная, чем удовлетворение интересов кредиторов, в российском же законодательстве, целью банкротства (в случае реализации имущества гражданина) является соразмерное удовлетворение требований кредиторов. То есть в Российской Федерации институт банкротства граждан (а также предприятий), в первую очередь, призван защищать интересы кредиторов, а не должника, оказавшегося в неплатёжеспособном состоянии.

Концепция «Fresh start» имеет как свои плюсы, так и недостатки. Очень часто происходит, что сумма долга и сумма имеющегося у гражданина имущества несоизмерно расходятся, что позволяет должникам не выплачивать большую часть задолженности. При возникновении такой ситуации, в случае если крупным кредитором должника являлась кредитная организация, то будучи субъектом предпринимательских отношений, она действовала на свой коммерческий риск, выдавая крупные займы потребителю, не способному гарантировать обеспечение своих обязательств. Благодаря этому, недобросовестные должники имеют возможность пользоваться таким положением. Ярким примером подобного поведения является судьба кредита на обучение в США после введения 13 главы в Кодекс США о банкротстве. Учащиеся брали кредит на обучение, получали диплом и в дальнейшем признавали себя банкротом. Поэтому в последние 15 лет в США наблюдается тенденция ужесточения законодательства (для граждан-должников). С другой стороны, благодаря появлению института банкротства на основе концепции «Fresh start» тот же банковский и кредитный сектор имеет возможность за счёт реализации имущества должника, получить процент возмещения задолженности, даже если он и незначительный. Кроме этого, существует возможность реструктуризации долга, при успешном выполнении которой есть шанс возмещения задолженности в полном объёме и восстановления должника в нормальное финансовое состояние.

Существуют государства, где институт банкротства гражданина отсутствует. В том числе, и среди стран Европейского Союза, хоть ЕС и стремится к унификации законодательства стран-членов. В этом направлении был издан Регламент Совета Европейского Союза 1346/2000 от 29 мая 2000 г. о процедурах банкротства (в настоящий момент утратил юридическую силу). Но Регламент регулировал не банкротство

⁹⁷³ Петрух Д., Силинская А. Банкротство, или Жизнь с нуля // ЭЖ-Юрист. 2015. N 20. С. 8.

⁹⁷⁴ Федеральный закон от 26.11.2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Российская газета». 2002. № 209-210.

граждан, а институт банкротства в целом, но важным пунктом для этой темы являлась ч.1 ст. 16 вышеуказанного Регламента, которая гласила: «Любое вынесенное решение суда Государства-члена ЕС по инициированию процедуры банкротства, наделенном юрисдикцией в соответствии со Статьей 3, должно признаваться во всех иных Государствах-членах ЕС с момента вступления в силу такого решения в Государстве инициирования процедуры». На смену данному документу был принят новый Регламент № 2015/848 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О процедурах банкротства (новая редакция)», вступивший в силу 25 июня 2015 года (Российская Федерация не участвует)⁹⁷⁵. Новый Регламент, по свидетельству специалистов, не предлагает кардинальных изменений, но представляет собой, скорее, обобщение позиций Суда Европейского союза, выработанных им при применении прежнего Регламента⁹⁷⁶. Ключевыми новеллами стали нормы о банкротстве трансграничных групп компаний, детализация и уточнение признаков центра основных интересов должника, определяющего юрисдикцию по банкротным делам⁹⁷⁷.

Российский подход к банкротству гражданина представляет собой смешанную модель американского и континентального подхода. Законодатель желает дать «новый старт» для гражданина, который не в состоянии самостоятельно решить свои финансовые трудности, но в то же время, законодатель не пренебрегает и интересами кредитора, назначая довольно высокую сумму долга как основания признания гражданина банкротом и устанавливая негативные юридические последствия для банкрота.

Зарождение института банкротства в Европе.

Банкротство с самых древнейших времен предполагало стечение требований нескольких кредиторов к одному и тому же должнику⁹⁷⁸.

Как известно, начиная с самого появления частной собственности, законодатели никогда не проявляли милосердия к должникам, не способным рассчитаться с кредиторами, что подтверждается историческими памятниками древних и феодальных государств. Длительное время обеспечением долга было не имущество, а сам должник, включая его телесную неприкосновенность, свободу и жизнь.

Начиная с Нового времени в законодательных системах европейских стран начинает активно развиваться институт банкротства. Если сначала процедура данная процедура была направлена в первую очередь на изоляцию, наказание должника, распродажу его имущества и иные санкционные меры, то начиная с конца XIX и особенно в XX веке она становится, скорее, инструментом его защиты от неограниченных требований кредитора, а также механизмом справедливого

⁹⁷⁵ Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings (recast) // Official Journal of the European Union N L 141, 5.6.2015, p. 19.

⁹⁷⁶ Mucciarelli F.M. Private International Law Rules in the Insolvency Regulation Recast: a Reform or a Restatement of the Status Quo? URL: <http://ssrn.com/abstract=2650414> (дата обращения: 20.11.2018)

⁹⁷⁷ Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. 2016. № 5. С. 137 – 149.

⁹⁷⁸ Мальшев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса // Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. М.: Статут, 2007. С. 108, 147.

распределения активов должника среди кредиторов. В буржуазном обществе более важным стало предоставить попавшему в безвыходное материальное положение должнику возможность восстановления платежеспособности, чем наказывать его пожизненным обременением. При этом банкротство предполагалось в ситуациях, когда полный возврат долга оказывался невозможным.

В древнеримском законе XII таблиц, например, было записано, что неудовлетворенные кредиторы имели право разрубать на части тело несостоятельного должника. На противоположном конце Европы, в Норвегии, древнее право разрешало кредитору отрезать несостоятельному должнику ту или иную часть тела. Не менее жестоко позволяли обращаться с должниками и законы феодальных государств Западной Европы. Так, эдикты короля Карла V в Германии, изданные в 1531 и 1540 годах, приравнивали несостоятельных должников к ворами, которых можно было подвергать немедленной казни. Указом короля Франции Франциска I, изданным в 1536 году, предписывалось вести «против банкротов строгое производство... их следует подвергнуть телесному наказанию, наложить на них ошейник и поместить у позорного столба»⁹⁷⁹.

Все вышеперечисленные меры все равно не предотвращали новых банкротств должников, в связи с этим требовалось изменить подход к решению проблемы несостоятельности. Это объяснялось тем, что причиной банкротства должников нашли не в их вине, а в экономике общества, основанного на частной собственности. В итоге, данный процесс привёл к тому, что данный вопрос начали регулировать цивилизованными методами, с помощью норм гражданского права, путём принятия новых законов.

Раннее английское общество предлагало погашать возникшую перед феодалом (т.е. кредитором) задолженность следующим образом: лендлорд (земледелец) может удерживать имущество и иную собственность крестьянина-должника до тех пор, пока последний не вернёт долг либо не представит обеспечение своей оплаты землевладельцу.

В 1542 году в Великобритании принимается первый закон о несостоятельности, в частности, он был направлен против «скрывающихся должников», а именно тех мошенников, которые обманом приобретали товары, но не платили за него и пытались скрыться от своего кредитора. Это даёт очень чёткое понятие о том, где, как полагали в XVI веке, находилась проблема. Над должниками нельзя было устанавливать рабство, эксплуатировать их или каким-либо иным образом издеваться над ними, но их расценивали как преступников⁹⁸⁰. Тем не менее, в данном законе определялся порядок ареста имущества должника и его распределения между кредиторами, а самого должника ожидало уголовное преследование.

⁹⁷⁹ Гришаев С.П., Овчинникова А.В. Эволюция правового регулирования института банкротства // СПС КонсультантПлюс. 2014.

⁹⁸⁰ Omar P. (ed.) International Insolvency Law: Reforms and Challenges (Markets and the Law Series). Ashgate Pub., 2013.

Наказание за банкротство начало ужесточаться в Европе с развитием товарно-денежных и кредитных отношений. В Англии Закон Елизаветы I от 1571 г. № 13 предусматривал арест банкрота с последующей конфискацией его имущества. Принятый в 1571 г. при Елизавете Закон исключил его применение к субъектам, не ведущим предпринимательскую деятельность. С этого времени в Англии допускалась только торговая несостоятельность. Законодательство, охраняя личность должника от покушений на его свободу, не изменило своего взгляда на кредит. Объектом взыскания становились любые будущие имущественные поступления должника.

Только к началу XVIII века в английской правовой системе впервые в мире сформировалось понимание того, что добросовестный банкрот, содействующий наиболее полному возмещению убытков кредиторам, может рассчитывать на прощение невыплаченных долгов, что и нашло законодательное закрепление. С этого времени устраняется уголовная ответственность при неумышленном банкротстве.

В Законе королевы Анны 1706 года устанавливался ряд норм, направленных на освобождение от долгов по окончании процедур конкурсного производства. В частности, данный Закон предусматривал для некоторых категорий купцов право получить документ, удостоверяющий добросовестность действий должника, который освобождал его от дальнейшего предъявления требований. Такой документ не мог быть выдан без согласия большинства кредиторов или при наличии недобросовестности и неразумности действий должника (например, таких как, сокрытие имущества или его растрата игрой на бирже).

Позднее в законодательстве европейских стран получают закрепление восстановительные (санационные) или реорганизационные процедуры, применяемые в ходе судебного разбирательства по делу о банкротстве.

Анализ правового регулирования института о банкротстве в странах Европы.

Элементы и содержание законов о банкротстве в Федеративной Республике Германия.

В странах, где развитие торговли находилось на низкой ступени развития (Россия, Германия), потребность в охране торгового кредита была обеспечена за счет трансформации норм общего исполнительного производства к потребностям торговли. Трансформация указанных норм произошла путем распространения общих норм исполнительного производства, разрешающих столкновение прав взыскателей должника, на всех кредиторов должника-торговца. В странах, где торговля находилась на высокой ступени развития (Италия, Франция, Англия), потребность в охране торгового кредита не могла обеспечиваться за счет трансформации норм общего исполнительного производства к потребностям торговли, что повлекло создание новых норм, отличных от норм общего исполнительного производства, образующих конкурсное право⁹⁸¹.

⁹⁸¹ Кораев К.Б. Основная идея законодательства о банкротстве гражданина // Российская юстиция. 2014. N 7. С. 10 – 13.

Ныне существующий институт несостоятельности в современной Германии начал формироваться в начале девятых годов прошлого века, что, в том числе, было обусловлено процессом объединения с Восточной Германией.

До 1 января 1999 года процесс несостоятельности в Германии регулировался двумя законодательными актами:

1. Конкурсным уставом от 1878 года (в редакции от 1898 года)
2. Законом от 1935 года «О мировых сделках (соглашениях)»

Немецкие правоведы оценивали состояние банкротного законодательства как «критически непригодным». Так, по статистике, мировым соглашением завершался всего один процент рассматриваемых судом дел несостоятельных субъектов, а порядка трех четвертей всех конкурсных производств не могли быть открыты ввиду установления отсутствия конкурсной массы, примерно десять процентов конкурсных производств не могли быть надлежащим образом завершены из-за недостатка конкурсной массы. Указанные обстоятельства потребовали коренным образом изменить законодательство о несостоятельности. В результате 21 апреля 1994 года был принят новый Федеральный закон, регулирующий несостоятельность (Закон о банкротстве Германии), вступивший в силу с 1 января 1999 года^{982 983}.

Главной целью реформирования института несостоятельности в Германии являлось создание единой системы ведения процедуры банкротства. Кроме этого, второстепенными целями реформ были обозначены усиление автономии кредиторов несостоятельного должника (через включение в процедуру несостоятельности кредиторов с обеспечением возврата задолженности, т.е. залоговых кредиторов, через предоставление кредиторам возможности определять судьбу несостоятельного должника посредством введения санации и т.п.); введение внесудебной санации; проведение мероприятий, позволяющих устранить недостаточность конкурсной массы; внедрение субсидиарной ответственности органов, обязанных подать заявление о признании должника несостоятельным и другие. Таким образом, закон направлен на устранение недостатков прежнего регулирования и совершенствования конкурсных процедур.

Новое положение о несостоятельности значительно упростило конкурсное производство. С его принятием была завершена почти двадцатилетняя дискуссия о реформе. Характерно, что закон вводится в действие только по истечении пяти лет после его опубликования, с тем, чтобы все заинтересованные субъекты права смогли ознакомиться с ним и подготовиться к его исполнению⁹⁸⁴. Причины фискального характера, объясняющие столь длительный разрыв между

⁹⁸² Положение о несостоятельности от 5 октября 1994 г. // Германское право. М., 1999. Ч. 3. С. 128 – 220.

⁹⁸³ Арутюнян Н.Г., Одинцов С.В. Концепция приоритета прав кредиторов: анализ законодательства о несостоятельности ФРГ в сравнении с российским конкурсным правом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. N 6. С. 53 – 63.

⁹⁸⁴ Папе Герхард. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии. Комментарий к действующему законодательству / Пер. с нем. – М.: Издательство БЕК. 2002. – 272 с. (Серия «Гражданское и экономическое право Германии»)

опубликованием и вступлением закона в силу, были связаны с включением в Положение о несостоятельности новелл об освобождении потребителей от выплаты оставшейся задолженности, т.к. существовало опасение, что внедрение в практику нового порядка рассмотрения дел о несостоятельности приведет к резкому возрастанию персональных и финансовых перегрузок органов правосудия. Поэтому сроки введения в действие нового закона о несостоятельности были отложены на целых пять лет.

Согласно § 11 Закона о банкротстве Германии несостоятельными должниками могут быть признаны и физические и юридические лица. К физическим лицам относятся любые субъекты, обладающие правоспособностью, в т.ч. и ограниченно-дееспособные (несовершеннолетние, душевнобольные). Юридические лица частного права могут считаться должниками без исключений, но также несостоятельными признаются и юридические лица публичного права. В ФРГ в качестве несостоятельного должника могут выступать и организации, не обладающие статусом юридического лица. Роль должника тесно связана с так называемой способностью быть несостоятельным субъектом⁹⁸⁵.

В одном ряду с физическими и юридическими лицами в списке 21 субъектов конкурсного производства в абз. 2 § 11 называются также торговые товарищества без образования юридического лица (полные, коммандитные, простые товарищества).

Возбуждение производства по делу о несостоятельности допускается и в отношении самостоятельной имущественной массы, например, наследство или общее имущество супругов.

Законодательство ФРГ о несостоятельности включает нормы материального права и процедурно-процессуальные нормы, но институт несостоятельности традиционно относится к числу процессуальных институтов. Производство по делу о несостоятельности должника, помимо нового Федерального закона 1994 года, регулируется нормами германского гражданского процессуального права.

Дела о несостоятельности подлежат рассмотрению участковыми судами земель по месту нахождения коммерческого представительства должника или, если таковое отсутствует, в соответствии с общими процессуальными положениями о подсудности.

Согласно Постановлению Европейского суда дополнительное рассмотрение дела может быть открыто в государстве – члене Европейского союза, где должник был учрежден и имел зарегистрированный офис, но не в месте его основной деятельности ("центре основных интересов")⁹⁸⁶.

⁹⁸⁵ Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. 416 с.

⁹⁸⁶ Одинцов С.В. Гармонизация регулирования процедур трансграничного банкротства в странах Европейского союза // Сборник статей Международной научно-практической конференции памяти проф. В.К. Пучинского. М.: РУДН, 2014.

Действующее законодательство Германии предусматривает три правовых основания для подачи заявления в суд о признании должника несостоятельным:

1. Неплатёжеспособность должника.
2. Наличие сверхзадолженности.
3. Угрожающая неплатёжеспособность.

Стоит отметить, что данные основания были заимствованы и российским законодателем при разработке отечественного закона о банкротстве.

Критерий неплатёжеспособности является всеобщим основанием для введения процедуры несостоятельности и применяется как для физических, так и для юридических лиц. Данный критерий означает остановку платежей должником, при этом производится различие между остановкой платежей и нежеланием производить платежи и затруднений, которые должник имеет в связи с осуществлением платежей. Неплатежеспособным должник становится тогда, когда не может погасить менее 90 процентов своих обязательств на момент наступления сроков платежа.

Критерий угрожающей неплатёжеспособности означает недостаточность платёжных средств субъекта права, включая все кредитные линии и сопоставимые ценности, для исполнения обязательств в течение определенного промежутка времени. Заявление по причине угрожающей неплатежеспособности может быть подано только самим должником, а заявление на открытие конкурсного производства – любым кредитором, который представит суду доказательства, свидетельствующие о наличии у него требований к компании.

Критерий сверхзадолженности (превышение активов над пассивами) является основанием для открытия конкурсного производства только в отношении юридических лиц. При этом должен учитываться так называемый статус превышения. Это необходимо для установления факта превышения пассивов над активами. Если должник, несмотря на угрожающую несостоятельность, продолжит свою деятельность, то при оценке активов можно использовать (более высокие) показатели продолжающейся деятельности, в иных случаях в основу должны быть положены показатели дробления. Если же сумма обязательств превышает стоимость активов, то субъект (должник) является несостоятельным.

В существовавшем Конкурсном уставе отсутствовали нормы, которые бы определяли законность заинтересованность кредитора в подаче заявления об открытии конкурсного производства. В ныне действующем Положении о Несостоятельности чётко устанавливается законный характер интереса кредитора. Действует общий принцип, согласно которому законность интереса не признается, если ходатайствующий о возбуждении производства кредитор имеет возможность реализовать свои притязания иным, более простым и целесообразным путём.

Кроме этого, законность интереса кредитора к процедуре ставится под сомнение, если заявление используется в противоправных целях, чтобы:

1. Причинить убытки конкурентам или исключить их из конкуренции в принципе.

2. Использовать заявление о неплатёжеспособности в качестве средства давления для достижения частичного исполнения обязательств, на которые кредитор не вправе притязать.

3. Предъявить спорное требование, разбирательство которого происходит в рамках гражданского производства.

Размер требования в указанных обстоятельствах не имеет значения, т.к. даже сравнительно небольшие суммы требования, не реализованные в рамках исполнительного производства, равно как и документы, с исполнительной надписью, уже обеспечивают право на подачу заявления. В целях опровержения заявления должник в таком случае может сослаться на рассматриваемый в судебном порядке спор.

Таким образом, опираясь на проведенное исследование института несостоятельности в некоторых европейских и мировых державах, можно сделать вывод об определенно динамичном развитии данного института, который обладает большой историей, имеет тенденцию постоянно изменяться и играет важную роль в экономической стабильности государств. Вместе с этим, правовое регулирование банкротного законодательства обладает свойственной каждому государству спецификой, что приводит к вопросам в случае транснационального банкротства или, когда кредиторами должника являются иностранные лица.

Каждое государство принимает закон о несостоятельности с учётом своих культурных и исторических особенностей в разные периоды времени, что не может не касаться международного права и взаимодействия государств, юридических и физических лиц. Попытки Европейского Союза унифицировать регулирование процедуры банкротств в странах ЕС носят общий характер, что практически не способствует выработке единообразного законодательства.

Как выяснилось, современное российское законодательство о несостоятельности имеет ярко выраженную склонность к немецкой правовой модели, которая построена на принципах концепции США, но со своей спецификой, которую необходимо дорабатывать и изменять, ставя в приоритет интересы должника, а не кредиторов. В любом случае опыт реформирования и анализ норм законодательства стран романо-германской правовой системы позволят предвидеть тенденции дальнейшего развития отечественного права.

§ 19. К вопросу о правовой защите исторической памяти Второй мировой войны

9 мая 2020 г. в Российской Федерации отмечается 75-летие окончания Второй мировой войны. В связи с этим Президент Российской Федерации В.В. Путин своим Указом объявил текущий год в России Годом памяти и славы⁹⁸⁷.

⁹⁸⁷ Указ Президента Российской Федерации от 08 июля 2019 г. № 327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы». – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44425> (дата обращения 03.04.2020).

Именно поэтому совершенствование правового механизма в сфере защиты исторической памяти от умышленного искажения фактов, имеющих отношение к событиям Второй мировой войны, является для нашей страны приоритетным направлением в международной работе⁹⁸⁸.

В последнее время в некоторых западных странах наметилась тенденция к намеренному искажению фактических данных, связанных с основными событиями Второй мировой войны, в частности, отметим российско-польский конфликт, основанный на непримиримых противоречиях обеих стран по поводу оценок исторических явлений во внешней политике.

Так, по инициативе Польши и в связи с 80-й годовщиной начала Второй мировой войны, парламентом Европейского союза (далее – ЕС) принята резолюция «О важности европейской памяти для будущего Европы»⁹⁸⁹. Согласно положениям названного документа, именно заключение Советским Союзом и Германией договора о ненападении явилось началом военной агрессии, направленной обеими тоталитарными странами против Европы (п.2). Парламент ЕС осуждает сталинизм, приравнивая его к нацизму (п.6), а также утверждает, что Россия является главной жертвой коммунистического тоталитаризма и ей следует «смириться» со своим трагическим прошлым (п.15).

В резолюции ЕС отмечается, что государственные памятники и мемориалы, «прославляющие» тоталитарные режимы, являются способом искажения исторических фактов о последствиях Второй мировой войны (п.18). Такое утверждение, по сути, признает законными действия националистов некоторых западных стран по осквернению памятников, посвященных героическим подвигам советских солдат, а также акты надругательства и вандализма в отношении воинских захоронений, находящихся за пределами Российской Федерации.

Ответной мерой, защищающей память павших в борьбе за Родину солдат и военачальников, явилось принятие 31 марта 2020 г. Государственной Думой РФ в третьем чтении федерального закона о дополнении Уголовного кодекса РФ ст. 243⁴, регламентирующей ответственность за уничтожение или повреждение воинских захоронений, памятников и других мемориалов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или посвященных дням воинской славы России⁹⁹⁰. Новая уголовно-правовая норма распространяет свое действие на объекты преступного

⁹⁸⁸ Выступление Председателя Государственной Думы В. Володина на открытии весенней сессии Государственной Думы // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/47502/> (дата обращения 02.04.2020).

⁹⁸⁹ Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 года «О важности европейской памяти для будущего Европы». – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения 03.04.2020).

⁹⁹⁰ Проект закона Российской Федерации № 917030-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или посвященных дням воинской славы России)». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/917030-7> (дата обращения 03.04.2020).

посягательства, которые расположены как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Повышенная ответственность предусмотрена в том случае, если воинские захоронения и мемориалы посвящены борьбе с фашизмом, дням воинской славы России в период Великой Отечественной войны либо памяти военачальников, боровшихся с фашизмом (ч. 2 ст. 243⁴ УК РФ).

Министерством обороны РФ подготовлен законопроект, предусматривающий запрет на въезд в Россию иностранных граждан, причастных к уничтожению или повреждению таких захоронений и мемориалов, с последующими правовыми ограничениями материального характера (арест денежных счетов, запрет на распоряжение имуществом на территории Российской Федерации и т.д.)⁹⁹¹. Предполагается, что подобные меры будут применяться и к иностранным гражданам, «наделенным государственными полномочиями и способствовавшим своими действиями (бездействием) уничтожению, повреждению или осквернению памятников».

Попытки исказить историю Второй мировой войны и изменить представления мировой общественности о значении Советского Союза в ключевых военных событиях встречаются не только в политике, но и в культурной среде.

Например, британский писатель и преподаватель Кембриджского университета К. Катервуд, рассуждая о том, кто же все-таки был победителем Второй мировой войны, пришел к выводу о решающей роли США в спасении всего мира от фашизма⁹⁹².

В отечественном научном сообществе нередко упоминаются такие писатели, как В. Суворов, В.В. Карпов, использовавшие в своих трудах сфальсифицированные исторические факты⁹⁹³. В. Суворов является автором концепции о превентивной войне Германии против СССР, а также одним из основоположников идеи о намеренной агрессии Советского Союза относительно Польши, характеризуя деятельность СССР, не иначе, как «...растерзав и утопив в крови Польшу», «...ударив топором в спину Польши»⁹⁹⁴. Подобные утверждения не только категорически противоречат окончательным, не подлежащим пересмотру выводам приговора Нюрнбергского трибунала, но и оскорбляют память о защитниках Родины.

Правительства некоторых восточноевропейских стран пытаются реализовать политические концепции, искажающие исторические данные относительно событий XX века, в том числе внешней политики СССР, путем уголовного преследования за распространение коммунистических взглядов. Так, в Литве предусмотрена уголовная ответственность за отрицание «агрессии» как нацистской Германии, так

и Советского Союза⁹⁹⁵. Закон Украины о «декоммунизации» уравнивает коммунистический и нацистский режимы, а пропаганду коммунизма признает «надругательством над памятью жертв коммунистического тоталитарного режима»⁹⁹⁶.

Таким образом, в ходе информационно-исторической войны, осуществляемой силами Западных стран, в мировом сообществе распространяется унижительная концепция о наследии России якобы преступного советского прошлого, за которую нам, потомкам воинов-победителей, должно стать стыдно. Подобные не соответствующие действительности идеи, подверженные вольной субъективной оценке и ненаучной интерпретации подлинных исторических материалов, являются прямой угрозой национальной безопасности нашей страны, а также препятствием для нормальных межнациональных и межэтнических взаимоотношений.

С целью предотвращения возникновения неонацистской идеологии, оправдывающей преступления немецких фашистов и коллаборационистов, для защиты интересов государства и общества, Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 354¹, предусматривающей ответственность за реабилитацию нацизма. Согласно основному составу указанной правовой нормы лицо подлежит уголовной ответственности за публичное отрицание фактов и одобрение преступлений, установленных приговором Нюрнбергского Трибунала, а также за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны».

По замыслу законодателя, уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за реабилитацию нацизма, призвана охранять историческую память нашего народа. Конструкция статьи 354¹ УК РФ имеет явный исторический контекст, при этом предусматривает размытые категориальные формулировки, не имеющие правовой конкретики. Например, исходя из диспозиции упомянутой статьи неясно, какие именно сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны следует считать «заведомо ложными».

В ходе исследования проблемы привлечения к уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, Е.В. Грибановым и И.В. Яблонским были предложены основные направления умышленной фальсификации исторических фактов, за распространение которых лицо несет наказание в соответствии с ч.1 ст. 354¹ УК РФ⁹⁹⁷. К ним относятся такие факты, как лишение СССР и его правопреемницы – России статуса «победителя» над фашистской агрессией; обвинение СССР в развязывании войны в Европе совместно с нацистской Германией; отрицание подвига советского

⁹⁹¹ Проект закона Российской Федерации «О мерах воздействия на лиц, причастных к уничтожению, повреждению или осквернению памятников выдающимся российским военачальникам и значимым событиям истории». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=185609#06147639833690952> (дата обращения 03.04.2020).

⁹⁹² Catherwood C. World War II A Beginner's Guide. – London. – 2014. – 220 p. / пер. К.М. Кравченко. Катервуд К. Вторая мировая война: руководство для начинающих. – Лондон. – 2014. – С. 190.

⁹⁹³ Дюков А. «The Soviet Story»: Механизм лжи. – М., 2008. – С. 15, 84.

⁹⁹⁴ Суворов В. Ледокол: Кто начал вторую мировую войну; День «М»: Когда началась Вторая мировая война. – М., 1994. – С. 37-38

⁹⁹⁵ Додонов В.Н. Уголовно-правовая охрана исторической правды: зарубежный опыт и развитие российского законодательства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 3 (41). – С. 91.

⁹⁹⁶ Закон України от 09.04.2015 № 317-VIII «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» / пер. К.М. Кравченко. Закон Украины от 09 апреля 2015 г. № 317-VIII «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». – URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150317.html (дата обращения 04.04.2020).

⁹⁹⁷ Грибанов Е.В., Яблонский И.В. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: историко-правовые основания и характеристика // Общество и право. – 2017. – № 1 (59). – С.146.

народа; подмена понятий «оккупация» и «освободительная миссия» относительно деятельности СССР по отношению к восточноевропейским странам и др.

А.Ю. Иванов, анализируя объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 354¹ УК РФ, пришел к выводу об ограничительном толковании «деятелиности СССР в годы Второй мировой войны» в соответствии с фактами, изложенными в приговоре Нюрнбергского трибунала⁹⁹⁸.

Говоря о недостатках правовой нормы, регламентирующей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, отметим возможность возникновения у правоприменителей трудностей в связи с объективной оценкой действий лица. Так, ч. 3 ст. 354¹ УК РФ предусматривает санкцию за осквернение символов воинской славы России, при этом законодатель не разъясняет, какие символы имеют отношение к событиям Второй мировой войны. К таковым могут относиться воинские захоронения, музейные комплексы, памятники, мемориалы, посвященные борьбе с фашизмом и являющиеся одновременно объектом правовой охраны в соответствии с новой нормой, предусмотренной ст. 243⁴ УК РФ. На наш взгляд, в данном случае может иметь место конкуренция уголовно-правовых норм, в связи с чем согласимся с мнением о несоответствии действий по осквернению символов воинской славы с актами реабилитации нацизма, а также необходимости исключения такого альтернативного действия объективной стороны из диспозиции ч. 3 ст. 354¹ УК РФ⁹⁹⁹.

Таким образом, одним из способов охраны исторической памяти в Российской Федерации является своевременное реформирование уголовного законодательства, актуальное для окружающей действительности. Важным шагом по совершенствованию правового регулирования в этой сфере будет устранение технико-юридических недостатков в действующей норме, предусматривающей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, путем уточнения формулировок, используемых в ее диспозиции, и устранения избыточной конкуренции с иными уголовно-правовыми нормами.

§ 20. Федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы»: история создания, цели и этапы¹⁰⁰⁰

23 июля 2019 года в ходе заседания Правительства РФ было принято решение о разработке федеральной программы по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества. Меньше, чем через месяц, Правительством была рассмотрена и одобрена Федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при

⁹⁹⁸ Иванов А. Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2017. С. 113-114.

⁹⁹⁹ Иванов А.Ю. Указ. соч. С. 156.

¹⁰⁰⁰ Данный параграф выполнен Е.С. Урдиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

защите Отечества на 2019–2024 годы». Так, 9 августа 2019 года Правительство подписало Постановление №1036 об утверждении федеральной целевой программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы». Участниками программы становятся 76 субъектов России, в том числе и Дальневосточный федеральный округ; Республика Крым, город Севастополь; Мурманская область; Калининградская область. Заказчиком выступает Министерство обороны РФ.

Необходимость создания подобной федеральной целевой программы обусловлено, прежде всего, тем, что на территории РФ существует проблема поддержания в удовлетворительном состоянии военно-мемориальных объектов. Кроме того, спустя 75 лет после окончания войны продолжают поступать сводки об обнаружении останков погибших при защите Отечества, которые необходимо захоронить с воинскими почестями. В свою очередь, органы субъектов не в силах в полной мере самостоятельно обеспечить процесс реставрации воинских захоронений на своих территориях¹⁰⁰¹. Таким образом, государство выделит субъектам-участникам субсидии из федерального бюджета, направленные на помощь в реализации поставленных перед ними задач в ходе осуществления целевой программы. В Постановлении Правительства №1036 закреплено положение, согласно которому будет осуществляться мониторинг процесса реализации целевой программы¹⁰⁰². Будут также прописаны необходимые критерии отбора поставщиков и подрядчиков для проведения соответствующих работ. Всё это будет создано, прежде всего, для того, чтобы повысить эффективность целевых расходов из бюджета.

По подсчетам Министерства обороны РФ, из 31078 зарегистрированных воинских захоронений более 31% от их общего числа имеют неудовлетворительное состояние и требуют срочного восстановления. Всего на территории РФ количество невосстановленных воинских захоронений составляет более 9000: на Дальнем Востоке – 525; в Северо-Кавказском федеральном округе – 433; в Мурманской области – 4; в Республике Крым и Севастополе – 176; Калининградской области – 127¹⁰⁰³. Сложившаяся ситуация связана прежде всего с тем, что большинство военных захоронений были произведены в послевоенное время и были сконструированы из непрочных строительных материалов, таких как гипс, бетон или гранитная крошка.

Временной период реализации указанной программы также выбран не случайно. Выполнение задач, прописанных в документе необходимо для сохранения исторической справедливости в отношении победителей Второй мировой войны, а

¹⁰⁰¹ Закон РФ от 14.01.1993 N 4292-1 (ред. от 01.04.2020) «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15556/ (Дата обращения 29.04.2020).

¹⁰⁰² Постановление Правительства РФ от 09.08.2019 N 1036 (ред. от 10.12.2019) «Об утверждении федеральной целевой программы "Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019 – 2024 годы"». – URL: [Официальный сайт Правительства Российской Федерации http://government.ru/docs/37653/](http://government.ru/docs/37653/) (Дата обращения 01.05.2020).

¹⁰⁰³ Приложение № 6 к федеральной целевой программе «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019 – 2024 годы». URL: [Официальный сайт Правительства Российской Федерации http://government.ru/docs/37653/](http://government.ru/docs/37653/) (Дата обращения 30.04.2020)

также увековечения достойной памяти всех погибших, защищавших своё Отечество. К тому же, в этот период будет вестись активная подготовка к празднованию юбилейных годовщин празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне (в 2020 году – 75 лет Победы; а в 2025 – 80 лет Победы).

Помимо перечисленных закреплённых в документе задач, которые стоят перед участниками, данная программа также несёт в себе сочетание воспитательного, экономического и социального эффектов. Под воспитательным эффектом понимается развитие уважительного отношения граждан РФ к памяти погибших при защите Отечества, чувства гордости, а также, несомненно, подтверждение статуса Российской Федерации как державы, имеющей героическое историческое наследие. Под экономическим эффектом понимается результат своевременно выполненных работ, который позволит на протяжении следующих 20-25 лет не производить первоначальный ремонт захоронений за счет средств федерального бюджета. Что касается социального эффекта, то он, в первую очередь, означает, что воспитание подрастающего поколения будет строиться на патриотических началах, способствуя желанию самоотверженно служить своей стране.

К концу 2024 года ожидается, что будут реализованы все поставленные перед субъектами цели и задачи. Так, должны быть приведены в удовлетворительное состояние более 9000 единиц существующих воинских захоронений; нанесены более 240 тысяч имен погибших при защите Отечества на мемориальные сооружения воинских захоронений по месту захоронения; погребены останки военных, найденных в ходе проведения поисковых работ. Важно понимать, что только при слаженной работе всех участников программы может быть достигнут максимально достойный результат.

§ 21. Особенности советской модели социальной деятельности и ее нормативно-правовое регулирование

После революционных событий октября 1917 года и прекращения деятельности государственных органов империи, в России система социального обеспечения, по большей части, прекратила свое существование. Становление системы социального обеспечения советского государства началось практически сразу после революции.

Уже в ноябре 1917 г. для решений целей помощи нуждающимся трудящимся был организован Наркомат государственного призрения, который стал преемником Министерства государственного призрения, созданного Временным правительством. Первым наркомом государственного призрения стала Александра Михайловна Коллонтай. Назначение ее являлось неслучайным, так как она являлась яркой сторонницей эмансипации, отстаивала права женщин и детей, смело смотрела вперед и не пасовала перед трудностями. Личность Александры Михайловны отлично характеризует одна из строчек ее дневника: «...глаза мои отрываются от прошлого

без слез. Гляжу вперед. В будущее»¹⁰⁰⁴. Новое советское правительство видело в ней идеального руководителя такого непростого ведомства, как наркомат государственного призрения. Новый наркомат принял все дела, связанные с охраной материнства и детства, социальным обеспечением трудящихся масс, попечением над несовершеннолетними, престарелыми, нетрудоспособными и инвалидами. Действовавшие до революции благотворительные организации и учреждения были ликвидированы. Так, было упразднен Александровский комитет, который занимался попечением над ранеными и получившими увечье воинами, а также Санкт-Петербургский Совет детских приютов.

Для попечения над детьми в январе 1925 года при наркомате был создан Детский отдел, который осуществлял руководство детскими приютами. Результатом деятельности наркомата стало так же создание родильных палат, медицинских учреждений, консультирующих беременных женщин, родильниц и младенцев.

В ноябре 1918 года был образован Наркомат социального обеспечения, который стал правопреемником Наркомата государственного призрения. Создание нового наркомата было обусловлено, прежде всего, тем, что в этот период вернулись с фронтов Первой мировой войны большое количество солдат, получивших ранения и увечья и уже в августе 1918 г. был принят Декрет, регламентирующий создание системы пенсионного обеспечения таких лиц.

Советский законодатель позаботился, так же и о социальном обеспечении трудящихся масс. Уже в октябре 1918 года был принят ряд нормативно-правовых документов о социальном обеспечении граждан РСФСР, которые являются трудящимися. Источником финансирования при этом выступало государство. Таким образом, произошла национализация сферы социального обеспечения и ее объектов, таких как богадельни, больницы, приюты¹⁰⁰⁵. Видами социальной помощи советским трудящимся стали: бесплатная медицинская помощь, пенсионное обеспечение, материальные выплаты и помощь продуктами и товарами промышленного производства, а также создание родильных домов и приютов для младенцев и детей, оставшихся без попечения родителей. Необходимо отметить, что с введением продразверстки, наибольшее распространение получила помощь неимущим натуральным образом – продуктами и промтоварами, так как товарно-денежные отношения были приостановлены¹⁰⁰⁶. Созданный народный комиссариат не охватил все аспекты социального обеспечения, вопросами пенсионного обеспечения трудящихся ведал отдел социального обеспечения, созданный в рамках Наркомата труда.

Решая острейшие вопросы социального обеспечения граждан, советское правительство не могло не обратить внимание на проблему детей-сирот. Фронты Первой мировой и гражданской войны, революционное лихолетье оставили без

¹⁰⁰⁴ Коллонтай А. М. Отрывки из дневника 1914 г. – Л. – 1925. – С. 79.

¹⁰⁰⁵ Лепихов М.И. Право и социальная защита населения. – М. – 2000. – С. 93.

¹⁰⁰⁶ Выдрин И.В., Выдрина И.И. Социальное государство как фактор становления отрасли социального права России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург. – 2016. – С. 71.

попечения родных огромное количество детей и подростков. Уже с первых дней советской власти были созданы специальные детские комиссии, которые осуществляли розыск таких несовершеннолетних и определение их в приюты и детские дома. Несколько позже Декретом СНК были созданы комиссии по делам несовершеннолетних. По данным Ю. В. Васильевой, к лету 1919 года в РСФСР были созданы 1374 детских сиротских учреждения¹⁰⁰⁷. Принятые меры по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности оказались недостаточными и эти социальные явления только усугублялись, что вызвало необходимость принятия государством более решительных мер, которые вылились принятием Декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о создании Чрезвычайной комиссии по улучшению положения детей¹⁰⁰⁸. Необходимо отметить, что социальное обеспечение граждан было ориентировано, в основном, на жителей городов, сельские же жители не были им охвачены, хотя более трех третей населения проживали в сельской местности и не могли рассчитывать на помощь со стороны государства. В таких местностях действовал обычай взаимопомощи.

Дальнейшее совершенствование системы социального обеспечения произошло уже во время проведения в нашей стране Новой экономической политики. Политика военного коммунизма не оправдала надежд, которые на нее возлагали руководители государства. Продразверстка лишь усугубила и без того плачевное положение крестьянского населения и стала причиной резкого обнищания трудящихся масс. В этой связи, с введением НЭПа, был разработан и введен в действие ряд законодательных актов. Так, в начале 1921 г. на местах были созданы специальные крестьянские Комитеты общественной взаимопомощи, призванные восполнить отсутствие учреждений социального обеспечения. Их создание было важным шагом на пути становления системы социального обеспечения на селе, однако, только к 1928 гг.¹⁰⁰⁹ такие комитеты были образованы повсеместно. Они явились инструментом вспомогательной помощи государственным учреждениям социального обеспечения и занимались помощью детям, оставшимся без попечения родителей, вдовам, инвалидам и другим категориям нуждающихся. На откуп местным органам власти были отданы так же и вопросы охраны матери и ребенка. Организация родовспоможения и признание младенцев, оказавшихся без попечения родителей, финансировались из местного бюджета, так как все основные материальные ресурсы государства были направлены на стабилизацию экономики.

В 1925 году было принято Положение о социальном страховании инвалидов труда, а также членов семей умерших или пропавших без вести инвалидов труда. Это положение положило начало возникновению института персональных пенсий в советском государстве. Размеры персональных пенсий не являлись жестко утвержденными и варьировались в зависимости от значения личного вклада

персонального пенсионера в дело государства. Появилось пенсионное обеспечение неимущих граждан, одиноких и имеющих иждивенцев.

С развитием государства были расширены и задачи Народного комиссариата социального обеспечения, что было отражено в принятом в 1937 году новом положении о Наркомате. Увеличивается круг лиц, имеющих право на получение социальной помощи от государства, вводятся новые пособия и пенсии, иные виды помощи, в том числе, натуральной.

С началом Великой Отечественной войны характер социального обеспечения поменялся. На передний план выносятся вопросы поддержки семей военнослужащих, получивших ранения, инвалидность или погибших на фронтах войны. Уже 26 июня 1941 года был издан указ об установлении специальных пособий членам семей фронтовиков. Впоследствии вопросы помощи таким лицам не раз поднимались руководством государства и находили свое отражение в законотворческой деятельности¹⁰¹⁰. Вопросы социального обеспечения фронтовиков и членов их семей регулировались не только отраслью права социального обеспечения, но и другими. Так, военнослужащие Красной армии, проходящие службу на фронтах войны, были освобождены от необходимости оплачивать коммунальные услуги и налоги.

Послевоенный период стал тяжелым испытанием для населения нашей страны. Большое количество погибших и пропавших без вести граждан, инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, поставили систему социального обеспечения в критическую ситуацию. Уже в первые послевоенные годы было создано большое количество детских домов, очагов, домов инвалидов для помощи нуждающимся таким категориям. Параллельно велся розыск родственников потерявшихся во время войны детей и подростков.

В 1947-56 годах происходит совершенствование системы пенсионного обеспечения. Вводятся пенсии инвалидам войны, а также повышается размер пенсий работников химической, угольной, строительной и других отраслей промышленности. Эти меры имели своей целью привлечь граждан для работы на промышленных предприятиях.

После упразднения наркоматов и создания министерств в 1949 году, Народный комиссариат социального обеспечения был преобразован в Министерство социального обеспечения, которое стало преемником наркомата и продолжило выполнять его задачи.

Дальнейшее совершенствование системы социального обеспечения советского государства выразилось в принятии 14 июля 1956 г.¹⁰¹¹ Закона о государственных пенсиях. Новый закон расширил круг лиц, имевших право на получение пенсионных выплат, и выделил пенсионное обеспечение в отдельный институт законодательства.

¹⁰⁰⁷ Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. – М. – 2010. – С. 3.

¹⁰⁰⁸ Васильева Ю. В. Указ. соч. С. 3.

¹⁰⁰⁹ Право социального обеспечения России: учеб. – М. – Проспект. – 2010. – С. 95.

¹⁰¹⁰ Субботенко В.К. Процедурные правоотношения в социальном обеспечении. Томск. -1980. – С. 52.

¹⁰¹¹ Мачульская Е.Е. Право на социальное обеспечение естественное и неотъемлемое право человека// Вестник Моск. Ун-та. – 1988. – №5. – С. 22.

Реформы, проводившиеся в России в середине 1980-х – начале 90-х годов XX века, существенно повлияли на систему социального обеспечения граждан. Существовавшая на бумаге, она не поспевала за ростом инфляции, пенсии и пособия обесценивались, созданный в советское время социальный патронаж, был практически уничтожен, общественные и религиозные организации не имели финансовой возможности поддерживать нуждающихся. Комплексная и целенаправленная деятельность государственных органов советского государства позволило за короткий период создать разветвленную систему социального обеспечения граждан государства при всех видах социальных рисков – от беременности и малолетства до старости и инвалидности¹⁰¹². Социальное обеспечение советского государства можно охарактеризовать как всеобщее и равное, доступное и многообразное.

Таким образом, необходимо отметить, что в советский период, по сравнению с периодом дореволюционным, социальное обеспечение превратилось в сложную, разветвленную структуру государственных органов. Созданный с образованием советского государства Наркомат социального обеспечения, несмотря на сложные условия, осуществлял функции по охране материнства и детства, социальной защиты инвалидов войны и членов их семей, престарелых.

§ 22. Некоторые вопросы правового регулирования сроков давности в Уголовном праве Российской Федерации

Давность привлечения лица, совершившего преступление, к мерам уголовной ответственности всегда являет собой истечение с момента совершения преступления определенного срока, который законодательно установлен. Соответственно, основным элементом правового института сроков давности привлечения лица к мерам уголовной ответственности, является категория «истечение срока давности». При этом общественно опасный характер деяния само по себе прошествии времени не нивелирует все свойства преступления. Время, которое истекло после того, как лицо совершило определенное преступление по своей сути, не будет менять его правовой природы. Но, тем не менее, прошествии времени будет иметь правовое значение, в виду того, что именно с истечением указанного в рамках уголовного времени будет связано непосредственное материально-правовое основание института давности уголовной ответственности, а именно отпадение или же существенное снижение той общественной опасности виновного в совершении преступления лица, после его совершения к самому дню, когда данное лицо будет привлечено к мерам уголовной ответственности¹⁰¹³.

Степень общественной опасности преступного деяния во многом предопределяют продолжительность сроков давности привлечения к уголовной

ответственности. В частности, чем менее тяжкими будет совершенное преступное деяние, то соответственно оно быстрее будет «забываться» государством, обществом и потерпевшим, соответственно, вполне разумно, что необходимо меньшее количество времени для того, чтобы исчезла сама необходимость реагирования на данное преступное деяние мерами уголовной ответственности. Указанное правило справедливо с обратной стороны, чем более тяжким будет являться преступное деяние, тем больше времени необходимо для того, чтобы исчезла сама необходимость реагирования на данное преступное деяние мерами уголовной ответственности¹⁰¹⁴.

В уголовно-правовой литературе существует общепризнанная формула определения сроков давности привлечения к уголовной ответственности за преступления той или иной степени тяжести. В частности, срок давности будет прямо соответствовать (либо же в отдельных случаях превышать) продолжительность возможного срока наказания за совершенное преступление. В научной литературе имеет место дискуссия относительно того, какой конкретно срок давности может быть у преступных деяний той или иной категории¹⁰¹⁵. В УК России сроки давности дифференцируются исходя из тяжести совершенного преступного деяния. В основу определения степени тяжести преступного деяния положена классификация преступлений (ст. 15 УК РФ). При этом следует указать на то, что в основу указанной классификации положены такие категории как характер и степень общественной опасности преступного деяния. Форма вины, вид и размер наказания также позволяют более глубоко дифференцировать преступные деяния в рамках одной категории.

Согласно общей теории уголовного права, преступные деяния, относящиеся к преступлениям небольшой и средней тяжести, а также тяжкие преступления, могут быть как умышленными, так и неосторожными преступлениями. Особо тяжкие преступления могут быть только умышленной формой вины.

УК РФ, согласно ч. 1 ст. 78, устанавливает четыре вида давностных срока привлечения: а) два года после совершения преступления небольшой тяжести; б) шесть лет после совершения преступления средней тяжести; в) десять лет после совершения тяжкого преступления; г) пятнадцать лет после совершения особо тяжкого преступления. Согласно ч. 2 ст. 15 УК РФ, преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы. Согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ, преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание,

¹⁰¹² Буянова М.О., Кобзева С.И., Кондратьева З.А. Право социального обеспечения. – М. – 2017. – С. 10.

¹⁰¹³ Махмудова М.А. Сроки давности в уголовном праве России: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Махачкала, 2011. С. 83.

¹⁰¹⁴ Амарсайхан О.А. Срок давности привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления, некоторые вопросы его правового регулирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 107.

¹⁰¹⁵ Соболева Е.А. Институт давности в уголовном праве Российской Федерации // Союз криминалистов и кримиологов. 2018. № 4. С. 117.

предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы. Согласно ч. 4 ст. 15 УК РФ, тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пятнадцати лет лишения свободы. Согласно ч. 5 ст. 15 УК РФ, особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание

Исходя из вышеизложенного, следует указать также на то, что не является тождественными классификация давностных сроков и классификация преступных деяний, которые закреплены в рамках ст. 15 УК РФ, хотя по своей сути они достаточно близки. Мы можем сделать вывод о том, что дифференциация срока давности привлечения преступника к мерам ответственности прямо связано с определением категорий преступлений (соответствующая модель определения закреплена в рамках ст. 15 УК РФ) и определяется исходя из размера максимального наказания, которое может быть назначено за то или иное преступное деяние.

Отметим, что указанное выше правило, касающееся того, что срок давности должен быть либо равен, либо же превышать продолжительность срока наказания, которое назначается за совершение преступления, в ныне действующем УК РФ соблюдено законодателем не полностью, а именно, при установлении сроков давности за преступления небольшой тяжести, средней тяжести и тяжкие преступления. Что же касается последнего срока давности, который установлен за совершение особо тяжких преступлений – 15 лет, то указанное правило нарушается¹⁰¹⁶. Обоснуем почему.

Так, если мы обратимся к законоположениям, закрепленным в рамках ч. 5 ст. 15 УК РФ, то можем отметить, что особо тяжкими будут преступления, за совершение которых нормами уголовного закона предусмотрено уголовное наказание более 10 лет лишения свободы или же более строгое уголовное наказание. При этом если мы рассматриваем смертную казнь и пожизненное лишение свободы, то в указанных случаях правило о давностных сроках нарушаться не будет, по той причине, что начинает действовать правило закрепленное в рамках ч. 4 ст. 78 УК РФ, а именно применение сроков давности к преступлениям, за которые установлены пожизненное лишение свободы или же смертная казнь являет собой дискреционное полномочие соответствующего органа судебной власти, соответственно какого-либо особого значения сроки в данном случае иметь не будут.

Если же учесть, что за совершение особо тяжкого преступления может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет, а в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ лишение свободы устанавливается на срок от двух месяцев до двадцати лет, а в случае частичного или полного сложения сроков лишения

свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более двадцати пяти лет, и не более тридцати лет по совокупности приговоров, то 15-летний давностный срок по отношению к некоторым преступлениям будет на 5 и более лет короче. При этом необходимо указать, что в ныне действующем УК РФ существует достаточно большое количество статей, в рамках которых предусматривается лишение свободы на срок до 20 лет, приведем примеры некоторых из них: ч. 4 – 5 ст. 131 УК РФ, ч. 4-5 ст. 132 УК РФ, ч. 4-5 ст. 132 УК РФ, ч. 3 ст. 209 УК РФ, ст. 275 УК РФ и т.д. (указанный список можно продолжить).

Подводя итог вышеизложенному, мы можем сделать вывод о том, что по нашему мнению было бы логичным и соответствующим общим правилам установления сроков давности привлечения к уголовной ответственности, увеличить сроки давности за особо тяжкие преступления до 25 лет (более продолжительные сроки давности попросту будут чрезмерно завышенными), либо же распространить на указанные преступления правило закрепленное в рамках ч. 4 ст. 78 УК РФ о том, что суд сам принимает решение относительно применения сроков давности к указанным преступлениям.

¹⁰¹⁶ Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением, сроков давности // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 90.

Глава IV. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Право сотрудничества как юридическая форма солидаризации социально-политических общностей: теория, история, международное измерение¹⁰¹⁷

История и современность политико-правового развития международного пространства демонстрируют, что абсолютного и сколь-нибудь длительного единства и согласия между народами и государствами не было в прошлом, нет и в настоящее время. Мир (в планетарном смысле) в целом, отдельные его регионы, очень часто находятся в состоянии либо на грани конфликта, либо собственно конфликта, когда для его участников (соответствующих социально-политических общностей) может стоять вопрос не просто о сохранении имеющегося политико-правового статуса, геополитической и исторической идентичности, но даже о выживании как государства, нации, человеческого вида и пр. (в частности, в ситуациях кем-либо развязанных и разгоревшихся бессмысленных и беспощадных войн, в которых могут быть не только победители, но одновременно и побежденные, и возможно – уничтоженные).

Поэтому главной задачей современного международного сообщества является установление и обеспечение условий для мирного и устойчивого развития различных народов, стран, континентов, создание предпосылок для интенсификации отношений дружбы и сотрудничества между людьми, населяющими различные территории и представляющими различные социальные политические общности в области мирового пространства, а также между самими странами (государствами) и континентами. Причем сегодня, нужно иметь в виду, установившиеся после Второй мировой войны «алгоритмы» международного сотрудничества испытывают серьезное давление и подвергаются пересмотру¹⁰¹⁸. Подобные попытки «ревизии» сложившейся системы международных отношений порождают социально-политические конфликты и риски новых межгосударственных противостояний. Этим тенденциям необходимо сопротивляться, в том числе расширяя различные области международного сотрудничества. Право (как национальное, так и международное) в этом смысле выступает в качестве основного инструмента решения магистральной задачи по сохранению основ мировой солидарности и развитию отношений сотрудничества в современном мире.

¹⁰¹⁷ Данный параграф выполнен В.В. Трофимовым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726А «Конфликтное право и право сотрудничества как отражение негативных и позитивных аспектов социально-правовой жизни: проблемы методологии, теории и практики».

¹⁰¹⁸ См. об этом, например: Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 55-63.

В целом международно-правовая политика как форма юридической деятельности в сфере международного сотрудничества является одной из наиболее важных предпосылок для сохранения и развития добрососедских и взаимовыгодных отношений между странами и регионами в рамках международного пространства. Правовая политика подобного рода должна выстраиваться государствами также в духе взаимопонимания и учета интересов каждого из участников правового диалога по вопросам сотрудничества между социально-политическими общностями и их представителями.

Правовая политика – это совокупность представлений о путях и средствах воздействия на правовую ситуацию в обществе в целях приближения к правовому идеалу или творческое совершенствование социальной жизни при помощи правовых средств¹⁰¹⁹. Соответственно, правовая политика в международном пространстве – это правовой путь к построению комфортной среды обитания для людей, населяющих различные регионы мира. Избегание конфликтов, разногласий и тем более войн – основная задача современной международно-правовой политики.

Определяя перед собой в виде цели создание правовых условий для международной интеграции, правовая политика должна, в первую очередь, ориентироваться в направлении развития правовых форм сотрудничества, солидарности и кооперации между гражданами разных государств, социально-политическими организациями и самими государствами. Система правовых средств, обеспечивающих подобное сотрудничество, имеет характерные особенности, определяемые предметом правового регулирования.

Ситуации социального взаимодействия, выражаемые в терминах «согласие», «сотрудничество», «кооперация», «солидарность», являются стороной противоположной конфликту. Характер данных ситуаций обусловлен целым рядом общих объективных причин, связанных, прежде всего, со стремлением людей жить нормально, без вражды, существовать друг с другом на мирных взаимовыгодных началах. Выдающийся французский социолог Эмиль Дюркгейм писал: «Если мы и любим войну, то мы любим также и радости мира, а последние ценятся тем больше, чем более люди социализированы, то есть (поскольку оба слова равнозначны) цивилизованы»¹⁰²⁰.

Процесс солидаризации осуществляется автоматически, благодаря только тому, что каждый преследует свои собственные интересы. Поскольку он самопроизволен, то нет необходимости в каком-либо принудительном аппарате ни для создания, ни для сохранения динамики данного типа. В частности, надгосударственным международным организациям, актуализирующим вопросы сотрудничества и обеспечивающим его установление и развитие, незачем прямо вмешиваться, чтобы принуждать кого-либо из акторов международных взаимодействий к сотрудничеству, которое устанавливается само собой, но в то же время это не исключает

¹⁰¹⁹ См.: Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003. С. 421; Малько А.В., Шундикова К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 213.

¹⁰²⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 19.

необходимости способствовать сотрудничеству, обеспечить для него благоприятные условия, прежде всего, при посредстве права.

Вместе с тем, нужно понимать, что это «право» особого типа. Мирные отношения в социальном (а также международном) пространстве рождают свои правовые формы, юридические конструкции, правовые средства, адекватные этим отношениям правовые институты, правовые комплексы, элементы которых предназначены для стабилизации и развития солидарных отношений между социальными (социально-политическими) акторами.

Все эти элементы составляют то право, которое может условно быть названо – *«право сотрудничества»* (или *«солидарное право»*) – *право, которое состоит из позитивных юридических средств и с их помощью обеспечивает взаимосогласующиеся (солидаризирующиеся) интересы участников социально-правового обмена, приобретаая и воспроизводя свои основные свойства и качества (характерный юридико-инструментальный состав) исходя из фактов социальной солидарности*¹⁰²¹.

С современных системных научных позиций можно назвать этот процесс действием особого закона развития систем, который получил название «закон динамического равновесия» (состояние гармонического развития частей данной системы, способствующее ее росту и повышению адаптивных возможностей; ситуация, при которой развитие одних субъектов или участников взаимодействия внутри системы сопровождается позитивными изменениями других субъектов данной системы взаимодействия¹⁰²²). Именно эту закономерность, при обосновании приоритета договорных начал в правовом регулировании, правильно замечает В.В. Залесский: «Одной из фундаментальных закономерностей существования и развития природы является максимальное использование возможностей бесконфликтного развития. Катаклизмы и конфликты, хотя и составляют неизбежный элемент движения материи и развития сознания, в историческом плане предстают довольно редкими, чрезвычайными событиями»¹⁰²³.

Согласно концепции русско-французского правоведа Г.Д. Гурвича, такое «право сотрудничества» есть «право объективной интеграции в Мы, в имманентное целое. Это право помогает его субъектам участвовать в целом, которое со своей стороны также активно участвует в юридических отношениях. Социальное право основано на доверии, в то время как индивидуальное право, идет ли речь об отношениях между группами или межличностных отношениях, основано на недоверии. Первое – это право мира, взаимопомощи, общих задач, второе – право войны, конфликтов, разобщенности. Поскольку социальное право основано на доверии, оно не может быть установлено извне. Оно может оказывать свое регулятивное действие

¹⁰²¹ См., подробнее: Трофимов В.В. Позитивные юридические средства и право сотрудничества: постановка проблемы // Правоведение. 2008. № 2. С. 163-177; см. также: Трофимов В.В. К проблеме обоснования идеи солидарности в праве и правовой доктрине: репрезентативный очерк // Право и образование. 2019. № 10. С. 4-11.

¹⁰²² См.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная системология. М., 2003. С. 495.

¹⁰²³ Залесский В.В. Философия договора (закон динамического равновесия) // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 109.

как бы изнутри данной среды, имманентным путем. Поэтому оно всегда автономно...»¹⁰²⁴. Это то право, по мысли Г.Д. Гурвича, «где преобладает всеединство, сотрудничество и кооперация». Ученый именует его также – «интегративное право сотрудничества»¹⁰²⁵.

Право сотрудничества является видимым символом социальной солидарности или корпорации социальных, а равно – социально-политических акторов. Как замечал Э. Дюркгейм: «...Социальная жизнь повсюду, где она долго существует, неизбежно стремится принять определенную форму и организоваться, а право – не что иное, как сама эта организация в ее наиболее устойчивом и точном выражении... Жизнь общества не может распространиться до какой-нибудь точки без того, чтобы юридическая жизнь не достигла того же пункта. Значит, мы можем быть уверены, что найдем отраженными в праве все существенные разновидности социальной солидарности»¹⁰²⁶.

Одним из главных ее следствий становится воспроизведение основных форм социальной солидарности в виде *позитивных (стимулирующих) правовых средств*, которые находят выражение в соответствующих юридических конструкциях и закреплении в адекватных правовых формах¹⁰²⁷.

Право – явление, прежде всего, социальное, именно социальное действие необходимо для того, чтобы как основать, так и изменить многие юридические отношения. «Право неразрывно связано с существованием человеческого сообщества, и, таким образом, условия возникновения права являются условиями социальными», «право изначально коммуникативно»¹⁰²⁸, т. е. основано на социальном взаимодействии. Поэтому при анализе права, правовых средств нужно исходить из природы социального взаимодействия¹⁰²⁹.

Солидарность (сотрудничество) между субъектами права как разновидность подобных социальных действий (взаимных социальных действий) обуславливает упорядочение, оформление пропорциональных солидарным взаимосвязям правил, средств и форм юридического характера. Большая часть этих правил направлена на предоставление возможностей действовать свободно, без принуждения, строить свое поведение на началах доброй совести (*bonae fidei*), в том числе ожидая в ответ на свои действия встречного предоставления (блага, преимущества) со стороны партнера (контрагента по ситуации положительного взаимодействия). Поэтому

¹⁰²⁴ Цит. по: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971. С. 272.

¹⁰²⁵ Гурвич Г.Д. Идея социального права // Г.Д. Гурвич. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 52.

¹⁰²⁶ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 66.

¹⁰²⁷ Позитивными юридическими средствами могут быть названы все те правовые инструменты, которые рассчитаны на создание и поддержание социальной среды в положительном состоянии правомерной активности составляющих ее субъектов, а также способные оказывать свое действие (реализовывать себя) в силу этого положительного состояния в социуме.

¹⁰²⁸ Поляков А.В. Указ. соч. С. 189, 204.

¹⁰²⁹ Как верно замечает В.А. Сапун, жизнеспособность теории правовых средств зависит от того, насколько логично она будет увязана с другими аспектами исследования правовой материи. – См.: Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002. С. 14.

процесс солидарности (сотрудничества) имеет результатом нормы рекомендательного, управомочивающего характера и регулируется позитивными юридическими средствами (дозволениями, льготами, поощрениями, правовыми стимулами), преимущественно находящимися базовое закрепление в договорных правовых формах, образующими *право сотрудничества* или *солидарное право* (в том числе, международного масштаба).

Социальные действия (взаимодействие участников правовой жизни), выражающие положительное сотрудничество, кооперацию, самым тесным образом связаны, прежде всего, с такой формой права, как **договор**, выполняющий особую роль и в отношениях между государствами. Договор, по своей сути, есть по преимуществу юридическое выражение кооперации. Договор является отражением свободных действий субъектов права по отношению друг к другу в условиях отсутствия принуждения. Их связи организуются путем самопроизвольной адаптации, под давлением лишь потребностей во взаимном положительном общении. Сотрудничество – это не что иное, как самопроизвольное согласование социальных интересов, согласие, естественным выражением которого являются договоры – основной способ международной интеграции. И хотя нередко об этом средстве вспоминают, как правило, лишь после изнурительных конфликтов (в том числе – войн) это не меняет социально-солидарную природу договорных связей, в которых социальные субъекты нуждаются во многом по причине того, что только благодаря этим отношениям они (люди, социальные общности) могут продолжить (продлить) свое существование как вид.

История знает немало примеров, когда именно договоры венчали идущие войны, причем в содержании этих договоров могло находиться место не только для победителей, но и для побежденных (на последних, если победа над ними становилась неоспоримой и окончательной, как правило, возлагались определенные обязанности и обременения), что тем не менее могло означать факт их правосубъектности и перспективное восстановление объема умаленных военным поражением политических прав. В частности, такими можно считать *соглашения*, которые были достигнуты странами антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобританией) в период окончания Второй мировой войны в Ялте (февраль 1945 года) и Потсдаме (июль-август 1945 года), во многом закрепившие юридические итоги Второй мировой войны и в этом качестве обеспечивавшие миропорядок на долгие послевоенные годы.

Так, в частности, в документах Крымской (Ялтинской) конференции, состоявшейся в феврале 1945 года, помимо всех необходимых элементов, касающихся распределения прав и обязанностей договаривающихся основных стран – участниц антигитлеровской коалиции, говорилось о важности создания «гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира»¹⁰³⁰, при этом обозначалось и основное средство упреждения подобных гарантий – развитие

¹⁰³⁰ Тегеран-Ялта-Потсдам: Сборник документов / Сост.: Ш.П. Санаков, Б.Л. Цыбулевский. 2-е изд. М., 1970. С. 186-187.

сотрудничества между тремя договаривающимися державами. Применительно к этому в заключительной части коммюнике глав трёх держав торжественно заявлялось об их общей решимости «сохранить и усилить в предстоящий мирный период... единство целей и действий» и указывалось, что только «при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества – прочный и длительный мир»¹⁰³¹.

И то, что сегодня это устройство есть попытки каким-то образом разбалансировать, в том числе подвергнуть «ревизии» исторические факты (путем искажения представлений об исторических событиях (фальсификации истории), а также общепризнанных смыслов тех юридических документов, которые, по общему правилу, сопровождали все значимые события в истории человечества, в частности, описываемые нами военные противостояния¹⁰³²), вряд ли может приветствоваться, так как подобные действия вновь могут активизировать конфликтные отношения в глобальном пространстве, для которых в дальнейшем придется искать свои механизмы разрешения, а также привлекать новые солидарные правовые формы для установления порядка в мировой социально-политической системе.

§ 2. Интервенция и вмешательство: новые смыслы и формы¹⁰³³

Основные принципы международного права, оформившись после Второй мировой войны в систему, остаются не только регулятором международных отношений, но и определяют вектор развития международного права. Анализ содержания основных принципов в международно-правовой доктрине приводит ученых к различному пониманию системы принципов и взаимосвязи ее элементов. Одни ученые указывают на противоречивость (коллизию) некоторых принципов (обычно указываются пары принципов: территориальной целостности и права наций и народов на самоопределение, невмешательство во внутренние дела государств и уважение прав человека),¹⁰³⁴ другие рассматривают вопросы приоритетности того или иного

¹⁰³¹ Там же. С. 192-193.

¹⁰³² К искажениям юридического характера, в том числе к неправильной характеристике Договора о ненападении между СССР и Германией 1939 г.; к искажению историко-правовых обстоятельств вхождения Прибалтийских государств в состав СССР; к оспариванию юридических итогов Ялтинской и Потсдамской конференций в отношении послевоенного устройства Европы; к представлению «борцами за свободу родины» латышских, эстонских солдат, воевавших на стороне гитлеровской Германии, в том числе служивших в печально знаменитой «Waffen SS» привлекается специальное внимание и предлагаются обоснованные (с опорой на юридические документы) ответы на подобные искажения в статье: Вылегжанин А.Н., Игнатенко Г.В., Скуратова А.Ю. Юридические итоги Великой Победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения // Московский журнал международного права. 2010. № 3 (79). С. 49-75.

¹⁰³³ Данный параграф выполнен И.А. Орловой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011- 00156А «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

¹⁰³⁴ Бурганова И.Н. Противоречия теории и практики принципов международного права // European

принципа¹⁰³⁵, третьи отстаивают позицию о непротиворечивости принципов.¹⁰³⁶ Данная проблема возникает в силу большой абстрактности принципов и неясности их содержания. Кроме того, зачастую, термины, которые используются в формулировках принципов, не имеют однозначного толкования или меняют свое содержание в процессе развития и изменения международных отношений.

При исследовании проблемы использования терминологии интерес представляет сравнение содержания принципов запрещения применения силы и угрозы силой и невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства.

Базовыми терминами, применяемыми при определении содержания данных принципов, являются «вмешательство», «агрессия», «интервенция». В то же время в актах международного права не дается их дефиниции. Если в отношении агрессии государства пытались еще с начала XX в. выработать ее определение и, хоть и не достигли конвенционного регулирования, но приняли ряд международно-правовых актов (Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г.), то с определением понятий «интервенция» и «вмешательство» все еще более неопределенно.

В правовой доктрине высказывается мнение, что термины «интервенция» и «вмешательство» «понимаются как синонимы»¹⁰³⁷. Полагаем, что данное утверждение не бесспорно.

Принятая в 1965 г. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитет¹⁰³⁸ содержит только один термин – «вмешательство», однако, в ней указаны различные формы вмешательства – вооруженное и другие формы прямого и косвенного вмешательства.

При этом стоит обратить внимание на терминологию в документах на английском и русском языках – официальных языках ООН, тексты на которых являются равно аутентичными. В названии декларации 1965 г. и далее в тексте на русском языке используется термин «вмешательство», а на английском – «интервенция» (Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty). Аналогично решен вопрос о терминах и в тексте Декларации о принципах международного права, касающихся

дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г.

Стоит обратить внимание на то, что в заголовке декларации 1965 г. используется понятие «внутренние дела государств» (Domestic Affairs of States), а один из основных принципов международного права, закрепленный в главных источниках, в том числе, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г.¹⁰³⁹ имеет формулировку «принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства» (The principle concerning the duty not to intervene in matters within the domestic jurisdiction of any State, in accordance with the Charter). В то же время в декларациях указывается о недопустимости «вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства» («the internal or external affairs of any other State»).

Если в декларации 1965 г. «вооруженное вмешательство, но также все другие формы вмешательства и всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов» только осуждались, то к декларации 1970 г. «вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ» объявляются нарушением международного права.

Э. Хименес де Аречага отмечал: «Поскольку термин «вмешательство» может относиться к любому противоправному акту принуждения одного государства другим, кроме случаев угрозы силой или ее применения, возникают значительные трудности точного определения этого понятия».¹⁰⁴⁰ Анализ международно-правовых актов позволил известному юристу сделать вывод о том, что сама суть акта вмешательства – «добиться подчинения себе другого государства».¹⁰⁴¹

В Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 9 декабря 1981 г. используются два термина, причем они оба вынесены в название Декларации: в тексте на русском языке это «интервенция» и «вмешательство», на английском – «intervention» и «interference». В декларации отмечается, что ни одно государство или группа государств не имеет права осуществлять интервенцию или вмешательство в любой форме или по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела других государств¹⁰⁴² и

Scientific Conference. 2017. С. 195-197; Буханова А.С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. – 2011. № 4(21). С. 67-71.

¹⁰³⁵ Бертаева А.Т. К вопросу о соотношении принципов территориальной целостности государств и самоопределения народов в международном праве // Вестник Института законодательства Республики Казахстан 2013. № 3 (31). С. 206.

¹⁰³⁶ Князев Ю.К.О непротиворечивости принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение // Международная жизнь. 2019 № 4. С. 80-93.

¹⁰³⁷ Лайтман В.И. Принцип невмешательства во внутренние дела государств в международном праве // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 469.

¹⁰³⁸ Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml

¹⁰³⁹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

¹⁰⁴⁰ Хименес де Аречага Э. Современное международное право. М.: «Прогресс», 1983. С. 176.

¹⁰⁴¹ Там же.

¹⁰⁴² Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (принята резолюцией 36/103 XXXVI Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г.) // A/RES/36/103/URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/36/103> [Дата обращения 15.04.2020]

формулируется «принцип отказа от интервенции или вмешательства» (The principle of non-intervention and non-interference in the internal and external affairs of States)

Международно-правовые документы указывают на следующие формы «интервенции» и «вмешательства»: прямое и косвенное, вооруженное и другие формы, связанные с применением экономических, политических мер или мер иного характера для принуждения другого государства, а также угрозы, направленные против правосубъектности государств. Перечень этих форм не исчерпывающий, указывается, что они могут быть «в любой форме».¹⁰⁴³

Традиционно, «интервенция» отождествляется с вооруженными действиями, хотя многократно отмечалось, что интервенция может приобретать форму не только вооруженного вторжения на территорию государства. Можно привести цитату из речи И.В.Сталина: «... под интервенцией склонны понимать такое состояние, когда имеется факт ввода чужеземных войск на китайскую территорию, а если нет такого факта, то нет и интервенции. Это глубочайшая ошибка, товарищи. Интервенция вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму. При современных условиях империализм предпочитает интервенировать путем организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансирования контрреволюционных сил против революции, путем моральной и финансовой поддержки своих китайских агентов против революции... Поэтому дело не только, или даже не столько в вводе чужеземных войск, а в той поддержке, которую оказывают империалисты всех стран контрреволюции в Китае. Интервенция чужими руками – в этом теперь корень империалистической интервенции».¹⁰⁴⁴

В Ежегодном докладе Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (февраль 2018 г.) упоминается о приемах и методах «вооруженной и относительно мирной интервенции».¹⁰⁴⁵

¹⁰⁴³ Представляется, что форм вмешательства может быть больше, чем в перечне, например, предложенном Довгань Е.Ф.: «Таким образом, в настоящий момент представляется возможным констатировать существование следующих форм вмешательства: военная, политическая, экономическая. Выделение идеологического и дипломатического вмешательства, как это было распространено в советской концепции международного права, на современном этапе развития международных отношений представляется нецелесообразным». См.: Довгань Е.Ф. Вмешательство во внутренние дела государств – понятие и виды // Беларусь в современном мире: материалы Республиканской научной конференции 22-23 октября 2002 г. Минск. БГУ, 2003. С. 118-120.

¹⁰⁴⁴ Сталин И.В. О перспективах революции в Китае: Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября // Сталин И.В. Сочинения. Т. 8. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 358-360.

¹⁰⁴⁵ Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (февраль 2018 г.) URL: <http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZki1BKbrsvuRxPwim.pdf> [Дата обращения: 30 апреля 2020 г.]

Коростелев С.В. разграничивает понятия «интервенция» и «вмешательство», положив в основу силовой или военный фактор в зависимости от используемых элементов национальной мощи: «предлагается определять «интервенцию» (“intervention”) как применение силы, т. е. вмешательство с использованием средств и методов ведения военных действий, а «вмешательство» («interference») – как воздействие на то или иное государство с использованием экономических, дипломатических и иных «невоенных» средств»¹⁰⁴⁶. Он отмечает, что для достижения национальных целей могут использоваться различные меры принуждения: дипломатические, экономические, военные и «Если первые два вида мер обычно расцениваются лишь как вмешательство, то военные меры всегда воспринимаются более жестко, даже если предпринимаются в интересах мирового сообщества»¹⁰⁴⁷.

Термин «интервенция» имеет отрицательную коннотацию и ассоциируется с насильственным вторжением. Использование слова «интервенция» в сочетании «гуманитарная интервенция» явилось примером неудачной формулировки.

В правовой литературе данный термин широко обсуждался и высказывались мнения о формировании международно-правового обычая и даже принципа.¹⁰⁴⁸ Против концепции гуманитарной интервенции выступали представители государств, а также политические и юридические деятели. Не признавался не только принцип «гуманитарной интервенции», но и оспаривалась правомерность действий государств и международных организаций под предлогом оказания «гуманитарной интервенции».

Международное право не восприняло данный термин, и он нигде не был документально закреплен.

Подтверждением непринятия данного принципа является заключение, сделанное в докладе Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету: «Комиссия признает долгую историю и продолжающееся широкое и популярное использование фразы «гуманитарная интервенция», а также ее описательную полезность для четкого акцентирования внимания на одной конкретной категории вмешательств, а именно тех, которые предпринимаются для заявленной цели защиты или помочь людям в опасности. Но мы приняли преднамеренное решение не принимать эту терминологию, предпочитая ссылаться либо на «вмешательство», либо, как уместно, «военное вмешательство» в целях защиты человека».¹⁰⁴⁹

В настоящее время в военно-политической сфере слово «интервенция» стало использоваться меньше (особенно в текстах на русском языке), однако в иных сферах оно приобретает все более широкое применение.

¹⁰⁴⁶ Коростелев С.В. Внешнее вмешательство путем информационного воздействия: проблема нормативной оценки // Пути к миру и безопасности. 2019. № 2. С. 89.

¹⁰⁴⁷ Там же. С. 93.

¹⁰⁴⁸ Позиция МККК по вопросу «гуманитарной интервенции» // Журнал Международного комитета красного креста. 2001 URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/itrc-841-844-2001.htm> [Дата обращения 17.03.2020]

¹⁰⁴⁹ Доклад Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету, 2001 г. URL: <https://web.archive.org/web/20070731161527/http://www.iciss-ciise.gc.ca/report2-en.asp> [Дата обращения 3.05.2020].

Довольно активно оно применяется в дипломатических кругах. Так, С.В. Лавров назвал американский проект резолюции Совета Безопасности по Венесуэле в феврале 2019 г. имеющим цель «получения предложения для прямой военной интервенции»¹⁰⁵⁰.

В правовых актах и доктринальных работах в иных отраслях права используются термины «валютная интервенция», «интервенция в договорные отношения»¹⁰⁵¹, «государственная закупочная интервенция» и «государственная товарная интервенция»¹⁰⁵². Встречаются формулировки «идейно-политическая интервенция»¹⁰⁵³, «информационная интервенция»¹⁰⁵⁴.

В то же время в международных отношениях термин «вмешательство» по-прежнему применяется для характеристики действий субъектов международного права.

Будучи довольно широким и многоаспектным понятием, термин «вмешательство» приобретает все более негативное восприятие.

В правовой доктрине разрабатываются концепции правомерного вмешательства и теории легитимации вмешательства, которые проходят апробацию в практической деятельности государств, международных организаций и иных акторов международных отношений. Легитимация вмешательства, придание ему силы законного действия имеет своей целью, кроме прочего, решение вопроса международно-правовой ответственности за деяния в отношении других субъектов.

Формируются новые стратегии и механизмы действий субъектов международного права, в основе которых лежит «право на вмешательство». При этом авторы стараются избегать термина «вмешательство» в названиях стратегий, заменяя его фразами и словами, имеющими положительное восприятие (принуждение к миру, ответственность по защите, обязанность защищать и др.). Особую важность приобретает проблема легитимации вмешательства в случае внутренних вооруженных конфликтов.

Недостаточность международно-правовой регламентации и «туманная сфера деятельности»¹⁰⁵⁵ – вот что характеризует вмешательство.

Отсутствие единства среди государств в отношении содержания базовых понятий, таких как «агрессия», «интервенция», «вмешательство» приводит не только к различному толкованию основных принципов международного права, но и зачастую является оправданием неправомερных действий субъектов на международной арене.

¹⁰⁵⁰ Российская газета. 2019. 12 февраля.

¹⁰⁵¹ https://zakon.ru/blog/2018/5/7/intervenciya_v_dogovornye_pravootnosheniya_analiz_praktiki_verhovnog_o_suda_rf

¹⁰⁵² Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. N 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Российская газета. 2007. 11 января.

¹⁰⁵³ Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (февраль 2018 г.) // <http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZki1BKbrsvuRxPwim.pdf>

¹⁰⁵⁴ Халиуллин А.И. Информационная интервенция в отечественное уголовное законодательство // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 3. С. 88-90.

¹⁰⁵⁵ Хименес де Аречага Э. Современное международное право. М.: «Прогресс», 1983. С. 176.

§ 3. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права¹⁰⁵⁶

Государства обладают возможностями по мобилизации значительных ресурсов и, соответственно, технологически доминируют при непосредственном военном столкновении с акторами – «не государствами». Современные противники государств должны искать любые нишевые возможности (проникнуться парадигмой «парадокса стратегии»¹⁰⁵⁷), которые должны заключаться в таком сочетании технологий и тактических приемов, которые позволяют им достигать своих целей, не попадая при этом в ловушку заведомо проигрышного традиционного военно-силового противостояния с государствами.

В настоящее время система государств, воплощенная в ООН, является «идеальной» институциональной оболочкой, позволяющей лишь в некоторых несущественных для национальных интересов случаях легитимировать присвоение международной ответственности. В реальной жизни система видов взаимодействий акторов современного неомогенного международного сообщества – стратегический континуум – представляет собой сочетание многополярности, многосторонности, фрагментированности и сетевой организации¹⁰⁵⁸ – в зависимости от распределения баланса сил и состояния государственного управления. Первые две парадигмы взаимодействия более характерны для описания поведения сильных государств, в то время как две последние характерны для территорий со слабым государственным управлением.

Отношения в такой системе по определению являются конкурентными и акторы в борьбе за власть для обеспечения своей безопасности используют следующие моды взаимодействия:

мирное сотрудничество¹⁰⁵⁹;

конкуренцию, не переходящую порога вооруженного конфликта¹⁰⁶⁰;

¹⁰⁵⁶ Данный параграф выполнен С.В. Коростелевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00156А «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

¹⁰⁵⁷ См.: Эдвард Н. Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира. Перевод с английского: Edward N. Luttwak. Strategy: The Logic of War and Peace. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 2003. / Русский фонд содействия образованию и науке – Москва, 2012. – 392 с. ISBN 978-5-91244-022-9.

¹⁰⁵⁸ См.: Global Strategic Trends. The Future Starts Today. Sixth Edition. Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), Future Operating Environment: 2035. P. 20.

¹⁰⁵⁹ Сотрудничество (кооперация) включает взаимовыгодные отношения между стратегическими игроками со схожими или совместимыми интересами. Хотя интересы акторов редко полностью согласуются, отношения сотрудничества поддерживают международный порядок, укрепляют коллективную безопасность и сдерживают конфликт.

¹⁰⁶⁰ Не переходящая порога вооруженного конфликта конкуренция существует, когда стратегические игроки рассматривают друг друга как конкурентов, но не как противников, имеющих несовместимые интересы. Конкуренты могут сотрудничать друг с другом или вести себя так, чтобы нанести ущерб интересам других стратегических игроков.

применение силы (вооруженный конфликт)¹⁰⁶¹.

В парадигме многополярности главными международными акторами являются наиболее мощные державы, которые образуют с другими государствами блоки либо на основе признания общих ценностей, либо по принципу географической близости. Сотрудничество членов блока осуществляется под руководством основной державы, а сами блоки конкурируют за власть и влияние.

В парадигме многосторонности государства продолжают оставаться наиболее влиятельными акторами мирового порядка. Характеристикой такого мира предполагается следование ответственному и добросовестному управлению, когда все государства должны полагаться на многосторонние институты для решения глобальных вызовов, определения правовых ограничений и разрешения споров.

В парадигме сетевой организации власть распределена между различными государствами и не связанными с ними акторами. Корпорации и руководители мега-городов являются основными негосударственными акторами, но при этом предполагается, что все акторы заинтересованы в сотрудничестве для эффективного реагирования на глобальные вызовы и обеспечения результативного управления в общих интересах.

В парадигме фрагментированности государства, корпорации, мега-города и не связанные с государствами акторы, включая оппозиционные движения и организованные преступные группы, конкурируют за власть. Сотрудничество в данной парадигме является редким явлением и к нему обращаются только в тех случаях, когда оно предоставляет актору преимущества для продвижения лишь его собственных, но не общих, интересов.

Существует три ключевых фактора¹⁰⁶², которые объясняют возникновение такой среды безопасности:

изменился баланс между глобальной и региональной мощью, означающий, что все больше участников могут бросить вызов статус-кво;

сформировались сложные взаимозависимости в рамках глобальной политической экономии, что означает, что государства в большей степени становятся более уязвимыми;

технологическая конвергенция привела к тому, что у большего числа акторов появились средства для причинения значительного ущерба противнику.

В такой реальности балансирование и доминирование супердержав, подобное тому, что существовало в дуополярном мире СССР-США во времена Холодной войны, в настоящее время становится невозможным. Не только в связи с появлением новой супердержавы – Китая, но и с возникновением глобальных акторов – «не государств», чьи возможности зачастую соизмеримы с мощью национальных

¹⁰⁶¹ Вооруженный конфликт предполагает использование насилия в качестве основного средства, с помощью которого стратегический субъект стремится удовлетворить свои интересы или отреагировать на провокацию.

¹⁰⁶² См.: Sean Monaghan. Countering Hybrid Warfare: So What for the Joint Force? PRISM Vol. 8, No. 2, Oct. 4, 2019. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/1979787/countering-hybrid-warfare-so-what-for-the-joint-force/>.

государств и их объединений. И поведение таких акторов уже не может быть предписано державами-победительницами по итогу войны. Они, напротив, могут самостоятельно определять себе цели и искать свое место в мировой организации, используя и комбинируя доступные им инструменты, в том числе саму среду системы национальных государств, глобальные институты, глобальную инфраструктуру. В каждый конкретный момент времени участниками взаимодействий могут оказаться акторы, существующие и действующие одновременно как в одной, так и в нескольких вышеперечисленных парадигмах.

При этом поведение государств является достаточно хорошо предсказуемым ввиду институциональных ограничений, которые были ими же сформированы в течение нескольких столетий развития современной системы государств. Государства признают такие ограничения как обязывающие и принуждают к их исполнению тех участников международных взаимодействий, которые допускают чрезмерные отклонения от ожидаемых стандартов поведения. А поскольку политическая цель ответственного правительства в любом случае должна заключаться в непрерывном обеспечении безопасности, с сохранением при этом высокого уровня жизни своих граждан и поддержки основных ценностей общества в условиях конкуренции за ресурсы с другими акторами, то обращение к вооруженному насилию, является хотя и нежелательным, но неизбежным элементом обеспечения стабильности международной системы и сохранения status quo.

В любой конфликтной ситуации поведение государств при движении к своим национальным целям может быть объяснено через то, как они *комбинированно и синхронизированно* (как часто определяется в настоящее время – «гибридно»¹⁰⁶³) применяют доступные им средства. В общем случае, данная парадигма описывается аббревиатурой MIDFIELD¹⁰⁶⁴: военные (military), информационные (informational), дипломатические (diplomatic), финансовые (financial), разведывательные (intelligence), экономические (economic), правовые (law), предоставление поддержки (development)¹⁰⁶⁵.

Относительная новизна дискурса о гибридном характере войны заключается в трансформации организации общественной жизни, которая соответственно привела изменению содержания понятия «объект применения силы». Новым объектам применения силы, в свою очередь должны соответствовать средства и способы,

¹⁰⁶³ Концептуально «гибридную войну» можно описать как ее как «синхронизированное использование множественных инструментов [национальной] мощи, специально подбираемых для получения взаимоусиливающих эффектов в отношении конкретных уязвимостей во всем спектре общественных процессов. См.: Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

¹⁰⁶⁴ Joint Doctrine Note 1-18. Strategy. II-8. 25 April 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540.

¹⁰⁶⁵ Так же представляется возможным предположить, что за исключением «военных» средств, все иные средства достижения национальных целей, в широком смысле, могут быть названы средствами ведения «политической войны».

которые могут использоваться актерами, конкурирующими за власть в четырех вышериведенных парадигмах взаимодействия.

Также к необходимости использования «гибридности» в борьбе власть акторы (государства – для достижения национальных целей) пришли в связи с возрастающей сложностью организации среды безопасности. С развитием глобализации и усилением экономической взаимозависимости, конкурирующие акторы получили доступ к информации о действительной мощи противника и у них появилось осознание того, что существование у противника с сильной военной организацией уязвимостей в «невоенных» сферах при синхронном использовании против него широкого спектра ненасильственных средств может изменить статус-кво даже без обращения к вооруженному насилию. Причем, одна из уязвимостей сильных держав заключается в том, что они связаны режимом международного права, установленного после Второй мировой войны. Данный режим налагает на государства обязанность проявлять сдержанность и вести политический диалог в сфере ограничения применения силы. Акторы – «не государства» такими обязательствами не связаны.

Исследование проблемы противостояния международных акторов с различными свойствами в любом случае должно начинаться с изучения поведения государств – основных элементов конструктора обеспечения международной безопасности.

В общем случае, изучение политики государств по обращению к силе начинается с исследования того, как эта практика описывается в терминах т.н. «триады» великого теоретика войны К. фон Клаузевица.

К. фон Клаузевиц определял «войну» как хамелеона¹⁰⁶⁶, в каждом конкретном случае меняющем свою природу. В соответствии с его определением предмет войны по своему общему облику (в отношении господствующих и сохраняющих в ней равновесие тенденций) представляет триаду, составленную из:

– насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как *слепой природный инстинкт* (свойства, присущие самой природе человека);

– игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену *свободной духовной деятельности* (сфера приложения талантов военачальников и качеств вооруженных сил);

– подчиненности политике, благодаря чему она подчиняется *чистому рассудку* (сфера деятельности правительства)¹⁰⁶⁷.

Поскольку каждый из этих взаимозависимых и составляющих единое целое элементов триады имеет изменчивую природу, связанную со свойствами организации общественной жизни, то свойства предмета войны, очевидным образом, также

¹⁰⁶⁶ Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934. Часть первая «Природа войны». Глава первая «Что такое война?» §28 «Вывод для теории».

¹⁰⁶⁷ Этот набор элементов иногда обозначается как «эмоция / вероятность / обоснованность»; иногда «насилие / вероятность и возможность / разумный расчет»; или, еще более абстрактно, «иррациональность / интуитивность / рационализм». См.: Christopher Bassford. Teaching the Clausewitzian Trinity: A Teaching Note. URL: <https://www.clausewitz.com/readings/Bassford/Trinity/TrinityTeachingNote.htm>.

динамичны. Поэтому поиск ответа на вопрос «какую войну мы ведем» является одним из важнейших действий органов государственной власти в процессе выбора и следования какой-либо модели поведения.

В эпоху развития К. фон Клаузевицем своей теории, кульминацией войны считалось решающее сражение, в котором цели войны (победа) достигались разгромом военной мощи государства. Но каковым должно быть содержание феномена «победа» в настоящую эпоху с совершенно иной организацией международной среды безопасности? Именно отыскание ответа на данный вопрос должно быть предметом всех сколько-либо глубоких исследований в сфере применения силы, в том числе, в международном гуманитарном праве (далее – МГП).

Во многом восприятие победы сегодня по-прежнему во многом основывается на анализе хода и итогов войн, которые велись в Европе в XIX – начале XX веков, мире унитарных и национальных государств, которые определяли свои политические цели в соответствии со сходно понимаемыми нормативными стандартами. Однако, несмотря на то, что большинство вооруженных конфликтов современности радикально отличаются как по составу участников и их свойствам, так и по стоящим перед ними целям, от войн прошлого, парадигма К. фон Клаузевица, которая развивалась на основе исследования наследия наполеоновских войн, и его методологический аппарат могут быть применены для описания, объяснения и предсказания течения современных конфликтов.

«Сам термин «победа» не так очевиден или разумен, как это возможно предположить. Теоретически, победа в войне может рассматриваться как объективная, рациональная функция оценки соотношения затрат, измеряемыми в потерях человеческих жизней, затратами ресурсов, ущербом инфраструктуре и т. п., и полученной выгоды, которая проводится в условиях новой политической реальности, созданной военными и политическими усилиями. Однако эту новую реальность можно считать победой лишь в той мере, насколько она соответствует ценностям и предпочтениям вступающей в войну стороны. То же самое верно и в отношении затрат: вопрос о том, какие затраты приемлемы, а какие нет, является глубоко субъективным и вновь вытекает из ценностей и норм общества, стремящегося к победе. ...[М]ы определяем победу как достижение определяемых государством политических целей войны в соответствии с его основными ценностями (закрепленными в его конституции и других основополагающих документах), и создание стабильной политической реальности»¹⁰⁶⁸. То есть, *в современной децентрализованной среде для акторов-государств победа должна определяться не как единичное событие, как во времена становления системы национальных государств, а как непрерывный процесс обеспечения безопасности при опоре на основные в данный момент общие ценности общества. Сохранение неизблемости ценностей общества на протяжении какого-то необходимого интервала времени является обязательным условием сохранения как отдельного государства, так и их системы в целом. А каковы*

¹⁰⁶⁸ Ami Ayalon, Ayal Hayut-man. Redefining Victory in Democracy's War on Terror. The Lawfare Institute. URL: <https://www.lawfareblog.com/redefining-victory-democracys-war-terror#>.

необходимые условия для заявления о достижении состояния победы для не связанных с государством акторов, для которых норма имеет другое содержание, не связанное с национальным интересом, признанием и международной ответственностью?

Представляется очевидным, что любая стратегия противостояния предопределяется существующими и вероятными условиями, является продуктом целей актора, сильных и слабых сторон его противника и характера среды стратегических взаимодействий. Она должна быть нацелена на те конкретные компоненты мощи противника, где победа ожидается наиболее вероятной.

Для акторов-государств ведение боевых действия в современном мире находится под сильным влиянием двух основных факторов: информационной прозрачности и ранее недоступного противникам разнообразия используемых средств и методов ведения противоборства. С точки зрения прозрачности сетевые технологии, средства коммуникации и социальные сети значительно увеличили поток информации и ограничили возможности государственного аппарата по ее контролю. Сообщения о ходе конфликтов проходят практически в режиме реального времени различными сторонами. В недалеком прошлом достижения на поле боя формировали, во-первых, стратегическое преимущество, во-вторых, информация об этом естественным образом оказывала влияние первоначально на органы государственной власти противоборствующих сторон и лишь потом на население.

В настоящее время информационная картина поля боя мгновенно транслируется не только лицам принимающим решения (далее – ЛПР), но и широкому кругу граждан, оказывая тем самым влияние на оценку справедливости конфликта населением и его давлением на выбор действий ЛПР, траекторию развития конфликта, и т. д., т. е. на содержание политики. В результате возникает динамика, в которой война между акторами-государствами и акторами – «не государствами» становится, в некотором смысле, реалити-шоу, где военные действия (в основном со стороны негосударственных субъектов) проводятся не для разгрома противника на поле битвы (поскольку это невозможно ввиду несопоставимости ресурсов), а скорее для апелляции к «справедливости» через производство наборов ярких пропагандистских образов, обращенных как к внутренней аудитории, так и вовне. Причем, влияние на формирование информационной повестки, по сути, является едва ли не главной стратегической задачей при обращении акторов – «не государств» к актам вооруженного насилия.

Также отличной чертой современных вооруженных конфликтов является то, что акторы – «не государства» организованы и действуют не в соответствии с единым планом ведения вооруженной борьбы, что характерно для государств, а опираясь лишь на идеологические установки, ценности и нормы; и, соответственно, имеют структуры управления, которые разительно отличаются от тех, которые существуют в централизованных структурах национальных государств. Как государства объединены в международные институты на основании следования общим ценностям (например, общего интереса в обеспечении

международной безопасности – ООН; ОБСЕ; общего интереса в верховенстве прав человека – Совет Европы, и т. д.), так и не связанные с государствами акторы могут быть объединены вокруг значимых для них ценностей, религиозных постулатов и пр. Свойственные таким объединениям сетевые структуры управления и идеологические установки «не допускают» возможности капитуляции и в каком-либо виде признания победы другой стороны, и приводят к тому, что акторы-«не государства» продолжают вести боевые действия даже после потерь такого масштаба, которые для формирований регулярных вооруженных сил национального государства могут быть политически не приемлемыми, и это может приводить к их выводу из боевых действий.

Стратегия противостояния с «сетевым» противником с бесконечным перемалыванием ресурсов заводит вооруженный конфликт в тупик и государства не могут победить в нем, поскольку для победы над противником – разгрома в «решающем сражении» в соответствии с парадигмой К. фон Клаузевица, им необходимо изменить глобализованную среду, в существовании которой они сами заинтересованы – расколоть ее на национальные фрагменты. То есть отказаться от преимуществ глобализации.

Поэтому «новый» тип войн представляет собой длящуюся борьбу с акторами – «не государствами» без фиксированной политической цели (а она не может быть константой, поскольку интересы как непосредственно противоборствующих, так и третьих сторон, изменчивы), то есть той конечной точки, которую мы могли бы определить как «победа», не существует. Победа государств в таком противостоянии – это настоящая и непрерывная реальность, заключающаяся в поддержании современного состояния стратегического континуума.

Поскольку не связанные с государствами субъекты, как правило, в военном отношении уступают государствам с их регулярными формированиями вооруженных сил, они стараются извлекать выгоду из информационной прозрачности современного общества, которая может как усиливать заведомо более слабую сторону конфликта, так и наоборот, ослаблять её. Однако, необходимо заметить, что когнитивное пространство в военном искусстве учитывалось всегда, да и само информационное противоборство не является чем-то новым. Так, например, Сунь-Цзы отмечал, что «самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости»¹⁰⁶⁹.

Если противостояние государства и актора-«не государства» осуществляется не в общих интересах системы государств, и, особенно, если конфликт не разрешен военным путем быстро и с минимальными затратами ресурсов, он неизбежно получит негативную политическую оценку в двух измерениях: международном, в котором успех измеряется легитимностью, и «домашнем», где он измеряется состоянием социальной устойчивости.

¹⁰⁶⁹ Сунь-Цзы. Искусство войны. Глава III «Стратегическое нападение», п. 2.

Применение силы, чтобы быть легитимным, должно осуществляться в общих интересах системы государств и при строгом следовании принципу проведения различия между комбатантами и гражданским населением. А социальная устойчивость, или способность общества эффективно функционировать во время кризиса и сохранять свои основные ценности, поддерживает моральный дух населения и его доверие к органам государственной власти, и, соответственно, позволяет государству направлять дополнительные ресурсы на вооруженное противостояние. И, как можно предположить, политической целью акторов – «не государств» является разрушение социальной устойчивости противника. На языке парадигмы К. фон Клаузевица, современная «гибридность» действий акторов – «не государств» в основном нацелена на подавление воли народа и, соответственно, способность его правительства принимать своевременные и адекватные политические решения либо до обращения к военному противостоянию, либо вообще без перехода к серьезной военной эскалации. То есть, например, вмешательство во внутренние дела государства с применением информационных средств имеет своей целью не те объекты, защита которых эффективно регламентирована нормами МГП, а социальную устойчивость, которая в свою очередь, базируется на ценностях народа. В такой ситуации можно предположить, что актор – «не государство» будет следовать ограничениям МГП только в том случае, если он имеет своей политической целью получение признания в системе государств.

Принятие этой новой парадигмы требует изменений в походах к политическому руководству применением силы, и, что очень важно, правовой регламентации ведения боевых действий, поскольку каких-либо критериев оценки последствий ведения борьбы в когнитивном компоненте информационной среды до настоящего времени не существует.

§ 4. От концепции справедливой войны к «Формуле Радбруха»¹⁰⁷⁰

«*Rex optima rerum* (Мир – лучшее из творений)», – таким старинным изречением на печати Кильского университета начинается всемирно известный немецкий правовед Густав Радбрух параграф «Война»¹⁰⁷¹ в своем фундаментальном труде «Философия права». Радбрух утверждал, что этика не годится для исследования проблемы войны с помощью методов, характерных для философских дисциплин, предметом которых является оценка человеческого поведения. По его мнению, вопрос о праве войны, о справедливой войне относится к философии права. Правовые теории войны ищут критерии справедливых войн в том, что они являются реакцией

¹⁰⁷⁰ Данный параграф выполнен С.В. Волковой, Н.И. Малышевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00528 «Концепт справедливости в современной российской правовой системе».

¹⁰⁷¹ Радбрух Г. Философия права // Радбрух Г. Философия права. М., – 2004. – С. 219.

на свершенное или предстоящее противоправное деяние, ответным ударом, вынужденным действием, необходимой обороной¹⁰⁷².

Современный исследователь К.Л. Сазонова указывает, что в историческом развитии концепции «справедливой войны» выделяются два этапа. Первый этап – собственно зарождение и развитие концепции в трудах таких выдающихся мыслителей, как Цицерон, Блаженный Августин, Фома Аквинский, Гуго Гроций, Франсиско де Виттория, Франсиско Суарес и др. Второй этап – это последние 50–60 лет истории международных отношений, когда название «справедливая война» сохранилось, а содержание концепции было изменено, причем именно в правовом ключе¹⁰⁷³.

Представляется, что венцом развития идей первого этапа является «Формула Радбруха». Поэтому так важно акцентировать ее генетическую связь с предшествовавшими концепциями.

При всем многообразии идей о войне и мире, причем не только в западной, но и в восточной правовой традиции, прослеживается основополагающее начало – апеллирование к справедливости¹⁰⁷⁴ как к соблюдению установленных правил ведения войны, ведению мирной политики, представлению о разрешении международных споров мирными средствами, добросовестному выполнению государствами обязательств, договоров, оказанию военной помощи и т.д.

Прежде чем начнут складываться идеи и концепции, появляются, правда, в «рудиментарном» виде, отдельные представления о войне. Так, например, Платон разделяет войны или конфликты на внутренние (междоусобные) и внешние, где первые характеризуются им как абсолютное зло, а вторые – как зло относительное, вынужденное. Есть два вида войны, говорит Платон, – первый вид, «который мы все называем междоусобием, ... самый тягостный; второй же, как все мы, думаю я, считаем, это война в случае раздора с внешними иноплеменными врагами; этот вид гораздо безобиднее первого» (Платон. Законы. 629d).¹⁰⁷⁵

¹⁰⁷² Там же.

¹⁰⁷³ См.: Сазонова К.Л. Концепция «справедливой войны» в современном международном праве // Журнал российского права. – 2014. – № 5. – С. 119.

¹⁰⁷⁴ Справедливость до сегодняшнего дня остается дискутируемым понятием. В частности, оппонент Г. Радбруха по многим вопросам Г. Кельзен, признавая справедливость относительной ценностью, писал, что «моей справедливостью является справедливость свободы, справедливость мира, справедливость демократии – справедливость терпимости» (Кельзен Г. Что есть справедливость? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., – 2015. – С. 374).

¹⁰⁷⁵ Платон. Законы // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т.3. М., 1994. Анализируя эти важнейшие правовые идеи Платона, В.И. Павлов выводит следующие характеристики правовых конфликтов. Во-первых, внешний (межгосударственный) конфликт хотя и является относительным злом, тем не менее условно допустим и является вынужденной необходимостью – в этом случае допустимым и необходимым способом его разрешения является война как защита своего Отечества. Во-вторых, приоритет в разрешении внутригосударственного конфликта безусловно отдается примирению как мирному способу его разрешения (Павлов В.И. Метафизические основания учения о юридическом конфликте в философии древних греков (Сократ, Платон) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2010. – № 1 (19). – С.165, 166).

Другой античный мыслитель Аристотель, имеющий не меньший научный авторитет, полагал, что вся человеческая жизнь распадается на занятия и досуг, на войну и мир (Аристотель. Политика. 1333a30-35)¹⁰⁷⁶. Но из этих двух занятий предпочтение необходимо отдать миру, поскольку война существует ради мира, пишет он¹⁰⁷⁷. Аристотель указывает также, что война является справедливой, если она ведется ради защиты своего государства (полиса), а также для установления господства над неразвитыми государствами, а в отношении варварских государств – лишь в том случае, если они проявили свою неспособность к самоуправлению (Аристотель. Политика. 1333b35-1334a)¹⁰⁷⁸.

Но в то же самое время Аристотель вступает в дискуссию с теми авторами, которые полагают, что рабство в результате войны справедливо. Он считает, что «самый принцип войны можно считать несправедливым, и никоим образом нельзя было бы утверждать, что человек, не заслуживающий быть рабом, все-таки должен стать таковым» (Аристотель. Политика. 1255a20-30)¹⁰⁷⁹.

С осуждением несправедливых войн и военных жестокостей выступают и римские авторы – историк Тит Ливий и особенно Цицерон¹⁰⁸⁰. Согласно Цицерону, справедливой является только такая война, которая ведется после предъявления или ее возвещения и объявления¹⁰⁸¹.

Право, уточняет Цицерон, основано на «природе»¹⁰⁸². Если бы права устанавливались повелениями народов, решениями первенствующих людей, приговорами судей, говорил Цицерон, – то существовало бы право разбойничать, право прелюбодействовать и т.д.¹⁰⁸³ Именно поэтому на все народы в любое время будет распространяться один вечный и неизменный закон, подчеркивает Цицерон (Цицерон. О государстве. С.64). Таким важнейшим законом, по мнению Цицерона, будет следующее правило: «Применения силы да не будет!» (Цицерон. О законах. С.147).

Основная задача справедливости, подчеркивает Цицерон, «чтобы никому не наносить вреда» (Цицерон. Об обязанностях. С.63). Исходя из этого основополагающего принципа, Цицерон делает вывод о том, что всегда следует заботиться о сохранении мира (Цицерон. Об обязанностях. С.67). По его мнению, надо искать пути для разрешения спора, если он возник, а не проявлять решимость на войне. Войну нужно начинать так, чтобы казалось, что мы «не ищем ничего другого, кроме мира» (Цицерон. Об

¹⁰⁷⁶ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. В 4 т. Т 4. М., 1983.

¹⁰⁷⁷ Для Сократа, Платона, Аристотеля центральной в этом аспекте являлась проблема войны, что было вполне естественно в тех условиях, подчеркивают Ю.Я. Баскин и Д.И. Фельдман (Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., – 1990. – С. 29). По мнению другого известного исследователя Д.Б. Левина, греческие философы выступают с осуждением несправедливых войн и военных жестокостей (Левин Д.Б. История международного права. М., – 1962. – С. 19).

¹⁰⁷⁸ Аристотель. Указ. соч.

¹⁰⁷⁹ Там же.

¹⁰⁸⁰ См. об этом: Левин Д.Б. Указ. соч. С. 19.

¹⁰⁸¹ Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., -1993. – С. 67 (В дальнейшем – Цицерон. Об обязанностях).

¹⁰⁸² Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., – 1994. – С.98 (В дальнейшем – Цицерон. О государстве).

¹⁰⁸³ Цицерон. О законах // Там же. С. 102 (В дальнейшем – Цицерон. О законах).

обязанностях. С.78). Кроме всего прочего войны надо начинать с целью жить в мире (Цицерон. Об обязанностях. С.67).

Кстати, Цицерон высказывает весьма прогрессивную для того времени идею о необходимости считаться не только с согражданами, но и с чужеземцами ради достижения общего интереса. В противном случае «разрывается всеобщий союз человеческого рода» (Цицерон. Об обязанностях. С.130).

Обращает на себя внимание тема жестокого обращения с людьми во время ведения военных действия, которая от столетия к столетию будет выходить на первый план.

Высоко оцениваются заслуги Блаженного Августина и Фомы Аквинского в развитии концепции справедливой войны. Августин останавливался на долге каждого человека и государства, следуя заповеди любви, защищать невинных от злодея, в том числе, если понадобится, вооруженными средствами. Необходимость войны, по Августину, вытекает из греховности человека; и, люди, стремясь с Божьей помощью к избавлению от войн, должны со всей справедливостью противодействовать агрессору¹⁰⁸⁴. В научной литературе также отмечается, что Фома указывал на право пропорционального использования вооруженной силы как для защиты третьих лиц, так и для самозащиты, что он настаивал на том, что воюя против врага как агрессора, следует по-христиански любить его как человека¹⁰⁸⁵.

По мнению Р.З. Рувинского, наиболее значимым вкладом Аквината в теорию справедливой войны является определение критериев, позволяющих считать войну справедливой. Этих критериев три: полномочность правителя, по приказу которого ведется война; справедливая причина (*justa causa*); справедливое намерение¹⁰⁸⁶. Один из последователей Фомы, испанский теолог-иезуит Франсиско Суарес добавил к этому еще три требования: бремя (зло) войны, в особенности человеческие жертвы должны быть пропорциональны той несправедливости, которая предотвращается войной; война должна начинаться лишь когда все возможные мирные средства предотвращения несправедливости были исчерпаны; даже справедливая война должна начинаться при обоснованной надежде на достижение успеха¹⁰⁸⁷.

Важно отметить, что еще в период Крестовых походов, Реконквисты в Испании и Оттоманского вторжения в Европу христианские теологи начали создавать теоретическую базу концепции «справедливой войны»¹⁰⁸⁸.

¹⁰⁸⁴ См. характеристику взглядов Августина на войны: Этика: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М., 2001 // Интернет-версия. – https://iphras.ru/enc_eth/130.html (дата обращения 04.04.2020).

¹⁰⁸⁵ См. характеристику взглядов Фомы Аквинского: Там же.

¹⁰⁸⁶ См.: Рувинский Р.З. Отражение доктрины «справедливой войны» (*bellum justum*) и понятия «незаконного врага» (*hostis injustus*) в современном международном праве // -Международное право. – 2016. – № 1. – С. 1-12. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16948 (дата обращения 04.04.2020).

¹⁰⁸⁷ См. характеристику взглядов Суареса на войны: Этика: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова.

¹⁰⁸⁸ Сазонова К.Л. Указ. соч. С.119.

Среди плеяды величайших мыслителей, творчество которых пришлось на XVII в., выделяется Гуго Гроций, сочетавший в своих взглядах философские идеи школы естественного права с изучением позитивной международно-правовой практики¹⁰⁸⁹. Гроций построил систему, в которой область права распространялась и на такое общественное явление как война. Анализируя проблему справедливой и несправедливой войны, он пришел к выводу, что война может быть справедливой, выделил признаки справедливой войны и определил методы и средства ведения войны¹⁰⁹⁰.

Серьезный аргумент против использования религиозного фактора для развязывания и ведения войн выдвинул последователь Гроция Эмер де Ваттель. Как и Гроций, он делил войны на публичные – между нациями и суверенами, которые ведутся от имени государственной власти и по ее приказу, и частные – войны, которые ведутся частными лицами. Законной причиной войны он называл единственно возможную – нанесение обиды или подготовка к нанесению обиды¹⁰⁹¹.

Великий Иммануил Кант, которого можно отнести к философскому направлению в науке международного права, приложил свой «категорический императив» к различению справедливых и несправедливых войн следующим образом: несправедливым является тот враг, чья публично выраженная (будь то словом или делом) воля высказывает максимум, согласно которой, если сделать ее всеобщим правилом, невозможно состояние мира между народами и должно быть увековечено естественное состояние¹⁰⁹², которым для Канта было такое несправедливое состояние, как война.

Апологеты войны также активно продвигали свои позиции во все времена. Значительная часть из них понимала право как приказ суверена. Соответственно, и решение по военным вопросам во многом зависело от его произвола. Так, и германская юриспруденция времен Веймара способствовала тому, что наука о праве стала чисто формальным учением. Старый юридический дух (в том числе и юридический позитивизм) времен империи был перенят без каких-либо видимых изменений. Реакционные юристы-теоретики для юридического обоснования и оправдания антидемократической, антиреспубликанской политики реакционной военщины и господствовавших экономических сил разработали даже своеобразные доктрины: о так называемой «необходимой обороне государства», «о правовой помощи государству в случае чрезвычайного положения», а также доктрину «друг-враг»¹⁰⁹³.

¹⁰⁸⁹О трех основных направлениях в науке международного права в трактовке Ю.Я. Баскина и Д.И. Фельдмана см., например: Баскин Ю.Я. Кант. М., – 1984. – С.45-46.

¹⁰⁹⁰Саунина Е.В. Политико-правовые учения о войне в эпоху средневековья и Нового времени и роль Гуго Гроция в становлении правовой доктрины справедливой войны. Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, – 2000. – С. 10.

¹⁰⁹¹См. подробнее о взглядах Ваттеля: «Гроцианское» направление в юридической науке XVIII в. // Идея международного права в истории политических и правовых учений: коллективная монография / Отв. ред. А.А. Дорская. СПб., – 2011. – С.156-162.

¹⁰⁹²Кант И. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М., 1965. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) – Т. 4. Ч. 2. – С.277.

¹⁰⁹³См.: Соколов А.Н., Котковский Л.Э. Извращение права в фашистской Германии – «законная»

Представленные выше позиции авторитетных мыслителей прошлого, критиковавших несправедливые войны и методы их ведения, казалось бы, должны были убедить человечество стремиться к состоянию мира. Однако кровопролитные войны не закончились. А первая половина XX в. превратила земной шар в арену мировых войн, что актуализировало исследование войны, в том числе и с правовых позиций.

Мало того, и в последнее время теория справедливой войны приобрела очень большую популярность, хотя само сочетание двух терминов – «справедливость» и «война» – вызывает сомнения, поскольку война, по мнению многих людей, не может иметь никакого отношения к морали и справедливости, пишет Б. Кашников¹⁰⁹⁴. Он полагает, что теория справедливой войны является не более чем набором основных принципов справедливого ведения войн. Эти принципы делятся на две основные группы: *jus ad bellum* (ориентируют нас на обстоятельства, при которых можно начать войну) и *jus in bello* (показывают нам, какие способы ведения войн могут считаться справедливыми). К первой группе принципов (*jus ad bellum*) относятся шесть главных принципов: принцип правого дела, принцип добрых намерений и принцип законной и легитимной власти. Позднее появились такие принципы, как принцип «разумной вероятности успеха», принцип крайнего средства и принцип пропорциональности: война должна предотвращать большее зло. Следует подчеркнуть, что на самом деле эта группа принципов – это те классические принципы, которые были разработаны Августином, Фомой Аквинским и дополнены Франсиско Суаресом. Что же касается второй группы принципов (*jus in bello*), то они используются уже в ходе войны. Именно эти принципы и лежат в основе современного международного гуманитарного права: принцип избирательности и принцип пропорциональности. Принцип избирательности предполагает, что необходимо различать комбатантов и некомбатантов. Принцип пропорциональности предполагает, что ведение войны не должно наносить ущерба больше, чем это необходимо для победы на каждом конкретном этапе военных действий¹⁰⁹⁵. Многие принципы-правила поведения были выведены из сложившейся практики взаимоотношений государств и в виде норм были позитивированы в международных правовых актах, пусть и немногочисленных к началу Второй мировой войны.

Победа над фашизмом привела к освобождению европейских стран от гитлеровской тирании. Несправедливость войны со стороны немецких захватчиков не вызывала сомнений. Встал и вопрос о возможности привлечения к ответственности лиц, участвовавших в военных действиях, как совершивших противоправные деяния. С точки зрения формально-юридической это было не бесспорно. Философия же права позволила обсуждать эту проблему не только и не столько в формальном ключе, а

основа для уничтожения инакомыслия // Юристы-Правоведы. – 2011. – № 4. – С. 49.

¹⁰⁹⁴Кашников Б. Теория справедливой войны. На каких принципах основана теория справедливой войны? – <https://postnauka.ru/talks/396> (дата обращения: 04.04.2020).

¹⁰⁹⁵Там же.

и через призму фундаментальных человеческих ценностей, прежде всего ценности человеческой жизни.

Такая точка зрения представлялась предпочтительной. Уверенностью отличались на процессе выступления главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко, которые были громкими, резонансными, поднявшимися до философских высот осмысления мировой трагедии¹⁰⁹⁶.

Известный ученый-юрист Н.С. Алексеев, сам прошедший фронтами Второй мировой войны, в 80-х годах прошлого века подчеркивал, что еще в период войны Советский Союз выступил инициатором выработки соглашений между союзниками о последовательном наказании военных преступников, совершивших злодеяния против мира и человечества. Это требование разделялось всеми народами, пострадавшими от агрессии, и его реализация имела значение для предупреждения аналогичных международных преступлений, для борьбы за мир и международную безопасность¹⁰⁹⁷.

Особую роль в привлечении нацистских преступников к ответственности сыграл Международный военный трибунал в Нюрнберге. Однако были и те, кто выражал сомнения в легитимности Нюрнбергского трибунала. Высказывалось мнение, что его решения не основывались на нормах права, действовавших на время совершения преступления, что поскольку Нюрнбергский процесс – это суд победителей над побежденными, то нельзя ожидать справедливого правосудия. В числе критиков итогов Нюрнберга звучит голос известного ученого и юриста-практика Ганса Кельзена, ратовавшего значительную часть своего творческого пути за преодоление естественно-правового учения. Ганс Кельзен в 1945 г., уже будучи достаточно известным в научных кругах по своей работе «Чистое учение о праве», получил назначение на должность советника комиссии ООН по военным преступлениям, его деятельность на этом посту была связана с подготовкой суда над нацистскими преступниками. Известен и тот факт, что по формально-юридическим причинам (формальное отсутствие компетенции у Нюрнбергского трибунала) он не поддерживал идею создания такого надгосударственного суда, которая шла вразрез с его правовой теорией¹⁰⁹⁸.

Как подчеркивается в научных исследованиях, при подготовке Нюрнбергского процесса страны-победительницы столкнулись с проблемой привлечения к ответственности лиц, виновных в массовых нарушениях прав и свобод человека, в бесчеловечных преступлениях, но не нарушивших при этом национального законодательства. По мнению А.В. Серебrenниковой, «Формула Радбруха» стала

¹⁰⁹⁶См.: Звягинцев А.Г. Эхо Нюрнберга: репортаж из прошлого, обращение к будущему // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно-практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва). М., – 2012. – С. 6-18.

¹⁰⁹⁷См.: Алексеев Н.С. Преступления и возмездие: Преступления против человечества. М., – 1986. – С.3-4.

¹⁰⁹⁸Антонов М.В. Чистое учение о праве против естественного права? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., – 2015. – С.29.

концептуальной основой для деятельности этого трибунала. Благодаря этой формуле был разработан подход, по которому ссылка на исполнение национального законодательства не исключает ответственности за преступления, посягающие на права и свободы человека¹⁰⁹⁹.

Однако путь Густава Радбруха к своей знаменитой формуле был долгим. В «Философии права», опубликованной в 1932 г., за год до прихода к власти Гитлера, он ставит важнейшие философско-правовые вопросы и дает на некоторые из них ответы зачастую совсем иные, чем те, что мы услышим от него спустя почти полтора десятилетия в его работах «Пять минут философии права» (1945 г.) и «Законное неправо и надзаконное право» (1946 г.).

Так, в 30-х годах Радбрух, с уважением относясь к достижениям юридического позитивизма, заявляет, что судью надлежит спрашивать лишь о том, что соответствует закону, и никогда о том, является ли это одновременно и справедливым, что судья служит закону без оглядки на его справедливость, что в тех случаях, когда судья, повинаясь воле закона, перестает служить справедливости, он всегда остается на страже правопорядка¹¹⁰⁰. Радбрух приводит пример, когда добросовестный судья, обязанный рассматривать все позитивное право как действующее, может столкнуться с ответчиком, который, руководствуясь собственной совестью, считает несправедливое и нецелесообразное право недействительным, хотя формально оно функционирует¹¹⁰¹.

Немецкого мыслителя до Второй мировой войны, с его опытом участия в Первой мировой войне, смущает, что в свете когда-нибудь признанного наукой естественного права действие отклоняющегося от него позитивного права должно было бы прекратиться подобно выявленной ошибке, устраняемой разоблачающей силой истины¹¹⁰².

Он отмечает как доказанное, что правовая стабильность также является ценностью и что правовая стабильность, предоставляемая позитивным правом, может служить оправданием для действия несправедливого и нецелесообразного права. Правда, Радбрух тут же оговаривается, что не доказан приоритет осуществляемого позитивным правом принципа правовой стабильности перед принципами справедливости и целесообразности, возможность применения которых так и остается нереализованной. Три элемента идеи права равноценны, и в случае конфликта между ними однозначное решение невозможно¹¹⁰³.

В «Философии права» Радбрух в большинстве своих выводов верен неокантианским идеям. Он напоминает, что кантианская философия учит нас: невозможно

¹⁰⁹⁹См.: Серебrenникова А.В. К 70-летию Нюрнбергского процесса: «Формула Радбруха» (Radbruchsche Formel) и опыт ее применения на практике после объединения Германии. – <https://cyberleninka.ru/article/n/k-70-letiyu-nyurnbergskogo-protssessa-formula-radbruha-radbruchsche-formel-i-opyt-ee-primeneniya-na-praktike-posle-obedineniya-germanii/viewer> (дата обращения 24.04.2020).

¹¹⁰⁰См.: Радбрух Г. Философия права. С.100.

¹¹⁰¹Там же. С.100-101.

¹¹⁰²Там же. С. 96.

¹¹⁰³См.: Там же. С. 99.

из сущего познать, что есть ценное, что есть истинное, что есть должное¹¹⁰⁴. Он считает, что теория познания и Кант нанесли решающий удар по естественному праву, что Кантова критика чистого разума показала, что «разум» не является арсеналом готовых теоретических знаний и уже сформулированных этических и эстетических норм¹¹⁰⁵. Кантовский дуалистический метод допускает равноправное сосуществование принципов правовой ценности и правовой действительности¹¹⁰⁶.

Трагические итоги Второй мировой войны заставили многих философов переоценить свои взгляды. В их числе и Радбрух. Впрочем, его приверженность неокантианству облегчила для него задачу критической оценки слепого следования юридическому позитивизму в правоприменительной деятельности. Не зря современные исследователи отмечают, что невозможно назвать другого, кроме Канта, философа прошлого, идеальные проектные построения которого были бы столь же близки политическим реальностям Нюрнбергского процесса, Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека¹¹⁰⁷.

В послевоенной ситуации становилось ясным, что, оставаясь исключительно в позитивистской системе координат, вряд ли возможным было бы дать справедливую оценку деяниям нацистов, беспрецедентно поправшим права человека¹¹⁰⁸.

Еще в довоенной «Философии права» Радбрух отмечает, что понятие права – понятие, относящееся к сфере культуры, то есть понятие действительности, опосредованной ценностью действительности, смысл которой – служить ценности. Право – это действительность, смысл которой заключается в том, чтобы служить правовой ценности, идее права. Понятие права также стремится к идее права. Идея права не может быть не чем иным, как справедливостью¹¹⁰⁹. Целью права при всем многообразии его содержания является все же мораль¹¹¹⁰. Право служит морали не посредством возложения правовых обязанностей, а посредством прав, которые оно гарантирует. Оно гарантирует индивиду права, чтобы эти права наилучшим образом обеспечивали выполнение индивидом своих моральных обязанностей¹¹¹¹.

В 1945 г. Радбрух в своей знаменитой статье «Пять минут философии права» в первую же «минуту» сетует на то, что юристам спустя столетие после того, как среди них не осталось зачинателей естественного права, не известны исключения

¹¹⁰⁴ Там же. С. 17.

¹¹⁰⁵ Там же. С. 27.

¹¹⁰⁶ См. об этом: Там же. С. 36.

¹¹⁰⁷ Соловьев Э.Ю. Государство, гражданский правовой порядок и права человека в глобально-историческом проекте Канта // Государство. Общество. Управление: Сборник статей. М., – 2013. – С. 105.

¹¹⁰⁸ Сказанное не означает, что позитивизм безразличен к проблеме нарушения прав человека. Так, известный позитивист Евгений Булыгин не исключает критики позитивного правопорядка вследствие нарушения прав человека: отправной точкой для подобной критики является определенная (принятая критиком либо каким-то обществом) мораль; но она может также основываться на признанных международным правом или конституцией соответствующего государства правах человека. См.: Булыгин Е. К проблеме обоснования прав человека // Проблеми філософії права. – 2006-2007. – Том IV-V. – С. 152.

¹¹⁰⁹ Радбрух Г. Философия права. С. 40-41.

¹¹¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹¹¹ Там же. С. 58.

из действия закона и подчинения ему законопослушных граждан. Понимание закона и его действия согласно теории позитивного права сделало всех, включая юристов, беззащитными перед законами, оправдывающими произвол, законами ужасными и преступными. Вторая «минута» посвящена предостережению от опасности отождествления права и того, что полезно народу. В третью «минуту» Радбрух заявляет, что поскольку право – это воля, стремящаяся к справедливости, если законы сознательно попирают волю справедливости, например, предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них исключительно по произволу, то в этих случаях подобные законы недействительны, народ не обязан подчиняться им, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовой характер. Четвертая «минута» отведена тезису, что несовершенство человека не позволяет гармонично объединить в законе все три ценности права – общую пользу, правовую стабильность и справедливость. Однако несправедливым законам следует отказывать в действии и в признании их правового характера. Пятая «минута» завершается выводом, что существуют также правовые принципы более авторитетные, чем любое юридическое предписание. В этом случае закон, противоречащий такому принципу, не действует. Подобного рода принципы называют, по мнению Радбруха, естественным правом¹¹¹².

В следующем 1946 г. в своей работе «Законное неправое и надзаконное право» Радбрух определенно провозглашает ныне широко известную «Формулу Радбруха», согласно которой правовой акт превращается в «неправо» тогда, когда он становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что принятое решение как «несправедливое право» отрицает справедливость¹¹¹³. Немецкий правовед анализирует целый ряд конкретных судебных дел, приводит примеры «закондательного неправого». Он цитирует газету «Тэглицхе рундшау» от 14 марта 1946 г.: «Ни один судья не может ссылаться на закон и основанную на нем практику, которые не только неправомерны, но и преступны. Мы ссылаемся на права человека, которые стоят выше всего писаного права, на неотъемлемое и существующее с незапамятных времен право, которое не признает действие принудительных приказов бесчеловечных тиранов»¹¹¹⁴.

Радбрух резюмирует: «...право, включая и позитивное, нельзя определить иначе, чем порядок и совокупность законов (Satzung), призванных по сути своей служить справедливости. И этому критерию право нацистов не отвечает ни в целом, ни в отдельных его частях»¹¹¹⁵.

Проведенная реконструкция взглядов Радбруха вызывает вопрос: возможно ли сегодня актуализировать «Формулу Радбруха»? Ведь требования естественного права исчерпывающим образом невозможно вместить в «прокрустово ложе» позитивного права. Однако опасаемся дать положительный ответ на заданный вопрос.

¹¹¹² См.: Радбрух Г. Пять минут философии права // Философия права. М., – 2004. – С. 225-226.

¹¹¹³ Радбрух Г. Законное неправое и надзаконное право // Там же. С. 234.

¹¹¹⁴ Там же. С. 231.

¹¹¹⁵ Там же. С. 234.

Из драматического опыта человеческой цивилизации следует, что обращение к естественному праву как к источнику принятия правоприменительных решений наблюдалось в недавней истории в связи с нарушениями прав человека. Представляется, что «Формула Радбруха» должна играть сегодня другую роль, ориентируя участников правового общения на справедливую юридическую деятельность во всем многообразии ее форм. Заключительные слова следует посвятить Густаву Радбруху, который продемонстрировал особое профессиональное призвание к роли хранителя идеи права. Роль же правоведа в этом смысле, возможно, наиболее важна из всех видов юридической деятельности¹¹¹⁶.

§ 5. Проблемы эффективности использования конвенций XIX века по охране интеллектуальной собственности¹¹¹⁷

Интеллектуальная собственность, являясь сложным и многогранным правовым институтом, требует особого правового регулирования, основу которого на международном уровне еще в XIX веке заложили Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., а также Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г. Оба этих основополагающих документа, каждый в свое время, стали обязательными для применения Российской Федерацией.

Отличительной особенностью прав на интеллектуальную собственность является их территориальный характер, проявляющийся в том, что правообладатель будет иметь защиту своих прав только на территории того государства, где он, к примеру, опубликовал свое произведение или получил патент. Для того, чтобы его права находились под защитой другого государства, необходимо заявить о них в этой стране, путем повторного опубликования своего интеллектуального труда либо получения патента на него. Именно для преодоления такой проблемы и были заключены данные соглашения.

Как отмечает И.В. Крыхтина и Л.В. Щербачева¹¹¹⁸, Парижская конвенция по охране промышленной собственности в своей основе была направлена на урегулирование двух вопросов. Первый из вопросов касался проблемы дискриминации, которая проявлялась в том, что в различных государствах иностранным гражданам было очень сложно или вообще невозможно получить патент. Второй сложностью оказался вопрос относительно возможности в приоритетном порядке получить патент в нескольких странах путем подачи заявки в течение определенного срока,

¹¹¹⁶О таком предназначении правоведов см.: Коттеррелл Р. Правоведы и философы: Радбрух и Дворкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 2. – С. 239.

¹¹¹⁷ Данный параграф выполнен А.В. Алешинной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

¹¹¹⁸ Крыхтина И.В., Щербачева Л.В. Правовое регулирование интеллектуальной собственности на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. № 11. 2012. С. 59

поскольку если изобретатель не торопился по каким-то причинам с ее подачей, он в итоге мог обнаружить, что кто-то другой его опередил.

Поскольку разработчиками Конвенции были страны с развитой рыночной экономикой, они не стали протестовать относительно патентования в целом, но начали искать возможные пути повышения уровня охраны прав патентообладателей посредством устранения недочетов в этой системе. Первым предложением явилось введение принципа национального режима, в соответствии с которым был установлен единый подход к охране прав заявителей без специальных условий, касающихся места жительства или наличия предприятия в том государстве, где требуется охрана. Также в данном соглашении был закреплен принцип «приоритета», который означает, что с момента подачи изобретателем заявки на патент в одной из стран-участниц Конвенции, будет действовать приоритет для подачи заявок в иные государства-члены Конвенции в течение года с момента подачи первой заявки. Это сделано для того, чтобы изобретатель был защищен от заявок, поступающих от других лиц, претендующих на тот же самый патент.

Однако при применении данной Конвенции обнаруживаются некоторые сложности. Так, Шахназаров Б.А. указывает, что промышленная собственность как комплексный институт права интеллектуальной собственности в национальном праве большинства стран, в том числе и в Российской Федерации, терминологически отсутствует. Парижская конвенция, последняя редакция которой проходила в Стокгольме в 1967 г., тоже не представила четкого понятия объектов промышленной собственности и критериев их определения. В пунктах 2 и 3 ст. 1 Парижской конвенции лишь обозначается, что к объектам охраны промышленной собственности относятся патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и указания происхождения или наименования места происхождения, а также пресечение недобросовестной конкуренции. Промышленная собственность понимается в самом широком смысле и распространяется не только на промышленность и торговлю в собственном смысле слова, но также и на области сельскохозяйственного производства и добывающей промышленности и на все продукты промышленного или природного происхождения¹¹¹⁹. Россия участвует в данной Конвенции с 1965 г.

Особое значение имеет Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г., которая явилась первым шагом на пути охраны прав авторов. Данная Конвенция претерпела ряд изменений, последние из которых были приняты в Париже в 1971 г. Важнейшим принципом, положенным в основу этого документа, является принцип национального режима, который закреплен в ст. 5. Согласно данному принципу, страны-участницы обязаны предоставлять иностранному автору такой же объем прав, какой предоставляется автору своей страны.

Бернская конвенция состоит в основном из материально-правовых норм об охраняемых произведениях и их авторах, соответственно. Срок охраны авторских

¹¹¹⁹ Шахназаров Б.А. Некоторые терминологические аспекты международного права промышленной собственности // Московский государственный университет им. О.Е. Кутафина. № 8 (117). 2016. С. 91

прав, установленный данной конвенцией, составляет всю жизнь автора и 50 лет после его смерти, однако государства-участники могут устанавливать в своем законодательстве более продолжительные сроки. В случае, если же возник спор о сроках такой охраны, будет применяться право страны, в которой впервые было опубликовано данное произведение.

Ведущую роль при определении субъектов охраны авторских прав применяется территориальный принцип, который также используется и в Бернской конвенции. Согласно данному принципу предпочтение отдается стране происхождения произведения, т.е. стране первого опубликования. Однако при применении данной Конвенции также могут возникнуть некоторые проблемы. Так, в ст. 9 Бернской конвенции говорится, что «авторы литературных и художественных произведений, охраняемых данной конвенцией, пользуются исключительным правом разрешать воспроизведение этих произведений любым образом и в любой форме». Однако в современных реалиях требуется тщательное истолкование таких положений международного соглашения для того, чтобы не нарушить баланс между объективными правами автора и их необоснованным расширением. Так, например, может возникнуть проблема сочетания права автора на переработку произведения и использованием его музыкальной темы для мобильных телефонов.

По мнению И.А. Захаровой, сегодня не существует конкретного определения «авторское право», что существенным образом усложняет осознание данного факта и, соответственно, влечет за собой множество научных споров. Помимо этого, Бернская конвенция признаёт право автора на защиту репутации, а также личное неимущественное право автора использовать или разрешать использовать произведение под своим именем, под псевдонимом или без указания имени. Среди ученых бытует мнение, что право авторства включает и право на имя, но Бернская конвенция не содержит такое право. Для этого необходимо более углубленно провести анализ исключительного права автора¹¹²⁰.

В заключение следует отметить, что постоянное и активное изменение технологических условий существования и производства результатов интеллектуальной деятельности требует адекватных изменений обеспечения их эффективной охраны. Кроме того, рост возможностей несанкционированного использования таких результатов, влечет за собой необходимость восполнения и детализации правовых норм для исключения таковых.

Несомненно, рассмотренные выше конвенции явились фундаментом системы охраны интеллектуальной собственности, однако в сегодняшних реалиях развития и распространения высокоэффективных телекоммуникационных технологий, интернета, их применение уже является недостаточно эффективным.

¹¹²⁰ Захарова И.А. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений и Часть четвертая Гражданского кодекса РФ: сравнительный анализ // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). С. 82

§ 6. Формирование международно-правовых стандартов через интернационализацию прав человека (на примере конституционного процесса в годы Первой российской революции)

Интернационализация права в начале XX века является составной частью истории международных отношений. В политических условиях нового и новейшего времени государства, сталкиваясь, как с вопросами внутрисоциального, так и международного характера, стремятся подходить к их решению путем тесного взаимодействия с другими странами. Такой подход оправдывает себя, поскольку позволяет, во-первых, опереться на уже испытанный иностранный опыт в решении конкретной проблемы, а, во-вторых, только путем межгосударственных контактов могут быть решены многие глобальные проблемы человечества. При этом политическое взаимовлияние сначала требует локального правового сотрудничества, путем, например, заключения договоров о правовой помощи, а в последствии оно вызывает более тесную связь правовых систем различных государств друг с другом, включающую как взаимную рецепцию правовых норм, так и их частичное или полное заимствование. В мировой практике нередки случаи реципирования целых институтов и даже отраслей права. В результате появляется необходимость взаимодействия как национально-правовых систем друг с другом, так и национально-правовых систем с международной правовой системой.

В этой связи, наиболее значительными представляются заимствования в конституционном праве, как наиболее основополагающей отрасли. Перенимая ту или иную норму, законодатель заранее видит последствия, которые оказало ее введение в другом государстве и стремится получить аналогичный результат в своем собственном. То есть ориентация на приоритет международных норм становится для законодателя скорее правилом, нежели исключением. Система международного права уже в конце XIX века признавалась российскими юристами «наивысшей формой правового общения между людьми»¹¹²¹, «произведением всемирной гражданственности»¹¹²², «великим законом просвещенного мира»¹¹²³.

Изменения конституционного строя, как уже было сказано, являются наиболее глобальными и накладывают на проводящего их властвующего субъекта повышенную ответственность. Поэтому, законодатель почти всегда стремится при реформировании государственного устройства опереться на иностранный опыт, чтобы застраховать себя от возможных ошибок¹¹²⁴.

¹¹²¹ Ивановский И.А. Конспект лекций по международному праву, читанных в Императорском Новороссийском университете в 1885/1886 академическом году. Одесса, 1885. Выпуск I. С. 3.

¹¹²² Каченовский Д.И. Курс международного права. Харьков, 1866. Кн. II. С. XIX.

¹¹²³ Ботанцов И.В. Применение правовой доктрины как источника права в Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies. 2019. № 1. С. 35-41.

¹¹²⁴ Дудко А.И. Рецепция в конституционном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 146.

Рассмотрим заимствования такого рода на примере изменений, внесенных в Основные законы Российской империи Манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.

Историческое значение Манифеста заключалось в расщеплении законодательной власти, принадлежавшей ранее исключительно императору между собственно монархом и новым представительным законодательным органом – Государственной Думой.

Манифест, вкпе с Манифестом Николая II от 6 августа 1905 «Об учреждении Государственной Думы»¹¹²⁵, учреждал парламент, без одобрения которого не мог вступать в силу ни один закон. В то же время за Императором сохранялось право распускать Думу и блокировать её решения своим правом вето, чем Николай II неоднократно пользовался.

Также Манифест провозглашал и предоставлял политические права и свободы, такие как: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и неприкосновенность личности.

В результате принятия манифеста Императором были внесены изменения в Основные государственные законы Российской империи, которые фактически стали первой российской конституцией¹¹²⁶.

Применительно к сфере конституционного права можно выделить два вида рецепции. Первый – это прямая (чистая) рецепция, то есть воспроизведение классического, выработанного мировой правовой практикой или предшествующей правовой системой юридического материала. Второй вид – это так называемая «синтезированная рецепция», заключающаяся в «расчленении» иностранного юридического опыта с последующим синтезом его элементов в новых комбинациях. Такой способ нашел широкое применение при составлении проектов конституций и в целом широко используется в конституционном праве, поскольку позволяет адаптировать рецеплируемую норму к новым социально-правовым реалиям. Оба описанных вида рецепции нашли свое применение в разработке изменений к Основным законам Российской империи¹¹²⁷.

Одним из основных нововведений было создание представительного органа – Государственной Думы. Впервые организация этого учреждения была предложена еще М.М. Сперанским. Уже сама идея законодательного органа, обладающего относительной независимостью от монарха, была привнесена из Европы; при этом М.М. Сперанский вводит в название планируемого учреждения слово «Дума», чтобы подчеркнуть преемственность с Боярской думой и оттенить масштаб заимствования. К созданию Государственной Думы в России вернулись только в начале XX века и, конечно же, нормы, закрепляющие ее правовой статус были во многом скопированы из иностранных конституционных актов.

¹¹²⁵ Макаров С.В. Создание Совета министров Российской империи // Правоведение. 1993. № 2. С. 101-106.

¹¹²⁶ Пашенцев Д.А. Конституция России: этапы развития. М., 2008. С. 67 – 68.

¹¹²⁷ Макаров С.В. Особое Совещание 17 января 1905 г. (К проблеме объединения министерского управления в Российской империи) // Правоведение. 1993. № 3. С. 110-116.

Так, из австрийской конституции позаимствовали норму, согласно которой при чрезвычайных обстоятельствах правительство имеет право в промежутках между сессиями парламента и с одобрения царя издавать указы, которые приравниваются к законам, то есть принимать на себя роль законодательной власти. При этом, согласно статье 87 Основных законов, министр, иницирующий соответствующий указ обязан в течение двух месяцев с начала очередной сессии Государственной Думы представить ей свой законопроект, который может быть отклонен Думой, что повлечет его упразднение (как и в том случае, если министр не представит его на суд народного представительства). Кроме того, указы, принятые в обход Думы, не могли вносить изменения в основы государственного строя, в том числе устанавливающие статус Думы, Государственного Совета и других высших органов.

Необходимость такого постановления совершенно очевидна особенно в России, где быстрый созыв чрезвычайных сессий затруднен был необычайными размерами государства. При разумном подходе нельзя было упрекать государственную власть (как это часто делали радикальные круги) за то, что она ввела это постановление; упрекнуть ее можно было только в том, что она слишком часто использовала полномочия, дарованные ей этой статьей конституции, иными словами, что она этой статьей злоупотребляла.

Одной из наиболее дискуссионных проблем в Думе стал вопрос о том, каким большинством должно приниматься решение о прекращении прений: простым или квалифицированным. В большей части европейских стран этот вопрос решался простым большинством. Только в национальном совете Швейцарии он решался большинством в 2/3 голосов. Сторонники принципа простого большинства обосновывали свою позицию необходимостью быстрой и продуктивной работы, а их оппоненты выступали за учет мнения меньшинства палаты в ходе прений при обсуждении законопроектов. В результате Дума отвергла принцип простого большинства и постановила, что прения должны продолжаться, если за это высказались 100 и более депутатов. Только в случае, если присутствовало менее 200 депутатов, вопрос решался простым большинством¹¹²⁸.

Второй палатой нового российского парламента стал уже существовавший, но значительно реорганизованный Государственный Совет. Порядок его формирования сочетал в себе заимствования из законодательства германских государств середины XX века (пословное избрание членов верхней палаты) и третьей Французской республики (выборы от территориальных представительных органов). Для выборных членов Государственного Совет устанавливался возрастной ценз в сорок лет. Срок их полномочий составлял девять лет с обновлением одной трети каждого разряда каждые три года. Вторая половина его членов назначались лично царем, что предоставляло ему возможность контролировать все законопроекты, исходившие от Государственной Думы.

¹¹²⁸ Макаров С.В. Особое Совещание 17 января 1905 г. (К проблеме объединения министерского управления в Российской империи) // Правоведение. 1993. № 3. С. 114.

Еще один новый орган, который был введен изменениями в Основные законы – это Совет министров. Особое совещание, разрабатывавшее проект этого государственного органа, во многом опиралось на позицию американского политолога В. Вильсона, положения из работ которого были представлены совещанию «для рассмотрения дополнительных к законам о Государственной думе правил»¹¹²⁹.

Сам В. Вильсон основывал свои рассуждения о центральном органе исполнительной власти на практике, существовавшей в то время во Франции, где параллельно существовали такие ведомства, как Совет министров и Кабинет министров. Он писал, что в составе одних и тех же чиновников кабинет есть «учреждение исключительно политическое, тогда как совет имеет лишь функции административные»¹¹³⁰. Поэтому, с точки зрения В. Вильсона у французских министров был двойственный статус: с одной стороны, в качестве членов кабинета они являлись представителями парламента, имели право присутствовать на его заседаниях, а с другой стороны, в качестве членов Совета, министры подчинялись президенту республики, являющемуся главой исполнительной власти. Кабинет, замечает В. Вильсон – это только «обозначение министров, обсуждающих вопросы, имеющие отношение к их политической ответственности: вне таких совещательных собраний, он является лишь именем, обозначающим общую ответственность министров»¹¹³¹.

В. Вильсон анализирует также устройство других европейских государств и отмечает, что «в отношении исполнительной власти Швеция занимает среднее место между Англией и Францией, с одной стороны, где министры вполне ответственны перед одною из палат, и Германией, с другой, где министры ответственны только перед одним королем»¹¹³².

В России за образец была взята прусская концепция кабинета министров. Как пишет в своей статье С.В. Макаров, «указ 19 октября 1905 г. «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений», по всей видимости, позаимствовал порядок представления всеподданнейших докладов из известного приказа по кабинету короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV от 8 сентября 1852 г., который самым тщательным образом анализировался Особым совещанием, учрежденным 6 августа 1905 г.»¹¹³³.

Как и в Пруссии, основная роль в указе 19 октября отводилась не Совету министров непосредственно (в Пруссии – Государственному министерству), а его Председателю (в Пруссии – Министру-президенту). Именно он выносил вопросы на обсуждение в Совете министров, а затем шел со всеподданнейшим докладом к

¹¹²⁹ Богданов С.В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной Думы и Государственного Совета в начале XX века: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14 – 16.

¹¹³⁰ Макаров С.В. Создание Совета министров Российской империи // Правоведение. 1993. № 2. С. 101-106.

¹¹³¹ Макаров С.В. Создание Совета министров Российской империи // Правоведение. 1993. № 2. С. 105.

¹¹³² Макаров С.В. Создание Совета министров Российской империи // Правоведение. 1993. № 2. С. 105 – 107.

¹¹³³ Макаров С.В. Создание Совета министров Российской империи // Правоведение. 1993. № 2. С. 104 – 106.

императору. Такие же полномочия предоставляет Министру-президенту п. 2 упомянутого приказа по кабинету Фридриха-Вильгельма IV. Право на личное присутствие Председателя Совета министров при всеподданнейших докладах министров императору установлена ст. 17 указа; подобное же правило закреплено в пункте 3 прусского приказа 8 сентября 1852 года¹¹³⁴. По английскому принципу «контрасигнатуры» подпись императора под указами перед опубликованием скреплялась подписью председателя Совета министров или соответствующего министра (ст. 26).

Таким образом, была заимствована фактически вся прусская система организации исполнительной власти ввиду ее явных преимуществ перед действовавшим прежде в России порядком.

В итоге, мы видим, что на организацию работы Государственной Думы, Совета министров и Государственного Совета зарубежный опыт оказал огромное влияние. Имевшие место особенности были вызваны влиянием прежней системы государственного устройства, а также необходимыми ограничениями, к которым было вынуждено прибегнуть царское правительство, чтобы сохранить главенствующую роль в аппарате власти. Многие реципированные положения, будучи высаженными на плохо подготовленную инородную почву, не смогли работать в том виде, в котором они функционировали в странах, из законодательства которых было произведено заимствование.

Вместе с тем, нельзя не отметить и то влияние, которое конституционное право оказало на формирование международно-правовых стандартов, возникших в ходе позднейшей интернационализации конституционного права. Уже в конце XIX века взаимовлияние международного и национального права было несомненным. Л.А. Камаровский писал в 1890-е гг.: «Международное право относится к сфере права публичного, имеющего своим исходным пунктом и центром государство, что, однако, не мешает его самостоятельности по отношению к праву государственному»¹¹³⁵. Он также подчеркивал, что «Между трактатами и законами существуют многообразные и живые связи. Часто издаются законы, сообразные с трактатами, и, наоборот, заключаются последние для дальнейшего развития и осуществления первых»¹¹³⁶.

Многие правовые положения, разработанные в ходе конституционного процесса в годы Первой российской революции, нашли свое отражение в международных нормах. Так Основными законами всем подданным гарантировались неприкосновенность личности и законность юридического преследования (ст. 30 — 32), неприкосновенность жилища (ст. 33), свобода выезда за пределы государства (ст. 34), неприкосновенность собственности (ст. 35), свобода собраний, слова и печати

¹¹³⁴ Богданов С.В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной Думы и Государственного Совета в начале XX века: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 35.

¹¹³⁵ Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография. СПб., 2010. С. 210.

¹¹³⁶ Ботанцов И. В. Соотношение источников светского и церковного права в Российской империи 1832-1917 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 9-19.

(ст. 36 – 39), что в последствии стало основным международным стандартом прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что основой формирования таких стандартов становятся не сами конституционные нормы, а их интернационализация, которая определяет их преимущество над национальным законодательством. Так в основу международного права легли нормы, сформировавшиеся путем взаимовлияния национальных правовых систем и рецепции римского права. В их числе такие юридические максимы, как положение о том, что последующий закон отменяет предыдущий; общий закон отменяется специальным; договоры должны соблюдаться; договоры не могут иметь правового воздействия на третьих лиц; никто не может предоставить другому больше, чем имеет сам; равный над равным власти не имеет; никто не может быть судьей в собственном деле и т. д. Взаимосвязь и обусловленная ею взаимозависимость права с другими социальными регуляторами и институтами формирует особый интегративный тип правопонимания в обществе. Его системообразующим началом является идея действия права, синтезирующая своим содержанием все сущностные правовые характеристики и формы проявления права в социальном пространстве. Право, рассматриваемое, таким образом, как комплексное, многогранное и постоянно развивающееся явление¹¹³⁷, порождает определенные стандарты, исходя из потребностей самого общества.

В значительной мере появление этих правовых стандартов отражает такой способ взаимодействия систем национального и международного права, как формирование принципов права («общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»), как это сформулировано в п. 1(с) ст. 38 Статута Международного суда ООН¹¹³⁸.

§ 7. Правовая охрана Великой Отечественной войны в памяти поколений от информационной агрессии Запада

С приближением 75-летия Великой Победы СССР над фашистской Германией развернулась информационная война государств – участниц блока НАТО с исторической памятью россиян о Великой Отечественной войне. В России Великая Победа – ключевое событие для формирования национальной идентичности, стержень внутри- и внешнеполитического нарратива. Между тем в Европе всюду идет пересмотр оценок того исторического периода, причин и хода Второй мировой. И это будет иметь существенные политические последствия¹¹³⁹.

¹¹³⁷ Алексеева Н.И. К вопросу об интегративном типе правопонимания // Черные дыры в Российском законодательстве. 2019. № 4. С. 9-12.

¹¹³⁸ Статут Международного суда Организации объединенных наций: подписан 26 июня 1945 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icj-cij.org/homepage/ru/icjstatute.php> (дата обращения: 05.03.2020 г.).

¹¹³⁹ Ефременко Д. «Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи» // Россия в глобальной политике 2020 Т. 18. № 1. С. 59.

Информационная агрессия против России не прекращалась ни на минуту, только в 90-е годы преобладала «мягкая сила». С начала XXI века, как только началось возрождение Российской Федерации, бархатная методика ушла на второй план, на первые позиции вышел агрессивный тон разнообразных видов информационного оружия – от откровенной лжи исходящей из агентов влияния до поддельных документов, распространяемых средствами массовой информации (далее – СМИ) и средствами массовой коммуникации (далее СМК). С одной целью – это уничтожение исторической памяти и духовных ценностей народов многонациональной России.

То есть, можно сделать вывод, что в современной мировой политике постиндустриального общества на смену провокациям, развязывающим прямые военные конфликты, приходит тотальная информационная война, позволяющая «натравить» мировое большинство, уже подчинившееся гегемону однополярной международной системы, на сопротивляющееся меньшинство. И одной из убедительных технологий современной информационной войны является дискредитация и уничтожение символов, духовно скрепляющих общество противника. Как наглядно показывает история, духовно устойчивое, непоколебимое меньшинство способно одержать победу натравливаемым агрессивным большинством. Поэтому главной целью агрессоров, пожалуй, является не столько «натравливание» всего мира на изгоя, а слом духовно-нравственных основ суверенного государства и раскол внутри стана противника. Достигается это во многом благодаря целенаправленному удару по исторической национальной памяти. Для этого и осуществляется фальсификация истории, для этого оскверняются и разрушаются национальные символы страны, в том числе и исторические памятники. Таким образом, агрессорам и удается сломить волю завоевываемого народа к сопротивлению, что часто является завершающим этапом покорения народа. После этого уже дело техники, простая формальность – захват стратегических рычагов управления данной страной. Война с памятью народа, десакрализация его главных символов действительно лишают его воли к сопротивлению. Это более эффективный шаг в интервенции, чем раскол сил противника¹¹⁴⁰.

Победа в Великой Отечественной войне советского народа, постоянно сопровождается попытками западной пропагандистской машины её развенчать и дискредитировать. Бои за историческую память принимают форму идеологического обеспечения информационной войны.

Политические технологи Североатлантического блока реализуют идеологическую концепцию снижения статуса СССР, как основного победителя во II мировой войне. В СМИ и СПК продвигаются доктрины о схожести «двух тоталитарных режимов», «сталинизма» и «гитлеризма», которые являлись виновниками в

¹¹⁴⁰ А.В. Коновалов. Историческая память как объект информационных атак (война с памятниками // Материалы Всероссийской научной конференции под науч. ред. В.Ш. Сабирова «Информационные войны: социально-этические, эстетические, антропологические аспекты и технологии противодействия» Издательство: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (Новосибирск) 2015. С. 3.

разжигании пламени мировой бойни XX века. Таким образом, в XXI века политики западного мира стремятся замалчивать злодеяния нацистской Германии и правду об СССР.

Также с подачи западных историков подвергаются причины, характер и итоги Великой Отечественной войны, ставится под сомнения вклад освободительной миссии Красной Армии, спавшей цивилизацию от фашизма. Тенденция в современной идеологической борьбе – это реабилитация расовой теории гитлеровского геноцида.

В настоящее время такая идеологическая борьба проводится довольно агрессивно и вульгарно и в ее эпицентре находится переоценка военной истории XX века, главным образом события и итоги Второй мировой войны. Стоит отметить, что мотивы ее ведения у разных стран различны.

Так, элиты Великобритании, США, Франции оказались заинтересованы в пересмотре истории Второй мировой войны в силу стремления снять с себя ответственность за раздел Чехословакии, политику попустительства и умиротворения агрессора в предвоенный период. Страны, участвовавшие в войне на стороне Германии, получили уникальную возможность перейти из разряда побежденных агрессоров или пособников агрессора в разряд жертв «советской тоталитарной империи»¹¹⁴¹.

События последних лет обострили внимания к истории Великой Отечественной войне политиков и идеологов из республик бывшего Советского Союза, которые продолжают распространять преступные, искаженные представления о ходе и результатах войны, а также о роли СССР в разгроме «Третьего рейха». Заведомо ложная информация часто приобретает характер вымысла, полностью уничтожая правду, даже о знаменательных датах II мировой войны.

В принципе на информационно пространстве разгораются баталии за сознание подрастающего поколения. В сложившихся условиях общественное сознание не всегда имеет иммунитет критики к действиям, искажающим исторические события Великой Отечественной войны.

В России и Европе осознание содержания политика памяти происходит по-разному. Наша страна возвращается к исторической памяти, чтобы преодолеть политические разногласия и вражду. У Старого Света понимание памяти, как еще очередного информационного пространства, где решаются политические задачи. В подобной ситуации конфликт неизбежен.

Сегодня основным театром военных действий в борьбе различных подходов к оценке II мировой войны являются:

- медиапространство;
- площадки международных организаций;
- историко-научные платформы.

¹¹⁴¹ Махота С.В. «Великая Отечественная война в контексте современной информационной войны» [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: <https://novostipmr.com/ru/news/18-05-09/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-kontekste-sovremennoy> (дата обращения 14.04.2020).

Таким образом, западные политики стремятся переписать историю последней мировой бойни и сравнить Советской Союз с Третьим рейхом. Политический ис-теблишмент Великобритании, США, Франции полностью заинтересован в пересмотре истории Великой Отечественной войны, чтобы снять с себя ответственность за политику разжигания пламени мировой войны и реабилитировать страны гитлеровской коалиции, перевести их из разряда побежденных в ранг жертв «советского тоталитарного режима».

Победа в Великой Отечественной войне оказала и продолжает оказывать решающее влияние на международные отношения и социально-экономическое развитие мирового сообщества государств. Однако сегодня в некоторых странах, в том числе причисляющих себя к эталону демократии, «открыто ведётся пропаганда нацистских идей и ценностей, поднимают голову национал-радикалы. Совершаются попытки переписать, фальсифицировать историю, уравнивать жертв и палачей, поднять на щит нацистов и их приспешников. Цель таких действий, и об этом не раз говорил Президент России В.В. Путин, очевидна: «спровоцировать историко-политические фобии, рассорить целые страны и народы в стремлении к односторонним геополитическим преимуществам и доминированию на мировой арене»¹¹⁴². В современной зарубежной историографии существует ряд устойчивых направлений фальсификации истории Второй мировой, ведущих свое начало с первых дней «холодной войны»¹¹⁴³.

Само понятие «освобождение от фашизма» подменяется «советской оккупацией» стран Восточной Европы и насаждением там «тоталитарных режимов»; целенаправленно создается негативный образ Красной Армии как «банды мародеров, насильников и убийц мирного населения», в отличие от якобы «благородных западных союзников». При этом отдельные негативные факты поведения советских военнослужащих раздуваются и абсолютизируются, преподносятся как массовые и типичные, полностью игнорируется исторический контекст, последовательность и ход событий, причинно-следственные связи, меняются местами «палачи» и «жертвы». В результате в западное сознание последовательно внедрялся и внедряется образ «русского дикаря, оккупировавшего, поправшего, разорившего и осквернившего культурную Европу». Цель подобных интерпретаций вполне ясна — сформировать антироссийское массовое сознание на Западе, вычеркнуть СССР (и современную Россию как его правопреемницу) из числа победителей во Второй мировой войне, а также «переформатировать» российское сознание в негативном ключе в

¹¹⁴² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 тт. Т. 7. Освобождение территории СССР. М.: Военное издательство, 2013. С.3.

¹¹⁴³ App A. J. Ravishing the Women of Conquered Europe. San Antonio, 1946; Keeling R. F. Gruesome Harvest. The Costly Attempt to Exterminate the People of Germany. Chicago, 1947; Ryan C. The Last Battle. New York, 1966 (русское издание: Райан К. Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев. М., 2003) и др. Среди них развенчание и очернение Освободительной миссии Красной Армии занимает особое место [5]. (Sander H., Johr B. BeFreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigung, Kinder. München, 1992; Zayas A.-M., de. A Terrible Revenge: The Ethnic Cleansing of the East European Germans, 1944–1950. New York, 1994; Grossmann A. A Question of Silence: The Rape of German Women by Occupation Soldiers // October. 1995. Vol. 72. P. 43–63.

отношении к собственной истории и своей стране. После распада СССР эти тенденции проявляются не только на Западе, но и на территории стран бывшего «социалистического содружества», и в обретших государственную независимость бывших советских республиках, и в либеральном течении современной российской историографии¹¹⁴⁴. Особенно ярко они реализуются в околонучной псевдоисторической публицистике¹¹⁴⁵.

Национальные элиты Польши, Молдовы, Грузии, Прибалтики, Украины состоящие на службе у западных политиков выслуживаются перед своими хозяевами и идут на преступление перед своим народом переписывают историю Великой Отечественной войны, создают вымыслы об оккупантах и многовековой национально-освободительной войне, о России как об империи зла, источнике всех прошлых и нынешних бед.

В этой связи стоит отметить, что 3 июля 2009 года Парламентская ассамблея ОБСЕ в резолюции «Воссоединенная Европа: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» приравнивала СССР к нацистской Германии, а период правления И.В. Сталина обозначила как «сталинизм» и отождествила с идеологией нацизма Третьего рейха в период руководства Адольфа Гитлера. Тремя годами ранее, в 2006 году, сессия ПАСЕ единодушно приняла доклад «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», в котором было высказано предложение установить общеевропейский день памяти жертв сталинизма и нацизма¹¹⁴⁶.

Следовательно, можно прийти к выводу, что разработана новая доктрина II мировой войны, в которой СССР выступает в роли агрессора, а страны блока НАТО выступают в роли миротворцев защитившие мир от нацизма и сталинизма. То есть Россия, как правопреемник СССР и послевоенная Германия со всеми вытекающими отсюда последствиями являются тоталитарными империями. Тем не менее, ФРГ

¹¹⁴⁴ Бордюгов Г. Преступления против гражданского населения. Вермахт и Красная Армия // Свободная мысль — XXI. 2004. № 6. С. 119–145; Бордюгов Г. «Война все спишет»? Вермахт и Красная Армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения. Доклад на Международной научной конференции «Опыт мировых войн в истории России», 11 сентября 2005 г., Челябинск. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.aigo-xxi.ru/gb/doklady/doklad01.htm> (дата обращения: 15.04.2020); Соколов Б. В. Между наукой и политикой: Цена Победы и Мифы Великой Отечественной // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: Победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005. С. 72–89; Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005; Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум. Москва, 28 сентября 2005 г. Стенограмма. М., 2006; Новикова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс]: URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32.html> (дата обращения: 15.04.2020) и др.

¹¹⁴⁵ Солонин М. Весна победы. Забытое преступление Сталина // Персональный сайт историка Марка Солонина. [Электронный ресурс]: URL: http://www.solonin.org/article_vesna-pobedyi-zabyitoe (дата обращения: 15.04.20208) и др.

¹¹⁴⁶ Махота С.В. «Великая Отечественная война в контексте современной информационной войны» [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: <https://novostipmr.com/ru/news/18-05-09/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-kontekste-sovremennoy> (дата обращения 14.04.2020).

встала на правильный путь искупления и вошла в семью цивилизованных народов, Российская Федерация осталась варваром.

Инициаторы в лице западного истеблишмента и их прислужников крайнего эшелона блока НАТО используют различные средства:

1. Пренебрежение научными историческими познаниями, чтобы выстраивать искаженную причинно-следственную картину исторических фактов с помощью вырывания каких-то событий из сложного исторического контекста с целью искажения правды об истории Второй мировой войны.

2. Искажение первоисточников с помощью подделки архивных и исторических документов, фабрикация фото, аудио, кино и видеоматериалов, лжесвидетельства мнимых участников событий. К примеру, Освенцим освобождала Украина в лице 1-го Украинского фронта, Советский Союз, положивший 600 тысяч бойцов за освобождение Польши, её оккупировал и т.д.

3. В информационно-пропагандистской деятельности активизация законотворчества, призванная подкреплять «исторические претензии» и искажение правдоподобных фактов. Следствием подобной правовой политики является открытое противостояние с Россией на законодательном уровне.

4. Осуществление вандализма над памятниками военнослужащих Красной Армии в Европе, дискредитация героизма советского народа в Великой Отечественной войне и героизация фашизма и нацизма.

5. Направление образовательных технологий для формирования не правдоподобной картины о II мировой войне. Гремучая смесь, состоящая из мифов выставляющих Россию как заклятого врага, которому противостояли высококультурные предки, в том числе и их наследники в лице прибалтийских «лесных братьев», бойцов УНА-УНСО на Украине. Нередко встречаются безосновательные утверждения, которые становятся основанием в полемических дискуссиях, проникают в печатные издания, отравляя и провоцируя общественное мнение. Прозападные политические силы в бывших республиках СССР – Украине, Молдавии, странах Балтии, Грузии, Узбекистане и других ныне независимых государствах стремятся похоронить память народов этих стран о том, как они в составе Союза ССР воевали против гитлеризма, стереть память о существовании единого сообщества советских народов как одного из важнейших факторов победы. Формируются дикие представления о «самостоятельном вкладе» бывших советских республик в «победу Объединённых Наций во Второй мировой войне», отрицается совместная борьба народов СССР с нацистским агрессором, в общественное сознание внедряется поток лжи о борьбе «титовых этносов» той или иной бывшей советской республики за «национальное освобождение от большевистского режима»¹¹⁴⁷.

Однако в современной Европе и США пытаются умалчивать, что Советский Союз спас страны Старого Света от «коричневой чумы» предусматривающей уничтожить целые народы.

¹¹⁴⁷ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В 12 т. Т.1. Москва. 2011.

Таким образом, защита правдивой истории Великой Отечественной войны, героического подвига советского народа – победителя ото лжи и фальсификаций, направленных на отрицание решающей роли Советского Союза, как основного победителя над фашизмом на планете, является одной из важнейших задач юридической науки.

Правовая защита на международном уровне должна защищать национальные интересы Российской Федерации, победы СССР в Великой Отечественной войне на различных площадках начиная от ООН и кончая ОБСЕ. Примером может служить Парламентская ассамблея ОБСЕ 3 июля 2009 года в резолюции «Воссоединенная Европа: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» приравнивала СССР к нацистской Германии, а период правления И.В. Сталина обозначила как «сталинизм» и отождествила с идеологией нацизма Третьего рейха в период руководства Адольфа Гитлера. Тремя годами ранее, в 2006 году, сессия ПАСЕ единодушно приняла доклад «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», в котором было высказано предложение установить общеевропейский день памяти жертв сталинизма и нацизма¹¹⁴⁸.

Целевые установки такого рода историографических ревизий — СССР, в соответствии с моделью Ялтинского мироустройства, выступал естественным гарантом недопущения новых мировых угроз фашизации. Эта роль была унаследована от него в качестве правопреемника Российской Федерацией. Ревизия итогов Второй мировой войны подразумевает в качестве политического последствия оттеснение России на периферию мировой политики. Уже воспроизводятся частично контуры довоенной модели Версальско-Вашингтонской системы, в соответствии с которой Советская Россия оказывалась в положении «мирового изгоя». Санкции, перспективы всеобъемлющей блокады, выстраивание «санитарного кордона», создание приграничных зон военной эскалации — все эти современные реалии представляют собой достаточно известный исторически инструментарий¹¹⁴⁹. Тем более в настоящее время баталии на международном правовом пространстве по переписыванию истории становятся всё более горячими по причине организованного и скоординированного политического курса североатлантической политики. Следовательно, с помощью дискредитации СССР, уравнивания коммунизма с фашизмом и нацизмом политики от НАТО стремятся вытеснения памяти о Второй мировой войне мифом о великой победе в ней коллективного Запада, где историческая Россия однозначно рассматривается в качестве стороны зла. Как итог этой информационно-

¹¹⁴⁸ Махота С.В. «Великая Отечественная война в контексте современной информационной войны» [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: <https://novostipmr.com/ru/news/18-05-09/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-kontekste-sovremennoy> (дата обращения 14.04.2020).

¹¹⁴⁹ В. Шевченко. Информационная война Запада с исторической памятью россиян о Великой Отечественной войне // [Электронный ресурс]: URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/05/01/informacionnaya_vojna_zapada_s_istoricheskoy_pamyatyu_r_ossiyano_otechestvennoj (дата обращения: 15.04.2020)

пропагандистской кампании – это утверждение о неправомерности занятия ей места постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Таким образом, российские юристы международники должны стоять на страже Устава ООН, иных международно-правовых источники, отражающих юридические итоги Великой Победы над фашистской Германией, – это является стержнем современного международного права; которое нельзя изменить усилиями отдельных политических элит на мировом пространстве. Тем более национальные законодательные акты в пользу приспешников фашистов, пестуемые такими элитами, не имеют длительного жизненного цикла, поскольку эти законы противоречат международному правосознанию, действующему международному праву, прежде всего, Уставу ООН.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. как составная часть Второй мировой войны – это «уникальное явление не только национальной истории, но и истории всемирной, явление общечеловеческое. В нём ярко горел благородный огонь справедливости, гуманности, сохранивший жизнь на планете и надежды на её улучшение в настоящем и будущем. В этой войне

впервые в истории военная сила была применена во имя мира и жизни на Земле»¹¹⁵⁰.

Мы должны помнить эти жуткие уроки истории, помнить для того, чтобы жить, помнить, чтобы не совершать подобных ошибок.

§ 8. Проблемы эффективности использования международных обычаев в регулировании торгового мореплавания¹¹⁵¹

Правовое регулирование отношений, возникающих в сфере торгового мореплавания, отличается от регулирования большинства других правоотношений, прежде всего, наличием специфических норм, появление которых обусловлено наличием различного рода рисков, сопровождающих человеческую деятельность в Мировом океане с древних времен.

А.Л. Маковский отмечал, что «...такие правовые институты, как договор перевозки, договор аренды, договор страхования, обязательства из причинения вреда, хорошо известные общему гражданскому праву, в области торгового мореплавания приобретают ряд специфических особенностей. Наряду с этим, необходимость ограничения, устранения или распределения особых рисков мореплавания породила специфические, только морскому праву известные институты – ограничение ответственности судовладельца, общую аварию, договор о спасании. Риск мореплавания явился в значительной мере тем цементирующим началом, которое привело

¹¹⁵⁰ Тюшкевич С.А. Борьба за огонь. М.: Проспект. 2010. С. 304.

¹¹⁵¹ Данный параграф выполнен В.А. Косовской в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований».

к объединению институтов, различных по своей правовой природе и относящихся к различным отраслям права (гражданскому, административному, трудовому, процессуальному и др.), в комплексную отрасль – морское право»¹¹⁵².

Неоспоримым является и тот факт, что среди источников морского права особое место занимал и занимает обычай, поскольку именно с помощью такого источника можно было гибко реагировать на специфические особенности данной сферы деятельности. Несмотря на то, что регулирование отношений, вытекающих из торгового мореплавания, подвержено достаточно обширной международной унификации (государства всегда стремились установить единообразные правовые нормы, чтобы их судовладельцы, грузовладельцы и другие участники отношений не находились в менее выгодном положении по отношению к своим контрагентам), обычай никогда не уступал свои лидирующие позиции среди других источников.

По определению В.А. Белова «международные торговые обычаи — это издавна сложившиеся и непрерывно на протяжении длительного времени применяемые (действующие) в международном торговом обороте юридические (обязательные) нормы, обладающие свойствами общеизвестности, определенности (ясности) и единообразия. Торговые обычаи в собственном смысле слова, т. е. обычаи неписаные, несистематизированные (unwritten, uncodified) сохраняют важнейшее значение в системе источников международного торгового права и по сей день. Причем они интересны не только как нормы, непосредственно регулирующие торговые отношения, но и как материал для частноправовой унификации — создания актов нового *lex mercatoria*, возвращающих торговому праву его исконный международный характер»¹¹⁵³.

Возникновение обычая является длительным и сложным процессом, так как обычаи складываются на основе многократного повторения фактических отношений. Возникнув, обычаи живут долго и имеют консервативный характер, они передаются «по наследству» в качестве регуляторов общественных отношений и общественной ответственности¹¹⁵⁴.

В зависимости от своего происхождения обычаи могут быть международными и национальными. Классическим примером международного кодифицированного обычая являются Йорк-Антверпенские правила об общей аварии. Этот обычай санкционирован государством. В Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации (п.2 ст. 285) имеется прямая ссылка на применение этих правил при распределении общеаварийных убытков.

Йорк-Антверпенские правила об общей аварии представляют собой старейший из ныне действующих правовых документов в области международного торгового мореплавания. Это свод норм, регулирующих взаимоотношения сторон,

¹¹⁵² Маковский А.Л. Международное частное морское право (понятие и источники). М.: Транспорт, 1974 г. С. 5.

¹¹⁵³ Белов В.А. Торговые обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 62.

¹¹⁵⁴ Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 183.

которые вытекают из общей аварии — одного из наиболее древних и сложных институтов частного морского права¹¹⁵⁵.

При этом Йорк-Антверпенские правила не являются застывшими и статичными нормативными установками, с самого начала своего существования они остаются предметом дискуссий участников международной морской торговли и международных неправительственных морских организаций, подвергаясь за время своего существования достаточно частым изменениям и дополнениям на международных конференциях. Это объясняется существенными изменениями, которые происходят в судоходстве (меняются размеры и конструкция судов, все шире применяются информационные технологии), и, как следствие, уходят в историю отдельные виды общей аварии, появляются новые ситуации, требующие чрезвычайных расходов или жертвований ради спасения общего морского предприятия. Возможность внесения соответствующих изменений дает основания говорить о высокой эффективности применения данного международного обычая, при сохранении в нем основополагающих признаков, характеризующих общеаварийные убытки – намеренный, разумный, чрезвычайный характер расходов или жертвований, предпринятых ради общей безопасности.

Наибольшее распространение среди национальных обычаев в торговом мореплавании получили обычаи морских портов, под которыми понимают правила поведения, сложившиеся и широко применяемые при оказании услуг в морском порту и не предусмотренные законодательством (например, регулирование взаимоотношения сторон договора перевозки при проведении погрузочно-разгрузочных работ, нормировании грузовых операций, подсчете стальной времени и т.д.).

Н.А. Сорокина обращает внимание на то, что портовые обычаи формально лежат вне норм государственного регулирования, поскольку в торговом мореплавании присутствуют специфические и локальные по своей природе институты (прежде всего, выполнение погрузочно-разгрузочных работ), для которых общее нормативное регулирование малоприменительно¹¹⁵⁶.

Дискуссионным остается вопрос о необходимости свидетельствования портовых обычаев. Постановлением правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 24.12.2009 № 67-7 утверждено Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обычаев морских портов в Российской Федерации. Свидетельствование обычаев морского порта производится ТПП России на основании заявления, подписанного капитаном соответствующего морского порта или лицом, его замещающим. К заявлению прилагаются: текст обычаев морского порта, письменное заключение территориальной торгово-промышленной палаты, на территории деятельности которой находится

¹¹⁵⁵ Касаткина А.С., Кобахидзе Д.И. Эволюция Йорк-Антверпенских правил об общей аварии как источника международного частного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 4. С. 69.

¹¹⁵⁶ Сорокина Н.А. К вопросу о признании источником права портовых обычаев // Вестник Нижегородской правовой академии. 2018. № 15(15). С. 16.

соответствующий морской порт, а также письменные заключения организаций, применяющих на практике данные обычаи или имеющие к ним непосредственное отношение (судовладельцы, их агенты, экспедиторы и др.), обосновывающие целесообразность свидетельствования обычаев морского порта. Свидетельствование обычаев морского порта осуществляется ТПП России путем выдачи заявителю соответствующего документа (свидетельства). ТПП России ведет реестр засвидетельствованных обычаев морских портов, а также учет обычаев, в свидетельствовании которых было отказано¹¹⁵⁷.

Практика морских перевозок грузов свидетельствует, что наличие или отсутствие формального подтверждения существования обычаев портов, не влияет на порядок проведения грузовых операций в том или ином порту. Например, если в Иране, странах Персидского залива (кроме порта Джабель-Али в ОАЭ) и Пакистане будет сказано, что порт обрабатывает суда круглосуточно и без выходных, то, скорее всего, в пятницу, а часто и в субботу, порт работать не будет вовсе. А во время работы, помимо стандартных перерывов на прием пищи, все работы непременно будут остановлены на молитву – намаз¹¹⁵⁸.

Б.В. Змерзлый отмечает, что «...и сегодня правовой обычай играет важную роль в торговом мореплавании. В этом может убедиться каждый, зайдя на сайт практически любого морского торгового порта и обнаружив там рубрику под названием правила и обычаи такого порта. Именно правовой обычай сыграл и продолжает играть важную роль в истории становлении морского права, послужив той базой, на основе которой создавались и создаются и по ныне соответствующие нормативно-правовые акты»¹¹⁵⁹.

Несмотря на стремительные изменения, происходящие в последнее время в морской торговле, которые обусловлены проникновением и распространением новых информационных технологий, обычаи торгового мореплавания продолжают играть существенную роль в его регулировании. На наш взгляд, эффективность применения международных и национальных обычных норм обусловлена тем, что их появление является прямым следствием желания перераспределения рисков торгового мореплавания между всеми участниками этих отношений и установления тем самым справедливого и адекватного правового регулирования данной сферы человеческой деятельности.

¹¹⁵⁷ Караваев Н.В., Караваева Я.Н. К вопросу о свидетельствовании обычаев (на примере обычаев морского порта) // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 10 (26). С. 773.

¹¹⁵⁸ Сорокина Н.А. К вопросу о признании источником права портовых обычаев // Вестник Нижегородской правовой академии. 2018. № 15(15). С. 17.

¹¹⁵⁹ Змерзлый Б.В. Правовой обычай как источник отечественного морского права // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ», 2018. С.28.

§ 9. Проблемы социально-правовой защиты ветеранов боевых действий (по материалам судебной практики)¹¹⁶⁰

Правовой статус ветеранов боевых действий установлен статьей 3 Федерального закона от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 18.02.2020) «О ветеранах». Условиями для признания лиц, в частности, военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности, а также иных категорий граждан к ветеранам боевых действий, являются следующие обстоятельства (юридические факты)¹¹⁶¹.

Во-первых – это участие указанных лиц в боевых действиях на территории государств, которые значатся в Перечне, прилагаемом к Федеральному закону «О ветеранах», и в указанные в законе периоды.

Во-вторых – это участие указанных лиц в боевых действиях или боевых операциях только по направлению органов государственной власти СССР или Российской Федерации.

Меры социальной поддержки предоставляются лицам, признанным ветеранами боевых действий и указанным в подпунктах 1-7 пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О ветеранах». К их числу относятся:

1) военнослужащие, в том числе уволенные в запас (отставку), военнообязанные, призванные на военные сборы, лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, войск национальной гвардии и органов государственной безопасности, работники указанных органов, работники Министерства обороны СССР и работники Министерства обороны Российской Федерации, сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, направленные в другие государства органами государственной власти СССР, органами государственной власти Российской Федерации и принимавшие участие в боевых действиях при исполнении служебных обязанностей в этих государствах, а также принимавшие участие в соответствии с решениями органов государственной власти Российской Федерации в боевых действиях на территории Российской Федерации;

2) военнослужащие, в том числе уволенные в запас (отставку), лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и органов государственной безопасности, лица, участвовавшие в операциях при выполнении правительственных боевых заданий по разминированию территорий и объектов на территории СССР и территориях других государств в период с 10 мая 1945 года по 31 декабря 1951 года, в том числе в операциях по боевому тралению в период с 10 мая 1945 года по 31 декабря 1957 года;

3) военнослужащие автомобильных батальонов, направлявшиеся в Афганистан в период ведения там боевых действий для доставки грузов;

¹¹⁶⁰ Данный параграф выполнен Ю.А. Потаповым в рамках научного проекта № 18-011-01233А «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

¹¹⁶¹ Комментарий к Федеральному закону «О ветеранах» / К. Б. Акинфиев, В. М. Корякин. – М. : За права военнослужащих, 2001; Корякин В.М. Статус участника боевых действий: проблемы и противоречия // Право в Вооруженных Силах. – 2003. – № 3. – С. 5-12.

4) военнослужащие летного состава, совершавшие с территории СССР вылеты на боевые задания в Афганистан в период ведения там боевых действий;

5) лица (включая членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации, выполнявших полеты в Афганистан в период ведения там боевых действий), обслуживавшие воинские части Вооруженных Сил СССР и Вооруженных Сил Российской Федерации, находившиеся на территориях других государств в период ведения там боевых действий, получившие в связи с этим ранения, контузии или увечья либо награжденные орденами или медалями СССР либо Российской Федерации за участие в обеспечении указанных боевых действий;

6) лица, направлявшиеся на работу в Афганистан в период с декабря 1979 года по декабрь 1989 года, отработавшие установленный при направлении срок либо откомандированные досрочно по уважительным причинам;

7) лица, направлявшиеся на работу для обеспечения выполнения специальных задач на территории Сирийской Арабской Республики с 30 сентября 2015 года, отработавшие установленный при направлении срок либо откомандированные досрочно по уважительным причинам.

Кроме того, Федеральным законом от 02.08.2019 № 320-ФЗ введен пп. 2.1, устанавливающий, что к числу ветеранов боевых действий относятся лица, принимавшие в соответствии с решениями органов исполнительной власти Республики Дагестан участие в боевых действиях в составе отрядов самообороны Республики Дагестан в период с августа по сентябрь 1999 года в ходе контртеррористических операций на территории Республики Дагестан.

Отдельную категорию составляют лица из числа ветеранов боевых действий, ставшие инвалидами¹¹⁶².

Указанным выше категориям граждан в том или ином объеме и виде предоставляются меры социальной поддержки¹¹⁶³. В частности, льготы по пенсионному обеспечению в соответствии с законодательством; обеспечение за счет средств федерального бюджета жильем ветеранов боевых действий, нуждающихся в улучшении жилищных условий, вставших на учет до 1 января 2005 года, которое осуществляется в соответствии с положениями статьи 23.2 Федерального закона «О ветеранах»; компенсация расходов на оплату жилых помещений в размере 50 процентов и ряд других.

В соответствии со статьей 23.1 Федерального закона «О ветеранах» ветеранам боевых действий, из числа лиц, указанных в подпунктах 1-4 пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О ветеранах», членам семей погибших (умерших) ветеранов боевых действий установлена ежемесячная денежная выплата (ЕДВ), часть суммы из

¹¹⁶² Чепурной А. Г. Социальная защита инвалидов боевых действий в Российской Федерации как юридический институт: взаимодействие международно-правовых и внутригосударственных факторов // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 11-20.

¹¹⁶³ Тараненко В. В. Социальные гарантии военнослужащих – участников боевых действий на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и членов их семей (вооруженный конфликт немеждународного характера и контртеррористические операции) / В. В. Тараненко. – М. : За права военнослужащих, 2005.

которой, направлено на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг (социального пакета).

Предусмотрен ряд других мер социальной поддержки. В соответствии с подпунктом 3 пункта 2 ст. 333.36. Налогового кодекса РФ от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ ветераны боевых действий, ветераны военной службы, обращающиеся за защитой своих прав, установленных законодательством о ветеранах, освобождаются от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации и законодательством об административном судопроизводстве, судами общей юрисдикции, мировыми судьями (в ред. Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ).

В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 ст. 218 Налогового кодекса РФ от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ ряд категорий граждан, в т.ч. ветераны боевых действий при определении размера налоговой базы налогоплательщик имеет право на получение стандартного налогового вычета в размере 500 рублей за каждый месяц налогового периода.

В соответствии с пунктами 5 и 7 ст. 391 Налогового кодекса РФ от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ для ветеранов и инвалидов боевых действий налоговая база уменьшается на величину кадастровой стоимости 600 квадратных метров площади земельного участка, находящегося в собственности, постоянном (бессрочном) пользовании или пожизненном наследуемом владении налогоплательщиков. Если при применении налогового вычета в соответствии с настоящей статьей налоговая база принимает отрицательное значение, в целях исчисления налога такая налоговая база принимается равной нулю (в ред. Федерального закона от 28.12.2017 № 436-ФЗ).

Федеральным законодательством и подзаконными нормативными актами установлен порядок и условия реализации прав и мер социальной поддержки, предоставляемых ветеранам боевых действий.

Перечисленные выше меры социальной защиты ветеранов боевых действий предоставляются гражданам на основании документов, подтверждающих их участие в боевых действиях при исполнении служебных обязанностей в других государствах, а также принимавших участие в соответствии с решениями органов государственной власти Российской Федерации в боевых действиях на территории Российской Федерации и контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

Реализация прав ветеранов боевых действий и мер социальной поддержки, установленных Федеральным законом «О ветеранах» для данной категории граждан, осуществляется на основании удостоверения ветерана боевых действий¹¹⁶⁴. В удостоверении должна содержаться отметка о праве лица, которому оно выдано, на льготы, установленные п. 1 ст. 16 Федерального закона «О ветеранах».

¹¹⁶⁴ Корякин В. М. О правах и льготах ветеранов боевых действий // Право в Вооруженных Силах. – 2003. – № 4. – С. 15-17.

В соответствии со статьей 28 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» и постановлением Правительства РФ от 19 декабря 2003 г. № 763 лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел (военнослужащие), выполнявшие задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике и на прилегающих территориях Российской Федерации, отнесенных к зоне вооруженного конфликта с декабря 1994 г. по декабрь 1996 г., а также выполнявшие задачи в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона с августа 1999 г., относятся к категории «ветераны боевых действий» и имеют право на получение удостоверения ветерана боевых действий.

Предусмотрены также меры социальной поддержки ветеранов боевых действий, устанавливаемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В п. 3 ст. 10 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» определено, что субъекты Российской Федерации могут устанавливать иные меры социальной поддержки законами субъектов Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами.

Проведенный мониторинг регионального законодательства позволил сгруппировать дополнительные виды социальной поддержки, предоставляемые ветеранам боевых действий на местном уровне.

Так, например, в Белгородской области ветераны боевых действий имеют ряд льгот и мер социальной поддержки, предусмотренных региональными законами, в жилищной, коммунальной, транспортной налоговой сфере и др.

В Тульской области в течение нескольких лет разрабатываются и принимаются областные программы социальной и медицинской реабилитации инвалидов и ветеранов боевых действий, членов их семей, семей погибших, а также граждан, получивших увечья, ранения, травмы, заболевания в период прохождения военной службы и службы в правоохранительных органах. Особое внимание в региональном законодательстве отводится социальной адаптации семей погибших граждан. В основе индивидуального подхода – адресная заявительная материальная помощь отдельным категориям граждан. Установлены ежемесячные выплаты родителям погибших ветеранов боевых действий, а также вдовам военнослужащих (сотрудников), погибших при исполнении воинского долга, и инвалидам боевых действий по призыву.

В соответствии с законодательством Ханты-Мансийского автономного округа-Югры ветеранам боевых действий предусмотрена дополнительная мера социальной поддержки в виде бесплатного изготовления и ремонта зубных протезов, за исключением протезов из драгоценных металлов, металлокерамики, безметалловой керамики и облицовочных композиционных металлов, при наличии медицинских показаний в государственных или муниципальных учреждениях здравоохранения по месту жительства.

Ветеранам боевых действий, имеющим инвалидность, предусмотрены следующие дополнительные меры социальной поддержки: предоставление инвалидам, получившим транспортные средства на льготных условиях или приобретшим

самостоятельно автомобиль «Ока» и получившим компенсацию за их приобретение через органы социальной защиты населения, бесплатных услуг по ремонту указанных транспортных средств, включая приобретение запасных частей к ним, в порядке и на условиях, установленных Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; бесплатное обеспечение трудоспособных инвалидов, не имеющих ограничений способности к трудовой деятельности, трудоспособных инвалидов I, II степени ограничения способности к трудовой деятельности, техническими средствами реабилитации, их ремонт в соответствии с Перечнем технических средств реабилитации, в порядке, утвержденном Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, и в соответствии с рекомендациями индивидуальной программы реабилитации.

Кроме того, инвалиды боевых действий, имеющие среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в автономном округе, имеют право на социальную поддержку в виде адресной социальной помощи; оказавшиеся в трудной жизненной ситуации – на единовременную помощь.

Принятие аналогичных региональных законов могут инициировать депутаты законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации, региональные правительства и администрации, общественные объединения.

Несмотря на целый пакет законодательных актов федерального и регионального уровней, реализация прав ветеранов боевых действий и социально-правовая защита указанной категории граждан в силу различных обстоятельств, в том числе правового характера остается до конца нерешенной проблемой. Возникающие жизненные ситуации ветеранам боевых действий приходится разрешать, защищая свои права в суде¹¹⁶⁵.

Анализ судебной практики по ряду гражданских дел свидетельствует об имеющихся пробелах в правовом регулировании общественных отношений, связанных с реализацией прав данной категорией граждан. В частности, это касается вопросов подтверждения статуса ветерана боевых действий, их пенсионного, материального и жилищного обеспечения и др.

Весьма показательным является дело, рассмотренное одним из районных судов Новгородской области. С иском к учреждению ФСИН России обратился гражданин Х., в период прохождения срочной военной службы (службы по призыву) выполнявший служебные обязанности в зоне вооруженного конфликта на территории Северо-Кавказского региона в течение полугодия в 2000-2001 гг.

Исковое требование заключалось в учете данного периода военной службы в срок службы за выслугу лет для назначения пенсии в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом

¹¹⁶⁵ Гаврюшенко П. И., Калашников В. В., Куракин В. М. Судебная защита прав военнослужащих: учебник / Гаврюшенко П. И., Калашников В. В., Куракин В. М. – М. : РГУП, 2017.

наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», как сотруднику системы ФСИН России.

При этом истец просил применить положение Закона Российской Федерации от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» в части льготного исчисления выслуги лет из расчета один месяц службы за три месяца.

Исковые требования гражданина решением суда первой инстанции были удовлетворены. Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам данное решение суда первой инстанции было оставлено без изменения. Однако Верховный суд Российской Федерации определением от 3 августа 2015 г. № 84-КГ15-7 отправил дело на новое рассмотрение, при этом указав, что пенсионное обеспечение лиц рядового и начальствующего состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, в том числе исчисление выслуги лет для назначения пенсии, определено в Законе РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей». В силу этого закона пенсионное обеспечение лиц, которые проходили военную службу по призыву в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в вооруженных силах и воинских формированиях, указанных в п. "а" ст. 1 данного Закона, осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

В силу ст. 18 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 время прохождения службы в особых условиях действительно подлежит зачету в выслугу лет для назначения пенсии в льготном исчислении. Однако порядок исчисления выслуги лет для назначения пенсии прочим лицам, указанным в ст. 1 этого закона, определяется Правительством Российской Федерации. Постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 установлено, что период военной службы по призыву в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин, кроме периодов, подлежащих зачету в выслугу лет на льготных условиях, предусмотренных для военнослужащих воинских частей, штабов проходивших службу или находившихся в плену в период Великой Отечественной войны, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС либо необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, засчитывается в выслугу лет для назначения пенсий в календарном исчислении.

А в силу статьи 30 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 400-ФЗ данный документ не применяется с 1 января 2015 года, за исключением норм, регулирующих исчисление размера трудовых пенсий и

подлежащих применению в целях определения размеров страховых пенсий в части, не противоречащей указанному Федеральному закону) периоды службы в воинских частях, штабах и учреждениях, входящих в состав действующей армии, в партизанских отрядах и соединениях в период боевых действий, а также время нахождения на излечении в лечебных учреждениях вследствие военной травмы, периоды военной службы в зоне отчуждения, определяемой в соответствии с Законом Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», включаются в общий трудовой стаж в тройном размере.

Таким образом, следует, что военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, срок службы засчитывается в выслугу лет в соответствии с Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1. А тем военнослужащим, которые выполняли аналогичные задачи при прохождении службы по призыву (к таким лицам относится истец), срок службы в период выполнения задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах засчитывается в льготном (в тройном размере) исчислении в трудовой стаж в соответствии с Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». Данное обстоятельство не было принято во внимание судами при рассмотрении этого дела.

Суд отметил, что Закон Российской Федерации от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих непосредственно не регулирует, а устанавливает лишь общие условия их правовой и социальной защиты, которые конкретизированы в иных нормативных правовых актах¹¹⁶⁶.

Таким образом, суд поступил в соответствии с нормами действующего законодательства. Однако, заметим, что пенсионное и социальное законодательство в части, касающейся социально-правовой защиты отдельных категорий граждан, в т.ч. ветеранов боевых действий, отличается противоречивостью и неурегулированностью.

В судебной практике возникают споры о признании гражданина ветераном боевых действий в связи с отсутствием подтверждающих на то документов.

Так, законодательно закреплено, что статус ветерана боевых действий должен быть подтвержден документально. Гражданин не может претендовать на присвоение ему статуса ветерана боевых действий, если не может подтвердить свое непосредственное участие в вооруженном конфликте документами, выданными органами военного управления. Так решил Верховный суд Российской Федерации.

¹¹⁶⁶ Дидух Ю. Обзор судебной практики: защита прав ветеранов // URL: <https://ppt.ru/turbopages.org/s/ppt.ru/news/136077> (дата обращения 18.04.2020).

Приведем пример из практики. Гражданин Н. в 1984 году был призван на военную службу в Вооруженные Силы СССР. С 1984 года по 1986 год он проходил службу в воинском звании рядового в качестве водителя. По сведениям Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Н. в период с 8 ноября 1984 года по 11 апреля 1986 года служил на территории Республики Эфиопия в составе отдельного автомобильного батальона в качестве командира отделения – радиотелефониста. Однако сведениями о непосредственном участии в боевых действиях гражданина на территории данного иностранного государства архив не располагает.

В 2014 году гражданин обратился в отдел военного комиссариата для оформления документов на выдачу ему удостоверения ветерана боевых действий. Однако в этом ему было отказано. Поскольку он не смог предоставить документы, подтверждающие его непосредственное участие в боевых действиях. Он с таким решением не согласился и обратился в суд для установления обстоятельств.

Суд первой инстанции заявление гражданина удовлетворил. Судьи сослались на показания свидетелей, которые проходили службу с истцом и имеют действующие удостоверения ветерана боевых действий. Их участие в боевых действиях подтверждено вступившими в силу судебными постановлениями. Поэтому суд первой инстанции пришел к выводу о наличии достаточных оснований для установления факта непосредственного участия истца в боевых действиях в Эфиопии в период с 8 ноября 1984 года по 11 апреля 1986 года в качестве водителя отдельного батальона.

С такими выводами суда первой инстанции согласился также суд апелляционной инстанции, который, однако, дополнительно указал, что с принятием Федерального закона от 2 октября 2008 года № 166-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах» был признан факт участия российских военнослужащих в боевых действиях в Эфиопии с декабря 1977 года по ноябрь 1990 года. Поэтому у истца попросту отсутствовала возможность документально подтвердить факт своего участия в боевых действиях на территории Эфиопии.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 21 марта 2016 г. № 16-КГ15-48 с выводами судов не согласилась. Судьи указали, что в силу статьи 265 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации у суда есть право установления фактов, имеющих юридическое значение, только при невозможности получения заявителем надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, в ином порядке или при невозможности восстановления утраченных документов.

В п. 2 Инструкции о порядке заполнения, выдачи и учета удостоверения ветерана боевых действий, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации № 763 от 19 декабря 2003 года, определено, что выдача удостоверений производится в порядке, установленном в соответствующих федеральных органах исполнительной власти и органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, по заявлениям, подаваемым ветеранами в эти органы. В п. 7 этого же документа записано, что выдача удостоверений лицам, указанным в подпунктах 1-

6 пункта 1 статьи 3 Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах», которые привлекались для выполнения задач в районах боевых действий, вооруженных конфликтов и контртеррористических операций и выполнения правилительственных боевых заданий Министерством обороны РФ (Министерством обороны СССР).

Для выдачи такого удостоверения в обращении, кроме фамилии, имени и отчества заявителя, необходимо указать личный номер, воинское звание, дату рождения, занимаемую воинскую должность, сроки (периоды) участия в боевых действиях (выполнения задач), а также территорию ведения боевых действий в соответствии с разделом III Перечня государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации.

При этом периоды непосредственного участия военнослужащих, в том числе уволенных в запас (отставку), и других лиц, перечисленных в статье 3 Федерального закона № 5-ФЗ от 12 января 1995 года, в боевых действиях устанавливаются на основании документов, выданных органами военного управления. Из норм статьи 60 ГПК РФ следует, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами. Поэтому непосредственное участие военнослужащих и иных лиц при исполнении служебных обязанностей в боевых действиях при разрешении дела судом может быть подтверждено только определенными средствами доказывания, а именно документами. Поэтому ВС РФ отменил решения судов низших инстанций и отказал истцу в установлении факта его участия в боевых действиях¹¹⁶⁷.

В данном случае можно говорить о наличии правовой неопределенности, вызванной отсутствием документов в соответствующих архивах. Очевидно, законодателю необходимо данный правовой пробел устранить путем внесения дополнений в действующее законодательство.

Следующий пример касается жилищного обеспечения ветеранов. До 1 января 2005 г. некоторые ветераны боевых действий, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имели право на первоочередное бесплатное предоставление жилья в домах государственного и муниципального жилищных фондов. В настоящее время закон предусматривает обеспечение жильем за счет федерального бюджета только для тех из них, кто встал на учет до 1 января 2005 г. Полномочия по обеспечению жильем данных граждан переданы региональным органам власти. На эти цели выделяются субвенции. Граждане, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жильем в соответствии с жилищным законодательством.

Заявитель гражданин Балута В.Н. – ветеран боевых действий, посчитал такое правовое регулирование неконституционным и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации, который в свою очередь не принял жалобу к рассмотрению, указав, в частности, следующее.

¹¹⁶⁷ Дидух Ю. Обзор судебной практики: защита прав ветеранов // URL: <https://ppt.ru.turbopages.org/s/ppt.ru/news/136077> (дата обращения 18.04.2020).

В рамках реформирования системы соцзащиты ветеранов была исключена льгота в виде первоочередного бесплатного предоставления жилья в домах государственного и муниципального жилищных фондов. При этом для граждан, которые по состоянию на 1 января 2005 г. были признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий и приняты на соответствующий учет, т.е. имели право на данную льготу, предусмотрена гарантия в виде обеспечения жильем за счет федерального бюджета. Такое правовое регулирование обеспечивает реализацию права, приобретенного ветеранами боевых действий на основании прежнего законодательства, и выполнение государством ранее взятых им на себя обязательств.

Граждане, которые на 1 января 2005 г. имели статус ветеранов боевых действий, но не были поставлены на учет как нуждающиеся в улучшении жилищных условий, не приобрели право на первоочередное бесплатное предоставление жилья в домах государственного и муниципального жилищных фондов. В отношении них государство не принимало обязательств по обеспечению жильем в приоритетном порядке. Поэтому у них не возникло и право на обеспечение жильем за счет федерального бюджета. В то же время им предоставлено право получить жилье по договору социального найма на общих основаниях.

Конституцией Российской Федерации не предопределено введение особого (льготного) порядка обеспечения жильем для тех или иных категорий граждан. Учитывая это, оспариваемое правовое регулирование осуществлено в пределах полномочий законодателя по определению механизма реализации социальной поддержки ветеранов¹¹⁶⁸.

С точки зрения толкования данного и аналогичных дел высшей судебной инстанцией все представляется вполне обоснованно, однако суды, чаще всего первой инстанции, не всегда учитывают жизненные обстоятельства, не принимая их в расчет, ограничивая таким образом право на справедливой рассмотрении исковых заявлений.

§ 10. Мирная сецессия: опыт скандинавских стран¹¹⁶⁹

Страны Скандинавии сегодня входят в число развитых стран с высоким показателем уровня жизни населения. Каждая страна прошла свой исторический путь их объединяет не только территориальная, но культурная близость. Именно страны Северной Европы нередко становятся образцовым примером успешной социальной и экономической политики государства. Успех в социальной и экономической

¹¹⁶⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 г. № 235-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Балуты Виктора Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 3 пункта 1 статьи 16 Федерального закона «О ветеранах» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70502908/#review> (дата обращения 18.04.2020).

¹¹⁶⁹ Данный параграф выполнен Ю.В. Гинзбургом при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00418 «Теоретические основы правовых механизмов предотвращения сецессии».

политике тесно связан с организацией власти, политической и правовой культурой. Несмотря на то, что страны этого региона имеют богатую историю, три страны: Исландия, Норвегия и Финляндия – получили государственный суверенитет только в XX веке. Сравним процесс обретения независимости в отношении Норвегии и Финляндии.

О норвежской государственности можно говорить с IX – X веков, когда отдельные общины объединяются в единое политическое образование¹¹⁷⁰. Далее история Норвегии неразрывна связана с историей других скандинавских государств. Особенностью средневековой истории скандинавских стран является образование политических союзов, построенных на личных связях властвующих персон (уния). Нередки были случаи, когда одно лицо становилось правителем двух и более независимых государств. При этом в каждом из государств унии сохранялись свои политические институты и законодательство. В 1319 году Норвегия вошла в унию со Швецией, а в 1397 году Норвегия, Дания и Швеция совместно выработали Кальмарскую унию, которая просуществовала до 1523 года. С выходом из союза Швеции, Норвегия оказалась в вассальном положении к Дании¹¹⁷¹. Личные унии можно рассматривать как пример конфедеративных государств, когда монарх вырабатывает общую внешнюю политику, а внутреннее управление осуществляется в соответствии с правом каждого государства.

В эпоху наполеоновских войн Швеция выступила на стороне антифранцузской коалиции (примечательно, что фактическим правителем Швеции в это время был наполеоновский генерал Бернадот – будущий король Швеции Карл XIV Юхан), а Дания являлась союзником Франции. По завершению военных действий часть шведских территорий (Финляндия) отошла к Российской империи, а Норвегия попала под власть Швеции. Норвежцы, находившиеся уже долгие годы под властью Дании, решили воспользоваться ситуацией и создали Учредительное собрание, которое провозгласило независимость Норвегии, а 17 мая 1814 года была принята конституция. Швеция начала военные действия, в результате которых Норвегия соединилась в личную унию со Швецией во главе со шведским королем, а в конституцию были внесены изменения¹¹⁷². Несмотря на это в конституции по-прежнему звучало, что «Норвежское Королевство является свободным, независимым, неделимым и неотчуждаемым государством». Карл Юхан планировал установить вначале личную унию, а в дальнейшем ограничить самостоятельность Норвегии. Однако на протяжении его правления и в дальнейшем законодательный орган Норвегии (стортинг) препятствовал вмешательству со стороны короля во внутренние дела страны. Более того стортингу удалось добиться ликвидации должности наместника, после чего исполнительную власть возглавил старший из министров¹¹⁷³. Такая ситуация

¹¹⁷⁰ Подробнее см.: Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007.

¹¹⁷¹ История Норвегии. М., 1980.

¹¹⁷² Конституции государств Европы / под ред Л. А. Окунькова. Т. 2. М.: Норма, 2001. С. 645-647.

¹¹⁷³ Даниельсен Р., Дюрвик С., Грэнли Т., Хелле К., Ховланн Э. История Норвегии. От викингов до наших дней. М., 2003. С. 233-242

просуществовала вплоть до 1905 года, когда Норвегия обрела независимость. Формальной причиной для конфликта послужил вопрос о наличии собственных консульских учреждений, представляющих интересы исключительно норвежских предпринимателей.

Весной 1905 года норвежский стортинг принял новый закон о консульствах, однако шведский монарх наложил вето на этот закон. По установившимся правилам, любое распоряжение шведского короля в Норвегии требовало контрасигнатуры норвежского премьера, в том числе и вето на закон¹¹⁷⁴. Однако в ответ на вето все правительство подало в отставку, которую король отказался принять. Стортинг же расценил отказ короля принимать отставку правительства как невыполнение обязанностей и прекращение унии¹¹⁷⁵. По решению стортинга полномочия короля перешли норвежскому правительству. Начались переговоры между двумя странами.

Швеция искала способы предотвратить отделение Норвегии. В частности, по инициативе шведских представителей на переговорах в Норвегии был инициирован референдум по вопросу провозглашения независимости, однако результаты референдума продемонстрировали абсолютную поддержку норвежских властей со стороны населения: 386 тыс. высказались за независимость, при 184 избирателей – против. Переговоры между Норвегией и Швецией оказались под угрозой срыва. Стороны стали готовиться к возможному военному противостоянию¹¹⁷⁶. В этой ситуации Дания, Франция и Россия выступили с заявлением о необходимости мирного решения данного вопроса. Результатом стало подписание в октябре 1905 года соглашения о разрыве унии (Карлстадское соглашение). 26 октября шведский парламент одобрил данное соглашение, а король подписал, отказавшись от норвежского престола. Россия стала первым государством, которая признала независимость Норвегии 29 октября 1905 года¹¹⁷⁷. Одной из проблем независимой Норвегии стал вопрос о форме будущего правления. Стоит отметить, что в Норвегии был проведен в ноябре еще один референдум, на котором и решился вопрос о форме правления. Большинство проголосовало за сохранение монархии. На норвежский престол был приглашен сын датского короля Карл, при коронации получивший имя Хокон VII. Сохранение монархии помогло укрепить международный авторитет норвежского государства не только в отношениях с ближайшим соседом – Данией, но и с Великобританией, так как женой датского принца Карла являлась английская принцесса Мот.

Первостепенной причиной отделения Норвегии от Швеции выступило бурное экономическое развитие в течение XIX – начале XX века, вынуждающего к

национальному регулированию внешнеэкономической политики. А вот успех сецессии можно объяснить международной поддержкой, в том числе обусловленной выбранной формой правления, что обеспечило династические связи с ближайшими соседями.

Международное признание Норвегии окончательно получила после подписания в 1907 году Россией, Германией, Великобританией и Францией договора о территориальной неприкосновенности Норвегии (Христианийская конвенция).

Пример Норвегии представляет интерес с позиций конституционно-правового регулирования сецессии. По общему правилу, если территория успешно провела отделение от «материнского» государства, то суверенитет оформляется принятием конституции нового государства. В Норвегии же продолжает действовать Конституция, принятая еще в 1814 году. Однако несмотря на то, что положение о независимости было закреплено в конституции изначально, фактически полностью независимой страна стала только спустя почти сто лет. Конституция Норвегии является не только учредительным правовым актом, но благодаря своей богатой истории сама конституция превратилась в национальный символ¹¹⁷⁸.

Финские территории постепенно входили в состав Российского государства, начиная с XVIII века после поражения Швеции в Северной войне. Спустя почти сто лет в 1809 года по результатам очередной русско-шведской войны вся территория Финляндии была присоединена к России. Было образовано Великое княжество Финляндское, которое получило особый правовой статус в составе Российской империи. До присоединения к России у финнов не было своей государственности, территория Финляндии являлась провинцией Швеции и жила по шведским законам.

В 1809 году было создан законодательный орган (в русской историографии именуемый Сеймом). На его открытии выступил император Александр I, который обещал сохранить Конституцию и действовавшие законы¹¹⁷⁹. Конституция – это не всегда формально юридический акт, имеющий высшую юридическую силу. В современном конституционном праве под конституцией также понимают основы политической, экономической и правовой жизни государства, выделяя писанные и не писанные конституции. Для понимания и оценки обещаний о сохранении конституции для Финляндии нельзя исходить из современного понимания конституции. Как известно, понятия обладают разными временными наслоениями, смысл которых имеет силу на протяжении различных промежутков времени¹¹⁸⁰. По этой причине и обещание сохранить конституцию надо интерпретировать из того представления о конституции, которое в него вкладывал сам Александр I. Согласимся с мнением Д.В. Тимофеева, что для Александра I конституция была такой формой взаимоотношения с обществом (в данном случае с финским народом), при которой без ограничения полномочий монарха, повышалась эффективность управления¹¹⁸¹.

¹¹⁷⁴ Исаев М. А. Причины и политическая форма расторжения шведско-норвежской унии // Политические исследования. 2005. № 6. С. 142.

¹¹⁷⁵ Андерсон И. История Швеции. М., 1951. С. 375.

¹¹⁷⁶ Садова Л. В. Шведско-норвежский конфликт 1905 г. в донесениях в Петербург российских военных агентов (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 106-115.

¹¹⁷⁷ Касьян А. С. Россия и Норвегия: становление дипломатических отношений. Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 2009. С. 19.

¹¹⁷⁸ Исаев М. А. Модернизация основного закона Опыт Норвегии // Государство и право. 2013. № 6. С. 103-111.

¹¹⁷⁹ Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.

¹¹⁸⁰ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий / История понятий, история дискурса, история менталитета: Сб. ст. / Под ред. Ханса Бедекера. М., 2010. С. 25.

¹¹⁸¹ Тимофеев Д. В. Понятие «конституции» в России в первой четверти XIX века // Общественные

Под повышением эффективности можно понимать особый порядок управления, установленный в Великом княжестве Финляндии, отличный от действовавшей системы в Российской империи. Исполнительную власть осуществлял Правительственный Совет, переименованный позднее в Императорский финляндский Сенат. Формальным руководителем Сената являлся генерал-губернатор, однако данная должность во многом на протяжении всего XIX века была номинальной. Долгое время должность генерал-губернатора совмещалась с другими государственными обязанностями, а сам генерал-губернатор находился в Санкт-Петербурге, периодически выезжая в Гельсингфорс (А.А. Закраевский совмещал должность генерал-губернатора с должностью министра внутренних дел, а А.С. Меньшиков управлял морским министерством)¹¹⁸². Сенат являлся двухпалатным органом управления, являясь одновременно высшей судебной инстанцией и органом исполнительной власти¹¹⁸³. Законодательным органом власти должен был стать Сейм, однако он реально стал работать только с 1863 года после реформ Александра II. В Санкт-Петербурге был создан Комитет по финляндским делам и учрежден пост министра статс-секретаря для прямого доклада императору по делам княжества. Финляндия имела автономную таможенную (таможенный тариф и таможенную границу), банковскую, налоговую, денежную системы, в качестве государственного языка использовали шведский, а затем и финский языки¹¹⁸⁴.

Этот порядок управления и можно назвать «сохранением конституции», а не продолжение действия шведских законов XVIII века. Примечательно, что автором нового для Финляндии порядка управления и первым управляющим Комиссии финляндских дел являлся М.М. Сперанский¹¹⁸⁵. Сделаем предположение, что устройство государственных дел в Финляндии было фактически апробацией плана государственных преобразований, подготовленных Михаилом Михайловичем для России¹¹⁸⁶.

В отличие от Царства Польского, где идея о национальном государстве поднимало население на вооруженное восстание, Финляндия мирно сосуществовала в составе Российской империи. Это объясняется несколькими факторами. Финляндия до присоединения к России не являлась суверенным государством. Как отмечают исследователи в финском языке в начале XIX века даже не было термина, обозначающего государство¹¹⁸⁷. Кроме того, и Россия не предпринимала активных

действий для того, чтобы вмешиваться во внутренние дела княжества. Однако ситуация начинает меняться с восшествием на престол Александра III, стремившегося унифицировать систему государственного управления в стране. Из ведения Сейма были изъяты многие вопросы и переданы на рассмотрение Государственного Совета, генерал-губернаторы перестали быть номинальными фигурами.

Отдельного внимания заслуживает деятельность Н.И. Бобрикова на посту генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. За свое короткое время пребывания в должности он приложил много усилий для реализации императорского манифеста от 3 февраля 1899 года, в соответствии с которым по общеимперским вопросам (армия, денежная система, таможня, государственный язык) принимались правовые акты без учета мнения Сейма и Сената. Это привело к политике русификации Финляндии, и стало причиной насильственной смерти Н.И. Бобрикова от рук финских националистов¹¹⁸⁸.

И если факты вооруженного сопротивления финнов за осуществление самостоятельной политики носили единичный характер, то основная борьба за автономию и суверенитет развернулась в научной и публицистической полемике с российской интеллигенцией. С одной стороны, становление государственного права как науки, а с другой – рост национального самосознания в Финляндии породил спор о статусе Финляндии в составе Российской империи. Дискуссия, начавшаяся в XIX столетии, не утихает до сегодняшнего дня¹¹⁸⁹. Взгляды ученых, публицистов, политиков можно разделить на две группы: первые отстаивают точку зрения, в соответствии с которой Финляндия являлась суверенным государством, находившаяся в унии с Российской империей; вторые считают Финляндию подчиненной России.

Вопрос о выходе Финляндии из состава Российской империи со страниц журналов в конкретную политическую плоскость переместился в 1917 году после отречения Николая II от престола. По статусу российский император являлся и великим князем финляндским, которому принадлежала верховная власть в Финляндии. Личность императора «привязывала» Финляндию к России. После отречения от власти императора и соответственно утраты им статуса великого князя встал вопрос о том, кому принадлежит верховная власть в Финляндии. По мнению Временного правительства верховная власть до созыва Учредительного собрания перешла именно к нему, соответственно и права, предоставленные монарху, в полном объеме перешли к Временному правительству. В качестве аргументов такой точки зрения делалась ссылка на административное право Франции и переход власти после отречения короля¹¹⁹⁰. Российские представители пытались оттянуть окончательное решение

науки и современность. 2007. № 1. С. 120.

¹¹⁸² Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997.

¹¹⁸³ О судебных функциях Сената в Российской империи см.: Ильина Т. Н. Эволюция судебных функций Сената как высшей судебной инстанции в России в XVIII веке // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс. Вып. 14. 2015.

¹¹⁸⁴ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911.

¹¹⁸⁵ Томсинов В. А. Сперанский. М., 2006.

¹¹⁸⁶ Сперанский М. М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905.

¹¹⁸⁷ Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: российские юристы о государственно-

правом статусе Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 126.

¹¹⁸⁸ Подробнее см.: Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905.

¹¹⁸⁹ Подробнее о дискуссии см.: Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: российские юристы о государственно-правовом статусе Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 124-131. Библиография представлена: Баландин С. Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 184 с.

¹¹⁹⁰ Протоколы № 20 и 21 заседания Юридического совещания при Временном правительстве по

финского вопроса до созыва Учредительного собрания. В свою очередь дипломаты Финляндии, оценивая политическую и военную ситуацию, предлагали решить данный вопрос иным способом – заключить государственный договор, по которому Финляндия признавалась самостоятельным государством, находящимся в нерасторжимой унии с Россией¹¹⁹¹.

На протяжении весны-осени 1917 года между представителями Финляндии и Временным правительством шли дипломатические переговоры о статусе княжества. На фоне политических и военных проблем российские власти вынуждены были идти на уступки, чтобы окончательно не потерять Финляндию из состава молодой республики. В это время Финляндию также сотрясали политические кризисы – 18 июля был распущен Сейм и назначены новые выборы. 20 октября Сейм собрался в новом составе. Но уже 25 октября в России произошла октябрьская революция. Пришедшие к власти большевики неоднократно выступали за права наций, входящих в состав Российской империи на свободное отделение и самостоятельное государство¹¹⁹².

Вопрос о государственно-правовом статусе Финляндии в составе Российской империи являлся ключевым для определения вопроса о возможности выхода Финляндии из состава Российской империи.

После принятия Декларации прав народов, 14 ноября финский Сейм принял на себя осуществление верховной власти и объявил себя независимым. Обращение финляндского правительства о признании независимости было поддержано СНК РСФСР и утверждено ВЦИК. Финляндия стала независимым государством.

Подводя итоги обзора путей двух государств к провозглашению самостоятельности, можно констатировать, что и Норвегия, и Финляндия пришли к одному результату – стали суверенными государствами, получившими признание международного сообщества. Для обеих территорий можно выделить одни и те же факторы, толкнувших их на «сецессионистский путь». К этим факторам относятся:

обособленная территория, которая насильственно вошла в состав другого государства в результате военных успехов;

преимущественно моноэтнический состав населения данных территорий, отсутствие внутринациональных противоречий;

отсутствие ярко выраженной экономической зависимости от «материнского» государства;

благоприятная международная обстановка, в которой стало возможно реализовать планы по провозглашению независимости.

Похожим оказался и путь, по которому прошли оба государства для обретения независимости – борьба велась не полях сражений, а в кабинетах и за столами

финляндскому вопросу // Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917-1920: сб. док./ отв. Сост. М. В. Зеленев. М., 2017. С. 59 и далее.

¹¹⁹¹ Письмо членов финляндского Сейма Э. Гюллинга, К. вийка и о. Куусинена к министру юстиции А. Ф. Керенскому об условиях заключения договора между Россией и Финляндией // Россия и Финляндия... С. 47-48.

¹¹⁹² См., например: Из резолюции Седьмой (апрельской) конференции РСДРП(б) по национальному вопросу // Россия и Финляндия ... С. 66.

переговоров. Бурный XX век продемонстрировал возможность относительно мирной сецессии территорий.

Несмотря на одинаковый результат – выход из состава страны и схожие факторы, способствовавшие этому, история двух государств демонстрирует разные сценарии сецессионистского движения. Можно предположить, что это вызвано изначальными различиями в развитии государственности в этих странах. Норвегия имела богатую политическую историю и являлась суверенным государством, в то время как государственность Финляндии вызревала в составе Российской империи.

§ 11. Реконструкция конституционно-правовых механизмов предотвращения сецессии на примере стран восточно-европейского региона¹¹⁹³

Сецессия как общественно-политическое и правовое явление выступает объектом исследования многих гуманитарных наук, в числе которых история, политология, география и другие. Не стала исключением и юридическая наука. Фактически, сецессия представляет собой выход части территории из состава «материнского» государства, вызванный разнообразными причинами: политическими, национальными, этническими и многими другими. Сложности в исследовании сецессии как явления заключаются в его неоднозначности: с одной стороны приоритетным принципом, отраженным в документах ООН, является принцип территориальной целостности и признания национального суверенитета; с другой, признание прав человека высшей ценностью, развитие социальных сетей, распространение сети Интернет требует от государства прислушиваться к мнению меньшинств и использовать различные механизмы коммуникации власти и населения. Очевидно, что силовой путь предотвращения сецессионизма отнюдь не является удачным и представляет собой крайнюю меру, к которой государство вынуждено прибегать, когда все иные способы предотвращения выхода исчерпаны.

В этой связи на передний план выходит правовая наука, которая в отличие от политологии, представители которой анализируют удачные и неудачные попытки сецессии постфактум, описывают доводы и политические взгляды представителей разных сторон сецессионистского движения, должна быть нацелена на поиск конституционно-правовых механизмов предотвращения сецессии.

Поскольку норм, непосредственно закрепляющих такого рода механизмы, конституции, как правило, не содержат, такая реконструкция может быть проведена несколькими путями. Во-первых, применительно к тем очагам сецессионизма, которые имеются на современной политической карте мира, необходимо исследовать решения конституционных судов, а также иных органов, участвующих в переговорном процессе, и высказывающих позиции, позволяющие достичь компромисса между противоборствующими сторонами. Во-вторых, это можно сделать «через

¹¹⁹³ Данный параграф выполнен Э.Э. Хащиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00418 «Теоретические основы правовых механизмов предотвращения сецессии».

призму претензий, выдвигаемых меньшинствами»¹¹⁹⁴, то есть, анализировать те механизмы, которые позволили различным государствам успешно предотвратить сецессию, посредством устранения тех нарушений или неравенства, которые послужили поводом для подобных требований. И, наконец, третий путь связан с обращением к истории конституционного регулирования, имевшего место ранее и анализом причин территориального распада. Такого рода ретроспективный анализ позволяет выявить особенности предотвращения сецессий в различных странах и спроектировать модели сецессионизма.

Как правило, открытой сецессии предшествует длительный период накопления противоречий, в течение которого у государства есть возможность тем или иным способом снизить уровень социальной напряженности, в том числе посредством конституционного регулирования. Выход из состава государства – это крайний вариант разрешения проблемы, свидетельствующий о том, что возможности для поиска компромисса упущены.

Стоит отметить, что в разных регионах мира сецессионистские движения обусловлены разными причинами и проявляются по-разному. Это позволило Попову Ф.А. – автору фундаментального труда, посвященного географии сецессионизма в современном мире, выделить несколько типов сецессионизма. В рамках данной работы будет проведен анализ проявлений сецессионизма на примере стран Восточной Европы.

Различные механизмы, применяемые для предотвращения сецессии, зависят от многих факторов, важнейшим из которых является социально-политические особенности региона, в котором происходят соответствующие процессы. В этой связи исследование опыта стран восточно-европейского региона представляет особый интерес для российской правовой науки, в связи со схожими процессами, происходившими после распада СССР на данной территории.

При этом само по себе понятие «Восточная Европа» является многоаспектным, и в зависимости от применяемого подхода может включать в себя совершенно разные страны и территории. Как отмечает А.Л. Бовдунов, «тот факт, что ни в социальных науках, ни в практической политике не существует единообразного представления о границах этого региона, наталкивает на размышления»¹¹⁹⁵. Действительно, наличие ожесточенных споров относительно данного понятия показывает, что «в зависимости от выбора названия региона утверждается тот или иной смысл», позволяющий участникам дискуссии обосновать собственную точку зрения.

¹¹⁹⁴ Андреева Г.Н., Гинзбург Ю.В., Хащина Э.Э. Теоретико-правовые основы конституционных механизмов предотвращения сецессии (Постановка проблемы) // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Человек как субъект общественных изменений: социально-экономические, политико-правовые и гуманитарные проблемы» / Под общей редакцией Е.П. Ткачевой. Белгород, – 2019. – С.79.

¹¹⁹⁵ Бовдунов А.Л. Современная Восточная Европа: границы понятия и геополитическая организация (социокультурный аспект) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2013. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-vostochnaya-evropa-granitsy-ponyatiya-i-geopoliticheskaya-organizatsiya-sotsiokulturnyy-aspekt> (дата обращения: 14.03.2020).

Традиционная позиция на этот счет гласит, что Восточной Европой следует считать регион, расположенный на европейском континенте между Западной Азией и Центральной Европой, при этом подчеркивается, что страны, входящие в его состав претерпели значительное влияние Византии и Османской империи. В то же время, нельзя отрицать, что термины «Восточная Европа», а равно «Центральная Европа» обладают преимущественно политической окраской. Так, чешский геополитик О. Крейчи, рассуждая о возможности определения географических границ этого региона, приходит к выводу, что естественных геополитических границ провести в этом случае нельзя, в связи с чем рассуждает преимущественно об идее Центральной Европы¹¹⁹⁶. Политический контекст был значительно усугублен во второй половине XX в. во время холодной войны, в связи с которой к странам Восточной Европы относили все социалистические европейские государства. Советские политологи рассматривали страны Восточной Европы как часть мировой социалистической системы; в свою очередь, западные исследователи трактовали данное понятие как обозначение бесспорной сферы влияния Советского Союза.

Таким образом, рассуждая о пространственных пределах понятия «Восточная Европа», мы будем говорить об особом геополитическом пространстве, страны которого объединены рядом политических, культурных и социально-исторических характеристик, главную роль среди которых играет их вхождение в состав «социалистического лагеря». Особую роль этот факт приобретает в контексте данного исследования, поскольку процесс распада Советского Союза сыграл ключевую роль в развитии сецессионистских движений в данных государствах. На этот факт обращают внимание многие авторы, в частности, Е.Ю. Мелешкина и И.В. Кудряшова, указывают в качестве общих признаков, объединяющих восточно-европейские государства, такие как продолжительное пребывание в составе «имперских» политических образований (Советский Союз, Югославия), поводом для их возникновения зачастую служили вооруженные этнические конфликты, а также социалистический опыт национального строительства¹¹⁹⁷.

Кроме того, Ф.А. Попов, осуществляя типологию сецессионистских движений, выделяет в качестве отдельного типа сецессионизма постсоциалистический, в рамках которого объединены страны, ранее входившие в состав СССР, а также Советской Федеративной Республики Югославия¹¹⁹⁸. В качестве особенностей, объединяющих сецессионистские движения в рамках этого типа, автор выделяет высокую степень нелегитимного контроля над территорией, а также общественной поддержки идей о выходе из состава материнского государства¹¹⁹⁹.

¹¹⁹⁶ Krejci O. Geopolitics of the Central European region: the view from Prague and Bratislava. Prague, – 2005. – P. 65.

¹¹⁹⁷ Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. Сецессии на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия // АПЕ. – 2015. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setsessii-na-postimperskom-prostranstve-kosovo-abhaziya-yuzhnaya-oseitiya> (дата обращения: 07.04.2020)..

¹¹⁹⁸ См. Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. М., – 2012. – С.174

¹¹⁹⁹ Там же. – С. 175

Наиболее яркие примеры сецессионистских движений в рамках Восточной Европы можно наблюдать на территории бывшей Югославии, к их числу относится провозгласившее независимость Косово, по сей день остающееся непризнанной республикой, Сербская Краина и Республика Сербская, предпринявшие попытку сецессии в 90-е годы, однако впоследствии вошедшие в состав других восточно-европейских государств. Кроме того, успешные попытки отделения предприняли такие государства как Приднестровье, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Абхазия. Сецессионистские движения на юго-востоке Украины завершились выходом из состава Украины в результате референдума 16 марта 2014 года автономной республики Крым с последующим вхождением на правах республики в состав Российской Федерации, а также провозглашением независимости Донецкой и Луганской народных республик.

Наибольший интерес для исследователей, как с точки зрения политологии, так и конституционного права, представляют те попытки сецессии, которые в конечном итоге привели к провозглашению независимости таких государств, в той или иной степени признанной международным сообществом. В рамках данной работы будут подробно рассмотрены два таких случая, произошедшие в разных частях восточно-европейского региона, но обладающие значительным сходством – Республика Косово, отделившаяся от Сербии, и республика Абхазия, объявившая о своей независимости в ходе грузино-абхазского конфликта. Независимость этих стран была признана международным сообществом лишь частично. Так, на сегодняшний день суверенность Республики Косово признают 97 государств-членов ООН, в то время как самостоятельный статус Абхазии официально признают лишь пять государств (Российская Федерация, Никарагуа, Венесуэла, Науру, и с 2018 года – Сирия).

Провозглашение независимости Косово развивалось по следующему сценарию. Исторически население Косово преимущественно составляли албанцы, приверженцы мусульманской религии. После окончания Второй Мировой войны эти территории были присоединены к Социалистической Федеративной Республике Югославия. С точки зрения экономического развития автономная область (впоследствии, автономный край) Косово и Метохия был наиболее отсталым регионом федерации; кроме того, регион долгое время оставался политически нестабильным в связи с постоянными конфликтами сербского и албанского населения, достигшими пика изначально в 1955, а затем в 1968 гг. Среди требований протестующих было признание албанского языка, развитие албанского образования и культуры, квотирование рабочих мест, и даже объединение области с Албанией. Некоторые из требований были удовлетворены властями, конфликты временно прекратились.

Начиная с 1974 и вплоть до 1989 года Косово обладало статусом автономной провинции Сербии, которая в свою очередь входила в состав Югославии. Принятая в 1974 г. Конституция СФРЮ особо подчеркивала автономный статус данной территории. Так в статье 1 Основного Закона Югославии она определялась как «союзное государство, государственное сообщество добровольно объединенных народов

и их социалистических республик и социалистических автономных краев Воеводина и Косово, входящих в состав Социалистической Республики Сербия, основанное на власти и самоуправлении рабочего класса и всех трудящихся и социалистическое самоуправляющееся демократическое объединение трудящихся и граждан и равноправных народов и народностей»¹²⁰⁰. Автономия края Косово подчеркивалась и в других статьях Конституции, в частности, в ст. 4 приводилось определение автономного социалистического края, а в ст. 5 содержались гарантии целостности автономного края, включавшие запрет на изменение его территории без учета мнения жителей. Кроме того, Косово и Воеводина обладали рядом элементов государственности, в числе которых наличие собственной Конституции и законодательства, наличие собственных выборных органов государственной власти (Скупщины, Исполнительного вече, а также Конституционного и Верховного Судов).

Автономные края обладали практически равными конституционными правами с республиками, на что справедливо указывают сербские исследователи. Так, профессор Д. Стоянович отмечает наличие у автономий права непосредственно влиять на принятие решение на федеральном уровне, на их равное представительство с республиками в органах государственной власти, а также необходимостью получения их согласия при принятии важнейших государственных решений, например, внесении изменений в Конституцию¹²⁰¹.

Несмотря на широкие возможности, предоставленные данным территориям, (а, возможно, и благодаря им), в конце 80-х годов в Косово зарождаются сецессионистские движения и звучат прямые призывы к отделению от Сербии. Катализатором данного процесса выступил распад Югославии, в рамках которой Косово фактически обладало статусом полноправного субъекта федерации, в то время как политика Сербии была направлена на устранение элементов государственности этого края. В ответ на сепаратистские призывы со стороны косовских политиков власти Сербии привели в действие конституционно-правовой механизм, призванный остановить сецессионистские движения.

28 марта 1989 г. в Конституцию Сербии были внесены поправки, позволяющие пересматривать Конституцию Республики без учета мнения автономного края. Тогда же в 1989 г. автономный статус Косово был отменен. Закон Республики Сербия прекратил действие государственных органов Косово – Скупщины и Исполнительного Вече, а их полномочия были переданы парламенту и правительству Сербии. Возник политический кризис, в котором, с одной стороны, сербские власти пытались прекратить антиконституционную деятельность органа, направленную на распад страны, а с другой была прекращена деятельность легитимного, избранного населением автономного края органа, учрежденного в соответствии с Основным законом автономии.

В 1991-92 гг. достиг своего пика процесс распада Югославии, в ходе которого при определении границ вновь образованных на базе бывшей федеративной

¹²⁰⁰ Конституция Советской Федеративной Республики Югославия 1974 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=781> (дата обращения 03.04.2020).

¹²⁰¹ Стоянович Д. Конституционное право. Ниш, – 2009. – С. 430

республики государств использовался принцип «uti possidetis». Его сущность заключалась в том, что границы республик, бывших субъектами распавшейся Югославии, теперь считались государственными границами новых независимых государств. Следовательно, уже после распада Югославии Косово продолжало входить в состав Сербии.

Новая Конституция Республики Сербия, принятая в 1990 г. значительно урезала права автономий, лишив край Косово принадлежавших ему ранее прав принимать собственное законодательство, иметь собственные государственные символы и т.п. Мнения ученых относительно конституционности проводимых сербскими властями мер существенно расходятся. Так, например, К.А. Половченко называет такие конституционные меры «вполне закономерными, принимая во внимание кризисные внутри и внешнеполитические обстоятельства, в которых оказалась Республика Сербия в этот период»¹²⁰². В свою очередь Сидди М. оценивает политику Сербии как репрессивную, спровоцировавшую вооруженные действия со стороны косовских албанцев¹²⁰³.

Как бы то ни было, конфликт между сербскими властями и албанскими повстанцами, созданными для борьбы за отделение организацию – «Армии освобождения Косово», постепенно усугублялся. Постоянные вооруженные столкновения правоохранительных органов Сербии и албанских вооруженных формирований привели к тому, что страны НАТО поставили вопрос о применении силы в отношении Югославии¹²⁰⁴, а впоследствии провели кампанию воздушных бомбардировок в отношении Сербии. Президент Сербии Слободан Милошевич в результате был вынужден согласиться с предложенным странами НАТО мирным планом. Данный план, разработанный Большой восьмеркой, был впоследствии одобрен Советом Безопасности ООН в Резолюции 1244¹²⁰⁵. Его сущность заключалась в следующем: формально Косово оставалось в составе Республики Югославия, но фактически передавалось под управление международной администрации. Примечательно тот факт, что Резолюция предусматривала в качестве важнейшего условия для урегулирования сложившейся ситуации сохранение территориальной и политической целостности Социалистической Республики Югославия, однако события впоследствии развивались по иному сценарию, и обеспечить сохранение суверенитета союзного государства не удалось. Фактически, главой международной администрации являлся специальный представитель Генерального секретаря ООН, обладавший всей полнотой власти: принимать решения, имеющие силу законов, назначать и увольнять должностных лиц и т.п.

¹²⁰² Половченко К.А. Генезис проблемы Косово и Метохии: конституционно-правовое исследование // Социально-политические науки. – 2017. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-problemy-kosovo-i-metohii-konstitucionno-pravovoe-issledovanie> (дата обращения: 03.04.2020).

¹²⁰³ Сидди М. Абхазия, Косово и право на отделение // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abhaziya-kosovo-i-pravo-na-otdelenie> (дата обращения: 03.04.2020).

¹²⁰⁴ См. Маркович Р. Конституционное право и политические институты. Белград., – 2005.

¹²⁰⁵ Krueger H. Op. cit.; Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. I. P. 17; Nussberger A. The War between Russia and Georgia — Consequences and Unresolved Questions // *Göttingen Journal of International Law*, 2009, Vol. 1. – No. 2. – P. 347—348.

Несмотря на все усилия, приложенные международным сообществом, ситуация в Косово оставалась напряженной. Так, около 170000 человек сербской национальности (около 60% сербского населения Косово) бежали из края, опасаясь репрессий¹²⁰⁶.

Для того, чтобы изменить новый статус Косово, требовалось принятие новой резолюции Совбеза ООН, которая, как ожидалось, должна была быть принята в ближайшем будущем. Вместо этого в 2001 г. был издан другой документ ООН – Распоряжение № 2001/9, устанавливающий своего рода временную Конституцию – Конституционные рамки для временного самоуправления в Косово. Согласно этому документу на территории Косово создавались временные институты самоуправления (парламент, президент, правительство, суды, в т.ч. Конституционный Суд). Кроме того, документ закреплял ряд гарантий реализации прав человека на территории края, особо подчеркивались права беженцев и переселенцев, а также объединений жителей Косово, основанных по признаку национальной, этнической религиозной и культурной идентичности¹²⁰⁷.

На первый взгляд, данный шаг должен был стать эффективным конституционным механизмом для решения проблем и снижения напряженности между албанским и сербским населением Косово. Однако, на практике, данные гарантии существовали лишь на бумаге. Имея спорную юридическую природу (с одной стороны, они были приняты без участия народа Косово, что ставит под сомнение их легитимность, и являются актом международного права; с другой – на тот момент они выполняли функции внутреннего конституционного законодательства страны), они, к тому же, не были обеспечены ни со стороны властей Косово, ни международных органов. В Косово регулярно происходили нападения на сербское население; наиболее значительные по своим последствиям события произошли 17 марта 2004 г. В этот день произошел страшный погром косовских сербов, в результате которого 19 человек было убито, более 140 получили ранения¹²⁰⁸.

В 2006 году была принята новая Конституция Республики Сербия¹²⁰⁹, в преамбуле которой закреплялся статус автономного края Косово и Метохии как неотъемлемой части Сербии. Сербская Конституция содержала новую конструкцию – «существенная автономия», которая предоставлялась автономному краю, и, в целом, соответствовала требованиям принятых ранее международных актов, подчеркивающих необходимость учета особого национального и религиозного состава данного региона. Кроме того, в ч. 2 ст. 182 Основного Закона Сербии было предусмотрено создание специального закона, регулирующего статус Косово, и

¹²⁰⁶ Хартвиг М. Консультативное заключение Международного суда ООН по вопросу о декларации независимости Косово – предыстория и критика судебного «постановления». URL: https://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_121_155.pdf (дата обращения: 29.03.2020)

¹²⁰⁷ См. Половченко К.А. Указ. соч.

¹²⁰⁸ Трифкович Д. Убийства, погромы, независимость: краткий курс новейшей истории Косово. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2896553.html>. (дата обращения: 1.04.2020 г.)

¹²⁰⁹ Конституция Республики Сербия 2006 г. // Конституции государств (стран) мира. / Библиотека Р. Пашкова URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=369> (дата обращения: 1.04.2020)

определяющего границы его автономии¹²¹⁰. В системе органов исполнительной власти Сербии предусматривалось создание особого отраслевого министерства по делам Косово и Метохии.

Несмотря на предпринятые сербскими властями конституционные меры 17 февраля 2008 временная Скупщина Косово объявила о создании независимой суверенной Республики Косово. В апреле 2008 года парламент Косово принял Конституцию Косово, вступившую в действие 15 июня 2008 г. В ст. 1 Конституции указывалось, что «Республика Косово является независимым, суверенным, демократическим, единым и неделимым государством»¹²¹¹.

Попытку оценить действия косовских властей, направленные на односторонне отделение от Сербии, предпринял в 2010 г. Международный Суд ООН. 22 июля 2010 г. было издано Консультативное Заключение «О соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости Косово». Этот документ должен был разрешить вопрос о возможности одностороннего выхода части государства из состава страны¹²¹², однако изложенные в Консультативном заключении рассуждения все еще оставляют место для дискуссии. Фактически Международный Суд допускает возможность одностороннего отделения, рассматривая его как реализацию принадлежащего народам права на самоопределение. Суд указал, что «международное право не содержит нормы, которая запрещала бы провозглашение независимости». Признавая соответствие сецессии Косово нормам и принципам международного права, Международный Суд обосновал свои выводы через историческую ретроспективу освобождения народов, находящихся в колониальной зависимости. Суд указал, что «в течение второй половины XX в. развитие международного права на самоопределение происходило с целью создания механизмов освобождения народов, находящихся под иностранным господством и эксплуатацией», и подчеркнул «огромное количество государств получили возможность существовать именно в результате реализации права на самоопределение»¹²¹³. При этом отсутствие отношений колониальной зависимости между Сербией и Косово Суд не прокомментировал.

Таким образом, несмотря на признание законности сецессии Косово от Сербии в 2008 г., Международный Суд так и не создал универсальных критериев для оценки легальности данного действия в отношении других случаев; иными словами, противоречие между принципом территориальной целостности государств и принципом самоопределения народов по-прежнему не разрешено.

¹²¹⁰ Там же.

¹²¹¹ Конституция республики Косово // Конституции государств (стран) мира. / Библиотека Р. Пашкова URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=369> (дата обращения: 1.04.2020)

¹²¹² Генеральной Ассамблеей ООН перед Судом был поставлен вопрос «соответствует ли одностороннее провозглашение независимости Временными институтами самоуправления Косово международному праву».

¹²¹³ Текст решения см. на официальном сайте Суда. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/16010/pdf> (дата обращения: 2.04.2020)

Не менее ярко проблема поиска компромисса между правом народов на самоопределение и приоритетом территориальной целостности государств проявилась в другом регионе Восточной Европы – Грузии. После распада СССР на территории этого государства возникло несколько очагов сецессионизма, что по своей сути сходно с Сербией. Так же, как и Косово, Абхазия вплоть до 1990 г. пользовалась значительной автономией, и провозглашение независимости этой территории непосредственно связано с распадом союзного государства. Рассмотрим абхазский сценарий подробнее.

Формирование Абхазии как территориальной единицы с элементами автономии относится к началу XX в. После распада Российской империи и победы большевиков постепенно начинается формирование нового союзного государства, в котором Абхазия в марте 1921 г. приобретает статус союзной республики – Абхазской (Апсны) ССР. Этот статус, однако, не соответствовал ни ожиданиям абхазских лидеров, неоднократно отмечавших его искусственный характер, ни экономическим и политическим интересам республики. В результате в ноябре 1921 г. Абхазия приобретает статус ассоциированной республики в составе Грузинской ССР, а в Конституции СССР 1924 г., равно как и в Конституции Грузии 1922 г. Абхазия (наряду с Южной Осетией и Аджарией) фигурирует как автономная республика, входящая в состав ГССР.

На протяжении всего советского периода возникали конфликты между грузинским и абхазским населением, хотя и не столь острые как в случае Косово. В основном причиной напряженности было игнорирование интересов абхазской нации, притеснение абхазской культуры и языка, о чем неоднократно говорили общественные и политические деятели республики. В сталинский период руководящие должности в партийном аппарате занимали в подавляющем большинстве грузины. В регионе регулярно звучали требования о признании титульной абхазской нации, критика по поводу засилья на высших постах автономии грузин, не понимающих абхазского языка¹²¹⁴.

Политику, проводимую в отношении автономии, признавали откровенно «шовинистской» даже высшие государственные деятели. Так, в 1978 г. об «абсолютном недоверии в кадровой политике» в отношении абхазов заявил в своем официальном выступлении Э. Шеварнадзе¹²¹⁵.

Среди мер, обостривших противоречия между представителями абхазской нации и властями Грузинской ССР можно отметить такие как перевод абхазского алфавита на грузинскую графику в период с 1938 по 1954 гг., переименование населенных пунктов. Так, в письме Председателю Президиума Верховного совета Грузинской ССР тов. Чубинидзе М.Д. представители местных властей жаловались на

¹²¹⁴ См. Гулиа Д. Первому секретарю ЦК товарищу Н.С. Хрущеву // Апсуара: История и культура Абхазии. URL: http://www.apsuara.ru/lib_a/abh509.php (дата обращения: 13.03.2020).

¹²¹⁵ Марьухба И. Абхазия: Прошлое и настоящее (Очерки, документы, материалы). Сухум, – 2007. – С. 65.

массовое переименование населенных пунктов Абхазской АССР, произведенное «без достаточного изучения местных условий и надобностей, что привело к грубым искажениям, создало неудобство и справедливое нареkanie населения». Некоторые новые наименования, по мнению авторов письма, имели для местных жителей неуместное, а порой и оскорбительное звучание¹²¹⁶. В абхазских школах и училищах преподавание велось исключительно на грузинском языке, притеснялись национальные кадры. В письмах, многократно направляемых представителями абхазской интеллигенции руководителям союзных органов власти, высказывались просьбы о присоединении автономии к РСФСР.

Однако, несмотря на это, конфликт не переходил в острую форму, во многом благодаря национальной политике СССР, пропагандировавшей «дружбу народов», а также приоритет интересов «советского народа» как новой исторической общности, о формировании которой Н.С. Хрущев объявил на XX съезде КПСС¹²¹⁷. Таким образом, на протяжении советского периода «абхазский вопрос» не переставал существовать, однако не переходил в радикальную форму.

Ситуация резко изменилась в связи с распадом СССР, в условиях которого начался поиск форм государственности для бывших союзных и автономных республик. Ослабление границ сделало потенциальную возможность «выхода» реальной, и, кроме того, для реализации права на самоопределение столь радикальным образом имелись конкретные конституционные предпосылки. Конституция СССР 1977 г. (в отличие от ранее действовавших конституций 1924 и 1936 гг.) предоставила автономным республикам широкие права на участие в решении вопросов, находящихся как в ведении всего государства в целом, так и союзных республик, в составе которых они находились (ст. 83)¹²¹⁸. Более того, право автономной республики самостоятельно решать вопросы, связанные с выходом из состава СССР, подтверждались специальным нормативным актом – Законом СССР О введении в действие Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»¹²¹⁹. В ст.3 данного закона устанавливалось, что «в союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии»¹²²⁰.

В результате Грузинская ССР не приняла участие в референдуме, и более того, запретила проводить референдум о сохранении СССР входящим в ее состав автономиям. Вопреки запрету Абхазская АССР 17 марта 1991 г. провела

¹²¹⁶ Письмо Председателю Президиума Верховного Совета Грузинской ССР тов. Чубинидзе М.Д. http://www.apsuara.ru/lib_a/abh425.php (дата обращения: 25.03.2020 г.)

¹²¹⁷ XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы. Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25-28 декабря 1961 г. М., – 1962.

¹²¹⁸ Конституция СССР 1977 г. М., – 1978. – С. 127.

¹²¹⁹ Закон СССР О введении в действие Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // Электронный фонд правовой и технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902002993> (дата обращения: 25.03.2020)

¹²²⁰ Там же.

референдум по данному вопросу. Участие в нем приняло 52,3% жителей автономной республики. За сохранение СССР высказались 98,6% избирателей¹²²¹.

Решения, принимаемые парламентом Грузии, фактически игнорировали автономный статус Абхазской республики. В условиях политического кризиса национальный вопрос, связанный с недовольством абхазского населения политикой, проводимой властями Грузии, замороженный во времена существования СССР, обострился и перешел в острую фазу, обозначенную исследователями как «конституционная война законов». Верховный совет Абхазии – парламент автономной республики, принял решение о прекращении действия Основного закона Абхазии 1978 г. и восстановлении Конституции Абхазской ССР 1925 г. Главной особенностью последнего документа было то, что в нем фиксировались договорные отношения между Абхазией и Грузией.

14 августа 1992 г. конфликт перешел в фазу вооруженного противостояния, в ходе которого применялась авиация, артиллерия и другие виды оружия, приведшие к жертвам, в том числе среди мирного населения. 3 сентября 1992 г. в Москве было подписано соглашение о прекращении огня, в переговорном процессе активно участвовали российские власти. Однако, вскоре соглашение было сорвано, и конфликт продолжился, приведя к новым потерям среди мирного населения.

Грузино-абхазский конфликт 1992-1993 гг. показал, что многие этнические, языковые и культурные противоречия, успешно купированные в условиях советской системы, резко обострились после ее демонтажа, причем стороны не были готовы к использованию конституционно-правовых механизмов их преодоления.

После окончания военных действий 30 сентября 1993 г. начался длительный переговорный процесс, не способствовавший, однако выработке компромисса и окончательному мирному урегулированию конфликта. Причиной этого во многом стали диаметрально противоположные позиции сторон конфликта, не желавших идти на уступки, отсутствие гибкости в решении вопросов государственного управления, нежелание грузинской стороны учитывать национальные интересы абхазского народа, а также ужасающие последствия конфликта, выразившиеся в человеческих жертвах, колоссальном ущербе экономике республики и многое другое. В конечном итоге, конфликт перешел в стадию стагнации.

События в Южной Осетии, произошедшие в августе 2008 г., привели к признанию независимости Абхазии со стороны России и полностью изменили расстановку сил в регионе. Несмотря на то, что позиции сторон в целом остались неизменными, сформировались новые тенденции в восприятии данного конфликта.

Что касается действующего конституционного регулирования территориального положения Абхазской республики как со стороны Грузии, так и со стороны самой Абхазии, то ситуация здесь крайне схожа с ранее рассмотренным конституционным законодательством Сербии. Так же, как и в случае с Косово,

¹²²¹ Клинов А.С. К вопросу о выходе Абхазии из состава Грузии // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vyhode-abhazii-iz-sostava-gruzii> (дата обращения: 06.04.2020).

конституционный законодатель Грузии изначально проигнорировал особый статус Абхазии; более того, в Конституции Грузии 1995 г. Абхазия не упоминается вовсе. Как утверждает Б. Чедиа, в момент создания этой Конституции, юрисдикция Грузии уже не распространялась на Аджарию, Южную Осетию и Абхазию, что не мешало, однако, руководству страны надеяться на скорейшее восстановление государственной целостности страны. В связи с этим, вопрос о статусе бывших автономных республик было решено оставить открытым¹²²². Согласно этому документу, территориально-государственное устройство республики должно определиться на основе разграничения полномочий после полного восстановления юрисдикции на всей территории Грузии¹²²³.

При этом, годом ранее, 26 ноября 1994 г., посредством всенародного голосования уже была принята Конституция Абхазии, в которой республика была провозглашена «суверенным, демократическим, правовым государством, исторически утвердившимся по праву народа на свободное самоопределение», а главы 3, 4 и 5 этого документа предусматривают создание самостоятельных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, независимых от Грузии¹²²⁴. Примечательно, что законодатель в данном случае уже первой статье сакцентировал внимание на реализации при создании суверенного государства такого международного принципа, как право народов на самоопределение, позволившего впоследствии Международному Суду ООН, признать правомерность провозглашения независимости Косово.

10 октября 2002 г. были внесены поправки в Конституцию Грузии, которыми спустя 7 лет был восполнен пробел в регламентации территориального устройства страны. В Основном Законе Грузии был официально закреплен статус Абхазской автономной республики, причем отдельно отмечалось, что по этому поводу должен быть принят отдельный конституционный закон. В ст. 4 были внесены поправки относительно формирования Сената республики, в составе которого отдельно упоминались представители Абхазской и Аджарской автономий, а в ст. 8 официально закреплялся статус абхазского языка как государственного на территории автономной республики¹²²⁵. Однако, несмотря на все предпринятые меры Абхазия на сегодняшний день позиционирует себя как суверенная республика.

Проанализировав два сценария сецессии в странах Восточно-европейского региона, завершившиеся провозглашением независимости двух автономий, мы можем сделать ряд выводов относительно общих черт этих сценариев, а также тех

¹²²² Чедиа Б. Конституционная реформа — следствие неустойчивости политической системы Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-sledstvie-neustoychivosti-politicheskoy-sistemy-gruzii> (дата обращения: 06.04.2020).

¹²²³ См.: Конституция Грузии, оригинальная версия, 1995. Глава 1, ст. 2, пункт 3. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/georgia.pdf> (дата обращения: 5.04.2020).

¹²²⁴ Конституция Республики Абхазия. URL: <http://www.apsnypress.info/apsny/constitution/> (дата обращения: 05.04.2020).

¹²²⁵ Конституция Грузии с поправками 2002 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/georgia.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).

конституционно-правовых мер, которые предпринимались в отношении данных территорий.

В первую очередь, следует отметить значительное сходство между ситуацией в Косовом и Абхазии. Край Косово обладал статусом автономии в составе Сербии (входившей, в свою очередь, в состав Югославии), пользовался в соответствии с Конституцией Югославии значительными правами. Аналогичным образом обстояло дело с правовым положением Абхазии – автономной республикой Грузинской ССР, которой в соответствии с союзной Конституцией также предоставлялись значительная свобода в политической сфере (практически наравне с союзными республиками). При этом и в Косово, и в Абхазии во время пребывания в составе союзного государства – Югославии и СССР – имели место конфликты на этнической, языковой и культурной почве, связанные с притеснением коренного населения. Распад союзных государств, этих своего рода империй, сдерживающих центробежные силы автономий, привел к тому, что образовавшиеся в результате распада республики должны были самостоятельно разрабатывать и применять правовые механизмы сдерживания сецессии, чего, однако, не было предпринято ни в первом, ни во втором случае. Конституция Сербии 1990 г., также как и Конституция Грузии 1995 г. не содержали в своих текстах ответ на претензии национальных меньшинств: в случае с Косово права автономии были значительно урезаны, а автономный край был лишен тех привилегий, которыми пользовался во время существования Югославии; во втором случае, можно наблюдать юридический нонсенс, связанный с полным игнорированием в конституционном тексте вопросов о статусе территорий, в течение десятилетий пользующихся автономией.

Как мы видим, подобная тактика способствует лишь обострению конфликта, а запоздалые попытки внести коррективы в текст конституций (в 2002 г. в грузинскую, и в 2006 г. – в сербскую) не приносят результата в связи с предельным уровнем накопления противоречий.

§ 12. Правовые аспекты противодействия террористической угрозе в конце XX – начале XXI веков в контексте преодоления кризисов в праве (российский опыт)¹²²⁶

Народам и государствам на разных этапах исторического развития приходится переживать самые различные события, быть свидетелями и участниками различных процессов, в том числе, и деструктивного свойства, сталкиваться с необходимостью противостоять негативным явлениям жизни и кризисам. В целом, кризисы и их преодоление – то, что постоянно сопутствует истории человечества. Как было весьма точно отмечено А.А. Дорской, «каждый век ставит перед

¹²²⁶ Данный параграф выполнен З.Ш. Матчановой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерение».

человечеством новые вопросы»¹²²⁷ и, дополнив в развитие этой мысли, несет новые угрозы. Для реалий рубежа XX – XXI веков в качестве одного их наиболее опасных и деструктивных явлений жизни как в мире в целом, так и в России стала террористическая угроза.

Противодействие угрозам и опасностям всегда носит многоплановый, многоаспектный характер, включает, в частности, военно-силовые, общественно-политические, социально-экономические, а также правовые меры. Именно правовые аспекты противодействия террористической угрозе в конце XX – начале XXI веков вызывают особый интерес и серьезное внимание среди представителей юридического сообщества. Разумеется, для представителей отечественной юридической науки особое значение имеет осмысление российского опыта, который в рассматриваемой сфере, с одной стороны, весьма богат и содержателен, но, с другой стороны, не лишен и характеристик, сопряженных с целым рядом проблем, трудностей и даже кризисов.

Как известно, право выступает одним из важнейших инструментов воздействия на определенные процессы и явления, поэтому так важно осмыслить именно юридическое (правовое) переживание истории соответствующего периода. Практика и пределы такого юридического переживания различны. В рамках настоящего параграфа будет исследован российский опыт и правовые аспекты «переживания», преодоления террористической угрозы в конце XX – начале XXI веков в Российской Федерации.

Особенности «террористической ситуации». Чтобы лучше понять обстановку, обратимся к научно-практическому анализу «террористической ситуации», переживаемой в нашей стране в указанный период. Так, например, В.Н. Кудрявцевым были выделены четыре важнейшие особенности терроризма, которые впоследствии были поддержаны и не раз подтверждены отечественной юридической наукой и правоохранительной практикой: «1) терроризм направлен не столько на повреждение, уничтожение объекта посягательства, убийство людей, сколько на создание обстановки страха, тревоги, паники, ощущение опасности, угрозы; 2) место совершения террористического акта предусмотреть трудно, порой невозможно, но преступниками оно выбирается с учетом достижения максимального эффекта; 3) личность террориста также заранее большей частью неизвестна (и может остаться неизвестной не только в случае его бегства, но и гибели); 4) терроризм развивается в международном масштабе, и поэтому объектами нападения террористов могут быть люди, здания и сооружения, находящиеся не только на отечественной территории, но и в других государствах»¹²²⁸.

В 1990-е годы огромное множество людей погибло от действий террористов на территории России, в первую очередь, в результате террористических актов в

местах наибольшего скопления людей в разных населенных пунктах страны. По стране прокатилась череда взрывов жилых домов, административных зданий, железнодорожных вокзалов, транспортных средств. В 2000-е годы террористы стали широко использовать «практику шахидов», когда взрывное устройство закреплялось на теле человека, который самостоятельно приводил его в действие, либо размещалось в транспортном средстве, управляемом смертником.

Усугублялась ситуация и тем, что происходило значительное усиление международного фактора в различных проявлениях террористической деятельности и усиление интернационального характера террористических организаций и входящих в их состав группировок. Был замечен и высокий уровень подготовленности террористов на основе большого опыта их участия в различных вооруженных конфликтах и в силу широкого распространения центров и лагерей подготовки террористов.

Эксплуатация современных транспортных средств существенно повысила мобильность участников террористической деятельности. Также на вооружении у террористов появился и «информационный ресурс». Современные информационные технологии стали широко применяться террористами в самых различных целях: пропаганды своих идей, распространения примеров организации и проведения террористических актов, поиска покровителей своей деятельности, расширения сети террористической деятельности на территориях различных государств.

Высокий уровень финансирования террористической деятельности и значительная техническая оснащенность наиболее опасных террористических группировок также стали характерными чертами терроризма. Террористические организации представляли собой структуры, обладающие современным военно-техническим оснащением, которое было возможно исключительно за счет значительных финансовых вливаний. В финансировании терроризма, помимо прочего, существенное значение имели также такие «источники», как легализация преступных доходов и наркотрафик.

Происходило установление устойчивых связей между террористическими организациями и транснациональной организованной преступностью, в первую очередь, с незаконным оборотом наркотических средств. Связь терроризма и организованной преступности, безусловно, усиливала его общественную опасность и усложняла противодействие этому преступлению. Кроме того, в 1990-2000-е годы в рядах террористических группировок нашли прибежище многие лица, скрывающиеся от уголовной ответственности и находящиеся в розыске, разумеется, их цели не имели ничего общего с целями, декларируемыми террористами.

Отличительной чертой терроризма стала и так называемая «политическая мимикрия», которая заключалась в стремлении придать своей преступной террористической деятельности вид справедливой борьбы за свои интересы, например, за национальное освобождение. Все сколько-нибудь резонансные террористические акты, совершенные в 1990-е – начале 2000-х годов на территории Российской Федерации, так или иначе были связаны с вооруженным конфликтом

¹²²⁷ Дорская А.А. Институт международного права: опыт неофициального научного сообщества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 134. – С. 95.

¹²²⁸ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М.: Юристъ, 2006. – С. 316.

между федеральным центром и Чеченской Республикой, когда политические экстремисты в республике в своем противостоянии центру прибегали к терроризму как основному способу реализации своих устремлений. В кризисных условиях развития государства, когда сепаратистские устремления не были чем-либо исключительным, свойственным, например, только народам Кавказа, а характеризовали политическую и социальную обстановку многонациональной и многоконфессиональной страны¹²²⁹ в целом, в Чеченской Республике для разжигания взаимной вражды и ненависти использовались все средства. Обстановка политического и социально-экономического кризиса оказалось питательной средой как для роста сепаратистских устремлений новых лидеров республики, так и для формирования у большей части населения иллюзий о возможности достижения национальной и государственной независимости как основы будущего благополучия народа. Лидеры террористов декларировали стремление отделить Чеченскую Республику от России в интересах независимого развития чеченского народа. Реальность показала бесплодность таких устремлений главарей организаций, избравших насилие своим единственным оружием. В 1996-1999 годах, когда Чеченская Республика де-факто была отделена от Российской Федерации, лидерами террористов и боевиков не было предпринято даже попытки построить что-либо, похожее на государство, потому что любое созидание, не говоря уже о столь многоплановом и сложном процессе, как формирование самостоятельной государственности, было им глубоко чуждо.

Реформирование правовых основ противодействия терроризму как способ преодоления кризиса. Кризисным тенденциям в праве отечественная наука уделяет все больше внимания в самых разных контекстах¹²³⁰. Ю.К. Краснов рассматривает кризис права, прежде всего, как несоответствие между правовыми нормами и потребностями общественной жизни¹²³¹. Примерно так можно описать и ситуацию в области правового регулирования антитеррористической деятельности, которая назрела в нашей стране к концу 1990-х годов. А к середине 2000-х годов стало совершенно очевидно, что необходимо искать и находить новые подходы к противодействию террористической угрозе, а, значит, появилось понимание и того обстоятельства, что следует создать принципиально новую правовую основу антитеррористической деятельности в Российской Федерации.

¹²²⁹ См. подробнее: Дорская А.А. Эволюция понятия «государственно-конфессиональные отношения» в контексте правового развития России // История государства и права. – 2012. – № 3. – С. 34-37; Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения: проблема субъектного состава // Правовая инициатива. – 2014. – № 2. – С. 5; Игнатова М.В. Государственно-конфессиональные отношения и правовой статус человека: теоретико-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 12 (55). – С. 157-159.

¹²³⁰ См. подробнее: Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43-54; Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 40-45.

¹²³¹ Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 21-22.

С позиций сегодняшнего дня, можно утверждать, что принятие в 2006 году нового Федерального закона «О противодействии терроризму»¹²³², который пришел на смену действовавшему ранее и уже не отвечавшему современным реалиям Федеральному закону «О борьбе с терроризмом» 1998 года, стало важной вехой в реформировании российского антитеррористического законодательства. Что характерно, изменилась даже терминология – понятие «борьба с терроризмом» было заменено на «противодействие терроризму».

Федеральный закон «О противодействии терроризму» определил также термин «террористическая деятельность», под которой понималась деятельность, включающая в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

К числу важнейших нововведений в области контртеррористической деятельности, в целом, можно отнести следующие:

во-первых, совершенно по-новому были определены принципы противодействия терроризму (например, существовавший ранее принцип «минимальные уступки террористу» был сформулирован как «недопустимость политических уступок террористам»), а также кардинально обновлен понятийный аппарат;

во-вторых, определены конкретные механизмы противодействия (в частности, законодатель прописал правовые механизмы, позволяющие привлекать Вооруженные Силы Российской Федерации для противодействия терроризму);

в-третьих, выработаны новые подходы к проведению контртеррористических операций (причем, учитывался как позитивный опыт, так и опыт, сопряженный с прошлыми неудачами в контртеррористической деятельности);

в-четвертых, закреплено более широкое понимание деятельности по противодействию терроризму, которая теперь не сводилась исключительно к работе правоохранительных и специальных служб государства, а предполагала целый комплекс мер, реализация которых была возложена на различные органы исполнительной власти (как федеральные, так и субъектов федерации), а также органы местного самоуправления в пределах предоставленных им полномочий.

Позднее Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам антитеррористической

¹²³² Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18 марта 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 13.03.2006. – № 11. – Ст. 1146.

защищенности объектов» от 23 июля 2013 года¹²³³ дополнительно расширил круг субъектов, способных осуществлять деятельность по противодействию терроризму – помимо органов государственной власти и органов местного самоуправления, законодатель назвал также физических и юридических лиц. Полагаем, что такое расширение круга субъектов было вполне целесообразно, ведь, как справедливо отмечает Н.Н. Лысов, «для борьбы с терроризмом необходимо задействовать потенциал гражданского общества с целью создания атмосферы активной гражданской нетерпимости к любым проявлениям терроризма, активизировать пути мобилизации институтов гражданского общества на воспитание населения в духе сопричастности к борьбе с террористическими проявлениями, осуществлять антитеррористическую деятельность во всех сферах жизнедеятельности общества»¹²³⁴.

По новому законодательству противодействие терроризму предполагало работу по трем основным направлениям: 1) предупреждение терроризма, в том числе выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); 2) выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование террористического акта (борьба с терроризмом); 3) минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма.

Важным этапом в реформировании законодательства о противодействии терроризму стала разработка и принятие в 2014 году «пакета антитеррористических законов», который включал в себя документы, направленные на ужесточение ответственности за преступления террористического характера, защиту прав граждан и упорядочение распространения информации и обмена данными в сети Интернет, противодействие отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Что касается противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем¹²³⁵, и противодействия финансированию терроризма, то это те направления деятельности, которые всегда были неразрывно связаны, поскольку именно преступные доходы нередко выступают в качестве финансовой основы террористической деятельности, о чем уже упоминалось выше.

Итак, нами был рассмотрен российский опыт, полученный на рубеже XX – XXI веков в сфере противодействия одной из наиболее опасных угроз современного мира. В целом, если в завершение несколько абстрагироваться от контекста исследования, приходится констатировать то очевидное обстоятельство, что, как показывает история, разного рода социальные трансформации, происходящие в обществе в «эпоху перемен»,

¹²³³ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам антитеррористической защищенности объектов» от 23 июля 2013 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2013. – № 30 (Часть I). – Ст. 4041.

¹²³⁴ Лысов Н.Н. О законодательном обеспечении борьбы с терроризмом // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 1 (40). – С. 234-235.

¹²³⁵ См. подробнее: Абаканова В.А. Легализация преступных доходов: общественная опасность и противодействие // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 3 (23). – С. 40-42; Абаканова В.А. Некоторые вопросы преодоления социальных противоречий при расследовании легализации преступных доходов // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 35. – С. 134-139.

неминуемо приводят к различным кризисам, в том числе и кризисам в праве, что порождает череду травмирующих ситуаций, и это явление характерно не только для России на определенных этапах исторического развития¹²³⁶, но и для самых разных стран мира¹²³⁷.

§ 13. Сохранение исторической памяти через призму обучения иностранному языку

В настоящее время очень частым становится обращение к понятию «историческая память», за последние десятилетия появилось значительное количество государственных и коммерческих организаций, имеющих в своем названии данное словосочетание. В частности, Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память»; Журнал «История и историческая память» издается НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие и кросс-культурные связи» Института Истории и Международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; Федеральный проект «Историческая память», реализуемый Партией «Единая Россия» в рамках федеральной целевой программы «Культура России» и др.

Рассматривая вопрос об исторической памяти, необходимо уточнить ключевое понятие «историческая память». Так, в толковом словаре русского языка находим следующее толкование слова *память* – «1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта. ... 2. То же, что воспоминание о ком-нибудь, чем-нибудь»¹²³⁸.

Поскольку первым из толкований данного слова предложено «способность» как базовая составляющая жизнедеятельности человека, мы обратились к Биологическому энциклопедическому словарю, где трактовка понятия *память* представлена следующим образом: «способность к воспроизведению прошлого индивидуального опыта; одно из основных свойств нервной системы, выражающееся в способности длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и реакция организма и многократно вводить ее в сферу сознания и поведения»¹²³⁹. Здесь же выделяются также виды памяти – долговременная и кратковременная.

¹²³⁶ См. подробнее: Игнатъева М.В. Исторические события как социальные травмы современности: правовая анализ // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2019. – № 4. – С. 30-32.

¹²³⁷ См. подробнее: Бочкарев С.В. Политико-правовой опыт Франции по осмыслению социальных трансформаций второй половины XIX в. // Вестник Академии права и управления. – 2018. – № 2 (51). – С. 67-72; Бочкарев С.В. Социальная травма и смена политических режимов во Франции в XIX веке: постановка проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3 (31). – С. 18-24.

¹²³⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с. – URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/21757-PAMYAT> (дата обращения: 01.04.2020).

¹²³⁹ Биологический энциклопедический словарь / ред. М.С. Гиляров. – М.: БСЭ, 1995. – 864 с. – URL: <https://www.bse.ru/>

Ученые выделяют следующие виды памяти: двигательная, эмоциональная, смысловая, образная, произвольная, кратковременная, оперативная, долговременная, пространственная и социальная. Как видно из приведенного списка видов памяти, обнаруживается отсутствие в классификациях вида «историческая память», но к данному виду можно отнести указанную последней в списке – социальную память – которая отвечает за сохранение важной информации, передающейся от поколения к поколению.

Обратимся к понятию «исторический», зафиксированному в толковом словаре русского языка: «... 2. Относящийся к периоду, от которого сохранились вещественные памятники быта, письма, культуры. 3. Существовавший в действительности, не вымышленный. 4. Знаменательный, исключительно важный, вошедший в историю»¹²⁴⁰.

Анализируя толкования слов, составляющих понятие «историческая память», можно утверждать, что предположение о том, что понятие «социальная память» покрывает такой же объем понятия как «историческая», т.е. производит передачу значимой информации между поколениями, обеспечивая связь между ними.

Е.А. Протасеня отмечает, что в настоящее время не существует единого закрепленного определения термина «историческая память», что свидетельствует о том, что данное понятие является новым для науки и его рамки не установлены¹²⁴¹. Однако уже предприняты попытки его толкования, так, Ж.Т. Тощенко понимает историческую память как выражение «процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания»¹²⁴².

Историческая память определяется Л.П. Репиной как «коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вне-научных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»¹²⁴³. Также ученый отмечает, что историческая память – это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение

<https://gufo.me/dict/biology/%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 01.04.2020).

¹²⁴⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 01.04.2020).

¹²⁴¹ Протасеня Е.А. Историческая память как фактор формирования этнической идентичности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016, № 2 (42), с. 175-180.

¹²⁴² Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.

¹²⁴³ Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем»¹²⁴⁴.

По замечанию И.Е. Козновой, обращение к исторической памяти наступает каждый раз, когда происходит «разрыв» общества с прошлыми событиями, традициями¹²⁴⁵, что свидетельствует о стремлении общества, человечества в целом сохранить и закрепить значимые события прошлого и обеспечить их верное понимание современным поколением. Это становится возможным, только при обращении к достоверным источникам исторической информации. В настоящее время, в мире широко распространено так называемое «переписывание истории», которое заключается в умышленных подмене / искажении, уничтожении исторически подтвержденных фактов с целью формирования «новой» исторической памяти. Авторы подобных действий, как правило, не ссылаются на конкретный исторический документ, лишь приводятся цитаты из каких-либо публицистических материалов, либо предлагают фальсификат в красиво завернутую оболочку «вновь обнаруженного», «впервые раскрытого» и т.д. Мотивы и цели такого рода фальсификаций являются весьма разнообразными. Исторические факты легко подтасовываются и между ними проводятся ложные связующие элементы, приводящие к заведомо ложным выводам.

Возникает вопрос о том, что следует использовать в качестве объективных фактов об исторических событиях. В.В. Соломатина в статье «Историческая память народа» перечисляет следующие формы исторической памяти народа:

1. Библиотека – поскольку в библиотечных фондах сконцентрирована, отобрана и сохранена память народа, отраженная в исторических событиях. Более того, использование материалов книг как документальных, так и художественных, предполагает массовое ознакомление с фактами и событиями.

2. Музей (музейные экспонаты) – наделен свойством реликвийности, в виду своего происхождения / принадлежности, а также имеет зрелищную составляющую по сути¹²⁴⁶.

К перечисленным формам исторической памяти относят также: все виды произведений творческого характера (скульптурные памятники, песни, театральные постановки, фильмы – художественные и документальные).

Процесс сохранения исторической памяти явление градуальное и перманентное, которое не может быть осуществлено посредством единойжды выполненного действия, т.е. историческая память формируется и закрепляется в течение длительного периода времени, с привлечением различных форм памяти, рассмотренных выше. Безусловно, уровень социально-экономического развития общества,

¹²⁴⁴ История и память / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 22.

¹²⁴⁵ Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения / И. Е. Кознова // Вестн. Социол. центра РАГС. – 2003. – № 2. – С. 2-32.

¹²⁴⁶ Соломатина В.В. Историческая память народа // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11. – URL: <https://sibac.info/archive/social/11.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

идеологические установки, уровень образования, ценностные ориентиры, информирование СМИ, и др. оказывают непосредственное влияние на формирование и сохранение исторической памяти среди молодого поколения.

Остановимся на процессе обучения, как на одном из элементов, обеспечивающих сохранение исторической памяти. Дисциплины «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной деятельности» на первый взгляд можно отнести к той области знания, которая прямо не связана с сохранением исторической памяти. Однако иногда, именно знание иностранного языка помогает приобрести достоверную информацию об исторических фактах и событиях.

Особый характер рассматриваемой дисциплины продиктован ее содержанием и структурой материала на иностранном языке, поскольку студенту на занятии приходится осваивать не только лексико-грамматические навыки, но и прорабатывать последовательность конкретных мыслительных действий, только после чего происходит овладение способом иноязычной коммуникации.

На занятиях по дисциплине «Иностранный язык» следует принимать в расчет некоторые трудности, с которыми сталкиваются студенты:

- неоднородность знаний и подготовки студентов по иностранному языку;
- пробелы в знаниях некоторых студентов по вопросам исторического характера;
- различная степень включенности студентов при выполнении заданий в группе на занятии.

Сохранение исторической памяти средствами дисциплины «Иностранный язык» включает углубление знаний обучающихся, по вопросам истории, обращение к нравственно-правовым ценностным ориентирам, а также побуждение студентов к самостоятельной деятельности для выполнения творческих заданий на иностранном языке.

Важная роль при сохранении исторической памяти среди будущих юристов отведена:

- надлежащим образом поставленным целям занятия (образовательная, воспитательная и развивающая);
- наличию ценностных установок и правовых ориентиров, отраженных в содержании учебного материала;
- организации учебной деятельности согласно планируемыми целями обучения.

Учитывая обозначенные компоненты учебной деятельности и специфику обучения иностранному языку, на занятиях по указанным дисциплинам реализуются следующие виды заданий, которые направлены на сохранение и поддержание исторической памяти:

- деловые;
- ретроспективные¹²⁴⁷.

При выполнении заданий делового плана, студенту предоставляется производить суждения с точки зрения наших дней, с позиции современного человека.

При ретроспективных – следует принять позицию и выполнить суждения, опираясь на предполагаемый опыт представителей исторического прошлого.

Например, задания *делового* плана:

- Ознакомьтесь с основными этапами Второй мировой войны, напишите письмо-обращение к вашим современникам в формате «That must not be repeated! / Это не должно повториться!», укажите минимум 10 тезисов в поддержку вашего высказывания (требует дополнительной как информационной подготовки, так и лексической);
- Представьте, что вы держите в руках страницу газеты военной поры. Предложите события тех времен, которые вы помните, и которые могли бы быть размещены в этом номере (может проводиться без дополнительной подготовки);
- Напишите заголовки к статьям по событиям Второй мировой войны (требует дополнительной как информационной подготовки, так и лексической);
- Назовите минимум 5 слов, описывающих Блокаду Ленинграда / Сталинградскую битву и др. (может проводиться без дополнительной подготовки).

Выполняя задания *ретроспективного* плана, всегда необходима специальная дополнительная подготовка:

- Посетите Памятник Блокадному трамваю, уточните информацию о передвижении транспорта во время блокады. Напишите впечатления от лица жителя Ленинграда, пытающегося совершить поездку на городском транспорте (5-10 предложений);
- Посетите Музей юных участников обороны Ленинграда и напишите заметку о жизни молодежи от лица одного из юных участников обороны в тот период (5-10 предложений).

Следует отметить, что данные виды заданий носят периодический характер и предлагаются к выполнению по случаю памятных дат, связанных с историческим прошлым нашей страны. Выполнение заданий может реализовываться как индивидуально, так и в группах различной численности. Поскольку все задания носят творческий характер, то результат выполнения необходимо демонстрировать в виде публичного выступления в группе, что способствует расширению кругозора обучающихся и практике иностранного языка.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что обучение иностранному языку позволяет проводить качественное осуществление сохранения исторической памяти среди молодежи, с опорой на достоверные формы исторической памяти народа: музеи, библиотеки и др. Отметим, что на занятиях по дисциплинам «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной деятельности», в ходе профессионально-ориентированного обучения студенты не только учатся

¹²⁴⁷ Сидоренко Л. Н. Использование образных заданий на уроках истории при подготовке к Всероссийским олимпиадам – формирование специальных способностей у одаренных школьников // Проблемы

формулировать свои мысли средствами иностранного языка и представлять их окружающим, но и расширяют свои знания по истории родной страны.

§ 14. Малая родина

В 1941-42-ом годах во время Великой Отечественной Войны в СССР была проведена крупномасштабная эвакуация населения из беспокойных зон в восточные и южные регионы страны. Эвакуировали также промышленные предприятия, культурные и научные учреждения, запасы продовольствия, сырья и других материальных ресурсов. Это позволило сохранить основную экономическую базу и промышленный потенциал страны для обеспечения победы в войне.

Значительная часть эвакуированного населения была распределена в среднюю Азию. Туркменистан приютил до 50 тысяч человек и стал перевалочным пунктом для полумиллиона беженцев, небольшой Кыргызстан принял свыше 150 тысяч, Таджикистан – 100 тысяч, из них 10 тысяч – дети. В Казахстане только за первые годы войны нашли кров и работу более полумиллиона эвакуированных из западных районов и около 970 тысяч репатриированных поляков и немцев. Больше всех принял Узбекистан, около полутора миллиона, из которых свыше 200 тысяч были детьми-сиротами. Большинство из них усыновили местные жители, хотя у самих были большие семьи.

Шаахмед Махмадуов (1890-1970) был обычным кузнецом, трудился в артели «Имени Эрнста Тельмана» в Ташкенте. Когда началась Великая Отечественная война. Он уже пожилой человек и не смог идти на фронт. Но, как и все советские люди трудился ради общего успеха в тылу: «Всё – для фронта, всё – для Победы!». Вместе со своей супругой Бахри Акрамовой. Работали, жили очень скромно, но в согласии. Хорошая, дружная узбекская семья.

У четы Шаахмудовых не было своих детей. Шаахмед, кузнец был намного старше своей жены Бахри. В 1941-м ему было уже за пятьдесят, а ей 38 лет. В то время среднеазиатские союзные республики начали принимать детей, эвакуированных из осажденных немцами советских городов. Это были и сироты, чьих родителей убили фашисты, и дети, мамы и папы которых ушли на фронт. Больше всего таких ребят попало в Узбекистан: детские дома этой республики открыли свои двери для 200 тысяч советских детей.

Некоторые узбекские семьи начали брать ребят из детдомов на усыновление. Шаахмудовы подумали и решили: а почему бы и нам не стать приемными родителями? Не дал Бог своих – значит, воспитаем чужих. Уже через несколько лет в доме Шаахмудовых был слышен детский смех и топот маленьких ножек: супруги усыновили 15 детей, а сама семья стала интернациональной.

Узбекские мама и папа стали родными для русских, белоруса, молдаванки, еврейки, казаха, латыша, немки, татарина. Например, в 1943-м они взяли из детдома четверых – белоруску Раю, татарку Малику, русского мальчика Володю и

двухлетнего малыша, имени и национальности которого никто даже не знал. Шаахмед и Бахри назвали кроху Ногматом, что переводится с их языка как «дар». В узбекских традициях Шаахмудовы жили небогато, но дружно. В семье царили любовь и уважение к старшим. Детей с ранних лет приучали к труду, самостоятельности и взаимовыручке. Всех ребят приемные родители воспитали в узбекских традициях, и Ташкент стал для них второй родиной.

Судьбы детей Шаахмудовых сложились по-разному. Кто-то остался жить в Ташкенте. Четверых ребят после войны нашли и забрали домой родственники, однако, уехав, они всю жизнь с благодарностью вспоминали приемных маму и папу. А взятые Шаахмудовыми на воспитание узбечка Муаззам и белорус Михаил впоследствии полюбили друг друга. Они поженились и создали свою, интернациональную, семью.

«В ожидании внука дождалась до 104 лет»

Особенно трогательна история приемного сына Федора, о котором в 1986 году писала узбекская газета. Украинец Федя Кульчиковский был восьмым приемным ребенком Шаахмудовых.

Мальчик родился незадолго до войны в семье донбасского шахтера, мать его звали Оксана. Роды у женщины принимала бабушка, Дарья Алексеевна. На груди у малыша была красная родинка, и пожилая женщина запомнила этот «опознавательный знак» на всю жизнь. Когда Феде не было и двух лет, Оксана умерла от оспы, а летом 1941-го погиб и отец мальчика.

Мальша воспитывала бабушка Дарья Алексеевна. Перед немецкой оккупацией бабушке стали настоятельно советовать отправить внука в Среднюю Азию. Поначалу она не хотела его отпускать, но в сельсовете сказали: «Если в деревню придут немцы, вашего внука наверняка угонят в Германию». Бабушка поплакала и согласилась на эвакуацию. И все последующие годы верила, что когда-нибудь он вернется.

Пятилетний Федя попал в ташкентский детский дом, где вскоре подружился с украинским мальчиком Сашей. Однажды в приют пришел пожилой узбек и забрал Сашу. Федя тяжело переживал разлуку с приятелем. Саша, как выяснилось, тоже. Потому что через неделю тот же мужчина вернулся в детдом и сказал Феде, что забирает и его. «Саша грустит без тебя», – коротко пояснил узбек. Так Федя оказался в семье Шаахмудовых. Приемные родители дали ему имя Юлдаш. Окончив восемь классов, Федор-Юлдаш остался жить в Узбекистане, ведь у бабушки его забрали совсем маленьким и найти хоть какую-то информацию о ней он не смог. Юноша поступил в Ташкентский горный техникум. Получив диплом, уехал работать в Караганду, где вскоре женился, а после землетрясения в Узбекистане снова вернулся в «родной» Ташкент – уже с женой. У супругов родились трое детей. Однажды Юлдашу позвонили и сказали, что нашлась его украинская бабушка. Для него это стало шоком, ведь с момента их расставания прошло уже 45 лет, и мужчина и не подозревал, что она до сих пор жива. Он незамедлительно выехал на Украину.

Как оказалось, найти внука Дарье Алексеевне помог журналист украинской газеты. Он написал в обком комсомола Бухары, после чего информацию передали

школьникам из узбекского клуба «Поиск». Дети увидели похожую фамилию в газетной заметке – так и вышли на внука. Выяснилось, что в детдоме перепутали две буквы, и из Кульчановского Федя превратился в Кульчиковского, а еще ему поменяли отчество – возможно, именно поэтому Дарья Алексеевна не смогла его найти после войны. При встрече бабушка сразу узнала внука – по той самой красной родинке. На тот момент ей было уже 104 года. Возможно, именно вера в то, что мальчик найдется, и держала ее в этом мире. После встречи внук неоднократно навещал бабушку, но пообщаться довелось недолго, через полтора года она умерла. Вскоре после смерти Дарьи Алексеевны скончалась и приемная мать Федора. Обе женщины до последних дней очень жалели, что им не удалось познакомиться.

Кроме того, в семье Шамахмудовых была Тимонина Ольга из Молдавии, которой новые родители дали имя Холида, была самым младшим ребенком в этой интернациональной семье. Став взрослой, она осталась жить в Узбекистане. В прошлом году она отметила свое 84-летие, живет в ташкентском районе Джар-Арык. Холида прекрасно знает узбекский и всю жизнь благодарит Бога! своих приемных родителей и узбекскую землю за все, что у нее есть.

Власти наградили супругов орденом «Знак Почёта», Бахриопа получила почетное звание «Мать-героиня». Историю Шамахмудовых писатель Рахмат Файзи описал в своем романе «Его величество Человек», а в 1960-х про них сняли трогательно-пронзительный художественный фильм «Ты не сирота». Я смотрел его ещё когда был ребёнком. И очень горжусь, что в моей стране жили вот такие великие люди. Герои!

Шаахмед Шамахмудов умер намного раньше своей жены, в 1970-м, разменяв девятый десяток. Смерть настигла его во время работы в саду, ведь до последних дней он не переставал трудиться. Кому-то Бог не дал детей, а кто-то был вынужден сам отказываться от них!

В 1982 года 26 мая в Ташкенте на площади, получившей название «Дружбы народов» был установлен памятник семье Шамахмудовых. Монумент символизирует подвиг ташкентской семьи Шамахмудовых, усыновивших в годы Великой Отечественной Войны 15 осиротевших детей из разных республик СССР. В центре монумента расположена скульптурная композиция, запечатлевшая семью кузнеца Шамахмудова. В 2008 году памятник был перенесен на окраину столицы, где оставался почти десять лет. Накануне 9 мая 2017 года монумент, посвященный семье Шамахмудовых, был установлен в Парке дружбы (бывший парк Бабура). При этом многие комментаторы просили городские власти вернуть памятник на площадь, где он был расположен изначально.

Глава IV. ПРАКТИКИ И ПРЕДЕЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СПОРТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

§ 1. Международный опыт противодействия криминальным формам фанатизма болельщиков¹²⁴⁸

Спорт – неотъемлемая часть нашей жизни. Пьер де Кубертен, «отец» современных Олимпийских игр, писал, что спортивные мероприятия являются важными инструментами для поощрения прав человека, спорт должен способствовать миру, международному взаимопониманию в духе взаимного уважения между людьми различного происхождения, идеологии и вероисповедания¹²⁴⁹.

Спорт издавна привлекает зрителей и вызывает больше позитивных и негативных эмоций, чем любая другая сфера деятельности. Но спортивный дух, который должен воспитывать в людях взаимное уважение и благородство, зачастую страдает от проявлений экстремизма, насилия и фанатизма болельщиков.

Под словом «фанат» (также фэн, сокр. от фанатик) (греч. Φανατισμός — слепая вера; лат. Fanaticus) понимается — одержимый, иступленный, безумный, неистовый) – болельщик; ярый поклонник (напр., футбольной команды, спортивного общества или спортсмена)¹²⁵⁰.

Первые упоминания о фанатах можно найти в исторических текстах Древней Греции и Рима, в которых описывались столкновения между болельщиками скачек на колесницах. Скачки были по своему характеру менее жестокие, чем бои гладиаторов, но достаточно зрелищные и опасные, чем и привлекали зрителей. Как в современных видах спорта, например, в футболе или хоккее, болельщики объединялись в фанатские группы, отождествляя себя с любимыми командами. Постепенно сформировались четыре фракции, носящие цвета любимых колесниц – Красная, Белая, Зеленая и Голубая. Принятие цвета было способом, с помощью которого поклонники доказывали свою преданность той или иной фракции. Многие болельщики, особенно молодые, принадлежащие к фракциям или фан-клубам, носили экстравагантную одежду и прически¹²⁵¹. Фракционная преданность фанатов и столкновения между ними имеют сходство с поведением современных спортивных фанатов.

В наше время проблема криминального поведения фанатов или криминального фанатизма привлекла особое общественное внимание в 1960-х гг. прошлого

¹²⁴⁸ Данный параграф выполнен Е.Н. Рахмановой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия в сфере спорта».

¹²⁴⁹ Кубертен, П. Олимпийские мемуары – М.: Рид Групп, 2011. – 176 с.

¹²⁵⁰ Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов». – Москва, ЭКСМО-Пресс, 2000 г. – 671 с.

¹²⁵¹ Paul Christensen, Donald G. Kyle (eds) (2014) A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity. Malden, Mass; Oxford, UK: Wiley Blackwell, 2014 – 656 p.; Madensen, T.D., Eck, E. J. (2008). Spectator Violence in Stadiums. URL: https://popcenter.asu.edu/sites/default/files/problems/pdfs/spectator_violence.pdf (дата обращения 27.02.2020)

столетия во многом благодаря английским болельщикам, которых обычно называют «футбольные хулиганы». Именно Великобритании принято считать родиной футбольного хулиганства, под которым понимается агрессивное и часто насильственное поведение болельщиков вовремя или в связи с футбольными матчами.

Действительно, криминальный фанатизм¹²⁵² присущ, прежде всего, игровым видам спорта, в которых в силу истории, традиций, содержания и клубной индивидуализации сильна тенденция командных обособлений болельщиков (фанатов).

Фанатские спортивные объединения распространились по всему миру, но, в первую очередь, в Европе. Фанаты провоцируют беспорядки практически на всех уровнях соревнований: от местных до мега-соревнований (олимпиады, международные турниры и т. п.). Достаточно назвать только несколько примеров:

- 1964 год – 318 болельщиков были убиты и более 500 ранены во время матча Перу – Аргентина на национальном стадионе в Лиме (Перу);

- 1969 г. – столкновение фанатов привело к недельной «футбольной войне» между Гондурасом и Сальвадором; более 300 человек были убиты и 10 000 иммигрантов бежали из Гондураса в Сальвадор;

- 1993 г. – едва не оборвалась жизнь знаменитой американской теннисистки Моника Селеш после того, как во время матча на неё с ножом напал фанат главной конкурентки – Штеффи Граф;

- 2012 год – на Евро-2012 в Варшаве перед игрой команд России и Польши произошли серьезные столкновения между фанатами двух сборных, в результате было задержано 140 участников конфликтов, среди которых были 25 граждан России, а 25 болельщиков были вынуждены обратиться за медицинской помощью;

- 2019 г. – в Праге перед отборочным матчем Евро-2020 между сборными Чехии и Англии произошли столкновения между английскими фанатами и местной полицией.

К наиболее типичным видам правонарушений, совершаемым спортивными фанатами, необходимо отнести агрессивные и/или насильственные действия в связи с проведением спортивного мероприятия во время его проведения или непосредственно до его начала, или сразу после его окончания, либо создание реальной угрозы таких действий; грубое нарушение порядка проведения спортивного мероприятия, непосредственно влекущее его приостановление или срыв или создающее реальную угрозу таких исходов; действия, направленные на подстрекательство к насилию или провоцирование насилия или совершение иных серьезных правонарушений; действия экстремистского или террористического характера и др.¹²⁵³

Потерпевшими могут быть как зрители, так и судьи (арбитры), а также спортсмены.

¹²⁵² Трофимов Д. А. Криминальный футбольный фанатизм как общественно опасное явление // Российский следователь. – 2011. – № 19. – С. 18 – 19.

¹²⁵³ Понкин И.В., Редькина А. И. Составы правонарушений, совершаемые спортивными болельщиками вовремя и в связи с проведением массовых зрелищных спортивных мероприятий // Трудовое право и право социального обеспечения. – 2016 – № 11 – С.109-115

Точного правового определения криминального фанатизма болельщиков не существует. Но если все-таки попытаться отграничить спортивных фанатов от обычных болельщиков, то пограничная черта проходит между спонтанными случаями криминальных проявлений со стороны болельщиков или зрителей и организованным поведением фанатов. Исторически такое поведение проявляется в столкновениях соперничающих фанатских групп; хулиганстве, сопряженном с применением насилия; вандализме; нападением на полицию и т. п. Фанатские группы действуют не только на стадионах или около них, но также в центре городов, кафе, на железнодорожных станциях, в поездах и в других общественных местах¹²⁵⁴.

По своей природе фанатские группы крайне анархичны и противостоят любой форме правопорядка. Почти половину фанатских преступлений совершают болельщики моложе 20 лет. Они имеют свою структуру, иерархию, территорию, символы (гимн, герб, флаг и т. д.). Экстремальные фанаты открыто идентифицируют себя с определенной субкультурой (панки, наци-скинхеды и др.)¹²⁵⁵.

Типичная фанатская группа является идеальной почвой для вербовки в преступные организованные группы, их легче вовлечь в экстремистские движения и террористические организации. При этом фанатская преступность сублимирует преступную деятельность не только экстремальных фанатских групп, но и отдельных лиц.

Приходится признать, что криминальный фанатизм болельщиков – серьезная социальная и глобальная проблема. Но географически фанатские движения в наименьшей степени присущи Северной Америке. Некоторые зарубежные авторы объясняют это явление особенностями социальной структуры болельщиков. Спортивные мероприятия в Северной Америке посещает, в основном, средний класс, причем женщины составляют больший процент зрителей. Так, почти половина (45%) поклонников хоккейной команды Торонто Мэйпл Лифс – женщины со средним годовым доходом в 70000 долларов, что выше среднего показателя по стране. Напротив, в Европе и Южной Америке фанаты — это, в основном, молодые белые мужчины, принадлежащие к рабочему классу, либо безработные, которые представляют самый большой процент зрителей¹²⁵⁶.

Организованное фанатское насилие является доминирующим в Европе, во время как спонтанное и неорганизованное больше присуще США. Видимо, именно поэтому Европа уделяет особое внимание проблеме противодействия криминальному поведению спортивных болельщиков (фанатов).

В 1996 году в ЕС была разработана Рекомендация «Профилактика и борьба с хулиганством: общественные действия», в которой государствам рекомендовалось

¹²⁵⁴ Dunning, E. (2000). Towards a Sociological Understanding of Football, Hooliganism as a World Phenomenon// European Journal on Criminal Policy and Research, Vol. 8. № 2. P. 157

¹²⁵⁵ Тарасов А. Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм. – URL: https://scepssis.net/library/id_2965.html (дата обращения 1.03.2020)

¹²⁵⁶ Spaaij R. (2007) Football Hooliganism as Transnational Phenomenon: Past and Present Analysis: A Critique – More Specificity and Less Generality// The International Journal of the History of Sport. – Vol. 24 – № 4 – P. 411-431

обмениваться информацией о методах предотвращения беспорядков на стадионах, а также организовывать совместные учебные курсы для сотрудников полиции из государств-членов ЕС¹²⁵⁷. Затем в 1997 году принята Резолюция, призывающая больше внимания уделять освещению спортивных событий в СМИ, готовить ежегодные доклады о случаях насилия со стороны болельщиков на стадионах и т. д.¹²⁵⁸. Наконец, в 1999 году ЕС опубликовал справочник, предназначенный для полицейских, который содержит практические рекомендации об обеспечении порядка и безопасности на стадионах.¹²⁵⁹

Совет Европы сегодня является единственной межправительственной организацией, которая занимается проблемами спорта в широком смысле, в том числе, и проблемами противодействия насилию в спорте и в связи со спортом.

С 1954 г. после принятия Европейской культурной конвенции Совет Европы постепенно начал формировать европейскую модель, которая стала основой европейской государственной политики в сфере спорта¹²⁶⁰. В 1963 году Комитет министров Совета Европы учредил «Европейский спортивный сертификат», целью которого явилось содействие участию молодежи в спорте, воспитание чувства европейской солидарности. В 1966 г. Совет Европы сформулировал понятие «спорт для всех», приняв затем в 1976 г. Европейскую хартию «Спорт для всех»¹²⁶¹.

Хартия «Спорт для всех» явилась в те годы выражением и фокусом европейской концепции спорта, которая впоследствии получила развитие во многих странах мира. Европейская хартия «Спорт для всех» не устанавливает каких-либо юридически обязательных принципов, не ставит целью проведение ширококомасштабных кампаний для развития общеевропейского спорта. Но она оказала и оказывает значительное влияние на спортивную политику стран-членов Совета Европы и европейские спортивные федерации.

Основная цель политики Совета Европы в области спорта, сформулированная в Хартии, состояла не в том, чтобы заменить национальную политику, а в том, чтобы защитить общие европейские принципы и бороться с явлениями,

¹²⁵⁷ Council Recommendation of 22 April 1996 on guidelines for preventing and restraining disorder connected with football matches. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:31996Y0503\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:31996Y0503(02)) (дата обращения 25.02.2020)

¹²⁵⁸ Council Resolution of 9 June 1997 on preventing and restraining football hooliganism through the exchange of experience, exclusion from stadiums and media policy. – URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/39948c9b-c98d-4eff-9730-85ea6bdac885> (дата обращения 25.02.2020)

¹²⁵⁹ Council Resolution of 21 June 1999 concerning a handbook for international police cooperation and measures to prevent and control violence and disturbances in connection with international football matches. – URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/e58d23eb-7123-4ac7-b73b-eab5839c4ef8/language-en> (дата обращения 25.02.2020); Council Resolution of 6 December 2001 concerning a handbook with recommendations for international police cooperation and measures to prevent and control violence and disturbances in connection with football matches with an international dimension, in which at least one Member State is involved. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32002G0124%2801%29> (дата обращения 25.03.2020)

¹²⁶⁰ Европейская культурная конвенция (ETS N 18) (Заклучена в г. Париже 19.12.1954) / Бюллетень международных договоров. – 2000. – N 1. – С. 3 – 8

¹²⁶¹ European Sport for All Charter (1975/76) – URL: <https://www.europa.clio-online.de/quelle/id/q63-28550> (дата обращения 27.02.2020)

противоречащими «ценностям Европы» (допинг, насилие со стороны зрителей, дискриминация в спорте, гомофобия и др.).

В 1983 году Парламентская Ассамблея Совета Европы подготовила рекомендацию, в которой обращалось внимание на «обеспокоенность сохраняющимся насилием в спорте и ростом насилия, связанного со спортом, на местном, национальном и международном уровнях», предлагалось в срочном порядке на Конференции европейских министров, ответственных за спорт, рассмотреть вопрос о насилии в спорте и об эффективном европейском межправительственном сотрудничестве по вопросам насилия и спорта, включая разработку европейской конвенции¹²⁶².

Но трагические события 29 мая 1985 года ускорили работу над Конвенцией. В этот день на стадионе «Эйзел» (Брюссель, Бельгия) перед началом финального матча на Кубок Европы между футбольными клубами «Ювентус» и «Ливерпуль» произошло столкновение болельщиков, спровоцированное англичанами. Они пытались вместе с обычными зрителями прорваться в сектор стадиона, занятого болельщиками «Ювентус». В результате образовавшейся давки погибли 39 человек, в основном итальянцы, и более 600 получили ранения.

После этой трагедии было принято решение исключить все английские футбольные клубы из международных соревнований на пять, а «Ливерпуль» – на шесть лет¹²⁶³.

Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей, 1985 г.¹²⁶⁴ была подписана и ратифицирована 41 государством-участником Совета Европы, а также Марокко.

Согласно договору государства обязались предпринимать совместные действия, направленные на предотвращение и подавление насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий. Кроме того, во время крупных международных мероприятий спортивные власти и полиция участвующих стран обязались сотрудничать в выявлении возможных рисков с целью их предотвращения.

Содержание Конвенции сосредоточено вокруг трех основных тем: предотвращение, сотрудничество и репрессии.

Ст. 1 устанавливает, что Конвенция направлена на «предотвращение и подавление насилия и хулиганского поведения зрителей во время футбольных матчей», обеспечивая реализацию соответствующих мер по предупреждению неправомерных действий (ст. 3) и содействуя международному сотрудничеству представителей национальных клубов, команд и всем заинтересованным сторонам (ст. 4).

¹²⁶² Recommendation PACE 963 (1983) Cultural and educational means of reducing violence. – URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=14997&lang=en> (дата обращения 01.03.2020)

¹²⁶³ Трагедия на «Эйзеле». – URL: <https://www.juventus.sportland24.ru/tragediya-v-eyzele/> (дата обращения 25.02.2020)

¹²⁶⁴ Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и в частности футбольных матчей (ETS N 120) (Заклучена в г. Страсбурге 19.08.1985) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – N 1. – С. 8 – 22

Профилактика включает обеспечение общественного порядка на стадионах и вдоль транзитных маршрутов болельщиков, выделение болельщиков из других городов; контроль за продажей билетов; удаление нарушителей спокойствия со стадионов; запрет или ограничение продажи алкогольных напитков на стадионах; проведение проверок безопасности; четкое распределение обязанностей между организаторами и органами государственной власти; проектирование стадионов таким образом, чтобы гарантировать безопасность зрителей и т.п.

Сотрудничество между спортивными клубами, полицией и властями всех заинтересованных стран во время организации крупных международных спортивных мероприятий имеет решающее значение для выявления и устранения возможных угроз безопасности.

Репрессии касаются выявления нарушителей и запрет посещения ими стадионов и матчей; «передачу судебного разбирательства, начатого в отношении лиц, задержанных в связи с актами насилия и другими наказуемыми действиями, совершенными во время спортивных мероприятий, стране, в которой проживают эти лица», выдачу или передачу лиц, признанных виновными в насильственных действиях во время спортивного матча своим государствам.

Европейская конвенция явилась основой для внесения соответствующих норм в законодательство государств-участников. В тоже время в Конвенции отсутствуют конкретные составы преступлений или правонарушений, также как отдельные элементы, составляющие их содержание. Но ратификация налагала обязательства на страны по принятию специальных национальных законов. Это, бесспорно, потребовало от стран-участников необходимость самостоятельно разрабатывать, принимать и применять собственные механизмы правовой защиты от криминального поведения болельщиков до, во время и после спортивных мероприятий.

Ответственным за мониторинг выполнения обязательств, предусмотренных Европейской Конвенцией, является Постоянный комитет, состоящий из одного или нескольких национальных делегатов, назначаемых правительствами государств-участников Конвенции. ФИФА, УЕФА и FSE (футбольные болельщики Европы) имеют статус наблюдателей.

Кроме того, на таких крупных международных турнирах как Кубок мира, Чемпионат Европы – в Постоянном комитете создается специальная рабочая группа для оценки мер безопасности, а по окончании мероприятия готовятся и публикуются отчеты, в которых содержится результаты работы данной группы.

С 1985 года Советом Европы было принято около 10 резолюций об обеспечении безопасности на спортивных мероприятиях, но к 2000-м году стало очевидно, что содержание Конвенции нуждается в обновлении.

В 2010 году министрами внутренних дел и министрами юстиции европейских государств была принята рабочая программа по обеспечению безопасности спортивных мероприятий на 2011-2013 годы¹²⁶⁵. «Большая роль в организации этой

¹²⁶⁵ Council Conclusions adopting the 2011-2013 EU Work Programme on minimising safety, security and public order risks in connection with sports events, in particular football matches, with an international

работы отводится футбольным экспертам в составе рабочей группы по обеспечению правопорядка при Совете Европы (Law Enforcement Working party), постоянному комитету Совета Европы по выполнению Европейской конвенции о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей (Standing Committee of Spectator Violence) и Европейскому аналитическому центру экспертов по вопросам охраны и безопасности футбольных мероприятий (European Think Tank of football safety and security experts). Наиболее важным, как представляется, практическим документом взаимодействия для всех сил правопорядка являются Методические рекомендации по полицейскому международному сотрудничеству и мерам по предупреждению насилия и беспорядков на футбольных международных матчах¹²⁶⁶.

На 12-й Конференции министров по делам спорта Совета Европы, состоявшейся в Белграде в марте 2012 года, было предложено, чтобы Постоянный комитет изучил, в какой степени необходимо обновить Европейскую конвенцию о насилии со стороны зрителей, что и было сделано в декабре 2013 года. Особое внимание обращалось на относительно узкую направленность Конвенции, а также и на то, что необходимо в большей степени учитывать влияние процессов, происходящих в мире (экономические, миграционные, политические, социальные и технологические) и связанные с ними характер и уровень современных рисков.

В 2014 г. подготовлен новый документ – Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и, в частности, футбольных матчей¹²⁶⁷. Конвенция была открыта для подписания в 2016 году на «Стад-де-Франс» в Сен-Дени и вступила в силу в 2017 году. Сегодня Конвенция является единственным международно-обязательным документом, устанавливающим комплексный подход, основанный на трех взаимозависимых элементах: безопасность, защита и обслуживание, которые рассматриваются как три взаимосвязанных принципа.

Конвенция дополнена Рекомендациями Rec (2015) Постоянного комитета по безопасности, Службы охраны и футбольных матчей и других спортивных мероприятий¹²⁶⁸.

Вышеназванные документы тесно связаны с положениями, принятыми Международной федерацией футбольных ассоциаций (ФИФА) и Союзом европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) и др. Устав и дисциплинарные правила этих ассоциаций определяют профилактические и репрессивные меры, которые должны принять национальные ассоциации. Они включают штрафы, которые налагаются на

dimension – URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/118147.pdf (дата обращения 27.02.2020)

¹²⁶⁶ Цит по: Песков А.Н. Международная практика борьбы с криминальным фанатизмом // Спорт, экономика, управление. – 2013. – № 3 – С.18-24

¹²⁶⁷ Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей (Заключена в г. Сан-Дени 03.07.2016) // СЗ РФ. 5 февраля 2018 г. N 6. Ст. 798.

¹²⁶⁸ Recommendation Rec (2015) 1 of the Standing Committee on Safety, Security and Service at Football Matches and other Sports Events. – URL: <https://www.coe.int/en/web/sport/recommendation-2015-1> (дата обращения 03.03.2020)

футбольные клубы и футбольные ассоциации, игру в отсутствие болельщиков или в третьей стране, приостановку работы футбольного стадиона и даже исключение из международных соревнований, организованных вышеупомянутыми федерациями. Кроме того, футбольные ассоциации борются против расизма в футболе и других формах дискриминации в спорте. Аналогичные документы приняты большинством современных спортивных ассоциаций и объединений.

Сегодня практически все страны в рамках международных обязательств накопили значительный законодательный опыт и практику по противодействию криминальному спортивному фанатизму.

Так, например, согласно Французскому Спортивному кодексу организаторы спортивных мероприятий обязаны оказывать охранные услуги и при необходимости получать поддержку государственной полиции. Во избежание попадания опасных предметов на спортивную арену органы государственной власти Франции и организаторы могут проводить физические обыски с согласия болельщика. Если болельщик не соглашается, службы безопасности могут отказать ему в доступе на арену. Французские государственные органы могут также принять ряд репрессивных мер против зрителей, такие как временный запрет посещения стадиона или роспуск групп болельщиков в случае риска серьезного нарушения ими общественного порядка¹²⁶⁹. С 2007 года в стране создан Национальный реестр запретов на посещение стадионов. В нем указаны лица, которым выдан судебный или административный акт о запрете. Данные хранятся в течение пяти лет после истечения срока действия последнего запрета. Спортивный кодекс Франции признает преступлениями значительный круг деяний, совершаемых болельщиками: хулиганство, пронос алкоголя на стадионы, самовольное проникновение в спортивные помещения и т. п. В Кодексе предусмотрена ответственность как физических, так и юридических лиц. В частности, могут быть расформированы и привлечены к ответственности фанатские образования, нарушающие общественный порядок¹²⁷⁰.

Интерес представляет опыт Бразилии, в которой также приняты конкретные меры по противодействию криминальному поведению болельщиков. Ст. 13 Закона «О статусе болельщика» определяет основные условия доступа на стадионы. Запрещено вносить с собой вещества, предметы и жидкости, которые могут быть использованы для противоправных действий. Запрещены также разного рода баннеры, флаги и символы ненависти, расизма и распевать песни дискриминационного характера. Любой акт или покушение на совершение насилия является основанием для удаления со стадиона. Подобные действия являются не только административными проступками, но и преступлениями. Так, согласно ст. 41 УК Бразилии за совершение хулиганских действий во время спортивных мероприятий или вторжение в зоны ограниченного входа на территории стадиона могут быть наказаны к

лишению свободы на срок от одного года до двух лет. Подобные нормы в значительной степени воспроизводит Закон о футболе (преступлении) 1991 г. Великобритании. Указанные деяния являются преступными, даже если они совершены в радиусе до пяти километров от стадиона¹²⁷¹.

Российская Федерация, которая является участником Конвенций, имеет собственный опыт противодействия криминальному поведению болельщиков¹²⁷², данные вопросы решаются, в основном, на федеральном уровне. В частности, в КоАП РФ в ст. 3.14 закреплен административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований лицам, включенных в специальный список, который согласно ст. 20 ФЗ РФ от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹²⁷³ ведется федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел. Ст. 20.31 КоАП РФ, введенная в кодекс в 2013 г., устанавливает ответственность за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований, а также в п.3 той же статьи – за грубое нарушение правил поведения зрителей, если оно не содержит уголовно-наказуемого деяния.

В стране приняты специальные Правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований, а также Правила обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований¹²⁷⁴, Приказом МВД России от 17.11.2015 N 1092 утверждены Требования к отдельным объектам инфраструктуры мест проведения официальных спортивных соревнований и техническому оснащению стадионов для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности¹²⁷⁵. В соответствии с ФЗ «О полиции» сотрудники полиции обязаны оказывать содействие организаторам спортивных мероприятий во время их проведения¹²⁷⁶.

В исключительных случаях болельщики могут быть привлечены к уголовной ответственности, поскольку, как правильно пишет А.А. Мейтин: «Преступления, совершаемые футбольными болельщиками, представляют общественную опасность как с точки зрения разрушительных последствий, находящихся в сфере

¹²⁷¹ Fortes, Pedro R. The Law Relating to Brazilian Sports Fans: An Introduction for a British Audience. – URL: https://www.researchgate.net/publication/305308456_The_Law_Relating_to_Brazilian_Sports_Fans_An_Introduction_for_a_British_Audience (дата обращения 10.03.2020)

¹²⁷² Песков А.Н. Международный криминальный фанатизм //Вестник Российского международного олимпийского комитета – 2012 -№ 4 – С. 94-107

¹²⁷³ Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»// СЗ РФ, 10.12.2007, N 50, ст. 6242

¹²⁷⁴ Постановление Правительства РФ от 16.12.2013 N 1156 (ред. от 30.01.2014) «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований»// СЗ РФ, 23.12.2013, N 51, ст. 6866; Постановление Правительства РФ от 18.04.2014 N 353 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований»// СЗ РФ, 05.05.2014, N 18 (часть IV), ст. 2194

¹²⁷⁵ Приказ МВД России от 17.11.2015 N 1092 «Об утверждении Требований к отдельным объектам инфраструктуры мест проведения официальных спортивных соревнований и техническому оснащению стадионов для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности»// СПС Консультант Плюс

¹²⁷⁶ Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции»// СЗ РФ, 14.02.2011, N 7, ст. 900

¹²⁶⁹ Code du sport. – URL: <http://codes.droit.org/CodV3/sport.pdf> (дата обращения 15.03.2020)

¹²⁷⁰ Соловьев А. А. Актуальные вопросы правового регулирования обеспечения общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий во Франции // Спорт: экономика, право, управление. – 2010. – N 1. – С. 21-25

наиболее значимых интересов личности и общества, так и с точки зрения создания «питательной» среды для совершения других видов тяжких и особо тяжких преступлений»¹²⁷⁷.

Но представляется, что этого недостаточно. Анализ ныне действующих отечественных нормативно-правовых актов показывает, что до сих пор отсутствует комплексное правовое регулирование порядка проведения спортивных мероприятий и обеспечения их безопасности, а также специально разработанные программы профилактики криминального спортивного фанатизма.

§ 2. Напоминание о трагедиях как отягчающее обстоятельство строгой ответственности клубов за поведение болельщиков¹²⁷⁸

«Строгая ответственность» клубов за поведение болельщиков представляет сегодня одну из аксиом функционирования глобального футбола: для привлечения клубов к ответственности за неприемлемое¹²⁷⁹ поведение своих болельщиков не требуется установления вины, освобождение от ответственности возможно только в исключительных случаях (которых в практике юрисдикционных органов УЕФА единицы¹²⁸⁰). Мы не будем далеки от истины, если скажем, что клуб всегда отвечает за поведение болельщика при наличии трех признаков: (1) это болельщик данного клуба; (2) поведение болельщика было до, во время или после матча; (3) поведение состоялось на стадионе или на прилегающей к нему территории.¹²⁸¹ Обоснование строгой ответственности достаточно давно¹²⁸² сформулировано в практике Спортивного арбитражного суда (далее – CAS, арбитраж), занимающего позицию высшей инстанции по разрешению споров в большей части мира спорта. Привлечение клубов в отсутствие вины является вынужденным институтом, поскольку футбольные федерации и конфедерации не имеют ни юрисдикции, ни ресурсов для преследования болельщиков в различных юрисдикциях, принимающих футбольные матчи. При этом речь не идёт о наказании клубов, строгая ответственность рассматривает целью именно болельщика, продемонстрировавшего недопустимое для футбола поведение. Факт привлечения клуба к ответственности должен являться значимым демотиватором для неприемлемого поведения болельщиков. Кроме того, строгая ответственность стимулирует клубы к активной работе со своими фанатами

¹²⁷⁷ Мейтин А. А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2004. – С. 44

¹²⁷⁸ Данный параграф выполнен И.А. Васильевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00528 «Концепт справедливости в современной российской правовой системе».

¹²⁷⁹ Ст. 14, ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА.

¹²⁸⁰ Фактически, за предыдущие пять лет – только дело CEDB Decision of 13 October 2016 FC Zürich. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2016 – May 2016.

¹²⁸¹ Признаки составов нарушений ст. 14, ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА.

¹²⁸² Начиная со спора Arbitrage TAS 2002/A/423 PSV Eindhoven / Union des Associations Européennes de Football (UEFA), sentence du 3 juin 2003.

по недопущению хулиганства во всех проявлениях на футбол. Именно такие идеи в обоснование строгой ответственности прослеживаются в практике CAS.

Регулирование УЕФА института строгой ответственности, выраженное в Дисциплинарном регламенте (далее – регламент), лаконично рассматривает вопрос об исключительных (смягчающих, отягчающих) обстоятельствах, которые могут влиять на применяемые к клубам санкции. В положениях регламента представлено по одному смягчающему и отягчающему обстоятельству: к последнему относится рецидив. Все остальные обстоятельства юрисдикционные органы УЕФА вправе устанавливать дискреционно в каждом конкретном случае. Свобода определения исключительности обстоятельств позволяет гибко реагировать на любые проявления неприемлемого поведения болельщиков, но налагает на принимающий решение орган повышенное бремя обоснования выбора или отказа от определения обстоятельства как смягчающего или отягчающего.

В футболе как виде спорта, имеющего богатую историю как в любом государстве, так и в глобальном масштабе, возможны злоупотребление и спекуляция болельщиками определенными ценностями в целях провокации фанатов противостоящей команды. При этом, неприемлемая информация негативно влияет не только на конкретных болельщиков, но и в целом на сообщество спорта и любых зрителей, репутацию футбольного соревнования и его организаторов. В настоящее время исследователи не обращались к предложенному нами для анализа содержанию поведения болельщиков, хотя достаточно интересная статья была опубликована относительно пересечения истории поддержки фанатами клуба и ответственности за использование расистских символов.¹²⁸³ В отличие от приведенного случая, сложности квалификации при напоминаниях о трагедиях на футболе не возникает – трудно представить себе, когда спекулирование памятью может являться частью истории поддержки болельщиками клуба.

Упоминание болельщиками трагических событий являлось предметом рассмотрения Контрольно-дисциплинарной и этической комиссией (далее – комиссия) в решении от 19.05.2016.¹²⁸⁴ Болельщики клуба «Ливерпуль» в двух матчах скандировали и демонстрировали жесты, отсылая к авиакатастрофе в Мюнхене в 1958 г., в которой погибли 23 футболиста клуба «Манчестер Юнайтед», являвшегося противостоящей стороной в этих матчах.¹²⁸⁵ Клубу не оставалось ничего более как признать при разрешении спора, что такие скандирования и жесты с точки зрения вложенной в них смысловой нагрузки являлись «совершенно недопустимыми». Юрисдикционный орган специально остановился на оценке такого поведения болельщиков, которое не является типичным, поскольку (1) использует трагедию в качестве провокационного посыла и (2) направлено против болельщиков клуба, который

¹²⁸³ Michiel Adriaan de Vlieger. Racism in European football: going bananas? An analysis of how to establish racist behaviour by football supporters under the UEFA disciplinary regulations in light of the inflatable banana-case against Feyenoord // The International Sports Law Journal. 2016. 15 (3-4) Pp. 226–232.

¹²⁸⁴ CEDB Decision of 19 May 2016 Liverpool FC. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2016 – May 2016.

¹²⁸⁵ https://en.wikipedia.org/wiki/Munich_air_disaster.

испытал трагедию.¹²⁸⁶ Практически аналогичные рассуждения были представлены комиссией в решении 19.05.2016 г. по делу клуба «Манчестер Юнайтед», являвшегося противостоящей «Ливерпулю» стороной в двух матчах.¹²⁸⁷ Одним из оснований ответственности клуба являлось скандирование болельщиков, отсылавшее к трагедиям на стадионах «Hillsborough», «Heysel», приведших к человеческим жертвам.¹²⁸⁸ «Ливерпуль» признал направленность скандирований.

Согласно положениям ст. 17 Дисциплинарного регламента комиссия при разрешении споров должна учитывать субъективные и объективные элементы дела (то есть фактические обстоятельства), смягчающие и отягчающие обстоятельства. Кажется, что спекуляция смыслом, встречно продемонстрированная в обоих делах болельщиками футбольных клубов, не может быть оценена идентично провокации, построенной на ином оскорблении, не затрагивающем чувства в связи с трагическими событиями прошлого. На первый взгляд, комиссия в обоих спорах заняла рациональную, а значит справедливую позицию: поведение болельщиков не только являлось бесспорной провокацией, имеющей высокий уровень опасности (провоцируя противоположную сторону к жесткому ответу действиями «здесь и сейчас»), но и затрагивало репутацию УЕФА, соревнования и каждого из клубов. Публичность матчей, транслирующихся на весь мир, не вызывает сомнений в том, что такие действия болельщиков приобретают масштаб, наносящий вред репутации всех вовлеченных субъектов. Однако, в обоих рассмотренных спорах комиссия прямо не квалифицировала ни вред репутации, ни провокацию, связанную с упоминанием трагических событий, в качестве отягчающих обстоятельств. Об этом говорит не только буквальное прочтение текста решений, в которых нет ни слова об «aggravating circumstances», но и косвенно подтверждается приоритетом смягчающих обстоятельств, позволивших вполниту снизить размер штрафа. Так, в решении по делу клуба «Ливерпуль» комиссия признала наличие комбинации смягчающих обстоятельств: клуб предпринял особые меры по работе со своими болельщиками перед матчем с историческим конкурентом; в первом матче наличествовала провокация со стороны болельщиков «Манчестер Юнайтед», явившаяся предпосылкой для последующих ответных скандирований; клуб ранее в пределах срока давности не привлекался к ответственности за поведение болельщиков. В результате, комиссия назначила штраф в размере 20 000 евро и дополнительно 20 000 евро как условную санкцию с испытательным сроком в два года.¹²⁸⁹ В деле клуба «Ливерпуль» комиссия вынесла идентичную санкцию, сославшись на смягчающие

¹²⁸⁶ CEDB Decision of 19 May 2016 Liverpool FC. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2016 – May 2016, para. 16.

¹²⁸⁷ CEDB Decision of 19 May 2016 Manchester United FC. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2016 – May 2016, paras. 14-15.

¹²⁸⁸ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B1%D1%83%D0%BD%D1%8B_%D0%BD%D0%B0_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5_%C2%AB%D0%AD%D0%B9%D0%B7%D0%B5%D0%BB%D1%8C%C2%BB; https://en.wikipedia.org/wiki/Hillsborough_disaster.

¹²⁸⁹ CEDB Decision of 19 May 2016 Manchester United FC, para. 61.

обстоятельства как то значительную подготовку клуба к проведению матча, а также положительный отзыв от делегата УЕФА по поводу уровня организации матча между историческими конкурентами.¹²⁹⁰ На самом деле, оба названных обстоятельства, как нам представляется, являются зеркальным отображением – проведенная предварительно работа по организации матча и обеспечению на нём безопасности повлекло соответствующую положительную оценку. Поэтому вызывает вопрос обоснованность разделения комиссией обстоятельств и, как следствие, соразмерность выбранной санкции за «совершенно недопустимое» поведение болельщиков.

Выбираемая юрисдикционными органами спортивных федераций санкция должна соответствовать принципу соразмерности («principle of proportionality»), то есть демонстрировать обоснованный баланс между совершенным нарушением и санкцией. Правовая доктрина Швейцарии и Федеральный трибунал Швейцарии воспринимают и используют данный принцип. В юрисдикционной деятельности спортивные федерации должны придерживаться правовой идеи, что целью санкций для нарушителя является не наказание как таковое, а превенция – удерживание от повторного проступка. Однако таким содержанием цели санкции не ограничиваются. Чтобы санкция отвечала требованию соразмерности, она не должна выходить за пределы меры, которая обоснованно необходима для достижения цели регулирования порядка проведения соревнования¹²⁹¹, то есть интересов вида спорта, правомерного поведения участников и восстановления прав и законных интересов, нарушенных в результате проступка привлекаемого к ответственности субъекта. Принцип соразмерности обязывает не только дать оценку нарушению и спрогнозировать влияние санкции на участника соревнования, но также принять во внимание цель регулирования – поддержание целостности соревнования как концепции, не приемлющей любые, и тем более серьезные нарушения как угрозы виду спорта, правам и законным интересам организатора, участников соревнования и заинтересованных лиц (прежде всего, – болельщиков).

Выбор санкций зависит от дискреционных полномочий юрисдикционного органа, который учитывает все факты и обстоятельства и, прежде всего, поведение привлекаемого к ответственности субъекта.¹²⁹² В дисциплинарном споре каждая ситуация должна рассматриваться на основе обстоятельств конкретного дела, а интересы организатора соревнования, нарушителя, других участников и заинтересованных лиц (прежде всего, – зрителей) должны быть сбалансированы с учётом принципа соразмерности. Необходимо учитывать серьёзность факта нарушения и связанных с ним исключительных обстоятельств, а также вред, причинённый виду спорта, организатору, другим участникам соревнования.¹²⁹³ Юрисдикционные

¹²⁹⁰ CEDB Decision of 19 May 2016 Manchester United FC, para. 50.

¹²⁹¹ Advisory opinion CAS 2005/C/976 & 986 Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & World Antidoping Agency (WADA), 21 April 2006, paras. 138-139.

¹²⁹² Arbitration CAS 2013/A/3321 Aris Football Club v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 21 March 2014, para. 8.43.

¹²⁹³ Arbitration CAS 2013/A/3358 Mersin Idman Yurdu Club v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 25 April 2014, para. 58.

органы должны оценивать отягчающие и смягчающие обстоятельства, связанные с нарушением. Соответственно, соразмерной будет санкция, применённая с учётом совокупности всех исключительных обстоятельств конкретного дела – как отягчающих, так и смягчающих.

Возвращаясь к делам клубов «Ливерпуль» и «Манчестер Юнайтед», можем ли мы считать применённые комиссией санкции соразмерными поведению болельщиков? С одной стороны, фактические обстоятельства обоих случаев идентичны: провокационные действия болельщиков, основанные на спекуляциях памятью о связанных с английским футболом трагедиях. С другой стороны, перечень исключительных обстоятельств имеет отличия: если предпринятые клубами меры по обеспечению безопасности и порядка были признанные в качестве смягчающего обстоятельства в обоих спорах, то в деле «Ливерпуля» комиссия называла в качестве смягчающего положительную дисциплинарную статистику клуба и провокационные действия болельщиков «Манчестер Юнайтед», явившихся причиной последующих встречных оскорблений. Как мы ранее отмечали, положительная характеристика делегатом УЕФА предпринятых «Манчестер Юнайтед» мер для нас представляется сомнительным смягчающим обстоятельством, если таким обстоятельством уже были названы сами меры по обеспечению безопасности и порядка. В результате, если использовать простую математику, можно увидеть следующий итог: «Ливерпуль» – три смягчающих обстоятельства, «Манчестер Юнайтед» – одно смягчающее обстоятельство. При этом в обоих случаях санкция, как мы отмечали ранее, была выбрана комиссией идентичная.

Принцип соразмерности применяется в двух направлениях: для определения, в зависимости от состоявшегося нарушения, как более низкой санкции, так и более высокой. При симметричности фактических обстоятельств и в отсутствии прямо названных отягчающими обстоятельств, решение комиссии должно было основываться на применении смягчающих обстоятельств как маркере выбора санкции. Вполне вероятно, что в обоих решениях комиссия не называла крайне провокационную природу скандирования и нанесенный вред репутации УЕФА, соревнованию, клубам отягчающими обстоятельствами, но имела их в виду как фактические обстоятельства. Такой подход не является прецедентным для УЕФА и достаточно часто встречается в правоприменительной практике: использование словосочетания «aggravating circumstances» вы встретите не в каждом споре, даже если таковые действительно наличествуют.¹²⁹⁴ Юрисдикционный орган, согласно положениям Дисциплинарного регламента УЕФА, не обязан дословно указывать в решении влияние фактических, смягчающих, отягчающих обстоятельств на выбор санкции. Вместе с тем, решение комиссии не может являться не мотивированным, вопрос об указывании оснований вынесенного решения подробно рассматривался в практике Спортивного

¹²⁹⁴ Напр., Case Law. Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2018/2019. January 2019 – June 2019.

арбитражного суда (CAS).¹²⁹⁵ Если акт спортивной федерации предусматривает основания, которые должны быть исследованы в процессе принятия решения, то юрисдикционные органы федерации не вправе привлекать субъекта спорта к ответственности без указания на данные обстоятельства и анализа их присутствия или отсутствия в конкретном деле. Положения ст. 17 Дисциплинарного регламента УЕФА обязывают комиссию учитывать фактические, смягчающие, отягчающие обстоятельства при привлечении клуба к строгой ответственности за поведение болельщиков. В рассмотренных делах клубов «Ливерпуль» и «Манчестер Юнайтед» комиссией была дана оценка присутствовавшим фактическим и смягчающим обстоятельствам, но не были названы отягчающие обстоятельства. В такой ситуации нам потребуется обратиться к реконструкции взвешивания обстоятельств: возможно ли считать, что при равных фактических обстоятельствах и одно, и три смягчающих обстоятельства мотивируют идентичную санкцию? Представляется, что нет. Принцип соразмерности будет нарушен комиссией в отношении клуба, в деле которого установлено три смягчающих обстоятельства. Повторим, что соразмерность спортивной санкции обязывает выбирать её вид и размер не только через призму понятия «наказание», но и с учётом превентивной функции – насколько санкция будет способствовать субъекту спорта (в нашем случае – футбольному клубу) в дальнейшем избегать повторения состоявшегося нарушения. Превенция может быть рассмотрена не только применительно к самому нарушителю, но и на макроуровне – в отношении всех клубов, принимающих участие в соревнованиях под эгидой УЕФА, а следовательно принимающих на себя обязанности по работе с болельщиками и институт строгой ответственности. Фактический отказ комиссии в обоих рассмотренных нами спорах от квалификации обстоятельств в качестве отягчающих, даже при маскировки их под фактические, приводит к неоднозначному выводу о соблюдении принципа соразмерной санкции. Так, несмотря на то, что «Ливерпуль» не реализовал своё право на апелляцию, клуб вправе был обжаловать состоявшееся решение, ссылаясь на несбалансированную корреляцию между обстоятельствами, сопровождавшими нарушение, и примененной санкцией: три смягчающих обстоятельства при отсутствии отягчающих обуславливают применение менее строгой санкции, чем комбинация реального и условного штрафов. Конечно, выбранная комиссией в деле «Ливерпуля» санкция не выходила за пределы меры, которая обоснованно необходима для достижения цели регулирования порядка проведения соревнования, но тогда в споре с участием «Манчестер Юнайтед» выбранная санкция даже не достигла данной меры.

Комбинирование в принципе соразмерности санкционной и превентивной целей обуславливает необходимость обращение к другому фундаментальному

¹²⁹⁵ См., напр., Arbitration CAS 2016/A/4772 Diego Dominguez v. Fédération Internationale de l'Automobile (FIA), award of 12 January 2018, paras. 111-130.

принципу, применимому в спортивном праве, – равного обращения.¹²⁹⁶ Последний заключается в соблюдении баланса санкционной политики юрисдикционных органов спортивных федераций при привлечении субъектов к спортивной ответственности. Если принцип соразмерности обязывает учитывать фактические, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также превентивный эффект при определении вида санкции и её размера, то принцип равного обращения заключается в сохранении единообразной, а значит определённой и понятной субъектам спорта практики применения санкций по конкретным составам нарушений. При установлении идентичности фактических обстоятельств, сопоставление смягчающих и отягчающих обстоятельств в двух делах позволяет констатировать соблюдение или нарушение принципа равного обращения.

После принятия решений в отношении «Ливерпуля» и «Манчестер Юнайтед» клубы, привлекаемые к строгой ответственности, могут обращаться к данным кейсам в обоснование необходимости вынесения аналогичной санкции при соблюдении условия идентичности фактических обстоятельств. Теперь любой клуб, болельщики которого провокационно скандировали о трагических событиях на протяжении двух матчей с неким клубом Б, вправе заявить, что следуя принципу равного отношения отправной точкой для выбора санкции в его случае должно являться решение по делу клуба «Манчестер Юнайтед», когда одного смягчающего обстоятельства было достаточно для сочетания реального и условного штрафов в конкретных размерах. И комиссия не сможет сослаться на дело «Ливерпуля», в котором для аналогичной санкции было выявлено три смягчающих обстоятельства. Таким образом, возник опасный парадокс для правоприменительной практики: равное обращение УЕФА к клубам, привлекаемым к ответственности за поведение болельщиков, выражающееся в напоминании о трагедиях на футболе, будет основано на нарушении принципа соразмерности при рассмотрении дела «Манчестер Юнайтед».

Институт строгой ответственности не может существовать в «тепличных» условиях в сравнении с классической ответственностью субъектов спорта. Несмотря на то, что в правоприменительной практике УЕФА и CAS за строгой ответственностью подтверждён статус аксиомы в противодействии хулиганству на футболе, её особой статус среди видов юридической ответственности вполне очевиден. В частности, в одном из решений арбитража определённость для спортсмена условий привлечения к ответственности специально была подчеркнута для ситуаций строгой ответственности.¹²⁹⁷ Отказ от установления вины клубов за поведение болельщиков является вынужденной мерой, действенной альтернативой которой, впрочем, пока в футболе не представлено. Тем строже должно быть и следование юрисдикционными органами УЕФА положениям Дисциплинарного регламента об исследовании фактических,

¹²⁹⁶ См., напр., Arbitration CAS 2012/A/2824 Besiktas JK v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 31 October 2012.

¹²⁹⁷ Arbitration CAS 2006/A/1164 Luca Scassa & MV Augusta Motor Spa v. Fédération Internationale de Motocyclisme (FIM), award of 15 March 2007.

отягчающих и смягчающих обстоятельств. Рассмотренные нами два случая ответственности клубов за провокационное поведение болельщиков, связанное с напоминанием о трагедиях на футбольных матчах, демонстрируют опасную непоследовательность правоприменительной практики. Принципы соразмерности спортивных санкций и равного обращения остаются незащищенными, порождая неопределенность в мере ответственности клубов за идентичные поступки болельщиков.

Принцип соразмерности связан с принципом равного отношения и формирует основу для его применения. В ситуации нарушения первого и второй приобретает почтенную форму. Непризнание в качестве отягчающего обстоятельства содержание неприемлемого поведения болельщиков – напоминания о трагедиях на футболе – не только ставит под вопрос обоснованность санкции, но и препятствует выполнению её превентивной функции, а значит, в целом, указывает на несоразмерность. Можно ли говорить об определенности для клуба условий привлечения к строгой ответственности за названное нами поведение болельщиков, на которую отдельно обращал внимание CAS? Кажется, что на такой вопрос мы можем ответить утвердительно – состав нарушения нормативно сформулирован в п. «е» ч. 2 ст. 16 Дисциплинарного регламента УЕФА и понятен. Но вместе с тем появляется и неопределенность юридических последствий (санкций) вследствие амбивалентного прочтения принципа соразмерности в двух рассмотренных нами делах. Сомнительно, что данная ситуация поможет клубам осознать гибкость строгой ответственности за поведение болельщиков, скорее откроет новый горизонт неопределенности для них.

§ 3. Нормативно-правовые аспекты развития Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в Российской Федерации: проблемы прошлого и настоящего

Концепция исследования заключается в проведении сравнительного анализа по реализации программы Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в период с 1918-2020 гг., захватившего большой период развития российского государства, в том числе сложное послевоенное время.

Предпосылкой для «ГТО» в СССР послужил Декрет о введении Всеобщего, который был подписан Владимиром Лениным в апреле 1918 года. Во время Всеобщего проводились восьминедельные военно-спортивные сборы добровольцев от 18 до 40 лет. Уже в мае 1918 года на Красной площади был проведен первый парад физкультурников, участников Всеобщего. Всеобщий потерял свою актуальность с окончанием гражданской войны, хотя к тому времени он охватывал около 4 миллионов граждан. Его идею подхватило Общество содействия обороне, авиационному и химическому

строительству «ОСОАВИАХИМ», обучающие молодых людей прыжкам с парашюта, стрельбе и конным соревнованиям¹²⁹⁸.

Физическая культура и спорт требовали развития и совершенствования, стране были необходимы умные и здоровые граждане, имеющие хороший уровень физической подготовленности. Комсомольская организация сыграла важную роль для внедрения комплекса ГТО в СССР, опубликовав в газете «Комсомольская правда» от 24 мая 1930 года предложения по установке Всесоюзных испытаний на право получения значка «Готов к труду и обороне». Инициатива комсомольцев получила одобрение в вышестоящих инстанциях и по поручению Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК СССР был разработан проект комплекса ГТО, который 11 марта 1931 года после общественного обсуждения был утвержден и стал нормативной основой системы физического воспитания¹²⁹⁹. Таким образом комплекс под названием «Готов к труду и обороне» предполагал только одну ступень, выполнение 21 испытания, 15 из них были практическими.

Допуск к занятиям осуществлялся медицинским персоналом с учетом состояния здоровья претендентов на знак «ГТО», которое должно быть удовлетворительным. К сдаче нормативов допускались мужчины и женщины трёх возрастных категорий (таблица 1).

Таблица 1

Разделение участников испытаний «ГТО» в СССР по полу и возрасту

Категории	Мужчины (возраст)	Женщины (возраст)
I категория	с 18 до 25 лет	с 17 до 25 лет
II категория	с 25 до 35 лет	с 25 до 32 лет
III категория	с 35 лет и старше	с 32 лет и старше

Испытания носили не только практический характер и предполагали выполнение физических упражнений: бег на 100, 500 и 1000 метров; прыжки в длину и высоту; метание гранаты; подтягивание на перекладине; лазание по канату или шесту; поднимание патронного ящика весом в 32 килограмма и безостановочное передвижение с ним на расстоянии 50 метров; плавание; лыжи на 3 и 10 км; верхнюю езду и продвижение в противогазе на 1 км и др., но и теоретический – наличие

¹²⁹⁸ Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» [Электронный ресурс] / <https://www.gto.ru/>

¹²⁹⁹ Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» [Электронный ресурс] / <https://www.gto.ru/>

знаний военного дела, истории физкультурных достижений, основ физкультурного самоконтроля и оказания первой медицинской помощи.

Идеология «ГТО» заключалась в том, что спорт должен стать не развлечением для избранных, а достоянием каждого. Успешность внедрения комплекса «ГТО» приобретала мировую славу, например, британская газета «The Times» 11 марта 1931 года опубликовала статью «У русских появилось новое секретное оружие под названием ГТО».

В 1932 году Всесоюзным комитетом по физической культуре были утверждены документы по внедрению Комплекса «ГТО» добавлением еще одной – II ступени «ГТО», требующей от граждан более высокого уровня физической подготовки. Среди обладателей значков «ГТО» II ступени было много курсантов Военной академии имени М.В. Фрунзе. К нормативам относились 25 испытаний, из них 22 – практических, 3 – теоретических. Для выполнения поставленных задач было необходимо совершенствование занятий физической культурой и спортом, разработка и внедрение методов развития основных физических качеств занимающихся – сила, выносливость, ловкость, гибкость, быстрота. В результате в 1932 году значки «ГТО» получили 465 тысяч человек, а в 1933 году – 835 тысяч человек.

В 1933 году ЦК ВЛКСМ разрабатывает комплекс нормативов для детей «Будь готов к труду и обороне» (БГТО). С 1934 года эта программа находит полноценную реализацию и начинает свою работу в детских образовательных учреждениях. Детская ступень «ГТО» состояла из 16 испытаний, таких как: бег на короткие и длинные дистанции; прыжки в длину и высоту с разбега; метание гранаты, бег на лыжах на 3-5 километров для мальчиков и 2-3 километра для девочек, ходьба в противогазе; гимнастические упражнения; лазание; подтягивание; упражнения на равновесие; поднятие и переноска тяжестей.

К 1934 году в стране насчитывалось около 5 млн. физкультурников.

Развитие физкультурного движения «ГТО» в СССР повлекло за собой введение разрядных норм, спортивных званий. Это давало право организациям, проводящим соревнования по «ГТО» давать спортивную квалификацию и присваивать звания по 10 видам спорта – легкой атлетике; гимнастике; тяжелой атлетике; боксу; борьбе; плаванию; теннису; фехтованию; конькобежному; стрелковому спорту.

Перед Великой Отечественной Войной в нормы ГТО были добавлены военные дисциплины: скоростной пеший переход, метание связки гранат, переноска патронного ящика и др. По официальным данным¹³⁰⁰ физкультурную подготовку прошли около 80% военнослужащих сухопутных войск, флота и авиации. Документальное подтверждение проведения комплекса «ГТО» во время Великой Отечественной Войны нами не обнаружено, однако спорт в этот страшный для всех период времени, продолжал «жить в сердцах людей». Доказательством этого являются матчи по футболу, организованные в 1942 году. Один из них под названием «Матч смерти» вошёл в историю России.

¹³⁰⁰ История ГТО. Военно-патриотическое воспитание. ДОСААФ [Электронный ресурс] <http://www.dosaaf.ru/articles/istoriya-gto/>

Футбольный матч, сыгранный в оккупированном немцами Киеве летом 1942 года между местной и немецкой командами (счёт 5:3 в пользу солдат СССР). Через некоторое время после этой игры ряд футболистов-киевлян оказались в концентрационных лагерях, а некоторые были расстреляны¹³⁰¹.

В послевоенное время спорт постепенно возрождался. Продолжались соревнования по различным видам спорта. В статье Романа Муна «Пережить блокаду Ленинграда и выиграть Олимпиаду» представлена судьба ветерана Великой Отечественной войны, блокадника Ленинграда, прошедшего две Олимпиады в Хельсинки и Мельбурне, завоевавшего золото и серебро в каноэ-двойке Павла Петровича Харина¹³⁰². В послевоенное время в 1946 году были произведены очередные изменения в комплекс «ГТО», а именно: для взрослых I и II ступени – до 9 нормативов, для детей – не более 7 нормативов.

Статистические данные подтверждают, что в 1958 году в составе физкультурников числилось 23 696 800 млн. человек. Однако знак «ГТО» имели не все, за 4 года этого периода было подготовлено около 16 миллионов человек, имеющих значок ГТО. В 1959 году была добавлена ещё одна – III ступень «ГТО». В 1965 году в Вооружённых силах страны была введена специальный статус комплекса ГТО – «Военно-спортивный комплекс» (ВСК), в него входили виды военно-прикладного характера.

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 января 1972 г. № 61 «О введении нового всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО)» утверждены требования к и сдаче нормативов комплекса, которые должны обеспечиваться систематическими занятиями по программам физического воспитания в учебных заведениях, пунктами начальной военной подготовки, спортивных секциях, группах общей физической подготовки и самостоятельно. Структура комплекса «ГТО» включала: а) БГТО – 1 ступени – для учащихся 1 – 3 (4) классов школы; БГТО – 2 ступени – для учащихся 4 (5) и 8 (9) классов школы; ГТО – 1 ступени – для учащихся 9 – 10 (11) классов школы, профтехучилищ, средних специальных учебных заведений, трудящейся молодежи до 18-летнего возраста; ГТО – 2 ступени – для студентов и трудящейся молодежи 18 – 27 лет; б) многоборий комплекса ГТО – для учащихся, студентов и трудящихся в возрасте 10 – 60 лет.

Население страны имело возможность сдать нормативы на выбор. Движение «ГТО» являлось мощным стимулом для развития спорта. Общеизвестно, что советский спорт имел большие успехи на мировых спортивных площадках. Однако распад Советского Союза, политико-экономические проблемы в стране повлекли факт того, что юридически Комплекс ГТО прекратил свое существование в 1991 году.

¹³⁰¹ Матч смерти. Мировая история [Электронный ресурс] <https://zen.yandex.ru/media/worldhistory/match-smerti-v-kieve-v-1942-godu-pochemu-futbolisty-byli-arestovany-i-ubity-5a9ee2b8610493249a27c578>

¹³⁰² Пережить блокаду Ленинграда и выиграть Олимпиаду [Электронный ресурс] <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/innuendo/777505.html>

Указ Президента Российской Федерации от 24 марта 2014 года № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)», возродил комплекс «ГТО» с 1 сентября 2014 года.

В настоящее время укрепилась нормативно-правовая база ВФСК «ГТО». Были утверждены комплекты правовых документов, регламентирующие условия организации и требования к сдаче нормативов (тестов) для получения значка «ГТО»: Федеральные Законы; Указы Президента; Положения о ВФСК «ГТО», Постановления Правительства Российской Федерации; Распоряжения Правительства Российской Федерации; Приказы Федеральных органов исполнительной власти; Методические рекомендации и письма; Приказы «О награждении знаками» и др.

Потребностью внедрения ВФСК «ГТО» стало ухудшение состояния здоровья и недостаточный уровень физической подготовленности населения России. В настоящее время по организации и проведения мероприятий по ВФСК «ГТО» происходит постоянное совершенствование.

Нормативно-правовую основу комплекса ВФСК «ГТО» составляют такие документы как:

1. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РФ от 11 июня 2014 г. № 540 «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)».
3. Приказ Минспорта России от 28 января 2016 г. № 54 «Об утверждении порядка организации и проведения тестирования по выполнению нормативов испытаний (тестов) Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО)».

В отличие от советской, современная система ВФСК «ГТО» допускает к сдаче испытаний (тестов) следующие категории граждан: дети, мужчины, женщины (таблица 2), особая категория граждан и представляет классификацию по 11 возрастным ступеням.

Таблица 2

Возрастные ступени ВФСК «ГТО»

Дети	Мужчины	Женщины
I ступень (6-8 лет)	VI ступень (18-29 лет)	VI ступень (18-29 лет)
II ступень (9-10 лет)	VII ступень (30-39 лет)	VII ступень (30-39 лет)
III ступень (11-12 лет)	VIII ступень (40-49 лет)	VIII ступень (40-49 лет)
IV ступень (13-15 лет)	IX ступень (50-59 лет)	IX ступень (50-59 лет)
V ступень (16-17 лет)	X ступень (60-69 лет)	X ступень (60-69 лет)
	XI ступень (70 лет и старше)	XI ступень (70 лет и старше)

Так же в ВФСК «ГТО» выделяется особая категория граждан, имеющие право выполнить нормативы (тесты) и получить значок ГТО. К испытаниям допускаются:

- лица с интеллектуальными нарушениями;
- лица с нарушениями слуха;
- лица с остаточным зрением;
- лица тотально слепые;
- лица с односторонней или двухсторонней ампутацией или другими поражениями верхних конечностей;
- лица с односторонней или двухсторонней ампутацией или другими поражениями нижних конечностей;
- лица с травмами позвоночника и поражением спинного мозга;
- лица с церебральным параличом;
- лица с низким ростом.

Ориентир на особенности в состоянии здоровья гражданина Российской Федерации делает ВФСК «ГТО» еще более доступным для населения. В настоящее время к здоровому образу жизни привлечены граждане различных регионов и возрастов страны. Актуализируются проблемы укрепления и сохранения здоровья населения.

Наработанная десятилетиями система физического воспитания существует и в настоящее время. В условиях современной жизнедеятельности модернизировался подход к физическому воспитанию молодёжи, привлекая их к выполнению современных интересных для них, видов физических упражнений и программ, которые способствуют подготовке к сдаче норм ВФСК «ГТО».

Стратегия внедрения комплекса ВФСК «ГТО» выступает как один из компонентов здорового образа жизни и состоит из следующих элементов: анализ и обобщение положительного опыта в организации спортивно-оздоровительных мероприятий и массовых видов спорта при подготовке к преодолению стандартов комплекса ГТО, введенных в 1931-1934 гг.; разработка новых форм подготовки к преодолению стандартов комплекса ГТО, гарантирующих формирование ценностных ориентаций для личности; выявление методических приемов использования физических упражнений, повышающих их эмоциональное воздействие и улучшающих эмоциональное состояние вовлеченных людей.

Подготовка к сдаче испытаний (тестов) ВФСК «ГТО» с целью повышения уровня физической подготовленности и улучшения состояния здоровья населения требует не только нормативного, научно-методического подхода, но и создание условий (социальных, педагогических, психологических) для формирования устойчивой мотивации систематических занятий физическими упражнениями. Большое значение уделено подготовке школьников и студентов к выполнению норм ВФСК «ГТО»¹³⁰³.

¹³⁰³ Яценко Л.Г. Программа подготовки студентов высшей школы к выполнению нормативов Всероссийского Физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» / Л.Г. Яценко, Т.Л.

В Федеральном законе от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» указано, что в целях решения вопросов местного значения по обеспечению условий для развития на территориях муниципальных образований физической культуры и массового спорта, организации проведения официальных физкультурных мероприятий, физкультурно-оздоровительных мероприятий и спортивных мероприятий муниципальных образований к полномочиям органов местного самоуправления относятся утверждение и реализация календарных планов физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий муниципальных образований, в том числе включающих в себя физкультурные мероприятия и спортивные мероприятия по реализации комплекса ГТО¹³⁰⁴.

Проведенное исследование позволило нам определить положительные компоненты реализации ВФСК «ГТО», возрожденного в 2014 году по настоящее время. К ним мы относим:

- разработана и систематизирована нормативно-правовая база по реализации ВФСК «ГТО» в Российской Федерации;
- программа способствует привлечению к физической культуре и спорту населения различного по полу, возрасту, состоянию здоровья;
- ВФСК «ГТО» способствует развитию массового спорта;
- организованы специализированные Центры, уполномоченные вести деятельность по контролю, организации и приёму испытаний (тестов) ВФСК «ГТО»;
- создана эффективная система профилактики заболеваний и укрепления здоровья населения за счет их приобщения к регулярным занятиям физической культурой;
- созданы условия для привлечения детей к физической культуре и спорту с целью сдачи норм ВФСК «ГТО» (детский сад, школа), а следовательно, и укреплению здоровья и физического развития;
- в основу подготовки студентов вуза к выполнению испытаний (тестов) ВФСК «ГТО» лежат занятия физической культурой и спортом, способствующие повышению уровня физической подготовленности и формированию общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся;
- ВФСК «ГТО» направлен на воспитание патриотического отношения населения к своему государству;
- разработаны дополнительные «бонусы» (баллы для поступления в вуз), способствующие формированию мотивации абитуриентов осуществлять регулярную физкультурно-спортивную деятельность и принимать участие в движении ВФСК «ГТО».

Незнамова, С.А. Баранов, Л.И. Романова // учебно-методическое пособие: ВШТЭ СПбГУПТД. – СПб., 2016. – 137 с.

¹³⁰⁴ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

§ 4. Профессиональный спорт и проблемы уголовной политики¹³⁰⁵

Понятие профессионального спорта. В соответствии с положениями пункта 11 статьи 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» профессиональный спорт – это часть спорта, направленная на организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований. Соответственно, понятие профессионального спорта может быть усвоено лишь через определение профессиональных спортивных соревнований, под которыми пункт 10.3 этой же статьи названного Закона понимает спортивные соревнования по командным игровым видам спорта, участие в которых направлено на получение дохода и одним из условий допуска спортсмена к которым является наличие у него трудовых отношений с соответствующим профессиональным спортивным клубом, если иное не установлено организатором таких соревнований для отдельных категорий их участников; в иных видах спорта профессиональными спортивными соревнованиями являются спортивные соревнования, участие в которых направлено на получение дохода и которые определены в качестве таковых их организаторами в соответствии с положениями (регламентами) спортивных соревнований¹³⁰⁶. Представляется, что легальное определение профессионального спорта с точки зрения тематики настоящей монографии требует уточнений.

Во-первых, следует учесть, что профессиональный спорт – это организация состязаний и участие в них с целью получения прибыли, это самостоятельный сегмент капиталистических общественных отношений. Цель получения прибыли всегда криминогенна – это закон, который сформулировал еще в XIX веке видный деятель британского профсоюзного движения Т. Даннинг в словах, обычно приписываемых К. Марксу: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживлённым, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому»¹³⁰⁷. Следовательно, профессиональный спорт следует рассматривать через призму криминализации общественных отношений.

Необходимо учитывать, что коммерциализация спорта закономерно приводит к качественному изменению его содержания. Здесь мы имеем дело с описанным Жаном Бодрийяром процессом взаимного заражения всех категорий, замены одной

сферы другой, смешения жанров¹³⁰⁸. Собственно, спорт в данном случае перестает быть спортом и становится бизнесом, а в идеальном варианте шоу-бизнесом со всеми характеристиками, присущими этому виду деятельности. Такой спорт должен быть привлекательным, соответственно, зрелищным, результативным, сексуальным, в противном случае, он не принесет прибыли. Очевидно, что в этом случае неотъемлемыми составляющими профессионального спорта будут являться как минимум:

1. Постановочность, обеспечивающая шоу, необходимую драматургию спортивного соревнования, соответственно, повышающая к нему интерес, с одной стороны, и получения нужного результата соревнования (для самых разных целей), с другой.

2. Получение необходимого результата от спортсмена любой ценой. Здесь, во-первых, использование стимуляторов, улучшающих результаты профессиональных спортсменов, в том числе, запрещенных и причиняющих вред их здоровью. Во-вторых, вовлечение в профессиональные соревнования детей, чьи физические параметры способны дать этот самый результат (например, в фигурном катании), без учета ущерба их здоровью от такой деятельности.

3. Подогревание интереса к спортивным событиям очевидно скандальными способами, в том числе, аморальными и противоправными.

Здесь следует сказать, что если первые две составляющие всячески отрицаются представителями профессионального спорта, то третья полностью очевидна. Продвижение некоторых видов спорта, например, профессионального бокса или смешанных единоборств, довольно часто строилось на создании атмосферы скандала и ненависти. Достаточно вспомнить высказывания ирландского бойца Коннора Макгрегора: «В Дагестан я не поеду, даже если нужно будет в туалет сходить. И это правда»¹³⁰⁹. Однако в настоящее время можно констатировать, что и игровые виды спорта, пропандирующие идеи толерантности, вопреки официально декларируемым ценностям, продвигают свой «продукт» абсолютно недопустимыми способами. Так, в марте 2019 года футбольный клуб «Зенит» перед матчем с московским клубом «Спартак» презентовал онлайн-канал Z+, эфир которого изобилует матерными выражениями и оскорбительными выходками. Например, разбирая тактику команд, приглашенные «эксперты», намекая на оскорбительные прозвища клубов – «бомжи» и «свиньи», использовали фишки с изображением бездомных и свиней¹³¹⁰. А появившиеся затем в эфире канала гости – музыкант Сергей Шнуров, дизайнер Артемий Лебедев и блогер Илья Варламов (заметим, что не один из них вообще не

¹³⁰⁵ Данный параграф выполнен И.М. Клейменовым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

¹³⁰⁶ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁰⁷ Dunning, Thomas Joseph. Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention. — London: Published by the author, and Sold by M. Harley, 1860. P. 35-36 (52 p.).

¹³⁰⁸ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла – URL: <https://www.rulit.me/books/prozrachnost-zla-read-57482-2.html> (дата обращения 20.04.2020).

¹³⁰⁹ Плеханов А. Конор оскорбил Дагестан. Так задел, что дагестанцы ждали его у отеля и бросили бутылку – URL: <https://gol.ru/materials/konor-oskorbil-dagestan-tak-zadel-cto-dagestancy-zdali-ego-u-otela-i-brosili-butylku-1779> (дата обращения 20.04.2020).

¹³¹⁰ См.: Мы разобрали новое шоу «Зенита» и даже сделали кроссворд – URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/bluewhitenavy/2384314.html> (дата обращения 20.04.2020).

имеет никакого отношения к футболу), сравнивали Москву и Санкт-Петербург с полными органами, открыто оскорбляя жителей обоих городов, в частности, рассуждая, почему петербуржцы справляют естественные надобности в подъездах¹³¹¹.

Во-вторых, профессиональный спорт бывает не только легальным, но и нелегальным, причем этот нелегальный его сектор может быть не только незаконным (не урегулированным нормами законодательства), но и криминальным (например, бои без правил с летальным исходом или состязания, связанные с жестоким обращением с животными). Нелегальный профессиональный спорт в целом и его отдельный сегмент – криминальный спорт – требуют самостоятельного изучения.

В-третьих, профессиональные спортсмены составляют отдельную социальную страту с характеристиками, которые при определенных условиях обладают высоким криминогенным потенциалом. Личности профессиональных спортсменов в настоящее время обладают большой притягательной силой (не случайно их образы активно эксплуатируют в рекламной деятельности), поэтому совершенные ими преступления имеют большой общественный резонанс. Таким образом, профессиональный спорт включает в себя самостоятельный феномен – «преступность среди спортсменов».

В-четвертых, как уже отмечалось, сами спортсмены могут становиться жертвами самых разных преступлений от принуждения к употреблению допинга до сексуальных домогательств.

В-пятых, в сфере спорта совершается множество коррупционных и иных преступлений, к которым причастны владельцы профессиональных спортивных клубов, спортивные менеджеры, тренеры, арбитры, обслуживающий персонал, болельщики. Все это образует такое явление как «преступность в сфере профессионального спорта».

В-шестых, профессиональный спорт – это индустрия, в которой во всем мире заняты десятки миллионов человек¹³¹². В России в перечень видов экономической деятельности включена деятельность по содействию и подготовке спортивных мероприятий, – деятельность самостоятельных спортсменов и атлетов, судей, хронометражистов, инструкторов, преподавателей, тренеров, спортивных школ и школ спортивных игр, – деятельность конюшен скаковых и беговых лошадей, псарен и т.д.¹³¹³ Профессиональный спорт охватывает систему общественных отношений: спортивных, спортивно-трудовых, экономических, предпринимательских, налоговых, финансовых, договорных, административных¹³¹⁴. При этом для этой индустрии могут быть установлены налоговые льготы, а в условиях глобализации спортивная индустрия легко преодолевает национальные границы и данные обстоятельства являются привлекательным для организованной преступности.

В-седьмых, профессиональный спорт (прежде всего спорт высоких достижений) – это сфера международной политики и здесь проявляются элементы гибридной войны, мишенью которой определена Россия, а жертвами выступают профессиональные спортсмены высокого уровня.

Таким образом, *профессиональный спорт – это рыночная экономическая деятельность, связанная с организацией и проведением различных состязаний, с высокими криминогенными и виктимогенными рисками.*

Криминализация общественных отношений в сфере профессионального спорта. Криминализацию общественных отношений (криминологическую криминализацию) следует отличать от уголовно-правовой криминализации – процесса выявления общественно опасных форм поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых¹³¹⁵. В самом общем виде криминологическая криминализация означает процесс проникновения преступности в ткань общественных отношений. В Основных положениях государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации говорится о криминализации как о явлении, которое выражается в: сращивании части чиновников государственных органов с организованной преступностью; возможности доступа криминальных структур к управлению определенной частью производства и их инфильтрации в различные властные структуры; расширении деятельности криминальных структур на внутреннем финансовом рынке, в сфере приватизации, экспортно-импортных операций и торговли¹³¹⁶. С научной точки зрения, *криминологическая криминализация представляет собой социально регрессивный эволюционный процесс, управляемый структурами организованной преступности, реализуемый противоправными средствами, создающий множество глобальных угроз и угроз национальной безопасности, нацеленный на получение сверхприбыли*¹³¹⁷.

В приведенном определении криминализации выделено, что ее главными действующими лицами выступают структуры организованной преступности. Это общемировой тренд, поскольку организация и осуществление спортивных мероприятий, позволяют получать сверхприбыли, а организованная преступность всегда устремляется именно туда, где открывается такая возможность.

По оценкам Интерпола, особенно заметно влияние организованной преступности на такие виды профессионального спорта, как футбол, теннис, велогонки, крикет. Наиболее распространенными преступлениями являются организация договорных состязаний путем подкупа менеджеров, судей, тренеров и игроков,

¹³¹¹ См.: URL: https://www.youtube.com/watch?v=H4-bD6Ke_8M (дата обращения 20.04.2020).

¹³¹² Шевченко О.А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации в России. Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2014. С. 5 (40 с.).

¹³¹³ Перечень видов экономической деятельности. – URL: <http://gsk.ru> (дата обращения 20.04.2020).

¹³¹⁴ Понкин И.В., Понкина А.И. К вопросу о содержании понятия «профессиональный спорт» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 9. С. 24 – 28.

¹³¹⁵ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского национального университета, 2012. 142 с.

¹³¹⁶ Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 18. Ст. 2117.

¹³¹⁷ Клейменов И.М. Криминализация общественных отношений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3 (36). С. 200-208.

манипулирование ставками и иные виды мошенничества в игорном спортивном бизнесе, производство, хранение, транспортировка и сбыт допинговых субстанций¹³¹⁸.

Российская организованная преступность организует получение сверхприбыли по следующим направлениям, связанным с профессиональным спортом:

1. Строительство спортивных сооружений. Яркой иллюстрацией этого является строительство 12 стадионов к ЧМ-18 по футболу. На их возведение потратили 248 млрд рублей. При этом затраты во всех случаях превысили первоначальную сметную стоимость, а содержание 10 из них будет убыточным¹³¹⁹. Иными словами, задача заключалась не в том, чтобы создать спортивную инфраструктуру, обеспечить оптимизацию условий для тренировочного процесса и проведения соревнований международного уровня, и попутно – повышение качества жизни для населения городов, где строились спортивные объекты. Задача состояла в том, чтобы «освоить» выделенные средства, притом совершенно не заботясь о качестве строительства. На стадионе в Волгограде успели провести только четыре матча, прежде чем он был выведен из строя обильными дождями; ливни размывали набережную, которая вела к стадиону в Нижнем Новгороде. По всей видимости, строительные организации, получившие выгодные подряды в этих городах, не подозревали, что там возможно выпадение осадков¹³²⁰. Совершенно абсурдна ситуация со строительством стадиона на 45 тыс. зрителей в Саранске – городе с населением в 348 тыс. человек. Для всех экспертов, которые анализировали ситуацию со строительством сооружений к ЧМ-18, очевидна коррупционная составляющая, которая состоит в том, что распределение средств на подготовку чемпионата изначально проходило непрозрачно. Средства были переданы конкретным крупным генподрядчикам, входящим в высокие коридоры власти. В дальнейшем перераспределение средств через субподрядчиков также проходило непрозрачно. То есть изначально оценку, сколько необходимо потратить, проводили те же самые лица, которые и выполняли эти подряды. Это хорошо объясняет огромную сумму затраченных средств¹³²¹.

2. Криминализация *финансовых отношений* в профессиональном спорте связана, во-первых, с получением налоговых и таможенных льгот. Так, в свое время значительный общественный резонанс вызвала деятельность Национального фонда спорта (НФС), созданного в 1992 г. для поддержки российского спорта и российских спортсменов, которые в новых рыночных условиях действительно оказались в крайне тяжелом положении. НФС был создан в 1992 году по инициативе Шамиля Тарпищева (личного тренера Б. Ельцина по теннису). Его руководителем вначале был сам Тарпищев, а затем, (когда его назначили министром по физической

культуре и спорту) новым президентом НФС стал 33-летний бизнесмен Б. Федоров. НФС получил значительные таможенные и налоговые льготы, в частности ему было разрешено практически беспошлинно ввозить в страну алкогольную продукцию и сигареты, а также не платить налоги со своих сверхприбылей. В результате, как установило расследование, проведенное руководителем отдела «П» (Правительство) Службы безопасности Президента (СБП) В. Стрелецким¹³²² только за два года НФС получил прибыль в 1 миллиард 800 миллионов долларов США. «Эти деньги разворовывались, – говорит В. Стрелецкий, – Только незначительные суммы шли на поддержку спорта. Федоров и его друзья сколотили огромные состояния за счет государственного бюджета. Часть денег НФС ушла на необоснованные кредиты различным коммерческим структурам. Федоров создал около восьмидесяти коммерческих предприятий вокруг НФС и распределял все поступившие деньги между ними. В конечном счете мы не смогли отыскать никаких денег в этих коммерческих структурах. Они ушли дальше по цепочке»¹³²³.

В настоящее время налоговые льготы имеет благотворительный фонд «Искусство, наука и спорт» основанный в 2006 году российским предпринимателем и меценатом Алишером Усмановым в целях поддержки общественно значимых инициатив в области культуры, искусства и спорта, а также научно-образовательных и социальных проектов на территории Российской Федерации. Он включен в Перечень российских организаций, получаемые налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению¹³²⁴.

Во-вторых, деятельность спортивных фондов связана с отмыванием грязных денег. Здесь привлекают внимание покупка спортивных клубов и команд на средства, полученные преступным путем с целью повышения своего социального статуса и получения доступа к лицам, принимающим важные решения; криминальные трансферты с использованием «откатных» схем; финансирование федераций клубов и состязаний на условиях получения выгодных контрактов; фальсификация бухгалтерских документов; инвестиции в зарубежный спорт и др.¹³²⁵ Новейшая история представляет любопытные аналогии для обобщений. Например, успехи и поражения владикавказского футбольного клуба «Алания» интересно сопоставить с динамикой контрабанды турецкого спирта через Грузию и Северную Осетию¹³²⁶.

¹³²² Стрелецкий В. Мракобесие. М.: Детектив-Пресс, 1998. 336 с.

¹³²³ Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 229-230 (384 с.); Максимов А. Бандиты в белых воротничках (как разворовывали Россию). М., 2001. С. 32 – 54. (480 с.)

¹³²⁴ Постановление Правительства РФ от 15.07.2009 N 602 (ред. от 12.04.2018) "Об утверждении перечня российских организаций, получаемые налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению" // СЗ. 2009. № 30. Ст. 3815; СЗ. 2018. № 17. Ст. 2486.

¹³²⁵ Песков А.Н. Отмывание "грязных" денег и криминальная благотворительность в сфере профессионального спорта // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. 2014. № 13. С. 40-52.

¹³²⁶ Мамин К. Алкогольные войны в Северной Осетии. URL: <http://www.kavkaz.versia.ru>.

¹³¹⁸ Integrity in Sport. - URL: <http://www.interpol.int/Crime-areas/Crimes-in-sport>. (дата обращения 20.04.2020).

¹³¹⁹ Бюджеты стадионов. Сколько Россия отдала за арены ЧМ-18? – URL: <http://www.soccer.ru/blogs/record/1046708> (дата обращения 20.04.2020).

¹³²⁰ Стадион уходит в реку. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3689664> (дата обращения 20.04.2020).

¹³²¹ ЧМ-2016 – куда ушли рекордные 880 миллиардов? – URL: <http://www.pasmi.ru> (дата обращения 20.04.2020).

В России в настоящее время множество спортивных фондов различного уровня: федерального, регионального, муниципального. Например: «Фонд Спорт», «Спорт – детям», «Фонд поддержки спортивных инициатив», «Военно-спортивный фонд», «Спорт для жизни», «Фонд Бучина», «Фонд Елены Исимбаевой», «Фонд Антона Шипулина», «Фонд Николая Валуева» и др. Как правило, в попечительские советы этих фондов входят солидные бизнесмены. С криминологической точки зрения спортивные фонды характеризует общая деталь: их деятельность совершенно непрозрачна для общественности, о чем свидетельствует анализ информации, представленной на соответствующих сайтах. Что же касается данных официального аудита, то сведения о них практически не публикуются.

Криминализация *договорных отношений* выражается в баснословных гонорах некоторых спортсменов и тренеров, тем более, что в некоторых сферах спорта они результатами далеко не блещут. Не случайно депутат Государственной Думы, бывший член исполкома Российского футбольного союза предложил уменьшить многомиллионные контракты футболистам на 30-50%, а деньги направить на поддержку отечественного здравоохранения¹³²⁷. В ответ главный тренер ФК «Локомотив» Ю. Семин заявил, что игроки его клуба отказываются идти на понижение окладов, несмотря на приостановку чемпионата из-за пандемии коронавируса и предложил снизить зарплату депутатам¹³²⁸.

Криминализация *административных разрешительных отношений*, усматривается в сфере игорного бизнеса, когда карточные игры признаются спортом (спортивный бридж), отсутствию надлежащего контроля за деятельностью букмекерских контор и тотализаторов, легализации интерактивных ставок¹³²⁹.

В России процесс криминализации сферы спорта происходил при участии самих спортсменов. «Постперестроечный период, – пишет социолог О.В. Крыштановская, – ознаменован появлением структур нового типа. Один из известных российских мафиози назвал подобный феномен «организованной спортивностью». Этот термин достаточно точно отражает существо дела. СССР был спортивной державой. Только армия мастеров спорта исчислялась десятками тысяч. Бывшие спортсмены явились серьезной базой для пополнения нелегальных силовых структур. Особое внимание уделяется атлетам, которые занимались спортивными единоборствами – борцам, боксерам и т. д. Ныне многие спортивные клубы являются «офисами» мафиозных групп, местом их регулярных встреч. Любовь к спорту стала как бы знаком принадлежности к мафии. Мафия не просто нашла применение спортсменам, которых государственная система сделала маргиналами. Она начала бережно растить молодое пополнение, финансируя спортивные школы и клубы, организуя благотворительные фонды поддержки спортсменов. Первый такой фонд – Фонд имени Льва

¹³²⁷ Депутат Лебедев предложил пожертвовать на борьбу с вирусом зарплату футболистов. – URL: <http://www.newsru.com> (дата обращения 20.04.2020).

¹³²⁸ Тренер Юрий Семин предложил вместо футболистов снизить зарплату депутатам. – URL: <http://www.newsland.com> (дата обращения 20.04.2020).

¹³²⁹ Пешин Н.Л., Песков А.Н. Спорт и азартные игры (о некоторых проблемах государственного и правового регулирования) // Спорт: экономика, право, управление. 2015. № 4. С. 25 – 30.

Яшина был создан О. Квантришвили, который сам в прошлом был спортсменом»¹³³⁰. Убийство О. Квантришвили в апреле 1994 г. прервало начатое дело (А. Розенбаум на его многотысячных похоронах произнес слова: «Страна потеряла – я не побоюсь этого слова – лидера»¹³³¹), но тенденция развития «организованной спортивности» сохранилась.

В настоящее время главным бенефициаром сверхприбылей, получаемых в сфере спорта, является беловоротничковая организованная преступность. Исследователи ВНИИ МВД России характеризуют модель организованной преступности в виде «песочных часов», где, наряду с центром (руководящим ядром), куда входят «олигархи», функционеры политических движений и партий, видные журналисты и редакторы, уголовные авторитеты, выделяются также легальный («верхний») и скрытый («нижний») уровни. К «верхнему» уровню отнесены сегменты: финансовый, экономический, информационно-политический, детективно-охранный. «Нижний» уровень образуют криминализованные подконтрольные банки, коррумпированные представители власти и СМИ, «крышевые» подконтрольные предприятия, нелегальные силовые структуры. В отличие от традиционной организованной преступности (которая, как правило, действует подпольно) олигархическая модель стремится максимально себя легализовать, для чего задействует все возможности: законодательные, информационные, личные контакты и пр.¹³³²

Анализ криминализации общественных отношений в сфере спорта позволяет наметить актуальные направления уголовной политики.

Понятие уголовно-политической системы. Центральным звеном уголовной политики является уголовно-политическая система – комплекс взаимодействующих нормативно закрепленных подсистем (уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, административно-правовой, оперативно-розыскной, криминологической), созданных для эффективного ограничения преступности.

Следуя учению о правовой системе, легко представить уголовно-политическую систему в виде трех блоков: идеологического, законодательного и правоприменительного.

Идеология уголовной политики предполагает наличие теоретически обоснованной системы взглядов относительно ее целей, основных направлений реализации, содержания, форм и методов совершенствования и развития. Желательно ее доктринальное или концептуальное оформление. Концептуальное оформление должна иметь каждая из подсистем уголовной политики. Отсутствие доктрины или концепции уголовной политики, выраженной в нормативном правовом акте, не означает полного идеологического вакуума. Политики без идеологии не бывает. В том случае, когда цели уголовной политики четко не сформулированы, они часто

¹³³⁰ Крыштановская О. В. Нелегальные структуры в России // СОЦИС. 1995. №8. С. 96- 97.

¹³³¹ Ткаченко А. Судьба кикбоксинга в России // Новая Юность. 1994. №4. С. 117- 125.

¹³³² Гриб В.Г., Макиенко А.В. Организованная преступность и средства массовой информации. М.: ВНИИ МВД России, 1999. 152 с.

подменяются явными и латентными установками, вытекающими из взглядов и решений политических руководителей государства. Эти взгляды могут быть светскими и религиозными, просвещенными и архаичными, независимыми и сервильными (раболепными, угодливыми). Нетрудно установить их общую направленность, которая и выражает идеологию уголовной политики. К идеологии примыкает теория уголовной политики, которая может иметь более или менее развернутое научное обоснование.

Законодательный блок уголовной политики включает нормативные правовые акты пяти отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного, оперативно-розыскного. Их форма и содержание определяется правовой системой государства. Криминология не является отраслью права, хотя наличие криминологического законодательства сомнения не вызывает¹³³³.

Правоприменительный аспект уголовной политики выражается в специальном предупреждении преступлений, административно-правовом пресечении правонарушений, оперативно-следственной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, деятельности судов по назначению наказаний за совершенные правонарушения, практике исполнения наказаний, контроле за поведением лиц, освобожденных от наказания, их социальной адаптации.

При рассмотрении проблем уголовной политики в сфере противодействия преступности и криминализации в сфере профессионального спорта важно особо выделить взаимосвязь криминологии, уголовного права и уголовной политики. Их неразрывность означает реальное существование криминологического-правовых систем. Следующая триада представляет ее содержание:

1) криминологическая составляющая выражает глубину, широту и своеобразие криминологической мысли, которые определяются наличием научных школ и направлений, объемом и проблематикой криминологических исследований, криминологической насыщенностью социальной политики;

2) уголовно-правовая характеристика показывает место, значение и роль уголовного законодательства в борьбе с преступностью;

3) уголовно-политическая база получает раскрытие в трех блоках системы уголовной юстиции: полицейском (силовом), судебном и пенитенциарном, а также в основных направлениях борьбы с преступностью.

Данная триада ориентирует на определение конкретных рекомендаций по совершенствованию уголовной политики в рассматриваемой сфере.

Криминологическая экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Здесь показательным является опыт Республики Беларусь, в которой согласно статье 49¹ Закона от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» проводится

¹³³³ Шестаков Д. А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб., 2006. 561 с.

криминологическая экспертиза, в частности проектов законов, актов президента и ведомственных нормативно-правовых актов.

Необходимо отметить, что проекты нормативных правовых актов, направленные на регулирование общественных отношений в финансово-экономической сфере, в сферах государственной службы, судебной и правоохранительной деятельности, социальной защиты, здравоохранения, образования, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, подлежат обязательной криминологической экспертизе¹³³⁴.

О необходимости внедрения такого института в законотворческий процесс долгие годы пишут российские криминологи. Более того, А. И. Долговой уже более 10 лет тому назад разработан проект Федерального закона «О криминологической экспертизе», который так и не был принят¹³³⁵.

Представляется, что точки зрения криминологической экспертизы требует оценки Федеральный закон от 11 августа 1995 г. 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», поскольку в нем не предусмотрены механизмы предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых под прикрытием благотворительной деятельности, в том числе в сфере спорта. Между тем, как показывает следственная практика благодаря возможности легально привлекать и в дальнейшем сосредотачивать значительные денежные средства благотворительные организации стали эффективным инструментом хищения бюджетных средств, позволяющим «отмывать» грязные деньги, прикрывать существование «общак», осуществлять иные финансовые нарушения¹³³⁶.

Нуждается в криминологической экспертизе глава 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации «Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров», в особенности статьи 348.4 «Временный перевод спортсмена к другому работодателю» поскольку трансферты спортсменов часто связаны с коррупционными сделками («откатами»). Кроме того, здесь спортсмен может быть поставлен просто в положение раба, которого один хозяин покупает у другого. Не случайно Пленум Верховного Суда РФ специально указал, что «Такой перевод может быть осуществлен по согласованию между работодателями и с письменного согласия спортсмена. При отказе спортсмена от временного перевода к другому работодателю продолжает действовать заключенный трудовой договор, в силу которого работодатель обязан обеспечить участие спортсмена в тренировочных и других мероприятиях по подготовке к спортивным соревнованиям»¹³³⁷.

¹³³⁴ О нормативных правовых актах Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения 20.04.2020). ; О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь : указ Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 // Там же.

¹³³⁵ Проект Федерального закона «О криминологической экспертизе». – URL: <http://www.crimas.ru> (дата обращения 20.04.2020).

¹³³⁶ Жердева Н.И. Преступления, совершаемые под видом благотворительной деятельности // Российский следователь. 2005. № 5. С. 27-33.

¹³³⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // Российская газета. 2015. 30 нояб.

Криминологический мониторинг. Криминологический мониторинг представляет собой систему регулярного (с заданной периодичностью) сбора информации о криминологической обстановке, ее анализа, оценки и прогнозирования с использованием заранее выбранных индикаторов за состоянием определенных процессов.

Представляется целесообразным предусмотреть осуществление криминологического мониторинга в сфере профессионального спорта. Вот некоторые сведения об актуальности этого направления уголовной политики:

- в апреле 2013 г. ФБР обвинило 35 профессиональных игроков в покер в отмыывании 100 млн. долларов, принадлежавших украинским и российским олигархам; организатором этой акции явился «крестный отец» российской спортивной мафии А. Тохтахунов («Тайванчик»);

- по данным ФБР Тохтахунов продолжает свою преступную деятельность, в частности, организовав сеть подпольных интернет-казино; все обвинения ФБР отвергает, проживает без всяких проблем в Москве недалеко от Кремля;

- некоторые спортсмены ФК «Зенит» принимали участие в реализации схем по отмыыванию денег тамбовского преступного сообщества;

- в сентябре 2011 г. осужден спортивный директор ФК «Рубин» Р. Сайманов за организацию банды и убийство серых человек;

- руководитель измайловской ОПГ, бывший спецназовец А. Малевский явился спонсором парашютного спорта. В его честь и сейчас проводятся состязания спортсменов-парашютистов: чемпионат Европы и Кубок мира¹³³⁸. По официальной версии он погиб в ЮАР во время неудачного прыжка с парашютом; западные спецслужбы утверждают, что криминального авторитета просто выбросили из самолета¹³³⁹.

Отсюда видно, что в поле зрения криминологического мониторинга в рассматриваемом направлении должны находиться:

- участие в руководстве спортивных объединений (лиг, федераций, клубов, команд и др.) представителей криминалитета;

- деловые и иные связи выдающихся спортсменов и представителей криминального общества;

- выявление бенефициаров строительства спортивных сооружений и организации состязаний; оценка полученных ими сверхприбылей;

- контакты и совместные проекты легального и криминального бизнеса;

- принадлежность спортсменов организованной преступности;

- обобщение положительного зарубежного опыта по противодействию правонарушениям и обращения с правонарушителями в сфере спорта; создание

условий для внедрения передового опыта организации профилактической деятельности; оптимизацию криминологического планирования.

Отдельного внимания заслуживает организация работы с болельщиками и их объединениями, что требует осуществления аналитической разведки и тактического криминологического прогнозирования. В частности, в составе МВД Великобритании создана Национальная футбольная разведывательная служба (на базе криминальной разведки), на которую возложены оперативная работа с фанатами, ведение картотеки футбольных правонарушителей и выполнение судебных решений о запрете на посещение футбольных матчей¹³⁴⁰.

Уголовно-правовое реагирование. По мнению В.В. Сараева наблюдается дефицит средств уголовно-правового реагирования на криминальную ситуацию в сфере спорта: «Уголовная политика в сфере физической культуры и спорта полностью отсутствует. Следственная и судебная практика по борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности сталкивается с трудностями, вызванными уголовно-правовой квалификацией преступлений в спорте или существованием некриминализованных, но явно общественно опасных посягательств с наступлением общественно вредных последствий. Достаточный круг общественно опасных, но некриминализованных деяний непосредственно связан с понятием преступления (статья 14 УК РФ) и принципом уголовной противоправности, отсутствие которой компенсируется в спорте де-факто введением спортивных дисциплинарных и спортивных корпоративных санкций (например, в Российском футбольном союзе, Континентальной хоккейной лиге)»¹³⁴¹. Однако, думается, что дело не в дефиците правовых средств, а в боязни правоохранительных органов применять уголовный закон в сфере профессионального спорта. Достаточно сказать, что ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», ни разу не применялась как будто в России отсутствует практика проведения договорных матчей». Не применяются и антидопинговые нормы: статья 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и статья 230.2. Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. По всей видимости, профессиональный спорт находится под таким плотным покровительством организованной преступности, что у сотрудников правоохранительных органов не хватает смелости осуществлять соответствующие разработки: слишком высоки риски при заведомо проблематичных результатах. К сожалению, в их рядах нет, кого можно назвать комиссаром Коррадо Каттани из знаменитого итальянского сериала «Спрут».

¹³³⁸ Песков А.Н. Отмыывание "грязных" денег и криминальная благотворительность в сфере профессионального спорта // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. 2014. № 13. С. 40-52.

¹³³⁹ ФБР и Интерпол раскрыли гибель лидера измайловских Малевского. – URL: <http://www.comproamat.group> (дата обращения 20.04.2020).

¹³⁴⁰ Песков А.Н. Международная практика борьбы с криминальным фанатизмом // Спорт: экономика, право, управление. 2013. № 3. С. 21.

¹³⁴¹ Сараев В.В. Законодательное обеспечение борьбы с договорными матчами: теория и практика // Спорт: экономика, право, управление. 2012. № 2. С. 10.

§ 5. Противодействие организованной преступности в сфере спорта как историко-правовая проблема¹³⁴²

Система организованной преступности в нашей стране сформировалась значительно позднее, чем в Америке и странах Западной Европы. Поскольку целью организованной преступной деятельности, как отмечается в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, всегда является извлечение материальной выгоды, прямо или косвенно, то и развитие организованной преступности напрямую связано с действием механизмов рынка: со сменой типов экономики, как это произошло в 90-е годы XX в. в России (с командной социалистической на рыночную), или с серьезными потрясениями системы товарообмена и товарораспределения – например, при введении так называемого «сухого закона» в начале XX в. в США. История продемонстрировала нам, что организованная преступность, в отличие от стандартной, общеуголовной преступности, имеет ярко выраженную геополитическую специфику и никоим образом не «импортируется» извне, а выступает продуктом специализации криминальной системы в любой точке мира. И во всяком случае, такая специализация не может произойти в отдельно взятой стране ранее того момента, как там сформируется капиталистическая рыночная экономика либо же если экономическая система, уже сложившаяся как рыночная, подвергнется насильственному реформированию.

Именно тесная связь организованной преступности с экономикой обусловила повышенный интерес криминальных объединений к сфере спорта, в которой вращаются огромные материальные средства. Так, например, на подготовку к Чемпионату мира по футболу 2018 г. было потрачено 1,2 трлн. рублей, и 630 млрд. рублей из этой суммы составили вложения в строительство и реконструкцию стадионов и аэропортов¹³⁴³. В 2010 г. Южная Африка потратила на Чемпионат мира 6 млрд. долларов, в 2014 г. Бразилия – более чем 11 млрд. долларов.¹³⁴⁴ Необычайно щедрое финансирование таких мероприятий мирового уровня создает соблазн необоснованного завышения цен при строительстве объектов спортивного назначения, условия расхищения денежных средств, получения откатов и т.п.

Начиная с середины 90-х годов XX в. Россия участвует в трансфере футболистов-легионеров, и эксперты оценивали суммарную стоимость всех игроков Российской футбольной Премьер-Лиги в 2006 г. в 290 млн. евро, а к 2008 г. почти в 600 млн. евро¹³⁴⁵, и эти значения с каждым годом все растут.

¹³⁴² Данный параграф выполнен Е.В. Топильской при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

¹³⁴³ См.: Деготькова И., Докучаев Д. Миллиарды на мундиаль: стоимость ЧМ 2018 подсчитали эксперты // МК.RU, 05 июня 2018 г. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/06/05/milliardy-na-mundial-stoimost-chm-2018-podschitali-eksperty.html> (дата обращения 20.04.2020).

¹³⁴⁴ Там же.

¹³⁴⁵ См.: Францев А. Импортзамещение в футболе. Как лимит на легионеров влияет на зарплаты российских игроков // Forbes, 29 июля 2017 г. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/350601-importozameshchenie-v-futbole-kak-vliyayut-inostrannye-igroki-na-zarplaty-rossiyskih> (дата обращения 10.04.2020).

Сама специфика спортивной сферы, замешенной на азарте игроков и наблюдателей, к тому же – на азарте, получающем денежное выражение, сделала эту область человеческой деятельности чрезвычайно виктимологически привлекательной. А поскольку для организованной преступности, в отличие от конгломерата стихийных корыстно-насильственных криминальных проявлений, наибольший интерес представляют объекты, годные для длительного, систематического извлечения преступной прибыли, а не для разового захвата и конечного использования, спортивная сфера, насыщенная именно такими объектами, стала для этого вида преступности питательной средой. Таким образом, история организованной преступности в сфере спорта, равно как и юридических форм реагирования на нее, начинается не ранее периода внедрения в России базовых институтов рыночной экономики, то есть не ранее начала 90-х годов XX в., когда правительством Е. Гайдара была отменена монополия государства на внешнюю торговлю, введена свобода ценообразования и торговли, началось свободное хождение конвертируемой валюты, и государство приступило к приватизации хозяйственных объектов.

По понятным причинам, до этого периода отечественное законодательство, как уголовное, так и прочие его отрасли, не могло содержать норм, регулирующих именно те процессы, которые впоследствии будут использоваться организованной преступностью для извлечения незаконных доходов. Так, не могло идти речи о правовом регулировании частного букмекерства, трансфера игроков в командных спортивных играх, организации частными лицами спортивных мероприятий. Более того, в Уголовном кодексе РСФСР существовала ст.162 (и аналогичные ей статьи в уголовных кодексах других союзных республик), которая устанавливала уголовную ответственность за занятие запрещенным промыслом. Надо отметить, однако, что с 1921 г. в СССР существовал легальный тотализатор на ипподромах, который функционировал в течение всего советского периода и облагался соответствующим налогом, но представить частные букмекерские конторы, действующие на законных основаниях, было невозможно.

Перечень видов деятельности, запрещенных на всей территории Советского Союза, был установлен, в последней советской редакции, в Положении о кустарно-ремесленных промыслах граждан. Согласно п/п «и» п.3 этого Положения, к запрещенному промыслу относилась деятельность граждан по оказанию платных бытовых услуг в виде содержания игорных заведений, всяких аттракционов и организации зрелищных мероприятий¹³⁴⁶. Исходя из текста названного нормативного акта, занятие такими видами деятельности могло «нанести ущерб интересам общества»¹³⁴⁷. Однако в некоторых публикациях в прессе и социальных сетях можно найти свидетельства о том, что в 70-е годы XX в. в СССР существовал «подпольный тотализатор на футбольные матчи»¹³⁴⁸, ставки в котором начинались от тысячи

¹³⁴⁶ См.: Положение о кустарно-ремесленных промыслах граждан. Утв. Пост. Совета Министров СССР от 3 мая 1976 г. № 283//СП СССР, 1976, №7, ст.39 (утратило силу).

¹³⁴⁷ Там же.

¹³⁴⁸ См., напр.: Мы меняемся. – ЖЖ. – URL: <https://troitsa1.livejournal.com/2036213.html> (дата

рублей (эта сумма составляла 7-8 средних месячных зарплат в Советском Союзе). Очевидцы утверждали, что «в СССР букмекерских контор не было, но в подпольном тотализаторе крутились такие деньги, что можно было бы еще одну высшую лигу содержать»¹³⁴⁹. Но занимались этим промыслом отдельные лица, еще не являвшиеся элементами организованной преступности, а только ее предтечей, поскольку, даже если они объединялись в преступные группы, эти группы не обладали необходимыми криминологическими признаками новой, высшей формы преступной активности. В частности, в 70-е годы XX в. такие группы еще не срачивались с властными и правоохранительными структурами, и не имели механизма принуждения в виде насилия или административного ресурса. В конце же 1980-х годов, по свидетельству современников, стали появляться также подпольные тотализаторы, концентрировавшиеся вокруг ипподромов¹³⁵⁰. Лица, создававшие такие тотализаторы, представляли собой разветвленную сеть, и образованные ими группы были гораздо ближе по своей сути к организованной преступности. Именно в этот период в истории нашей страны, по мнению ведущих специалистов-криминологов, стала формироваться отечественная «мафия». Одним из первых констатировал зарождение в нашей стране организованной преступности научный сотрудник со стажем оперативной работы – А.И. Гуров, в публицистическом материале – интервью «Лев прыгнул!», увидевшем свет в 1988 г.¹³⁵¹

Тем временем в зарубежных странах с длительным опытом рыночной экономики уже имелся столь же длительный опыт извлечения доходов частными лицами (не государственными предприятиями) из финансовых операций и оказания услуг, связанных со спортом, и значительная часть этих операций осуществлялась в криминальном пространстве. Интернациональность, трансграничность спорта стала еще одним обстоятельством, облегчившим экспансию организованной преступности в сферу спорта в нашей стране, так как одним из главных признаков современной организованной преступности является ее транснациональный характер. Вместе с легальными рыночными институтами в нашу социально-экономическую жизнь стали проникать криминальные схемы, выстроившие в итоге теневую спортивную экономику.

Говоря об исторической ретроспективе развития организованной преступности в спорте, нельзя не упомянуть массовое вовлечение спортсменов в организованные преступные группировки на ранних этапах формирования системы организованной преступности в России. Как указывает М.П. Клейменов, именно «спортсмены явились той социальной группой, которая оказалась наиболее подготовленной (физически и психологически) к деятельности в новых условиях – когда

обращения 20.04.2020).

¹³⁴⁹ Микулик С. Тотализатор для чемпиона. 25 лет назад завершился последний чемпионат СССР // Советский спорт, 02 ноября 2016 г. – URL: <https://www.sovsport.ru/football/articles/936888-totalizator-dlja-chempiona-25-let-nazad-zavershilsja-poslednij-chempionat-sssr> – (дата обращения 20.04.2020).

¹³⁵⁰ Сергеев М. Ставки на спорт в СССР // ПростоПроСпорт, 19 июля 2019 г. – URL: <https://prostoprosport.ru/pps/glossarij/history/news-stavki-na-sport-v-sssr/>. – (дата обращения 18.04.2020).

¹³⁵¹ Щечокхин Ю. Лев прыгнул! // Литературная газета, 20 июля 1988 г.

социальный контроль был серьезно ослаблен в угоду “рыночной” идеологии»¹³⁵². В силу наличия соответствующей физической подготовки, командного духа, лидерских качеств у многих, спортсмены были охотно рекрутированы организованной преступностью в качестве исполнителей силовых акций, и даже в качестве руководителей криминальных подразделений¹³⁵³.

Но несмотря на стремительно растущий интерес криминальных кругов к извлечению незаконных доходов в такой области человеческой деятельности как спорт, организованная преступность в сфере спорта достаточно долго недооценивалась не только на национальном, но и на международном уровне, в связи с чем вопросы противодействия ей не получали адекватного юридического осмысления. Несмотря на то, что перечень криминальных интересов организованной преступности постоянно корректировался и дополнялся, начиная с середины 1990-х годов, когда Организацией Объединенных Наций были начаты мероприятия по подготовке Конвенции против транснациональной организованной преступности, на базе Неапольской политической декларации и Глобального плана действий против организованной транснациональной преступности, в ходе заседаний экспертных групп, а также совещаний и семинаров на уровне министров, – спорт, тем не менее, вплоть до подписания в 2000 году Палермской Конвенции ООН, не назывался значимой сферой извлечения организованной преступностью незаконных доходов, в отличие от, например, незаконного оборота оружия, наркотрафика, торговли людьми. Но указанная Конвенция все же определяла стандарты сотрудничества государств в борьбе с организованной преступностью, что давало ее участникам необходимые инструменты для такой борьбы в принципе, равно как и другие международные договоры, которые косвенно могли относиться к противодействию организованной преступности в сфере спорта. Это, например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Конвенция о психотропных веществах 1971 г., Протокол 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., и т.д.

Следует отметить, что одним из первых международных документов, направленных непосредственно на борьбу с преступностью в сфере спорта, стала Европейская конвенция 1985 г. о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей. Несмотря на то, что на первый взгляд, эта конвенция не относится напрямую к противодействию организованной преступности, в действительности криминологи склонны рассматривать группировки болельщиков как структурный элемент национальной и транснациональной организованной преступности. В этом контексте нельзя не упомянуть так называемых «ультрас» – членов мощных фанатских

¹³⁵² Клейменов М.П. Тенденции развития преступности в сфере спорта // Вестник Омского Университета : Серия «Право», 2013. – № 1. – С. 202.

¹³⁵³ См., напр.: Белецкий В.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности среди спортсменов. – Дисс... канд. юрид. наук. – Омск, 1996.

группировок, поначалу получивших распространение во многих европейских странах, а в настоящее время уже и в странах Африки, Азии и в Австралии; они оказывают влияние на политику спортивных клубов, имеют коммерческие интересы, связанные с клубами, за которые они болеют. Значительное место среди радикально настроенных фанатских группировок занимают также «фирмы» – агрессивные объединения с высоким уровнем организации, с отлаженными связями, иногда с националистической направленностью. Есть данные, что такие группировки могут использоваться организованной преступностью как инструмент устрашения, физического принуждения. Соответственно, упорядочение правового регулирования поведения болельщиков является фактором снижения уровня организованной преступности в спорте. В Российской Федерации обеспечение безопасности при проведении спортивных зрелищных мероприятий регулируется в первую очередь законодательством об административных правонарушениях, а также Уголовным кодексом, и в течение нескольких лет разрабатывается этический кодекс болельщиков.

В числе важных интернациональных документов, направленных на противодействие организованной преступности в спорте, особое место заняли разработанная ЮНЕСКО Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте, принятая в 2005 г.¹³⁵⁴, а также Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями¹³⁵⁵. В последнем документе делается прямая отсылка к тому обстоятельству, что манипулирование спортивными соревнованиями как трансграничное явление связано с организованной преступной деятельностью¹³⁵⁶. То есть только в XXI веке международное сообщество продемонстрировало понимание серьезности угрозы, которую организованная преступность несет спорту.

В 2013 г. Европол обнародовал результаты расследования, в ходе которого были выявлены 380 «договорных» матча в Европе и около 300 – в других странах¹³⁵⁷. Европейская полиция установила факт организации таких состязаний не отдельными лицами, а криминальным синдикатом, который дислоцировался в Азии и находился на связи с преступными группами в Европе, то есть были добыты доказательства организованной преступной деятельности, и того, что в результате такой деятельности была получена незаконная финансовая выгода в виде чистой прибыли в размере 8 млн. евро¹³⁵⁸.

¹³⁵⁴ См.: ООН. Официальный сайт. – Конвенции и соглашения. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/doping_in_sport.shtml. – (дата обращения 25.03.2020).

¹³⁵⁵ Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями. – URL: <http://static.government.ru/media/files/txGM0dVfJno.pdf> (дата обращения 25.03.2020).

¹³⁵⁶ Там же.

¹³⁵⁷ Тяпков М. Европол выявил 680 договорных матчей по всему миру // Чемпионат, 05 февраля 2013 г. – URL: <https://www.championat.com/football/article-3192889-schjot-dogovornjakov-poshjol-na-sotni.html> – (дата обращения 10.04.2020).

¹³⁵⁸ См.: Европол выявил сотни договорных матчей по всему миру // BBC News. Русская служба, 4 февраля 2013 г. – URL: https://www.bbc.com/russian/sport/2013/02/130204_europol_match_fixing – (дата обращения 10.04.2020).

Интерпол так же, как и Европол, располагает данными о том, что за организацией «договорных» матчей стоит организованная преступность; и представители этого учреждения, координирующего действия правоохранительных органов по всему миру, сетуют на то, что организация преступных схем в спорте наказывается менее сурово, чем торговля наркотиками¹³⁵⁹. Тут следует подчеркнуть, что преступные схемы в спорте теснейшим образом связаны с наркоторговлей. В 2014 г. Генеральный директор Всемирного допингового агентства (WADA) вынужден был признать, что преступные группировки так или иначе контролируют не менее 25% мирового спорта за счет организации договорных матчей, коррупционных сделок, распространения запрещенных препаратов¹³⁶⁰.

Российский законодатель при формировании новейшего уголовного права учел основные положения мирового опыта борьбы с коррупцией, с применением допинга и другими криминальными схемами в спорте, и ввел в УК РФ несколько запретов на совершение деяний, посягающих на институт «честной игры» (fair play), а также на экономические интересы государства. Речь идет в первую очередь о составе преступления, предусмотренного ст.184 УК РФ, об оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования. Кроме того, в 2016 г., после так называемого «допингового скандала», связанного с дискредитацией некоторых российских спортсменов и должностных лиц учреждений, осуществлявших в России допинговый контроль, в Уголовный кодекс были введены два состава преступлений, посягающих на здоровье населения и общественную нравственность (ст.230¹ и 230²). Однако по различным причинам, одни из которых связаны с несовершенством юридической техники при формулировании этих норм, другие – с дефектами правосознания населения и отсутствием критики к манипулированию результатами спортивных мероприятий и к использованию запрещенных в спорте субстанций и методов, уголовная ответственность за эти преступления не реализуется, несмотря на то, что криминологические исследования (равно как и вышеприведенные итоги межгосударственных полицейских расследований по поводу «договорных» матчей и употребления допинга) говорят о широком распространении их.

Таким образом, анализ юридического реагирования государства на проявления организованной преступной деятельности в сфере спорта позволяет сформулировать вывод о том, что недостаточность такого реагирования на использование криминальных схем в спорте связана с относительно недолгим периодом развития рыночной экономики в нашей стране. Для обоснованного правового реагирования на общественно опасные деяния необходимо накопление репрезентативного эмпирического материала, что даст возможность получить объективную социальную

¹³⁵⁹ Стародубцев А., Фукс С. Интерпол: организованная преступность стоит за организацией договорных матчей //ТАСС, 10 октября 2016 г. – URL: <https://tass.ru/sport/3691136> – (дата обращения 10.04.2020).

¹³⁶⁰ Генеральный директор ВАДА: «Организованная преступность – главная угроза для мирового спорта», 11 октября 2014 г. – Олимпийский комитет России. Официальный сайт. – URL:<https://olympic.ru/news/news/generalny-direktor-vada-organizovannaia-prestupnost-glavnaia-ugroza-dlia-mirovogo/> – (дата обращения 10.04.2020).

оценку реальной общественной опасности таких деяний. При этом эмпирический материал вполне может накапливаться в виде результатов социологических и криминологических исследований, и быть оценен с помощью механизмов изучения общественного мнения.

§ 6. Уголовная политика России в сфере спорта: уроки прошлого и современность¹³⁶¹

После Октябрьской революции 1917 года спорт, так же, как и другие сферы жизни, всегда находился под контролем государства. Первоочередной, если не главной целью развития спорта в это время было достижение политических целей в области создания эффективной системы обороноспособности государства и сбалансированного укрепления военно-прикладных резервов вооружённых сил действующей армии. Именно поэтому в 1918 году в стране была введена система всеобщего военного обучения (Всеобуч) – государственная программа, направленная на создание механизма подготовки мобилизационных резервов для рабоче-крестьянской Красной Армии средствами физической культуры и спорта¹³⁶². С этой целью было учреждено Главное управление Всеобуча, при котором затем в 1920 г. был создан Высший совет физической культуры. На него возлагались стратегическое управление научной, учебной и методической организации физического воспитания трудящихся. Впоследствии аналогичные советы начали работать во всех советских республиках. В дальнейшем Совет был преобразован во Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при СНК СССР (позже – Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР). И только в 1991 году Комитет был упразднен постановлением Государственного Совета СССР от 14 ноября 1991 г.¹³⁶³

13 июня 1925 года в Постановлении ЦК РКП(б) от «О задачах партии в области физической культуры» впервые были чётко определены идейная социалистическая направленность в сфере спорта и основные средства по развитию физкультурного движения, в которые входили культурно-просветительские работы, военная подготовка, морально-волевое воспитание, а также принятие содействующих мер по укреплению международного спортивного единства¹³⁶⁴.

¹³⁶¹ Данный параграф выполнен П.В. Цветковым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

¹³⁶² Чесноков А.Н. Российское законодательство о физической культуре и спорте: история и современность. – Автореф. дисс...канд. юр. наук. – М., 2007.

¹³⁶³ Постановление Государственного Совета СССР от 14 ноября 1991 года № 13 «Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР» – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013213&rdk=&backlink=1> ((дата обращения: 05.04.2020).

¹³⁶⁴ Зуев В. Н. Нормативно-правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта. СПб. – 2001. – С. 72.

Постепенно в СССР развивался культ спорта, чему во многом способствовало увеличение темпов роста производительности труда в промышленной сфере, индустриализация советского общества и необходимость популяризации здорового образа жизни. Именно в эти годы появляются первые спортивные общества, разрабатывается кодекс ГТО («Готов к труду и обороне»).

Обострение военно-кризисной ситуации в мире, осложнение межгосударственных отношений также не могли не отразиться на общественно-спортивной деятельности. К началу войны физическая культура и спорт признаются «делом первостепенной государственной важности»¹³⁶⁵, основополагающим инструментом по социалистическому переустройству всего народного хозяйства.

Стремительно развивающиеся боевые действия на фронтах Великой Отечественной войны требовали срочной и дополнительной мобилизации всех сил и ресурсов на победу. В связи с этим, успешное функционирование спортивно-комплексных учреждений и их структурных подразделений в соответствии с Указом СНК СССР «О работе физкультурных организаций по военной подготовке» становится приоритетным направлением в развитии как кадрового потенциала вооружённых сил государства, так и основ модернизации правоохранительной деятельности в сфере спорта в целом¹³⁶⁶.

В послевоенный период советское государство начинает разрабатывать и реализовывать проекты по форсированному и оперативному восстановлению национальной экономики и социальной инфраструктуры¹³⁶⁷, опираясь, в том числе, на физическую культуру и спорт. Постановление СНК СССР от 28 сентября 1945 года «Об оказании помощи комитетам по делам физической культуры и спорта и улучшении их работы» положило начало реализации мер по возобновлению и последующему совершенствованию системы подготовки спортивных резервов и обеспечению спортивного роста молодёжи¹³⁶⁸.

Последующая относительная стабилизация геополитического равновесия в области международных отношений, укрепление и поддержание оптимального уровня социально-психологического климата внутри государства оказали значительное влияние на положительную динамику развития общественного движения в сфере спорта. Важным шагом, способствующим признанию советской сборной на широкой спортивной и олимпийской площадке, стало вынесение решения о приёме Олимпийского комитета СССР в члены Международного олимпийского комитета в 1951 году.

¹³⁶⁵ Медведев С. А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве. – Дис. ... канд. юрид. наук. – Майкоп, 2006.

¹³⁶⁶ Зуев В.Н., Астафьев Н.В. Спортивное право в стратегии управления сферой физической культуры и спорта советского периода // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, – 2012. – № 3. – С. 239.

¹³⁶⁷ Алексеев С.Н. История регулирования физической культуры и спорта в СССР // Право и государство: теория и практика. Королев, – 2016. – № 6 (138). – С. 125.

¹³⁶⁸ Таран Л.А. Пропаганда физической культуры и спорта средствами спортивной атрибутики на территории Отечества в послевоенное время XX в. // Физическое воспитание студентов творческих специальностей. Харьков, – 2003. – № 3. – С. 57-58.

Советский Союз, ратифицируя Олимпийскую хартию, обязался оказывать содействие развитию олимпийского движения, физической культуры и спорта, расширению и укреплению международных спортивных связей, а также осуществлять контроль за физическим состоянием спортсменов, в том числе, за их выступлениями¹³⁶⁹.

Данный шаг положил начало развитию профессионального спорта или спорта высших достижений. Успешные выступления советских спортсменов на международных соревнованиях на протяжении ряда лет определили главенствующее направление государственно-правовой политики в сфере спорта – борьба за мировое лидерство по важнейшим видам спорта. К тому же презентация спортивного потенциала страны на международной арене превратилась в один из основных инструментов пропаганды преимуществ социалистического строя¹³⁷⁰.

Но неуклонное стремление продемонстрировать свои лучшие стороны на международных спортивных встречах обернулось конкурентной борьбой за высочайший результат посредством использования не всегда разрешённых и допустимых способов, иначе говоря, «допинга», под которым в правовой науке прошлого и современности понимается «употребление спортсменами лекарственных препаратов в целях искусственного и принудительного повышения уровня физической работоспособности в период соревновательной деятельности»¹³⁷¹.

В результате Международный олимпийский комитет, пытаясь противостоять растущему количеству выявленных случаев применения не в медицинских целях участниками соревнований психостимуляторов и различных биохимических препаратов во время проведения межнациональных спортивных мероприятий, принял Медицинский кодекс, в котором был закреплён перечень запрещённых классов веществ и методов употребления «допинга», а также порядок и условия наложения соответствующих санкций¹³⁷².

В свою очередь, Президиум ЦК КПСС совместно с Советом министров СССР, действуя в рамках требований, установленных международно-правовыми регламентами, был вынужден принять Постановление от 11 августа 1966 года «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта», в котором особое внимание уделяется продвижению спортивного воспитания в качестве активного средства воздействия на формирование морального и духовного облика советского общества, его всестороннего гармоничного развития и высокой

производительности труда, главным образом, с помощью сохранения и обеспечения крепкого физического и психического здоровья будущих спортсменов¹³⁷³.

Так, постепенно в СССР сформировался самостоятельный социальный институт, который развивался в рамках обязательной государственной программы для подготовки граждан к службе в армии, государственной деятельности в сфере образования, обязательной физической подготовки личного состава Вооружённых сил и правоохранительных органов. Одновременно в стране активно развивался спорт высоких достижений.

Социальные функции советского спорта также оказались востребованы и для исправления и перевоспитания лиц, совершивших общественно опасные деяния, в духе воспитания у них честного отношения к труду и уважения к правилам социалистического общежития, а также воспитания несовершеннолетних. Так, УК РСФСР 1960 г. в ст. 201 устанавливал ответственность за вовлечение несовершеннолетних в занятие азартными играми. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК РСФСР) 1970 г. содержал меры взыскания, применяемых к лицам, лишённым свободы, за нарушение требований режима отбывания наказания. В Кодексе предусматривалось разовое лишение несовершеннолетних осуждённых, содержащихся в воспитательных колониях, посещение кино, концерта, а также участия в спортивных играх. Кроме того, ИТК РСФСР содержал такие формы политико-воспитательной работы с лицами, лишёнными свободы, как культурно-массовые и физкультурно-спортивные работы¹³⁷⁴.

До 1981 г. в уголовном законодательстве советского периода практически не было ни одной статьи, устанавливающей ответственность за действия, непосредственно связанные со спортом. Но 11 ноября 1981 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ № 6/19 и № 6/24 «Об административной и уголовной ответственности за нарушение правил обучения каратэ» и внесение ст. № 219.1 в Уголовный Кодекс РСФСР — об уголовной ответственности за «незаконное обучение каратэ»¹³⁷⁵, которая действовала до 24 декабря 1991 г.¹³⁷⁶. Так, впервые был установлен уголовно-правовой запрет в сфере спорта, в частности, за нарушение установленных правил открытия секций спортивного каратэ или набора в них граждан, либо обучение в секциях приёмам, запрещённым спортивными правилами, а также самостоятельное, без разрешения соответствующих органов, обучение приёмам каратэ.

Таким образом, спорт, постепенно трансформировался из военно-политического инструмента в специфический и важный элемент системы ценностей

¹³⁶⁹ Ларшина Н.В. Спорт как отражение социокультурных трансформаций в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. Нижний Новгород, – 2004. – № 1 (3). – С. 221.

¹³⁷⁰ Меркис С.Р. Совершенствование механизма государственной поддержки спорта высших достижений в Российской Федерации – Выпускная квалификационная работа бакалавра. -Красноярск, 2019.

¹³⁷¹ Холопов А.В., Сумина В.В. Допинг в спорте // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2017. – Спецвыпуск №3. – URL <http://e-journal.omgau.ru/index.php/spetsvypusk-3/36-spets03/733-00318>. – ISSN 2413-4066 (дата обращения: 29.03.2020).

¹³⁷² Ищенко С. А. Принципы управления в сфере физической культуры и спорта российского и международного спортивного движения (административно-правовой аспект) // Общество и право. Краснодар, 2013. – №4 (46). – С. 214.

¹³⁷³ Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник документов (1965-1973 гг.). М., – 1973. – С. 396-399.

¹³⁷⁴ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 18 декабря 1970 года) // Ведомости ВС РСФСР. – 1970. – № 51 – ст. 1220.

¹³⁷⁵ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 ноября 1981 года «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1981. – № 45 – ст. 1517.

¹³⁷⁶ Закон РСФСР от 05.12.91 N 1982-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, об административных правонарушениях»// Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР – 1991 – N 52 – ст. 1867

общественной культуры, оказывавшийся под правовой защитой государства, и в то же время он применялся в качестве исправительного метода воздействия на лиц с делинквентным образом жизни и на их посткриминальное поведение.

Последующие периоды как мировой, так и отечественной истории спорта тесно связаны с достижениями научно-технического прогресса, которые внесли существенный вклад в процесс интернализации спорта. Расширение возможностей освещения актуальных спортивных событий посредством каналов массового информирования оказало значительное влияние на факторы капитализации зрительской заинтересованности и зрелищной привлекательности спорта. Но интрига от ожидаемых результатов и их непредсказуемость, характерные для любого вида соревновательной деятельности, сопровождалась распространением ставок частными лицами на спортивные и иные состязания. В результате Кодекс РСФСР об административных правонарушениях 1984 года был дополнен ст. 164.1, устанавливающей ответственность за участие в азартных играх на деньги, вещи и иные ценности, а равно принятие ставок частными лицами на спортивных и иных состязаниях¹³⁷⁷.

Изменения, произошедшие в стране в конце 80-х годов прошлого столетия, выявили несостоятельность сложившейся законодательной базы в сфере спорта.

В результате создание нового правового института вновь становится самостоятельным стратегическим направлением государственной политики в сфере спорта. Одним из первых конститутивных законодательных актов, направленных на установление общих принципов правового регулирования спортивных правоотношений, явились «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорта»¹³⁷⁸, определяющие не только условия для создания правовых гарантий для функционирования и развития спорта в Российской Федерации, но и меры превентивного и ресоциализирующего характера. Тем самым государство пыталось приспособить спорт к кардинальным реформам экономической системы. Но необходимость скорейшей интеграции России в мировое сообщество, сопровождающиеся значительной потерей контроля за происходящими внутри страны процессами, коренным образом повлияли на развитие спорта и всех его составляющих.

Изменения статуса спорта и неизбежный переход его становления и развития на экономическую основу предопределили возрастающую потребность не только в регулировании систематически формирующегося нового вида предпринимательской деятельности, но и охрану от возможных злоупотреблений в данной сфере мерами уголовно-правового характера¹³⁷⁹. Об этом свидетельствует появившаяся в УК РФ 1996 году ст. 184, предусматривающая уголовную ответственность за совершение подкупа участников, организаторов, профессиональных спортивных судей,

тренеров, руководителей команд и других специалистов, а также незаконного получения спортсменами денег, ценных бумаг или иного имущества, переданных им в целях оказания противоправного влияния на результаты спортивных соревнований.

Следует заметить, что на сегодняшний день в теории уголовного права уделяется повышенное внимание изучению вопросов, связанных с применением данной статьи, поскольку, как справедливо указывают многие специалисты, реальный уровень современной уголовно-правовой охраны общественных отношений в области спорта является незначительным и малоэффективным¹³⁸⁰. Несмотря на внесённые в 2013 году в название и диспозицию данной уголовно-правовой нормы изменения, остаются актуальными теоретико-правовые дискуссии, посвящённые, прежде всего, непосредственному объекту ст. 184 УК РФ и её расположению в структуре Уголовного кодекса РФ. Вопреки множеству неоднократно высказанных научных мнений по данной тематике, одной из фундаментальных точек зрения остаётся понимание объекта оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования в качестве общественных экономических отношений, соответствующие принципу добросовестной конкуренции субъектов предпринимательской деятельности, что основывается на размещении ст. 184 УК РФ в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Учитывая моральную и этическую составляющие спорта, представляется, что главной задачей государства в сфере спорта является создание гарантий спортсменам от их эксплуатации с целью получения заинтересованными лицами политической, коммерческой и финансовой выгоды, а потому, на наш взгляд, необоснованно считать спорт продуктом, реализуемым в процессе рыночного механизма. В этой связи заслуживает поддержки позиции авторов, которые под непосредственным объектом ст. 184 УК РФ понимают общественные отношения, обеспечивающие справедливость и объективность при подготовке, организации и проведении спортивных соревнований, а также общественную нравственность, которая предопределяется взаимными интересами участников и зрителей этих соревнований по удовлетворению, в первую очередь, социокультурных потребностей¹³⁸¹. Кроме того, следует признать целесообразным, отношение рассматриваемой нормы к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности.

Вопрос о применении и существовании ст. 184 УК РФ приобретает особую значимость в связи с тем, что Россия является участником Конвенции Совета

¹³⁷⁷ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 года № 3356-XI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР – 1986 – № 23 – ст. 638.

¹³⁷⁸ Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте (утв. Верховным Советом РФ 27 апреля 1993 № 4868-1) // Ведомости СНД и ВС РФ – 03.06.1993 – № 22 – ст. 784.

¹³⁷⁹ Бавсун М.В., Векленко В.В., Сараев В.В. Перспективы уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России // Журнал российского права. – 2011. – №3. – С. 15-16.

¹³⁸⁰ Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России. -Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Омск, 2009; Ермакова Я. А. Объекты оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования // Аграрное и земельное право. – 2017 – № 2 (146). – С. 93-94; Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. М., 2015. – Т. 2. – С. 231.

¹³⁸¹ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. – М., 2005; Изотов Д.Н. О месте подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований в системе Особенной части УК РФ // Бизнес в законе. – 2013. – № 3. – С. 32; Кротов А.О., Селивановская Ю.И. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ: оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса // Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов. – Казань, 2015. – С. 566.

Европы против манипулирования спортивными соревнованиями¹³⁸². В связи с чем был разработан План организации законопроектной работы Министерства спорта Российской Федерации на 2020 год для внесения изменений и дополнений в законодательство в сфере спорта¹³⁸³.

Но, возвращаясь к развитию уголовной политики в сфере спорта, необходимо заметить, что на протяжении долгого времени по-прежнему являлся и остаётся трудноразрешимым вопрос эффективного обеспечения контроля за использованием спортсменами искусственных медицинских стимуляторов своих физических способностей. Создание в 1999 г. Всемирного антидопингового агентства, учреждённого в качестве независимой организации, осуществляющей координированную борьбу с применением допинга в спорте, во многом определила направление развития средств и методов государствами-участниками мирового спортивного сообщества в разработке национальных антидопинговых программ.

В соответствии с международно-правовыми актами, в числе которых Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте¹³⁸⁴ и Всемирный антидопинговый кодекс¹³⁸⁵, предусматривающие санкции, применяемые к спортсменам, употребляющим запрещённые препараты («допинг»), в Российской Федерации были внесены изменения в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹³⁸⁶, в котором с последующими дополнениями устанавливаются правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области спорта, в том числе, определяются меры по предотвращению «допинга» и борьбе с ним. Кроме того, начала свою деятельность Российская национальная антидопинговая организация, целью которой является выявление и предупреждение нарушений этих правил на территории Российской Федерации. В 2015 году Министерством спорта РФ принят Приказ от 17 декабря 2015 г. № 194 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»¹³⁸⁷. Наконец, в 2016 г. разработаны и приняты Общероссийские антидопинговые правила¹³⁸⁸.

¹³⁸² Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями" (CETS N 215) (Заклочена в г. Маглингене 18.09.2014)//СПС Консультант Плюс

¹³⁸³ План организации законопроектной работы Министерства спорта Российской Федерации на 2020 год (утв. Минспортом России 03.02.2020) // Консультант Плюс

¹³⁸⁴ Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (Париж, 19 октября 2005 г.)// СЗ РФ. – 2007. – № 1 (ч. I). – Ст. 3.

¹³⁸⁵ Всемирный антидопинговый кодекс. Международный стандарт. Запрещенный список 2016 г. Является неотъемлемой частью Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте (Париж, 19 октября 2005 г.)// СПС Консультант Плюс

¹³⁸⁶ Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 31.03.2020).

¹³⁸⁷ Приказ Министерства спорта РФ от 17 декабря 2015 г. № 1194 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2016. 22 янв. – URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 31.03.2020).

¹³⁸⁸ Приказ Минспорта России от 09.08.2016 N 947 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил»// Сборник официальных документов и материалов Министерства спорта РФ N 8. – 2016

Таким образом, антидопинговая политика постепенно стала одним из основных приоритетных направлений уголовной политики в сфере спорта с начала 2000-х гг.

Первыми последствиями данной политики явились изменения административного права в части введения ст. 6.18 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушения требований об устранении допинга в спорте и борьбе с ним¹³⁸⁹, меры по предотвращению вреда, причиняемому здоровью спортсмена в ходе включения в его рацион допинг-добавок. Затем в 2016 году УК РФ был дополнен ст. ст. 230¹ и 230², предусматривающих ответственность лиц, склонивших спортсменов к использованию либо использовавших в отношении спортсмена субстанции и (или) методы, запрещённые для использования в спорте¹³⁹⁰. Но из-за неточности законодательной формулировки конструкций названных составов преступлений и в доктрине и на практике возникают вопросы о квалификации понятий «склонения» и «использования в отношении спортсменов» стимулирующих физическую активность препаратов¹³⁹¹. Кроме того, приходится признать, что данные нормы не охватывают весь круг лиц, которые причастны к совершению данных преступлений.

Не менее актуальны сегодня проблемы, связанные с грубыми нарушениями общественного порядка зрителями во время проведения спортивно-массовых мероприятий. В 1985 г. была принята Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и в частности футбольных матчей¹³⁹², которая была ратифицирована СССР 1 апреля 1991 г., а затем к ней как правопреемник присоединилась и Российская Федерация.

Оказывать сопутствующее содействие по обеспечению безопасности на спортивных соревнованиях призвана также Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей¹³⁹³. Положения Конвенции хотя ещё не нашли закрепления в уголовном законодательстве России, но оказали существенное значение для развития иных отраслей права.

¹³⁸⁹ Федеральный закон от 06.12.2011 № 413-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ – 12.12.2011 – № 50 – ст. 7355.

¹³⁹⁰ Федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушения антидопинговых правил)» // Российская газета, № 266 – 24.11.2016.

¹³⁹¹ Пешков Д.В. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 230.2 УК РФ // Инновационная наука. – 2018. – № 3. – С. 66-67; Горшкова Н.А., Ильин Д.Л. Вопросы квалификации склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте (ст. 203.1 УК РФ) // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 1 (19). – С. 85.

¹³⁹² Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и в частности футбольных матчей (ETS N 120) (Заклочена в г. Страсбурге 19.08.1985) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – N 1. – С. 8 – 22.

¹³⁹³ Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей, г. Сан-Дени 03.07.2016 // СЗ РФ. – 05.02.2018. – № 6. – Ст. 798.

На проблемы обеспечения безопасности во время спортивных мероприятий особое внимание было также обращено в период подготовки и проведения в России в 2018 году Чемпионата мира по футболу.

Формирование государственной политики по вопросам обеспечения правового регулирования общественных отношений в области спорта происходило с первых лет существования Советского Союза. Оценивая достигнутые результаты в создании механизма законодательного контроля за спортивными правоотношениями сквозь призму времени, можно заметить, как постепенно развивается и государственная уголовная политика в сфере спорта.

Подводя черту сравнительно-правового анализа исторического развития государственного регулирования отношений в сфере спорта, следует заметить неопровержимое влияние уроков прошлого на современный уровень развитости нормативного функционирования спорта в обществе. Спортивная деятельность, преодолевая трудности бессистемного характера формирования правовой базы, необходимой для регламентации её специфического предназначения, постепенно превращается не только в массовое зрелищно-развлекательное явление, но и в коммерческую профессию со своими особенностями, правилами и порядками. В складывающихся условиях определилась потребность в дальнейшем развитии нормативно-правовой основы, включающей в том числе реформирование уголовного законодательства в области охраны экономической, нравственной и других составляющих спорта. Сегодня, при изучении социальной значимости исследуемого феномена уделяется особое внимание необходимости модернизации современного отечественного уголовного права в целях предотвращения распространённости и увеличения моральных и материальных последствий от противоправных деяний посредством криминализации и усиления мер противодействия нарушениям в области спорта, в частности, способных причинить вред не только спортсменам, но и всему обществу в целом, в том числе при незаконном обороте «допинга» и препаратов его составляющих, а также ставящих по угрозу общественную безопасность в ходе проведения спортивно-массовых мероприятий.

§ 7. Социально-правовые предпосылки регламентации уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса¹³⁹⁴

Современное общество имеет одной из своих характеристик развитость сферы спорта. Вместе с тем, степень развития данной сферы связана скорее с ее распространенностью, но отнюдь не с соблюдением необходимых правил и

¹³⁹⁴ Данный параграф выполнен Д.А. Безбородовым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

требований безопасности при соблюдении спортивных состязаний, а также вопросов, связанных со справедливой оценкой результатов. Ввиду приоритета результата участниками спортивных соревнования и иными заинтересованными лицами зачастую игнорируются те или иные требования и правила безопасности при проведении спортивных соревнований, что в любом случае создает опасность наступления каких-либо негативных последствий. Правовые способы реагирования на подобного рода нарушения весьма разнообразны. Поэтому в некоторых случаях сфера спорта может быть в том числе и предметом уголовно-правового регулирования. При этом, следует констатировать, что УК РФ, несмотря на очевидные достоинства, все же содержит ряд существенных недостатков. И в целом ряде случаев недостатки, имеющиеся в нем настолько очевидны, что требуют существенных изменений. Они проявляются не только в отдельных правовых нормах, но и иногда носят сквозной характер и затрагивают целые уголовно-правовые институты.

Социально-правовые предпосылки регламентации уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса имеют основание, которое базируется на трех основополагающих моментах. Во-первых, это общественная опасность подобного рода деяний. Во-вторых, недостатки законодательной техники. В-третьих, обусловленное недостатками действующего законодательства, а также особенностями механизмов совершения конкретных преступлений в данной сфере правоприменение.

Нормы уголовного закона реализуются в ограниченном количестве случаев, характеризующихся особой общественной опасностью. Сущность общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ заключается именно в том, что оно обладает следующими свойствами. Во-первых, обладает свойством вредоносности¹³⁹⁵, т.е. объективно причиняет (либо способно причинить) существенный вред сложившимся общественным отношениям.¹³⁹⁶ Вредоносность определяется такими показателями как: а) характер общественной опасности; б) степень общественной опасности. Во-вторых, обладает свойством прецедентности, т.е. содержит в себе способность к изменению социальной действительности.¹³⁹⁷ Прецедентность определяется такими показателями как: а) распространенность явления; б) негативная ценностная ориентация конкретного лица (или лиц), способная служить прецедентом для повторения подобной деятельности в будущем.¹³⁹⁸

¹³⁹⁵ Категория «общественная вредность» была введена в научный оборот В.Н. Кудрявцевым (Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 99).

¹³⁹⁶ Так, Н.Д. Сергиевский писал о том, что «всякое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда в наше время мыслится как преступное деяние против всего общества, хотя бы оно нарушало ближайшим образом только интересы частного лица» (Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1910. С. 52.).

¹³⁹⁷ См., например: Мальцев В.В. Категория «общественно опасное поведение». Волгоград, 1995. С. 62.

¹³⁹⁸ О негативной ценностной ориентации лица, совершившего преступление см. подробнее: Фелелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992. С. 27.

Приведенные свойства общественной опасности могут быть реализованы в преступлении, предусмотренном в ст. 184 УК РФ по-разному: в различном соотношении и показателях.¹³⁹⁹ Зависимость будет определяться конструктивными особенностями данного состава преступления.

Вредоносность как свойство общественной опасности в преступлении, предусмотренном ст. 184 УК РФ имеет весьма специфический характер. И в целом, механизм образования показателей общественной опасности в данном преступлении является достаточно сложным. Она формируется в результате сочетания таких показателей как значимость общественных отношений, структура причиняемого или грозящего им ущерба, возможность большей результативности определенного поведения и т.д.

Вредоносность общественной опасности является объективной категорией и включает в качестве составляющих характер и степень.¹⁴⁰⁰ Сложившееся в теории отечественного уголовного права понимание характера и степени общественной опасности преступления говорит о характере как о качественной определенности преступления, отраженной обязательными признаками его состава, а о степени общественной опасности деяния как о количественной характеристике опасности преступления, которая выражается в конкретном проявлении признаков состава преступления в индивидуальном деянии.¹⁴⁰¹ Эта позиция нашла отражение и разъяснениях Верховного Суда РФ. Так, например, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания указывается на то, что характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления следует иметь в виду, прежде всего, направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (ст. ст. 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному

¹³⁹⁹ См., подробнее: Безбородов Д.А. Показатели общественной опасности многосубъектных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018г N3. – С.62-69.

¹⁴⁰⁰ Необходимость учета этих показателей подчеркивается многими учеными (см.: Кригер Г.Л. Дифференциация и индивидуализация наказания // Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М., 1980. С. 126; Мельникова Ю.Б. Указ. соч. С. 38; Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987.С. 165-166).

¹⁴⁰¹ См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 110-112; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 199; Курс советского уголовного права. Т. 2. Л., 1970. С. 325; Курс советского уголовного права. Т. 3. М., 1970. С. 126; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 69, 72; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 97; Прохоров Л.А. Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности. Омск, 1980. С. 39.

преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления.

Таким образом, характер общественной опасности преступления зависит от объекта посягательства, а степень общественной опасности преступления определяется конкретными обстоятельствами совершенного преступления (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий и т.д.).

Именно это обстоятельство необходимо учитывать при определении вредоносности общественной опасности любого преступного деяния. Вне всякого сомнения, важность объекта и тяжесть последствий всегда отражаются в содержании преступления и показывают соответственно характер и степень общественной опасности. Однако, при равенстве этих условий определяющее значение для установления вредоносности общественной опасности преступления имеет вина, и в числе ее показателей объем и степень осознанности участниками деяния общественной опасности своих действий и предвидения наступления вероятных последствий.

Особенность вредоносности общественной опасности предопределяет такое сочетание критериев существенности ущерба, причиняемого нормальным отношениям, когда на первый план выдвигается специфика механизма причинения вреда.

В силу указанных выше обстоятельств, общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ с точки зрения ее вредоносности должна определяться содержанием преступной деятельности. И именно это содержание предопределяет:

- а) существование определенной структуры преступной деятельности, описываемой в диспозиции ст. 184 УК РФ;
- б) формы осуществления преступной деятельности в рамках данного состава преступления;
- б) последствия, которые могут наступить в результате осуществления такого рода деятельности.

Таким образом, степень общественной опасности является достаточно важным компонентом дифференциации уголовной ответственности за совершение анализируемого преступления.

При этом для обеспечения дифференциации ответственности необходимо учитывать и тот факт, что степень общественной опасности может быть вполне успешно типизирована, регламентирована в законе (например, в рамках наказания).

Прецедентность общественной опасности преступления предполагает способность посягательства влиять на изменение социальной действительности. Она может быть охарактеризована следующими показателями:

- а) распространенность явления;
- б) негативная ценностная ориентация конкретного лица, способная служить прецедентом для повторения подобной деятельности в будущем.

Упомянув прецедентность преступлений, предусмотренных ст. 184 УК РФ, в качестве распространенности такого рода деятельности, нужно констатировать, что данные посягательства конечно же не являются единичными эксцессами на уровне статистической погрешности, а достаточно распространенным явлением. Однако, наряду фактическим существованием данного уголовно-правового явления, юридически, такого рода деятельности, оценка не дается. Это обусловлено многими обстоятельствами, связанными, прежде всего, с гиперлатентностью данного преступления.

Упомянув о прецедентности общественной опасности преступлений, как о негативной ценностной ориентации конкретного лица, способной служить прецедентом для повторения подобной деятельности в будущем, нужно отметить следующее. Во-первых, совершение общественно опасного деяния, представляя собой часть социальной практики, всегда проявляется вовне и становится объектом уголовно-правовой оценки. Во-вторых, опасность такого рода деятельности возрастает, если ей не дается адекватная уголовно-правовая оценка. В-третьих, в этих условиях у лиц, совершивших такое преступление, накапливается негативный опыт повторения преступной деятельности в будущем. А в том случае, если общество и государство дают ему законную и справедливую негативную оценку, выразившуюся в неблагоприятных для лица правовых последствиях, то оно разрушает уже имеющийся опыт преступной деятельности и соответствующую ей ценностную ориентацию виновных в ней лиц. Поэтому, в целях противодействия такого рода обстоятельствам, нужно, нивелировать такой антиобщественный прецедент.

Однако, механизм образования показателей прецедентности общественной опасности в преступлении, предусмотренном ст. 184 УК РФ достаточно сложен. Она формируется в результате сочетания многих обстоятельств совершения преступления. Поэтому общественная опасность в данном случае должна слагаться из комплекса рассмотренных выше обстоятельств. А они в свою очередь, должны позволить определить, как должно реагировать государство в конкретных условиях на рассматриваемый тип поведения людей. Таким образом, законодатель должен оценивать реально существующую общественную опасность, отражающую совокупность объективно существующих свойств и отношений, причем в одних случаях на первый план должно выдвигаться одно их сочетание, в других – другое.

Во-вторых, необходимость регламентации уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса осознана законодателем достаточно давно. Следует отметить, что в настоящее время в отечественной уголовной политике наметились две основные тенденции. Одна из них состоит в декриминализации, депенализации деяний, не представляющих большой общественной опасности. Эта тенденция отражает дальнейшую гуманизацию уголовной политики. Другая, наоборот, состоит в криминализации деяний, т. е. расширении круга уголовно наказуемых проявлений и усилении наказания за те из них, которые

раньше не признавались преступными, в целях обеспечения недопущения необоснованного снисхождения к лицам, совершившим опасные посягательства на охраняемые интересы общества и личности.

Поэтому появление в 1996 году в Уголовном кодексе Российской Федерации данной уголовно-правовой нормы было непосредственно связано с уголовной политикой, поисками новых, более эффективных путей борьбы с преступностью. Фактическая распространенность общественно опасных деяний, которые совершаются в сфере проведения спортивных соревнований или же зрелищных коммерческих конкурсов, а также сложность применения норм, регламентирующих ответственность за совершение такого рода преступных посягательств, с неизбежностью приводит к появлению ошибок и трудностей при уголовно-правовой оценке этих преступлений. Именно поэтому сложившаяся в настоящее время ситуация как раз и свидетельствует о несоответствии или даже о противоречии между новыми имеющимися данными правоприменения и устоявшимися способами объяснения подобного рода уголовно-правовых явлений.

Вообще, нужно отметить, что эффективность уголовного закона представляет собой его результативность в достижении целей уголовно-правового регулирования. В связи с этим анализ эффективности уголовного законодательства при противодействии оказанию противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса требует, прежде всего, определения этих целей.

Степень совершенства уголовного законодательства определяется рядом элементов, соответствующих его основным функциям.

С одной стороны, она характеризуется теми возможностями, которые закон предоставляет для органов следствия, прокуратуры, суда в сфере противодействия совершению преступлений. Стоит отметить, что критерии оценки закона для каждой его функции различны.

С другой стороны, совершенство уголовного закона определяется его исправительными и предупредительными возможностями. Прежде всего — это вопрос о степени реального социального эффекта неотвратимости и адекватности уголовного наказания при оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Все это дает основание сделать вывод, что при криминализации деяний неукоснительно должно быть выполнено требование: если нет оснований для реализации принципа неотвратимости ответственности и наказания, то не должно быть и уголовно-правовой нормы, либо уже существующая уголовно-правовая норма должна подвергнуться изменениям. Несоблюдение этого правила законодательства изначально предполагает низкую эффективность уголовно-правовой нормы. Данное правило применимо в числе прочего и к существующей в действующем уголовном законодательстве ст. 184 УК РФ. При этом, произошедшие в данной уголовно-правовой норме изменения не привели к сколько-нибудь значимому результату. Объяснить это можно было бы с учетом лингвистического толкования и осмысления языка данной нормы,

учитывая то обстоятельство, что законодатель выражает мысли с помощью языка, а законодательство является одновременно и явлением права, и явлением литературы.

Учитывая сложившиеся трудности с уяснением, а тем более с реализацией ст. 184 УК РФ, можно смело констатировать, что недостатки языка довольно часто встречаются в УК РФ и, к сожалению, не связаны с какими-либо особенностями законодательства, о обусловлены лишь неспособностью формулировать некоторые правила поведения, представляющие собой преступные посягательства.

Основные требования, которые должны применяться к языку уголовного закона следующие: ясность, простота, доступность, легкая запоминаемость.¹⁴⁰² От четкости, логичности, грамотности языка закона зависит и его эффективность, а также реализация заложенных в уголовном законе принципов. Уголовное законодательство, даже если речь идет о бланкетных нормах, к числу которых можно отнести состав преступления, предусмотренный ст. 184 УК РФ не должно быть излишне подробным и излишне многословным. Упрощенчество и многословие создают трудности при применении закона. Например, ч. 1 ст. 184 УК РФ содержит 104 слова, а это не только затрудняет воспринимаемость языка закона, но и представляет собой явный недостаток законодательной техники.

Несбалансированный текст данной уголовно-правовой нормы, неточность ее формулировок, усугубленные неопределенностью использованных в ней терминов не только порождают многочисленные вопросы, создают огромную трату времени, и, самое главное, часто приводят к извращению действительного смысла уголовно-правовой нормы. Поэтому неизбежен вывод о том, что чем удачнее изложен текст диспозиции, тем меньше вызовет он затруднений при его применении, тем меньше времени, сил и энергии будет затрачено на различного рода толкования, разъяснения и указания.

Нечеткость законодательных приемов, используемых в ст. 184 УК РФ ведет, во-первых, к различному толкованию терминов среди непосредственных правоприменителей, во-вторых, связана с тем, что разные понятия выражаются с помощью одних и тех же терминов, а это приводит к опасности применения уголовного закона по аналогии и нарушения принципа законности. Поэтому, несовершенство действующей редакции ст. 184 УК РФ с неизбежностью приводит к квалификационным ошибкам со стороны правоприменителей и усугубляет и без того сложную ситуацию при обеспечении уголовно-правовой охраны сферы спорта и зрелищных коммерческих конкурсов.

Все отмеченные выше положения, однозначно говорят в пользу необходимости законодательных изменений в ст. 184 УК РФ, придание данному составу такой

¹⁴⁰² Поэтому, учитывая беспрецедентно важное значение языка уголовного закона в четком изложении мыслей законодателя, то представляется весьма полезным восстановить законотворческую практику двадцатых годов прошлого века, когда к кодификационной работе в обязательном порядке привлекались лингвисты.

формы, которая оптимально бы решала с одной стороны задачи уголовно-правового регулирования данной сферы, а с другой стороны, была бы необходимым и достаточно средством для уголовно-правовой квалификации злоупотреблений в сфере спорта.

§ 8. «Теоретические вопросы квалификации причинения вреда жизни и здоровью спортсменов при проведении спортивных состязаний в исторической ретроспективе становления института обстоятельств, исключающих преступность деяния»¹⁴⁰³

В отечественной юридической литературе, посвященной проблемам уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния, и, в частности его части, касающейся обоснованного риска, довольно большое место отведено и вопросу о разновидностях его проявления. Следует отметить, что различные ученые правоведы давали ему разное название. Называя производственным, допустимым, нормальным, правомерным, профессиональным, хозяйственным и т.д. Определяя даже такие его специфические виды, как связанные с атомной энергетикой, прокурорско-следственной деятельностью¹⁴⁰⁴. Не является секретом, что повседневная общественная жизнедеятельность представлена различными видами деятельности человека, поэтому в ней возможны и различные виды рискованного поведения.

В реальной повседневной жизни риск, в большинстве своих проявлений, имеет два аспекта. «Во-первых, проявляется в необходимости предпочтения какого-либо одного варианта действия из нескольких возможных, в данной сложившейся ситуации, каждое из возможных действий в силу безусловной неочевидности обстановки и неполноты данных, необходимых для принятия решения, может повлечь, в том числе, и негативные последствия. Во-вторых, как определенный выбор, стоящий перед человеком, между применением нового метода, предполагающего наиболее эффективный результат, но, в тоже время, связанный с возможностью наступления общественно опасного вреда. И, в противовес ему, применение эффективного, ранее известного, но заведомо не несущего опасности способа»¹⁴⁰⁵.

Риск – это, в первую очередь, активная целенаправленная деятельность индивида с осознанием возможности выбора варианта поведения в условиях определенной опасности. В любом случае имеется необходимость определенного

¹⁴⁰³ Данный параграф выполнен А.Н. Берестовым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

¹⁴⁰⁴ Кабанов П.С. Риск при расследовании преступлений // Социалистическая законность. 1989 г. № 2. С. 56-58.

¹⁴⁰⁵ Михайлов В.М. О социально-юридическом аспекте обстоятельств, исключающих преступность деяния. Государство и право., М., 1995. № 12. С. 74.

выбора варианта поведения, хотя степень такого выбора может быть различной. Следует заметить, что этот признак в целом характеризует такое важное свойство рискованного поведения, как возможность снимать напряженность в существующих в объективной реальности общественных отношениях и служить определенным вариантом разрешения малоуправляемых событий и, в конечном счете, задает определенные формы риска.

Упомянув о степени вынужденности рискованного поведения в его уголовно-правовом значении, следует заметить, что он может проявляться в форме обычного эксперимента, либо в форме определенного экстремального действия. Понятно, что обычное и экстремальное рискованное действие будет по-разному оценено с точки зрения правомерности. Предполагается, что к «нормальному» рискованному поведению человека должны быть предъявлены повышенные требования безопасности, при которых осуществляются рискованные действия при их несомненной необходимости. Что же касается риска в экстремальных условиях, то здесь, наоборот, должны устанавливаться по возможности более щадящие условия правомерности, которые бы учитывали неординарность ситуации, в которой человек вынужден действовать.

Обращая взор к практической стороне рискованного поведения и его социально-правовому содержанию, в первую очередь стоит выделить такие на наш взгляд значимые признаки обоснованного риска, как возможности выбора у осуществляющего риск человека и наличие определенной существующей в действительности необходимости такого выбора. Такая возможность выбора варианта поведения у рискующего свидетельствует о наличии у него объективной возможности действовать определенным образом в сложившейся ситуации. Следует отметить, что отсутствие вариантов поведения рискующего или не осознание им возможности выбора показывает отсутствие самого риска.

Не является секретом, что экспериментальные рискованные действия и принимаемые в связи с ними решения осуществляются в любой сфере человеческой деятельности.

Действующее в настоящее время уголовное законодательство использует понятие «обоснованный риск». Данная формулировка достаточно широка и охватывает собой все возможные разновидности рискованного поведения. Указанное обстоятельство в некотором роде определяет необходимость классифицировать виды обоснованного риска, ибо, как отмечает в своей работе Г.В. Овчинникова: «классификация риска и выделение его видов имеет не только познавательное значение в процессе общественной деятельности человека, но и позволяют в определенной мере решить вопрос о правомерности риска в процессе этой деятельности».¹⁴⁰⁶

Любая сфера повседневной человеческой деятельности, каждое ее направление имеет свой определенный уровень развития, свои цели, задачи и перспективы развития, различный уровень и формы регламентации.

¹⁴⁰⁶Овчинникова Г.В. Виды профессионально-хозяйственного риска //Правоведение. Ленинградский Университет. № 4. 1990 г. С. 62.

Реальное содержание условий правомерности обоснованного риска может быть наполнено реальным содержанием только при условии, когда будут определены конкретные сферы деятельности человека в повседневной жизни, в которых предполагается или возможно рискованное поведение.

Следовательно, основой классификации обоснованного риска в уголовном праве может являться характер, или формулируя по-другому – сфера человеческой деятельности. В целом же речь в этом плане может идти не о конкретном характере деятельности индивида, а скорее о тех ее видах, в которых наиболее вероятно возникновение рискованных ситуаций. Назовем их типичными. Характеризоваться они будут тем, что индивиду при возникновении такой ситуации будет необходимо принять решение как действовать дальше – применять традиционные пути достижения желаемого результата или рисковать. В результате принятия такого решения о способе достижения общественно полезной цели в первую очередь встает вопрос об обоснованности или, наоборот, о необоснованности такового варианта действий человека в сложившейся рискованной ситуации и, следовательно, об оценке рискованных действий в конкретной обстановке, как преступных или общественно полезных и, соответственно, исключаящих уголовную ответственность.

На основе анализа существующей юридической литературы можно выделить достаточно много сфер человеческой деятельности, где возможно возникновение таких ситуаций, которые будут связаны с риском. Речь здесь можно вести о сферах деятельности человека, связанных с использованием техники (в юридической литературе именуемой технико-эксплуатационной), медицинская и врачебная деятельность, зачастую предполагает риск наступления общественно опасных последствий, риск научных исследований и т.д.¹⁴⁰⁷

В то же время следует отметить, что какое-либо отчуждение личных субъективных прав человека необходимо осуществлять как в зависимости от охраняемого законом неотъемлемых прав каждого человека, так и от способа нарушения или ограничения этих прав и их значимости для общества в целом¹⁴⁰⁸. Согласие потерпевшего на причинение ему вреда, по мнению ряда авторов, может в какой-то мере, с позиции уголовного права, охарактеризовать описываемые ситуации. С этих позиций думается можно говорить о правомерности или неправомерности причинения вреда при медицинском вмешательстве или занятии определенными видами спорта¹⁴⁰⁹. Считается, по мнению целого ряда ученых юристов, что этот вопрос уголовно-правовой квалификации рискованного поведения, в результате которого причиняется вред правоохраняемым интересам должен решаться в плоскости применения института обстоятельств, исключаящих

¹⁴⁰⁷Овчинникова Г.В. Указ. Раб. С. 61

¹⁴⁰⁸Сидоренко Э.Л. Квалификация преступлений против личности, совершенные с согласия потерпевшего // «Мировой судья», 2016, № 9. С. 28

¹⁴⁰⁹Сидоренко Э.Л. Квалификация преступлений против личности, совершенные с согласия потерпевшего // «Мировой судья. », 2016, № 9. 30.

преступность деяния. Когда такие его виды, как рискованное медицинское вмешательство должны оцениваться с точки зрения обоснованного риска (донорство) или крайней необходимостью (в случае, например, оперирования больного)¹⁴¹⁰. Та же ситуация, очевидно, существует и при занятии определенными видами спорта.

Представляет интерес в первую очередь с точки зрения уголовно-правовой науки вопрос, связанный с возможностью уголовно-правовой квалификацией действий спортсменов, участников спортивных соревнований, в результате которых был причинен общественно-опасный вред жизни и здоровью участвующих в них лиц. В ряду существующих в современной повседневной жизни человека различных видов деятельности, в ходе которых может причиняться общественно опасный вред, охраняемым уголовным законом интересам (в первую очередь жизни и здоровью), одним из наиболее опасных, по общему мнению, являются занятия определенными видами спорта. Большая часть из существующих в современном мире видов спорта представлены в виде силовых единоборств, в результате которых, часто, участники этих соревнований получают травмы. Неумолимая статистика свидетельствует о том, что получает травмы и погибает в результате занятий спортом достаточно много людей¹⁴¹¹. Следует обратить внимание, что, несмотря на то, что такие ситуации не регламентированы как существующие на настоящий момент обстоятельства, исключая преступность деяния представленные в УК, тем не менее, они все же должны иметь самостоятельное уголовно-правовое значение, так как здесь мы имеем ситуацию, при которой рискующее лицо, в иной обстановке и при иных прочих условиях могло быть привлечено к уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым интересам. Но в данном случае, связанном с конкретной жизненной ситуацией, ответственность, предусмотренная уголовным законодательством, не наступает. Не наступает она, именно, в силу общественной полезности совершенного действия¹⁴¹².

В современной жизни массово проводятся спортивные состязания различных уровней по таким видам спорта, которые с большой вероятностью, в том числе сопряженной со зрелищностью мероприятия, предполагают большую вероятностью получения травм их участниками. Эти травмы, которые спортсмены наносят друг другу, по действующему в настоящее время, уголовному законодательству могут быть квалифицированы (в соответствии с «Правилами определения степени тяжести вреда здоровью») как причинение вреда здоровью определенной степени тяжести. За что в свою очередь предусмотрена

уголовная ответственность и должно быть назначено в соответствии с УК РФ наказание. Характер проводимых в настоящее время спортивных соревнований таков, что в ходе этих поединков существует и вероятность наступления смерти участника.

В этой связи, с точки зрения уголовного закона возникает целый ряд вопросов, связанных с правовой квалификацией причиненного вреда. Например, имеет ли место возбуждение уголовных дел соответствующими правоохранительными органами в подобных ситуациях? Как следует оценивать, с точки зрения уголовного закона, наступившие общественно опасные последствия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью? Существует ли судебно-следственная практика на сей счет? Как решаются подобные ситуации на практике сегодня, исходя из действующих нормативно-правовых актов? Возможно ли оценивать действия спортсменов, причинивших вред с позиции уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния? Учитывается ли психическое отношение лица, причинившего вред, к факту его наступления?

В подавляющем большинстве случаев организуемые по тому или иному контактному виду спорта состязания, в первую очередь, преследуют цель определить сильнейшего. Участника, спортсмена, который в ходе проведения официальных соревнований будет признан победителем. Это утверждение не относится к случаям проведения чисто коммерческих или развлекательных выступлений спортсменов, хотя ситуации, связанные с причинением вреда здоровью, возможны в любом случае. Поэтому, сам факт проведения контактного соревновательного боя (спарринга), даже при существующей вероятности причинения вреда здоровью или жизни его участникам не может рассматриваться как противоречащим уголовному закону в существующей его редакции. Отсюда вытекает закономерный вывод, что действия спортсменов, выясняющих отношения на ринге при обоюдном причинении вреда в ходе соревнований (другой вопрос о квалификации возникает тогда, когда спортсмены наносят друг другу телесные повреждения, которые рассматриваются как вред здоровью, до начала непосредственно поединка или соревнования, скажем, во время приветствия до начала соревновательного процесса, уже после его окончания или в перерыве) не могут рассматриваться как обычная драка. Несмотря даже на то, что по целому ряду внешних объективных признаков, при взгляде со стороны обычного обывателя или зрителя эти действия различить довольно трудно, а подчас и вовсе невозможно. Сложившаяся судебная практика имеет свой взгляд на подобные ситуации. Не сильно вдаваясь в выяснение субъективных обстоятельств происшедшего и психического отношения его участником к наступившим общественно опасным последствиям, она исходит из следующего посыла: если во время не запрещенного законом спортивного поединка, возможный риск которого всем участвующим в нем лицам известен, с учетом соблюдения утвержденных правил соревнований один из участников состязания погиб либо получил вред здоровью определенный как тяжкий, то происшедшее

¹⁴¹⁰Сидоренко Э.Л. Квалификация преступлений против личности, совершенные с согласия потерпевшего // Мировой судья. 2016. № 9. С. 30.

¹⁴¹¹Трунов И. Казус Майкла Тайсона. Подлежат ли уголовной ответственности современные гладиаторы, наносящие вред жизни и здоровью // Юрист спешит на помощь. 2015. № 8. С. 30-33.

¹⁴¹² Михаль О.А., Власов Ю.А. «Уголовно-правовое регулирование причинения вреда здоровью или смерти при спортивных занятиях» // Современное право. 2014 г. № 9. С. 25.

следует квалифицируется как несчастный случай. Как известно, за который, по действующему УК РФ ответственность не наступает.

Зарубежное уголовное законодательство знает несколько вариантов разрешения описываемых ситуаций, связанных с причинением вреда спортсменам в результате спортивных соревнований. Например, для уголовного законодательства североамериканских соединенных штатов характерным является отсутствие ответственности в подобных случаях на основании согласия потерпевшего лица. Так, в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк в п. 35.15 закреплено, что «не признается самообороной результат поединка по соглашению, который специально не предусмотрен законом штата. В Уголовном кодексе штата Техас также мы видим, что если лицо дало предварительное согласие на применение силы нападающим, то такие его действия не признаются обороной»¹⁴¹³.

Интересен, с точки зрения уголовного права тот факт, что в уголовных законодательствах целого ряда иностранных государств спортивным преступлениям отведена отдельная статья в нормативно-правовых актах. При наличии умышленной формы вины со стороны участвовавшего в соревновании лица в причинении вреда жизни и здоровью человека во время соревновательного процесса по различным видам спорта в нарушении установленных правил, ответственность наступает на общих основаниях, предусмотренных национальным уголовным законодательством; если имеет место неумышленное причинение телесного повреждения или вреда здоровью, но при этом были нарушены определенные правила проведения спортивных соревнований, то в этом случае ответственность наступает за неосторожное причинение вреда правоохраняемым интересам. В ситуации, когда вред причинен без нарушения правил проведения спортивных состязаний и, самое главное, ненамеренно – говорить о привлечении лица к уголовной ответственности не целесообразно. Судьи или лица, выступающие в качестве рефери при проведении соревнований, если они умышленно согласились с нарушением спортивных правил со стороны участников, (или участника) должны нести ответственность как соучастники (ст.33 УК РФ).

Становится очевидным, что в ситуации причинения вреда при описанных выше условиях спортивного соревнования не имеются основания для применения и института необходимой обороны. Речь здесь нельзя вести и о превышении ее пределов, так как в таких ситуациях, по нашему мнению, не имеет место общественно опасное посягательство. Подача тренером заявки в мандатную комиссию на допуск к участию в соревнованиях спортсменом может фигурировать в уголовном деле как определенное основание, т.е. письменное согласие на возможный риск получения травмы участником.

На взгляд автора статьи и другие из числа перечисленных в уголовном законе обстоятельств, исключающих преступность деяния, (глава 8 УК РФ) не могут в

¹⁴¹³Уголовное право США. Сборник нормативных актов / Отв. ред. И.Д. Козочкин. М., 1986. С.54; Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы штата Техас. М., 1955. С. 15.

полной мере описать ситуации, связанные с наступлением вреда здоровью участникам спортивных соревнований в полной мере.

Целый ряд российских ученых пытались описать эту ситуацию с таким давно известным теории российского уголовного права обстоятельством, как согласие потерпевшего на причинение ему вреда. Другой предложенный юристами вариант – с риском, который возможно принимают на себя лица, занимающиеся травмоопасными видами спорта.

Но, необходимо обратить внимание на то, что с точки зрения действующего уголовного законодательства этот вопрос является спорным. В первую очередь, это связано с тем, что правомерность согласия потерпевшего на причинение ему вреда в настоящее время не урегулирована УК РФ. Заявленный в УК РФ обоснованный риск в ст. 41 УК РФ предусматривает иные ситуации. Иные условия правомерности, которые не всегда могут иметь место при проведении мероприятий, связанных со спортивной борьбой. В настоящий момент, ситуация, когда в ходе проводимых спортивных соревнований причиняется вред их участникам нормами действующего уголовного законодательства не урегулировано.

Ряд известных ученых юристов все же обращал внимание на существующую проблему. А.Н. Красиков, например, высказался за включение в Особенную часть УК РФ нормы, которая бы предусматривала уголовную ответственность за совершенные действия умышленного характера, которые со стороны лица участвовавшего в их проведении были направленные на нарушение правил их проведения. И эти действия, в конечном итоге, привели к причинению тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, то есть находились с наступившими последствиями в причинно-следственной связи¹⁴¹⁴. В подобных спортивных или зрелищных мероприятиях по факту, и об этом говорят многочисленные случаи, описанные в прессе и средствах массовой информации, может быть причинен и другой вред, включая смерть участвовавшего в них лица. На взгляд автора параграфа, принимая во внимание высокую распространенность такого рода травм было бы, наверное, более эффективной мерой ужесточение правил, регламентирующих проведения спортивных соревнований. И в первую очередь здесь необходимо делать упор на безопасность участвующих в них лиц. Нагружать же действующее уголовное законодательство новой нормой предусматривающей уголовную ответственности за вред, причиненный в результате спортивной борьбы, на наш взгляд, не является целесообразным.

Особенность таких ситуаций состоит в том, что причиненный вред охватывается сознанием спортсмена его причинившего и с учетом сложившейся на сегодняшний день практики с точки зрения действующего УК РФ не подлежит уголовному наказанию¹⁴¹⁵. При этом, довольно сложно ответить на вопрос о

¹⁴¹⁴Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. С. 116.

¹⁴¹⁵Бабулин В. Содержание субъективной стороны правомерного причинения вреда при занятиях профессиональным спортом (спортивными единоборствами). Тезисы докладов и сообщений

наличии или отсутствии в сложившейся ситуации правового основания, предусмотренного действующим уголовным законодательством, для привлечения к уголовной ответственности за действия, которые в ходе проведения спортивного состязания привели к причинению вреда. Как правильно отмечают в своих работах А.В. Варданян и Е.В. Безручко: «В настоящее время отсутствует необходимая правовая база, четко определяющая грань дозволенного причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний»¹⁴¹⁶.

Без сомнений стоит отметить, что в юридической литературе по данному вопросу учеными высказывались различные мнения на существующую проблему, правоведами предлагалось несколько вариантов объяснения сложившейся ситуации, с точки зрения действующего уголовного законодательства и решения немаловажного вопроса ее правового регулирования. Основные позиции авторов по исследуемой проблеме нашли свое отражение в ряде работ, посвященных этой тематике. Одни ученые приходят к выводу, что причинение какого-либо вреда здоровью или смерти участнику при проведении спортивных состязаний, в первую очередь, необходимо решать на основе такого, упоминаемого в юридической литературе обстоятельства, как согласие потерпевшего¹⁴¹⁷. Поскольку спортсмен, участвующий в соревновательном процессе осознает, что занятие данным видом спорта предусматривает обязательное физическое воздействие на оппонента в спортивной борьбе как одно из непереносимых условий достижения победы в поединке, то он дает согласие на свое участие в спортивных соревнованиях, в том числе соглашается и на определенный риск, связанный с возможностью причинением вреда здоровью его участникам. При этом не маловажное значение имеет, в том числе, соблюдение условий правомерности причинения вреда при наличии согласия потерпевшего. Об этом обстоятельстве довольно точно пишет А.Н. Красиков: «Согласие дается не на причинение вреда, а на занятие определенным видом спорта. При этом, давая согласие, спортсмен осознает возможность возникновения такой ситуации, при которой ему может быть причинен вред, но одновременно с этим он знает, что, овладев всем комплексом спортивно-технических приемов, он может исключить этот вред. Согласие спортсмена включает в себя согласие на занятие спортом и на возможный риск, пределы которого ограничены правилами состязания. Указанные правила, с одной стороны, выступают пределами объективно возможного риска, а с другой — служат соответствующей гарантией для лиц, участвующих в спортивных соревнованиях»¹⁴¹⁸.

международной научно-практической конференции. Омская академия МВД РФ. Омск. 2019. С. 53-57.

¹⁴¹⁶Варданян А.В., Безручко Е.В. Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2.

¹⁴¹⁷Красиков А.Н. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 14.

¹⁴¹⁸Там же.

В современной научной литературе, посвященной данной проблеме большинство криминалистов подвергают критике точку зрения А.Н. Красикова, в связи с тем, что не признают существование в уголовном законодательстве в нынешнем его виде такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как согласие потерпевшего. В существующем на сегодняшний день правовом поле оно законодательного закрепления не нашло¹⁴¹⁹.

При всем многообразии мнений, целая плеяда авторов придерживается следующей правовой позиции. Что существующая в УК РФ ст. 41, регламентирующая ситуацию обоснованного риска, не является основанием для освобождения лица от уголовной ответственности, в ситуациях причинения травм спортсменам в ходе соревнований или зрелищных спортивных мероприятий. В качестве аргументов некоторые правоведа отмечают, что занятия спортом в целом, в том числе участие в спортивных состязаниях различного уровня нельзя считать одной из разновидностей обоснованного риска по целому ряду оснований. В первую очередь, необходимо говорить о том, что причинение определенного вреда в ходе занятий спортом не всегда преследует общественно полезную цель в общеупотребительном (житейском) ее понимании. Можно сказать, что она практически полностью отсутствует при тренировочном процессе. Во-вторых, и это отмечают большинство ученых криминалистов, достаточно сложно, а подчас и практически невозможно установить или определить обоснованность рискованного поведения, если предполагаемая цель, которую ставит перед собой участник спортивного состязания, могла быть достигнута без того, чтобы прибегать к риску нанесения вреда жизни или здоровью. На основании этих предположений, по мнению автора статьи, риск не может быть признан обоснованным¹⁴²⁰. В свою очередь, и сам участник спортивных состязаний, и лицо, принимающее участие в тренировочном процессе, как спарринг партнер, допускает причинение вреда другому. Тем не менее, не предпринимает и объективно не может в сложившейся ситуации спортивной борьбы при определенной совокупности объективных и субъективных обстоятельств предпринять меры, которые бы были объективно достаточны для предотвращения возможного причинения вреда жизни и здоровью (за исключением применения различных средств индивидуальной защиты спортсмена, которые предусмотрены и разрешены к использованию правилами проведения тех или иных спортивных соревнований). Нельзя утверждать также, что лицо находилось в состоянии обоснованного риска, когда причиняет вред другому участнику спортивных баталий, потому что не соблюдает условий правомерности риска, закрепленных в ст. 41 УК РФ. Лицо, в данном случае спортсмен, идет на возможный риск причинения вреда ради достижения, подчас, личной выгоды для него самого, которая в принципе интересна только для спортсмена участника.

¹⁴¹⁹Бабурин В. Содержание субъективной стороны правомерного причинения вреда при занятиях профессиональным спортом (спортивными единоборствами). Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омская академия МВД РФ. Омск. 2019. С. 53-57

¹⁴²⁰Михаль О.А., Власов Ю.А. Указ. Раб. С 27.

Существующие разновидности контактных видов спорта предполагают довольно значимые для здоровья физические воздействия, исходя из этого посылка наступивший вред, скорее всего, будет закономерен, а не маловероятен¹⁴²¹. С большой долей уверенности можно говорить о том, что все существующие виды спорта связанные с возможностью получения травм их участниками не связаны с обоснованным риском. Становится очевидным, что в такого вида спортивном состязании очень проблематично, а скорее даже невозможно предпринять достаточные и необходимые меры для того, чтобы вред правоохраняемым интересам не наступил. В первую очередь, конечно, связанный с причинением вреда здоровью или смерти.

Истины ради следует сказать следующее. Вопрос правоприменения в ситуациях причинения вреда участникам спортивных состязаний, в первую очередь, конечно, вреда здоровью или жизни с точки зрения превалирующей в настоящее время уголовно-правовой доктрины и обоснованного риска, в частности, до настоящего времени в достаточной мере не проработан. И, соответственно, нуждается в серьезных научных изысканиях.

§ 9. Юридическая оценка употребления допинга и запрещенных химических веществ в легкой атлетике

Спорт представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, которые создаются и используются обществом для физической деятельности людей. Тренировочная деятельность направлена на интенсивную специализированную и психологическую подготовку, с целью последующего максимального проявления спортивных навыков на соревнованиях¹⁴²².

Легкоатлетический спорт является одним из видов олимпийских видов спорта, который зародился еще в древности. Легкая атлетика проникла в самые отдаленные уголки земного шара и стала одним из популярных видов спорта в мире. В Российской Федерации легкая атлетика является распространенным и достаточно развитым видом спорта. Среди российских спортсменов множество мировых олимпийских чемпионов и рекордсменов. Елена Исинбаева – Двукратная олимпийская чемпионка 2008, 2012 годов в прыжках с шестом. Татьяна Лебедева – Трехкратный серебряный призер Игр 2000, 2008 годов в тройном прыжке в длину. Светлана Мастеркова – Рекордсменка мира в беге на 1 км и 1 милю¹⁴²³.

¹⁴²¹Скворцов А.А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни или здоровью при занятии спортом. Автореф. Дис. ... канд. Юрид. Наук. Саратов, 2005. С. 11

¹⁴²²Абзалов Р.А., Тутики и перспективы развития методов спортивной подготовки в циклических видах спорта легкой атлетике. Научно – теоретический журнал № 11 – 2000 г. Центральная отраслевая библиотека по физической культуре и спорту. URL: <http://sportlib.info/Press/TPFK/2000N11/p23-26,39.htm>.

¹⁴²³ Журнал Большой спорт №9 (133). Десять лучших легкоатлетов России. URL: <https://bolshoisport.ru/articles/10-luchshih-legkoatletov-rossii>.

В последние годы на фоне мировой политической ситуации российские легкоатлеты подвергаются дискриминации в средствах массовой информации, предвзятому судейству на международных соревнованиях и бездоказательным обвинениям, дополнительным анализам и подтасовкам результатов этих анализов на использование допинг препаратов¹⁴²⁴.

В связи с такой ситуацией, сложившейся в мире, российским легкоатлетам было отказано в участии в Чемпионате мира 2017 года и в летних олимпийских играх в Рио-де-Жанейро. Российские спортсмены могут лишь выступать под нейтральным флагом.

Негативные тенденции, складывающиеся по отношению к российским легкоатлетам на международном уровне, не могут не отразиться на внутреннем развитии легкоатлетического спорта в Российской Федерации. Данная ситуация будет способствовать оттоку начинающих, талантливых спортсменов в западные страны, где не будет преград для их спортивных выступлений на международном уровне.

Несмотря на ситуацию, которая происходит в мире вокруг легкой атлетики, у многих подростков любовь к данному виду спорта появляется еще в школьные годы. Начиная с занятий физической культурой, будущий спортсмен осознает наличие или отсутствие желания посвящать свою жизнь спорту. Спортивные тренировки по легкой атлетике и соревновательная деятельность дают возможность спортсменам реализовать свои потенциальные возможности, проявить себя как личность, сформировать характер и оптимальную психологическую сферу, которая способствует достижению определенных целей¹⁴²⁵.

Для того чтобы добиться успехов в спорте, профессиональные спортсмены всю жизнь идут к высоким целям в своей карьере. С раннего детства они проводят все свое свободное время на стадионе, оттачивая технику того или иного вида упражнения. В летнее время у спортсмена, как правило, проводятся сборы и интенсивные тренировки. Усилия спортсмена направлены на то, чтобы выиграть соревнования среди своих же товарищей, например, в беге на определенную дистанцию или в прыжках. Затем появляется желание выполнить норматив на определеннный спортивный разряд. Выполнив норматив на спортивный разряд, появляется возможность участия в международных соревнованиях. Если в международных соревнованиях спортсмен показывает высокие результаты, им начинают интересоваться высококвалифицированные тренеры, готовые оказать помощь начинающему спортсмену в его профессиональной карьере.

Спортсмен, изъявивший желание посвятить свою жизнь профессиональному спорту, уже в период активного тренировочного процесса сталкивается с допингом.

¹⁴²⁴Воронина В.Т., О развитии легкой атлетики в России. УДК 316:304.3:796. 2017 Г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-razviti-i-legkoy-atletiki-v-rossii>.

¹⁴²⁵Жилкин А.И., Кузьмин В.С., Седорчук Е.В. Теория и методика легкой атлетики: учебник для студ. Учреждения высш. Проф. Образования – 7-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2013. – 464 с. С 9-10.

Этимология слова «допинг» (англ. doping) происходит от английского слова «to dope», что в переводе означает «давать наркотические средства». Слово «допинг» первоначально использовалось для обозначения напитка, который Южно-Африканские племена принимали во время своих религиозных ритуалов. Применительно к спорту, термин стал применяться с 1856 года. Впервые слово «допинг» применили по отношению к спортсменам, принимавшим стимуляторы во время соревнований по плаванию, проводившихся в Амстердаме¹⁴²⁶.

С общемедицинской точки зрения к допингу можно отнести биологически активное вещество, способ или метод искусственного повышения спортивной работоспособности, который оказывает побочный эффект на организм.

На сегодняшний день допинг скандал в спорте не утихает и всем спортивным сообществом признается определение, которое содержится во всемирном антидопинговом кодексе: «допингом считают одно или более нарушений антидопинговых правил».

Нарушениями антидопинговых правил являются: присутствие запрещенных субстанций в пробе, взятой у спортсмена, отказ или не предоставление проб после того, как спортсмен был проинформирован о необходимости их сдачи, фальсификация или попытка фальсификации в любой сфере допинг – контроля, распространение любой запрещенной субстанции или запрещенного метода¹⁴²⁷.

Прежде чем антидопинговое агентство вынесет свое окончательное административное решение о том, что антидопинговое правило было нарушено, должны соблюдаться следующие принципы: антидопинговое агентство должно направить спортсмену уведомление о состоявшемся нарушении и характере нарушения антидопингового правила, рассмотреть объяснение спортсмена к которому предъявлена санкция, а также рассмотреть было ли нарушение нормы в процессе тестирования или в лабораторном анализе, которое вызвало сомнение в неблагоприятном результате анализа на применение запрещенных средств. Антидопинговые агентства уполномочены в случае положительного результата анализа на употребление запрещенных средств, временно отстранить спортсмена от участия в соревнованиях¹⁴²⁸.

Первое нарушение антидопинговых правил карается дисквалификацией спортсмена сроком на два года. Повторное нарушение карается пожизненной дисквалификацией спортсмена. Тем не менее, каждый спортсмен должен иметь возможность, до того, как дисквалификация вступит в силу, предоставить обоснования для сокращения или отмены срока дисквалификации.

В качестве условия для восстановления права на участие спортсмен должен в период дисквалификации быть доступным для вызова, явиться на прохождение

¹⁴²⁶ Кротов А.В., Елисеева Е.В., Гельцер Б.И. Запрещенные вещества в спорте и допинговый контроль. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 112 с. С. 7-8.

¹⁴²⁷ Ст.2 Всемирный антидопинговый кодекс 2015. URL: http://www.flgr.ru/antidoping/Doc/2147.html#_Точ391290739.

¹⁴²⁸ Кротов А.В., Елисеева Е.В., Гельцер Б.И. Запрещенные вещества в спорте и допинговый контроль. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 112 с. С. 11-13.

допинг – контроля вне соревнования в любое антидопинговое агентство, уполномоченное на тестирование, а также предоставить по требованию современную и достоверную информацию о своем местонахождении и состоянии. Также спортсмен имеет право на апелляцию в Апелляционной палате Арбитражного спортивного суда¹⁴²⁹.

Комитет Государственной думы по государственному строительству и законодательству рекомендовал принять во втором чтении законопроект, вводящий административное наказание для спортсменов за употребление допинга. Спортсменов, которые употребляют допинг, будут штрафовать от 30 до 50 тысяч рублей. Правительство Российской Федерации поддержало законопроект. Было отмечено экспертами, что действующим российским законодательством не предусмотрена административная ответственность спортсменов за нарушение антидопинговых правил, кроме профессиональной дисквалификации¹⁴³⁰.

В случаях уличения спортсмена в употреблении запрещенных веществ, ответственность распространяется только на тренеров, спортивных врачей, и других специалистов, которые склонили спортсмена к употреблению допинга, не зависимо от его согласия.

Кроме того, проектом вводится административная ответственность за распространение спортсменом, тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистам в области физической культуры и спорта запрещенной субстанции или метода, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Такое правонарушение повлечет наложение административного штрафа в размере от 40 до 80 тысяч рублей. Данный вид наказания уже был ранее предусмотрен статьей 6.18 КоАП РФ¹⁴³¹.

По словам экспертов, часть запрещенных препаратов попадает под действие статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации. Некоторые запрещенные вещества, которые являются допингом, не попадают под действие данной статьи. За распространение запрещенных веществ, предусмотрена лишь административная ответственность¹⁴³².

При этом ужесточается ответственность за склонение несовершеннолетнего спортсмена к употреблению допинга. Данная норма была закреплена в статье 230.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Законопроектом она исключается из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁴³³.

¹⁴²⁹ Кодекс международного спортивного арбитража. Действует с 22.11.1994 г. URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxID=1538>.

¹⁴³⁰ Рекорды без химии. Российская газета – Федеральный выпуск № 74 (7832) от 03.04.2019 г. URL: <https://rg.ru/2019/04/03/sportsmenov-budut-shtrafovat-za-upotreblenie-dopinga.html>.

¹⁴³¹ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 №195-ФЗ)URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/38aea5cc2706fc15af7db2c4b3230df210f15b16/.

¹⁴³² «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deb8cd782c79ab8888215304186ca7e15ffb2fdc.

¹⁴³³ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deb8cd782c79ab8888215304186ca7e15ffb2fdc.

Вопросы борьбы с допингом в спорте длительное время обсуждаются на международном уровне, вводятся новые методы профилактики и борьбы с применением допинга, ужесточается ответственность за применение, склонение и распространение в спорте запрещенных веществ.

На сегодняшний день комиссия Международного антидопингового агентства (WADA) рекомендовала исключить часть деятелей российского спорта. Пожизненно отстранены спортсмены: — Екатерина Поистогова бег на 800 м. Бронзовый призёр Олимпийских игр 2012 года. Анастасия Баздрева 400 и 800 м. Чемпионка России 2015 года в помещении. Так же имеются и другие спортсмены, попавшие под подозрение. Независимая комиссия рекомендовала провести в их случае дополнительное расследование. Сергея Португалова, руководителя Всероссийского института физической культуры и спорта предложено уволить пожизненно с поста директора. Он не должен работать и участвовать в государственных программах, связанных со спортом¹⁴³⁴. Данный факт является еще одним доказательством того, что мировой допинг скандал в легкой атлетике коснулся не только спортсменов, но и руководителей спортивных организаций.

В современном спорте высших достижений, в частности в легкой атлетике, наблюдается тенденция применения фармакологической поддержки до соревновательного и восстановительного периода профессиональных спортсменов. Запрещенные в спорте вещества давно уже озвучены Всемирным антидопинговым агентством, и антидопинговые правила регулярно доводятся до сведения атлетов, их тренеров и спортивных врачей. Спортсмены-легкоатлеты осознают всю ответственность, которая наступает за употребления запрещенных спортивных веществ, но, к сожалению, новые разработки в области фармакологии вселяют в некоторых спортсменов надежду, что запрещенные приемы не будут установлены в процессе допингового контроля. Ответственность за употребление допинга всегда несет спортсмен, на нем находится презумпция виновности в случае нарушения любого положения Антидопингового кодекса. Кроме того, проблема допинга не может быть решена при отсутствии национальных программ и международного законодательства, посвященного борьбе с допингом. Современные методики тренировок, высококвалифицированные тренеры, новаторские способы восстановления спортсменов после тренировочного процесса, фармакологическая поддержка не запрещенными и безопасными для здоровья спортсмена средствами, грамотное отношение спортсмена к тренировочному процессу, его моральная и физическая отдача любимому виду спорта является подлинной формулой спортивного успеха. Спорт без допинга должен быть безальтернативным выбором российских спортсменов.

§ 10. Распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство спортсмена или подрывающих его репутацию, повлекшие нравственные переживания, способные повлиять на результат его деятельности: историко-правовой анализ¹⁴³⁵

Распространение заведомо ложных сведений, несоответствующих действительности порочит честь и достоинство любого лица, подрывает его репутацию и, безусловно, влечет нравственные переживания и страдания не только того лица, в отношении которого данное деяние совершено, но и его родных и близких.

Рассматриваемое деяние является общественно-опасным и влечет уголовную ответственность, предусмотренную уголовным законом (ст. 128.1 УК РФ).

Согласно диспозиции обозначенной уголовно-правовой нормы (ч.1 ст.128.1 УК РФ) распространение заведомо ложных сведений (клевета) является уголовно-наказуемым в том случае, если оно порочит честь и достоинство любого другого лица или подрывает его репутацию.

При этом, социально-правовой статус лица, в отношении которого совершаются клеветнические действия, занимаемая им должность или осуществляемая деятельность квалифицирующего значения не имеют.

Между тем, распространение заведомо ложных сведений, обычно, осуществляется в отношении лица, в зависимости от занимаемой им должности или осуществляемой им деятельности с тем, чтобы опорочить его доброе имя или подорвать его репутацию.

При этом, в части 2 ст. 128.1 УК РФ определяется лишь способ совершения данного преступления: клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. В части 3 данной статьи определяется субъект клеветы в качестве специального (с использованием своего служебного положения), в частях 4 и 5 устанавливается характер распространяемых заведомо ложных сведений: клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера либо иного тяжкого или особо тяжкого преступления.

Как видно из анализа ст. 128.1 УК РФ «Клевета» законодатель практически не учитывает характер осуществляемой деятельности или занимаемую должность лица, в отношении которого распространяются заведомо ложные сведения. Как нам представляется, такое положение уголовного закона нуждается в совершенствовании.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что законодатель вообще никак не предусматривает в качестве квалифицирующих обстоятельств занимаемую должность

¹⁴³⁴ Анализ решения комиссии WADA. URL: <https://www.championat.com/other/article-3271935-dobegalis-ves-spisok-rossijskikh-zhertv-komissii-wada.html>.

¹⁴³⁵ Данный параграф выполнен М.Х. Гельдибаевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

или осуществляемую деятельность лицом, в отношении которого совершаются клеветнические действия.

Так, в ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава» предусмотрена уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений (клевета) именно в отношении лиц, занимающих определенные должности и в связи с осуществлением ими определенной деятельности. Правда, круг этих лиц можно было бы и расширить, включив в их число, в том числе, адвоката, важного участника процесса отправления правосудия.

Однако, само по себе это обстоятельство безусловно является значимым и заслуживающим поддержки, поскольку отправление правосудия без каких-либо противодействий, в том числе и клеветой в отношении лиц, призванных осуществлять правосудие это важное и неотъемлемое составляющее нормального функционирования общества.

Между тем, жизнедеятельность общества очень разнообразна, значимую и ощутимую роль в нем играют и другие лица, в силу осуществляемой деятельности или занимаемой должности, честь и достоинство которых, а также их репутация должны быть законодательно защищены в не меньшей степени.

К числу таких лиц можно отнести и спортсменов, национального и международного уровня, выполняющие специфическую профессиональную деятельность, достаточно уязвимые с точки зрения распространения в отношении них заведомо ложных сведений, способных повлиять на результаты их деятельности.

Ныне действующее уголовное законодательство эти обстоятельства не учитывает должным образом. Хотя внесение УК РФ новой ст.298.1 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава» Федеральным законом от 28.07.2012 №141-ФЗ в качестве примера показывает то, что занимаемая должность или осуществляемая деятельность могли бы учитываться и применительно к иным лицам. Для чего, потребуются соответствующие изменения уголовного законодательства с расширением круга лиц, осуществляемая деятельность или занимаемая ими должность которых могли бы рассматривать в качестве квалифицирующих обстоятельств, в случае совершения в отношении них клеветнических действий.

Обращает внимание то, что эти обстоятельства в действующем уголовном законодательстве не учитываются должным образом, впрочем, как и не учитывались ранее в уголовном законодательстве РСФСР.

Так, УК РСФСР 1922 г. предусматривал уголовную ответственность за совершение рассматриваемого деяния в двух правовых нормах: в статье 174, в которой клевета рассматривалась как оглашение заведомо ложного и позорящего другое лицо обстоятельства и в статье 175 «клевета в печатном или иным образом размноженном произведении ...». Во второй норме, как видно, речь идет о способе клеветы, т.е. оглашении заведомо ложного и позорящего другое лицо обстоятельства¹⁴³⁶.

¹⁴³⁶ [https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_\(1922\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_(1922)) (дата обращения 15.04.20).

При этом, правовой статус, должность либо характер осуществляемой деятельности лица, в отношении которого осуществляется клевета квалифицирующего значения не имели.

Эти обстоятельства также не обозначались в качестве имеющих квалифицирующее значение и в УК РСФСР 1926 г. В данном, нормативно-правовом кодифицированном, акте клевета понималась как распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (ч.1 ст.161), а в части 2 ст. 161 УК РСФСР раскрывался лишь способ совершения этого преступления: «клевета в печатном или иным способом размноженном произведении...»¹⁴³⁷.

УК РСФСР 1960 г. несколько расширяет понимание клеветы как состава преступления. Так, ч. 1 ст.130 УК РСФСР под клеветой понимается распространение заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений, ч.2 наряду с способом совершения данного преступления («клевета в печатном или иным способом размноженном произведении...») характеризует и субъекта рассматриваемого состава преступления («...а равно совершенная лицом, ранее судимым за клевету»). В данной статье введено и новое квалифицирующее обстоятельство: клевета, соединенное с обвинением в совершении государственного или иного тяжкого преступления¹⁴³⁸.

Таким образом, уголовное законодательство РСФСР, осуществляемая деятельность лица или занимаемая им должность, также не рассматривало в качестве квалифицирующих обстоятельств. Между тем, клеветнические действия, как правило, осуществляются в отношении лиц, занимающих те или иные должности либо в связи с их деятельностью в целях опорочить их честь, достоинство и доброе имя, а также подорвать их репутацию.

Действующий УК РФ существенно отличается от обозначенных выше уголовных кодексов. Вместе с тем, данный кодекс нуждается в совершенствовании применительно к отдельным положениям несмотря на то, что за период его действия в него было внесено более тысячи изменений, дополнений, в том числе, с введением новых составов преступлений.

Так, Федеральным законом от 22.11.2016 №392-ФЗ в УК РФ введены новые составы преступления: ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных к использованию в спорте» и ст. 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»¹⁴³⁹.

Появление указанных правовых норм в отечественном уголовном законодательстве объясняется эпизодически возникающими скандалами в период

¹⁴³⁷ О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения 15.04.20).

¹⁴³⁸ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. <https://dikipedia.ru/document/5160972> (дата 15.04.20 г.)

¹⁴³⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 2 февраля 2020 года + таблица изменений + путеводитель по судебной практике. – Москва: Эксмо, 2020. – 384 с. – (Актуальное законодательство)

проведения соревнований, как правило, международного уровня или на этапе подготовки к ним, по поводу применения или использования «допинга» спортсменами той или иной страны, в том числе и России.

Как известно, информация об этом широко транслируется в средствах массовой информации большинства стран, нередко с указанием конкретных спортсменов. Эти обстоятельства негативно влияют не только на этих лиц, вызывая у них переживания и страдания, способные снизить результаты их деятельности, но также подрывают их репутацию и репутацию страны, которую они представляют.

При этом, в подавляющем большинстве случаев, распространяемая информация о применении или использовании «допинга» спортсменом не подтверждается. Существенным фактором, объясняющим такое положение, является то, что данная информация имеет заведомо ложный характер и изначально направлена на снижение спортивных результатов, и (или) дисквалификацию спортсмена, а также на подрыв репутации представляемой им страны.

Кроме того, распространение заведомо ложной информации о применении или использовании спортсменом субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте может иметь место не только в отношении него самого, но и его тренера, специалиста по спортивной медицине либо иного специалиста в области физической культуры, от деятельности которых опосредовано зависят результаты и достижения спортсмена в процессе подготовки и его участия в спортивных соревнованиях.

Таким образом, учитывая значимость защиты чести и достоинства лица (лиц), его (их) репутации, в данном случае спортсмена, осуществляющего специфическую профессиональную деятельность, а также его тренера, специалиста по спортивной медицине либо иного специалиста в области физической культуры, которые организуют, обеспечивают и сопровождают спортсмена в период подготовки и проведения спортивных соревнований, считаем необходимым предложить следующие изменения в действующее уголовное законодательство путем введения в УК РФ нового состава преступления:

Ст. 230.3 УК РФ «Клевета в отношении спортсмена, тренера, специалиста по спортивной медицине или иного специалиста в области физической культуры и спорта» -

1. Клевета, т.е., распространение в отношении спортсмена посредством любых средств массовой информации, включая и интернет-ресурсы заведомо ложных сведений об использовании им субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте – наказывается...

2. Клевета, т.е., распространение в отношении тренера спортсмена, специалиста по спортивной медицине или иного специалиста в области физической культуре заведомо ложных сведений о склонении спортсмена к использованию им субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте – наказывается...

3. Те же действия, совершенные группой лиц, группой лиц с предварительным сговором или организованной группой – наказывается...

Полагаем, что внесение обозначенных изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство позволит наиболее эффективно противодействовать преступности в сфере спорта, защитить честь и достоинство спортсмена, иных лиц, вовлеченных в организацию и проведение спортивных соревнований, репутацию этих лиц, а также репутацию представляемой им страны.

§ 11. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья участников спортивных бойцовских единоборств: миф, реальность, необходимость?¹⁴⁴⁰

Современная спортивная терминология среди видов спортивных единоборств выделяет боевые единоборства. Боевые виды спорта (единоборства) – виды спорта, в которых спортсмены добиваются победы с помощью физического контакта. Боевые виды спорта можно условно разделить на две большие группы: использующие и не использующие оружие. Существуют и другие критерии их классификации¹⁴⁴¹.

Наряду с этим встречаются трактовки единоборств в иной формулировке – как спортивно-бойцовских занятий. В более широком варианте они именуется боевыми искусствами. Боевые искусства – различные виды единоборств и самозащиты разного, часто восточноазиатского происхождения; развивались главным образом как средства ведения рукопашного поединка¹⁴⁴².

Исследователи, отмечая причудливые сочетания различных видов единоборств, задумываются над перспективами трансформации когда-то чисто боевых (военных) единоборств в спортивные. Не станет ли бесконтрольный спортивно-боевой «коктейль» джином, выпущенным из бутылки? Ответ на этот вопрос требует глубокого осмысления с точки зрения философских, гуманистических, правовых и других позиций. В статье «Спортивные и спортивно-боевые единоборства» заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по научной работе Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма А.А. Передельский и В.А. Дамдинцурунов – руководитель специализации «Служебно-прикладные единоборства» кафедры того же университета неоднозначно относятся к динамичным изменениям, происходящим в спортивных единоборствах, «вышедших» когда-то из строго боевых искусств¹⁴⁴³. Исследуя характер и пределы таких «вторжений», учёные замечают: «Специализация и универсализация – две тенденции в развитии спортивных единоборств. Как бы то ни было, в

¹⁴⁴⁰ Данный параграф выполнен В.Н. Сафоновым при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

¹⁴⁴¹ Спортивная энциклопедия «СпортВики». URL: <http://ru.sport-wiki.org/>. Дата доступа: 21 апреля 2020 г.

¹⁴⁴² Википедия. Электронный ресурс. URL: <https://ru.wikipedia.org/>. Дата доступа 21 апреля 2020 г.

¹⁴⁴³ Передельский А.А., Дамдинцурунов В.А. Спортивные и спортивно-боевые единоборства // Актуальные проблемы обеспечения деятельности человека в экстремальных условиях. Итоговый сборник тезисов докладов сотрудников кафедры ТИМ ПВСиЭД за 2010-2014 гг. 2014. С. 89-95.

современном мире единоборств борются две четко выраженные тенденции. Одна из них фиксирует регулярно имеющее место (при интеграции боевого единоборства в спорт) стремление избавиться от универсальности, «жесткости», подчиниться правилам и законам, диктуемым самой природой, назначением спорта в качестве модели, условного заместителя и ограничителя реальности»¹⁴⁴⁴.

Тенденциозность, противоречивость развития спортивных единоборств подтверждают исследования С. В. Липатова – автора книги «Современный панкратион: становление универсального бойца – единоборца», в которой он пишет: «Попытки вернуться к первоначальной сущности единоборства как боевого искусства с его прикладным характером, построенного на многоборческой основе, а также придание этому движению спортивной направленности всегда существовали и сопровождалась определенными трудностями»¹⁴⁴⁵.

Может быть, эти попытки «вернуться к первоначальной сущности единоборства как боевого искусства», облакаемые в одежды зрелищности, и лежат в основе тупиковых правовых проблем, связанных с правовой оценкой причинения вреда жизни и здоровью участников боевых единоборств?

Фундаментальные теоретические исследования в сфере спорта специалистов соответствующих направлений позволяют скорректировать предмет нашего исследования. Мы ограничиваем его характером спортивного противостояния, а именно – силовым воздействием на соперника, и способом, ограничиваясь ударными и бросковыми техниками. Второй критерий для нас представляется принципиально важным, так как его отсутствие автоматически расширяет круг единоборств, включая, например, фехтование, регби и др. Тем самым, категория «спортивные бойцовские единоборства», на наш взгляд, включает бокс и его разновидности, все виды борьбы и смешанные боевые искусства (также ММА – от англ. Mixed martial arts) – боевые искусства (часто неверно называемые «боями без правил»), представляющие собой сочетание множества техник, школ и направлений единоборств.

Предвидя возможные возражения против подобной трактовки обозначенного термина, считаем уместным обратить внимание на терминологическое многообразие в данной сфере на фоне динамичности развития спортивной мысли с её многочисленными специализациями (философия спорта, психология спорта, спортивная психология, спортивное право и др.). Так, из общего ряда спортивных единоборств специалисты выделяют группу ударных единоборств, куда относят разновидности бокса¹⁴⁴⁶.

Мы же считаем уместным и принципиальным связывать постановку вопроса о правовой охране жизни и здоровья применительно именно к спортивным бойцовским единоборствам с учётом «заточенности» состязующихся на нанесение

¹⁴⁴⁴ Там же.

¹⁴⁴⁵ Липатов С.В. Современный панкратион: становление универсального бойца-единоборца. Иваново: Талка, 2006. – 288 с.

¹⁴⁴⁶ Черкашин И.А. Физическая подготовка спортсменов в ударных видах спортивных единоборств: кикбоксинг К1 и тайский бокс: учебно-методическое пособие / И.А. Черкашин, П.П. Охлопков, Е.В. Черкашина. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. – 92 с.

максимально сильных ударов и мощных бросков. При этом с точки зрения признаков таких действий, в ряде случаев они нередко попадают в правовое поле с точки зрения необходимости их оценки.

Прежде чем обсуждать обоснованность и пределы вмешательства права в регулирование охраны жизни и здоровья в сфере спортивных бойцовских единоборств, уместно обратиться к «цене вопроса» – объекту правовой охраны.

Во-первых, стоит помнить, что охрана жизни и здоровья человека – первоочередная задача Конституции и уголовного права РФ. Именно этот видовой объект уголовно-правовой охраны открывает Особенную часть УК РФ. Спортивный травматизм, включая случаи причинения смерти в ходе состязаний, традиционно представляет собой сферу интересов различных направлений медицины. Однако в последние годы эта проблема привлекла к себе представителей и специалистов других сфер: законодателей, юристов, в том числе – практиков и теоретиков, специалистов в области страхования, учёных-философов, психологов, педагогов.

В очередной аналитической статье в «Российской газете» от 31.07.2019 г. с говорящим названием «Гонг.Нокаут.Морг» приводится печальная статистика смертей на ринге: ежегодно в результате тяжёлых травм (обычно травм головного мозга) в мире погибает 40 спортсменов. Автор статьи П. Петровский приводит убедительные доводы, подтверждающие практически гарантированную травмоопасность этого вида спорта с тяжкими последствиями в виде черепно-мозговых травм, нередко влекущих и другие последствия, среди которых наиболее частое – болезнь Паркинсона и приравнивает в этом отношении бокс к узаконенному убийству. Конкретным и на тот момент последним поводом для написания статьи этим автором стала смерть от черепно-мозговой травмы, полученной российским боксёром Максимом Дадашевым в ходе боя с Сабриэлем Матисом в ночь на 20 июля 2019 г. Отборочный поединок по версии IBF был остановлен после 11-го раунда по просьбе угла россиянина, который почувствовал себя плохо и по пути в раздевалку потерял сознание. В больнице боксеру был диагностирован отек головного мозга. Впоследствии он перенес двухчасовую операцию по поводу субдуральной гематомы, а 23 июля спортсмена не стало¹⁴⁴⁷.

Попытка осмысления столь печальной спортивно-боевой практики была бы неполной без более глубокого обращения к ней с точки зрения медицины и действующего права.

Без преувеличения можно сказать, что лечение и профилактика специфического травматизма и заболеваемости бойцов-единоборцев представляет собой масштабную проблему мирового уровня, которой посвящены многочисленные научные исследования¹⁴⁴⁸. Общей приметой спортивного травматизма бойцов-единоборцев является опасность, связанная с частыми травмами головного мозга. Даже в самых «нейтральных» исследованиях особым рефреном звучит именно проблема

¹⁴⁴⁷ Петровский П. Гонг.Нокаут.Морг//Российская газета.29 июля 2019 г.

¹⁴⁴⁸ Арансон М.В., Озолин Э.С., Шустин Б.Н.Тенденции научных исследований в видах единоборств//Вестник спортивной науки. 2015. № 3. С. 3-7.

здоровья единоборцев – представителей ударных и бросковых видов спорта. В частности, в рамках государственного задания ФГБУ ФНЦ ВНИИФК на выполнение научно-исследовательской работы в период 2012–2015 гг. группой учёных проводились специальные комплексные исследования, цель которых – выявление наиболее актуальных направлений исследований и инновационных методик подготовки спортсменов-единоборцев. Был изучен зарубежный опыт исследования спортивно-боевого травматизма. В США наиболее травмоопасным из олимпийских видов единоборств оказалось тхэквондо. Из всех травм, которые требовали госпитализации, 10,3% составили травмы, связанные с боксом, 59,8% – связанные с борьбой, 29,9% – с боевыми искусствами. Одним из наиболее сложных и противоречивых вопросов медицинского сопровождения спортивной подготовки единоборцев является лечение и профилактика травм головного мозга. Известно, например, что сотрясения мозга у спортсменов диагностируются с трудом; однако их последствия могут проявиться через значительное время¹⁴⁴⁹.

Среди выводов исследования в рамках задания ФГБУ ФНЦ ВНИИФК – наиболее важными признаются лечение и профилактика специфического травматизма спортивных единоборств¹⁴⁵⁰.

Отечественные специальные исследователи приводят к аналогичным выводам. В частности, А.С. Коваленко и Г.Г. Павлецова констатируют, что «Главной проблемой является высокий травматизм занимающихся спортивно-боевыми единоборствами. В спорте существует большое количество травм жизненно важных органов, одними из которых являются травмы головного мозга. Сдавление головного мозга зачастую влечет за собой смерть из-за внутреннего кровоизлияния»¹⁴⁵¹.

Если не брать более обширную проблему преступлений против личности в сфере спорта в целом, то попытка уголовно-правового разрешения проблемы причинения вреда здоровью и смерти в сегменте бойцовских единоборств имеет два наиболее очевидных вектора развития. Первый из них адресован проблеме защиты жизни и здоровья самих участников бойцовских единоборств. Однако в последние годы получила резонанс проблема «злоупотребления» спортивными навыками бойцов-единоборцев в обыденной жизни, когда в ходе межличностных конфликтов они причиняют неоправданный вред или даже смерть своим неспортивным «соперникам». Коснёмся и мы этих проблем в обозначенной последовательности.

Мнения исследователей в вопросе уголовно-правового регулирования причинения участникам спортивных единоборств вреда здоровью или смерти разделились и обнаруживают разные взгляды на проблему. Так, доктор юридических наук Президент Союза адвокатов России И.Л. Трунов, констатирует: «Статистика

травматизма в спорте ужасает. Подсчитано, что в год происходит порядка 10 млн. спортивных травм. Больше половины переломов обходятся спортсменам хроническими заболеваниями, годами лечения и нервных расстройств, снижением продолжительности жизни на 10-15 % по сравнению с остальными людьми»¹⁴⁵². Этот учёный попытку уголовно-правового регулирования случаев травматизма и причинения смерти спортсмену при занятии спортом считает лишённой оснований, так как отсутствуют необходимые признаки общественного опасного деяния, указанные в ст.14 УК РФ – общественная опасность и противоправность, а сама эта деятельность является общественно полезной. Несмотря на то, что причинение травмы в ходе спортивных занятий не указано в уголовном законе как обстоятельство, исключающее преступность деяния, фактически, считает И.Л. Трунов, здесь имеет место деяние, за которое лицо при других обстоятельствах могло быть привлечено к уголовной ответственности. Но она не наступает в силу общественной полезности совершаемой деятельности. Социально полезная цель при занятиях спортом – это пропаганда здорового образа жизни, и, как следствие, укрепление здоровья населения¹⁴⁵³.

Несложно заметить противоречивость позиции И.Л. Трунова, когда он, констатируя ужасающую ситуацию спортивного травматизма, включая умышленные грубые действия одного спортсмена против другого (в частности, и случай, описываемый самим И.Л. Труновым, когда боксёр-тяжеловес Майк Тайсон в бое за звание чемпиона мира откусывает часть уха Эвандеру Холифилду), случаи гибели на ринге боксёров, отрицает возможность уголовно-правового регулирования ситуации. Сложно не заметить в цитируемой работе И.Л. Трунова того, что основной аргумент его позиции – зрелищность спорта: «Не отправил соперника в тяжёлый нокаут – значит, не было эффекта, не было зрелищности, не было того, что требует зритель. Спортивный травматизм – это обязательная составляющая профессии. Спорт, современный особенно, предусматривает страсть и азарт. Это часть шоу, часть той индустрии бизнеса, коим он является. Нет страсти на ринге или арене — никто на соревнования не придет»¹⁴⁵⁴.

Сложно не заметить ещё одного «игрока» в сфере спорта – бизнес с его масштабными оборотами. Необходимая планка зрелищности, тенденции возврата спортивных единоборств к исходным жёстким формам – не те ли это «верёвочки», за которые дёргает бизнес, уделяя роль марионетки спорту.

По мнению М.С. Гринберга, уголовное право не должно вмешиваться в спортивную деятельность и определять условия, при соблюдении которых лица, причинившие вред жизни или здоровью в процессе занятий спортом, освобождались бы от уголовной ответственности. Таким задачам в наибольшей степени

¹⁴⁴⁹ Pappas E. Boxing, wrestling, and martial arts related injuries treated in emergency departments in the united states, 2002–2005 [Text] // Journal of Sports Science and Medicine. – 2007. – 6(CSSI-2). – P. 58–61.

¹⁴⁵⁰ Арансон М.В., Озолин Э.С., Шустин Б.Н. Указ. раб.

¹⁴⁵¹ Коваленко А.С., Павлецова Г.Г. Травматизм в спортивно-боевых единоборствах. В сб.: Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2015. с. 76-77.

¹⁴⁵² Трунов И.Л. Подлежат ли уголовной ответственности современные спортивные гладиаторы. Причинение вреда жизни или здоровью спортсменов и уголовная ответственность // Русский журнал правовых исследований. 2015. №3 (4). С.140-145.

¹⁴⁵³ Там же.

¹⁴⁵⁴ Там же.

соответствует обычная конструкция казуса, исключая ответственность за объективно случайный результат¹⁴⁵⁵.

На случайности (невинности) причинения вреда при занятиях спортом настаивали М.Д. Шаргородский¹⁴⁵⁶ и А.А. Пионтковский¹⁴⁵⁷.

Верр правовых оценок причинения вреда здоровью или даже смерти в ситуациях с бойцовскими поединками дополняет позиция тех исследователей, которые упомянутые негативные последствия объясняют согласием потерпевшего, как обстоятельства, исключающего преступность деяния. К этой группе исследователей относится А.Н. Красиков¹⁴⁵⁸. Заметим, что, по существу, А.Н.Красиков подменяет понятия, т.к. в данном случае спортсмен даёт согласие на участие в спорте, а не на причинение вреда его здоровью или жизни применением запрещённых приёмов.

Позицию А.Н. Красикова совершенно обоснованно критикует А.А. Скворцов, указывая на следующее. При причинении вреда жизни или здоровью в спорте лицо не находится в состоянии «обоснованного риска», как обстоятельства, исключающего преступность деяния (ст. 41 УК РФ), так как не соблюдаются условия правомерности: лицо идет на риск, связанный с возможностью причинения вреда, ради достижения личной выгоды, которая представляет интерес только для спортсмена; отдельные виды спорта (например, бокс) предусматривают физическое воздействие на организм человека, как обязательное условие достижения спортивного результата, исходя из чего, наступивший вред закономерен, а не маловероятен. «Согласие потерпевшего», «выполнение общественно полезных функций» не являются самостоятельными видами обстоятельств, исключающих преступность деяния, так как не включены в действующий уголовный кодекс. Поэтому нельзя ссылаться на эти обстоятельства, как на исключающие преступность деяния при причинении вреда жизни или здоровью в спорте.

Исключение ответственности при причинении вреда жизни или здоровью при занятиях спортом А.А. Скворцов связывает с отсутствием противоправности, так как эта деятельность носит общественно полезный характер (укрепление здоровья) и не запрещена действующим законодательством¹⁴⁵⁹.

Среди выводов, к которым приходит А.А. Скворцов, нам в целом импонируют и следующие:

¹⁴⁵⁵ Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. С. 25–26.

¹⁴⁵⁶ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья: Монография. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. – 512 с.

¹⁴⁵⁷ Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления: в 6 т. Часть Особенная: т. 5 / Г. Л. Кригер, А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин. – М.: Наука, 1971. – 572 с.

¹⁴⁵⁸ Красиков А.Н. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 14.

¹⁴⁵⁹ Скворцов А. А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни или здоровью при занятиях спортом. Автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2005. С.16.

1.Обоснование уголовной ответственности на общих основаниях за причинение вреда здоровью или смерти на спортивной площадке, когда это не связано со спортивной борьбой или ведением игры;

2.Обоснование необходимости и редакция ст.239-1 УК РФ, которая предусматривала бы ответственность за грубое нарушение спортивных правил соревнований, лицом, занимающимся спортом, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, а в квалифицированных составах – смерти по неосторожности (ч.2) или смерти по неосторожности двум или более лицам (ч.3).

На необходимости выделения в специальные составы преступлений – причинение смерти по неосторожности вследствие грубого нарушения установленных правил видов спорта и положений (регламентов) о спортивных соревнованиях и причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие грубого нарушения установленных правил видов спорта и положений (регламентов) о спортивных соревнованиях настаивает В.В. Сараев. Однако, по мнению этого учёного, систематическое место таких преступлений с учётом особенностей объекта посяательства – соответственно в ч.1 ст.109 и ч.1 ст. 118 УК РФ¹⁴⁶⁰.

Соглашаясь с рядом выводов А.А. Скворцова, заметим, что непротивоправность причинения опасного для здоровья и жизни вреда спортсмену в ходе состязаний, исключая ответственность – лишь внешне убедительный аргумент. Законность такого причинения не определяется согласием потерпевшего на участие в состязании, так как согласие на состязание и согласие на причинение любого вреда как результата – не одно и то же. Не следует забывать, что противоправность деяния – признак, производный от другого, материального свойства деяния – общественной опасности.

В исследованиях последних лет причинение вреда здоровью или смерти в спортивных состязаниях предлагается рассматривать в качестве формы обоснованного риска. В частности, Г.Ю. Сокольский, аргументирует свою позицию тем, что «лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам, также удовлетворяется сферой физической культуры и спорта. Такими достаточными мерами являются регламентированные правила определенного вида спорта, спортивные судьи, которые осуществляют контроль, меры активной и пассивной безопасности и т. д. Обоснованный риск никогда не должен быть сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Трудно себе представить, что спорт каким-либо образом угрожал бы жизням многих людей, мог повлечь экологическую катастрофу или общественное бедствие¹⁴⁶¹.

¹⁴⁶⁰ Сараев В.В. уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России. Дисс. ...к.ю.н. Саратов, 2009. С.74-92

¹⁴⁶¹ Сокольский Г.Ю. Обстоятельство, исключающее преступность деяния при причинении вреда жизни и здоровью в сфере физической культуры и спорта// Ленинградский юридический журнал. 2019. № 3 (57). с. 149-154.

Затянувшаяся дискуссия о месте причинения вреда здоровью и жизни в сфере спортивных единоборств в уголовно-правовой материи имеет свои особенности, ведь речь идёт об умышленных действиях спортсменов, цель которых – нанести удар или бросок сопернику с максимально возможными для победного исхода боя последствиями. В момент нанесения удара или броска спортсмен не может с точностью «отвесить» максимально допустимые усилия, которые, с одной стороны, привели бы к победе, а, с другой – сохранили бы в безопасности здоровье и жизнь соперника.

Всё это усиливает позиции исследователей, предлагающих закрепить в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, причинение вреда в ходе спортивных состязаний, если при этом не было допущено грубого нарушения правил спортивных состязаний, включив в гл.8 УК РФ соответствующую правовую норму¹⁴⁶².

В последние годы минимум трижды инициировалась попытка законодательно отнести использование в неспортивных противостояниях, т.е. в обычных межличностных конфликтах спортсменами-единоборцами бойцовских приёмов, к обстоятельствам, отягчающим наказание. Речь идёт о случаях, когда применение таких приёмов влечёт причинение опасного вреда для здоровья или смерть потерпевшего¹⁴⁶³.

К настоящему времени эти попытки не увенчались успехом. Стандартно такие ситуации выглядят следующим образом: спортсмен-единоборец в ходе межличностного конфликта наносит удар или проводит приём, в результате которого потерпевший ударяется головой о землю (асфальт, иное твёрдое покрытие) и от черепно-мозговой травмы погибает, либо ему причиняется тяжкий вред здоровью. Такие случаи обычно приобретают общественный резонанс. Считая упомянутую законодательную инициативу неоднозначной, мы полагаем, что адекватная реакция на такое «злоупотребление» специальными навыками бойцами-единоборцами не исчерпала себя в правоприменительной сфере. По нашему мнению, при квалификации подобных действий правоприменители без должной оценки упомянутых навыков и механизма совершения преступления (объективной и субъективной сторон деяния) обычно применяют нормы УК РФ о неосторожном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего или смерти.

Резюмируя вышесказанное, позволим себе предложить следующие выводы:

1.Тенденции развития современных спортивных бойцовских единоборств свидетельствуют о необходимости его теоретического осмысления и повышения уровня правового обеспечения.

¹⁴⁶² Возняк А.М. к вопросу о возможности привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда при занятии спортом. В сб: Наука и инновации XXI века материалы 3 всероссийской конференции молодых ученых. 2016. с. 35-38.

¹⁴⁶³ Куликов В. Удар с утяжелением//Российская газета. 1 ноября 2016 г. А также: Пулов Е.А. Об ответственности лиц, обладающих специальной физической или спортивной подготовкой в области силовых единоборств//Юридический мир.2012. №5. С.48-50.

2.Проблема правового регулирования причинения вреда здоровью или смерти в ходе спортивных бойцовских состязаний в российском в уголовном праве не решена.

3. В теории уголовного права РФ сложилось несколько подходов оценки причинения вреда здоровью или жизни спортсмена при проведении спортивных единоборств в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния. При этом ни одно из обстоятельств, предусмотренных гл.8 УК РФ, не может рассматриваться как безусловно распространяющееся на рассматриваемые случаи.

4. Целесообразным представляется закрепить в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, причинение вреда в ходе спортивных состязаний, если при этом не было допущено грубого нарушения правил спортивных состязаний, включив в гл.8 УК РФ соответствующую правовую норму.

5.Уместными являются предложения дифференциации ответственности за виновное причинение вреда здоровью или смерти единоборца в зависимости от того, связано ли это с грубым нарушением спортивных правил в условиях боя или когда это не было связано с ведением боя.

6.Нуждается в теоретических исследованиях и корректировке практика квалификация работниками правоохранительных органов и судов случаев причинения тяжкого вреда здоровью или смерти спортсменами-единоборцами, использующими спортивные приёмы в неспортивных конфликтах против лиц, не обладающих такими навыками, по нормам УК РФ, предусматривающим неосторожное причинение указанных последствий.

Отвечая на вопрос, вынесенный в название настоящей статьи (что представляет собой уголовно-правовая охрана жизни и здоровья участников бойцовских единоборств: миф, реальность или необходимость?), то сегодняшнему уровню уголовно-правовой охраны жизни и здоровья участников спортивно-бойцовских единоборств, на наш взгляд, соответствует категория «необходимость», ибо фаза «миф» правом и обществом, включая сам спорт, пройдена, а фаза «реальность» ещё не достигнута.

§ 12. Незаконный спорт: история регламентации ответственности за бои животных в России¹⁴⁶⁴

В современной России использование животных в спортивных соревнованиях предусмотрено такими нормативно-правовыми актами, как, например, Федеральный закон № 329-ФЗ от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», который закрепляет определение термина «животные,

¹⁴⁶⁴ Данный параграф выполнен Н.Ю. Филатовой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

участвующие в спортивных соревнованиях»¹⁴⁶⁵, Федеральный закон №498-ФЗ от 27.12.2018 «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регламентирующий требования, которые применяются при использовании животных в культурно-зрелищных целях (в, том числе, при спортивных соревнованиях)¹⁴⁶⁶. Правительством РФ разработаны правила, которые закреплены в Постановлении от 30.12.2019 N 1937 «Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию»¹⁴⁶⁷. В то же время в недавно принятом ФЗ № 498-ФЗ в ст. 11 содержится специальный запрет на организацию и проведение боев животных, которые расцениваются как жестокое обращение с ними.

Такая правовая регламентация была не всегда. До принятия в декабре 2018 года указанного закона, в сфере защиты животных от жестокого обращения на федеральном уровне действовала всего одна норма. Это ст. 245 УК РФ, которая предусматривала и в настоящее время предусматривает уголовную ответственность за жестокое обращение с животными. Но статья не конкретизирует, является ли организация и проведение боев животных незаконными действиями. В Государственную Думу Российской Федерации вносились предложения, направленные на усовершенствование ст. 245 УК РФ в части ужесточения ответственности именно за бои животных. Так, в сентябре 2016 года был внесен законопроект № 1175106-6, в котором, помимо прочего, был предусмотрен квалифицированный состав преступления в виде жестокого обращения с животными, выразившегося в организации и проведении боев и других зрелищных мероприятий с животными, если это деяние повлекло причинение животным увечий или их гибель. Депутаты предлагали наказывать виновных в таком деянии лишением свободы на срок от 3-х до 6-ти лет со штрафом в размере от 500 тыс. до 800 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3-х лет либо без такового¹⁴⁶⁸. Данные предложения не были учтены законодателем.

В результате, до принятия Закона № 498-ФЗ, пользуясь сложившимся «правовым вакуумом», на территории страны проводились бои животных. В сети Интернет можно найти большое количество публикаций, посвященных этим событиям. Например, в иностранном издании (New York Times), вышел специальный репортаж о собачьих боях в России¹⁴⁶⁹. Устраивались и гусиные, и петушиные бои¹⁴⁷⁰.

¹⁴⁶⁵ Федеральный закон № 329-ФЗ от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета – №276. – 8.12.2007 г.

¹⁴⁶⁶ Федеральный закон №498-ФЗ от 27.12.2018 «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета – №295. – 29.12.2018 г.

¹⁴⁶⁷ Постановление Правительства РФ от 30.12.2019 N 1937 «Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию» // СЗ РФ. 0 13.01.2020. – N 2 (часть I). – ст. 182

¹⁴⁶⁸ Законопроект №1175106-6. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1175106-6> (дата обращения 08.04.2020)

¹⁴⁶⁹ URL:https://www.nytimes.com/2007/02/09/world/europe/09dogfight.html?_r=2&pagewanted=1 (дата обращения 16.04.2020)

¹⁴⁷⁰ URL: <https://rg.ru/2012/02/27/reg-cfo/gusi-anons.html> (дата обращения: 09.04.2020)

Причем, последние считаются традиционным отечественным развлечением. В словаре под редакцией С.Н. Южакова и П.Н. Милокова 1901 года содержится следующее определение боев гусиных и петушиных: «старинная русская забава, сопровождавшаяся всегда значительными закладами, почти отошедшая в область преданий и воспрещенная в настоящее время вследствие ходатайства Общ. покровительства животных»¹⁴⁷¹.

И, действительно, анализ исторических документов показывает, что до 1860 года бои животных были законным развлечением.

Если рассматривать один из важнейших памятников древнерусского права – «Русскую правду», которая включала в себя нормы многих отраслей права, в том числе уголовного, то можно увидеть, что даже само понятие «жестокое обращение с животными» в ней отсутствует. Но встречается несколько статей, упоминающих животных в качестве предмета деяния. Так, в Краткой редакции (текст по академическому списку) содержится статья 28, которая регламентирует штрафы «за княжь конь, иже тои с пятном, 3 гривня, а за смердеи 2 гривня, за кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьяк 15 кун, а за лоньшину пол гривня, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата»¹⁴⁷². В статье 84 Пространной редакции также содержалась норма об ответственности за намеренное уничтожение чужого коня или скота¹⁴⁷³.

Анализ Соборного Уложения 1649 года позволяет сделать вывод, что в нем представлены более подробные нормы защиты животных, правда имевшие экономическое обоснование. Ст. 282, например, вводит новый вид животного – собаку: «А будет у кого собаку убьет нарочным делом, и на нем по сыску велеть за ту собаку, доправя указанную цену, отдать исцу»¹⁴⁷⁴. При этом специальных норм, предусматривающих ответственность за жестокое обращение с животными, нет.

С принятием Артикула воинского Петра I в 1715 году впервые в российском законодательстве появилась норма, которая закрепила ответственность за избиение животных, правда, не с имущественной точки зрения, а с нравственной. Согласно артикулу № 90, если кто-то из военнотружущих «скотину бить будет», то он будет «жесток наказан»¹⁴⁷⁵. Но здесь следует упомянуть, что, несмотря на положительные тенденции в сфере защиты животных от жестокого обращения, именно со временем правления Петра I часто связывают зарождение гусиных боев в России¹⁴⁷⁶.

¹⁴⁷¹ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний. Третий том / Под ред. С.Н. Южакова и П.Н. Милокова. Санкт-Петербург, – 1901. – С. 418-419

¹⁴⁷² Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Том 1. Русская правда / под общ. ред. О.И.Чистякова. М.: Юридическая литература, – 1984. – С.48

¹⁴⁷³ Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Том 1. Русская правда / под общ. ред. О.И.Чистякова. М.: Юридическая литература, – 1984. – С.70

¹⁴⁷⁴ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарий. / под ред. Г.В.Абрамович. Ленинград: Наука, 1987. – С.63

¹⁴⁷⁵ См.: Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: ПРОСПЕКТ, 1997. – С.169

¹⁴⁷⁶ URL: <https://rg.ru/2012/02/27/reg-cfo/gusi-anons.html> (дата обращения: 08.04.2020)

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года вводит понятие заражения скота и его отравления. При этом в нем также отсутствовала ответственность за жестокое обращение с животными как самостоятельное преступление, а все нормы, предусматривающие животных в качестве предмета, носили имущественный характер¹⁴⁷⁷.

В 1864 году был утвержден Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, вместе с судебными уставами. В отделении 1 «О самовольном пользовании чужим имуществом и повреждении онаго» главы 13 «О проступках против чужой собственности» содержится статья 153, предусматривающая ответственность за убой или «изувечение» чужих животных. За данный проступок была предусмотрена санкция в виде ареста не более 1 месяца или денежное взыскание не более 100 рублей¹⁴⁷⁸.

В 1871 году Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями дополнен ст. 43¹, которая регламентировала ответственность за причинение животным напрасных мучений. Надо сказать, что идея дополнить уголовное законодательство такой статьей возникла еще в 1860 году, но в то время, она показалась преждевременной (так как в законе существовали телесные наказания для людей). Указанная статья предусматривала наказание не свыше 10 рублей, что считалось легким денежным взысканием¹⁴⁷⁹.

В 1865 году было учреждено Российское Общество покровительства животным. Представители Общества активно участвовали в формировании нормативной регламентации и следили за исполнением законов в сфере защиты животных от жестокого обращения. Именно благодаря ходатайству руководителей данного общества и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, был дополнен вышерассмотренной статьей. В параграфе 9 Инструкции участковым попечителям Российского общества покровительства животным содержится правило, согласно которому участковые попечители обязаны заявлять полиции о совершенном и готовящемся устройстве петушиных боев, звериных травль и других зрелищ, сопряженных с истязанием животных и «употребляют возможные усилия и настояния к недопущению и прекращению их и к привлечению виновных к законной ответственности»¹⁴⁸⁰. На одном из заседаний Общества прозвучали следующие слова: «Всякое мучение животных, пусть оно публично или нет, наказуется уголовным порядком, так как природное право существа, живаго и чувствительнаго, будет обижено и повреждено... Решения конгрессов в 1869 г. в

¹⁴⁷⁷ Лобов И.И. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: Москва, 2000. — С.42-43

¹⁴⁷⁸ Свод Законов Российской Империи. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Репринтное издание 1914 года. Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России (без года). — С.56

¹⁴⁷⁹ Быховский В. В. Наше законодательство о жестоком обращении с животными и желательные в нем изменения. — Москва, московское отделение Российского общества покровительства животным, печатня А. И. Снегиревой, 1897 — С.37

¹⁴⁸⁰ Российское о-во покровительства животным. Инструкция участковым попечителям Российского общества покровительства животным: [Утв. 19 мая 1895 г.]. — Санкт-Петербург, ценз. 1895.

Цюрихе и 1883 г. в Вене, определяющие, что травля животных, стрельба голубей и т.п. наказываемы — должны иметь свою силу и для России...»¹⁴⁸¹. Правда, высказывались противоположные мнения. Например, в 1879 году. Н. Соболев опубликовал книгу «О петушиных боях в Москве», в которой критикует работу Общества покровительства животным. В частности, он указывает, что запрет петушиных боев как безнравственных занятий ему непонятен. Отмечается отсутствие специального закона, регламентировавшего запрет на бои животных. «...слабо-нервным покровителям животных, прежде чем преследовать петушиные бои, следовало бы поближе присмотреться к ним; тогда бы они увидели, что петухи, как птица задорная и драчливая по природе, дерутся на арене точно также, как и на каждом птичьем дворе... Хотя драки эти сопровождаются ушибами, порезами и иногда даже внезапною смертью одного из бойцов, но и на свободе часто петухи кончают тем же свои схватки»¹⁴⁸².

Помимо ст. 43¹ в российском праве тех времен действовали еще и правила, которые запрещали мучение животных и жестокое отношение к ним. Они были изданы Министерством внутренних дел 17 января 1866 года под номером 20. Согласно правилам, запрещалось брать на работу больных и изувеченных животных, бить животных твердыми или острыми орудиями, а также бить по голове, тяжело грузить животных, привязывать лошадь арканом, который накинута на шею, к возу, идущему впереди, тогда как лошадь едва в состоянии тянуть груз, не дозволялось возить мелкий скот «мучительно уложенным», а также воспрещалось «вообще всякое мучение каких-либо животных и всякое жестокое с ними обращение»¹⁴⁸³. Представляется, что именно последняя фраза предоставила возможность членам Общества, правоохранительным органам и судам вводить запрет на организацию и проведение боев животных.

Положительную динамику развития законодательства в отношении жестокого обращения с животными переняло и Уголовное Уложение 1903 года. И здесь, опять же, видится заслуга Российского общества покровительства животным. Обществом был предложен свой вариант статьи, который нашел отражение в Уголовном Уложении. Ст. 287 звучала следующим образом: «Виновный в причинении напрасных мучений домашним животным наказывается: арестом на срок не свыше семи дней или денежною пеней не свыше двадцати пяти рублей»¹⁴⁸⁴. Как видно, данная норма переняла традиции о привлечении к ответственности за жестокое обращение именно к домашним животным. Законодатель тех времен предполагал, что истребление других животных не только

¹⁴⁸¹ Заседание Российского общества покровительства животным 13 октября 1895 г. (Перевод из «St. Petersburg Herald» № 289, 16 октября 1895 г.)

¹⁴⁸² Соболев В.Н. О петушиных боях в Москве / [Соч.] В. Соболева. Москва: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1879. — С. 5-6

¹⁴⁸³ Савельев Е. Бессловесные // Донские областные ведомости. — №86. — 1913. — С.2-3

¹⁴⁸⁴ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов — особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. — СПб.: Издание Н. С. Таганцева, 1904. — С.427

желательно, но иногда и необходимо. Однако запрет на организацию и проведение боев животных вновь не получил законодательную регламентацию.

После революции 1917 года советское законодательство вернулось к пониманию животных как к имуществу, а потому поначалу не содержало норм, предусматривающих ответственность за жестокость, проявленную к животным.

Таким образом, проанализировав историю становления ответственности за жестокое обращение с животными в России, можно сделать вывод, что вплоть до декабря 2018 года, когда был принят Закон № 498-ФЗ, в стране отсутствовала законодательная регламентация запрета на организацию и проведение боев животных. Данное деяние рассматривалось как зрелищное мероприятие, которое не нарушает нормы права, что в результате привело к значительному количеству латентных преступлений, выразившихся в жестоком обращении с животными.

§ 13. Влияние совместной истории: регулирование ФИФА переходов (трансферов) игроков между футбольными ассоциациями Европейского Союза¹⁴⁸⁵

Нормы ФИФА, регулирующие переход игроков между футбольными ассоциациями Европейского Союза, могут служить предметом анализа с точки зрения преодоления истории, в частности, представляется интересным подход ФИФА к вопросам о переходе игроков в рамках территорий Европейского Союза. Необходимо отметить, что Регламент ФИФА по статусу и переходам игроков (далее – Регламент) придает ассоциациям Европейского Союза особый статус, где-то наделяя дополнительными преимуществами футбольные клубы, а где-то – ограничивая их в возможностях, по сравнению с общими правилами. В Регламенте представлены две ситуации, при которых прослеживается различное регулирование по сравнению с общими правилами и положениями. Представляется необходимым остановиться на них и проанализировать указанные положения с точки зрения необходимости и целесообразности их установления.

Первое исключение, о котором пойдет речь, представляет собой правила компенсации за подготовку игроков. В соответствии с положениями п. 1 ст.1 Приложения №4 компенсация за подготовку подлежит к выплате: а) когда игрок впервые регистрируется в качестве Профессионала, или б) когда Профессионал переходит из клуба в клуб двух разных ассоциаций (в течение срока действия контракта или по его окончании) до конца Сезона, в котором ему исполняется 23 года. При этом в соответствии с п.2 ст. 1 компенсация за подготовку выплате не подлежит: а) если прежний клуб расторгает контракт с игроком без обоснованной

причины (без ущерба для прав предыдущих клубов), или б) если игрок переходит в клуб Категории 4, или с) если профессионал при переходе восстанавливает статус любителя.

Также представляется необходимым отметить, что в случае, если связь между профессионалом и любым из готовивших его клубов установить невозможно, это не будет являться препятствием для отказа в выплате компенсации. В данном случае компенсация за подготовку выплачивается ассоциации (ассоциациям) страны (стран), где готовился профессионал. Эта компенсация предназначена для финансирования программ развития юношеского футбола в соответствующей Ассоциации (Ассоциациях). Таким образом, по общему правилу, компенсация за подготовку не выплачивается только по основаниям, предусмотренным п.2 ст.1, при этом, перечень оснований является исчерпывающим.

Далее обратимся к статье 6 Приложения № 4, регулирующей особые правила для перехода игроков между ассоциациями Европейского Союза. Во-первых, данная статья устанавливает особый расчет компенсации в зависимости от того, в клуб какой категории переходит игрок. Так, если игрок переходит из клуба низшей категории в клуб более высокой категории, то расчет основывается на среднем показателе расходов на подготовку обоих клубов. Если же игрок переходит из более высокой в низшую категорию, то расчет основывается на расходах клуба низшей категории на подготовку. Во-вторых, п.2 ст.6 Приложения №4 закрепляет, что на территории Европейского Союза заключительный сезон подготовки может наступить до сезона, в течение которого игроку исполняется 21 год, если установлено, что игрок завершил свою подготовку до этого времени. Если мы обратимся к ст. 1, то увидим, что Регламент аналогично подходит к регулированию указанных правил. Так, согласно ст.1 компенсация за подготовку, как правило, выплачивается до 23 лет за подготовку, осуществленную до 21 года, если только не является очевидным, что подготовительный период игрока закончился до достижения им возраста 21 год. Таким образом, подготовительный период игрока может закончиться до достижения им возраста 21 года в обоих случаях. В-третьих, в п.3 указанной статьи речь идет об освобождении от обязанности по уплате компенсации за подготовку игрока в случае, если прежний клуб не предлагает игроку заключить новый контракт на условиях, равноценных существующему контракту. Следовательно, в случае, если прежний клуб не соблюдает условия, предусмотренные п.3 ст. 6, то он лишается права на компенсацию. Данное правило расширяет перечень оснований, при которых компенсация за подготовку не осуществляется. Таким образом, это также является одним из проявлений особого положения ассоциаций Европейского Союза.

Второе исключение в регулировании относится к международным трансферам несовершеннолетних. В соответствии со ст.19 Регламента международные переходы игроков допустимы только в случае, если игрок старше 18 лет. Однако из этого правила существует три исключения. В первом случае речь

¹⁴⁸⁵ Данный параграф выполнен А.А. Кашаевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00244 «Обобщение и анализ правовых позиций Спортивного арбитражного суда (CAS) в отношении определения статуса профессионального футболиста».

идет о переезде родителей игрока в страну, где находится новый клуб, по причинам, не связанным с футболом. Второе исключение связано с территориями, которые находятся в приграничных зонах. Так, если игрок проживает не далее 50 км от границы страны, и клуб соседней ассоциации, в котором хочет зарегистрироваться игрок, также находится в пределах 50 км от этой границы, то подобный трансфер допустим. Третье исключение связано непосредственно с переходами несовершеннолетних игроков на территории Европейского Союза (ЕС) или Европейской экономической зоны (ЕЭЗ). Поскольку Регламент основной целью подобного регулирования ставит защиту прав несовершеннолетних, то и в данном случае существует ряд условий, которые необходимо соблюсти для осуществления указанного перехода. Во-первых, возраст игрока должен составлять от 16 до 18 лет, то есть международные переходы детей, младше 16 лет по-прежнему допустимы только в случаях, если это связано с переездом родителей в другую страну или в случае, если речь идет о приграничных зонах. Во-вторых, новый клуб должен выполнить следующие минимальные обязательства: а) он должен дать игроку адекватное футбольное образование и/или подготовку, соответствующую высочайшим национальным стандартам б) он должен гарантировать игроку высшее и/или школьное и/или профессиональное обучение и/или подготовку, помимо его футбольного обучения и/или подготовки, что позволит игроку, если он оставит профессиональный футбол, заняться другой, не футбольной, карьерой; с) он должен сделать все необходимое для обеспечения надлежащего ухода за игроком (оптимальный уровень жизни в принимающей его семье или в местопроживании, предоставляемом клубом, назначение клубом наставника и пр.); е) после регистрации такого игрока он должен предоставить соответствующей ассоциации подтверждение того, что он выполняет приведенные выше обязательства.

Анализируя подобные исключения, возникает вопрос, почему в Регламенте предоставлен особый режим Европейскому Союзу? А также какие в таком случае установлены требования к поведению клубов? Представляется необходимым обратиться к практике Спортивного арбитража (далее – CAS).

В решении **Arbitration CAS 2011/A/2682 Udinese Calcio S.p.A v. Helsingborgs IF, award of 25 July 2012** CAS отметил, что в отношении передач, происходящих в пределах Европейского Союза, пункт 1 статьи 6 является *lex specialis*, который следует рассматривать в качестве приоритетного при применении норм о компенсации за подготовку игроков. Помимо этого, был затронут вопрос о применении правил п. 3, в соответствии с которым прежний клуб может доказать, что он имеет право на такую компенсацию. Формально необходимо уведомить игрока в письменной форме минимум за 60 дней до истечения срока действия его контракта, однако, как отмечает CAS не всегда это необходимо соблюдать. Так, в вышеупомянутом решении было отмечено, что ответчик смог продемонстрировать, что (а) он начал вести переговоры с игроком за год до окончания его контракта, (б) что несколько предложений были сделаны игроку либо по электронной почте, либо

во время встреч, (с) что эти предложения были более выгодными, чем действующий контракт игрока¹⁴⁸⁶.

Таким образом, CAS посчитал, что ответчик проявил “добросовестную и подлинную заинтересованность” в сохранении игрока и, приняв во внимание все обстоятельства, признал право на компенсацию за подготовку за ответчиком, сославшись на п.3 ст.6 Приложения №4 к Регламенту¹⁴⁸⁷.

В решении **Arbitration CAS 2014/A/3497 SK Slavia Praha v. Genoa Cricket and Football Club, award of 5 September 2014** отмечается, что было бы неразумно требовать, чтобы клуб предлагал профессиональный контракт всем своим игрокам-любителям, чтобы избежать риска утраты прав на компенсацию за обучение. Такая обязанность клуба была бы слишком дорогостоящей и противоречила бы духу и цели трансферных правил ФИФА, которые установлены для того, чтобы предоставить клубам необходимые финансовые и спортивные стимулы для инвестирования в обучение и воспитание молодых игроков. Поэтому, даже не предлагая профессионального контракта, клубы имеют возможность защитить свои права на указанные компенсации¹⁴⁸⁸. Однако в таком случае бремя доказывания оснований для выплаты компенсации лежит на самом клубе, иначе в удовлетворении требований будет отказано. В указанном решении заявитель не доказал свою заинтересованность в игроке, и как отметил CAS, требуемое бремя доказывания не может быть удовлетворено простым доказательством того, что клуб относился к игроку так же, как и к любому другому игроку-любителю в своем клубе¹⁴⁸⁹. Кроме того, запрет национального законодательства на заключение контрактов с несовершеннолетними, не достигшими определенного возраста, также не освобождает клуб от указанной обязанности. В любом случае он должен доказать намерения по сотрудничеству с несовершеннолетним игроком в будущем¹⁴⁹⁰.

Таким образом, добросовестному клубу доступна компенсация за подготовку игрока при соблюдении определенных условий. Чем можно объяснить указанный подход ФИФА? Возможно, речь идет о стимулировании клубов к активному сотрудничеству с игроками по поводу будущих трудовых отношений. Так, только добросовестному и активному участнику спортивной индустрии в условиях высокой конкуренции (которая, несомненно, имеет место в рамках Европейского Союза) могут быть предоставлены дополнительные финансовые средства в виде компенсации за подготовку.

¹⁴⁸⁶ Arbitration CAS 2011/A/2682 Udinese Calcio S.p.A v. Helsingborgs IF, award of 25 July 2012 CAS, para 85.

¹⁴⁸⁷ Arbitration CAS 2011/A/2682 Udinese Calcio S.p.A v. Helsingborgs IF, award of 25 July 2012 CAS, para 88.

¹⁴⁸⁸ Arbitration CAS 2014/A/3497 SK Slavia Praha v. Genoa Cricket and Football Club, award of 5 September 2014, Para 63.

¹⁴⁸⁹ Arbitration CAS 2014/A/3497 SK Slavia Praha v. Genoa Cricket and Football Club, award of 5 September 2014, para 68.

¹⁴⁹⁰ Arbitration CAS 2018/A/5733 Koninklijke Racing Club Genk (KRC Genk) v. Manchester United Football Club, award of 15 November 2018

Вместе с тем, клубы могут злоупотреблять указанным исключением, намеренно сообщая игроку о дальнейших планах на него при отсутствии таковых в действительности. В таком случае недобросовестному клубу должно быть отказано в удовлетворении его требований, поскольку компенсация, как было уже указано выше, должна предоставляться только добросовестному и активному клубу. Что же касается доказывания таких намерений, то CAS в одном из решений¹⁴⁹¹ отметил, что «отсутствие у клуба подлинной и добросовестной заинтересованности в сохранении услуг игрока должно быть установлено, в частности, на основании поведения заявившего претензии клуба по отношению к игроку до и после направления оферты, содержания самой оферты, а также сроков ее направления или на основании показаний свидетелей». Таким образом, к клубам, входящим в ассоциации Европейского Союза, предъявляются повышенные требования к поведению, по сравнению с общими правилами.

Продолжая разговор о причинах подобного регулирования в рамках Европейского Союза, следует отметить, что речь также может идти об экономической интеграции, при которой не выгодно каждый раз выплачивать компенсацию за подготовку игроков в случае, если переходы совершаются в пределах территории Европейского Союза. В таком случае Европейский Союз рассматривается как «единое государство» в целях регулирования переходов игроков, а исключение, указанное в п.3 ст.6 Регламента, выступает лишь как защита добросовестных участников оборота. Экономическая интеграция между странами Европейского Союза также может выступать и объяснением правил, касающихся международных трансферов несовершеннолетних. Нет никакого смысла устанавливать запрет на трансфер несовершеннолетнего в случае, если речь идет о переходе в рамках «единого государства», в данном случае презюмируется, что защита прав несовершеннолетнего единообразно обеспечивается на всей территории Европейского Союза путем принятия на себя государствами международно-правовых обязательств. Однако поскольку национальные законодательства стран могут различаться, то Регламент устанавливает условия для нового клуба в части обеспечения образования игрока и условий жизни, предоставляя ему тем самым необходимые гарантии для успешной спортивной деятельности в другой стране.

Система компенсаций за обучение гарантирует, что тренировочные клубы получают адекватное вознаграждение за те усилия, которые они прикладывали при подготовке молодых игроков. При этом цель компенсации за обучение заключается в обеспечении получения достаточной компенсации за понесенные расходы. Эта концепция направлена на поддержание конкурентного баланса между клубами и позволяет им продолжать обучение и совершенствовать развитие способностей игроков, добросовестно полагая, что они получают адекватную компенсацию за свои усилия. Таким образом, компенсация тренировочного процесса играет важную роль в развитии молодых игроков и в поддержании стабильности спорта. При этом,

¹⁴⁹¹ Arbitration CAS 2016/A/4720 Royal Standard de Liège v. FC Porto (Player T.), award of 19 May 2017, para 69.

исключение, относящееся к ассоциациям Европейского Союза, никак не ущемляет прав на компенсацию за подготовку клуба в случае его добросовестности, обеспечивая тем самым достижения главной цели компенсаторного механизма.

Таким образом, правила переходов игроков в отношении футбольных клубов ассоциаций Европейского Союза представляют собой исключение из общих правил, установленных Регламентом, обусловленное, прежде всего, тесной экономической связью между странами Европейского Союза, формировавшейся на протяжении нескольких сотен лет.

§ 14. Становление и развитие законодательства, регулирующего отношения в сфере спорта в России

Понятие и термины «спорт» и «физическая культура» в дореволюционные времена не существовали, так же, как и длительное время не принимались специальные нормативные акты, посвященные спорту. Но все-таки некоторые шаги для их развития делались.

Так, при Петре I, наряду с другими дисциплинами, в учебные планы военных училищ были включены фехтование, гребля и т. д. Петр I подготовил, а затем и воплотил в жизнь основы военной и физической подготовки дворянской молодежи и детей «иных» чинов¹⁴⁹².

В 1726 году Екатерина I издала Указ об упорядочении кулачных боев¹⁴⁹³. В 1899 году было принято первое руководство по гимнастике «Правила для обучения гимнастике в войсках», позже – «Правила для обучения употреблению в бою штыка»¹⁴⁹⁴.

В 1912 году в Российской Империи был учрежден Российский Олимпийский комитет, который объединил все союзы и лиги по отдельным видам спорта. В этом же году была создана Канцелярия Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения в Российской Империи. Оно впоследствии стало единственной государственной организацией, представители которой приглашались для участия в различных состязаниях, в том числе, международных, в частности, по стрельбе, конному спорту, фехтованию, гимнастике, легкой атлетике.

После Октябрьской революции 1917 года характерной чертой законодательного регулирования всех сфер жизни общества стала его кодификация, но это не коснулось спорта. Хотя уже в 1918 году Декретом Совета Народных Комиссаров и Всероссийского Центрального Исполнительного комитета были организованы при

¹⁴⁹² Пельменев В.К. История физической культуры. 2-е изд., пер., доп.: Учебное пособие для СПО.- М.Юрайт. 2020. С. 90.

¹⁴⁹³ Степанищев А. Т. История России. Часть 1. XVIII – начало XX века – М: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС. 2008.

¹⁴⁹⁴ Правила для обучения гимнастике в войсках. – СПб: Воен. тип., 1859.; Правила для обучения употреблению в бою штыка. – СПб.: Военная типография, 1861 г. – URL: http://www.reenactor.ru/ARH/Drill/Chtykovoy_boy_1861.pdf (дата обращения 25.02.2020).

волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным и морским делам гимнастических и стрелковых обществ и введены всеобщие военные обучения трудового народа (Всевобуч). В нем было также закреплено преобладание коммунистической идеологии в спортивном движении России¹⁴⁹⁵.

27 июня 1923 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР принял Постановление о создании Высшего совета физической культуры (ВСФК) при ВЦИК и его местных органах¹⁴⁹⁶, на который были возложены обязанности по согласованию и объединению научной, учебной и организационной деятельности различных ведомств и организаций по физическому воспитанию и развитию трудящихся.

13 июля 1925 года принято постановление «О задачах партии в области физической культуры»¹⁴⁹⁷. Таким образом, с 1925 года основными нормативно-правовыми документами в области физической культуры и спорта стали постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, а также ВЦСПС.

В Конституции СССР 1936 года было закреплено право трудящихся на создание различных общественных организаций, в том числе, и спортивных обществ¹⁴⁹⁸, в связи с чем в 1935-1936 гг. была создана система из 64 добровольных спортивных обществ (ДСО).

После принятия в июле 1947 года постановления Совета Министров СССР «О поощрении роста спортивно-технических достижений советских спортсменов»¹⁴⁹⁹ победителей крупных соревнований начали награждать золотыми, серебряными и бронзовыми медалями и жетонами, что являлось большим стимулом для повышения качества учебно-спортивной и воспитательной работы, а также подготовки спортсменов высокого класса.

Так, в СССР постепенно формировалась правовая база управления физической культурой и спортом. В нее вошли, в частности, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде¹⁵⁰⁰ (ст. ст. 96, 98), Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании¹⁵⁰¹ (ст. ст. 18, 19, 29),

¹⁴⁹⁵ см. подробнее об этом: Зуев В. Н. Нормативно-правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта – URL: http://thelib.ru/books/valentin_nikiforovich_zuev/normativno_pravovoe_regulirovanie_otechestvennoy_sfer_y_fizicheskoy_kultury_i_sporta.html (дата обращения – 18.02.2020).

¹⁴⁹⁶ Постановление ЦИК СССР N 64, СНК СССР N 1087 от 21.06.1936 «Об образовании Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК Союза ССР» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁹⁷ Постановление Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства о физической культуре – URL: <http://sport-history.ru/physicalculture/item/f00/s02/e0002135/index.shtml> (дата обращения – 18.02.2020)

¹⁴⁹⁸ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁹⁹ Постановление Совмина СССР от 27.11.1958 N 1285 «О мерах поощрения роста спортивно-технических достижений советских спортсменов» – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=481#08382978871422297> (дата обращения – 20.20.2020).

¹⁵⁰⁰ Закон СССР от 15.07.1970 № 2-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁰¹ Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и

Основы водного законодательства¹⁵⁰² (ст. 22) и многие другие кодифицированные акты.

Регулирование спортом осуществлялось и на подзаконном уровне органами государственного управления, которые принимали акты на основе и во исполнение законов, направленных на установление, изменение или отмену правовых норм, либо на возникновение, изменение или прекращение конкретных правоотношений с целью обеспечения нормального функционирования учреждений и организаций, проводящих работу по физическому воспитанию среди населения.

Если говорить о современном этапе становления законодательства в сфере физической культуры и спорта, то следует начать с того, что в апреле 1993 года Верховным Советом РФ были приняты «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте»¹⁵⁰³, инициировавшие разработку аналогичных законов в субъектах Российской Федерации. В законе впервые было проведено разграничение в области физической культуры и спорта между федеральными органами государственной власти и субъектами федерации.

В принятом в 1999 году Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹⁵⁰⁴ впервые был закреплен статус профессионального спорта, тем самым, были заложены основы для развития спортивной отрасли права. Действительно, спорт в России существует уже давно, но именно благодаря введению в оборот термина «профессиональный спорт» появилась возможность рассматривать сферу спорта как любую другую сферу профессиональной деятельности.

В настоящее время законодательство о спорте в Российской Федерации не кодифицировано и представляет собой незначительное число законодательных и подзаконных актов.

Основным законом, регулирующим отношения в сфере спорта, является Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹⁵⁰⁵. Но следует сразу отметить, что с момента принятия и до сих пор он вызывает много вопросов. Именно этим можно объяснить многочисленные редакции закона. Так, в нем по-прежнему не определены конкретные цели и задачи, стоящие перед спортом; не сформулированы конкретные меры государственной поддержки, создания и развития материально-технической базы физической культуры и спорта; содержательно не определены функции и недостаточно полно урегулированы обязанности субъектов спортивного движения в области финансового обеспечения их деятельности, прав и

союзных республик о народном образовании» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁰² Закон СССР от 10.12.1970 № 564-VIII «Об утверждении Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁰³ Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте, утв. ВС РФ 27.04.1993 № 4868-1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁰⁴ Федеральный закон от 29.04.1999 № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁰⁵ Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ, 10.12.2007, N 50, ст. 6242.

обязанностей спортивных клубов, связанных с подготовкой и использованием спортсменов высокого уровня¹⁵⁰⁶.

В связи с тем, что в условиях развития современного общества спортивные и зрелищные соревнования превратились в экономический рынок с огромным финансовым оборотом, и из года в год на спортивные соревнования и зрелищные коммерческие конкурсы все больше внимания обращают люди, не имеющие практически никакого к ним отношения, но обладающие достаточно большими денежными ресурсами и влиянием, то существенным недостатком данного закона является и то, что он не содержит норм, регулирующих экономическую деятельность организаций спорта как участников складывающегося в стране рынка спорта, а также отсутствие указания на государственные стандарты в области спорта.

Впервые в истории российского права закреплена административная ответственность за нарушение порядка проведения спортивных мероприятий и т.п. Так, ст. 6.22 КоАП предусматривает ответственность за «Нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований к положениям (регламентам) об официальных спортивных соревнованиях», ст. 14.1 КоАП РФ за «Нарушение организаторами азартных игр в букмекерской конторе и тотализаторе требований к заключению пари на официальные спортивные соревнования и проведению других азартных игр»¹⁵⁰⁷ и др.

Поскольку подготовка спортсменов, соревнования и т. п. осуществляются в рамках спортивных федераций возникла также необходимость в правовом регулировании их создания, деятельности, реорганизации и ликвидации как некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта. Как указывается в Письме Минспорта России от 26.04.2018 № ПН-05-00/3127 «О направлении Методических рекомендаций и разъяснений относительно особенностей правового регулирования деятельности спортивных федераций» она регламентируется гражданским законодательством РФ, Федеральным законом от 19.05.1995 № 82 «Об общественных объединениях», Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и Федеральным законом от 07.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹⁵⁰⁸.

Исполнительная власть также регулирует отношения в сфере спорта. В этой связи можно назвать постановление Правительства РФ от 16.12.2003 № 1156 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований», которое фактически представляет собой «Закон о болельщиках»¹⁵⁰⁹.

¹⁵⁰⁶ Мельник. Т. Е. Проблемы правового регулирования в области физической культуры и спорта // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 141-144.

¹⁵⁰⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2020) // СПС Консультант Плюс.

¹⁵⁰⁸ Письмо Минспорта России от 26.04.2018 № ПН-05-00/3127 «О направлении Методических рекомендаций и разъяснений относительно особенностей правового регулирования деятельности спортивных федераций» // СПС Консультант Плюс

¹⁵⁰⁹ Постановление Правительства РФ от 16.12.2013 № 1156 (ред. от 30.01.2014) «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» // СЗ РФ, 23.12.2013,

Говоря о развитии и становлении спортивного права, нельзя не отметить систему международных правовых актов в сфере физической культуры и спорта, которые оказывают свое влияние на становление и развитие национального спортивного права. Это акты универсального и регионального характера, участником которых является Российская Федерация, а также акты специального характера – акты международных федераций спорта.

В их числе следует назвать Олимпийскую Хартию¹⁵¹⁰ – свод принципов олимпизма, правил и официальных разъяснений, утвержденных Олимпийским комитетом, Международную Хартию физического воспитания и спорта от 21.11.1978¹⁵¹¹; Европейский манифест «Молодые люди и спорт», принятый конференцией министров по спорту европейских стран в Лиссабоне 18.05.1995¹⁵¹², Конвенцию Совета Европы о манипулировании спортивными соревнованиями¹⁵¹³, Модельный закон о профессиональном спорте¹⁵¹⁴ и др. Международно-правовые акты, главным образом, предусматривают равные права для всех без каких-либо дискриминационных признаков заниматься физической культурой и спортом, а также обязательства стран-участниц осуществлять постоянное совершенствование физической культуры, физического воспитания и спорта, разрабатывая для этих целей законодательные акты, осуществляя финансирование программ по развитию физической культуры и спорта, создавая все необходимые блага для данных целей.

Особое внимание в нашей стране в последние годы уделяется проблемам уголовной политики в сфере физической культуры и, особенно, профессионального спорта. Законодатель неоднократно вносил поправки в ст. 184 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность за договорные матчи, дополнил УК РФ ст. 230¹ и 230², предусматривающие ответственность за склонение или использование в отношении спортсмена субстанций и методов, запрещенных в спорте¹⁵¹⁵, обращается внимание на т. н. спортивное хулиганство и вандализм болельщиков во время проведения спортивных мероприятий.

На протяжении многих лет многочисленные проявления коррупции в спорте, а также связь спорта с организованной преступностью находятся в поле зрения и законодателей и правоприменителей. Ярким примером тому является сложившаяся общая правовая система подходов к противодействию договорным матчам.

№ 51, ст. 6866.

¹⁵¹⁰ Олимпийская хартия (в действии с 15.09.2017) <https://olympic.ru/upload/documents/team/charter/olimpiyskaia-hartii-15-sentjabria-2017.pdf>

¹⁵¹¹ Международная хартия физического воспитания и спорта (принята в г. Париже 21.11.1978 на 20-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵¹² <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1543>

¹⁵¹³ Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями (CETS № 215) (Заклучена в г. Маглингене 18.09.2014) // СПС Консультант Плюс

¹⁵¹⁴ Модельный закон о профессиональном спорте (Принят в Санкт-Петербурге 31.05.2007 Постановлением 28-8 на 28-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 40. С. 200 – 233.

¹⁵¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС Консультант Плюс.

Приняты специальные положения (регламенты) о спортивных соревнованиях, предусматривающие наложение спортивных дисциплинарных и корпоративных штрафов и спортивных дисциплинарных и спортивных корпоративных дисквалификаций, введена уголовная ответственность. Но, как справедливо пишут по этому поводу Векленко В.В. и Бавсун М.В.: «Содержащаяся в действующем УК России норма, устанавливающая запрет на противоправное влияние на участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, во-первых, не отражает всю гамму возможных последствий общественно опасного характера, распространенность которых в профессиональном спорте сегодня очевидна, а во-вторых, не имеет аналогов применения в отечественной судебной практике за весь период существования УК России»¹⁵¹⁶.

Современный спорт активно развивается, но действующее правовое регулирование не успевает за его развитием. Возможным решением данной проблемы могло бы стать принятие Спортивного кодекса РФ, основой которого может быть действующий Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», а пробелы в правовом регулировании спорта могут быть устранены путем внесения в текст Кодекса положений модельных законов о спортивной подготовке, профессиональном и параолимпийском спорте.

Источники и литература:

1. Агафонова Г.А., Беспалов Ю.Ф. 80-летняя деятельность Московского городского суда: история и современность // *Lex Russica (Русский закон)*. 2012. Т.71. № 4. С.801-817.
2. А дело его ожило. Российские власти хотели забыть Ленина, но у них не получается // https://republic.ru/posts/96513?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning/ (дата обращения: 22.04.2020).
3. Андерсон И. История Швеции. М., 1951.
4. Артур Эйфингер, «Голландские годы 1583-1621. Оракул Делфт, Гуго Гроотиус 1583-1645», Издательство: Городской Музей, Хет Принсенхоф, Делфт, с. 17-54.
5. Абаканова В.А. Легализация преступных доходов: общественная опасность и противодействие // *Вестник Орловского государственного университета*. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 3 (23). – С. 40-42.
6. Абаканова В.А. Некоторые вопросы преодоления социальных противоречий при расследовании легализации преступных доходов // *Вестник Академии права и управления*. – 2014. – № 35. – С. 134-139.
7. Абзалов Р.А., Тупики и перспективы развития методов спортивной подготовки в циклических видах спорта легкой атлетики. Научно – теоретический журнал № 11 – 2000 г. Центральная отраслевая библиотека по физической культуре и спорту. URL: <http://sportlib.info/Press/TPFK/2000N11/p23-26,39.htm>.
8. Акелькина Е. А. Трансформация жанра притчи в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского за 1876 год // *Проблемы литературных жанров: Мат-лы второй научной межвузовской конференции*. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. –С. 92-94.
9. Александр Мирлес. Основные начала русского гражданского процесса. Руководство для подготовки к государственному экзамену и для начинающих юристов. Киев: Книгоиздательство И.И. Самоненко, 1910. – 128 с.
10. Алексеев Н.С. Преступления и возмездие: Преступления против человечества. М., 1986.
11. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 1995. — 320 с.
12. Алексеев С.Н. История регулирования физической культуры и спорта в СССР // *Право и государство: теория и практика*. Королев, – 2016. – № 6. – С. 122-125.
13. Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С.С. Собр. соч. в 10 Т. Т.4. С. 12-146.
14. Алексеева Н.И. К вопросу об интегративном типе правопонимания // *Черные дыры в Российском законодательстве*. – 2019. – № 4. – С. 9-12.
15. Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева. Комментарии к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе: Статьи. Л.: Художественная литература, 1989. С. 113–143.
16. Аликперов Х.Д. Компьютерная программа определения меры наказания. Материал доклада, сделанного в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе 15 февраля 2019 г. – 156 с.
17. Амарсайхан О.А. Срок давности привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления, некоторые вопросы его правового регулирования // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2019. № 4 (37). С. 107.
18. Амфитеатров А.В. Н.С. Гумилев // *Николай Гумилев в воспоминаниях современников*. М.: «Вся Москва», 1990. С. 239–242.
19. Анализ решения комиссии WADA. URL: <https://www.championat.com/other/article-3271935-dobegalis-ves-spisok-rossijskikh-zhertv-komissii-wada.html>
20. Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство памяти: Великая Победа и власть. М., – 2005. – С. 7-10.

¹⁵¹⁶ Бавсун М.В., Векленко В.В., Сараев В.В. Перспективы уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России // *Журнал российского права*. 2011. № 3. С. 15 – 25.

21. Андреев Н. Н. (1876-1954). Вечевая Русь, или Вольный город Новгород Великий: С 15 рис. и 2 карт. / Ник. Андреев. – СПб. : В. И. Яковенко, 1912. 72 с.

22. Андреева Г.Н., Гинзбург Ю.В., Хащина Э.Э. Теоретико-правовые основы конституционных механизмов предотвращения сецессии (Постановка проблемы) // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Человек как субъект общественных изменений: социально-экономические, политико-правовые и гуманитарные проблемы» / Под общей редакцией Е.П. Ткачевой. Белгород, 2019. С.76-89.

23. Аникин Д.А., Линченко А.А. Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики // Studia Humanitatis. 2017. № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-linchenko-aa-izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-gossii-kak-aktory> (дата обращения 15.03.2020 г.)

24. Антокольская М. В. Правовая природа брака: к истории вопроса // Сборник научных трудов, посвящ. памяти В. А. Рясенцева. М.: ООО «Галактика», 1995. С. 84–92.

25. Антокольская М. В. Семейное право: Учебник. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2002. — 336 с.

26. Арансон М.В., Озолин Э.С., Шустин Б.Н. Тенденции научных исследований в видах единоборств // Вестник спортивной науки. 2015. № 3. С. 3-7.

27. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. В 4 т. Т 4. М., 1983.

28. Арсентьев Н.М. Мемориальная (монументальная) история в современном гуманитарном пространстве Республики Мордовия (о тысячелетии единения мордовского народа с народами Российского государства) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. 3 (11). С. 4-8.

29. Арутюнян Н.Г., Одинцов С.В. Концепция приоритета прав кредиторов: анализ законодательства о несостоятельности ФРГ в сравнении с российским конкурсным правом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. N 6. С. 53 – 63.

30. Асоян А.А. К вопросу о поэтическом мировосприятии Н. Гумилева // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Т. II. Литературоведение. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 149–155.

31. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., – 2014.

32. Ассман А. Четыре модели обращения с травматическим прошлым. Историческая память: от тяжбы к разговору [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/17386> (дата обращения 23.03.2020 г.).

33. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., – 2004.

34. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

35. Ахметова Д.И., Баландина Н.В., Богорубова Т.А. и др. Модернизация государства, власти, права и общества: человеческое измерение. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2014. 292 с.

36. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 4. – Т. 16. – С. 106-123.

37. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 183.

38. Бабосов Е. М. Социология науки. Минск, 2008.

39. Бабуринов В. Содержание субъективной стороны правомерного причинения вреда при занятиях профессиональным спортом (спортивными единоборствами). Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омская академия МВД РФ. Омск. 2019. С. 53-57.

40. Бавсун М.В., Векленко В.В., Сараев В.В. Перспективы уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России // Журнал российского права. – 2011. – № 3. – С. 15–25.

41. Бавсун М.В., Векленко В.В., Сараев В.В. Перспективы уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России // Журнал российского права. – 2011. – №3. – С. 15-25.

42. Бакарджиев Я.В. Переходный период в развитии государства и правовой системы // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2014. – №4. – С. 69-79.

43. Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1 (52). – С. 55-63.

44. Баландин С. Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

45. Балахонский В.В. Научная философия и объяснение исторических событий // Новые идеи в философии. 1996. № 4. С. 27-33.

46. Балахонский В.В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты: Монография. – СПб.: РГПУ, 1997.

47. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, – 1987.

48. Баринов Д. Н. Социальный страх и феномен отчуждения // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2008. – Т. 6. – Вып. 2. – С. 48-52.

49. Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. М.: РХГИ, 2000. 160 с.

50. Баскин Ю.Я. Кант. М., 1984.

51. Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990.

52. Бахтин М.В., Балахонский В.В. Процедуры объяснения и интерпретации истории: исторический и логико-методологический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 194-201.

53. Белецкий В.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности среди спортсменов. – Дисс... канд. юрид. наук. – Омск, 1996. – 185 с.

54. Белов В.А. Торговые обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 62.

55. Белканов Е.А. Структура и функция правосознания: Дис. ... канд. юрид. наук. М., – 1996. – 22 с.

56. Беляев, И. Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до его падения. Рассказы по русской истории. М. 1864. Кн. 2. 320 с.

57. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с франц. Мн.: Харвест, 1999. –1408 с. – (Классическая философская мысль) / Приложение. Жуссэн. Романтизм и философия Бергсона. 1408 с.

58. Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. М.: Мысль, 1990. 176 с.

59. Бердяев Н.А. Русская идея. // О России и русской философской культуре (философы русского послеоктябрьского зарубежья). – М., – 1990. – С. 43

60. Биологический энциклопедический словарь / ред. М.С. Гиляров. – М.: БСЭ, 1995. – 864 с. – URL: <https://gufo.me/dict/biology/%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 01.04.2020).

61. Бовдунов А.Л. Современная Восточная Европа: границы понятия и геополитическая организация (социокультурный аспект) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-vostochnaya-evropa-granitsy-ponyatiya-i-geopoliticheskaya-organizatsiya-sotsiokulturnyy-aspekt> (дата обращения: 14.03.2020).

62. Богданов С.В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной Думы и Государственного Совета в начале XX века: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 42 с.

63. Богданова Н.А. Конституционное право. Общая часть: Программа, тезисы лекций и задания к семинарским занятиям. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – С. 49.

64. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 87 с.

65. Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 113–144.

66. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний. Третий том / Под ред. С.Н. Южакова и П.Н. Милокова. Санкт-Петербург, – 1901. – 805 с.

67. Бордюгов Г. «Война все спешет»? Вермахт и Красная Армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения. Доклад на Международной научной конференции «Опыт мировых войн в истории России», 11 сентября 2005 г., Челябинск. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.aigo-xxi.ru/gb/doklady/doklad01.htm> (дата обращения: 15.04.2020).

68. Бордюгов Г. Преступления против гражданского населения. Вермахт и Красная Армия // Свободная мысль — XXI. 2004. № 6.

69. Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.

70. Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911.

71. Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобринского. СПб., 1905.

72. Ботанцов И.В. Применение правовой доктрины как источника права в Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies. – 2019. – № 1. – С. 35-41.

73. Ботанцов И.В. Соотношение источников светского и церковного права в Российской империи 1832-1917 гг. // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2 (44). – С. 9-19.

74. Бочкарев С.В. Политико-правовой опыт Франции по осмыслению социальных трансформаций второй половины XIX в. // Вестник Академии права и управления. – 2018. – № 2 (51). – С. 67-72.

75. Бочкарев С.В. Развитие конституционализма и кризис в праве: тенденции взаимообусловленности // Образование и право. – 2020. № 1. – С. 80-83.

76. Бочкарев С.В. Социальная травма и смена политических режимов во Франции в XIX веке: постановка проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3 (31). – С. 18-24.

77. Бродель Ф. Очерки истории / пер. с фр. Э. Орловой. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. – 223 с.

78. Брушлинский А.В. Мышление как процесс и проблема деятельности / А. В. Брушлинский // Вопросы психологии. – 1982. – № 2. – С. 28–40.

79. Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. 207 с.

80. Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. – М. Археографический центр, 1997. – 452 с.

81. Булыгин Е. К проблеме обоснования прав человека // Проблемы философии права. – 2006-2007. – Том IV-V. – С. 149-152.

82. Буткевич О.В. У истоков международного права. СПб., 2008.

83. Буйнова М.О., Кобзева С.И., Кондратьева З.А. Право социального обеспечения. – М. – 2017. 480 с.

84. Быховский В. В. Наше законодательство о жестоком обращении с животными и желательные в нем изменения. – Москва, московское отделение Российского общества покровительства животным, печатня А. И. Снегиревой, – 1897. – 68 с.

85. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. – М.: Рудомино, 2001. – 239 с.

86. В «Единой России» предложили дополнить преамбулу Конституции. URL: <https://er.ru/news/189870/>.

87. В Конституции предлагают закрепить тему «исторической памяти» // URL:<https://www.svoboda.org/a/30393801.html> (дата обращения: 11.03.2020).

88. В Основном Законе могут закрепить сохранение исторической памяти. URL: <https://rg.ru/2020/01/24/v-osnovnom-zakone-mogut-zakrepiit-sohranenie-istoricheskoi-pamiati.html>.

89. Варданян А.В., Безручко Е.В. Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2. С. 34-37.

90. Василевич Г. А. 1991 год: хроника пикирующей страны / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 10.

91. Василевич Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: Учебник / Г.А. Василевич. – Мн.: Книжный Дом, 2010. – С. 129.

92. Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. – М. – 2010. –54 с.

93. Васютин Ю.С, Панова Е.С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 3.

94. Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в историю дисциплины // Государство и право. – 2018. – № 2. – С. 5–18.

95. Веленко П.В. Право как неудавшийся проект // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов седьмой международной конференции. Омск, 2015. С. 15-18.

96. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 тт. Т. 7. Освобождение территории СССР. М.: Военное издательство, 2013.

97. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – URL <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения 23.03.2020 г.).

98. Вергузь А.С. Состояние и современные проблемы патриотического воспитания молодежи // Педагогический журнал. 2017. Т. 7. № 4А.

99. Владимир Мединский: История превратилась в поле битвы // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2020/02/29/vladimir-medinskij-istoriya-prevratilas-v-pole-bitvy.html>

100. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43-54.

101. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43-54.

102. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43-54.

103. Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 40-45.

104. Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 40-45.

105. Власов С. А. Детская и подростковая преступность в Приморском крае в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2. Электронный ресурс // <http://dom-hors.ru/vipusk-2-2020-fik/> (Дата обращения 21.04.2020).

106. Возняк А.М. К вопросу о возможности привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда при занятии спортом. В сб: Наука и инновации XXI века материалы 3 всероссийской конференции молодых ученых. 2016. с. 35-38.

107. Воробьева О. В. Профессиональная историография и историческая память: аспекты взаимодействия // Профессиональная историография и историческая память. Опыт

пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О. В. Воробьевой, О. Б. Леонтьевой. М., 2017. – С. 9–20.

108. Воронина В. Т. О развитии легкой атлетики в России. УДК 316:304.3:796. 2017Г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-razviti-ilegkoy-atletiki-v-rossii>.

109. Воронина Т. Помнить по-нашему: Социалистический историзм и блокада Ленинграда. М., 2018.

110. Всемирный антидопинговый кодекс 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_

111. Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» [Электронный ресурс] / <https://www.gto.ru/>

112. Выдрин И.В., Выдрин И.И. Социальное государство как фактор становления отрасли социального права России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург. – 2016. 225 с.

113. Выжувтович В. Свобода или порядок? // Рос. газета. – 2014. – 16 мая; его же: Между свободой и порядком // Рос. газета. – 2017. – 7 апр.

114. Вылегжанин А.Н., Игнатенко Г.В., Скуратова А.Ю. Юридические итоги Великой Победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3 (79). – С. 49-75.

115. Выступление Председателя Государственной Думы В. Володина на открытии весенней сессии Государственной Думы // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/news/47502/> (дата обращения 04.04.2020).

116. Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории // Проблемы современного образования. – 2011. – № 6. – С. 89-97. Вас посадят за историю. – URL: <https://varlamov.ru/3040674.html> (дата обращения: 06.03.2020).

117. Гаврюшенко П. И., Калашников В. В., Куракин В. М. Судебная защита прав военнослужащих: учебник / Гаврюшенко П. И., Калашников В. В., Куракин В. М. – М.: РГУП, 2017. – 293 с.

118. Галиев М.С. Право на защиту как общеправовой принцип права в эпоху цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. -2018. -№ 8(164). – С. 61.

119. Галкин И. В. Политико-правовые идеи в монистической философии Бенедикта Спинозы. Автореф. дисс. канд юр. наук. – М., 2013.

120. Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., 2015.

121. Генеральный директор ВАДА: «Организованная преступность – главная угроза для мирового спорта», 11 октября 2014 г. – Олимпийский комитет России. Официальный сайт. – URL: <https://olympic.ru/news/news/generalny-direktor-vada-organizovannaja-prestupnost-glavnaja-ugroza-dlia-mirovogo/> – (дата обращения 10.04.2020).

122. Гербер Т.П., Мендельсон С.Е. Граждане России о правах человека // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2(58) март-апрель. – URL: (дата обращения: 28.09.2019).

123. Гессен, В. Ю. (1901-после 1939). Вечевой суд в Новгороде и Пскове / Вл. Юл. Гессен. – Пг.: Культ-Отдел П.Г.С.П.С., 1921. 16 с.

124. Гигаури Д. И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-1 (60). С. 59-64.

125. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание, переработанное и дополненное. – СПб: АЛЕФ-Пресс, 2014. – 574 с.

126. Гиневинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии: учебное пособие / В. И. Гиневинский. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — 200 с.

127. Главные документы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Комсомольская правда, 2015. – 400 с.

128. Головина А.А. Правовое воспитание граждан в эпоху high-hume: формирование государственной стратегии // Право и образование. 2017. № 6.

129. Гончарова Н.П. Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – №1-2, – с. 177-181.

130. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/12128809/paragraph/3649723/highlight/%D0%B3%D0%BF%D0%BA:16>

131. Графский, В. Г. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / В.Г. Графский; Институт государства и права РАН. 3-е изд., доп. Москва: Норма, 2009. — 944 с.

132. Грибанов Е.В., Яблонский И.В. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: историко-правовые основания и характеристика // Общество и право. – 2017. – № 1 (59). – С. 144-149.

133. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. С. 25–26.

134. Гришаев С.П., Овчинникова А.В. Эволюция правового регулирования института банкротства // СПС КонсультантПлюс. 2014.

135. Гуго Гротийс «Mare Liberum»: Свободное море, объяснение права голландцев на торговлю в Восточной Индии / Артур Эйфингер, Издательство: Юридический книжный магазин Jongbloed.

136. 6. Гуго Гротийс «De iure belli ac pacis»: Право войны и мира / О законе войны и мира, Prolegomena & Book I, (ed. Jan Frans Lindemans) Издательство: Амбо, Баарн 1993.

137. 7. Гуго Гротийс «Введение в голландское-римское правоведение» / Второе издание, Издательство; Университетская пресса, Лейден, 1965.

138. 8. Гуго Гротийс «Хроника голландской войны, Восстание 1559–1588 гг.» / Перевод Яна Васинка, издательство Vantilt, 2014.

139. Гулиа Д. Первому секретарю ЦК товарищу Н.С. Хрущеву // Апукура:

140. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 501 с.

141. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Воскресенье, 2005. 464 с.

142. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. 394 с.

143. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006. 552 с.

144. Гурвич Г.Д. Идея социального права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос ун-та, 2004. – (848 с.) – С. 41-212.

145. Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007.

146. Гуревич А. Я. Из материалов круглого стола «Периодизация истории», проведенного в институте всеобщей истории РАН. Вступительное слово // Одиссей. Человек в истории. 1998. М., 1999. – С. 251–255.

147. Глазьев С.Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2.

148. Д. Ефременко. «Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи» // Россия в глобальной политике 2020 Т. 18. № 1.

149. Данилевский И. Н. Тупики периодизации или периодизация в тупике // Одиссей. Человек в истории. 1998. М., 1999. – С. 264–270.

150. Даниельсен Р., Дюрвик С., Грэнли Т., Хелле К., Ховланн Э. История Норвегии. От викингов до наших дней. М., 2003.

151. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142-147.

152. Деготькова И., Докучаев Д. Миллиарды на мундиаль: стоимость ЧМ 2018 подсчитали эксперты//МК.RU, 05 июня 2018 г. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/06/05/milliardy-na-mundial-stoimost-chm-2018-podschitali-eksperty.html> (дата обращения 20.04.2020).
153. Делягин М. Это русское слово «High-Hume» // Изборский клуб. Русские стратегии. 2015. № 5.
154. Демичев А. А. Периодизация истории суда присяжных в России // Журнал российского права. —2007. — № 7. —С. 137–150.
155. Денежные выплаты в Санкт-Петербурге различным категориям граждан в 2020 году // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга.- URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/denezhnye-vyplaty-v-sankt-peterburge-razlichnym-kategoriyam-grazhdan-v/>
156. Дж. Уинтерсон. Бремя. Миф об Атласе и Геракле. М.: Открытый мир. -2005. – С.10.
157. Дзидзоев В.Д. Политико-правовое противостояние Грузии с Абхазией и Южной Осетией (конец 80-х XX в. – август 2008 г. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Серия: Общественные науки. – 2014. – № 2. – С. 143-148.
158. Дигуров К. Перспективы развития примирительных камер// Ежедневник советской юстиции.1929. №46. С.1082.
159. Дидух Ю. Обзор судебной практики: защита прав ветеранов // URL: <https://ppt.ru.turbopages.org/s/ppt.ru/news/136077> (дата обращения 18.04.2020).
160. Довнар-Запольский, М. В. Политический строй древней Руси: Вече и князь / Проф. М. Довнар-Запольский. – [М.]: И. Д. Сытин, ценз. 1906. 64 с.
161. Додонов В. Н. Уголовно-правовая охрана исторической правды: зарубежный опыт и развитие российского законодательства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 3 (41). – С. 87-95.
162. Дорская А. А. Язык "мемориальных" законов и подзаконных актов: особенности осмысления российской истории // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений Сборник научных трудов. 2019. С. 21-26.
163. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 14. Право. – 2018. – с. 124-138.
164. Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения: проблема субъектного состава // Правовая инициатива. – 2014. – № 2. – С. 5.
165. Дорская А.А. Институт международного права: опыт неофициального научного сообщества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 134. – С. 88-101.
166. Дорская А.А. Кризис в праве как одна из причин революций 1917 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. – 2017. – № 3 (27). – С. 8-15.
167. Дорская А.А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий / Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. М.: Саратовский источник, 2020. С. 30-33. С. 84-88.
168. Дорская А.А. Мемориальные законы в системе национальной и международной безопасности // Правовая безопасность личности, государства и общества. Сборник статей XIX Международной научной конференции. Сер. «Муромцевские чтения» Под ред. Н.И. Архиповой, С.Ф. Тимофеева, Е.Ю. Князевой. М.: Издательство РГГУ. – 2019. – С. 144-151.
169. Дорская А.А. Понятие социальной травмы: юридическое измерение // В сборнике: Основные тенденции и перспективы развития современного права. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессор Феликса Михайловича Рудинского. 2018. – С.41-45.

170. Дорская А.А. Эволюция понятия «государственно-конфессиональные отношения» в контексте правового развития России // История государства и права. – 2012. – № 3. – С. 34-37.
171. Дорская А.А. Язык мемориальных законов и подзаконных актов: особенности осмысления российской истории // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов/ под общ. ред. Д.А. Пашенцева и М.В. Залоило. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М,- 2019. – С.21.
172. Дорская А.А., Дорский А.Ю. К вопросу о юридическом определении понятия «Социальная травма» в контексте изучения коллективной памяти // Вестник Московского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 1 (33). – С. 8-20.
173. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 124-138.
174. Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография. – СПб., 2010. – 304 с.
175. Дорский А.Ю., Черногор Н.Н. Вторая мировая война как социальная травма: сравнительный анализ российского и французского законодательства // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. -Т. 10. Вып. 2. -С.311-331.
176. Достоевская А.Г. Воспоминания. —СПб.: Азбука, 2011.
177. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Л.: Наука, 1972-1990.
178. Дудко А.И. Рецепция в конституционном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – 210 с.
179. Дюбюк Р. Состояние терминологии на современном этапе // Материалы международного симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии». М., – 1979. –С. 26.
180. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: ИНФРА-М,2014. – 427 с.
181. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. М., – 1995.
182. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
183. Дюков А. «The Soviet Story»: Механизм лжи. – М., 2008. – 88 с.
184. Евгеньева, М. Новгородское вече. Из истории русского народоправства / Мария Евгеньева. – М. : Воля. 1917. 37 с.
185. Европарламент принял резолюцию против пересмотра истории // Взгляд. Деловая газета. 2019. 19 сентября // <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2Fvz.ru%2Fnews%2F2019%2F9%2F19%2F998657.html&d=1> (Дата обращения: 26.09.2019 г.).
186. Европол выявил сотни договорных матчей по всему миру // BBC News. Русская служба, 4 февраля 2013 г. – URL: https://www.bbc.com/russian/sport/2013/02/130204_europol_match_fixing – (дата обращения 10.04.2020).
187. Ежедневник советской юстиции. 1929год.№ 26,27,46.
188. Емелин А.С. Развитие законодательства о защите Отечества в годы Великой Отечественной войны / А.С. Емелин // Советское государство и право. – М., 1985. – № 5 (май). – С. 12 – 19.
189. Ермакова Я.А. Объекты оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования // Аграрное и земельное право. Королев, – 2017. – № 2 (146). – С. 93-94.
190. Ершов В.В. Размышления к 20-летию юбилею Конституции России // Российский судья. 2013. № 12. – С. 3–13.

191. Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М.: Юрист, 2002. – 365 с.

192. Жестеров П.В. Конклюдентное доказывание как вектор современной уголовно-процессуальной репрессии // Российский следователь. – 2017. – № 4. – С. 20-23.

193. Жестеров П.В. Резервы уголовной репрессии при взаимодействии уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества // Российская юстиция. – 2018. – № 11. – С. 55-58.

194. Жилкин А. И., Кузьмин В. С., Седорчук Е. В. Теория и методика легкой атлетики: учебник для студ. Учреждения высш. Проф. Образования – 7-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 464 с. С 9-10.

195. Жуков В. Н. Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции // Государство и право. – 2015. – № 2. – С. 96–114.

196. Журнал Большой спорт №9 (133). Десять лучших легкоатлетов России. URL: <https://bolshoisport.ru/articles/10-luchshih-legkoatletov-rossii>

197. Загорский Г.И. Военно-судебные органы Временного правительства (февраль-октябрь 1917 года.) // Вестник военного права. №3, 2017.

198. Задержан режиссер Кирилл Серебренников // <https://life.ru/p/1037224>

199. Закон Калининградской области от 14.06.2017 № 81 (ред. от 28.06.2018) «О праздничных днях и памятных датах Калининградской области». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/446299298> (дата обращения: 19.04.2020).

200. Закон КНР «О банкротстве предприятий (в опытно порядке)»: принят на 18-м заседании Постоянного комитета 6-го общенародного съезда. Опубликован Указом Президента Китайской Народной Республики N 45 от 2 декабря 1986 г. // URL: <http://law.ucl.ac.uk/bankruptcy.html> (Дата обращения: 27.11.2018)

201. Закон КНР «О банкротстве предприятий»: принят на 23-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва 27 августа 2006 г. // URL: http://chinalawinfo.ru/economic_law/law_enterprise_bankruptcy (Дата обращения: 27.11.2018)

202. Закон Санкт-Петербурга от 22 ноября 2011 г. N 728-132 «Социальный кодекс Санкт-Петербурга». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=223067#029918530420850586>

203. Закон СССР от 10.12.1970 № 564-VIII «Об утверждении Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик» // СПС «КонсультантПлюс».

204. Закон СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях». – URL: <http://ivo.garant.ru>

205. Закон СССР от 15.07.1970 № 2-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» // СПС «КонсультантПлюс».

206. Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // СПС «КонсультантПлюс».

207. Закон Украины от 09.04.2015 № 317-VIII «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» / пер. К.М. Кравченко. Закон Украины от 09 апреля 2015 г. № 317-VIII «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». – URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150317.html (дата обращения 04.04.2020).

208. Закон о порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. —Т. 10. —Ч. 1. —604 с. 81.

209. Закон об актах состояния // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. —Т. 9. — 572 с. 308.

210. Законы о правах и обязанностях семейственных // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. —Т. 10. —Ч. 1. —604 с. 3.

211. Законы о правах и обязанностях семейственных // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857. —Т. 10. —Ч. 1. —604 с. 16.

212. Законопроект о выплатах и льготах детям войны и труженикам тыла. – URL: <http://pensiya.molodaja-semja.ru/news/igoty-i-vyplaty-detyam-vojni-truzhenikam-tyla/>

213. Залесский В.В. Философия договора (закон динамического равновесия) // Журнал российского права. – 2004. – №8. – С.105-110.

214. Залоило М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: переосмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6.

215. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020.

216. Залоило М.В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государственное управление. – 2019. – № 1.

217. Заседание Российского Общества покровительства животным 13 октября 1895 г. (Перевод из «St. Petersburg Herald» №№289,16 октября 1895 г.).

218. Захарова И.А. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений и Часть четвертая Гражданского кодекса РФ: сравнительный анализ // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). С. 80-84

219. Звягинцев А.Г. Эхо Нюрнберга: репортаж из прошлого, обращение к будущему // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно-практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва). М., 2012.

220. Земсков, В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией / В.Н. Земсков // Политическое просвещение. – № 2 (79). – 2014. – С. 104 – 114. Электронный ресурс URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=3167&journal=157> (Дата обращения 12.03.2020 г.).

221. Зимин П.Ю. Практика законодательного регулирования права на пользование родным языком в советский период // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 3. – С. 81-88.

222. Знаков В. В. Понимание как проблема психологии мышления / В. В. Знаков // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 18-26.

223. Змерзлый Б.В. Правовой обычай как источник отечественного морского права // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ», 2018. С.28.

224. Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – поэт Православия. СПб.: СПбГУП, 2000. 384 с.

225. Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 5–52.

226. Золотарев В.Г., Лагутин И.Б. Административно-правовой статус должностных лиц судебной власти: постановка проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1. Ч.1. С.23-28.

227. Зуев В. Н. Нормативно-правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта – URL: http://thelib.ru/books/valentin_nikiforovich_zuev/normativno_pravovoe_regulirovanie_otechestvennoy_sfery_fizicheskoy_kultury_i_sporta.html (дата обращения – 18.02.2020)

228. Зунделович Я.О. Романы Достоевского: статьи. — Ташкент: Средн. и высш. школа, 1963.

229. Иванов А. Ю. Уголовная отвесность за реабилитацию нацизма: дис. ... канд.

юрид. наук : 12.00.08. – Ставрополь, 2017. 183 с.

230. Ивановский И.А. Конспект лекций по международному праву, читанных в Императорском Новороссийском университете в 1885/1886 академическом году. – Одесса, 1885. – Выпуск I. – 50 с.

231. Игнатьева М.В. Государственно-конфессиональные отношения и правовой статус человека: теоретико-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 12 (55). – С. 157-159.

232. Игнатьева М.В. Исторические события как социальные травмы современности: правовой анализ // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2019. – № 4. – С. 30-32.

233. Игнатьева М.В. Исторические события как социальные травмы современности: правовой анализ // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2019. – № 4. – С. 30-32.

234. Идея международного права в истории политических и правовых учений: коллективная монография / Отв. ред. А.А. Дорская. СПб., 2011.

235. Изотов Д.Н. О месте подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований в системе Особенной части УК РФ // Бизнес в законе. – 2013. – № 3. – С. 31-33.

236. Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. – 1985, – № 8. – С. 60-69.

237. Иллерицкая Н.В. Теория и практика современной историографии. М. ЛЕНАНД. 2020. – 128 с.

238. Ильина Т. Н. Эволюция судебных функций Сената как высшей судебной инстанции в России в XVIII веке // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс. Вып. 14. 2015.

239. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., – 1993. – С. 247-251.

240. Интересная история. Владимир Мединский впервые отвечает критикам своей диссертации // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html> (дата обращения: 06. 03. 2020).

241. Ирвинг Д. Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны. 1944-1945. М.: Центрполиграф, 2005. 158 с.

242. Исаев М. А. Модернизация основного закона Опыт Норвегии // Государство и право. 2013. № 6.

243. Исаев М. А. Причины и политическая форма расторжения шведско-норвежской унии // Полис. Политические исследования. 2005. № 6.

244. ИСАКОВА М. Как подтвердить стаж детям войны / М. Исакова // Общественно-политическая газета Тихоокеанская звезда от 22.04.2015.- URL: https://toz.su/letters_from_readers/kak_podtverdit_stazh_detyam_voyny/

245. История буржуазного конституционализма XIX в. / под ред. В.С.Нерсисянца. М.: Наука, 1986. – 280 с.

246. История ГТО. Военно-патриотическое воспитание. ДОСААФ [Электронный ресурс] <http://www.dosaaf.ru/articles/istoriya-gto/>

247. История и культура Абхазии. – Режим доступа: http://www.arsuara.ru/lib_a/abh509.php (дата обращения: 13.03.2020).

248. История и методология юридической науки: коллективная монография / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. В. Сорокина. М., 2016.

249. История Норвегии. М., 1980.

250. История и память / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 22.

251. История политических и правовых учений. Учебник И 91 для вузов / Под редакцией докт. юрид. наук, профессора О. Э. Лейста. М.: Издательство "Зерцало", 2006. — 568 с.

252. Кабанов П.С. Риск при расследовании преступлений // Социалистическая законность. 1989 г. № 2. С. 56-58.

253. Касян А. С. Россия и Норвегия: становление дипломатических отношений. Афтореф. дис... канд. истор. наук. М., 2009.

254. Какие льготы положены труженикам тыла в 2020 году // Льготы всем. – URL: <http://lgoty-vsem.ru/lgoty/lgoty-truzhenikam-tyla.html>

255. Каким быть учебнику истории? // Круглый стол журнала «Нева». 2013, № 10

256. Каландаришвили З.Н. Ковалев В.А. Экономические, политические и правовые факторы конституционного кризиса в США в середине XIX века // Ежегодник конституционной экономики. М.: ЛУМ, 2019. С. 208-225

257. Каменский Ф. Народный судья столичного района // Социалистическая законность. – 1948. – № 9 (сентябрь). – С. 27-30.

258. Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995.

259. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. в 6 т. М., 1988. Т. 4, ч. 1. С. 211–310

260. Кант И. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М., 1965. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 4. Ч. 2.

261. Караваев Н.В., Караваева Я.Н. К вопросу о свидетельствовании обычаев (на примере обычаев морского порта) // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 10 (26). С. 773.

262. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1980. – 352 с.

263. Касаткина А.С., Кобахидзе Д.И. Эволюция Йорк-Антверпенских правил об общей аварии как источника международного частного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 4. С. 68-82.

264. Касьянов Г.В. Историческая политика и “мемориальные” законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С.28-55.

265. Категорический императив / А. К. Судаков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. М., 2010

266. Каченовский Д.И. Курс международного права. – Харьков, 1866. – Кн. II. – С. XIX.

267. Кипнис С.С., Трубников П.Я. Постатейно-практический комментарий к гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1971. – 568 с.

268. Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (Европейский историографический опыт и Латиноамериканский аспекты) // Политические изменения в Латинской Америке. – 2016. – № 3 (21). – С. 73-86.

269. Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934.

270. Клейменов М.П. Тенденции развития преступности в сфере спорта // Вестник Омского университета: Серия «Право», 2013. – № 1. – С. 201 – 203.

271. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. 572 с.

272. Клименко А.И. Проблема понимания правовой идеологии // Юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 2-7.

273. Клименко А.И. Формирование мифологических представлений о правовой идеологии в современном теоретическом дискурсе // История государства и права. — 2012. — № 11. — С. 21 – 23.

274. Клинов А.С. К вопросу о выходе Абхазии из состава Грузии // Теория и практика общественного развития. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vyhode-abhazii-iz-sostava-gruzii> (дата обращения: 06.04.2020).

275. Коваленко А.С., Павлецова Г.Г. Травматизм в спортивно-боевых единоборствах. В сб.: Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2015. С. 76-77.

276. Коврякова Е. В. Вече, как форма народовластия у славян: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2690-2694.

277. Кодан С. В. Историко-юридическое источниковедение в структуре современного российского правопонимания // Российский юридический журнал. 2018. № 4 (121). С. 31-36.

278. Кодан С. В. Методология историко-юридического источниковедения: целевые установки, функциональная направленность, уровни организации познавательных средств // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 12. С. 67-80.

279. Кодан С.В. — Классификация источников изучения истории государства и права России: теоретические подходы, классификационные основания, характеристика видов // *Genesis: исторические исследования*. – 2018. – № 11. – С. 31 – 44. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.11.27995 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27995

280. Кодан С.В. Развитие легальных основ самодержавия в России первой половины XIX века // *Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы IV международной научно-теоретической конференции*. Санкт-Петербург, 24 декабря 2004г. Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб., – 2004. – С. 211-216.

281. Кодекс международного спортивного арбитража. Действует с 22.11.1994 г. URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1538>.

282. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в редакции от 18.02.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 06. 03. 2020).

283. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

284. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2020) // СПС Консультант Плюс

285. Кодинцев А. Я. Кадровый состав советский судов в послевоенные годы: [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

286. Кодинцев А.Я. Партийное управление органами юстиции СССР В 50-е годы XX века // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. – 2013. – № 3 (24). – С. 85-89.

287. Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII-XIX вв.: монография. Омск, 2013.

288. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий / *История понятий, история дискурса, история менталитета*: Сб. ст. / Под ред. Ханса Бедекера. М., 2010.

289. Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.

290. Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения / И.Е. Кознова // *Вестн. Социол. центра РАГС*. – 2003. – № 2. – С. 2-32.

291. Колоницкий Б. И. Преодоление гражданской войны: Случай Америки // *Звезда*. 2007. № 1. С. 123-143.

292. Комлев Н. Г. *Словарь иностранных слов*. – Москва, ЭКСМО-Пресс, 2000 г. – 671 с.

293. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. – М.: Издательство «Спарк», 1996. – 573 с.

294. Комментарий к Федеральному закону «О ветеранах» / К. Б. Акинфиев, В. М. Корякин. – М. : За права военнослужащих, 2001. – 271 с.

295. Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями (СЕТС № 215) (Заключена в г. Маглингене 18.09.2014)//СПС Консультант Плюс.

296. Кондратович Н.М. Конституция Республики Беларусь в контексте конституционных преобразований на постсоветском пространстве / *Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь: сборник статей / Белорусский государственный университет*. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 97-105.

297. Кондратович Н.М. Конституция Республики Беларусь: конституционная стабильность и потенциал развития // *Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований: сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Минск, 4 марта 2019 г. / редкол.: А.Г. Василевич (гл. ред.) [и др.]*. – Минск: Право и экономика, 2019. – С. 212–214.

298. Кони А. Ф. Присяжные заседатели // *Казанцев С. М. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864—1917 гг.*— Л.: Лениздат, 1991. — С.28-92.

299. Коновалов А.В. Историческая память как объект информационных атак (война с памятниками // *Материалы Всероссийской научной конференции под науч. ред. В.Ш. Сабирова «Информационные войны: социально-этические, эстетические, антропологические аспекты и технологии противодействия»* Издательство: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (Новосибирск) 2015.

300. Конституции государств Европы / под ред Л. А. Окунькова. Т. 2. М.: Норма, 2001.

301. Конституцию дополняют нормой о сохранении правды о Второй мировой войне. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.pnp.ru%2Fpolitics%2Fprezident-rf-odobril-vklyuchenie-v-konstituciyu-normy-o-sokhranenii-pravdy-o-vtoroy-mirovoy-voynе.html>.

302. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики в редакции от 19 февраля 1937 года. – URL: pravo.by. (дата обращения 22.04.2020).

303. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики в редакции от 14 апреля 1978 года. – URL: pravo.by. (дата обращения 22.04.2020).

304. Конституция (Основной закон) Белорусской Социалистической Советской Республики в редакции от 11 апреля 1927 года. – URL: pravo.by. (дата обращения 22.04.2020).

305. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // СПС «КонсультантПлюс».

306. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.), №2875-ХП //Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

307. Конституция Речи Посполитой от 3 мая 1791 г. // *Памятники истории права Беларуси*. – URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/akty-rechy-paspalıtay/kanstytutsyuna-rechy-paspalıtay-3-maya-1791-g-ustawa-rzadowa>. (дата обращения 20.04.2020).

308. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // *Собрание законодательства РФ*, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

309. Конституция Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06. 03. 2020).

310. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии в редакции от 3 февраля 1919 года. – URL: pravo.by (дата обращения 22.04.2020).

311. Конституция Французской Республики 4 ноября 1848 г. // *Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв.: сборник документов*. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1957. С. 446-460.

312. Концепция по автоматизации права. – URL: <http://future.simp.lawyer> (дата обращения – 15 августа 2020 г.).

313. Коллонтай А. М. Отрывки из дневника 1914 г. – Л. – 1925. 79 с.

314. Кораблева Т. Ф. Философско-этические аспекты теории коллектива А. С. Макаренко: автореф. канд. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 3

315. Кораев К.Б. Основная идея законодательства о банкротстве гражданина // *Российская юстиция*. 2014. N 7. С. 10 – 13.

316. Коркунов Н.М. *История философии права. Пособие к лекциям*. Издание 6. С.-Петербург, 1915.

317. Королев В.В. Интересен ли России законодательный опыт регулирования банкротства физических лиц в США // Юридическая техника. 2013. N 7-1. С. 145.

318. Корольков М. Гримасы жизни. Из воспоминаний военного юриста. Издание русской типографии С.Ф. Филонова, 1929. 106с.

319. Корякин В. М. О правах и льготах ветеранов боевых действий // Право в Вооруженных Силах. – 2003. – № 4. – С. 15-17.

320. Корякин В. М. Статус участника боевых действий: проблемы и противоречия // Право в Вооруженных Силах. – 2003. – № 3. – С. 5-12.

321. Косачев объяснил значение резолюции «О важности европейской памяти для будущего Европы». - <https://rg.ru/2019/09/23/kosachev-obiasnil-znachenie-rezoliucii-o-vazhnosti-evropejskoj-pamiatj-dlia-budushchego-evropy.html> (дата обращения: 10.04.2020).

322. Космополитизм // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Санкт-Петербург, 1895. Т. 16. С. 379. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924229#?page=393> (дата обращения: 06. 03. 2020).

323. Кострина А.В. Историческая память и политика исторической памяти: к вопросу соотношения понятий // 100-летие Великой русской революции: сборник материалов всероссийских научно-практических конференций. – 2018. – С. 113-115.

324. Коттеррелл Р. Правоведы и философы: Радбрух и Дворкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 2.

325. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. Т. 7. – 574 с.

326. Красиков А.Н. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. 18 с.

327. Красиков А.Н. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 14.

328. Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 21-28.

329. Крашенинников, Павел Владимирович. Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939– 1961. – Москва: Статут, 2019. – 376с.

330. Кремнев П.П. Международно-правовые проблемы, связанные с распадом СССР. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. – М., 2010. – 66 с.

331. Кропотова. В., ЕлисееваЕ. В., ГельцерБ. И. Запрещенные вещества в спорте и допинговый контроль. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 112 с. С. 11-13.

332. Круглов Т. Советская адвокатура в условиях отечественной войны / Т. Круглов // Социалистическая законность. – М., 1942. – № 2 (январь). – С. 11 – 14.

333. Крупеня Е.М. Легитимация в контексте действия механизма саморегулирования (на примере права публичных статусов гражданина) // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5. № 2 (15). – С. 110-117.

334. Крупеня Е.М. Легитимация в контексте действия механизма саморегулирования (на примере права публичных статусов гражданина) Российский журнал правовых исследований. – 2018. –Т. 5. № 2 (15). – С. 110-117.

334. Крупеня Е.М., Лучин В.О., Пряхина Т.М. Конституция и культура: эстетический подход в правовых исследованиях // Вестник Московского университета МВД России. -2019. -№ 2. – С. 76-81.

335. Круталевич В.А. На путях национального самоопределения (БНР–БССР–РБ). Серия: Общественно-политические науки. – Минск: Право и экономика, 1995. – С. 60.

336. Круталевич В.А. На путях национального самоопределения (БНР–БССР–РБ). Серия: Общественно-политические науки. – Мн.: Право и экономика, 1995. – С. 61.

337. Крытьина И.В., Щербачева Л.В. Правовое регулирование интеллектуальной собственности на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. № 11. 2012. С. 58-63

338. Кубертен, П. Олимпийские мемуары – М.: Рид Групп, 2011. – 176 с.

339. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М.: 96. Юристь, 2006. – 352 с.

340. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): Монография. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 304 с.

341. Куликов В. Удар с утяжелением//Российская газета.1 ноября 2016 г.

342. Куликова Е.Ю. О «тайной прародине» Николая Гумилева («Стокгольм», «Швеция», «Заблудившийся трамвай»)// Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 22. № 1. Кострома, 2016. С. 98–100.

343. Культурно-историческое наследие – единство материальных и нематериальных форм. URL: <https://russiancommun.livejournal.com/268184.html>.

344. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

345. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: «Золотой век», 1995. 402 с.

346. Курицын В.М. Советский государственный аппарат в период Великой Отечественной войны / В.М. Курицын // Советское государство и право. – М., 1985. – № 5 (май). – С. 3 – 11.

347. Курпатов А. В. Мышление. Системное исследование / А. В. Курпатов «Курпатов А.В.». 2019. (Академия смысла).

348. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления: в 6 т. Часть Особенная: т. 5 / Г. Л. Кригер, А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин. – М.: Наука, 1971. – 572 с.

349. Куртов А. Особая награда. Медаль «За оборону Ленинграда» получил миллион бойцов / А. Куртов // Еженедельник «Аргументы и Факты» № 34. Аргументы и факты – Петербург 21/08/2019. – URL:https://spb.aif.ru/pobeda/pobeda_history/osobaya_nagrada_medal_za_oboronu_leningrada_poluchil_million_boycov

350. Косарева И.А. Совершенствование российского института расторжения брака и зарубежное бракоразводное законодательство // Юридический мир. -2008. – № 10. – С. 10

351. Кобец П.Н., Краснова К.А. Криминологические проблемы взаимосвязи рецидивной преступности и бандитизма // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 3. – С. 15-20.

352. Кобец П.Н., Краснова К.А. Международный опыт и практика применения пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 5. – С. 35-41.

353. Кобец П.Н. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими и террористическими группировками, и необходимости противодействия киберпреступности // Вестник развития науки и образования. – 2016. – № 6. – С. 4-9.

354. Козав Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 61 с.

355. Лабулэ Э. Французская администрация и законодательство. СПб.: Издание Н.И. Ламанского, 1869. – 460 с.

356. Лабутина Д. Камень преткновения: «Гора Рашмор» напомнила о рабовладении // Газета.ru. 2020. 25 июня // https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/06/a_13130647.shtml (Дата обращения: 01.07.2020 г.).

357. Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8.

358. Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри сообщества. СПб., 2013.

359. Лацис О. Перелом // Знамя. – 1988. – № 6. – С. 124-178.

360. Ле Гофф Ж. Стоит ли резать историю на куски? СПб., 2018.

361. Лебедев С.Я. Криминологическое осмысление идей профессора А. И. Марцева об общем превентивном потенциале уголовного закона и перспективах их воплощения в эпоху глобальной цифровизации // Актуальные проблемы учения о преступлении. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Марцева. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 21-26.

362. Лебедев С.Я. Право и безопасность в цифровом мире // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения). Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2019. – С. 221-225.

363. Левада Ю. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М. –1969. –С. 184-224.

364. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. – М.: Наука, 1969. – С. 186–224.

365. Левин Д.Б. История международного права. М., 1962.

366. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2011.- 576 с.

367. Лейст О. Э. Учение Бенедикта Спинозы. – М.: Госюриздат, 1960.

368. Лексин И.В. Сецессия территориальных образований: правовые риски и механизмы защиты // Государство и право. – 2014. – №2. – С. 5-14.

369. Ленина нет. Если вернется, то не к нам. Мировая катастрофа застала нас периферийной автократией, в которой нет ничего интересного. - https://republic.ru/posts/96513?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning/ (дата обращения: 22.04.2020).

370. Лепихов М.И. Право и социальная защита населения. – М. – 2000. 232 с.

371. Липатов С.В. Современный панкратион: становление универсального бойца-единоборца. Иваново: Талка, 2006. – 288 с.

372. Лисий. Речи / Пер., статьи и коммент. С.И.Соболевского. Предисловие Л.П.Маринович и Г.А. Кошеленко. Научно-издательский центр «Ладомир». М., 1994. – 373 с.

373. Лисицин А. Слияние народных судов и революционных трибуналов // Ежегодник советской юстиции. 1922. №26-27. С.1-2.

374. Лобов И. И. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. – 167 с.

375. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. М., – 2015. – Т. 2. – 336 с.

376. Лукин Ю.М. Австрийский устав гражданского судопроизводства 1895 г. и судебная система Австрии: история и концептуальные основы // Вестник гражданского процесса. 2014. № 6. С. 121 – 130; 2015. № 1. С. 153 – 162; № 2. С. 170 – 179; № 3. С. 134 – 149; № 4. С. 132 – 146; № 5. С. 179 – 193; № 6. С. 129 – 144; 2016. № 1. С. 128 – 141; № 2. С. 124 – 135; № 3. С. 222 – 245.

377. Лукоянов Д.Н. Правовой статус председателя районного суда как организатора эффективного правосудия. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с.

378. Лысов Н.Н. О законодательном обеспечении борьбы с терроризмом // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 1 (40). – С. 233-236.

379. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. – Мінск : НКФ «Экаперспектыва», 1996 г. – 453 с.

380. Лютгвак Эдвард Н. Стратегия: Логика войны и мира. Перевод с английского: Edward N. Luttwak. Strategy: The Logic of War and Peace. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 2003. / Русский фонд содействия образованию и науке – Москва, 2012. – 392 с. ISBN 978-5-91244-022-9.

381. Магомедова М.А. Проблемы патриотического воспитания граждан в современных условиях // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2.

382. Макгиннис Дж.О., Пирс Р.Дж. Великий подрыв: как искусственный интеллект

меняет роль юристов в оказании юридических услуг // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-podryv-kak-iskusstvennyy-intellekt-menyayet-rol-yuristov-v-okazanii-yuridicheskikh-uslug> (дата обращения: 08.04.2020).

383. Макаренко А. С. Педагогическая поэма // <https://www.litmir.me/br/?b=18535&p=85>

384. Макаров С.В. Особое Совещание 17 января 1905 г. (К проблеме объединения министерского управления в Российской империи) // Правоведение. – 1993. – № 3. – С. 110-116.

385. Макаров С.В. Создание Совета министров Российской империи // Правоведение. – 1993. – № 2. – С. 101-106.

386. Маклаков А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. Санкт-Петербург: Питер, 2001. — 592 с.

387. Маклаков В.В. Парламент Франции. Ч. I. М.: ИНИОН, 2008. – 190 с.

388. Маковский А.Л. Международное частное морское право (понятие и источники). М.: Транспорт, 1974 г. – 64 с.

389. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса // Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. М.: Статут, 2007. С. 108, 147.

390. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. – 296 с.

391. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, –1983.

392. Марков, С. М. Судебное право вечевой Новгородской республики XI-XIII вв.: история медиации в Древней Руси // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. С. 144-155.

393. Маркович Р. Конституционное право и политические институты. Белград. 2005. 701 с.

394. Маркс К. Капитал. Соч. Издание второе. Гос. изд-во полит. литерат. М. 1960. Т. 23. С. 770.

395. Максимов С.В., Васин Ю.Г., Утаров К.А. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 4. – С. 476-484.

396. Марасанова В.М. Кадры председателей и членов окружных судов Ярославской губернии во второй половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С.25-29.

397. Маргрите Асманн «Гроций как юрист. Оракул Делфт, Гуго Гроциус 1583-1645», Издательство: Городской Музей, Хет Принсенхоф, с. 87-102.

398. Марыхуба И. Абхазия: Прошлое и настоящее (Очерки, документы, материалы). Сухум: Алашарбага, 2007. 360 с.

399. Маслова Е.Н. Памятник «Тысячелетию России». Л.: Лениздат, 1972. 102 с.

400. Масловская Т.С. Основные направления развития современного конституционализма // Традиции и инновации в праве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г.: в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб. науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 1. – 312 с. – С. 246-249.

401. «Матери Беслана» просят Путина запретить перенос Дня окончания Второй Мировой войны. – <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/04/21/1839445.html> (дата обращения: 21.04.2020).

402. Материалы Народного Комиссариата Юстиции. 1918г.

403. Матусевич О.А. Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе // Труды БГТУ. № 5. История, философия, филология. 2015. № 5 (178). С.131-135.

404. Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С.116-118.

405. Матч смерти. Мировая история [Электронный ресурс] <https://zen.yandex.ru/media/worldhistory/match-smerti-v-kieve-v-1942-godu-pochemu-futbolisty-byli-arestovany-i-ubity-5a9ee2b8610493249a27c578>

406. Матчанова З.Ш. Правовые реформы в Российской Федерации: международно-правовое измерение // Научное мнение. – 2014. – № 5. – С. 54-57.

407. Махмудова М.А. Сроки давности в уголовном праве России: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Махачкала, 2011. С. 83.

408. Махота С.В. «Великая Отечественная война в контексте современной информационной войны» [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: <https://novostipmr.com/ru/news/18-05-09/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-kontekste-sovremennoy> (дата обращения 14.04.2020).

409. Мачульская Е.Е. Право на социальное обеспечение естественное и неотъемлемое право человека // Вестник Моск. Ун-та. – 1988. – №5. С. 18-26.

410. Медведев С.А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве: Дис. ... канд. юрид. наук. -Майкоп, 2006. – 236 с.

411. Медушевский А. Н. Государство-коммуна: эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 2. С. 63-83.

412. Медушевский А.Н. Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. — 2008. — № 5. — С. 3-18.

413. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998. – 654 с.

414. Медушевский А.Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. – 2004. – №3/ 4. – С. 83-119.

415. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.

416. Медушевский Н.А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса // Власть. – 2019. – №3. – С. 168.

417. Международная хартия физического воспитания и спорта (принята в г. Париже 21.11.1978 на 20-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // СПС «КонсультантПлюс».

418. Мейер Д.И. Русское гражданское право: под изд.1902.: В 2 т.-Т.1-290с.; Т. 2-455с.-М.: Статут,1998

419. Мейтин А. А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2004. – 243 с.

420. Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. Сецессии на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия // АПЕ. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setsessii-na-postimperskom-prostranstve-kosovo-abhaziya-yuzhnaya-osetiya> (дата обращения: 07.04.2020)

421. Мелик-Шахназаров А.А. Выход НКР из Азербайджанской Республики в 1991 г. // Постсоветские исследования. – Т. 1. – 2018. – №2. – С. 142-149.

422. Мельник Т. Е. Проблемы правового регулирования в области физической культуры и спорта // Журнал российского права. – 2005. – № 1. – С. 141-144

423. Меркис С.Р. Совершенствование механизма государственной поддержки спорта высших достижений в Российской Федерации: Выпускная квалификационная работа бакалавра. – Красноярск, 2019. – 74 с.

424. Микулик С. Тотализатор для чемпиона. 25 лет назад завершился последний чемпионат СССР // Советский спорт, 02 ноября 2016 г. – URL: <https://www.sovsport.ru/football/articles/936888-totalizator-dlja-chempiona-25-let-nazad-zavershilsja-poslednij-chempionat-sssr>. – (дата обращения 20.04.2020).

425. Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 1 (80). – С. 111 – 121.

426. Миллер А. Россия: власть и история // ProEtContra. – № 3–4 (46), май — август 2009. – Т. 13. – С. 6-23.

427. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – № 3 (94) – С. 87-102.

428. Михайлов В.М. О социально-юридическом аспекте обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Государство и право. 1995. № 12. С.74.

429. Михаль О.А., Власов Ю.В. Уголовно-правовое регулирование причинения вреда здоровью или смерти при спортивных занятиях // Современное право. 2014. № 9. С. 128-132.

430. Модельный закон о профессиональном спорте (Принят в Санкт-Петербурге 31.05.2007 Постановлением 28-8 на 28-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2007. – № 40. – С. 200 – 233.

431. Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. 2016. N 5. С. 137 – 149.

432. Мы меняемся. – ЖЖ. – URL: <https://troitsa1.livejournal.com/2036213.html> (дата обращения 20.04.2020).

433. Мюрберг И. И. Дискурс насилия: К. Шмитт против Х. Арндт // Власть. 2010. № 5.

434. Народная Армия.1917.19 апреля.

435. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. М., Юридическая литература, 1976. – 600 с.

436. Научно-практический комментарий к Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик, Под ред. П.И. Бардина. – М.: Государственное издательство Юридической литературы, 1962. – 230 с.

437. Неизданный Достоевский. — М.: Наука, 1971.

438. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999.

439. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. №3. С. 5.

440. Нижник, Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории / Н. С. Нижник. – СПб. Пресс, 2006. – 272 с.

441. Нил Ушаков запретил новогоднюю «нацистскую» вечеринку в Риге // <https://life.ru/p/948997>

442. Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997.

443. Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: российские юристы о государственно-правовом статусе Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3.

444. Новикова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс]: URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32.html> (дата обращения: 15.04.2020).

445. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., – 1999.

446. Нора П. Всемирное торжество памяти / пер. с франц. М. Сокольской // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 // Журнальный зал. URL <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения 27.03.2020 г.).

447. Нора П. Между памятью и историей (Проблематика мест памяти) // Он же. Франция – память. СПб, 1999. С. 21-35.

448. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюнемеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, –1999.– С. 17-50.
449. Норвич Дж.Дж. История Сицилии / Пер. с англ. В.Желнинова. М.: Издательство АСТ, 2018. – С. 64 – 67.
450. Носов В.И. Военная прокуратура в условиях отечественной войны / В. Носов // Социалистическая законность. – М., 1942. – № 10 (май). – С. 11 – 14.
451. Нудненко Л.А. Функции конституционных прав и свобод личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2012. № 2. С.33-41.
452. О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Доклад МИД России, 2019 // https://www.mid.ru/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoYRUj/content/id/3193903
453. Обзор изменений Федерального закона от 13.03.1995 N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» в редакции от 01.04.2020. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91636/be82a0db3713825c2ca218525d0ac8bdе5fe23f3/#dst100017 (дата обращения:03.04.2020).
454. Обращение к историкам – авторам школьных учебников // <https://polit.ru/article/2014/05/22/history/>
- 455.Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. — 520 с.
456. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости// Российское законодательство XX веков. Т 7: Документы крестьянской реформы. М., 1989. С.59
457. Овчинникова Г.В. Виды профессионально-хозяйственного риска //Правоведение. Ленинградский Университет. № 4. 1990 г. С. 61-62.
458. Одинцов С.В. Гармонизация регулирования процедур трансграничного банкротства в странах Европейского союза // Сборник статей Международной научно-практической конференции памяти проф. В.К. Пучинского. М.: РУДН, 2014.
459. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова.- 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с. – URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.04.2020).
460. Олимпийская хартия (в действии с 15.09.2017) <https://olympic.ru/upload/documents/team/charter/olimpiyskaia-hartia-15-sentiabria-2017.pdf>
461. Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Изучение массового исторического сознания в постсоветской России: обзор подходов [Электронный ресурс].– URL: <http://www.politmemo.ru/filemanager/download/92> (дата обращения: 15.07.2019).
462. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 г. № 235-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Балуты Виктора Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 3 пункта 1 статьи 16 Федерального закона «О ветеранах» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70502908/#review> (дата обращения 18.04.2020).
463. Оршанский И. Народный суд и народное право (по поводу вопроса о преобразовании волостных судов) // Журнал гражданского и уголовного права. – СПб., 1875. Кн. 3. С. 60–142.
464. Осадчая Л.Г. История становления и развития советской судебной системы в 1917-1928 гг. (на материалах Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2008. – № 10 (50). – С. 115-118.
465. Основные начала гражданского судопроизводства. Речь, произнесенная на торжественном ежегодном собрании Императорского Казанского университета, 5 ноября 1895 года, профессором Е.А. Нефедьевым. Казань. Типо-Литография императорского Университета, 1895. – 51 с.
466. Основные начала русского гражданского процесса. По Цитовичу П.П., Малышеву К.И. и др. Применительно к программе юридической комиссии. Киев. Типография Петра Барскаго, Крещатик, соб.домъ № 40. 1897. – 174 с.
467. Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте, утв. ВС РФ 27.04.1993 № 4868-1 // СПС «Консультант Плюс».
468. Основы науковедения. М., 1985.
469. Оспанов Е.А. Правовая система в условиях кризиса и переходное состояние государственности: взаимообусловленность развития // Проблемы экономики и юридической практики. -2014. – №2. – С. 121-126.
470. Отрадинский А. Судьи-партизаны Ростовской области: [Работники суда и прокуратуры на фронтах великой отечественной войны] / А. Отрадинский // Социалистическая законность. – М., 1942. – № 5 (март). – С. 19.
471. Оцуп Н.А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб.: «Logos», 1995. 200 с.
472. Очерк об истории судебной системы Санкт-Петербурга // Официальный сайт Санкт-Петербургского городского суда // http://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/modules.php?id=33&name=info_court (Дата обращения: 28.05.2020 г.).
473. Павлов В.И. Метафизические основания учения о юридическом конфликте в философии древних греков (Сократ, Платон) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2010. – № 1 (19).
474. Памятник Куку в Австралии облили розовой краской // Seldon News // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/182158633> (Дата обращения: 16.07.2020 г.).
475. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005; Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум. Москва, 28 сентября 2005 г. Стенограмма. М., 2006.
476. Папе Герхард. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии. Комментарий к действующему законодательству / Пер. с нем. – М.: Издательство БЕК. 2002. – 272 с. (Серия «Гражданское и экономическое право Германии»)
477. Пашенцев Д.А. Конституция России: этапы развития. – М., 2008. – С. 67 – 68.
478. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – № 1.
479. Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. – 2019. – № – 6.
480. Пельменев В.К. История физической культуры. 2-е изд., пер., доп.: Учебное пособие для СПО.- М. Юрайт. – 2020.
481. Передельский А.А., Дамдинцурунов В.А. Спортивные и спортивно-боевые единоборства//Актуальные проблемы обеспечения деятельности человека в экстремальных условиях. Итоговый сборник тезисов докладов сотрудников кафедры ТиМ ПВСиЭД за 2010-2014 гг.. 2014. С. 89-95.
482. Пережить блокаду Ленинграда и выиграть Олимпиаду [Электронный ресурс]<https://www.sports.ru/tribuna/blogs/innuendo/777505.html>
483. Пермяка оштрафовали на 200 тысяч за репост в соцсети статьи об участии СССР в оккупации Польши // <https://www.newsru.com/russia/01jul2016/perm.html> (Дата обращения: 25.09.2019 г.).
484. Песков А.Н. Международная практика борьбы с криминальным фанатизмом//Спорт, экономика, управление. – 2013.- № 3 – С.18-24
485. Песков А.Н. Международный криминальный фанатизм //Вестник Российского международного олимпийского комитета – 2012 -№ 4 – С. 94-107
486. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908.
487. Петровский П. Гонг.Нокаут.Морг//Российская газета.29 июля 2019 г.

488. Петрух Д., Силюнская А. Банкротство, или Жизнь с нуля // ЭЖ-Юрист. 2015. N 20. С. 8.
489. Петрушечкин П.В. Взаимодействие государства и общества в ходе реализации социальной политики в республике Саха (Якутия) // Вестник Пермского университета. 2009. Серия: История и Политология 4 (8 Политология – 11 История). С.48-53.
490. Петухов В.В. Кризис и динамика социальных настроений // Мир России. – 2010. – № 1. – С. 45-66.
491. Пирогов Г. Г. Дао – учение о мировой траектории развития // Философские науки. 2002, № 3. С. 78–88
492. Письмо Минспорта России от 26.04.2018 № ПН-05-00/3127 «О направлении Методических рекомендаций и разъяснений относительно особенностей правового регулирования деятельности спортивных федераций»// СПС Консультант Плюс.
493. Платон. Законы // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т.3. М., 1994.
494. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 3. РАН. Институт философии. Издательство «Мысль». М., 1994. – С. 353.
495. Платонов В.М. Культурно-исторические особенности становления модели современного российского федерализма, сложившиеся в досоветский и советский периоды // Социально-политические науки. – 2018. – № 4. – С. 100-106.
496. Победоносцев К.П. О необходимости судебных реформ // ОР РГБ. Фонд 230. П. 4394. № 3. Л. 5. Цит. по изд.: Демичев А. А. Периодизация истории суда присяжных в России. — С. 141.
497. Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека / международные договоры по правам человека. – URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/hri.gen.l.rev9_ru.pdf (дата обращения 10.04.2020).
498. «Политику исключать нельзя»: Чехия отказала в убежище первому в России осужденному за реабилитацию нацизма // Настоящее время // <https://www.currenttime.tv/a/29232278.html> (Дата обращения: 13.12.2019 г.).
499. Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Графский В.Г., Грацианский П.С., Деев Н.Н., Лазуренко В.Д., и др.; Редкол.: Грацианский П.С., Гулиев В.Е. (Отв. ред.), Нерсесянц В.С. – М.: Наука, 1976.
500. Политический отчет ЦК на XV съезде ВКП (б) 3 декабря 1927г.// Сталин И.В. Сочинения. М., ГИПЛ, 1954.Т.10. С.269-371.
501. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., – 1830. – Т. 1 – 4; СПб., – 1831. – Т. 5; СПб., – 1832. – Т. 6; СПб., – 1833. – Т. 7.
502. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., – 1830. – Т. 1 – 2, 6 – 8, 11 – 12, 14 – 40.
503. Половченко К.А. Генезис проблемы Косово и Метохии: конституционно-правовое исследование // Социально-политические науки. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-problemy-kosovo-i-metohii-konstitutsionno-pravovoe-issledovanie> (дата обращения: 03.04.2020).
504. Положение «О порядке присвоения наименований элементам планировочной структуры, элементам улично-дорожной сети городского округа “Город Калининград”, их изменения и аннулирования». Утв. решением городского Совета депутатов Калининграда от 07.02.2018 № 5. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/446637780> (дата обращения: 19.04.2020).
505. Положение «О порядке установки, содержания и демонтажа мемориальных досок на фасадах зданий и сооружений городского округа “Город Калининград”». Утв. Решением городского Совета депутатов Калининграда от 06.07.2016 № 215. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/439097284> (дата обращения: 19.04.2020).
506. Положение о кустарно-ремесленных промыслах граждан. Утв. Пост. Совета Министров СССР от 3 мая 1976 г. № 283//СП СССР, 1976, №7, ст.39 (утратило силу).
507. Положение о несостоятельности от 5 октября 1994 г. // Германское право. М., 1999. Ч. 3. С. 128 – 220.
508. Положение о порядке вручения медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (утв. Президиумом ВС СССР 21.08.1945). – URL: <http://lgoty-vsem.ru/lgoty/medal-za-doblestnyj-trud-v-vov.html>
509. Положенцева И.В., Кашенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация исторической памяти студентов // Власть. 2014. – №12. – С. 42-46.
510. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. – 2020. – № 5.
511. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. 2-е изд., испр. и доп. – М., – 2016. 832 с.
512. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. – СПб.: Издательство Юридический центр Пресс, 2003. – 845 с.
513. Понкин И.В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. –2018. Т.22. –№1. –С. 91-109.
514. Понкин И.В., Редькина А. И. Составы правонарушений, совершаемые спортивными болельщиками вовремя и в связи с проведением массовых зрелищных спортивных мероприятий// Трудовое право и право социального обеспечения. – 2016 – № 11 – С. 109-117
515. Поплавская Л.Б. История античной литературы. Учебное пособие. СПб.,2010. – С. 69 – 76.
516. Попов А.Н. и Шендяпин П.Н. Латинский язык. М., 1958. – С. 291.
517. Попов Ф. А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф. 2012. 672 с.
518. Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. – 2018. – № 11.
519. Попова, В. О. Вечевые процедуры Новгородской республики и Псковского княжества // Pro Nunc Современные политические процессы. 2012. № 1. С. 111-113.
520. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году» // Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь (1994–2019 годы). – Минск, 2019. – С. 128.
521. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году» // Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь (1994–2019 годы). – Минск, 2019. – С. 84.
522. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным делам» от 7марта 1927г.
523. Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г.» (вместе с «Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.”). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901857831>
524. Постановление Губернатора Саратовской области от 2 февраля 2000 г. № 44 «О юбилейном нагрудном знаке Губернатора Саратовской области «Труженику тыла 1941-1945» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://ivo.garant.ru>
- 525.Постановление Минтруда РФ от 11.10.2000 N 69 (с изм. от 30.07.2004) «Об утверждении Инструкции о порядке и условиях реализации прав и льгот ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, иных категорий граждан, установленных Федеральным законом «О ветеранах». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29248/
526. Постановление Правительства Калининградской области от 02.12.2014 (ред. от 18.04.2019) «О службе государственной охраны объектов культурного наследия

Калининградской области». – URL: https://gov39.ru/vlast/sluzhby/gookn/zip/polozhenie_o_sluzhbe.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

527. Постановление Правительства РФ от 05.10.1999 N 1122 (ред. от 12.07.2018) «Об удостоверениях ветерана Великой Отечественной войны». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24585/

528. Постановление Правительства РФ от 16.12.2013 № 1156 (ред. от 30.01.2014) «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований»/ СЗ РФ, 23.12.2013, № 51, ст. 6866

529. Постановление Правительства РФ от 2 октября 2014 г. N 1015 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169508/

530. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 20 мая 2016 г. N 385 «О мерах по реализации главы 14 "Социальная поддержка отдельных категорий граждан" Закона Санкт-Петербурга «Социальный кодекс Санкт-Петербурга». – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/43408312/paragraph/1:8>

531. Постановление СНК РСФСР «О примирительно-конфликтных комиссиях» от 10 августа 1929.

532. Постановление СНК РСФСР «Об упорядочении работы судов в области жилищного дела» от 13 сентября 1926г.

533. Постановление СНК СССР от 10.08.1942 N 1353 (с изм. от 07.07.1943) «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26508#09669362558481421>

534. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.04.1942 N 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4708#09414272271372879>

535. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 11.03.2020 № 75-СФ О Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

536. Постановление Совмина СССР от 27.11.1958 № 1285 «О мерах поощрения роста спортивно-технических достижений советских спортсменов» – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=481#08382978871422297> (дата обращения – 20.20.2020)

537. Постановление ЦИК СССР № 64, СНК СССР № 1087 от 21.06.1936 «Об образовании Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК Союза ССР» // СПС «КонсультантПлюс».

538. Постановления Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства о физической культуре – URL: <http://sport-history.ru/physicalculture/item/f00/s02/e0002135/index.shtml> (дата обращения – 18.02.2020).

539. Потапова Н. Д. Дидактика конфликта: война 1812 года в школьных учебниках // Новое литературное обозрение. № 6(118). 2012. С. 95-113.

540. Право социального обеспечения России: учеб. – М. – Проспект. – 2010. 328 с.

541. Правила для обучения гимнастике в войсках. – СПб: Воен. тип., 1859.; Правила для обучения употреблению в бою штыка. – СПб.: Военная типография, 1861 г. – URL: http://www.reenactor.ru/ARH/Drill/Chtykovoy_boy_1861.pdf (дата обращения 25.02.2020).

542. Правительство Калининградской области. Официальный портал. Нормативные правовые и иные акты в сфере охраны объектов культурного наследия. – URL: <https://gov39.ru/vlast/sluzhby/gookn/dokumenty.php> (дата обращения: 23.04.2020).

543. Правовая наука и юридическая идеология в России. Энциклопедический словарь биографий: в 4 т. / отв. ред. В. М. Сырых. М., 2009. – Т. 1.

544. Президент Латвии не считает латышских легионеров СС нацистами // РИА Новости, 7 марта 2008; Легионеры СС и их последователи // Интерфакс, 6 марта 2009

545. Президент: учебники истории должны иметь единую концепцию // <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html>

546. Припечкин В.В., Балахонский В.В. Современные концепции политической культуры: проблемы генезиса, развития и гносеолого-методологических оснований: Монография. – СПб.: Астерион, 2019.

547. Приходько Е. А., Лебедева С. О. Историческая память и историческое сознание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, –2010. –№ 1 (5). –С. 132-135.

548. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2005. – 672 с.

549. Проект закона Российской Федерации № 917030-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или посвященных дням воинской славы России)». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/917030-7> (дата обращения 03.04.2020).

550. Протасеня Е.А. Историческая память как фактор формирования этнической идентичности Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016, № 2 (42). С. 175-180.

551. Проект закона Российской Федерации «О мерах воздействия на лиц, причастных к уничтожению, повреждению или осквернению памятников выдающимся российским военачальникам и значимым событиям истории». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=185609#06147639833690952> (дата обращения 03.04.2020).

552. Протокол № 54 заседания топонимической комиссии по наименованиям элементов планировочной структуры, улично-дорожной сети и других объектов городского округа «Город Калининград» от 23.04.2018 // Администрация ГО «Город Калининград». Официальный сайт. – URL: https://www.klgd.ru/activity/construction/toponim-komissiya/protocol_23042018.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

553. Пуздрач Ю.В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности. М., – 2001.

554. Путин В.В.: «Либерализм изжил себя» // URL: <https://ru.euronews.com/2019/06/28/ru-putin-on-liberalism> (дата обращения: 10.03.2020)

555. Путин В.В.: несистемная оппозиция нужна, потому что улучшает жизнь в стране // URL: <https://news.mail.ru/politics/40799062/?frommail=1> (дата обращения: 06.03.2020).

556. Реизов Б. Г. К истории замысла «Братьев Карамазовых» // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970.

557. Рабочий суд.1929.№3/4.

558. Радбрух Г. Законное неправо и надзаконное право // Философия права / Пер. с нем. М., 2004.

559. Радбрух Г. Пять минут философии права // Философия права / Пер. с нем. М., 2004.

560. Радбрух Г. Философия права // Философия права / Пер. с нем. М., 2004.

561. Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С. М. Шахрая; сост. С. М. Попова, А. А. Яник. – М.: Кучково поле, 2016. – 824 с.

562. Рассказов Л.Д. Российское общественное сознание в условиях современных глобализационных кризисных процессов: автореф. дисс. ... докт. философ. наук. 09.00.11. Улан-Удэ, 2018. – 51 с.

563. Резник Ю.М. Введение к социальную теорию: социальная системология. – М.: Наука, 2003. – 525 с.

480. Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 года «О важности европейской памяти для будущего Европы». – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения 03.04.2020).

564. Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». – <https://pace.coe.int/en> (дата обращения: 10.04.2020).

565. Рекорды без химии. Российская газета – Федеральный выпуск № 74 (7832) от 03.04.2019 г. URL: <https://rg.ru/2019/04/03/sportsmenov-budut-shtrafovot-za-upotreblenie-dopinga.html>.

566. Ректор ГИТИСа: Серебренников – знаковая фигура для российского театра // <https://mir24.tv/news/16155630/rektor-gitisa-serebrennikov-znakovaya-figura-dlya-rossiiskogo-teatra>

567. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 33-45.

568. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М.: ГУ ВШЭ. 2003. 44 с.

569. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

570. Решение Исполкома Ленинградского городского Совета народных депутатов от 23 января 1989 г. N 5 «Об учреждении знака «Жителю блокадного Ленинграда». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=SPB&n=10802&req=doc#038930543081632696>

571. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 – 1968). – М.: Политиздат, 1968. Т. 3. – 750 с.

572. Ридель М. Универсализм прав человека и патриотизм (Кантовское политическое завещание нашему времени). – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000053/> (дата обращения: 06. 03. 2020).

573. Романов, Р. Е. От Транссиба до БАМа: эволюция стратегии мобилизационной занятости в контексте освоения Сибири (конец XIX — XX в.) / Р. Е. Романов. — Текст : непосредственный, электронный // Молодой ученый. — 2019. — № 2 (240). — С. 172-183. — URL: <https://moluch.ru/archive/240/55410/> (дата обращения: 21.04.2020).

574. Романов, Р. Е. Эволюция системы трудовых стимулов рабочих советской промышленности в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) / Р. Е. Романов. — Текст : непосредственный, электронный // Молодой ученый. — 2017. — № 35 (169). — С. 67-74. — URL: <https://moluch.ru/archive/169/45506/> (дата обращения: 21.04.2020).

575. Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. Институт социологии РАН. – 2015. – № 7.

576. Ромашов Р.А. Преемственность и цикличность в российском праве: единство и противоречия // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 41-42.

577. Ромашов Р.А. Преемственность и цикличность в российском праве: единство и противоречия // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 41-42.

578. Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. М., 1998.

579. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Том 1. Русская правда // под общ. ред. О.И.Чистякова. – М.: Юридическая литература, – 1984 – 432 с.

580. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Том 8. Судебная форма // под общ. ред. О.И.Чистякова. – М.: Юридическая литература, – 1991 – 496 с.

581. Российское о-во покровительства животным. Инструкция участковым попечителям Российского общества покровительства животным : [Утв. 19 мая 1895 г.]. – Санкт-Петербург, ценз. 1895.

582. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917-1920: сб. док./ отв. Сост. М. В. Зеленев. М., 2017.

583. Россия перед лицом шантажа: зачем Вашингтон и Эр-Рияд дают на нас // URL: https://ria.ru/20200312/1568459820.html?utm_medium=referral&utm_source=infbox.sg&utm_campaign=exchange (дата обращения: 13.03.2020).

584. Ростовский И.А. Как работал народный суд в 1918 году // Ежедневник Советской Юстиции. – 1922. – № 44-45 (7 декабря). – С. 16 -17.

585. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2-х т. / Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1989.– 488 с.

586. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии/С.Л.Рубинштейн. Санкт-Петербург: Питер, 2001.

587. Рувинский Р.З. Отражение доктрины «справедливой войны» (bellum justum) и понятия «незаконного врага» (hostis injustus) в современном международном праве // Международное право. – 2016. – № 1. – С. 1-12. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16948 (дата обращения 04.04.2020).

588. Руководство по рассмотрению дел о банкротстве для пекинских судов // URL: https://cnlegal.ru/civil_criminal_administrative_procedure/beijing_bankruptcy_cases_guidance/ (Дата обращения: 27.11.2018)

589. Русакова О.Ф. Политика памяти в контексте современных реалий // XV Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 20-23 марта 2012 г. Екатеринбург. — Екатеринбург: УрФУ, 2012. – С. 70-75.

590. Русский инвалид. 1917.17 апреля.

591. Рычков Н.М. О проекте «Положения о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик»: Доклад и заключительные слова Народного комиссара юстиции СССР на 2-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва 15-16 августа 1938 г. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1938. – 61 с.

592. Рычков А.В. Причины возникновения лысенковщины: историко-научные аспекты // Омский научный вестник. 2003. №2. С. 20-23.

593. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог во времени. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 7. – 2001. 392 с.

594. Сабо И. Основы теории права / И. Сабо. – М., 1974.

595. Савельев Е. Бессловесные // Донские областные ведомости. №86. 1913.

596. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание прошлого: теория и история: в 2-х т. СПб., 2003

597. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом. М.: ГУ-ВШЭ, 2005, 344 с.

598. Саврасов Л.А. О народном суде (Из личных воспоминаний) // Ежедневник Советской Юстиции. – 1922. – № 44- 45 (7 декабря). – С. 22-28.

599. Садова Л. В. Шведско-норвежский конфликт 1905 г. в донесениях в Петербург российских военных агентов (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5.

600. Сазонова К.Л. Концепция «справедливой войны» в современном международном праве // Журнал российского права. – 2014. – № 5.

601. Салун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. – СПб., 2002. – 215 с.

602. Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России: Автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. юрид. наук. –

Омск, 2009. – 22 с.

603. Сараев В.В. уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России. Дисс.... к.ю.н. Саратов, 2009. 208 с.

604. Саунина Е.В. Политико-правовые учения о войне в эпоху средневековья и Нового времени и роль Гуго Гроция в становлении правовой доктрины справедливой войны. Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000.

605. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2020.

606. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г. – М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1944. – 380 с.

607. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1944 гг. – М.: Ведомости ВС СССР, 1945. – 359 с.

608. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии / Ефименко П.С. – Архангельск: Губ. тип., 1869. – 346 с.

609. Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 90.

610. Свод законов Российской Империи. СПб., – 1832. – Т. 1.

611. Свод законов Российской Империи. СПб., – 1842. – Т. 1.

612. Свод Законов Российской Империи. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Репринтное издание 1914 года. – Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России (без года).

613. Сводный перечень объектов культурного наследия Калининградской области (на 01.03.2020). – URL: https://gov39.ru/vlast/sluzhby/goonk/zip/svodnyu_perechen_okn.xlsm (дата обращения: 20.04.2020).

614. Селютина Е. Н. История и методология юридической науки: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2019.

615. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М. Издательство «Юридическая литература», 1982. – 152 с.

616. Семенова А., Ващенко В. Эта женщина занята: как менялась занятость женщин в России на протяжении века // <https://www.gazeta.ru/social/2017/03/07/10562453.shtml?updated#page4>

617. Сенатус-консульт от 21 мая 1870 г., фиксирующий Конституцию Империи / пер. с фр. А.К. Волкова // Правоведение. – 2008. – № 1. – С. 222-226.

618. Сергачёв Д.М. Право и ценности в процессе формирования социально-исторической памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46).

619. Сергеев М. Ставки на спорт в СССР // ПростоПроСпорт, 19 июля 2019 г. – URL: <https://prostoprosport.ru/pps/glossarij/history/news-stavki-na-sport-v-sssr/>. – (дата обращения 18.04.2020). Сергей Кравцов пообещал «паузу» с новыми образовательными стандартами // https://vogazeta.ru/articles/2020/1/23/edpolitics/11232-sergey_kravtsov_poobeschal_pauzu_s_novymi_obrazovatelnyimi_standarta_mi

620. Серебренникова А.В. К 70-летию Нюрнбергского процесса: «Формула Радбруха» (Radbruchsche Formel) и опыт ее применения на практике после объединения Германии. – <https://cyberleninka.ru/article/n/k-70-letiyu-nyurnbergsokogo-protsess-a-formula-radbrucha-radbruchsche-formel-i-opyt-ee-primeneniya-na-praktike-posle-obedineniya-germanii/viewer> (дата обращения 24.04.2020).

621. Сигалов К.Е. Алгоритм правовых противоречий государства, гражданского общества, личности в кризисных ситуациях // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 3. С.23-27.

622. Сидди М. Абхазия, Косово и право на отделение // Центральная Азия и Кавказ. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abhaziya-kosovo-i-pravo-na-otdelenie> Сидоренко

Э.Л. Квалификация преступлений против личности, совершенные с согласия потерпевшего // «Мировой судья», 2016, № 9. С. 30.

623. Сидоренко Л.Н. Использование образных заданий на уроках истории при подготовке к Всероссийским олимпиадам – формирование специальных способностей у одаренных школьников // Проблемы педагогики. – 2018. – № 2 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-obraznyh-zadaniy-na-urokah-istorii-pri-podgotovke-k-vsrossijskim-olimp...> (дата обращения: 01.04.2020).

624. Синченко Г.Ч. Юридикация и перформативные презумпции позитивного права // Научный вестник Омской академии МВД России. №2 (37). 2010. С. 16.

641. Система образования Республики Беларусь в цифрах / И.Д. Ажеронок, Н.А. Денищик, А.П. Нестеров. – Минск: Учреждение «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь», 2018. – 64 с.

625. Скворцов А. А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни или здоровью при занятиях спортом. Автореф. дис... к.ю.н. Саратов, 2005. 21 с.

626. Скворцов А.А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни или здоровью при занятии спортом. Автореф. Дис. ... канд. Юрид. Наук. Саратов, 2005. С. 11

627. Слободнюк С.Л. «Что если буду я как Бог?», или Парадоксы талиона в мирах Серебряного века // Пушкинские чтения–2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. С. 140–144.

628. Слободнюк С.Л. Николай Гумилев: модель мира (К вопросу о поэтике образа) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 143–164.

629. Сняли абсурдный запрет. Госдума разрешила демонстрацию свастики при условии осуждения нацизма // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2019/11/19/gosduma-razreshila-ispolzovanie-svastiki-pri-uslovii-osuzhdeniia-nacizma.html> (дата обращения: 06. 03. 2020)

630. Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917г. Период двоевластия. Л.,1973.

631. Соболева Е.А. Институт давности в уголовном праве Российской Федерации // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 117. Матчанова З.Ш. Правовые реформы в Российской Федерации: международно-правовое измерение // Научное мнение. – 2014. – №5. – С. 54-57.

632. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. / под ред. Г.В. Абрамович. – Ленинград: Наука, – 1987. – 448 с.

633. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 70.

634. Советское право в период Великой Отечественной войны: в 2-х ч. / Всесоюзный институт юридических наук М-ва юстиции СССР. – М.: Юридическое изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. – Ч. 1: Гражданское право. Трудовое право / под ред. И. Т. Голякова. – 430 с.; Ч. 2: Уголовное право. Уголовный процесс / под ред. И. Т. Голякова. — 214с.

635. Соглашение о взаимном признании льгот и гарантий для участников и инвалидов Великой Отечественной войны, участников боевых действий на территории других государств, семей погибших военнслужащих (Москва, 15 апреля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/1118856/>

636. Соглашение об установлении для участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла военных лет и вдов погибших воинов дополнительных льгот и материальной помощи в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (Москва, 9 декабря 1994 г.). – URL: <https://base.garant.ru/1119720/>

637. Соколов А.Н., Котковский Л.Э. Извращение права в фашистской Германии – «законная» основа для уничтожения инакомыслия // Юристы-Правоведы. 2011. – № 4.

638. Соколов Б. В. Между наукой и политикой: Цена Победы и Мифы Великой Отечественной // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: Победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005.

639. Соколов В.В. Мироззрение Бенедикта Спинозы // Спиноза Б. Избранные философские произведения. М., 1957. Т. I.

640. Сокольский Г.Ю. Обстоятельство, исключаящее преступность деяния при причинении вреда жизни и здоровью в сфере физической культуры и спорта// Ленинградский юридический журнал. 2019. № 3 (57). С. 149-154.

641. Соловьев А. А. Актуальные вопросы правового регулирования обеспечения общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий во Франции // Спорт: экономика, право, управление. – 2010. – N 1. – С. 21-25

642. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соловьев В.С. Соч. в 2-х тт. Т.1. Философская публицистика. – М., – 1989. – С. 399.

643. Соловьев Э.Ю. Государство, гражданский правовой порядок и права человека в глобально-историческом проекте Канта // Государство. Общество. Управление: Сборник статей. М., 2013.

644. Соломатина В.В. Историческая память народа // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11. – URL: <https://sibac.info/archive/social/11.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

645. Солонин М. Весна победы. Забытое преступление Сталина // Персональный сайт историка Марка Солонина. [Электронный ресурс]: URL: http://www.solonin.org/article_vesnapobedyi-zabyitoe (дата обращения: 15.04.2020).

646. Сорокина Н.А. К вопросу о признании источником права портовых обычаев // Вестник Нижегородской правовой академии. 2018. № 15(15). С. 16-18.

647. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., – 2002.

648. Сперанский М. М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905.

649. Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с лат. // Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. / Под. ред. В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2.

650. Спиноза Б. Политический трактат / Пер с лат. // Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. / Под. ред. В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2.

659. Стародубцев А., Фукс С. Интерпол: организованная преступность стоит за организацией договорных матчей //ТАСС, 10 октября 2016 г. – URL: <https://tass.ru/sport/3691136> – (дата обращения 10.04.2020).

651. Статут Международного суда Организации объединенных наций: подписан 26 июня 1945 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.icj-cij.org/homepage/ru/icjstatute.php> (дата обращения: 05.03.2020 г.).

652. Степанищев А. Т. История России. Часть 1. XVIII – начало XX века – М: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС.- 2008.

653. Степанов И.М. Грани российского конституционализма (XX век) // Конст. строй России: Вып. 1. – М., 1992. – С. 30-31.

654. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма; Очерк-эссе. – М., 1996. – С. 3.

655. Стивен Бенн. Одежды Клио. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2011. – 304 с.

656. Стоянович Д. Конституционное право. Ниш, 2009. 430 с.

657. Стрелкова И.И. Управляющий в деле о банкротстве (опыт России, Китая и США) // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. N 7. С. 51 – 56.

658. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности / М. С. Строгович. – М., 1966.

659. Студеникова С.Л. Патриотическое воспитание молодежи – залог успешного развития общества и государства // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3.

660. Субботенко В.К. Процедурные правоотношения в социальном обеспечении. Томск. -1980. 197 с.

661. Суворов В. Ледокол: Кто начал вторую мировую войну; День «М»: Когда началась Вторая мировая война. – М., 1994. – 576 с.

662. Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру). – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

663. СудебныеРешения.рф – специализированный информационный ресурс для публикации информации о рассматриваемых судами общей юрисдикции делах и вынесенных ими решениях. – URL: <http://судебныерешения.рф/>

664. Судебные уставы // Свод законов Российской империи: в 16 т. Изд. 1912г. – с. 627.

665. Судебные уставы // Свод законов Российской империи: в 16 т. Изд. 1912г. – с. 606.

666. Сунь-Цзы. Искусство войны. Эксмо-Пресс, 2015 г. 290 с.

667. США: право на несогласие // <http://www.agitclub.ru/front/amer/america.htm>

668. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. М., 2017.

669. Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М., 2020.

670. XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы. Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25-28 декабря 1961 г. М.: Госполитиздат, 1962.

671. Тадевосян Т.В. Мифологема героя в поэтическом творчестве Н.С. Гумилева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МПГУ. М., 2008. 22 с.

672. Тараненко В. В. Социальные гарантии военнослужащих – участников боевых действий на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и членов их семей (вооруженный конфликт немеждународного характера и контртеррористические операции) / В. В. Тараненко. – М. : За права военнослужащих, 2005. – 287 с.

673. Тарасов А. Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм. – URL: https://scepsis.net/library/id_2965.html (дата обращения 1.03.2020)

674. Тарасов, Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учебное пособие для вузов / Н. Н. Тарасов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 218 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-09715-3. Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт].

675. Тегеран-Ялта-Потсдам: Сборник документов / Сост.: Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. 2-е изд. – М.: Издательство «Международные отношения», 1970. – 416 с.

676. Теория государства и права. Учебник. Коллектив авторов: Алексеев С.С., Архипов С.И., Игнатенко Г.В., Корельский В.М., Леушин В.И., Перевалов В.Д., Пучков О.А., Русинов Р.К., Семитко А.П., Тарасов Н.Н., Шабуров А.С. Учебник / Москва, 2005. (3-е издание, переработанное и дополненное).

677. Тимофеев Д. В. Понятие «конституции» в России в первой четверти XIX века // Общественные науки и современность. 2007. № 1.

678. Тимошенко В. Социальная поддержка ветеранов Великой Отечественной войны: 5 основных направлений / В. Тимошенко // Гарант. – URL: https://www.garant.ru/actual/70_letie_pobedy/soc_obespechenie/

679. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – М.: ПРО-СПЕКТ, – 1997. – 472 с.

680. Тихомиров О. К. Актуальные проблемы развития психологической теории мышления / О. К. Тихомиров // Психологические исследования творческой деятельности. Москва : Наука, 1975.

681. Томсинов В. А. Сперанский. М., 2006.

682. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. М., 2007. – Т. 1.

683. Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010.

684. Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М., 2010.

685. Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010.

686. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С.3-15.

687. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.

688. Трофимов В.В. К проблеме обоснования идеи солидарности в праве и правовой доктрине: репрезентативный очерк // Право и образование. – 2019. – № 10. – С. 4-11.

689. Трофимов В.В. Позитивные юридические средства и право сотрудничества: постановка проблемы // Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 163-177.

690. Трофимов Д. А. Криминальный футбольный фанатизм как общественно опасное явление // Российский следователь. – 2011. – № 19. – С. 18 – 19.

691. Трунов И. Казус Майкла Тайсона. Подлежат ли уголовной ответственности современные гладиаторы, наносящие вред жизни и здоровью // Юрист спешит на помощь. 2015. № 8. С. 30-33.

692. Трунов И.Л. Подлежат ли уголовной ответственности современные спортивные гладиаторы. Причинение вреда жизни или здоровью спортсменов и уголовная ответственность // Русский журнал правовых исследований. 2015. №3 (4). С.140-145.

693. Туманова А.С., Киселёв Р.В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М., – 2011.

694. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. – М.: Наука, 1971. – 381 с.

695. Тюшкевич С.А. Борьба за огонь. М.: Проспект. 2010.

696. Тяпков М. Европол выявил 680 договорных матчей по всему миру // Чемпионат, 05 февраля 2013 г. – URL: <https://www.championat.com/football/article-3192889-schjot-dogovornjakov-poshjol-na-sotni.html> – (дата обращения 10.04.2020).

697. Уголовное право США. Сборник нормативных актов/ Отв. ред. И.Д. Козочкин. М., 1986. С.54; Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы штата Техас. М., 1955.. С. 15.

698. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. – СПб.: Издание Н. С. Таганцева, – 1904. – 1126 с.

699. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deb8cd782c79ab8888215304186ca7e15ffb2fdc.

700. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.06.2015) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

701. Уголовный кодекс Российской Федерации (в редакции от 18.02.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06. 03. 2020)

702. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС Консультант Плюс.

703. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 2 февраля 2020 года + таблица изменений + путеводитель по судебной практике. – Москва: Эксмо, 2020. – 384 с. – (Актуальное законодательство)

704. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

705. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. <https://dikipedia.ru/document/5160972> (дата 15.04.20 г.)

706. Указ Президента Российской Федерации от 08 июля 2019 г. № 327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы». – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44425> (дата обращения 03.04.2020).

707. Указ Президента РФ от 9 мая 2018 г. N 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». – <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

708. Указ Президиума Верховного совета СССР от 04.07.1946 «О переименовании города Кенигсберга в город Калининград и Кенигсбергской области в Калининградскую область» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 25.

709. Указ Президиума ВС СССР от 1 мая 1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Москвы». – URL: <https://base.garant.ru/70822570/>

710. Указ Президиума ВС СССР от 1 мая 1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Кавказа». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=166#017997725307233547>

711. Указ Президиума ВС СССР от 10 сентября 1947 года «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР». – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70808372/paragraph/1:0>

712. Указ Президиума ВС СССР от 21 июня 1961 г. «Об учреждении медали «За оборону Киева». – URL: <https://base.garant.ru/5950020/>

713. Указ Президиума ВС СССР от 22 декабря 1942 г. «Об учреждении медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и «За оборону Сталинграда» и о награждении этими медалями участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/70308590/>

714. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 (с изм. от 07.07.1943) «О военном положении». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=12281567306834702161451267&cacheid=924BC30A12C0139BB063AAF1937C5A1E&mode=splus&base=ESU&n=9366&md=36DAF9F2B848B71D972FD91A14039550#1neljIupy67>

715. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17105#06487973638369807>

716. Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1941 (с изм. от 08.09.1943) «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=148439697508446894414547161&cacheid=171A43E89EF7FB3769E994E2B6AEBBCB&mode=splus&base=ESU&n=3990&md=C278A53FAD630FBDBC587CAE9D863303#j8f2v5giz1>

717. Указ Президиума ВС СССР от 27 декабря 1938 г. «Об учреждении медали «За трудовую доблесть» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/70822592/>

718. Указ Президиума ВС СССР от 27.12.1938 об учреждении медали «За трудовое отличие». – URL: <https://base.garant.ru/70822592/>

719. Указ Президиума ВС СССР от 5 декабря 1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Советского Заполярья» и о награждении этой медалью участников обороны Советского Заполярья». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=168#04682026054435964>.

720. Указ Президента РФ от 11 января 2009 г. № 46 «О праздновании 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6296242/#6296242> (Дата обращения: 27.06.2020 г.).

721. Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М.: Юридическая литература, 1989. 304с.

722. Утевский Б.С. Наука уголовного права во время Отечественной войны / Б. Утевский // Социалистическая законность. – М., 1944. – № 11 (ноябрь). – С. 16 – 23.

723. Файнблит С.Д. Работа народного суда во время отечественной войны / С. Файнблит // Социалистическая законность. – Чкалов, 1941. – № 9 – 10 (ноябрь). – С. 16 – 18.

724. Фальсификация истории: примеры. Противодействие фальсификации истории [Электронный ресурс] – URL: <https://fb.ru/article/229961/falsifikatsiya-istorii-primeryi-protivodeystvie-falsifikatsii-istorii> (дата обращения 03.04.2020).

725. Фальсификация исторических источников и конструирования этнократических мифов. — М.: Институт археологии РАН, 2011.

726. Фассел П. Великая война и современная память. СПб, 2015.

727. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. N 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации». – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/12125128/paragraph/76144:16>

728. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 19.04.2020).

729. Федеральный закон от 26.11.2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Российская газета». 2002. № 209-210. Федеральный закон от 12 января 1995 г. N 5-ФЗ «О ветеранах». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/

730. Федеральный закон от 29.04.1999 № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

731. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

732. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2-х тт./ т.1- С- Петербург.: София, 1991.

733. Финн Э.А. Инженер, ставший народным судьей // Социалистическая законность. – 1949. – № 6 (июнь). – С. 35-38.

734. Фрай Н. Преодоленное прошлое? Третий рейх в современном немецком самосознании // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 21-39.

735. Францев А. Импортзамещение в футболе. Как лимит на легионеров влияет на зарплаты российских игроков // Forbes, 29 июля 2017 г. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/350601-importozameshchenie-v-futbole-kak-vliyayut-inostrannye-igroki-na-zarplaty-rossiyskih> (дата обращения 10.04.2020).

736. Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л. 1980. 254 с.

737. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9.

738. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12.

739. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1.

740. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века; пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М., 2019.

741. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2–3 (40–41). – С.8–27.

742. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, –2007. – С. 63.

743. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., – 2007.

744. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / Юваль Ной Харари; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. – М.: Синбад, 2019. – 416 с.

745. Хартвиг М. Консультативное заключение Международного суда ООН по вопросу о декларации независимости Косово – предыстория и критика судебного «постановления». URL: https://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_121_155.pdf (дата обращения: 29.03.2020).

746. Хасанов А.А. Международно-правовые аспекты признания Южной Осетии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – М., 2018. – №1. – С. 140-146.

747. Хаттон Х. Патрик История как искусство памяти. СПб., 2003.

748. Хенк Неллен, Гуго Гротийс «Жизнь в борьбе за мир, 1583-1645» Издательство Balans 2007.

749. Хенк Неллен, «В поисках мирного мирового порядка, Гуго Гротийс (1583-1645) о естественной религии и справедливой войне», речь о принятии должности профессора истории мысли о раннем современном периоде в ее социальном контексте, 2010.

750. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47-62.

751. Хоконов А.А. Правовое государство и гражданское общество: некоторые аспекты взаимодействия // Вестник Военного университета. 2009. № 3. С. 87-90.

752. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Учебное пособие, – М. Издательство МГУ, 1994.

753. Хрестоматия по латинскому языку / Составители О.В.Бударагина, Т.Б. Путилова. Под ред. Н.М.Ботвинник. М., СПб.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 44.

754. Хрестоматия: документы по истории государственного управления в России. М.: Этносоциум, 2014. – 494 с.

755. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2019.

756. Цицерон Марк Туллий. Речи в 2-х томах в пер. Гаспарова М.Л. / т.1 (81 – 63 гг. до. н.э.), т.2 (62 – 43 гг. до н.э.). Издательство АН СССР, 1962. Т.1. Речь против Гая Верреса, первая сессия в суде в 70 г. до н.э. – С.44 и далее; вторая сессия «О предметах искусства». – С. 59 и далее.

757. Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1994.

758. Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993.

759. Чаадаев П.Я. Сочинения. Философические письма и статьи. – М., – 1989. – С.24

760. Чедия Б. Конституционная реформа — следствие неустойчивости политической системы Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-sledstvie-neustoychivosti-politicheskoy-sistemy-gruzii> (дата обращения: 06.04.2020).

761. Чепурной А. Г. Социальная защита инвалидов боевых действий в Российской Федерации как юридический институт: взаимодействие международно-правовых и внутригосударственных факторов // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 11-20.

762. Черкашин И.А. Физическая подготовка спортсменов в ударных видах спортивных единоборств: кикбоксинг К1 и тайский бокс: учебно-методическое пособие / И.А. Черкашин, П.П. Охлопков, Е.В. Черкашина. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2019. – 92 с.

763. Чесноков А.Н. Российское законодательство о физической культуре и спорте: история и современность: Автореферат на соискание учёной степени канд. юрид. наук. – М., 2007. – 25 с.

764. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7.

765. Честнов И. Л. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права // Платон. – 2012. – №1.- С. 45-51.

766. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М.: Зерцало, 1998. – С. 55.

767. Чичерин Б. История политических учений. Часть 1. Древность и средние века. – Москва, 1869

768. Чичерин Б.Н. Курс государственных наук. Часть III. М. – 1898. – С. 297.

769. Чучаев А.И. Робомобили и безопасность личности: уголовно-правовые

проблемы // Криминалист. – 2019. – № 1(26). – С. 94-98.

770. Шакарян М.С. Основы гражданского судопроизводства (значение, некоторые вопросы совершенствования и толкования). // Основы гражданского судопроизводства и развитие гражданского процессуального законодательства и теории: Сборник научных трудов. / Отв. ред. М.С. Шакарян. – М.: ВЮЗИ, 1982. – 147 с.

771. Шалагинов В.К. Судья: Очерки. – М.: Госюриздат, 1957. – 208 с.

772. Шапкина Е.А. Государственно-общественное партнерство // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 4. С.6-10.

773. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 370-371.

774. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья: Монография. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. – 512 с.

775. Шатковская Т.В., Науменко Ю.А. Становление понятия «субъект права» в международном уголовном праве (к 70-летию юбилею Нюрнбергского процесса) // Юристы-Правоведь. – 2016. – № 5 (78). – С.5-9.

776. Шахназаров Б.А. Некоторые терминологические аспекты международного права интеллектуальной собственности // Московский государственный университет им. О.Е. Кутафина. № 8 (117). 2016. С. 89-98

777. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М., 2016.

778. Шевцов В.С. Государственный суверенитет: (Вопросы теории). – М.: Наука, 1979. – 300 с.

779. Шевченко В. Информационная война Запада с исторической памятью россиян о Великой Отечественной войне // [Электронный ресурс]: URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/05/01/informacionnaya_vojna_zapada_s_istoricheskoy_pamyatu_rossiyan_o_velikoy_otechestvennoj (дата обращения: 15.04.2020)

780. Шевяков А.А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны // СОЦИС. – 1992. – № 11. – С.3-17.

781. Шенк Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М., – 2007.

782. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // ProEtContra – № 3–4 (46), май — август 2009. – Т. 13. – С. 89-108.

783. Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 57 – 63.

784. Шестов Н.И. Память историческая и память политическая: структура политико-мифологической связи // История и историческая память. – 2010. №1. – С. 20-30.

785. Шилова В.С. Патриотическое воспитание студентов: сущность, цели и задачи // Научный результат. Серия «Педагогика и психология образования». 2015. № 1.

786. Ширей Б.О. Конституционные основы сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации : автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2013. URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/konstitucionnyye-osnovy-sohraneniya-istoricheskogo-i-kulturnogo-nasledija-rossijskoj.html>.

787. Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. 416 с.

788. Шкуратов В.А. Историческая психология / В.А. Шкуратов. М., 1997. 505 с.

789. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. – 664 с.

790. Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Общество. Управление. – 2014. – № 1. – 65-80.

791. Шумкина Т.Г. Проблема исторической памяти в современной российской историографии (по материалам сборника научных трудов (История и историческая память» // Вопросы всеобщей истории. –2014. –№ 16. –С. 282-293.

792. Щедровицкий Г.П. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. Из архива Г.П. Щедровицкого. т.6. //М.: «Путь». 2003.

793. Щекочихин Ю. Лев прыгнул! // Литературная газета, 20 июля 1988 г.

794. Электронный ресурс: URL: <http://ru.sport-wiki.org/>. (Дата доступа:21 апреля 2020 г.)

795. Электронный ресурс: URL: <https://ru.wikipedia.org/>. (Дата доступа 21 апреля 2020 г.)

796. Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб.: О.Н. Попова, 1898. – 357 с.

797. Этапы развития советской Конституции: (историко-правовое исследование) / В. П. Портнов, М. М. Славин. – Москва: Наука, 1982. – 308, [2] с.

798. Этика: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М., 2001. – Интернет-версия. – https://iphras.ru/enc_eth/130.html (дата обращения 04.04.2020).

799. Ян и Анни Ромейн «Гуго Гротиус. Оракул из Делфт, в кн.: Наследники нашей цивилизации, голландские деятели спустя шесть веков» // третье издание, 1941 Издательство: Querido's Amsterdam pp. 34-67.

800. Ярова Т.В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в современных условиях // Среднерусский вестник юридических наук. 2015. № 2.

801. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – Санкт-Петербург: Лань. 1999. – 528 с.

802. Яценко, Л.Г. Программа подготовки студентов высшей школы к выполнению нормативов Всероссийского Физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» / Л.Г. Яценко, Т.Л. Незнамова, С.А. Баранов, Л.И. Романова // учебно-методическое пособие: ВШТЭ СПбГУПТД. – СПб., 2016. – 137 с.

803. Ableman v. Booth, 62 U.S. (21 How.) 506 (1859) // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep062/usrep062506/usrep062506.pdf> (дата обращения 08.05.2020)

804. App A. J. Ravishing the Women of Conquered Europe. San Antonio, 1946; Keeling R. F. Gruesome Harvest. The Costly Attempt to Exterminate the People of Germany. Chicago, 1947; Ryan C. The Last Battle. New York, 1966 (русское издание: Райан К. Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев. М., 2003) и др. Среди них развенчание и очернение Освободительной миссии Красной Армии занимает особое место [5]. (Sander H., Jahr B. BeFreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigung, Kinder. München, 1992; Zayas A.-M., de. A Terrible Revenge: The Ethnic Cleansing of the East European Germans, 1944–1950. New York, 1994; Grossmann A. A Question of Silence: The Rape of German Women by Occupation Soldiers // October. 1995. Vol. 72. P. 43–63.

805. Arbitrage TAS 2002/A/423 PSV Eindhoven / Union des Associations Européennes de Football (UEFA), sentence du 3 juin 2003. Официальный сайт CAS. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/423.pdf> (дата обращения 20.04.2020).

806. Arbitration CAS 2006/A/1164 Luca Scassa & MV Augusta Motor Spa v. Fédération Internationale de Motocyclisme (FIM), award of 15 March 2007. Официальный сайт CAS. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1164.pdf> (дата обращения 20.04.2020).

807. Arbitration CAS 2011/A/2682 Udinese Calcio S.p.A v. Helsingborgs IF, award of 25 July 2012 CAS // <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/2682.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

808. Arbitration CAS 2012/A/2824 Besiktas JK v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 31 October 2012. Официальный сайт CAS. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/2824.pdf> (дата обращения 20.04.2020).

809. Arbitration CAS 2013/A/3321 Aris Football Club v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 21 March 2014. Официальный сайт CAS. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3321.pdf> (дата обращения 20.04.2020).

810. Arbitration CAS 2013/A/3358 Mersin Idman Yurdu Club v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 25 April 2014. Официальный сайт CAS. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3358.pdf> (дата обращения 20.04.2020).

811. Arbitration CAS 2014/A/3497 SK Slavia Praha v. Genoa Cricket and Football Club, award of 5 September 2014 // <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3497.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

812. Arbitration CAS 2016/A/4720 Royal Standard de Liège v. FC Porto (Player T.), award of 19 May 2017 // <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4720.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

813. Arbitration CAS 2016/A/4772 Diego Dominguez v. Fédération Internationale de l'Automobile (FIA), award of 12 January 2018, paras. 111-130. Официальный сайт CAS. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4772.pdf> (дата обращения 20.04.2020).

814. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A.Erll, A. Nunning. Berlin\$ New York: De Gruyter. – 2010.

815. Arthur Eyffinger, De Hollandse jaren/Dutch years, 1583-1621 in: Het Delfts orakel: Hugo de Groot 1583-1645, Publishing House: Stedelijk museum Het Prinsenhof, Delft, pp. 17-54.

816. Balakhonsky V.V., Balakhonskaya L.V., Ivanov E.A., Shipunova O.D. Political technology tools in the specialists worldview formation // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences* EpSBS 2019. P. 671-676.

817. Balibar E. Spinoza and Politics. – L.: Verso, 1998.

818. Bielów Wadim – Eugeniusz W. Waśkowski i jego „Podręcznik prawa cywilnego”. Z okazji 150. rocznicy urodzin autora i 120-lecia ukazania się „Podręcznika” (ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВАСЬКОВСКИЙ И ЕГО „УЧЕБНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА”. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АВТОРА И 120-ЛЕТИЮ ВЫХОДА „УЧЕБНИКА”), *Studia Iuridica*, Warszawa 2017 roku, tom 70, k. 49.

819. Bonikowsky B. *American Nationalism. Literature Review*. Princeton: University Press, 2008

820. Blum E. *Reforging the White Republic: Race, Religion and American Nationalism*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2005

821. *Bradwell v. State of Illinois*, 83 U.S. (16 Wall.) 130 (1873) // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep083/usrep083130/usrep083130.pdf> (дата обращения 09.05.2020)

822. Brownson O.A. *The American Republic: Its Constitution, Tendencies and Destiny*. Wilmington: ISI Books, 2003 P. 4

823. Cary H. *The Past, the Present and the Future*. Philadelphia: Carey & Hart, 1848

824. Catherwood C. *World War II A Beginner's Guide*. – London, 2014. – 220 p. / пер. К. М. Кравченко. Катервуд К. Вторая мировая война: руководство для начинающих. – Лондон, 2014. – 220 с.

825. CEDB Decision of 13 October 2016 FC Zürich. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2016 – May 2016. Официальный сайт UEFA. – URL: <https://www.uefa.com> (дата обращения 20.04.2020).

826. CEDB Decision of 19 May 2016 Liverpool FC. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2016 – May 2016. Официальный сайт UEFA. – URL: <https://www.uefa.com> (дата обращения 20.04.2020).

827. CEDB Decision of 19 May 2016 Manchester United FC. Case Law Control, Ethics and Disciplinary Body & Appeals Body. Season 2015/2016. January 2016 – May 2016. Официальный сайт UEFA. – URL: <https://www.uefa.com> (дата обращения 20.04.2020).

828. *Civil Rights Cases*, 109 U.S. 3 (1883) // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep109/usrep109003/usrep109003.pdf> (дата обращения 09.05.2020)

829. Cooley T.M. *Labor and Capital Before the Law* // *North American Review*, № 139 (1884) P. 503–516.

830. Confino A. *Collective Memory and Cultural History: Problems of Method* // *The American Historical Review*. – Vol. 102. – No. 5.

831. *Constitution de 1852, Second Empire*. – URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1852-second-empire.5107.html> (дата обращения 07.04.2020).

832. Cotter W. R. *The Somerset Case and the Abolition of Slavery in England* // *History* Vol. 79, No. 255 (February 1994), P. 31-56

833. Deslandres M. *Histoire constitutionnelle de la France de 1789 a 1870*. T. I. Paris: Ed. Duchemin, 1977. – 541 p.

834. Duverger M. *Les constitutions de la France*. Paris: PUF, 2004. – 162 p.

835. Dunning, E. (2000). *Towards a Sociological Understanding of Football, Hooliganism as a World Phenomenon* // *European Journal on Criminal Policy and Research*, 8(2), pp. 141–162

836. Drlik M., Munk M., Skalka J. (2011) *Usage analysis of system for theses acquisition and plagiarism detection*. *Procedia Computer Science*, 3, pp. 866–871.

837. Ehrenberg V. *The Greek State*. London, 1960 – P. 58, 73.

838. Favoreu L., Gaia P., Ghevontian R., Mestre J.-M., Pfersmann O., Roux A., Scoffoni G. *Droit constitutionnel. 18-e éd.* Paris: Dalloz, 2016. – 1128 p.

839. Faust D. G. *The Creation of Confederate Nationalism: Ideology and Identity in the Civil War South*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2001.

840. Freden M. *Spinoza and Republicanism* // *Contemporary Political Theory*. – Oxford, 2005. N 4. P. 471–472.

841. Gedi N., Elam Y. *Collective Memory – What is it?* // *History and Memory*. – Vol. 8. – No 2.

842. Gellner E. *Nations and nationalism*. – Oxford: Blackwell publishing, – 1983.

843. *Global Strategic Trends. The Future Starts Today*. Sixth Edition. Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), *Future Operating Environment*: 2035.

844. Green A.W. *Henry Charles Carey, Nineteenth Century Sociologist*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1951.

845. Hélie M. *Les constitutions de la France*. Paris: Libr. de jurisprudence, 1880. – 1467 p.

846. Henk Nellen, Hugo de Groot, *Een leven in strijd om de vrede/A life in struggle for peace 1583-1645*, Publishing House Balans 2007.

847. Hobsbawm E., Ranger T. *The invention of tradition*. – Cambridge: Cambridge univ. press, –1983.

848. Hugo de Groot, *Mare Liberum: De vrije zee, een uiteenzetting over het recht van de Nederlanders om handel te drijven in Oost-Indië/The Free Sea, on the right of the Dutch to trade freely in the East-Indies*, by Arthur Eyffinger, Publishing house: Jongbloed Juridische Boekhandel.

849. Hugo de Groot, *De iure belli ac pacis: Het recht van oorlog en vrede/On the law of war and peace, Prolegomena & Boek I*, (ed. Jan Frans Lindemans) Publishing House: Ambo, Baarn 1993.

850. Hugo de Groot, *Inleidinge tot de Hollandse rechts-geleerdheid/Introduction to Dutch law*, Second edition, Publishing House; University press Leiden 1965.

851. Hugo de groot, *Kroniek van de Nederlandse Oorlog/Chronicle of the Dutch war, rising 1559-1588*, translated by Jan Waszink, publishing House Vantilt, 2014.

852. Henk Nellen, *Op zoek naar een vreedzame wereldorde, Hugo Grotius (1583-1645) over natuurlijke godsdienst en rechtvaardige oorlog/in search for a peaceful world order, Hugo Grotius on natural religion and justified war, speech on the acceptance of the office of professor of the history of thought in the early modern period in her social context*, 2010.

853. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. – L.: Verso, -1983.

854. Jan en Annie Romein, *Huig de Groot, Het Delfs Orakel/The Oracle from Delft, in: Erflaters van onze beschaving, Nederlandse gestalten uit zes eeuwen//Testators of our civilization, Dutch historical figures from six centuries, derde druk, 1941, Publishing house: Querido's uitgeverij Amsterdam pp. 34-67.*

855. Jewkes Y., Reisdorf B. (2016). A brave new world: The problems and opportunities presented by new media technologies in prisons. *Criminology & Criminal Justice*, Volume 16, Issue 5, pp. 534-551, <https://doi.org/10.1177/1748895816654953>.

856. Jiang Yu. *The Curious Case of Inactive Bankruptcy Practice in China: A Comparative Study of U.S. and Chinese Bankruptcy Law // Northwestern Journal of International Law and Business*. 2014. Vol. 34. P. 572 – 573.

857. Kaczorowski R. J. *Revolutionary Constitutionalism in the Era of the Civil War and Reconstruction // New York University Law Review*. № 61 (863), 1986. P. 863-940

858. Kaufmann E. *Ethnic or Civic Nation?: Theorizing the American Case // Canadian Review of Studies in Nationalism № 27, 2000. P. 133-154*

859. Kaufmann E. *Nativist Cosmopolitans: Institutional Reflexivity and the Decline of Double-Consciousness' in American Nationalist Thought // Journal of Historical Sociology № 14, 2001.*

860. Kettner J. *The Development of American Citizenship, 1608-1870*. Williamsburg: University of North Carolina Press, 1978

861. Kotowski Artur. *Tradycyjna teoria wykładni prawa Eugeniusza Waśkowskiego i jej znaczenie dla rozwoju polskiej egzegezy prawniczej, PPP 2015/9/9-34.*

862. Krejcl O. *Geopolitics of the Central European region: the view from Prague and Bratislava*. Prague, 2005. 493 p.

863. Krueger H. *Op. cit.; Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. I. P. 17; Nussberger A. The War between Russia and Georgia — Consequences and Unresolved Questions // Gottingen Journal of International Law, 2009, Vol. 1, No. 2. P. 347—348.*

864. Krzemiński Zdzisław. *Kartki z dziejów warszawskiej adwokatury, Oficyna Wolters Kluwers business, Warszawa 2008, s. 43.*

865. Laboulaye E. *Le Parti libéral. Son programme et son avenir. 8-e éd. Paris: Charpentier et C, 1871. – 344 p.*

866. Laboulaye E. *Questions constitutionnelles. Paris: Charpentier et C, 1872. – 440 p.*

867. Lieberman D. *The Province of Legislation Determined: Legal Theory in Eighteenth Century Britain*. Cambridge: University Press, 1989.

868. Madensen, T.D., Eck, E. J. (2008). *Spectator Violence in Stadiums*. URL: https://porcenter.asu.edu/sites/default/files/problems/pdfs/spectator_violence.pdf (дата обращения 27.02.2020)

869. Margreet Ahsmann, *Grotius als rechtsgeleerde/Grotius as legal scholar, in: Het Delfts orakel: Hugo de Groot 1583-1645, Publishing House: Stedelijk museum Het Prinsenhof, Delft, pp. 87-102.*

870. McGregor M.F. *The Athenians and their Empire*. Vancouver, 1987 – P. 117.

871. Melnikov V.Yu., Seregin A.V., Tsechoyev V.K. and al. *The necessity of formation of national ideology and implementation of the principle of justice for the development of Russian society // Astra Salvensis*. 2018. № 6. P.345-351

872. Merritt R. L. *The Emergence of American Nationalism: A Quantitative Approach // American Quarterly, 1965, №17, P. 319-335*

873. Michiel Adriaan de Vlieger. *Racism in European football: going bananas? An analysis of how to establish racist behaviour by football supporters under the UEFA disciplinary regulations in light of the inflatable banana-case against Feyenoord // The International Sports Law Journal*. 2016. 15 (3-4) Pp. 226–232.

874. *Miller v. McQuerry*, 17 F. Cas. 335, 336–337 (1853) // LawResource [электронный ресурс] // URL: <https://law.resource.org/pub/us/case/reporter/F.Cas/0017.f.cas/0017.f.cas.0335.pdf> (дата обращения 09.05.2020)

875. Monaghan, Sean. *Countering Hybrid Warfare: So What for the Joint Force? PRISM Vol. 8, No. 2, Oct. 4 2019.*

876. Morabito M. *Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à nos jours. 12-e éd. Paris: Montchrestien, 2012. – 830 p.*

877. Morris R.G., Higgins G.E. (2010) *Criminological theory in the digital age: The case of social learning theory and digital piracy. Journal of Criminal Justice, Volume 38, Issue 4, pp. 470-480, https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2010.04.016.*

878. Mosse, G. *Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars Through the Third Reich*. New York, 1975.

879. Mucciarelli F.M. *Private International Law Rules in the Insolvency Regulation Recast: a Reform or a Restatement of the Status Quo? URL: http://ssrn.com/abstract=2650414 (дата обращения: 20.11.2018)*

880. Nadelhaft J. *The Somerset Case and Slavery: Myth, Reality, and Repercussions // Journal of Negro History, Vol. 51, No. 3 (July 1966), P. 193–208*

881. *Nekrošius Vytautas „Wdrożenie koncepcji profesora Eugeniusza Waśkowskiego do procesu cywilnego na Litwie”, Studia Iuridica, Warszawa 2017 roku, tom 70, s. 171.*

882. Oleksy Kacper. *Prawo i Literatura. Szkice drugie*. Wydawnictwo Naukowe

883. Omar P. (ed.) *International Insolvency Law: Reforms and Challenges (Markets and the Law Series)*. Ashgate Pub., 2013

884. Pappas E. *Boxing, wrestling, and martial arts related injuries treated in emergency departments in the united states, 2002–2005 [Text] // Journal of Sports Science and Medicine. – 2007. – 6(CSSI-2). – P. 58–61.*

885. Parker K. M. *Common Law, History, and Democracy in America, 1790–1900: Legal Thought before Modernism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 182

886. Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. *MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign Project*. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

887. Paul Christensen, Donald G. Kyle (eds) (2014) *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Malden, Mass; Oxford, UK: Wiley Blackwell, 2014 – 656 p.

888. Pearson E. H. *Remaking Custom: Law and Identity in the early American Republic*. Charlottesville, London: University of Virginia Press, 2011.

889. Pérez Sánchez G. Á. *El «retorno a Europa» de los países Bálticos: De la ruptura con la URSS a la integración en la Unión Europea y la Alianza Atlántica del siglo XXI // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. – Alicante, 2004. – N3. – P. 233-252.*

890. Perry L. *Radical Abolitionism: Anarchy and the Government of God in Antislavery Thought*. Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

891. Prévost-Paradol L.-A. *La France nouvelle*. Paris: Michel Lévy frères, 1868. -423 p.

892. Pulito B. *A Hollow Argument Southern Nationalism, Myth or Reality // Shotgun's Home of the Civil War [электронный ресурс] // URL: https://civilwarhome.com/southernnationalism.html#N_26_ (дата последнего обращения 09.05.2020)*

893. *Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings (recast) // Official Journal of the European Union N L 141, 5.6.2015, p. 19.*

894. Regulations on the Status and Transfer of Players // <https://www.fifa.com/about-fifa/official-documents/law-regulations/index.html> (дата обращения: 12.04.2020).

895. R. Feenstra and Margreet Ahsmann, Contract, Aspecten van de begrippen contract en contractsvrijheid in historisch perspectief/Contract, Aspects of the concepts of contract and freedom of contract in historical perspective, Publishing House Kluwer-Deventer, 1980.

896. R. Feenstra и Margreet Ahsmann, «Контракт. Аспекты концепций контракта и свобода контракта в исторической перспективе», Издательство Kluwer-Deventer, 1980.

897. Redzik Adam "Eugeniusz Waśkowski (1866-1942). W siedemdziesiątce śmierci wybitnego uczonego i adwokata", Palestra 9-10/2012, Warszawa.

898. Rémusat Ch. de. Politique libérale, ou Fragments pour servir à la défense de la Révolution française. Paris: Michel Lévy frères, 1860. – 490 p.

899. Ribbens W., Malliet S. (2015) Exploring the appeal of digital games to male prisoners. Poetics, 48, pp. 1-20, <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2014.10.007>.

900. Roche, S.P., Pickett, J.T. & Gertz, M. The Scary World of Online News? Internet News Exposure and Public Attitudes Toward Crime and Justice. J Quant Criminol 32, 215–236 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10940-015-9261-x>

901. Rusu, Mihai Stelian History and Collective Memory: The Succeeding Incarnations of an Evolving Relationship // Philobiblon. –Vol. XVIII (2013). № 2. P. 260-282.

902. Ryłski Piotr „Wpływ idei naukowych Eugeniusza Waśkowskiego na współczesną polską doktrynę prawa postępowania cywilnego, Studia Iuridica, Warszawa 2017 roku, tom 70, s. 201.

903. Sawyer, G.S. Southern Institutes: or, An Inquiry Into the Origin and Early Prevalence of Slavery and the Slave-Trade: With An Analysis of the Laws, History and Government of the Institution in the Principal Nations, Ancient and Modern, from the Earliest Ages Down to the Present Time. With Notes and Comments in Defence of Southern Institutions. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1858.

904. Scholar, Warszawa 2017, s. 234.

905. Slaughter-House Cases, 83 U.S. (16 Wall.) 36 (1873) // Library of Congress [электронный ресурс] // URL: <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep083/usrep083036/usrep083036.pdf> (дата обращения 09.05.2020)

906. Smith R. Civic Ideals: Conflicting Visions of American Citizenship in U.S. History. New Haven: Yale University Press, 1997.

907. Spaaij R. (2007) Football Hooliganism as Transnational Phenomenon: Past and Present Analysis: A Critique – More Specificity and Less Generality // The International Journal of the History of Sport. – Vol. 24 – № 4 – pp. 411-431

908. The United States Code // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11> (Дата обращения: 27.11.2018)

909. Turłukowski Jarosław „Wprowadzenie” Studia Iuridica, Warszawa 2017 roku, tom 70, s. 13.

910. Waśkowski Eugeniusz „Civil Procedure System. Theoretical Introduction” (“System procesu cywilnego. Wstęp teoretyczny”, Wilno 1931.

911. Waśkowski Eugeniusz „Theory of civil law interpretation, outline of civil dogmatics methodology” (“Teorja wykładni prawa cywilnego: metodologia dogmatyki cywilistycznej w zarysie”), Wilno 1936.

912. Wiecek W. The Sources of Antislavery Constitutionalism in America 1760-1848 Cornell: Cornell University Press, 1977

913. Zieliński Marcin „Gabriel Szerszeniewicz (1863–1912) – jego życie i pogląd na kwestię poszanowania prawa. W związku ze stuleciem śmierci”, Palestra 1-2/2012, Warszawa.

Авторский коллектив

1. **АБДУГАНИЕВ ШОХРУХ** (Узбекистан, Самарканд), студент 3 курса юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

2. **АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

3. **АЛЕШИНА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.

4. **АНДРЕЕВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА** (Россия, Москва), ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук (ИНИОН РАН), кандидат юридических наук, доцент.

5. **БАЖЕНОВА ТАТЬЯНА МИЛОСЛАВОВНА** (Россия, Екатеринбург), доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридической наук, доцент.

6. **БАЙКЕЕВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), студентка 2 курса факультета непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

7. **БАЙКЕЕВА СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

8. **БАЛАХОНСКИЙ ВИТАЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

9. **БАШМАКОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат педагогических наук, доцент.

10. **БЕЗБОРОДОВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

11. **БЕРЕСТОВОЙ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

12. **БОНДАРЕВ ВИКТОР ГЕННАДЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), заместитель директора по учебной и воспитательной работе, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат политических наук, доцент, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

13. **БОТАНЦОВ ИОАНН ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

14. **БОЧКАРЕВ СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.

15. **ВАН ДЕР ПОЛ РУТ АРИЕ** (Нидерланды, Осс) судья апелляционного суда Арнем-Лейварден, отделение гражданского коммерческого права, учредитель российской юридической ассоциации.

16. **ВАСИЛЬЕВ ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

17. **ВЕКЛЕНКО ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор философских наук.

18. **ВОЙТОВИЧ ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), заведующая кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

19. **ВОЛКОВА СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

20. **ГЕЛЬДИБАЕВ МОВЛАД ХАСИЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

21. **ГИНЗБУРГ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Курск), доцент кафедры финансового и предпринимательского права Курского государственного университета, кандидат юридических наук.

22. **ГЛУХАРЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА** (Россия, Москва), заведующая кафедрой теории права и сравнительного правоведения Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, доцент.

23. **ГОЛОВИНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА** (Россия, Москва), старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

24. **ГОРДИЕНКО ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент.

25. **ДЕНИСЕНКО ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ** (Россия, Воронеж), доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук.

26. **ДЕНИСОВА АЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат филологических наук, доцент.

27. **ДЖАЛИЛОВ СОСЛАН АСЛАНОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат педагогических наук.

28. **ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

29. **ДОРСКИЙ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), и.о. заведующего кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, доцент.

30. **ДРАГОМИРОВА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат педагогических наук.

31. **ЕФРЕМОВА ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Москва), доцент кафедры частного права юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, кандидат юридических наук.

32. **ЕФРЕМОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА** (Россия, Москва), профессор кафедры истории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор Института права и управления Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук, профессор.

33. **ЖЕСТЕРОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ** (Россия, Москва), доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук.

34. **ЖОЛОбОВ ЯРОСЛАВ БОРИСОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), директор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, председатель суда в отставке, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей».

35. **ЖУРАВЛЕВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

36. **ЗАЛОИЛО МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ** (Россия, Москва), ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

37. **ЗАХАРОВА ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Курск), аспирант кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета.

38. **ЗУБРИЦКИЙ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), студент магистратуры Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

39. **ИГНАТЬЕВА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, научный сотрудник Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

40. **ИЛЬИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА** (Россия, Курск), декан юридического факультета Курского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

41. **КАДЫРОВА ЛЕНАРА АЛИШЕРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), аспирант кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

42. **КАЛАНДАРИШВИЛИ ЗУРАБ НОДАРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент.

43. **КАРАМЫШЕВ ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук.

44. **КАШАЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), студентка юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

45. **КИСЕЛЁВА ТАТЬЯНА МАРАТОВНА** (Беларусь, Минск), доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

46. **КЛЕЙМЕНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук.

47. **КОВАЛЕВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), заместитель заведующего кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат исторических наук.

48. **КОДАН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Екатеринбург), профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

49. **КОЖЕВИНА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА** (Россия, Омск), профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

50. **КОНДРАТОВИЧ НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА** (Беларусь, Минск), доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

51. **КОРОВИН КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ** (Россия, Екатеринбург), научный сотрудник Научно-образовательного центра изучения проблем теории и истории государства и права, аспирант кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета.

52. **КОРОСТЕЛЕВ СТАНИСЛАВ ВАЛЕНТИНОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), ответственный секретарь Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

53. **КОСОВСКАЯ ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.

54. **КРАВЧЕНКО КРИСТИНА МИХАЙЛОВНА** (Россия, Хабаровск), адъюнкт Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

55. **КРУПЕНЯ ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА** (Россия, Москва), профессор кафедры теории и истории государства и права института права и управления Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, доцент.

56. **КРУТОЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат педагогических наук.

57. **ЛОМАКИНА ИРИНА БОРИСОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

58. **ЛОНСКАЯ СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Калининград), профессор кафедры теории и истории государства и права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, доктор юридических наук, доцент.

59. **МАЛЫШЕВА НАТАЛИЯ ИВАНОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

60. **МАЛЮГИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Екатеринбург), доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук.

61. **МАСЛОВСКАЯ ТАТЬЯНА СТАНИСЛАВОВНА** (Беларусь, Минск), доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

62. **МАТЧАНОВА ЗОЯ ШАРИФОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук.

63. **МИШИНА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент.

64. **ОРЛОВА ИННА АНАТОЛЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

65. **ПАНЧУК НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат педагогических наук, доцент.

66. **ПАШЕНЦЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ** (Россия, Москва), заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

67. **ПАШИНА КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

68. **ПОПЛАВСКАЯ ЛАРИСА БОРИСОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат филологических наук, доцент.

69. **ПОТАПОВ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

70. **ПРЕБЛАГИН ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), студент магистратуры Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

71. **ПРИПЕЧКИН ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-

Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

72. **ПРОЦЕНКО ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

73. **РАЙКОВА ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат философских наук, доцент.

74. **РАХМАНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

75. **РОМАШОВ РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Института экономики и права Петрозаводского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

76. **РОХМИСТРОВА АЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), специалист по учебной работе кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат филологических наук.

77. **САЙРЭН ПАВЕЛ** (Польша, Краков), судья окружного суда в Кракове.

78. **САФОНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

79. **СИННИНА АННА ИГОРЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

80. **СМИРНОВ ВЛАДИМИР ЕГОРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации.

81. **СУББОТИН ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

82. **ТЕПЛЯКОВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и естественных научных дисциплин Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат политических наук, доцент.

83. **ТЛЕПИНА ШОЛПАН ВАЛЕРЬЕВНА** (Казахстан, Нур-Султан), заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор.

84. **ТОПИЛЬСКАЯ ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

85. **ТРОФИМОВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ** (Россия, Тамбов), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доктор юридических наук, доцент.

86. **УРДИНА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), студентка магистратуры юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

87. **ФИЛАТОВА НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

88. **ХАЩИНА ЭЛЛИНА ЭДУАРДОВНА** (Россия, Курск), старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, кандидат юридических наук.

89. **ЦВЕТКОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

90. **ЦЫПЛАКОВА ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры, заместитель заведующего кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат политических наук.

91. **ЧЕВТАЕВ АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры русского языка и литературы Российского государственного гидрометеорологического университета, кандидат филологических наук.

92. **ЧЕСТНОВ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

93. **ШАТКОВСКАЯ ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Ростов-на-Дону), профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ), доктор юридических наук.

94. **ШЕСТАКОВА НИНА НИКОЛАЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

95. **ЮДИНА МАРИНА ИГОРЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук.

Научное издание

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ: ПРАКТИКИ И ПРЕДЕЛЫ

Коллективная монография

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 102. Подписано в печать 31.08.2020 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84^{1/16}. Объем 43,4 п.л. Тираж 500 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел./факс (812) 685-73-00, 970-35-70

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <http://www.asterion.ru>

📄: https://vk.com/asterion_izdatelstvo